

Восхождение на гору Хермон

И случилось, — после того как сыны человеческие умножились в те дни, у них родились красивые и прелестные дочери.

И ангелы, сыны неба, увидели их, и возжелали их, и сказали друг другу: «Давайте выберем себе жен в среде сынов человеческих и родим себе детей»!

...И они спустились на Ардис, который есть вершина горы Ермон; и они назвали её горою Ермон, потому что поклялись на ней и изрекли друг другу заклатья.

Книга Еноха 2:1 — 2,6

...Вершиной в небе дразнит ностальгия!

Она — твоя рассветная звезда,

В ней — свет любви и голос судей строгий.

Отдай же все идущим по следам,

Себе оставив только зов дороги.

Пылает в сердце вечный зов Дороги...

Martyel. Ностальгия

Здесь должно быть вступление

И вновь мирозданье не хочет

Из мифов тебя отпустить

На слишком реальную землю,

Где часто рождаются боги,

Где учатся боги любить, ненавидеть, мечтать.

Martyel

Здравствуй, дорогой читатель. Если ты по какой-то неведомой мне причине всё ж таки открываешь эту книгу — должно быть, это не случайно. Для того чтобы выложить за нее кругленькую сумму в эпоху, когда сами книги как формат грозят попасть в Красную книгу, у тебя должно быть веское основание. Скорее всего, мы с тобой как-то знакомы. Возможно, лично. Возможно, пути наших монад пересекались на просторах универсума в одном из прошлых воплощений, а возможно, знакомы не мы, но наши боги. Зачем, в противном случае, тебе тратить деньги и время на прочтение книги, каждая из четырех частей которой размером с одну полноценную книгу?

Так что в любом случае — спасибо, что ты решил ее прочитать. И мой долг перед тобой — написать предисловие, где на нескольких страницах я расскажу о себе (ибо, быть может, знакомы только наши боги), о моем пути к этой книге, а также о том что, эта книга представляет собой, причем последнее надо сделать, по возможности избежав спойлеров, которые полностью разрушат интригу.

Скорей всего, ты уже знаешь обо мне достаточно, но если нет, мой долг представиться в нескольких словах, в очередной раз задав себе вопрос, столь любимый индийскими Джняна-йогами: кто я есть? Самое точное и самое исчерпывающее определение — я тот, кто является лучом и выражением моих богов или, если угодно,

архетипов. Как жар от костра или пена от волны, я тот, кто исходит из источника и к нему возвращается, по пути разворачивая мистерию, правила которой мне не ведомы и поныне, но красотой которой я не могу не восхищаться. Потому и части моей книги названы именами этих богов: Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема. Хотя в книге идет речь о моем пути, о моих любовных, дружеских и враждебных переплетениях, если ты умеешь смотреть чуть глубже, то все это — одежды, в которые рядятся актеры, играющие пьесу, написанную где-то под шелухой^{<1>}.

^{<1>}Выражение «под шелухой» взято из цикла романов Генри Лайон Олди «Ойкумена». «Под шелухой» означает, что наблюдаемые физические явления предстают в энергетическом или волновом спектре бытия. Поскольку в моем делании миф Олди сыграл весьма немалую роль, я использую этот термин как синоним разного рода эзотерических определений иной реальности — «хроники Акаши», «астральный план», «Мир Богов» и т. д. (Прим. автора.)

Как нетрудно догадаться, эта книга — моя автобиография. Порой мне кажется, что я уже крепко достал почтеннейшую публику своими автобиографиями: сначала — «Мой Магистерий», потом «На темной стороне Луны», а теперь вот эта книга. Но что делать, если история моей жизни порой мне кажется чем-то куда более захватывающим и парадоксальным, нежели большинство вымышленных литературных сюжетов, — из разряда «специально не придумаешь».

Моя первая автобиография «Мой магистерий» — это печальная история моего детства и юности, рассказывающая, как я шаг за шагом прорубал себе дорогу к освобождению. «Мой магистерий» я начал писать примерно пятнадцать лет назад, и видят боги, что период этот глубже, длиннее целой жизни. За эти годы поменялось все, и в особенности — тот, кто писал, поэтому мне местами диковато читать некоторые пассажи оттуда.

«Мой магистерий» был своего рода экспериментом. Насколько я могу обнажиться, насколько я могу выложить самые неприглядные подробности, начиная с детских неврозов и заканчивая потерей девственности с проституткой на вокзале. Это книга-вызов, книга-эксперимент, и этот эксперимент удался на все сто процентов. Вместо ожидаемого отторжения и презрения этот текст получил признание читателей, и моя известность неожиданно возросла. «Мой магистерий» сделал одну очень важную вещь. Мне удалось, нарушив табу, сказать о многих вещах, о которых не принято и страшно говорить. И многие мои собеседники писали мне, делаясь сокровенным опытом и благодаря за такое подробное и детальное описание своего пути — от детских неврозов до первого полноценного переживания сакрального, и немного дальше.

Впрочем, «Мой магистерий» я так и не решил издать на бумаге. Я не очень люблю эту книгу за некоторую односторонность и бравурность, за тенденциозность и предвзятость. Кажущийся постороннему читателю смелой исповедью, изнутри текст «Магистерия» представляется мне набором трусливых умолчаний. Свет без тьмы, тьма без света, что-то говорить можно, что-то нет, и вот уже начавшаяся как полноценная исповедь книга ближе к концу превращается в низкопробную агитку.

Написав «Магистерий», я начал работать над другими книгами. Две книги по таро. Множество статей и эссе. Альманах, в котором я всегда добавлял свои публикации. Книга по философии и практике Телемы. Надо сказать, что главное признание принесла мне именно книга по таро, потому что я, верный своему принципу, искал новых ракурсов и новых контекстов, вместо того чтобы копировать готовые шаблоны.

А через двенадцать лет я все-таки вернулся к жанру исповеди и написал вторую книгу «На темной стороне Луны», которую, наверное, следовало бы назвать «встречей с замечательными богами». В отличие от первой, это даже не столько последовательная автобиография, сколько отдельные автобиографические зарисовки самых ярких, самых красивых, самых невероятных эпизодов моей жизни, где разворачивающаяся во

внутренней бесконечности встреча с тем или иным божеством или архетипом оборачивалась тысячей созвучий.

Первая автобиография была борьбой с Тенью. Практика перепросмотра: осмыслить, прочувствовать, сделать безразличным и нечувствительным через обнародование — и распрощаться. Вторая — обращена к миру архетипов. Обращаясь к читателю, я более всего хотел сказать: дорогой друг, посмотри, какие невероятные и интенсивные переживания возможны, какие невероятные переплетения событий происходят, когда на поверхность нашей души выходит кто-то из очень серьезных богов. И главное — посмотри, как красивы мои Боги.

В отличие от первой, «На темной стороне Луны» заслуживала издания и была издана. И как и первая, она сыграла свою роль, точно как я и надеялся. Увы, в господствующем дискурсе мистический, религиозный опыт, разговор о переживании сакрального окружен большим количеством табу, чем разговор о сексе. Ведь говоря о сексе, ты рискуешь прослыть пошляком и нарушителем приличий, но не сумасшедшим. А вот мистический опыт, скорей всего, заставит других покрутить у виска. С другой стороны, большинство известных историй и жизнеописаний окружены таким флером и так удушливо односторонни, что только льют воду на мельницу вытеснения мистического: мол, посмотрите, как об этом говорят.

Показать, как красивы боги и их проживание, — что может быть более амбициозной целью? Сейчас в своей самой главной, можно сказать, соединяющей всё и всех автобиографии я ставлю куда более сложную цель. Показать, как архетипические и сакральные принципы постоянно проявляются в самых обычных человеческих взаимоотношениях. Дружба, любовь, вражда, союзничество и даже достижение материальной успешности обычно видятся исключительно в их внешнем проявлении. Но что есть в сущности жизнь, как не процесс непрерывно разворачивающейся игры богов через нас? Стоит немного абстрагироваться, посмотреть на происходящее с тобой чуть со стороны, и можно увидеть невидимые серебряные нити, связывающие воедино цепи встреч и расставаний, а также любых событий, кажущихся случайными, в единую мандалу танца бытия.

События человеческой жизни сами по себе, в сущности, неинтересны никому, кроме того, с кем они происходят. И наверняка девяносто девять человек из ста едва ли будут покупать эту книгу — что нового тут можно узнать, кроме того, чем полнится вся история: встречи, разрывы, страсти.

По-настоящему интересно лишь то в нашей жизни, где наша жизнь становится выражением и символом чего-то вечного, где в сплетении событий на миг отражается в наших судьбах изумрудный или рубиновый луч Люцифера, где частное соприкасается с вечным. Это я понимал, еще когда описывал в НТСЛ<2> наиболее яркие и интенсивные встречи с Иным. И это действительно выстрелило.

<2>«На темной стороне Луны». (Прим. редактора.)

Однако с годами понимаешь одну простую истину. Без фона, без сплетения противоположностей, без отражения неба в земле, а земли в небе невозможно создать полноценную картину. НТСЛ похожа на такое небо без земли или, если угодно, сакральный изюм, заботливо выковырянный из булочки профанной повседневности. Это впечатляет, но этому недостает глубины, недостает полноты погружения. Мало написать книгу об инициации — важно написать книгу-инициацию, прочитав которую хотя бы один из пятидесяти читателей мог бы задуматься: оказывается, возможны такие невероятные события в обычной жизни, полной самых примитивных и низких желаний, жизни далеко не святой, главное действующее лицо которой то блистательно побеждает в сложнейших перипетиях, то позорно падает в грязь лицом, споткнувшись на ровном месте или станцевав джигу на одних и тех же граблях. Это уже нарушение правил если

не любой автобиографии, то автобиографии оккультиста, эзотерика и практикующего мага. Мастер должен выглядеть безупречно, чтобы у последователей была возможность спроецировать на него свою Самость, свою потенциальность, одновременно с этим приняв на себя роль вечного ученика.

Хвала Азazelю, на меня трудно спроецировать Самость или роль безгрешного гуру (хотя некоторые умудряются, как ни странно). Я достиг мастерства в деле моей жизни, и мне действительно есть чем гордиться, но на этом всё — избави вас боги считать меня непогрешимым авторитетом. Читатель увидит, как по ходу действия я совершаю странные, нелепые, а местами и страшные ошибки. Возможно, этим и уникальна моя книга. Я отказываюсь врать в угоду ролям и правилам. Я говорю правду о себе — и точно так же я говорю правду о тех, с кем меня пересекла судьба, и тех, чей магистерий на краткое или долгое, но всегда важное время оказался сплетен тугими узлами с моим.

Всю свою жизнь я мечтал сделать что-то, что до меня не делал никто. Не так важно, будет это иметь успех или нет, главное — положить свой, один-единственный кирпичик в большое здание того, что называют эзотерикой, оккультизмом или «малой традицией». Быть может, я ошибаюсь, но я думаю, что мне это удалось. Взломав и вылив на бумагу историю своего становления и становления тех, кто меня окружал, я реально показал мир магии изнутри, создал текст, который действительно, на эмоциональном, энергетическом уровне, позволит читателю заглянуть в закрытый и замкнутый в себе мир магии, мир орденов, братств, практикующих одиночек, идущих своим путем. И сделав этот странный и причудливый выверт, снабдив книгу множеством скрытых намеков, эпиграфов, отсылок, смысловых игр, я создал живой лабиринт, погружившись в чтение которого, читатель сможет не просто узнать о чужом опыте, чужих переживаниях и чужом посвящении, но каким-то невероятным образом сам пережить посвящения. Так что эта книга — ключ, пароль, вызов, провокация, атака на кажущиеся незыблемыми бастионы стандартов и представлений о том, что можно и что нельзя, что бывает, а что не бывает, что свет, а что тьма.

Это парадокс — но читая о инициатическом пути другого человека изнутри, можно найти дверь и ключ к своему посвящению. Читателю могут помешать две вещи: впадение в отрицание по принципу «да врет он все, не бывает так» и наоборот — «ослепление светом» и попытка пройти свой путь опосредовано через механическое подражание. Другими словами — читая о том, как я обрел Лилит, Люцифера, Азazelю и Нахему, не пытайтесь следом обрести именно Лилит, Люцифера, Азazelю и Нахему, (если у вас на то не было прямых знаков из снов и видений, которые вообще ломают представление о возможном). Ищите тех богов или те архетипы, которые лежат в основании вашего истока, а там может быть кто угодно — от Шивы до Одина. Просто уловите принцип, вибрацию, жизнь не как набор нелепых случайностей, а как единый серебряный узор, и если где-то между событиями вы не видите этих нитей связи — значит, вы просто их не видите.

Нет ничего более унылого и вызывающего жалость, чем подражатель. Я знал одного человека, который умудрился подъехать к каждой второй женщине, с которой я был близок, называть себя Ставкой Азazelю, а в довершение всего — чтобы точно никто не перепутал — взять себе не то псевдоним, не то фамилию Вольный. Если кто не знает, «телема» в переводе с греческого означает «воля», так что даже в этом он попытался снять с меня кальку. Зачем? Это не объяснит мне никто из людей или богов.

Еще один парадокс в том, что эта книга — во многом зеркало. Когда я начал писать ее, я вообще не думал, (а быть может, не признавался себе), что я издам ее практически сразу после написания. Книга писалась как завещание, как последний удар по системе, как «книга для мертвых и богов», которая если и будет предназначена к изданию, то исключительно после моей смерти, в тот месяц казавшейся столь неизбежной. По последним данным, это было несколько преждевременное утверждение, но, как говорится, не будем зарекаться и гневить богов. Суть в том, что начав ее писать как

некий последний крик в вечность, я смог, во-первых, создать действительно очень искренний текст, а во-вторых, текст, предназначенный если не для мертвых, то точно для богов, то есть для тех, в ком так же дремлет Бог или Богиня, ожидая своего часа для проявления, тех, кому остается только расправить свои крылья, чтобы подняться над уровнем обыденности.

Я люблю ставить эксперименты. Над собой и над другими. И написав эту книгу, я поставил эксперимент, под клятву чести отправив ее паре десятков читателей, большинство из которых даже не знали меня лично. Результаты эксперимента меня по-настоящему изумили. Признаться, я ожидал, что преобладающая реакция может быть любой — от полного принятия до полного отвращения, мне-то и было интересно узнать, как эта книга отражается в глазах другого, непредвзятого читателя. (Читателей, ставших одновременно героями книги, я не считаю, хотя и здесь были сюрпризы.) Ожидая позитивной или негативной реакции, я думал, что она будет по крайней мере похожа у большинства или хотя бы у половины читателей.

Черта с два!

Может быть, троим удалось почувствовать, зачем это писалось, а все остальные каким-то образом давали такой отзыв, который практически не повторялся. Одна из читательниц сочла меня расчетливым мерзавцем, который манипулирует читателем, обнажает лишь самые маленькие из своих ошибок, чтобы выглядеть искренне, и жестоко навязывает свою точку зрения. Другая назвала меня глупцом, не понимающим, что такая откровенность просто уничтожит репутацию. Третья — богом любви и воплощенным эросом, четвертая — чудовищем, которое вообще не способно на любовь, предельно циничным и испорченным, пятый — победителем и героем, триумфально выходящим из самых разных передраг, шестой — неудачником, которому совершенно непонятно почему везло, седьмой — фантастом, почему-то выдающим свою фантастику за автобиографию, восьмая — очень несчастным человеком, выдержавшим много страданий, девятая — невероятным счастливым и везунчиком, десятая — почти святым, а может быть, даже святым, одиннадцатая — самым жутким извращенцем, какого можно представить и с которым опасно находиться рядом. Кому-то текст казался гениальным, кому-то — очередным шизофреническим бредом.

А-а-а! Все эти люди читали абсолютно один и тот же текст! Но какой контраст, какой разброд, какая динамика, какая цветовая палитра мнений и проекций. Конечно, по-человечески позитивные проекции могут быть мне приятнее, чем негативные, хотя во-первых, что считать позитивным — быть «несчастливым страдальцем», с которым хочется посидеть и пожалеть друг друга, мне, пожалуй, было бы противнее, чем оказаться «расчетливым мерзавцем», хотя и то, и другое одинаково далеко. А во-вторых, порой слишком, крайне, гиперидеализированный перенос пугает даже больше, чем негативный. Люди очень любят убивать своих кумиров за то, что кумиры в итоге оказываются не теми, в кого они поверили.

Единственное, что общего я нашел практически у всех, кто дочитал эту книгу до конца, — она не оставила равнодушной никого, средних, нейтрально безразличных отзывов не было вовсе. А уже это доказывает, что эта книга, черт подери, заслуживает своего издания и прочтения.

Просмотрев содержание, вы можете увидеть, что книга состоит из четырех частей, каждая из которых посвящена своему божеству, своему архетипу. Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема. И для того чтобы вы, мой дорогой читатель, лучше ориентировались в тексте и хотя бы примерно знали, с чем вам придется столкнуться, я позволю себе краткий обзор этой книги по частям. Тем более что очень многие читатели замечали, что эти четыре части не просто описывают разные события, но даже как будто написаны в совершенно разном стиле.

В первой части «Дорога Лилит» я рассказываю о самом начале моего духовного, магического и эзотерического становления. Первое мистическое переживание —

пробуждение Кундалини — оказывается за кадром, поскольку было подробно описано и в первой, и во второй книге. Здесь же действие начинается с того, что я — все еще будучи неудачником, обуреваемым целым сонмом тараканищ, читаю и всем сердцем принимаю Книгу Закона Алистера Кроули, и вступаю на путь посвящения в Ордене ОТО. Духовные практики Телемы, поэтапное прохождение инициаций в Ордене, каждая из которых радикально меняла всю мою внутреннюю бесконечность, отношения с братьями и сестрами по Ордену, а также центральная ось российского ОТО — лидер Телемы брат Марсий, которому я и обязан своим первым становлением, — вот главная тема первой части «Восхождения...».

Вторая часть — «Дорога Люцифера» — посвящена истории моего Проекта, с которым наверняка ты, читатель, хорошо знаком. Проект «Касталия», ставший делом всей жизни, или, как я называю его внутри — мой Город, начинался как маленький сайт, а сейчас представляет собой издательство, подготовившее больше двух сотен книг и множество лекций.

Признаюсь честно, из всех частей вторая часть нравится мне меньше остальных. Во-первых, это одна сплошная история моих ошибок: доверия тем, кому не следует доверять, недоверия тем, кому следует. Неумение правильно выражать свой запрос или, говоря по-телемитски, «знать свою Волю», чуть было не привело к полному крушению проекта и только в последний момент спасенный.

Возможно, испугавшись скуки читателя, я бы пропустил эту часть, перепрыгнув сразу от Армалена к Азазелю, но это было бы нечестно. Просто во второй части почти не происходит ничего магического, кроме разве что пары-тройки эпизодов. Вторая часть — про то, как мое становление и становление моего проекта становятся единым целым.

Между второй и третьей частью, практически в центре книги, — одна небольшая по объему глава. Глава, являющаяся сокровенным центром и ядром книги, определяя своего рода сакральную геометрию письма. И если представить, что книга — это круг, равномерно разделенный на четыре части двумя прямыми отрезками от края и до края, то эта глава соответствует точке, центр которой, согласно не то Августину, не то Кузанскому, не то Беме, везде, а окружность нигде, оси, вокруг которой вращается все, когда-либо произошедшее в моей жизни. Структура книги — не случайность, но вполне осознанная геометрическая система, позволяющая читателю не просто понять, но более полно прочувствовать текст как цельную мандалу.

Третья часть — «Путь Азазеля». Поверхностный читатель увидит здесь исключительно изобилие любовных линий, сочтя это чем-то вроде «окультурной мелодрамы», хотя на самом деле именно здесь начинает разворачиваться реальность Истинной Магии в полной мере, когда вся жизнь начинает осмысляться как игра богов и танец энергий. Здесь я рассказываю о том, как достиг своего «Знания и собеседования», как невероятно и причудливо может проявляться алхимический тигль, когда ты сразу оказываешься в теснейшем взаимодействии с несколькими женщинами, каждая из которых несет свою неповторимую магическую искру и трансформирует в определенном направлении. Я думаю, что третья часть — это первая книга о сексуальной магии, написанная изнутри процесса. Конечно, вульгарной порнографии и грубого натурализма я постарался избежать, хотя пара описаний оргий там все-таки будет, и за них наверняка уцепятся любители «жареного», не способные увидеть больше ничего.

Ну и, наконец, четвертая часть. «Дорога Нахемы». Здесь я должен остановиться и сказать следующее. Все происходящее в первой и второй частях может быть убедительно даже для материалиста, который скажет себе, что вся «магия» и «боги» — не более чем случайности и самовнушения. Про третью часть скептический читатель наверняка решит, что что-то из этого было, но многое приукрашено и дофантазировано, этаким магическим реализмом на основе реальных, но крайне приукрашенных событий. Описанному в четвертой части, скорей всего, не поверит почти никто. Даже козырная

карта любого материалиста, который увидит многообразие мистических и магических переживаний просто как продукт выполнения секретного ритуала 2,22, здесь не сработает, потому что дело даже не в самих переживаниях, а в том невероятном, захватывающем потоке событий, синхроний, сплетений, магических взаимодействий, моментально отзывающихся в реальной жизни и реальных людях так, что происходящее кажется даже не магическим реализмом, а магической фэнтези.

Еще четыре года назад я бы не поверил тому, что описывается в третьей части. Еще какой-то год назад, попадись мне текст, описывающий нечто подобное, я бы счел его выдумкой от начала и до конца. Поэтому, друзья, — не верьте! Это ваше всецело законное право. Я в принципе не вправе ждать, что мне поверят, потому что еще недавно сам не поверил бы ни слову! Читайте, как читали бы увлекательное фэнтези, и наслаждайтесь невероятными пируэтами сюжета. Но, быть может, когда-нибудь, если и в вашей жизни развернется внутренняя Мистерия, — вспомнив эту «фантазию», вы сможете ясно и чисто пройти этот этап пути, не сойдя с ума, потому что решите, что сошли с ума.

Ну и, конечно, несколько приложений, где я говорю о принципах символического и самых главных символах Тетрады. Самым удобным, даже рекомендуемым вариантом чтения этой книги для читателя является небольшой переворот — сперва прочитать финальные введения, затем вернуться к первой части и читать все подряд до конца, где уже по-новому воспринять «Символы Тетрады» и «Поэтическое приложение». Читатель вправе проигнорировать мою рекомендацию, но видят боги, что те, кто последует именно такому принципу чтения, смогут получить несколько больше от прочтения этой книги.

В заключение этого, и так не в меру затянувшегося, введения я хочу немного ввести читателя в пространство своей системы координат.

Я называю это «принципом манифестации», который потенциально есть в идейных построениях почти любого эзотерического учения, но сущностно осмысливается и проживается лишь единицами.

В современной цивилизации преобладают две парадигмы мышления. Первая, или религиозная, парадигма верит в существование всемогущего, но абсолютно отдельного от мира Бога-Творца, по отношению к которому человек, с одной стороны, является тварью, а с другой — обладает такой странной, с моей точки зрения, абстракцией, как «свобода воли». Бог и человек, бог и мир — это нечто существующее абсолютно отдельно и автономно, хотя как творец, по желанию своей личности, единый Бог может произвольно вмешиваться в реальность.

Надо ли говорить, сколь нелепой видится мне эта парадигма даже строго логически. Главная проблема, что даже допустив существование некоего «трансцендентного миру объективного бога», мы столкнемся с тем, что вообще не в состоянии сказать о нем или о его воле вообще ничего, если захотим говорить последовательно. Одни визионеры видят бога мстительным и карающим, другие всепрощающим, третьи единым отцом, четвертые — божественной парой вроде Шивы и Шакти (концепт более близкий мне, но столь же недоказуемый), пятые троицей — ну и так далее. Одно откровение опровергает другое, один святой текст предъявляет требования, прямо противоположные другому, и каждая церковь норовит заявить о себе как о «единственной истине», что смешно втройне.

Вторая доминирующая парадигма — это материализм. Ничего, что было бы обособлено от мира материи, не существует, сознание лишь эпифеномен мозга, наше я представляет собой набор инстинктов и рефлексов — вот приблизительный символ веры типичного материалиста.

Нелепость первой парадигмы очевидна, нелепость второй еще нужно обосновать, ибо на первый взгляд она очень убедительна. Проблема только в том, что в наш мир регулярно врывается то, что невозможно объяснить, если смотреть на реальность как на

случайное сплетение атомов. И пожалуй, самым главным ударом по этой парадигме стала идея синхронистичности Карла Юнга. Если сотая обезьяна знает фокус, которому научили других девяносто девять, но она с ними не пересекалась напрямую, если возможны невероятные, фантастические смысловые связи между событиями, вероятность которых близится к нулю, но красота их связи поражает воображение даже подготовленного читателя.

В основе эзотерической парадигмы — принцип манифестации или эманации, и каждый уровень эманации ближе или дальше от источника. И все видимое мироздание является эманацией, манифестацией или прямым продолжением и выражением Истока.

Превыше всего — первопричина, Исток, Черный свет, который так ярок, что кажется черным. На моем языке и из моего опыта — это Люцифер. Но находясь в разных школах и моделях, его можно называть по-разному: Парабрахман, Кетер, Хадит, Ось мира, изначальное Дэ. Читателю следует прислушиваться прежде всего к своему сердцу, чтобы выбрать то имя, которое более всего будет выражать его Исток, единственно правильного имени и названия для всех и каждого нет и быть не может. Да, Исток соединяет в себе все возможные противоположности, в том числе и мужское и женское, поэтому можно сказать, что Лилит есть женский аспект Люцифера или Люцифер — мужской аспект Лилит, в зависимости от угла зрения.

Люциферу противостоит Серый Хозяин или Иалдабаоф. Принцип, реализуемый любой патриархальной религией, утверждающей благо смирения, покорности, незнания (во многих знаниях многие печали). В некотором смысле наличие вечно противостоящего, ослепляющего и кастрирующего дух начала является условием для возможности самого бытия, нуждающегося в объекте противостояния, ибо всякая радость по-настоящему интенсивно переживается после пережитой скорби, всякая победа ценна тем, что сопряжена с риском поражения. Такова природа бытия, такова реальность, такова данность.

Далее, по мере приближения к земле, может появляться множество разных истоков или эманаций. Каждое божество, каждая архетипическая фигура, каждый миф представляет собой структуру, манифестирующую себя в реальности. Лучше всего это объяснять через метафору «Илиады» Гомера. На одном уровне есть люди, поделенные на ахейцев и троянцев. Но уровнем выше вечные принципы, боги, архетипы стоят за каждой из сторон и в отдельные моменты способны полностью соединяться, «одерживать» наиболее выдающихся мужей. Война людей здесь есть одновременно игра богов. Метафора Илиады, с одной стороны, очень понятна и проста, а с другой — очень сложна для осмысления, если за нами не было ни одного реального опыта архетипического или божественного переживания.

Карл Юнг был первым, кто осторожным психологическим языком попытался передать «принцип эманации», обозначив, что за каждым комплексом и за каждым инстинктом лежит архетип, то есть божество. По большому счету метод, которым пользовался Юнг при погружении в глубины, не слишком отличается от классического скраинга оккультистов, а абсолютно, по его словам, независимый от его «я» Филемон — от Айвасса Кроули. Начинаящие очень любят поспорить на тему, обладают ли архетипы автономной личностью или они «лишь» порождения бессознательного. Вопрос более чем нелепый, ибо любой самый объективный опыт наш есть порождение бессознательного и преломляется через фильтр органов чувств и субъективных особенностей. Неважно кого мы видим — ангела или чайку, — мы всегда видим его сквозь фильтр своей субъективной психики, поэтому всякие досужие вопросы стоит признать болезнью незрелости. Важно одно. Если мы переживаем опыт бога, архетипа, то этот опыт всегда проживается как соприкосновение с абсолютно автономной и абсолютно индивидуальной силой, настолько превосходящей эго, что одним своим появлением способно сломать все системы старых координат и ценностей.

Божество (это в идеальном случае ставки, а для большинства людей определяющей структурой является не какое-то божество, а структуры куда более мелкого масштаба — родовые и групповые эгрегоры, локальные духи, полубоги и т.д.) является источником, отдельная личность — выражением того или другого божества или принципа. Сходство источников определяет не только психологическую склонность (у каждого божества или архетипа своя призма, своя система организации опыта). Имеет место мистическая и таинственная связь между людьми, принадлежащими к одному источнику или принципу. Самый грубый пример — если один человек, будучи, скажем, Ставкой Исида или Юноны, прочитает книгу или посмотрит фильм, который наиболее его «зацепит», потому что эта книга или фильм наиболее полно выражает именно принцип его божества, другая ставка или аватара того же божества — уже будет интуитивно «знать», что из сотни неизвестных книг на прилавке ему стоит купить и прочитать именно эту, хотя природу этого «знания» он или она, скорей всего, не сможет объяснить даже себе.

Можно сказать, что каждое божество или архетип познает мир глазами человека, своего аватара или ставки, распределяя потоки информации. Имеет ли оно сознание в отдельности от человека? А имеет ли сознание человек, когда спит без сновидений?

Эта концепция кажется столь невозможной и столь странной, что сперва вызывает отторжение у абсолютного большинства. Особенно когда это из абстрактной философии манифестационизма становится вполне живой, красочной мифологической историей, воплощенной в жизни. Тем не менее именно эта идея максимально соответствует глубинному опыту сакрального, когда на своих путях мы сталкиваемся с божеством или тем более постигаем свой личный архетипический исток. Его можно называть САХ, Тифарет, Патроном или как-то еще, важно понять сам принцип. Принцип эзотеризма заключается в том, что сперва договариваются, переплетаются боги, архетипы, а уже потом игра начинает разворачиваться в жизни людей, являющихся их манифестациями или ставками.

Одни эзотерические школы создают сложные философские доктрины, каждый по-своему выводя принцип манифестации. Другие делают акцент на разработке личных духовных практик, практикуя которые можно приблизиться к переживанию своего истока или Истока Истоков. Третьи делают акцент на коллективных ритуалах, четвертые создают и осмысливают многоуровневые символические системы, размышление над которыми становится ключом к Истоку, — например, руны, таро, некоторые алхимические гравюры. Мы, кстати, тоже вводим в пространство Тринадцать ключей Мартиэль — уникальный набор гравюр, невероятно точно символически выражающий стадии пути проявления Света Люцифера. Я оставляю читателю удовольствие самому разобраться в соответствиях символики рисунков следующим после них главам.

Я решил пойти по другому пути. Описывая свой жизненный путь, я решил показать как удивительно красиво и причудливо может разворачиваться игра богов через нас, наших близких и даже наших врагов. Чем ближе наш разум поднимается к истоку, тем в большей степени способен увидеть даже за обыденными событиями прекрасную игру богов, сплетенную серебряными нитями.

В заключение этого и так затянувшегося предисловия считаю необходимым сказать об именах. Когда хоть как-то возможно скрыть имя героя повествования, имя оказывается изменено. В некоторых случаях это невозможно — либо по логике сюжета, требующей реального имени, либо по простой житейской логике: было бы глупо давать, например, Марсию другое имя, когда каждый дурак поймет, что если речь идет о главе Российского ОТО и центральной фигуре российской Телемы, то речь идет именно о Марсии. В других случаях, где имена заменены «псевдонимами», цель этой замены — не только скрыть реальные имена участников, в чем они могут быть заинтересованы, но и максимально полно и чисто выразить тот принцип, тот архетип или ту манифестацию, которую данный конкретный человек выражает.

На этом я закончу и без того затянувшееся предисловие. Дорогой читатель, я желаю тебе приятного, интересного и вдохновляющего чтения, и как знать, быть может прочитав, как это бывает у другого (в данном случае — у меня), ты сможешь понять сам принцип мистерии и услышишь первые слова своего Патрона. А быть может, кто-то из вас дойдет и до изначального Черного Света.

Вот только, ради всех богов, — обойдемся без прямого подражательства, пожалуйста.

Часть I

Дорога Лилит

Мир Асия (Семя)

*Первая дорога все по войне —
войне с собой, войне с собой.*

Мистардэн. Белая дорога

Первый священный ключ. Начало пути, год 2001-2002

Глава 1. Начало пути

*Там, где я родился, основной цвет был серый.
Солнце было не отличить от луны.
Куда бы я ни шел, я всегда шел на север,
Потому что нет и не было придумано другой стороны.
Борис Гребеничиков. Брод*

Серый город, серые люди, серое пространство, где каждый запечатан в конверт и послан неизвестным отправителем по одному адресу — смерть. Мир, в который каждый впечатан тяжелым сапогом судьбы и даже не пытается выйти за пределы отмеренной ему колеи.

Я родился распятым на городе, в котором родился. И должно было пройти тридцать пять лет, чтобы от города я пришел к Городу. Насколько я себя помню — то есть с того самого момента, как в первый раз вспыхнул свет сознания, озарив тело невыразимым ощущением, от века определяемым двумя словами «Я Есть», — плетью, гонящей меня вперед, было чувство мучительной чуждости всему, что меня окружает. Чужак в стране чужой. Вброшенный в плоть, в семью, в род, в город, в реальность, настолько чуждую, насколько вообще твоя собственная урожденная реальность может быть чуждой.

Год за годом я учил слова и роли, правила игры, рвался в любом направлении — лишь бы до конца, лишь бы прочь, лишь бы за предел — и одновременно чувствовал, как то, от чего я убегал, неизбежно превращалось в часть меня, вдыхалось с воздухом, разделенным с домочадцами, впитывалось сквозь поры кожи, съедалось и становилось частью растущего тела.

Пойти туда не знаю куда, принести то не знаю что, вырваться из себя, став собой, а значит — чем угодно, только не той формой, в которую тебя год за годом, день за днем и миг за мигом впечатывает Серый хозяин. Как угодно, только не так, с кем угодно, только не с ними.

Детство, юность представляет собой набор бессмысленных, бесполезных и заранее обреченных рывков. Вспышки чистой ярости. Ненависть изливалась в бессмысленных и беспощадных действиях — побегах из дома, поджогах, проколах шин у машин. Прочь. Дальше, глубже, иначе. Аутсайдер, изгой, неудачник, пария, презираемый всеми, изгнанный отовсюду. И с каждым рывком, рывком без надежды, без цели, без перспективы, я продвигался к своей цели, о сути которой не ведал, но делал рывок лишь для того чтобы иметь право сказать себе — я все таки сражался, я не сдался без боя. Постепенно бунт становился более осознанным, проявлялся вкус к мысли, слову, самопознанию. С пятнадцати лет — поиск психолога, который помог бы вырвать занозу, связывающую меня с особой, в заявленных правилах игры являвшейся моей биологической матерью.

Горизонт не может приблизиться, а локоть нельзя укусить. Это знает каждый. Я всегда был чертовым психом, поэтому мне удалось приблизить горизонт и укусить локоть. И даже вырваться за горизонт, открыть свою последнюю тайну. Если читатель будет настойчив и дочитает эту книгу до конца, он увидит, как мне это удалось. Впрочем, точно так же он поймет, что для него эта последняя тайна бесполезна. Один покрутит у виска, а другой поймает общий настрой книги и с той же яростью начнет искать свой исток.

Подобно тому как в древнем финно-угорском эпосе утка творила мир, ныряя на самое дно океана, извлекая сушу на поверхность по комочку земли, создавая мир в начале начал, я творил свою вселенную, даже не осознавая, что и как делаю, но, как та уточка, присоединял песчинку к песчинке, выстраивая свой Континент.

Сколько было их — ключевых, фундаментальных плит моего континента? Сон о Ветре в пять лет, сон о Лилит в пятнадцать, случайное включение в мир настоящей, живой литературы, самопознание, сны, психология, музыка, случайные и невозможные знакомства, наконец, пробуждение Кундалини, которое, как мне казалось, вырвало меня окончательно из-под власти материнской черной дыры. Каждая прочитанная книга, услышанная песня, увиденный фильм, написанный стих, каждый диалог с близким по духу человеком, каждый сон, в котором отразилось дыхание иного бытия, каждое созвучие, синхрония, соприкосновение с самой маленькой тайной становились еще одним комком земли, из которой я строил свой континент. И самое главное — все это я делал, абсолютно не осознавая, что и зачем я делаю, жадно впиваясь и выпивая насухо каждое впечатление, каждый опыт, каждое соприкосновение с новой гранью жизни.

И вот мне двадцать два года. Здесь начинается мой путь, и именно здесь я могу объявить свой первый перевал. Остановись, мгновение. Позади — год сложной работы над собой, закончившейся пробуждением Кундалини. Позади — никаких основ, опор, связей. Позади один из самых упоительных романов с женщиной, которая обладала какой-то невероятной силой страсти и короткая связь с которой была подобна алхимической ванне, где я наконец смог быть сопричастен и пресуществлен. Я думал, что я счастлив, что достигнуто самое невозможное, самое высокое положение, на какое я только мог рассчитывать. Я вырвал из лап чугунного города свой островок безумия, свое пространство «не как все», пространство мысли, символа, жизни: концерты, которые я организовывал, небольшой круг друзей, каждую неделю собирающихся на просмотр символического кино, общение с теми немногими, которые хоть в чем-то, хоть отчасти смогли позволить себе вырвать кусочек себя из серого сумрака безликой провинции. Я счастлив! Счастлив! Счастлив, черт возьми! Сам на то не надеясь, я стал не просто «одним из», но центром притяжения, вокруг которого собираются немногие, дерзнувшие быть иными.

Счастлив? Так ли уж счастлив был я в эти мгновения, если даже самые счастливые моменты были до основания отравлены страхом и ненавистью? Страхом потерять все на следующий день и ненавистью к матери и всем ей подобным. Страх разорения. Страх потери источника дохода, который я нашел еще в тринадцать лет, но с тех пор ничего не менялось. Тогда, в тринадцать, это были огромные деньги. Страх вновь оказаться отторгнутым даже теми, кто уже был признан своим.

Лучшее, что я смогу сделать, когда эта работа станет невозможной, это броситься под поезд подобно Анне Карениной. Часто глядя на проезжающие мимо платформы поезда, я мысленно представлял, как в последний момент неожиданно, так чтобы никого не было рядом, я бросаюсь под поезд. Смогу ли? Или у меня не хватит мужества и я буду обречен на унижительную нищету, потеряв все, что имею? День за днем, ночь за ночью пытался я приучить себя к мысли о неизбежном и необходимом самоубийстве в случае крушения и одновременно — слишком любил жизнь, чтобы оттягивать этот шаг до последнего.

Да, у меня были некоторые связи, но ни одна связь не держалась дольше четырех месяцев. И здесь мой мир тоже был отравлен страхом. Как будто каждый раз, как я сближался с женщиной, включались программы, которые казались уже преодоленными.

Елена была со мной дольше всех, и именно ей я обязан тем, что я окончательно порвал со своим прошлым. Она была из женщин Лилит, сильных, независимых женщин, связь с которыми пресуществляет тех, кто имел честь оказаться их любовниками. Я думаю, Елена оказалась в моей жизни третьим проявлением Лилит — после сна о женщине будущего в бытность мою подростком и опыта пробуждения Кундалини, описанного мной гораздо раньше. Но теперь, пусть недолго, я взаимодействовал с самой Богиней. Как показывает мой опыт, только небольшой процент женщин имеет сексуально-магическую природу. Это всегда сильные, независимые, индивидуальные женщины, никогда не покоряющиеся мужской воле, но сами выбирающие, кого, как, и

на сколь длительные отношения они хотят. Лена была даром Лилит, и за несколько месяцев я настолько изменился, что внешне было не узнать. Я начал *понимать* то, что до этого только *узнавал*, и неважно, о чем идет речь — литература, музыка, поэзия и просто внутренняя и не выразимая в словах закономерность человеческого взаимодействия. Лена смогла поднять меня на другой уровень, но от страха избавиться не могла. Об этом я не говорил даже с ней.

Я начинаю свое повествование с этой точки, потому что именно тогда впервые под моими ногами была какая-никакая земля. Но это не был континент или архипелаг. Это был островок, которому постоянно угрожало уничтожение от очередной случайной волны. Это был островок, который в любой момент грозил уйти обратно под воду.

Моя душа, мое слово начались с концертов, которые я собирал у себя дома. Сначала — местные музыканты. Потом — более известные, приглашенные из столицы мастера русского рока. Однажды мне даже удалось организовать приезд самого Сергея Калугина. Это время для меня было одновременно славным и страшным. Славное внешне и страшное внутри. Парадокс в том, что, сам того не замечая, опасаясь, что мой мир рухнет в пучину на следующий день, я впервые стал центром притяжения, вокруг которого появились настоящие личности. Личности просвещенные, мыслящие, самобытные, стремящиеся быть чем-то большим, нежели функцией системы, гордящиеся своей инаковостью, личности чужие и чуждые незыблемым законам гинзберговского Молоха. Свободные или хотя бы пытающиеся взять свой кусок свободы. Очень разные: кто-то приходил на огонек один раз, кто-то — оставался надолго. Очень разные люди, очень разные ценности, но главное — у каждого было желание чего-то, отличающегося от ценностей и законов серого города.

И некоторые ребята из моего нового круга общения были магами. Были ли они Магами, это большой вопрос, но, во всяком случае, они называли себя именно так. Компания собралась весьма разношерстная, и не только по характерам, но по методам работы, пантеонам, базовым принципам, представляя собой абсолютный паноптикум: одна занимается кельтской магией, другой — скандинавской, третий — практиками ДЕИР, четвертый вообще непонятно кто.

Сперва я относился к их магическим делам весьма двойственно. С одной стороны, мне, пережившему пробуждение Кундалини и освоившему язык аналитической психологии, где есть место для зрелого, полноценного осмысления трансперсональной реальности, их наивные «магуйства» казались чем-то примитивным. С другой — я завидовал им. У них было что-то, чего не было у меня, — принадлежность к некой Истинной реальности, которая не номинально, а действительно отличает их от «человека-массы».

И до колки меня злило и огорчало, что все до одного эти ребята говорили, будто я вовсе лишен каких-либо магических задатков и перспектив. Тот — эльф, тот — техномаг, та — аватара кельтской богини, и вовсе зверь древний. А я кто? «Да человек ты, человек». Обидно, блин. Без малейшей перспективы и права на сомнение. Какая ирония, что я — ставший тем, кем я стал, — начинал свой магический путь в компании диких магов, которые все как один были убеждены в моей полной магической беспомощности. Так что, дорогие маги всех цветов и отливов, мой вам совет — не ставьте ни на ком крест, максимум что мы можем сказать: этот человек не является магом сейчас и при сохранении актуального статуса-кво не станет им никогда. При сохранении нынешнего статуса-кво. А ведь жизнь длинная и все может поменяться.

Однажды мне дали прочитать какой-то их особый тест, состоящий из нескольких фраз, подозрительно похожих на дзенские коаны. В инструкциях говорилось, что прочитавший этот текст в течение месяца почувствует — или не почувствует — паранормальные способности. Естественно, никаких радикальных изменений этот текст

не вызвал, и компания привычно махнула рукой: «Хороший он человек, но магом ему не быть».

Как я жил, кем я был тогда? Торговал газетами в электричке. Читал книги. Собирал каждую неделю всех, кто хотел бы посмотреть элитный арт-хаус, который я привозил с «Горбушки» на кассетах и их не было ни у кого. Иногда — концерты. Презирал свою бывшую мать. До пробуждения Кундалини, произошедшего за три года до описываемых событий. То есть пока я был к ней привязан и что-то пытался доказать — я, наверное, ее ненавидел. Но ненависть — слишком жалкий ответ и обратная сторона той же любви. Презрение — это совсем другое. Презрение — это отношение к чему-то заведомо низшему, другому, с чем у тебя в принципе нет ничего общего и что существует исключительно для того, чтобы жрать и ебаться. Ничего не имею ни против первого, ни против второго, но сколь же жалок и утл горизонт тех, чей мир ограничен этими константами. К сожалению, я все еще был связан с ней материальными условиями пространства одной квартиры, и порой наши конфликты, вызванные ее попытками вторгнуться в мою жизнь и навязать свои правила, кончались моими попытками ее задушить.

Я помню, однажды приятель впервые накормил меня психоделическими грибами. Это был сложный опыт, в результате которого я посмотрел на свою бывшую мать под шелухой. Я знал что она омерзительна, но до какой степени не подозревал. Передо мной было отвратительное животное, без единого проблеска духа. Думаю, это была последняя точка сепарации. Впрочем, самый большой ужас заключался в том, что, все понимая и зная, я оставался с ней по-прежнему связан. словно к вашей спине пришит неотпетый мертвец, и этого мертвеца вы невольно таскаете за собой в надежде, что очередной друг, женщина, учитель знает, где и как отрезать эти нити.

Ах да, о сборищах. Каждый вечер у меня дома собиралась компания друзей: пили пиво, беседовали о прочитанном, услышанном и просто травили байки. А потом — «маги» уходили на кухню заниматься своими магическими делами, и, по негласному правилу компании, туда никто не должен был входить. Позже один из друзей сдал мне квартиру за полцены, и примерно год я жил отдельно от мертвеца на плечах, пока объективные обстоятельства не заставили меня покинуть эту квартиру.

Друзья у меня были очень разные. Кто-то из психологических клубов, кто-то — филологи. Но так получилось, что основным костяком стала эта небольшая компания магов со своими смыслами. Кажется, у них шла «магическая война» с какой-то группой практиков, с которыми они очень серьезно поругались, обвинив друг друга в воровстве, доносах и всех смертных грехах. Я и несколько моих друзей из академического круга относились к этому с известной насмешкой. У меня Кундалини просыпалась — а тут занимаются какими-то детскими играми. Главное, зачем?

Отношение к происходящему изменилась однажды вечером. Наши друзья «маги», как обычно, сидели на кухне, но ближе к концу вечера, вместо того чтобы выйти к нам довольными и бодрыми, выглядели как живые трупы. «Скандинав», казалось, даже позеленел. На все вопросы отвечали только одно: «нас пробили». «Вот это самовнушение!» — подумал я. Раздался звонок в дверь. Пришла пятая из их круга и с порога кинулась на друзей чуть ли не с кулаками: «Что вы совсем удар не держите, у меня, наверно, язва открылась, хоть бы немного держали строй!»

Все это происходило на моих глазах, в четкой последовательности, поэтому отмахнуться от произошедшего как от пустяка не было возможности. Моему внутреннему скептику было нечего сказать. Мобильных тогда еще не было, созвониться в кухне не могли. Конечно, можно предположить, что они устроили для нас нечто вроде спектакля, чтобы заставить поверить.

Но это мог бы допустить только тот, кто вообще не знал этих ребят: на всех, кто не практикует, они смотрели примерно так, как взрослый смотрит на четырехлетнего

ребенка. И маловероятно, что они стали бы устраивать спектакль чтобы убедить четырехлетних детей.

С этого момента мой скепсис рухнул. Я просил, требовал, почти выпрашивал, чтобы они стали учить меня магии. Но, как было сказано выше, все относились ко мне весьма однозначно — «всего лишь человек». Скандинав даже дал мне пару уроков по «файрболам», но в целом они смотрели на это исключительно как на дань вежливости к хозяину квартиры — все равно же ничему не научится. Это было обидно, причем очень. В какой-то момент я даже захотел вступить в их войну, и пока они сидели на кухне, мысленно настроился на них и попытался ударить световой стрелой туда, где фантазировал присутствие врага. Впрочем, не уверен, что мое минутное участие как-то повлияло на исход их противостояний, но моей тогдашней подруге потом неделю снились кошмарные сны с осыпающимися на землю искрами звезд и один из участников долго сокрушался, «нафига лезть туда, где ничего не понимаешь».

Такова была моя жизнь. Мы собирались, пили пиво, играли или не играли в магию и обучение, каждую неделю я ходил в гости к своему лучшему другу в котельную, где мы пили кое-что покрепче. И за какие-то два месяца мое отношение к ним поменялось со снисходительного снобизма на острую зависть и желание получить от них хоть что-то.

И однажды случилось Это. Точка запуска. Триггер. Переход. Бросок костей, раз и навсегда меняющий расстановку сил и определяющий дальнейшее движение судьбы. И как всегда, оценить масштаб произошедшего тогда я могу только по истечении достаточно большого времени.

В ту ночь я, как обычно, шел по ночному городу, возвращаясь от моего лучшего друга. И вдруг, как несколько лет назад при пробуждении Кундалини, я почувствовал Ее. Маг скажет — Богиню, юнгианец — Аниму.

Её. Лилит. Она — та совершенная женская сила, которая неподвластна законам этого мира и вдохновляет на самый бесполезный, бессмысленный и обреченный бунт. Она — абсолютная красота, абсолютная страсть и абсолютное вдохновение. Ее прожектор скользит по телам и душам самых важных и самых прекрасных женщин, наделяя их чарующей силой.

И все эти годы она вела меня. Послала мне в детстве — Ирину, в отрочестве — пьяную женщину, которая почти заставила читать Камю, позднее Она раскрылась в мистерии Кундалини, в мистерии божественного змея. Она послала мне Елену, женщину о которой еще пару лет я не мог бы и мечтать, и пусть наша связь не была столь долгой, этого хватило, чтобы я успел пресуществить свою природу в ней, как в алхимической купели.

Я впервые увидел это. Серебряная Нить Лилит. Ведущая по жизни того, кому дарована, в кого боги вложили свою искру. Осознавая этот принцип, мы можем оглянуться в прошлое и увидеть не бессмысленный набор бессмысленных, ну, или упорядоченных внешними правилами событий, а единый, цельный процесс, где один опыт, событие, прочитанная книга или встреченная женщина есть логичное и естественное следствие и развитие предыдущего. Видим позади себя при свете серебра. Нить Серебряная! Нить Лилит и Люцифера. Какой же поток благодарности, восхищения, преданности нектаром пролился на мое сердце! Кем я был еще пять лет назад? И как красиво вела меня моя госпожа лабиринтами судьбы, с самого дна — к вершине.

Пьяный от этих мыслей и видений, я пришел домой. Что я могу сделать для тебя, о Госпожа? Как могу восславить тебя? Как возблагодарить? За Кундалини, за Лену-художницу, за круг единомышленников, читающих, а некоторых — и пишущих приятелей. Как же счастлив я! Есть ли на земле кто счастливее?

Оглядываясь на этот миг, я понимаю, что сама по себе категория счастья-несчастья — это далеко не нечто объективное, но степень контраста по отношению к пережитому ранее несчастью. Для меня нынешнего положение меня тогдашнего более чем несчастно, но тогда я казался себе на вершине. Наивные люди полагают возможным достичь

всеобщего и спокойного счастья, вводят пошлейший и дурновкуснейший культ «позитивного мышления», не понимая, что таким образом умножают не счастье, а энтропию: без опыта падения, несчастья в прошлом счастье как таковое невозможно.

Приди ко мне такие переживания сейчас, я бы написал гимн. Ритуал. Постарался бы увидеть знак или сигил, выбил бы его в золоте или хотя бы в серебре. Нашел бы в интернете гимн или ритуал этого божества и выполнил его, насколько это возможно. Традиция дает нам много способов и форм поддержать и восславить наших богов, ведущих нас по жизни. Ритуал можно позаимствовать, можно создать самому, можно немного изменить чью-то разработку. Мир магии — это мир освобожденного воображения, где высшим таинством является мистерия во славу нашей Богини.

Но тогда все, что я знал о магии — это файрболы и световые стрелы, которыми регулярно обмениваются ребята у меня на кухне с очень плохими неизвестными мне ребятами с другой стороны ночного рубежа. Впрочем, от последних им иногда приходили реальные угрозы в интернете, когда «хорошие ребята» проверяли почту на моем компьютере, дабы узнать, как там дела у «плохих».

Какое это отношение имеет к Ней? Что я могу здесь взять? Единственное, что пришло мне в голову, — это мысль прочитать о Лилит все, что я смогу найти. Да, интернет мне провели всего два-три месяца назад, и по большей части он оставался для меня терра инкогнита.

Я начал искать. Стихи — от классических до современных поэтов. Статьи, эссе, рассказы. Из этого множества так сильно выделялась попавшаяся мне статья «Лилит фон Сириус» Филиппа Писье. Статья запала мне в самое сердце. О Лилит! Если бы на свете реально было такое братство, в котором состоят такие люди, как Филипп Писье и Диана Орлоу! Я даже допустить не мог, что братство, о котором идет речь, — это Орден ОТО, уже появившийся в России.

Наконец в результате блужданий по сети я попал на какой-то сайт, где было «все о Лилит» — бережно собранный компендиум. Я начал читать, попутно заглядывая в другие разделы сайта. В какой-то момент мне попались покоровившие меня легкостью стиля работы Роберта Антона Уилсона, сумевшего свести воедино научный и магический язык повествования.

Помимо массы интереснейших материалов, Уилсон писал о Кроули. Он описывал его как уникального в истории эзотерической мысли мага — мага-скептика, мага-экспериментатора, мага-ученого, мага, которого стоит называть скорее психотехнологом, открывающим высшие контуры сознания.

До этого момента я слышал о Кроули, но все мои знания сводились к предвзятым фантазиям о нем как о страшном сатанисте, приносящем в жертву маленьких детей. И тут я почувствовал, что именно Кроули это то, что я искал, именно через его технологии я могу стать магом в обход моих дорогих друзей, считающих меня безнадежным.

Следующий вираж начался, когда в поисках текстов Кроули я в первую очередь нахожу самый главный его текст. Книгу Закона. Здесь я испытал настоящее потрясение. Лилит! Да, у Кроули она именовалась Нюит, но разве я не мог не узнать её неповторимую вибрацию? Экстатический, страстный восторг любви. «Выйдете, о дети мои... и возьмите свою долю любви... как того изволите, когда, где и с кем изволите, но всегда ради любви ко мне». Каждый стих, каждая метафора отзывалась во мне раскатистым эхом. Я наконец-то нашел *свой* текст. Секс как богослужение, как почитание Её. Госпожа. Кроули, оказывается, был глашатаем Госпожи. Он был тем единственным, кто смог почувствовать ее в полную силу и провести ее слова, уловить ее дыхание в красоте поэтического слова. Я был сражен.

На словах «вот голубь, вот змей — выбирай правильно» я почувствовал, что вновь переживаю уже забытое пробуждение Кундалини. Огненные кольца как будто сжали мое тело. «Да, змей, я давно выбрал тебя». Я давно выбрал змея, мне не нужен голубь

невинности, только змей, только страсть, только иной огонь, только владычица моя. Лилит, Ньюит или просто — Она.

Следующую неделю реальность точно сорвалась с цепи. Синхронии преследовали меня на каждом углу. Моя очередная подруга, понятия не имевшая, что я испытал в эту ночь, увидела во сне, что с ней пытается совокупиться змей. Два респондента по переписке прислали сон со змеями, а в обновлении любимого сайта появилась статья «Архетип змея у индоевропейцев». Когда через пять дней один придурок стал говорить, что змей в Эдемском саду дал людям не яблоко, а гриб, критическая масса была так велика, что мне оставалось только замереть в чистом восторге. Я был готов немедленно основать новую религию, начать проповедовать Лилит-Ньюит, искать последователей Кроули где угодно, одновременно с этим все глубже погружаясь в бессистемное чтение его текстов.

Примерно к концу третьей недели у меня стала выстраиваться картина. Книга, которую я читал, книга, которая вызвала все эти переживания, оказывается, была священной, это был главный текст для всех последователей Кроули — «Книга Закона», почитаемая как откровение нового эона. Но ведь когда я читал этот текст, я не знал о его значении. Это был просто один из многих текстов, попавшихся мне в начале освоения наследия Кроули. Разве это возможно!? Разве возможно испытать такие состояния, не зная, что текст — священен? Скептик опять замолчал — если бы я знал это раньше, то мог бы списать на самовнушение, но обстоятельства исключали подобное рациональное бегство.

Я пришел в невероятное возбуждение. Я наконец-то нашел книгу, которую примет каждый, стоит лишь ему или ей ее прочитать! Что бы вы почувствовали, если бы прочли книгу, которая вызвала бы пробуждение внутреннего вулкана внутри и поток осмысленных, танцующих, искрящихся совпадений вокруг? Которая на всех уровнях говорит вам: я святая книга, я откровение! И ты готов стать первым, кто об этом скажет, даже если факт ее святости неизвестен никому. Я всего лишь читал обычную книгу и не ждал ничего. И какой же радостью наполняется сердце, когда выясняется, что не ты один знаешь о Святости этой книги. И, как прирожденный экспериментатор, я начал яростно ставить эксперимент, уговаривая всех и каждого просто прочитать этот текст. А вдруг запустит, как и меня? Текст же имеет реальную силу!

Правда, здесь меня ждало первое разочарование. Как показали первые эксперименты, Книга Закона *так* работала только со мной. Мои друзья — как маги, так и не маги, читали ее без каких-либо изменений для себя и вокруг и недоумевали, что такого сверхъестественного я в ней нашел. Особенно насторожены и предубеждены были именно «маги» — возможно, потому что их потоки и потоки Телемы слишком различны, а возможно потому, что не могли допустить, что, лишенный магических способностей, я могу открыть нечто реально стоящее, каковое для них — всего лишь черные буквы на белом фоне.

Возможно, именно тогда я впервые задумался о неповторимости ключей, предуготованных для каждого из нас. Для одного ключом станет классическая библия, для другого — Книга Закона, для третьего — роман фэнтези, а для четвертого — что-то, что я и представить не могу в качестве ключа. Каждому свои ключи и каждому свои двери и замки на его пути. Но все же — как радуется сердце, когда сначала ты понимаешь, что это *твой* ключ, а потом узнаешь, что целое сообщество людей считает точно так же и соединено именно этим знанием. Забегая вперед, скажу, что в этом же и опасность. Получив свой живой, многомерный ключ, мы можем впасть в соблазн счесть его универсальным для всех людей ключом от всех замков. Как результат — либо безнадежно сломанные замки, либо безнадежно сломанный ключ. В общем, печальные результаты вследствие такой ошибки. Десять лет я верил, что это лучший ключ для всех — и, хвала богам, за эти десять лет не сломал ни одного замка и даже смог создать несколько своих ключей, сам того не поняв. Еще хуже, когда ключ начинают

использовать для открывания пива, и тогда ключ затупляется и уже не может открыть замки. Вокруг тех же Евангелий подобные «открыватели пива» и зажигатели костров создали такое поле, что даже те, для кого они могли бы стать ключом, их не воспримут, видя только брызги пива да костры инквизиции.

Важная тема, поэтому я позволяю себе столь долгое отступление и столь большой скачок. Однажды, несколько позже, уже будучи секретарем ОТО, я переписывался с одним кандидатом. Он был образованным (пожалуй, главное требование Ордена) юношей, и у меня, в общем, не возникало сомнений, что его надо рекомендовать.

Меня смутило одно. Этот кандидат рассказывал о своем лучшем друге, который следовал другим, не телемитским путем. С этим другом, я некоторое время общался относительно музыки и кино. К моему удивлению, однажды мой кандидат написал, что разорвал отношения с одним своим другом, потому что тот не способен принять Святое Откровение Книги Закона. После этого я аннулировал его запрос на членство в Ордене. Потому что братство начинает превращаться в сектантство, когда таких оказывается большинство, и если твой друг принимает твое право иметь свой путь, но сам идет своим, — то мудак и сектант не он, а ты. И как не печально, рано или поздно самые сильные ключи неизбежно притупляются такими сектантами. Впрочем, если была бы обратная ситуация и кто-то, будь то друг, отец, любимая или любимый, требовал бы от него отказа от его пути и его книги, мой ответ был бы однозначен: в этом случае ты обязан с ним порвать, и дело тут не в ключе, а в том, что некто считает себя вправе давить на твою волю.

Кстати, у наших магов тоже были свои ключи. Как я узнал гораздо позже, общим почти для всех была «Черная книга Арды». Также у них были и свои тайные ключи. Однажды они даже решили поделиться со мной таким ключом, то ли искренне желая использовать единственный шанс пробудить «хоть что-то», то ли чувствуя, что, пользуясь каждый день моим гостеприимством и не давая взамен желаемого мною, они существенно нарушают равновесие. Спасибо им, но, как и следовало ожидать в моем случае, этот ключ сломался в замке и со мной не произошло ничего. У меня был свой ключ. Книга Закона. И когда я повернул его в своей душе, мир вокруг меня закружился в хороводе самых удивительных смыслов, знаков и созвучий.

Итак, узнав, что за текст я прочитал, впервые в жизни я мог определить и назвать свое вероисповедание. Я — телемит. До этого у меня была одна точка опоры — Юнг, но с этого момента их стало две: Юнг и Кроули.

А тем временем у наших магов прекратились их магические войны. Помню, что в разгаре войн один из главных членов нашего круга сказал: «Такие столкновения кончаются только трупами с одной из сторон». В итоге никакими трупами не кончились, и все просто забыли, что ведут какую-то войну.

Впрочем, это уже волновало меня гораздо меньше. Шаг за шагом я погружался во вселенную Алистера Кроули. Что сразу бросилось в глаза — это два совершенно не похожих стиля у одного человека. Одни книги — поэтичные, красивые, опьяняющие, полные насыщенной страстью и мощью. Другие — строгие, холодные, рациональные, логичные и аргументирующие. Вторые были не менее убедительны, чем первые. До сих пор в эзотерике я сталкивался с откровенной сладкой патокой назиданий и чтения морали.

До этого я избегал эзотерики не потому, что не верил в то, что принято считать «сверхъестественным» — возможно ли вообще не верить после опыта Кундалини? А потому, что меня до жути раздражала общепринятая «вибрация» эзотерических текстов и эзотерических учителей — вибрация пафоса, назиданий, пафоса, назиданий, потом снова пафоса и опять — моралистических назиданий. От большинства книг, продающихся в эзотерических магазинах, идет дурной и легко узнаваемый запах. До сих пор я мог отдохнуть только на текстах Юнга — он был единственный известный мне на

тот момент, кто говорил о Сокровенном в кристально чистой интонации, так что иные даже не распознавали, о чем он толкует. Кроули был вторым, кого я открыл для себя, вторым — но далеко не последним.

Если говорить об эзотерике как о явлении, я убежден, что главными являются не слова, а та интонация, с какой подается смысл, кроющийся за словами. Сказав правильные слова в той или иной интонации, говорящий либо преумножит их жизнь, либо убьет и то, что в них было живым.

Я продолжал читать Кроули — и следующей после Книги Закона стала поразившая меня Книга Лжей, где в последней главе утверждается единство Бабалон, Ньюит и Лайлы — то есть Богини и конкретной женщины. Секс — священен, необходимо правильное умонастроение, чтобы открыть священное измерение секса, осознать себя Хадит, а ее — Ньюит. Я всегда это знал! Я всегда ненавидел Бога за то, что он осудил наслаждение как грех! Я всегда был — Её!!! И дело тут не в каком-то сверхтемпераменте. Людям прекрасно удается считать секс грехом, при этом трахаясь направо и налево, не забывая в нужное время опускать глазки, чтобы «правая рука не знала, что делает левая». Дело в том, что для меня секс всегда обладал религиозным, священным измерением и любое утверждение, что секс есть нечто низшее, греховное, для меня было прямым оскорблением моих интуитивных религиозных аксиом.

Ах да, важный момент. Чем больше я проваливался в тексты Телемы, тем больше переставал завидовать «магам». Теперь у меня была своя магия, свой мир, и я понял что-то, куда им не было хода... Теперь мне не надо было завидовать их «дару», которого у меня «не было». Существовало кое-что поинтереснее фэйрболов и магических войн.

Следующий шаг — покупка колоды Кроули и первые, еще наивные, даже трогательные в своем восторженном дилетантизме заметки о символизме арканов. А потом я сделал свое первое и, возможно, определившее направление моего слова открытие. Я увидел, что отдельные образы, символы, этические максимы и убеждения Кроули звучали в унисон символам, максимам и убеждениям Юнга. Разве Кроули не назвал Бабалон самой жизнью и разве Юнг не написал, что желаемое Иоанном уничтожение Вавилонской блудницы — это желание уничтожения жизни вообще как принципа? Разве и тот и другой не говорили о рациональном подходе к опыту? Разве они не говорили о четвертом, женском, сексуальном аспекте Бога? Разве в глубокой старости в одном из писем Юнг не писал своему лучшему другу, что единственная его мудрость в том, что всегда он следовал только той Воле, которую уверенно и точно мог назвать своей? Твори свою волю — вот весь закон. Две волны, две модели, два титана, два гения. Такие непохожие внешне, но схожие на уровне тончайшего ядра. И вот — совместив, сопоставив, сведя эти модели, я получил свой второй ключ.

И наверно, это меня спасло в стратегическом плане. Горе тебе, о искатель знания, если ты с самого начала определяешь для себя лишь одну правду и одно слово. Будешь ты монотеистом, нетерпимым сектантом, узколобым фанатиком, чье бессознательное сомнение будет пропорционально сознательной убежденности и вере. Всякий идущий по пути должен уметь говорить на двух языках, иметь два дискурса, два пространства, чтобы, видя и их единство, и их принципиальное различие, учиться распознавать суть, не привязываясь к форме.

Впрочем, теорию сопровождала первая практика. И такой первой практикой стали, конечно, прорицания на таро. На всю жизнь я запомнил один эпизод практически с самого начала моей прорицательской практики. Один из моих друзей, самый младший участник нашей компании, как-то привел в компанию свою мать. Мол, надо совсем заикленной на домашнем хозяйстве маме троих детей несколько просветиться, открыть измерения, далекие от материального мира. В ее лице я столкнулся с первой мистерией. Три раза подряд по разным вопросам она просила меня вытянуть для нее карту. И три раза подряд ей выпадала одна и та же карта — Нулевой аркан, Дурак, Святой Дух, Ветер, который дует, где хочет, и свободный от всех условностей, полное обнуление прошлого.

Какова вообще вероятность три раза подряд вытащить из одной колоды одну и ту же карту? И какова вероятность вытащить, пожалуй, самую важную карту колоды, указывающую на полное освобождение от предыдущей кармы?

После этих попаданий перед нашими глазами разыгралась целая мистерия преображения. Придя к нам самой обычной домохозяйкой, придавленной всей тяжестью чугунной провинции, зарабатывающей на варке самогона, она преобразилась в яркую женщину, которая получила в нашем кругу весьма выразительное прозвище — Атаманша. И так ее называли не ради красного словца. Ей удавалось то, что оказалось невозможным всем нам. Если я собирал квартирники, она организовала крупные концерты в главных залах Калуги, пригласив несколько культовых рок групп, а потом дав нам возможность пообщаться с мэтрами после концерта. И как же она вдруг расцвела, какая мощь, какое женское притяжение шло от нее, хотя едва ли самый глубокий знаток женской психологии мог бы предсказать масштаб ее расцвета еще месяц назад. И черт возьми, как же мне повезло — именно тогда я оказался ее любовником. Всегда мечтал оказаться любовником моего друга, в этом есть что-то невероятно пикантное. Да и не был я единственным, очень быстро пробудившаяся леди завела себе еще пару любовников.

Оглядываясь назад, я думаю, что этот выпадавший ей раз за разом Дурак, указывающий на преображение «по формуле безумия — без труда и страданий», на самом деле выпадал нам обоим — и мне как жрецу и ей как вопрошающей. Для нее обнулением было раскрытие себя как Атаманши и как Шакти. Для меня — открытие Телемы как закона.

Зная о телемитских сообществах я стал задаваться вопросом: а есть ли таковые в России? Впрочем, чтобы узнать об этом, надо было только внимательно почитать сайты, которые я уже давно осваивал. Поэтому достаточно быстро я связался с единственным в России телемитским сообществом, а именно Ордо Темпли Ориентис — Орденом Храма Востока, на сайте которого я нашел предложение вступить в Орден. Могли ли у меня быть хотя бы самые ничтожные сомнения? Нет! Разве что смущала одна досадная мелочь — «Парижские работы» Кроули, прочитанные накануне. После прочтения этого текста мне, конечно, было страшно: а что если Орден — это просто сообщество геев, где гомосексуальность практикуется, что называется, по принципу «критерия своего»?

Впрочем, вокруг Телемы и телемитских сообществ мифов очень много, один другого нелепее. Тем не менее эти мифы несли свою очень важную задачу. Это — первый порог, первый страж на пути. Сможешь ли ты преодолеть страх и войти? Или это самое «а что, если вдруг?» окажется сильнее? Только вступив в общение, можно узнать, что правда, а что ложь. Впрочем, какие-то мифы, вроде фантазий о человеческих жертвоприношениях, разумный человек может отбросить достаточно легко, просто внимательно поразмыслив. А вот на мельницу лжи о повальной гомосексуальности телемитов льет воду тот факт, что гомопрактики практиковал сам Кроули. Для меня эта история была неприятна вдвойне, ведь слишком «свежа» была память о Белковском, который всякими красивыми духовными аргументами пытался склонить меня к содомии.

А что если современные телемиты — геи, как и Кроули? Что если? Смогу ли я вовремя выскользнуть из игры? Или, может, лучше сразу обозначить границы на берегу? По-моему, логично.

Первое письмо в Орден получилось достаточно комичным. «Я, такой-то, такой-то, очень хочу вступить в ваш Орден. Вот мои пробные сочинения о картах Таро Кроули и о его параллелях с Юнгом. Ради посвящения я согласен на любое преступление, кроме гомосексуализма». Думаю, братья от души поохотали, получив мое первое письмо.

Ответ пришел достаточно быстро. Глава российского ОТО брат Марсий не без улыбки заверил меня, что «Москва — это не то место, где кто-либо будет проводить «Парижские работы». Юмор — лучший способ снять напряжение, и через некоторое время мне была назначена встреча, которая должна была определить все.

Новая реальность открывалась мне совершенно неожиданно, но даже тогда я не мог предположить, до какой степени происходящее изменит всю мою жизнь.

Глава 2. Несколько слов о Телеме

*Вы противостоите людям,
о избранные мои!*

Алистер Кроули. Книга Закона

По первоначальному замыслу этой главы не должно было быть. Книга по первоначальному замыслу была адресована «мертвым и богам», затем замысел расширился до очень узкого круга, в принципе не нуждающегося в пояснении того, что такое Телема.

Но хочешь насмешить богов — расскажи им свои планы. По мере написания книги мне все больше становилось очевидным — книга должна быть издана и, по возможности, доступна максимально широкому кругу читателей. А для образованного, но пребывающего в другом культурном контексте читателя такие слова как «Орден», «Телема», «Кроули» значат едва ли больше, чем ничего. Поэтому, дорогой читатель, если ты давно в теме, — ты можешь без особого ущерба пропустить эту чисто теоретическую главу, перейдя к более динамичной и событийной сюжетной линии. С другой стороны, было бы неосмотрительно обрушивать на читателя, находящегося вне контекста, набор понятий, аксиом, смыслов и связей, которые для него будут задачей с тремя неизвестными и без некоторого введения в контекст здесь не обойтись.

Проблема только в том, что вводить в контекст можно с очень разных сторон и это будет совершенно разная Телема. Десять телемитов нарисуют десять разных картинок, между которыми будет сложно найти хоть что-то общее, кроме упоминания имени отца-основателя.

Можно начать с исторической справки об Ордене Золотой Зари, их системе посвящений, столь блистательно проанализированной Израилем Регарди, системе ритуалов и, наконец, расколе, в котором поучаствовал Алистер Кроули, существенно переосмыслив наследие ЗЗ. Можно зайти со стороны чистой теории, изложить Кроулианскую модель теории и практики магии, рассказать о смысле и значении духовного пути телемита, начиная от гармонизации стихий и заканчивая пересечением пропасти, что есть «полное и окончательное просветление» в других мистических системах. Можно начать с истории ОТО и его реформации, которую предпринял Алистер Кроули на своем пути. Можно рассмотреть Телему как чисто этическую систему, можно как религиозную, можно как оперативно-магическую, можно как посветительную, — и каждый раз это будет совершенно разная Телема. Можно зайти с позиции культурологии и рассмотреть влияние Кроули на культуру, можно оценить Кроули прежде всего как поэта, можно акцентировать антихристианские аспекты Телемы, вплоть до сближения с сатанизмом (что большинство телемитов весьма не любят) и можно рассмотреть ее в полностью «внехристианском» контексте как западный аналог тантризма. Некоторые умельцы пытаются даже рассматривать Телему с политических и конспирологических позиций, что, впрочем, уже совсем полная дичь. Короче говоря, учение или традиция Телемы — это такой многомерный слон, которого, подобно тем слепцам из притчи, можно щупать с очень разных сторон и делать самые разные выводы.

Поэтому мой рассказ при всем желании не может претендовать на некую окончательность и объективность, это — не более чем еще один срез, один из множества возможных, в зависимости от того, какие игрушки ума предпочитает конкретный телемит. Единственное, на что я скромно надеюсь, — что в моем рассмотрении мне

удастся чуть больше прикоснуться к самому духу Телемы, некоей невыразимой сердцевине, которую, как ни старайся, все равно невозможно полностью поместить в клетки слов и значений.

В моей Телеме есть два кита, от которых можно оттолкнуться, чтобы хоть что-то понять. Во-первых, это главный текст Телемы — Книга Закона, комментарии к которой, впрочем, предусмотрительно запрещены самим Кроули. Однако, на словах строго соблюдая это правило, на деле каждый второй писатель и популяризатор Телемы комментирует Книгу Закона в хвост и в гриву, утешая себя тем, что он избегает слова «комментарий». Как видно из прошлой главы, мистический опыт проживания этой книги и привел меня в братство ОТО. Во-вторых — это суверенный путь самого Кроули.

С другой стороны, любое откровение может быть помещено практически в любой контекст, так что из него можно сделать совсем противоположные выводы. История Иисуса, Ницше и самого же Кроули, о чем будет понятно ближе к концу, более чем красноречиво свидетельствует, сколь ненадежна любая опора на откровение и до какой степени личность определяет то, в каком векторе будет осмысляться один и тот же текст, из которого можно сделать прямо противоположные выводы — было бы желание.

Поэтому для меня осмысление Телемы возможно только через осмысление жизненного пути ее отца-основателя, Алистера Кроули — личности, окруженной, пожалуй, самым большим и самым нелепым набором предрассудков и черных легенд. Я убежден, что основная привлекательность Телемы, ее ядро заключается даже не в самих словах Книги Закона (сколь бы красивы и глубоки они ни были), а в том невербальном послы, который несет вся жизнь Алистера. Разумеется, это не значит, что его путь следует копировать со всеми его ошибками и просчетами. Это лишь значит, что нужно понять сам дух Кроули, который он отчаянно и яростно иллюстрировал своим собственным путем.

Моя Телема начинается с личности Отца. Алистер Кроули. Беднягу угораздило родиться в семье представителей, пожалуй, самой ортодоксальной, упертой и буквалистской секты своего времени — плимутских братьев, которые были свято уверены, что скоро наступит конец света и единственный, кто может спастись, — это член их несчастного плимутского братства. С самого детства Кроули переживает серию унижений, которые всегда подкрепляются именем Иисуса, что в конечном счете создает для него устойчивый импринт, до конца жизни не позволяющий ему взглянуть на эту спорную и двойственную фигуру без личной призмы острой обиды.

В абсолютном большинстве случаев сын или дочь плимутского брата становится членом этой религиозной группы, пассивно включая в себя все, что ему транслировалось в стадии взросления, в чем человек не слишком отличается от животного, запечатлевающего свои поведенческие стратегии в моменты ранней импринтной уязвимости. Кроули же был Темным Ангелом гораздо больше, чем животное-человеком, поэтому с самого начала определенным образом атаковал окружающие его условия ханжества, лицемерия и страха. Сохранились воспоминания о выходках малолетнего Кроули. Он мог налить чопорным гостям в чай касторки и наблюдать, как они, давясь, выпивают свой чай, только бы не нарушить приличия. Или же, услышав, что «у леди нет ног», — залезть под стол, задрать юбку гостье и во всеуслышание закричать: «А у нее есть ноги, она не леди!» Какому бы давлению со стороны близких и дальних родственников он ни подвергался, это только больше вызывало сопротивление.

Таким образом, одним из главных гештальтов Телемы, отличающих ее от абсолютного большинства известных оккультных теорий, является яростный импульс стать большим, чем тебя хотели сделать, выйти за все границы, оспорить всех священных коров. В то время как большинство эзотерических школ вполне довольствовались историей о «мудрых махатмах» и высокими размышлениями о духовных мирах, Кроули превратил эзотерическую практику в настоящую экспериментальную лабораторию, где главным подопытным был он сам, а целью —

нахождение заветного средства, которое выведет его за пределы заданной ему клетки. Этот глубоко гностический посыл души, заброшенной в чуждые для него условия и готовой не на словах, а на деле использовать любые средства, для того чтобы разрушить границу, выгодно отличает его от большинства других учителей, мыслящих свое учение некоей «закрытой» системой. Очень показательным, что, будучи еще молодым и наивным неопитом, вступающим на порог Золотой Зари, Кроули искренне интересовался: а какой процент посвящаемых погибает в процессе инициации? Каким-то совершенно неясным образом он был «настроен» на изначальный, древний, языческий гештальт инициации, когда прохождение посвящения означает прохождение по краю жизни и смерти, не гарантирующее удачного исхода, но подразумевающее этаким архетип первобытной инициации, опыт радикальной трансформации.

Другое свойство, отличающее его от большинства публичных эзотерических учителей, — это его колоссальный сексуальный темперамент. Еще в шестнадцать лет он умудрился соблазнить служанку, а уж ход его сексуальных походов после едва ли поддается подсчету. Именно сексуальная свобода Кроули стала причиной того что его современники считали его едва ли не «самым испорченным человеком на земле».

Впрочем, здесь стоит взглянуть немного глубже, чтобы понять, что настоящий конфликт с обществом был у него не столько из-за его сексуальных походов, сколько из-за его нежелания играть в двойные игры, надевать маску целомудрия и добропорядочности, раздваивать себя на публичную персону и тайную жизнь. Поэтому одним из ключевых императивов главной книги его жизни — Книги Закона — стала идея «взять себе столько любви, сколько желаешь, когда, где и с кем изволишь». Этот отказ от раздвоения, радикальная внутренняя последовательность и превратила Кроули в «самого испорченного человека на Земле» в глазах современной ему прессы. Вот это радикальное неприятие «мира» с его условностями с одной стороны и восприятие сексуальности как пути к спасению с другой роднит его с самыми ранними и самыми проклинаемыми отцами церкви еретиками — наиболее радикальными гностическими группами первых веков.

Гностический нонконформизм «чужого», стремление выйти из любых ограничений, сильное либидо — это, пожалуй, основные его качества, предопределившие первичный дух Телемы. Еще одно интересное качество Кроули, которое столь редко встречается, это сочетание самого яростного, страстного и неистового жара в его поэтических текстах и мистических книгах и суховатого, лишенного любой экзальтированности и ложного пафоса, практически рационального языка его теоретических книг о магии. Кроули мечтал сделать Магию Наукой, и, пожалуй, хотя стоит признать, что ему это не удалось, он был тем, кто приблизился к этой цели ближе, чем кто бы то ни было.

Вопреки популярным шаблонам, Кроули не был ни черным колдуном (то есть использующим магию в качестве инструмента убления своего эго), ни в классическом смысле сатанистом (то есть служащим разрушению ради разрушения). Его личная мистика была посвящена идеалу слияния со своим Ангелом Хранителем, а затем с возлюбленной Богиней, в чашу которой следует «излить свою жизнь, не утаив ни капли».

Во всех обозначенных выше пунктах я чувствовал глубокое с ним родство. Как и он, я раз за разом ставил над собой эксперимент, чтобы вырвать эту занозу чуждых мне семейных шаблонов, раз за разом я отказывался разделять себя на приличную персону и тайную жизнь, раз за разом я не мог испытывать ничего кроме брезгливости к разного рода «благодным» эзотерическим учениям.

Главное откровение Телемы, Книга Закона, каким-то немислимым образом повторяет многие детали тантрических учений, которые на момент написания Книги Закона не были ему известны. Вместо трансцендентного миру патриархального бога Кроули фактически заново изобрел метафизику диады, где в основе лежит изначальный

женский и изначальный мужской принцип (Шива и Шакти в индуизме, Инь и Ян в даосизме, Ньюит и Хадит в Телеме), и абсолютно гетеродоксальную этику, выраженную в главном законе Телемы: твори что изВолишь — таков да будет весь закон.

Вот этот самый закон Телемы раз за разом становится камнем преткновения для разного рода непониманий, искажений и отклонений. Фактически — двусмысленным является само слово Воля, которое можно понимать и как синоним свободы — «вольница», «отпустить на волю», — и как синоним дисциплины и сосредоточенности «сила воли». Одни понимают этот закон чисто в дионисийском ключе, по принципу «делай, что тебе в голову взбредет», другие в чисто аполлоническом — «подчини себя полностью одной воле». На самом деле правильное понимание этого принципа лежит точно посередине, где с одной стороны имеет место восстание субъекта против любых попыток навязать ему неподлинное, «не волевое», «не аутентичное» поведение и мышление, не идя на компромиссы даже в самых мелочах, а с другой — необходимость сосредоточить всю свою Волю на том, что ты действительно желаешь. В аксиомах Телемы постоянно встречаются двусмысленности и кажущиеся противоречия, истинный смысл которых — познать парадоксальную природу бытия.

За свою жизнь Кроули создал два телемитских Ордена. Это телемитская версия Ордена Восточных Тамплиеров, оказавшаяся наиболее исторически жизнеспособной, мыслимая им как особого рода братство, которое должно транслировать ценности нового эона, и Орден А. А., где посвящаемый знал только посвятителю и целью было исключительно и строго жесткое совершенствование психических навыков. Кроули создает сложнейшую систему ритуалов, личных и коллективных, святых книг, практик, инструкций по разного рода формам эксперимента над собой, начиная от йоги и заканчивая гашишем. Иными словами, жизнь Кроули представляет собой постоянное расширение своих границ.

Таким образом, Телема как учение и Орден ОТО как сообщество ощущались мною как максимально аутентичные моим глубинным запросам.

Глава 3. Есть магия и магия

*Магия это искусство и наука совершать
изменения согласно своей Воле.*

*Алистер Кроули. Магия в теории и на
практике*

Есть магия и магия. Для всех, кто смотрит со стороны, — магия ассоциируется с чудесами, с актами прямого воздействия, со слепой волей к господству. Приворот. Порча. Проклятие. Денежный ритуал: сегодня ритуал — завтра деньги. Вне зависимости от того, допускает ли внешний наблюдатель существование «магии» или считает ее самообманом, в девяноста процентах случаев у сторонников и противников магии разное отношение к тому, что в общем и целом понимается примерно одинаково. Подобная магия, мыслится как еще один инструмент, еще одна насадка, еще один рычаг для утверждения своей слепой воли к власти.

Предложите юноше бледному со взором горящим написать сочинение, что есть магия и как бы изменилась его жизнь, если бы он стал магом. О, вы получите настоящую феерию влажных фантазий о власти над противоположным полом, уничтожении всех известных и неизвестных врагов и покупке особняка после выигрыша в лотерею главного приза.

Все это — чушь.

Правда, тут нужно сделать некоторые уточнения. До определенной степени «спецэффекты» в виде чудесных результатов, конечно, могут иметь место. Более того,

вероятно, уже на начальном этапе практик получит серию «попаданий в яблочко», после которых всю жизнь будет стремиться повторить результат, полученный как снег на голову в ни к чему не обязывающем эксперименте. Маги на кухне действительно вели войну, и открывшаяся язва у одной из участниц, как и тяжелые мигрени у тех, кто «с другой стороны», — были вполне объективной реальностью. Вот только все это — не более чем пустяки, круги на воде, излишнее внимание к которым гарантированно впечатывает мага «мелом в асфальт». Увлечшись чудесами и воздействиями, чудотворец или колдун на самом деле никогда не станет Магом в истинном смысле, но растратит свою шагреневую кожу и променяет первородство на чечевичную похлебку. Истинные чудеса невозможно поставить на поток, невозможно запрячь ветер в свою колесницу и заставить его двигаться вперед. Мелкие свершения такой магии порой происходят, но плата в итоге все равно окажется выше.

Вселенная эзотерики, магии, оккультизма имеет очень много пластов и уровней. Часто бывает, что, соприкоснувшись с одним, искатель уверен, будто целое сводится исключительно к этому уровню. Есть «благостные эзотерики». Это, пожалуй, самое дно дискурса, позитивное мышление, сладкие аффирмации, выхолощенные боги и легко узнаваемый для каждого, кто хоть раз видел подобное, приторный душок. Чуть повыше, но тоже на дне находятся чернушники. Мрак, зло, слава Сатане, а я самый крутой маг и вообще некрещеных младенцев я на завтрак ем. Ну и все такое. Когда смотришь, в каком литературном, точнее, антилитературном стиле ругаются иные, даже крупные и известные, черные маги, пропадает малейшее желание иметь с ними дело. Я поместил их чуть повыше первых, потому что у них, по крайней мере, есть жизненная энергия, страсть. Но, о боги, какое дурновкусие!

Повыше будут те, кто опирается на Кастанеду. Сам по себе Кастанеда очень даже неплох, но я не понимаю, почему, за исключением одного-единственного человека, адекватно представляющего эту традицию, — Баньши Дану, все остальные кастанедовцы имеют одно узнаваемое и типичное свойство — весьма небезупречную озабоченность демонстрацией своей безупречности. Скучно это, господа нагуали, на кривых понтах Орла не облететь.

Выше — оккультные ордена, одним из которых является ОТО. Так что мне повезло, и я с первых шагов оказался в пространстве, пожалуй, одного из самых высоких эзотерических дискурсов. Где-то рядом с ОТО тусуются масоны, розенкрейцеры и два-три других культурных проекта для культурных людей, у каждого из которых есть свои внутренние правила игры.

Впрочем, следует сказать заранее: есть кое-что еще выше. Но к ним невозможно «попасть» по запросу, их невозможно найти в интернете рекламирующими величие своего пути. Группы, союзы, братства, у которых есть свой сильный источник. Я бы сказал точнее — семьи. Семьи — в отличие от всего вышеперечисленного — в принципе никогда не рекламируют себя, а пространство выстраивается вокруг них, и притягивают ровно тех, кто им нужен. Каждая тусовка, где говорят о высоком и что-то пытаются практиковать, на определенном этапе начинает называть себя «семьей», но, черт возьми, на сотню тусовок вы хорошо если найдете одну семью.

Сколько таких семей, в центре которых горит огонь истока, думаю, не знает никто — как сосчитать то, что сокрыто? Но именно семьи являют собой эзотеризм в его точном, истинном смысле. Поэтому, друзья, формулировка «реклама эзотерических проектов» абсурдна сама по себе, как горячий лед или деревянное железо. С другой стороны, порой семьи могут активно продвигать свои проекты, но на самом деле единственным смыслом этих проектов является вычленение своей единицы из сотни бредущих мимо.

Вернемся к магии. Истинная магия — это точно не приворот или порча. Истинная магия есть служение. Служение своим богам. Первопринципу. Истоку. Обретение живой, экзистирующий сопричастности к высшему. Жизнь как сонастройка на

манифестацию богов. Настоящая магия — это когда не смеешь попросить у своих богов копейку, ибо это недостойная корысть, а потом — неожиданно для себя получаешь десять рублей и к горлу подступает дрожь от невозможности произошедшего. Настоящая магия — не в том, чтобы возвеличивать свое эго, а в том, чтобы максимально подчинить его Иному Началу, которое никогда не будет проявлено в ком бы то ни было внешнем.

Самая большая опасность подстерегает практика в тот первый момент, когда он действительно, на своем собственном опыте узнает — Магия возможна. Реальна. Причем та, первая магия, на которую и время бы не стоило тратить, кажется настоящим Святым Граалем, дарующим ключи к абсолютной власти. И эту точку пути очень мало кто проходит безупречно. Во всяком случае, что уж там скрывать, мне этого не удалось настолько, что в результате допущенных ошибок я был отключен своим Патроном от какой-либо возможности осуществлять магию первого типа.

И на протяжении всей жизни, всякий раз когда я позволял коварной мысли «а почему бы и нет» завладеть разумом, я гарантировано не получал результата. Я бы сказал, что в первые три месяца столкновения с Магией я растратил весь потенциал права делать запрос от эго, и это право до сих пор не вернулось ко мне. Впрочем, сейчас я точно не жалею — ибо в один прекрасный момент я выяснил, что мне даровали многократно больше, чем я мог даже представлять в мечтаниях. Я расскажу о своих первых ошибках и даже дам обязательное предупреждение: я очень легко отделался, кому-то и меньшие ошибки могут обойтись гораздо дороже.

В этой главе я хочу рассказать о начале моей магии, как я, сперва будучи вознесен, бездарно растратил данную силу, и если бы не серебряная ниточка, перекинута ко мне с той стороны зеркального стекла, превратился бы в магическую пустышку до конца жизни. Хочется сказать — «не повторяйте моих ошибок», но нет — повторяйте. Потому что не перегоревшие в своих ошибках, не нарвавшиеся своими же лбами на то, что есть, а чего нет, умные и правильные мальчики и девочки, абсолютно точно знающие, что можно а что нельзя, — никогда не станут магами. Поэтому — совершив свои ошибки, вы сохраните шанс, но не совершив их — не получите даже одного шанса.

Можете себе представить, какая сила иллюзии и воодушевления врывается в сознание, если вам наглядно, стопроцентно, на вашей шкуре опыт покажет — Магия действительно реальна. Это ведь крайне интересная штука, потому что, по моим наблюдениям, чаще всего в своем отношении к магии большинство, в том числе из тех, кто именуют себя магами, расщеплены в своей основе — как бы веря и не веря, принимая и не принимая одновременно.

Итак — самое важное событие. Первая встреча. Путь мага — это своего рода серия рубиконов: первый запрос, первый ритуал, первое посвящение, первая бездна. Одним из таких рубиконов была первая встреча с абсолютным главой, мастером российского ОТО, братом Марсием. Странное дело — порой я не могу вспомнить, что было неделю назад, но эта первая встреча во всех деталях отпечаталась в памяти навсегда.

Брат Марсий встречал меня в многолюдном метро в сопровождении ассистентки, яркой, как фотомодель. Они пригласили меня в кафе, где и должна была состояться та самая первая беседа, которая и определит, войду ли я в телемитское братство. Что я могу принести Ордену? А что есть Орден для меня? Как вообще я представляю Орден? Хочу ли я в него и почему? Простые вопросы, простые ответы. Беседа, точнее даже собеседование — продлилось не больше двадцати минут.

Говорили о том, о чем обычно говорят в таких случаях, и едва ли мое собеседование отличалось чем-то от сотен собеседований, проходящих в разных оккультных братствах. А каковы причины, которые привели вас в наш Орден, а что из книг Кроули вы читали, а пробовали ли делать ритуалы?

На слове «ритуалы» у меня произошло легкое замыкание. До сих пор мне попадались только групповые ритуалы вроде гностической мессы или описание ритуала Пану. На личные ритуалы я до сих пор так и не наткнулся и даже не догадывался, что путь телемита — это не только непрерывное восхваление Ньюит словами и делами (любви), но строгая и сложная дисциплина регулярно выполняемых практик и размышления над их соответствиями.

До этой встречи с Марсием я прочитал очень много текстов Кроули, но как-то так случилось, что мне не попадались индивидуальные ритуалы или я просто пропускал их. Мозг каким-то образом выделял исключительно те, которые либо вибрировали в унисон с моим почитанием Лилит, либо совпадали с чем-то, что я раньше читал у Юнга. Я умудрился пропустить информацию о последовательности личных ритуалов, обязательных в качестве духовной практики. Я попросил Марсия дать мне ритуал, я стал записывать под его диктовку. И конечно, Марсий дал мне ритуал, который считал самым важным для начинающего.

Конечно, это был МРП. Классический Малый ритуал Пентаграммы, созданный в легендарной Золотой Заре и немного переосмысленный Алистером нашим Кроули. С жадностью неопита, который с детства слышал о заморских чудесных странах как о чем-то недостижимом, а сейчас узнал, что туда можно поехать, я вникал в каждое движение и жест, пока наконец Марсий не произнес *это* имя. И вот тут настроение резко изменилось — и меня стал покрывать холодный пот. Должно быть, я чего-то не понимаю. Все, на что хватило моих сил, — это скрыть свое смущение и ужас. В ритуале использовалось имя Яхве. Врага. Врага Лилит. Того, кто приказал ей подчиниться Адаму. На имени Яхве меня практически затрясло. Я пришел сюда служить Ей, я читал Книгу Закона и я абсолютно точно не мог спутать эту вибрацию ни с чем.

И тут с самого начала мне предлагают призывать Яхве. Предательство! Но ведь Лилит привела меня сюда. Должно быть, я что-то не знаю? Может быть, это имеет другой смысл. Другой? Но это же Яхве!!! Сам не свой я добрался до дома и первым делом полез на сайт. Действительно, Марсий не обманул — это ритуал за авторством Алистера Кроули. Но как это вообще возможно? Кому он служит? Я почувствовал, что мой мир раскалывается на две половинки: с одной стороны была она, вдохновившая Кроули, который единственный знал главную тайну святости секса и в особенности святости секса с особенными женщинами.

Но между мной и Кроули стояло это имя, имя, которое я ненавидел с того момента, как узнал историю Лилит. Как вместить, что Кроули славит Лайлу теми словами, какими я бы славил Лилит, обладай я самым высшим даром меда поэзии, но при этом, смущаясь, называл МРП, где произносится имя ее гонителя, «эликсиром металлов и камнем философов»?!

Я почти заболел от размышлений. И на третий день я таки принял решение. Прости меня, Госпожа, прости меня, владычица, но ты сама и твои знаки привели меня сюда. И как бы то ни было, я должен войти в храм, раз оказался на пороге Волей Твоей. Я поверил и, преодолевая отторжение, начал учить слова. Яхве. Йод-Хе-Вау-Хе. Другие слова, тоже библейские, не вызывали такого отторжения просто потому, что я не знал, что это тоже имена библейского бога. Наверное, бывший христианин, в котором его вера пропитала его суть, входит на сатанинскую мессу с тем же ужасом, с каким я впервые выполнял МРП.

Надо будет разобраться с этим. Конечно, через некоторое время я выяснил, что в Телеме Яхве — это просто структура, формула принципа четырех стихий, тетраграмматон. И это не имеет отношения к тому Яхве. Приняв эту версию, я честно делал этот ритуал и даже один раз, оказавшись в точке кризиса, таки воззвал к этой формуле. И все же нечто во мне всегда сопротивлялось этому ритуалу до последнего момента. Все остальные, впоследствии открытые и освоенные ритуалы Телемы — от поклонения Солнцу до Регуле и Самех — вызывали настоящий восторг и проходили

через сердце. Но от МРП всегда чувствовался неприятный холодок. И все же — мрачноватая структура Яхве, как убедится читатель, порой пробегала по корридорам телемитских сообществ, перекрывая ветер свободы.

Ну а если забегать очень далеко вперед, ко второй и третьей части повествования, то надо сказать, что несколько позже, когда я ушел в свой проект, отойдя от дел Ордена, но оставаясь телемитом, я не раз читал лекции по всем ритуалам Телемы. Всем, кроме того самого МРП. И хотя тогда правила игры были таковы, что мне надо было принять этот ритуал, сейчас, анализируя жизнь и учение Кроули с вершины, достигнутой точкой $5=6<3>$, я пришел к парадоксальному выводу — *мир* действительно принадлежит другой стороне. Телемиту, узревшему всю красоту и глубину Святых книг, написанных Кроули, невыносимо сложно признать, что сам Кроули был разрываем двумя силами. Первый, кто провозглашал Нюит-Лилит. Первый, кто бросил вызов иудео-христианской морали в ее главном бастионе. Пророк, который поменял фундаментальные правила игры в большом мире оккультной традиции Запада.

$<3>5=6$ это степень в Ордене А.А., созданном Алистером Кроули. Первая цифра означает номер степени, а вторая — число сфиры на древе жизни. Таким образом, $1=10$ — это степень неопита, осваивающего законы материального мира, а $10=1$ — высочайшая степень Иписимуса, на которой посвященный полностью соединяется с богом и произносит слово Эона. $5=6$ — это степень, связанная со сфирой Тифарет, в которой достигается знание и собеседование со своим САХ (по-юнгиански — с Самостью) и осознается своя Истинная Воля. В сюжете книги это понятие связано с двенадцатой главой в третьей части, где происходит первая встреча с Азазелем. (Прим. автора.)

Это все так. Но точно так же правда, что тот же самый Кроули так и не смог до конца освободиться и понять, что же значит его же собственный закон, принятый во всей тотальности. Потому в его книгах встречаются, к примеру, рассуждения о женщинах, которые якобы по своей женской природе не способны к магии, (то есть, видимо, наличие хуя является главным условием бытия магом). А в одной из самых прекрасных Святых книг — «Книге Сердца, обвитого Змеем» есть в высшей степени спорный и неприятный пассаж о Лилит.

У него хватило проницательности и мужества переосмыслить Бабалон, ту, что считалась Вавилонской блудницей и убийцей святых, но переосмыслить Лилит, сделать последний шаг к разрыву с патриархальной мерзостью он так и не смог. И не смог не потому, что был в чем-то глуп или недалновиден. Но потому, что сам оставался раздвоен в себе самом. Обогнав свою эпоху и будучи первым проводником нового мира, в своем восприятии женского он нес кусочек мира старого, разрываясь между ними — то понимая божественность женщины, а то утверждая, что у женщины нет воли и женщина не может быть магом. То говоря о полном освобождении стихии сексуальности, а то снимая с поста главы ложи преданного ему Смита за эту самую очень свободную сексуальность. После Кроули был Парсонс, своей жизнью исправивший ошибки своего небесного отца.

Но все это понимание пришло гораздо позже. После бездны, после четвертой степени, после установления своего, индивидуального магистерия и своего храма. А в начале пути я должен был совершить прыжок веры. И преодолевая ужас, опуская глаза, чувствуя себя чудовищным предателем, я в первый раз выполнял Малый ритуал Пентаграммы и испытывал то самое приятное тепло в сердце и ощущение достижения баланса стихий, о котором и говорил Марсий. Я просто научился не видеть другое ощущение, поверив в правоту тех, кто по определению знает больше меня. Задумайтесь. Не сделав так, я никогда бы не стал тем, кем я стал, и всякий, кто желает обрести свой храм, должен пройти этап многолетнего ученичества и принятия всего, что несут те, кто знает и может больше. Зато потом для немногих уготован особый прыжок.

Вечером, после того как я впервые выполнил МРП, от Марсия пришло письмо со списком книг и прикрепленными файлами этих книг. Мне следовало их внимательно изучить, чтобы сдать экзамен на достаточную подготовку к посвящению в ОТО.

Следующая встреча тоже неплохо запомнилась. На этот раз Марсий пригласил меня домой, где я впервые увидел других братьев и сестер. Я опасался этой встречи, но именно здесь почувствовал главное — эти люди вызывают у меня доверие.

Но эта встреча запомнилась не разговорами. Эта встреча запомнилась местом, где она проходила. Огромная квартира, где все четыре комнаты по всем возможным стенам были заполнены книгами. До этого момента я имел наивность предполагать, будто собранная мной за последние пять лет библиотека была большой. Иллюзия разбилась в прах. Оказавшись перед библиотекой Марсия, я буквально онемел от изумления. Книги. Везде, во всех комнатах, книги на стеллажах в несколько слоев. Книги обо всем: история, литература, политика, магия, поэзия, культурология. Легче сказать, чего там не было, чем перечислить, что было: Донцовой и Марининой в библиотеке Марсия точно не было и не могло быть. А вот всего остального... Вот только в ту самую секунду, оглушенный созерцанием этой книжной феерии, я полностью и окончательно понял: мне сюда. Я попал куда надо.

До этой встречи мне приходилось пересекаться с некоторыми психологическими и оккультными школами и группами, но я нигде надолго не задерживался. Ибо везде меня встречала бедность. Не материальная бедность, но бедность духа, зауженность, зашоренность на «единственно правильном учении», невозможность увидеть что-то вне границ, заданных школой.

Но здесь все оказалось устроено прямо противоположным образом. Здесь школа, традиция явно давала Марсию точку опоры, позволяющую осмыслить всю бесконечность человеческой культуры. «А ведь если я стану членом Ордена, Марсий разрешит мне пользоваться его библиотекой», — подумал я, и даже самые дальние бессознательные сомнения отпали. Да, еще одна деталь: все сомнения отпали еще и потому, что впервые я увидел супругу брата Марсия, тоже телемита и сестру ОТО, что было зримым доказательством ложности моих страхов — уж он-то точно не гей.

Оказавшись оглушен созерцанием тысяч томов библиотеки главы Ордена, я не слишком запомнил, о чем говорили. Вроде бы речь шла о следующем после Пентаграммы ритуале — Малом ритуале Гексаграммы.

Началась подготовка. Наши встречи происходили примерно раз в две-три недели. На них мне рассказывали о ритуалах и объясняли их символизм. Не помню, были ли еще ученики, но вроде бы нет — тогда преобладал индивидуальный подход.

Как же сложно описать чувства, которые меня переполняли. Попробуйте представить себе спортсмена неважно какого вида спорта, многие годы являющегося одним из лучших игроков второй лиги. Он вызывает восхищение одних, зависть других, соперничество третьих и, сравнивая себя с окружающим миром, постоянно говорит себе — черт возьми, как же я крут! И в один прекрасный момент по очкам и достижениям этого спортсмена переводят в первую лигу. Где он — не первый, а последний. Где все его достижения и предметы гордости — не более чем «история детства». Самый большой из малых становится самым маленьким из больших. Там с некоторой долей заносчивости я мог позволить себе гордиться самым большим набором знаний. Здесь — мои знания были не больше, чем знания десятиклассника в сравнении со знаниями среднего студента. Там я с гордостью показывал всем гостям библиотеку, как бы подчеркивая — я не такой как все, моя жизнь это книги, мысль, идея. Здесь, библиотека Марсия могла бы вместить десяток моих библиотек, да и библиотеки других братьев и сестер тоже выразительно говорили сами за себя. Там я уверенно рекомендовал заглянувшему на огонек, что и в каком порядке читать. Здесь я мог только надеяться, что Марсий или сестра Нина, пожалуй, самый образованный человек в Ордене, порекомендуют мне что-то из большой реальности мысли.

И вот здесь тонкая штука, как к этому относиться. Потому что на такое изменение может быть две разных реакции. Для человеко-животного такой переход был бы катастрофой. Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, — весьма

недальновидная поговорка, созданная теми, кто понимает власть как средство утолить серый голод. Для другого, противоположного типа такой переход стал бы самым большим подарком судьбы. Так что мне казалось, будто из иллюзорного мира я оказался в мире реальном — и мне здесь чертовски понравилось.

И конечно, приобретая свои первые познания, я с головой нырнул в первые наивные эксперименты с магией. Особенно заинтересовала магия Хаоса. Заинтересовала легкостью, практичностью и одновременно — вызывающей имморальностью. Я хотел попробовать все, перейти все границы, зайти дальше, чем заходили до меня, войти в те двери, в которые входил только сам Кроули — самый испорченный человек на Земле.

Прошло некоторое время — и вот на повестке дня мой первый магический эксперимент. Я жажду опыта, реального опыта. И, черт возьми, у меня есть повод. Та самая Ирина, которой трижды выпадал аркан Дурак. Какое-то время были с ней любовниками, но к тому моменту отношения угрожающе приближались к завершению, а возможно, были и полностью закончены. Месяц я не мог убедить ее встретиться.

Да, в Телеме все ритуалы направлены на духовные цели, и едва ли найдется умелец, который перезаточит Звездный Рубин или Гностическую мессу для забивания гвоздей. Но я-то уже знал не только о магии Телемы. А почему бы не воспользоваться магией Хаоса, изначально глубоко практичной и прагматичной, коли уж ритуалы магии Хаоса выложены на официальном сайте ОТО? Я изготовил сгиллу, вычеркнув, как и рекомендовалось, повторяющиеся буквы. Положил эту сгиллу под простыню.

После чего я почувствовал себя спускающимся в инферно трущоб героем и, недолго колеблясь, снял проститутку. Вся моя магия заключалась в том, что в момент семяизвержения я издал рык «Терион!», со всей силой и яркостью представляя вожденную Ирину на месте той, кто честно делала свою работу. Надо сказать, работница древнейшей профессии была изрядно удивлена моему греческому, но история совсем не о том.

Вдруг получится? Логика простая: либо магия не работает, и тогда я ничего не теряю. Либо работает, и тогда я получаю все, что хочу. Ответом моим мыслям был телефонный звонок ровно через минуту после сексуальной разрядки. Ирина. Без слов и предисловий, как и положено Лилит: «Я еду к тебе». Слава богам, что я успел быстро «выписать» путану до ее приезда потому, что приехала она быстро.

Надо ли говорить, как вдохновил этот первый результат! Если бы она «вернулась» потом, оставалось бы место скепсису, место сомнениям: вдруг совпадение, вдруг накладка? Но между взрывом оргазма и звонком прошла лишь одна минута. Это был не просто результат, это было настоящее чудо! Как будто мне удалось создать волну и потянуть ее к себе всей силой моего желания. За этот час я получил две хорошие новости: магия реальна и мои дорогие друзья маги ошибались — я вполне способен к магии, да еще как способен. И вот тут меня ждала главная ловушка. Произошло то, что не могло не произойти. Инфляция. Раздувание эго до космических масштабов. И пока его не сдуют, оно будет держаться иллюзии всемогущества. А что — вроде все логично. Раз магия реальна до такой степени, а я теперь Маг, близкий настоящему магическому Ордену, то трепещи, мироздание, — се я гряду в силе и славе своей!

Три недели после я не выпускал Ирку из постели, но, черт возьми, всему приходит конец. Утилитарная магия может создать красивый спецэффект, но любое изменение, не благословленное и не подтвержденное Патроном, может быть в лучшем случае тактическим, временным, но не стратегическим. Это тоже мой первый важный урок.

Не могу отказать себе в удовольствии еще раз рассказать об этой бестии, ибо, черт возьми, она заслужила войти в историю. Я хорошо помню ее первое появление в нашем кругу, когда самый младший из нашей компании — Вовка — привел свою отсталую мамашу, живущую только кастрюлями и варкой самогона, в просвещенную интеллектуальную компанию. Пусть поучится. Тогда про нее говорили: «А это Ирка,

которая мать Вовки». Все изменилось примерно через пару месяцев. Теперь говорили — а это Вовка, который сын той самой Атаманши.

Не буду пересказывать историю тройного выпадения аркана Дурак, но еще раз подчеркну, что никогда больше я не наблюдал такую быструю и разительную революцию в человеке. Ирка-самогонщица превращалась в Атаманшу. Из загнанной домохозяйки — в просто магически притягательную женщину. В ней было что-то от Лены, какой-то кусочек этой силы. Ходил даже слух, и наверняка не беспочвенный, что у нее был роман с одним из музыкантов первого эшелона, ибо именно она организовывала все концерты, но, как вы понимаете, точно тут не скажешь, ибо свечку никто не держал.

Между нами был роман. Я был первый, кого открыла новорожденная леди. Но увы. Как это до сих пор у меня и было — роман не продлился долго. Хаос-магия помогла вырвать еще месяц, так что она сама до конца не поняла, что ее дернуло вдруг резко подорваться ко мне, хотя казалось — все закончено.

Как это ни банально прозвучит — она ушла к другому. Максим. Черт возьми, если бы это оказался сильный, волевой мужчина, воин, герой, бизнесмен, поэт — да кто угодно, просто яркий человек, я бы это смог понять и принять. С трудом, скрипя зубами, но принял бы свое поражение. Абсурд ситуации в том, что это был эталонный, архетипический омега. Это был инвалид с покалеченной головой, который все время только и делал, что жаловался на свою жизнь. Проиграть *такому*?! Боже, какое унижение, какой позор!

И вот мой второй магический опыт. Абсолютно спонтанный и, как самая сильная магия, не планируемый. Кажется, в тот вечер, мы были не то на концерте, не то в каком-то кабаке, и там стало ясно — она окончательно остается с ним. Господи, да реши она сочетать нас, как это сделала бы Лена, имея сразу двух любовников, — никаких вопросов. Это даже добавило бы восхищения. Но уйти к этому слизняку, ничтожеству, которое только и может, что плакать?!

Как во сне я вышел на улицу. Сознание вскипало холодной ненавистью. Я начал синтезировать навыки магии Хаоса с теми нехитрыми штуками, которым все-таки бегло учили меня наши «маги». Я очень ярко и четко представил, как Максима избивают на улице вечером, он получает травму головы и быстро умирает. По крайней мере, если верить тому, что он говорил о своей болезни.

Я проклинаю, проклинаю, проклинаю! Ярость все сильнее, тотальнее, всеохватней. Холодная, слепая, неконтролируемая ненависть, не позволяющая заснуть полночи и проигрывающая одну и ту же картинку — смерть Максима от избиения.

А на следующий день ко мне домой приходит избитый — только не Максим, а Скандинав. Старший из тусовки Магов, о которых речь шла выше. Я не понимаю, что произошло, но слово за слово, переглядываясь, моргая и опуская глаза, мы начинаем приоткрывать карты друг другу. Выяснилось, что Максим часто жаловался Скандинаву, что его постоянно бьют и это угрожает его жизни, и Скандинав поставил на него защиту. Рунический став, который Скандинав пропустил через себя. А моя атака была недостаточно сильной, чтобы пробить защиту, но достаточно — чтобы она автоматически срикошетила в того, кто ее поставил. Если бы не намертво заплывшие глаза Скандинава точно на следующий день — я никогда не подумал бы, что подобное возможно.

Скандинав некоторое время был на меня обижен, ибо оказаться ни за что побитым — это неприятно, но, надо сказать, после этого все разговоры, что «Олег, конечно, хороший человек, но магом точно быть не может», закончились раз и навсегда.

Атаманшу я так и не вернул. Максим умер примерно через год. Было это следствием проклятья, или его здоровье и так было подорвано до первой группы инвалидности, утверждать точно нельзя, и считать эту смерть только результатом своих действий я не могу. Я был поражен, до какой же степени магия — это сила, помогающая

осуществлять даже то, что кажется невозможным. По особо извращенной иронии судьбы к моменту его смерти они с Ириной уже несколько месяцев как расстались, что не вернуло мне Ирину. Путь черной магии — это ловушка, кратковременный и порой впечатляющий результат здесь становится не более чем наживкой, заставляющей рыбу глубже заглотить крючок. Это был следующий важный урок, который, к сожалению, был осмыслен не сразу.

Тогда я только глубже заглатывал крючок: теперь я настоящий маг, теперь я получу, что хочу. И следующий удар был моим последним актом магии первого типа. Я захотел отдельную квартиру, вдали от ненавистной матери, с которой все чаще происходили скандалы.

Удар по семье деда. Если дед умрет, то мать унаследует квартиру и я смогу переехать. Правда, там есть еще вторая жена деда и их сын. Что, если?! Пусть сдохнут, черви! Дед. Его жена. Их сын. После очередного скандала — порезанное бритвой плечо, призыв сил разрушения. Вдруг получится, если получилось с Ирой и Максимом?

Получилось. Третий и последний раз в моей жизни обычная прикладная магия была разыграна как по нотам. Три трупа за три месяца. Все старые, все больные, все спивающиеся — велико ли чудо, не совпадение ли, скажет скептик. Но все же три трупа за два месяца подряд — едва ли можно назвать совпадением.

По особо изысканной иронии судьбы квартиру ни я, ни мать не получили, нашлись другие родственники, а на перепавший мне огрызок наследства нельзя было купить даже комнату в деревенском общежитии.

Я получил урок. Черная магия никогда не даст того, что ты хочешь на самом деле. Никогда. Сила выполнит озвученный запрос, но извернется так, чтобы в итоге чернушник остался с носом. Всем, кого искушает путь черной магии, я рекомендую читать гениальную трагедию Шекспира «Макбет», очень наглядно иллюстрирующую, какие невероятно привлекательные условия могут предложить силы лжи, но итог всегда один — раз за разом лес таки идет войной на не в меру раздувшегося мага, продавшего первородство за чечевичную похлебку.

Самое обидное, что я так и не понял, что произошло, и не понимал многие годы. Только достигнув 5=6 от САХ, имя которому — Азазель, я узнал что именно он с того момента обрезал для меня любую практическую магию, идущую по желанию эго. До этого я и понятия об этом не имел и время от времени, находясь в экзальтации чувств, пытался повторить результат — Кэт, Черное зеркало, проклятье Пермякову. Всякий раз результат был противоположен желаемому.

После первых триумфальных чудес любви и смерти магия перестала работать навсегда. Все эти годы всякий раз, когда я пытался обратиться к прикладной магии, я получал обратный результат, но всякий раз, когда мне хватало ума этого не делать, — получал гораздо больше, чем можно было подумать. Тогда Азазель в первый раз вступил в игру. «Ты, конечно, был молод да горяч, моя дорогая ставочка, но пришлось тебе подрезать некоторые ниточки, а то ведь дров наломал бы, шею свернул да нас всех подставил бы». Это он отрезал магию. И это была хирургия. Слишком сильны аффекты, слишком многое подавлено, вытеснено, не осознано. Слишком слабый контроль. Мистика, экстаз, вертикаль — без проблем. Но прикладная магия была отрезана аки воспаленный аппендикс.

Оставалась возможной групповая магия, где я получал результат как часть группы, магия, направленная на духовную цель, переживание, преображение, получение нового навыка. Но любые магические ритуалы, направленные на практический результат, какой бы он ни был, стали для меня бесполезны. (Было одно исключение в виде Ритуала Пятого аркана, но в данном случае ритуал был полностью вдохновлен самим Патроном.) Но я же этого не знал и некоторое время продолжал лбом ломиться в закрытую дверь. Ах да — всего через полгода разыграется история Кэт.

Правда, будем справедливы, как поправляет Азazelь, магия была не заблокирована полностью, а скорректирована. Когда запрос соответствует Сущностной природе, магия выпускает свои нити даже без каких-либо ритуалов. Но все нити идут через него. А когда сознание оказывается захвачено ложными желаниями, когда эго жаждет власти или реванша, нити просто не связываются с образами и словами.

Итак, магия первого типа оказалась навсегда закрыта для меня. Но я-то этого не знал...

Глава 4. Первые ритуалы братства

*А также мантры и заклинания, «обеа»
и «ванга»; работа жезла и работа меча;
этому он пусть учит и учится.*

Алистер Кроули. Книга Закона

Сколько рубиконов должен перейти тот, кто ступил на путь, дабы в итоге прийти к самому себе? Ровно столько, сколько нужно. Моим следующим рубиконом был первый ритуал братства.

Уж не помню, сколько прошло встреч, прежде чем брат Марсий решил пригласить меня на первый ритуал. Я даже помню смысл его слов. «Это очень важный шаг, — говорил он. — Мне часто встречались люди, которые с удовольствием любят поговорить о магии, пообсуждать магические символы, а после того как получали первое приглашение на настоящий ритуал, исчезали в неизвестном направлении».

Я запомнил этот монолог Марсия, потому что тогда меня ошарашило изумление — разве такое вообще возможно?! Похоже, что для меня было чем-то естественным, для многих стало непреодолимым рубиконом. Разве, получив приглашение на ритуал, мы можем его игнорировать? Еще четыре месяца назад я впервые пожал руку брату Марсию — и вот меня приглашают на внутренний ритуал ложи. Гностическая месса. Конечно же, я уже был знаком с текстом ритуала, но я даже не мог помыслить, что этот ритуал регулярно проводится и я буду на него приглашен так быстро. Это было настоящее чудо!

Всю неделю перед ритуалом я боялся, что произойдет какой-то форс-мажор, что я заболелю, переломаю ноги, что Марсий напишет, что ложа изменила решение и просит меня подождать еще несколько месяцев. Я был готов ко всему. Но только не к тому, что ритуал произойдет в назначенный срок.

На пути к своей первой мистерии, в электричке, я увидел сон, явно выбивавшийся из привычного сновидческого ряда. В этом сне какие-то мрачные люди меня вели какими-то темными коридорами, и в конце этого коридора я оказался в каком-то закутке, где за столиком сидели мрачные люди в черном. Классические готы, культивирующие мрачность и эстетику смерти, которых до сих пор я видел только на картинках в интернете.

Проснувшись, я не мог понять, почему мне приснился этот сон. Ведь я уже был знаком с половиной ложи, и эти люди даже близко не напоминают героев моего сна. Неужели мое бессознательное пытается обесценить, приуменьшить ритуал, неужели это своего рода компенсация? Я думаю, что залогом моего движения в мире магии всегда было то, что в первую очередь я всегда подозревал себя в самых худших реакциях — поэтому предосторожности никогда не были лишними.

Но, черт возьми, сон был настолько ярок и натурален! О чем он говорит мне? Так, изрядно озадаченный и озабоченный, я шел на свою первую Гностическую мессу.

Гностическая месса. Святая святых телемитской мистерии. Ритуал, который по праву можно назвать сердцем Телемы, самой Книгой Закона, только положенной на музыку ритуала. Ритуал, в котором выверено все: каждый жест, каждый звук, каждое

движение, каждая интонация. Ритуал, в котором сочетается строгий канон и абсолютная свобода самовыражения. Прекрасная каноническая музыка Вагнера звучит на протяжении всего ритуала.

С первых нот, с первых движений жрицы, танцующей свой танец змеи, я упал куда-то, где нет времени и пространства. Я как будто оказался в вечном храме Телемы, где Месса служится непрерывно. Не понимая нюансов таинства, я открыл его сердцем. Это было таинство, о котором я всегда мечтал, но даже не предполагал, что оно возможно. Таинства, где, как и должно быть в истинном храме, главное поклонение отдано женщине. Жрице. Богине. То, что я знал всей своей сутью, но не мог даже сформулировать, по мановению жезла жреца обретало плоть и кровь в таинстве мессы. На последней октаве ритуала, пошатываясь точно пьяный, я в первый раз пошел свой круг за причастием, радостно упав на колени перед алтарем жрицы. Ньюит. Лилит. Госпожа. Наконец-то! Здесь, в таинстве первого ритуала срывается завеса с главного вопроса о смысле и предназначении моем — служить Ей.

Потом, перечитывая священный канон Гностической мессы, я был потрясен, насколько в простой последовательности действий заключена вся мистерия великого делания. Могу ли я вообще надеяться хотя бы приблизительно передать те чувства, которые пробуждает Гностическая месса в сердце прихожанина? Текст мессы открыт и доступен каждому, кто захочет ознакомиться с тем, что на самом деле происходит, и узнать, не практикуют ли телемиты на своем главном ритуале кровавых оргий. Но текст — это описание. И как по описанию нельзя постичь вкус арбуза, так же по описанию ритуала нельзя постичь, что происходит с тобой, если ты оказался внутри таинства.

Комната преображена в храм. Роскошный алтарь с двадцатью двумя свечами, на вершине которого красуется Стела Откровения — главная святыня Телемы. В миг, когда все предварительные работы закончены, в храм входит жрица в сияющих одеждах и танцующей походкой идет к гробу. В гробу — жрец, символизирующий простую душу, погребенную во прахе материи. «Я только гроб, в котором тело бога — погребено», — не об этом ли написал великий Максимилиан Волошин? Простая белая мантия, символизирующая саван. Покаянный взгляд долу. «Кто я такой, чтобы наделять братьев добродетелями?» — говорит жрец жрице, отверзающей завесу для новой жизни. Жрец, выходящий из гроба по воле жрицы, — не это ли высочайший символ всех преображений, пойманных в одном жесте великого таинства? А после этого жрица своим легким танцем начинает возносить жреца. Очистив водой (эмоциями), огнем (мыслью), облачив в царские одежды и надев корону Великого Змея, Жрица возносит опущенное копьё жреца к небу. Теперь это не прах, не человек, не жрец даже — но сам Бог, сам Хадит, который должен свершить свою мистирию пресуществления, где, став богом, он уже сам ведет за собой богиню в предвечной мистерии, дабы по завершению этой мистерии уйти обратно в гробницу, ибо это великая тайна вечного возвращения и вечной любви.

Я снова оглянулся позади себя. Разве меня не вознесла Лилит? Сначала — подростковый сон, потом — посланница, заставившая читать «умные книги», потом Кундалини, потом Елена, пресуществившая меня из дикаря в человека культуры. Разве весь мой путь, вся моя судьба — это не история Гностической мессы, положенная на музыку событий и знаков? И разве не Лилит привела меня сюда, показав путь к своему храму, храму Телемы? И разве может быть выше честь, чем право преклонить колени пред алтарем с обнаженной богиней? Тогда я не мог бы и предположить, что это значит, что придет тот час, когда уже я должен буду стать активен и творить свою мистирию, воссоединившись с Азазелем.

Из всех ритуалов, из всех мистерий, из всех созданных и не созданных таинств — не знал я таинства прекраснее Гностической мессы. Сколько раз я был прихожанином? Сколько раз был удостоен чести надеть мантию жреца? И каждый раз — эта мистерия вершится заново, каждый раз душа открывает новую грань, новое измерение, новое

мгновение красоты! Сейчас, когда я пишу эти строки, с грустью осознаю я, как давно я не принимал святое причастие из рук сияющей жрицы. Как много дел обрушилось на меня, что не осталось ни сил, ни времени организовать Гностическую мессу в своем пространстве. Но с какого-то момента я, подобно Мерлину из сказки, написанной Желязны, иду по третьему лабиринту, и эта задача даже более важна, чем самая прекрасная мистерия, когда-либо написанная человеком.

Кроули писал Гностическую мессу в России. Прогуливаясь по улицам Москвы и нижнего Новгорода, накидывая в походный блокнот случайные прозрения, постепенно выстраивающиеся в космическую гармонию ритуала. А ведь самую первую мессу в Нижнем Новгороде выпала честь служить мне. Но это все потом, гораздо позднее. А сейчас я, остолбенев, внимал происходящему вокруг меня таинству и дрожа принимал свое первое причастие с воистину люциферовыми словами. «Нет ни единой части меня, где не было бы Богов», — достойное завершение истинной мистерии, миг, когда жрец и жрица низводят мистирию на землю.

Правда, был один нюанс. О, вокруг этого нюанса было сломано много копий! Жрица не была обнажена на алтаре. Но об этом немного позднее. Потому что это один из камней преткновения для любого телемита, для которого ритуал — это Мистерия, а не ролевая игра. Но тогда мне и без обнажения было достаточно. Удивляли все окружающие меня люди, красота мистерии, особая культура общения, по сравнению с которой я и весь круг моего общения (пожалуй, в качестве исключения я бы выделил моего друга Смита и Лену Художницу, которые изначально принадлежали к миру высокой культуры) — неотесанные варвары.

По завершении мистерии один из присутствующих, брат Антон, приглашает всех пойти в некий «магический клуб». Остальные вежливо игнорируют приглашение, но я новый человек, мне важно установить как можно больше устойчивых контактов. И конечно, я принимаю приглашение.

С новым приятелем мы едем на другой конец Москвы и, нырнув в один из московских двориков, входим в пространство клуба. И я понимаю, что декорации моего сна и места, куда я пришел, тождественны. Мрачные и пафосные завсегдатаи клуба, все одетые в черное. Горящие черные свечи. Длинные мрачные коридоры между залами. Какой-то закрытый клуб. Мне можно — я приглашен Антоном. То, до какой степени декорации сна совпадают с реальностью, повергает в какой-то мистический трепет.

Нас приветствуют двое и предлагают уйти для разговора за особый столик в самом дальнем закутке. Они говорят со мной так, словно я являюсь полномочным представителем Ордена. Они говорят, что готовят некую «большую игру», что хотят «заклучить союз с Орденом в магическом переделе», и ждут от меня каких-то слов. Но я даже не рядовой член Ордена, я самый младший из учеников, сегодня в первый раз оказавшийся в кругу мистерии. Я пытаюсь объясниться, я испуган, не дай боги мне сейчас сказать что-то, что потом вызовет недовольство руководства. Но кто знает, что можно говорить, что нет? Я пытаюсь честно объяснить, что я — всего лишь младший из младших и от имени Ордена точно говорить не могу. Некто по имени Гарфилд отвечает: «А это неважно. Ты решил связать свою жизнь с Орденом — и значит, уже сейчас с тобой можно говорить. У тебя в Ордене есть будущее». Будущее? Господи, да я варвар, еще не обученный манерам и не знающий всех тонкостей светского общения! Если меня когда-нибудь посвятят в самую младшую степень, мне очень круто повезет. Вечер проходит в цветистых словопрениях, от которых можно было бы получить удовольствие, если бы не страх сморозить что-то не то.

Имел ли этот эпизод последствия? Самое удивительное, что Гарфилд был прав и уже через каких-то два года я стану секретарем российского ОТО и третьим лицом в иерархии Ордена. Но никакого «магического сотрудничества», никаких «больших игр» и ничего, что обсуждалось в этой беседе, никогда не будет иметь последствий. И никогда больше я не увижу этих двух случайных собеседников — Гарфилда и Некроса.

Возможно, тогда мне показали их для контраста, чтобы раз и навсегда запомнил разницу между магией и Магией.

Признаться, мне сразу бросилась в глаза разница. Изумительная культура и доброжелательность на собрании Ордена — и этот напыщенный темный пафос. Какая нелепость — эти ребята говорили, что «сделали ритуал древних, и на следующий день была авария автобуса». Всегда где-то что-то происходит, всегда что-то можно увязать с чем-то. Грань между синхронией и апофонией очень тонка.

И вообще, что за странные люди? Неужели они не понимают, что любое зло, если оно творится, — потребует компенсации? (Эх, мне бы вспомнить эти свои мысли парой месяцев раньше, когда я проклинал Макса и родственников деда.) Это не мораль. Это равновесие. Иногда жажда результата, ослепление корыстью может заставить забыть об этом, как это было со мной. Но — наслаждаться разговорами о бессмысленном зле?

Впрочем, уже тогда я понял что, при всех внешних эффектах, едва ли за этими ребятами была реальная сила. Происходящее вокруг больше напоминало какую-то нелепую ролевою игру, по правилам которой нужно постоянно доказывать друг другу, что игра идет по-настоящему. На мессе, на которой я был всего полтора часа, никого убеждать и ничего доказывать было не надо.

Это было так, словно вы впервые оказались приглашены ко двору французского короля, а после этого вас отправили на Двор чудес — и его странные обитатели пытаются доказать, что они ровня королевскому двору. Но, может быть, я что-то не понимаю? Поэтому — наблюдать. Молчать, соблюдать уклончивость, абы чего непоправимого не сделать. И фиксировать правила игры. В конце концов, как знать, может быть, мой странный собеседник прав, и у меня большое будущее, а у них настоящая сила, которую я просто не вижу из-за своей неопытности.

Достаточно быстро я выяснил, что мое первое впечатление было полностью верным. Марсий и близко не хотел слышать про этих позеров и даже высказывал недоумение, что брат Антон может с ними серьезно общаться, видимо, сказывается слишком молодой возраст. Намеки я понимал сходу и все последующие приглашения туда аккуратно игнорировал. Кажется, с самого начала я увидел все правильно: Гарфилд и Ко — просто случайные гротескные персонажи на обочине трассы под названием ОТО. Но все же до чего сильно впечатляет это совпадение — утренний сон в поезде и вечернее, почти ночное знакомство с этими странными людьми.

Впечатляющее совпадение со сном было только началом. Начиная с этой первой мессы, я раз за разом стал сталкиваться с магией второго типа. Той магии, где нет места ожиданию, корысти, торгу, а мистерия имеет единственную цель в самой себе.

Надо ли говорить, что моя былая зависть к моим старым знакомым уже давно растворилась в небытии. Уже было ясно, что уготованный мне путь будет гораздо интереснее и ярче, чем магическая войнушка с открывающейся язвой. Я стал погружаться в то, что было мне открыто, отпустив все и всех.

Совершенно неожиданно для меня, в моей калужской компании произошел перелом. Некоторые друзья стали принимать Телему. Сначала — ко всеобщему недоразумению и насмешкам олдových «магов» — ко мне присоединилась Кэт. И войдя в океан магии, она прочитала Книгу Закона и прониклась любовью к Ньюит. Это еще можно было как-то объяснить. Но вслед за Кэт телемитом объявил себя один из трех старших «магов» — тот, который занимался техномагией и в совершенстве владел разного рода энерго-информационными практиками.

Вот тут нашу доселе стабильную, до стазиса, компанию начало лихорадить по-настоящему. Из принимаемого, но рядового члена сообщества я стал превращаться в одного из лидеров, определяющих вектор. Это вызывало трения, подчас ироничные нападки. При всех обострившихся насмешках на глубине было ясно — равновесие сместилось. И в один прекрасный момент, когда мы с Кэт делали первую Гностическую мессу в Калуге, — даже самые убежденные скептики среди старых «магов» согласились

быть прихожанами. Это был дружеский акт ко мне, но одновременно — это было признание реальности потока, который до сих пор казался им не более чем блажью.

Тогда же произошло другое событие, событие Истинной Магии, значение которого стало ясно только через много лет. Событие, ставшее первым звеном цепи обретения Семьи, когда все время ты ищешь нечто, нужное тебе как воздух, но ты не знаешь ни имени, ни формы искомого.

В общем, между парой, которая до этого была своего рода костяком круга, неформальными лидерами, произошел разрыв. Он — скандинав. Она — аватара кельтской богини и темный эльф. Интересно, что с ними сейчас? Эти ребята казались всем, кто их видел, буквально воплощением идеальной пары, где муж и жена действительно одна Сатана, а одна Сатана слишком умна, чтобы разделить в себе самом. Их разрыв стал неприятным сюрпризом для всех, кто их знал. Но никогда не знаешь, какое добро получится из зримого зла. Ибо именно этот разрыв, над которым я вместе со всей компанией горько плакал, в итоге стал причиной события, оставшегося тогда вовсе незамеченным. Самого важного события, в итоге оказавшегося еще более определяющим, чем открытие Книги Закона. Рубикон был перейден, а я даже не понял, что произошло.

В этой паре главной явно была Кельтка. Именно она была идейным вдохновителем жесточайшей секретности всего и вся, чем они жили — начиная от их действительно секретных ритуалов и заканчивая музыкой, которую они слушали, и книгами, которые они читали. Мы — не люди. Наше — не для людей.

О боги всемогущие! Речь шла даже о музыке и литературе, субкультуре, принадлежностью к которой так гордились эти ребята. Оглядываясь назад, я вижу, что наша дружба была несколько несбалансированна: ребята кушали у меня в холодильнике, брали читать книги, из которых ко мне возвращалась только часть, которую нельзя назвать даже проклятой, и пользовались любыми находками. При этом их архивы были строгайше закрыты. Асимметрия. Худшее, что может допустить практик, хоть немного осознающий себя и магию в себе. А еще одна аксиома сакрального — любая асимметрия стремится к исправлению, даже если это исправление происходит вопреки всем желаниям. И если представить, что меня когда-то будет читать тот, кто только хочет войти в мир магии, и спросит меня, чего больше всего следует остерегаться магу, — ответ один: асимметрии, ибо у всякого, кто берет, не давая, отобрано будет семикратно.

В конечном счете именно их разрыв и восстановил симметрию. Скандинав решил честно и последовательно следовать своим принципам, которые долго подавлял из большой любви. А один из главных его принципов — информация должна быть свободна. Поэтому буквально через неделю после разрыва он отдал мне все. Все, эксклюзивностью обладания чем так гордилась Кельтка. Все так долго скрываемые архивы музыки и литературы.

Должен сказать, что если бы не аура тайны и избранности, создаваемая ребятами несколько лет, я бы забросил прослушивание их музыки после второго исполнителя. Вступление в Телему, конечно, несколько притушило ореол «их» мира, но накручиваемая почти два года подчеркнутая «секретность» не могла не сработать пружиной. Впрочем, первое же знакомство с архивом ясно показало: девяносто пять процентов музыки — это что-то абсолютно безвкусное и нелепое. Орден уже прививал мне куда лучший вкус, причем, до Ордена первые прививки были сделаны моим лучшим другом и моей любовницей. Я даже подумал: а что, если стремление Кельтки «скрывать» было всего лишь психологической защитой, вызванной страхом столкнуться с отвержением, с тем, что все важное для нее — для другого может оказаться пустышкой? Может быть, она скрывала потому, что где-то внутри понимала, что ее тайна — это воздушный шарик? Однако аура тайны, нарушения, срыва покрывала, насильственного проникновения в то, что мне не предназначалось, была слишком сильна, и я не собирался успокаиваться, пока не послушаю и не прочитаю все. О эта

сладость нарушения, сладость вкушения запретного плода! Запретите эту книгу официально — и это будет самой лучшей рекламой, что уже не раз подтверждалось практикой.

Решение слушать до конца выглядит таким нелепым, словно если бы вам попался прокисший суп и вы ели его до последней ложки потому, что кто-то годы запрещал его пробовать. Очевидно, попадись этот архив на просторах сети «просто так», я бы выбросил его после третьего второсортного исполнителя. Но зная, что сейчас я вторгаюсь, насилую чужую тайну, я слушал до конца и вопреки законам жанра был тысячекратно вознагражден. На помойке вдруг оказался ценный кристалл, чистейший бриллиант.

Песни Мартиэль. Черный Алмаз, скрытый среди сотен никчемных авторов-стекляшек. Истинный рубикон! Я впервые слушал песни Мартиэль и застывал в немом восторге. Я знал, что она знала, но не мог определить в словах, что же знали она и я. Из того, что я мог сказать словами, — она была единственной, кто знал больше меня. Не в культуре. Не в оккультизме. И даже не в магии. А в том изначально предназначенном для меня, уникальном пути, принадлежащие к которому исчисляются не тысячами, не сотнями, а единицами или в самом лучшем случае — десятками на весь мир. Знание на уровне сущности.

Должно было пройти время. Все условия должны были быть выполнены. Четвертую дорогу находит только тот, кто честно прошел три. А чашу с нектаром богов выпивает тот кто до этого изопьет три огненные чаши.

Но то — взгляд с нынешней точки в прошлое. Будучи там, все, что я мог — это только удивляться: черт подери, откуда она может знать эти образы, символы, не имея отношения ни к Телеме ни к оккультизму вообще? Потому что шли прямые попадания. Некоторые из символов относились к открытым материалам, некоторые — к тайнам инициации, что я получил возможность узнать несколько позже. Через нее эти символы росли в каком-то новом, невероятно свежем откровении, еще не известном миру. Это не просто тайна, это — тайное тайных. Но чтобы понять это, понадобились годы и годы. На тот момент я мог только изумляться тому, как неизвестная Мартиэль, песни которой от меня скрывали последние три года, может знать эзотерические символы, ключи и плетения, о которых я узнавал только из недавно переводимых книг и тайных посвящений.

Мне невероятно повезло прийти в ОТО в период его высочайшего рассвета. Тогда, не будучи посвященным, я мог быть приглашен на внутренний ритуал. Тогда — я мог получить сразу минерваль и первую степень, не выдерживая утомительного годового разрыва, ставшего после второго фатального удара обязательным для всех. Тогда братьев и сестер интересовала исключительно магия Великого Делания, а не необходимость выполнять административные дела вроде выписывания цитат для телемитских групп. Тогда у мистерии не было смысла и цели кроме самой мистерии.

Следующий опыт, следующий шаг, следующий ритуал — был внутренний ритуал Зевса-Юпитера. Если мессу я по крайней мере читал, то что такое ритуал Юпитера и как связаны планеты и ритуалы Телемы, я не предполагал даже близко. Что запомнилось — атмосфера суеты перед ритуалом, все готовятся, все спешат. Мне выдан кусок пергамента, сделанный из настоящей бычьей кожи, и дана простая команда — перерисовывай. Перерисовывать надо было талисман Зевса из какой-то древней средневековой книги. Что мы делаем? Для чего? На вопросы и ответы нет времени, некогда — все поймешь потом. Единственным объяснением, полученным мной в этой суете, была фраза сорор Н: «Это чтобы у нас была удача в жизни, просто чуть побольше удачи».

И вот ритуал. Совсем другой, чем месса. Нет той интимности, космичности, всепроницающего дыхания вечности. Но есть что-то другое. Очень сжатая энергия, каждый точно знает свою роль и свою задачу. Ритуал должен привлечь успех, для того

чтобы привлечь успех, нужно восславить Юпитера, связанного с Десятым арканом. Господи, если бы я мог это понять! Юпитер, Десятый аркан, средневековый гримуар, девственный пергамент. Впрочем, моя ошарашенность явно оказалась мне на пользу — благодаря этому сознание получилось максимально открытым происходящему.

Ритуал «накрыл» через два часа, когда все участники ритуала пили белое вино, ели белый виноград и обсуждали свои переживания в ритуале. Внезапно на секунду время как будто остановилось, и я почувствовал, что поток невероятной силы наполняет меня. Это можно было бы сравнить с Кундалини, но здесь это был мужской поток. На какую-то секунду мне показалось, что все участники — это скрытые боги, а наш пир подобен пиру богов на Олимпе. Фантазия взмыла вверх, сказалось впечатление от ритуала, легкое опьянение изысканным вином, возможность вести беседы, о которых я всегда мечтал. И вот — я на Олимпе.

Я был настолько окрылен произошедшим, что решил не сразу ехать домой, а побродить по Москве. И свернув на незнакомый маршрут, я увидел перед собой вывеску. Казино «Фортуна». Вывеска сине-фиолетового цвета. И в центре вывески — колесо, разделенное на четыре части. То есть практически олицетворенное изображение Десятого аркана, на который я только что старательно медитировал во время ритуала. Нет, я не вошел в казино, не выиграл там куш. Свободных денег было немного, и даже в мистических экстазах мне всегда была свойственна осмотрительность и страх во всем, что касалось денег. Но за следующую неделю я столкнулся с тем, что мой доход за неделю был больше, чем обычно я зарабатывал за месяц. Как будто поток Юпитера, щедрый отеческий поток накрыл меня своим краем.

А мой первый талисман, нарисованный на девственном пергаменте (увы, с тех пор мне больше не попадались пергаменты на ритуалах — ни девственные, ни блудливые), я до сих пор храню в своем паспорте. И за эти годы ни разу об этом не пожалел.

Глава 5. Первые интриги. Джубело<4>

*За окном подрагивают листья,
Словно пальцы тянуться в мой дом.
То в ночи затеплилось убийство
Красным воспаленным угольком.
Сергей Калугин. Ночная гроза*

<4>Первый из трех убийц (Джубело, Джубела и Джубелум) архитектора Адонирама согласно масонской посвятительной легенде. Здесь — аллюзия на первого из трех предателей, нанесших удар магическому телу Ордена. (Прим. автора.)

Карл Густав Юнг однажды сказал: чем ярче солнце, тем чернее тень. Попав в пространство Ордена, я мнил, что оказался в обществе идеальных людей. Смею надеяться, что все наивные беленькие уже удалились после истории, как я замочил бабушку с дедушкой, а остальные, я думаю, прекрасно знают, что идеальных людей не может существовать в природе. И история Ордена ОТО в России, как и всех орденов, когда-либо созданных человеком, — это история самых утонченных мистерий и одновременно самых причудливых и нелепых интриг. Ибо се человек, что по своей природе в принципе не существует вне борьбы за власть, интриг и других приторных конфеток, которые все презирают и все тайно балуются. Будь то древний орден с вековой оккультной историей, кружок кройки и шитья или клуб любителей шахмат, будьте уверены — идеальных людей нет и всегда найдется место богине Эриде. Поэтому, когда будете выбирать сторону, молитесь, чтобы с вами была ваша Анима.

Как и все потрясения, все принципиально новое, я очень хорошо помню этот день. Этот день разом поменял правила игры, превратив восторженного странника в

расчетливого игрока. До этого дня я свято верил, что Орден — это идеальная дружная семья, объединенная против варварства, бескультурья и профанизма всего мира. В один миг мне открылась реальная картина со всеми подводными течениями.

В тот вечер мне позвонил Марсий. Пожалуй, это был первый раз, когда он сам позвонил мне на домашний номер, и это явно обещало цунами. Брат Марсий — человек, для которого большая дистанция практически с любым человеком — это не разновидность снобизма, а базовое условие выживания. За очень редкими исключениями, которые можно выделить как «передышки», Марсий общается строго по актуальным вопросам. И вот он звонит мне, явно готовя к чему-то важному.

— Я должен сообщить одну неприятную новость, — звучит на том конце телефона. — Ты же помнишь Полину, которая приходила со мной в нашу первую встречу. Ты ее видел, она с Антоном близко дружит. Так вот, тебе стоит сразу знать — Полина теперь не с нами...

Вкратце история рассказанная братом Марсием заключалась в следующем. В норвежском отделении ОТО был посвящен некий юноша. Этот юноша был талантливым музыкантом и при этом абсолютно безнадежным шизофреником. К сожалению, руководство Ордена не сразу распознало его шизофрению, и он был посвящен в степень гостя Ордена, то есть минерваль. В какой-то момент этот юноша, имени которого я не помню, начал писать откровенные гадости в отношении Ордена на всех публичных форумах. Наряду с гадостями и клеветой (о, клевета — это любимое оружие тех, кто не может найти свое место в Ордене и оказывается исключен) этот юноша писал, что в Москву, в гнездо самого адского разврата он послал надежного человека, с которым можно связаться и который представляет его интересы в этой клоаке порока. Нетрудно догадаться, что этим человеком и была та самая Полина, которая действительно некоторое время назад дружила с этим юношей. Все ссылки на посты, материалы, конечно, мне были представлены.

Естественно, первое что сделал Марсий — это попросил Полину написать опровержение на форуме Ордена. И вот тут обнаружилась главная странность. Она отказалась это делать. Возможно, она была привязана к этому приятелю шизофренику, возможно, боялась осуждения, а может быть, действительно какими-то словами в переписке дискредитировала себя, поэтому боялась, что в случае публичного опровержения он начнет представлять скрины их переписки. Как бы то ни было — Полина отказалась написать несколько слов — мол, я непричастна к этому человеку и не разделяю его слов. Абсурд! По всей сети разошелся текст сумасшедшего, в котором ОТО представляется чем-то средним между дурдомом без врачей и всемогущим масонским заговором с еблей ослов в домашних условиях, а сестра этого ордена наотрез отказывается писать опровержение.

Услышанное меня изрядно ошарашило. История была абсурдной, но при этом абсолютно достоверной и доказанной. И ошарашенный, но еще наивный, сразу после разговора с Марсием я начал звонить Антону.

Антон понимающе ухмыльнулся, сказал что-то вроде: «Ты человек новый, не понимаешь всех нюансов. Но на самом деле Марсий просто мстит Полине. На самом деле в недалеком прошлом между ними был роман, и Марсий просто не смог принять разрыва, и решил таким подлым образом отомстить».

В первую секунду, услышав Антона, я растерялся. Где правда — кому верить?.. Эти секунды, которые в субъективном времени исчисляются часами, принадлежат Двенадцатому аркану. Зависание. Между небом и землей. Разрыв внутри того, что кажется атомом. Непонятно, что делать, как относиться к происходящему, да вообще — как реагировать.

Отвисев свое, я почувствовал, как во мне включилась Она. О Ней, конечно, надо сказать отдельно. Дочка Лилит. Эллоиза. По-юнгиански говоря, Анима, женщина в мужчине, ключ к андрогинности, ибо, как сказано в апокрифическом евангелии Фомы,

тот не войдет в царствие, кто не сделает единым мужское и женское. О ней, о душе моей я еще скажу немало, пока лишь поверхностно ее представлю. Не будь я еще и ею, я наверняка заблудился бы среди людей, не в силах отличить правду от лжи.

После пробуждения Кундалини у меня возникла одна очень полезная спонтанная способность. Изредка, когда я с кем-то беседовал и некто внутри меня полагал, что мне стоит увидеть немного побольше, чем слова, появлялась Она. Дочь Лилит, Эллоиза или просто Элли. Это означает, что я вдруг выходил за грань себя и мог посмотреть глазами собеседника. Эта способность не раз удивляла меня своей точностью. Как ее назвать — телепатия, эмпатия, считывание пространства? Единственное, что я знаю точно, — ничего подобного нельзя достичь по желанию, эта способность приходит, только когда на поверхность сознания в гости заглядывает Она.

И сейчас Анима, моя Эллоиза резко вывернула мое восприятие и показала внутренний мир Антона как бы изнутри. Должен сказать, ну и унылое же это было зрелище!

Сложно оформлять в слова тонкости такого рода чувствования. Возможно, я смог увидеть его изнутри благодаря тому, что у меня было огромное количество ран и комплексов, но я знал о них и они не мешали мне видеть. Мир Антона. Это правда уродливо. Эдипов комплекс как принцип бытия. Я увидел, как Антон проецирует на Марсия образ ужасного насилующего отца, и, по большому счету, для него любой мужчина, обладающий властью, будет всегда таким насилующим отцом-тираном. За несколько секунд Элли просканировала его мозг, и мне было абсолютно ясно — этому парню нельзя верить. Здесь нет фактов, здесь есть неврозы и предубеждения.

Сначала — интуитивное знание. Логическое обоснование и понимание всегда приходит чуть позже.

— Я, конечно, очень благодарен тебе за искренность и новую информацию, — ответил я. — Но если бы какой-то сумасшедший начал распространять клевету на компанию, частью которой я являюсь, да еще и называть меня «своим надежным человеком в стане врага», меня не надо было бы просить писать опровержение. Опровержение появилось бы на всех мне доступных стенах через минуту после того, как я бы об этом узнал, — из ближайшего компьютерного клуба. Нет ничего хуже, чем когда от твоего имени говорят то, что ты не имел в виду. Поэтому — уж не знаю, спал Марсий с Полиной или нет, свечку я не держал, как ты понимаешь, — думаю, что если бы он хотел за что-то отомстить, едва ли ей был бы дан столь легкий и очевидный для любого порядочного человека выход из положения. Марсий сказал, что условием возвращения является написание публичного краткого опровержения. Всего-то написать опровержение на форуме под статьей: «Я ничего не имею общего».

Антон замялся. Совершенно очевидно, что все конструкции Антона не выдерживали даже самой поверхностной логической критики. Если опровержения нет — значит, все, что пишет этот псих, правда, значит, она не с нами, а с ним. «Она не может. Она спала с этим человеком».

— И что, черт возьми?! То есть факт связи с шизофреником, — («И как шизофреник мог оказаться так близко к Полине, может, у нее что-то тоже не в порядке?») — подумал, но не сказал я), — оправдывает отказ писать опровержение на клевету от ее имени? Тут уж либо крестик снимите, либо трусы наденьте.

Антон промямлил что-то невразумительное.

Не желая наживать врага, я осторожно пошел на попятную: «Конечно, я могу допустить, что я человек новый, скрытых граней взаимоотношений я не знаю, и мне еще многому надо учиться, поэтому спасибо, что поделился, буду внимательнее и настроенней». В общем, начались дипломатические экивоки игрока, еще не имеющего надежной основы в чужом пространстве, который должен быть готов к любому варианту развития событий, ибо слишком мало данных.

Через минуту перезвонил Марсий: «Я хотел попросить тебя, не надо лишний раз рассказывать кому-то, что я тебе рассказал».

Я остолбенел. «Твою же мать, — пронеслись в голове мысли, — не мог сразу сказать! И что теперь делать?» В эту секунду я опять повис в Двенадцатом аркане. Соврать, что никому не рассказывал? А если выплывет? Не зная всех тонкостей, пытаться вести свою игру, строя стратегию на лжи, — это весьма неосмотрительно. А если завтра помирятся с Антоном?

Внезапно опять включилась Элли. Такой знакомый бархатный шепоток хозяйки, который, к сожалению, звучит в моей голове не так часто — в противном случае мне удалось бы избежать многих несчастий. Но сейчас она говорила и говорила, и ее голос через меня звучал очень четко. «Сейчас, мой дорогой, ты выбираешь сторону. Посмотри моими глазами, кто здесь прав, а кто в грязи и пачкает остальных. И выбирая сторону, не стоит лгать той стороне, которую выбираешь. По крайней мере, пока ты не понял всех правил игры».

— Брат Марсий, я должен принести извинения. Я уже рассказал. Ты же не говорил, что это тайна, я не был предупрежден. — О боги, как он на это среагирует, сочтет меня чудовищным болтуном: пять минут прошло — и уже!

— Спасибо за честность и искренность, это очень важно в отношениях между братьями, — только и сказал Марсий. И я почувствовал, что тут нет подвоха — он действительно был благодарен за честность и не держал ни капли обиды, и даже не пытался расспрашивать, что же сказал Антон.

Можно выдохнуть. Во всех непонятных ситуациях всегда слушай Ее, Эллоизу. Правда, одна беда — она не всегда изволит говорить. Да и вообще, тогда я еще не слишком отличал ее от себя, считая ее проявлением чего-то вроде «спонтанной проницательности».

Победа. Повесив трубку, я отметил для себя очередной рубикон.

А через какой-то месяц Полина написала требуемое опровержение буквально в трех сухих предложениях, которые она, должно быть, выдавливала, как скупец в состоянии крайнего запора выдавливает из себя фекалии. После этого она была восстановлена во всех правах без каких-либо упреков, напоминаний, ущемлений. Последнее и окончательное доказательство того, сколь дешево стоили слова Антона про «низкую месть Марсия отвергнувшей его женщине».

Итак, в первой интриге я оказался в огромном плюсе, спасибо Элли. С этого момента я видел, что есть весьма недоброжелательная интригующая оппозиция, причем интригующая даже не корысти ради, а из-за своих невротических искажений. Бедный Антон, он же весь соткан из своего эдипова комплекса! Но помимо Антона были другие, и стало ясно, что это очень разные люди с совершенно разным уровнем развития. С этого момента, находясь в пространстве Ордена, я должен был очень внимательно слушать Эллоизу. Ее.

За несколько последующих встреч, где я пользовался любой возможностью сблизиться с братьями, у меня возникла последовательная картина расстановки сил.

Есть Марсий. Надо сказать, что Марсий уникален тем, что за все годы нашего общения Элли ни разу не удалось его «считать», как будто уровень защит там такой, что их не может просмотреть даже Она. Кое-что видеть я смог только после того, как выпал из его пространства и смотрел очень издалека. Как и у всякого человека, у него есть свои скелеты в шкафу и свои золотые запасы. Здесь мне хотелось бы сказать про главное его достоинство, о слабостях и пробелах еще придет время говорить в конце книги, это до времени оставим. Так вот, главная сила и главное достоинство — у этого человека есть представление о чести. И поверьте, это правда большая редкость.

Есть его супруга сорор Ай Си, которая помогает ему во всем и по большому счету является вторым человеком после Марсия. Как преданная женщина, в свое время она безусловно приняла его выбор веры и стала самым надежным соратником на годы и

десятилетия. Со временем у Ай Си обнаружился удивительный талант, примеров которого я не знаю больше. Она способна создавать действительно красивые, мощные, глубокие ритуалы и мистерии, каждая из которых по красоте, продуманности и действенности вполне может сравниться с ритуалами, написанными лично Кроули.

Есть Нина. Или Соррнор Н. Точнее, была тогда. Человек высочайшей культуры, которую я почувствовал с первой встречи. Каждую возможность пообщаться с ней я считал даром небес. Нина происходила из семьи, в которой, когда она была еще девочкой, гостил Бродский, будучи другом семьи. И этим все было сказано. Я понимал, что каждую фразу сорор Н, каждый отзыв нужно впитывать, если я хочу действительно стать достойным пребывания в этом братстве.

Далее есть Саша С. — добродушный увалень, интересующийся исключительно античной философией, гностицизмом и древними магическими гримуарами и даже написавший одну из самых удачных книг по средневековым талисманам. В каких-либо интригах Саша не участвовал. Но в конечном счете его докетическое мышление приведет его к фатальной ошибке, которая будет стоить ему разума. Но это далеко потом.

Больше заметных на «нашей» стороне и нету. Есть те, кого я с самого начала мысленно назвал «оппозицией». Невротик Антон — с которым я познакомился первым. Пешка. Я быстро понял, что куда хуже Антона некто Дмитрий. Будем справедливы, этот самый Дмитрий обладал незаурядной харизмой, умел расположить к себе, создать ощущение абсолютной искренности и доверительности, незаметно влезая под кожу. И если бы не Элли, я бы, наверное, повелся. Более того — даже при ее предупреждениях в некоторые моменты я не мог не поддаться очарованию того, как он порой виртуозно выстраивал свои рассказы.

Как выяснилось, в истории с шизофреником из Норвегии именно Дмитрий активно вложил Антону идею о том, что все происходящее — это «месть Марсия». Отличить пешку от ферзя не представляло сложности.

Как нетрудно догадаться, скорое опровержение и последующее за этим примирение и возвращение Полины не изменило на глубинном уровне ничего. Дмитрий ненавидел Марсия. Для этой ненависти не было реальной причины. Это классовая ненависть, та ненависть, с которой урожденный плебей ненавидит урожденного аристократа, понимая, что никогда не сможет уподобиться тому, кого ненавидит. Этот сорт ненависти в чем-то даже метафизически чист, ибо не связан с какими-то реальными обидами, сведением счетов или корыстью. Классовая ненависть, ненависть поднявшегося буржуа, который тем не менее никогда не сможет быть причастен к тому, чего лишен фактом рождения.

Да, Дмитрий может очаровывать, производить впечатление, рассказывать удивительно красивые истории (именно он еще с первой встречи заинтересовал меня магией Хаоса и навел на мысль о моем первом ритуале, когда я пытался вернуть Ирину), в которых ложь искусно вплеталась в правду, и без Элли невозможно отличить одно от другого. Для нее же было очевидно как день: что бы ни говорил Дима — есть поводы, а есть причина, и единственная причина — это тотальная, глубинная, выжигающая изнутри зависть к тому, что не может быть твоим ни в одном из вариантов развития жизни. Во всех кулуарных разговорах Дмитрий не упускал ни одной возможности, чтобы показать, как у них все «лучше, чем у Марсия», какие они настоящие телемиты, и мимоходом вернуть что-то, обесценивающее Марсия.

Глядя на Дмитрия, как и потом, глядя на многих и многих недогероев недосцены их собственного бытия, я в некоторые мгновения мог увидеть природу их эмоций, но никогда не мог понять их до конца. Я могу понять злодея, подлеца, расчетливого интригана, который ставит свои выгоды превыше всего. Я могу понять их, если их зло творится ради собственной корысти, выгоды, результата. Лишь после того, как я стал взаимодействовать с Азазелем, смог я понять, что всегда, без исключений, даже самое

выгодное зло в конечном счете окажется стратегически проигрышным. Слова, кажущиеся банальными — для понимания того, что стоит за ними, нужно износить немало железных сапог. Но как бы то ни было, корыстного злодея можно понять и, более того, с ним даже можно договориться, ведь такой никогда не пойдет против своей выгоды.

Кого я никогда не мог понять — это завистника. Завистники — это самая низшая, самая грязная каста в иерархии пороков. Из семи смертных грехов зависть — презираема даже на дне самой отвратительной адской карательной клоаки.

Как можно отравлять пространство без малейшей для себя выгоды и даже наоборот — вопреки своей выгоде, просто потому, что ты не можешь одолеть мучающую тебя зависть, — это всегда оставалось для меня за гранью понимания. Дмитрий был именно таким. И после первых же «сканов» со стороны Элли я понял: конфликт и скандал неизбежен. Марсий может какое-то время игнорировать комариные укусы, но в конце концов ему надоест. А значит, стоит держаться подальше от переносчиков грязи.

В отличие от Марсия, который со свойственной аристократии привычкой судил о мотивах людей по себе и своему миру, а значит, не был способен понять весь масштаб психологии того самого «подпольного человека» из мира Достоевского, — я произошел из одной реальности с Дмитрием и очень глубоко его видел. Да, я, как и он сам, был низкорожденным, лишенным врожденного дара аристократии крови, и сознание невозможности перехода порой тоже вонзалось жалом в плоть. Единственным моим преимуществом перед ним была сущая мелочь. В центре моей реальности, в основании моей мандалы, в системе моих приоритетов находилось не эго, которому свойственно завидовать, лицемерить, предавать свои же убеждения. В центре моей вселенной была Лилит. Хозяйка, Госпожа, в глазах которой ярость и жестокость иногда могут быть красивыми и восхитительными, но зависть и мелкая подлость — никогда. Лишенные благодати Лилит обречены быть такими, как Дмитрий, и, пожалуй, я даже не могу их по-настоящему возненавидеть — их остается только жалеть, ведь в них нет Её.

К сожалению, дистанцироваться от Дмитрия сразу я не мог по очень банальной причине. После собраний Ордена он иногда предоставлял мне ночлег. А учитывая, что собрания Ордена заканчивались часто позже последней электрички, — перспектива оставаться ночевать на вокзале была приемлемой, но весьма неприятной. Эрго — сохранять хорошие отношения до момента открытого конфликта, ни словом ни жестом не поддерживать его нападков на Марсия, но и не спорить — молчание собеседника говорящий понимает так, как считает нужным. При этом очень осторожно и в максимально умеренной и смягченной форме (еще не хватало быть переносчиком слухов) давать понять, что я понимаю реальную расстановку сил и определил свою сторону.

Элли была полностью права. Примерно через год гнойник вскрылся. Дмитрий все меньше мог себя сдерживать, он уже не стеснялся клеветал и сплетничал про Марсия, что называется, не отходя от кассы, прямо у него дома во время собраний.

Логичный результат — Марсий выгнал Дмитрия. Более дикой, и что главное — более нелепой клеветы, которую извергал Дмитрий в сторону Марсия, было бы, наверное, невозможно даже помыслить и смоделировать. Если бы через пять лет не появился некто фр. Хирам. Даже принципиально нейтральный Станислав, как раз тогда только вступивший в ОТО и долгое время не выбиравший сторону, увидев подобное поведение, отказался с ним общаться.

Последующая история жизни Дмирия, по крайней мере отслеживаемая по его блогу, показательна. Он примыкал к разного рода группам. Сначала ОТО, потом главные враги ОТО — Базильянский Орден, потом Коммунистическая партия, откуда он делает резкий вираж к провластной партии и, наконец, начинает исповедовать либертарианство. Кто он сейчас, не знаю, да и, честно говоря, не очень хочу знать. Какое-то время — обычно это не задерживалось дольше года — он точно из рога изобилия извергал

активную апологетику своей новой системе ценностей, после чего происходило что-то, в результате чего Дмитрий насмерть срался со своими руководителями и круг начинался по новой.

Что у него в голове? Как можно смотреть на себя в зеркало, регулярно отрекаясь от того, что ты называл своими убеждениями, потому что тебя разочаровали конкретные люди? Как можно менять убеждения с периодичностью в год, как можно перечеркивать все, что ты отстаивал с пеной у рта еще какой-то месяц назад, и проклинать тех, кого ты еще недавно восхвалял?.. Насколько нужно не уважать... нет, не людей, которых ты проклинаешь, насколько нужно не уважать себя и свое слово, если любой очередной изгиб судьбы заставляет тебя плевать в твои же слова в прошлом? Видимо, без Лилит в сердце подобное неизбежно.

За всю мою жизнь я никогда не исповедовал идей, от которых потом бы отрекался. Могла измениться ситуация, некие новые грани могли стать более актуальны, а старые уйти в тень, что-то из старых ценностей могло переосмысливаться на новом уровне. Меняются приоритеты, и то, что казалось главным, становится просто хорошим или даже вторичным, но все равно остается частью моего мира, а то, что казалось не столь значимым, может на следующем витке оказаться самым главным. Однако при всем этом отречения, переворота, отказа от чего-то, что я бы заявил как свою основу, не происходило никогда.

Поэтому люди, подобные мотылькам, носимым ветром, и не обладающие основой, всегда вызывали только одно чувство — брезгливую жалость и презрение. И Дмитрий — это не какое-то особое исключение, которое следует поместить в кунсткамеру и исследовать как любопытную аномалию. Дмитрий — это типичный современный человек, без чести, без ориентиров, без векторов, принципов и, самое главное, — без Бога или Богини в сердце. Человек, не пригодный к инициации.

Вот тем и отличаются семьи от орденов. В орден принимают по критериям, качествам, заслугам. Если у принимающего есть в душе кто-то, похожий на Элли, он может избежать ошибок и сразу почувствовать опасность, однако ни у кого подобная Элли не может бодрствовать всегда и везде. В семьи принимают по синергии, зову песни сердца, принимают за много лет до того, как в материальном мире лицо видит лицо.

Глава 6. Вход только для сумасшедших, или Мои внутренние герои

Говорят, что маг на вершине посвящения должен создать новую вселенную. Если понять эту идею буквально — что может быть более нелепым? Но за каждой метафорой, за каждым символом стоит некий тайный духовный смысл, прочесть который — задача всякого, кто ступил на путь. И думается мне, «создать новую вселенную» означает стать в центре своей реальности. Достичь такого состояния, когда ты есть неподвижный центр тяжести и ось, вокруг которой осуществляет свой танец многоликая Шакти, творящая мир.

Не думаю, что я достиг этого уровня, и не факт, что когда-нибудь достигну. Но важнейшей духовной практикой, важнейшей задачей для всякого идущего по пути, будь это оккультный путь Великого делания или индивидуация по Карлу Юнгу (что на самом деле одно и то же, но немногие могут это понять), является создание карты. Карты души. Карты, которая позволяет знать различные грани и формы души, проявляющиеся во всех аспектах.

Свою карту я смог нарисовать относительно недавно, и очень может быть, что в нее будут добавляться новые элементы. И в этом повествовании я пользуюсь запретным литературным приемом, описывая события дальнего прошлого, исходя из моего нынешнего знания, так, если бы это происходило сейчас. Увы, без этой накладки не обойтись.

И все же я убежден, что эта накладка не слишком велика. Ведь неважно, знаем ли мы о своих частях, субличностях, автономных фигурах души или нет, — в любом случае они действуют в нас — узнанные или узнанные. Как сказал Юнг, цитируя древний апокриф: «О человек, если ты ведаешь, что творишь — ты благословлен, но проклят и нарушитель закона ты, если не ведаешь, что творишь». Я мог не знать, что Элли зовут Элли, но я четко могу вспомнить те моменты, когда Она — тогда еще просто Она — проявлялась во мне, давая чисто женские магические способности, наделяющие меня некоторым преимуществом перед несчастными мужчинами, у которых совсем другие Анимы. Я мог не называть свою Тень Рамси, но это не означало, что Тень не проявлялась, скорей, наоборот — с момента, когда я смог назвать и вычленить, я смог не отождествляться с теньвыми импульсами и смотреть на свою изнанку немного со стороны.

Потому, в нарушение всех законов повествования, я должен вставить эту часть, просто для того, чтобы в дальнейшем используемые мной образы и имена не вводили читателя в заблуждение.

Итак, читатель, для вас — карта моей души. Не эксгибиционизма ради, но примера для. И если хотя бы нескольких моих читателей моя карта вдохновит начать рисовать свою карту — я добился своей цели.

Давайте познакомимся. Олег Телемский. Впрочем, даже если мы не знакомы лично, мое имя вы уже могли прочесть на обложке книги. Эго. Я. Самое простое и, быть может, самое сложное. Простое — потому что все думают, будто знают, что значит это «я». Сложное, потому что, подобно движущемуся по сплошной стене прожектору, наше сознание постоянно высвечивает самые разные грани нашей души, каждая из которых в момент высвечивания говорит — «вот это и есть настоящий я». Ибо разве Эллоиза — это не Я на каком-то еще более глубинно интимном уровне души, чем дневное или бодрствующее сознание? И разве, становясь Азазелем, я перестаю быть собой?

Посему, дабы избежать ненужной перегрузки, договоримся, что под Эго мы будем подразумевать достаточно простые вещи. «Я» как убеждения и ценности, которые я выносил и выстрадал за эту жизнь. Я — люциферианин. Я — телемит. Я — тот, кто стремится принести в мир волю богов, что открывались мне в различных теофаниях. Я — либертарианец. Я — Дон Кихот по соционической классификации. Я — полиамор. Я — тот, кто ценит изысканную литературу (хотя кто из нас ее больше ценит — дневное я или леди Элли — это, конечно, тоже вопрос). Я тот, чей смысл жизни — в непрестанной работе над словом и мыслью. Есть и главное, и самое непонятное определение. Я — Черная звезда. Но это уже далеко не только и не столько про Эго. Это про суть.

Также в Эго входят все те навыки, стратегии, умения, которые плотно вошли в прошивку этого тела и почти не зависят от воли бессознательного. Конечно, очень условное определение — ведь самое простое умение, вроде умения печатать на клавиатуре, может быть выключено бессознательным на какое-то время, если, например, тело отправится в обморок. Но все же — если не брать экстрим, у нас есть набор навыков, которые нам условно принадлежат.

Убеждения, ценности, принципы, навыки. Утром или вечером, усталый или бодрый, воодушевленный или грустный, в обычном или измененном состоянии сознания — все эти ценности и убеждения есть то, что я могу назвать собой. Моим Эго.

А вот дальше начинается самое интересное. Потому что передо мной возникает задача вычленить разные грани психической жизни и дать им максимально явную персонификацию, выделив индивидуальное из видового. И если уж мы решили чертить карту, то начинать нужно снизу вверх, то есть, собственно, с уровня Тени.

Итак — Тень. То, что я не принимаю в себе, то, что мне мешает, создает проблемы, конфликты, искажает, вбрасывает в самые нелепые противостояния. Все то, что хотело бы убить мой мир изнутри меня. Сейчас я могу выделить две фигуры. Во-первых — Рамси. Слепая ненависть и ярость. Состояние, в котором я мог бы убить, если бы где-то

на периферии сознания, даже в миг его включения, не маячил наблюдатель, который красной лампой посылает сигнал: тюрьма, тюрьма, тюрьма.

Максима и моих несчастных, уже и без того спившихся родственников я явно проклял в состоянии Рамси. В этом же состоянии, глядя в глаза какой-нибудь никчемной оскорбившей бабке, вдруг ловишь себя на мысли, что оглядываешься на предмет «а точно ли никого рядом нет, если я ее сейчас кирпичом по голове?». Трансформации этого уровня начались достаточно поздно: что-то подлазает Акташ, что-то трансмутирует Кэр в одной из ее божественных форм. До этого еще далеко. Да и не хочу зарекаться и утверждать, что с ним покончено — такие утверждения имеют свойство провоцировать силы глубин наглядно доказать обратное.

В жизни было несколько ситуаций, когда, казалось, еще немного, и выпущенный на свободу Рамси совершит непоправимое, нечто, о чем я буду жалеть всю жизнь — вроде немедленного убийства или избиения того, кто стоит передо мной. К счастью, контроль вышних достаточен, чтобы даже во время все более редких прорывов Рамси — удержать меня-его от непоправимых действий. По моим наблюдениям, Рамси включается, если я по какой-то причине почувствовал страх. Реакция на страх — атака Рамси. Если описывать редкие проявления Рамси, можно подумать, что он — какая-то совсем лишняя часть психики, нечто, что надо запереть и изолировать. Но сдается мне, в миг, когда мне надо будет идти в мою последнюю атаку, именно Рамси даст необходимые силы и мужество не свернуть с предначертанного.

Рамси — не единственная Тень. Есть глубже. Другая теневая фигура — прямо противоположна. В одном из полетов на глубину мы с Акташ назвали его Горлум. По другой версии, еще до этого Горлума увидела и обозначила Айрум. Если Рамси — это жестокость, доходящая до желания немедленно убить и растерзать врага, то Горлум — это жадность. Жадность, идущая из какого-то глубинного детского голода, чувства, что в любой момент я могу потерять все, поэтому нужно вгрызаться в жизнь зубами и когтями, не отдавая никому ничего. В этом пространстве завязаны очень сложные комплексы и переплетения, и, похоже, только сейчас я несколько выхожу из-под власти теневых компонентов, стараясь удерживать осознание. Но кто знает — не поднимется ли эта самая Тень из глубин бессознательного в какой-нибудь самый неподходящий момент. В ярости Рамси есть своя чистота, но Горлум — это, пожалуй, самая низкая, со всех сторон неприятная, даже грязноватая часть психики. Наверняка в Горлуме есть все, что я могу очень быстро узнавать во врагах, ведь как иначе я мог бы узнать и увидеть то, что передо мной на самом деле? Парадокс — в том же Марсии едва ли есть Горлум, но это одновременно и сила, и слабость, ведь много лет он просто не мог даже примерно предсказывать низшие мотивации и понять, до какой же степени человеческая природа может быть ничтожной. Отсутствие конкретной теневой формы может быть признаком особого благородства, но одновременно это и невозможность распознать эти тенденции в других. Одержимость Тенью — превращение в ничтожество. Задача проста и сложна. Осознать, принять и, насколько это вообще возможно, без эмоций исследовать.

К теневому уровню относятся и родительские архетипы. Негативная мать, во многом просто слизанная с реальной матери. В самый неподходящий момент она вдруг убивает свет, и ты видишь реальность, женщину через призму этого чудовища. До двадцати лет это было настоящей пыткой, ломавшей все дружеские и любовные отношения, но опыт пробуждения Кундалини существенно ослабил ее влияние. Дело в том, что Кундалини — это не только Анима, но и Шакти как Матерь мира, а получив архетипический опыт Матери, уходишь из-под власти образа личного. Материнский комплекс — борьба всей моей жизни, и думается мне, что последние удары в долгом процессе освобождения нанесла Акташ всего-то год назад. И да, я знаю — я опять тот бешеный паровоз, который бежит впереди самолета — все это будет в третьей части книги.

Отцовский комплекс. Я бы отнес уровень отцов к уровню Персон. Доступных форм, стратегий, самоманифестаций, доступных мне в разных состояниях и часто взятых от авторитетных фигур.

А вот тут парадокс. Моя история имеет весьма особую специфику в виде отсутствия личного отца. С одной стороны, вместо личностного интроекта — дыра или дверь. Я не видел своего биологического отца, да и особого желания знакомиться не было.

Но этот разрыв дает одну редкую способность легко встраивать, включать в себя позитивные отцовские образы, взятые из общения с вызывающими наибольшее уважение мужчинами, и — вот ведь как бывает — из отдельных весьма удачных женских Анимусов. Я бы выделил несколько значимых фигур, чьи маски вошли в долговременную память. Еще один забавный казус, что первой такой фигурой стал Сергей Б. — человек более чем сомнительный, зато его профессиональные навыки великолепны, и интеграция этих навыков и стратегий подачи информации впоследствии помогла мне достичь немалых успехов.

Описав теневой и родительский уровень, я могу приступить к гораздо более приятной задаче и поговорить о куда более высоких этажах души.

Эллоиза. По-юнгиански говоря — моя Анима, моя женская часть, женская сила, формула андрогинности. Ее имя я узнал каких-то два года назад, о чем читатель прочтет в свой черед и в свое время. Тем не менее я хорошо помню ее первое проявление еще в далеком 2000 году, когда, окончательно сбитый с толку требованиями Сергея Б., я пытался «пробудить внутреннюю женщину», как он и советовал в надежде склонить меня к педерастии. Но когда запрос в той формулировке, в какой он его отправлял, вдруг был выполнен и внутренняя женщина впервые заговорила со мной, выяснилось, что стареющий мальчик Сергей Б. точно не в ее вкусе и вообще она уважает границы тела и духа и предпочитает иметь дело с Анимусами моих прекрасных женщин. Именно от нее у меня есть один из самых ценных даров — дар эмпатии, или видения. Слово «эмпатия» не совсем точно: ведь когда мы слышим его, первая ассоциация — это особенно глубокое сочувствие, способность принять на себя чужую боль. Та же способность, которую дарует мне Элли, — это способность, как бы так сказать, видеть с иного угла, как бы изнутри собеседника или собеседницы. Как я уже писал, эта способность не является управляемой, следовательно, я не могу это называть собой. Это не я, это Элли: захочет — включит, не захочет — хоть с бубном пляши, ничего не получится.

Я замечал, что эту способность некоторые магии называют сканированием, однако в моем случае детали все же отличаются, ибо это не ты что-то направленно исследуешь, а ты на несколько секунд как бы становишься другим человеком и видишь изнутри то, что не мог видеть, глядя из рационального эго.

Ошибается ли Эллоиза? На человеческих уровнях, пожалуй, нет — и все, чего я достиг, я достиг благодаря ей. Впрочем, когда наконец исполнилась моя мечта и я таки стал реальным магом, и вокруг меня оказались такие же полнокровные маги, я уже не могу этого утверждать, и порой даже Элли может сделать неточный вывод. Но это уже совсем другой уровень игры, где ничего нельзя говорить наверняка, а то, что кажется ошибкой, может быть продуманной и неизвестной сознанию стратегией в пять ходов.

Кстати говоря, Элли гораздо легче «просматривает» мужчин, чем женщин. Почему это так — ведь она сама есть женщина, — я не знаю точно. Возможно, из-за того, что взаимодействие с женщиной идет отчасти через проекцию Анимы, подразумевая частичный автоматический перенос, и нужно очень сильно очиститься и отделить отношения с Элли от отношений с реальной женщиной, что крайне сложно.

Правда, забавная штука — Элли очень хорошо считывает Анимусов. Я помню, как Вега — эта изысканная, яркая, сияющая и полная жизнью женщина как-то спросила меня, как я вижу ее Анимус, и я стал описывать своего лучшего друга детства, главным определением которого было «отшельник». Моя собеседница посмотрела на меня со

смесью ужаса и восхищения, ибо, как выяснилось, всего неделю назад в активном воображении она работала с Анимусом и он предстал ей как крайний интроверт, отшельник и пессимист в духе философии Шопенгауэра — в точности как мой лучший друг, которого я «увидел», посмотрев на нее. Впрочем, и этот номер проходит далеко не всегда.

Обычно, когда я говорю об андрогинности души, у многих это вызывает весьма неприятные ассоциации вроде «Парижских работ» Кроули, то есть гомосексуальности. На самом деле это даже не пересекающиеся вещи, которые в отдельных случаях могут сочетаться, но, в принципе, обходятся одно без другого. Так можно быть андрогином, но не быть гомо или бисексуалом, и наоборот — можно быть гомосексуалом, но не быть андрогином (например, полная захваченность Анимой или наоборот — страх и отторжение женщины настолько, что с ней невозможна никакая связь).

Элли дает Свободу. Настоящую, живую свободу, когда в двух одинаково неприятных, навязываемых ситуацией выборах ты вдруг видишь... даже не третий, а сотню сплетений серебряных нитей, позволяющих пройти совершенно непредсказуемым путем. О друзья мужчины, если у вас нет хотя бы небольшого контакта с Анимой — под небольшим я имею в виду контакт, когда вы можете почувствовать себя ею, провести ее, поиграть в нее, — вы вообще не знаете, что такое Свобода.

Уровнем выше стоит Самость. САХ. Патрон. Азазель. Собственно, имя САХ открывается только на очень высоких уровнях посвящения, либо как это произошло у меня — в ситуации, когда я был поставлен в радикально экстремальные условия. Впрочем, после десяти лет поколачивая груш явно было пора.

Как описать Азазеля? Джокер, постоянно меняющий маски. Бог, танцующий на лезвии ножа. Бог, чья природа — игра и красота игры.

Переживать Азазеля — это значит оказаться на самой верхней октаве своего психического спектра. Если бы я мог быть им круглые сутки — я был бы непобедим! (Он комментирует — и поджарил бы мозги за полгода.) В состоянии Азазеля я являюсь тотально подлинным. Можно сказать, что все убеждения эго — это одежды, которые Азазель выбрал для более яркой и интересной игры.

Впрочем, узнать имя САХ дано единицам, и, не желая брать на себя слишком много, скажу — мне просто повезло, что я смог удостоится чистого проявления и тем самым достичь заветной 5=6.

С Азазелем время от времени у меня возникает одна сложность. Очень трудно всегда отличить — когда это действительно его вибрация, а когда это просто экзальтированное и вдохновленное состояние эго. Это было бы всего лишь занятной теоретической проблемой, если бы не главное. Я — могу ошибаться. Даже в самых экзальтированных благих состояниях я могу совершать косяки, которые потом будут дорого стоить. Азазель по определению не ошибается. И если сейчас говорит несколько расширившееся эго — нужно сохранять критичность, но если это реально Азазель — его дело говорить, наше — подчиняться. Пожалуй, необходимость научиться отличать эти два состояния — это одна из самых актуальных задач моей текущей индивидуации.

Но есть ли выше Азазеля? Да. Люцифер. Чистый свет, который одновременно черен и светел. Исток и первопринцип как он есть.

Если об Азазеле я еще могу что-то сказать и даже немного передать его вибрации (он по крайней мере разрешил и даже настоятельно требовал, чтобы я чаще «играл в нечто по определению неопределимое. Более того — если на вас не направлен его Зов, вы просто не сможете понять).

И здесь я боюсь, что любые слова будут неизбежно наткнуться на стену непонимания, ибо невозможно объяснить дополнительную мерность точно и доподлинно. Все что я могу — это начертить несколько символов, дабы тот, чье воображение свободно хотя бы наполовину — а таких мало, — мог взять эти символы, образы и пойти по ним как по канату от периферии к истоку.

Черный свет, ядро, Ось, Северный Ветер, Полюс, Радуга. Первопринцип, Павлин, Змей, Козел, Черный огонь, Север, Нить Серебряная, Белая змея и Черная змея, черные крылья летучей мыши, любовь и боль одновременно, танцующий бог, сокрушитель омрачений, вечное движение Черного света, что в основе недвижимого мира. Заметим, что у авраамических религий модель бога противоположна — недвижимое, статичное, не меняющееся начало, лежащее в основе вечно меняющегося мира. У нас есть два противоположных тезиса, присоединение к одному из которых зависит от ракурса, «программной оболочки», из которой вы смотрите. Держу пари, что для большинства этот абзац покажется бессмысленным набором слов, но для одного из ста, для кого он был написан, да станут слова серебряной нитью, протянутой сквозь туман и завесы.

Нахема. Женский аспект Азазеля. Лилит. Женский аспект Люцифера. Здесь я не буду говорить много, ибо слишком легко создать ложные ограничения. Ибо в Нахеме есть Лилит, а в Лилит Нахема. Скажу только, что Лилит делает из мальчика мужчину, а Нахема из мужчины — бога. И прошу меня простить за туманный слог, ибо нет способов говорить просто о том, что лежит в основании внутренней бесконечности. Тетрада. Четыре в одном и каждый в четырех.

И превыше Тетрады нет ничего и никого во вселенной внутренней бесконечности, что берет начало в сердце моем.

Но стоит сказать о других богах. Как мы воспринимаем богов? Как личности? Или безличностные архетипы? И то, и другое. Не то, не другое. Просто порой в самые прекрасные мгновения жизни мы возносимся к одной из архетипических констант и проживаем взаимодействие с ней. На самом деле точнее было бы сказать, что это Азазель взаимодействует, скажем, с Велесом или Гекатой, но мне как проводнику остается живой опыт, реальное и неповторимое переживание, рождающееся из соприкосновения избранного божества с конкретными богами.

Знакомые мне божества — кто они и какое они занимают место?

Это легко показать на примере повторяющейся каждые полтора месяца мистерии восьми точек года. Каждые полтора месяца по завершении ритуала я на правах жреца и ведущего первым славлю своих богов. Славлю всегда в одной последовательности. Первый круг — Тетрада. Люцифер, Лилит, Азазель, Нахема. Святые имена моего Истока.

Второй круг — телемитские боги. Боги, что дали мне возможность становления и обучили всему, что я должен узнать, чтобы войти во внутренний двор храма сердца. Можно возразить — разве Терион это не одна из форм Люцифера, а Нюит — форма Лилит? Ибо минимальны отличия. И тем не менее — кто знает из глубинного чувства, понимает, что сходство и сродство богов не подразумевает тождества. Ибо будь они тождественны полностью, не было бы нужды в разных именах.

А дальше — третий круг. То, что я называю богами-союзниками или богами-друзьями. Те боги, силы, архетипы, величие и красоту которых я видел хотя бы один раз, или даже боги, которых я не видел, но представители, служители, жрецы которых, своим примером, своей жизнью проводя принцип своих богов, показали мне, как прекрасны их боги. Потому в этой части всегда читается хвала Иштар, Гекате, Велесу, Кылчину и даже Джону Голту, а также благодарение Восточному и Северному пантеону за союз и поддержку.

Первые два круга — неизменны. Не будет новых телемитских богов, и Тетрада едва ли может стать пентадой. Но третий круг с течением времени может расширяться настолько, насколько умножается познание разных сторон мира богов, решивших отразиться в моей душе той или иной гранью. Такова моя небесная карта. Такова карта души

Глава 7. Посвящение

*Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Чтобы мог я спускаться в глубины пещер
И увидел небес молодое лицо.*

Н. Гумилев. Баллада

И вот мы приближаемся к той точке, которая стала двойным рубиконом. Инициация. Посвящение. Перерождение. Или, как определял инициацию гениальный Мирча Элиаде, «радикальная смена онтологического статуса». Если кто не знает, онто — это значит бытие. А радикальная смена означает, что ты полностью, без дураков умираешь в своем старом качестве и с нуля, с ядра, с изюминки начинаешь возрождаться в новом.

В древнем мире было две инициации. Первую — инициацию взросления — проходили все. Вторую — шаманскую — очень немногие. И на протяжении всей истории человечества потребность в инициатическом, обновляющем опыте раз за разом воскресала в самых разных переходных обрядах.

Инициация. Уподобившись праху или свинцу, ты оказываешься брошен в хаос, и в этом хаосе, распавшись на атомы без остатка, вдруг начинаешь рождаться в новой форме. Таков принцип любой инициации, любого посвящения. Семя, брошенное в землю. «Если зерно не умрет в земле, сможет ли оно дать плоды?» — предлагает Иисус воистину посвятившую загадку своим ученикам.

Инициация. Что знал я о ней, когда стучался в двери Ордена? Умом — ничего. Только то, что есть некий посвятивший обряд, пройдя который, ты становишься членом Ордена. И все. А уж насколько этот обряд силен и насколько затронет базовые основы самоощущения — оставалось только фантазировать. В конце концов, это же магический обряд. Но вся моя суть горела желанием того самого перерождения до основания. «Я так искал новых рук, я был согласен даже на смерть», — пожалуй, эти строки лучше всего выражают глубинный запрос, глубинное ожидание от инициации.

Инициация. Переход. В жизни каждого человека существуют естественные переходы — выход на работу, брак, выход на пенсию. В древности, когда мир еще не постарел, для каждого перехода было свое таинство, в котором происходил болезненный, но быстрый и необратимый переход в новое качество. Смерть и возрождение. Вот именно с этой минуты, когда ты слышишь Имя, — ты не ребенок, ты — взрослый. Вот именно сейчас, когда ты выжил в испытании, в котором погибли два других соискателя, ты больше не просто член племени — ты воин, брат клана Ягуара. Вот сейчас, когда духи собрали последний кусок твоего нового тела, ты больше не ягуар, ты — шаман.

Так было когда-то, и этот паттерн спит в каждом из нас, правда, чем больше нарастает цивилизованность, сублимированность, политкорректность и прочая мертвечина, тем труднее достучаться до уровней, где это — так и только так. В современном мире, из-за отсутствия признаваемых обрядов перехода, переходы из одной формы в другую могут занимать годы и десятилетия бессмысленного блуждания по кругу. Девочки, не ставшие женщинами, старики, чувствующие себя обиженными юнцами, взрослые, оставшиеся детьми. Особенно сложно происходит переход, если в процессе естественного формирования был нарушен порядок взаимодействия с родителями и миром. Я, как вы понимаете, был из таких.

Для идущего по пути Истинной Магии все гораздо сложнее. Инициаций не две-три за жизнь. Инициаций может быть множество. Однажды в качестве игры ума я пытался вывести три самых важных инициации моей жизни. Хотя бы три. Я выделил пробуждение Кундалини, посвящение в ОТО и первую встречу с Азазелем. И да — эти размышления случились со мной до того, как произошли события, описанные в четвертой части, когда пришел Сам Исток.

А если выбрать из трех одну — самую важную? Вопрос, не имеющий ответа — все важны, все реальны. А можно ли сказать, что, к примеру, посвящение в жизнь второй степени или переход бездны на четвертой как-то менее значимы и не подразумевали полной смены статуса и идентичности? Да еще как подразумевали, на самом деле. Так сколько посвящений было в моей жизни — три, пять, десять? Возможен ли такой вопрос для идущего по пути, где, в некотором смысле, каждый следующий шаг — это посвящение? Как писал Волошин: «Не жизнь и смерть, а смерть и воскресение». Понимание цикла как «жизнь-смерть» — внешнее. Понимание цикла как «смерть и воскресение» — внутреннее, сакральное, магическое. Как бы то ни было, опыт первого посвящения я считаю одним из самых важных переживаний моего пути.

Впрочем, перейдем от чистой абстракции к конкретике. Ах да, инициатическая система ОТО. Наверно, нужно сказать несколько слов, чтобы не заставлять читателя лазить по ссылкам и собирать материалы. Начальный градус посвящения — минерваль, или ноль. Это еще, в строгом смысле, не посвящение, это подготовка, предуготовление. Одно из моих постоянных несогласий с братом Марсием в отношении политики инициации — он придавал огромное значение минервалю. С моей точки зрения — да и весь западный ОТО думает так же, — минерваль не брат или сестра, минерваль это просто гость, именно так именуется эта степень. А для того чтобы пригласить кого-то в гости, вам не нужно заставлять его изучать годичную программу высшей магии. Достаточно просто выпить пивка с хорошим человеком, и если он вызывает доверие — предложить продолжить беседу у себя дома. Так что минерваль я даже не считаю, это лишь подготовка.

Далее идет первая триада — 1,2,3. Силы рождения, силы жизни, силы смерти. Со стороны мне казалось, что третья степень должна быть самой тяжелой, ведь смерть все-таки. Ничего подобного! Самый большой ужас испытывается именно на первой степени. Однажды, читая Генона, я нашел в его строках гениальное интуитивное прозрение: травма рождения более тяжелая, чем травма смерти. Это кажется абсурдом, но в этом есть какая-то глубокая правда. Потом — четвертая степень. Аннигиляция. Степень, на которой приносится очень особая клятва верности, сравнимая с пересечением бездны. И здесь ты либо пройдешь, либо нет, либо выдержишь, либо нет. Здесь — без дураков, все всерьез, все силы эгрегора проверяют тебя на прочность, и если сосуд треснет — для сил, стоящих за посвящением, не будет большой беды: кандидатов много, а туда, наверх, должны пройти только те, чье намерение достаточно чисто. Чисто — не в христианском смысле невинности и непорочности. А в смысле честности с самим собой, непротиворечивости между желанием и Истинным желанием.

Пятая степень — это долгожданный отдых. Приют Венеры. Жизнь становится чем-то вроде сплошного любовного приключения. Если ты прошел четверку — отдохни, насладись, порадуйся. Птички поют, женщины танцуют. Лепота.

Наконец, шестая степень. Скажу вам одну хитрость. Шестая степень — это тот момент, когда внутри логики орденского эгрегора ты выходишь с микрокосмического уровня на макрокосмический. Все происходившее до этого — происходило в рамках запечатанного сосуда личности. Но с шестой степени твоя индивидуация — это уже не только твоя индивидуация. Это — война. Это работа. Труд по освобождению искр, война с ложью, лицемерием и всеми лживыми богами. Шестая степень — это как первая степень, только полученная не в микрокосм, а напрямую в макрокосм.

Как бы то ни было, скажу вам, друзья, одно: инициации в ОТО рабочие. Рабочие с большой буквы, так что ваши посвятельные имена будут написаны на вашей душе и ваша душа будет носить эти отпечатки как пропуски на иные уровни. Правда, для того чтобы они работали, где-то в душе должно быть нечто, способное дать правильный запрос и действительно быть готовым умереть в старом качестве. Можно критиковать Орден за очень многое, но ОТО — это единственная организация, способная на регулярной основе представить инициатическую систему, которая будет работать

именно в результате и по факту проведенного ритуала. Хотя — повторим еще раз — ритуалы инициации будут работать только в одном случае. Если вы идете с правильным запросом.

Я не слишком хорошо помню тот момент, когда брат Марсий впервые сказал мне — можно. Если ты все еще желаешь связать себя с нашим братством — пиши анкету, посвящение будет через два месяца. Думаю, примерно так оно и было. Единственное, что я хорошо запомнил, — это то фоновое чувство, которое всегда появлялось у меня перед тем, как должно произойти что-то действительно важное. Страх провала. Не получится. Сорвется. Выплывет компромат из моего прошлого, я совершу какую-то фатальную ошибку, и в доступе будет отказано. Невозможно. Невозможно, чтобы так легко. Туда.

Дорога открыта. Жаль, я никогда не вел магический дневник — я даже не помню, сколько времени прошло между моим первым письмом и первым посвящением. Возможно, год.

Я помню один из разговоров с братом Марсием накануне посвящения. Если брат Марсий зовет поговорить — это всегда серьезно. Важно. По-настоящему важно. И вот Марсий наливает мне роскошный коньяк в своем кабинете и говорит примерно следующее:

— Олег, если ты не переменишь свое решение, очень скоро ты будешь нашим братом. Я прошу тебя очень серьезно взвесить последствия этого шага. Инициация — это не знак престижа, не орден на грудь, который можно гордо носить перед непосвященными, набивая себе цену за счет членства в столь загадочной организации. Инициация — это согласие на боль. Возможно, тебе будет мудрее растянуть посвящения и сейчас посвятиться только в минерваль, отложив первую степень хотя бы на полгода. Просто чтобы дать себе прорасти, укорениться, прочувствовать. Первая степень — это не только вечная связь с Орденом. Силы рождения первой степени — это силы воды, поэтому нужно быть готовым, что у тебя разом откроются все до этого подавляемые и вытесняемые силы бессознательного. Тебе кажется, что ты знаешь о себе почти все, но поверь моему опыту — это не так. Силы рождения, силы древних вод — это настоящий хаос, размывающий все, что ты считал собой. Подумай — готов ли ты к такому.

— Если можно, если все-таки можно, я хотел бы посвятиться сразу. Я так долго ждал, я впервые чувствую, что нашел свой путь, и видят боги, такого чувства не было у меня никогда ранее. Я выдержу.

Марсий посмотрел на меня глубокомысленно и сказал что-то вроде:

— Ну пусть будет по твоему. Подписывай анкеты. Но только потом не говори, что тебя не предупредили.

Инициация. В древнем мире, где все было грубо и просто, — инициация подразумевала реальную постановку на край жизни и смерти, так что выживали не все юноши. Конечно, современная инициация в любом ордене не подразумевает никакой опасности и даже реальной физической боли. Просто на час ты, как идущий к истине странник, становишься в центре некоего странного действия, разыгрывания некоей, пока неясной мифологемы. Магический театр и ничего больше? Как бы не так! Настоящая инициация не заканчивается словами «Храм закрыт» и «Приветствуем тебя, брат!». Этими словами инициация только начинается. И весь следующий год вся жизнь, все события, все случайности будут стремиться воплотить символический сценарий, который был пунктиром размечен на ритуале. Сможешь соотнести события жизни с посвячительными символами? Сможешь правильно ответить на загадку сфинкса? Тогда браво празднуй. Не сможешь? Ну что ж — провал, инициация не удалась, начинайте сначала — и даже не с начала, а откуда-то еще ниже начала.

Инициация не только продолжается после ритуала, но и начинается задолго до него. Я это хорошо понял. За месяц перед инициацией мне приснилось два сна. В первом сне я увидел себя убивающим мою родную бабушку, связанную с детством. Я знаю, что

убил ее, убил моего прямого предка, и теперь все силы мира — милиция, военные, спецслужбы искали меня, чтобы арестовать. Но страшнее всего было, что по моему следу пошел некий великий маг. И вот я прячусь где-то в лесу, и этот маг находит меня. Декорации меняются, силою мысли маг, в котором я уже узнаю Алистера Кроули на поздних фотографиях, переносит меня в свою резиденцию, где наливает мне вина в роскошный золотой кубок.

— Выпей, это яд, — говорит мне Кроули.

— Но как же так, зачем мне пить яд? Или он не убьет меня?

— Убьет, всенепременнейшим образом убьет, это же мой яд, лично синтезированный, а не какой-то фабричный продукт. Человек умирает — человек возрождается... Если ты не выпьешь яд — это будет твой выбор. Тогда тебя найдут они. — Разверзаются экраны, и я уже вижу ищеек, идущих по моему следу. — А они, дорогой мой, не просто убьют тебя. Они присоединят тебя к своей цепи. А это похуже будет. Так что пей и не выебывайся, принимай свою смерть.

Я протягиваю руку к роскошному сосуду. Рука дрожит. Но я не хочу принадлежать Им. Лучше умереть. Как когда-то, убегая от чудовищной крылатой пумы в одном из самых страшных юношеских снов. Лучше умереть, чем быть частью их системы. Я пью этот терпкий напиток. Какой вкус! Сладкая терпкость — яд даже не горчит, Кроули умел готовить настоящие яды. Я чувствую, как мое тело начинает неметь. Теперь все. Главное — отпустить. Главное — довериться. Главное — не бояться. Я проваливаюсь в темноту и просыпаюсь.

Удивительный сон. Красивый сон. Поэтичный сон. А через неделю мне снится совсем другой сон, где тот же Кроули, на этот раз на мотоцикле, догоняет меня на дороге и грубо заставляет совокупиться с ним. А это-то про что? После такого сна как не вспомнить «Парижские работы»! А вдруг правда?.. Впрочем, Марсий дал слово. А Элли позволяет безошибочно почувствовать — Марсий не тот человек, кто будет нарушать слово. Будь там действительно что-то содомское — такой человек, как он, просто сразу бы сказал: вы нам не подходите.

На самом деле оба сна — об одном. О слиянии. О капитуляции эго. О способности пустить в себя нечто внешнее, нечто, что может убить или разрушить изнутри. В какой образ это представлено — возвышенную смерть от золотого потира или грубый гомосексуальный акт, — неважно. На самом деле оба сна — про инициацию. Такие сны как бы говорят: на более тонком плане ты уже посвящен, ты уже допущен, теперь тебе нужно только осознать, на что ты подписался, и мы уж дадим тебе все необходимые образы и символы, чтобы ты понял почему фунт лиха.

Само посвящение проходило два дня. День первый — минерваль. Скажу честно, этот ритуал вообще не произвел на меня впечатления. Все происходило невероятно быстро — посвятельная часть продолжалась не более пятнадцати минут, и услышанное тайное слово не было, в строгом смысле, тайным и использовалось в одном из открытых текстов Кроули. Если и дальше все так — это просто скучно, думал я, хотя в любом случае — я же хочу стать частью этого круга, Ордена Восточного Храма.

А вот второй день... Первая степень. Буйство сил вод, стихия ритуального, разыгрываемого как по нотам перерождения. Великая тайна. Что я могу рассказать, чтобы не предавать клятву неразглашения, но одновременно дать читателю почувствовать вкус мистерии? Это уже не пятнадцать минут церемонии посвящения в минерваль. Это полноценный час на каждого посвященного. Долгая церемония, в которой у тебя не раз ёкнет сердце от мысли: «А как далеко это зайдет, если уже происходит это?» Ничего реально запретного или ужасного не происходит, но само пространство... Кстати, храм сокрыт в полумраке, как будто обращается к потаенным и давно забытым атавизмам. Как будто во время мистерии посвящаемый действительно вернулся в матку матери и был снова из нее рожден. И как же это красиво, черт возьми,

как же все это красиво! Облачения, храм, слова, звуки, вибрации. Все происходящее точно погружает тебя в совершенно иную вселенную, иную реальность.

И вот — свершилось. Инициация свершилась. А я еще до конца не могу поверить. Неужели все, я теперь здесь, внутри? Был в профаном, а теперь наконец-то в сакральном, живом. Я — мужчина и брат, таково название первой степени. Поздравления, пир горой, мудрые наставления, объясняющие символизм инициатического пути ритуала, который, конечно, невозможно запомнить там, но который еще не раз должен быть осмыслен.

Братский пир заканчивается, я покидаю собрание, и этой же ночью начинается что-то невообразимое. Меня сковывает страх перед смертью. Нет, черт возьми, меня парализует животный ужас перед смертью. Во сне я вижу машину моего умершего деда (не того, которого я прикончил с помощью магии, — дедушка, который приснился мне в этом сне, умер очень давно, и в детстве я очень даже его любил), и дед предлагает сесть к нему в машину, чем и заканчивается сон. Вокруг меня все разговоры так или иначе касаются смерти, неважно, кто говорит — друзья или случайные попутчики в электричке. Обрывки фраз, обрывки образов — смерть, смерть, смерть. И все неотвратимее погружение, все глубже падение.

Один день, другой, третий. Поток совпадений, вращающихся вокруг одного слова — «смерть», не прекращается. Кажется, он закручивается еще сильнее. С невиданной силой, мучительно возрождается страх перед потерей источника дохода. «Тогда только под поезд — и дайте мне боги мужества», — думаю я. Дайте мне боги мужества. Интересно, посвятителю ничего не перепутали? Вроде бы я должен проходить символику рождения, а я как будто со всего размаха падаю в смерть и ужас смерти.

Разрядка наступила на седьмой день. Я лег спать и, засыпая, словно проснулся там же, где засыпал, — в своей комнате. Комната была другой. Я не был пьян, не курил марихуану, даже холотроп накануне не практиковал, но вся новая реальность моей комнаты представала точно в мрачной серой дымке. И из этой серой дымки отовсюду раздавались мрачные голоса. «Ты — червь. Ты умрешь. Ты будешь разлагаться. Ты не будешь существовать», — говорили они каким-то гротескным замогильным шепотом.

— Да достали уже, умру, умру. А то я не знаю, что я не бессмертный олимпиец! А вы, сукины дети, сейчас у меня допрыгаетесь. Я же могу сделать ритуал Звездного Рубина, который всякую погань разгоняет. Я встаю с постели и начинаю вибрировать «Аппо пантос какодаймонос, Сой, О фалле, Исхирос». Голоса как будто затихают, но я понимаю, что начатый ритуал нужно довести до конца.

Внезапно после нескольких мгновений тишины отовсюду снова звучат шепотки, но, кажется, они обеспокоены, суетливы, даже напуганы. Отовсюду рефреном повторяются одни слова: «Люцифер пришел!» Слова вибрируют эхом, перекликаются, как будто эти сущности пытаются куда-то сокрыться от незримого присутствия.

И тут я чувствую, что пространство действительно изменилось. Гул невероятной силы. Воздух, точно сжатый под давлением, ставший вязким, как вода. Тяжесть, приковавшая к земле. Бессилье. И нечто очень большое и очень сильное со стороны окна начинает наполнять мою комнату собой.

Внезапно я вижу, что у меня на пальце появилось рубиновое кольцо. Что-то щелкает в мозгу, и я абсолютно точно знаю, что мне надо делать. Я смотрю на кольцо, без особого труда поднимаюсь на ноги — тяжести как не бывало. И выставив вперед руку, я иду к окну, в эту вязкую и мощную силу.

— Я свой. Это мой пароль. Это мой код. Это мой знак. Я свой, ты не повредишь мне, потому что на мне кольцо. Твое кольцо. Я свой, я свой, я свой. — Я захожу в эту силу, спокойно дохожу до конца окна, после чего спокойно засыпаю. Кольцо на мне.

Итак, Люцифер. Посвящение. Первая степень. И первый мой инстинктивный вопрос: «А разве так не у всех»? Огорчу — нет. Все мои попытки расспросить братьев и сестер, узнать, не было ли чего-то подобного у них, какие видения, сны, состояния сопровождает включение в первую степень, окончились ничем.

А что со мной особенное, где-то на краю сознания спрашивал себя я. Почему я так остро проживаю символы посвящения, действительно становясь другим? Почему ни у одного из телемитов я не встречал ничего, и близко похожего на мою первую встречу с Книгой Закона?

Неужели я — нечто особенное? Но кто? Почему? Я состою из чертовых неврозов и страхов, я не могу удержать женщину больше трех месяцев, я живу с мыслями о самоубийстве в день, когда нельзя будет торговать в поездах. Ну какая избранность, я не из тех, кто будет довольствоваться компенсациями. И все же — образы и синхронии проявляются куда ярче, а некоторым моим рассказам, кажется, большинство братьев и сестер просто не верили или считали неким преувеличением, гиперболой.

Итак, в первую неделю после посвящения Он лично проявился в моем пространстве и принял меня, подарив мне мое кольцо. Как в известном стихотворении — «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер и одно золотое с рубином кольцо». Тогда-то и произошла самая тайная, внутренняя инициация, которая будет разворачиваться все последующее время и поныне приносит немалые сюрпризы.

Читать и вспоминать стихотворение о пяти конях до конца почему-то очень не хотелось. Пять коней, кольцо — это здорово, но вот шестого коня с лунной девой, пожалуйста, не надо. Как говорится, да минуют чаши сии. А как не надо, если это первая степень? Как иначе изжить неврозы и комплексы, коих до хрена? Режим воды, мои дорогие, — только режим воды. Мордой в песок — не получится, только пендель заработаешь. Только вперед, только напрямую, только в прямом взаимодействии и возможно пройти свой путь, самой сложной частью которого является первая степень. Рождение, чтоб его так. Перинатальные матрицы, становящиеся будничной реальностью на годик.

Глава 8. Кэт

*Люцифер подарил мне шестого коня —
И Отчаянье было названье ему.*

Н. Гумилев. Баллада

Есть ли жизнь после смерти? Есть ли жизнь после посвящения? Есть ли жизнь после родов? Есть, конечно, мой дорогой. Но ох и странная это жизнь.

У меня было множество поводов для ликования. Я стал Братом. А это означало, что, если я сам не совершу прямого нарушения клятв или оскорбления братьев и сестер, я навсегда связан с этим Орденом. А значит, я впервые нашел свое устойчивое пространство.

Я помню поразивший меня эпизод, который произошел за полгода до посвящения. Я был избит в электричке. Сама по себе обычная ситуация, в больницы я попадал в среднем раз в два-три года, натываясь на разного рода гопников. На этот раз сотрясения мозга не было, но изрядно вывихнули челюсть.

Брат Марсий звонил мне по какому-то делу домой, в Калугу, и узнал, что со мной произошло. На следующий день он приехал ко мне в больницу с гостинцами. Я был настолько поражен этому, что даже не мог по-человечески выразить благодарность. Сколько у меня было друзей, подруг, приятелей, но никто из тех, кого я знал, тогда просто и не подумал бы ехать ко мне в больницу на другой конец города. Не потому что они «плохие». Другой внутренний договор. Мне тоже не пришло бы в голову ехать в больницу к той же Кельтке или даже Скандинаву. Не принято, неловко, дистанция, чтоб ее ангелы взяли. А тут — ко мне пришли на следующий день. Успели застать, между прочим, — поскольку сотрясения не было, буквально через пару дней после вправления челюсти меня выписали из больницы на свободу.

Но этот образ брата Марсия, приехавшего на другой конец Москвы ко мне в больницу, настолько поразил и растрогал меня, что я твердо пообещал себе всегда быть на его стороне и помогать его делу как своему. А ведь тогда я еще даже не был «мужчиной и братом» — просто один из кандидатов! Орден подразумевает совершенно иной уровень общения и куда большую человечность, чем везде, где мне приходилось быть раньше. Почти семья. Почти.

Была и Тень. Как и предупреждал брат Марсий, на волю вырывались самые худшие, годами подавляемые мысли, эмоции чувства. Режим воды исключает возможность вытеснить, задвинуть то, что вроде удавалось вытеснять раньше. И на поверхности оказываешься совсем другой ты, которого так не хотелось знать. И здесь нет ничего, кроме обреченности и бессилия перед жизнью. Хотелось успеть взять от жизни хоть что-то, пока небеса каким-то чудом вознесли меня на вершину.

Атаманша так и не вернулась ко мне, и, расставшись с Максимом, она, по иронии судьбы, на несколько лет сошлась со Скандинавом. Хек, вот против Скандинава я точно не рискнул бы делать атаки, да и зачем: в отличие от Макса, проиграть достойному и сильному человеку — не позор, а уважение законного выбора женщины. Попытки завязать новые отношения не клеились. Тогда между нами с Кэт возникла некая очень по-особенному ощущаемая близость: она была моей ученицей и одновременно — моей сестрой по Ордену, получив инициацию в тот же день, что и я. Я обучал ее всему, что знал, мы делились мыслями, событиями, переживаниями. Как и я — Кэт была очень сильным магом, сталкиваясь порой с самыми невозможными синхрониями и самыми невероятными успехами в ритуалах, настолько, что запрошенная сумма денег появлялась за день, казалось бы, из ниоткуда.

Кэт и я были телемитами. Это выделило нас из общего круга и еще больше сблизило. Правда, это острое чувство родства сперва и в голову не приходило перевести в сексуальную близость. Просто она с самого начала заявила, что убежденная лесбиянка, а я всегда знал одно — нужно уважать выбор человека и не пытаться навязать то, что ей будет неприятно. Наверно, для нее как для природной лесбиянки гетеросексуальный секс так же нелеп и отвратителен, как для меня — гомосексуальный. Поэтому первый год наши отношения отличались ну просто ангельской невинностью, где действительно не могло возникнуть даже помысла о соитии.

Что и почему произошло в ту ночь? Обычный вечер. Все та же компания. Я проснулся, когда все уже разошлись. А надо мной, точно сама Ньюит, возвышалась Кэт, делая знак молчать и активно меня раздевая. Эта связь стала для меня чудом, невозможностью, подарком судьбы — ведь до сих пор Кэт была единственной, с кем я еще и чувствовал общность интересов. Значит, не лесбиянка, значит, это не более чем маска. Значит, мы будем вместе.

Иногда мне кажется, что будь на моем месте другой мужчина — без актуального для меня на тот момент постоянного эмоционального фона, окружавшего мою жизнь, гнойниками лопающегося под воздействием неведомых мне вибраций, — эта связь могла бы стать длительной.

Все, что было нужно, — подсказывает мне Элли, — это сделать вид, что ничего не произошло, принять этот волшебный эпизод как должное. Предоставить ощущение безопасности, надежности. Стены. И постепенно — может, через месяц, может, через три — после первого раза пришел бы второй, а там, глядишь, и стала бы эта непостоянная связь надежнее постоянной. Но не тут-то было. Черт подери, мы с Кэт два хреновых невротика, чьи самые подавленные страхи и надежды были подняты посвящением из-под шелухи. И оглушенные ужасом перед этим миром, ослепленные, мы метались, точно две крысы в запертом сосуде, медленно наполнявшемся водой...

Наша близость не уменьшила, а прямо таки преумножила наши неврозы. Впервые у меня была связь с женщиной, которая, как мне казалось, может разделить мой путь, которую я мог принять именно как равную, не высшая и находящаяся в другой

вселенной, какими были Елена и Ира. И не низшая, на каковых я с самого начала смотрел с примесью маскируемого пренебрежения — ибо кто из них мог разделить мои смыслы?

И вот равная. Уцепиться, удержать, не отпустить ни за что. Весь мой отчаянный напор только вводил бедную девочку в ледяное оцепенение, а я, вместо того чтобы отойти, начинал еще более сильную атаку в стиле «мы предназначены друг другу». Казалось, я словил и отождествился с каким-то из ее теневых интроектов, а на нее, после ее отдаления, уже с моей стороны начала подниматься проклятая проекция материнского образа.

К тому же Кэт собиралась переехать в Москву. А для меня Москва закрыта. У меня не может быть другой работы, у меня не может быть денег на аренду квартиры, у меня ничего не может быть. Москва одарила меня, приняв в свой круг, но сейчас она же отнимала то, что должно быть моим. Отчаяние. Дикое, нелепое отчаяние, где в один клубок смешиваются чувства трепетной любви и нежности, жажда обладания и дикая ярость пойманного в капкан зверя, у которого нет надежды вырваться из этого капкана.

Как-то мы пошли в совместный грибной трип. Измененные состояния сознания способны увеличить близость в десятки раз. Но здесь надежды были тщетны. Трип состоялся, это было одно из самых красивых и глубоких погружений в символизм арканов таро, после которого я и начал писать свою первую книгу, думая, что пишу лишь разрозненные статьи. Этот трип подарил мне мою первую книгу, которая в будущем станет первым кирпичом для моего имени.

Я помню эти волшебные переживания, так четко вписанные в арканы таро, заботливо подготовленные Кэт. Вот меня одерживает «обезьяна Тота», и я как будто становлюсь не то белкой, не то обезьяной, мучительно прыгающей с ветки на ветку. Вот Жрица — далекая, сияющая, небесная. А вот она становится Императрицей. А вот я вспоминаю всю мучительную спутанность нашей ситуации, и бессознательное словно материализует перед моими глазами картинку — Влюбленные. Вот я пошел провожать ее до дома, и когда я говорил об аркане Луна, мы увидели, что идем мимо местной тюрьмы. Переглянувшись, мы сказали что-то вроде: «Только волков с собаками не хватает», — после чего через несколько секунд раздался не то волчий вой, не то вой сирены изнутри тюрьмы. Это было изумительное, богатое символами и образами совместное путешествие. Но ничего, похожего на возможность углубления отношений в желаемом мной направлении, не было даже близко.

И тогда я решил... Угадайте с одного раза, что же я решил, ибо это правда просто. Магия. Приворот, который соединит нас навсегда. Все соответствия из «Книги 777» Кроули: напишу нужный ритуал, накоплю сил за месяц посредством ограничений и запретов и призову Венеру. У меня же получилось тогда с Атаманшей, ненадолго, но получилось. А это уже не магия Хаоса, это тяжелая артиллерия.

Ни тогда, ни в моих более поздних метаниях я не подозревал, что Азазель купировал возможность использовать магию, направленную на цель. И любые ритуалы были обречены. На этих граблях я танцевал джигу дважды. Два раза я наступал на эти грабли. С зеленой львицей, то есть с Кэт, подразумевая алхимического зеленого льва несбывшихся желаний и страстей, и в последний раз — столкнувшись уже с настоящим злом. С Черным зеркалом. Но до этого еще очень далеко.

Я взял на себя серию табу-запретов: повсюду искал глазами зеленый цвет, так что в глазах быстро начало рябить, каждое утро возжигал благовоние Венеры, установил контроль над речью, запретив себе некоторые междометия, как советует Либер Егорум. Любая магия может свершиться, только если накоплено достаточно тапаса, гейсов, ограничений. Если канал для энергии отовсюду сужается в одну точку — в эту точку начинает попадать энергия, равномерно распределенная повсюду. Каждое утро и каждый вечер — призыв архангела Ханиэля. Я окружал себя всеми возможными соответствиями Венеры, стараясь не думать больше ни о чем.

В конце первой недели меня ждал сюрприз. Ветрянка. Твою же мать! Детская болезнь собственной персоной. Некто сверху, очевидно, обладал отменным чувством юмора: десять дней ловил глазами все зеленое (цвет Венеры) вокруг себя до ряби в глазах, так позеленей, если ты так хочешь, — язвы ветрянки пришлось смазывать именно зеленкой. А случайно открытая на непривычном месте «Книга 777» заставила бросить глаз на ранее игнорируемую колонку: результаты неправильной работы с Венерой — болезни кожи. Неправильной работы... Уже неправильной. Но мог ли я остановиться, ведь я дал клятву, что бы ни произошло, довершить этот проект до конца в течение месяца.

Впрочем, очень быстро странности моего поведения стали ясны ближайшему кругу. Кэт намекнули, что я «что-то магичу». Да и сама Кэт чувствовала резко изменившееся поле взаимодействия. Делать приворот, когда цель приворота понимает, что ты делаешь на нее приворот, — это уже не магия, это уже заведомо абсурдный фарс.

Накануне запланированного главного ритуала Венеры мне приснилось, что я созерцаю огромные четырехмерные шары и кто-то говорит: «Это Древо сфирот, а это Древо клипот». Из последнего Древа клипот мне запомнился грязно-зеленый шар, от которого исходило как бы искаженное, грязное, оскверненное излучение. Я пытаюсь схватить этот шар, как свой последний шанс, и на этом сон заканчивается.

На следующий день я начал делать ритуал Венеры. Круг, призывание, гимны, соответствия, более чем детально подобранные. Я вкладывал в вибрацию голоса весь свой крик, выводил на поверхность все накопившиеся эмоции. Положа руку на сердце, я уже не верил в успех ритуала, ведь Кэт все знала и действие превратилось в фарс. Я просто должен был довести этот фарс до конца, ибо, входя в ритуал, я принес клятвы не останавливаться в течение месяца. А клятвы, данные туда, данные внутрь — не нарушают даже при очень серьезном поводе.

Я провел ритуал и как ни в чем не бывало пошел делать свои дела в другую половину комнаты, где стоял компьютер. Будь оно все неладно! Я проработал за этим компьютером несколько часов, но стоило мне вернуться в ту часть комнаты, где происходил ритуал, — совершенно неожиданно меня вновь охватило это грязно зеленое сияние из сна, сияние животной, отупляющей неги, от которого было не уйти.

Магия работает — еще недавно ликовал я. Да, действительно, — магия работает, но порой не так, как этого хочет сознательное эго. А когда еще наложен запрет, о котором я не знаю... Магия работать будет в виде комических синхроний, закручивающихся в поток совпадений. Одним из забавных совпадений было, например, то, что хотя я активно общался в тусовке, от меня никто не заразился. Никто, кроме одного юноши, с которым брат Марсий просил меня пообщаться, ибо он начал писать на форуме и в данных указал, что живет в Калуге. За встречу, продлившуюся не более получаса, я заразил его ветрянкой, а после выяснилось, что этот бедолага тоже пытался приворожить какую-то одноклассницу, в которую был влюблен пылкой юношеской любовью. Так что обратка была дана обоим и в полную силу, случайных жертв не бывает.

В итоге я не только не добился чего хотел. В-первых, я окончательно испортил отношения с Кэт, на этот раз необратимо. Во-вторых, на несколько месяцев я был вынужден «изживать» из себя этот грязно-зеленый поток. Все это время сознание, казалось, превращалось в безвольно растекающуюся на полу лужицу пролитого киселя. Ничего более приторного и противно липкого просто невозможно представить. Это не было похоже на безумие, но походило на полную утрату воли, собранности, концентрации. До этого я гордился, что обязательно прочитываю одну книгу в неделю, но после «Венеры» не мог даже прочитать книги в месяц. Сознание бессильно вязло в грязной патоке, пропитавшей меня насквозь.

Что же — урок был получен. Раз и навсегда мне отшибло желание когда-либо использовать магию для корыстных целей — история Черного зеркала стала

единственным исключением из этого правила. Раз и навсегда я решил, что истинная магия — это проведение потока Телемы. С каким трудом мне удалось установить хотя бы более-менее терпимые отношения с Кэт, чтобы хотя бы иногда служить с ней мессу! Месса была настоящей отрадой, возможностью прикосновения к телемитскому потоку и одновременно — горькой пыткой невозможности.

Постепенно мне удалось изгнать из сознания зеленый морок и вернуться в обычное состояния сознания. Я был потрепан, обессилен, чувствовал себя глубоко несчастным, но, по крайней мере, снова мог мыслить как нормальный человек, без этой мерзкой вязкой патоки. Кстати, выполнение ритуала звезды Регуле, этого, пожалуй, самого огненного и грозного из всех телемитских ритуалов, помогло постепенно осушить вязкое болото. Моя жизнь превратилась в живой парадокс. Одновременно я был счастлив и несчастен, богат и беден, реален и иллюзорен. Порой я казался себе мертвецом, порой призраком, не имеющим собственной реальности. Невыносимая легкость бытия. Бытия призрака, не имеющего в этом мире ничего своего. Правда, у меня был Орден. И все свои силы я направил на реализацию в Ордене.

Пока в Ордене была сорор Н, возможность «работы для Ордена» рассматривалось на каком-то внутреннем уровне, уровне подлинности, не как обязанность, а как большая честь. Хочешь написать статью для сайта? Окей, но ее будут рассматривать все трое — Марсий, Ай Си и сорор Н. И если Марсий обычно был снисходителен к усердию, сорор Н жестко фильтровала любые недостаточно качественно сделанные тексты. Еще тогда у меня был свой интернет-проект. Но попасть на сайт Ордена! О боги, какая это была огромная честь, привилегия, достоинство! Каждый день я старался вырывать из графика время, чтобы немного поработать над статьей. Вдруг сорор Н все-таки одобрит, и статьи пустят на сайт. И постепенно — все больше моих статей были одобрены, а количество статей набиралось на хорошую такую книгу, даже две. Я учился говорить, искал свое слово, жадно впивался во все источники знания. И да, конечно же, как я и надеялся, когда оказался у Марсия дома в первый раз, — Марсий разрешил мне пользоваться его библиотекой. Более того — он сам рекомендовал мне наиболее заслуживающие внимания книги, будь то работа по магии, какая-нибудь историческая или культурологическая хроника. Орден стал не только моей семьей. Орден стал моим долгожданным университетом, в котором я мог наконец-то получить реальные знания.

Глава 9. Марсий

*Солнце, ты не гори:
Это ужасно грубо.
— Только зари, зари, —
Шепчут пересохишие губы, —
Осенней зари полоской узенькой!
Михаил Кузмин. Базилид*

Эту главу я хотел бы всецело посвятить человеку, которого я мог бы назвать вторым по значимости влияния на меня, мое становление и мою жизнь. Он и созданное им братство помогло мне собрать себя, и хотя наши разногласия во многом развели нас по разные стороны судьбы, Марсий это второй по важности человек в моей жизни.

И его портрет я хочу нарисовать настолько объективно и реально, насколько это возможно. Держу пари, этот портрет ему не понравится. По предсказаниям гематров, семьдесят процентов, что он не сможет простить мне такого обнажения. Правда, остается еще тридцать, но тут уж все во власти богов.

Кому-то может показаться это неблагодарностью. Писать о спорах, конфликтах и непониманиях с человеком, который, по моему же признанию, сделал для меня столько,

сколько я едва ли могу сделать для кого-то. Пожалуй, если я до сих пор не писал эту книгу, то исключительно потому, что слишком дорожил дружбой с Марсием и не хотел быть неблагодарным. Но в один прекрасный момент ко мне пришли мои боги и просто сказали: пиши как есть. Не черным, не розовым, но всеми цветами, и если кто-то увидит только одну грань — это их проблема. Азазель не увидел здесь неблагодарности, а значит, все происходящее происходит согласно высшему провидению.

Моя задача — это не просто описать историю нашей дружбы, конкуренции, где прав он, а где я. Это вообще очень субъективно. Моя задача — через описание ситуаций, точно красками, нарисовать портрет реального человека.

И видят боги, это действительно непросто. Многие годы, пока мы постоянно были в одном Оазисе ОТО, я пытался его понять, многие годы по крупинкам, по обрывкам фраз, по разговорам, по словам общих знакомых, знающих его с самых разных сторон, я выстраивал для себя целостный образ — кто же вы, мистер Марсий. И сейчас по осколкам воспоминаний я все же нарисую этот портрет, для чего сперва мы отправимся в далекое прошлое.

Историю эту, наверное, можно было бы начать чем-то хрестоматийным, сказочным. Жил-был подросток, подросток стал юношей, юноша вырос во взрослого мужчину. И с самого раннего возраста у этого подростка была одна страсть. Логос. Любовь к печатному слову, к книге, к запечатленной в ее кристальной неизменности мысли. Книги он любил, еще будучи совсем маленьким, но с годами эта любовь приобрела широту и глубину, которая кому-то может показаться избыточной, ненормальной. Но к черту Прокруста, к черту норму!

Если представить себе идеальное место Марсия где-то на линии истории в прошлом или в каком-нибудь вымышленном мире, положение, где он был бы полностью на своем месте, — это был бы монах бенедиктинского ордена в раннем средневековье, всецело погруженный в переписывание фолиантов, построение красивых схолий и другие чистые радости духа, связанные с написанным словом. Мне кажется, Марсий — это один из немногих «сфинксов». Так в наших кругах называют тех, кто кажется заблудившимся во времени, родившимся не в свое время, при этом всем сразу видно то время, где такой «сфинкс» был бы дома. И глядя на Марсия, вы сразу представляете бенедиктинский орден времен рассвета.

И ведь не сказать, что он сильно был «не от мира сего», совсем чужд плотским радостям. Глядя, как некоторые дамы могут месяцами добиваться его внимания, нельзя не отдать должное его внутренней силе, которая, вероятно, и притягивает этих женщин. Но никогда не было и не будет никого, кто мог бы зацепить его настолько, чтобы хотя бы немного заслонить его главную любовь — любовь к слову. Я уже говорил, что первое, поразившее меня в его доме, — это библиотека, и, черт возьми, там действительно есть чему удивляться.

Читал он, еще будучи подростком, очень много и с удовольствием, и в самом широком диапазоне — от приключенческих романов, исторических саг, до политической философии. Держу пари, еще будучи юношей, он был очарован романтикой тайных обществ, масонских братств, предстающих то как герои сопротивления, то как страшные злодеи, держащие нити всемирного зла, описанием экзотических посвящений, после которых душой и телом посвященный становился предан своему братству и обретал сверхчеловеческие дарования.

Марсий вырос, закончил институт и очень неплохо устроился в области карьеры. По моим проверенным сведениям, в девяностые он даже работал в команде одного из крупнейших на тот момент московских политиков.

Но приближался тридцатипятилетний рубеж, правда, похоже, что у Марсия, в силу глубины погружения в текст, он произошел раньше, и мирские, чисто материальные дела отошли для него на второй план. Он стал задаваться вечными вопросами и искать свою

религию, а лучше — свое братство, в котором был бы романтический дух усвоенных в юности приключенческих романов.

Христианство он отверг сразу. Просто потому, что слишком хорошо его знал. Прочитав труды отцов церкви, в которых высочайшим наслаждением для праведников будет вечное созерцание мучений грешников в аду (не раз он приводил эту цитату в дружеских беседах), он едва ли мог отдать свое предпочтение христианству. Буддизм? Буддизм для него был слишком скуп, да и вместе с любовью к печатному слову сочеталась у него не то любовь к жизни, не то ненависть к смерти и небытию, поэтому буддийский идеал Нирваны точно не для него. Кроме того, душа явно хотела романтики, «тайного общества», возвращения к юношеским гештальтам.

Да, есть одна деталь. Деталь, которую он не знает о себе и, видимо, так и не узнает. У него есть Патрон. Весьма серьезное божество, точнее демон. В одном из погружений на глубину я, кажется, его видел — не то Самаэль, не то Симон Маг, но точно Сэм, порой кажущийся «слишком человеком». Марсий мог выдать такие ключи, что его Патрон как будто «просвечивал» за его спиной.

Почему он выбрал именно Телему? Скажу честно, я никогда этого не смогу понять до конца. Телема — с ее необузданностью, страстью, жизнью на грани. Телема с ее полным отказом от цели, ибо «чистая воля, не устремленная к цели, совершенна во всем». Телема с ее абсолютным трепетом и поклонением перед женским началом. Телема такая, какая она есть, во всех гранях и формах. И — Марсий. Аристократ, философ, ценитель книг, быть может, в отличие от христиан, и не чуждый желаниям плоти, но при условии, что это не слишком отвлекает от вселенной мысли. Трудно представить больших антиподов, чем Марсий и Алистер Кроули, и нужно очень долго думать, чтобы найти, что у них вообще может быть общего.

Обычно с первых мгновений общения с человеком, который приходит в Телему, я сразу чувствую тот центральный гештальт, импринт, который привел его или ее к Телеме. Я слишком долго был секретарем ОТО, работающим с кандидатами, а чтобы понять, годен кандидат или нет, — очень важно понимать этот нерв, который очень редко даже оформляется в слова: что для человека Телема на уровне сути.

Вот одна сестра. Ее гештальт — ее бисексуальность, которую, в отличие от всех мировых религий, не осуждает Телема, признавая право человека быть собой, а вот романтический юноша, прочитавший Символ веры о возможности посмертного выбора участи и решивший, что это лучший вариант. А вот мужичок явно в восторге от буквального понимания третьей главы и явно сам не прочь «убивать и пытаться», если бы ему позволили. Ой, надо держать такого подальше. А вот пятый, для которого Телема — это единственная возможность сочетать рационализм и мистицизм. А вот девочка, прожившая под прессом семьи, для нее Телема — это право нарушить запрет (причем сам запрет обычно сущая мелочь, но для конкретной девочки это нечто вроде вселенской стены и первородного греха). А вот мужчина верил в то, что Орден имеет какие-то тайны большой власти, а когда понял, что их нет, уже настолько ко всем привязался и втянулся, что и мысли уходить не возникло.

Скажу за себя. Если отбросить те знаки, синхронии и экстазы, которые как будто сами вели меня на этот путь после прочтения Книги Закона, меня привел в Телему телемитский взгляд на сексуальность как на священнодействие, таинство. И дело тут не в каком-то особом сексуальном аппетите, а в самом отношении к сексу. Для меня оскорблением моей внутренней религии были слова всех монотеистов о греховности и испорченности сексуальности как таковой. Секс как поклонение богине — вот мой внутренний гештальт, определивший меня как телемита.

Но почему телемитом стал Марсий? Простой вопрос относительно других и почти неразрешимый в данном случае. Что было его гештальтом? Годы я мог только фантазировать на эту тему, да и сейчас любая версия будет не более чем предположением. Тут же не спросишь напрямую, он, не склонный слишком глубоко

копаться в себе и своих мотивах, честно ответит что-то, что будет вполне приемлемым объяснением, но минует суть. Из многих версий, безумных и не очень, я склоняюсь к тому, что телемитская установка «твори, что изволишь» стала для него жизненно важной компенсацией его полного подчинения дисциплине.

Вот на этой любви к печатному слову мы и сошлись. Насколько позволяли мои почти нищенские на тот момент доходы, настолько я собирал свою библиотеку, тратя любое свободное время в пути на освоение новой книги, проникновение в пространство новых смыслов. Пожалуй, это более всего и приблизило, притянуло меня к нему. Искреннее восхищение интеллектуалом, равных которому я не знал. Пожалуй, один, с моей точки зрения, недостаток у него был — он не слишком любил играть мыслями, как будто сохраняя их для очередной статьи, преломления в печатном слове, для меня же удовольствие было именно в игре, фехтовании концепциями, споре позиций. Там где я проходил становление — спор был частью игры, но в мире Марсия спор означал угрозу и начало ссоры, которую надо скорей минимизировать. Это, пожалуй, было то первое несходство, которое я быстро заметил между нами.

А вот что по-настоящему восхищало, так это что Марсий был, пожалуй, первым в моей жизни человеком, который вкусил долю реальной власти и реального авторитета в своем прошлом крупного политического журналиста вхожего очень высоко. Вот можете мне не верить, но между человеком, который вкусил свою долю власти в этом мире, а потом отказался от оной, и человеком, с самого начала с презрением этот мир отталкивающим (что часто маскирует бессилие занять свое место), на уровне поля, энергии, вибрации существует невыразимая разница. У второго его слова, жесты, идеи, за редким исключением, будут нести свою порцию гиперкомпенсаций. У первого — спокойная и достойная царственность.

Любовь к слову — это то единое, что есть у нас, но насколько же она у нас различна. Знания Марсия — это глубоко простроенные, структурированные знания, и, перемещаясь в пространстве книжного текста, он всегда движется последовательно — от одного авторитетного источника к другому, от одного периода к другому. Основа его любви к слову — структура, которой он может следовать сам несколько лет. О боги, Марсий — это единственный не еврей, который реально разобрался в Зоаре и смог оттуда что-то реально выудить, а это дорогого стоит.

Но моя любовь к слову — совсем иная. Как и все во мне, страстное, импульсивное, горящее, жадно кидающееся на книгу, найденную по интересующей меня теме, а по прочтению одной книги я не знаю, какой будет прочитана другая. Это скачка от смысла к смыслу, от слова к слову, от образа к образу. Очень долго я вообще не умел работать с информацией, но именно пример Марсия и его внимательные рекомендации «почитать вот это» постепенно образовали во мне что-то вроде системы. Системы? Наши тексты отличаются, как классическая живопись отличается от импрессионизма, как строгая форма стиха у Брюсова (любимый поэт Марсия) отличается от взрывающейся изнутри манеры Волошина (мой любимый поэт). Трудно представить больших антиподов, чем мы, но в мире, утратившем знание о наслаждении духом, любовь к слову была более чем достаточным основанием для самой большой дружбы.

Иногда я испытывал его как учителя. Я делал откровенно неправильные действия, рассказывал ему об откровенно аморальных планах, которые, будь он таким же, как все, он наверняка должен был бы мне запретить — и сразу утратить весь свой авторитет, ибо основа авторитета телемита в том, что он действительно оставляет свободу. Но Марсий не запрещал ничего. Ответ в спорных ситуациях всегда был один: «Если ты действительно считаешь, что это тебе надо, — делай, почему нет? Но только много раз подумай, действительно ли это тебе нужно».

В начале и середине пути в ОТО у Марсия я учился всему. С момента, когда он фактически подарил мне новый смысл жизни, я жадно впитывал каждую интонацию, каждый совет, каждую историю, каждую реализуемую стратегию поведения. И главное

— моя страсть к книгам здесь по-настоящему расцвела, ибо для него книга — это священный артефакт. И неважно, библия это или исторический трактат, Книга священна по праву бытия книгой.

Первый важный, то есть отпечатавшийся в памяти разговор с Марсием произошел, когда я был практически раздавлен историей связанной с неудачным приворотом. И вот я — раздавленный, униженный, обессиленный и захваченный чувством собственной никчемности — беседовал с Марсием в его уютном кабинете. И вдруг, успокаивая мои чувства, Марсий сказал: «Дорогой брат Атон, мне кажется, ты совершенно неверно оцениваешь себя и свой потенциал. Поверь мне — когда-нибудь ты вполне превзойдешь меня».

Со дна колодца, в котором я был брошен, я посмотрел вверх так, словно на моих глазах разверзлись небеса и раздался зов трубный. Я и он! И вот этот самый я его превзойду. Мне до сих пор интересно, понимал ли Марсий, что говорит, или считал, что это не более чем формальное утешение оступившегося брата? Понимал ли он, что в этой точке он дает мне смысл жизни, который будет действовать до появления Азазеля, даже когда у меня будет отдельный, свой действующий проект.

Понимал ли он, что говорит, ибо слова истинной ставки — это не просто слова силы, это слова власти. Даже не пророчество, а утверждение, жест мага, который как будто увидел и признал будущее. Кто за ним мог увидеть во мне тогдашнем, одержимом сотней неврозов, того, кем я стану? И не просто увидеть — принять и поддержать это неизбежное. Мог ли он сознательно понимать, какая неизбежность следует из его слов? Он как человек, как эго, как сознание — едва ли, но тот, кто стоит за ним, мистер Самаэль — почему бы и нет?

Ах да, важная деталь. Марсий в Ордене — это единственный, кого можно честно и не лукавя назвать Магом, или — на нашем языке — ставкой, за которой тоже стоит Патрон, знающий больше, чем может знать эго.

И я запомнил наши самые важные разговоры, когда за человеком проглядывался большой Он. Забавно, что в то время, как все пытаются раздуть себе цену, преувеличивая магические сиддхи, Марсий, кажется, приложил все силы, чтобы казаться простым интеллектуалом. Когда придет время Армалена, я буду искренне кричать всем, что он не маг — и это главное его преступление. Мне порой кажется, что он умудрился спрятать себя от себя.

В том, что он — всего лишь исследователь, оказавшийся волей судьбы лидером самого древнего ордена, а его магия — это лишь игра в классики с еврейскими буквами, он виртуозно убедил весь мир, даже в свое время меня, и есть у меня такое грустное подозрение, что и себя тоже. Сила, которая стоит за ним, это более чем реальная сила, и сколько раз я замечал, что он говорил и делал гораздо больше, чем можно было бы сказать из границ эго, но, к сожалению, он просто не использует эти операционные системы, чтобы осознать свою природу в полной мере.

Второй разговор, когда говорил кто-то больше, чем он, был гораздо более сложным. Марсий сказал лишь одну фразу, но эта фраза кислотой вьелась в память:

«Атон — это наш такой своеобразный телемитский святой. Ну есть же святые у христиан. Так почему бы и у нас не быть?»

Едва ли он помнит эти слова, давно это было. Да и он ли это сказал?

Простые слова? Просто братский комплимент? Ой не все так просто. В этих словах одновременно было заложено и самое высшее признание, уважение, и одновременно — в тени — самое большое пренебрежение.

Амбивалентность сакрального. Об этом говорили Рудольф Отто и Жорж Батай. От начала времен одно и то же слово применялось и к центру города, где живут те, кто определяет закон, — высшие жрецы, царь, и одновременно к тем, кто выброшен за круг города, — сакральны также изгои, чужие, парии. Самый высокий верх и самый низкий низ. Быть может, я покажусь кому-то наивным романтиком, но я убежден, что, говоря

эти слова, Марсий-человек подвинулся и его САХ сказал что-то очень важное моему САХ. Самаэль говорил с Азазелем.

Удивительная фраза. С человеческой стороны — в этих словах безусловная любовь, признание, уважение. Наш святой. Да что тут придирается, ломать копыта и мозги, ища черное в белом? Слова звучат вроде бы однозначно. Но прислушайтесь, если вы действительно маги. Прислушайтесь в то, как эти слова звучат, если услышать их на глубине. И услышав их из глубины, от Лорда Сэма, мы видим здесь одновременно и признание, и как бы исключение, вынесение за пределы.

То есть если ты святой, то, конечно, в чем-то ты выше нас и одновременно ниже, ну не понять святому наши простые человеческие проблемы. Только Сэм мог одной фразой дать самую высокую оценку из возможных, одновременно как бы обозначив барьер. Границу. Фраза звучит как самое вежливое из возможных обозначений границы. Ты святой, а мы-то простые люди, и многого нашего ты не поймешь никогда. Ирония и высочайшее признание одновременно. Помещение в центр и вынесение за круг — и тоже одновременно.

Да и что это значит — телемитский святой? С христианскими святыми все просто, там целая наука — агиология. Но телемитский святой — каким бы он мог быть, если бы мы рассмотрели эту концепцию всецело всерьез? Если бы Телема была антихристианством, как думают о Телеме люди со стороны, наверное, телемитский святой должен был бы нарушить все законы, которые свято блюдет святой христианский. Но Телема — это не сатанизм, не Тень христианства. Телема — это нечто не вверх и не вниз от христианства, а куда-то вбок. Можно зайти с другой стороны и вспомнить список святых в Гностической мессе. Имена, не связанные между собой, пожалуй, ничем кроме того, что каждый из них на своем участке совершал некий поворот колеса истории, менял нечто глобально и неотвратно. Телемитский святой равно абсолютный пассионарий. Блин. Я, конечно, высокого о себе мнения, но при этом не настолько сошел с ума, чтобы полагать, что те изменения и вклады, которые я, в силу своих скромных стремлений, совершаю, можно сравнивать с вкладами Ницше, Вагнера или кого-то еще из этого списка.

Можно зайти и с другой стороны. Телемитский святой — тот, чья жизнь в наибольшей степени воплощает принципы Книги Закона. Но и тут свои тонкости. Например, до того как я отошел от дел Ордена после свершившегося Армалена, я был наглухо, всецело моногамным верным супругом, причем даже ни капли этим не тяготился. Да и третья глава едва ли может быть применена к моей стратегии жить.

Все же истинно так, что этим комплиментом Марсий дал самую высшую оценку из возможных и одновременно очертил границы — с нами и не с нами, свой и чужой, ценимый, уважаемый и братски любимый, но одновременно тот, кто никогда не будет таким, как мы, брат и не брат одновременно, чертов кот Шредингера. Или на самом деле все было нормально, просто я путал две категории — братство и семья. «Ну ты же святой, а мы люди простые, ну не разделишь ты наше человеческое». А в сущности это значило — «ты другой, не хуже и не лучше нас, но другой, с угрожающей отметиной того, что я для безопасности определю как святость». И ведь чистая правда — другой, из другого рода.

Потому что иначе невозможно понять, на каком основании называют святым человека, который порой буквально захвачен своими страстями, страхами, аффектами? Разве нет во мне страха, жадности или гнева? Но и разве подобен я был тогда телемитским отшельникам из Книги Закона, купаясь в роскоши, надменно возвышаясь над остальными? Ни одно толкование не может ни с какой стороны объяснить это странное причисление к «святым».

Либо Марсий узнал Олега, либо старина Сэм узнал Азазеля в этих словах... Заглянул в окна глаз и увидел принадлежность к другому регистру бытия, при общих образах, убеждениях, символах.

Была еще одна мелочь. Слово «мелочь» здесь так же двусмысленно, как и слово «святой» — действительно ничего не значащий пустяк, внимание к которому может вызвать только смех, но одновременно нечто в крайней степени важное.

За годы моего членства в ложе, где я не пропускал ни одного собрания, я ни разу не оставался на ночлег у брата Марсия. Казалось бы, что может быть проще — постелить в пустой комнате матрас с подушкой, свой же, брат же, да даже не просто свой и один из братьев, а в чем-то выделенный, привилегированный, доверенный брат, которого он сам назначил, можно сказать, своей десницей, что и означал тогда пост секретаря Ордена.

Надо сказать, что это не вызывало ни вопросов, ни обид, ни даже желания намекнуть, попросить о ночлеге — мол, брат же я тебе. Этот негласный запрет воспринимался мной, человеком, впервые оказавшемся в большом обществе, как некие особые правила круга людей дворянской крови (которой, конечно, Марсий очень гордится, но не любит это показывать лишней раз). Ни сознательно, ни бессознательно я никогда не «обижался» за это. Мы успели поругаться на Армалене, когда я уже написал свой самый злой «разоблачительный» текст, но там не было ни слова, что, мол, «ночевать не оставит брата». Это было абсолютно естественно, это было чем-то вроде единственной возможной реальности, принятой у аристократии.

А вот когда я ушел делать свой проект и однажды засиделся в гостях у очень уважаемого мной друга, где мне сразу предложили матрас в соседней комнате, — я впервые задумался. Потому что хозяйка и ее муж были не просто родовиты, но еще, значительно более родовиты, чем даже сам Марсий, и по иронии судьбы находились мы на очень близком расстоянии от его дома. Когда меня так же легко после тусовки отправили на то же место во второй раз — я долго не мог заснуть, впервые поставив перед собой вопрос: а почему солидные потомственные дворяне, с которыми мы только приятели и интересные собеседники, не напрягаясь, оставляют меня на ночлег, а Марсий, для которого я был «десница», «лучший ученик», как будто на уровне самого пространства поля исключает такую возможность?

Разве не он, поднимая тост на моем дне рождения, сказал про меня, что я один из тех самых важных людей, с кем он хотел бы пройти вместе путь до конца этой жизни? Всецело свой и всецело брат. Разве мог он не понимать, что я единственный, кто из братьев приезжал на каждое собрание за двести километров и обычно либо шел ночевать к кому-то из других братьев и сестер, либо ночевал на вокзале? Почему нет, где табу?

Со времен того ночлега у приятелей, которые, пожалуй, наиболее родовиты, я не раз задумывался над этим парадоксом, возвращаясь в прошлое. Иногда появлялись самые странные и нелепые версии, некоторые из которых и озвучивать не стоит. Почему само пространство было так задано, что я совершенно точно знал, что не имею права попросить ночлег? Как будто здесь проходила какая-то очень особая граница, отделяющая действительно онтологически, экзистенциально своих, от уважаемого, ценимого, вызывающего самое большое доверие — но все же другого, святого, пусть неосознанно, но чужого. Разве в этом что-то особенно сложное? Если речь не о негласной этике аристократии, то разве я не находил ночлег у других братьев, даже более стесненных в условиях?

Как будто стояла невидимая, ни разу не озвучиваемая, но от этого не менее очевидная стена, неназываемые правила игры, о которых прекрасно осведомлены обе стороны, но которые невозможно даже назвать, а тем более нарушить. И по этим правилам, я — одновременно и святой, делающий слово Телемы и решающий, кто из кандидатов будет принят, и тот, кто в силу этой самой двусмысленной «святости» остается своим — и все-таки чужим, и обязательно должна быть некая граница, через которую нельзя переступить.

В конце концов я начал понимать. Возможно, это тоже ошибка, но мне кажется, я умею сопоставлять факты и события. У каждой ставки есть некий особый код, подразумевающий «включение в семью».

Для Марсия включением в семью был именно ночлег. И на уровне памяти крови, знания над знанием он как будто понимал — я брат, я десница, я тот, с кем ему хотелось бы пройти до конца. Но не семья. Другой алгоритм, другой принцип бытия. Я так и не понял его алгоритм, но очень быстро научился узнавать тех немногих, кто становился частью его мира на уровне семьи. В них действительно было что-то общее. Как будто семья Марсия принадлежала к осени, а я к слишком жаркому лету. Это не обесценивание, ведь золотая осень тоже бывает удивительно красивой. Это просто факт.

Правда, этот момент был причиной одной неприятности, которую, думаю, ни я, ни Марсий не могли предугадать. В итоге я невольно становился должником тех, у кого мне бы лучше было не быть в долгу, даже с точки зрения самого Марсия. Стал должником Дмитрия — и не мог обличить его этак на полгода раньше. Стал должником другого брата — и не мог прямо и честно сказать, что я думаю о нарушении правил и их последствиях. Я даже оказался должником проклятого Хирама, ночуя у него, и до последнего, уже крайнего предела играл в бейсбол со связанными руками. Предложить ночлег тому, кого ты признал десницей, — что может быть естественней и с человеческой, и с политической точки зрения?

Менее всего я хочу, чтобы мои слова были восприняты как упрек, обличение, или долгая обида. Как уже было сказано, даже после нашего конфликта это не входило в число вопросов или претензий. В этой незримой границе было что-то абсолютно естественное и безоговорочное — как то, что весной тает снег, а из туч льется дождь.

Он действительно принимал меня как брата, действительно доверял. Даже на какой-то период брат стал десницей. Но не семья. И не сокрушаюсь я, а благодарю за честность и равновесие произошедшего, ибо, видят боги, развернись все по-другому, мой долг, создающий весьма особую симметрию, оказался бы таким, что никогда не смог бы я покинуть ложу и зажечь свой огонь.

Второй священный ключ. 2003

Глава 10. Дорога Жизни

*Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.*

Леонид Дербенев

По традиции, между посвящениями ОТО должен пройти срок не меньше года. В жизни часто бывает и так, что этот срок затягивается просто потому, что в нужный момент никто не организует посвящений или не находится двух поручителей.

Первая степень — это о новом рождении. Это о буйстве эмоций, это о падении в хаос, это о вышедшей из берегов стихии. До конца жизни я запомню сон, который мне приснился в пик моего прохождения первой степени. В этом сне я шел по улицам города Калуги, как вдруг город стал осыпаться внутрь океана. Нет, это не был потоп, волна не шла по земле, сметая все здания. Просто все, что казалось реальным, вдруг уподобилось картонным декорациям и точно карточный домик осыпалось в предвечный хаос, который был, есть и будет всегда. Чувство осыпающегося мира — это чувство, которое испытывает посвященный первого градуса. Порой эмоции могут быть даже позитивными, но секундная экзальтация в итоге наказывается жестоким откатом в ощущение тотального смешения.

Вторая степень — силы Жизни. Само посвящение проводится при куда более ярком освящении, а церемония посвящения отчасти является своего рода обучением неопита искусству жизни. А что значит жить, как не уметь пройти между двух крайностей, не подчинившись ни одной? Что есть жизнь, как не способность течь внутри

потока и находить нетривиальные решения? Что есть жизнь, как не игра ветра небесной радугой?

Стихия первой степени — вода. Стихия второй — воздух. Воздух легок и подвижен. Воздух дает возможность лететь в свободном парении. Воздух позволяет жить и дышать. Без воды человек умрет за три дня, без воздуха — за несколько минут, воздух — основа жизни и главная потребность.

Первая степень — душевный ад или даже ниже ада — первичные воды. Режим воды. На поверхность выходит все до основания, сколько ни прячь, сколько ни беги, сколько ни произноси волшебные слова, все некогда изгнанное обречено вернуться. Вода не разбирает, что поднимать на поверхность, вода выносит все.

Вторая степень — небо, ветер, долгожданный рай, вдвойне сладостный после пережитого ада, который, казалось, случился с тобой навсегда.

И прежде чем приступить к дальнейшему повествованию, я хочу предложить вам поразмыслить над одним простым вопросом. Кто вообще может быть правильным соискателем посвящения, кого мы назовем мистиком, а не имитатором, просто копирующим внешние формы и слова, или шизофреником, коих так много в эзотерических непаханых наших пространствах?

В оккультных кругах сформировался такой популярный штамп а-ля Маслоу, будто, прежде чем заниматься оккультизмом, следует решить все материальные проблемы, получить хорошую работу, стабильный доход, развязаться со своими неврозами и комплексами и, достигнув твердого основания, спокойно восходить к духу. Соблазнительная и убедительная картина, такая безупречная и симметричная. Прямо таки до тошноты навязшая в зубах пирамидка. А теперь давайте посмотрим на жизни реальных оккультистов. Алистер Кроули. У него не было неврозов? Травм? Навязанных болезненных шаблонов поведения? Он твердо хранил свой материальный фундамент, ставший основой его делания? Как бы не так — он постоянно был гоним своей тревожностью и недоверчивостью, порожденной детскими травмами, а фундамент, который у него был изначально, он с успехом спустил, низвергнувшись от наследника богатого пивовара до «сына человеческого, которому негде голову преклонить».

А кто у нас вторая по яркости звезда Телемы? Джек Парсонс. Тяжелое детство, непроработанный эдипов комплекс, трагические отношения с женщинами, да еще вдобавок ранняя смерть. Кого бы еще привести в пример? Может быть, в архетипической истории Христос, Будда, великие святые и подвижники всегда честно наработывали себе фундамент, а потом точно по часам и датам уходили в духовное? Ну нет же, не правда ли? Сказка про гармоничное, равномерное развитие придумана совсем недавно руководителями различных эзотерических групп и проектов. Их понять можно — гораздо приятнее и легче взаимодействовать с понятным и уравновешенным, работающим на приличной работе человеком, твердо стоящим на ногах, чем с суицидальным подростком, который то объясняется тебе в любви, то кидается в ноги, то начинает говорить с такой ледяной интонацией, что, кажется, воздух замерзает. Вот только конкретно у этого подростка есть живой огонь, связь с Истоком, перспектива нести Ось точно так же, как ее несущий сейчас я, а у удобного и уравновешенного клерка перспектива одна — немного разнообразить свою скучную жизнь несколькими экзотическими увлечениями, эзотерикой-по-воскресеньям.

Но если на путь пытается стать неудачник, разве он не будет использовать все богатство эзотерического арсенала мыслей и образов, чтобы оправдать свою неполноценность, — скажет сторонник «теории пирамиды». Разве вас самих не подташнивает от множества таких неудачников, захлывших эзотерический дискурс сверху донизу и своим личным примером вредящих репутации оккультизма больше, чем сотня внешних врагов и клеветников? Ваша правда, товарищ критик. Но как быть?

Если оккультизм не создан ни для уравновешенного сторонника пирамиды, который никогда не сможет достаточно оторваться от коллективной матрицы и взлететь,

ни для неуравновешенного, чуждого земле неудачника, оправдывающего свое положение красивыми словами, — для кого же он? Похоже на детскую игру: черное-белое не берите, да и нет не говорите. Если ни белое, ни черное поле не подходит для пути, кто же подходит?

Вот он — наш первый, еще не озвучиваемый спор с Марсием. Я хотел звать бунтарей, радикалов, тех, кто восстал против мира, как я, и всегда был ему чужим. Он — тех, кто в полной мере социализировался, достиг определенной успешности и точно является стабильным.

Сейчас я понимаю, что ошибались мы оба. Звать нужно своих. Которых узнают по совершенно незначительным символам, интонациям, иногда даже снам. Свой может оказаться депутатом, бизнесменом, маргиналом или шестнадцатилетним подростком. Просто надо уметь видеть эту вибрацию «своего» и вовремя отвечать на вибрацию. Марсий слишком разумен для такой картины мира. Но тогда его перекоосу вправо я мог противопоставить только свой перекоос влево.

Для посвящения подходит тот, кто по какой-то, возможно, непонятной ему причине был избран, отмечен огнем источника, кто вибрирует в унисон истоку конкретного потока, конкретного вектора. Подходит тот, кто испытал Зов и был опьянен богом не в шутку, а всерьез. Подходит тот, чьим кредо веры является тотальная честность с собой, и даже оказавшись на дне, он будет смотреть в эту бездну с бессильной тоской, но не попытается назвать бездну цветочной лужайкой с розами. И здесь надо смотреть. Ибо вот этот конкретный безумный подросток избран истоком, а рядом такой же, с похожими проявлениями будет отправлен мимо и лесом. Критерии неуловимы, но незыблемы. К сожалению, людей реально, на уровне эйдетической близости, подходящих для посвящения, найти чертовски сложно. Если пользоваться объективными, то есть «небесными» критериями — в том же Ордене состояло бы не больше пяти-семи человек, действительно соответствующих форме центра Ордена. Но природа не терпит пустоты, и возможно, будет лучше действовать, как было принято до сих пор — привечать «людей пирамиды», уповая, что тот, кто был избран, сам найдет себе путь.

Внутренняя логика посвящения имеет свои законы. И посвященный второй степени обязан овладеть силами жизни, как посвященный первой — силами рождения. Или, если посвященный действительно призван и бескорыстен, в особых, исключительных случаях боги Телемы или эгрегор Ордена начинают «апгрейд адепта».

Именно на второй степени Орден как будто стал открывать для меня множество тайников с сокровищами.

На второй степени я встретил Айрум, мою первую любовь. Что только я не принимал за любовь до этого момента! Страсть, одержимость, восхищение, доходящее до обоготворения. Зависимость. Чувство безопасности. Любовь состоит из всего этого, но сутью ее является другое — готовность видеть и принимать другого именно таким, какой он есть. Видеть суть друг друга.

На второй степени Айрум стала моей женой на долгие годы. Видят боги — это были прекрасные десять лет, полные нежности, страсти, движения в одном потоке, где она не раз помогла мне сделать то, что мне — из доступной мне на том уровне позиции — казалось невозможным и немислимым.

Наша любовь началась с одного грибного полета, где я просто пригласил ее в свидетели, а настоящим ведущим был мой хороший друг. Именно там тронулся лед и мы как будто немного увидели друг друга.

Точно выстрел из-за угла вдруг включилось *оно*. Пространство развернулось невероятной мистерией, частью которой оказалась Айрум, увидевшая все то же, что видел я, не съев ничего изменяющего сознания. Мы видели, как начертанная на стене моей комнаты семиконечная звезда Бабалон внезапно ожила, стала дышать, звать и испускать сияние иных миров, заставившее меня танцевать перед ней какой-то дикий

стихийный языческий танец. Я всегда говорил, что именно Бабалон подарила мне Айрум, и я всегда буду благодарен Богине за этот дар.

Устав, я не то упал, не то церемониально опустился на кресло, одним движением облачился в жрецское облачение и начал перемешивать карты. Я находился внутри Пятого аркана.

Как будто из другой реальности до меня раздался голос моего главного ситтера: «Смотри — он сейчас Пятый аркан», — после чего, не глядя на колоду, я вытащил карту, оказавшуюся арканом, которым я был.

Я не был просто человеком — я был потоком, силой, орудием Богини, преданным Бабалон. И на каком-то внутреннем уровне я знал: с этого момента что-то должно серьезно поменяться. Я проводил ситтера и Айрум и остался наедине с собой. Это было не лучшее решение, потому что всякий раз, когда я использовал психоделики, после «яркой» фазы, требующей мобилизации всех ресурсов психики, чтобы выдержать архетипический поток, начиналась фаза кошмара и опыт распада. Зона, где умирают слова. Зона чистого ужаса. Возможно, такое постоянное попадание в замкнутый мир бэд-трипа было связано с «долгами», полученными в результате не слишком удачного вхождения в магию. Возможно — психоделик как под увеличительным стеклом увеличивал мое обычное состояние, в котором ожидание удара было естественным фоновым режимом.

После полета мы осторожно потянулись друг к другу. Дружба стала страстью, страсть любовью. Я слишком хорошо помню, когда из-за какого-то неосторожного эксперимента я как будто потерялся где-то на глубине на целую неделю, и в этом состоянии потерянности мы с Айрум оказались в мире, полном музыки, — на фестивале «Пустые холмы». Пела Рада, и ее песня точно задавала тон ветру, а мы впервые столкнулись с невероятной и щемящей близостью и родством. Любимая. Айрум.

Конечно, я обратился к картам таро по поводу перспектив наших отношений, и карты дали более чем странный и двусмысленный ответ. В центре находился лучший из арканов таро — Одиннадцатый аркан или Вожделение, а в трех позициях младших арканов выпали самые сильные из возможных карт — три туза, один из которых даже лежал в своей стихии. О чем еще можно мечтать? Тузовое воздействие, тузовая связь — связь, отмеченная небом, печати сорваны самыми высшими знаками.

Вот только — последняя карта... Оказавшаяся ложкой дегтя, испортившей самое драгоценное вино. Десятка мечей. Самое прекрасное начало и продолжение, насколько хватит заряда семиконечной звезды, благословившей нашу любовь. И неизбежное, прямо-таки катастрофическое крушение в финале. В этом раскладе наш брак был предсказан на пятнадцать лет вперед: от изумительных в своем упоении первых десяти лет до мучительного разделения следующие пять, пока, наконец, наши пути не разойдутся.

Нет ничего хуже десятки мечей. Даже Башня оставляет надежду на возрождение. Десятка мечей — нет. И именно десятка лежала последней.

Что же, подумал я, пусть будет по-вашему. И если мне даны три высших туза сейчас, достанет ли мне мужества принять и десятку тоже?

Отношения быстро перешли к разговору о браке, начавшемуся с шуточного пари, смогу ли я найти ее потерянная интимная деталь туалета. Я знал, в каком углу она их потеряла, и почему то забывал ей об этом сказать.

Когда я вел ее под венец, я знал абсолютно точно — чудеса возможны. И этот день — это самый счастливый день моей жизни по сравнению со всем, что было раньше. Разве что день пробуждения Кундалини мог бы немного поспорить с этим днем. Радость была замутнена лишь памятью о десятке. Когда? Месяц, год, десять? Нам было дано гораздо больше, чем я мог надеяться.

Выйдя за меня, Айрум раскрыла какой-то невероятный потенциал чистейшего света, который был направлен на меня. День за днем, шаг за шагом она мягко, но

настойчиво подводила меня к решениям, возвращавшим почву под ногами, хотя правильнее будет сказать — создавая ее, ведь этой самой почвы до этого у меня не было никогда.

Вот я, поверив ей, нахожу куда более приятную и надежную работу на неполную неделю в Москве — работу, которая после десятилетий торговли газетами в электричке кажется землей обетованной. Как выяснилось, выход за пределы электричек не означает необходимости прыжка под ту самую электричку. И всего-то навсего — поверить, что, несмотря на некоторые проблемы, которые создавали неснимаемую границу только в моем сознании, меня возьмут на официальную работу. И всего-то поверить, что можно найти работу на неполный рабочий день: ездить в Москву пять дней в неделю было бы мучением, но три — почему бы и нет, если вся работа заключалась в неспешной подготовке и развозке документов? Какая мелочь — просто найти подходящую работу! Но — нет, если сознание плотно опутано границами флажков, выйти за которые — нет, не нельзя — просто невозможно, как невозможно пройти сквозь бетонную стену. И вдруг флажки становятся тем, чем они являются — всего лишь веревкой с красными тряпками. Жизнь. Свободная человеческая жизнь, которой можно наслаждаться, не сжимаясь от ужаса, каждый раз оставаясь наедине с собой.

Даже когда через много лет наши отношения вошли в зону мечей, Айрум все-таки сделала мне последний подарок, подтолкнув к авантюре, в результате которой я смог исполнить свою самую невозможную мечту. Она всегда была жизнью.

В любимой книге моего детства был потрясающий образ некоей космической расы, каждый представитель которой мог размножаться без участия другого. Поэтому для всех представителей этой расы переговоры с людьми были возможны, только если в переговорах участвуют двое — мужчина и женщина. В противном случае ксесты (так называлась эта раса инопланетян) видели всего лишь полкапитана и впадали в коллапс, не в силах осмыслить. Всего лишь полкапитана — какой удивительно точный образ для мужчины, который лишен глубокой связи с женщиной.

В сущности, в сексуальности заключена тайна всей магии и тайна преображения. Ибо если вы окажетесь сплетены единым атанором с искаженной женщиной — смиритесь, что из успешного и здорового бизнесмена вы превратитесь в больного алкоголика. Но свяжите себя с прекрасной изнутри женщиной, заключите правильный союз — и из сжатого постоянным страхом неудачника станете тем, кто легко идет по жизни, играючи воплощая заветные желания и совершая деяния, еще недавно казавшиеся не просто маловероятными, но принадлежащими к иному измерению бытия. Сама Бабалон подарила мне Айрум, и наша близость, наш брак, продолжавшийся десять лет, в тот день родился из пульсирующей черной звезды, которую видели мы оба, хотя, в отличие от меня, она ничего не принимала. Поле, пространство, взаимодействие, единая реальность.

Впрочем, если остановиться только на этом, я солгу. Точнее, скажу не всю правду, что перед богами равносильно лжи. Ведь не может рухнуть в никуда то, что не имеет в себе точку распада. Айрум убеждена, что наш брак разрушило проклятье серого аватары. Но я не верю этому. Я слишком хорошо изучил, как работают серые. Там где нет точки уязвимости, ни одно проклятие не властно.

Любя друг друга, мы оба оставались слишком детьми. Мы даже не вели общее хозяйство, приходя ночевать друг к другу. Как будто каждому из нас было важно чувствовать, что он одновременно в браке и не в браке. К тому же я знал и помнил о десятке мечей. И это знание подготовило ее воплощение.

Поэтому мой Армален совпал с первыми мечами злополучной десятки. Брак продолжался еще долго, но это уже были другие договоры и другое пространство. Более глубокая причина — мы оба очень быстро стали другими. Пройдя через горнило Армалена, я перестал быть трогательным, романтичным и в чем-то очень наивным

идеалистом. И быть может, мне куда больше нравилось то, кем я стал, а Айрум был ближе тот я, кем я был когда-то.

Но самое важное, что от нашей любви, еще во время рассвета, родилась удивительная, прекрасная дочь, звезда Аделаида. Моя первая дочь, в имя которой я, зная и не зная одновременно, вложил имя звезды. И уже сейчас она показывала свою чернотездную природу, то узнав меня в истинном облике с красным камнем во лбу, то увидев сон о летящем мужчине в ту ночь, когда я где-то далеко в полете с прекрасной леди отращивал себе черные крылья, делая еще один шаг к осознанию.

Брак был не единственным триумфом второй степени. Я впервые заявил себя как писатель. Одна из сестер Ордена была связана с одним из крупнейших издательств. Ей понравились мои разработки по таро, которые до этого я пытался пристроить в три издательства, но во всех получал отказ за «неформатность». Ирония судьбы — сейчас по моим наработкам работают и разрабатывают свои системы десятки преподавателей таро. Хочется пожелать почтеннейшим издателям: если вы видите нечто неформатное, задумайтесь — быть может, перед вам новый канон. И надеюсь, что я как издатель в один прекрасный момент не упущу того, кто принесет новый канон.

Сестра Веренея подала мне эту идею — книга из разных статей. Это оказалось гораздо легче, чем я мог подумать: почти все необходимые главы уже были готовы, оставалось дописать отдельные фрагменты, построить мосты между главами и передать результат в печать.

Вторая степень подарила мне первое реальное призвание. Огонь, который до этого хаотично бил во все стороны и сжигал прежде всего меня, стал надежным источником энергии для первого старта моей звезды.

И да, паузы между первой и второй книгой практически не было: я просто собрал все свои статьи, которые я когда-либо написал о Телеме, разделив на три подраздела, и передал в то же издательство. Вот когда с благодарностью вспомнил я придирчивость и строгость Нины, принципиально не пропускающей недостаточно отработанные статьи на сайт ОТО. В начале года я тонул в водах хаоса, а в конце вынырнул известным и читаемым эзотерическим автором, автором своей школы таро. Третий ключ, который я получил в Ордене. Юнг прав: во всем нужно дойти до края, до исступления, до предела — и только так появится шанс вынырнуть с другой стороны земли. Это была воистину степень Жизни.

Для полноты картины следует сказать, что так радостно, чисто и легко вторая степень проживается далеко не всеми. Просто у меня в центре всегда была Лилит.

А если у получившего степень вместо Лилит в центре его эго, которое не подвергается сомнению, это эго очень быстро начнет раздуваться и возноситься. Если практикующий склонен приписывать себе то, что даровано ему богами, если он склонен пребывать в иллюзии своего всемогущества, в этом случае падение неизбежно.

Внезапный успех, аванс, который дает Орден, кружит голову, и бедолага, подобно Фаэтону, устремляется к Солнцу со словами: «Я займу место Солнца, я настоящее Солнце», — после чего падает на острые камни. Анализируя свой путь, наблюдая со стороны путь наиболее интересных практиков, я понимаю, что, по большому счету, единственное, что имеет значение, — это ваша любовь и доверие к богам. Преданность, лишенная корысти, готовность быть со своими богами вне зависимости от того, что они уготовали, не только со смирением, но с любовью уметь принять любой жребий. Остальное — вторично. Индусы называют это Бхати. Есть Бхати — все хорошо, поток вынесет именно туда, куда необходимо, и стрела, пущенная вслепую, выбьет десять из десяти. Нет Бхати — и будь ты трижды мастером стрельбы, в последний, самый ответственный момент просто некстати дрогнет рука. Меня спасало одно. Я знал, что должен быть благодарен Марсию, Айрум, Веренею. Но превыше всего я знал, что и за Марсия, и за Айрум, и за Веренею я должен быть благодарен Лилит.

Время моего первого рассвета совпало с временем самого большого рассвета Ордена. И я становлюсь десницей, секретарем, я получаю драгоценное право работать с кандидатами и быть тем, кто решает, кто из кандидатов будет принят, а кому будет дан отказ.

Чин секретаря дает мне очень особую возможность. Право создавать идеологию, образ, лицо Телемы. Переписываясь с новичками от лица Ордена, я мог определить, какие именно интонации подчеркнуть в обучении Телемы. А ведь на самом деле интонация — это нечто куда более важное, чем сам текст, ведь из одного и того же текста Кроули Марсий успешно выводит либеральные идеи, а Руцкий — обоснование фашизма. И эта власть, власть идеолога, была дороже и ценнее любого другого вида власти и авторитета.

Уже здесь я хотел создать плацдарм для сообщества нового типа. Сообщества, которое сможет не только помогать в духовном восхождении и открывать двери инициаций. Сообщество, где можно безопасно говорить о своих проблемах, сообщество, изначально противопоставленное чугунной мерке Иалдабаофа и способное стать реальным пространством свободы. Сообщество, где будут в полной мере воплощены все принципы Книги Закона.

И насколько это было возможно — я следовал этим идеям. До некоторого времени Марсий вообще не вмешивался в мою переписку с кандидатами, а я, пользуясь возможностями секретаря, создавал необходимое доверие, позволяющее некоторым, далеко не всем — очень важно чувствовать исходный запрос пришедшего, — стать моими учениками. Идти в глубь души.

В конечном счете этот проект полностью и тотально провалился. В глазах, которые смотрят на нас со стороны, я действительно стал «самым заметным российским телемитом», но только тогда, когда отделился от ложи и начал создавать свой проект. Здесь же я пытался посадить свои зерна в почву, для этого не приспособленную. Слишком много у нас с Марсием было внутренних мировоззренческих разногласий, которые никогда не обсуждались, потому что по негласному договору считалось, что «спор это начало ссоры».

Мы как будто обращались к разным мирам. Мы звали разных людей. Идеальный кандидат для меня тот, с кем я хочу взаимодействовать, — это человек, сумевший в тяжелом противостоянии с семьей и обществом выбить себе индивидуальность, которая жестко противопоставлена системе. Тот, кто противостоит и сражается с системой Иалдабаофа. Он может иметь немалые невроты и проблемы, главное — он готов о них говорить и идти вглубь. Идеальный кандидат Марсия — социально успешный человек, имеющий максимально ровные отношения с семьей и предельно устойчивый.

Я уже писал, что с годами понял: ошибались мы оба. Потому что обычный средний бунтарь, нонконформист, за очень редким исключением, продолжает тащить своих папам, против которых сражается, на плечах всюду и везде, где он окажется. И в конце концов такие яркие бунтари будут отыгрывать свой сценарий уже на наших шеях. Отличать реального гностического бунтаря духа, призванного, от обычного невротика — о, на это нужны годы и как минимум достижение 5=6. Поэтому мой первый независимый проект, мечта о некоем блаженном острове потерпела крах. С другой стороны, крен Марсия в стабильность и устойчивость, усилившийся после моего выхода из ложи, привел к «обуржуазиванию» и «омещаниванию» смыслового пространства Телемы. Вместо того чтобы захлеб разговаривать о свежееизданных гримуарах и о разнице между гностицизмом и герметизмом, как это было в начале становления Ордена, стали говорить о занавесках.

Моя первая независимая модель была неустойчива и невоплотима просто потому, что основывалась на голливудских боевиках. Сценарий, где некий Большой Мафиози берет под свое крыло одного-двух неудачников, ставит их на хлебные места, за что эти господа, встав со дна, всю жизнь благодарны и преданы благородному дону. Так что —

наберем несчастных трагических личностей, дадим им связи, возможность работы, возможность творить. На выходе — несколько десятков благородных доноров, которые преданы вам.

Ага. Тысяча раз. Когда я все-таки получил возможность создать свой проект — таков был первый сценарий. Результатом этого сценария оказался Пермяков: невротик с безумными глазами, которому я предложил практически пожизненную ренту с продажи моего видео, в конечном счете стал меня обворовывать. Благодарность, говоришь? По себе судить не стоит.

В реальности любой «типичный неудачник» — принципиальнейший и убежденнейший коммунист, считающий, что все благодетели — это его скрытые эксплуататоры. Скорей всего, он будет просто ненавидеть благодетеля и, удерживая льстивую улыбку, готовить удар в спину, даже если этот удар не принесет ему никакой выгоды и даже наоборот — оборвет источник получения выгоды. Удовольствием ножик в спину загнать — куда побольше, чем личная выгода. Эдакие подпольные человечки Достоевского.

Так что — читаем третью главу Книги Закона: мы не для несчастных и унылых. А я хотел сделать фабрику, которая может трансформировать несчастных в счастливых. Создать им пространство. Дать возможности, которые были даны мне. Опять судил по себе, опять перенос своей ситуации на других — нельзя так делать.

Кроме того — этот сценарий предполагает модель «отца и детей», а архетипический миф, путь героя подразумевает отделение от отца как некую неизбежную стадию. Гораздо позже, уже набравшись нового опыта, я пришел к принципиально иной схеме взаимодействия — схеме «первого среди равных», где взаимодействие выстраивается прежде всего как союз равных, где первый имеет лишь небольшое символическое преимущество, не слишком раздражающее других, но позволяющее ему в нужный момент направить общий поток. Большого доверия заслуживает тот, кто пытается тебе что-то доказывать, обратить на себе внимание, порой даже выступать как противник, если за этим выступлением вовремя увидеть реальный запрос — быть признанным и услышанным. Но — только равные.

Подводя итог рассуждениям о нашей системе противовесов, я хочу отметить, что наша с Марсией работа в неразрывной связке создавала необходимую систему равновесия. Прокурор — адвокат, лед и пламя, колонна Суда — колонна Милосердия. Это было не столько противоречием, сколько аркой, где две односторонних слабости вместе создавали единую силу. Пожалуй, это был золотой век Ордена. С какими людьми я тогда переписывался! Какой бесценный интеллектуальный багаж практического психолога играючи наработывал, работая с запросами и ожиданиями неофитов от Ордена. Кажется, я таки вернулся в Арден, хотя как покажет практика, это только кажется.

Глава 11. Тучи из Беларуси. Джубела

*Они пришли как лавина как черный поток,
Они нас просто смели и втоптали нас в грязь,
Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок,
Они разрушили все, они убили всех нас.*

*С. Калугин, из песни «Последний воин
мертвой земли»*

Однажды брат Марсий попросил меня поехать в особую поездку. В то время, относительно недавно, в Беларуси открылся лагерь ОТО, и открыл его человек, вместе с которым я посвящался в свою первую степень. Евгений Руцкий. Юноша, амбициозный

до болезненности, так что при наблюдении за ним у брата Марсия появились какие-то не очень хорошие предчувствия.

Я не помню точно, перед каким решением стоял брат Марсий: то ли вопрос о следующей степени Евгения, то ли вопрос о следующем статусе его отделения. Формально эта поездка не слишком отличалась от всех остальных: едем с мессой, делимся опытом. Но неформально Марсий попросил меня посмотреть, насколько надежен и адекватен Евгений. Можно ли ему верить, как к нему относиться.

Эту поездку я помню очень хорошо. Поехали двое — я и сестра Дью, которая на тот момент имела личные отношения с Руцким. Поэтому ее влюбленному взгляду Марсий доверять не мог — не даст объективной картины. И тут он был прав — с самого начала Дью просто захлебывалась щебетанием о том, как великолепно нас встретил Евгений и какой он потрясающий радушный хозяин. Я соглашался с ее восторгами и внимательно наблюдал за Евгением.

А наблюдать было за чем. Вот Евгений в ответ на нейтральный вопрос заходится с трудом подавляемой яростью, суть которой — глубокая национальная обида «вы, русские, всегда навязывали Беларуси свои правила». Не «ваша власть», а именно «вы». То он начинает говорить об эзотерическом фашизме, который должен стать основой для новой эзотерики, потому что в наше время только фашизм по-настоящему нонконформистичен и трансгрессивен и только новым тиранам, которые будут телемитами, будет принадлежать власть. Так-так... Что?! Весь Московский ОТО либо аполитичен, либо либерален, здесь же я слышал человека, всерьез мечтающего о новом Освенциме. Поза, конечно, но какая-то грязноватая, убогая поза.

Вот он подсовывает своему же человеку вместо мантии саван, снятый с мертвеца, и считает это прекрасной шуткой. То вот уже третий раз подряд, рассказывая о своих людях, он подчеркивает, что здесь, в Беларуси, он хочет держать свое отделение максимально свободным от контроля московской ложи. Эту свободу от контроля он обозначает как бы незаметно, между фразами, бегло, но сознание внимательно фиксирует происходящее. Щелчок. Я понимаю, что собеседник едва сдерживает негатив под маской отстраненности и скрытых упреков.

Я снова Элли и вижу ее глазами. Две проблемы — болезненные амбиции с нехваткой способностей их реализовать мирным путем. И особый национальный комплекс. Проецирует некую национальную ситуацию на конкретные отношения с ложей. Как бы он не пытался это скрыть, Марсий для него — уже враг, конкурент, представитель Путина — просто в силу того, что Марсий в России и находится в иерархии выше, чем он.

Дмитрий, Евгений, Хирам, еще множество куда менее заметных, но столь же болезненно амбициозных эпизодичных персонажей. Все они так хотят власти, контроля, господства. Хотят гордо изрекать единственную истину на правах священной коровы, на своих рогах носящей эту самую истину. Эти мальчишки не понимают одно простое правило, озвученное в культовом сериале «Игра престолов» словами мейстера Ночного дозора, обращенными к Джону Сноу: «Ты хочешь принимать решения? Хочешь властвовать? Если ты хочешь властвовать — научись подчиняться».

И если кто помнит сюжет сериала, Джон Сноу сполна усвоил этот урок. А эти бедные юноши, больше напоминающие бычков во время гона, в принципе не имеют возможности понять, что имел в виду старый мейстер, даже чисто умственно, не говоря о настоящем, экзистенциальном понимании.

Я смотрел в глаза Евгения и узнавал в нем чуть более улучшенную копию Дмитрия. Более образованный, более собранный, более дисциплинированный. Но в ядре — то же самое глобальное чувство неполноценности, да еще и помноженное на национальную обиду. И да, я не отрицаю что российская власть виновата перед Беларусью, поддерживая своими штыками режим Лукашенко. Но разумно ли распространять вину власти на конкретных людей, видеть в них врагов просто потому,

что они из другой страны? Разумно ли позволить коллективным даймонам владеть твоей душой? Кажется, в психологии это явление называется «коллективные даймоны».

Еще одно проклятье таких, как Руцкий, — они вообще не способны сомневаться в своей правоте. Не способны «видеть позади себя», ре-флексировать. Для них вообще нет такого качества, как объективная правота, все, что для них есть, — это успешная или неуспешная стратегия власти, но поскольку первая аксиома власти ими так и не усвоена, неуспешные стратегии они будут применять гораздо чаще.

Я помню возвращение в Москву. Помню, с каким напряжением я ждал этого разговора. Видят боги — больше всего я ненавижу выносить отрицательный вердикт. В конце концов, я могу ошибиться, не увидеть, спроецировать, а лучше оправдать виновного, чем осудить невинного. Поэтому, когда я говорю «да», я говорю его полной грудью, радостно и с превосходными степенями. Но когда я вынужден говорить «нет», я чувствую себя не в своей тарелке, отводя глаза и подбирая максимально корректные и мягко обтекаемые выражения.

— Как съездил? Как впечатление?

— Очень хорошо. Отслужили Мессу. Дью так любит Евгения, она практически сияет рядом с ним. Он гостеприимен, накормил меня моими любимыми сосисками. Вот только... Понимаешь, меня несколько обеспокоила его большая симпатия к фашизму. Ну как бы это сказать, мы же понимаем, что фашизм, гитлеризм — это мало совместимо с Телемой, но, может быть, Евгений это перерастет, в нем много силы, харизмы. Но все же очень сложный человек, сложное впечатление.

Есть у меня маленький секрет, который давно изучили все, кто меня хорошо знают. Если я говорю, что человек, с которым я общался, восхитителен, гениален, божественен и обладает семью талантами, — это значит, что это просто нормальный человек и с ним можно иметь дело. А если я робко отвожу глаза, шаркаю ножкой и говорю что-то вроде «сложное впечатление, трудно однозначно сказать» — это можно распознать как «бегите от этого типа как от чумы, он всех заразит». Но, поскольку ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов, я говорю, что «впечатление сложное, а картина неясная». И за последние полтора года общения Марсий меня весьма неплохо изучил. Нахмурился. Переспросил. «Фашизм, говоришь?» И кажется, о чем-то очень напряженно думал.

А через некоторое, надо сказать, весьма непродолжительное время вокруг Руцкого начались громкие скандалы. Сначала — драка с иностранцем, с которым они не могли поделить все ту же, уже упоминавшуюся ранее Полину, на тот момент уже давно написавшую требуемое опровержение и полностью восстановленную в ложе. Драка, тем более драка за женщину — что может быть лучше для телемита? Дело молодое, и на это вообще никто бы не взглянул. Вишенкой на торте в этой истории было то, что Руцкий размахивал перед гостем нацистским копьем и кричал, что будет насаживать на это копьё «всех вас, поганых евреев». А вы понимаете, как Запад относится к фашизму.

Слезами и причитаниями Дью убедила Марсия прикрыть, защитить Руцкого, и даже это осталось безнаказанным. Однако Марсий становился все более хмур, когда заходил разговор о беларуском отделении. Впрочем, не надо было быть пророком или мастером политической игры, чтобы понять, к чему все идет. Марсий просто стремился отодвинуть неизбежное, насколько возможно.

Вот здесь мы отличаемся абсолютно. Если скандал зреет в моем пространстве, я постараюсь как можно скорей скovyрнуть гнойник — и желательно погромче. Чем громче будет взрыв вначале, тем меньше вред дальше.

Ну а дальше история стала разворачиваться гораздо быстрее, чем мог предположить даже я. В Москву прилетел полноценный, жирный, откормленный «Черный лебедь»^{<5>} — вспомним, что говорил обо всем этом Нассим Талеб. Точнее, этот лебедь был жирным разве что метафизически и по последствиям, внешне же совсем не жирный, а вполне себе эталонный лебеденок с фигуркой фотомодели. В роли Черного лебеда прилетела изящная блондиночка, очаровательная девочка-конфетка, губки

бантиком, бровки домиком, глазки смущенно опущены, но незаметно обстреливают окружающую территорию пушечными ядрами. Светочка. Личная ставленница Жени Руцкого, милейшая Светочка, приехавшая в Москву, по словам Женечки, для того чтобы «представлять его интересы и интересы Беларуси в Москве».

<5>Название главной книги одного из ведущих бизнес-аналитиков и популярных философов современности Нассима Талеба и одно из центральных понятий его философии. Значение — непредсказуемый, неожиданный, смешивающий все карты фактор, появление которого не может быть предсказано самым подготовленным аналитиком и прогнозером. (Прим. автора.)

И конечно, Черному лебедю положено быть Черным лебедем. И первое, что сделала эта девочка, это влюбилась как кошка в течку — в кого бы вы думали? Нет, не в меня, право же. В Марсия.

О, как же полезно уметь дружить с женщинами — вся нужная информация из первых рук очень быстро оказывалась в моих мягких кошачьих лапках. Впрочем, тут не надо было напрягаться: девочка-конфетка расспрашивала всех девушек про Марсия с дотошностью профессионального следователя, Ах, а что он любит, ох, но возможно ли ему хоть как-то понравиться? Ах, сестра Дью, как была познавательна твоя откровенность!

Про Светочку я знал немногим раньше — Женечка во время моего визита в Минск честно рассказал, что направляет «своего личного представителя, идущего путем дурака, которая аки стена будет представлять интересы Минска в Москве».

По контрасту с этим словами, смотреть на этот преданно щенячий взгляд «личной представительницы Жени Руцкого», бросаемый на брата Марсия, за которым она была послана шпионить, гордо представляя интересы Руцкого, было чертовски весело.

Господи, насколько нужно не понимать женщин, чтобы думать, что она будет играть в шпионские игры, порожденные непонятными амбициями, не будучи либо материально заинтересована, либо полностью и тотально влюбленной! Светочка явно не отличалась влюбленностью в Женю.

На все слова Марсия, что он уважает Женю и не хочет с ним конфликтовать, девочка-конфетка клялась и божилась всеми богами Телемы, что они с Женечкой только друзья и никем кроме друзей быть бы не могли, и сам Женя это прекрасно понимает. Что было у нее в голове на самом деле? Правда ли она влюбилась в Марсия без памяти, или это был корыстный расчет с надежной зацепиться в Москве через него? Чужая душа потемки, а сканировать женщин Элли не любит.

В общем, через полтора месяца Марсий уступил ее напору, а все женское население ложи почти одновременно узнало от Светочки, что Марсий — это самый лучший, просто космический любовник. Дорого бы я отдал за такого рекламного агента!

Когда информация о поведении Светочки таки дошла до Женечки Руцкого, вот тут началось шоу. Бедолаге буквально порвало задницу. Если до этого он пытался носить какие-то маски, играть в какие-то игры, преследовать какие-то цели, сдерживая свои необузданные амбиции, то здесь все маски спали. Он наводнил переписку с Марсием оскорблениями и угрозами, угрожал ему всеми мыслимыми карами, начиная от магического проклятия и заканчивая преследованиями силовых структур, ультимативно требовал немедленно посвятить всех его кандидатов сразу в минерваль и первую степень, потому что здесь, в беларуском отделении, только он вправе решать, кто имеет право посвящаться, а кто нет. Я не знаю, что это было: то ли Светочка бесстыдно врала и между ними с Руцким была долгая связь, то ли для Женечки сам факт, что его человек, которым он, как он думал, всецело управлял и командовал, имеет свои планы и свои предпочтения, оказался столь невыносим, что бедолага полностью потерял лицо.

Ну, вы понимаете. Точка невозвращения. Плохая репутация, точнее потеря репутации, была приобретена незамедлительно, а его письма процитированы руководству Ордена за границу. Разумеется — и это было абсолютно предсказуемо, —

узнав об исключении, Руцкий объявил о создании своего, настоящего и аутентичного, Ордена, не зависимо ни от кого вообще.

После этого на просторы сети полился поток чудовищной клеветы и грязи, по сравнению с которой клевета Дмитрия казалась чем-то абсолютно незаметным и незначительным.

Конечно, читая «воззвания», «манифесты» и «разоблачения», знающие ситуацию люди не могли сдерживать улыбки, ибо где именно Женечка Руцкий был задет больше всего, было видно настолько явно, что, как говорится, к бабке не ходи — ну, или таро не раскладывай.

Так, например, через абзац он писал, будто Марсий использует свое положение (все бы так использовали!), заставляет всех кандидаток с ним спать (минуточку, дорогой, если ты про Светочку — то кто там кого склонял, а больше ни одной связи я не припоминаю, хотя был очень близко, но даже если такие связи и были — никаких скандалов, с этим связанных, не было точно), совращает несовершеннолетних (о боги, когда в Орденах был ну хоть один несовершеннолетний, за исключением юного семнадцатилетнего Телиэля, но что я знал точно — мужчинами Марсий не интересовался никогда).

Короче говоря, Руцкий начал целенаправленно и планомерно создавать и раскручивать «черную легенду» вокруг Ордена. Местами его обвинения отдавали откровенным театром абсурда. Например, в качестве доказательства «разврата и совращения несовершеннолетних» он выложил интимные фотографии своей же бывшей подруги из московской ложи. Которой, к слову, на момент сотворения интим-фото было около тридцатника, и принять ее за шестнадцатилетнюю — это надо умудриться. Все, кто смотрел текст с фотографией, просто не могли даже связать, а что, собственно, доказывали фотографии тридцатилетней женщины, сидящей обнаженной на алтаре и кокетливо целующей копьё. По какой извращенной логике это как-то доказывало хоть какое-то из обвинений — непонятно.

Впрочем, в его действиях, действиях человека, который был и остается влюбленным в нацизм, логика была. Хороший ученик доктора Геббельса, Женечка помнил его завет: «чем нелепее ложь, тем легче в нее поверят».

На этот раз это было куда серьезнее, чем «раскол» со сплетником и мелким пакостником Дмитрием. Дмитрий ограничивался своим блогом, который читали в основном те, кто его и так знал. Руцкий знал толк в IT-технологиях и уверенно продвигал и раскручивал свой сайт. Дмитрий не обладал даже зачатком лидерских качеств и мог только писать бредни в блог, который никто не читал, даже не пытаясь выйти в реал. Руцкий, в свою очередь, при всей его неадекватности, был крепким орешком, и постепенно все, кто по какой-то причине не находили общий язык с Орденом, причем неважно, было это исключение за хамство или просто отказ в посвящении в связи с подозрением в психической болезни, оказывались в минской группе, которая очень быстро стала и белорусской, и российской.

Помимо клеветы, Руцкий сделал еще одну, на мой взгляд, более серьезную пакость — немедленно самостоятельно перевел тексты посвящений ОТО и выложил их на своем сайте. В отличие от клеветы, это действие по-настоящему меня испугало: если ритуал известен до посвящения, он теряет большую часть силы. Впрочем, как оказалось, мои страхи были преждевременны — абсолютное большинство кандидатов предпочитали честную игру и отказывались читать «спойлеры», пока сами не проходили ритуал.

После истории со Светочкой взорванный пукан Жени Руцкого дал ему какой-то невероятный, неумный поток энергии и силы, на котором он вел свою вендетту против московского отделения ОТО без преувеличения — восемь лет. Не знаю, что происходило в его сознании, но сколь же сильной была для него эта травма, можно себе представить. То, что борьба с Орденом превратилась не в досужее мелкое

пакостничество, как у Дмитрия, а в смысл жизни на долгие годы, говорит, насколько были ранены его очень подростковые чувства.

Что мне действительно любопытно — солгала ли Светочка и были ли они на самом деле в долгой и устойчивой связи, которой она предпочла пожертвовать при первой же возможности. Впрочем, вполне возможно и то, что она говорила правду и была для него только другом, просто не видя в нем привлекательности. Она не хотела, а он хотел. Это, наверное, для него было еще более унижительно, чем если бы она просто ушла. Поэтому, когда долетели почтовые вороны, само сознание мужской несостоятельности в сравнении с Марсием, да еще и в отношении своей же ученицы, ударило хорошим таким алмазным серпом по его красным, накаленным от неумеренной спеси и гордыни яйцам.

И вот тут брат Марсий, безусловный и единый лидер первого в России магического Ордена, этот безупречный дипломат, чувствующий малейший нюанс внутренней игры, совершает свою главную ошибку. Ошибку, зародившую основу для дальнейшего увядания, дорого стоившую и ему, и всему Ордену. Используя метафору Тойнби, скажу — именно в этой точке произошел надлом в московской ложе.

Первая и пожалуй главная ошибка Марсия — для него происходящее было ужасающе серьезным.

Внешне это было, конечно, незаметно: Марсий умел держать удары, ибо не зря столько лет до вступления в ОТО работал в политике.

Речь о другом. О магическом. Я уже писал, что Марсий — единственный маг в российском ОТО, а то, как мыслит и чувствует маг, — определяет пространство, хочет он этого или нет. А в глубине себя он воспринял произошедшее как катастрофу, как беду, как глобальный удар по репутации Ордена, как свою личную трагедию. На его месте я бы только от души посмеялся, мол, какая хорошенькая у Руцкого была девочка, спасибо, Женя, за подарок и пиши еще. Ситуация-то по ранговым понятиям явно была на его стороне.

Почему-то такой реакции не произошло. Убедительно демонстрируя всем, а прежде всего — себе, что мальчик Женечка из Минска вообще его не волнует, на уровне реальных эмоций, которые даже мне удавалось уловить лишь в отдельные мгновения, он находился в состоянии, похожем на состояние еврейской нации после холокоста, девизом которой стал принцип «Никогда больше». Любые изменения, любые коррективы, любые правила игры, любое ограничение, капсулирование — только бы история, подобная истории Руцкого, никогда не повторилась. Тут спускались дополнительные ограничения, дополнительные фильтры для вступающих, негласное и постепенное изменение критериев для кандидатов. Я бы сказал, что с этого момента оценка кандидатов стала осуществляться от противоположного — по принципу «насколько кандидат не похож на Руцкого». В будущем отбор еще раз даст сбой, и это закончит работу Ордена на много лет.

Еще одно глубочайшее расхождение, которое мы никогда не могли не то что обсудить — даже осмыслить. Что-то мешало — то ли моя «святость», то ли совершенно разный груз за плечами...

Для меня, прошедшего отрочество, ночуя на вокзалах, иногда получая пиздюлей от гопников, иногда оказываясь в каталажке за незаконную торговлю, иногда выдерживая напряженные угрозы конкурентов, от которых никогда не было ясно, чего ждать, ситуация, когда «кто-то что-то написал в интернете» — это нечто вроде игровой ситуации, повод потренировать свои коммуникативные навыки, сродни тренингу по конфликтологии, где можно безопасно отработать навыки трансактного противостояния, а заодно выплеснуть накопившиеся эмоции. Все равно меня любят и ценят, все равно у меня десять тысяч читателей. А вот для Марсия это оказалось вопросом жизни и смерти.

Глядя на Марсия, я мысленно хмыкал и задавал себе один вопрос: черт возьми, ну почему это для него настолько важно, что на самом деле происходит? Где *реальная* опасность? Кто из действительно *наших* поверит в столь наглую клевету? Только

посмеяться, только сделать из этого анекдот. Марсий не мог посмеяться, разве что натужно выдавить смешок. Что мне казалось забавным, для него было больно.

Я правда чего-то в жизни не понимаю. Руцкий устраивает свою вендетту в самой уязвимой для себя точке не то покинутого, не то оставленного мужчины. Ну напиши ты пару иронично-насмешливых псевдодружеских комментариев: мол, дорогой наш Женечка, ну не кипятись ты, а то вся кровь паром выйдет. Привыкни, наконец, что «сердце красавицы склонно к измене и перемене», — ну а кто я такой, чтобы противиться желанию прекрасной дамы? Успокойся, малыш, найдешь еще, кому яйца кинуть. Хочешь разобраться — приезжай, выйдем за дом, набьем друг другу лица и успокоимся. Во всяком случае, в заведомо изначально выигрышной ситуации я бы сделал именно так.

Марсий сделал по-другому. Надел первый слой брони. Закрылся за официальной маской. И если первый серый нанес удар мимо, то второй похоже нанес серьезную рану мистическому телу братства.

Глава 12. Повседневная жизнь телемита

Единственная моя заслуга в том, что всю свою жизнь я следовал только той Воле, которую совершенно точно мог определить как свою.

Из письма Карла Юнга Мигелю Серрано

Итак, сюжет все еще движется по второй степени, когда больше двух лет я наслаждался моей новой жизнью в духе, которую так неожиданно подарил мне Орден. Как я писал выше, изменилось все, даже то, что, казалось, не может измениться, даже то, что я не надеялся поменять, стремясь насладиться мгновением перед неизбежным падением предполагаемого завтра. Жизнь, в которой дух и плоть, разум и чувства, страсть и осознанность, казалось, достигли своего равновесия. Кошмар остался в прошлом, и я мог сполна вкусить этого изысканного вина, где радость жизни неотделима от радости служения духу.

И прежде чем пойти дальше, я хочу сделать небольшой привал, чтобы раскрыть один важный момент, возможно непонятный читателю. Что такое жизнь телемита, из чего она состоит, что составляет ее смысл и устремление? Прочитав прошлую главу, читатель может подумать, что вся наша жизнь состояла из интриг и противостояния с недоброжелателями. За палой листвой слишком легко не разглядеть леса, а за тенями — тела, отбрасывающие тени.

Практика телемита состоит из трех обязательных частей. Во-первых, это некая минимальная личная духовная практика, ритуалы, медитации, асаны, рекомендованные лично Кроули для всякого, кто принимает этот путь. Я убежден, что наличие своей системы обязательных практик и отличает подлинную духовную традицию от множества симулякров и имитаций в духе эзотерики Блаватской и Рерихов, где есть много рассуждений, но ни одной полноценной практики.

Эти обязательные ритуалы очень редко включают какие-то крайне сильные переживания. Тут главное — не эффект, а регулярность. Постепенное многолетнее выстраивание нити связи между своим «я» и Глубиной. Эти регулярные ритуалы не имеют никакой цели, но только с годами понимаешь, скольких целей они помогают достичь, постепенно трансформируя эго, настраивая его на вечные идеи и вечных богов.

Во-вторых, это участие в коллективных ритуалах, которые проводит Орден. Прежде всего это Гностическая месса, о которой я говорил раньше. Увы, но самые красивые слова не смогут передать ту удивительную красоту этого ритуала, которая

выделяет его из многих и многих практик. Далее, это сезонные ритуалы равноденствий и солнцестояний и ритуальное празднование особых дней в году, как то «День первой ночи Пророка и его Невесты» или «Равноденствие богов», для которых тоже разрабатываются свои церемонии и ритуалы. Каждый такой ритуал как будто распаковывает какую-то из глубинных граней нашей души, открывая то или другое измерение нашей внутренней бесконечности. И конечно же, такой ритуал, действие, в котором объединяют свои силы множество практикующих, помогая друг другу выйти на уровень архетипических переживаний, дает неизмеримо большую энергию, чем то, чего можно добиться в одиночестве.

Мне часто приходилось сталкиваться с мнением, будто телемитские ритуалы — это ритуалы, подразумевающие групповой секс. Увы или ура, тут уж кому как, но за время моего пребывания в ложе, когда я не пропустил ни одного собрания, не было проведено ни одного общего ритуала, подразумевающего что-либо, хотя бы отдаленно напоминающее подобное. Единственное исключение — неудачная попытка трех братьев и трех сестер в личном порядке и втайне от руководства ложи провести сексуально-магический ритуал.

Инициатива имела печальные психоматические последствия для участников, но об этом — немного позже.

Единственное действие, которое может быть кем-то понято как эротически окрашенное — это обязательное преклонение коленей перед обнаженной жрицей на алтаре в момент причастия хлебом и вином. Но — и вот тут, действительно, однозначное увы — под влиянием руководства даже этот момент все больше упразднялся и жрица на алтаре оставалась одетой — трижды увы.

Впоследствии, в начале своего самостоятельного пути, я дважды пытался исправить факт отсутствия оргиастических ритуалов и собрать хотя бы минимальную группу для выполнения сексуальных ритуалов. Оба эксперимента закончилось печально: подобные практики вначале дают сильное чувство единения, но потом, причем достаточно быстро и предсказуемо, вызывают крайнюю сепаратную ярость, и группа неизбежно разрушается. Максимальный состав участников, возможный для полноценного сексуально-магического ритуала без последовавшей далее сепаратной ярости — трое, но даже здесь должно быть соблюдено множество и множество предварительных условий и сонастроек.

Это уточнение необходимо для тех, кто, вдохновившись переводами оргиастических ритуалов, выложенными на сайте ОТО, радостно ломится во врата Ордена, ожидая получить возможность переспать со всеми женщинами в пределах досягаемости. Это — вполне конкретная категория фриков, и, как правило, их видно с первого собеседования, после которого они, разумеется, получают отказ.

Единственное, что мне известно, да и то на уровне слухов и домыслов, — эротический контакт подразумевается в ритуале восьмой степени, но, во-первых, поскольку я не посвящен в нее, то не могу это ни подтвердить, ни опровергнуть достоверно, а когда буду посвящен — точно также не смогу, ибо буду связан клятвой молчания. А во-вторых, для того чтобы получить эту степень, нужно пробыть в Ордене как минимум двадцать лет, и я сомневаюсь, что даже самый озабоченный ум пойдет в Орден ради того, чтобы через двадцать лет поучаствовать в одной-единственной оргии в своей жизни. Куда практичнее найти в интернете клуб группового секса.

И, наконец, в-третьих — это те индивидуальные ритуалы и работы, которые каждый телемит может либо выбрать для себя из богатейшего арсенала магической традиции Запада (а это не только телемитские практики, но и, к примеру, енохианская магия, йогические асаны или ритуалы Золотой Зари), либо создать на основе принципа составления ритуала, который разработал Кроули, и соответствий, которые он обнародовал в ставшей легендарной «Книге 777». Что выгодно отличает Телему от всех других традиций — это традиция «с открытым верхом». Иными словами, есть

обязательная часть (личные ритуалы и, очень желательно, причастие в Гностической мессе), есть рекомендуемая или желательная часть (крещение в ЕГЦ, путь посвящений, сезонные ритуалы), а далее каждый вправе сам выбрать ту надстройку, которая придется ему по душе. Например, в скандинавском отделении ОТО вместо таро братья и сестры работают с рунами, а помимо обязательных телемитских богов почитают скандинавский пантеон. Можно представить телемита-суфия, телемита-викканина, телемита-тантриста, телемита-даоса и даже телемита-сатаниста. Теоретически, возможен даже телемит-христианин, но это явно должен быть гностический христианин, который при этом должен найти для себя какое-то убедительное примирение третьей главы с почитанием Христа, что очень сложно, однако возможно. Возможно для очень тонких, гибких и изощренных умов. Иными словами, есть обязательный базис, который и определяет вас как телемита, и то, что вы надстраиваете в своей личной практике. Впрочем, учение учением, а человеческий фактор сбрасывать со счетов нельзя, и в некоторых случаях все же возможны некоторые непонимания. Однако на уровне системы, на уровне общепринятой нормы это так: надстройка может быть практически любой при условии принятия базы — почитания телемитских богов и выполнения обязательных практик.

Первым, простейшим ритуалом, который обязан практиковать каждый телемит, является ритуал Воли, выполняемый перед едой. Ритуал прост. Необходимо отстучать ритм три-пять-три (незаметно — ложкой или ногой, или показательно торжественно — магическим жезлом или ритуальным кинжалом, зависит от того, где и для чего проводится этот ритуал). После этого нужно проговорить (громко или мысленно — опять же, зависит от места и времени) следующий диалог:

Делай что изволишь — таков весь закон.

Что я изволю? — Я изволю есть и пить.

Для чего? — Чтобы укрепить свое тело.

Для чего? — Чтобы выполнить Великое Делание.

Любовь есть закон, любовь, подчиненная Воле.

После этого нужно ударить один раз (опять же, ногой или ритуальным кинжалом — опционально) и сказать: «Приступаю». Простой, легкий, казалось бы, ничего не значащий ритуал при правильном выстраивании духовной практики становится твердой почвой, на которую можно установить всю свою последующую практику. Совсем недавно я переделал ритуал Воли под себя, сохранив основной концептуальный скелет.

Считается, что ритуал должен делаться хотя бы один раз в день. С моей точки зрения, это ошибка, ведь если каждый раз думать «а какой из моих приемов пищи главный?», в итоге забываешь его делать вообще.

Секрет этого ритуала в том, что он позволяет импринтировать, то есть запечатлеть, направить, использовать для высших целей эволюционный контур, который является самым древним и лежит в основе нашей психики. В древнейших первобытных культурах еда представляет собой сакрализуемый и окруженный множеством табу объект, даже в большей степени, чем секс. Мы как бы запечатываем наш «контур выживания» теми идеалами и ценностями, которым желаем посвятить свою жизнь.

Две фразы: «Твои свою Волю — таков весь закон» и «Любовь есть закон — любовь, подчиненная Воле» — это два главных закона Телемы, осмыслению которых посвящены десятки книг, сотни статей и тысячи «зодческих работ». Мой взгляд на них я представил в своей книге «Полет змея», написанной как раз на второй степени. Следующий диалог представляет собой важнейшее и, возможно, одно из самых глубоких интуитивных прозрений Кроули. В этом диалоге мы каждый раз говорим себе, что едим и пьем, а значит, вообще существуем (обратите внимание на корневое созвучие — в русском языке «есть» значит «кушать» и «есть» значит «наличествует», существует, в английском эти слова пишутся по-разному, но отличаются только долготой звучания —

it и eat), для того чтобы своей жизнью осуществить Великое Делание, достичь своего источника, установить связь со своей Самостью, САХ (или, как он представился в моем случае, — Патроном). В этом неказистом и простом ритуале фактически дается ответ на вопрос о смысле жизни и устанавливается иерархия ценностей, отвечающая на вечный вопрос: для чего мы живем и какая ценность, какое стремление стоит превыше всех стремлений. Причем это всегда накладывается на процесс принятия пищи, то есть увязывается с моментом, обеспечивающим наше биологическое выживание.

Следующий ритуал, заявляемый Кроули как обязательный, это ритуал Реш или Гелиос, иными словами — ритуал поклонения Солнцу. В идеале ритуал делается четыре раза в день: восход-закат-полдень-полночь, — и каждый раз Солнце восхваляется в особой божественной форме. После восхваления актуальной формы — Ра, Ахатхор, Тум или Хепра — следует единая обязательная часть в виде воззвания к «Предельному единству».

Если понять это буквально, может показаться, что это несусветная чушь. Зачем современному человеку, прекрасно знающему, что Солнце — это раскаленный шар, в котором происходят конкретные физические процессы, поклоняться ему так, словно он — живой бог наделенной личностью? Даже компромиссные объяснения, даваемые самим Кроули, показались мне неполными и не совсем убедительными.

Однако несколько лет интенсивной практики этого ритуала (к сожалению, я не смог довести практику до того идеального формата, который рекомендует Кроули, но даже двух-трех ритуалов в день вполне хватило, чтобы проникнуть в глубь таинства) показали мне, что это также более чем полезная практика.

Дело в том, что «четыре состояния», на которые настраивается практик и образы которых пробуждает в своей душе, соответствуют четырем вечным циклам. То, что вверху, по структуре и принципу подобно тому, что внизу. Дневной цикл — подобен циклу годовому, а годовой — циклу жизни и смерти, где бардо рождения, утро, переходит в бардо жизни — день, переходящее в свою очередь в бардо смерти — вечер. И, наконец, самое таинственное, самое важное и самое сложное из четырех поклонений — полуночное — соответствует тому состоянию бытия, которое присутствует между смертью и следующим воплощением.

Символические детали этого ритуала тоже демонстрируют удивительную продуманность и гармонию, так что непонятно, почему сам Кроули недостаточно акцентировал смысл этого ритуала: то ли не хотел объяснять то, что ему казалось самоочевидным, то ли сам не догадывался об истинном смысле этого действия. Стоит обратить внимание на тонкие отличия, которые присутствуют в ритуале: утро, или бардо рождения, приветствуется в «Силе своей», ибо все сюжеты рождения Солнца из чудовища ночи или сознания из тьмы бессознательного, содержат элемент героического мифа. Бардо жизни — полдень приветствуется в его Великолепии. Кстати, Ахатхор полдня — это единственная женская фигура из четырех, что также намекает на идею Жизни как женщины. Тум приветствуется в радости, ибо для тех, кто всецело познал и исполнил свою Волю, смерть — это «бесконечный экстаз в поцелуях Ньюит». И, наконец, Хепра — единственный не антропоморфный образ, представляемый в форме жука или на продвинутых уровнях практики — черного солнца, приветствуется как Сокрытый — как сокрыта реальность между смертью и следующим воплощением, где нет человеческой формы, а есть лишь точка, огонек, импульс, представляющий совокупность бытия прошлой жизни, переносимый в следующую через реку забвения. Ну а общая для всех четырех форм часть, поклонение единому истоку, возвращает нас к идее первопринципа, который следует уметь распознать в самых разных бардо.

Следующий обязательный к выполнению ритуал — это Малый ритуал пентаграммы, который может быть заменен на уже чисто телемитский Звездный рубин. В основе МРП и Звездного рубина лежит идея пентаграммы, которая либо визуализируется, либо чертится перед собой. Ритуал делается на четыре стороны света, в

каждой из которых оказывается пентаграмма и в каждой из которых призывается сила, символизирующая один из высочайших принципов конкретной стороны света и стихии.

Идея пентаграмматических ритуалов — в приведении к гармонии пространства вокруг и внутри себя, очищения, освящения, а также проживания несотворенного света, который следует представить в пиковые моменты ритуала проходящим через сердце.

Малый ритуал пентаграммы я не люблю. Да, вступив в Орден и находясь еще на стадии ученика, я принял правила игры, хотя нечто во мне все же время от времени протестовало. Да — этот ритуал дает ощущение приятного тепла в сердце и очищенного пространства вокруг. Но все же призыв Яхве для меня оказался камнем, который я не могу и не хочу поднимать, и тем, кто учится магии у меня, обычно поднимать и не советую. Тогда я не мог иметь полноценной индивидуальной позиции по этому вопросу, но сейчас могу позволить себе не соглашаться даже с Алистером Кроули. С моей точки зрения, вибрация имени Яхве, призыв и усиление Михаэля и Габриэля — это весьма нежелательная практика. Очевидно, с этим затруднением столкнулся не один я, поэтому такой известный популяризатор магии Телемы, как Израиль Регарди, разработал множество альтернативных вариантов выполнения МРП с совершенно разными пантеонами.

Внутри Телемы полноценной заменой МРП является ритуал Звездного рубина, в котором практик впервые непосредственно лично устремляется к соприкосновению с уже чисто телемитскими божествами. Нет смысла описывать ритуал, ведь желающий найдет его без труда в несколько кликов в интернете, однако поделиться своим главным открытием я должен. Чтобы Звездный рубин был и вправду действенен, очень важно научиться вибрировать четыре высших имени так, чтобы ваш голос выражал принцип этого божества. Имя Терион — яростное солнце, зверь, — необходимо неистово рычать, чтобы вы сами почувствовали себя яростным львом. Имя Нюит стоит произносить с особой нежностью, вложив в эту нежность всю свою светлую ностальгию по небесному дому нашей души, экстазу абсолютного слияния и единения. Имя Бабалон следует прошептать, но это не просто «очень тихий голос». Шепот «Бабалон!..» должен выражать саму идею соблазна, сексуальности, зова, имя Великой Блудницы надо произносить так, словно пред вами — самая прекрасная из женщин, которую вы желаете более всего на свете, вложив в него все свое желание и томление. Наконец, последнее имя, пожалуй, наиболее сложно определимо. Хадит — это точка, источник, ядро, неделимое. Его звучание должно быть как выстрел, как выброс ядра из пушки, как вспышка молнии с последовавшим ударом грома. Когда удастся освоить эти нехитрые тонкости, выполняя этот ритуал, каждый раз мы чувствуем в своей душе присутствие четырех универсальных архетипов (божеств) Телемы и все более полно проживаем себя как них.

Во всех подобных практиках действует тот же принцип, который заложен в основе ритуалов и медитаций тибетского буддизма. Вначале практикующий просто повторяет имена избранных Идамов, потом начинает выстраивать их образ в своем воображении, продвигаясь с каждым шагом к все большей четкости и детализации, и, наконец, на самых высоких уровнях практики осмысляет их как природу своего ума, как персонификации совершенных форм энергии-сознания.

Достаточно быстро на своем опыте я смог убедиться в колоссальной пользе этих нехитрых ритуалов. Всего через месяц после начала практики ритуала Воли я мог почувствовать, насколько мое сознание стало более собранным, сконцентрированным и целеустремленным. Из вялой расслабленности я перешел в то самое желаемое состояние, которое Кроули назвал «состоянием подтянутости», когда до этого разрозненные силы сознания как будто собираются к единому центру и превращаются в направленный луч. Красота и смысл ритуала Реш были пережиты далеко не сразу — через два года регулярной практики, но это было очень сильное и интенсивное переживание, сутью которого являлось осознание той неизменной крупницы, атома, ядра нашего бытия,

которое проходит через самые разные состояния и режимы бытия. Наконец — красота и мощь Звездного рубина, выполнение которого практически сразу дает немалый приток силы и энергии, мобилизуя ресурсы бессознательного (так что он рекомендуется к выполнению утром, но никак не вечером).

Кроме того, регулярная практика Звездного рубина позволила мне раз и навсегда покончить с некими повторяющимися кошмарами, в которых меня, как я чувствовал, пытаются уничтожить превосходящие меня враждебные фигуры бессознательного. Эти фигуры можно называть лярвами или демонами на оккультный манер или тeneвыми комплексами на психологический — в зависимости от того, какой способ говорить выбирает конкретный человек. Гораздо важнее было, что если раньше я оказывался беспомощной жертвой превосходящей меня силы, то теперь всякий раз, когда что-то подобное происходило во сне, я вспоминал: надо делать Звездный рубин, — и после первых, ставших уже привычными, вибраций все атакующие сознание силы рассеивались в неизвестном направлении. Даже сейчас, когда время регулярной практики для меня почти прошло, наработка все еще действует и кошмары, преследовавшие меня все детство и юность, просто не появляются больше.

Еще одна совершенно особая индивидуальная практика телемита, которая хоть и не является обязательной для всех, очень быстро была взята мной на вооружение, — это практика трехдневного ритрита, то есть полное уединение в пространстве одной комнаты и выполнение так называемого ритуала уединения с периодичностью раз в час. Насколько мне известно, сам по себе ритуал уединения разработал не Кроули, а кто-то из современных телемитов, но мне полюбился этот ритуал и в течение, наверное, трех лет я старался находить три дня для полного уединения каждые три месяца.

Уже само по себе это было для меня удивительно. Всю мою жизнь до получения второй степени я мучительно боялся оставаться один. Если какое-то время я был вынужден оказываться в одиночестве, будь это хотя бы один вечер без хоть какой-нибудь компании, я чувствовал удушливую тоску. Эта потребность создавала много проблем, в особенности до брака. Когда моя обычная компания по каким-то причинам не могла собраться, я связывался с самыми неудачными людьми, в результате чего, бывало, у меня крали все, что могли украсть.

И вот тут, с получением второй степени, я не только перестал бояться одиночества. Я стал ждать, выбрать возможность этих желанных трех дней, когда я смогу всецело и полностью отдать себя магической работе.

В эти три дня строго запрещалось все что можно и что нельзя. Я не выходил из комнаты даже в туалет (в комнате стояла банка), разве что глубоко ночью по большой нужде. На эти три дня также практиковалось голодание, я разрешал себе разве что сок и пару яблок. Читать — только тексты, связанные с сакральной практикой, выполнять асаны, рекомендованные Кроули (прежде всего — Дракон), делать каждый час ритуал уединения и заполнять свой магический дневник любыми мыслями, образами, фантазиями и воспоминаниями — последнее очень помогало привести в порядок жизнь, до этого пребывающую в хаосе.

В конце третьего дня, перед выходом, я делал некий Большой Ритуал. Чаще всего это был ритуал Самех, который я сопровождал самовозбуждением, пару раз даже достигнув при этом впечатляющих визуальных видений (будучи при этом абсолютно трезв). Реже — Либер Регуле. Иногда трехдневное уединение могло быть подготовкой к какой-нибудь важной магической работе, один из примеров которой будет дан к концу этой главы.

К сожалению, мне пришлось прекратить практику ритуала уединения, когда я отправился в свободное плавание. Будучи третьим лицом Ордена, я без труда мог найти три дня в два месяца, чтобы уйти в уединение. Но глава проекта этого не может себе позволить в принципе. Ну а еще позже проблема с поджелудочной раз и навсегда

закрыла возможность какого-либо ритуального голодания. Тем не менее опыт этих практик стал для меня новым уровнем самоидентичности.

Ко второй категории относятся групповые ритуалы. Прежде всего, это сезонные ритуалы, связанные с конкретными точками года. Само наличие таких ритуалов позволяет сменить модальность сознания с линейного времени на циклическое, где существует вечный круг вечного возвращения. Создав свой проект, мы совместно с ныне покойным Сергеем Яшиным разработали свой, оригинальный круг ритуалов Колеса года, в которых я раз за разом выполняю роль жреца и проводника огня с небес на землю.

Однако помимо сезонных ритуалов в Ордене существовали и, думаю, до сих пор существуют совершенно отдельные ритуалы и серии ритуалов, связанные либо с проработкой конкретных планетарных и зодиакальных сил, либо с главной идеей Телемы — Великим Деланием, представленным как восхождение по древу жизни.

Российскому ОТО повезло. Бывают талантливые поэты, талантливые музыканты, талантливые художники. А бывает талант к созданию ритуалов. Сестра Ай Си, второй человек в Российском ОТО после Марсия, обладает, пожалуй, уникальным талантом написания ритуалов, и, будем честны, с ее ритуалами не сравнятся даже западные позднетелемитские наработки, написанные другими последователями Кроули.

В то время сестра Ай Си предложила цикл ритуалов, цель которых — постепенно соприкоснуться с различными модальностями древа жизни. Это был настоящий цикл-погружение в восхождение по древу жизни, где каждый месяц выполнялся ритуал, соответствующий проходимому уровню.

Был особый ритуал Пантакля или земли, целью которого была работа с самым близким и доступным планом — планом земли. После участия в ритуале я долгое время чувствовал приятную тяжесть и ощущение какой-то новой устойчивости и равновесия в отношении земли.

Второй, ритуал Тау-Йесод-Самех, представлял собой лунный ритуал, в котором разыгрывалась сложнейшая мистерия, связанная с тремя ликами Луны и тремя уровнями понимания Лунной богини. На первых двух герой проигрывал, в то время как на третьем происходила желаемая интеграция. Впервые этот ритуал был разработан, чтобы решить весьма печальную проблему, возникшую из-за непродуманных действий группы братьев и сестер, в результате которых один из братьев необратимо сошел с ума, а двое других оказались в тяжелом духовном кризисе. Об этом будет немного позже. Они вызвали Луну в ее самой разрушительной форме, и эту энергию чувствовали все члены ложи. «Лунную проблему Гекаты» надо было решать — и так появился ритуал Тау-Йесод-Самех, который впоследствии стал частью «триптиха восхождения».

Третий ритуал триптиха, ритуал Пана-Мина, связан с центром древа жизни и последующим переходом через бездну. Этот ритуал я помню особенно хорошо, ибо тогда я вновь почувствовал вулканический взрыв энергии, который как будто взорвался в спине и наполнил все тело огненным жаром. Неожиданно для себя я вновь соприкоснулся с энергией Кундалини. Я так часто описывал это переживание, что слова стали терять связь с состоянием. Мощь. Свет. Неистовый экстаз. Вулкан, бьющий сквозь спину.

Сейчас, будучи одновременно внутри и извне — членом ОТО, ждущим свою самую главную степень — степень Епископа, которая, как я вижу сейчас, должна дать мне целый ряд недостающих ключей, и тем, кто полностью отошел от дел телемитского сообщества в России, для того чтобы вложить все силы в свой проект, — я благодарен богам и судьбе, что мне удалось застать настоящий золотой век Ордена. Единственного известного мне открытого действующего Ордена, чьи инициации реально имеют трансформирующую силу. Более того, Орден создает пространство, в котором практикующие могут вступить во взаимодействие с глубинными энергиями психе максимально безопасно, находясь под защитой самой структуры эгрегора. Орден создает

нечто бесценное — язык, пользуясь которым вы можете знать, называть и, следующим шагом, проживать на опыте глубинные силы архетипической реальности.

Глава 13. Магические эксперименты

*Делай что изволишь — желай невозможного.
Анархическое перефразирование девиза
Телемы. Автор неизвестен*

Когда, неожиданно для себя, я вдруг достиг серьезной известности и признания, я заметил, что среди вопросов от моих читателей регулярно встречается определенный класс вопросов, который всегда приводит меня в состояние смущения и ступора. Эти вопросы имеют в своей структуре некий посыл, содержащий в своем ядре форму — «а можно ли?» И о чем бы ни шла речь в вопросе, будь то можно ли делать ритуал Венеры в другие дни, кроме пятницы, или можно ли вызывать демонов гоэтии, прежде чем сосредоточиться на том, о чем же идет речь, я всеми доступными мне силами убеждения и юмора стараюсь сломать сам гештальт, стоящий за этими вопросами. Можно — *всё*. За исключением того, что вам лично запретил ваш САХ или Патрон, если вы уже научились его слышать, — запретил напрямую или через сны с недвусмысленным посланием. Все остальное — можно. Постановка вопроса «Как лучше?» или «Как предпочтительнее?» нравится мне гораздо больше, ибо демонстрирует, что на проводе адекватный ученик, который имеет базовое знание — что нет запретного и разрешенного, но бывает более или менее предпочтительные стратегии. Отвечая на такие вопросы, уже можно расслабиться и сосредоточиться на смысле вопроса, развернув его, насколько это возможно.

Но даже в такой, куда более здравой и взрослой форме порой может скрываться некоторая ловушка. Потому что — предпочтительно — для кого? «Что русскому хорошо, то немцу смерть», — говорит известная поговорка. Возможно, у вас талант к гоэтии, а исходя из своего опыта, я отвечу, что, пожалуй, можно попробовать, но предпочтительно в гоэтию не лезть в силу ее бессмысленности и нелогичности по целому ряду параметров, и сверну кого-то, слишком сильно мне поверившего, с пути осуществления его природы. Вряд ли это будет фатально, ведь Истинная Воля что шило — в мешке не утаишь, а будешь долго скрывать от себя — в жопу уколется. Но определенные затруднения будут созданы.

Наиболее удачный формат вопрошания, с моей точки зрения, будет звучать следующим образом: «А как с вашей точки зрения лучше или предпочтительнее сделать — обратиться к той системе или к другой, пользоваться оракулами или нет, вызывать демонов или нет, а если вызывать, то как лучше?» Такая форма подразумевает изначально равного или почти равного собеседника. Я вижу, что со мной беседует человек, изначально настроенный на взаимодействие в виде обмена опытом, или просит помочь решить возникшее затруднение, расширив картину своего видения, узнав мою позицию на этот счет. Возможно, этот вопрос он задаст нескольким сетевым практикам и даже представителям разных школ и традиций и из той мозаики ответов либо выберет наиболее близкий его природе, либо синтезирует какую-то свою особую позицию.

«Можно ли?» — является проклятием всего эзотерического дискурса, где по умолчанию подразумевается, что существует некая общая и правильная для всех истина и некие учителя этой истиной всецело владеют. А поскольку учителей много, то сия подспудная аксиома приводит к чему-то вроде сектантства, когда каждый «учитель» — а чаще даже не учитель, а ученики учителя, — начинает объявлять всех остальных учителей врагами истины и слепцами. Школы — вместо того чтобы быть интеллектуальными лабораториями, лучи от которых, подобно солнечным, идут во всех

направлениях, становятся наработанными догматическими колеями. Ловушка, опасная для того, кто спрашивает, и трижды — для того, кому задается вопрос. Слишком приятно бывает надевать костюм всезнающего гуру.

Конечно, существуют экстремальные, крайние ситуации, когда и настоящий учитель скажет, что этого делать ни в коем случае нельзя. Но за больше чем десять лет достаточно регулярного общения с Истинным Мастером я услышал прямой запрет на некое действие всего один раз — и это был более чем понятный запрет, ибо в некотором смысле ошибочное действие задевало не только меня, но прежде всего ее, более чем правильная защита границы Потока. Настоящий мастер скорее создаст ученику такую парадоксальную ситуацию, в которой он или она самостоятельно поймут, какое решение подходит им больше.

К чести Марсия, он практически всегда действовал подобным образом. Даже когда, те или иные магические или социальные действия были более чем двусмысленны, он неизменно отвечал: «Попробуй, если считаешь это целесообразным». Поэтому на определенном этапе в Ордене действительно сформировалась реальная экспериментальная лаборатория.

В этой главе я хотел бы рассказать о двух наиболее интересных и важных магических опытах, которые были проведены мной в то золотое время Ордена, когда я проходил свою вторую степень.

Первый опыт, о котором пойдет речь, — это самый первый ритуал сексуальной магии. Выше я писал, что в пространстве Ордена никогда не было групповых сексуальных ритуалов. Однако практически любой уважающий себя телемит неизбежно практикует сексуальную магию в парных взаимодействиях.

Сперва представление о сексуальной магии сводилось у меня к утилитарным техникам в стиле магии Хаоса, но внимательное чтение Книги Закона и серия глубоких переживаний Ньюит в гностической мессе подвели меня к простому выводу — сексуальная магия, направленная на утилитарную цель — даже если действительно цель достигается, — это микроскоп, забивающий гвозди. А другими словами — прямое нарушение текста Книги Закона, согласно которому каждое соитие должно быть во имя Ньюит, и если вы совершаете соитие ради того, чтобы получить денег на новую шубу — неважно, проституция это или магический ритуал для привлечения денег, — «ожидайте страшного приговора Ра Гор Кхута». Впрочем, конечно же, это ограничение не имеет смысла и значения для представителей не телемитских традиций, то есть тех, кто не принял Книгу Закона как святой текст и руководство к действию.

Вообще, вопрос сексуальной магии интересовал меня с самого начала. Соблазнительно выложенные ритуалы, вроде «Ритуала Пана» или «Мессы плоти», которые, кажется, существуют либо для того, чтобы смутить неопитов, либо в ожидании какого-то другого человечества, способного не попадаться в плен сепаратной ярости. Но какова должна быть истинная сексуальная магия? Во-первых, она должна быть во имя Ньюит — логично рассудил я (сейчас мне понятно, что все богини, имеющие эротический аспект, есть грани Ньюит). Во-вторых, в нем должен быть хотя бы фрагментарный, эпизодический нюанс, подразумевающий шок, нарушение табу, вызов морали, преодоление. В-третьих, главной идеей такого ритуала должна быть идея перехода через бездну, трансформации, перерождения, преодоления. Эти три пункта позволили очертить круг тех образов и сюжетов, вокруг которых должен строиться ритуал. Однако мне не хватало некоего толчка, ключа, якоря, вокруг которого можно было бы написать ритуал.

Таким якорем стало открытие сюжета о танце Саломеи, именовавшемся не иначе как «Танец Семи покровов», которые согласно мифу Саломея снимала один за другим. Семь покровов! Семь завес!! Семь планет!!! Я был поражен красотой и простотой идеи, мне открывшейся. Первая глава «Книги Арарита», одной из священных книг Телемы, фактически представляет процесс постепенного срывания планетарных завес. Значит, на жрице

должны быть планетарные облачения, которые она должна снимать так, чтобы в итоге остаться обнаженной. Снятие покрывала Сатурна равно выход за пределы бездны, где каким-то образом нужно придумать, как переосмыслить в сексуальном контексте формулу причастия. О, а вот тут и трансгрессия, нарушение, преступление подоспело — жрец, после того как совершил соитие и изверг семя в жрицу, должен взять печенье света, прислонить его к лону жрицы и вместе со своей спермой испить. Что может быть более ужасного, табуированного и преступного в глазах обывателя, чем подобное действие!

Я ликовал. Ритуал получился по-настоящему впечатляющим. Даже сейчас я считаю, что за всю жизнь я написал два действительно ценных и значимых ритуала, и «Ритуал Ньюит Бабалон» — это один из таких ритуалов. Поскольку одним из трех главных праздников Телемы является «День первой ночи Пророка и Невесты его», я, изрядно удивляясь, что к этому дню не привязано никаких эротических ритуалов, решил провести новый ритуал с супругой именно в этот день.

Ритуал был рабочий! И в этом я смог убедиться еще до соития, когда происходил подъем по семи ступеням. Да, забыл сказать, что в качестве подготовки к ритуалу в течение двух недель я практиковал секс без эякуляции, чтобы достичь максимальной концентрации сознания.

Проявился интересный нюанс: все происходящее воспринималось одновременно в двух ракурсах — изнутри действия и извне, я как бы наблюдал самую прекрасную эротическую сцену со стороны. Этот двойной эффект в несколько раз усиливал остроту эротического наслаждения. После, сравнивая свои переживания, мы с любимой обнаружили, что они были практически идентичны.

После проведения ритуала поначалу ничего не происходило. Я не мог понять, была мистерия или нет, как отличить просто факт мощного эротического экстаза от измерения магической сексуальности. Мы как будто подошли к некоей двери, но не смогли открыть ее. И это ощущение было у обоих.

В тот же вечер, немного помедитировав, мы решили принять приглашение друзей и отправились к ним.

И вот через три часа, когда все сознательные мысли и ожидания полностью ушли, а мы беседовали с друзьями в гостях о разных пустяках, внезапно и одновременно на нас *снизошло*. Мы просто посмотрели друг на друга, восторженно и изумленно, и произнесли в один голос: «Есть эффект!»

Такие тонкие вещи и переживания очень сложно описывать. Просто в определенный момент привыкшее находиться в одном привычном регистре сознание вдруг резко переходит в совершенно иной регистр, причем разница между состояниями настолько разительна, что ничем, кроме соприкосновения с Иным, это объяснить невозможно. Никаких сомнений, что ритуал подействовал, теперь не осталось.

Это было переживание сбивающей с ног легкости, ощущение того, что в нас вошел ветер небес, путь алеф, аркан Дурак. Мы ясно чувствовали, как умирают наши старые оболочки, иллюзии, бессмысленные наслоения — инерция Луны и Сатурна, иерархичность Марса, корысть Юпитера. Это было потрясающее по интенсивности ощущение чистоты, освобождения от оболочек. Ветер свободы, Ветер Люцифера, разносящий обломки шелухи по бесконечной вселенной.

Но на этом все не закончилось. Следующее проявление — еще более впечатляющее, поскольку отразилось во внешнем пространстве. Как обычно, мы возвращались с собрания Ордена на последней электричке. Нас было трое — я, Айрум, то есть моя супруга, и ее лучшая подруга, которая на тот момент тоже оказалась вовлечена в поток Телемы.

Я беседовал с ее подругой о Телеме, и уже на подъезде к нашей конечной станции, когда народа в вагоне почти не осталась, она задала вопрос, что представляет собой символизм Бабалон. «Это единственное, что я не понимаю в Телеме», — сказала она.

Услышав ее вопрос, я начал впадать в транс и опьянение. Шелуха слетала. Бабалон присутствовала здесь и сейчас, во мне и вокруг меня. Я почувствовал, как меняется мое лицо, как нечто во мне начинает странно хохотать как будто в меня вошла совсем иная сила. И на подъеме этой силы я произнес или, точнее, мной было сказано: «Бабалон — это — ...», — после чего я начал читать формулы воды из Либера Самех. По счастью, это была последняя электричка, и народу практически не было. Как только я прочитал третью формулу и торжественно произнес «Бабалон — это тьма изначальная», в нашем вагоне совершенно без внешних причин погас свет, электричка вдруг остановилась, и это продолжалось примерно пять-десять минут.

Когда свет включился вновь, я сказал что-то вроде: «А еще Бабалон — это земля», — после чего наши взгляды упали на пакет, оставленный кем-то вышедшем ранее. Яблоки, персики, бананы, соки. «А вот и дары земли», — довольно улыбнулся я. Сказать, что подруга Айрум была в шоке, значит ничего не сказать. Это был момент изумления, потрясения, взлома самой реальности, мы все трое, будучи абсолютно физически трезвыми, как будто провалились в регистр тотального опьянения и безумия. Нечто хохотало, торжествовало, бурлило и вырывалось наружу.

Примерно неделю общим фоном для сознания оставалась эта необычная легкость и восторг — словно мы все еще могли чувствовать тот Ветер, что подхватил нас вначале. Это прекратилось так же резко, сменившись достаточно неприятной «обраткой» — оболочки начали возвращаться, причем каждое «возвращение» переживалось как налипание некоей грязи, тяжести и омрачения. На самом деле любое переживание субъективно и относительно — относясь к тому, что было «до». За неделю совершенно непривычной очищенности мы привыкли к установившемуся режиму сознания, и возвращение в привычную модальность было достаточно тяжелым. Фактически этот ритуал для меня открыл пространство полноценной сексуальной магии, и в первый раз со времен моего детского сна о Ветре я вновь пережил ветер Люцифера.

Впоследствии мы дважды повторяли этот ритуал на двенадцатое августа, но достичь такого же ошарашивающего эффекта не удавалось. Возможно, сила сексуальной магии определяется ее новизной и трансгрессивностью: то, что в первый раз — переход границы, уже во второй — регулярная практика.

К сожалению, я не обладаю информацией о практике сексуальной магии в других телемитских парах. К моему огромному удивлению и недоумению, в ложе было не принято обсуждать вопросы, связанные с сексуальностью. Не запрещено, нет, но как-то не принято, вызывало некоторую обеспокоенность. Мне было сложно признать очевидное, но даже группа наших провинциальных «магов», не являвшихся телемитами, была более раскована и открыта в беседах, которые не миновали вопросов «про это». Это вызывало некоторое недоумение, ведь речь идет именно о телемитах, магической традиции, в которой сексуальность, является неким архетипическим ядром, как для северной магии центральным ядром является идея войны, а для викканцев — зеленое великолепие природы. Это несоответствие немного резало глаза, но, как я узнал потом, читая «Психическую библию» Пи Орриджа, это проблема не только российских телемитов. Один религиозный мыслитель назвал подобные процессы «темной флуктуативностью», будь то флуктуации христианства — от религии ненасилия, провозглашающей «Кто принес меч, от меча и погибнет», к инквизиции и имперской вере, или флуктуации Телемы — от создателя учения, которого все современники называли «самым порочным и развратным человеком на Земле», к всеобщей и негласной сдержанности в вопросах пола, причем куда большей, чем среди самых обычных студентов. Впрочем, смею надеяться, что в Телему еще придут новые Филиппы Писье и Джеки Парсонсы.

Вторым важнейшим магическим проектом золотого века Телемы была моя магическая импровизация длиной в месяц, названная проектом «Иерофант». Проект этот

— от начала и до конца чистая импровизация, которая однако основана на работе с классическими соответствиями, представленными Кроули в «Книге 777».

Получив вторую степень, а вместе с ней — исполнение всех осознанных желаний, а также желаний, о которых я даже не смел помыслить, я задался вопросом — куда дальше? Чего теперь хотеть? Я обрел свой круг, свое братство, общение в котором было не просто приятным времяпровождением, но реально помогало мне развиваться в культурном и магическом плане. Я был женат на самой красивой, чувственной и образованной женщине, какую мог представить. Черт побери, я даже нашел нормальную работу, работая на которой по неполному графику, я получал столько денег, сколько хватало на мои нужды. Что еще? Что можно пожелать, к чему можно устремиться? Конечно, Великая работа. Конечно, изменение и очищение своей природы, устремление к Собеседованию с САХ и пересечению бездны — в общем, все, что вам повторит любой ученик, проходивший в открытый филиал ОТО, «Колледж Телема», хотя бы месяц.

С духовным понятно. Но куда стремиться здесь? Чего хотеть? Слишком хорошо моя суть осознавала принцип Фауста: стоит сказать «Остановись мгновение» — и господин Мефисто уже втыкает вилы в ягодицы, которые уж в этот момент ожидают подобного менее всего. Неужели мне больше нечего хотеть?

Поразмыслив некоторое время, я сформулировал свое желание следующим образом. Я хочу, чтобы у меня были ученики. Я хочу по-настоящему владеть словом, языком, речью. Что можно сделать для такого запроса? Все, что в человеческих силах, я делаю, прочитывая по книге в неделю из библиотеки брата Марсия и пытаюсь писать статьи, половину из которых сорор Н благополучно забраковывает для размещения на сайте. Что уже хорошо, ведь вначале забраковывалось практически все. Что я могу сделать магически — вот вопрос.

Открываем таблицы «777». Какой аркан нам нужно выбрать? Ну конечно же — Пятый. Разумеется, аркан Иерофант — это и есть аркан учителя, проводника, жреца, носителя логоса. В таблицах «777» это шестнадцатый путь. Первое, что было необходимо сделать — это разработать ритуал. Алистер Кроули рекомендовал в качестве эталонной структуры любого ритуала рассматривать Либер Исрафель. Этот ритуал я назвал «ритуалом слова».

Странное дело, но если ритуал Ньюит Бабалон и ритуал Последнего символа я могу рекомендовать для практики всем желающим, то Ритуал слова — это исключительно мой ритуал. С одной стороны, есть ощущение, что он делался для одного раза, исключительно под мою ситуацию, с другой стороны, с позиции меня настоящего я весьма недоволен им чисто стилистически.

Серьезный ритуал, направленный на какое-то важное изменение, бесполезен без должной концентрации и приготовлений. Следовательно, время проведения ритуала — месяц, а проведение ритуала (декламация текста, визуализация) — это, что называется, вишенка на торте для самого последнего дня.

Я решил идти по пути сгущения энергии. Взять месяц для предварительной мягкой подготовки. Затем на три дня уйти в жесткое уединение (систему практики телемитского уединения я описал выше) и, наконец, в последний час уединения прочитать текст ритуала, вложив в него все накопленные силы.

Предварительная подготовка заключалась в том, что на этот месяц я взял на себя ряд обязательств, исполнение которых должно было постоянно напоминать мне о предстоящей работе и тем самым концентрировать на цели. Основным обязательством было воздержание от ряда слов (поскольку речь шла о получении власти слова), как это советует Кроули в «Либер Егорум». Нарушения случались, особенно первые десять дней, пока я не привык к режиму практики табу, поэтому бритва не раз находила мое плечо в эти суровые будни.

Другим произвольно назначенным табу был запрет на употребление газированных напитков. Это так же заставляло постоянно пребывать в осознанности, поскольку привычка выпивать в день около литра газировки была очень сильной.

Еще один если не запрет, то обязательство, которое было взято мной на этот период, — концентрироваться на оранжевом цвете, насколько это возможно. Оранжевый — это цвет, соответствующий данному пути, поэтому смысл этого обязательства тоже был достаточно прозрачен.

Впрочем, суть табу на самом деле вторична. Если вы очень любите молоко, можете запретить себе пить его в течение месяца. Суть в том, что табу не должно быть ни слишком легким — тогда его исполнение не потребует внимания и напряжения воли, ни запредельно тяжелым — тогда вы рискуете сдаться на середине пути, нарушив свою клятву.

По завершении предварительной части, по мере прохождения которой я таки обогатил свое плечо несколькими шрамами, я ушел в глубокое трехдневное уединение. Помимо обязательного ритуала Уединения, на этот раз я также практиковал вызывающие гексаграммы Меркурия (Меркурий отвечает за интеллект) и ритуал Регуле, который в наибольшей степени выражает поток Телемы (а я хотел выражать именно идеи Телемы).

Я начал читать заготовленный ранее Ритуал слова и почувствовал вибрации, идущие по всему телу. Я заметил, как изменился мой голос: вместо страстного зова — ведь я всегда старался именно «воспламенить себя молитвой» — голос помимо моей воли стал тихим, спокойным и каким-то вкрадчивым.

Когда закончился текст ритуала, не хотелось выходить из этого состояния сразу, и я долго стоял в позе пентаграммы, чувствуя, как вибрации энергии идут по всему телу. Я лег в магический круг, представляя себя сияющим пантаклем.

Никаких предельных переживаний, сродни ветру, что начал дуть после ритуала Ньюит Бабалон, или потоку силы и мощи, как это было на моем первом ритуале в ОТО — ритуале Юпитера, на этот раз не было. Все что я заметил — это одну залетевшую ко мне в сознание фразу: «Я даю тебе больше, чем ты думаешь».

Я был потрясен этими словами. Через некоторое время я почувствовал, как энергия как будто сама поднимает мои руки и складывает их надо мной. Завершение.

Странное дело, но именно этот ритуал, наряду со второй степенью, полученной относительно недавно, стал для меня своего рода точкой бифуркации. Ритуал начал действовать, и его действие стало разворачиваться по экспоненте. Сначала — на ближайшей дистанции: несколько человек попросились в мои ученики. Потом я начал работать над серией статей по таро, которые — совершенно неожиданно для меня — при поддержке Сестры V превратились в книгу, изданную в одном из самых крупных эзотерических издательств. Примерно через полгода-год Марсий предложил мне пост, которого до этого просто не существовало, — пост секретаря российского ОТО. Фактически это назначение уже само по себе выполнило и перевыполнило мой запрос на несколько порядков: все, кто на том этапе заявлял статус кандидатов, на какое-то время становились моими учениками. Примерно в то же время начался самый первый рассвет моей «Касталии» — пока еще только виртуальной. Первое преобразование «Касталии» — из маленького домашнего сайта в полноценный эзотерический портал — началось на форуме нашего сайта, и на какое-то время форум «Касталии» представлял одну из самых многослойных интеллектуальных площадок, где могли обсуждаться самые разные темы — от толкования сновидений до нюансов мировоззрения и практики Телемы, от дискуссий о недавно вышедших фильмах до абстрактных философских вопросов. Тогда я рассматривал свой виртуальный проект как некий инструмент — спутник Ордена, место, где нейтральные и не предубежденные люди могли получить внятные ответы и, возможно, принять мировоззрение Телемы. В золотой век несколько действительно ярких фигур пришли в ОТО, и многие продолжают путь до сих пор. И именно на

Касталийском форуме зачастую разворачивались самые жаркие баталии, хотя за градусом дискуссий я внимательно следил. Эти два года я жил в двух пространствах: виртуальном — на форуме нашего сайта и реальном — на собраниях ложи. Старая компания очень быстро развалилась и разъехалась по разным городам, собирать новую мне не было никакого резона, поскольку наконец-то я был включен в нечто по-настоящему интересное — живую и полноценную традицию. За два года — от реализации проекта «Иерофант» и посвящения во вторую степень до посвящения в третью степень — произошел настоящий разгон, разгон такого уровня, что порой мне казалось, будто за эти два года и вправду прошла целая жизнь, разделившая мою вселенную на «до» и «после».

Глава 14. Дедушка

Какие самые сильные воспоминания об Ордене? Инициация и то, как она меняет жизнь? Да, безусловно. Я не раз изумлялся, каким образом однажды проведенный ритуал как будто прошивает последующую жизнь на ближайшие год-два точно, меняя что-то на самом глубоком уровне. Орденские ритуалы? Безусловно, и, прежде всего, вершина всех ритуалов — Гностическая Месса. Личные ритуалы, которым обучаешься по мере того, как осваиваешь Телему? Черт возьми, да, каждый новый ритуал, будучи внесен в личную практику регулярно, реально меняет тонкую вибрацию, так что, выбирая для себя обязательные ритуалы, ты, как настройщик капризных музыкальных инструментов, словно настраиваешь свою душу на ту или другую вибрацию. И эти различия настолько тонки, настолько неуловимы, что, кажется, непосвященному и не практиковавшему передать эти нюансы практически невозможно — ведь каждый ритуал имеет свой неповторимый вкус.

Что еще? – Постоянная борьба в информационном пространстве где каждая клевета воспринимается как Достоверный Источник. (Когда мы начинали, находились те, кто искренне верил, что Кроули приносил в жертву по сто пятьдесят некрещенных младенцев в год — что уж тут говорить о более человеческих масштабах клеветы) и постоянно нужно удерживать эфир.

В общем, так и жили. Ритуалили, писали, строили Город, точнее, я строил то, что станет фундаментом моего Города, но пока воспринималось как орденская пристройка.

Впрочем, было еще кое-что, по-настоящему впечатляющее. Точнее, не что, а кто, конечно. Гости. Посвященные ОТО самых высоких степеней.

С одного взгляда на такого посвященного становилось ясно: посвящение в ОТО — это не формальная фикция в духе масонских ритуалов, давно потерявших силу, а реально трансформативный ключ, запускающий процесс силами живого потока.

Самые высокие посвященные — это, во-первых, глава ОТО Гименей Бета и, во-вторых, Король — титул, который дают посвященному десятой степени, если он возглавляет континентальное отделение. То есть король Америки — это второй человек после прямого главы, как, скажем, премьер министр второй после президента. Я уверен, что все эти разъяснения читатель забудет через час после прочтения, однако орденская школа с ее скупулесностью и строгим вниманием к деталям никуда не уходит, даже если ты отошел от дел Ордена.

И Глава, и Король несколько раз наведывались в Москву, и каждый из них заслуживает особого описания. Король (скупулесность подводит, я не помню его имени и фамилии) приезжал в Россию первым — посмотреть, как живет новообразованная ложа.

Это был дедушка. Дедушка лет так семидесяти восьми, божий одуванчик. Я хорошо запомнил рассказы брата Марсия о том, как они с АйСи и Н. в ответ на его просьбу «поводить его по достопримечательностям» переглянулись: мол, далеко ли ты,

дедушка, уйдешь? Через час прогулки и Марсий, и АйСи держали язык на плече и были готовы просить пощады, в то время как волшебный дедушка не подавал даже самого маленького признака усталости и просил продолжить прогулку, которая «только началась». Вечером дедушка ошарашил всех вопросом, где у нас можно арендовать проститутку. Что это было — интерес туриста, стариковское кокетство или вполне реальный запрос? После его бодрой многочасовой прогулки братья и сестры боялись даже строить гипотезы.

Впрочем, к проституткам дедушка так и не пошел, а пошел к Марсию, где вся ложа с нетерпением ждала возможности впервые в жизни увидеть посвященного такого уровня.

Дедушка деловито вытащил ноутбук и привычным движением занялся своими личными исследованиями древа жизни в 3D-модели, которой на тот момент в России даже не видели. Оригинальная и непротиворечивая версия древа при придании ему дополнительных измерений заинтересовала братьев и сестер, и знающие язык неохотно переводили его сложные объяснения неучам вроде меня, английского не знавшего. Дедушка был не только бодр и вынослив, но невероятно интеллектуален и удерживал в голове сложнейшие системы соответствий и переплетений разных символов и традиций. При его, казалось бы, древней старости от него исходила какая-то невероятная свежесть.

— Как вам удается так сохраниться? — изумленно спрашивал кто-то из братьев Ордена.

— Да всего-то-навсего — регулярная практика, как то завещал Кроули, — отвечал дедушка и показывал на фирменные часы на руке, которые честно оповещали про каждые полночь, полдень, восход и закат — время выполнять Либер Реш. Кстати, невероятная способность, подтвержденная скептическими очевидцами, — практик такого уровня мог в любой точке безошибочно определить сторону света и, повернувшись, неслышно сделать обязательный телемитский ритуал. Поверить в это было просто невозможно, но это разворачивалось на наших глазах, хотя, конечно, нельзя исключать, что у хитрого дедушки был какой-нибудь особый девайс в рукаве, позволяющий производить впечатление на доверчивых неофитов — а что и говорить, по сравнению с ним казавшиеся себе умудренными посвященные четвертой степени были именно неофитами.

Единственное, чем дедушка напоминал обычных дедушек, это своим неодобрительным ворчанием всякий раз, когда видел что кто-то пошел курить на балкон.

— И охота вам травить себя и других? — вопрошал он. — Лучше бы ЛСД съели: и нет такого вреда и увидели бы что.

На вопрос «есть че?» он с улыбкой развел руками. Ирония судьбы — за любой разговор о наркотиках на собраниях любому мог быть объявлен выговор вплоть до исключения из ложи, но вот что делать с дедушкой Королем, слова которого еще не раз звучали эхом в орденских коридорах, никто не знал. Впрочем, что это было — еще одна шутка, провокация или вполне серьезное убеждение, никто не мог бы сказать наверняка, в любом случае, до практических экспериментов в российской ложе так и не дошло, ограничились регулярным вспоминанием фразы, ставшей крылатой и многократно перефразированной в духе «вот охальники, курят, лучше бы, как приличные люди, скушали лизергиновой кислоты».

Дедушка приезжал в Москву всего два раза, но память о нем, осталась жива на долгие годы как о человеке, произведшим одно из самых сильных впечатлений — харизмой, свежестью, невероятной ясностью рассудка и собранностью и полной погруженностью в разрабатываемую им символическую систему. «А вот если здесь добавить еще и четвертое измерение...» — задорно говорил дедушка, показывая на экран монитора, и все присутствующие ощущали, что их крыши начинают протекать.

Следующее впечатление, хоть и не затмившее «дедушку», но вставшее с ним в один ряд, — это визит в Москву «Самого-Самого». Самый большой глава, известный как

Гименей Бета, также приезжал в Москву дважды. Вообще-то, принято скрывать реальное имя главы Ордена, но это уже давно стало секретом полишинеля: Гименей Бета,— ударник одной из легендарных групп дарк-фолка.

Я на всю жизнь запомнил этот день. Мы с Айрум приехали к Марсию, еще не зная, что Самый уже в штаб-квартире. Но в момент, когда мы подходили к двери квартиры Марсия, где по плану его еще не должно было быть, мы оба вдруг почувствовали невероятно сильные волны теплой, приятно обволакивающей энергии. Уже потянувшись к звонку, мы переглянулись и сказали друг другу: «Похоже, он приехал на день раньше». Так и оказалось. До этого момента я вообще не верил в такое понятие, как «аура», и уж тем более в то, что аура определенного человека может шибашить на много метров сквозь стены так, что это невозможно не почувствовать. За всю жизнь я встретил лишь одного человека, чья сила, аура и энергия естественно имеет столь масштабное распространение, но тогда это было столкновение с чем-то невероятным и непостижимым.

Когда мы вошли в квартиру, нам показали на комнату — он уже там. И конечно, Главу Глав буквально облепили все братья и сестры. Готовясь к встрече с главой, я ожидал увидеть строгого, даже сурового человека, который приехал с инспекцией, а увидел одного из самых теплых, открытых людей, сама энергия которого как будто распространяла вокруг себя волны тепла.

Разумеется, большинство женщин делали все, чтобы оказаться той самой, на которую он обратил бы внимание — хотя бы на одну-единственную ночь, пока он в Москве. Притягательное действие оказывал даже не статус, а та самая невероятно мощная энергия, которую одни чувствовали поток тепла, а другие пытались его соблазнить. Увы, единственный компромат на главу Ордена, который я могу привести, заключается в том, что когда одна из самых активных сестер (та самая Полина с которой к тому времени помирились) попыталась более решительно проявить эрос. Меня поразило что Телемит, даже глава Ордена, отказывает женщине в эротической близости?

Странная штука. Полли была готова хоть сейчас, а он дал по тормозам. Может быть, он другой ориентации, а может быть, просто они в Америке настолько запуганы темой домогательств и опасности малейшей двусмысленности, что даже оказавшись в живой и более свободной России, он не мог отбросить сформированные привычки. В общем тут тоже можно только предполагать.

Ну и конечно, Гименей Бета, как и наш дедушка, имя которого мы так и не запомнили, называя его так же по-домашнему «наш дедушка», был тотально погружен в практику. Дав понять весьма заинтересованным в его обществе женщинам, что большего, чем посидеть у него на коленках, не подразумевается, он удалился с одним из самых образованных братьев Ордена братом Арджуной — нашим единственным телемитским тантриком, с которого начал перебрасываться мост между Телемой и аутентичной Тантрой. Гименей Бета несколько часов обсуждал с ним особенности тантрического мистицизма, да так детально, что Арджуна еще долго изумлялся, что такой глубиной знаний не обладает ни один из известных ему академических востоковедов. Ну и да — конечно же — как и дедушка, Гименей Бета крайне серьезно относился к практике.

Практика. Не раз и не два он говорил о важности практики как полноты сакральной жизни — начиная от простейшего Реш и Воли и заканчивая самостоятельно протраеваемыми призываниями и воззваниями. Опыт общения с другими братьями и сестрами высоких степеней из Европы говорил о том же самом: практика была у них во главе угла как способ переноса сознания из профанного регистра в регистр сакральный.

Глава 15. Третья степень

*Отведи меня в чистое поле и разбей мне голову камнем.
По холодной земле червями расползутся ненужные мысли.
Если мы не умрем сегодня, то и завтра из пепла не встанем,
Пусть заполнятся безразличьем наших души пустые канистры.*
Группа «Кооператив Ништяк», из песни «Азартные игры
магриба»

Степень жизни — как отдельная жизнь. Жизнь, когда я впервые был счастлив без каких-либо дополнений, прекрасная жизнь, в которой время идет если не по библейскому счислению «день за год», то, по крайней мере, неделя за год. До этого — я мог считать себя счастливым просто по сравнению с предыдущим, куда более глубоким уровнем ада.

Худшее время из возможных — детство. Потом приходит Отрочество со своими проблемами, но здесь по крайней мере появляется возможность действовать самому и хоть как то отпределять свое направление. Юность — первые успехи, свой круг, концерты, друзья, очень короткие романы и — пробуждение Кундалини. Круг друзей становится более близким по духу. Счастлив. Или просто наконец вышел из ада в чистилище, и по сравнению с привычными декорациями показалось, что оказался на восьмом небе. Язык язычит, чистилище чистит. Первая степень — рождение, воды, «мыли, мыли трубочиста, чисто-чисто, чисто-чисто». Карма не склонна к деликатности — где мылом и шампунем, а где и наждачной бумагой. Главное, чтобы чисто, остальное заживет.

И вот вторая степень. Жизнь в жизни. И как и всякая жизнь, она должна закончиться. Маг становится мастер-магом, а в комментариях к третьей степени Мастер Алистер Кроули написал только одну фразу — «человек познает смерть». Без лишних слов и без лишних церемоний.

Впрочем, вопреки ожиданиям, третья степень не была кошмаром. Наоборот, за исключением отдельных неприятностей, указывающих, скорей, на общую тенденцию к необратимому изменению, я оставался в ощущении второй степени. Я часто вспоминал слова Рене Генона, что травма рождения для души более мучительна, чем травма смерти. Не знаю, прав ли он в отношении рождения и смерти как физических процессов, но на символическом уровне мой опыт всецело подтверждает его слова.

Просто немного меняется регистр сознания. Так, словно ты переехал на другую планету, на которой притяжение несколько более сильное, чем на Земле. От ослепительной легкости всего и вся — к умеренной, ограничивающей, фундаментальной тяжести. Не летаешь, не попрыгаешь, но ходить вполне можно без особых затруднений. Очень хорошо на третьей степени взять на себя какую-нибудь нудную, но необходимую работу или учебу, не требующую прозрений и вдохновений, но требующую долгого и кропотливого труда. Сатурн труд уважает. Я на это время взял на себя задачу изучения английского. Слишком мало книг осталось на русском по темам, которые мне были интересны. Полное незнание языка оставалось единственным белым пятном — во всех остальных сферах я уже достиг того уровня культуры и знаний, о котором мечтал. Тогда я думал, что буду переводить. Наивный! На изучение ушло два года, в течение которых я мог часами зубрить фразы и переписывать не задания, а целые упражнения.

Увы. Действительно есть вещи, которые даны или не даны. Один из самых известных и уважаемых интеллектуалов, широко известная широтой кругозора и яркостью своих мыслей и прозрений, как-то сказала, что, к своему стыду, не может выучить английский, как не пытается. Способность или неспособность к языкам не зависит от интеллекта, и, видимо, «ритуал слова» распространялся только на владение

словом на русском. В итоге я смог достичь того, что, обращаясь к словарю, мог перевести статью, но этот процесс занимал столько времени и сил, что овчинка, в конечном счете, не стоила выделки. Впрочем, изучение языка мне действительно помогло.

Как я ни пытаюсь, я не могу вспомнить ни одного полноценного магического переживания, впечатлившего ритуала или просто сногшибательной синхронии, которая бы произошла на третьей степени. Просто тотально увеличилось притяжение земли, просто стало тяжело. Не тяжело в смысле горько, грустно и печально, а просто тяжело в смысле инерции материи. Поэтому — ничего, кроме нескольких событий, указывающих на конец золотого века ложи.

Уехала сорор Н. Одна из трех столпов ложи. Марсий — главный, ось и центр, затем его жена и третья — сорор Н. Женщина, в семью которой, когда она была маленькой девочкой, несколько раз заглядывал Иосиф Бродский, и она лично слышала, как он читал стихи.

Нет, она ни с кем не поссорилась, ни с кем не порвала, ни в чем не разочаровалась. Просто тропы судьбы увели ее далеко за океан, где она продолжает свое Великое Делание и следует по своему пути посвящения. Просто ее больше нет в ложе. Я убежден, что для московской ложи самым большим и парадоксальным образом самым незаметным ударом, надломившим саму основу, стал не скандал с пакостником Дмитрием, с Руцким — подгорелые яйца и даже с третьим, самым серым из этой троицы. Самым страшным ударом для ложи стал этот никому не заметный отъезд человека, все это время бывшего незримой опорой всей системы. Как если у трехногой табуретки убрать одну ногу.

Я не сразу понял, что произошло. Я пытался каким-то образом компенсировать возникшую дыру, поддерживать дух культурности, широты кругозора и красоты мысли. Но там, где сорор Н достаточно было просто присутствовать и сказать одну фразу, я мог говорить много абзацев. Я не склонен к ложной скромности и хорошо понимаю, до какой степени я, поднявшийся с самого ада, силен и крут. Но даже для меня невозможно подменить человека, в семье которого в детстве гостил Бродский. Это как если бы Атлант не вернулся и не встал обратно на место Геракла.

Приходили другие ребята. Хорошие, искренние, душевные ребята, с которыми мы прекрасно ладили. Но вот беда — они не имели и, что хуже, не чувствовали потребности, нужды получения полноты культурного кругозора, утончения мысли и чувства. Интерес был, но именно узконаправленный. Как объяснить, что не существует магии без наслаждения поэтическим словом, красотой тонких нюансов живописи, изыска чувства, передаваемого классической музыкой? Что магом по определению не может быть тот, кто смотрит телевизор и слушает поп-музыку?

Если бросить интеллектуальный уровень и культурный багаж всех пришедших на одну чашу весов, а на другую — багаж одной Нины, первая чаша уйдет далеко вверх и не пошевелится. Золотой век был окончен, и в этом нельзя даже никого обвинить — не обвинять же Нину за то, что она уехала навстречу своей судьбе, и Марсия с Ай Си за то, что не смогли убедить ее остаться.

Тогда же брат Марсий сделал мне роскошный подарок. Он предложил взять администрирование форума ОТО. Форум «Касталии» тогда достиг пика своего развития и до следующего скачка — выхода «Касталии» в реал — удерживался на этой точке, пока в нем вовсе не отпала необходимость. Марсий читал наш форум. Марсий видел отличие. Марсий всегда обладал редкостным талантом чувствовать кадры. Я хорошо помню его слова: «Я не понимаю, почему у нас такой прекрасный, умный и насыщенный сайт, такие прекрасные люди — наши братья, сестры и гости нашего Ордена, при этом форум представляет собой какую-то радиоактивную помойку». Сказать по правде, я

тоже этого не понимал и не понимаю, форум того времени представлял собой что-то весьма неприглядное.

Так вот, мне почти удалось вытянуть этот форум, из состояния авгиевых конюшен. Сначала — перенес свод правил, которые действовали на моем форуме, развесив его во всех доступных разделах. Грубость — главное табу, малейшая грубость, неуважение к собеседнику, оскорбление — сначала удаление постов из темы, при повторении — бан. Все темы о других проектах: весь спам, вся реклама — просим в отдельную тему. Это резервация, дорогие друзья. Далее — перечитал все темы актуального форума, зачистив все, где был хоть намек на взаимное оскорбление. Потом — сделал новую систему классификации разделов, чтобы обозначенные темы стимулировали посетителей высказываться по этим направлениям. Не только магия в практическом измерении, но и символизм литературы, поэзии, кино. А потом включился всей своей силой в форум. Потому что мало назначить правила. Человек слишком плохо понимает все «надо» и «нельзя». Потому что обучение возможно только на личном примере: мимезис, заданную вибрацию, заданную тональность, заданный запрос, брошенный в пространство, ловит какая-то часть людей, какая-то притягивается именно на этот запрос. Я начал писать во всех темах. Создавал новые темы. Фактически это был момент, когда я достиг в Ордене самого высокого положения. Когда, будучи администратором, ты создаешь темы на форуме — ты формируешь даже не текст, а контекст, идейное поле. Смысловую защиту.

Не помню, сколько я продержался. Месяца два, может быть, три, а может, только месяц. Мой подход начал работать. Принцип вибрации, тональности плюс максимальная активность — самый активный элемент системы неизбежно определяет систему. Запрос — ответ. То, что я знал полуосознанно, интуитивно, и то, что я смог довести до полного понимания только через много лет.

Не досмотрел. Одна-единственная, предельно неинтересная мне тема, которая разрослась на много-много страниц. Упустил. Там один из наших сцепился с другим участником. Просмотрел тему. Кинулся к Марсию. Как есть — Макс перевел разговор на повышенные тона, потом на хамство. Ну, не навсегда банить, но хотя бы на недельку, месяц: мол, вынеси Максу показательный выговор, я-то не имею таких прав. Да и был я должником Макса, поэтому точно не мог как-то выступить напрямую.

Марсий сказал что-то нейтрально дружеское. Мол, Макс наш, с Максом мы договоримся лично, приватно, его оппонент тоже не святой.

Впрочем, не снимаю с себя ни вины, ни ответственности. Надо было спорить. Надо было докричаться. Наверняка шанс был, во всяком случае, тогда я был тем, кому Марсий доверял больше всех. Потому что если правила написаны, своих и чужих, посвященных и непосвященных просто не может быть. Есть правила игры, по которым слон не может ходить ладьей, а ладья прыгать конем. И дружеский намек Марсия, что ну не стоит с братом ссориться по ерунде, означал одно — правила не работают. Они теряют ману, магическую силу, нумен. Сказать о правилах после той темы, где член Ордена начал оскорблять оппонента, а ему ничего не было, даже публичного выговора и бана хотя бы на неделю, — это как нарезать ритуальным кинжалом хлеб на пьянке. То, что я тогда не поспорил, не возразил, не попытался объяснить, наверно, можно назвать малодушием. Хотя, в отличие от меня нынешнего, тогда у меня не было нужных и убедительных слов, а было только одно ощущение — все. Через пару недель я под каким-то надуманным предлогом снял с себя администрирование форума.

Мой дорогой читатель, ты еще не заснул, продираясь через скучные описания бытовых конфликтов и непониманий внутри какой-то непонятной эзотерической компании? Увы, я с радостью начал бы с куда более интересных тебе вещей, и они будут, поверь мне. Если ты продерешься до четвертой части, на некоторых фрагментах у тебя будет захватывать дух и ты будешь не говорить, но кричать, что так не бывает, — и при этом, если сердце твое открыто, нечто глубинное в тебе заставит тебя увидеть, что

все сказанное — правда. А пока — будни, без которых просто невозможно понять, что будет происходить потом.

Потому что за этими мелкими бытовыми конфликтами и непониманиями, где и виноватого-то трудно определить, — кто осудит Марсия, который не захотел устраивать публичную порку преданному ему брату и другу? Но на самом деле в этих мелочах и обнажалась разница неких фундаментальных основ, источников, принципов бытия, столкновение вселенных, в каждой из которых свои аксиомы, по которым выстраивается пространство, время и плетущиеся нити связей между людьми. Пустяковое непонимание означало бомбу не потому, что я был идиотом, у которого просто не хватало ума понять правду собеседника, или потому, что таким идиотом был собеседник. Здесь обнажается нечто связанное с разными основаниями работы источника.

— Я с ним лично поговорю, он больше не будет, — говорит Марсий.

— Не будет, конечно, — говорю я, но уже не высказываю главное — форум запоминает, на уровне поля запоминает: заявленные правила не работают. Это бутафория и дышло, которое можно двигать, как то в голову придет.

А почему я не настоял? Не высказал все, что думал? Ну не деспот же Марсий, может, и услышал бы меня, может быть, пошел бы на компромисс, чтобы оставить меня у руля форума. Скрытые нити: я был должником Макса, поскольку пользовался его гостеприимством и уже поэтому — внутренне, магически, по законам симметрии, равновесия — не имел права выступать против него. Закон симметрии. Ловушка, из которой нет выхода.

Чем больше живу, тем больше понимаю, что самые страшные столкновения — это не столкновения правды и лжи, добра и зла. Самые тяжелые столкновения — это столкновение двух правд, двух законов, двух кодексов, двух вселенных.

Вот ты на месте Марсия сможешь публично — пусть даже морально — высечь того, кто предан тебе до последнего зуба, притом понимая, что сделав так, ты рискуешь пополнить стан врага?

Скорей всего, ты сделаешь то же, что и он. Но с этого момента из заявленных правил разом ушла магия, ушла сила, ушла энергия, мана, они — всего лишь красивая бутафория на входе, которая не значит ничего и никак. Так и столкнулись наши истоки впервые, незаметно, где-то под шелухой столкнулись. И где-то на задворках сознания впервые появились у меня мысли — надо делать свой проект. Не потому что я хочу власти и господства. А потому, что для того, чтобы задать свой алгоритм, свой исток, свой кристалл, нужно, чтобы не было никого, кто мог бы противопоставить совсем другие правила, да еще так противопоставить, что ты даже не имеешь магического права сказать все, что ты думаешь, ибо за тобой висит должок перед Максом. Так — братство Свободы незаметно превращается в «скованных одной цепью».

Происходило ли еще что-нибудь интересного? Или хотя бы неинтересного, но важного?

Еще одно разногласие. Еще один эпизод. Еще один пустяк. Я очень много ходил по разным эзотерическим форумам. Время блогов уже наступило, а время социальных сетей — еще нет, поэтому именно форумы представляли собой главный форпост общения. Сейчас форумы мертвы как принцип.

На самом крупном форуме Лотоса, где общаются эзотерики самых разных направлений, но в основном те, кто вдохновлен популярной эзотерикой в духе Ошо, был один раздел. Там разрешалось высказывать самые нелепые и оскорбительные идеи в адрес Ошо, эзотерики и хозяев форума. Этот отсек принципиально не модерировался, но ни одно заявление, в котором был хоть какой-то смысл, не оставалось без противовеса.

Мне понравилась эта идея. Это была прекрасная иллюстрация идеи Юнга о канализировании Тени. Гости форума, видя на форуме загон, где они могли столкнуться с самыми неприятными вопросами, сразу убеждались в силе и форума, и учения, которое он представляет, раз уж оно не боится никаких нападков. Это великолепный механизм

канализации либидо, я очень внимательно читал «Новую этику» Нойманна касательно необходимости давать Тени контролируемый голос.

Поэтому я сделал такой даже не раздел, а тему на своем форуме — «Резервация». Вот сюда — что угодно. Хоть про меня, хоть про Кроули, хоть про Марсия. На простую брань можно не реагировать, конкретные обвинения опровергать фактами, тем более что обвинить-то нас на самом деле не в чем. Черт, во всей истории с обвинениями в домогательстве лично я обвинил бы Марсия только в том, что он тянул месяца три, вместо того чтобы сразу принять ну очень просящуюся в объятия Светочку. Я знал, что мы невиновны, а значит, нам по определению нечего бояться.

И здесь Марсий дал резкий приказ «стоп». Сначала мягко, а потом прямым недвусмысленным постом: «враги меня не огорчают, а вот друзья иногда очень». Разница восприятий — что для меня было игрой, для него было болью. Почему? Я ведь абсолютно уверен, что в обвинениях нет ни слова правды, почему оно так ранило его? Конечно, я не стал спорить, раздел закрыл, тем самым как будто подтвердив слова врагов, что мы боимся их «правды». Это было поражение. Настоящее, серьезное поражение.

Впрочем, с годами я понял, что и здесь у Марсия была своя правда. Ошо — раскрученный многотысячный движняк. Мы — новички в кольце фронтов, и средний эзотерик тогда был убежден, что телемиты — это те, у кого женщины рожают для ритуальных нужд, а младенцы приносятся в жертву в первую неделю. Быть может, такое новое, окруженное вотумом недоверия движение должно защищать себя не через канализирование, но через блокаду. Иногда это дает свои плоды. Впрочем, в реальности я все же оказался ближе к истине, ведь никакая блокировка не решала проблему, а чем больше мы изолировались, тем больше враги были уверены в своей правоте, а зрители — что дыма без огня не бывает.

Было ли еще что-то в то время? Да, пустяк, семечко, мелочь. Такие мелочи невозможно заметить и оценить изнутри, будучи захваченным коллизиями жизни. Все больше я вслушивался в слова и вибрации Мартиэль, записи которой стали прощальным подарком Скандинава. Все больше я слышал их. Слышал на уровне сути, зова, ключа. Тогда я лишь поражался, что символы Телемы здесь были спеты человеком, не знающим о Телеме, но где-то на периферии сознания маячила пока еще смутная догадка, что помимо Телемы здесь было что-то еще...

И слушая эти слова, раз за разом все чаще я задавал себе риторический вопрос: откуда она знает то, чего знать не может? Я — в Ордене. У меня — все книги, открытые и закрытые, тайные, инициатические. Я знаю все, но не смогу написать ни одного подобного стихотворения.

А у нее — ничего этого нет. А знает не столько же, сколько я — больше. На уровне нутра вселенной знает о Белой Дороге и Серебряной Нити, которая «на крови держится, что тобой роздана», — пути гимель, ведущем через бездну Даат, связывая большой и малый исток, где адепты изливают свою кровь в чашу Бабалон. Лунный путь, серебряным цветом его рисуют. И ладно бы только это. Так ведь каждая песенка — ключ. А слышать никто не умеет. Вот ведь странная штука. Да кто такая эта Мартиэль и почему она не выступает? Менестрель? Формально да, а реально отличается от других менестрелей, как алмаз от стекла. И то, и то, конечно, прозрачное, но перепутать сложно.

Начал искать хотя бы каких-нибудь общих знакомых, справки наводить, интернет по всем четырем углам вопрошать — вот как так, что всемогущий интернет ничего не знает?

Только через пару лет, уже на третьей степени, я наконец-то добился первого успеха в нашем безнадежном деле. Мостик нащупал. Вращался вокруг этого мостика, договаривался, прощупывал, аккуратно подводил. Мостиком стала одна очень красивая и умная женщина, которая держала и вроде бы до сих пор держит один из самых полных сайтов по люциферианству. Кажется, она первая, кто сказал о разнице между

люциферианством и сатанизмом. Ашхан. Ох, до чего же хороша! Впрочем, последнее едва ли имело значение, ибо это был все еще период моей честной моногамии, да и сама Ашхан была в браке и едва ли могла заинтересоваться переводом нашей дружбы в постельное русло. Ну да, я здесь и не за этим, мне мостик нужен, ключ. Вот, бля, жизненно нужен, задыхаюсь, как, а ключ-то есть только у тебя, дорогая Ашхан, почти сразу сказавшая, что знакома с Мартиэль, но пока не представляющая, как до нее добраться, ибо «Мартиэль в глухом уединении и ни с кем не общается».

В итоге именно Ашхан, хозяйка «Купола преисподней», познакомила меня с главным человеком моей жизни, Мастером, Учителем, Матерью и Сестрой. Все начинается с Люцифера, продолжается Люцифером и заканчивается Люцифером, ведь мы же знаем, что никогда не иссякнет звезда Люцифер в душах тех, кто несет огонь его.

Я приближался к мечте. К реальной магии, реальному духу, реальному источнику. Долго мы общались с Ашхан, и вырос таки в итоге волшебный мостик через «Купол преисподней», через купол в небо преисподней, куда я так искал выход, не зная, что и зачем ищу. Сложно это — искать, когда первичный запрос звучит как «туда — не знаю куда, то — не знаю что». Но именно здесь впервые начал намечаться мостик.

Подробно об этом вы прочитаете в середине книги, в центре центра, истории в истории, главе, не принадлежащей ни к одному из периодов, но как будто захватывающей все четыре. Но не будем скакать впереди латунного паровоза.

Было ли что-то еще? Ах, да. Чем ярче солнце, тем чернее тень, или чем ярче свет Черной звезды, тем сильнее серая звезда смерти начинает излучать свой яд. В Орден пришел новый кандидат.

Вежливый, обходительный, трудолюбивый, способный практически с каждым найти общий язык, истово, даже фанатично принимающийся даже за самую тяжелую, неблагодарную и грязную работу, которую «должен же кто-то сделать». Юноша, после одного разговора с которым ты, мой дорогой читатель, будешь чувствовать себя так, словно вы знакомы всю жизнь и с младенческой люльки из одной бутылки молоко сосали и не ссорились. Самый верный друг и самый преданный рыцарь.

В Орден пришел ходячий мертвец, самый отвратительный человек, кого я когда-либо видел за эту жизнь, не человек даже, но черная дыра, бездна зияющая, в котором уже ни человеческого, ни даже животного не осталось: машина с одной программой — убивать и калечить все живое, все настоящее, все искреннее. Но пока еще для всех он — душа компании и идеал настоящего брата. В Орден пришел Андрей Кузнецов ака Баал Хирам, которого я бегло упоминал немного выше.

Нет, друзья мои, я правда не понимаю, как это возможно. В случае Димы-кляузника мы с Элли примерно сразу увидели ситуацию, расстановку сил, и единственная причина, почему я не пришел к Марсию сразу, — я был новичком и не знал всех правил игры: мало ли, как оно повернется, к тому же был «должником» Димы за предоставленный кров. В случае Жени-пукана-Светочкой-взорванного я просканировал его практически с одной-единственной встречи, одного визита, и очень мягко намекнул Марсию кто перед ним.

А вот тут — полный сбой всех систем. И не буду пытаться соврать и доказывать, что все-то я сначала знал и видел. Нет, нет и еще раз нет. Ни сомнения, ни подозрения, ни даже естественной настороженности к новому кандидату, щедро испещренному тюремными татуировками. Разве что, быть может, в первые тридцать секунд, когда переступил он порог ложи, прошел у меня по спине нехороший такой холодок. Прошел и исчез — мало ли, зачем и почему прошел, татуировки с непривычки, наверное, напугали.

Серый. Серых много ходит-бродит по разным группам и организациям. Весь мир, вся система — детище Серого хозяина, его нормы. Здесь был не просто серый. Здесь был эталонный аватара Серого хозяина. Возможно, самая развитая, самая совершенная из всех возможных форм Серого. Предельное выражение и осуществление Серых сил. Вот

уж кто мог бы сказать о себе по праву — «что мертво, умереть не может». Мертвей и серее на земном плане и проявиться бы не могло.

Вот ведь как оно устроено. Только ты подходишь к последнему ответу, только сам Люцифер вот-вот откроет тебе выход в настоящую, абсолютную, живую магию — с другой стороны, со стороны противника обязательно придет абсолютно симметричный ответ. И — увы и ах, та, другая, сторона приходит таки первой, так что здесь бы день простоять, да ночь продержаться.

Но до этого еще далеко. Пока новоприбывший брат Хирам — это самый добрый брат, самый верный помощник и самый преданный Ордену человек, сомневаться в котором не придет в голову никому.

Глава 16. Жертва

*Кто цветет, тот должен помнить,
что цветам отпущен час.
Осень ходит недалеко,
смотрит пристально на нас.
Не горюй, что изменились
очертанья лепестка:
поступь осени легка,
тяжела ее рука...*

Группа «Башня Rowan», из песни «Зерна»

Путь посвящения может быть очень разным. Я знал людей, которые проходили свой путь инициаций, не имея возможности опереться ни на традицию, ни на знания, ни на поддержку единомышленников. Просто Человек наедине со своими Богами. Увы, таких мало, очень мало. Обычно встреча с бездной наедине с собой оставляет тысячу и одну возможность для самообмана и самооправдания. В большинстве случаев путь без страховки остается путем в никуда. Путь в братстве — легче. Здесь есть мастера, прошедшие дальше тебя, есть братья и сестры, с которыми можно поделиться опытом, не чувствуя себя белой вороной. И самое главное — здесь есть свой язык, позволяющий называть те состояния, события, переживания, для которых наш повседневный язык просто не приспособлен. Здесь есть возможность говорить на своем языке.

Но если кто-то думает, что все это дает гарантии от падения, если кто-то думает, что вступление в Орден (будь то Орден, о котором я пишу, или какой-нибудь орден будущего, который соединит всю мудрость Запада и Востока и будет превосходить ОТО так же, как ОТО превосходит каких-либо масонов или розенкрейцеров) может обеспечить надежную и широкую дорогу, на которой все испытания будут строго дозированы и игра будет иметь гарантированный хэпи-энд, — вы чертовски ошибаетесь.

На первой степени происходит новое рождение. И воды, поднятые с глубин, заставят вас столкнуться с тем, о чем так хочется забыть. Здесь за год пути вы узнаете, что такое настоящая боль. На второй степени после страданий приходит награда, искупление, и кажется, сама жизнь открывает свои объятия. Жизнь в жизни, где неделя равна году, а посвященный проживает свои насыщенные, яростные, прекрасные семьдесят лет за какие-то год-полтора. На третьей степени вы только знакомитесь со смертью. Если кто-то думает, что посвящение начинается и заканчивается по хлопку мастера церемонии, — о, как он ошибается! Посвящение начинается гораздо раньше и заканчивается только с посвящением в следующий градус, либо с падением, означаящим отречение от Ордена и начало пути с нуля. Возможно, кому-то удастся подняться и пройти путь самому. Я таких не видел.

Система посвящений выстроена очень хитро. Первые три настоящие степени (простите покорнейше, но я не считаю минерваль полноценной степенью, а лишь подготовкой) обещаны всякому брату или сестре, обладающим хорошей репутацией. Через год после первой пишется заявление на вторую, через год после второй пишется запрос на третью. И все. На этом гарантии кончились. Выше третьей вам ничего не обещано, и все последующие степени даются не в заявительном, а в пригласительном порядке — это значит, что самый главный посвященный в этой стране лично ходатайствует за вас перед всемирным главой Ордена и берет на себя ответственность за ваше достойное имя, отвечая разом не только за себя, но за всех, рекомендации кому были даны. Поэтому время между степенями может исчисляться годами — год, два, три, десять. Ничто не обещано и ничто не гарантировано: все решает один человек и за ошибку в своем решении он платит частью своей репутации.

Поэтому всегда страшно. Неужели мы останемся в смерти, неужели мы окажемся недостойны, неужели мы навсегда будем вынуждены тянуть эту сатурнову ношу? К счастью, на момент, когда настает время четвертой степени, глава ложи уже хорошо знает кандидатов, чтобы принять правильное решение, и в большинстве случаев проблем не возникает.

И все же шаг в четвертую степень — это шаг на совершенно иной уровень Великой работы. Шаг, к которому слишком многие оказываются не готовы.

Я помню этот разговор с братом Марсием. Мы все так же сидели в его кабинете, и на меня со всех книжных полок библиотеки, немалая часть которой за эти годы уже была прочитана мной, смотрели статуэтки Гора, Бафомета, Ньюит и других телемитских богов.

— Дорогой брат Атон. Я рад сообщить, что нами получено разрешение на проведение посвящения в Четвертый Градус, и всего через пару месяцев из Сербии к нам придет посвяtitель. За эти годы мы узнали друг друга очень хорошо, и, пожалуй, ты первый, кому я готов подписать все необходимые рекомендации. Ты действительно доказал свое право быть с нами. Но я все же хочу попросить тебя. Подумай. Очень может быть, что в четвертой степени для тебя что-то окажется невыносимым, неприемлемым, тяжелым, страшным. Возможно, стоит не отказываться от посвящения, но хотя бы отложить его на год-другой, ведь ты наш брат и посвящение никуда от тебя не убежит. Испытания и обязательства четвертой степени — они совершенно другие, нежели ты можешь даже предположить сейчас, поэтому я просто умоляю тебя — подумай об этом решении.

— Ты же знаешь мой ответ! Я не хочу оставаться в смерти ни дня больше, чем это возможно. Я устал от этой давящей тяжести и, черт возьми, я хочу забраться на вершину. Мы все живем один раз, и откуда знать мне, в каком месте Аннушка разлила предназначенное только мне масло. Я хочу жить, я хочу взять от этой жизни все, что могу, и если есть эта возможность, прошу — дай мне эту степень как можно скорей. Ну а насчет неприемлемого — я надеюсь, что «Парижские работы» все так же не планируются в Москве. — Я наслаждался шуткой, отсылающей к нашей самой первой переписке.

— Конечно, дорогой брат, не планируются, дело совсем в другом. Признаться, иного я не ожидал. Из всех кандидатов я доверяю тебе больше всех, и именно поэтому с наибольшим опасением подписываю эту степень. Ты помнишь, как оно бывает на первой. Здесь может быть нечто куда более сложное.

Я искренне поблагодарил Марсия и заверил, что уж я-то смогу пройти все испытания.

Посвящение начинается задолго до посвящения. Уже подписывая бумаги, я почувствовал, как меняется пространство и на смену уже привычной тяжести приходит нечто иное. Азарт? Возбуждение? Прилив новых, еще невиданных сил? Если все прошедшие степени, при всей сложности их прохождения, были не более чем первой триадой, очисткой человека земли, человека плотского и ограниченного, то здесь я

почувствовал, что я наконец-то прикоснусь к первым граням именно телемитского космоса.

Я не помню, что происходило в эти два месяца. Текла обычная телемитская жизнь, служились мессы, делались ежедневные ритуалы, а после собраний мы до утра пьянствовали с братом Максимом. Да, обида на проваленную работу над форумом давно ушла, и Макс действительно был одним из самых искренних братьев, всегда предоставляя нам с Айрум свой кров. Но самое главное в этом ожидании было: наконец-то! Грядет.

И вот — загородный особняк одного из братьев, который он представил для нашей мистерии. Как я выяснил потом, проведение церемонии четвертой степени — это одна из самых сложных задач для посвятителя. Требуется выучить много текста, купить много атрибутов, а помещение должно содержать множество комнат и переходов.

Само посвящение состояло из двух частей. Первая часть, проводящаяся утром, даже не впечаталась мне в память. Кажется, эту часть посвящения я получил несколько раньше, еще на второй степени, когда воплощал свой проект «Иерофант». Оставался пустячок — ритуал окончательного включения, который выполняется только в полночь. Кандидаты строят предположения, посвященные многозначительно переглядываются, затем нас просят уйти из дома на пару часов — и вот, наконец, начинается мистерия.

Совсем другой зал. Совсем другое пространство. Совсем другая вселенная, нежели открывалась на утренней части. Посвятители кажутся немного пьяными или обезумевшими. Меня ведут к посвятителю, который протягивает мне некий священный предмет и призывает повторять за ним.

Клятва бездны. Слова долетают точно сквозь полумрак: «Я клянусь пожертвовать самым дорогим, что у меня есть, во имя моей любви к Бабалон».

Пожертвовать самым дорогим. Ступор. Окаменение. И словно вторя моим мыслям, где-то на заднем плане слышен шепот очень доброй сестренки Дью. Шепот, вообще-то, недопустимый в пространстве ритуала, нарушающий безупречную гармонию посвящения — любые слова, кроме слов церемонии, строжайше запрещены, — и потому разрывающий пространство, точно гром небесный: Дью просто называет имя моей жены. Айрум. «Придется тебе пожертвовать ею ради Бабалон», — как будто говорят стены, пол и потолок, вторя доброй сестренке Дью. Выбор, развилка, переход.

«Я согласен на все, кроме гомосексуализма», — снова вспоминается первое письмо. Черт, лучше бы в задницу поимели, она бы потом зажила. К такой клятве я точно не был готов, и душу охватывает холодный ужас. Слишком хорошо знаю я, как дорого стоят клятвы и как сама жизнь, идущая своим путем, после посвящения обеспечивает неизменную гарантию исполнения клятв. Приговор оглашен, приговор обжалованию не подлежит.

А потом я вспоминаю Бабалон. Она и дала мне Айрум своей звездой. Я вспоминаю Лилит, протянувшую свою Серебряную Нить сквозь мою жизнь. Я вспоминаю все мистерии и все видения, все мессы и все таинства, я вспоминаю себя подростком, юношей, мужчиной, отчаявшимся неудачником, успешным лидером контркультурных мероприятий. И я вижу, что вся моя жизнь принадлежит только Ей, принадлежит полностью и без остатка. Лилит, Бабалон, Ньюит. Разные имена, разные аспекты, разные грани. Она — едина. Посему пусть будет то, что должно произойти.

— Я клянусь.

Посвящение продолжается дальше, имитация испытаний и имитация опасности, от которой, впрочем, не страшно, переходит в какое-то радостное братское сердечное единение, когда ты максимально остро проживаешь это чудо — чудо быть телемитом, быть свободным, служить Ей, служить Госпоже.

А на улице ждет Айрум, ей до этой степени еще далеко, и судьба повернется так, что она так и не сможет принять эту степень, навсегда оставшись запертой на третьей степени постоянной тяжести Сатурна.

И обнимая любимую Айрум, я чувствую, как пойманной птицей в голове бьется имя, так некстати или так кстати сказанное сестрой Дью. И главный вопрос теперь не «да или нет» — а «когда и как». Богиня решит.

Но даже я не мог бы предположить, насколько развернется моя жизнь очень скоро. Я только могу восхищаться, до какой же степени изысканно играет Богиня, сплетая и расплетая серебряные нити судеб. Ибо, как выяснилось, мне пришлось отдать больше и получить гораздо больше, нежели мог я даже на миг предположить тогда, пируя за братским столом.

Глава 17. Две правды

*Истина! Истина! — вопиет Повелитель Бездны Иллюзий.
Алистер Кроули. Книга Лжеи*

Сколько дней, недель, месяцев прошло с моего выхода во вторую триаду? У меня плохие отношения со временем. Приняв новую степень, я как будто получил новые силы. Я работал с кандидатами, переписывался на разных форумах, писал статьи, целью которых было хоть как-то донести великолепие и красоту телемитской традиции, к которой я был причастен. Став первым еще несколько лет назад, я уверенно удерживал эту позицию.

И все больше становится очевидна разница базовых ценностных кодов у меня и у Марсия. Я видел в Ордене нечто вроде «ковчега спасения» для тех, кто действительно иной, чужой для этого мира. Я искал таких же, как я — взбунтовавшихся против семьи, ненавидящих устои и мораль посредственности, отчаянно и мучительно ищущих свой путь, выгрызая себя из ненавистного семейного и родового окружения в поисках чего-то настоящего. Я искал таких же, как я, и, став собой, хотел использовать всю свою силу, чтобы им помочь.

Марсий хотел, чтобы в Орден приходили взрослые, стабильные, состоявшиеся, полностью уравновешенные люди, которые уже решили свои проблемы. Мне иногда хотелось спросить: брат, а как с таким подходом ты пропустил меня? Но я был слишком вежлив и тактичен для этого. Я просто учил тех немногих «моих» правильным ответам.

По правде говоря, если понимать наши установки, каждая из них имела свой изъян. Собери всех бунтарей — и получишь хаос, где бунтари бунтуют друг против друга. Собери этих самых уравновешенных людей — и утонешь в энтропии. Как там у классика — «он не заслужил свет, он заслужил покой».

А если глубже посмотреть? Попытаться увидеть не слова, но посыл, который стоит за каждой позицией? И тогда картина становится куда сложнее. Потому что запрос, стоящий у корней упования Марсия, — это запрос на статическую систему. А мой запрос — это запрос на динамику, риск, напряжение, без которого просто невозможно накопить достаточно энергии. И здесь случилось одно событие, ставшее для меня переломом. Пустячок. Могу себе представить, как для внешнего читателя странно, что два взрослых человека придают такое значение пустякам.

Анкета для неофитов. Оформленная, отпечатанная, стилизованная. Красивая, в отличие от белых бумаг прошлого. Вопросы вроде бы все те же, старые. С разницей в одного троянского коня:

«Как относятся близкие к вашему желанию вступить в Орден?»

Коварный, отвратительный вопрос, по сути переступающий сам дух Телемы. Вопрос, подразумевающий, что одобрение или хотя бы согласие родителей является чем-то обязательным для кандидата, а если его нет, то лучше не надо. Согласие или хотя бы безразличие родителей к решению кандидата вступить в Орден стало еще одним, скрытым, прямо не называемым условием для посвящения. И этот пункт фактически

низводил кандидата до раба своих родичей, своей биологической семьи. Не знаю, сохранился ли этот антителимитский, нарушающий сам дух Книги Закона вопрос сейчас, слишком давно отошел я от внутренних дел ОТО, но существование этого пункта на протяжении не одного года стало самым грязным пятном в истории российского ОТО. Ах, мои дорогие, а как бы отнеслись родители Кроули к его желанию вступить в Золотую зарю, а потом и в ОТО?

Все остальные расхождения, противоречия, недопонимания были преодолимы. В конечном счете, наша общая работа усиливала нас всемеро: я проталкивал, Марсий сдерживал, в итоге, на этом хрупком равновесии строилась устойчивая арка. Две слабости, создающие одну силу.

Но когда я читал этот пункт, мне показалось, что мне плюнули в самое сердце. Это было оскорблением лично мне. Конечно, я понимал, что никто не пытается таким образом меня задеть. Но от этого понимания оскорбление, нарушение всех идеалов не переставало быть таковым. Я смотрел на экран монитора, а видел живую гадюку.

Примерно тогда же или немного позже произошла история, из-за которой я существенно подрастерял авторитет в Ордене. Среди множества моих респондентов, с кем переписывался я по тысяче и одному вопросу, был один. В ком, как мне тогда казалось, я увидел отражение себя, то же самое отчаянное желание пройти перерождение, вывернуться наизнанку, освободиться от ненавистной шелухи провинциального свинцового гнета. Казалось, он был словом ответа на запрос, кидаемый всем моим нутром мирозданию: мне нужен собеседник, который знает те же чувства, что знал я.

Эверон. Переписка длиной в год, ставшая потом «Книгой писем», выложенной на сайте в открытый доступ. Переписка с Эвероном продолжалась почти год. Как и я, в далеком 1999-м он нашел в своей душе две конфликтующие противоположности, под моим руководством осваивая движение воображения по соединению этих противоположностей. Постепенно, назло своим очень «правильным» родителям, он начал выполнять некоторые базовые одиночные ритуалы. МРП, Звездный рубин. И каждый ритуал отдавался какими-то новыми состояниями души, переживаниями, прозрениями. Кажется, он был живым. Постепенно мы пришли к тому, что наша переписка представляет особую ценность — для всех, кто, возможно, будет проживать то, что проживаем мы, и прорываться к тому, к чему прорываемся мы.

Эверону не повезло куда больше, чем мне. Я родился в Калуге, свинцовой провинции, которая все же располагается близко к Москве, и с одиннадцати лет я чувствовал себя, словно железная стружка, притягиваемая огромным магнитом. Я мог приезжать и уезжать. Эверон родился в Находке. Это около восьми тысяч километров от столицы, почти противоположная точка на шарике под названием Земля, пространство, запечатанное в себе самом.

На чудо я не надеялся. Мы могли только мечтать, что когда-нибудь он переступит порог настоящей инициации. Наша книга писем подходила к концу, произошли действительные трансформации. Но как вставить камень в достойную оправу, как дать ему необходимое пространство для реализации? Никак. Никакой надежды.

Когда чудо невозможно, но должно произойти, — оно происходит. Когда идущий действительно открывает шесть дверей, седьмая, к которой нет ключа, вдруг открывается сама.

Чудо звали Черубиной. Экзальтированная барышня, изначально искавшая специалиста, который мог бы помочь ей в ее амбициозных планах в области кинематографа, через меня познакомилась с Эвероном. Влюбленность по переписке? Страсть по переписке? Любовь по переписке? Или просто стареющая женщина уцепилась за свой шанс наконец-то устроить свою личную жизнь в максимально безопасной для нее форме — с мальчиком из провинции, из которого она вылепит все, что захочет. Как бы то ни было, невозможное стало возможным: двадцатилетний

девственник Эверон начал готовиться к переезду в Москву, и даже деньги на билеты выделила его будущая пассия.

По приезде я застал весьма жалкое зрелище. Эверон реально боялся ходить по Москве один, без Черубины, боясь, что его «изобьют гопники». Какой странный страх — во-первых, в провинциальной Находке оказаться избитым куда более вероятно, чем в Москве на людных улицах, а во-вторых, встретить он этих самых бандитов в действительности — как, по его представлениям, его могла бы защитить хрупкая барышня? Впрочем, у неврозов свои законы, а бедолага Эверон оказался в полном подчинении у пассии. Лично я видел его лишь один раз, когда под конвоем Черубины он приехал к нам в Калугу на Гностическую мессу.

И да, важное. Документы были уже поданы, и через какой-то месяц должно было состояться его посвящение в минерваль.

А потом произошел, пожалуй, самый нелепый из возможных скандалов, углубляться в подробности которого я не хочу. Ошибку допустили оба. Я высказал все, что думаю о его новом имидже, где вместо Бродского и Юнга в интересах указаны турбосолярии и гламур. Черубина начала его прорывать с самого начала. В ответ, конечно, он разразился оскорблениями. Посвящение было отменено. Я сожалел, я искал любые возможные пути пойти на попятный, но я был не просто собой, я был представителем Ордена, и решить вопрос миром, найти точку, где градус конфликта можно было бы снизить, не представлялась возможным. И конечно, Черубина. Она хотела обладать им всецело.

Какая идиотская ситуация — когда ты не можешь даже отступить, потому что нарушены правила игры, и даже если ты отступишь — никто не вернет его право посвящаться. Ты — заложник своей роли. Братья и сестры даже не понимали меня, думая, что моя трагедия — это стыд и печаль за неудачного кандидата.

Я помню тот, третий из важных разговоров с Марсией. Когда после Армалена я писал книгу, чтобы его «разоблачить», думая, что наш разрыв окончателен и бесповоротен, за десять лет нашего общения этот разговор был единственным эпизодом, честно описав который, я мог бросить на него тень.

Сейчас этот разговор можно было бы забыть. Потому что, по правде говоря, этот разговор — это единственный настоящий компромат и, быть может, обнародовать его и есть чудовищная неблагодарность. Увы, Азазель мне не оставляет права на умолчание. В противном случае, все мои слова о «неангажированности» будут лишь ложью, а я нарушу свои же правила, как нарушил свои правила Марсий, снисходительно отнесшись к действиям одного из участников форума лишь потому, что это свой.

Итак разговор. Сперва, он утешая меня, говорил о необходимости держать дистанцию между собой и учеником, необходимостью жесткого взгляда «сверху вниз», необходимостью отвечать на вопросы с позиции власти, авторитета. Если учитель сказал сажать морковку вниз головой ученик должен делать это не задавая вопросов.

Но больше всего меня поразило другое. «Ты же понимаешь, — сказал Марсий, — что мне тоже не очень хочется играть эту роль, смотреть сверху, ведь мы представляем для них авторитет. Конечно, нам хотелось бы говорить просто и на равных со всеми. Но это нельзя». «Да, ты прав, — в ответ на мои слова о смирении и недопустимости гордыни, — каждый из нас червь и не имеет права на гордыню. Да, и ты, и я как отдельная единица — черви. Но Орден велик. И поскольку велик Орден, велик каждый из нас, как его представитель».

О Марсии говорят многое. От нелепой, грязной клеветы, в которую и поверить невозможно, до выверенных, продуманных обвинений, которые трудно опровергнуть. Правда в том, что за десять лет я не знаю ни одного слова и ни одного факта, который всерьез бы мог бросить на него тень. Ни одного, кроме этого разговора.

Ибо, сам о том не подозревая, Марсий совершенно незаметно перепутал нечто, имеющее отношение к картам и координатам неких неизменных основ бытия. Правда в

его словах в том, что каждый из нас одновременно и червь, и бог, и ничтожен, и велик. Но наше величие рождается не из того, что мы являемся частью Ордена, сколь бы ни был велик Орден. Величие невозможно позаимствовать. Каждый из нас велик лишь потому, что за нами стоит Иное. И да — каждый из нас ничтожен своими комплексами, страхами, детскими желаниями. Правда в том, что каждый из нас и червь, и бог. Но богами нас делает не факт посвящения даже в самом древнем и сильном Ордене. Этот факт может помочь раскрыть бога, цепочка инициаций и поддержка братьев и сестер может помочь на этом пути, если мы действительно готовы безоговорочно и яростно броситься в эту пылающую бездну, не оглядываясь. Но сам по себе факт посвящения не дает ни величия, ни божественности, она может раскрыться с помощью ключей, которые дает Орден, а может и не раскрыться, точно так же божественность может раскрыться и вне любых орденов.

После этого разговора много лет я искренне был убежден, что Марсий — вообще не маг и в принципе не имеет связи с иным. Сейчас я понимаю, что повелся на внешнюю иллюзию. Правда в точности обратная: во всем нынешнем Ордене он едва ли не единственный, за кем стоит огромная сила.

Однажды я ходил глубоко и решил посмотреть, стоит ли за ним кто-то и если стоит, то кто. Самаэль. Мощь, о реальности, буквальной реальности которого, как это ни удивительно, не подозревает сам же Марсий. И вот в этом его главная трагедия, главный разлом. Лев, в полной уверенности считающий себя если не ягненком, то каким-то крупным, но все-таки травоядным.

Компромат? Да. Подмена? Да. И все же это только одна сторона. Правда в том, что сей печальный разговор произошел в очень особом контексте. Контексте, когда главный мой рекомендуемый потерял лицо и стал причиной потери лица для меня в глазах всех братьев.

Как я прекрасно вижу его главные слабости и не могу понять, ну как же при таком уровне можно их не замечать, точно так же Марсий видел мои. Неумение ставить границу. Неумение принимать форму власти. Слишком глубокая ненависть к власти, прожитая в основу, так что я действительно не могу обратиться к этой форме, даже когда это нужно. Поэтому, когда я ушел создавать свой проект, я таки встретил своих серых, которые зашли с другой стороны. В этом разговоре Марсий пытался подарить мне еще одну форму, еще одно оружие — плеть, я же в ужасе отталкивал это оружие, считая любое проявление власти формой Иалдабаофа. Как показало время, я ошибался не меньше и не больше, чем он, просто каждого из нас серые ловят на своих слабых местах. Он — со слишком большой дистанцией, я со слишком маленькой.

Но главная ошибка в этих словах глубже. Марсий прав: Орден велик и уникален. До сих пор я не знаю ни одного аналогичного института, который сохранил ритуалы инициации, реально способные помочь раскрыть другие модальности бытия. Но Орден — инструмент. Орден равно Чаша. И эту чашу держит рука Госпожи, рука Бабалон. И отдавая должное красоте и цельности чаши, нельзя забывать, что рука, держащая ее, куда более важна.

Тогда, после этого разговора, я впервые и задал себе этот страшный вопрос. А что, если пройдет время и на смену Марсию придет другой, кто действительно будет заставлять сажать морковку вниз головой, а то и делать что-то похуже? Что, если появится кто-то, кто захватит власть в Ордене, и Орден с теми же инициациями и символами больше не будет в руках Бабалон, а окажется в других, куда как менее чистых руках? Что, если когда-нибудь чашу перехватят?

Удивительно, что сначала пришли такие страхи. А немногим позже — они чуть было не осуществились. Конечно, история не знает сослагательного наклонения и грязным рукам таки не удалось украсть и присвоить себе Чашу. Но ведь Орден был в одном шаге от этого, в шаге, от которого спасла только чрезмерная глупость и излишняя спешка вора. А если следующий серый будет более изощрен и осторожен? Поэтому

хочется пожелать тем, для кого Книга Закона станет таким же ключом, как и для меня: друзья, всегда смотрите прежде всего на руку, которая держит эту прекрасную чашу с вином посвящения, и пока это рука Богини — все хорошо.

Ой не прост наш спор, ох и глубокие корни он имеет, как будто дублируя очень древний спор отцов церкви о том, кто важнее — Христос или Церковь? Или они равны? Блаженный Августин был первым, кто поставил церковь на первое место, и мы все знаем страшную цену, которую заплатила церковь за это нарушение субординации.

Кому-то эти вопросы покажутся простыми. Поверьте — это далеко не так явно и очевидно, когда вы читаете это на бумаге. Окажись вы в самом удивительном, полном символов братстве, где совершается самый прекрасный на земле ритуал — Гностическая месса, вероятность сместить акценты будет не просто большой, но огромной. Рука или чаша? «Пьем-то мы не с руки, а из чаши, не так ли?» — вот прямо слышу я в ушах парирующие слова брата Марсия. И здесь вырастает стена непонимания, ибо до того как я открыл Орден и даже до того как узнал ее имя, я всегда пил из Ее руки.

Однажды, уже гораздо позже всех описываемых событий, мне передали слова Марсия, что он не понимает мотивов, из которых действую я. Парадокс, но то же самое я могу сказать про него. Несмотря на уже почти семнадцать лет нашего знакомства.

Я думаю, что принципиальное отличие между нами одно. Это отличие очень сложно поймать, уловить, оно едва формулируется в слова, и даже будучи сформулированным, очень легко может оказаться непонятым. Единое или двойное?

Для меня, на уровне принципа, есть только одна реальность. Реальность Сакрального, реальность Магии, реальность Великого Делания. И в эту реальность включено все. Я читаю книгу — и я спрашиваю себя: почему эта книга попала именно мне и именно сейчас? Или, после событий 2018-го, — почему кто-то из единой Тетрады направил меня соединиться с этой книгой в процессе познания? Если в моем мире появляется какой-то новый человек, будь то возлюбленная, друг, враг или даже новый приятель и партнер, — я автоматически спрашиваю себя, какую мою часть, какую грань моего мифа выражает этот человек. Если я смотрю фильм и этот фильм поражает мое воображение, я спрашиваю себя — как и в чем эти персонажи и этот сюжет являются мной? Этот процесс самовопрошания и самопознания происходит практически на автопилоте, мне даже не нужно применять к этому волевые усилия.

Некоторые ответы приходят сразу, некоторые становятся ясны через годы, но всегда я нахожусь в единой реальности, где разворачивается мой магистерий, состоящий из снов и яви, будней и выходных, обычных дел и участия в мистериях и ритуалах. Одно происходит из другого и продолжает другое. Каждая моя любимая книга, песня, фильм — это нечто «про меня», иногда — вот прямо про мое эго, а иногда про отдаленные части души и сюжеты, прошитые в бессознательном, о которых я и не подозреваю. Каждое мое действие я совершаю перед лицом моих Богов — светоносного Люцифера, прекрасной Лилит, вечно играющего и танцующего Азазеля и Нахемы, суть которой — Черный огонь. Потому мне жизненно важно, чтобы не только действия, но и мысли, мотивы, устремления были красивы перед лицом моих богов, чтобы я оставался подлинным, даже если это будет полным безумием с точки зрения других людей и принятых норм. Я всегда под взглядом моих возлюбленных богов.

Это не означает безупречности. Дальше читатель столкнется с целым рядом ошибок, уродливых действий и поражений, которые происходили, когда я неверно читал знаки пространства и оказывался захвачен каким-либо своим комплексом. Но даже эти события в итоге рассматриваются мной как ступени, по которым мои Боги через жестокие уроки разворачивают свои плетения и рисуют узор моей жизни, ибо истинно красивая картина не может обойтись без контрастов.

Я всегда в центре моей мистерии. Это не хвастовство, не преувеличение, и у этой позиции есть большая опасность спутать знаки пространства и впасть в инфляцию, потому я парадоксально понимаю и принимаю, что каждый из тех, с кем я оказался во

взаимодействии, также находится в центре своей мистерии — у одних похожей, у других — совершенно противоположной, и эта мистерия так же непостижима для меня в полной мере, как моя мистерия для них. Я не понимаю, как вообще может быть по-другому. И именно поэтому я не могу понять Марсия.

Для Марсия есть два мира. Есть мир сакрального. Мир Магии. Ритуал. Инициация как его высшая форма. Ежедневный ритуал, гээтия, чтение священных книг, подготовка материалов по магии. Все это — сакрально, достойно и благородно — иначе ему не удалось бы написать одну из самых полных и детальных работ по Телеме не только в России, но и в мире. И есть мир профанного. Мир случайного. Мир других людей, событий, которые разворачиваются в какой-то иной перспективе и лишь изредка, через какие-то особенно важные синхронии, которые и у Марсия бывают, могут соприкоснуться.

Когда год за годом я пересматривал его любимые фильмы и вчитывался в его любимые книги, порой они говорили что-то обо мне, а порой я не мог это нащупать. Но никогда я даже приблизительно не мог понять, а что в них о нем, что про него. Возникает ощущение, что, воспринимая искусство, философию, оккультизм, он почти всегда познает их как нечто внешнее, не имеющее к нему прямого отношения, кроме того эстетического и интеллектуального удовольствия, которое они ему дарят. Конечно, то, что это удовольствие дарят именно эти книги и фильмы, наверняка очень сильно и глубоко говорит про него, но смотрел ли он когда-нибудь на свои предпочтения с этих позиций? Я сомневаюсь. Или он так тщательно маскирует свой душевный мир? Но если так то зачем?

Это видно в тех противоречиях, которые я приводил ранее. Обе позиции понятны но в обоих — есть совершенно разный центр отсчета.

Начав строить свой проект — как и Марсий я столкнулся со своими Серыми Вестниками. Поверь мне друг мой — вы не сможете создать ничего, не познакомившись с этими ребятами. Но сталкиваясь с ними, раз за разом я вопрошал себя — чем они были для меня, почему именно они вошли в мое пространство, да в такой уродливой форме? Где было искривление во мне самом. И я находил эти ответы, обучаясь мыслить по-другому, давать в мир другой запрос. Просто для меня все, что происходит в жизни, это всегда «узор игры», «часть разворачивания».

А вот, насколько я понял за эти годы Марсия — для него это не так. Магия, по какой то непонятной для меня причине, ограничена для него строго очерченным пространством, все остальное — «реальная жизнь», которая подчиняется своим законам, не имеющим отношения к субъекту магии. И это заблуждение — у единственного обладающего магией и только своей магической волей создавшего первый оккультный орден в России.

Именно здесь — главная ошибка, которая будет стоять надломом в далеком будущем. Если мы допускаем двойственность, рано или поздно одно начнет пожирать другое. И либо сакральное поглотит профанное, и мы будем видеть все как игру богов и разговор САХ с тобой, либо профанное поглотит сакральное, превратив ритуал в некую социальную условность.

Спрашивал ли он себя, что означает появление серых как часть его делания, что они выражают в его жизни и его душе? Хоть на секунду мог ли он допустить, что они появляются потому, что в нем есть нечто, притянувшее именно их?

Понимает ли он, что считаемое им некоей универсальной нормой на восемьдесят процентов есть лишь его представления о норме, а поскольку он очень могущественный маг с могущественной волей, реальность вокруг него начинает закручиваться вокруг этих представлений, каждый раз их еще более подтверждая?

Понимает ли он, до какой степени Боги Телемы, Идеи Телемы (ну, например, герметическое «что вверху, то и внизу» или клятва «рассматривать все события моей жизни как акт взаимодействия моего Бога с моей душой») следует понимать строго

буквально, делая центром и осью своей жизни именно их, а не некую универсальную норму и универсальные требования жизни и мира?

Ставшие банальными слова Макаревича «не стоит прогибаться под изменчивый мир, однажды он прогнется под нас» в оккультном контексте стоит понимать строго буквально, потому что ты и мир одно, и то, что ты считаешь миром, лишь твоя картина мира. Догадывается ли он, сколько интереснейшего опыта он упускает, заключая себя в границы одной заданной формы?

Последний серый — Хирам, создаст для Марсия и для Ордена надлом, длинной в пять лет. Именно пять лет, после раскола с Хирамом Орден вообще не проводил посвящений новых членов, в лучшем случае посвящая одного, двух человек за пару лет. Потом посвящения возобновились, но надлом все еще оставил свой след.

Впрочем, я помню того Марсия, которым он был двенадцать лет назад. Вот уже несколько лет наше общение с ним происходит раз в месяц, когда я забираю книги на продажу. О нынешнем Марсии я не знаю почти ничего. Кроме одной мелочи. Его увлечение гоэтией, курс по которой появился в колледже Телемы, похоже, привело к тому, что ему удалось призвать очень правильного Демона... И похоже, это действительно дает шанс свершить свой магистерий в полной мере. Свершит ли? Об этом знают только боги, а у каждого из нас своя игра и своя миссия.

Очень может быть, что наше сотрудничество продолжится. А может быть Марсий не простит мне того что я написал все, в том числе главу про Панночку во второй части и произойдет разрыв. ДО этой главы мы еще дойдем. В любом случае, я дал клятву моему Богу писать все, а значит — не могу оглядываться даже на него, сколько бы он мне не сделал хорошего.

Глава 18. Падение Саши С.

*Лестригоны пришли вместе с бархатным западным ветром,
Разлетелись по рваному небу вареные раки,
Затрещали мозги от холодного лунного света,
Заколдобились где-то внутри афродизиаки.*

*Группа «Кооператив Ништяк», из песни
«Падение Саши Соколова»*

Стоит почитать многочисленные статьи, заметки и домыслы, которыми окружен Орден в пространстве мировой паутины, и становится ясно: в глазах непосвященных Орден — это некое пространство, вся магия которого сводится к одной непрекращающейся оргии, причем в качестве партнеров по оргии могут выступать не только представители противоположного, но и своего пола, животные, трупы и вообще все, что движется и не движется. Раз за разом секретарям ОТО приходится отсеивать весьма характерный и узнаваемый тип неофита с бегаящими глазками и дрожащими ручками, убежденного, что за порогом инициации его будет ждать множество доступных красавиц в одном непрерывном совокуплении.

Мечты, мечты... Что тут сказать — мечтать, конечно, не вредно, но порой однообразность таких мечтателей несколько раздражает. Возможно, для кого-то это покажется удивительным, но собрания Ордена не просто не проводят оргий в принципе, но даже гораздо целомудреннее самой обычной студенческой тусовки. Меня, прибывшего из компании «магов», где после тусовки все могли расползтись по комнатам и совокупиться, порой перепутав партнера, раздражала и даже несколько шокировала эта подчеркнутая сексуальная сдержанность, всегда царившая в пространстве официальных собраний.

Но поскольку читатель ждет пикантных деталей, то, напрягши память, я могу вспомнить одну-единственную оргию, которую шесть братьев и сестер устроили, конечно же, втайне от руководства, «неформально» и которая имела весьма печальные последствия для доброй половины ее участников. История эта — более чем наглядно иллюстрирует, до какой степени реальная сексуальная магия отличается от всех популярных представлений и насколько дорого может стоить самая ничтожная ошибка в этой области.

В тот день я, как, впрочем, и в большинство других дней, благополучно остался дома в Калуге, и мой сон разорвал настоящий кошмар. Я ощутил, как десятки маленьких демонов, теней, слепых оболочек окружили меня, впились в мое тело со всех сторон. Я почувствовал одновременно ужас перед неизбежной гибелью и какое-то, я бы сказал, противоестественное вожеление. Вот уже пять лет мне не снилось ничего подобного, и все попытки сделать Звездный рубин, произнести тайные слова степеней и все прочие меры, обычно прекращавшие любой кошмар, на этот раз были бессильны. Прорвавшееся инферно было гораздо сильнее меня. Мне удалось вырваться, только по какой-то нечеловеческой интуиции закричав «Люцифер!» и этим отбросив от себя впившихся в мою душу голодных духов.

Проснувшись, я не мог понять, что произошло. Было четкое ощущение, что это «не мой» кошмар, как будто я оказался заброшен в совершенно чуждое мне пространство и меня захватили чуждые мне силы. Я записал сновидение и достаточно быстро забыл о нем.

А через несколько дней было назначено очередное собрание Ордена по какой-то абсолютно повседневной, ничем не выделяющейся теме. На эту встречу пришел Саша С. Осколок золотого века. Один из самых ценимых мной братьев, человек, посвятивший жизнь исследованию средневековой магии и даже написавший весьма неплохую книгу по средневековым талисманам, которая до сих пор остается классикой.

Итак Саша С. Я ценил этого брата как человека, который до сих пор умудрялся стоять в стороне от всех, даже самых захватывающих интриг, как то история Дмитрия или Евгения. Лучший собеседник по теологии, гностицизму, герметизму, которого я знал после Марсия, Саша С. был как будто единственным человеком, кто, как и я, обладал редким талантом — талантом наслаждаться мыслью ради самой красоты мысли.

Так вот, Саша пришел, но того Саши, которого я знал, больше не было. Передо мной были мертвые стеклянные глаза, смотрящие в никуда и не замечающие ничего. Время от времени Саша как-то нервно и глупо хихикал, словно подросток, увидевший неприличную картинку, затем этот смех прекращался, и он вновь смотрел стеклянными глазами в никуда.

Первая мысль: Саша под действием тяжелых наркотиков. Но, черт возьми, это интеллигентный мужчина, который и травку-то никогда не пробовал. С чего вдруг ему употреблять наркотик, который к тому же полностью бы выжег ему мозг? Стало очень не по себе. Элли немного прикоснулась к нему ментально: на месте старой личности Саши, нашего брата и собеседника, осталась сплошная серая пустота. Он сошел с ума. Я слышал много историй о выгораниях, о сумасшествиях, о магах, которые «не выдерживали», но все же до сих пор считал все подобное не более чем преувеличениями и домыслами. И вот передо мной сидел человек, выгоревший практически дотла.

Саша потянулся к вину. Стеклянными глазами он впился взглядом в бокал. Никаких слов, никаких агрессивных движений — ничего. Но все взоры были прикованы к нему. Слишком очевидно было произошедшее. Мертвый. Мертвый изнутри. Это чувствовал я через Элли, остальные просто качали головой и думали, что он сошел с ума. Что, впрочем, одно и то же.

Саша взял бокал и, не отрывая взгляда, начал очень медленно лить вино на пол. Повисла гробовая тишина, после которой, кажется, одна из сестер словно опомнилась и

отняла у Саши кружку. Он не возражал. Просто невразумительно мычал. «Может, он пьян?» — сказал кто-то с надеждой. Увы, таких пьяных не бывает.

Саша не восстановился. После этого собрания он исчез из Ордена, но продолжал вести блог, однако вместо прекрасных текстов о средневековой культуре в этот блог стала выплескиваться самая нелепая, самая низменная и примитивная грязь, в которой он то описывал свои отношения с любовником (до сих пор никто не знал, что он гей) в таких подробностях, которые не были бы интересны ни натуралу, ни гею, то писал, что болен СПИДом, то через пару недель — что пошутил, то воспроизводил нелепый поток оскорблений в адрес своих бывших братьев и сестер. Один раз, через три года, я увидел Сашу вновь. Я надеялся, что он восстановится, и да — социальные функции, способность ходить на работу и механически выполнять свои привычные дела сохранилась. Но под крышкою черепа все так же оставалась серая и непроглядная пустота. Мертв при жизни.

Но что же случилось с бедолагой? Постепенно, расспрашивая братьев и сестер, узнавая тонкости и детали, я восстановил картину произошедшего.

Все началось с того, что за пивом в неформальной обстановке собрались трое братьев. Слово за слово, алкоголь в голову — и все разговоры стали вестись исключительно о магии, то есть исключительно о сексуальной магии, да не разговоры, а сожаления: мол, как же низко пал нынешний Орден со времен Алистера, и что вокруг «цветет медвяный вереск, а меду мы не пьем», и как прекрасно было бы сотворить полноценный сексуально-магический ритуал, и не просто ритуал — а ритуал во имя самой могущественной Богини. Призвать! Увидеть! Уподобиться нашему пророку в неистовствах блуда его! А между строк звучало что-то вроде — надо бы придумать хорошую сказку, чтобы развести наших прекрасных сестер на секс.

Слово за слово, братья позвонили сестрам. И к общей их радости, сестры согласились. У одной из сестер были серьезные проблемы, и ей нужен был какой-то шоковый ритуал, другая искала острых ощущений, а третья... Впрочем, о третьей я лучше не буду, ибо не хочу ужасать моих читателей.

Сказано — сделано. На коленке был написан ритуал Гекаты, в котором в оргиастическом экстазе должны были слиться шестеро. Впрочем, есть подозрение, что мужчины шли в этот ритуал, чтобы хорошенько откушать верескового меда, то есть потрахаться. А женщины... Женщины шли работать с Гекатой. И вот после всех алкогольных возлияний, ритуальных воззваний, уже в момент самого соития произошло то, чего абсолютно точно не ожидал никто из мужской части населения. Геката пришла. И к ее приходу никто готов не был...

Что вы увидели тогда, дорогие братья и сестры? Что увидели, что поле вашей «оргии» распространилось в эту ночь на всех остальных братьев и сестер ложи, связанных с вами нитями магического братства, но слыхом не слыхивавших о происходящем? Что увидели вы тогда, если один из участников «ритуала», старый вояка, в девяностые занимавшийся бизнесом на грани фола и привыкший смотреть смерти в глаза, после этого ритуала полгода пил напропалую? Что увидели вы такого, что другой, самый сильный брат три месяца после ритуала провел в тяжелой депрессии, а после мягко и бесшумно отошел от Ордена? Что увидел Саша С., что насмерть, необратимо, тотально сожгло его мозг? Говорите — оргии, сексуальная магия, тотальный разврат? Вы оптимисты, господа фантазеры, да кто вообще способен его выдержать — тотальный разврат? Одна-единственная ритуальная оргия с участием шестерых практиков, весьма давно занимающихся магией, повергла всех в ничто, а одного сожгла необратимо.

И задавая себе эти вопросы, я поймал себя на мысли, что вместо «разумных» чувств осторожности, я почувствовал новый, незнакомый мне доселе интерес. Что же за оружие такое — сексуальная магия? Сунул-вынул, прочитал нужные формулы и слова — всего-то делов. И — напроць, до смерти выжженные мозги. Один из последних помнивших золотой век Ордена братьев превратился в выжженную дотла пустыню. Что

вы видели? И — главный вопрос, который стучался в сердце: а что будет со мной, если это увижу я? Выдержу ли? Произошедшее, сперва испугавшее до чертиков, постепенно стало восприниматься как вызов, идущий из глубин. А что будет со мной, если я войду в полноценную оргию? А что вообще в этом мире могло бы уничтожить мой мозг, если не прибегать к физическому насилию, какой Воле я, Атон, Олег Телемский, могу бросить вызов, чем могу испытать себя, чтобы понять? Понять, что могу?

Конечно, о том, чтобы повторить подобный эксперимент в границах Ордена, с этого момента не было и речи. Марсий прочитал проникновенную речь о том, что, конечно, сексуальная магия — это звучит соблазнительно, но если вы не достигли знания и собеседования САХ, а это годы и десятилетия практики, то рискуете превратиться в нечто похожее на то, что наблюдали на предыдущем собрании, и вообще — чтобы выстроить правильную сексуальную магию в паре, достичь нужной сонастройки, нужно титаническое усилие, огромный уровень осознанности и дисциплины, а что же касается любых групповых практик, о которых вы, конечно, могли читать, то если они и происходят, то уже между адептами, пересекшими бездну за пределами девятого градуса. Это был почти запрет, хотя слово «запрет» как истинный аристократ Марсий не говорил. Но, черт возьми, он умеет дать понять, что имеет в виду, без прямых указаний.

И опять две чертовых правды. Пиши я об этом десять лет назад, я бы просто зашелся в гнев: лицемерие, пуританство. Но сейчас, после того как уже несколько раз сам не позволил в рамках моего проекта устроить оргию, я понимаю Марсия и его мотивы. Просто немного не рассчитал масштаб.

Неприятно видеть, когда твой брат, которого ты знал десять лет, одномоментно превращается в овощ, а потом начинает изливать потоки беспричинных оскорблений. И все же, даже если предположить, что вступив в Орден в двадцать, мы достигнем девятой степени к пятидесяти, едва ли в этом возрасте мы сможем оценить всю полноту и восторг сексуальной магии.

И опять разница. Там где он видел угрозу, я видел вызов. Ответить на который теперь не было никакого, даже самого призрачного шанса, едва ли кто-то из братьев или сестер пошел бы против негласного табу Марсия, да и сами последствия были более чем наглядными. И все же я понял одно. Сексуальная магия, оргия — это шанс перепрыгнуть человеческое. И либо сгореть к черту, либо... Вот что находится за этим вторым «либо» — тогда я едва ли смог бы себе ответить. До этого момента я не помышлял ни об оргии, ни даже о возможности измены. Но падение Саши С. стало для меня вызовом, и я больше всего на свете хотел принять этот вызов.

Увы, после этого эпизода в Ордене на долгие годы о сексуальной магии стали говорить шепотом. Как будто не только на сами практики, но даже на само обсуждение в легкой, естественной форме, как то учил Алистер наш Кроули, было наложено абсолютно незримое вето. Как будто целый пласт учения пророка перешел от света в тень. Мелочи. Нюансы, которые можно прочувствовать, только находясь внутри, и которые со стороны кажутся ничего не значащими пустяками. С сайта исчезает непристойное изображение Бафомета. С сайта Ордена исчезает раздел сексуальной магии, переехав на относительно нейтральный внешний проект, формально не связанный с Орденом. Как будто появляется нечто незримое, что уже даже не только сексуальную магию, но и саму сексуальность объявляет темой, о которой не стоит лишний раз говорить. Осуждать, гнать и запрещать, конечно, не будут, но мягко дадут понять о нежелательности, неприличности подобных тем.

И это — Телема? И это — последователи Алистера нашего Кроули? Насмешка Хоронзона: в самой обычной, профанной, человеческой, слишком человеческой компании студентов темы секса обсуждают легче и непринужденнее, а многие действия делаются куда естественнее, чем в Ордене, который, вообще-то, подразумевает раскрепощение как условие трансформации. Я оглядываюсь вокруг себя и понимаю —

мои калужские провинциальные маги, посмеивающиеся на тему излишнего, с их точки зрения, акцента на сексе в наследии Кроули, гораздо более свободны и непринужденны в этом вопросе. Вот уж правда — приехали.

Ну нет, лучше сойти с ума, как несчастный Саша С., чем хоть раз согласиться опустить глаза, отвернуться от неудобного, начать смущенно моргать.

Третий священный ключ. 2005

Глава 19. Белый блюз. Джубелум

*...вставайте под наше
Серое знамя,
Пока мы еще берем.
Группа «Агата Кристи», из песни
«Серый траур»*

Вот мы и подбираемся к самой тяжелой странице в истории Ордена. Истории Надлома. Надлома в том смысле в каком это слово использует великий Тойнби. И именно потому, что история тяжела, она обязана быть осмысленной, отрефлексированной, психологически вскрытой и уже после этого — на этот раз окончательно закрытой, закрытой на смерть вторую, где ей самое место. Потому что надлом, произошедший с Руцким, здесь начал входить в свою силу.

Так было и так будет всегда. Система, давшая внутри себя слабину, неизбежно вызывает на себя огонь Серого хозяина. Если кто-то боится, прячет от себя что-то — тот обязательно наведается в гости и пошлет своих самых сильных, самых проверенных аватар.

Серый хозяин. Князь мира сего. Глупые христиане отождествили его с Люцифером. Эх, кабы Люцифер действительно был правителем этого мира! Правда в том, что за всю историю человечества единственный случай, когда Люцифер начал на какое-то время побеждать и даже занял позиции власти, — это краткий миг эпохи Возрождения, когда правили бал великие дома Люцифера — Медичи, Борджиа. Все остальное время мы были в полной, глухой, безнадежной и заранее обреченной оппозиции. И в те краткие мгновения, когда принцип Люцифера, казалось, вот уже вышел на поверхность, очень быстро происходило нечто, сводящее на нет все, что было до этого. Серебряный век — и революция. Альбигойская ересь — и альбигойский крестовый поход.

Серый хозяин. Чистая персонификация слепой системы, где ты — лишь жалкий винтик, часть безличного целого. Где принцип взаимного пожирания — это вечно подразумеваемое, но никогда не называемое. Там, в сером мире, не имеет значения ничего — жизнь, правда, свет, индивидуальное свечение. Есть только безличный, мертвый серый принцип, где в каждом маленьком человеке живет наполеон, а власть и целесообразность — единственная настоящая реальность, которую принимают во внимание, что бы ни говорилось на словах.

Серый пожирает души. Он питается их энергией. Серый — это тот, кто всегда стоит наготове, и стоит вам дать малейшую слабину, начать верить в реальность его мира, сместить точку отсчета со своей правды на правду этого мира, и вот — серые семена, точно Чужие в культовом фильме ужасов, уже поселены туда, где должен быть свет Люцифера.

Серые бывают разные. В этой главе, речь пойдет о чистом, идеальном, предельном сером, всецело воплощающем свой принцип. К счастью, серые такого уровня и класса встречаются достаточно редко. Обычно выжженные Серым души представляют собой жалких, вечно недовольных, отравляющих пространство своим страданием и своей болезнью неудачников.

Надо иметь мужество признаться себе — нет среди нас безупречных, нет лишенных Тени, нет тех, кто был бы застывшим выражением идеала. И чем ближе вы к истоку, тем более изощренными будут ловушки, что приготовят нам наши же собственные серые пятна, за которые как за ниточки дергает Серый хозяин.

У Серого два оружия: страх и желание господства. Кто послабей — ломается через страх. Кто посильнее — через власть, возможность принуждать, подчинять, насиловать, унижать. Власть как базовая константа бытия. Главная истина в том, что если вы убеждены, будто в вас нет его вкраплений, что над вами-то он не властен — вы уже проиграли.

Чем меня всегда удивляли рядовые серые — так это поразительным «бескорыстием». Черный злодей может совершить свое черное дело, следуя за ощутимой выгодой для себя. Но для серого сделать мелкую или крупную пакость, ботинок отдавить, на спину плюнуть, жизнь поломать — это не корысть, не способ получить выгоду для себя любимого. Это — сам принцип его бытия.

Я думаю, что нет ничего более важного здесь, на земле, чем вовремя увидеть серый принцип — в себе и в другом. Но если ты не знаешь его в себе, как узнаешь, когда серый подойдет к твоему дому? И единственный путь защиты — это научиться отстраненному, абстрагированному взгляду на себя, взгляду не оценивающему, а исследующему.

Первые два типа — они, в общем, понятны и известны. С рядовыми серыми, думаю, каждый сталкивался: всегда найдется один такой серенький в начальниках или в коллегах, который все отравит, засрет, и ведь одно удивляет — зачем это ему, самому же

выгоды от этого ноль. Более тяжело пораженные серые оставляют ощущение, что они психически больны. Они полностью выхолощены, их жизнь, по сути, представляет пустую серую форму, лишенную какой-либо радости, и горе тем, кто войдет с ними во взаимодействие.

Но есть и третий тип. Серые аватары. Первые два типа — обычно представляют собой просто ну очень хилую душу, неспособную смотреть в глаза боли. Чем душа хилей, тем легче серая мерзость в ней приютит — все просто до невозможности. Этим психологи любят злоупотреблять: мол, любая негативная эмоция, любая пакость — это такой запрос о любви. Ну и любите серую хмарь, господа психологи, сколько вам того хочется. Впрочем, в словах психологов тоже есть правда. Потому что по большому счету серый — это серебряный, который просто отказался светить. Поэтому бывает и так, что, благодаря сильному свету того или той, кто рядом, серый может проснуться, очиститься, что-то начать понимать. Впрочем, вероятность подобного ничтожно мала.

Но к серым аватарам это неприменимо. Первыми двумя обычно становятся (если не считать врожденной склонности к психической неустойчивости в первом случае). В третьем случае — такими рождаются. Приходят уже такими. И нет смысла искать травмы, плохих родителей, тяжелые условия им в оправдание — в тех же условиях могут и нормальные люди вырасти, и даже те, кто сможет эти условия поменять. Нет, серые аватары изначально ненавидят живое, видя во всем только средство для навязчивого утверждения своего господства и считая всех просто грязью под своими ногами. Но, в отличие от первых двух, у вас очень мало шансов распознать серого аватару. Единственное, что спасает, — так это то, что они несколько нетерпеливы, и даже самые прокаченные серые господа слишком часто совершают фальстарт, не в силах больше притворяться. Но пока масочка не сорвана, у вас нет шанса его распознать.

С Серыми Аватарами хорошо только одно — их не так много в этом мире. Впрочем, когда такой Аватар добирается до реальной власти, это слишком слабое утешение.

Это было большое предисловие к появлению на сцене нашего героя. Фратер Баал Хирам. С самой первой встречи при взгляде на него бросается в глаза его болезненная худоба и тело, испещренное явно «зоновскими» наколками. Тем не менее — для эка невероятно чистый язык, четкая дикция, никаких слов-паразитов, способность очень четко и внятно доносить свою мысль, спокойно, даже как бы доброжелательно, так что невольно проникаешься к нему симпатией.

— За что срок мотал, дружище? — первый вопрос, который, конечно, задаю я на первой же братской пьянке. Смеется. Признает. Как будто уважает за то, что знаю — нельзя говорить «сидел», ни в коем случае нельзя, это на хую сидят, а на зоне срок мотают.

— Да по молодости сидели с ребятами на лавке, пили пиво, никому не мешали, подошел какой-то мужик, начал на нас баллон катить, оскорблять ни за что ни про что — мы и отморозки, и ублюдки. Ну я ему вломил. А мужик полковником ментуры в отставке оказался. Ну и, ясное дело, повязали, пошел по всей строгости.

Вот ведь странное дело: почему-то он сразу вызвал такое доверие, что захотелось ему поверить. Хотя подумай я здраво, включись моя дорогая Элли, поверить, что этот дистрофик еще и в шестнадцать лет мог навалить полкану — пусть и пожилому, пусть и в отставке, — это нужно было быть большим романтиком.

Поверил. И сотворил из нового друга просто идеал героя и борца с системой. Это же надо — полкану навалить! Да реально навалить, так что посадили. Вот это бунт, вот это антисистемность! Я просто дитя по сравнению с ним. Мгновенно сместилась дистанция: от настороженного взгляда чуть сверху — к восхищенному взгляду снизу. Дружище, да за такого человека в наш Орден я сам навалю, друзья навеки!

Забегая ну очень далеко вперед, скажу, что когда Хирам поругался не только с ОТО, но и с некоторой масонской группой, куда более влиятельной, чем ОТО, в итоге

через сложную систему связей удалось достать его дело. Что бы вы думали? Отнял у некоей гражданки сумочку с кошельком на мосту, нанес телесные повреждения, был доставлен в места предварительного заключения и направлен на психиатрическую экспертизу. Документик-то масоны реальный достали, до сих пор этот документ по сети гуляет с сайта на сайт.

А тем временем Хирам почувствовал, что наживка проглочена, и соловьем запел, как он в зоне с первой ходки смотрящим был назначен за то, что ни разу не встал на колени, как его в изоляторе десять суток держали, поломать пытались, как его последние из черной масти признали и смотрящим поставили. Ох, познакомить бы его с кем-то из реальной черной масти, чтобы к ответу призвали за ложь да неправомерно набитые татуировки авторитета. Имел же наглость человек сделать восьмиконечные звезды на коленях, даже я знал, что это значит. Удивительно, как его за такую наглость до сих пор к ответу не призвали, видимо сам Серый лично хранит его от нечаянных встреч.

А я поверил. Доверчивость всегда была одной из моих самых слабых черт. И конечно, я без колебаний согласился подписать ему рекомендацию. Впрочем, Серый смог обмануть не только меня, но и самого Марсия, который куда как осторожнее и недоверчивее. Думаю, секрет в том, что Хирам обладал какой-то нечеловеческой работоспособностью и сразу, с момента своего кандидатства, буквально кидался на любую работу, форумы, программы, короче говоря, соглашался на любую, даже самую грязную работу, которая, конечно, неприятна, но кто-то же должен... Это производило впечатление какой-то тотальной самоотверженности и бескорыстия.

Молниеносный взлет в иерархии Ордена. Еще минерваль — уже помощник секретаря, а через некоторое время — второй секретарь. Почему он вошел так легко? Не потому ли, что кое-кто искренний, романтичный, серебряный изначально несколько устал светить?

Я был рад, что появился помощник. Да, я больше не десница. Но много ли это меняет? Какое значение имеют формальные посты? Наконец-то искренний и преданный брат присоединится к общему делу. В конце концов, секретарство это не было хоть на копейку коммерческой работой, и я даже подумать не мог, что здесь может быть какая-то борьба за власть. Зачем? Прямой выгоды нет, вдвоем работать лучше, чем одному, дополняя друг друга, чего нам вообще делить-то — ни о деньгах, ни о реальной власти, строго говоря, речь и не шла, все равно окончательное решение всегда принимает брат Марсий, выслушав доверенных лиц.

И на первых порах все действительно было достаточно спокойно. Хирам казался мне почти идеалом, героем, воином, пошедшим против системы, ответившим полковнику и за это пострадавшим.

Одна немаловажная деталь: с ним у нас было одно небольшое сходство — в отличие от других братьев и сестер, с самого начала у каждого из нас был свой проект в сети. У меня «Касталия», у него «Теургия». Проекты разные, пересекаются мало, опять же, делить нечего, поле не ограничено, выгоднее же — жить дружно.

Жить дружно не получилось. И через некоторое время, далеко не сразу, а после того, как Хирам получил первую степень, означающую некоторое реальное укоренение, стали поступать неприятные звоночки. Вначале очень тихие. Ну, например, оспаривание ряда моих идей. Вначале по мелочам.

Это и не выглядело как объявление войны. Просто у него одна позиция, а у меня другая. Он — традиционалист, я модернист. Он не любит Юнга и психологию как что-то вторичное, я — точно знаю, что опыт Юнга и опыт Кроули в сущности тождественны. Я — провозглашаю почитание Люцифера и Лилит, которых формально нет в телемитском пантеоне, он считает их демонами, которых только в треугольнике заклинять аки царь Соломон. Ну не может он как «истинный маг» согласиться с моими заблуждениями.

Правда, в какой-то момент стало заметно, что оспаривание моих позиций для него важнее, чем даже написание каких-то оригинальных статей и включение оригинальных

идей. Вот тут я несколько занервничал. Потому что единственная власть, которая была мне нужна, — это власть проводить определенный блок идей и ценностей. Тех ценностей, которые я всегда чувствовал как нечто большее, чем я.

Оглядываясь на себя тогда, поражаюсь я, как долго удерживалась во мне благостная наивность и непонимание, с кем я имею дело. Казалось, нам просто логически нечего делить. Ну ладно бы я деньги имел с секретарства или как-то еще использовал положение в личных целях. Но единственными моими личными целями была некоторая корректировка акцентов в продвижении Телемы.

В это трудно поверить, но сперва я даже обрадовался: вот, мол, возможность с братом в интеллектуальном спарринге попрактиковаться, люблю я диспуты и споры, ведь только в правильном диспуте оттачивается мысль, только правильный спор позволяет кристаллизовать свою позицию, вычленив ее, а уж зрители и читатели пусть сами решают, чья правда им ближе. И ведь, кстати, правда, Хирам стал для меня своего рода антиподом — споря с ним, я наконец начал узнавать, кто есть я. Парадокс. Нам нужен враг, чтобы отделить себя от неопределенной зоны смыслов, в которых «да» слипается с «нет».

Впрочем, овечья шкура стала достаточно быстро спадать. Поругался дорогой Хирам с одной из будущих сестер. И вот с искаженным от ненависти лицом в центре комнаты Марсия он орет на всю ивановскую, что «проломит череп этой суке».

Вот после этой сцены для меня все стало ясно. По глазам было видно — это не бравада, не игра, будь хоть какая-то возможность безнаказанности — и проломил бы, не задумываясь. И не потому, что она его как-то по-особому задела или оскорбила. А потому что нравится ему черепа проламывать и в грязь втоптывать.

Громко сказал, много свидетелей. Но звоночек услышан не был, Марсий в этот момент отсутствовал, а большинство решили что «брат шутит». В этот момент точно понял, кто передо мной, только я. Не рыцарь, не борец с матрицей, не преданный брат стоял передо мной. А серая тварь, до основания сожранная изнутри.

Кстати, вот вам еще один ключик: на отношении к женщине серые сразу палятся. Тут тонкая грань. А тварь плотно вросла в систему — всем братьям лучший брат, а Марсию главный помощник.

Дальше — больше. Никто не делает прыжков — все делают шаги: прошел шаг, а вот и следующий. И уже не только Лилит — злой демон, но и сам Алистер Кроули — пустое место и неудачник. А как же быть с тем, что мы — телемитский Орден?! Как вообще такое может высказываться? По моим представлениям, это если бы в христианской церкви кто-то начал бы говорить, что Христос — лузер и распяли его за дело, и воскресения не было. Не прокатило бы. А здесь стало прокатывать. Очень осторожно. Он ведь казуист почище схоластов, аргументировал — мол, вот есть Книга Закона, и да, это святой текст, который через Алистера пришел, но сам Алистер — это так, гандон использованный — боги его один раз надели, кончили трижды, а про остальное можно забыть.

И все же есть некий абсурд в том, что такие мнения звучали не от гостей, не от сомневающих, а внутри телемитского Ордена. Формально — ну я же признаю святость Книги Закона. А любить и уважать пророка необязательно. Мало ли, через кого откровение пройдет. Казуистика пятисотого уровня.

Оглядываясь, я до сих пор не могу до конца понять — как вообще подобное могло оказаться возможным? И ответ на этот вопрос гораздо сложнее и страшнее, чем хотелось бы дать сразу.

Правда в том, что в какой-то момент Марсий начал тяготиться скандальным, провокационным имиджем Кроули, как бы его немного стесняться. Мы, конечно, телемиты, но... И как много могло войти в это «но».

Так и ведь правда — Кроули, может, кто угодно, но не ангел небесный и не пророк в белых одеждах, выходящий из пещер только для того, чтобы изречь очередную богом

данную истину. В конце концов, даже у самого Кроули была классификация текстов. Класс «А» — святые откровения, а какой-нибудь «развратный роман» или «флотские нужды» — так, бумагомарательство. Но где поставить границу в тексте и интерпретации? Где Кроули пророк, а где автор очередного «развратного романа»? Что принимать, а что нет?

И ведь святая правда, что невозможно взять все, что он делал и говорил, за образец. Он не просто ошибался, он порой так терял себя в своих ошибках, что жуть берет. Чего стоит это клятое убийство кошки в Чефалу или слова о неспособности женщины к магии в Либер Алеф? Так что очень грамотно пролезал здесь Хирам, просто доведя до апофеоза то, что уже имело место и к чему имелись предпосылки.

И все же есть любовь — и любовь. И все же одно дело — не принимать как руководство к действию отдельные крайности гения, а другое — смешивать этого гения с грязью, находясь в пространстве братства, созданного этим гением. Запашок чувствуете? А самое главное, что вместе с Кроули вымывается вся соль, вся живая, трикстерская, провокационная, игровая суть Телемы, отличающая ее от какой-нибудь Теософии или Ордена Золотой Зари. Убери искру — и вот она, готовая вотчина Серого хозяина.

А скоро для меня прозвенел последний звонок. Этот разговор я запомнил на всю жизнь. Когда на очередной пьянке Хирам вдруг стал давать мне понять, что он-то, конечно, защищает репутацию Ордена, но на самом-то деле мы понимаем, что все, что пишут эти господа хорошие, — чистая правда. Мол, всех несчастных кандидаток Марсий использовал и без постельных утех на посвящение не допускает.

Ох и подскочил я тут, ох и подпрыгнул! Потому что клевета Жени Руцкого, конечно, могла быть убедительной для человека, который вообще не знает наших реалий. Но Хирам с нами уже год!

Ну кого за эти полтора года «совратил» Марсий? Вспомнились все те же слова доктора Гебельса — «чем нелепее ложь, тем охотнее в нее верят». И ведь верят даже те, кто знает точно, что это ложь. На несколько секунд мне даже показалось — а может я ничего не знаю, но вспомнив конкретных сестер и те взаимоотношения которые в ложе исключали какое либо использования положения — я был поражен абсурдности ситуации.

— Ну и кого же, по-твоему, Марсий заставил с ним в постель лечь, дорогой брат? Имена, явки, пароли.

— Да я же не в качестве обвинения, я же понимаю, что это так и должно быть. Мы же должны друг друга понимать, все свои, чего нам-то друг перед другом огород городить?

Кажется, тогда я начал понимать до конца. Хотелось буквально заорать что-то вроде: «Не смотрящим ты, наверно, на зоне был, а ссучившейся гнидой последней».

Сдержался. Не высказался. Наверно, скажи я, что просилось на язык, и кончилось бы одной хорошей дракой, которую потом пришлось бы объяснять на собрании, — и вот тут закончилась бы карьера секретаря. Сдержался. Ох ребята, учитесь на моих ошибках, самые главные ошибки — не в импульсивности, самые главные ошибки — в сдержанности, смягчении, сглаживании, корректности.

Несколько лет я мысленно возвращался к этому разговору. В конце концов, Хирам подлец, но не идиот. Неужели, зная сестер, зная характер Марсия, он мог на полном серьезе полагать, что Марсий кого-то принуждает и шантажирует, склоняя к сексу за посвящение? Это же не просто подло, это хуже — это глупо, нелепо и наверняка в итоге закончилось бы скандалом куда более жестким, с вполне конкретными свидетельницами, которые знали бы, куда писать и кому давать интервью. Единственный известный роман Марсия — Светочка, так ведь это еще надо вспомнить сколько сил приложила девочка чтобы оказаться там куда по мнению наших серых «друзей» «всех принудительно отправляют в качестве платы за посвящения. Так что со времен Светочки, весьма

активно проявившей инициативу, никаких даже сугубо человеческих, добровольных связей не было.

Или, может, — закладывалась шальная мысль, — я чего не знаю? Хоть один примерчик бы для подозрения, хоть одну не историю даже — двусмысленность, дающую простор фантазии об использовании своего места и посвящений через постель. Ну ничего же! Кроме Светочки и романов то его не припомнить.

Только сейчас, поднаторев в противостояниях с серыми, я понимаю, что значил этот разговор на самом деле. Хирам вовсе не верил в то, что говорил. Он, как и всякая серая тварь, всего лишь подавал скрытый сигнал: мол, давай объединимся, подвинем Марсия, завалим пахана, а там сами будем делать что и как захотим.

Реальность вообще не имела никакого значения — для серого, серому реально только то, что выгодно на данный момент. Он даже поверит в это. Но, конечно, это понимание пришло через годы. Тогда я был просто шокирован, с одной стороны, его тупостью и непониманием, а с другой — тем, что он явно хотел на это несуществующее место, где он властью и авторитетом сможет склонять паству хоть к принудительному с ним сексу, хоть заставить полоть свой огород аки генералы призывников.

— Дорогой брат, не кажется ли тебе странным, что даже во всех мировых скандалах с домогательствами подлецы да интриганы всегда находили конкретную девочку, которая заявляла на всю ивановскую: мол, «он меня принудил» или «принуждал шантажом, да еле устояла». Почему во всех статьях нашего горячо любимого БОТО нет ни единой девочки, которая бы говорила что-то похожее, неужели, вздумай он хотя бы какую-то часть посвященных принуждать к связи, не нашлось бы ни одной поднявшей скандал и говорящей от первого лица? Ух, ее бы наши знакомцы из БОТО на флаг подняли бы, просто мадонной сделали бы, не находишь? Так почему обо всех домогательствах говорит бедный Женя Руцкий, к которому ну точно никто бы домогаться не стал, разве что нассавший в бутылку демон, которого он призывал?

Мне показалось, что он замешкался.

— Ну не знаю, не может же быть, чтобы при таких возможностях он этими возможностями не пользовался. Ты жизни не знаешь просто, а я знаю, как оно бывает. — Кажется, главный ключик был получен: всех по себе мерим.

Из колонок, очень созвучно нашему разговору, заиграла очередная песня тогда любимого «Кооператива Ништяк»: «Доктор Геббельс, давай сочиним, доктор Геббельс, давай сочиним белый блюз». Никогда не перестану удивляться, насколько ложь выглядит убедительнее правды. Кажется, что главный «Белый блюз» сыграл даже не доктор Геббельс, а сам Иалдабаоф — первый слепец, лжец и хозяин лжи, создав такой мир, в котором ложь по определению будет звучать убедительнее и реальнее.

Это была последняя точка. Передо мной был враг, причем враг, которого еще не знало ОТО и, думаю, никогда не узнает. Враг, для которого существует только один бог, только один идол — Владычество и Господство. Право и возможность доминировать. И кроме этого идола у него нет ничего — идей, идеалов, богов, людей, близких, дальних.

Только тогда включилась слишком долго отсутствующая Элли и показала мне реальные картины его внутренних ландшафтов, от которых, поверьте, становилось весьма не по себе. До этого мне было закрыто все.

У Хирама было одно легко распознаваемое в серых качество. Он просто наслаждался возможностью отказать. Проявить доминантность, унижить. Я не мог это сразу заметить, ибо это настолько противоположно всей моей эмоциональной системе, что уловить это получается не сразу. Когда мне становилось ясно, что кандидат, просящий о посвящении, реально не подходит, это всегда было мучительно, я испытывал почти физическую боль от необходимости говорить «нет». Это и была ложка дегтя в приятных секретарских обязанностях, которую я всегда старался передать брату Марсию. Для Хирама в таких моментах было наслаждение.

Хирам в таких ситуациях не просто был безразличен. Он наслаждался, он получал какой-то извращенный кайф от своей на минутку полученной власти и выстраивал беседы так, чтобы подавлять, унижать всех, кто оказывался в его поле подчиненным.

Но даже это не было худшим. Самое отвратительное, что в какой-то момент те самые кандидаты, кого он еще недавно исподволь топтал и унижал, начинали заискивать перед ним и искать его расположения. И если бы речь шла просто о корысти, о желании получить посвящение, рекомендацию, а уж потом отыграться. Речь шла об искреннем включении в эти правила игры. Ничего не менялось, а только умножалось и после посвящения. Его уважения добивались, кандидаты заискивали перед ним перед посвящением, а потом, получая желанное посвящение, аккуратно вливались в его клику, которая набирала все больший вес. Я впервые увидел, как работает серая раковая опухоль. И похоже, уже пошли метастазы. Случилось то, чего я больше всего боялся. Тот самый Бокал еще не взяла, но уже уверенно к нему потянулась... совсем другая рука — и это не рука Богини...

Все, что я возвращал несколько лет, будет оплевано, обесценено и предано. И все выстраиваемое станет частью серого траура. А значит, надо готовиться покинуть корабль, который тонет. Вот только одна беда: ближайшая земля всего-то в пяти милях — прямо под нами. Куда идти, зачем покидать?

Я начал работать постепенно. В некотором смысле — и в этом величайший парадокс бытия — именно Хираму, своему главному врагу, я должен быть благодарен за то, что его действия заставили меня начать свой проект. И, пока в основном на базе Ордена, из чисто интернет-проекта я начал выводить «Касталию» в реальность. До сих пор мне бы и не пришла в голову идея создать свой отдельный проект. Уроки Хирама стоят дорого — теперь я понимал, что моим может стать только то пространство, которое я с самого начала смогу выстроить по своим правилам. Как это было на форуме. Поэтому везде, где это возможно, трубят мои трубы, летят мои рекламы, идут мои приглашения — впервые в истории виртуальный клуб «Касталия» выходит в реальное пространство. Спешите!

Глава 20. Мистерия Симона Мага

Этот Симон самарянин, от которого произошли все ереси, образовал свою секту следующего содержания. Он, выкупив в Тире, финикийском городе, некоторую женщину, по имени Елену, водил ее всюду с собою и выдавал за первую Мысль (Εννοία), мать всех вещей, чрез которую он в начале замыслил создать ангелов и архангелов. Ибо эта Мысль, выходя из него, и зная волю своего Отца, низошла в нижние области (пространства) и породила ангелов и власти, которыми, по его словам, и сотворен этот мир. После того как она их произвела, была она задержана ими из зависти, так как они не хотели считаться порождением какого-либо другого существа. Его самого они вовсе не знали; а его Мысль была удержана порожденными ею властями и ангелами и терпела от них всякое бесчестие, так что она не возвратилась к своему отцу и даже была заключена в человеческое тело, и по временам, как бы из сосуда в сосуд, переходит из одного женского тела в другое. Она была в той Елене, из-за которой произошла Троянская война: поэтому, также был ослеплен Стезифор, который поносил ее в своих стихах, но после, когда он раскаялся и написал так

называемые палинодии, в которых он ее восхвалил, опять получил зрение.

Ириней Лионский. Против ересей

Впрочем, события развивались быстрее, чем я того хотел. Очень скоро Хирам узнал, кем я его считаю. Нелепая, абсурдная, заведомо нереальная ситуация, которая при этом настолько кинематографична, что заслуживает экранизации.

В тот вечер мне было нужно устроить ночлег для мужа Мартиэль. Да, мы уже познакомились с Марти, но об этом будет совсем отдельная глава в центре книги. Факт в том, что Иар оказался в Москве, гостиница была уже закрыта, денег не было ни у кого, в том числе и у меня. И сама Мартиэль попросила помочь, что, вообще-то, случается нечасто.

Но куда его везти? К Максусу? Макс очень некстати уехал. Савва тоже не в городе. Поднимаю всех знакомых за последние лет пять — ничего. Сейчас проблем бы не возникло, есть множество сетей хостелов, комнат, квартир на сутки. Тогда этой индустрии не существовало или она была совсем в иной ценовой категории.

Будь оно все проклято! Я понимал, что происходит худшее из возможного и мне придется идти на поклон к тому, кого я уже знал как врага, и просить его пристроить известного писателя. Оплатить дорогую гостиницу — тогда я был беден как церковная мышь. Единственный вариант.

Враг был не против. И конечно, если враг больше года морочил голову мне, так что даже Элли до времени не видела ничего, если враг смог обмануть даже знатока душ брата Марсия, — очаровать талантливого, но наивного как ребенок писателя, с которым они к тому же были одной национальности, для него вообще не составляло проблемы. Задача раз плюнуть.

И конечно, Иар без малейшего желания навредить, не подозревая, что перед ним сидит тот самый Хирам, сдает всю лавочку, которая ему известна из моих пересказов на наших кухонных посиделках. У меня даже не было возможности его предупредить. «Ну ребят, я же прекрасно знаю, что у вас происходит».

Это даже не слова. Это вибрация. Интонация. Считывание. В одно мгновение происходит сразу два необратимых события. Во-первых, Хирам понимает: я говорил именно о нем, я считаю его врагом. И это половина беды. Гораздо хуже, что он проник в святая святых, мой единственный живой бастион. Теперь он нашел ключик к Мартиэль. Через самого близкого человека, который уж наверняка расскажет, как Атон надумал столько глупостей на хорошего человека. Это уже не просто преимущество. Это царский подарок.

События стали развиваться молниеносно. Уже на следующем собрании происходит окончательный разрыв. Братья пьянствуют на кухне, мы с Айрум лежим на кровати в комнате. Я сплю. Недолго сплю, просыпаюсь оттого, что меня буквально трясет Айрум. Я пьян, лег спать раньше всех.

— Вставай! Мы немедленно уходим.

— Но, дорогая, давай до утра, во мне чертова бутылка водки.

— Мы немедленно уходим! — С меня срывается одеяло, буквально в морду бросается одежда, так что я начинаю приходить в себя.

— Да что случилось, в самом деле?

— Я дала ему пощечину. Я устала слушать как он полощет тебя направо и налево. А остальные только ржали. Пришлось поставить его на место, небольшой пощечиной.

— Черт возьми! — Весь хмель моментально выходит из головы, я спешно начинаю собираться.

Вот с этого момента действительно маски были сорваны и началась война на уничтожение. Все же до этого соблюдался определенный политес, как бы не совсем война, полувойна — полудружеский спарринг. Мы же братья.

Теперь — все. Война на уничтожение. Я гляжу на супругу и понимаю, что здесь и сейчас Айрум, моя милая Айрум одним ударом взорвала все мосты. И черт возьми, я ей благодарен за это. Фарс можно разыгрывать слишком долго. Спешно, чтобы не пересекаться с другими братьями и сестрами, что-то пьяно говорящими о том, что это были «ну совсем невинные шутки», я по-армейски быстро одеваюсь, и мы берем такси на ночной вокзал. Война. На самом-то деле, противостояние шло уже давно, а я до последнего оттягивал неизбежное. Но теперь все. Война на уничтожение.

Во-первых, конечно, атака началась на всех идеологических направлениях. Форумы, сайты, блоги, чаты. Везде Хирам писал свои манифесты, свои статьи, единственной целью которых было одно — уничтожить и обесценить основания всех моих позиций. И вот на этом я хочу остановиться несколько подробнее. Потому что, хотя на уровне причин вообще не имеет значения, из-за чего происходило наше столкновение, — он мочил меня, а не мои идеи, но то, как поляризовались наши принципы, позволит читателю зримо увидеть кое-что очень важное.

Как это ни абсурдно и парадоксально звучит, но именно этой войне гнева я многим обязан. Необходимость постоянно из последних сил отстаивать свои ценности и идеалы помогла мне их кристаллизовать, вычленив, заострить. Мой враг вытолкнул меня из рая и заставил строить свой проект, Строить Город Азазеля. «Я часть что той силы, что, вечно зла желая, творит благое». Пожалуй, да — этот товарищ стал моим личным Мефистофелем, желая меня раздавить, он практически заставил меня стать гораздо сильнее и острее.

Наше столкновение было одновременно предельно личным, окрашенным настолько, что каждый из нас, не задумываясь, отдал бы руку, если бы такой ценой можно было бы лишиться противника обеих рук, и предельно архетипическим. Наша война как будто являлась отражением архетипического сюжета о магической дуэли Симона Мага и Апостола Петра, и сама реальность подтверждала силу этого мифа потоком почти невероятных как бы совпадений. И в этом столкновении я был Симоном.

С одной стороны, неважно, какие идеи защищал я. Если бы я вдруг отказался от Юнга, Хирам тут же превратился бы в верного юнгианца. Но с другой стороны, это противостояние идей чертовски символично. О чем шел спор? На каких территориях столкнулись Атон с Хирамом или Олег с Андреем, а точнее всего — Симон против Петра? Миф, в котором Симон занимает заведомо проигрышную позицию и обречен на свое падение.

Пожалуй, главный предмет спора представляло противопоставление «релятивизм против моноцентризма». Для меня одним из главных нервов Телемы всегда была и остается идея относительности истины. Для подтверждения этой позиции нетрудно найти немало цитат Кроули, а моя статья «Кроули как философ» до сих пор висит на сайте ОТО. Если истина относительна, это значит, что у каждого — своя истина. Нет правильных и неправильных учений. Есть просто сильные и слабые, реальные и искаженные последователи учений. Релятивизм позволяет утверждать, что мы вообще не можем ничего утверждать определенно. Все, что у нас есть, — это модели. Некоторые модели более узки, прямо таки сужены до тоннельного видения, некоторые широки, но никакая претензия на объективное познание духовной реальности несостоятельна: все, что мы можем, — это поделиться своим опытом и своим видением в надежде найти тех, кто находится с нами на одной волне. Ни одно учение, ни одна идея не сможет познать вещи, как они есть в себе, ни одно учение не вправе претендовать на истину, абсолютную для всех. Я, ты, он можем найти свои истины. Мы можем поделиться ими, создав красивую вибрацию, но никогда никто из нас не имеет права сказать, что один бог более истинен, чем другой, или одни названия более «реальны», чем другие, ибо каждый архетип содержит в себе все, как фрагмент голограммы, а каждое слово — не более чем этикетка, удобный маркер, позволяющий нам вообще как-то обсуждать наш духовный опыт.

Обратная позиция, опирающаяся на всю эзотерическую традицию до и во время Кроули, утверждает, что есть одна, единая истина, эта истина для всех, к истине можно приблизиться или удалиться, и только настоящие учителя, только этой традиции знают эту истину. Релятивизм подразумевает пространство, где лидер — это первый среди равных. Моноцентризм дает полномочия на тиранию и деспотию: если я знаю абсолютную истину и эта истина верна для всех, значит, я внутри себя получаю право ее навязывать, утверждать свою власть через эксклюзивность совершенного учения. По большому счету Кроули был первым, кто всерьез атаковал саму идею возможности некоей объективной, общей для всех истины. Правда в том, что любая претензия на истинность есть претензия на господство, где есть не первый среди равных, но хозяин среди рабов или пастух среди овец. Я всегда ненавидел моноцентризм во всех, даже самых невинных формах, потому что на уровне глубинного знания чувствовал — где моноцентризм, там и пастухи. Хирам хотел быть пастухом. Хирам отстаивал моноцентризм, святость единственной истины и строгих правил. Носителем которых, конечно же, был он, собственной персоной.

Отсюда проистекает следующий пункт спора. С точки зрения релятивизма мы можем считать богов, духов, демонов, архетипы хоть личностями со своей субъектностью, хоть безличными психическими константами нашего мозга, в зависимости от того, как нам удобнее в данный момент, а то, как оно на самом деле, мы просто физически не можем знать. Существуют ли боги как автономные субъекты вне психической реальности? Боги, демоны — это части души, архетипы, объективные силы, или что-то еще? С моей точки зрения, самым честным будет признать, что ответ на этот вопрос в принципе невозможен. Потому что даже самое убедительное столкновение с тотально другим в себе — в магическом или мистическом практикуме — все равно происходит в границах нашей психики. И тождественен ли бог, маркируемый одним именем, но пережитый людьми с разными системами ценностей и координат?

Здесь есть тончайшая и острая как лезвие граница. С одной стороны, после реального духовного опыта мы должны безусловно верить своим переживаниям, а значит — своим богам. Наша душа живет так, как будто они абсолютно реальны и нужно доверять своей душе. С другой стороны, эта безусловность и абсолютность должна быть ограничена исключительно границами моего магистерия. То есть я могу рассказывать о своих переживаниях Азазеля, веря ему тотально и безусловно, но если я начну проповедовать Азазеля как некую единственную, высшую по отношению ко всем другим истинам, силу, я тем самым предаю того же Азазеля, навязывая другому форму, ему не соприродную.

Поэтому, когда ко мне приходят ученики, я стараюсь очень внимательно анализировать их сны, синхронии, интересы — какой именно поток, какая сила зовет конкретного человека. Ни одна сила по определению не выше и не ниже другой: «Каждое число бесконечно; не существует различия».

Для Хирама все демоны, описанные в гримуарах, это объективные личности. Подобный буквализм, по сути, опровергается легко: если они реальные личности, то почему в разных гримуарах под одними и теми же именами определяются сущности разного ранга, формы и образа проявления? Не логичнее ли предположить, что каждая мифологема — это просто модель, подобно сосуду вмещающая некий изначально непостижимый принцип, о природе которого мы честно до конца знать не можем.

Но как это так — не можем знать?! Это же ограничение владычества, это помещение себя в границы, это лишение права протаскивать в свет некие абсолютные гримуары и абсолютные методы. Если все относительно, первый среди равных не имеет права сказать «нельзя» — за исключением реально экстремальной ситуации. Для Хирама владычество и есть возможность говорить «нельзя», а значит, мир богов, демонов, духов — объективный, имеющий одни заданные для всех правила и законы, которые он,

конечно, знает лучше, чем кто-либо, и отступление от которых означает заблуждение и ересь.

Вот только по этим двум пунктам можно узнать вечное столкновение двух позиций. Гнозиса и ортодоксии. Свободы и порядка. Опыта и догмы. Переживания и власти. И конечно, на принципах моноцентризма и личности легко создать тоталитарную систему, где господство одного над другим будет легитимизировано иллюзией знания первым некоей общей, абсолютной истины.

Самое забавное, что все мои предчувствия оказались в точности верны. Когда Хирам начал создавать свой проект, его господство над неопитами-овечками простиралось настолько, что он буквально приказывал им, какую музыку можно слушать, а какую нет. В конце концов дело кончилось тем, что когда одна из его последовательниц и соратниц, решила оставить его группу, ее заманили к нему домой, где он отнял у нее документы и угрожал своими связями, которые он использует, чтобы выслать ее из страны. Крайняя точка тоталитарного компонента. Хирам сам по себе — действительно крайний случай. Но на этом примере стоит учиться распознавать весьма распространенные тенденции в самых разных эзотерических, религиозных и мистических сообществах, в моей поздней работе «На темной стороне Луны» названные «тоталитарным компонентом в оккультизме», который надо изжить в первую очередь и любой ценой.

Следующий спор — спор о психологии. С одной стороны, я, утверждающий, что опыт Юнга и опыт Кроули вообще структурно не отличаются. Там Филемон, а там Айвасс. Там «Красная книга» и «Семь наставлений...», а там публикации класса «А». Там активное воображение, а там скраинг. Там индивидуация, а там — Великое Делание. Там ось Эго-Самость, а там знание и собеседование САХ. Отличается язык, но не корневой опыт, тем более что Юнг обращается именно к эзотерическому модусу, будь то алхимия, гностицизм или астрология. Более того, и здесь моя позиция оказывалась крайней не только по отношению к Хираму, но и фактически ко всем братьям и сестрам: если мы не включаем психологический модус работы, мы вообще не можем чего-то достичь, поскольку будем постоянно путать собственные желания с архетипическими запросами. В пользу своей позиции я мог привести множество свидетельств — от Израиля Регарди до Келтона Кина.

И конечно, и эта позиция неприемлема для врага. Для него, напротив, психология была чем-то вторичным, подготовительным и нужным не для всех, а только классический оккультизм понимался как реальная истина, дающая возможность Великого Делания. На самом деле мое отчаянное введение психологии в эзотерический дискурс — это далеко не просто интеллектуальный изыск или личные предпочтения. Это отстаивание необходимости признания собственного несовершенства для *всех*. Неважно, кто ты — ученик или учитель, у тебя есть комплексы и тараканы. И если ты свободен и служишь Светоносному, ты, по крайней мере, способен говорить о своих комплексах и тараканах, демонстрируя их на своем примере. Первый среди равных отличается не вертикалью, а первенством в одной линии. Включение психологии — это включение требования безжалостности к себе и честности в отношении себя и своих процессов. Но гуру, вождь претендует на безупречность, на абсолютную истину, на метафизическую чистоту, поэтому само включение психологии в поле его дискурса представляет для него прямую опасность в виде вопроса «а расскажите о своих ошибках и падениях». Надевая маску фюрера, ты не можешь позволить признать свою слабость и несовершенство, а значит, психология представляет опасность для самого принципа владычества.

Ровно те же корни у другого нашего спора — спора об искусстве. Одна из моих любимых фраз Кроули — «подлинный художник выше мага». Истинный художник прозревает инициатические символы, не будучи членом ни одного братства. Он — проводник и пророк, гностик внутри самого себя. Нам, простым людям, нужна инициация, нужно, чтобы эти символы в нас «включил» эгрегор. Художник, поэт может

провести эти же символы через себя, получить их напрямую — через гнозис. Именно поэтому он «выше мага».

И снова понятно, почему Хирам стоит на другой стороне. Что может еще считать тот, кто мыслит себя центром единственной истины и единственно верной системы? Все, что получено или пережито вне строгой системы инициатического братства, вообще не имеет значения. Искусство — это, конечно, хорошо, но не более чем средство для нашего увеселения.

Опять то же самое! Сакрализация Искусства, «художник выше мага», размывает принцип исключительности, принцип избранности только этого, регулярного и традиционного пути, имеющего единую преемственность. Не случайно Элейн Пейджелс, выдающийся исследователь гностицизма, в своей работе сравнивала подход гностиков с подходом людей искусства, изначально не нуждающихся в одной догме и извлекающих из глубин бессознательного сокровища сами по себе.

Но зачем тогда таким свободным художникам орден, братство, круг — может спросить скептик. Гнозис-то приходит в одиночестве. Просто для того, чтобы быть в кругу единомышленников, — человек по определению социальное существо. Но одно дело — круг, выстроенный по принципу «первый среди равных», и другое — по принципу фюрера или папы римского, который изначально все и за всех знает и имеет власть определять, что есть Истина и что есть реальное переживание, а что есть прельщение и ересь. Иными словами, здесь опять спор гностической и ортодоксальной позиции, стремящейся выработать единую истину.

Следующий аспект нашего спора — вопрос о сексуальности. Интеллектуально здесь позиции Хирама наиболее уязвимы, потому что недвусмысленные слова сказаны не просто в периферийных работах Кроули, но в самой Книге Закона. «Возьмите свою долю любви, как изволите, где, с кем, когда изволите, но всегда ради любви ко мне». Иными словами, во-первых, всякая сексуальная стратегия не лучше и не хуже другой, но предпочтительна данному субъекту как аспект его истинной воли, а во-вторых, каждый сексуальный акт должен быть актом поклонения богине в женщине. Иными словами — тотальная свобода для любых сексуальных проявлений, ограничиваемая только одним — недопустимостью насилия. И опять это гностическая позиция, гностический, даже симонианский миф Симона-Фауста.

Очевидно, что и здесь позиция Хирама стала в прямое противостояние. Сексуальность должна быть ограничена моралью, законом, моногамия — это единственно правильная сексуальная стратегия, а все остальное — «сводит с пути». Ну и конечно, мужчина должен быть хозяином и господином для женщины. Вишенка на торте: на момент яростного спора о том, что касается личной жизни, для меня время активных сексуальных экспериментов было далеко впереди, и я даже не мог помыслить, что начну активно практиковать разные модели сексуальных стратегий, некоторые из которых удачно, а некоторые — нет. На тот момент я был абсолютно моногамным верным мужем. В то время как Хирам, ратующий за моногамию, упорядоченность и подчиненность инстинкта как чего-то низшего, жил в сексуальном союзе сразу с тремя женщинами, причем в одной квартире. Картина, если посмотреть со стороны, выглядела гротескно: Хирам, не упускающий ни одной связи и ратующий за моногамию и мораль, и я — верный муж в течение последних восьми лет, ратующий за абсолютную сексуальную свободу и даже анархию. Мои радикальные эксперименты, включая оргии и полиамирию, начнутся только через полгода, причем сперва исключительно на эмоциях противостояния сдержанно моральной позиции Ордена, и только через несколько лет я смогу найти свою точку равновесия.

Парадокс? Ничего подобного! Потому что это опять спор гностицизма и ортодоксии, позиции владычества и позиции гнозиса. Ортодоксия вполне может смириться с грехом, если нечто таковым признается и дается внутреннее согласие опустить глаза. И конечно, за вопросом о сексуальности скрывался на самом деле

другой, экзистенциальный вопрос — нужно ли носить приемлемую для социума маску или не стоит унижать себя подстройкой под чужие моральные шаблоны и просто следовать той стратегии, которая соответствует твоей природе? Надевать ли маску в мире, принимать ли *их* нормы, хотя бы на словах, разделяя себя на Персону и Тень, хорошее и плохое — вот в чем заключалось ядро этого спора.

Последним вопросом, вокруг которого ломались копыя, был вопрос о трансгрессии, нарушении и нонконформизме. Для меня Телема была прежде всего учением бунтарей и нонконформистов, для которых «выход из ряда» — это принципиальный аспект самоощущения. «Вы противостоите людям, избранные мои». При этом единственное реальное нарушение закона, которое было на моем опыте, это употребление ЛСД. Хирам отстаивал необходимость следования нормам, порядку, соблюдения всех законов. При этом на практике мотал срок за то, что отнял сумочку на мосту, а закончил тем, что избил и отнял документы у своей ученицы, а по некоторым непроверенным слухам, даже был замешан в убийстве. И опять парадокс. Для меня нарушение было необходимо как символ, как точка, определяющая меня как что-то непрозрачное, чуждое. При этом само нарушение могло быть предельно незначительно, здесь важен был факт сознания: я способен на нарушение, мир не властен надо мной — гностическая позиция. Хирам, напротив, формально утверждал соблюдение всех правил, но если речь шла о его выгоде, господстве и владычестве, не задумываясь, шел на такие нарушения, которые никогда не приснились бы мне даже во сне.

Но главной трагедией этой ситуации было то, что хотя брат Марсий лично гораздо больше доверял мне и ценил меня, на уровне идеологии, по крайней мере в трех последних позициях, все больше склонялся позиции Хирама. Почему? Во-первых, публичная манифестация имморализма и сексуальной свободы могла вызвать серьезные проблемы с законом. Во-вторых, как я уже писал выше, за исключением истории падения Саши С., в Ордене преобладала сдержанность и воздержанность в этой области. В-третьих, Марсия изрядно достало, что приходящие кандидаты по большей части были либо теми, кто надеялся оказаться в «клубе любителей группового секса», либо просто подростками-переростками, не выросшими из субкультурных штанишек. Да и в остальных вопросах спора позиция, декларируемая мной, гораздо более сложна для построения какой-либо, даже самой мягкой структуры. Марсий никогда не хотел быть кем-то вроде фюрера, но он нуждался в некоторой дистанции, которую невозможно иметь в положении «первого среди равных».

Поэтому в некотором смысле Марсий оказался в сложнейшей ситуации. С одной стороны, он знал, что я наиболее искренен, и уже начал подозревать Хирама в интригах. С другой — не мог присоединиться ко мне, потому что с его точки зрения подобные манифестации могли только ослабить Орден. Это создавало невозможное напряжение.

Споры, склоки, уже не сдержанные, но переходящие в оскорбления, разыгрывались между мной и Хирамом на всех доступных площадках. И это стало угрожать репутации Ордена, два секретаря которого готовы вцепиться друг другу в волосы.

В итоге произошло худшее, что могло быть. Одна из наиболее ожидаемых кандидаток — женщина, имеющая степень кандидата наук, кажется, ее звали Амаранта — официально отказалась от посвящения в ОТО, потому что «у вас творится не пойми что». А под «не пойми что», конечно, понималась наша война, которая уже велась по беспределу. А вот эта потеря была настоящим ударом для Марсия. Повторюсь, речь шла не об обычной кандидатке — Амаранта, по моим сведениям, была не то кандидатом, не то даже доктором наук. Такая потеря для Ордена являлась действительно фатальной, и ее разрыв с ОТО означал одно — наша война грозит разрушить сам корабль.

И конечно, война происходила не только на площадках форумов и блогов. Прежде всего, это была магическая война, столкновение сил, воли, духа. Об этом я узнал только потом, от ученицы, которая пошла в группу Хирама «на разведку», и он, видимо желая произвести впечатление и затащить новенькую, весьма привлекательную леди, в

постель, соловьем заливался, как он выполнил сначала инвокацию Барцабаэля, а потом призвал все семьдесят два духа, чтобы добиться моего изгнания из Ордена. И вот посмотри — добился.

Ни раньше, ни позже я не отвечал. Я просто молился Ей. Лилит. Моя молитва была проста: Госпожа, Хозяйка, Возлюбленная, если я еще тебе нужен — ты закроешь меня от любых демонов, и я пройду долиной смерти и распада, и останусь тем, кем был. Ну а если нет, лучше пусть меня убьют сразу и быстро. В этой войне Хирам выбирал армию семидесяти двух демонов, а я — Лилит, которая никогда не взмахнула бы жезлом смерти, не в ее правилах одаривать смертью недостойных. Мне кажется, это само по себе похоже на какой-то индийский миф...

Поле силового напряжения чувствовали все, кто хоть немного способен чувствовать. Симбалайн, сестра из Украины, писала, что во снах видела вокруг меня черные тучи. Случайные гости на форуме, не зная о ситуации, предостерегали меня от «нападения» и советовали «защищаться и очищаться». Поле действительно было перенасыщено инфернальной силой. О да, фратер Баал Хирам очень любил гоэтию, любил настолько, что в своем скромном жилище просто окружил себя изображениями демонов. Да, о магическом нападении я узнал от Иуды гораздо позже, но на уровне поля это было совершенно очевидно. Оно не могло быть другим. Человек, украсивший свое жилище изображениями всех демонов гоэтии, но особенно Баала, человек, который видел в гоэтии высшую форму магии, потому что здесь утверждается власть призывающего над демоном (я всегда предпочитал инвокацию, где основой была любовь к призываемому в себя божеству или, если угодно, архетипу). В общем, такой человек просто не мог не использовать магию.

Одним из шокирующих событий в то время стала кража мантии. Если бы я ее потерял, можно было бы сказать, что это я сам бессознательно отвергаю орденскую одежду. Но речь шла не о потере. Я просто привычно заснул в электричке, а проснувшись, не обнаружил пакета, в котором были распечатки очередного сезонного орденского ритуала и моя мантия, не менявшаяся с самого первого посвящения. Это было настоящее нашествие цыган на электричку, где жертвой воров стал не только я. Цыгане летели, как стая диких гусей, и просто не могли не украсть пакет у спящего меня. Пакет с орденской мантией.

Дальше — больше. Произошло то, что можно смело считать самым фантастическим событием всей первой части. Я переживал войну с Хирамом как войну Симона и Петра, противостояние гностической и ортодоксальной позиции. Примерно в то же время совершенно «случайно» ко мне попадает роман Аниты Мейсон «Иллюзионист», главный герой которого — Симон Маг, с которым борется Петр, добиваясь его падения. Сказать, что это было настоящим литературным потрясением, значит не сказать ничего. Книга вошла в меня и мой миф как нож в масло, так что отождествление «Симон и Петр» стало общим местом. Я до дыр зачитывал фрагменты отдельных диалогов, казавшиеся мне словами ответа. И да, я впервые прочитал этот роман именно тогда, когда только начиналось мое противостояние.

В тот день меня отправили в подмосковный город по работе. С собой я взял все ту же книгу, к которой мне так нравилось возвращаться раз за разом. В свободные минуты я просматривал любимые отрывки и созванивался с Айрум, обсуждая то, что являлось важной частью нашей жизни, — литературу вообще и это открытие, бессмертный роман Аниты Мейсон, в частности.

— Но почему же Симон упал? — недоумевала Айрум на другом конце провода. И правда — почему? Мог ли он победить, и если мог, то как? Вопрос далеко не досужий, вопрос, ставший вопросом выживания. В эту секунду, сидя в автобусе, собиравшемся трогаться через несколько минут, я увидел, как мир стал отвечать моим мыслям.

Я увидел выпавшего из окна пятого этажа мужчину. Я увидел другого мужчину, который изо всех сил удерживал выпавшего за руку. Что это было? Точно не галлюцинация — весь автобус припал к стеклам и стал напряженно переговариваться.

Возможно, выпавший хотел покончить с собой, но потом передумал и зацепился за руку приятеля. А может быть, просто спьяну вытанцовывал пируэты на подоконнике, но не рассчитал равновесия. В любом случае, выпавший висел над асфальтом, спиной ко мне. Несколько минут его друг пытался удержать его руку, втащить обратно.

Но силы были неравны. Рука немела.

И вот на моих глазах, словно в замедленной съемке, несчастный летит навстречу асфальту, где находит свою смерть. Глухой удар о камень асфальта, пришедшийся на спину и затылок. Шансов выжить нет — падение с пятого этажа. Никаких движений, даже конвульсий агонии. Ничего. Все происходит очень быстро, где-то там начинают бегать люди, кто-то звонит в «скорую». Впрочем, едва ли здесь будет нужна «скорая».

Книга. Мысли о падении Симона. А на заднем плане — война с Хирамом, война не на жизнь а на смерть, где использована магия патриархата. Магия власти. Магия Петра. И цель только одна — мое падение, которое неизбежно внутри самого сценария. «Ты тоже думаешь, что все плохо закончится?» — «Я читал сценарий». Миф о Симоне я, вне всякого сомнения, читал во всех редакциях.

Между мной и братом Марсием вырастает стена непонимания, стена отчуждения, и после написанных мной «Одинадцати тезисов» я как бы исключен из ложи, при этом не будучи исключен — ведь разве можно исключить просто за богословскую позицию, отличающуюся от твоей? Одиннадцать тезисов. Одиннадцать выстрелов. Одиннадцать ответов.

Четвертый священный ключ. 2008

Глава 21. Армален Райзинг

*Беспредельность покоя затмило багровое пламя.
Торжествует во мне ненавидящее исступленье.
Ормаллен! Ормаллен! Обреченно-черное знамя.
Ормаллен! Обретаю навек красоту разрушенья.
Мистардэн. Ормалленская*

Произошло то, что развернуло все происходящее окончательно. Накал Армалена, и так был слишком силен но внезапно произошел перелом изменивший картину всего происходящего. Внезапно, обнажилось последнее расхождение с Марсием. И это была не просто соломинка, ломающая хребет верблюду.

На одной эзотерической площадке происходила презентация курсов колледжа Телемы. Презентация, которую вел брат Марсий. И вот Марсий во всеуслышание заявляет: «Кроули вообще не имел отношения к сексуальной революции и во многом был весьма традиционен».

Для меня эти слова читались однозначно. Марсий выбрал сторону. Хирам победил. Вопрос о свободе сексуальности был одним из самых острых, самых принципиальных, самых напряженных в нашем с ним столкновении. И вот Марсий публично свидетельствует правоту Хирама, посылая недвусмысленный сигнал. Прекратить войну. Идеологию буду определять я. Законное право главы Ордена, но, черт, если идеология будет хотя бы отчасти совпадать с той стороной...

Что?! Кроули, фотографию которого «Битлз» поместили на обложку своего альбома?! Кроули, которого Тимоти Лири, главный двигатель революции шестидесятых, считал своим прошлым воплощением? (По иронии судьбы газеты наделили Лири тем же титулом, что тридцать лет назад наделили Кроули — «самый порочный человек на Земле».) Кроули не имел отношения?! Кроули имел в виду совсем не то?! А завтра мы радостно осудим сексуальную революцию как «продукт порочного Запада» и будем топить за возрождение нравственности?! Может быть, со всеми стандартами морали до сексуальной революции — с осуждением до— и внебрачных связей? Впервые за десять лет общения, Марсий, этот человек чести и человек слова — лгал и лгал в самом важном.

После этих слов я понял — ухода не избежать. К тому моменту клуб уже не один месяц проводил наши первые реальные собрания «Касталии» собрания у Асгет, с которой я уже успел побрататься на крови, и неизбежность разрыва теперь казалась очевидной. И все же решение не было легким. Орден был всем, что я имел в жизни, а мир «Касталии» — это лишь один робкий росток, который может завянуть в любой момент.

Это было крушение. Марсий послал сигнал, что поддерживает не мою линию, а линию Хирама ради дружбы с масонами, для которых вопрос строгой сексуальной морали очень важен, он готов пойти на компромиссы с системой. Причем в самом принципиальном вопросе, в котором для меня не может быть компромиссов. Небо упало на землю. А семьдесят два демона как будто подталкивали к последнему шагу. Исполни, сделай, ударь со всей силы. Я пытался сопротивляться, ибо понимал — пойти на конфликт значит потерять все. А «Касталия», собиравшаяся у Асгет, могла прекратиться от одного ее каприза.

Дело было за последней каплей. И эта капля упала. Мне иногда кажется, что Хирам не просто хитрая мразь, а какой-то полутелепат, способный получать строго определенную информацию, чтобы нанести удар по самому больному. И ведь никто даже не поймет, что произошло и почему ты взвился до небес от доброй братской шутки...

Просто на внутреннем форуме ОТО братом Хирамом были размещены фотографии с обычной вечеринки ролевиков из Питера. С присутствующими на снимках инвалидами. И конечно — какой посыл: мол, посмотрите, братья дорогие, какие уроды, какие дегенераты, какие вырожденцы эти их ролевики, может, и вам к ним надобно? Он понимал, что это удар по мне, но не понимал насколько.

Одну из них я знал лично. Мистардэн. Автор трети текстов песен Мартиэль. Автор «Белой Дороги». Точка. Последняя и безусловная точка невозвращения. «Ормалленская» — это тоже стих Мисти...<6>

<6>Стихотворение по мотивам ненаписанных сказаний Мистизэра. Ормаллен — мир, специально сотворенный для заключения Ширры, чья суть — Пламя Насилия. Название «Ормаллен» и означает «Звезда насилия». Сами же жители этого мира, попавшие под влияние Ширры, зовут его Армаленом, что переводится как «Земля отчаяния». (Прим. редактора.)

Ледяное дыхание Армалена. Это уже не совсем я. Последний удар — направленный уже не столько на Хирама. Эту ситуацию уместно описать словами Андрея Белого: «И тьма легла между ними, и больше не видел каждый другого, но только тьму». Марсий отступил от всего, во что я верил и что я строил. Потому что даже он вдруг забыл удалить запредельную грязь. Впрочем, он-то Мисти не представлен, ему наверняка это по-другому виделось. Я не был собой. И это даже не теневой Рамси. Я стал Армаленом. Это очень особая ярость. Слепая и холодная.

Чуть раньше мне снился сон. Пожалуй, это был один из самых ярких, убийственных, пронзительных снов за последние несколько лет.

В этом сне действие началось на площади трех вокзалов. Я должен был встретить Ее с поезда. Я знаю, что приезжает Мартиэль. И она действительно приехала. А после

безо всякого перехода между нами разыгрывается эротическое взаимодействие такой силы, что кажется — я падаю в небо.

Потом Она исчезает, растворяется в пространстве толпы, и я вновь брожу между лотками вокзалов. Внезапно все динамики начинают передавать одно сообщение: «Всем ползти. Нерон пришел. Всем ползти. Нерон пришел». Я ползу вместе со всеми, чувствуя, как мои губы касаются земли. И вдруг вспоминаю. Она ползти не будет. Она — будет первой, кто попадет под удар. Я встаю над ползущей толпой и, минуя предупредительные крики, бегу в сторону вокзала. Меня пытаются преследовать. Но вот я в огромном зале вокзала, и зал больше напоминает сказочный дворец, пустой и безжалостный. И в этом зале нет никого. Только я и Нерон на троне в другом конце зала. Я бегу туда, бегу, чтобы убить его, держа наперевес перочинный ножик.

В меня не стреляет охрана — бояться попасть в него. Напряженная схватка, дуэль. У меня нож, а у него нет ничего, дуэль не равна, если не считать охрану, которая все ближе. Я наношу удар. Еще удар. Нерон начинает уменьшаться. И, о ужас, последнее, что я вижу, это лицо того, кто заменил мне отца. Лицо Марсия. Просыпаюсь с криком, мокрый от холодного пота.

Многие годы этот сон не давал мне покоя. Меня мучил стыд: неужели в моем отношении к Мартиэль есть грех тайного вожделения, неужели я, сам того не осознавая, вожделею своего учителя, своего проводника? Насколько же низка и отвратительна моя природа, если это так.

Но больше всего меня удивляло другое. Почему Нерон? В реальности, боги свидетели, за исключением той неудачной фразы, которую я чуть было не использовал как оружие дискредитации, никаких признаков деспотизма, властолюбия, или использования своего положения, чтобы как-то возвыситься за счет кого-то, у Марсия не было. Так почему же именно Нерон, почему? Компенсация перед разрывом, то есть необходимость изобразить его максимально чудовищным? Или, по закону равновесия, чем благороднее, сильнее, разумнее Эго человека, тем ужаснее его Тень, и вот я познакомился с Тенью Марсия?

Марсий по природе гражданин Римской империи. И если по сознательным ценностям он — истинный патриций или Цезарь, наверняка в Тени должен быть именно Нерон. Так? Может быть, и так. А может быть это была лишь игра патрона, который хотел подтолкнуть наше разделение на этом этапе представив его в самом отталкивающем образе.

А через несколько лет я получил последний ключ к своему сновидению. Только через много лет случайно я открыл для себя ответ, такой неожиданный, очевидный и простой. В христианском апокрифе, где речь идет о войне Симона и Петра, эта война происходила именно при дворе императора Нерона. Во всех апокрифах именно Нерон судил Симона и Петра. Именно перед глазами Нерона и происходила эта битва архетипических представителей двух сил — Закона и Свободы, ортодоксии и гнозиса. В известном апокрифе победил закон. Ибо он не мог не победить. Симон не может победить, пока спор идет при императоре — неважно, плохом или хорошем, Цезаре или Нероне.

Но миф поменялся! В миф вошла Третья сила, Лилит, заставившая Симона обратить удар уже не на Петра, а на самого Нерона, и тем создала новый миф. Ее личное вмешательство изменило расклад мифа. Падение произошло, но по другому алгоритму. И эротическая сцена, которой я так стыдился эти годы, на самом деле была не больше не меньше — манифестацией самой Лилит, что пришла, чтобы определить исход противостояния.

Я был прав в одном: какие бы проклятья, каких бы демонов Хирам не направил против меня — хоть семьдесят два, хоть десять тысяч семьдесят два, если я ей нужен — она придет и изменит расклад. И ничего кроме благословения Лилит не имеет значения.

Если бы вы выходили на бой, кого бы вы выбрали, сударь, — семьдесят два демона или одну Лилит? Я свой выбор сделал.

Ирония судьбы — я всегда мысленно называл Марсия, влюбленного в историю Римской культуры, «Цезарем». Бессознательное показало другой образ, и не только для того, чтобы унижить его, как я думал, а для того, чтобы полнее и аутентичнее поместить в разыгрываемую в наших судьбах мифологему. Симон и Петр перед глазами Императора.

Вся наша жизнь — один большой магический театр, где наши боги назначают нам наши роли, и порой это не те роли, которые мы бы хотели играть. Едва ли Марсию понравилась эта роль. Едва ли мне понравились все роли, которые мне пришлось сыграть.

Итак, Армален вспыхивает черным огнем.

Я пишу, на первый взгляд, невиннейший текст, в котором я излагаю свои принципы и тезисы о Телеме. И прибиваю этот текст на всех доступных мне площадках. Дорогой читатель, я хочу обратить твое внимание на употребляемые слова и выражения — «прибиваю». Полемический текст, филигранный с богословской точки зрения и даже подкрепленный цитатами из Книги Закона. Я не могу отказать себе в удовольствии привести этот текст без сокращений, хотя сейчас актуальность этих тезисов давно прошла.

1) Телема является нонконформистским учением. Это недвусмысленно следует из некоторых строк Книги Закона, например, 25 стих второй главы: «Вы противостоите людям, избранные мои», — ясно свидетельствует, что телемит всегда устремлен к превосхождению человеческого уровня, и раз вы «противостоите людям», значит, сам телемит — уже не совсем человек или, по меньшей мере, стремящийся отбросить «человеческое, слишком человеческое».

Здесь мы видим апелляцию к Ницше, который включен в список Святых. Также если рассмотреть историю жизни Кроули, то бросается в глаза сочетание его внутренней доброты и чести — и внешней провокативности. Можно много говорить о причинах его провокаций, но на мой взгляд очевидно, что он хотел видеть своими последователями тех, кто способен на трансгрессию. (См. Батай.)

2) Телема является антиклирикальным учением. Так любая форма религиозной ортодоксии, претендующая на какие бы то ни было властные рычаги, — является врагом телемита. В настоящее время наиболее опасен именно христианский клирикализм, заставляющий «последних телемитов» моргать, и точно предвидя это, пророк написал в стихе 51 третьей главы Книги Закона: «Головой моей Соколиной клюю я глаза Иисуса, висящего на кресте».

Следует сказать, что этот антихристианский пассаж не касается мистического христианства и *их* Христа. Христос гностиков и даже христианских мистиков, все-таки интегрированных доктриной (чаще после своей смерти), — это далеко не Христос клирикальной сволочи, держащей преемственность от Иринея Лионского через Иосифа Волоцкого к современным ортодоксам.

3) Телема является учением эстетическим, то есть искусство для телемита относится к категории откровения. Так Алистер Кроули в «Магии в теории и на практике» пишет: «Подлинный художник выше мага». А к Святым Гностической Церкви относятся такие нонконформисты от Искусства, как Суинберн, Гёте и Гоген, и уже сейчас, по решению Гименя Бета, — Уильям Блейк, а также Людовик — известный тем, что покровительствовал Вагнеру и считал искусство более важным вопросом, чем политическая жизнь страны, за что и был свергнут.

4) Телема не стремится дать ответы на все вопросы и в некоторых местах сознательно ставит перед последователями парадокс. Так, например, в Книге Закона сказано: «Не рассчитывайте на перемену: вы будете, как были, и никак иначе. Посему

цари земные пребудут Царями во веки, рабы будут служить». А в «Книге Сердца, обвитого Змеем» приводится притча, описывающая как раз экзистенциальную смену статуса. Эти парадоксы со временем дадут почву для разработки специальной телемитской теологии, ибо, как говорил Юнг, религия, в которой нет противоречий, лишена творческого духа.

5) Телема утверждает идеалы сексуального освобождения, и более того — Алистер Кроули своей магической работой существенно приблизил сексуальную революцию шестидесятых. Не случайно для Тимоти Лири и для многих музыкантов шестидесятых Кроули был фигурой, из творчества и жизни которого они черпали вдохновение. Указание на освобождение эротизма от деспотии христианской морали мы можем найти в следующих словах Книги Закона: «Также берите и довольствуйтесь вашей долей любви, как того соизволите, когда, где и с кем соизволите! Но всегда ради меня». Данный тезис нуждается в дополнении, поскольку слишком часто сексуальность для некоторых мужчин становится инструментом власти и самоутверждения. Женщины в этом отношении абсолютно чисты, а вот мужчины нуждаются в особом предупреждении касательно последствий подобного искажения.

Кроули называл подобное «грехом против Святого Духа», и потому — любое соитие, свершаемое не «ради меня» (то есть без внутреннего почитания женщины как Ньюит — см. «Книгу Лжсей», главы, посвященные Лайле), согласно Книге Закона несет проклятие. Все остальные ограничения и условности, как и запрет на сексуальную магию до определенного уровня, — утверждаю проявлением ненужной политкорректности и компромиссов с пуританским миром.

6) Телема является научным мировоззрением. Так, помещая в список святых Адама Вейсгаупта и добавляя букву «к» в слово «магия» — *магика*, Кроули старался подчеркнуть научность и эмпиричность методов, используемых Телемой. В своих трудах Кроули столь же часто ссылается на современных ему ученых, как и на авторитетных эзотериков прошлого. Поэтому продолжать линию Кроули — это значит и дальше искать точки соприкосновения с современными научными открытиями, будь то глубинная психология (Юнг или трансперсоналисты) или квантовая физика.

7) Телема является гетеродоксальным учением. Телемитский канон — не ограничение (ничего кроме), но та необходимая база, на которой телемит может выстраивать внутренний замок, в соответствии со своей Волей, если, разумеется, это не вступает в прямое противоречие с Книгой Закона. Между «вступает в противоречие» и «не содержится» — огромная разница. Поэтому телемит может всей силой своей бхакти почитать Зевса, Афину, Одина, Перуна или, как я, — Лилит и Люцифера (на данный момент я единственный телемитский люциферианин, о чем хочу наконец сказать без обиняков), но едва ли он может быть христианином или мусульманином — учитывая то «отношение», которое Гор высказывает к этим богам в третьей главе Книги Закона.

8) Телема является преимущественно кшатрийским мировоззрением. В третьей главе Книги Закона Ра Гор Кхуит говорит о себе как о «боге Войны и Возмездия» и призывает к войне. Следовательно, состояние воинственного противостояния является естественным для телемита, а доктрина политкорректности — худшее зло.

Однако «преимущественно» — не значит «только». Преобладающий кшатрийский дух не означает, что Телема исключает брахманические влияния и — на самых низовых уровнях — даже влияния вайшья. Тем не менее в современном мире очень важно не забывать о кшатрийском духе, который здесь же является духом нонконформизма.

9) Телема является недвойственной традицией. Это значит, что она в одинаковой степени боготворит и свет, и тьму, следовательно тот, кто говорит, что она «только темная» или «только светлая», — лжец. Телемит в одинаковой степени славит ночной хаос Диониса и кристальную ясность Аполлона. Однако и Свет, и Тьма, и Дионис, и Аполлон являются субъектами равновесия, и благи, только когда находятся в равновесии. В нарушенном равновесии — любая субстанция переходит в клипот.

Следует отметить, что телемитская концепция равновесия является динамической и чужда статической восточной концепции нирваны. Следовательно, когда в системе происходит «перекося» в ту или другую сторону, законы динамического равновесия требуют выкручивания в противоположную сторону. В настоящее время идет серьезный перекося в «светлую» и «аполлоническую» сторону, поэтому в настоящий момент мне приходится повернуться немного левее, (хотя какие-то два года назад я, наоборот, «жал резко вправо»). Это не противоречие и не отречение от старых позиций — это лишь следование закону динамического равновесия в связи с изменившимися условиями, которого я как последовательный нейтрал придерживаюсь.

10) Телема, является религией в том изначальном смысле, который закладывался в слово «религия»: «связь», «спряжение». Ту же этимологию имеют слова «символ» и «йога». Телемитские ритуалы служат одной цели — установлению связи между практикующим и его высшим гением — функция, которую в прошлом зоне брали на себя религиозные институты, а в новом зоне — каждый должен сам устанавливать свою связь посредством практики.

Отдельно следует сказать о магии, направленной на достижение практических результатов. Если сравнивать то, что Кроули делал (те же «Парижские работы», которые, при всей их гомосексуальной провокативности, имели вполне меркантильный интерес — получить бабла), и то, что он писал («О тауматургии» — любая магия, ненаправленная на духовную цель, достижение САХ является черной магией), — следует найти среднее арифметическое: прикладная магия допустима, но она не должна помещаться во главу угла, и практиковать её может только тот, у кого открыт сердечный центр. Из того, что Телема является религией, следует, что всякий, прямо или косвенно отрицающий таинство Гностической мессы, не может считаться телемитом.

11) Телема является традицией свободы, а значит, настоящий телемит сам налагает на себя те ограничения, которые требует его Великая Работа. Есть цепи, ведущие к рабству, и цепи, ведущие к свободе, но последние — налагает на себя только сам человек. Любые попытки извне наложить ограничения, за исключением отношений учителя и ученика на время ученичества (причем природа и граница этих ограничений предварительно проговаривается), являются грехом.

Хороший текст. Если не знать, какие бури эмоций за ним стоят, воспринимается как набор идей, быть может, местами излишне категоричных. Большинство тезисов — ответ по всем позициям, в которых меня атаковал Хирам. Но пятый пункт — нападение на Марсия, личный выпад, внутренняя полемика против недавно сказанных слов. Вызов. И еще больший вызов — заголовок.

Да, дело собственно не в самом тексте. Самое главное — не текст, не слова, не противопоставление. Самое главное — заголовок. Это знал я, и тем более знала Элли. И конечно, знал Марсий. Пожалуй, больше никто и не понял, почему из-за, в общем, чисто полемических тезисов Марсий фактически заявил о моем исключении из ложи.

Кому-то реакция Марсия показалась несправедливой, эмоциональной, жесткой. Я хорошо помню письма некоторых братьев, обещавших «поговорить», не понимавших «что произошло», — он же никогда не был так несправедлив и деспотичен. Но я-то понимал, что произошло на самом деле. Образованный человек поймет всю силу игры, а единственным по-настоящему образованным человеком, чувствующим все намеки, конечно, был он.

И сейчас, оглядываясь на развернувшееся противостояние, я понимаю одно. Сколь филигранно, точно, выверенно, изящно реальность обыгрывает клятвы, которые посвященный приносит в момент инициации. Ибо ошиблась даже сестренка Дью, и речь шла не только об Айрум. В жертву надо было принести все что было моим Миром без исключения.

И — после столкновения, когда информация стала расплываться вовне, порой казалось, что сам воздух стал стеклянным. Все ждали. Ждали братья, ждали мои новые соратники, ждали враги. В узком кругу я, конечно, пел соловьем, что «орден пал и сосуд пробит». Но то в узком кругу. Вовне не происходило ничего.

Все ожидали повторения тех же сценариев. Сначала — Дмитрий, потом Женя Руцкий. Ждали клеветы. Лжи. Воссоединения с врагами. Объявления о создании своего, касталийского ОТО. Руцкий написал мне письмо, на которое я ответил сдержанно-насторожено, дав понять, что больше врагом я его не считаю, но и какого-то повода для соединения и сотрудничества не вижу. Чуть позже Каин будет пытаться давить чтобы это воссоединение произошло, чем я сопротивлялся.

И дело не в том, что я ждал примирения. До меня все конфликты, наблюдаемые между Марсием и кем либо, не имели обратного хода, и надеяться стать исключением поводов не было. Последующее примирение было воспринято как чудо всеми, кто об этом узнал и прежде всего для меня.

О создании своего ордена я задумывался, но делать копию, эпигона вслед за многими эпигонами — это не уважать себя, а Мартиэль с самого начала дала запрет на переложение Серебряной Нити в регулярный орденский формат. Что же до сотрудничества с врагами ОТО, я решительно не понимал, зачем мне входить в одно пространство с людьми скандальными, грубыми, пользующимися самыми подлыми и лживыми приемами. Зачем городу — серые?

Не нужно быть гением политики, чтобы понимать — такой союз в итоге будет стоить себе дороже. Правда, в наш клуб приходил один человек, который был как-то связан с группой Руцкого, но это не имело значения: пока он не пытался повлиять на политику клуба, исключать его повода не было, как и как-то особо приближать.

Что же потом? Через какой-то месяц птички на хвосте принесли неожиданную новость: Хирам вылетел из Ордена. Тут есть разница, ибо я-то был исключен только из ложи. Из ложи можно выйти, войти снова, выйти опять, и если братьев не задолбает это «входит и выходит» — войти в третий раз.

Но исключение из Ордена — фатально и не дает шанса на восстановление. Причины известны мне только в общих деталях. Вроде бы он начал пытаться давить на Марсия, одновременно плетя интриги за его спиной. Серый оловянный солдатик таки попытался стать генералом и поверил во всемогущество семидесяти двух демонов. Серая бескрылая птичка слишком высоко взлетела. Черт возьми, я мог ожидать, что такое произойдет потом, но всего через месяц после моего изгнания? Думаю, Лилит навела на него хороший морок иллюзии.

А уж Хирам-то после изгнания не заставил себя ждать. Практически сразу со страниц его сайта в адрес ОТО полился набор все той же, уже давно навязшей в зубах клеветы. Правда, в отличие от клеветы Руцкого — к этому добавлялась еще одна неприятная деталь. Обвинение Ордена с позиции ортодоксальной, «светлой» магии и истинного христианства, чьи догматы вечны и неизменны. Ох, Петр, ты не меняешься.

Для Ордена это стало надломом. Хирам с его работоспособностью, заполнил все информационное пространство интернета клеветой, заполнил собой все форумы, и даже статья о Телеме на Википедии, была написана его серой рукой.

А для меня его уход оказался триумфом. И даже несмотря на то, что я все еще не рассчитывал на примирение, я был рад за Орден. Будучи самым непримиримым, самым активным, самым злобствующим внешним врагом Ордена, транслирующим на каждом углу, насколько ужасная и страшная это тоталитарная секта, Хирам не может принести и сотой доли того вреда, который он наносил изнутри, превращая живое в мертвое, сияющее в серое. Бокал Бабалон остался в достойных руках, пусть даже и без меня. Серая рука таки выпустила из своих пальцев Чашу. Надолго ли? И кто придет потом? Эти вопросы для нас останутся без ответа.

А еще через некоторое время, пройдя немалый путь, совершенно неожиданно мы помирились Марсием. История этого примирения будет в следующей части, сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что иначе быть не могло. Потому что у каждого из нас — своя роль и своя маска. А для Мастер-Мага вся жизнь становится мистерией. И когда «Касталия» была в двух шагах от распада, когда, казалось бы, идти на мир со мной не было смысла, Марсий сам сделал шаг, предложил сотрудничество и даже пошел на важнейший компромисс, тем самым действительно давая понять, что все в прошлом. Сдается мне, что именно наше примирение помогло мне удержать ось, когда казалось, что «Касталия» обречена на распад.

Было бы красиво сказать, что после разрыва я тут же отпустил свою обиду и полностью занялся делами своего проекта. Но — перед твоим Ликом, Хозяйка Лилит, и пред Твоим, Люцифер Светоносный, я не могу позволить себе лгать. Правда в том, что я хотел нанести удар. Одна беда — за все десять лет, проведенных бок о бок с братом Марсием, у меня не было ни одного настоящего козыря, аргумента, используя который я мог остаться чистым перед Богами и воздержаться от лжи. Ибо Люцифер и Лилит ненавидят ложь и всякая ложь разрушает связь с ними. Все что я привел — это тот самый разговор о морковке вверх ногами, и написал весьма неудачный но риторически яркий текст «Алмазный мой Кетер». Текст всплыл в сети через некоторое время, но уже не имел ни силы ни смысла.

В завершение первой части я хочу предложить читателю поразмыслить над парадоксом. Я проигрывал почти все сражения. Во всех битвах, конфликтах, противостояниях мне приходилось отступать, подстраиваться, маскироваться, кое-где даже откровенно спасаться бегством. Я умудрялся попасться во все мыслимые ловушки, сделать все возможные ошибки, собрать своей тушей все стрелы, в меня летящие. Не сомневаюсь, что многие читатели, читая эту книгу, решат что я полный идиот, напроць лишенный навыков войны.

Не споря и не доказывая, отмечу, что при этом, каким-то непостижимым образом, проигрывая все сражения, я умудрялся выигрывать войну. Как будто в какой-то момент ситуация резко переворачивалась. И когда с очередного дна кто-то стучался снизу, выяснялось, что там не дно, а небо нижней бездны, соединенной с верхней. И неизменно я прыгал в эту бездну и оказывался в полете. Верх становится низом а низ верхом — подъем, переворот.

В Орден я пришел полным неудачником, у которого не было ничего. Я использовал магию так, как ее нельзя использовать ни в коем случае, и это, казалось, должно было уничтожить меня окончательно, настолько, что в определенные моменты рядом был сам Сет. Но — подъем, переворот, и я уже — второе после Цезаря лицо в Ордене, секретарь, автор книг, ведущий крупного интернет-проекта, муж прекрасной женщины, да и с работой все решилось.

А потом опять сценарий повторяется: приходит Серый, я проигрываю ему рубеж за рубежом, проигрываю настолько, что сам Марсий, несмотря на дружескую симпатию такого уровня, что порой мне казалось, что я — его магическое дитя, вдруг посылает недвусмысленный сигнал, после которого вроде бы не остается другого пути, кроме разрыва. По самому главному. По святости свободы сексуальности. По вере в Бабалон.

Поэтому — разрыв. Проект, который надо создавать из ничего. Формально — чистая победа Хирамовских семидесяти двух демонов: он попросил изгнать — они выполнили. Flawless victory, как говорили в «Mortal Kombat».

И опять та же ситуация. Уйдя, я создаю проект, который становится Городом Азазеля. Издание, новый круг, книги, слова, лекции, реальная свобода и реальное служение. А главное — в Орден я в итоге возвращаюсь. А тот, кто торжествовал победу, падает через месяц и шаг за шагом теряет все, пока, наконец, не создает себе откровенно отможенную тоталитарную секту, где указывает ученикам, какую музыку слушать, — и которая в результате тоже разрушается. Подъем, переворот.

А в третьей части эта же история повторится опять. Черное зеркало, будь оно неладно, падение, нелепые ритуалы, бессильное жертвоприношение, потеря лица, кажется, что Черное зеркало я уж точно не переживу. И снова — вираж, переворот, история заканчивается тем, что я добиваюсь того, чего не добивался ни один из русскоязычных телемитов (ну, может быть, Марсий, но он в этом отношении неразговорчив). Настоящего знания и собеседования САХ. Обретения Оси. И тот же самый процесс, но на неизмеримо более высоком уровне, разворачивается и в четвертой части.

Я, правда, не понимаю до конца. Я могу только предполагать, фантазировать, воображать. Да и надо ли понимать, на самом-то деле? Не понимать, а благодарить, благодарить возлюбленных богов — Люцифера, Лилит, Азазеля, Нахему — надо мне на моем пути.

И всегда остается вопрос: а хватит ли благодати на последнюю схватку? Скольких еще успею зажечь, скольким помогу отключиться от матрицы, превращающей наше воображение в батарейки для своих нужд? Смогу ли пройти до конца, не оступившись? Не знаю. Сейчас, после договора Источника, я думаю, что достиг Хесед. Но пройду ли я последнее испытание — бездну? Взойду ли на единственную гору, заслуживающую быть покоренной, — гору Хермон, с которой когда-то Наши начали свой путь несения искр свободы, наслаждения и гнозиса?

Это всего лишь миф, — скажет скептик. Ты прав, — с улыбкой отвечу ему я, — все есть миф, все, кроме времени и смерти. Но мне нравится мой миф, в моем мифе я — жив и танцую свой танец для живых. А в каких мифах живешь ты, мой дорогой друг, есть ли в твоих мифах хоть немного того огня танцующей звезды, что несу я через эту жизнь?

Часть II

Дорога Люцифера (Росток)

Мир Йецира

*...А вторая приведет к стене,
что назовется — истиной...
Мистардэн. Белая дорога*

Глава 1. Преамбула

*Мы дети Луны.
Мы родились в сияющем свете Люцифера.
Когда Луна опускает глаз ночи,
Мы видим в нем Богиню...
И самих себя.*

Майкл Форд

Первая часть тетралогии была посвящена Лилит. От посвящения до Армалена. От первого шага в никуда до последнего в пустоту, от мистерии к мистерии, от чуда к чуду. На этом пути нужно только одно — любить Богиню превыше самого себя.

Впервые Лилит постучалась в мою жизнь, когда мне было пятнадцать. Мы стояли с моим единственным на тот момент другом и болтали о всяких пустяках, как вдруг к нам

подошла изрядно выпившая женщина лет тридцати трех. «Ох, не приставайте к пьяной даме, ведь бедолага в пополаме, и для нее трагично все вокруг». Для этой дамы приведенные строки были особенно актуальны, ибо в этот вечерний час она ждала мужа от любовницы и, видимо, очень хотела выговориться хотя бы перед ничем не понимающими мальчишками.

Друг ретировался, как только дама заговорила, а я остался, лелея надежды юности, коим, конечно, не суждено было сбыться, и через полчаса мало связных излияний дама отослала меня домой. Правда, за эти полчаса произошло нечто действительно важное. Она упомянула настоящую Литературу. Альбера Камю и его «Падение», в котором, по мнению барышни, содержалась «вся боль и вся правда мира».

Книга эта попала мне на глаза совершенно случайно — на развале среди старой посуды какой-то обедневшей бабули, и даже у меня в пятнадцать лет хватило денег, чтобы ее купить.

Я убежден, что прочтение этой книги, разделило мою жизнь на «до» и «после». До — слепая воля к жизни, перемежающаяся вспышками бессмысленного вандализма вроде поджогов шин в подвалах и подъездах. После — моя первая настоящая любовь, которой я оставался верен до конца. Любовь к слову, мысли, культуре, литературе.

Что было по-настоящему сокрушительно для пятнадцатилетнего юноши, читающего роман, явно не предназначенный для пятнадцатилетних? Почему прочтение Камю подтолкнуло желание искать и читать ему подобных, постоянно расширяя свой горизонт познаний, пока, наконец, я не смог оторваться по полной, добравшись до библиотеки брата Марсия? Я вдруг увидел, что, вопреки созданной иллюзии, пространство мысли, пространство литературы не принадлежит полностью ненавидимым всем сердцем Им. Системе. Механизму, работающему, подобно помпилианскому космическому кораблю, на энергии заклеимленных рабов. Школе, в которой нас по определению учат, что есть некий один-единственный способ читать поэзию, прозу, музыку, что есть некий единый для всех авторский замысел, который нужно понять. Абсурдность сего тезиса не раз опровергалось двойками, получаемыми за сочинение по книге писателя, оказавшегося, по иронии судьбы, другом семьи и лично объяснившего ученикам, что он хотел сказать. Учительница, конечно, знает лучше.

А у Камю я увидел те самые чувства, которые переполняли меня до краев, чувства, для которых до сих пор у меня даже не существовало слов и которые выражались в актах бессмысленного разрушения. Ярость. Чуждость. Жажда свободы от тотального безличного конвейера и презрение к винтикам этого конвейера. О, как же прекрасно Альбер Камю передал эти чувства и образы! Я понял, что литература, культура — это не то, что всегда «за», но наоборот — то, что изначально в своем смыслообразующем порыве говорит радикальное «нет» гомеостатической вселенной. Я увидел литературу как первую форму Воли к свободе. И чертовски символично, что к этому первому ключу меня привела пьяная дама, которую пятнадцатилетний подросток тщетно мечтал уложить в постель. Литература как воля к свободе, как вызов, как утверждение своего бытия перед тотальной безличностью — вот был первый урок.

Вторым уроком стало открытие психологии. Психология казалась мне чем-то вроде двойного агента — с одной стороны, она стремится освободить индивида от обусловленности семейными программами и сценариями, с другой — постоянно возвращает в некий «принцип нормальности», который, в сущности, и был теми же самыми шаблонами, только несколько более широкими. После некоторых поисков и метаний от психолога к психологу, получив первый опыт полноценной проработки неврозов и пробуждения Кундалини, я остановился на психологии Юнга — как на наименее репрессивной системе координат, обращенной, как писал сам Карл Юнг, прежде всего к одаренной личности, которой тесно в границах навязываемых норм. Впрочем, какие границы мы можем определить как навязываемые, а в каких не рискуем даже усомниться — это тоже вопрос, требующий рефлексии не на одну статью. Я писал

уже не одну подробную и логичную статью, в которой подробно разъяснял, почему именно эта психологическая карта оказалась мне ближе всех, но главный секрет в том, что именно у Юнга я чувствовал максимальную удаленность и максимальную свободу от навязываемой системой клетки смыслов. Юнг как будто позволял нарисовать карту души, которая бы простиралась далеко вниз и далеко вверх, в те области, куда обычно психология предпочитает не заглядывать. Поэтому Юнг был больше чем психолог: он и его система расширились до границ всей человеческой культуры, ибо чем порождена вся человеческая культура, как не душой человека, которую, по идее, и должна изучать психология, если мы хотя бы отчасти способны принимать всерьез устаревшие этимологии, согласно которым психэ — это душа.

И наконец, третьим ключом был оккультизм. К этому ключу мне пришлось идти дольше всего, ведь в оккультизме, особенно в провинциальной эзотерике и оккультизме, сами представители этих мировоззрений являются лучшим примером антирекламы для оккультного пространства. Как вы помните, ключом к отношению с оккультизмом для меня стал Алистер Кроули, чьи тексты просто красиво вибрируют, черт возьми, — в отличие от множества тяжеловесных и пафосных предшественников и поверхностных, сводящих всю вселенную духа к пошлым хотелкам конкретных результатов здесь и сейчас, последователей.

Три ключа. Три портрета. Три символа, которые значили для меня нечто неизмеримо большее, чем пространство их наследия. Мир культуры для меня представлял Герман Гессе, который в каждом произведении обрушивался на христианский дуализм плоти и духа, превращая свои грандиозные произведения в некую особую форму новой исповеди. Мир психологии — Юнг и, наконец, мир оккультизма — сэр Алистер Кроули. А почему не Камю? Повзрослев, я сохранил восхищение и уважение к его бунтарской нотке, но его однозначный материализм и атеизм кажется мне слишком поверхностным. Атеизм экзистенциалистов прекрасен, если повернут как оружие против замшелых ортодоксальных религий догмы и подчинения, но сводить всю вселенную духа к сказке, рассказанной идиотом, — это как-то слишком скучно.

Сейчас «Касталия» — самый крупный и самый странный из существующих эзотерических проектов. Мы издали больше двухсот книг, организовали сеть лекций и семинаров представителей самых разных традиций, провели множество концертов, когда в одном клубе собирались самобытные поэты и музыканты, каждый — со своей вселенной музыки и поэзии. Как вообще могло произойти так, что за десять лет из небольшой компании, собиравшейся в квартире, похожей на что угодно, только не на квартиру интеллектуального клуба, мы создали пространство, где представители разных мировоззрений могли сказать свое слово. Все те, кто горит своей идеей, все те, в ком есть внутренний огонь. Секрет — в трех правильно подобранных ключах, которые были даны на разных этапах.

Как и восемнадцать лет назад, визитной карточкой нашего сайта являются три портрета. Юнг, Кроули, Гессе. Они были, есть и будут, хотя, конечно же, психология не ограничена только Юнгом, оккультизм только Кроули, и тем более литература не ограничивается только Гессе. Просто для меня эти трое оказались в центре здания, которое я начал выстраивать, прочитав свою первую книгу. Мой Город.

В свое время и я пытался писать художественную прозу. Но как показал опыт, в качестве мыслителя, эссеиста я могу быть более интересен людям, близким мне по духу, нежели в качестве прозаика, а мой самый интересный перфоманс — это вся моя жизнь, которую я постарался запечатлеть в этой книге.

Глядя на главную страницу нашего сайта, вы увидите рядом с портретами Юнга, Кроули и Гессе картину. «Ангел и женщина», картина Елены, любовником которой я имел честь быть несколько месяцев. И, ангел меня дери, мой выбор картины определили отнюдь не сентиментальные воспоминания.

Сперва, еще двадцатилетним юношей, я подолгу застывал у ее картины, любуясь каждым движением кисти. Абсолютное большинство работ Елены оставляли меня равнодушным, но эта (и еще одна, которая навсегда останется в тени) буквально приковывала мой взгляд. Женщина, так похожая на саму художницу, с кокетливой улыбкой собираясь соблазнить ангела, пьет из кружки цвета ангельских крыльев, в то время как сам ангел пьет свой чай из кружки цвета одеяния прекрасной дамы — цвета небесной синевы Ньюит.

Для меня отношения с этой картиной складывались в несколько этапов. Вначале я, как внимательный юнгианец, просто видел в ней символ соединения противоположностей. Небо и земля, дух и материя, логос и эрос, мысль и страсть и, конечно, — свет и тьма. Этой картиной я как бы говорил случайному читателю, оказавшемуся на моем сайте: здесь не место маломыслящим и малострастным. Меня всегда изрядно раздражало, что, с одной стороны, большинство «мыслящих и читающих» пребывают в каком-то чисто сублимированном мире, который способен убить один полноценный оргазм, а те, кто живет наслаждением, лишены вкуса к наслаждению мыслью и образом. То, что для всех было противоположностями, для меня и, пожалуй, из известных мне на тот момент людей — только для Лены, сотворившей эту картину, было двумя сторонами одной медали или, если угодно, двумя крыльями одного ангела.

Через семнадцать лет после того как я выпустил этот сайт на просторы сети, я понял, насколько этот образ был не просто безличным символом соединения противоположностей, но в предельно ёмкой форме выражал саму суть моего мифа, моей экзистенции, моего гнозиса, моего САХ и Патрона, имя которому — Азазель. И собрались Ангелы на горе Хермон, и решили — низойдем же с небес и возьмем в жены дочерей человеческих, дабы родились сильные, издревле славные люди. Люди, которых те же самые ангелы учили как искусству наслаждения и красоты, так и искусству ковать железо и рассчитывать сезоны, необходимые для точного посева и сбора урожая. Вновь дух и плоть, но до чего же близким и страшно родным был и останется до самой смерти для меня этот корневой миф. Миф, который мне еще только предстояло открыть в полной мере.

Последнее, что увидит внимательный гость нашего сайта, — это символ двух бездн. Этот символ пришел гораздо позже, нежели сайт вышел в свободное плавание. Этот символ был подарен мне моим учителем, когда, среди множества нелепых и не относящихся к делу вопросов и просьб, я однажды попросил ее: подари мне настоящий, живой графический символ. Стоило мне увидеть этот символ, как мой дух захватило: он представлял собой ровно ту же самую идею, что первая идея картины — два мира, две бездны, две противоположности, которые равномерны и равновесны, а между ними — равносторонний крест распятия, где встречаются противоположные потоки, своим напряженным течением, через кризис рождающие индивидуальность, что имеет свою опору не во внешних ценностях, но в истоке своей сокровенной сущности.

Пожалуй, таков исчерпывающий рассказ о «лице» сайта, ставшего выражением моей души и делом всей моей жизни. Да, там есть еще три слова: Юнгианство, Окультизм, Трансгрессия, — но тут, полагаю, все понятно без лишних пояснений и, в отличие от всего предыдущего, этими надписями при необходимости можно пожертвовать — портреты и символы говорят все лучше всяких надписей.

Когда впервые «родился» сайт? Кажется, это был все тот же 2002 год, с которого началось повествование первой части. Просто один из магов нашей компании, тот самый, который впоследствии неожиданно для всех примет Телему, был, ко всему прочему, чертовски неплохим компьютерщиком. А одним из своих важных достоинств я до сих пор считаю способность просить, если я что-то не могу сделать сам. Люди всегда удивляли меня запечатанностью в своей гордыне и страхе оказаться «меньше» кого-то, попросив у этого кого-то что-то, что они не могут сделать сами. Старый компьютерщик,

видя мое восхищение многообразием его талантов и энтузиазм от самой мысли о своем проекте, согласился помочь.

Сперва сайт представлял собой не более чем аналог личной страницы, куда я выкладывал статьи, которые казались мне интересными, и сканы книг, которыми мне очень хотелось поделиться. Потратить два дня на сканирование «Юлиана Отступника» Мережковского, чтобы через неделю обнаружить, что он и так выложен в сети, — на это был способен только я.

Потом сайт прирос форумом. Пожалуй, именно ведение форума стало для меня первой формой полноценной работы с информацией в поле реальных людей и способностью направлять и организовывать потоки смыслов. Привлекая нужное, отсекая ненужное. Я наслаждался написанием отзывов на каждый увиденный фильм, каждую прочитанную книгу, каждый предложенный на анализ сон, позволявший мне совершенно бесплатно совершенствоваться в навыке понимания законов, по которым живет и дышит сновидческая душа. Анализ снов — это наука, имеющая свои законы, но порой мне удавалось выйти на какой-то иной уровень души. Например, один сновидец сказал, что ему приснились черепашки-ниндзя, которых, как вы понимаете, невозможно проанализировать, используя какой-либо из существующих словарей символов. Я вспомнил, что в далеком отрочестве меня поразила книга «Черепашки-ниндзя и Чародей Зеленого Острова», которая на самом деле оказалась калькой с взрослых абсурдистских романов Дюрренматта, где вместо героев были механически подставлены черепашки-ниндзя. Интересные вещи попадались в славные девяностые. И тут выяснилось, что сновидец тоже читал эту книгу и она тоже его поразила, и именно это и было ключом к его сновидению. Конечно, такие попадания случались нечасто, и во многих случаях все, что мне оставалось, — это признать, что данный сон я просто не могу понять и осмыслить. Не бояться признаваться в своих ограничениях — важнейшее условие для создания доброжелательного и доверительного пространства, где собеседники тоже перестанут носить маски и позволят себе быть собой.

Сейчас, когда «Касталия» достигла вершин, о которых тогда мы не могли даже мечтать, порой я жалею, что у меня не осталось ни времени, ни энергии на подобные практики. Зачем писать одному анализ его сна, если можно написать текст, который прочтут несколько сотен человек? Эффективность — да. Из двадцати присылаемых мне снов я могу позволить себе проанализировать хорошо если один, особенно зацепивший. Это упущение, которое я все же надеюсь со временем восполнить, ибо не может быть «Касталии» без глубокого, искреннего, личного постижения мира своих снов.

А потом произошло маленькое чудо. И к нам в проект почти сразу пришли двое, которым было суждено стать оплотом нашего проекта на долгие годы. Иван Ерзин и Юлия, Черная Королева. Первые пассионарии, первые огни, первые, кто заложил основу главной идеи проекта — переводы, выкладывание и издание эксклюзивных текстов.

Иван был самым первым. И сперва он просто делал переводы заинтересовавших его статей, которыми особенно хотелось поделиться. Я остро и мучительно осознавал, насколько же в русскоязычном пространстве ничтожно мало информации о пространствах души, духа, символа, которыми так полно могли насладиться мы — первые, еще виртуальные касталийцы. Статья за статьей — а почему бы не перевести целую книгу? Что наиболее важно и интересно из всего юнгианского наследия? — подумали мы. Конечно, недавно обнародованная «Красная книга», которую взял на себя Иван, и Стефан Хеллер, о котором я недавно так кстати узнал от Алекса Мома — одного из самых авторитетных исследователей гностицизма в современном русскоязычном пространстве и многолетнего друга Ордена.

Тогда же нам пришла мысль — а почему бы не помещать на сайт не только мои работы, но и работы других участников форума? Так много лет назад наметился вектор превращения «Касталии» из маленького личного сайта в полноценный информационный портал, коим он и поныне является, пройдя огонь, воду и медные трубы.

Глава 2. Молодые боги едят курицу в шоколаде

*Сколько струн у лютни, столько дорог,
Мне хотя б одну успеть бы пройти.
Звезды за спиной звенят серебром.
Пожелай мне, ночь, доброго пути!
Martyel. Песня отступника*

Поезд Москва — Санкт-Петербург, двигался вперед, мерно отстукивая колесами свою неизменную дорожную песню. Дорога. Как смысл смыслов, как цель без цели, как постоянное движение, единственной целью которой было и остается простое расширение горизонта. Впрочем, если посмотреть на нас из космоса, то не слишком велика разница, лежишь ты на кровати дома или летишь куда-либо на поезде или самолете.

На этот раз нас было двое. Я и мой первый настоящий ученик, точнее — ученица с воистину магическим именем Иуда. Мне крайне льстило, что в качестве моего первого ученика, которого я должен вести, не оглядываясь ни на чьи авторитеты, оказалась взявшая это имя. Пространство, обладая чувством юмора, явно выказывало мне некоторые формы поддержки: у меня уже появился ученик Иуда и очень скоро появится брат мой Каин.

Сколько часов отделяло меня от моего Армалена? Не помню. Простите покорнейше, память на точные даты всегда хромает. Но, по моим внутренним часам, есть точное ощущение, что времени прошло совсем немного.

В Питер мы ехали, конечно же, не просто так, а с важнейшей миссией. Мне нужно было представить первого человека нашего потока нашему Мастеру. Мартиэль. Дорога всегда приводила меня в состояние особого воодушевления, и мы с Иудушкой вдохновенно болтали о насущном. А что для нас было насущно? Ну понятно — запуск проекта, противостояние с Хирамом, масоны, тамплиеры, Винни-Пухи и все-все-все. Ну, вы понимаете.

Внезапно, уже на подъезде к вокзалу, когда оставалось каких-то пять-семь километров, поезд остановился. Вначале это не слишком беспокоило, но поезд стоял час, два, три... В этом году снежные заносы были чудовищны и на подъезде к станции назначения достигли такого уровня, что поезд просто не мог двигаться. Это уже стало нервировать — в конце концов, а если я опоздаю на лекцию, которую обещал читать в свежееоткрывшемся санкт-петербургском отделении «Касталии»? Опоздание — позор, потеря лица. Да и, черт возьми, я-то думал заскочить к Солу и сделать обязательный утренний ритуал Звездного рубина у него на кухне, а складывалось так, что я мог попасть к нему только вечером. Умиротворение сменилось раздражением. Ко всему прочему, одна из моих соседок по плацкарту позвонила кому-то, кто встречал ее на вокзале, и выяснила, что стоят вообще все поезда, и еще часа три мы точно простоим.

На этом я дал волю чувствам и на выдохе выпалил Иудушке всего одну фразу: «Да заебало все это меня, пойду Рубинчик сделаю!» Собственно, смысл фразы был очень простой — меня достало, что мы опаздываем, и мне придется делать Рубин в условиях пассажирского тамбура, раз нет Соловской кухни, и, надеюсь, меня не свинтят менты в процессе его выполнения. Никаких других смыслов в эти слова я и не думал закладывать.

Когда, сделав свое дело, я вернулся в наш отсек, в ту же секунду поезд тронулся. «Уфф, ну слава богам!» — с удовольствием откинулся я на своей полке.

Внезапно на нас посмотрела бабушка, ехавшая с нами по соседству. Бабушка — это очень редкий тип, который вообще, по моему ощущению, встречается только в Питере.

Настоящая питерская бабушка, которая наверняка провела свою молодость в каком-нибудь НИИ, слушая Окуджаву и Визбора, а сейчас, отойдя от активной жизни по возрасту, с интересом открытыми глазами наблюдает за жизнью нового поколения. К сожалению, бабушки как вид в России практически занесены в красную книгу и вытесняются отовсюду своим прямым биологическим конкурентом — старухами, злобными тварями, ищущими, к чему бы придраться, что осудить и кого облаять. Питер является своего рода заповедником, где вид «бабушки» еще не полностью вытеснен конкурирующим биологическим видом. Так вот, эта бабушка открытыми, весьма любопытствующими глазами смотрит на нас и громко обращается соседке, которая звонила встречающим: «Ух ты, дорогие мои попутчики, а ведь с нами едут очень необычные молодые ребята!» После чего в лоб спрашивает уже нас: «Вы кто, друзья, — не молодые боги, случайно?»

Сказать, что этот миг для нас был мигом величайшей экзальтации и вознесения, значит не сказать ничего. Молодые Боги! Даже не маги, не колдуны какие-нибудь, что можно было бы подумать. Питерская бабулька титуловала нас совершенно новым титулом.

А теперь представьте на секунду картину реальности глазами этой бабушки, внимательно нас слушавшей. Некие молодые люди говорят о каких-то вещах, которые ей, интеллигентной и образованной бабушке с несколькими высшими образованиями и огромным жизненным опытом, вообще непонятны. В разговоре мелькают какие-то тамплиеры, темные, серые, масоны (которые хорошие, но доверчивые и глупые как дети — по одной из фраз Иуды, узнавшей, что Хирам ушел к масонам). Потом, услышав, что поезд будет стоять еще три часа, один из них матерится и идет в тамбур сделать какой-то «рубинчик». Сделать рубинчик — это как? Непонятно. Но почему-то, когда «рубинчик» сделан и молодой человек говорит «уф-ф», откинувшись на лежанке, поезд, вопреки всем прогнозам, трогается. Не иначе как молодые боги.

Знаки такого уровня — это знаки высочайшей важности. Мы были приняты. Как будто поезд, бабушка, снежный занос, который по непонятной причине испарился раньше времени, или оператор просто что-то напутал, — все это говорило о совершенно другом статусе и совершенно других правилах игры. Я называю это «от Лилит к Люциферу». Конечно, тогда я ничего не понимал, не соотносил, не связывал события воедино, просто ликуя от каждого знака на дороге, каждого синхрона, каждой весточки, подтверждавшей мое право на... И это по-настоящему окрыляло. Правда, здесь возникает главный вопрос. А какая, собственно, проверка и на что право? По-настоящему, логику происходящего можно оценить, только находясь на некоторой дистанции во времени. Поэтому, господа, прошу простить мне мои большие философско-эзотерические отступления, без них вообще невозможно понять, что же произошло.

Есть путь Лилит. Путь истинной магии. Путь, который одновременно очень прост и невероятно, крайне сложен. Прост он по очевидной причине. Единственным условием, позволяющим двигаться по этому пути, является одно — ты любишь Лилит. Любишь ее всем сердцем, всей душой и всеми своими потрохами. В общем, никаких больше условий-то и нет. Просто твоя любовь к Лилит, подразумевает что каждую мысль, каждое действие, каждый выбор ты соотносишь прежде всего с Ней, а уже только потом с любыми соображениями, будь то здравый смысл, выгода, мораль (или антимораль — в молодости очаровывает, а потом понимаешь, что «сила ночи, сила дня» есть дедушка Пелевин). Потому что для тебя, как для любящего Лилит, определяющим становится желание быть красивым в Её взгляде. Цельным. Настоящим. Служить ей со всей полнотой отречения и страсти.

По моему опыту, любовь к Лилит — это особое сочетание бесконечного восторга и благодарности открытым пространствам этого мира со страстью и почитанием, выраженное в каждом мгновении, когда ты делишь ложе наслаждения с прекрасной

женщиной. Видеть за всеми женщинами и за единым ночным небом — Её и только Её — вот на первый взгляд нехитрая задача пути Лилит.

И, как говорится, «будет тебе счастье». Впрочем, стоп... А кто тебе тут счастье гарантировал? И что ты под счастьем подразумеваешь, это ведь разобраться надо. Тут же все очень тонко устроено — если ты любишь Лилит за цацки, которые она тебе может дать, то ты — не возлюбленный, а проститутка, причем совсем не сакральная, а самая что ни на есть обычная, и что с тобой будет в итоге — сполна описано в третьей главе Книги Закона. Если ты на самом тонком, самом неосознанном уровне вдруг начинаешь путать знаки пространства и, например, думать, что Лилит — это такая жена олигарха, которую надо ублажить по высшему классу, и она тебе за это особняк на Бали выдаст, — будь уверен, ублажить ты ее ублажишь, а в качестве кульминации любовной игры она откусит тебе голову. Ибо не любовная это игра. С другой стороны, если ты спутаешь любовь с зависимостью и покажешь ей, что, мол, матушка, я тупой телок, который зависим от тебя, только корми меня вовремя и по расписанию, я маленький и беспомощный, — она скажет: конечно, дорогой, — охолостит и отправит в загон.

Так что прав был апостол, мать его, Павел, что если ты говоришь языками человеческими и ангельскими, то ты медь звенящая и кимвал бряцающий. Уж можете мне поверить — боги умеют отличить золото, от самоварного золота, которое им подкидывают бесконечные хотелки адептов, чей единственный принцип бытия — «дай!».

С другой стороны, тот, для кого Путь Лилит это как воздух, которым он дышит, может прожить под ее черным крылом всю жизнь. И там, в конце пути, где абсолютное большинство людей смерть поджидает как уродливая старуха с косой, с лицом, изъеденным червями, через которую проходит, словно сквозь мясорубку, месиво душ, кричащее и содрогающееся от ужаса, жадности и ненависти, — того, кто шел путем Лилит, встретит Она. Мы привыкли видеть Лилит только как архетип идеальной любовницы, воплощения сексуального желания. Но у нее есть еще один, особый аспект. Смерть. Но очень особая смерть, если угодно, смерть бизнес-класса, для тех немногих, кто действительно был предан Ей при жизни, но не из страха или корысти, а только лишь из любви. Как сказал поэт: «Смерть придет, у нее будут твои глаза». Да, своим особым любимцам Лилит дает право знать месяц и год своей смерти. Так, чтобы спокойно, достойно привести свои дела в порядок и подготовиться к свиданию. Идущий путем Лилит может быть рядовым читателем, тайно выполняющим ритуалы, гимны и молитвы, чтобы почувствовать ее дыхание еще на миг, или известным мистиком и магом. Критерий только один — любовь.

Строго говоря, иных путей-то и нет на самом деле. Лилит называют разными именами, но тут важна не столько привязка к имени, сколько понимание сути: средневековые миннезингеры и индийские почитатели Кали — это очень по-разному декорированные адепты одного пути — пути Лилит. И по большому счету, ничего больше не требуется, это королевский путь.

И если это по-настоящему, то все вам будет. Ей — не жалко. Королевская жизнь, полная приключений, и королевская смерть в итоге. Но это возможно только в одном случае — если вы даже не надеетесь это получить. И хотите быть красивым перед ней.

А иногда Лилит устраивает проверки.

Всю историю первой части можно рассмотреть как историю одной такой глобальной проверки. Был такой несчастный я, который тем не менее считал себя счастливым, потому что изредка мог видеть Её знаки пути. Котенок в мазуте, чисто ли тебе котик, чисто ли тебе, черный? В какой-то момент Госпожа зубками вытащила этого котенка из мазута, вылизала если не добела, то до настоящей, живой шерстки, так что в итоге откормился хороший такой кот, на самом лучшем месте, у самой теплой батареи. Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец. Хэппи-энд — так, что ли, будет? Не, это все присказка, а сказка еще ой как впереди. Здесь у Лилит возникает вполне законный

вопрос: черный кот, а черный кот, а кого ты любишь больше всего на земле? Тебя, конечно. А за что ты меня любишь, за то, что от мазута отмыла да теплое место у батареи тебе приготовила? А если надо будет, за мной пойдешь? В грязь, холод, одиночество, в мокрый и голодный подвал? Пойду, конечно! А точно пойдешь или это просто твое очень мартовское мяу? Точно, конечно! Окей, дороги открыты, прощайся с людьми, которые кормили и поили, батареей, миской гарантированной. За мою истину иди, без надежды и страха.

Настоящее чудо, что эту проверку я прошел и в эту пустоту и неизвестность шагнул, оставив позади всех, кто был моей жизнью. Её дело приказывать, а наше — следовать. Проверки на то и проверки, что всегда без гарантий. Мне повезло, я после проверки был практически полностью реабилитирован и преумножен, как Иов библейский. Тот хоть не того, кого надо, любил, но сам принцип понимал хорошо. А сколько смерть свою в проверках нашли, сколько под пули стали и осечки не было? Так что гарантий в человеческом смысле тут точно нет, но... Даже если проверки для кого-то кончаются смертью, это будет точно смерть бизнес-класса.

Ну а теперь-то точно сказке конец, а кто слушал — молодец. Шагнул, рискнул, вышел-шишел-мышел вон, мышел наловил, кошел в подвале тоже много, в отличие от четырех стен, да и теплые батареи не хуже квартирных. Теперь точно все?

Если бы! Потому что есть путь Лилит, а есть путь Люцифера. На путь Лилит ты сам встаешь, если ее любишь. На путь Люцифера выбирают.

На пути Лилит конфликта желаний, устремлений в принципе нет. Чего я хочу? Того, что хочет Лилит для меня. Даст радость — моя благодарность. Даст страдания — так ей виднее, мое, значит, дело алхимиком поработать, из этого страдания что-то сотворить: хоть стих, хоть рассказ, хоть картину, хоть историю красивую. Возгоняй и властвуй.

Но иногда из избранных Лилит Люцифер призывает на несколько иную роль. Роль Столпа, Ведущего или Лидера. Роль того, кто имеет право Желать. Нет, вы не поняли. Конечно, хотеть не вредно всем малым и великим, вредно не хотеть. Право желать означает, что, если пройдешь проверку на вшивость, тебя поставят там, где ты больше нужен. И если ты нужен как лидер, как ведущий — это будет означать движение на путь Люцифера.

Лидерство, власть... Все хотят власти. Все презирают власть. Все смеются над властью. Все заискивают перед властью. И при этом все и понятия не имеют, что такое власть в своей природе и зачем она дается, — причем, и не обладающие, и мнимо обладающие властью.

Настоящая власть, идущая от Истока, — это возможность вносить изменения в существующую реальность согласно своей природе и своей воле — как те, что подвластны твоему сознательному желанию, так и те, что, как круги по воде, вообще не связаны с тобой. И забудьте, пожалуйста, про добро и зло. Вот прочитал один бедолага мою книгу, решил сделать себе такую же татуировку — звезду Бабалон. Так ему педерастии захотелось. Когда он осознал, до чего дошел, чуть не суициднулся и в психушку попал, а мне потом ругательства писал: мол, как ваши игры магические доводят до смерти. А другой прочитал мою книгу и вспомнил про богов своего народа, забытых и покалеченных, стал восстанавливать связи с традицией, по деревням своего народа ездить, искать следы Кылчина да Акташ. Изменение? Изменение, конечно. И чем больше моя изменительная власть, тем больше таких изменений формируется вокруг меня.

Можно сказать, что после первой проверки Лилит приставляет к тебе своего рода джинна в одеждах официанта с некоторым кредитом желаний. Не тех, что мы заявляем на всю ивановскую. А тех, в которые течет наша энергия, которых алчет желудок, жаждет печень, вдыхает сердце. Желаний, за которыми есть реальная энергия.

Так это же вы теперь что — прямо в сказку попали? Что не желание — то исполнится? Однако какая же это сказка, если все твои желания исполняются? Где действие, где коллизия, где конфликт?

И вот тут-то все присказки заканчиваются, а сказка начинается. Потому что смотрит такой джинн-официант в сердце прошедшего, кого сейчас только на путь Люцифера позвали. Новоиспеченный молодой бог, честь имею служить, что кушать будете? И конечно, ни слов, ни заклинаний он слушать не будет, он будет слушать пульс, нервы, запрос, который излагается не степенным голосом вроде «ах, мне бы хотелось на Бали, лежа на пляже, читать Канта». Он слышит только те желания, что, задыхаясь от ярости, ты изрыгаешь из сердца, точно из адского атанора. Сильно, страстно. Отлично, будем выполнять. Только одно «но». Так чего же вы все-таки желаете?.. И из разогретого докрасна Армалена начинают изрыгаться пламена запросов. «Я хочу собрать круг умных и образованных людей и говорить об интересном». «Я хочу стать настоящим телемитом, который нарушит все запреты, поучаствует во всех оргиях и будет по-настоящему порочным, а не как эти». «Я хочу, чтобы обо мне узнали». «Я хочу создать пространство, где люди смогут не бояться раскрыться и быть собой». «Я хочу создать пространство, где будут самые умные люди из всех направлений и традиций». «Я хочу место, где смогу учить». «Я хочу места, где буду учиться». «Я хочу нарушить все человеческие законы, нарушить все правила, чтобы быть достойным сыном Кроули». «Я хочу превзойти Марсия». «Нет, я хочу вернуться в Орден». «Я хочу помочь людям». «Я хочу создать новый оккультный Орден, круче, чем ОТО». «Я хочу создать волну просвещенного оккультизма»

И где-то сквозь этот шум, в глубине, зреет зернышко правильного ответа: «Я хочу строить Город вместе с Ним и положить свой, пусть небольшой, кирпич в его храм». Город Азазеля.

Последний запрос — он настоящий, он живой, он и есть то, что Кроули называл Истинной Волей, в отличие от всей мешуры. Но Истинной Воле еще нужно прорасти, семечку понимания еще надо пустить корни. А для этого всем желаниям, которые находятся в ближайшем доступе, надо дать возможность проявиться, выплеснуться.

«Твою мать! — говорит джинн-официант. — И как мне это все сервировать?» «В одно блюдо, срочно, здесь, сейчас!» — кричит разогретое до состояния термоядерного реактора сердце, которому впервые — нет, не можно — нужно желать самому. Потому что это — путь Люцифера, и здесь совсем другие правила игры.

«Окей, — говорит джинн. — Дорогие Молодые Боги, кушать подано! Курица в шоколаде, приправленная кориандром, серой и ладаном по нашим самым лучшим рецептам!»

Глава 3. Сеятельница

*Когда в своих объятиях стальных
Меня ты стиснешь в пять часов утра,
Тебя приму не хуже остальных,
Приму, как избавление от ран...
Леонид Семаков. Со смертью на ты*

До Армалена оставались считанные дни, возможно недели. Но победа серого аватары была уже очевидна, и все силы я направил на организацию работы Клуба в реальном пространстве. Наши самые первые собрания организовала Майя — посвященная ОТО, мягко отошедшая от дел в ложе после временного триумфа Серого. Очаровательная женщина и талантливая скрипачка, Майя была немногословна на наших собраниях, но ее присутствие создавало неповторимый уют и действительно теплую атмосферу. А я наконец мог читать лекции обо всем, о чем давно хотел рассказать: Юнгианство, Литература, Музыка.

Странное дело, но стоило мне внутренне сдаться и понять, что все кончено и Серый окончательно победил, мой проект начал жить и дышать. В первый месяц нашего существования приходили самые важные люди. Яркие. Сильные. Творческие. Люди, которые хотели живого знания и живой магии. Люди, в которых была смелость, дерзость и желание заглянуть за черту.

Уже упомянутая Иуда. Антон, закончивший аспирантуру института религиоведения и посвятивший себя исследованию алхимии. Белый Волк. В появлении некоторых была настоящая мистика. Например, я хорошо помню, как утром я читаю

стихи Волошина о Люцифере, которому помогает человек, и вечером того же дня появляется Белый Волк, который называет себя люциферианином. Подобное притягивает подобное, закрученное в спираль поле немедленно формирует весьма серьезный круг.

Подтянулся и мой старый друг Савва — человек, чуждый любым иерархиям и правилам, но обожающий от души поспорить именно ради красоты спора. За его искусство я бы дал ему пожизненное право ходить на наши собрания бесплатно, да вот беда — этот старый хиппи большую часть времени мотается по разным хиппи-слетам с очередным томиком Хайдеггера в рюкзаке.

Дальше — больше. Антон делает нам роскошный подарок, пригласив к нам своего научного руководителя. А это уже серьезно, это профессор МГУ, это интеллигент, находясь в поле которого чувствуешь, как переходишь на более высокий уровень духа. Этот человек мог бы на равных беседовать даже с самой сорор Н, оставившей московскую ложу, сменив русские снега на теплый климат Америки.

Маховик раскручивается уже сам по себе. Профессор оказывается не просто гостем, он предлагает нам издать в бумаге наши первые, уже готовые, выложенные на сайт книги. Впрочем, тогда это были еще не книги, а небольшие сборники, альманахи, в которых печатались статьи членов нашего клуба и некоторые переводы.

А потом Майя уходит, точнее уезжает за границу, и вопрос о том, где собираться, все еще актуален. И помощь предлагает Асгет. Женщина с безупречными манерами, блестящей иронией и весьма серьезными магическими способностями. По стилю общения — светская львица. По магической идентичности — маг смерти.

Совершается первый ритуал. Самый невинный из возможных ритуалов, который мы хотели провести, дабы новорожденному проекту благоволила удача. Ритуал Юпитера. Кто-то привозит алтарь, кто-то ткань, кто-то покупает вино и благовония. Разбирайте роли, учите монологи. Если читатель внимательно помнит первую часть, именно этот ритуал был самым первым, к которому меня допустили в Ордене еще до посвящения, так что я мог на своем примере убедиться в действенности Орденской магии.

Роли разобраны, мантии надеты, свечи зажжены. Кажется, я даже уступил кому-то роль Юпитера: мол, не хочу, чтобы все воспринимали, будто мое лидерство лишает других возможности побыть главным жрецом. В общем, желание показать «либеральные стратегии». Грубая ошибка! Если ты держишь поток, ты должен быть жрецом в сакральном поле, и все, произошедшее потом, было результатом этого непонимания. Если вне ритуала ты всего лишь «первый среди равных», в ритуале ты должен быть первым. Иначе система обречена рухнуть — жаль, что я понял это слишком поздно.

И вот храм открыт. Поставлены сигилы, зажжены благовония. Мой первый ритуал в ОТО и мой первый ритуал в «Касталии». Вечное возвращение, чтоб его.

Кто читал ритуал, помнит — в ритуале четыре роли. Четыре — плюс любое количество участников. Юпитер в центре и на ободке колеса три фигуры. Сет, Германубис и Сфинкс. Соль, Сера и Ртуть. Нигредо, Альbedo и Рубедо. Тьма, свет и огонь. Три силы мироздания. И каждый из участников должен пропустить избранную им силу.

И в какой-то момент я оказался прикован взглядом к Асгет, которая была хозяйкой пространства и Сетом по роли. Я поймал ее взгляд и долго смотрел ей в глаза. В следующее мгновение я провалился во тьму...

Я потерял сознание. Очнулся оттого, что кто-то слегка хлопал меня по щекам, кто-то кричал: «Не прерывайтесь и не отвлекайтесь, его надо поднять и продолжать, ритуал должен продолжаться любой ценой!» Голова кружится и перед глазами темные пятна. Ах да. Алтарь. Все, что было на алтаре, аккуратно снесено по очевидной причине — я умудрился упасть аккуратно на алтарь.

Сознание возвращается, круг собирается, ритуал продолжается, ритуал завершается. Как говаривал Егорушка Летов — «все идет по плану». Ну а если что-то выпадает из плана, подправить — и опять на задуманную страницу.

«Эка невидаль — потерял сознание, — скажет искушенный маг-практик, — видимо, слабоват ты парень». И как всегда, я скажу то же самое: окей, допустим, я просто человек со слабыми нервами и лечу в обморок от своей слабости. Но, в этой жизни мне приходилось ставить над собой самые крайние эксперименты. Однажды, пытаясь призвать демона, я раскалил железный прут и поднес к руке, чтобы пожертвовать ему боли. Ожог сохранился до сих пор. В другой раз я использовал тройную дозу психоделиков. Еще я дал клятву Егорум и честно резал себе плечо за каждую осечку. Я проверял свою силу, голодая и не выходя из комнаты несколько дней, стремясь войти в максимальный транс. Я приносил в жертву животных, работал с разными магами и разными силами. Всю свою жизнь я пробую эту чертову границу. Насколько далеко я могу зайти? Но *никогда* — ни до, ни после этого события — я не терял сознания. Ни на ритуале, ни просто по жизни. Ни-ког-да! (Когда писались эти строки, правда, Йоль 2019 еще не наступил, но и там это было выключение буквально на тридцать секунд.)

И здесь, где никогда не было никаких химических средств, кровавых жертв, физических испытаний. Обычный, рядовой, невинный и ничего не значащий ритуал, церемония, форма. И единственная причина падения в обморок — это просто слишком долгий взгляд в глаза той, что играла роль Сета. Так кто же ты такая, дорогая Асгет, кто ты такая, не здесь, а там, под шелухой, в истинном обличье, что простого взгляда в твои глаза достаточно, чтобы потерять сознание?

А накануне у меня украли мантию Ордена. А всего через неделю произошел Армален. Надо ли говорить, что первое, что я сделал — это позвонил Мастеру. Мартиэль. «Что происходит, черт возьми?» Она рассмеялась и сказала: «Похоже, ты стал священной жертвой». И да — пустая руна Одина. Все, что происходит сейчас, определяют вечные и высшие силы, пока невозможно ничего ни понять, ни тем более изменить.

Сейчас, когда пишется эта книга, Асгет — враг. И враг серьезный. Некогда она пыталась атаковать под шелухой, но я уже не тот и ей поставили некоторые пределы, без моего участия. Она враг, и значит, все, что я буду говорить о ней, по определению не может избежать некоторой субъективности. Однако, как было сказано раньше, книга пишется прежде всего для Тетрады, а потому я не могу позволить себе рисовать неполную картину.

Так кто же ты такая, моя бывшая сестра? Коль уж судьба распорядилась так, что в начале нашего пути ты была у истоков, я не могу пройти мимо и не нарисовать самый полный и самый исчерпывающий портрет.

И конечно, учитывая итог наших тропок, начну я с серой стороны, которой у нее в изобилии. Да, в первые встречи, Асгет произвела на меня сногшибательное впечатление. Это впечатление можно выразить одним словом — блеск. Блеск эрудиции, блеск подачи себя, блеск имиджа. Асгет умела и любила блистать. То, что она согласилась собирать проект у себя, казалось для меня настоящим спасением, в ней я видел родственную душу, мага, который не признает границ. Мага, чья жизнь, казалось, всецело подчинена магии. Служению ее богу. Кажется, от нее я впервые услышал о Черном Солнце, Солнце мертвых и посвященных.

Всякий раз, когда я возвращаюсь мыслями к Асгет, я как будто разделяюсь в своем восприятии на две части, и оказываюсь не в состоянии соединить эти части в какой-то единый портрет. С одной стороны — серая. Чтобы не быть голословным, я приведу два эпизода, более чем наглядно иллюстрирующие ее серое нутро, после которых я понял, что надо подыскивать новое место.

Так однажды небольшим кругом, сидели за столом я, Айрум, Асгет и ее сестра, обожающая её до полусмерти. Сестра несколько злоупотребила спиртным и просыпала не то мелочь, не то какую-то бижутерию. На что Асгет неожиданно ледяным, холодным тоном потребовала собрать все до последней капли и не без некоторого удовольствия смотрела, как ее вусмерть раскоординированная сестра ползает на карачках. Мелочь. Пустячок. Но пустячок, от которого веет уже знакомым серым южным ветром. Где-то под ложечкой стало неприятно подсасывать. Элли начала давать первые сигналы бедствия. К этому моменту мы были знакомы уже три месяца, успели побрататься, договориться о совместном курсе по таро и обрасти множеством договоренностей. И все эти три месяца, я искренне восхищался ею.

А вот второй эпизод на пустячок уже не смахивал ну совсем. Мы готовились к какому-то импровизированному ритуалу (это происходило несколько позже описанного в начале главы ритуала Юпитера). Было очевидно, что пространства мало и надо подвинуть тумбочку ближе к краю комнаты, что и предложил сделать Белый волк. На что Асгет все тем же леденящим тоном заявила, что не даст двигать у себя дома ни стула. Произошел конфликт. Белый волк явно был сбит и ошарашен подобным обращением, а Асгет продолжала разыгрывать доминирующую роль, сыпля ядовитыми замечаниями. Пожалуй, это главный признак серого — удовольствие от унижения другого. Раньше я думал, что серыми бывают только мужчины, женщина изначально чище и выше этого уровня. Асгет наглядно опровергала это мнение.

Не скажу, что явил в этой истории пример благородства. Молчал и притворялся валенком, не понимающим природы конфликта и думающим, что просто «дамы о чем-то беседуют». Ничего не сказал. Оглядываясь назад, понимаю, что своим молчанием я оступился, и все последующие катастрофы стали своего рода «обраткой». Люцифер ненавидит ложь. Но ложь с человеческой точки зрения и ложь по стандартам Люцифера могут существенно отличаться. Порой страшной ложью может быть простое молчание. Порой формальная ложь может быть не более чем простительной слабостью. Люцифер ненавидит ложь, а в тот момент я солгал себе и Ему, солгал, не желая усугублять конфликт с человеком, от которого зависел проект.

Да, еще одна деталька, что ни говори, экзотическая и впечатляющая. Специфика магической работы моей дорогой бывшей сестры. Маг смерти. До сих пор об этом еще не заходила речь, но у каждого мага есть некий архетипический исток, идея, эйдос, из которого он или она, подобно Антею, черпает силу. Для телемита — это секс. Для викканина — природа. Для адепта северной магии — война. Для типичного светлого — самоотречение, аскеза, самопожертвование. И не надо понимать это буквально, будто каждый телемит станет пытаться трахнуть все что движется, а каждый скандинавский практик будет пытаться набить вам морду при первой возможности. Здесь все гораздо тоньше. Суть в том, что для первого даже война, служение и смерть будут осмысляться через эротические метафоры, а для второго даже пространство любви будет прежде всего полем битвы, в чем легко убедиться, почитав скандинавские саги.

Так вот, экс-сестренка — это маг, имеющий своим источником смерть. Я ничего не хочу сказать против магии смерти, я даже знал еще двоих таких магов, куда более чистых и не загрязненных серой дрянью. Но... Смерть как единственный и главный исток, как базовая метафора... Просто оставим это, но в таком кокетливо подвешенном состоянии.

И да. Асгет была единственным в моей жизни человеком, которого я увидел во сне за неделю до реального знакомства. В этом сне мне сообщили, что в городе появилась некая «сеятельница», и некий голос приказывает мне с ней разобраться. Когда я нахожу сеятельницу — да, образ запомнился, это была она, — мы какое-то время сражаемся, а потом сливаемся в страстном экстазе, и я говорю: «Если так надо, я посею семена чумы в реки, как ты хочешь». В жизни ничего похожего на эротическое сближение у нас не было и в помине, но во сне эротика слишком часто оказывается метафорой соединения

совсем иного уровня, и действительно, «побратавшись» и некоторое время работая в тесной связке, мы соединили потоки. Только вот жизнь явно следовала обратной по отношению к сну логике: сначала — сближение до братания на крови, а потом — многолетняя холодная война.

Серая дрянь. Аналог Хирама в женской форме. Человек, для которого власть представляет единственный смысл. И все же... В отличие от Хирама, здесь есть несколько фактов, весьма нарушающих картину, которую хотелось бы оставить стройной и последовательной.

Во-первых, она пишет стихи. Будь оно все проклято, но это действительно *очень* хорошие стихи. Обычно серые на это неспособны по определению. Вот только представьте себе на секунду — стихотворение, написанное Андреем Кузнецовым ака Баал Хирам. Уже смешно.

Но если первое можно было бы списать на специфику психической структуры, то второе куда серьезнее. Во время нашего знакомства она сообщила мне одно из тайных имен Люцифера.

Асгет представляла собой этакое коллекционера интересностей, при помощи которых она производила впечатление: тайные руны из вселенной Тёмной Арды от Элхе Ниеннах, с которой она была дружна в юности; данный только ей гимн Амона Сокровенного от Солкина; тайные формулы всех братств, собранные отовсюду. Однако имя Люцифера не было позаимствовано. Она знала его сама, и оно звучало на правильную букву, позволяющую сразу отличить оригинал от подделок.

Когда мы стали с ней врагами, причем врагами всерьез, до меня уже дважды долетала информация, что она серьезно пыталась повредить проекту, нанеся удар по самым слабым местам. Так вот, когда мы стали врагами, я хотел обнародовать это имя. Пожалуй, это был бы самый страшный удар для нее. И Мартиэль, и Карни в один голос сказали, что этого делать ни в коем случае нельзя. Что, как и наши внутренние коды, это — живое имя, связанное с сапфировой формой Люцифера. Что искажение — только на поверхности, а внутри — это тот же единый Исток.

Есть вещи, которые я не понимаю. И то, как один из настоящих ключей мог оказаться у циничной стервы, для которой люди — это только ступени, по которым несравненная она поднимается к своим целям, — я действительно не понимаю и, возможно, никогда не пойму.

На этих словах мы можем закончить портрет «Дамы с обезьянкой». (У себя дома Асгет хранила в морозилке замороженную голову обезьяны, привезенную из Африки, так что сие описание — не шутка и не метафора.) Мы можем неспешно двигаться дальше в нашем повествовании. Когда мне стало ясно, что с корабля надо бежать, причем сделать это по возможности мирно и без скандалов, в игру вступили совсем другие, куда более однозначные персонажи.

Посему встречайте — мой «брат» Каин.

Глава 4. Мой брат Каин

*Уже один-один,
Открыт безумный счет.
Тебя спасли, но ты сбежал: зачем тебе их рай?
И полночь позади,
И снег спрессован в лёд,
И смерть бросает кости: мол, играй иль помирвай.
Martyel. Ночной рубеж*

В отличие от Асгет, портрет Каина весьма и весьма однозначен.

Насколько я помню, он пришел на одно из самых первых собраний.

Лоснящийся щеголь с длинными, искусственно выпрямленными и обработанными до блеска лаком черными волосами, говорящий каким-то странным, слегка вяжущим голосом, так что кажется, будто это актер, забывший выйти из какой-то роли. Сперва Каин производил впечатление не то гея, не то скрытого транссексуала, в общем, персонажа с изрядно смещенной ориентацией. Пожалуй, это единственное из извращений, которые к нему не имеют отношения.

Как бы то ни было, Каин запомнился. Если Асгет бережно хранила в холодильнике голову обезьяны, Каин не мелочился и предпочитал закупать из-под полы по какой-то сомнительной связи донорскую кровь, которую он ритуально и оздоровительно регулярно употреблял вовнутрь. Делалось это с очень важным видом, вводя в раж юных барышень и вызывая ироничное недоумение у барышень уже не столь юных.

Каин предложил свое жилище для собраний практически сразу, но вот тут, похоже, Элли все же что-то почувствовала, и желания связываться со столь колоритным персонажем не возникало. А вот после истории с тумбочкой стало ясно, что надо бежать, и Каин казался очень хорошей альтернативой. Чем он подкупал особо, так это тем, что вообще не ставил ограничений по времени, и официальные собрания переходили в неформальные посиделки, настолько, что некоторые, в том числе и я, буквально жили у него по нескольку дней.

Вспоминая проклятый «каиновский» период, я вновь задаю себе вопрос: что же произошло? И вновь ответ приходит мне в одном-единственном слове — дистанция, а точнее — до поры до времени полное неумение эту самую дистанцию держать.

С Асгет, несмотря на общее восхищение ее внешним блеском и даже «братание», мне все-таки каким-то образом удавалось удержать минимальную, необходимую дистанцию. Настолько, что, даже когда мы решили «переселиться» к Каину, это удалось подать очень мягко, как снятие с ее хрупких серых плечиков лишнего груза, но если она захочет или будет необходимость... В общем, отодвинуть её с центральной роли удалось очень мягко и бесконфликтно. Реальная вражда между нами развернулась через много-много лет после описываемых здесь событий, развернулась тогда, когда нам и делить-то особо нечего было. А вот в Каина я «влепился» со всего размаху, как Братец Лис в смоляное чучелко. И вылезать из этой вязкой дряни приходилось очень долго.

Проблема-то была вовсе не в Асгет или Каине. Проблема была в том, что получив первый малый фартр Люцифера, я практически сразу оказался захвачен коллективной Тенью и начал действовать от противного.

<7>Фартр (или хварно) в зороастризме — особого рода благодать, которая нисходит на избранного, чтобы наделить его царским достоинством. Автор ориентируется на книгу Г. Л. Олди «Я возьму сам», где фартр является невероятной мистической властью, которой богозвери доменов отдельных царств наделяют своего избранника. Строго говоря, применяя к Иштар понятие «фартр», автор не совсем точен, потому что Иштар владела «ме», которые, впрочем, имели очень сходную функцию. (Прим. автора.)

Ни для кого не секрет, что душа каждого из нас разделена на Эго и Тень, сознание и бессознательное, героя и дракона. Первое подчеркивается, акцентируется, выносятся на знамена. Второе — отвергается, презирается, осмеивается и не признается. Пока Эго сохраняет связь с Самостью, осью, истоком, Тень является постоянным спутником Эго, её присутствие осознается, однако Тень бессильна как-либо всерьез повредить. Но что происходит, если нарушается структура, ось между Эго и Самостью, между личностью и истоком? Конечно! Тень оказывается значительно сильнее Эго и в какой-то момент поглощает Эго.

Но эту модель можно расширить и распространить не только на отдельных людей, но и на группы, сообщества, круги. И в какой-то момент вместо динамического,

напряженного взаимодействия Эго и Тени происходит грубое вытеснение, в результате которого Тень в один прекрасный момент прорывается на поверхность.

К моменту моего выхода из ложи, ложа получила немало ударов. Эмиграция сорор Н, падение Саши С. в результате единственной в истории ОТО групповой сексуально-магической практики и, наконец, планомерная вендетта порванного пукана, который так и не мог забыть эти светлые Светланины глазоньки, не на него посмотревшие. Последний удар нанес Хирам.

Орден реально переживал не лучшие времена. Произошло то, что я вслед за Тойнби, который использовал это понятие в применении к цивилизациям, назвал «надломом» на уровне групповой структуры. Ось с Самостью прервалась, сияние прекратило распространяться в прежней интенсивности, и в том не вина, а беда Марсия как абсолютного и полноправного лидера ОТО. И как следствие — произошел разрыв между сознательно культивируемой идентичностью и Тенью. Впрочем, такая ли уж это Тень, уж не является ли она тем самым философским золотом?

Рассмотрим, например, нападки тех же Димы и Руцкого. Наряду с потоком откровенно бредовой клеветы, шизофренических обвинений, зачастую откровенно фантазмагорического бреда, в их обвинениях был один пункт, в котором Тень проявляет истину. Они в один голос обвиняли ОТО в отступлении от заветов Кроули, поскольку жрица на алтаре почти всегда выступала одетой, а не обнаженной. Другие делали отсылку «на пункт мелким шрифтом» что жрица «может быть одетой, если месса служится в варварской стране», и конечно за этот пункт уцепилась половина жриц, конечно объявив Россию «страной третьего мира».

Гностическая месса — сердце Телемы и главное ее таинство, пресуществляющее хлеб и вино в плоть и кровь божественного дитя, — имеет прочтение на самых разных уровнях. На высоком уровне для истинного Мага созерцание наготы жрицы — это чувство преисполнения священным трепетом пред сиянием Ньюит. На среднем уровне нагота жрицы дает переживание трансгрессии, исключительности, нарушения запрета, перехода границы. Никакие, даже нейтральные прикосновения прихожан к жрице не позволены, единственное требование канона — это пребывание жрицы в наготе, когда к ней подходят причащающиеся и, глядя в глаза, принимают из рук дьякона печенье и вино. Чувство трансгрессии, попрания правил, перехода через границу закона, покусение на предел, на порог, издревле делало сакральное — сакральным, придавая ему напряженную двойственность. И одетая жрица, как и печенье, в тесто которого не добавлена кровь из пальца жреца, превращают все действие в некий аналог безалкогольного пива. Трансгрессия, нарушение, посягательство на предел упразднено. Как в христианстве трехкратное погружение в холодную воду с притоплением заменило окропление тепленькой водичкой, так и одетая жрица стала для многих символом выхолащивания таинства.

Если же посмотреть с самой нижней точки зрения, то ритуальное обнажение есть канализирование коллективного либидо, которое перенаправляет избыточную сексуальную энергию с буквального уровня на символический. Обнаженная жрица — это ток, напряжение, острота и вызов. Это ритуал, вздергивающий твою пламя желания к высоте сублимации: жрица — это уже не просто женщина, но Ньюит, к которой тем не менее направлено желание. Желание, которое может быть выражено в написании новой статьи, создании ритуала или в более активной духовной практике. Одетая — это ритуал, в общем, ничем не отличающийся от какого-нибудь теософского или христианского мистического ритуала. Свообразие, трансгрессия, сексуальность, двусмысленность оказываются фатально потеряны, а источник иссушен. Появилась своего рода присказка: будущее Телемы — это безалкогольное пиво и одетые жрицы.

Первыми, конечно, на это указали враги. Потому что в природе врага — бить по твоим слабым местам, высвечивая их лучше и безжалостнее, чем это может сделать самый преданный друг. Конечно, нужна немалая духовная интуиция, чтобы отличить, в

чем твои враги просто злобствуют, а где их претензия реально бьет в слабое место, но все же — навык слышать всех в том числе врагов это весьма полезный навык.

Некоторое время в Ордене был весьма распространен спор, должна быть жрица одетой или обнаженной. И к сожалению, сам Марсий, не понимая природы необходимости амбивалентного сакрального напряжения, настаивал на «одетом» формате, а как вы понимаете, Орден это Марсий, а Марсий это Орден.

Аргументы? Да всё то же опасение, что информация об обнаженной жрице на алтаре станет известна спецслужбам.

Ко всему прочему — история Саши С. заставила Марсия впервые нарушить закон Телемы, и *запретить* любые ритуальные оргии. После того, что произошло с Сашей, ближайшие несколько лет никому (кроме, пожалуй, меня, для кого это было, напротив, вызовом но я был бы в одиночестве) и не пришло бы в голову попытаться повторить что-то подобное. Но запрет создавал дополнительный вызов, провокацию. Слишком напоминало это уступку глобальному пуританству, правящему этой землей.

Произошел раскол на явное и теневое. У группы появилась Тень. Тень конкретной совокупности конкретных людей. И групповая Тень значительно сильнее любой личной. Закон психологии — если некий заряд не канализируется по разумным каналам, он начинает вспыхивать стихийно. Вот в той же истории с падением Саши С. — вы думаете, это был ритуал, вызванный какой-то необходимостью или просто желанием секса? Тот же СС, как потом выяснилось, гей, что он там делал, на том ритуале, мне вообще непонятно. Нет, все происходящее подавалось как «осуществление истинной Телемы, возвращение к духу Кроули». Падение последовало закономерно, ибо никто из участников, во-первых, понятия не имел, *кого* они вызывают, а во-вторых, сексуальная магия, творимая с целью что-то доказать себе и всему миру, это очень сомнительная сексуальная магия. Результат — помешательство Саши и еще большее вытеснение в Тень.

В какой-то момент я начал ловить себя на мысли, что самые обычные студенческие тусовки куда более раскрепощены, чем высокое телемитское общество, где не то что сексуальная магия — само обсуждение сексуальной магии и сексуальности сопровождалось смущением, дискомфортом и особого рода табуированием. Можете представить себе чувства, когда ты ожидаешь увидеть если не русских Филиппа Писье и Лилит Фон Сириус, то по крайней мере людей более свободных и непринужденных в осмыслении данных вопросов. А оказывается, что во многих самых мирских, далеких от Телемы компаниях эти темы (пусть просто секса без магии) обсуждаются куда легче и непринужденнее.

Кто внимательно читал первую часть, помнит, что мои тезисы против политики Марсия были продиктованы одной-единственной фразой из его выступления. Марсий всегда презирал ложь, и публичная ложь такого масштаба, фактически вырывавшая из Кроули его змеиное жало, оказалась для меня ударом.

Но дальше — больше. Уйдя из игры, я оказался практически одержим, захвачен, ослеплен той самой Тенью Ордена. И будучи ею захвачен, впервые в жизни я как одержимый желал самых бурных и многочисленных оргий, ритуалов хаоса и разврата, чтобы только доказать — Ордену, себе, духу Телемы, — что я-то самый настоящий телемит. А всего-то следовало не бояться (помните — Серый всегда заходит либо через страх, либо через власть) и утвердить, что для жрицы обязателен подвиг обнажения, коль она хочет олицетворять Нюит. Оказавшись исключен из ложи, я хотел максимально перевернуть все сложившиеся там установки. Если в ОТО стеснялись говорить, то я, освободившись, говорил почти только о сексе и радикальном нарушении. Я оказался полностью захвачен Тенью всего вытесненного, что связано с Орденем. Энантиодромия как она есть.

И вот в этот момент на горизонте моей вселенной появляется Каин, который прямо-таки олицетворяет всё, на что в Ордене смотрят с презрительной иронией.

Во-первых, Каин — открытый сатанист. Разницу между Сатаной и Люцифером я тогда понимал весьма приблизительно. А из документа Ордена, где изначально было написано, что «в орден могут посвящаться люди любых религий, будь то христиане, буддисты, атеисты или сатанисты», последний пункт теперь был аккуратно вымаран. И да, Телема и сатанизм — это глубоко разные вещи, но разве сатанисты не были бы ближе мятежному духу Алистера Кроули, чем христиане?

Но разве Сатана и Люцифер не одно лицо — может спросить непосвященный. Или даже иначе: разве Сатана и Люцифер не один архетип? Протест, бунт, неприятие заскорузлой нормы...

Не один. И даже прямо противоположные. В чем можно без труда убедиться, если взять на себя труд внимательно почитать Библию, где впервые в Книге Иова появляется Сатана. Появляется он далеко не как падший и восставший против тирании миропорядка субъект, а как один из «сыновей» все того же архонта Яхве, который на правах сыночка приходит к нему на совет, ведет с папочкой умные речи и даже берет его «на слабо». И где здесь мятеж, где противостояние, где острота гностического вызова?

Люцифер начинает с отделения, бунта, вызова установленному порядку вещей, внося свет в застывший мир конструкций, и взламывая патриархальную модель.

Только чтобы понять эту разницу, мне нужно было несколько лет повариться в алхимическом котле с самыми неприятными из сатанистов. С братцем моим Каином и ему подобными. Ох и липкий он зараза, вот точно, если под шелухой глянуть — смоляное чучелко.

Конечно, со всей силы Тени Ордена Телемы я жаждал настоящей оргии. Никогда раньше у меня не было подобных фантазий, а здесь я буквально оказался одержим этим желанием. Оргия стала для меня чем-то вроде возможности бросить метафизический вызов. Нарушить. Превзойти. И таки увидеть, что же было по ту сторону, что выжгло разум Саше С. Я хотел нарушить все человеческие запреты, чтобы почувствовать себя достойным, следующим по стопам Алистера Кроули

Ну и разумеется — столь сильно заряженный запрос исполняется достаточно быстро. Первая оргия произошла почти сразу после переезда к Каину. В чем ему невозможно не отдать должное, так это в способности оказывать почти гипнотическое влияние на определенный тип женщин. На этот раз, он запустил Оргию буквально несколькими фразами — мол, покажите, насколько вы способны далеко зайти, — подтолкнул трех даже не пьяных присутствовавших барышень к большой оргии. Правда, назвать это хоть сколь-либо ритуалом можно, разве что натянув сову на глобус, — просто четыре пары разбрелись по четырем углам комнаты и предались яростному совокуплению.

И вот тут я узнал один из самых неприятных фактов, связанных с каким-либо групповым сексуальным взаимодействием, будь оно ритуальным или обычным. В своей теории я назвал это «сепаратной яростью». Оргия была легкой, добровольной, и для ее начала было достаточно пары слов Каина — «покажите, на что вы способны». После этой оргии у меня натурально сорвало башню от ощущения превосходства. Я уже начал было писать текст ритуала, чтобы в следующий раз предложить сделать правильное ритуальное взаимодействие в эстетике культового фильма «С широко закрытыми глазами».

Однако далее выяснился пренеприятный факт. Трое из четырех участниц совершили настоящее предательство, выйдя из нашего проекта и больше никогда не вернувшись. Побочное действие любой оргии, если только практики не идут к этому долгое время, точно зная, зачем все это и какие последствия они берут на себя.

А ведь это было предательство трех ключевых женщин, на которых я возлагал огромные надежды. Я было пришел в себя и понял простую истину — если ты хочешь создать крепкую работающую структуру, настроенную на то, чтобы участники делали одно дело в течение нескольких лет, — никаких коллективных оргий! Категорически и

бесповоротно. Теоретически, в качестве идеального сферического коня в вакууме, можно представить некую группу, которая вообще не была бы связана друг с другом и встречалась бы раз в год для ритуальной оргии, но организовать что-то подобное в наше время — это за гранью фантастики.

Феномен сепаратной ярости вовсе не означает, что групповые сексуальные практики невозможны в принципе. Однако для этого должен быть выполнен целый ряд предварительных и крайне сложных условий. Такие группы не могут включать больше трех (как абсолютный максимум — четырех) человек, причем эти люди должны находиться в общем поле не один год, знать точную цель, быть очень зрелыми и осознанными в своих желаниях и уж точно знать о неизбежной сепаратной ярости. Короче говоря, для меня одного урока было достаточно и я пытался убедить Каина обойтись без подобных провокаций в дальнейшем.

Впрочем, здесь есть одна тонкость. Поняв, что любые оргии разрушают группу, я все еще хотел «опыта трансгрессии» и надеялся, что наши эксперименты могут быть вынесены за пределы проекта, тем более что Каин как сатанист имел множество знакомств. Я хорошо помню разговор, который привел нас к настоящей катастрофе.

— Каин, брат мой, могу ли я попросить тебя об одном одолжении? Возможно, ты сочтешь мою просьбу неуместной, оскорбительной или просто неисполнимой — в конце концов, где вообще возможно найти женщину, способную на такую радикальную меру? Я хочу участвовать в оргии, чтобы нас было двое на одну женщину. Это шанс выйти за пределы всех норм морали, всего человеческого. Если это невозможно — так и скажи, но ты же сатанист, ты должен понять. Но только никаких втягиваний в это членов клуба! Мне не нужны больше предательства!

На этих словах Каин расхохотался. Мол, все решим — брат ты мне или не брат?

Признаться, сперва я не поверил, что это настолько легко.

Буквально через неделю, когда я заехал в гости к Даме с обезьянкой поделиться новостями, мы решили выполнить телемитский ритуал Мессы Феникса. Ритуал, подразумевающий причастие своей кровью, один из самых редко выполняемых ритуалов, к которым телемит обращается, только когда его солнце, его дух должен пересечь бездну. Другими словами — в крайней точке падения, когда, сжигая себя до зерна, необходимо из этого зерна родиться заново.

А после Армалена мой старый и казавшийся неизменным мир был уничтожен. И ритуал, выполненный вместе с магом смерти, представлялся очень хорошей идеей. Мой мир казался уничтоженным полностью, потому и запрос на Мессу Феникса, и запрос на оргию были, по сути, одним запросом — запросом на сожжение до основания. А Асгет — маг, чьим истоком является Смерть. После неприятных эпизодов я опасался ее как партнера по общему проекту, но в одном можно было быть уверенным точно: делая надрез мне на груди, ее рука не задрожит.

Ритуал Феникса был выполнен, и почти сразу позвонил Каин.

— Дорогой брат, срочно приезжай сюда! У меня сюрприз. И тебе это понравится.

Сюрпризом оказалась рыжеволосая и худощавая девушка лет девятнадцати. Немного грубоватый голос, прерывистая речь, бравада, смешанная с неуверенностью. Но черт их все дери, первое что она сказала, протянув руку для знакомства: «Привет, я Феникс. Так меня все друзья зовут, потому что со мной всегда что-то происходит — а я неубиваемая».

Феникс — месса, Феникс — рыжая девушка. Просьба к Каину, в возможность осуществления которой я по большому счету не верил. Откуда вообще может взяться женщина, согласная на подобное?! И вот после ритуала Феникса, всего через полтора часа, я смотрел на живого феникса. Ну не удивительны ли дела твои, Мессир?

— А ты точно готова именно к такой форме?

— Ну да, почему нет? — отвечала она.

Фантастика! Так не бывает, но тем не менее это происходило со мной на самом деле.

Много водки, много вина, обещанная оргия на троих, где мы были как два фокуса, сомкнувшихся на едином источнике — Фениксе.

Кого звать, кому молиться, какие гимны читать? Гекату, что ли, как Саша? Да при чем тут Геката? Звал Феникса, сделал Мессу Феникса — пришел Феникс. Так и живи, радуйся — подумалось мне.

«Теперь я начинаю молиться, о дитя, Имя твое свято и незапятнано. Твое время пришло, твое царствие свершилось, твоя воля исполнилась», — повторял я тайную молитву, лаская это юное тело, покрытое шрамами. Девочка не врала — похоже, она умудрилась попасть во все мыслимые передрыги. «Вот хлеб, вот кровь, пронеси меня через полночь к солнцу». — Медленный ритм соития, переходящий в яростный темп: «Избави меня от добра и зла...»

«Чтобы твой единый венец десяти здесь же и теперь стал моим». Амен! Взрыв оргазма, опустошение. Экстаз. Уничтожение. Теперь я, как и Кроули, — самый порочный человек на Земле! Наконец-то я стал чудовищем!!! Наконец-то я больше Марсия, ибо и во сне не привиделось бы ему участие в оргии на троих!

Правда, было и удивление. И что же там видел Саша С.? Ничего не выжгло, ничего не пришло, ничего, что хотя бы отдаленно напоминало то, что я видел в глазах Саши. Наоборот — чувство благодарности, умиротворение, чистота. Какая невероятная женщина! О боги, какая простая в своей невинной порочности девочка, вот просто так согласилась на встречу с двумя мужчинами. Зачем? Что искала? Какую бездну пыталась заполнить? Кто она вообще?

Впрочем, вот тут-то я на самом деле и попался. Ибо безумие пришло не во время ритуала. Безумие пришло потом. Потом, когда в один прекрасный момент энергия, сознание, воля трех совершенно разных существ из разных галактик оказалась помещена в один плавильный котел. Ритуальное взаимодействие сливало нас на каком-то глубинном магическом уровне в единое целое. И это слияние стоило очень дорого.

Сиамские близнецы, не иначе, — слить в одно существо рыбу и тигра, пуму и скарабея, существ даже не противоположных, а существующих в несоприкасающихся вселенных, которые даже не параллельны.

Смотрю на Каина. Отстранен, спокоен, немного братски ироничен: мол, дорогой брат, доволен ли ты теперь? И какие-то совсем новые интонации, жесты, выражение лица. Неприятные, но не враждебные, не агрессивные, а какая-то как у такого карикатурного папаши: мол, довольны ли вы, дети мои, папа Каин вас благословляет. Как будто в этот момент он почувствовал власть. До этого момента, несмотря на то, что все происходило у него дома, лидером был я. Войдя в единый плавильный котел, Каин как будто начал пожирать меня, шаг за шагом навязывая правила игры.

А девочка эта, господи, это же какой-то ад, перекрученный ком оголенных нервов, травм, эмоций, возведенных до какого-то нечеловеческого предела. И, ангел дери, ничего кроме этих эмоций, взрывающихся от столкновения друг с другом, невозможно нащупать. Хоть какой-то центр тяжести, эго, цели, надежды, мечты хотя бы. Только оголенные нервы и срыв на крик из-за каждого пустяка.

И все это — не только она, рыжая девочка, которую ты видишь и которой ты благодарен за возможность перестать быть человеком. Она, со всей своей какой-то запредельной ранимостью, — теперь тоже ты. И она орет не вовне. Она орет внутри меня.

Итак, друзья, позвольте небольшое отступление. Или урок сексуальной магии номер один. Секс — это слияние. Если вы этого не понимаете — вы не понимаете ничего. А сексуальная магия — это слияние, возведенное в чертову степень, в квадрате, в кубе, в пятой степени.

Если вы этого не понимаете, не принимаете, не готовы, о самой идее сексуальной магии можно забыть. Хоть в паре, хоть вы сделаете нечто невозможное и наберете десять добровольцев, и с разбегу, и на месте, и двумя ногами вместе. Исключений нет. Точнее, есть, это те, кто вообще не знает, что такое секс, и барахтаются где-то на поверхности наслаждений, «балансируют вялыми радостями». Но не о таких речь. Если нет готовности к *слиянию*, вы в принципе не входите даже на предварительный уровень сексуальной магии.

Сказать по правде, в норме, на уровне архетипа, даже самый обычный человеческий секс должен быть слиянием, хотя бы на время самого процесса, а не просто приятным покалыванием в области мужского полового органа. Что же можно говорить о сексуальной магии, где на вулканическом, лавообразующем, сжигающем потоке энергии глубин и вершин, на уровне встречи змея и птицы, небесных и земных душ сливаются сами основы психик, помещая одного в другого.

Так что, друзья, здесь вы можете смеяться надо мной или сочувствовать мне со всей силой сострадания — в общем, во всех случаях будете правы. Так влипнуть — это нужно еще умудриться. Утром деньги — днем стулья, днем деньги — вечером стулья, днем Месса Феникса с подстраховкой Дамы с обезьянкой, режущей мне грудь, вечером — несчастный рыжий Феникс. Не отходя от кассы. Нам не дано узреть, как ритуалы наши отзвучат.

Очень сложно объяснить все последствия. В мою вселенную ворвалось абсолютно трагичное существо, сжигающее себя изнутри, получающее травмы в среднем каждые две недели, имеющее ...дцать попыток суицида, и в конце концов через полтора года после описываемых событий последняя попытка таки оказалась успешной.

Покончила с собой Феникс со словами: «Мама, ты меня никогда не понимала, вот тебе!» Это уже даже не «назло маме отморожу уши». Это что-то за пределами логики. Убить себя, заживо разлагаясь на четвертой стадии рака или оказавшись загнанным в угол, — подвиг, заслуживающий уважения. Сеппуку — подвиг. Но убить себя со словами «мама, вот тебе!»... И ведь не четырнадцать ей было.

Все происходящее оказалось за гранью понимания, за гранью возможности быть хоть как-то осмысленно. А как уже говорилось, она шла к этому настойчиво и планомерно. Постоянные травмы, избиения, случайные повреждения.

Вот тут моя жизнь превратилась в натуральный ад. Я был прикован к Фениксу. К Каину практически переселился. Пьянка утром и вечером, втроем, вчетвером, но главное — поблизости к ней. И ведь не вожделение, не страсть зверя, вот в чем насмешка судьбы, — результатом было желание как-то помочь, успокоить. И не альтруизм это, не сочувствие. Просто она изнутри меня орала — навывлет и насквозь. Ре дизел, железо по стеклу, непрекращающийся крик изнутри. Пиздец.

Постоянно разыгрывались сюжеты в духе театра абсурда под знаменем «А как там Фенечка».

Я мог поднять трубку и услышать ее голос: «А я лежу в помойке, вытащи меня», — на что, я бросая работу и дом, в панике бежал выяснять, где она и что с ней происходит. «А у меня новость, я упала со шкафа и разбила голову. Это второе сотрясение в этом месяце». Что? Споткнулась на лестнице — ладно. Но упала со шкафа! И что самое худшее — бежишь, спасаешь, потому что вместе с ней остается одновременно та, что в тебе. Сексуальная магия, слияние, полное размывание.

Вот только, господа романтики, не надо считать это любовью, влюбленностью или даже страстью. Ну какая это влюбленность, если, пробыв вместе день, хочешь сбежать куда-нибудь подальше, лучше домой, засесть за любимую книгу. Здесь же — чертовое безумие. Невыносимо, изматывающе, тоскливо.

В обратную сторону — помещение моей вселенной в Феникса — оно тоже действовало. Только сейчас я понимаю, что и почему тогда происходило.

Один раз, услышав имя Люцифер, она вдруг начала вдохновенно и отчаянно молиться ему, так, словно вся жизнь зависела от того, имя кого она случайно услышала, не имея понятия о моих отношениях. А потом, глянув на солнце, как бы между прочим сказала: «А на самом деле солнце черное». Да откуда она знает это, черт возьми?! После таких слов казалось, что передо мной стихийная святая Люцифера, кого нужно спасти любой ценой, вытащить, обогреть, выслушать страшные сказки, которые она рассказывала о своей жизни.

Не любовь, не влюбленность, не страсть, даже не похоть. Нет привычных слов, которые могли бы описать это состояние. Какая-то принудительная эмпатия, доведенная до крайней степени интенсивности, когда неудачный или, наоборот, слишком удачный ритуал как будто перемешал вселенные. К тебе насильно сиаемским близнецом пришили человека, весь организм которого разлагается. И сказали, что так и было. Ее как бы было две: та, что передо мной, и та, что оказалась внутри меня. И ни той, ни другой я не мог помочь никак, а сам погружался в какой-то кошмар.

А самое неприятное, что происходящее вышибло Элли на долгое время. Системы защит и безопасности просто перестали работать. Пробки вырубил, электричество закоротило, все, что было подключено, — сгорело нахуй.

А между тем стало происходить нечто куда более худшее. Каин почувствовал свою власть. И глядя на театр абсурда, он начинал понимать, что сейчас он сможет заставить меня играть по его правилам. Тем более что после Асгет уходить было некуда. Тем более что здесь была Фенька.

Так кипятят лягушку. Медленно, повышая градус по одному за минуту, так что лягушка не замечает, что что-то изменилось, а когда ее начинает обваривать — уже поздно. Поначалу соблюдался политес. На собраниях все было как и раньше, даже моя просьба «не устраивать больше ничего подобного», кажется, имела вес. Поэтому мне удавалось создать базу для будущего Города. Поэтому у нас все так же появлялись интересные люди, я так же писал статьи, устанавливал новые знакомства, расширял границы проекта.

Но постепенно все начало сползать в какую-то вязкую мерзость. Все время общения на «пиру» сводилось к нелепым спорам с Каином, который доказывал мне, чем на самом деле должна быть настоящая «Касталия». Теперь у него была не просто территория. Теперь он, слившись со мной в одном поле, начал высасывать энергию из меня и дергать незримые ниточки. И сомнительные друзья и подружки Каина уже приходили на собрания. И его спутница с выразительным именем «Хомячок», весившая больше центнера, могла за здорово живешь появиться голяком при всем народе. А все пространство начало откровенно «сатанизироваться».

А бежать некуда. А базы для нового проекта нет. И самое худшее и неизбежное — люди стали отваливаться. И, ангел дери, это было более чем понятно. Это уже была не моя «Касталия», и точно это не был его Город. Это была Каиновская «Касталия», где мне была уготована роль своего рода марионеточного руководителя, свадебного генерала, императора Пу И.

Единственная хорошая новость: тогда к нам пришел ныне покойный поэт, скальд и певец Богини Сергей Яшин. Кажется, он обладал какой-то двойной кожей, позволяющей ему исключительно в своем мире слушать (или уже читать) лекции и беседовать о том, что было ему интересно.

Изначально — певец нацизма, любимый поэт скинхедов, чьи самые известные строки звучали примерно так: «Как можно меньше думай, как можно больше бей обломком арматуры и звеньями цепей». Впрочем, библиотека Сергея уступала разве что библиотеке Марсия. Сперва Орден насторожено отнесся к интересу Сергея к Телеме. А я-то как раз ждал именно неконформистов и бунтарей. Поэтому, конечно, мы спелись с Сергеем.

И странное дело: именно мне во время наших долгих бесед на кухне, когда Каин таки оставлял нас в покое, увлекшись очередной оргией, удалось «переспорить», «разубедить» Сергея в идеалах нацизма. Сначала вообще не споря, потом — сократовски задавая не слишком удобные вопросы, потом приводя исторические факты, цитаты Кроули, я подводил его к этой идее. Нацизм — ловушка, ложь, та же мерзость Иалдабаофа, и то, что сейчас люди Иалдабаофа осуждают его как зло, вовсе не означает, что он не является злом. Не всякий враг моего врага будет мне другом. Так что одна из тех вещей, которыми я могу гордиться, — именно мне удалось пошатнуть его прошлые убеждения.

И именно Сергей стал первым противовесом Каину. Даже в ролевых играх мы всегда как бы действовали в разных лагерях: Каин и Ко — с одной стороны, я и Сергей с другой.

Вместе с Сергеем мы разработали первую реально действующую систему касталийской магии. Восемь ритуалов Года. Восемь ритуалов Оси. Магическую Ось «Касталии», ритуалы, которые проводятся до сих пор. Это был очень удачный тандем — я совершенно точно знал, какие смыслы должны быть вложены в ритуалы, какие стадии, какие персонажи, какие идеи. А он просто был поэтом и мог придать моим голым идеям настоящую красоту.

Впервые зазвучали наши Слова Силы, слова-Ключи, переданные Мартиэль. Конечно, и это вызывало неприязнь Каина. Как же он противился ключам, символам! «Разве это магия? Дайте настоящую магию! Мартиэль — не маг, она всего лишь бард!»

Идиот. Чертов идиот-недоучка, который к настоящей магии не подходил ближе, чем на много миль.

Вечные и бессмысленные споры — кто есть маги, а кто не маги. От этих споров изрядно тошнило, все, что хотелось сказать — да не маг я, исследователь простой, только отъебитесь.

Каин твердил как попугай: «Мы должны быть прежде всего магической системой, мы должны привлекать магов и еще раз магов». И конечно, Каин-то точно знал, кто настоящий маг.

Я понимал, что и эту партию я начинаю проигрывать. Стоило мне уходить из ОТО, чтобы оказаться в роли Пу И в каком-то псевдомагическом, сделанном как по шаблону псевдоордене, играющим в очень крутую магию, а за эталон магического кино вместо Кеннета Энгера и Алехандро Ходоровски, выставляется бездарнейший сериал «Девять неизвестных».

«Хотел трансгрессий, хотел оргий, хотел настоящих преступлений — как они на вкус, дорогой?» — как будто издевалось надо мной все пространство вокруг. Похоже джин вырвался из бутылки.

И тем не менее даже в этих граничащих с фарсом условиях мне удавалось работать над той «Касталией», какой «Касталия» должна быть. Как будто Азазель подсказывал, где брать тот или другой кирпичик. Зарождался отдел переводчиков. Появлялись первые издания.

О самой первой книге хочется сказать особо. Для нас, настоящих строителей Города, эта книга была символом всего того, что мы хотим привнести в культуру. Стефан Хеллер. Епископ гностической церкви, философ, юнгианский аналитик. Со временем все книги Стефана были изданы. Первой стала «Алхимия свободы для современного общества». Перевод Юлии Трусовой, Черной Королевы, ворвавшейся в мою вселенную, когда все казалось потерянно.

Есть своя ирония судьбы, что эта книга была, пожалуй, наименее коммерчески успешной. Политические вопросы, скрытые психологические и эзотерические основы разных политических идеологий, борьба сил свободы и тирании, гнозис и гностицизм как внутренняя основа либертарианства. Читатели устали от политики. Читатели хотели либо последовательной эзотерики, либо последовательной психологии. Но на самом деле

эта книга — больше, чем книга о политике, психологии или оккультизме. Это книга о свободе. О настоящей свободе, а не той подделке, которая обернулась для меня худшей из возможных тираний. Первый кирпич Града Азazelева.

Поэтому через несколько лет, когда нами было издано уже немало книг, оказавшись в кабинете одного из самых уважаемых мной политиков прошлого, которого я называю Черный Алмаз, — я подарил ему именно эту книгу. Поэтому одной из первых лекций, прочитанных в Санкт-Петербурге, была лекция, целиком построенная на этой книге. Алхимия свободы. Вирус внутри системы. Не услышанный, не распознанный, не прочитанный. Первая ласточка настоящей «Касталии».

Все, что было нужно для нормальной работы клуба — это адекватный соратник, способный предоставить пространство для встреч. Но вместо адекватного соратника у меня было чертово смоляное чучелко, а вместо пространства — болото, в которое невозможно привести никого. Моим девизом всегда были слова Вилли Старка: «Добро надо делать из зла, ибо больше его делать не из чего». Вот только на этот раз даже не зла, а обычного дерьма было слишком много, чтобы из него получилось хотя бы улучшение.

Мне казалось, что боги насмеются. Еще несколько месяцев назад я «обличал» Марсия в том, что он убрал с сайта Бафомета. Теперь же мне приходилось буквально сражаться, чтобы по крайней мере во время визита наиболее почетных гостей Каин снимал со стены «простыню» с изображением сатанинского Бафомета, вписанного в пентаграмму, — известный знак церкви Сатаны. Бафомета. Боги умеют изысканно шутить...

Шестой священный ключ. 2009

Глава 5. Черная Королева

*Одно недостижимое «Ты»
среди тысячи «не я» чужих осколков
увиджу, отыщу, узнаю только
у лезвия невидимой черты...
Martyel. Уходящая в зеркала*

В пространстве, созданном Каином, пространстве, состоявшем из одной сплошной попойки, задыхалось всё. Задыхался проект. Иногда еще приходили серьезные лекторы, и мне удавалось соблюсти видимость естественного процесса, но стало ясно — я попал в ловушку, из которой нет выхода.

Единственным оплотом какой-то собранности в пространстве тотального разложения был недавно пришедший к нам Сергей Яшин.

Совершенно внезапно в болото упала даже не ниточка, а полноценный спасительный канат. Держи меня, соломинка, держи над всею этой пропастью во лжи.

Рысь. Юлия. Черная Королева. Почти первый (самый первый — Иван, глава отдела переводчиков) переводчик проекта. Первая жрица «Касталии». Первая, чей перевод обрел плоть.

Я все больше уходил в виртуальное пространство. В переписку. В ответы на вопросы. В координацию переводчиков. В форум. В анализ снов, объяснение ритуалов и хоть какую-то живительную интеллектуальность.

Письма Черной Королевы отличались с самого начала. В них была потрясающая независимость от существующих шаблонов, но при этом — готовность узнавать новые модели. Как и все, она присылала сны, спрашивала о ритуалах, а также о том, чем является наш проект и чему мы служим.

Ее письма очень красиво вибрировали. Обстоятельность. Логичность. Я еще не в полной мере вышел из пространства негласных представлений, где любой слишком «нерегулярный» магический опыт вызывает подозрение. Однако то, с какой вибрацией Юлия рассказывала о своем опыте, с самого начала исключало какую-либо настороженность. Она знала, что делает, и эта безусловная уверенность передавалась по переписке автоматически.

Хотелось встретиться. Но добираться далеко. Хотя не так далеко, как могло бы быть. Письма становились все более доверительными и откровенными. Мы делились всем, что было для нас актуально, — от снов и синхроний до проблем в пространстве «Касталии».

В какой-то момент Юлия оказалась единственным понимавшим меня человеком, с которым у нас действительно общие представления о Пути с большой буквы.

Вот и пришло время читателю познакомиться с Черной Королевой. Юлия никогда не боялась смотреть в глубину, просто потому что она сама и есть глубина. Рысь. Черная Королева. Нахема. Еще только переписываясь, всего лишь от букв на экране монитора я чувствовал непонятное притяжение и предчувствие особенного, настоящего. Настоящей сексуальной магии, если угодно, уходящей чуть выше и вбок от привычных сценариев, где начинается эросом, а заканчивается коматозом. Предчувствие. Я возделел ее, еще не увидев, опасаясь только одного — что все это может быть лишь фантазией.

Женщину видно сразу — по нескольким словам, жестам, фотографии. Даже по словам на экране монитора. Женщину с большой буквы видно сразу: Рысь, Черная Королева.

Однажды она рассказала мне, что беседовала с какой-то сущностью, имя которой не запомнила. Запомнила только, что эту сущность звали на «А», но это не Айвасс. И в

тот же вечер после получения письма, когда я не то уезжал из дома, не то возвращался домой, не то пошел в круглосуточный магазин за фруктами, я *впервые* почувствовал, что меня «подвинули».

Самое невероятное, что долгие годы я не помнил этой истории и только через десять лет я полностью вспомнил это чувство. Я иду по ночному городу, и вдруг вся моя тональность, вибрация будто смещается — и я становлюсь точно медиумом, записывающим под диктовку. «О боги, неужели я становлюсь похож на Кроули и смогу получать настоящие откровения?!»

Впрочем, продиктованное и записанное на скорую руку не претендовало на Книгу Закона даже близко. Простые житейские слова вроде «Обрати внимание на Юлию, ты даже не представляешь, кого я тебе послал». А ты — это кто? В отличие от Юли, я не слышал даже первой буквы, но он дал понять, что всему свое время.

Когда я начинал писать эту книгу, я был уверен, что первое проявление Азазеля произошло у меня в 2018 году. Этот случайный эпизод практически полностью стерся из памяти. Вероятно, я настолько был поглощен судорожными усилиями спасти хоть что-то и сохранить хоть какую-то видимость интеллектуального пространства, что факт моего первого опыта диалога с другой стороной остался незамеченным. Да и что тут развивать? «Ты даже не знаешь, кого я тебе посылаю». На откровение не похоже, разве что обычные игры расшалившегося воображения.

Вот так впервые происходит то, что Алистер Кроули назвал «видение Ангела Хранителя». Незаметно. Если бы я мог хотя бы остановиться и осмыслить, что впервые у меня начал появляться реальный опыт и реальный диалог, наверное, я начал бы писать кипятком от радости и бросился во все скраинги и астральные выходы.

Не до того было. Рушилось то, что я видел делом своей жизни.

Да и без голосов встретиться с Юлей чертовски хотелось. Даже если ничего не получится.

Впрочем, желание встречи тормозило одно. Эту женщину мне придется звать *«туды»*. К Каину. В эту постоянную попойку, где Хомячок с формами десятого размера ходила голой и распугивала всех гостей. А денег на аренду жилья, да и самой индустрии доступных квартир на сутки в то время еще не было, поэтому кроме этого *«туды»* приглашать было больше некуда.

Я хорошо представлял, какой контраст должен был бы возникнуть между ожидаемым и реальностью. Я всячески сглаживал грядущее впечатление, объясняя про «политическую необходимость» сотрудничать с не самыми приятными личностями.

Юля приехала.

Все первое отпечатывается в памяти навсегда. Первая встреча. Эта женщина больше чем просто красива. Женщина, сияющая темным огнем вождения, огнем, который суть ее истинное естество.

С первой встречи мы рухнули в страсть, за пределами которой все теряло смысл. Пространство решительно не имело значения: лес, подъезд, кровать в отдельной комнате у Каина, которую, надо сказать, при всех заверениях он представлял весьма неохотно.

Каин Рысь не любил. Каин при первой же возможности старался отпустить скрытые издевки в ее адрес, однако делал это всегда за глаза. Прямых столкновений, хотя бы простого диалога — не было ни одного раза. Просто существо вроде Каина, которое под шелухой представляет собой нечто среднее между хорьком и скунсом, едва ли может проникнуться симпатией к той, кто зовут Рысью. Это, знаете ли, противоречит всем пищевым цепочкам.

Появление Рыси как будто привело меня в чувство, выдергивая из забвения. Здесь же хорошо, здесь можно спать, здесь теплое болото и те, кто называют себя семьей. Но стоило немного встряхнуться — и становилось видно, что «семья» в устах Каина звучала очень похоже на интонации Чарли Менсона. Рысь заставляла вспомнить настоящую

«Касталию». Город. Она была олицетворением Города, того, о котором мы тогда не знали.

Не знали мы — знало пространство. Практически одновременно с появлением Черной Королевы мы выпускаем долгожданный книжный подарок — «Столпы Тубал Каина», книгу, посвященную бодрствующим Ангелам и Азазелю. Спустя несколько месяцев после того, как некто на букву «А» со мной заговорил.

Синхронии — это то, что мы замечаем сразу. Особенно если они бросаются в глаза. Кто соотнесет выход за одну неделю трех книг у разных издательств, которые точно по заказу рассматривают миф Азазеля с разных сторон? Узок наш круг, и даже сам по себе выход трех книг за неделю — это уже заметное событие. Но если это книги, которые смотрят на один и тот же миф под разными углами, — это уже Событие с большой буквы. Правда, кто соотнес это, еще незаметное, дуновение Азазелева крыла с интересной женщиной, приехавшей на «Касталию»? Приехавшей ко мне. Надеюсь, у читателя есть хотя бы немного воображения, для того чтобы понять: когда к вам приехала Черная Королева, вся привлекательность оргий в болотной жиже тает как белый дымок, разносимый ветром. Да и привлекательность-то была по большей части в осознании нарушения запрета.

На одной из наших встреч она сказала фразу, которая точно семя упала в самую плодородную почву души. «Я помогу тебе строить твой Город». Это был ее образ, ее символ, а точнее — символ Азазеля, который впервые дал мне смысл.

И да, немаловажная деталь: Черная Королева приехала с гостинцами, главными из которых были столь любимые Робертом Антоном Уилсоном яблочки Эриды. Тихий шорох шагов, грация рыси, легкий шелест платья, объятья в лесу под полной луной — становятся мечом, разделяющим уже успевших срастись сиамских близнецов. Не мир принесла, но меч... Заставив осознать символический смысл происходящего: ведь тот, с кем я побратался кровью, носит имя Каин.

И вот Сергей представляет окончательную версию ритуалов. И для меня как для жреца и держателя потока становится ясно — при всем богатстве выбора другой альтернативы здесь быть не может. Первая жрица «Касталии». Как же Каин не желал видеть ее жрицей, со всех сторон давя, манипулируя, почти угрожая. И если что-то я мог уступить, то только не это. Меч режет мясо по живому, сиамские близнецы начинают разделяться.

Особенно забавно, в свете раскрытого и узнанного потом, было утверждение братишки, будто прибывшая леди «всего лишь переводчик, но никак не маг». «Ты нарушаешь правила круга. Ты делаешь круг уязвимым. Периферия будет сильнее центра. Служи с кем-то из сильных, я найду тебе жрицу». Вы только вслушайтесь — добрый братишка Каин заявляет, что «найдет» или «одолжит» мне жрицу. Это было даже забавно — Каин, заигравшийся в большого папочку, но способный быть папочкой разве что у шестнадцатилетнего Хомячка, которую он нашел на какой-то обочине и превратил ее в личную службу и источник доходов. Как я узнал гораздо позднее, когда мы уже прекратили с братишкой всякое общение, своим Хомячком он еще и приторговывал.

И этот тип предлагает мне найти сильную жрицу... Нет печальнее участи, чем оказаться в положении жреца, жриц которому подбирает Каин. Юлия не маг... Интересно, у нас, Азазелевых, — это вечная проблема такая, что нас сперва вообще магами не признают, или наши вибрации слишком уж несхожи с типичными «мажескими» этого плана реальности? Что до Города, кто вообще здесь знает про Город?.. И кажется, мне удалось выполнить первые задачи — нарушить запреты, спуститься на дно и, что самое главное и что удастся не всем, — вернуться обратно. Спуститься — легко. Слиться, раствориться, пропитаться этим вязким, сонным, телесно безличным варевом, осознать себя как господина, нарушившего запрет, и — не путать туризм с эмиграцией — срочно домой, в Город. Впрочем, в отличие от остальных,

пытавшихся выполнить этот нехитрый на первый взгляд квест, мне был дан слишком большой бонус.

Почти полгода Рысь оставалась со мной. Кажется, она удерживала связь, поле, искру до того момента, пока «Касталия» не оставила топи сатанинские и не вышла туда, где можно строить настоящий Город. А потом она исчезла. Просто в какой-то момент я перестал или просто не был готов ее видеть. Черная Королева вывела меня из лабиринта, а потом просто покинула поле игры. Как думали все — навсегда...

Глава 6. Примирение

В это же время, когда вся только что созданная система трещала по швам изнутри, а фундамент размывался болотом, произошло еще одно событие. Которого, надо сказать, не ожидал никто — ни я, ни мое новое окружение, ни тем более братья по Ордену. Произошло примирение с Марсием.

Люди, далекие от настоящей власти, полагают, что власть определяется способностью тупо навязывать свои законы и проламывать границы. Подавляй и побеждай. Нет ничего более далекого от истины подлинной власти. Настоящая власть определяется способностью идти на компромиссы. Причем это совершенно особые компромиссы, идя на которые ты не только не теряешь лицо, но наоборот — становишься в глазах ближних и дальних сильнее и неуязвимее.

Так вот, Марсий пошел на такой компромисс! Марсий реально стал посылать недвусмысленный комплекс едва заметных сигналов, указывающих на готовность к примирению. Нетрудно догадаться, что, несмотря на разрыв, я внимательно наблюдал за происходящим в Ордене и покупал все новинки через подставных лиц.

И тут Марсий издает «Сексуальную магию»! Книгу, в которой представлен трактат первого сексуального мага, еще до Кроули, — Рендольфа. Книгу, содержащую трактат «Небесные женихи» Иды Крэддок, женщины, которая была заключена в тюрьму и замучена там до смерти пуританской мразью за свои убеждения, за свою свободу! Книга об одной из самых тайных и сложных форм сексуальной магии, содержащая, как мне стало ясно потом, единственный истинный ключ к сексуальной магии, в то время как все, что я считал сексуальной магией до этого, — декорации и шелуха. И это — Орден, который я еще недавно считал замшелым и консервативным!

Одновременно с Идой Крэддок в орденском альманахе выходит статья, в которой обсуждаются вопросы трансгрессии. Путь не радикально, не тотально, но, черт возьми, эта тема стала допустимой, приемлемой для дискуссии! Это казалось невозможным, но это произошло. Марсий, дав приказ издавать эту книгу, как бы заявляет о своей готовности к разговору, примирению, компромиссу. А серый аватара уже давно навсегда изгнан из Ордена.

Сигнал я понял. В высокой политике нет прямых распоряжений и приказов. Есть сигналы. Знаки, которые в принципе не могут быть раскрыты посторонним, находящимся вне настоящей игры. «Сексуальная магия» означала сигнал: «Мы готовы уважать твои убеждения, мы готовы к диалогу, время Звезды Армален закончено».

Естественно, с момента издания «Сексуальной магии» полностью меняется моя внутренняя риторика. Если до этого, я обличал Орден, постоянно проталкивая образ «прохудившегося бокала», после выхода «Сексуальной магии» я начинаю всячески подчеркивать, что всеми своими достижениями я обязан Ордену (что чистая правда), что наш конфликт по большому счету был недоразумением, вызванным интригами подлеца, который в конечном счете из Ордена был изгнан (что опять же чистая правда), и что хотя я являюсь изгнанником, я не позволю как-либо покушаться на доброе имя Ордена, и никакого союза с нарушившими клятву клеветниками у «Касталии» не может быть, дорогой Каин, только через мой труп.

Не знаю, были ли среди множества моих гостей и членов клуба люди, которые могли передать мои слова Марсию. Скорей всего, все-таки нет. Я думаю, что именно тогда я освоил магическую технику работы с возможными союзниками, когда прежде всего ты настраиваешь свое сердце и посылаешь внутренние сигналы, сигналы от САХ к САХ, от потока к потоку. Сигналы дружбы, лояльности и предложения союза, который может быть интересен обоим.

Правда, даже после издания «Сексуальной магии» я не мог позволить себе сделать первый шаг открыто. В малой политике первый шаг делает слабейший. В большой — сильнейший. А будем смотреть правде в глаза — в сложившейся ситуации слабейшей стороной был я. Мое реальное положение иначе как полным крахом на тот момент было нельзя назвать, хотя внешне это было едва ли заметно.

Впрочем, это тоже очень сложно. На фасаде — дружба с интересными людьми, самостоятельный издательский проект, делающий первые шаги. Внутри — болото и распад. Каиновская «Касталия». Антигород. Пьянка, оргии его тупых приятельниц, от которых уже хотелось блевать, и тошнотворные игры в «настоящих магов», Разумеется, в таком положении первый шаг означал бы признание себя побитой собакой или по крайней мере блудным сыном, ищущим снисхождения.

Первый шаг сделал сильнейший. Марсий передал через своего человека, что хотел бы со мной побеседовать. Сказать, что я ликовал, значит не сказать ничего. Третья нить, личное послание САХ. Если бы силы, стоящие за ним, действительно были враждебны, ему было достаточно просто не предпринимать ничего. Тогда казалось, «Касталия» умирает как проект и нет никаких шансов на возрождение. И все потому, что я полез в практику, о механизмах которой не имел понятия. Но именно сейчас мне была протянута рука дружбы. Сначала — неявный знак, потом — прямое приглашение к разговору.

Первый разговор после Армалена я помню очень хорошо. Меня разрывало любопытство, как будет строиться разговор Марсий. С одной стороны, не прав был я, пойдя на конфликт и бросив прямой вызов. «Одиннадцать тезисов», удар от Анимы по Аниме, удар на уровне намека, который понял только один он. С другой — осудив в одной фразе сексуальную революцию, Марсий поддержал серого аватару, да и в конечном счете единственный раз за десять лет нашего знакомства публично солгал. А серый аватару в это время бесновался, обличая «тоталитарную секту».

В нашем разговоре Марсий вообще не вспомнил о прошлом. Он просто рассказал некоторые новости, вообще не имеющие отношения к нашим проблемам, а потом предложил честное сотрудничество. «Касталия» представляет книги Ордена, Орден представляет книги «Касталии», и вообще пора забыть о нелепом недоразумении. И: «Ах да, если у тебя есть достойные кандидаты, мы будем рады рассмотреть их кандидатуру, если, конечно, ты этого хочешь». Черт возьми, это высший уровень политического мастерства — молчанием отменить все конфликты, которые еще недавно казались неразрешимыми.

Примирение окончательно изменило расстановку сил. О примирении было торжественно заявлено на первом же собрании. Примирение подчеркивалось в каждом слове. Связь с Черной Королевой, примирение с Орденом полностью меняли расстановку. Из несчастного Пу И, которому просто некуда идти, я становился реальной силой, считаться с которой Каину ну очень не хотелось, а придется. Да и кандидаты быстро нашлись — и Черная Королева, и Сергей Яшин достаточно быстро установили связь с Орденом. Черная Королева ограничилась посвящением в минерваль, в то время как Сергей принял решение полностью связать свою жизнь с Орденом, до своего последнего вздоха оставаясь, пожалуй, одним из самых преданных и надежных членов Братства.

В общем, не вышло из меня Мартина Лютера. И слава Люциферу, что не вышло...

Глава 7. Лама Савахфани

*Ножи Бодхисаттвы заточены в пропх, им нет объяснения.
Ножи Бодхисаттвы делают дело беззвучно, как снег.
Там, где был весенний рассвет, — пыль заустельная,
Но голос продолжает звучать, как будто бы мы ещё здесь.
Борис Гребеничиков, из песни «Ножи Бодхисаттвы»*

Жизнь налаживалась? Или жизнь летела под откос со всей силы? Очень странная жизнь, мучительно раздвоенная на две абсолютно не связанные друг с другом картинки.

Проект входил в силу. Одним из самых невозможных событий было приглашение со стороны того самого профессора МГУ на научную конференцию докладчиком. Впервые я выступал на научной конференции, и мой доклад будет включен в полноценный научный сборник. Это ли не долгожданное признание, это ли не легитимизация, это ли не то, о чем я мечтал?

Странная ирония судьбы. Во времена Армалена я кричал, что нужно обращать внимание на изгнанников, неформалов, субкультуры и бунтарей, в то время как Марсий настаивал на необходимости уважаемых авторитетов. Но вот прошло всего несколько месяцев, и в пространстве моего проекта стали появляться уважаемые, образованные люди, и их становилось все больше. Гордо провозглашенная «неформальность» для меня оборачивалась скорей неприятным грузом, который не позволял развернуться в полную силу. Сама жизнь внесла поправки в мои декларации, определив направление моего главного детища как культурного анклава.

А еще, что меня радовало больше всего, — приходили новые переводчики. С каждым месяцем у нас на сайте появлялось все больше обновлений, эксклюзивных материалов. Всей своей риторикой, всеми постами я демонстрировал, что именно переводчики являются истинной элитой нашего клуба, что мы обеспечим для переводчиков бесплатные книги, бесплатное участие в наших собраниях и всякие другие бонусы вроде права анализа сновидений.

Бонусы? Право же, те бонусы, которые мы могли представить нашим переводчикам, — это капля по сравнению с выполнением оплачиваемых в издательстве работ по переводу. Переводчики шли не за этими мизерными бонусами. То, что десять человек, большинство из которых я даже не знал лично, начали выполнять бесплатную работу, которая в обычных условиях является высокооплачиваемой, — иначе как чудом назвать нельзя. Это был зов — зов от САХа к САХу, люди чувствовали, что у нас зажегся огонь, что у нас происходит строительство чего-то реального и чего-то живого. И в мире, где не осталось сакрального, а все огни давно притушены, сама причастность к подобному привлекала на каком-то глубинном, сокровенном уровне. Впервые, я почувствовал мистицизм числа 8, привязав обновления нашего проекта к восьмому числу каждого месяца.

У нас появлялись интересные лекторы (и да, главной задачей было успеть выпихнуть этих лекторов из квартиры после их же лекции, пока не началась каиновская часть и не стали бегать голые хомячки).

Но сколь был велик внешний успех, столь удручающ был внутренний распад. Началось строительство Города, но началось оно на болоте, и в любой момент фундамент мог накрениться и обрушить все, что только начало выстраиваться. А Каин вышел из тени и все чаще продавливал себя и своих людей, которых стало появляться все больше.

Справедливости ради следует сказать, что среди десятков пустых бездарностей, приводимых Каином и окончательно уничтожавшим тот дух который рождался в начале, было одно исключение, один единственный порядочный человек и мастер своего дела. Я

говорою о мастере северной традиции известный как Фенрир. Но один — это исключение.

Я оказался в положении лягушки в кастрюле с холодной водой. Кастрюлю стали медленно нагревать, но поскольку процесс был слишком медленен — как у этой несчастной лягушки, у меня были все шансы свариться и потерять все. К тому же я прекрасно понимал: сколь бы мне ни было отвратительно происходящее, другой квартиры для встреч у меня все равно не имелось.

А впереди ждал главный удар. Некогда я имел несчастье познакомиться Иара с Хирамом. О да, Иар. Муж Мартиэль, талантливый писатель, который видит самые дальние миры и запечатлевает в своих литературных полотнах. При этом как политик — даже не ноль, отрицательная величина. А для серого аватара, который начал с того, что создал иллюзию, которая полностью ввела в заблуждение и меня, и Марсия, — для серого такого уровня обмануть добродушного писателя, который проводит все свое время преимущественно в выдуманных им мирах, — это была даже не задача. Это легче, чем конфетку у ребенка отнять.

Как оказалось, встреча не канула в лету. Серый аватара никогда не упускает рычаги власти. Они переписывались. И когда Иар поехал в Москву вместе с Мартиэль, он, конечно же, захотел встретиться со «старым другом».

И вот здесь наступил конец мира. Я как будто оказался в сюрреалистическом кино, где как в замедленной съемке Иар вместе с Мартиэль переступают порог квартиры Каина, а вместе с ними приходит он. Хирам. Серый аватара вошел в мое пространство, и я ничего не мог сделать против этого.

Серый умеет носить маску. Серый умеет притворяться дружелюбным. Серый моментально чувствует малейший внутренний расклад и кооперируется с Каином и Иаром, выступая против меня единым фронтом.

Что до моих чувств, то чувств никаких нет. Есть только одно желание — убить. Убить немедленно, желательно сперва вспороть брюхо, чтобы помучился подольше, и пусть даже он успеет в ответ убить меня. Но ситуация разыгрывается тем единственным образом, в котором я не могу сказать ничего, ни убить, ни даже выгнать. Я даже не могу возмутиться: враг приглашен не Каином или Асгет. Враг приглашен Иаром, а значит — самой Мартиэль.

Какая нелепая ирония! Кажется, еще совсем недавно Хирам на всех углах писал, что сатанисты — это недочеловеки, которых надо выжигать каленым железом. И вот декорации сменились, серый аватара мило беседует с одним из главных сатанистов, попивая винишко и сидя точно под сатанинской пентаграммой с козлом. И вместе с сатанистом он нападает на меня единым фронтом, сохраняя маску дружелюбия. Вот совсем недавно Каин публично и во всеуслышание доказывал, будто все формулы и знаки Мартиэль нелегитимны, — и вот он мило улыбается ей и ее мужу, демонстрируя всю широту своего гостеприимства.

Я пытаюсь найти поддержку у Мартиэль. Я жду ее защиты. Ничего. Хоть одно слово. Ты же понимаешь, что происходит. Это конец, это гибель, это — крах всего, что я хотел. Ни против, ни за. Все сохраняют нелепый политес, играют какие-то роли в игре, где «друзья пытаются по-дружески вразумить неразумного друга».

Карта из колоды — десятка мечей. Руна из мешочка — Наутиз. Вторая бездна. Лама савахфани... Я думал, что время Армалена было прыжком в никуда. По сравнению с этим Армален казался детской прыгалкой. Потому что теперь — в кого я могу поверить, на что опереться? Лишь слова «лама савахфани» и «мне нужна твоя вторая рука» беспомощно бились в сознании.

Удивительная ирония судьбы. Не один год я последовательно вытравливаю любые христианские гештальты из своей жизни. Мой спор с христианством, моя внутренняя война — это не война подростка сатаниста, который через месяц, столкнувшись с первым же экзаменом, начнет молиться своему боженьке. Моя война — война

позиционная, стратегическая, настолько, что даже в Армалене одна из моих претензий к Марсию заключалась в непримиримости к его компромиссам с христианством, в то время как Телема — это структурно антихристианское учение. Тот самый я, способный рассказать единственный анекдот — стебы на церковные и христианские темы, тот самый я, оказавшись в точке бездны, точке невозврата, мысленно повторяю одну и ту же фразу. Фразу Христа. Лама савахфани. Лама савахфани. Я потерял все, потому что враг, серый аватара пришел в мой мир, и ему открыла дверь та, кто всегда была для меня средоточием истины.

Почему, почему она молчит, почему она не выступает за меня, против всех здесь, почему она не может сделать этот выбор? Она — знает. Она абсолютно точно знает, кто перед ними и что сейчас убивают самое важное, что у меня есть. Неужели человеческая любовь и преданность мужу для нее превыше Истины? Или она не понимает? Внешне все выглядит более чем невинно. Но я слишком хорошо знаю, что она просто не может не понимать, не знать, не может: другой уровень, другая сущность, другие масштабы. И мне остаются только все те же слова на арамейском и сцена падающего на камни ребенка из какого-то голливудского фильма моей юности, последними словами которого были сакраментальные «Мама, мне нужна твоя вторая рука». Второй руки не будет. Будет падение в красную бездну, на раскаленные камни.

Много лет я не вспоминал этот вечер. Слишком тяжелый конфликт, слишком страшное разочарование, слишком тяжел груз креста, выбивший главный смысл и центр моей жизни. Казалось, навсегда. И она, живое воплощение Люцифера, здесь оставила меня, просто выбрав сторону того, кто ей был близок лично.

Решение, ответ, ключ пришел гораздо позже. Через много лет в результате сложной игры событий я оказался с Мартиэль на очень большой глубине, на такой глубине, где маски, правила, дипломатичность умирают, и можно позволить себе быть собой и спросить то, что действительно было все эти годы на душе. Без книг Тимоти Лири мы не можем позволить себе неудобные вопросы, но оказавшись там, я попросил простить меня за дерзость и, вспомнив тот вечер, спросил:

— Почему тогда ты не защитила, промолчала, отступила? Тогда, когда мне была нужна твоя вторая рука?

На глубине уже не было личности, формы, ограничений, на глубине Она была Им, и ответ, который я получил мгновенно, тотчас снял камень с моей души.

— Мир которого я тебя лишила — был ли это твой мир? Разве на тот момент у тебя оставалось там хоть что-то свое? Или ты хотел бы остаться там навсегда, жалеешь о том, к чему сейчас пришел? Представь, что ты до сих пор созерцаешь пьяную полуголую Арину и вынужден каждую минуту оглядываться. Это не был твой дом, но ты явно не спешил уходить. Поэтому мне пришлось вмешаться, хотя это, должно быть, было больно.

Исчерпывающий ответ, который сорвал камень с души, лежавший там многие годы. Мгновенный ответ, моментально вырвавший из двухмерного человеческого восприятия к созерцанию чистой мистерии. Там о камне разбился сын своей бывшей матери, плохой сын, сын лжец, которого нужно было принести в жертву. Боги играют нашими судьбами, и единственное, что нам необходимо, это готовность увидеть за обычными жизненными сюжетами высшее плетение серебряных нитей.

Да, таков закон мистерии Люцифера. До времени тебя очень мягко ведут. Оберегают. Помогают. Вдохновляют, дают все ответы, ключи и знаки. Тебе остается только удивляться, почему одна дружеская беседа стоит сотни сессий с психоаналитиком, а один совет может звучать в разных гранях несколько лет, становясь ключом к решению самых разных неразрешимых проблем. Более того — тебе дается и смысл жизни, и сила направить свой запрос, свою душу в бесконечную потенциальность мироздания. И кажется, что все действительно очень легко. Главный закон Чернотелых: «если что-то непонятно — звонить Мартиэль».

Но на определенном этапе тебя толкнут вниз. На раскаленные камни. В одно мгновение выбив все опоры, смыслы, надежды, идеалы. Не во что верить, не на что надеяться, нечего любить. И в этом нет злого умысла, жизнь просто будет выстроена так, что события окажутся связаны один к одному, чтобы впереди осталась только бездна. А там внизу уже ждут острые камни, и на этот раз никакого запасного парашюта и второй руки не предусмотрено. Что выберете, месье? Что выберете, увидев оскал зверя на лице того, в ком сосредоточен смысл жизни?

И вот здесь, сделав правильный выбор, ты на самом деле впервые становишься единосущен Люциферу. И глядя на свой путь Его глазами, когда-нибудь поймешь, что не бездна это вовсе, а мелкая канавка на дороге. И что все кажущиеся нам чудовищными испытания, в сущности, ничто по сравнению с тем, что Он проходит ради всех нас каждую минуту. Иисус был распят на три дня. Люцифер — тысячу лет. И нет ничего глупее, нет ничего нелепее, чем пытаться сказать Ему о своих великих страданиях. Но такие вещи понимают только спустя годы.

Мало кто проходит эту точку. Я знаю многих, кто свернул именно в таких местах, отказавшись прямо или косвенно от всего, что было дано, подчинившись обиде, ране. Я видел таких проигравших. Кто-то — возвращается к обычной жизни и даже думает, что счастлив, забыв свой путь как кошмарный сон. Кто-то становится серым, рабом серой хмари, которая, конечно, избавляет от боли, но за это заберет твое сияние. Я видел таких.

Мне повезло. Потому что здесь я впервые ответил себе на простой вопрос. Неважно, кто она. Даже если я прав, и она пожертвовала мной, чтобы не обидеть и не ранить возлюбленного. Даже если она не является Богом, главный вопрос — это не то, кто есть она. Главный вопрос — кто есть я. Поэтому что бы ни было на самом деле, каковой бы не была реальность, это не имеет значения. Реальность не совпадает с образом мира — тем хуже для реальности. Я взял эти ключи и эти смыслы, я присягнул, и это единственное, что имеет значение.

А вот здесь есть загадка, которую невозможно объяснить. До сих пор я использовал ключи, имена и знаки, данные мне Марти. Но они не действовали в полную силу, я мог произносить их в ритуалах, и у всех вокруг возникало ощущение неестественности, искусственности происходящего, от Каина до самого мелкого недомага все недоумевали — зачем брать какие-то непонятные ключи от культового менестреля, когда можно обратиться к магическим традициям. Ключи звучали на треть. А вот после этого вечера ключи и имена зазвучали в полную силу и в новом кругу уже ни у кого не вызвали вопросов. Настоящая передача, единосущие с Ним произошло только в этот миг, когда я испытал одну тысячную долю того, что Люцифер испытывает ради нас, ради нашей свободы и нашего сияния.

Ну и да. Конечно. Теперь это был конец. Появление Хирама здесь означало, что мне нужно принять свое поражение и заканчивать фарс. Курицу в шоколаде можно отправить на помойку. Глупо тянуть заведомо проигранный партию на потеху толпе, не для них строит свой Город Азазель. Оставалось только найти удачный повод, чтобы красиво выйти из среды, где было так тесно и грязно.

Повод, конечно, нашелся. Хороший такой, жирный повод, вполне сходящий за причину. Через три недели Хирама пригласили вновь. Правда, теперь ни Мартиэль, ни ее мужа не было, мои руки были развязаны, и увидев нежданного гостя, я мог позволить себе, ничего не говоря, встать и хлопнуть дверью.

Остальное было делом техники. Рассылка, где я извиняюсь перед всеми друзьями, признаю, что проект превратился в балаган, в связи с чем проект закрыт, разве что кто-то когда-нибудь предложит нам свой кров для наших собраний. Финита ля комедия, всем спасибо, все свободны. И да, друзья, конечно, я буду вести виртуальный проект, читать открытые лекции, издавать наши книги, благо все дружеские контакты сохранились. Но надо признать очевидное — «Касталии» в реале больше нет. Серые твари сожрали все.

И почти сразу, всего через несколько дней после рассылки, я получил письмо... И кто сказал, что чудес не бывает?

Глава 8. Вайолетт. Град возрожденный

*Я забыл бы дорогу к тебе,
Если б не было ветра в моей голове.
Группа «Кооператив Ништяк», из
песни «Ветер»*

«Дорогой Олег. Ты, наверно, меня уже не помнишь. Много лет назад я ходила в "Клуб 93", где ты выступал с лекциями о магии. Хочу сказать, что очень заскучала без хорошей магии и хорошей компании. Если у тебя есть компания практиков, кому было бы интересно потусить, собраться, как когда-то в "Клубе 93", я с радостью приглашу вас в гости. Ваша Виолетта».

«Клуб 93»! Когда это было?! Самые первые пробы пера, самые первые выступления, первые попытки сказать свое слово... Сколько лет, сколько зим...

И черт возьми, она приглашает нас, именно нас в гости. Наваждение? Морок? Иллюзия? Через неделю после того, как я раз и навсегда отказался от возможности держать свой проект, приглашает к себе. Лилит владычица, да разве же это возможно? Свой проект, случайное знакомство с хозяином типографии, приглашения на научную конференцию без единой научной степени, явление Черной Королевы, примирение с тем, с кем никто из поссорившихся не мирился. И вот теперь перед моими глазами было письмо Виолетты. Я еще не исчерпал свой лимит на чудеса?

Срочная рассылка всем членам клуба. Торжественное заявление на всех аккаунтах о переоткрытии. Теперь я мог звать новых людей, уже не опасаясь потерять лицо. Вся грязь осталась позади. Каин, разумеется, тут же объявляет, что настоящая «Касталия» собирается у него, создает группу «Касталийский клуб», слизывает все символы «Касталии». Господи, как же это смешно, это даже не может раздражать, это смешно: человек, не прочитавший за свою жизнь ни одной книги Юнга или Гессе, выступает под их флагами. Ой, не стреляйте пародистов.

Первые собрания в роскошной просторной квартире, которая еще, ко всему прочему, в отличие от квартиры Каина, находилась практически рядом с метро. Гостеприимная хозяйка, с огромным энтузиазмом принимающая нашу потерянную группу. Это точно не сон? Это реальность? Каиновский кошмар точно позади? Начало рассвета, начало взлета.

В моей жизни я полностью не понимал двух человек. Не в смысле непонимания, как общаться, а в смысле непонимания, что является мотивацией для тех или иных действий и слов. Я так и не смог до конца понять логику Марсия, хотя смог понимать его язык. И я так и не смог понять Виолетту.

Наученный горьким опытом, я не доверял Виолетте до конца. Казалось, что вот сейчас она достанет из рукава не туза, а джокера, и на этот раз мне уже не удастся отыграть партию.

Пожалуй, главной причиной недоверия был один факт, который Виолетта не скрывала. Она была да и наверняка ныне является одним из рядовых членов правящей партии, искренне поддерживая нынешнюю власть. В другой ситуации я бы просто счел ее прямым врагом. Но после того как проект даже не оказался на грани смерти, а уже умер и вдруг получил шанс на воскресение, выбирать не приходилось.

О боги, какая же, в сущности, в этом заключена ирония судьбы: Каин много месяцев казался мне своим, соратником и единомышленником в своем нонконформизме

и контркультурности. В итоге Каин растоптал все, что можно было растоптать, и только явное вмешательство высших сил помогло проекту возродиться из пепла. С другой стороны, Виолетта занимала роль и позицию, исходя из которой в любой другой ситуации я мог бы считать ее только врагом и никем больше. В итоге она на своем горбу тащила наш проект несколько лет, а потом, когда потеряла возможность собирать у себя, еще долго отчасти спонсировала собрания «Касталии» на независимой территории, пока мы не смогли перейти на самокупаемость. Как это напоминает притчу о самаритянине. Как же глупы те, кто воспринимает мир по лекалам и шаблонам. Как же долго я был во власти тех же самых шаблонов и лекал.

С переездом к Вайолетт меняется сам характер, само настроение собраний. Если происходящие ранее события казались взлетом, то здесь я узнал, что такое настоящий взлет. Золотой век «Касталии». У нас выступали такие люди, как Елена Головина, Юрий Мамлеев, Лев Хегай и многие другие, кого сейчас, пожалуй, и не вспомнить. Устанавливаются дипломатические отношения с другим проектами. Начинают заявляться семинары на местах, открываются региональные отделения. Отдел переводчиков выходит на новый вираж, книги издаются уже не эпизодически, а регулярно. Происходит главное событие — выходит уже давно переведенная нами «Красная книга» Карла Юнга. Годы рассвета, все время которых я, как уже не раз битый зверь, жду удара.

Виолетта непонятна. Зачем ей «Касталия»? Зачем ей мы? Все время я пытаюсь хоть как-то ответить на этот вопрос. Зачем была нужна «Касталия» Асгет и Каину, было понятно почти сразу. Одна хотела новый орден, другой — балаган с голыми хомячками. Но зачем «Касталия» Виолетте?

— Мне просто интересна магия, — отвечала она. Но магия «Касталии» вообще не имеет отношения к тому, что понимают под магией в большом мире. Это не магия денег, не магия власти, не магия приворотов. Это — магия ради самой магии, магия ради переживания богов, магия ради красоты Мистерии. Быть может, она ждет другой, настоящей магии, и в один прекрасный момент поймет, что мы все ее обманули? Но право же, за три года не понять очевидного было бы невозможно.

Вспоминая наши беседы за хорошим вином (попойки до состояния штабелей ушли далеко в прошлое, как страшный сон), я вновь и вновь задаю себе этот вопрос. Что он Гекубе, что ему Гекуба... Однако несколько лет без какой либо для себя выгоды Виолетта собирала у себя наш скромный клуб.

Можно предположить, да и сама Виолетта не раз об этом говорила, что она хотела создать из «Касталии» центр, который смог бы приносить деньги. Тогда эта идея вызывала у меня только смех. Разве возможно такое чудо — я буду делать то, в чем смысл моей жизни, и получать с этого деньги? Мне что — мало возможности читать лекции перед по-настоящему заинтересованными слушателями? Перестраивать проект под коммерческий — разве это не приведет к неизбежному предательству тех идей и задач, которые лежат в его основе? Город. Алхимия свободы для современного общества. Поэтому всякое желание помочь в официальной регистрации, зарегистрировать «Касталию» как некоммерческую группу я всеми возможными силами тормозил. Но в один прекрасный момент она принесла мне пакет документов, в котором все роли были расписаны, и, показав их нейтральному незнакомому юристу, я получил подтверждение — здесь все честно, все полномочия остаются у меня в любом случае. А когда — уже гораздо позже — «Касталия», неожиданно для меня, стала приносить деньги с продажи книг, Виолетта уже давно отошла от проекта. Если бы существовала некая доска почета с именами людей, которые спасли наш Город, имя Виолетты было бы по праву третьим — после Ивана и Черной Королевы. Самое непостижимое — серьезно поддерживая проект, Вайолетт не разделяла нашу идеологию. Если бы она читала книги, которые были для нас принципиальны, если бы она понимала наш внутренний идейный нерв, нашу метафизику, будь то внешние идеи или внутренние мифы, все было бы

понятно — человек, разделяющий наши ценности, помогает создать культурное пространство для их реализации. Но, насколько я знал, она не читала те книги, какие читал я. А значит, только богам известно, почему Вайолетт решила нам помочь и помогала ровно до той точки, после которой птенец смог сам расправить крылья. А все, что непонятно, не может не пугать.

Пожалуй, единственное, что я могу предположить сейчас, — Вайолетт сама до конца не понимала, зачем она это делала. Благословленная Иштар, Вайолетт просто была направлена богиней к нам в час крушения и, до конца не понимая причин своих действий, эта Ставка Иштар делала то, что хотела ее богиня.

Однако случилось кое-что, омрачившее мой триумф. Черная Королева все-таки покинула наше царство. Оставаясь рядом со мной все время, пока продолжался Каиновский ад, она предпочла уйти, как только «Касталия» встала на надежные рельсы.

Я перестал видеть и понимать ее. А неожиданный успех ударил мне в голову, точно выпитая залпом бутылка шампанского. Слишком быстро произошел переход, взлет от полного уничтожения до полного торжества. Кессонная болезнь души, инфляция, раздувание, чувство собственной важности и богоизбранности всегда сопровождает неожиданный взлет. Черной Королеве просто стало немного душно рядом со мной, а когда кессонная болезнь прошла и началось время для планомерного строительства нашего Города, ее уже не было рядом. И чтобы Черная Королева и самая первая жрица вернулась, до этого в мою жизнь должна была войти Леди Черных вод, Акташ, одна из самых таинственных и сложных женщин, протащившая меня по всем отдаленным закоулкам бессознательного, выбив даже самую скрываемую от себя серую дрянь.

Уже через несколько лет, когда «Касталия» была выращена и выкормлена Вайолетт до состояния зрелости, став всецело самостоятельной и самокупаемой системой с источником дохода в виде издаваемых малотиражных книг, я набрался смелости и послал ей все, что мы издали, вместе с моей самой последней книгой. Послал без особой надежды на возвращение, просто потому, что хотелось поделиться, как высок стал наш Город. Посылка вернулась обратно. Стало ясно, что Черную Королеву надо забыть, ибо даже невинный подарок без какого-либо умысла был отвергнут. Как оказалось потом, на тот момент она уже жила в другом городе и просто не могла получить эти книги.

После всех асгето-каиновских историй одним из самых непостижимых моментов нашего пересечения с Вайолетт было отсутствие попыток с ее стороны как-либо влезать в политику «Касталии», навязывать свои условия, предъявлять какие-либо требования. Единственное, где мне приходилось немного защищаться, — это ее желание дать нам официальный статус, но даже это было не каким-то насильственным продавливанием, а простым дружеским пожеланием.

Рассвет «Касталии» коснулся не только Москвы. Неожиданно я получил возможность читать лекции в одном из самых крупных книжных центров в Санкт-Петербурге. В центре на Невском проспекте. Пожалуй, это был самый большой триумф за всю историю — на мои лекции приходило больше ста человек, зал был заполнен до отказа, так что негде было упасть яблоку. Эти лекции я читал бесплатно, но, черт возьми, если бы нашелся центр, способный обеспечить мне столько народа, как тогда, я и сейчас, не задумываясь, продолжил бы читать эти лекции, не ожидая никакого материального вознаграждения. С нами стали выходить на связь люди из других городов. Стали появляться отделения «Касталии» на местах: Томск, Барнаул, Челябинск, Минск, был даже Киевский филиал проекта. Правда, в отличие от Москвы и СПб, эти отделения были очень неустойчивы и зависели исключительно от моих приездов. В провинциях тяжелый воздух свинца, и чтобы держать свое отделение, нужны незаурядные, харизматичные люди. Всех, кто пытался перенять у нас наше дело, хватало ненадолго. Кстати, дольше всех продержался Минск, что и понятно — все-таки столица, но и там инициатива в результате сдулась. Впрочем, опыт Ордена в отношении региональных

отделений столь же неутешителен, и все некогда открытые отделения на местах в итоге были закрыты.

А еще, примерно через год после знакомства с Виолеттой, я неожиданно для себя был приглашен на пятую степень. Пожалуй, это самая прекрасная, самая легкая, самая чистая и вдохновенная степень, находящаяся под сенью голубки Венеры. Как писал сам Кроули: «Большинство посвященных находят здесь последнюю остановку и долгожданный привал». Пожалуй, именно принятие пятой степени поставило последнюю точку на прошлом.

Глава 9. Круг ненависти, или Брешь

*Викторией зовется этот крах.
...И вот еще одно стихотворенье.
Геннадий Жуков, Виктория*

Медленно мелют зерно жернова богов. Медленно вращается колесо кармы. Все, что ты думаешь, чувствуешь, желаешь, все, что окружает тебя, лишь продолжение тебя, — говорят древние мудрецы и современные мошенники, спекулирующие на древней мудрости. Как бы то ни было — они правы. И стоит позволить себе провести «что-то не то», дать волю грязному, серому, низкому, мироздание найдет тебе ответ.

Некоторые полагают, что могут приостановить вращение колеса кармы и удержать тетиву. Но все, что они могут, — это лишь дальше оттягивать тетиву, чтобы, когда руки таки ослабнут, выстрел оказался еще мощнее.

И все же жизнь дана нам не для того, чтобы надеть белые перчатки и прожить, не соприкоснувшись со злом и добром, ибо лишь в полной мере перегорев в своих страстях и ощутив вкус неизбежной расплаты, получаем мы тот опыт, за которым приходим в театр под названием мир. И откуда мы знаем, какие силы смотрят нашими глазами и получают наши уроки?

Я всегда отвергал коллективный идеал, приглаженность, тишину, умолчание и моргание слабейшего. Желать и отвергать, любить и ненавидеть, одаривать и мстить: больше огня, больше жизни, больше полноты — так говорит огонь, горящий в нас.

И все же другая сторона этого закона — все, что происходит вокруг тебя, с близкими и чужими, является продолжением тебя самого.

Я часто думал об этом серьезном падении именно в зеркале такого принципа. На первый взгляд, оно не принесло никому зла, но было хуже любого открытого зла — предательством в душе. И в ответ на тихое предательство мироздание одарило меня предательством громким, в ответ на внутреннее предательство Люцифер превратил преданного в предателя — и, черт возьми, *какого* предателя! — предателя, нанесшего, пожалуй, самый большой урон Городу.

Алексей Пермяков. Юноша с безумными глазами, пришедший в «Касталию» и ставший самым худшим паразитом, но лишь потому, что сперва тихо и незаметно пожертвовать им был готов я сам. С самого начала Алексей, производил ужасающее впечатление. Несчастный, задавленный семьей и жизнью невротик, живущий в нищете от копейки до копейки.

По мере нашего общения я стал ловить себя на каком-то особом родственном чувстве к этому юноше. Впрочем, родственное чувство, желание помочь было тесно связано со своекорыстием, желанием оставить его в одной связке с собой навсегда как «вечного исполнителя». Странное сочетание серого и серебряного — корыстного желания получить себе надежного помощника и искреннего желания помочь, и даже оглядываясь назад, я не могу понять, что перевешивало. Думаю, вначале все же перевешивала искренняя симпатия.

Мир посылает нам разные зеркала. Разве он не похож на меня в пятнадцать лет, задолго до всех трансформаций? Разве я не могу помочь ему так же, как когда-то мне помог Орден? Разве я не могу дать ему основу, надежность, отческую заботу — и он ответит мне преданностью? Постоянно прозябающий на грани нищеты Алексей: почему бы не дать ему возможность надежного дохода — и он останется моим другом навсегда.

В новой «Касталии», «Касталии» Вайолет, Алексей был одним из тех, кто пришел первым. И сперва между нами возникла дружба, выражавшаяся в обильном возлиянии и пьяных сантиментах, а затем и полноценное сотрудничество, которое, по моему замыслу, должно было дать этому бедолаге основание. Да и правда в том, что он был нужен нам не меньше, а то и больше, чем мы ему, ведь нам был нужен оператор, способный работать с нашим видео.

Но его, лучшего друга, я хотел вознаградить максимально. Чем не прекрасная сделка? От меня ему — пожизненная возможность получать свою законную половину с продажи наших видео, которые ему полностью доверялись, и все пладежи шли через него. От него — запись нашего видео раз в неделю и заливка его на канал.

Подарок судьбы! Ты снимаешь видео один раз в жизни — и всю жизнь время от времени с него кормишься. Забегая вперед — он начал воровать и не отдавал мне ни копейки с проданного видео, на что я два года закрывал глаза. По-человечески просто невозможно понять — какая выгода лгать, обманывать, ведь честное сотрудничество дает гарантированную выгоду до конца жизни, при этом, идя на подлог, ты гарантированно будешь разоблачен.

Но что непонятно [если смотреть с чисто человеческой точки зрения, раскрывается если взглянуть с точки зрения высших законов, законов кармы.](#)

Алексей казался мне самым преданным и понимающим из наших посетителей. И должен признать, что эта оптическая иллюзия была порождена обильным возлиянием спирта во всех видах — возможность, которая была закрыта для меня через три года после этих событий из-за проблем с поджелудочной. Азazelь явно решил, что строитель Города не может быть алкоголиком.

Но если бы только бизнес-связь. Следующей ошибкой была церемония усыновления, где я дал ему пить мою кровь. Это похоже на ритуал братания, только если при братании вы соединяете кровь, то при усыновлении усыновляемый пьет каплю крови старшего. Эти обычаи идут в глубину веков у самых разных народов и культур, это универсальная магия побратимства и усыновления.

Какое-то время мы были невероятно близкими. Старший и младший. Император и министр.

Как не вспомнить историю одной драки, ставшей точкой окончательного разрыва с миром Каина? И казалось, это утвердило нашу дружбу навек.

Здесь внимательный читатель удивится — о каком окончательном разрыве идет речь, ведь я ушел от Каина несколько раньше?

Ушел. И начал делать свой проект. И мог бы забыть Каина как страшный сон. Тем более что Каин сделал вид, будто ничего не изменилось и он продолжает «Касталию», которая по-прежнему собирается у него.

Впрочем, читатель может дать волю своей фантазии, представив качество этих лекций и собраний, постоянно сопровождаемых обнаженной любовницей Каина весом в сто пятьдесят килограммов.

Так вот, бывший брат мой Каин сказал, что будет рад видеть меня в любой момент, ибо всё так же считает братом. Конечно, это была манипуляция самого дешевого толка, но, в конце концов, — если теперь у меня свой проект, почему бы не воспользоваться его гостеприимством? Ставшая для меня крылатой фраза Вилли Старка «Добро нужно делать из зла, ибо больше его делать не из чего». Если Каин может быть полезен хотя бы ночлегом (издательства на тот момент у «Касталии» не было, как не существовало и обильного сервиса квартир на сутки), то почему бы и нет. Вытерпеть несколько скрытых

насмешек — ну не пустяк ли? Впрочем, я очень неохотно обращался к Каину, разве что в особом случае.

И однажды после нашего собрания Алексей опоздал на последнюю электричку и нуждался в ночлеге. Для одного меня нашелся бы ночлег у новых друзей, но Алексея реально некуда было взять, поэтому я решил принять приглашение.

Когда мы пришли, Каин сделал вид, что ничего не произошло, отправил меня спать в отдельную комнату, а Алексея увели на беседу. «Беседа» представляла собой набор изоощренных издевательств, подаваемых как «невинная игра», целью которой было заставить его отречься от меня. К счастью, я таки не спал. Но все происходило как бы в шутку, поэтому пойти на прямую жесткую конфронтацию я как бы не имел права.

Что делать? Такие ситуации являются прекрасным тестом. Пойди я в открытую на конфликт — бить морду Каину, Беловоду, — в глазах всех остальных я бы показался идиотом, размахивающим кулаками. И молчание, и действие означало потерю лица. Каин всегда устраивал подобные постановки, никогда не атакуя меня напрямую, но исподволь обесценивая тех, кто меня поддерживал. «Ну право же — это шутка, он что, шуток не понимает?» — сказали бы участники. К тому же сам Каин вообще не участвовал в этом спектакле, науськивая своего самого тупого и пропившего свои мозги пса.

И в общей суе я выбираю момент, когда очень тихо, шепотом говорю этому самому псу Каина, Беловоду: мол, ну правда, все же мы знаем, что ты на самом деле пидорок, ну помалкивай, пожалуйста. Так вязко, тихо, разборчиво, с интонацией некой известной всем очевидности, слышной только адресату, вложив туда все презрение и все безразличие, — это даже не агрессивное оскорбление, а такая ленивая презрительная констатация факта.

Беловоду рвет башню. Беловод лезет драться. И вот тут мои руки развязаны. Я бью. Впервые в жизни я дерусь — жестко, яростно, не сдерживаясь, так что мой несчастный противник оказывается залит кровью. Своей.

А все, что мне остается — это разводить руками (правда, разводить-то как раз не получается, потому что руки заняты тем, что сначала месят Беловода, а потом просто его сдерживают, ибо если бить дальше, можно и убить). Каин кидается искать телефон, чтобы заснять драку. Я почти чувствую, как он хочет, чтобы бит был я, но исход можно предсказать с самого начала.

На самом деле я бил не Беловода. Через Беловода я бил Каина. Ну не мог я позволить себе отметить хозяина квартиры на его территории, да и формального повода не было. Но здесь и сейчас, в этой драке, похожей на кровавое месиво, я мог наконец-то отыгратья за все.

Последний эпизод, последний аккорд в заведомо проигрышной партии остался за мной. Теперь я мог попрощаться с ними навсегда — все долги были возвращены. Беловод оскорбил моего вассала, того, кого я, согласно клятве сюзерена, клятве отца, обязан защищать. И он был наказан. Пожалуй, это один из немногих эпизодов «каиновского» периода, где у меня есть повод для гордости.

Полгода близкой дружбы с Алексеем, в то время как мне снится тревожный сон, в котором я вижу его умирающим и раздавленным в лифте.

Кошмарный и пророческий сон снится и мне. Я нахожусь в своем родном городе в самом центре Площади Победы. Ничто не предвещает беды, светит солнышко, ходят люди. И внезапно весь мир вокруг меня начинает превращаться в картонные декорации и осыпаться в воды вечного океана. Это даже не цунами, идущая откуда-то со стороны. Это, как в замедленной съемке, осыпание всех декораций окружающего мира в изначальный водный хаос. Двойной ужас: мир перестает существовать и одновременно — он и не существовал никогда, всего лишь жалкая флуктуация, принимаемая за реальность.

Площадь Победы. На момент сна мои дела шли в гору по всем направлениям. Новые друзья, новые возможности, новые связи, новые горизонты доходов. И неподготовленное сознание начинает застывать в созерцании долгожданной победы. Это называется «здравствуй, инфляция».

Площадь Победы. Победа. Виктория. Виктория появляется всего через пару месяцев после этого сна. Кажется, мы знакомимся с ней в Киеве. Невероятное притяжение. Кажется, будто вернулись те давно забытые страсти, связанные с Кэт, но, в отличие от Кэт, я, к своему позору, оказался тотально захвачен женщиной, с которой у меня даже не было близости.

История повторяется, а колеса кармы делают поворот. Обратный принцип. Потому что в самый последний момент Виктория по переписке решает, что Алексей должен стать ее мужем, и обрывает со мной связь.

Дурная бесконечность повторяемого сценария. Ирка-Кэт-Виктория и через три года — последняя октава проклятого сценария — Черное зеркало, чуть было не уничтожившая меня окончательно. Нелепость маниакальной влюбленности поражает даже меня — по крайней мере, я, как здоровый мужчина, всегда влюблялся в женщину только после близости. Здесь же я оказался чертовым неудачником в своих же глазах, и меня обошел — кто! — этот самый несчастный невротик.

Вот он и бумеранг. Вот она и ответка. Вот и вернулся ко мне Макс, Ирка, проклятие на заре оккультного пути, лишившее меня права на прямую практическую магию. Все то же самое. Но на месте Макса — тот, кого я признал магическим сыном.

Тогда и произошло тихое и тайное предательство. Я кидал угрозы в пустоту, намеревался уничтожить своего «сына предателя, уезжающего в другую страну». Я предпринял попытку повторить старый фокус с проституткой, так эффектно действовавший в начале пути. Но то ли новичкам везет, то ли правду сказал Азазель, что «магический лимит» я исчерпал в первые полгода занятий магией, но трах под вибрации божественных имен во второразрядном притоне остался простым трахом под вибрации божественных имен — Викторию невозможно было пошатнуть.

На две недели я превратился в другого человека. Я чувствовал, как сквозь меня клокочет Серый Хозяин, ощущал, что я как будто заковываю себя в мертвую плоть стали, из которой посылаю проклятие, точно всемогущий господин непокорному сыну. Первая история переигралась практически дословно, но с той лишь разницей, что все, что я мог получить от серого, это только иллюзию силы. Увы.

Пару раз на пиру я разражался гневными тирадами в адрес «оставившего всех Пермякова», почти задыхаясь от ненависти...

А потом серая броня, одержимость, после которой остались только картонные декорации старого я, вдруг куда то ушли. Я съездил к Марти, слушал ее на той самой кухне, где провел не один год, оставаясь на ночлег после лекций. И без каких-либо назиданий и рекомендаций я почувствовал, как серое отступает. «Ну что же — пусть будет счастлив, пусть будет счастлива».

Впрочем, за те две три недели что я лютовал как бешенный пес, все что должно было произойти — произошло. И все что было потом, хотя происходящее со мной сам Алексей не знал, было ответом мироздания.

Однако у Алексея все было очень плохо. И на этот раз явно не из-за моего проклятия: как выяснилось потом, еще до знакомства с Викторией он принимал наркотики, и когда я говорю «наркотики», то я не имею в виду невинное ЛСД или травку.

Потом выяснилось, что все время, пока он жил у Виктории, он уже воровал деньги с видео, о чем гордо ей хвастался. Их отношения не продлились и полгода, и она выгнала его. Триумфальная встреча. Мы оба чувствуем себя изрядно потрепанными и виноватыми. Но — пир горой, блудный сын вернулся, добро пожаловать домой, прошлое прочь.

Но история только разгоралась. Виктория начала шантажировать его, угрожая сообщить в полицию о его героиновых экзерсисах. Уже потом я выяснил, что этот идиот не только употреблял, но и активно изготавливал самую паршивую наркоту.

Виктория довела его до нервного срыва, до развала, до сумасшествия этим страхом, так что передо мной оказалось најжалчайшее существо, похожее на растение. Мне стало страшно — уж не мои ли проклятия привели к этому результату? Впрочем, тяжелая наркозопея Алексея началась задолго до встречи с Викторией — и мы наблюдали ее последние октавы.

Что делать? Две недели восстанавливаю его разрушенную психику, поливаю угрозами Викторию, да с таким напором, что она хоть и пытается рассказать, что он «воровал мои деньги», я не слышу ее слов и на одном напоре ярости заставляю ее отступить от него.

Еще через полгода он уходит, передав все дела появившейся в моей жизни Магде. Тем не менее канал на Ютубе записан на него, и мы договариваемся, что старые условия по продажам остаются в силе.

Вот только сперва деньги приходят в ничтожно малом количестве, а после и вовсе исчезают. Три года я искренне убежден, что наши курсы просто не имеют спроса, и даже на первых порах умудряюсь не замечать тех людей, что пишут мне о «приобретенных и просмотренных недавно курсах».

Но и когда становится ясно, что он ворует, я понимаю, что идти на конфронтацию означает убить канал на Ютубе. Канал, который является нашим главным форпостом просвещения, где лежат мои и не только мои лучшие лекции, некоторые из которых уже имеют пятьдесят тысяч просмотров. Лешенька поставил мне мат: даже поняв, что он ворует и не отдает мне с моих лекций ни копейки, я не могу ничего сделать.

Очень не хотелось мне ломать уже устоявшуюся систему. Ломать видеопроект «Касталии» на Ютубе, который был полностью прописан на Алексея. Терять сотни и тысячи просмотров, дискуссий, сюжетов. В конце концов, наш проект прежде всего просветительский, а мой доход — это прежде всего доход с книг. Может, голодает он, бедный. Но, черт подери, ладно бы ты иногда приворовывал, сообщая только о части покупателей. Никаких систем, никаких защит не было предусмотрено — все существовало исключительно на доверии. Ты кшатрий и я кшатрий. Обмануть — значит предать прежде всего себя. Увы, этот принцип мог работать только с другим кшатрием.

Три года все продолжается в таком режиме, но когда за месяц десять человек пишут мне, что «купили мои лекции недавно» и просят консультации, плюс Магда берет на себя все дела «Касталии» и у нас рождается дочь, я понимаю, что лучше бы моя доля отдавалась ей полностью. Деньги с продаж видео я хотел отдать ей, тем более что последние два года Алексей вообще никак не поддерживал с нами связь и все вопросы, связанные с видео, решала именно Магда. Она трудится, она снимает, обрабатывает видео, а в итоге в ее кармане оказывается мизер и мне приходится делиться доходом с других отраслей. А все эти годы на нас наживается Лёшенька, уже много лет вообще не имеющий к нам отношения. И как наживается! Когда все вскрылось, выяснилось, что были десятки покупателей, а счет шел на несколько сотен тысяч, если не миллионов! Видео, как выяснилось, продается лучше, чем книги. Пора идти на скандал.

Скандалов как явления я не боюсь, но именно этот стоил мне действительно дорого. Во-первых — колоссальный урон репутации. Убив жалобами на авторские права свою же группу, я столкнулся с тем, что на меня посыпались десятки оскорбленных писем: мол, почему мы платили деньги за ваше видео, а теперь не можем смотреть видео, за которое заплатили?

Поначалу некоторым из возмущенных пользователей в первый месяц конфликта Магда давала доступ уже на новое видео — того же курса, что остался у Пермякова. Но требования все шли и шли. И кто мог дать гарантию, что очередной возмущенный клиент действительно покупал это чертово видео? Тем более что Пермяков очень быстро

публично посоветовал всем требовать потерянное видео с меня, а он, такой бедный-несчастный, не виноват, что видео теперь вне доступа. Поэтому кто исключит, что очередной возмущенный пользователь — просто захотевший халявы посланник Пермякова? Один, два, десять — ладно. Когда счет перевалил за шестьдесят и стали очевидны истинные масштабы его воровства, я просто потерял дар речи и мы начали отказывать в каком-либо возмещении. Так нашему проекту был нанесен, пожалуй, самый большой репутационный урон со времен его основания.

Во-вторых, война с Алексеем превратилась в фарс на стадии «войны жалоб» и в конце концов стоила нам самой возможности транслировать свое видео. Да, мы успешно «валили» жалобами его канал. В ответ на что Алексей обрушивался с жалобами на любой канал, который создавался нами, в результате чего канал блокировался автоматически практически сразу. Ютуб — более чем идиотская система, где все жалобы осуществляются и принимаются автоматически. Это позволяет любому идиоту, которому не понравятся мои лекции, наклепать десятков жалоб о нарушении авторских прав от моего имени и тем самым автоматически заблокировать канал. А когда после долгой переписки с технической поддержкой удастся-таки его разблокировать, ничто не мешает повторить этот фокус.

В результате мы потеряли возможность держать свой видеоканал на Ютубе, в том числе с бесплатными видео, и единственное, что оставалось, — это размещение бесплатного видео в ВК.

Я почти физически ощущал, как в моем Небесном Городе разрастается огромная дыра. Внешняя ситуация — я пригред вора и паразита, но на внутреннем уровне я всегда понимал — именно так работает карма. Слово в ответ на мой удар по Максy я получил чудовищный урон, огромную дыру в моем Городе, строительство которого является моим смыслом жизни. Неусвоенный и непрожитый до конца урок обречен возвращаться.

Когда я говорю, что в Городе образовалась дыра, с одной стороны, я использую метафору, но с другой — говорю о вполне конкретных тонких ощущениях, на которых то, что я делаю, мой проект, мое слово, это именно живой Город. Все скандалы, разрывы, публичные проклятья, угрозы, Каино-Асгетовский мир не могли причинить и десятой доли того вреда, который причинил Пермяков. Или? Окажись я у Марти две недели назад, найди я в себе силы посмотреть в глаза своему поражению, и само пространство, само поле было бы построено так, что он не мог бы отожрать столько, сколько ему удалось.

Пермяков продолжал делать закрытые рассылки, создавать новые группы и параллельно с этим убивать подложными жалобами любую группу на Ютубе, которую пытались создать мы. Ютуб оказался потерян для нас окончательно, и я ничего не мог сделать. Меня как будто лишили голоса в интернет-пространстве, и все, что мне осталось, — это бессильные угрозы на своей странице. Ну уж в словах-то я не стеснялся.

Я вновь хотел отмщения, но на этот раз, как казалось, по праву. Но я уже знал, что моя магия не работает на практике. Я попытался идти в обход, попросив проклясть его одну из моих любимых женщин.

Первой, к кому я обратился, была Акташ. В третьей части читатель познакомится с ней подробнее, пока лишь скажу, что она на тот момент имела за спиной один труп. Потому что могла. Потому что ее этический кодекс позволяет использовать магию смерти в тех особых случаях, когда действительно нарушены все человеческие границы и приличия. А здесь речь шла о настоящем предательстве, планомерном обкрадывании, циничном использовании человека, от которого Лёшенька кроме добра не видел ничего. «Эх, вот последняя фраза верна разве что формально: ну да, не видел, но не было ли — кого обмануть хотел — Богов, Азазеля, себя?»

Через некоторое время Акташ мрачно сказала: «Не знаю, кто такой этот твой Алексей, но на нем очень сильная родовая защита. Защита крови».

Боже, какой абсурд! Да какая благородная кровь и родовая защита может быть у этого выроodka?! Сам невротик, родители садисты, род догнивает последнее! Я доверяю ей, но тут что-то странное. А быть может, она просто не может проклясть человека, который одной с ней национальности: по какой-то безумной логике судьбы Алексей был родом из того же города, откуда была родом Акташ, — из Ижевска. А родовая магия распространяется на связь крови.

Я не успокоился. И начал просить о том же самом Магду, тем более что у нее было больше причин ненавидеть этого человека, чем у Акташ.

— Дорогая, я понимаю, что ты сейчас на меня за многое обижаешься. Что у нас много конфликтов. Но этот ублюдок воровал и продолжает воровать твои деньги и деньги Марго. Сделай что-нибудь! Обратись к Матушке, обратись к твоему Патрону, Хозяюшке Гекате.

Ставка Гекаты, женщина, которой пришлось выдержать просто невозможные испытания, обладающая магией мгновенного действия, так что в обычной ситуации любого, кто встает на пути ее гнева, немедленно атакуют псы, причем и изнутри, и снаружи, неожиданно тоже оказалась бессильна. Ответ Магды не оставлял шансов:

— Я ничего не могу сделать. Я пытаюсь ударить по нему, но при фокусировании его образа вместо него появляется твое лицо.

Родовая защита, мое лицо вместо него, рядом со мной две самые сильные в магии женщины, по сравнению с каждой из которых все победительницы битв экстрасенсов не больше чем курицы, способные только клевать зерна, — и обе расписываются в полном бессилии... Да что, черт возьми, происходит?! Абсурд какой-то.

А через пару дней мне стала ясна вся комичность происходящего. Я в очередной раз беседовал с САХ. И мне объяснили, что именно я, усыновив его, дал ему ту самую родовую защиту, предложив выпить моей крови. А заодно мне объяснили про должок, через который этот паразит вошел и получил карт бланш на свои действия на долгое время. Неудивительно, что Акташ видела «родовую защиту», а Магда мое лицо вместо его. Поэтому с ублюдком ничего нельзя сделать, даже если я очень захочу. Так что пришлось смириться с безнаказанностью подлеца, с невозможностью Ютуб-канала, с потерей самого дорогого, что может быть у проекта, — деловой репутации.

Я не буду вдаваться в описание тех сложнейших маневров, которые выполнила наша внутренняя закрытая группа, чтобы по крайней мере нейтрализовать его проклятие, и к каким тончайшим хитростям магии пришлось прибегнуть для этого. Пусть хотя бы некоторые тайны останутся тайной. Но до конца не могло помочь даже это. Только сейчас, после триумфального возвращения Черной Королевы, у нас появились реальные возможности законно прекратить беспредел, потому что до сих пор Лешенька то там, то там пытается продать мое еще в те давние годы отснятое видео.

Впрочем, на данный момент, с переходом проекта на другой уровень и залатыванием дыры, масштаб его вреда удалось свести к нулю.

В этой главе я говорю о моем проекте как о Городе. Но что за Град отражается в виртуальных сетях, какие нити протягивает он, сшивая смыслы, где земное и небесное, духовное служение и трудовые будни сходятся в одной точке? Об этом — в следующей главе.

Глава 10. О Граде Азазелевом

*Чёрным ходом по небосводу,
Ядом весны в крови —
Азазель — это наша дорога к свободе
И к дому моей Любви.*

Метеон. Азазель

И все же, как ни печальны были потери, которые принес нам Пермяков, от появления Вайолет до настоящего времени для нас начался рассвет. Но прежде чем говорить об этом рассвете, я хочу вернуться немного назад в прошлое, когда самая первая версия «Касталии» только начиналась.

Итак, это был вечер после очередного собрания. Гости уже разошлись, остался только самый ближний круг «Касталии», наш первый «синклит». Я, Каин, Асгет.

И как обычно, Каин начал доказывать, что только его путь развития проекта «правильный» и «настоящий», что я занимаюсь какой-то чушью, что переводчики, писатели и академические исследователи ничто по сравнению с настоящими магами, и вот именно он, Каин, доблестно договорился, что к нам очень скоро присоединятся несколько «настоящих магов». В ответ на что я продолжал гнуть свою линию, сомневаясь в наличии у дорогого брата «магометра», позволяющего отделять «настоящих магов» от «не магов». В общем, все было как всегда — скучно и банально.

Внезапно слово взяла Дама с обезьянкой. Серьезно и продолжительно посмотрела на меня своим фирменным взглядом, который в полную силу отправил меня в нокаут на нашем первом ритуале, и изрекла: «Одного я не понимаю, дорогой брат. Чего ты на самом деле хочешь?»

Тогда я не ответил на этот вопрос. Казалось, что та, кто под шелухой имеет форму ядовитого аспида с изумрудно зелеными глазками, обратилась даже не к моему обычному «я», а куда-то глубже — ко мне на уровне сути.

Можно было ответить как обычно. Хочу утвердить ценности нового зона. Хочу распространить идеи Юнга и Кроули. Хочу создать свой уникальный круг, круг свободных и мыслящих людей. Все это безусловно было бы правдой. Но это явно была не та правда, которую хотела услышать Дама с обезьянкой. Потому что здесь был разговор *своих*. А для *своих* полагалось бы выдать какую-то очень личную и очень интимную правду, которую следовало бы достать «из-под шелухи», а не смоделировать даже самыми точными и убедительными построениями ума.

А может быть, у меня есть другая, сермяжная, низшая правда, ответ, который устроил бы Даму с обезьянкой? Хочу — денег, успеха у женщин, власти, господства, славы и известности. Для самой Дамы с обезьянкой, чьей целью было сделать свой личный Орден, в котором она обладала бы властью карать и миловать, это оказался бы нормальный и ожидаемый ответ. Но даже если допустить что где то на уровне тени, во мне тоже играют серые части, любой из подобных ответов был бы еще более частичен и неполон, нежели формальный ответ.

Безусловно, я хотел расположения прекрасных женщин и очень благодарен богам всякий раз, когда очередная прекрасная женщина оказывается со мной в интимном локусе. Но будь соблазн моим истинным, главным желанием — я бы давно просто пошел на курсы по пикап-технологиям, и, освоив некоторое количество технологий, занимался бы пикапом прямо на улице. Сложно, но пройдя некоторое обучение, становится легко, зачем огород городить? Деньги? И опять же, видят боги, как я благодарен Джону Голту, после того как выяснилось невозможное — проект может приносить реальный доход, позволивший мне уйти с работы и жить исключительно с продаж книг. Но стоя там, перед Асгет, я даже подумать не мог, что подобное будет возможно когда-либо. Власть? Власть нужна мне, но не более чем как инструмент, позволяющей иметь нужные полномочия, чтобы не допускать серых в моем пространстве. Того почти сладострастного удовольствия от власти, которое испытывали что Хирам, что Асгет, заставляя свою сестренку ползать у нее под ногами, я не мог понять. Напротив, ситуации, в которых мне приходилось использовать власть, насилие, доставляли мне настоящее страдание, и большинство проблем, с которыми я столкнулся потом, уже после рассвета, были связаны с тем, что я слишком неохотно использовал хлыст Абраксаса. Слава и известность, пожалуй, немного ближе, и когда мой старый

друг в один прекрасный момент вдруг сказал мне: «Ты стал медийной личностью», — я действительно был счастлив. Но, во-первых, до последнего момента я не подозревал, что достижение славы вообще возможно, а во-вторых, будь моей целью слава, я не согласился бы оставаться столько лет вторым после Марсия, уйдя делать свой проект, только когда мне показалось, что там, где я нашел свой дом, мои идеалы потерпели поражение.

А может быть, есть особые, почти христианские желания: помочь всем, у кого есть проблемы, ведь в свое время они так прекрасно решились у меня благодаря инициациям в ОТО и поддержке Марсия? Этот ответ Асгет тоже не приняла бы абсолютно точно, сочтя его лицемерием и ложью ей и себе. Но ведь и это желание действительно звучало хотя если посмотреть глубже, само по себе и это желание было тоже далеко не определяющим. В ядре этого желания его таилось желание помочь своим глубоко раненым частям, помогая кому-то, перенести оставшиеся в бессознательном внутренние конфликты на решение конфликтов другого. Альтуризма в чистом виде не существует, есть лишь замещающие механизмы, которые так похожи на альтуризм.

Поэтому я замешкался. Мне очень хотелось ответить Даме с обезьянкой, которая тогда была моей сестрой и блеском которой я, несмотря на известные эпизоды, по-своему восхищался. Я не смог ответить ничего. Множество разных, противоположных, местами взаимоисключающих желаний — начиная от желания помочь всем и дать всем, кто хочет познать себя, возможность бесплатной психологической консультации и заканчивая желанием участвовать в оргиях, даже не из вождения, а исключительно из желания быть подобным «самому испорченному человеку на Земле», — в итоге привели к ситуации Каиновской «Касталии», которая воистину была самой курицыной и шоколадной курицей в шоколаде, какая только была возможна.

Раз за разом я невольно ловил себя на том, что мысленно возвращаюсь к этому разговору, пытаюсь найти точную, выразительную и приемлемую формулировку, способную наиболее точно передать на языке слов, чего же я на самом деле хочу. В конечном счете я нашел свой ответ гораздо позднее, когда уже достиг своей заветной 5=6 и Азазель говорил со мной из глубины меня. И, держу пари, этот ответ так же не устроил бы прагматичного зеленого аспида, просто потому что наши вселенные слишком отличаются самим действием физических законов. Мой ответ, в котором я поймал самую суть, для большинства наверняка будет выглядеть слишком абстрактно. И тем не менее это мой окончательный ответ. Я хочу построить мой Город. Точнее — даже не построить, а оказаться участником большого строительства, положить свой камень, а если повезет — свою кладку в строительство огромного дворца или, если угодно, огромного храма культуры и храма смысла.

На самом деле фраза-ответ прозвучала впервые из уст Черной Королевы. Должны были пройти месяцы, чтобы это брошенное как бы невзначай семя было удобрено, полито, проросло, обросло ассоциациями и аналогиями и, наконец, стало центральным и определяющим символом. Город. «Я помогу тебе строить твой Город».

Забавно, что метафора строительства есть корневая метафора масонства, где вначале речь идет об обработке грубого камня, потом об испытании четырьмя стихиями, а потом о прохождении последнего испытания через смерть и возрождение в преданности своим идеалам. Наверно, если бы я был масоном, а не телемитом, главной и проходящей через эту книгу-исповедь метафорой были бы инициатические легенды трех масонских степеней — они так точно ложатся в историю моей жизни! Но я не масон. И говоря о Городе, я имею в виду далеко не город монотеистической религии, которая даже в облагороженном масонском свете в сущности не теряет своей авторитарности и монопольности. Поэтому я говорю о Городе Азазеля.

Известный миф об Азазеле не говорит о Городе напрямую. Зато в этом мифе именно Азазель оказывается тем, кто приносит копошащимся в земле людям знания, и являющиеся условием городской культуры. Астрономия, астрология, история,

косметика, кузнечное ремесло, заклинания, поэзия. Все то, что отличает городскую культуру от культуры кочевой или деревенской. Поэтому срединной метафорой Азазелева мифа должен быть именно Город. Одновременно земной город, как носитель культуры и красоты, и тот самый Протогород Золотой, воспеваемый БГ в культовой песне, которую не слышал разве только самый ленивый. Город-Самость о четырех вратах.

Простившись с Каином, и приняв руку помощи от Вайолетт, я наконец-то мог всецело посвятить себя постройке Города, где кирпичиками должны были стать новые смыслы и идеи, которые будут доступны нашим читателям, гостям и участникам. Каждый смысл, каждая идея, каждое новое слово — это своего рода кирпичик в здании этого Города мысли.

Одним из важнейших аспектов этого Города являются переводы. Каждый новый перевод, каждая новая книга, доступная читателям на русском языке, каждая новая уникальная идея, даже если этот перевод почти не востребован, как будто вносит в коллективное бессознательное нечто новое, дополняет ноосферу еще одним мифом, еще одним плетением смыслов, еще одной изюминкой духа. И теперь, свободный от нависшего за моими плечами Каина, я мог всецело посвятить себя работе отдела переводчиков, создав пространство, где переводчик и только переводчик будет чувствовать себя строителем Города.

Вначале надо было создать и расширить пространство строителей-переводчиков любимыми возможными средствами. А потом на определенном этапе мы столкнулись с весьма неприятной проблемой. Выяснилось, что далеко не все люди способны адекватно оценить свою способность переводить. И порой тот, кто в итоге выдавал великолепный перевод, до последнего момента мог сомневаться в своей способности сделать хоть что-то. А тот, кто был абсолютно уверен в своей компетентности и рвался бескорыстно помочь проекту, присылал откровенно промтовский текст, полный просто комических ляпов. Сперва таких проблем не существовало: первые переводчики изначально были глубоко погружены в тему. Но по мере роста отдела мы все чаще сталкивались с текстами откровенно некачественными.

Враги, во главе, кстати, с все той же Асгет, и поныне доказывают, что я просто одержим алчностью, заставляющей меня пускать в ход практически любой перевод. Если бы все было так просто! Сколько людей, однажды столкнувшись с одним некачественным переводом, переставали покупать книги вообще. Будь моим мотивом только алчность, я бы с самого начала достаточно жестко отсекал слабые переводы, ибо в коммерческом плане это в конечном счете было бы выгоднее. Дело в другом. Как отказать самому искреннему, самому бескорыстному, самому активному юноше или девушке, у которых горят глаза, которые хотят участвовать в общем деле? Что с ними делать, если в итоге у него или у нее появляются в переводе ляпы уровня «потенциальный фаллос Кроули» или «Зевс, совокупающийся с лебедем, которого звали Ледой»?

Самый логичный ответ — обеспечить хороший редакторский состав. Но и тут возникает проблема, потому что редакторы, как и переводчики, часто оказываются очень разными. И на первых порах, когда в редакторы брали всех, кто был согласен выступить в этом качестве, случались откровенные осечки и у книг, прошедших редакторскую работу.

Эта проблема была успешно решена, относительно недавно, после того как в результате одного громкого скандала в наш проект пришла Анна Корнякова, выполняющая редакторскую работу бесплатно, причем успевая проверить почти все книги, готовящиеся к издательству. Появление Анны решило для меня главную проблему: с этого момента для переводчика, чьей книге было отказано в издании, причиной отказа было не мое предполагаемое самодурство, а претензии редактора. Делегировав полномочия на отказ, я избавился от одной из самых неприятных проблем

отдела переводов. Теперь не мне приходится отказывать откровенно провальному переводчику, а вердикт выносит сама Анна. Сейчас, когда я пишу эти строки и мы готовим очередной прорыв, одна книга, на которую я очень надеялся, оказалась забракована Анной и передана на переработку Ивану.

Какие книги переводит наш проект? Юнгианство, Телема — это, конечно, в первую очередь. Но также — практически все заслуживающие внимания книги самых разных эзотерических или, если угодно, оккультных традиций. Обычно главным критерием, согласно которому я отправляю ту или другую книгу в отдел переводов, является один простой факт — я хочу это прочитать! Отдельные исключения, связанные с чисто коммерческими проектами, конечно, имеются, однако они составляют не более десяти процентов и обычно связаны с разного рода «черномагическими» трудами. Без разумных компромиссов с требованием реальности обойтись невозможно, ведь именно эти популярные черномагические тексты позволяют окупить самые важные для нас проекты, которые обычно не пользуются особым спросом.

При этом абсолютно неважно, о какой оккультной традиции идет речь. Это может быть магия Хаоса или какая-нибудь откровенно черномагическая традиция вроде вуду, а может, скажем, христианский гностицизм или история ренессансного эзотеризма. Оккультные системы — это модели, приняв которые, воображение освобождается от оков, навязанных ему системой, матрицей или Иалдабаофом. Да, каждая традиция имеет свои ограничения, поэтому в идеале — находиться в двух или трех разных системах координат. Для меня то Юнг, Кроули и рождающаяся из моего личного опыта и опыта Мастера традиция Серебряной Нити. Для кого-то, скажем, Телема и вуду или гностицизм и герметизм. Только таким сочетанием, конфликтом, можно в полной мере освободить плененное воображение. Но это — требование для мастеров. Для начинающего само вхождение в какую-то оккультную систему со своим набором символов и знаков уже само по себе будет колоссальным скачком освобожденного воображения.

Система во все времена стремилась поработить воображение индивидуума, загнав его воображение в узкие и утлые реки «согласованного транса» или «тирании нормальности». Все, что выходит за эти русла, всегда клеймилось как бред, ложь, ересь или психические отклонения. Потому что сам по себе принцип свободы был и останется опасным для системы, стремящейся утвердить торжество коллективного и даже массового над индивидуальным. Война Азазеля по сути — это война за освобождение воображения, за выход из заданных границ и нормативов. В конечном счете это и есть та настоящая трансгрессия, которая должна быть осуществлена каждым, у кого есть хотя бы шанс на это, — трансгрессия освобожденного воображения. В двадцатом веке было достаточно философов, культурологов, психологов, кто возвращал внимание и уважение к воображению как к самодостаточной стихии, которая в сущности и является истоком любой человеческой активности. По настоящему освободить воображение, найти свой неповторимый миф — вот в чем подлинная цель Города. Если говорить поэтически — Азазель строит Город, войдя в который каждый, в ком есть Огонь, может узнать, кто же он есть на самом деле.

Поэтому если конкретная традиция не отличается фанатизмом (то есть не заявляет себя как единственную возможную истину, а все остальное — ложь, ересь и бред) и не осуждает никакие сексуальные стратегии (хоть ты моногамен, хоть полигамен, хоть даже асексуален, все едино, главное, не подавай свой предпочтительный алгоритм как единственную норму для всех), ее храм может быть представлен в Городе.

Издаваемые книги — это только первый уровень. Само пространство клуба должно быть устроено так, чтобы приходящий мог по мере возможностей ознакомиться с как можно большим количеством моделей, стратегий, мифологией и традиций. Поэтому в качестве лекторов в клубе выступают учителя, мыслители самых разных школ и систем. Хотите на север — слушайте Фенрира о рунах и северных богах. Хотите в христианский

гностицизм — мы рады предоставить трибуну нашему давнему другу Алексу Мома и представить переводы Хеллера. Хотите в Телему — членство в клубе обеспечит вам некоторые льготы при заявлении своей кандидатуры в ОТО, ставший нашим первым союзником. Некоторые традиции, кажется, напрямую противоречат друг другу. Например, если для меня основой и опорой является система таро английской школы, переосмысленная Алистером Кроули, для Григория Зайцева, почетного лектора нашего клуба, основой является французская традиция, имеющая совсем другие соответствия. Многие годы я считал французскую традицию не более чем нелогичным бредом, но лекции и дискуссии с Григорием заставили меня скорректировать свою модель и признать за этой системой не меньшую последовательность и красоту.

Это очень важный момент — вступая в Город, важно оставить иллюзию существования какой-либо единой, общей для всех истины где-нибудь за воротами. Истины нет — есть исключительно модели, позволяющие освободить воображение и дать новые русла для вашей творческой силы и энергии. Так что те, кто помогает понять относительность любой модели, особенно уважаемы в Городе. Поэтому часто мы особо рекомендуем к прочтению, например, наследие Роберта Антона Уилсона, который играя демонстрирует, насколько все модели мира относительны и замкнуты в себе самих.

Это как бы три ступени городской жизни. На первой — вы освобождаете свое воображение, перенося фокус внимания с постылого свинцового «комплекса нормальности» в ту или иную традицию, которая наиболее вам близка. И, черт возьми, я был бы рад, чтобы в нашем пространстве было как можно больше представителей разных мировоззрений. На втором этапе — учитесь работать сразу в двух системах координат, чтобы научиться формировать «двойные мозги». На третьем, самом высшем, до которого доходят только единицы, — создаете свою оригинальную модель, которая должна обладать изяществом, стилем и красотой. Красота и внутренняя целостность — вот главный критерий, отличающий качество истинной импровизации от очередной блестящей подделки. Ученик, подмастерье, мастер.

И здесь мы сталкиваемся с одной из самых важных задач. Каждому, кто приходит в наш Город, нужно прежде всего понять, какие боги, какие символы действительно его. По сути это просто — что вам снится, какие книги вы читаете с особым удовольствием, какие сюжеты волнуют ваше воображение. Вздумай я ставить своей целью привести всех к вере в Азазеля, я ничем не отличался бы от тысячи мелких и крупных околосекточек, каждая из которых претендует на монополию на истину. Но Азазелю не нужно, чтобы в его поток приходили те, кому более родственен совсем другой поток. Поэтому главная задача, во-первых, — представить максимальное количество моделей, чтобы было из чего выбирать, а во-вторых — по возможности помочь каждому, задающему правильный вопрос, найти своих богов и свой символический ряд.

Поэтому для Города вопросом первостепенной важности является поддержание мира и союза с как можно большим количеством проектов и школ. Установление союзов — пожалуй, первая и самая важная задача. Нашим первым союзником, конечно стал ОТО, колыбель, которая меня вырастила. Забегая вперед, скажу, что в конце концов мы достигли совершенно великолепной договоренности, по которой некоторые члены клуба могли войти в Орден несколько быстрее, чем кандидаты, пришедшие просто с улицы.

Есть и много других важных союзов. Например, для Юнгианского сообщества мы поставляем перевод оригинальных текстов по аналитической психологии, на что нам дается необходимый нам рынок. С несколькими проектами мы поддерживаем союз по издательской линии — на определенных условиях мы издаем книги, переведенные этим проектом. От некоторых союзных проектов мы приглашаем почетных гостей, выступающих в качестве лекторов, знакомящих членов нашего клуба со своей системой взглядов и символов.

Иногда союз сваливается на голову неожиданно, как настоящий подарок. Так совершенно неожиданно для нас все переводы, сделанные им за всю жизнь, передал нам

Андрей Игнатьев, один из самых крупных ученых-санскритологов, специализирующийся на переводе индийских сакральных текстов — пуран и тантр. И совершенно неожиданно мы смогли представить сообществу аутентичные восточные тексты — в мире, где на каждом шагу доминирует псевдовосточная мишура и имитация, эти тексты стали настоящим событием интеллектуального мира.

А иногда к союзу приходится идти очень долго и осторожно. И сперва это особая магическая работа, и уже только потом — дипломатическая. Некоторое время я мысленно обращаюсь к проекту, союз с которым хочу заключить, предлагаю его коллективному САХ самому заглянуть в пространство моей души, посмотреть мои реальные цели и задачи. Этот союз выгоден нам обоим, мы не ущемим ваших интересов в ваших законных полномочиях, напротив, вы получите возможность говорить о себе и двигать свои идеи еще с одной площадки, получите дополнительные возможности и ключи. Только откройте двери, войдите во взаимодействие, ведь — смотрите сами — у нас один источник. Чаще всего такая стратегия увенчивается успехом, однако бывает и так, что почти физически ощущаешь какое-то сопротивление внутри эгрегора. Страх ассимиляции, недоверие, искаженные представления о нас или любые другие аварийные защиты. Иногда удается договориться, и тогда внутренний пакт становится внешним договором, задача переходит на уровень дипломатии. А иногда, уже на уровне энергетического обмена, что-то стопорится, взаимодействие становится затруднительным.

Да, у любого истинного Города должен быть лидер. Как уже было написано чуть ранее, лидер — это прямая противоположность тирану, потому что настоящий лидер всегда помнит, что без тех, кто доверил ему право лидерства, его лидерства просто не существует. Наш опыт взаимодействия с проектами без лидера весьма печален — один говорит, что они нам друзья, и заверяет в полном взаимопонимании и поддержке, а другой плюет из-за угла. Система без лидера — уродливая, ущербная система, система лишенная лица, город без ратуши.

Красота мысли и красота образа — два столпа, на которых держится Город. С одной стороны, особый приоритет делается тем, кто имеет научный статус, кто представляет свое исследование той или другой традиции, твердо стоит одной ногой на строго научных данных, а другой — дает волю освобожденному воображению.

На самом деле — критерием истинности является красота. Если образ, сюжет, концепция банальны и неинтересны, если за ними стоит только невротическая компенсация и люта банальность — им не место в городе. Но если они красивы, самобытны и уникальны — значит, это те изюминки, которые особенно дороги нашему Городу.

И конечно, в отличие от всех известных мне оккультных и психологических проектов, искусство для Города играет важнейшую роль. Музыканты со своей самобытной поэтической и музыкальной программой, поэты, писатели, художники — это самые желанные гости и жители нашего Города. Время от времени мы организуем особые творческие вечера, приглашая самых разных музыкантов и поэтов, так что на время пространство клуба становится местом встречи живого, сияющего творчества совершенно разных вселенных. И нашим гостем может быть как хорошо известный музыкант, по дружбе соглашающийся выступить на нашем мероприятии, так и музыканты, еще не собравшие свой круг поклонников. Так в свое время мы открыли гений Метеона, чьи отдельные песни стали настоящими жемчужинами Города. Много сил было вложено в то, чтобы сделать его песни хоть немного более известными. Так в свое время к нам приезжал один из самых самобытных бардов и менестрелей — Штиль, приезжал из далекого Донецка, оттуда, где сейчас идет война. Забавно, что сам Штиль, по его словам, далек от эзотерики и считает себя атеистом. Ученые, поэты, мистики, визионеры, философы. Наши ворота всегда открыты всем, чье воображение свободно или по крайней мере стремится к освобождению. И каждый вносит свой кирпичик, свой

смысл, свой образ, свое неповторимое настроение, что в конечном счете рождает удивительную игру цветов нашей разноцветной мозаики. Говорят, что Люцифер является в радужном сиянии. Это значит, что каждое настоящее, незагрязненное проявление воображения, каждый живой цвет может быть вплетен в его мозаику.

Разумеется, как и в каждом уважающем себя городе, у нас есть свой храм со своими жрецами. Проводятся мистерии восьми традиционных точек года, когда солнце занимает свое неповторимое место, связанное с определенным состоянием души и стадией пути предвечного героя. Для кого-то наши мистерии — это возможность соприкоснуться с Сакральным, Иным, Священным. Соприкоснуться, не связывая себя никакими обязательствами, клятвами и присягами. Огонь горит, и каждый желающий может согреться у этого огня. Для кого-то — это просто очень красивые театральные постановки. Для кого-то — возможность соприкоснуться именно с той энергией, которая нужна ему или ей на данном этапе пути. А для кого-то — для жрецов и служителей храма — это их уникальная и неповторимая Мистерия, творимая из глубины души. Тайное тайных, святая святых. Город очень внимательно ищет тех, кто с самого начала связан с ним на уровне сути. Ни проповедь, ни философский диспут, ни личная заинтересованность не могут привести к жреческому самосознанию в Городе. В отличие от любого Ордена, мы не занимаемся посвящением. Мы просто иногда узнаем тех, кто уже посвящен. Узнаем по признакам, знакам, сигналам, о которых нет смысла писать и говорить публично, ибо слишком для многих будет велик соблазн имитировать эти признаки. Но правда в том, что посвященные Города не лучше и не хуже тех, кто имеет свою серебряную нить в других городах и с другими богами. Поэтому, обращаясь к каждому отдельно взятому гостю, мы пытаемся найти и усилить его собственные ключи, открывающие врата освобожденного воображения. И только в самых редких, самых исключительных случаях удается узнать того, чья душа уже родилась в Городе, еще до того как родится во плоти.

Таков Город. И таково лишь малое, несовершенное отражение Города в проекте, который я веду уже много лет. В проекте, начавшемся с серии крайних неудач, но в последний момент вдруг раскрывшемся всем своим великолепием. И черт возьми, как тут не вспомнить старину Гребенщикова: «И если бы я мог выбирать себя, я снова бы стал собой».

Глава 11. Юнгианская психология и Повелитель Вод

Человек — ворота, через которые вы из мира внешнего — мира богов, демонов и душ — входите в мир внутренний, в меньший мир. Мал и ничтожен человек, вот уже он остаётся у вас позади, и вы пребываете снова в бесконечном пространстве, в меньшей или же внутренней бесконечности.

В безмерной отдалённости одна-единственная звезда стоит в зените.

Это и есть тот единственный Бог этого одного человека, это есть его мир, его Плерома, его божественность.

Карл Густав Юнг. Семь наставлений мертвым

Книга была написана и отредактирована, но в последний момент, уже готовясь передать текст на верстку, я осознал невероятное упущение.

Град Азазелев, мой проект «Касталия» и моя личная внутренняя бесконечность опирается на два, на первый взгляд, непохожих учения. С одной стороны, это высокий оккультизм Телемы, с другой — глубинная психология Юнга.

Если вы дочитали досюда, то без труда вспомните, что с самого начала я немало рассказал о Кроули, Телеме, телемитском сообществе и системе телемитской практики и мировоззрения.

А вот о наследии Карла Юнга и его влиянии на мою жизнь и мою мысль до сих пор был написан всего один абзац!

И это при том, что семьдесят пять процентов переводимых и издаваемых нами книг имеют отношение не к оккультизму, а именно к юнгианской психологии, а наш лучший образовательный проект — это курс «Суверенное юнгианство». И это при том, что именно Юнг стал моей первой опорой. И это при том, что раз за разом я возвращаюсь к юнгианскому языку как к тому универсальному языку, который реально позволяет подняться над любыми сектантскими границами и осмыслить хоть христианский мистицизм, хоть буддизм, хоть шаманизм, хоть Телему или какую-нибудь современную эзотерическую школу, если там есть дыхание предвечного духа. И именно юнгианство оставляет для практика ту дверь, благодаря которой каждый может «написать свою Красную Книгу», то есть создать свою модель внутренней бесконечности и свою неповторимую связь с источником.

Поняв, что это серьезное упущение, в последний момент я дописываю эту главу в уже завершённую книгу.

И снова я вынужден делать хронологические кульбиты, которые наверняка утомили читателя, привыкшего к более последовательному изложению. Ибо прежде чем перейти к событиям, хронологически связанным с предыдущими главами, мне придется оглянуться очень далеко в прошлое, далеко назад, еще до того, как начались события этой книги.<8>

<8>События, о которых пойдет речь дальше, были очень подробно описаны в другой книге, написанной автором еще десять лет назад, но так и не изданной и выложенной в открытый доступ на сайте. Книга называется «Мой магистерий», и читатель при желании может к ней обратиться непосредственно на нашем сайте/ Поэтому все, предшествующее открытию автором юнгианской мысли и сопровождающее его, дано здесь предельно сжато и конспективно — желающих подробностей мы приглашаем на наш сайт Castalia.ru. (Прим. автора.)

Итак, год 2000-й. Всего год назад, 22 декабря, на зимнее солнцестояние (и почему самое важное в жизни у меня происходит именно на эту дату?), я пережил свой первый трансперсональный опыт. Работая больше полугода под руководством трансперсонального психолога, в группу которого я пришел, чтобы победить власть матери надо мной и избавиться от невроза навязчивых состояний, я впервые сталкиваюсь с настоящим, тотальным и сносящим все мистическим переживанием. Пробуждение Кундалини! Опыт, о котором все слышали и так мало кто видел. Кто-то получает это переживание, позанимавшись с трансперсональным психологом полгода, а кто-то, десять лет занимаясь йогой, не может к нему приблизиться. Мне кажется, что, в конечном счете, Великая Змея сама выбирает того, в ком она пробудится: все, что от нас зависит, — это держать двери открытыми и делать все, чтобы, если она придет, она могла занять свое место.

Какое это переживание! Видение вселенской любви и всеединства! Поток осмысленных синхронистичных совпадений, волны экстаза, кольцами сжимающие все тело, восторг, поэзия, экстаз вознесения! Невозможно объяснить вкус высшего мистического переживания тому, кто его не испытывал, как невозможно объяснить вкус арбуза тому, кто его не ел. Весь мой старый мир, построенный на рационализме, тотальном отрицании, воинствующем атеизме и материализме, в один день осыпался как картонный домик. Невроз навязчивых состояний, с которым я и пришел к своему первому проводнику, тоже сгорел без остатка, хотя считается, что это в принципе невозможно.

К сожалению, мой первый проводник оказался весьма непорядочен. Примерно через полгода нашего взаимодействия, Сергей решил, что после пробуждения Кундалини я полностью во власти идеальной проекции, словно наивный юнец, он попытался этим воспользоваться и заставить меня пойти на худшее из зол.

К счастью, уже тогда Эллоиза прекрасно понимала, что к чему, и разыграть сценарий «мы родом из Греции» ему не удалось. Мне пришлось оставить его, причем оставить с изнурительным скандалом: он нарушил клятву психолога, публично раскрыв то, что было ему доверено, всему городу, в ответ на что я обнародовал его посягательства.

С моего ухода из группы Сергея прошло два месяца. Уйдя из его мира, я в первый раз столкнулся с кризисом на всех уровнях. Кто я? Год назад я знал точно, во что я верю, а точнее — во что я не верю. Но теперь? Сергей давал какую-то кашу, винегрет разных учений, некоторые из которых очень действенны (в том числе юнгианство и трансперсональная психология Грофа), некоторые (вроде теософии или НЛП, которое он даже пытался применять) есть откровенный китч.

Кто я теперь? Старый мир был разрушен, вновь обретенный дом — оказался хлипкой иллюзией, но назад возврата не было. Есть ли хоть одно мировоззрение, на которое я мог бы хоть немного опереться, чтобы просто сказать себе, кто я теперь и с чем я солидарен?

Пережив полноценную эпифанию Богини, пережив освобождение невероятной силы и энергии, уже никак невозможно вернуться в атеизм и материализм.

Но и религиозная система с ее ригоризмом, морализмом и деспотизмом явно не привлекала. Попадавшиеся мне эзотерические книги и группы представляли собой какой-то поверхностный китч, который склеен розовыми соплями и разваливается от одного только критического взгляда. Это были либо безвкусные ньюэйджевские поделки, либо религии полагающие аскетизм и осуждение сексуальности общим моральным императивом. Я всегда знал, что именно сексуальность божественна, хотя поддерживать длительные отношения я научился только на второй степени ОТО.

Глядя на людей вокруг, я всегда удивлялся тому, как много тех, кто могут даже не задавать себе этот вопрос и жить вообще без мировоззрения. Сегодня я верю в это, завтра в то, послезавтра по телевизору скажут, что все поменялось. Обладание мировоззрением, даже ошибочным и искаженным, это привилегия по крайней мере второго типа гностической антропологии — психического, или душевного. Для гилика этой проблемы не существует. Утратить мировоззрение для меня означало утратить землю под ногами, и я погружался в черную депрессию.

Настоящим подарком судьбы на моем пути оказались тогда две книги — «Сотворение Сознания» Эдварда Эдингера и «Происхождение и развитие сознания» Эриха Нойманна. Есть некоторая синхронистичность в том, что эти книги попались мне почти одновременно и в обеих были мысли и идеи, которые заставили сердце и разум вспыхнуть — вот оно, нашел, копать здесь!

До этого, еще в группе Сергея, я был знаком с обрывками юнгианской мысли, но у него юнгианство занимало от силы процентов пять и по большому счету он никогда в него не погружался всерьез. Но для меня эти две книги стали долгожданным пальцем, указывающим направление: вам туда, к Юнгу и его последователям.

И я начинаю читать Юнга. Читаю жадно, страстно, впитывая каждое слово и каждый абзац. Быть может, тогда я не обладал всей полнотой культурного бэкграунда, чтобы в полной мере понять все, о чем пишет Юнг. Но того, что я мог понять, было более чем достаточно — наконец я нашел. Это мое. Сколько я насмотрелся на тех, кто меняет мировоззрение по откровенно бытовым причинам. Юнгианство я принял в 2000-м, Телему в 2002-м, а гнозис Люцифера как высшую корону духа стал проживать совсем недавно. И тем не менее никогда между этими мировоззрениями не возникало хоть сколь-либо серьезного конфликта. Юнгианство и Телема были словно две руки одного тела, а гнозис Люцифера стал для меня той головой, которая направляет эти руки. Но до этого еще слишком далеко...

И вот здесь я должен сказать о чем-то крайне важном лично для меня. Почему для меня именно Юнг стал долгожданным ответом, который вернул почву под ногами и дал новую модель психики?

Во-первых, Юнг первый, кто заговорил о тех уровнях, состояниях, переживаниях духа и души, которые до сих пор были либо всецело в компетенции религий (рассматривающих одни состояния как демонические прельщения, а другие как высокий мистицизм), либо поверхностной, материалистической психологии, видящей во всем, что выходит за пределы серой середины, болезнь.

Юнг говорил о том же, о чем говорили известные мне наиболее глубокие и серьезные мистики. О жизни как движении, индивидуации как Великом Делании, опыте сакрального, Самости или богообразе — опыт, который есть самый важный опыт, какой только может получить человек. Но в отличие от большинства известных мне на тот момент мистиков и эзотериков (с Кроули я тогда не был знаком) — Юнг говорил об этом очень понятным, логичным, последовательным языком, без капли назиданий, унылых и приторных сантиментов, дешевых шаблонов, от которых меня с первых строк воротило за версту.

Юнг не требовал даже веры в его идеи. Не надо верить — вот метод, вот образы, вот состояния. Проверьте, используйте этот метод, обратите внимание к глубинам, как я рекомендую, и вы, скорее всего, получите тот же результат. Не надо веры — проверяйте, экспериментируйте, исследуйте. Ваша психика так же огромна, как звездное небо, и вы можете в этом убедиться — если, конечно, достаточно смелы.

Показательна разность ответов Юнга о боге. Когда он писал как ученый, он подчеркивал, что мы вообще не можем точно знать, есть ли бог как объективная категория, и если есть, то каков он объективно. Но поскольку мы занимаемся психологией, а на протяжении истории психика человека раз за разом сталкивается с самым предельным переживанием, какое можно представить, и определяет его как «опыт бога», одно мы можем сказать совершенно точно: в нашей психике, на глубине, есть нечто, что можно назвать «образом бога», а поскольку мы вообще не так много чего можем сказать объективно, само по себе наличие такого опыта и переживания и является доказательством его ценности и значимости. И вот уже чертятся сложные и многомерные схемы гностической мистики, приводятся обширные цитаты из смутных для понимания алхимических гримуаров, и на страницах сочинений Юнга оживают давно забытые алхимические гравюры. Вот — опыт души, который она раз за разом воспроизводит, и только это и достойно изучения и культивирования. При этом, когда вопрос «верите ли вы в бога» задали Юнгу не как ученому, а как человеку, он дал ответ, который до сих пор обескураживает всех: «Я не верю — я знаю».

Но как Юнг описывает своего бога или богообраз? Это не тот сентиментально-приторный божок, которого мы можем встретить на воскресных проповедях, и не тот всесильный деспот, давший всем один-единственный закон раз и навсегда. Это не христианская Троица, это Четверица, в которую оказывается включен четвертый, земной, женский и сексуальный элемент, что ставит его в явную оппозицию патриархальной религиозности. Должны были пройти десятилетия, прежде чем я нашел имена своей личной четверицы, но сама идея Бога как «Ослепительного мрака, в котором соединяются все мыслимые противоположности» пленила меня с самого начала.

Из юнговской идеи бога проистекает его идея соединения противоположностей, которую я потом встречал только у Кроули.

Нас с детства учат делить свет и тьму, добро и зло, нам навязывают некую картину, что есть это самое добро и зло. И тут появляется Юнг, который говорит, что Самость, богообраз в сущности вне этой самой двойственности и нашей задачей является примирить, столкнуть, соединить все противоположности в Самости. Потрясающе

вдохновляющая идея, обратившись к которой под особым углом зрения, можно получить действующий метод бегства из рабства.

Ближе к концу жизни Юнг написал свою самую страшную книгу — «Ответ Иова». Эту книгу осмысляет Эдингер в своем «Сотворении сознания». В этой книге Юнг пытается дать ответ, в чем же смысл человеческой жизни, человеческого предназначения. Вечный вопрос, на который невозможно дать ответ, устраивающий всех. Лично мне ответ Юнга показался наиболее красивым и ярким. Смысл человеческой жизни в том, чтобы стать зеркалом, в котором всемогущий, но абсолютно бессознательный бог может познать себя — и бог познает себя через каждого, кто искренен в своем желании самопознания.

Из этого проистекает величайшее достоинство и гордость человека. Традиционная религия учит нас, что мы — великие грешники или рабы божьи. (Забавно, что в евангелии от Иоанна Иисус говорит слушающим его прямо противоположное: «Вы боги». Вот только многие ли христиане внимательно читают евангелия?) Человек в религиозной картине мира — червь, нуждающийся в милости и спасении, единственной добродетелью которого является рабское смирение, а единственной позой — глаза, опущенные долу.

С другой стороны, материализм, просвещение вообще отказываются от идеи духа или бога. Но тут человек оказывается чем-то вроде биологического механизма, находящегося в рабстве своих инстинктов. Не случайно, Фрейд с печальным смирением говорит свою знаменитую фразу — биология это судьба.

Либо то, либо другое. Есть еще эзотерика, но слишком много в ней намешано, слишком сложно выделить драгоценные крупинки реальных ключей к внутренней бесконечности и отличить настоящий гнозис от унылых назиданий.

И вот появляется Юнг и говорит: Это (то есть наше «я») и Самость (то есть бог в нас) нуждаются друг в друге одинаково. Человек и бог — близнецы братья! Человек бременен, слаб и ограничен, бог вечен, всемогущ и бесконечен. Но человек обладает тем, чего нет у бога — самосознанием, и только через человека, идущего в глубину своей души, бессознательный бог познает самого себя. Какая смелость! Какой высокий мятеж, до которого не дотягивается даже Ницше, какая свобода и какое достоинство!

Бог Юнга — не добрый пастырь овец и не деспот. Это бог, в котором соединяется все и который одновременно предвечно пребывает в изначальном и рождается каждый раз в отдельной душе. И, что важно, бог включает в себя сексуальное и женское.

Я хорошо помню, как восторжено вцепился в книгу Юнга «Эон», читая параграф 314. Юнг описывает притчу гностиков, где Иисус творит женщину из своего ребра и совоплощается с ней на горе Елеонской. Это уже не тот бог известных мне унылых кастратов, чья немощь приравнена к добродетели. Это совсем иной бог. И может ли что-то быть лучше, чем помочь богу познать себя, стать его орудием?

Впрочем, вдохновляли не только скупые слова о сексуальности, но и то, как Юнг прожил свою жизнь — свободный от буржуазных предрассудков и не отказывая себе в наслаждении связей с лучшими женщинами. Многие кастраты и рабы приводят сексуальную свободу Юнга как аргумент против него, для меня же это был один из важнейших аргументов «за». Свобода Юнга от духа времени, как в сфере личной жизни, так и в сфере мысли, с самого начала как будто подарила мне крылья.

Аргументы Юнга очень логичны и помогают восстановить потерянное измерение внутренней бесконечности. Основной посыл здесь в следующем. Древний человек верил, что солнце — это огненная колесница Гелиоса. Мы не можем поверить в нечто подобное, зная физические свойства Солнца. И Гелиос, как и другие фигуры души, фигуры внутренней бесконечности, оказываются отрезаны от нашего сознания, которое, познав законы внешнего мира, потеряло связь с внутренней бесконечностью. Мы не можем ни поверить обратно в огненную колесницу, ни довольствоваться нищенским пайком «только материального человека». Но что, если мы признаем: раз человек,

тысячелетиями глядя на солнце, видел эту самую огненную колесницу, то она есть, только не как физическое солнце, а как одна из фигур души, фигур внутренней бесконечности? Таким образом, мы примиряем разум и сердце, душу, нуждающуюся в огненной колеснице, и ум, который точно знает, из каких химических элементов состоит звезда по имени солнце. Мы просто понимаем, что колесницу нужно искать не вовне, а внутри. Как это близко легендарному девизу Кроули: «Смотри не вверх, а внутрь — Звезда видна».

Более того, Юнг рисует очень понятную и последовательную карту, не претендуя, впрочем, на ее законченность. Понятия юнгианской психологии: Тень, Анима-Анимус, Архетип, Трансцендентная функция, Психотип — очень понятны и легки, если заставить себя разобраться, какая психическая реальность, какой опыт скрывается за тем или иным понятием. И это важно. Ибо, если у нас нет слова для определения некоего явления, мы не сможем заметить это явление, как аборигены одного из островов Океании не замечали авиалинию над своим островом — в их языке отсутствовало слово для определения «чего-то, летящего в небе». Поэтому, если мы просто разберемся в базовых смыслах, которые предлагает Юнг, — мы невероятно расширим горизонты своего самопознания.

Есть еще одно свойство, отличающее Юнга от других психологических школ. Юнгианство требует культуры, и культуры широкой. Я помню хрестоматийный пример, когда юнгианский лектор, выступая перед группой фрейдистов, спросил: «Кто из вас читал "Царя Эдипа" Софокла?» — и ни один не поднял руку. Как возможно, что из пятидесяти студентов, приверженцев школы, где краеугольным камнем было понятие «эдипова комплекса», ни один не удосужился прочитать «Царя Эдипа»? Речь ведь не о каких-то важных для юнгианца источниках, речь о первоисточнике главного мифа фрейдизма. Риторический вопрос на самом деле. Для фрейдиста, как и для любого другого психолога, ценность имеет только метод, результат, польза, функция. Это рабский дискурс, где важен исключительно результат, модель, принцип реальности в его грубой форме. Юнгианец, будучи далек от фрейдизма, не может не читать «Царя Эдипа», как не может не читать «Фауста», «Моби Дика», «Пер Гюнта», «Заратустру» Ницше и «Мир как воля и представление» Шопенгауэра, а также массу сказок, мифов и религиозных трактатов, начиная от Дао Де Цзин и заканчивая средневековой христианской мистикой. Юнгианец укоренен в красоте культуры, красоте символа, он расширяет себя, чтобы вместить в себя всю полноту и красоту духа и символа.

Открытие Юнга стало праздником долгожданного обретения опоры. А Эллоиза (я убежден, что пока мы говорим просто «Анима» или «Тень», мы имеем дело с родом, безличным феноменом, но только познакомившись лично с фигурами своей души, мы получаем право говорить о реальной индивидуации) просто влюбилась в красоту и свободу Юнга — и влюбилась со всей страстью.

Кризис, депрессия, потеря ориентиров закончилась, и я целиком и полностью погрузился в мир идей Юнга, тогда понимая от силы пятнадцать процентов его смысловых сплетений. Больше всего меня огорчало, что, несмотря на свободу книгоизданий, в русскоязычном пространстве так мало юнгианских текстов. Сам Юнг, положим, представлен неплохо, а вот из его последователей хорошо если найдется десяток книг. Какой подарок судьбы, какая добрая улыбка, что именно мне предстояло открыть ворота для потока юнгианских русскоязычных изданий и фактически сформировать в России дискурс Суверенного юнгианства. Сейчас мы перевели почти все первостепенные источники, и дело за теми книгами, которые углубляют отдельные детали и направления юнгианской психологии.

Начались первые, потрясающие воображение синхронии.

Месяц после открытия юнгианства. Я долго спорил с одной близкой приятельницей и к концу разговора страстно выдал: «Нам нужен ключ к пониманию души — и такой ключ у Юнга». В этот же день я шел по улицам, прокручивая наш разговор, и услышал под ногами звон. Я наклонился и увидел ключ, на котором было написано «ОЮНГ».

Конечно, если бы там было только три буквы, это было бы эффективнее, но и без этого имя Юнга на ключе после этого разговора производило впечатление.

Примерно через год после открытия юнгианства я как-то зашел в вагон электрички и сел на ближайшее свободное место. Не глядя вокруг, я вытащил из сумки книгу и начал читать. Книга была издана очень маленьким тиражом, не более двух-трех сотен на всю Россию, и носила впечатляющее название «Фаллос — священный мужской образ». Через пару минут боковым зрением я замечаю, что мужчина напротив меня читает ту же самую книгу. Как такое возможно? Если бы это была хотя бы другая книга Юнга или его последователей! Каким магнитом события нанизываются на единую серебряную нить, позволяя нам шаг за шагом приближаться к сокровенной цели, если только в нас есть мужество идти и не спрашивать о гарантиях?

Конечно, я познакомился с попутчиком, и знакомство стало дружбой на много лет. Он увлекался Юнгом и работал психиатром в одной из московских психиатрических клиник. Мы часто собирались на небольшие домашние собрания, где я зачитывал свои первые, еще совсем ученические компиляции идей Юнга, а он делился примерами из своей практики. Какой невероятный и чудесный подарок судьбы!

Когда я открыл Кроули, первое, на что я обратил внимание, это насколько отдельные цитаты Кроули пересекаются с работами Юнга, которые тот не мог читать. Пересекались идеи, символы, метафоры, максимы. Как бы далеки ни были Юнг и Кроули социально, оба они прикоснулись к самым глубоким и самым пугающим уровням души. Ну и, конечно, я подумал, что открыл Америку, и самая первая версия моего сайта была посвящена именно идеям Юнга и Кроули. А через много лет на свидании с Пеймоной мы нашли библиотеку, где Юнг и Кроули стояли на одной полке, прижавшись друг к другу переплетами. Именно знание Юнга сделало меня интересным и перспективным для Ордена: я знал два языка — язык психологии Юнга и язык Телемы, и любой опыт при желании мог еще тогда описать на любом из этих двух языков. Треть моей первой изданной книги была посвящена именно параллелям между их наследием, «мосту между двумя берегами», но я и подумать не мог, что на эту тему на Западе уже давно есть исследования и отдельные психологи интересуются эзотерикой, а отдельные эзотерики — юнгианской психологией как метамоделью, позволяющей не впасть в узкое сектанство, где только одно откровение и один закон есть истина.

Внимательный читатель возможно помнит, что во время Армалена Хирам атаковал в том числе мою программу связи психологии и эзотерики. Интересно, что если сперва сам Марсий относился к Юнгу несколько насторожено, то уже после примирения я с удивлением находил в его лекциях и заметках отсылки к Юнгу и необходимости «осознать свою Тень». Каждый разумный человек понимает, что, эзотерика без юнговской идеи принятия Тени, в том числе личной, — это прямой путь к инфляции Эго.

После Армалена я начал строить свой Город. Первые попытки были весьма неудачны и как может судить читатель сперва получалась «курица в шоколаде». До окончательного крушения в обществе Каина я делал вид, будто не понимаю, что все получившееся при первой попытке было ну очень далеко от того Города, который я хотел построить. Мне оставалось делать хорошую мину при проигранной игре, и, надо сказать, это работало — приходили новые переводчики, лекторы и даже устанавливались первые дружеские связи.

Для Города самое важное — это установление дружеских связей с другими проектами. Несколько лет я наблюдал, как Марсий выстраивал свой Город, свой Орден, устанавливая дружеские связи то с масонами, то с розенкрейцерами, то организовав конференцию, где могли выступить как мистики и эзотерики, так и ученые-религиоведы с разных позиций. Так что мне повезло — я учился выстраивать пространство своего Города у одного из лучших в этой области.

Такие связи с другими проектами очень важны для эзотерической организации, желающей быть именно организацией круга посвященных, а не сектой, разбивающей лбы перед некоей данной от начала времен Истиной. Пока мы в диалоге — мы не попадаем в ловушку энтропии, которая, как известно, нарастает в закрытых системах в колоссальной прогрессии.

У меня были лучшие учителя потому, когда я начал строить свой город, я стал использовать ту же стратегию, что и Марсий. Максимум открытых дружеских связей с другим проектами.

И конечно, самым важным для «Касталии» в начале становления было установить любую связь с единственным полноценным и академическим русским юнгианским обществом, готовящим психологов-юнгианцев. Как нетрудно понять современникам, речь о МААП — Московской Ассоциации Аналитической Психологии. Сотрудничество с самого начала обещало быть интеерсным: у нас — переводы, там — аудитория, в них заинтересованная.

Впрочем, сперва идти на сближение было страшновато. А что если провал? Это не просто один из многих эзотерических проектов — это главный форпост русского юнгианства. И вообще, русские юнгианцы — а какие они, что я мог о них знать?

«Касталия» еще только начинала собираться у Каина, а я в первый раз пошел «на разведку» на открытый лекторий Льва Аркадьевича Хегая. Тем более что заявленная тема вызывала отклик — «Архетип Прометея».

Какие же у него были лекции! Больше всего, собираясь на первую лекцию, я опасался увидеть очередную «психологуйскую» подделку, коим нет числа в современном инфопространстве. Как бы не так! Все опасения разрушились в первые минуты. Глубина подачи материала, всесторонний охват, парадоксы, которые саму лекцию превращали в духовную практику! И какая глубина! Лев Аркадьевич говорил о смысле жизни, об архетипах, о восстановлении современного человека и открытии старых архетипов в новых культурных декорациях. И — как же он это говорил! Два часа его лекций пролетали за одно мгновение, практически на выдохе!

Разумеется, я очень хотел пригласить Льва Аркадьевича прочесть что-нибудь у нас. Но звать такого человека в каиновскую помойку означало поставить крест на своей репутации, и мне пришлось отказаться от этой идеи. Зато через год, когда мы уже собирались у Вайолетт, я впервые пригласил Льва Аркадьевича прочитать у нас лекцию. Вот уж чьи лекции всегда собирали аншлаг — и, черт возьми, более чем заслуженно!

Но прошу прощения за эти забегания вперед. Пока я только впервые слушаю его лекции и пытаюсь предугадать, какой будет реакция на предложения сотрудничества. Более того — к своему удивлению, я понимаю, что хочу учиться у Хегая юнгианской психологии. Я хочу получить высшее образование в МААП. Не ради корочки, но потому, что по паре лекций мне понятно — здесь действительно преподают мастера своего дела.

И вот здесь я столкнулся с внутренним конфликтом. Изначально я шел «на разведку», в поисках либо союзника, либо противника. И мое желание учиться в МААП стало неожиданным для меня самого!

С пятнадцати лет я был убежден, что никогда не пойду получать легальное образование. Это — система, это Иалдабаоф, государство, это власть, слепая и загоняющая в общие рамки системы. Гораздо лучше самому читать книги и находить свой путь к их пониманию.

Но здесь, в тридцать пять, я впервые захотел учиться. Просто потому, что хотел услышать все, что когда-либо рассказывал Лев Аркадьевич. Но что, если они — такая же система? Не предаю ли я свои идеалы вечной чуждости, не отсупаю ли я от той самой бескомпромисности в своем невключении в систему? МААП — это официальное образование. А значит, так или иначе — Иалдабаоф. Сейчас мне немного забавно оглядываться на свои страхи и предубеждения того времени, но тогда я столкнулся с

настоящим конфликтом, когда одна часть меня рвалась получить более высокий уровень понимания и глубины юнгианской мысли от самого глубокого из русских юнгианцев, а другая, еще исходя из подросткового невроза, боялась стать частью хоть какой-либо системы.

Я разрывался между взаимоисключающими импульсами, и разрядкой, решением, выходом стал увиденный и запомнившийся на всю жизнь сон. Такие сны сам Юнг называл большими или архетипическими. И кто знает — был ли этот сон просто посланием мне или парадоксальным знакомством с самой глубокой, самостной частью Льва Аркадьевича.

В этом сновидении я шел по мрачному осенне-зимнему московскому пейзажу через мост над Яузой. Я шел топить шкатулку в мутных водах этой реки. Здесь невозможно обойтись без пояснения, поскольку сон приснился мне примерно через месяц от начала моей печальной истории с Фениксом, когда я трусливо надеялся скрыть свое приключение, и Асгет посоветовала мне купить малахитовую шкатулку, поместить в нее некий символ, который обозначал бы мою погрешность, и утопить в реке. Разумеется, нет ничего более глупого, чем желание утаить шило в мешке, и очень скоро все оказалось раскрыто, с весьма жесткими последствиями для наших отношений.

И вот сон начинается с того, что я шел по мрачному городу с этой самой Асгетовской шкатулкой. Я почти физически ощущал морось, слякоть, серый туман, так что казалось, что каждый шаг дается с трудом. И вот я у цели, на мосту через Язу — реку, известную своей крайней загрязненностью.

Я собираюсь топить шкатулку и тут вижу, что внизу, в этой грязной и ледяной воде, — кто бы вы думали? Тот, с кем я совсем недавно познакомился — Лев Аркадьевич собственной персоной. В жизни очень сдержанный и строгий, в моем сне он как-то особенно задорно улыбается и машет рукой. Мол, брось ты эту дурацкую шкатулку со всеми этими дешевыми фокусами. Лучше в водичку полезай со мной.

«Да в какую водичку?! — думаю я. — Грязь, лед, только дотронься — сдохнешь от холода и отходов».

И тут я вижу, что вдали действительно вода ледяная и грязная. А в пространстве, где купается Хегай, она вдруг стала чистой, как кристальная горная вода, и теплой, как парное молоко, даже пар пошел. И шкатулку явно не утопить. Я начинаю раздеваться, чтобы присоединиться к купанию, и в последнем кадре сна не то слышу голос, не то вижу надпись, не то откуда-то изнутри просто понимаю: «Он есть Повелитель Вод».

Смысл сна прост и очевиден, даже если вы не слишком искушены в юнгианском анализе. Шкатулочка с «секретиками» — явный символ той вульгарной, примитивной магии, в которой я завяз по горло в мире Каина и Асгет, тот самый первый провал города. Это так соблазнительно звучит: «Сделай шкатулку, утопи, все скроешь». Деревенская ведьма могла бы посоветовать то же самое. Серая, лживая, манипулятивная магия, магия в угоду своему эго, к которой я хотел обратиться, боясь честно определить свою новую позицию и пытаюсь сохранить свой хрупкий мир на лжи, разумеется, была дорогой в никуда. Вот во сне Хегай и говорит — брось эту дурацкую шкатулку, лучше иди купаться, вода-то чистая. В переводе с символического — да брось ты эту дурацкую дешевую чернуху, давай ныряй в настоящие знания, настоящее образование. Ну а титул Повелителя Вод, который я услышал в конце...

Быть может, это еще одна поэтическая уловка моего бессознательного. А быть может... Через годы после событий, читая итальянских мистиков, я узнаю, что «Повелитель Вод» — это особый титул, указывающий на такой уровень инициации, посвященные которого преодолели власть иллюзий над собой, перешли нижние воды и посвятили себя идеалу, сходному с восточным идеалом бодхисаттвы.

Что если в этом сне я действительно увидел Самость, Патрона, Личное Божество и титул посвящения Льва Аркадьевича? Это нельзя проверить. Быть может, это просто уловка бессознательного, которое ясно давало понять: а вот теперь пора прекращать

валять дурака и надо идти учиться. Но, быть может, этот титул имеет более глубокое значение. Ведь ни один настоящий бодхисаттва не скажет, что он — бодхисаттва, ни один Мастер не скажет, что он — Мастер. Хегай просто посвятил себя своему делу, своему служению, день за днем напоминая своим клиентам о высшем смысле и высшем предназначении и по мере сил и возможностей воспитывая таких психологов, которые смогут с достаточным уважением отнестись к странности и инаковости Другого.

Этот сон для меня важен и по другой причине. Если посмотреть глубже, сон дает потрясающую метафору того, как человек, действительно преданный своему Делу и Деланию, творит то единственное, для чего создан. Собой очищает воды, загрязненные даже не одним человеком, а целым городом. Вода теплая и чистая, там где Повелитель Вод входит в воду.

Еще одна впечатляющая синхрония: через несколько лет большинство конференций МААП проходило точно в месте моего сновидения — в иностранной библиотеке на берегу той самой Яузы рядом с мостом. Каждый раз, сталкиваясь с подобной синхронией (тем более что мне не так часто снятся действительно большие и яркие сны), недоумеваешь — как такое вообще возможно?

Как и Юнг, я всегда крайне доверял снам. Вопрос был исчерпан — я решил получать образование. И тут меня ждал сюрприз. Лев Аркадьевич разрешил мне оплачивать обучение наполовину. За заслуги перед юнгианством. Наверное, это просто был дар — потому что на тот момент каких-то особых заслуг у меня не имелось, наш издательский и переводческий проект был в самом начале, издали только несколько книг. Поскольку договора с Джоном Голтом еще не было, эта уступка оказалась для меня настоящим спасением.

Обучение в МААП представляло собой два учебных дня и обычно осуществлялось по выходным. За несколько часов происходило глубокое погружение в заявленную тему.

Я был поражен насколько лидеры МААП дополняли друг друга, делая процесс обучения целостным. Первый и главный ведущий — Хегай — всегда давал самый широкий, культурологический, исторический контекст, помогая нам увидеть заявленные проблемы с самых широких исторических перспектив. Елена Анатольевна — как будто его полная противоположность. На своих занятиях она делала акценты на индивидуальные клиентские случаи, погружение в тончайшие нюансы личной истории — будь то личная история ее анализанда или, например, история отношений Юнга и Фрейда. Один сон, один сюжет, который казался самоочевидным, Елена Анатольевна могла углубить и расширить до невероятной полноты, так что самый обычный, даже не архетипический сон раскрывался множеством слоев и уровней. Каждый участник семинара мог на опыте убедиться, что каждая кажущаяся предельно банальной личная история при правильном взгляде имеет невероятную глубину. Я убежден, что Хегай и Пуртова представляют своего рода два крайних полюса: если Лев Аркадьевич идет от большого к малому, делая акцент на культурных процессах, символах, идеях, то Елена Анатольевна — от малого к большому. Два эксперта высшего уровня просто идеально уравновешивают друг друга, вместе создавая пространство всестороннего обучения теории и практики. Третий лидер МААП, Станислав Раевский, на своих семинарах давал множество ярких, захватывающих упражнений, психотехник, практик, которые оказывались для участников удивительным приключением.

Странная синхронность: мое обучение в МААП и обретение фундамента началось практически тогда же, когда мне удалось разорвать с Каином и мой Город оказался спасен очаровательной Вайолетт, а закончилось — плюс-минус тогда, когда от Вайолетт мы перешли к самостоятельной аренде и окупаемости наших собраний. Как будто образование давало мне совершенно новый уровень культуры мысли.

Я действительно не ожидал от этого образования какой-либо материальной выгоды. Я точно знал, что не планирую заниматься личным анализом, хотя обучение в МААП дает на это право. Для меня это было обучение ради обучения, удовольствие от

красоты знаний и их подачи ради самого процесса возделывания души. И хотя многие читатели могут счесть это рекламой, я с чистым сердцем могу рекомендовать всем, кто хочет углубить свою психологическую культуру и тем более навыки психолога, — идти учиться в МААП, пока в нем преподают Мастера уровня Хегая и Пуртовой.

Единственное, чего немного не хватало — это более детального теоретического осмысления базовых понятий Юнга с полной индоктринацией. Для меня, прочитавшего всего Юнга по несколько раз, это не составляло проблемы, но думаю, что человеку с улицы обучение в МААП может показаться несколько сложным, поэтому (а вот тут действительно прошу простить скрытую рекламу) я бы вначале рекомендовал послушать мой личный онлайн-курс «Суверенное юнгианство», где я суммировал и синтезировал всю полноту юнгианской теории и праксиса, которую смог синтезировать к сорока годам. После моего курса можно смело углублять свои знания и получать официальное образование МААП.

И еще один момент, связанный с моим сотрудничеством с МААП, который наглядно иллюстрирует уровень культуры и терпимости этого сообщества. Однажды, уже много позже того, как я закончил свое обучение, мне, на одной из конференций Елена Анатольевна предложила написать статью в журнал «Юнгианский анализ». Я ответил, что подходящих статей у меня нет, вот только недавно написал одну — «Против постъюнгианства», но она едва ли подойдет. Однако предложил прислать, если захотят.

Едва ли подойдет! Это, простите, ой как мягко сказано. Вот здесь нужно серьезное пояснение. В этой статье я со всей яростью и логической последовательностью громил ненавистную мне английскую школу постъюнгианства, которая, по моему мнению, разрушает последние остатки суверенного духа юнгианства. В такую ярость привела меня статья некоей особы из английской школы, причисляющей себя к юнгианству но рассуждающей об недопустимом «облико морале» Юнга и пытающейся привести юнгианство в прилизанный для обывателя вид. Не высказать все что я думаю об английской школе для меня означало бы предать свою истину и очень скоро была написана разгромная статья «Против Постъюнгианства»

Главный нерв всей ситуации в том, что Елена Анатольевна — издатель и главный редактор журнала — обучалась именно в английской школе и является сторонником именно английского подхода. И тут наши мировоззрения очень отличаются. Там, где я вижу регрессию и возвращение к редуционизму Фрейда, — она видит дополнительные возможности для осмысления личного бессознательного. Там, где я вижу ловушку биологизма, она видит практическую систему, позволяющую работать с самыми ранними травмами. Справедливости ради надо сказать, что она одна из лучших психотерапевтов заставляет меня признать что нет только одной правды. Впрочем прочитанная накануне статья Джоан Винер стала для меня последней каплей. И я, рискуя репутацией, накатал целую статью, в которой наглядно говорю, что думаю обо всем этом.

Поэтому я даже не мог допустить, что статью опубликуют, скорей стоило опасаться за репутацию после публикации такой статьи, скорей отправка этой статьи являлась моей трикстерной шалостью, провокацией, игрой в духе «ну, по крайней мере, вы это читаете».

Так вот. С минимальными и чисто стилистическими правками, вообще не влиявшими на смысл текста, статью взяли на публикацию!

Это поразило и восхитило меня до глубины души. Для наглядности проясню, что это все равно, как если бы в издаваемый мной альманах кто-то принес статью, в которой последовательно громит Кроули и его учение. Я буду честен — на месте Пуртовой я бы точно не стал публиковать такое в своем альманахе, а может быть, еще и обиделся бы, что мне вообще подобное могли предложить.

Этот урок я усвоил в полной мере. Это невероятно! Люди, казавшиеся мне далекими от радикального либертарианства и уж точно чуждые анархичностью которой так гордился я, на деле оказались более открыты, свободны и признавали свободу других, терпимы к чужому, даже жестко конфронтирующему мнению, чем я. Журнал с этой статьей я храню как реликвию и здесь не могу не снять шляпу перед Еленой Анатольевной за этот невзначай своим примером преподанный мне урок реальной, а не декларируемой свободы и терпимости. И если до этого я считал некоторую цензуру приемлемой, то с этого момента любой попавший ко мне текст публиковался полностью, сколь бы позиция автора не противоречила моей. Сама того не зная, Елена Анатольевна дала мне ценный урок в строительстве моего Города.

Как можно было сразу предположить, аудитория МААП очень скоро стала самыми благодарными и постоянными покупателями наших изданий. И я рад, что могу внести вклад в дело психологической культуры и помочь психологам получить доступ к текстам, дающим им более широкую перспективу в понимании тонких нюансов анализа. А иногда Лев Аркадьевич даже предоставляет мне трибуну для небольшого рассказа о наших изданиях на конференциях, которые он проводит.

Единственное мое огорчение — в самом начале нашего знакомства Лев Аркадьевич отказался брать меня в личный анализ, потому что современная программа этики аналитиков запрещает совмещать аналитические и деловые отношения, а у нас все-таки было некоторое, пусть очень легкое, но сотрудничество — я приглашал его как лектора, предлагал новые юнгианские издания его ученикам. Ну а искать другого аналитика я принципиально не стал — можете считать меня трижды снобом, но доверить движения своей души специалисту, уступающему «Повелителю Вод», я точно не хотел.

Тогда я даже обиделся: почему даже мастер такого уровня считается с условностями и правилами игры? Но сейчас хорошо понимаю, что в этом был очень серьезный и глубокий смысл: дистанция позволила нам остаться надежными бизнес-партнерами, а кто знает, какие теневые процессы могли бы подняться в алхимическом котле анализа и как это могло бы действительно исказить поле.

И да. Постепенно, год за годом, крепла и углублялась наша дружба с Марти. И она, как учитель и друг, помогает мне разобраться в хитросплетении душевных лабиринтов лучше любого аналитика. Уже через пару лет после описываемых событий желание пойти в какой-либо анализ естественным образом исчезло. А зачем, когда рядом — Мастер?

Глава 12. Мистер Джон Голт

Деньги не имеют значения — пока они у вас есть.

Джонни Миллер

Кажется, сейчас пришло время говорить о том, что уже было сказано в прошлых книгах. Но поскольку эта книга задумана мной как самая полная, самая откровенная и самая невозможная исповедь, на этот раз я буду говорить несколько больше, чем когда-либо.

И прежде, чем начать свой рассказ, я хочу предложить почтеннейшим читателям поразмыслить над следующим вопросом. Какой корень может иметь истинный невроз? Что может быть самой большой, самой мучительной, самой стыдной тайной, которую человек будет скрывать даже от самого себя?

Магистральной, самой известной, самой популярной и обыгранной не в одном голливудском фильме психологической картиной мира является психоанализ Фрейда. Психоанализ учит нас, что самым потаенным, самым мучительным, самым ужасным для человека всегда будет его эдипов комплекс, его подавленные, неосознанные

инцестуозные драйвы и гештальты, которые можно обнаружить и преодолеть, только годами работая с психоаналитиком.

О своем эдиповом комплексе я узнал очень рано. Да и как можно не узнать, если в четырнадцать лет тебе снится кошмар, врезающийся в память на всю жизнь? В этом сне ты оказываешься в лесу наедине с матерью — и мать превращается в чудовищную пантеру, которая начинает совокупляться с тобой в какой-то извращенной инцестно-зоофилической форме. В этом неотвратимом совокуплении ты сам начинаешь превращаться в черную пантеру, точно в популярном когда-то фильме ужасов по сценарию Стивена Кинга.

После таких снов невозможно не заинтересоваться психоанализом, надеясь найти в нем ключ к решению всех проблем психики.

В двадцать лет, когда я оказался в группе Сергея Белковского — период, оставшийся за скобками этой книги, — пробуждение Кундалини, работа с сублимностями и снами позволили практически полностью освободиться от власти этого комплекса. Освободиться настолько, что, уже создавая свой первый сайт, я поместил туда самую раннюю исповедь, рассказав и про сон с пантерой, и про бессознательные драйвы привязанности к матери, на многие годы парализовавшие душу, освободиться от которых удалось только с пробуждением Кундалини. Какая прекрасная, в сущности, история о героическом преодолении, власти ужасной матери и триумфальном освобождении Анимы-Лилит, не правда ли?

А теперь ответьте на один простой вопрос. Разве может быть самой большой раной и самым большим неврозом то, о чем ты спокойно говоришь на широкую публику и можешь играя поведать даже в полужнакомой компании как часть своей личной истории? Настоящим неврозом, настоящей раной может считаться только то, в чем невозможно признаться даже самому себе, не говоря уже о публичном высказывании.

И у меня была такая история. В отличие от «пантерных» кошмаров, я смог осмыслить и даже рассказывать ее только, пожалуй, последние три года. История самого мучительного, самого стыдного, самого ничтожного страха. Я говорю о страхе полной нищеты, страхе разорения, который висел надо мной дамокловым мечом.

До описанных в этой книге событий я и жил в настоящей нищете, когда каждый доход мог оказаться последним, а что делать дальше, когда перекроют кислород, я даже не мог представить. Внезапно с посвящением во вторую степень я вдруг получил нормальную работу, позволяющую мне иметь скромный, но стабильный доход. Уже само по себе это стало для меня одним из самых больших освобождений, по масштабу трансформационного эффекта сравнимое с пробуждением Кундалини. Философ, мистик, интеллектуал больше всего на свете боится бедности — забавно, не правда ли? И конечно, какой-то хвостик этого страха остается со мной по сей день, ибо что гарантировано в этом нестабильном мире? Вот разве что сейчас я впервые могу смотреть этому страху в глаза и говорить о нем хоть в какой-то степени спокойно.

Настоящей — и самой страшной — гноящейся раной моей был не тайный страх трахнуть мать или убить отца. Настоящей раной оказался ужас перед падением в крайнюю нищету, которая всегда была близка. И даже сейчас, впервые с момента, как я начал работать над этой книгой, я чувствую в спине неприятный холодок и сопротивление в пальцах.

Поэтому все связанное с вопросом денег всегда вызывало во мне крайнее напряжение и стыд. Тогда, на второй степени, я принял решение, что самое благородное — это отказаться от каких-либо материальных амбиций и получать доход, работая на моей скромной работе, позволяющей всецело погрузиться в пространство смыслов, прочитывая по одной книге в неделю без отрыва от работы. Этого мне казалось вполне достаточно, более того — этого мне казалось уже слишком много, чтобы иметь наглость хотеть чего-то еще.

Боги решили несколько иначе.

В один прекрасный момент, как раз на пике золотого века нашего клуба, мне приснился сон, поразивший меня своей сложностью и красотой.

В этом сне я оказался в странном темном городе, который был похож на Антигород, inferнальный двойник всех существующих городов Земли, противоположность Городу Азазеля. Жители этого города жили в вечном полумраке и вечном тумане, постоянно травились и слепли от этого тумана.

Выйти из Антигорода было невозможно, точнее существовал только один возможный выход. Выходящий должен был согласиться надеть некие белые одежды. Надев белые одежды, отчаявшийся получал возможность беспрепятственно покинуть Антигород, и никто из жителей был не вправе ему помешать. Однако было известно, что стоило надеть эти одежды, — и ты навсегда станешь чужим для всех, кто живет в Антигороде. Родители, друзья, родственники с этого момента ненавидели тебя как «чужака», и тебе не было места в некогда привычном пространстве.

И вот следующий кадр сна. Я уже вне города, в лесу. Со мной — этаким бравый десантник, настоящий, можно сказать, архетипический вояка, герой, готовый умереть за то, что сочтет правым делом, но при этом обладающий небольшим количеством извилин, которые могли бы позволить ему отличить — а что же есть правое дело. В общем, типичный вояка, простой, brutальный и наивный. Вояка хочет убить Джона Голта — того, кто является источником этих белых одежд. В сознании вояки этот самый Голт и есть причина ужасного положения Антигорода, он — тот, кто навел туман, морок и стены. Он — выражение и воплощение абсолютного зла.

Мы приближаемся к месту, где собрались последователи Голта. Я вижу эти белые одежды. Мы идем навстречу им, вояка скрывает за спиной нож. Я вижу Голта. Он похож на бога — примерно как Иисус или любой святой пророк в самом популярном изложении. От него даже идет особое сияние. Вояка уже на достаточном расстоянии от меня, и я понимаю, что еще немного — и он убьет его. Я должен сделать выбор. С одной стороны, вояка, в общем, добрый и простой, сражается за высокие идеалы. С другой — Джон Голт, этот непонятный святой, от которого идет какая-то предельно интенсивная аура. Я делаю выбор. Я кричу: «Осторожно, он хочет тебя убить, Голт!» В этот момент кадр меняется: вояка скручен, пленен и смотрит на меня ненавидящим взглядом как на предателя. А мистер Джон Голт устало говорит что-то наподобие следующих слов:

— Дорогой друг, я рад, что ты сделал свой выбор. Добро пожаловать! Жаль его, бедного. Если он смог выйти из Антигорода даже без белых одежд, наверное он чист душой. Но захотев убить меня без моей вины, он потерял чистоту. Я не знаю, что с ним делать. Но гораздо важнее другое — ты сделал свой выбор.

На этих словах сон заканчивается. И проснувшись, я чувствую, что как будто оглушен этим сновидением. Несколько дней назад я дочитал книгу Айн Рэнд «Атлант расправил плечи», этот гимн капиталистической экономике, свободному предпринимательству и деньгам как мировой силе, определяющей справедливость. Сознательно эта книга не произвела впечатления. Будем честны, будучи согласным с политическим либертарианством, я как ценитель эстетического не мог не видеть, что стилистически, литературно книга предельно примитивна, характеры далеки от какого-либо подобия психологической достоверности, а сам сюжет, начавшись достаточно логично, под конец становится сплошным собранием роялей в кустах.

А вот мое бессознательное отреагировало, и еще как отреагировало. Нечасто мне снятся столь яркие, убедительные, насыщенные нуминозной энергией сновидения. Большие сновидения, как назвал бы это Юнг. Очевидно, несмотря на литературную слабость, в этой книге автору удалось поймать некое архетипическое содержание, которое и сделало ее самой читаемой после библии книгой Америки.

А вот дальше со мной — уже не во сне, а наяву — происходит цепочка удивительных синхроний.

Первая синхрония разворачивается буквально через пару недель после сна. В то время я был приглашенным лектором для одной небольшой, но очень щедро платящей группы, в которой я читал свой курс по арканам таро. Члены этой закрытой группы не хотели ходить в какие-либо другие клубы и предпочитали ограничиваться своим небольшим закрытым клубом, куда приглашали тех, кто был интересен. И вот после серии прочитанных мной лекций мне сообщили, что хозяйка этого пространства хочет познакомиться со мной лично и приглашает на день рождения.

Скажу честно, никогда еще не приходилось мне бывать на столь роскошном празднестве. Бильярд, снегокаты, самые изысканные блюда и вина, черная икра, щедро наполнявшая каждую тарелку. Хозяйка — один из крупнейших бизнесменов, специализирующаяся на экспорте. Большой бизнес, реальный бизнес — и совершенно незнакомый и непонятный мне мир со своими правилами этикета, где я оказался медведем в посудной лавке.

За столом она сажает меня рядом с собой, желая поговорить отдельно с заинтересовавшим ее лектором. И тут я делаю то, что нельзя делать ни в коем случае. Я нарушаю этикет, о котором не имею ни малейшего представления, пытаюсь проташить, посадить рядом с собой одну очень красивую женщину. Во-первых, потому что она красива, во-вторых, потому что она здесь единственная, с кем я хоть как-то знаком. Грубейшее нарушение этикета — и меня подчеркнуто отсаживают на середину стола. Я пытаюсь как-то продемонстрировать свои извинения, но в этот момент объявляется перерыв и все идут курить. Я смущен, озадачен, раздавлен. Я не могу понять, какова моя роль на этом празднике жизни. Чем вообще я мог бы быть интересен и полезен? Как практикующий маг? Какая ирония: маг, который уже в начале своего пути отрезан от возможности любых практических магических актов. Эта роль была бы ложью, мошенничеством, потерей чести перед Люцифером. Как таролог? Роль придворного таролога может быть весьма завлекательна. Но и тут я все еще не уверен в своих силах. О чем я могу говорить, как заявлять себя, да еще теперь, после такого грубейшего нарушения этикета, о котором я не имел понятия?

И оказавшись наедине с собой, я говорю одну-единственную фразу: «Помоги мне, Джон Голт!» Здесь мир денег, мир богатых людей. А значит, обращаться нужно к тому, кто является хозяином денег как сил. А совсем недавно я видел сон. Джон Голт. Помоги мне, Джон Голт!

Все возвращаются к столу, и хозяйка снова зовет меня на почетное место. «Извинения приняты. Кстати, у меня есть для тебя подарок — серебряный зажим для денег».

Я принимаю красивую коробочку и замираю от изумления. Потому что на серебряном зажиме изображен знак доллара. Знак, который одновременно был печатью Джона Голта в прочитанном недавно «Атланте...». Я чувствую, что вокруг меня разворачивается какая-то непонятная мне мистерия. Синхронии, знаки, Джон Голт.

Впрочем, эта встреча не несла никаких последствий. Ни хозяйка не заинтересовалась мной, ни я не мог даже представить, чем я мог бы оказаться ей полезен. Просто одно случайное знакомство на орбите, от которого у меня остался зримый артефакт Джона Голта.

А еще через месяц я снова оказываюсь в мире богатых людей. На этот раз — мой старый друг, человек, которого я весьма заслуженно называл «серым кардиналом оккультизма». То есть тот, кто наделен реальной тайной властью и влиянием. История повторяется. Он звонит мне, требуя, чтобы я немедленно приехал к нему: мы должны лететь на Урал, потому что покровитель их общества хотел бы на меня взглянуть.

На этот раз все куда серьезнее. Хозяин — человек, являющийся одним из самых богатых людей Урала, чье имя я по понятным причинам не назову. Человек, посвященный во многие тайны власти. Человек, который в одном из разговоров изрек

прогноз, тогда показавшийся мне вершиной абсурда, но подтвердившийся в политической жизни спустя каких-то полгода. Человек, спонсирующий культуру на всех уровнях — от музеев и до отдельных художников и скульпторов. Два дня в ином мире.

Вечер второго дня. Хозяин беседует с нами и одновременно играет с кем-то по компьютеру в азартную игру, каждая ставка в которой — небольшое состояние.

— Вот ты, — говорит хозяин, — ты же маг. Скажи, вот сейчас мне пасовать или повышать ставку? Что ты видишь там, маг, оккультист, посвященный?

— Повышать ставку, — говорю я, сам обалдев от своей смелости.

— Ух ты! И правда работает. А сейчас?

Вот тут я реально пугаюсь, как тот герой сказки про длинный нос. Я начинаю как-то юлить: мол, что моя магия — это не более чем духовная наука, что я могу ошибиться и разочаровать его.

— Да ладно париться. Ошибешься — ну и ошибешься.

Я снова даю прогноз и снова попадаю.

— А знаешь что? — говорит хозяин. — Похоже, ты приносишь удачу. А можешь дать мне имя, с которым я всегда буду выигрывать?

И вот тут я набираюсь смелости снова и говорю уже известное мне волшебное слово:

— Джон Голт.

— А ты непрост! Подойди сюда, посмотри.

Я подхожу. Взгляд падает на имена игроков. Имя хозяина — Золотой Джон. Полное попадание, попадание каким-то невероятным образом, попадание-чудо, в десятку, в яблочко, этого не могло быть, но это происходит! Золотой Джон. Джон Голт.

На этот раз мой визит имеет свой итог. Хозяин дарит мне весьма круглую сумму на раскрутку, сумму, жизненно мне нужную на перевод и последующее издание одной эксклюзивной книги, которую нельзя было пустить в общем потоке. Элитное издание, ключевая работа юнгианской мысли.

— Ты дело делаешь, — говорит хозяин. — Я не понимаю, что и зачем ты делаешь, но уважаю тех, кто делает дело. Так что бери, не стесняйся, для дела это лишним точно не будет.

Уж что-что, а стесняться я точно не стал. И во второй раз за кратчайший период Джон Голт оказался ключом в мир богатых людей.

Третья синхрония стала последней и определяющей все наперед. В те дни я развозил недавно изданные книги. За один вечер по свежим заказам удалось собрать огромную сумму, которой до сих пор у меня никогда не было на руках за один раз. И вот происходит катастрофа — деньги исчезают. Перевернули все кафе, всю машину: деньги найти невозможно! Я чувствую, что это конец. Все, что я собирал эти месяцы, потеряно, причем разом и безвозвратно. И мне крупно повезет, если я смогу вернуть оборот на тот же уровень за ближайшие полгода. Деньги не удастся найти нигде, и мне надо смириться — они потеряны.

На следующее утро, проснувшись, я вспоминаю про нового бога. «Если я смогу найти эти деньги, я обещаю, что на наших собраниях во славу тебя будет каждый раз подниматься тост», — говорю я. До этого у нас было три тоста, теперь — четыре. Впрочем, возможность чуда кажется невероятной, еще вчера мы искали везде, где только можно.

И вот я подхожу к машине. И как в сказке деньги лежат, пожалуй, на самом видном месте, которое я, видимо, проглядел в вечерней темноте. Джон Голт ответил на мою молитву. Договор заключен и отмене не подлежит.

В следующие несколько месяцев я оставляю свою работу. Доход с продаж становится таким, что я могу позволить себе жить на этот доход. Появляются выходы на новые магазины, готовые брать наши книги. Появляется имя, работает сарафанное

радио, эксклюзивность наших книг делает свое дело. Если на второй степени из нищеты я перехожу к достойному среднему заработку, сейчас, неожиданно для себя, я становлюсь состоятельным человеком. Как сказал Джон Голт в исходном сновидении — выбор сделан.

Здесь нужно сделать небольшое, сугубо теоретическое отступление. Тосты — это не застольные глупости. К примеру, вся организация масонов вышла из одного окраинного кабачка, где группа строителей решила не просто бухать, как строители, а церемониально, каждый раз воспроизводя некую последовательность тостов. Тосты — это ритуал.

До сего момента в нашем клубе было три обязательных ритуальных тоста. Первый тост: «Люцифер Rising!» Ответ на него: «Да не иссякнет над миром звезда Люцифер!» Это чествование Истока, основы, чистого духа и чистого сияния. Второй: «За оккультный ренессанс!» Оккультный ренессанс — это как бы слово-пароль для Города, символ в сущности недостижимого идеала, к которому нужно стремиться, понимая, что он недостижим. Третий тост немного энигматичен: «Восемь!» Всего одна цифра. Вообще использование цифр как неких базовых кодов — это добрая традиция разных оккультных групп. Например, для телемитов любое приветствие начинается с 93, что является пожеланием исполнения Воли того, кого мы приветствуем, и любви в согласии с его или ее Волей. Символизм числа восемь имеет очень важное значение внутри Касталийского потока, но делать на этом какие-либо особые акценты смысла нет.

Три тоста существовали у нас многие годы. Но, как говорили Платон, Гете и Юнг — «если есть трое, то где четвертый?» И вот так, совершенно неожиданно для себя, я взял на себя обет-клятву включить четвертый тост в Касталийский круг.

Иногда бывает забавно наблюдать, как реагируют новенькие на систему тостов. Кто-то, услышав имя Джона Голта, как будто с радостью выдыхает — ну вот, слава богу, теперь о реальности! Кто-то — даже оскорбляется: мол, с какой стати я должен чествовать эту «низменную» силу денег? Впрочем, лиши такого «духовненького» этой низменной силы, он очень быстро запоет по-другому. По большому счету система тостов связана с системой четырех сил мироздания. Первая сила — Чистый Дух, Безосновная Основа, принцип, который находится превыше всего, но по сути невыразим никаким жестким определением. Теология изрядно билась над тем, чтобы определить границы для Духа Святого, даже не догадываясь, что стремление поставить ему пределы, пусть даже определением, есть тот самый грех против Святого Духа. Вторая сила — Воля или Власть. Власть часто понимают неверно, даже криво, путая с господством, владычеством и даже насилием. Истинная Власть выражает себя в простом знании своей Воли и следовании этой Воле в согласии с Волей мироздания. И если все идет правильно, то, как правильно сказал Кроули, «вся инерция вселенной помогает тому, кто следует своей Воле». Поэтому Книга Закона пишется для «Королей» — то есть тех, кто обладает истинной властью.

Третья сила. Ну конечно же это Эрос. Можно назвать ее сексуальностью, но, с моей точки зрения, сведение космогонического Эроса исключительно к сексуальности — это унылая редукция, свойственная эпохе материализма. Секс — лишь одна из возможных форм Эроса, который если уж и определять, то я определил бы как «Волю к слиянию». Восьмерка на очень тонком уровне представляет символику сексуальной магии, поэтому тост парадоксальным образом связан и с сексуальностью как таковой, и с устремлением Любви согласно Воле, то есть к Истоку, который — после семи планетарных сфер — всегда восьмой.

И вот наконец — четвертая сила. Деньги. Думаю, можно сказать и шире: ресурс или материальная ценность, потому что где-нибудь на необитаемом острове деньги будут не более чем бумагой, годной для растопки, а вот консервы обретут статус почти бесценного ресурса. Тем не менее в мире, в котором мы живем, четвертая сила может

быть без какого-либо напряжения связана непосредственно с деньгами. Таким образом, в четырех символических тостах как бы построена правильная система иерархии ценностей: превыше всего — изначальный и невыразимый Дух, затем — истинная Воля, которая только и есть подлинная и абсолютная форма власти и превосходства, затем — Эрос или воля к слиянию и, наконец, — Деньги. Я убежден, что ошибкой современных людей является склонность путать иерархическую вертикаль этих четырех сил (например, превознесение денег выше воли к слиянию будет означать проституцию или брак по расчету, а Эрос выше Воли будет означать подкаблучника мужчину или женщину, отказавшуюся от всего «ради любви»), либо, что еще хуже, — тенденция упускать одну из этих сил из виду. Порой мне кажется, что отношение к деньгам в нашей культуре чем-то схоже с отношением к какому-нибудь демону у аборигенов — отношение, меняющееся от презрительного игнорирования днем до раболепного страха ночью. Создать внутри себя действительно правильное и уравновешенное отношение к деньгам, при котором, безусловно, деньги есть священная сила, заслуживающая своей доли почитания, но при этом младшая из четырех священных сил, — вот одна из задач правильного взращивания души.

Впрочем, я немного отвлекся. Стоит вернуться к событиям, описанным выше, и попытаться осмыслить их, насколько это позволяет нам наше воображение.

Во-первых, это было первое полноценное магическое событие, которое не вписывалось ни в одну систему, ни в одно магическое соответствие, ни в один канон. Нормально, будучи оккультистом, сказать, что в денежных вопросах тебе помогает Меркурий, Мамона или сила гномов — в зависимости от предпочитаемого языка. Но как посмотрят на тебя даже опытные маги, если ты станешь доказывать, что своим материальным достатком обязан литературному персонажу из популярной американской книги? Абсурд, безумие, шизофрения — редкий случай, когда девяносто процентов оккультистов будут солидарны с обычным психиатром.

Однако в моем случае отбросить сон или переживание было по определению невозможно — поток крайне осмысленных синхроний в одном символическом поле, обрушившихся на меня. И что самое главное — результат всех этих снов и созвучий говорит сам за себя: невозможное возможно, и исцелению своей, пожалуй, самой большой раны я обязан литературному персонажу. Так и хочется вспомнить старый спор с Петром-Хирамом про «вторичное», «душевное» значение литературы. Настоящий посвященный, может, и акцентирует внимание на особых магических доктринах, но пребывает в режиме открытости сознания, ибо знает — дух дышит где хочет.

Так что явление Джона Голта стало первым актом освобождения воображения, возможностью подняться не только над общепринятой и общечеловеческой нормой, но и тем, что является расширенной нормой среди магов. Если тебе может помочь персонаж вымышленной книги и полностью переписать всю твою реальность, значит, в мире магии вообще возможно все и нет смысла делить магию на «реальную» и «нереальную», законную и незаконную, соответствующую чему бы то ни было и не соответствующую. Значит, настоящая магия не в том, чтобы выучить правильные соответствия, а в том, чтобы, даже выучив их, держать свои глаза пошире открытыми, внимательно наблюдая за движением воображения, движением души, — так чтобы в нужный момент «следовать за белым кроликом», не рассуждая, что Юпитеру соответствует не кролик, а орел.

Конечно, это только первый шаг. Только пройдя становление и обучение у Акташ, я смог действительно освободить воображение в полной мере. Мне кажется, что настоящий маг, как и настоящий художник, должен десять лет учить классическую технику, чтобы следующие десять лет учиться эту самую технику забывать.

После истории Джона Голта я больше никогда не смог бы сказать про что бы то ни было — «это невозможно». Во вселенной воображения, иммагинации возможно все, и

именно воображение глубин определяет реальность, а никак не наоборот, как мы привыкли думать.

И все же я часто задавал себе вопрос — а почему? Почему Джон или кто-то из богов, вздумавший надеть его маску, будь то Мамона или Меркурий, решил доверить мне свою благодать? Герой Айн Рэнд по определению не располагает к благотворительности и уважает только активность и инициативность. «Ты делаешь свое дело», — вспомнились слова хозяина Урала. Звучало почти как «Ты следуешь своей Воле».

Наблюдая за историями удачного перехода, точного и успешного бизнеса, я заметил любопытную деталь. Во всех известных мне случаях в основе было не желание заработать денег ради денег, а чувство, что в некоей области есть пустота, которую нужно заполнить. Например, одна успешная женщина рассказала, что когда они собирались с друзьями, им приходилось далеко ездить в кафе, и желание открыть кафе именно здесь было желанием заполнить дыру, которая ощущалась как своя. А в основе моего подъема было желание заполнить информационный вакуум в области юнгианской психологии и серьезных оккультных школ. Все доступное в этой области в большинстве своем представляло интеллектуальную нищету и было адресовано типичным посредственностям, желающим верить в некую единую истину, а серьезный эзотеризм и психология, адресованные образованному, культурному человеку с широким кругозором, как будто отсутствовали. И моя собеседница с ее успешной закуской, потом ставшей сетью, и я чувствовали некую пустоту, недостачу, место в мире, которое должно быть заполнено. Поэтому Джон Голт благословил наши усилия. С другой стороны, мне известна история одного юноши, который больше всего на свете хотел разбогатеть, тратил огромные деньги на разные бизнес-курсы, а в результате оказался банкротом после первой же казавшейся беспроигрышной сделки. Юноша не чувствовал ни товар который он покупал, ни потребности пространства, ни самой реальности. Поэтому его падение было предопределено.

Точнее то, что не может быть не сказано. Если вы надеетесь на чудо, если вы ищете действенных формул «денежной магии» и, прочитав эту главу, на полном серьезе начнете призывать Джона Голта — не ждите успеха. Сначала хотя бы прочитайте «Атланта...» и осознайте, что больше всего Голт презирает тех, кто идет к нему с вечным «дай». Если он что-то дает, то исключительно тогда, когда тот, кому оказывается дано, совершенно точно, на глубинном уровне знает, для чего, на какое заполнение пустот ему нужны эти деньги.

Получив возможность пользоваться дарами Джона Голта, я всегда помнил, что это дар, а не личная монополия. Поэтому порой я тратил деньги на совершенно нерациональные проекты. Например, заказ клипов-нарезок на песни Метеона и Мартиэль, что помогло бы зрителям глубже и полнее прочувствовать посыл песни через мастерски подобранный видеоряд. Например, кругленькая сумма ушла у меня на участие в проекте «Изм», где я от имени Телемы отвечал на разные мировоззренческие вопросы, наряду с представителями крупных мировых религий. Каково же было удивление организаторов и зрителей, когда выяснилось, что ответы представителя никому не известной Телемы вдруг в самой честной гонке заняли первое место среди мнений представителей других религий. Например, издание книг, которые с самого начала абсолютно точно не имели шанса окупиться — прежде всего речь идет о истинной поэзии, начиная от поэзии Кроули и заканчивая современными поэтами, в чьих стихах узнавал я живое дыхание Серебряной Нити. Например, организация научных конференций, которые в самом лучшем случае могли окупить лишь затраты на их организацию, а обычно требовали дополнительных вложений. Помощь Джона Голта дана мне для того, чтобы я делал свое дело, ну а если порой я мог позволить себе некоторые приятные радости — за это я мог только благодарить богов.

Глава 13. Магда

*Она не писала песен
И потому ничего не знала
О том, что начало есть
Лишь безусловный залог финала,
А мир всё летел по кругу,
Купаясь в собственном свете,
Летели, думали — друг к другу,
На самом деле нас нёс ветер.*

*Павел Кашин, из песни
«Открытый космос»*

Магда. Именно с Магды в мою жизнь вошла новая реальность, реальность безудержного танца. Много лет назад уехала Черная Королева. За эти годы — множество очень быстрых, ярких, но ничего не значащих в магическом смысле связей.

Когда появилась Магда, Вайолетт больше не собирала нас у себя, но по непонятной мне причине продолжала поддерживать финансовыми вложениями, арендуя залы для наших лекций и пиров. И с каждым собранием зрело решение перехода на самокупаемость, окончательного слезания подросткового ребенка с шеи приемной, но любящей и заботливой матери.

Магда. Собранный, сконцентрированный, точно выпущенная стрела, и пронзительно красивая женщина. Переводчик. Я слишком хорошо знал опасность смешения деловых и личных отношений, поэтому сопротивлялся возникшему практически сразу влечению, насколько это возможно. Четыре месяца она приходила в клуб, присылала для нашего Города удивительные строительные блоки смыслов и сопряжений, мощные, качественные, точные переводы.

А потом совершенно внезапно она исчезла из нашего проекта. Не объяснившись, не сказав ни слова, без предупреждения. Мне казалось, что она исчезла потому, что в какой-то момент я начал проявлять слишком сильное внимание и, скорей всего, испугал и оттолкнул.

С этого момента, клятвенно заверял я себя, никогда и ни при каких обстоятельствах я не буду смотреть на женщину переводчика глазами мужчины. Долго я корил себя за это мимолетно вырвавшееся проявление страсти, слишком острое, которое вполне могло оттолкнуть слишком уязвимую и ранимую женщину.

А через несколько месяцев после ее исчезновения мне снится удивительный сон, который я сразу по праву отношу к категории больших сновидений. В этом сне на платформе «Солнечная» оказываюсь я и известный политический теоретик, чье имя я, пожалуй, как и прежде, не буду упоминать, дабы избежать возможных судебных исков. Как и прежде, пусть это будет Анатолий — имя не лучше и не хуже, чем любое другое. Анатолий предстает мне в образе могущественного черного мага, в котором он и существует под шелухой, с той стороны зеркального стекла. И вот этот могущественный маг, наделенный силой мысли, способной поднимать грузовые поезда и заставлять их двигаться в нужном ему направлении движения. Он показывает силу, которая буквально гипнотизирует, очаровывает меня, очаровывает настолько, что кажется — еще немного, и я поклонюсь ему, попросив стать его учеником.

И в этот миг на той же платформе появляется третье действующее лицо. Магда. В этом сне открывающаяся как Красная Королева или Алая Жрица.

Женщина, лишь мельком проскользнувшая в нашем пространстве и, похоже, навсегда оставившая его, испугавшись моего слишком настойчивого внимания. В этом сне она одета во все красное, точно намекая на саму Бабалон или Алую Жрицу.

Она смеется над «черным магом», и ее насмешка заставляет его потерять силу. В какой-то миг поезд, находящийся во власти его силы мысли, падает на рельсы и больше не движется. Я понимаю, что еще несколько мгновений — и он обрушит всю силу своей ненависти на нее. И я делаю выбор. Я наношу один-единственный удар, который совершенно неожиданно своею силой преумножает Магда. И где-то на заднем фоне слышится что-то вроде библейского текста: мол, жена будет попирать лживого змея.

Я просыпаюсь. Я в недоуменье. От момента, когда я помню себя, и до сего момента внимание к снам — важнейшее, что у меня есть. И именно в снах глубинное, сокровенное, истинное «я» всегда определяло направление моего следующего движения. Почему Магда? Почему боги наделяют ее таким невероятно высоким статусом, ведь в реальном мире у нас не было связи и даже намека на возможную связь испугал её? Сон казался таинственным и очень важным, важным для всего последующего развития моего пути. Это был стратегический сон, не менее стратегический и определяющий, чем сон о Джоне Голте или юношеский сон о Лилит, призывающей убить бога. Правда, на этот раз вместо бога был вполне конкретный субъект, но сама схема оставалась прежней, вот только предельно абстрактные архетипы, кажется, обрели воплощение.

Впрочем, моя жизнь неслась на слишком больших скоростях, и очень скоро я забыл про этот сон. Наступал проклятый 2014 год. Год, когда «моя страна сошла с ума» и «ойкумена больше никогда не будет прежней». Год, когда на всех нас обрушился тяжкий груз коллективной вины, вне зависимости от того, признаем мы эту вину, не признаем или по неразумию своему считаем вину доблестью. Год, который невозможно назвать иначе как началом коллективного безумия, одержимости, синдромом слепого бога.

Я ловлю себя на совершенно нелепой фантазии, за которую любой уважающий себя психиатр немедленно определил бы меня в психушку как параноика с бредом величия. Мне кажется, что я в той точке, где я нахожусь, каким-то непостижимым образом противостояю Анатолию, одному из тех, кто активно разжигал и поддерживал коллективную одержимость. Эти фантазии кажутся мне откровенно смешными и нелепыми, я сам понимаю их нелепость, настолько, что не стал бы делиться с ними даже с кем-то из близких друзей. В некоторые моменты мне кажется, что я получаю сильный удар, что мое тело бессильно сгибается перед противостоящей силой, бьющей точно в живот, и в эти дни, чуть позже, я читаю ключевые сводки событий. Донецк. Луганск. Я фантазирую, будто я поставлен силой точно напротив Анатолия, и сам смеюсь нелепости и абсурдности подобных фантазий.

Единственное, что я могу сделать, — это перепост неких петиций с требованием уволить Анатолия за откровенно фашистские реплики и высказывания. «Убивать и только убивать...» Впрочем, я сам слишком хорошо понимаю: последнее, что может что-то решать в политике, — это чьи-то петиции, независимо от того, соберут они двадцать или двадцать тысяч подписей.

А потом Анатолий вдруг пишет у себя на стене совершенно нелепый в своей параноидальности текст, согласно которому телемиты — это тайные руководители Майдана, а настоящий центр Майдана находится в Москве и как будто управляем страшными телемитами под руководством бывшего политика, сыгравшую огромную роль в прошлом тысячелетии. Я не называю его имени, просто обозначив его как Реформатор.

В реальности я встречался с Реформатором лишь единожды, по рекомендации лидеров Московской ассоциации аналитической психологии. МААП хотела предложить меня в качестве лектора в его институт, но наша трехминутная встреча, похоже, не произвела на него никакого впечатления. Все, что я мог вместо заранее заготовленной речи, — это робко и невпопад бубнить себе под нос. Мне очень хотелось со слезами на глазах поблагодарить его, поблагодарить за тот мир, в котором мы жили последние двадцать лет, мир свободы и достоинства, пришедший на смену проклятому совку, который Реформатор в свое время помогал демонтировать. Но я так и не сказал этих

слов. Ибо слишком хорошо понимал, насколько нелепыми и искусственными покажутся мои слова настоящему, прошедшему огонь и воду высших эшелонов власти политику. Наверняка примет за дежурную лесть. Единственное, что я успел, — это подарить ему книгу. Одну-единственную книгу. Книгу, которая была издана самой первой. Та самая «Алхимия свободы» Стефана Хеллера.

На ту встречу я в первый раз в жизни надел строгий костюм. О той встрече знала вся наша среда, а поскольку круг был весьма проницаем и в него входили несколько человек из круга Анатолия, — знал и другой лагерь. Что произошло на самом деле, в итоге не узнал никто, гора родила мышь, встреча, которую ждал весь круг ближайших друзей, не привела ни к чему. Но Анатолий в своем параноидальном сообщении упомянул именно Реформатора, еще и в публичном интервью.

Ясно было только одно: Анатолий знал про нашу встречу и, видимо, в силу общей параноидальности, был убежден, что теперь я нахожусь у него под крышей. Или просто посылал сигнал для своих: держитесь в стороне от «Касталии». Телемский — враг. Право слово — кто такой известный только узкому кругу юнгианцев и оккультистов Телемский, и кто Анатолий, спонсируемый одной из сильнейших политических группировок? Я слишком хорошо понимал разницу весовых категорий. Тем абсурднее, тем невероятнее выглядели эти сообщения Анатолия, в которых он практически публично как будто помещал меня на один уровень с собой — как врага.

Но самое абсурдное, самое нелепое, самое невозможное — мои фантазии, казавшиеся мне самому бредом величия, каким-то образом «фонили» на другой стороне. Как будто в это время в схватке сошлись силы, стоявшие за мной и им. И внезапно происходит невозможное. Анатолия увольняют. И одно из самых громких его интервью, представляет собой настоящий параноидальный бред, в котором он опять утверждает, что ужасные сатанисты-телемиты захватили мозг его начальника и заставили его уволить. Что? Это я-то, неспособный проклясть даже самого мелкого врага и приворожить обычную барышню, вдруг захватил мозг начальника Анатолия? Это было смешно. Это было абсурдно. Но сам по себе резонанс между моими фантазиями, которые я в здравом уме никогда не посмел бы озвучить, и публичными заявлениями видного политического теоретика, которые отдавали откровенной паранойей, шокировал настолько, что от одной мысли я терял дар речи. Похоже, что под шелухой в эти дни все было далеко не так просто. Но что на самом деле произошло между нами, я не понимал и, наверное, не пойму никогда. Конечно, я снова вспомнил про мой сон с Магдой и Анатолием, но сон все так же оставался непонятен, а Магда находилась где-то далеко от нашего круга.

Долгое время я был заиклен на буквальном видении сна, который убедительно подтвердился потоком столь конкретных и реальных событий, что многие годы я был убежден, что она и есть та, кто поможет мне победить Анатолия. Только сейчас я понимаю, что не Анатолий был в этом сне, а Серый хозяин. И что с самого начала свет Люцифера указал в этом сне на Магду как первую настоящую, живую Черную звездочку, сияющую своим неповторимым светом.

Но тогда я был захвачен буквальным прочтением сна, что, конечно, отдает некоторым бредом величия. Сладко получать в мире подтверждение собственной фантазии, сладко, когда крупнейший слуга Серого публично признает твою силу, могущество и опасность. Сладка эта ложь, заслоняющая главную правду о Сером и первой (после ухода Черной Королевы) Черной звезде.

Понимая, что на этом пути можно и умом двинуться, я решаю отвлечься от мыслей об Анатолии и своей великой миссии и погружаюсь в написание своей второй, неизмеримо более зрелой и целостной книги про таро. Той самой «Таро для всех и для никого», которая сейчас стала современной классикой. В самом названии книги зашит очень конкретный посыл, поклон гению Фридриха Ницше, чья главная книга — «Заратустра, или книга для всех и для никого». Когда я обратился к таро, мне с самого

начала был мало интересен практический, прикладной аспект. Таро интересовало меня как карта, как вселенная танцующих символов, как язык души, как возможность через образы таро поговорить о вещах неизмеримо более глубоких, философских, о символических сюжетах, которые связываются таинственными нитями на древе жизни.

В некотором смысле «Таро для всех и для никого» ставила точку в важнейшем этапе моей жизни. Таро было темой, с которой я когда-то давно как на коне вошел в пространство оккультизма. И после этой книги я сказал все, что мог сказать.

А когда я закончил мою книгу о Таро, точно подарок на день рождения в мою жизнь возвращается Магда. Как выяснилось, ее исчезновение было связано с глубоко личными процессами, никак не связанными с моим вниманием. Сперва я немного сопротивляюсь вновь возникшей страсти, ибо, видят боги, нет ничего хуже, чем смешивание рабочего и личного режима. Но в пользу сближения говорит сон. Коли она повергла врага в моем сне, она повергнет врага в реальности.

Наша первая встреча — это шквал страсти, огня и вихря. Всю ночь проваливаемся в один непрекращающийся сексуальный экстаз. И всякий раз, когда кажется, что страсть уже утолена, тело совершенно внезапно оказывается охвачено новой волной жара вожделения. Невероятное, фантастическое переживание, где исчезает само Эго, а тело превращается в непрестанно жаждущее и вожделеющее богиню тело Пана.

В ту ночь у Магды были видения, и она увидела павлина. Один из ключевых символов Люцифера.

А потом мы очертя голову проваливаемся в миф Джека Парсонса. Человек, который открыл ракетное топливо, позволившее отправиться на Луну, и при этом занимался самой радикальной магической практикой. Человек, который дополнил Телему недостающей, четвертой главой Книги Закона. Человек, который горел как факел и сгорел в тридцать семь, погибнув от взрыва гремучей ртути.

Миф Парсонса настолько захватил меня, что в какой-то момент я всерьез начал верить, будто я являюсь прямой инкарнацией Джека. Какое популярное и банальное заблуждение — приписывать себе инкарнации любимых великих личностей. Каждая вторая — Клеопатра, каждый третий — Македонский. Сущия нелепость.

Но эта нелепость подтверждалась множеством мелких знаков и связей. То, что делал Парсонс, и то, что делал я, на каком-то глубинном уровне было частью одного делания, одной игры, одного архетипического потока. Мне исполнилось тридцать восемь, и я остался жить, тем самым фантазия об инкарнации была опровергнута. Но глубинная связь с мифом Джека как будто оставалась.

Для меня Парсонс и Марджори казались архетипической парой, которую мы воплотили своей любовью и страстью. И конечно, в первые месяцы Магда зачинает. К моей огромной радости, она изначально согласна оставить ребенка, не требуя брака. Наше магическое дитя — Магери, Марджори, Маргарет, Маргарита. Квинтэссенция Бабалон, которая уже в три года по-настоящему интересуется только одним — танцем и спонтанно начинает танцевать, услышав любую музыку.

Фантазия была воплощена. Наша первая дочь получила имя Маргарита. И нетрудно догадаться, в честь кого было дано это имя. Дело за малым — Анатолий. Действительно, именно Магда, взяв на себя всю тяжесть проекта, вывела его на совсем иной уровень. Ну а я мог позволить себе погрузиться в мир мыслей и готовиться к посвящению в следующую степень. Ах, если бы все было так просто...

Глава 14. Большая Игра

*Но, в должной степени скорбя,
Признаться, все-таки рискую.
В красивой партии блефуя,*

*Я проиграю сам себя.
И будет кто-то очень рад
Такому сказочному фарту...
Мой дух перетасует карты.
Начнется новая игра.
Нателла Болтянская. Игрок*

Итак, наступил 2012 год. Мой Город достигает нового пика развития. Разросся отдел переводчиков, и мы уже можем издавать по несколько книг одновременно, так что я впервые могу позволить себе оставить мирскую работу и жить на доходы, получаемые с продаж книг. Наша репутация растет. Мы представляем наши книги в некоторых независимых книжных магазинах, и неожиданно выясняется, что многие из них реально имеют успех. Нас узнают, у нас появляется мощный пул лекторов. Вайолетт помогла нам продержаться, собирая нас у себя дома несколько лет, а затем мы смогли позволить себе платить аренду зала. Появились серьезные лекторы. Период Асгет и Каина забыт как страшный сон.

А на одно из собраний приходит женщина, которая впоследствии сыграет огромную роль в моей жизни. Иштар. Правда, тогда она еще не знает, ставкой какой силы она является. Но это не мешает нам отдаться страсти в ближайшем полуночном московском дворике. Не мешает ей остаться в моей вселенной на много лет, с каждым годом все больше раскрываясь в нашем танце, доходящем от чисто человеческой страсти до танца богов. И стать главной связующей силой на долгие годы.

Но это о хорошем. Между тем серые тучи начинают сгущаться вновь.

Мне пишет некто Гилель. Мол, надо встретиться, пообщаться, как маг с магом. «У меня есть что вам предложить и что рассказать».

Мы назначили встречу в четверг, за день до собрания «Касталии», с тем чтобы, пообщавшись с вероятными союзниками, иметь возможность уйти на долгожданную встречу с Иштар.

Гилель пришла не одна, а с подругой. И с самых первых слов эта самая Гилель произвела весьма неприятное впечатление.

От этого человека очень грязно фонило. Такие вещи Элли обычно считывает сразу и на этот раз меня не подвела. Практически с первых фраз стало ясно: я имею дело с сумасшедшей.

— Я пришла как маг. За мной стоят очень большие силы. Я предлагаю вам союз.

Идея союза со столь странной барышней, кем бы она ни была, меня явно не привлекает, но я делаю вид, что принимаю ее игру.

— Союз? Это очень интересно. А что вы можете нам предложить? Может быть, вы переводчик? Нам жизненно нужны переводчики. — Они нам всегда нужны как воздух. — А может быть, вы лектор? У вас есть научная степень ну хотя бы кандидата наук? — сказал я, который сам о научной степени мог только мечтать, однако сразу дал понять, что меньше чем со статусом кандидата наук к нам лучше не соваться.

— Если нужно прочитать лекцию — я могу по любой теме. Вы можете назначить мне абсолютно любую тему, и не сомневайтесь — я прочитаю по ней доклад так, что любые ваши кандидаты будут рукоплескать. Вот абсолютно любую тему — только назначьте.

— По магии?

— По магии, конечно.

— И по истории?

— Легко.

— И по мифологии тех или иных народов?

— Да хоть завтра.

— И по психологии?

— Если это актуально, то без проблем.

Я понял, что передо мной действительно сумасшедшая. Ни один человек в здравом уме не заявит, что может прочитать лекцию *по любой* теме. Тем более что в нашем интеллектуальном клубе народ весьма взыскателен и требователен. Еще недавно я пытался возобновить дружеский союз с Асгет, но Григорий буквально растоптал ее доклад, требуя хоть одну, самую ма-а-ленькую ссылку на источник.

Я попытался деликатно выйти из этого нелепого разговора, хотя стоило, наверное, просто грубо оборвать. Элли начала свою игру, и я обратил преувеличенное внимание на ее подругу.

— Гранатка.

— Здравствуйте, Гранатка, кто вы?

— Я религиовед. Недавно закончила ВУЗ и сейчас хотела бы найти тему для исследования. Мы с Гилель...

О боги, да оставь ты эту Гилель! Кажется, эта женщина адекватна, говорит нормальным языком, знает свои возможности, не предлагает мне с порога говорить «как маг с магом». Интересно, что она под этим подразумевает — общую веру в лямурейцев или заговор по проклятьям всех и вся? Может быть, что угодно: уже по интонации ясно — Гилель это не эзотерик а шизотерик при чем типичный. В ОТО таких кандидатов заворачивали в первые десять минут разговора.

А вот с Гранаткой, кажется, даже приятно общаться, было бы здорово включить ее в наш проект, подвинув Гилель.

Гилель явно раздражается, что ее слова не производят того эффекта, на который она надеялась (вот интересно, с кем она до этого общалась, если надеялась на эффект?), и вдвойне раздражена, что подруга, которая должна была оставаться в ее тени, вдруг выводится на первый план внимания.

— Вы не понимаете. Я говорю о союзе. Магическое пространство начинает перестраиваться. Начинается передел. Я знаю, что вы ученик Мартиэль, так вот — ее время, ее власть заканчивается. Сейчас пришли иные силы. Вы хотите быть в игре или вы принадлежите прошлому?

Вот ведь сука, ну не охуела ли она?! Да кто вообще смеет думать, что Мартиэль могут подвинуть хоть какие-то силы? И какой наглостью надо обладать, чтобы мне, единственному ее ученику, заявить подобное с порога! Увы, я слишком дипломатичен. Но здесь включилась Эллоиза...

— Извините, но мне не очень интересны эти темы. Все это очень далеко от меня, и вообще, я никогда не поверю, что с Мартиэль может что-то измениться. А вот ваша подруга мне очень интересна. Я был бы очень рад видеть вас на наших собраниях, Гранатка. И вообще, вы очаровательная женщина! Интересно почему вы подружились с Гилель? Впрочем я слышал что женщины выбирают подруг, которые оттеняют их сильные стороны — ум, красоту.

Это уже прямой удар. Элли умеет быть жестокой если ее разозлить.

Гилель кажется побагровела.

— Вы не понимаете! Грядет Большая Игра! И вам лучше присоединиться к сильнейшим в этой Игре, потому что вы становитесь заметны. Я хочу говорить как есть, а вы притворяетесь и прячетесь за этой вашей психологией.

Это я-то притворяюсь? Вот ведь идиотка, если кто-то не видит, что Юнг был магом, не менее продвинутым, чем тот же Кроули, и не видит живой эзотерики там, где она не называет себя эзотерикой, — с этим человеком не о чем говорить. Впрочем, что с ней не о чем говорить, стало ясно уже после ее реплик относительно Мартиэль.

Внезапно в память вонзается заноза. Заноза раздражает, свербит, отвлекает от моей обычной боевой формы, которую я позаимствовал у брата Марсия за годы пребывания рядом с ним. Вот что у Марсия великолепно развито — так это боевая форма: любому

ненужному элементу предельно ясно даст понять, что его место возле параша. И все же... Это словосочетание. *Большая Игра*. Явно я слышу его не в первый раз.

В первый раз о *Большой Игре* я услышал много лет назад, когда после моего первого ритуала в Ордене меня пригласили в очень странную компанию и некто Некрос и Гарфилд разыгрывали из себя владык тьмы. О большой игре мне сказали накануне моей первой мистерии, хотя источник не заслуживал доверия.

И тем не менее, правда, как бы то ни было, мое будущее они предсказали очень неплохо, разглядев в наивном неопите, сильно сомневающимся, что получит свое посвящение, будущего заметного игрока и пытаюсь спровоцировать меня делать какие-то заявления от имени Телемы. Только сейчас я понимаю, что меня разводили на договор, от которого я, не ведая, что происходит, дипломатично уходил.

И вот снова дежавю. Опять — странный собеседник, непонятные разговоры о большой магии, непонятные и ничем не подкрепленные претензии. Вот у Ордена — инициации, традиция, века, Книга Закона, в конце концов. У Марти — песни, услышав которые, зависаешь в немом риторическом вопросе «откуда она знает?», а еще — не раз подтвержденные на моей же, спасаемой ею, шкуре возможности. А у этих ребят — ну очень громкие и пафосные претензии на «Большую Игру», не основанные ни на чем, кроме сотрясения воздуха. И вместо энергетики — какая-то помойка.

Но как же они похожи и как похож этот разговор! Только я уже не неопит, сделавший самый первый шаг, а лидер крупного и развивающегося интеллектуального клуба, со своей внутренней, не особо афишируемой традицией. И снова мне говорят о *Большой Игре*. Может быть, есть какой-то смысл в этом словосочетании, но никто не может толком объяснить, что это такое, вот в чем беда.

Забегая вперед, скажу, что у Гиллель оказалась печальная судьба. Сперва ее откровения, получаемые в личных беседах с Архангелом Михаилом, расходились по всей сети вместе с видео, где она с каким-то истерическим визгом приносит в жертву не то кролика, не то кошку. Мерзкий и истеричный визг «во славу Сатаны» — и никакой торжественности, силы, интимности, которая в языческой традиции связана с жертвоприношением животного. Сама идея снять жертвоприношение на камеру явно говорила, что человек не дружен с мозгами.

Последнее, что мне известно о Гиллель — она не кормила своего ребенка чуть ли не неделю, все это время погружаясь в непрерывный запой, а ворвавшиеся в ее квартиру сотрудники милиции, обнаружившие протухшие трупы животных и полумертвого ребенка, поместили ее в психушку с лишением родительских прав. Печальная судьба той, кто называла себя одновременно Сатаной, Архангелом Михаилом и Аватарой Метатрона.

До 2017 года я мог позволить себе просто смеяться над Гиллель. Разумный и просвященный маг интеллектуал которому не придет в голову называть себя чьей либо аватарой, вот кем я себя ощущал.

А потом, когда в моей жизни разыгралась большая мистерия и я стал реально проводить сначала Азазеля, а потом и еще более высший поток, я не раз задавал себе вопрос: а где та разница, где та граница, которую можно провести между мной и ей?

Совершенно точно я не буду морить детей голодом и уходить в запой на неделю. Я точно не буду резать кошек или записывать какое либо жертвоприношение на камеру.

Но если брать немного выше: я называю себя ставкой Азазеля, она Аватарой Метатрона — могу ли я уловить между нами разницу? С точки зрения обывателя, нормы, господина Прокруста-Иалдабаофа, мы оба — напрочь поехавшие психи.

Мне дает немалое преимущество способность осмыслить свой опыт на языке психологии. У Юнга образ Самости — Филемон, у меня — Азазель. Почему нет, господа? Мы же образованные люди, и все это — пространство души, пространство внутренней бесконечности, которое совершенно не отменяет пространства реальности,

где надо зарабатывать деньги, договариваться с бизнес-партнерами и быть просто человеком.

Я знаю границу между внутренней бесконечностью, тем, что Юнг называл «объективным психическим», а Дюран «имажинером», где действительно возможно все, — и пространством жизни.

Но ведь и это не ответ или как минимум не весь ответ. Не ответ, потому что имажинер врывается в обыденную жизнь тысячей синхроний, созвучий, странных и своевременных (или, наоборот, ну очень не своевременных) знакомств. Сама жизнь говорит на множестве языков, и порой мы можем позволить себе говорить на языке сакрального, порой на языке обыденного, вплетая сакральное через намек, шутку, игру. Словом, вся жизнь мыслится мне одной большой игрой, хотя никогда я не применял этого слова. Для нее же воображаемый мир стал тем, куда можно и хочется убежать от убожества своего реального земного состояния.

Главный ответ, главное отличие между нами в том, что я, насколько у меня это получается, стараюсь, чтобы моей жизнью и моими действиями руководил один главный и единственный заслуживающий внимания мотив — любовь к моим Богам. Люциферу, Лилит, Азazelю, Нахеме. Сперва двум, потом четверем.

Да, никто не совершенен, и порой мои детские травмы, личная корысть, страх или вражда могут на какое-то время затмить, омрачить главную ценность, но видят боги, я делаю все, чтобы быть честным с собой и миром, насколько это вообще возможно, и прилагаю все силы, чтобы убрать в себе эти искажения. Мой главный взгляд — внутрь себя: красив и достоин ли я пред ликом возлюбленных богов? А все остальное — потом.

Для нее же единственным мотивом является превосходство. Величие. Да такое, чтобы сразу — аватарой и Сатаны, и Метатрона. Гилель напрочь лишена двух основополагающих для практика нитей — любви к своим богам и жажды истины, какой бы она ни была. Поэтому свою большую игру Гилель проиграла, причем фатально — такой участи не пожелаешь даже врагу.

А вот Гранатка показалась мне разумной и твердо стоящей на ногах. Она говорила на моем языке — языке культуры и науки. Забегая очень сильно вперед — ей еще предстоит сыграть свою странную и спорную роль, без которой эта книга никогда не была бы написана.

А теперь я снова совершу темпоральный рывок и перенесу повествование очень далеко вперед — в 2017 год, перепрыгнув несколько глав третьей части, чтобы показать совершенно новое и неожиданное измерение большой игры.

Я уже не помню точно, как это было. Просто в один из дней мне позвонила Мартиэль.

— Ко мне тут заходили... После собрания ко мне подходил один неприятный тип и выспрашивал про Люцифера. Многие знаки сходятся, тебе стоит быть готовым. *Большая Игра* начинается.

Сказать, что я сел на землю на том месте, где стоял, — значит, ничего не сказать. *Большая Игра!* Я в третий раз слышу это словосочетание, и на этот раз его произносит Мартиэль — самый важный человек в моей жизни.

— Марти, объясни, что это значит. За нами будут следить? Преследовать? Бандиты или спецслужбы? У нас же вообще ничего, кому мы можем быть интересны, кому наши копейки нужны?

— Нет, я не о том, совсем не о том. Это, ну, как бы... Вот представь: есть такие люди, у которых очень низкая самооценка. А им хочется быть чем-то большим и важным. И они впускают в себя серое. И они кажутся себе очень большими и важными, а на самом деле их уже и нет почти. Они сами это впускают в себя, но в итоге их нет, и при этом они разрушают все, к чему прикасаются.

Слова Марти ввергли меня в недоумение. Обычные невротики. Ну что, я не видел, что ли, таких? Напугали ежа голой задницей. Лишь бы не бандюки и не менты. Ну будет

очередной скандал. Почему появление каких-то невротиков настолько важно, что в первый раз за год она сама звонит мне и предупреждает об опасности, характер которой я и понять-то не могу?

В то же время — плюс минус две-три недели — в клуб приходит он. Вадим. По первому впечатлению — просто несчастный мальчик, такой типичный очкарик, которого, должно быть, в детстве все обижали. Бывший друг Пермякова, а сейчас — крайне с ним поссорившийся и желающий отыграться и помочь нам на него выйти. Потому что мы хорошие, а Пермяков — говно человек, и вообще, он про меня говно говорил, еще когда я его сыном называл и все ключи ему в белы ручки дал.

Ну понятно, политическая логика: враг моего врага для меня друг.

Этот Вадим напросился со мной в одно дальнее путешествие попутчиком, где всю дорогу рассказывал мне о своей жизни. Жизни, что и говорить, печальной и нелепой. Вот не вижу смысла пересказывать его обстоятельства, но можно представить, что было у юноши, попавшего в тусовку дьяволопоклонников с детства и много лет проведенного в группе, живущей под девизом «чем хуже, тем лучше». Бедный. Вот уж непонятно — зачем читал Варракса, зачем захотел стать сверхчеловеком? Он же уже не то что «сверх» — на человека был не похож. Потом он услышал голос какого-то бога, Хозяина, Баала, которому он теперь служит и ставкой которого является. При этом уже, наверное, три года не может на работу устроиться.

Черт! Общаясь с ним, я — визионер, мистик, чьи переживания Азазеля заставили бы покрутить у виска даже самого терпимого психиатра, — стал на позицию необходимости нормы и заземления. Я попытался подвести его к мысли: может оставить ему всю эзотерику хотя бы на время, пока не получит фундамент? Хотя бы на работу устроится, тем более что навыки программиста имеются. Очень мягко пытался подвести, но тут его глаза блеснули настоящей живой паранойей: «Так вот значит как! Я так и знал, ваши всегда заходят, меня всего лишит хотят!» Дорога с клиническим параноиком в одной машине, принимающим меня непонятно за кого, — это, я вам скажу, то еще приключение! Но я быстро сдал назад: мол, живи, как хочешь, чего тогда совета спрашиваешь?

А потом как-то незаметно вокруг Вадима начинали подниматься скандалы. Причем и поводы какие-то пустяковые. То в чате группы, то на собрании. И вроде бы он какой-то особой агрессии не проявлял. То невпопад скажет, тому выдаст оценку, и до этого дружная группа как-то начинает трещать по швам.

Вы удивитесь, но сперва я его защищал. Мне он казался кем-то вроде меня лет так в шестнадцать, когда я проходил свою унижительную адаптацию последнего из последних. Не сразу я понял что есть большая разница — ему-то не шестнадцать, а тридцать. А скандальчики постепенно превращаются в скандалы, где он каким-то образом оказывается в центре.

Серый? Но он же не агрессор, не Хирам, он-то и не попытается мое положение забрать. Может, если его принять, помочь, полюбить его... Может, женщину найти ему? Что интересно — даже те женщины, которые достаточно легко относились к новым эротическим приключениям и могли переспать просто из дружеских чувств, с яростью отвергали даже шуточное предложение «лишить Вадика девственности». Очень уж грязновато вибрирует...

А буквально пару недель спустя — еще один скандал в чате по нелепейшему поводу. И на этот раз его жертвой оказалась Чинни, очаровательная женщина, близкая подруга Магды и моя любовница на тот момент. Вадим высказал сомнение по поводу ее профессионализма в качестве психолога, потому что она — не понимает тонкости его переживаний и мотивов.

Любой другой — просто бы посмеялся. Но, именно здесь, именно в этой точке были сосредоточены все самые больные места и раны Чинни. И она ушла в настоящую истерику, требуя, чтобы я исключил его из чата, но, во-первых, мне было его жаль, а во-

вторых — исключать человека за фразу «у тебя просто не хватает психологической квалификации понять мои проблемы» было бы, мягко говоря, странно.

Вот только... Если бы он назвал ее шлюхой, рана была бы не столь сильна. Все эти годы бедняжка убеждала себя, что хоть на что-то способна как психолог, и цеплялась за каждую новую регалию как за дворянский титул.

Я оказался в идиотской ситуации, ценой которой в итоге стали отношения с Чинни. После — если верить Эллоиз один раз у меня был шанс отыграть все назад, если бы я послушал Элли и сделал то чего не делал никогда — но тогда еще принципы были сильнее а иррациональность совета Элли бросалась в глаза.

Я был зол. И я чувствовал, что не могу ничего сделать. Потому что формально его действия слишком невинны. Даже на оскорбление не тянет. Выступи я тогда, в глазах группы это бы выглядело как угождение своей любовнице и фаворитизм

Чуть позже произошел самый громкий скандал с его участием, когда Вадим, отталкивая почтенных пожилых гостей, насильно открыл форточку, а после скандала в чате пришел на собрание... с прибором по замеру содержания кислорода. Более идиотское невротическое поведение и представить трудно. Но как же он был жалок — а жалких всегда жалко, уж простите покорнейше мою тавтологию.

После скандала с Чинни — почти симметричный скандал с Пеймоной. Здесь правда все обошлось легче, Пеймона оказалась устойчивой, и эмоциональный взрыв миновал достаточно быстро. Хотя как знать — не было ли это первой трещиной которая потом позволила развернуться тому что развернулось.

И вот — результат. Полностью отравленная атмосфера дружного круга. И напряжение не собирается исчезать. Наконец мне стало ясно, что надо что-то делать, и публично объявил, что с этого момента у нас три лидера — я, Магда и Иштар. И в случае любого нарушения Магда и Иштар вправе принять меры, исключив нарушителя из чата. Разумеется, он не замедлил дать очередной повод и, оказавшись исключен, стал на всех доступных площадках изливать потоки оскорблений и клеветы. Отмазка не сработала — он прекрасно понимал что это была моя игра. Впрочем, теперь его потоки грязи уже не были так страшны — потому что исходили откуда то извне.

История коллективных скандалов и выяснений отношений — это, пожалуй, самое скучное, что можно представить для читателя, и я готов заранее извиниться за банальность сюжета.

Однако есть одна серьезная причина для написания этой главы. Один единственный факт, превращающий банальные межличностные разборки в архетипическую драму.

Звонок Марти в самом начале сюжета, когда она предупредила меня обо всем за две недели до появления Вадима: Большая Игра начинается, к тебе будут заходить серые. Мне был дан практически фоторобот того, кто должен был прийти в мое пространство. И не сработало ничего — ни предупреждение учителя, ни Эллоиза, ни даже то, что он назвал то же имя, что так любил Серый Аватара он же Хирам.

Вот здесь я призываю читателя сосредоточить все свое внимание Сделать акцент. Поставить точку. Потому что именно в этой точке вы можете увидеть механизм того, что Кроули называл двойными мозгами, а в серебряном веке называлось жизнетворчеством. То как за банальным просвечивает иное измерение.

Небанальной и значимой делает эту историю только одно. Разговор с учителем, который произошел за две недели до начала разворачивания театра абсурда. И еще одна деталь. Вадим считал себя слугой и аватаром именно Баала. Цимус в том, что имя «Баал» вообще-то не принадлежит какому-то отдельному божеству и переводится просто как «хозяин». А о Сером хозяине я был более чем наслышан. Вот только сложить два плюс два еще подготовки не хватило.

Именно эти две мелкие и обычно проходящие мимо внимания детали, будучи осознаны, позволяют сдвинуть ракурс восприятия и увидеть обыденное в совсем других

красках, а за человеческими конфликтами — игру архетипов. Серый хозяин приходит и стремится уничтожить все. Каждый из нас — даже мы с Элли — оказывается «заглушен». При этом я был предупрежден заранее и снабжен готовым фотопортретом того, кого стоит узнать и опасаться. Узнаваемо даже имя бога-демона, которому поклонялся Вадим — Баал, словно сам Хирам решил послать свою слабую, изувеченную жизнью копию.

Почему не среагировала Эллоиза, которая порой позволяла мне чувствовать с первых слов, кто передо мной, и не раз спасала от ошибок? Риторический вопрос. Потому что — *Большая Игра*.

Итог напроць проигранного раунда *Большой Игры* — Чинни. Женщина, с которой мы делили ложе больше двух лет, покидает мою жизнь, у другой — нервный срыв, с которого начинается наше отдаление. И напроць отравленное пространство общего поля группы, которое после его изгнания приходится буквально реанимировать. Только Иштар оказалась с самого начала безупречной в этой истории, как, впрочем, это свойственно Иштар почти всегда, за исключением одного последнего аккорда.

Урок я запомнил хорошо. И когда через пару лет постучался на этот раз хорошо узнаваемый по характерным деталям поведения серый, я выдворил его со второго посещенного им собрания. Выдворил изящно, фактически полностью передав Элли управление сознанием, став на миг полностью ею, так что весь коллектив сразу поддержал мою, на первый взгляд, диктаторскую — если не знать подноготной — инициативу.

Впрочем, тогда правила следующего раунда *Большой Игры* изменились. И третьему пришедшему в мою жизнь серому хватило трех минут, чтобы впрыснуть в разум самое страшное искушение. Не буду нарушать интригу. Все после.

Сейчас — лишь одно. Предупреждение всем, кто читает эту книгу. Никогда, вы слышите, никогда, не пытайтесь раскрасить серое, не пытайтесь оживить мертвое, избегайте любого, даже самого невинного и нейтрального взаимодействия любым доступным вам способом, если вы видите этот узнаваемый след. След Серого хозяина. Сами посереете, сами умрете, сами проиграете все, что у вас есть, и не заметите этого. Потому что всех правил *Большой Игры* не знает никто.

Центр Книги

Точка внутри окружности

Первый свободный ключ. 2015

Глава 0. Причастие кровью, причастность крови

*Удержать этот мир на краю равновесия,
Унести из неволи в уставших ладонях...
Между тьмою и светом — тонкое лезвие,
Между светом и тьмою — пропасть бездонная.
Martyel. Распятие*

В истории клуба было многое, что остается за кадром. Приходят люди, о которых стоит сказать несколько благодарных слов, разворачиваются коллизии, между кем-то рождается крепкая дружба, между кем-то вспыхивает вражда. И да, каждая из этих историй по-своему интересна и дорога мне, но если продолжить заплыв в глубины воспоминаний, то и одной книги может не хватить. Да и надо ли это — если ты, дорогой читатель, дочитал до этого места, я уже могу тебя поблагодарить и обнадежить — самое скучное позади, и в следующей части ты наконец столкнешься с пространством чистой магии и чистого эротизма.

Самое главное сказано. Мне удалось построить свой Город, пробой который остался после Пермякова я всеми силами не замечал сосредоточившись на других пространствах. И какова бы ни была его судьба в будущем, дальше будут появляться новые строители и новые хранители — мне удалось не просто создать еще одну школу, мне удалось действительно построить Город, где кипят и живут новые смыслы.

Не смотря на пробой, произошло много важнейших магических событий и переживаний. Благословение Голта. Абсурдная, но такая питающая собственное чувство

исключительности история с Анатолием. Небывалое сплетение событий вокруг Панночки, вероятность которого — один к десяти тысячам.

Магия вроде бы происходит, но магом так и не стал. Адаптировался, поднялся, обрел неплохую и, как положено последователю Кроули, парадоксальную репутацию — местами весьма серьезную, а местами скандальную. Все как и должно быть, и больше, чем мог надеяться когда-то. И даже нашел свою истину, нашел свой смысл жизни, узнал о главной задаче, с которой пришел на эту землю. Построить свой Город.

Но кое-что так и не произошло. Кем бы я ни казался себе и кем бы ни видели меня другие, я так и не постиг природу тонких связей бытия, танец реальности. Я так и не стал магом в высоком смысле этого слова. Разрушил клетку размером с квартиру, получил клетку размером с дом, но так и не выбрался на свободу. Истина стала стеной. И, черт возьми, я никогда не выбрался бы из тысячи ловушек, если бы не одно-единственное событие, о котором пойдет речь в этой главе, которая является центральной осью этой книги.

О мастере я уже не раз говорил в прошлых главах. Мартиэль. Истинная Мать и Старшая сестра. И здесь и сейчас мне страшно, потому что я должен нарисовать портрет человека, который, без преувеличения, является самым важным человеком в моей жизни, и не только в моей. И здесь я сразу прошу читателя просить меня за пафос.

Свидетельствуя о ней, я не преследую корыстной выгоды. Она больше не берет учеников, она не проводит семинары и даже почти отказалась от публичных концертов. Ее песни, некогда записанные на домашней студии, сейчас распространяются бесплатно.

Возможно, кому-то покажется, что, свидетельствуя о ней, я косвенно пытаюсь повысить цену себе — в конце концов, много ли тех, кому удалось встретить истинного мастера? Но без доли лукавства, кокетства или лжи свидетельствую я: все, что я могу сейчас, достигнув, пожалуй, вершины своего развития, — это лишь бледная тень от тени того, что может и кем является она. Единственное, чем я мог бы гордиться, — я практически сразу узнал ее, почувствовав родство, невыразимое ни одним человеческим языком. Но на этом кончается мое величие, и правда в том, что ее то зримое, то незримое присутствие в моей жизни помогало мне выходить из таких лабиринтов и проклятий, в которых неизбежно канул бы абсолютно любой. Моя единственная высшая привилегия — я имею право свидетельствовать о ней, и я могу только просить Люцифера и Лилит сделать мое перо легким и правдивым.

Согласно гностической типологии, люди делятся на три типа. Низшие — гилики. Те, кто вообще не пригоден к духовному пути. Даже если по какой-то причине гилик таки окажется на духовном пути, он либо оставит его при первом же кризисе, либо попадет в какую-нибудь секту, получив очередное дешевое утешение. Внешние врата гнозиса надежно закрыты от любых попыток войти для того, кто недостаточно искренен и чист.

Современному человеку это покажется несправедливым. Как так, почему одни по природе прокляты, а другие так же по природе обретают освобождение? Мы слишком отравлены либерализмом и эгалитаризмом, чтобы принять реальность такой, какой она есть. Правда в том, что если вы откроете самые прекрасные истины гилику, он только посмеется над ними, а даже если и уверует, превратит самые прекрасные святые дары в пойло. Еще Иисус сказал «не мечите бисер перед свиньями», как жаль, что современные христиане забывают безжалостные слова Иисуса, превратив его в гламурный розовый идол всеобщей благодати.

Второй уровень человека — психик. В отличие от гилика, психик может достичь духовных свершений. У психика есть индивидуальная душа, свой личный вкус, свое эстетическое, этическое, философское чувство. Психик, если он действительно хочет выйти за пределы своей клетки, имеет на это возможность. Однако для психика трансформация — это всегда смерть. У храма мистерий двое врат, и если гилик не может

пройти внешние врата, то психик — внутренние. Он может увидеть красоту, смысл, гармонию. Но он не сможет узнать чистый огонь, довольствуясь созерцанием танцев теней от огня.

Теоретически психик может пойти глубже. Но это будет слишком дорого ему стоить. Психик должен полностью отказаться от себя, своего эго, своих представлений, обрушиться в чистый хаос и там обрести перерождение и становление.

Психик — это, пожалуй, самая трудноопределимая категория, включающая в себя, невиданный спектр людей. На нижней грани спектра это обыватель, почти не отличимый от гилика, но имеющий душу, которую он предает, желая быть как все. На высшем — это утонченный эстет, знаток теорий и практик разных учений, он даже может практиковать свои ритуалы и психотехники, и легко оперировать высокими смыслами. Единственная его беда — он не может увидеть последний огонь духа, если только звезды не сойдутся так, что его собственное эго не окажется для него мучительной тяжестью и он очертя голову не бросится в горнило переплавки.

Третий тип — пневматик, человек духа. Да, в пневматике изначально сокрыта искра духа, искра предвечного света Люцифера. Однако даже пневматику нужно пройти сложный путь, чтобы открыть эту искру, установить с ней связь, стать одновременно — самим собой и выражением более высшего принципа. Но даже пневматики могут ошибаться, поддаваться иллюзии, совершать неверные действия и чудовищные ошибки. Ибо искра далеко. В отличие от психика, для пневматика не требуется полная жертва, но в любом случае путь пресуществления будет сложен.

Я часто думал — кто здесь я? Психик, которому невероятно повезло и которого за шкуру вытащили на вершину потом и кровью? Или все-таки пневматик, который нес Его искру изначально — ведь увидел же я в детстве во сне Ветер Люцифера, получил его кольцо гораздо позднее и раз за разом пытался выйти за пределы субъективного ограничения. Я не знаю. И по большому счету это неважно — я знаю точно, что правильнее мне считать себя вторым, а не третьим, ведь уверовав в собственную исключительность полностью, в тот же миг я ее утрачу, и это закон мистерий.

Гностики умалчивают об одном. Есть и четвертый тип. Я не знаю, как назвать этот тип, все возможные слова и эпитеты омрачены и искажены пошлейшими ассоциациями и наслоениями. Как было прекрасно слово «Махатма» — великий дух, и какой пошлостью это слово стало сейчас благодаря работе теософов. Как гордо звучит — Адепт, Аватара, и сколько «адептов» и «аватар» своим примером сделали это слово гротескным.

Поэтому я возьму на себя дерзость позаимствовать слово из одной из песен очень уважаемого мной барда — которого, кстати, мне тоже посоветовала Мартиэль. Космограф. Слово как слово, не лучше и не хуже остальных, но по крайней мере не затертое набором пошлостей и банальностей, и поскольку я предполагаю, что мой текст будет признан лишь у небольшой прослойки, — надеюсь, и не будет. Космограф — как тот, кто приходит в этот мир даже не с искрой от Люцифера, а пылающий доменной печью, дышащий млеком звезд и мыслящий небесными измерениями. Космограф — это пущенная стрела, луч, рассекающий пространство, тот, кто не просто спасает себя, но закручивает вокруг себя вихрь освобождения. И быть может, на одно поколение, на пять миллиардов человек найдется десятка два космографов, а быть может, были времена, когда на всей земле не было ни одного. Глупо притворяться, что знаешь ответы на вопросы — точные ответы на вопросы невозможны.

Мартиэль — Космограф. Если я блуждал по лабиринтам судьбы — она уверенно и направленно шла туда, где было ее осуществление. Если я раз за разом становился пленником то одного, то другого обмана, она легко проходила сквозь любые шторы и завесы. Космограф. Прекрасная песня «Космограф» у Штиля, но прости, Штиль, в одном ты, друг, соврал: не похитившим сны Люцифера был Космограф, а увидевшим, ибо

нельзя похитить то, что принадлежит иному порядку бытия. Мартиэль воплотила его сны. Сначала в своих песнях. А потом в нас — искрах от ее огня.

Странное дело, несмотря на то что Мартиэль всегда была куда более откровенна, чем тот же брат Марсий (человек, которого я честно называю вторым по значимости и влиянию на меня в моей жизни, при всей порой конфликтности и противоречиях), сейчас, когда я должен нарисовать хотя бы контур ее пути, я теряюсь, и набор известных мне фактов больше похож на лоскутное одеяло, чем на королевскую арку. Пусть так. Могу лишь надеяться, что за этими обрывками читатель сможет увидеть и почувствовать немного больше, чем можно выразить словами.

В детстве Мартиэль любила сказки. В детстве она точно знала, что каждая сказка — это правда, только правда, относящаяся к другим порядкам и планам бытия. Тогда же, в детстве, она точно знала: то, что люди называют чудом — возможно, просто никому не хватает мужества и последовательности идти за своим чудом до конца. Тогда же, в детстве, она стала творить свои сказки, зная, что тем самым она творит иные миры, каждый акт воображения есть сотворение воображаемого в бесконечной потенциальности универсума.

При этом, в отличие от всех нас, даже пневматиков, для нее не составляло сложности понимать правила, по которым живет этот мир. Обычно наши испытывают мучительное отвержение миром, окружением, родственниками. Мартиэль легко и непринужденно поняла неписанные правила этого мира и с самого начала поселилась в двух мирах — условной реальности и безусловного воображения.

Помимо песен она написала лишь один-единственный текст, исповедь о ее самой первой и самой ранней встрече с Люцифером. Исповедь, в которой, начав с игры с самой собой, она поднялась на такие высоты познания, о которых и рассказать-то невозможно, можно лишь почувствовать. Потому — ее священный текст читали только мы, и никогда он не будет доступен непосвященному. Я скажу только, что заканчивается этот текст главным даром Люцифера — даром Кольца и началом совершенно особого обучения, записи о котором, по ее словам, были сожжены.

Когда грянули девяностые, и на поверхность стали подниматься самые разные околэзотерические группы и школы, она очень быстро поняла — все, о чем говорят самые безумные экстрасенсы — возможно. Вообще все. Странствие по другим мирам, материализация предметов, чтение мыслей, целительство — да вообще все что угодно. И точно так же, общаясь с первыми же представителями этой поднявшийся на поверхность реальности, она ясно поняла, что эти красиво говорящие и даже часто не знающие, что на самом деле они говорят, ребята не могут практически ничего из того, что они говорят. Исключения были, она жадно впитывала любую информацию от тех, от кого хоть немного фонило светом. Но даже среди этих исключений реальное знание было смешано с личными амбициями, корыстью, детскими комплексами. Даже самому сильному учителю и практику нельзя верить до конца, ибо сколь бы ни был он прав и силен, в определенный момент начинается подмена серебряного на серое. Серое — это серебро, которое устало сиять.

Я не знаю, в какой момент своего пути она столкнулась с Врагом с большой буквы. С Серым хозяином. Считать его личностью или архетипом — вправе решить каждый для себя, важно понять, что кем бы он ни был, он — определяет желания, действия, мотивы практически всех людей, от последнего бомжа до самого высокого церковного иерарха.

Пожиратель душ, не позволяющий индивидуальному человеку стать индивидом, вписывающий его в систему, так что человек становится «всего лишь частью».

Самые слабые превращаются в слепое и пустое оружие его воли. Таковы те два персонажа, о которых шла речь ранее. Те, кто посильнее, могут позволить себе сохранить островок свободы души, который не рискуют обнажать, дабы не оказаться уязвимыми для его стрел. Даже самые сильные и благородные попадают в его

ловушку. Страх не за себя. За близких. За свое детище. За что-то очень высокое и важное. И как итог, всякому в этом мире, от бомжа до президента, определена своя резервация, огражденная серыми флажками страха.

Однажды, когда я очень глубоко почувствовал Люцифера, я услышал одну фразу. «Для таких, как мы, есть только два цвета — серебряное и серое. Но серое — это серебро, которое отказалось светить». Светить — значит растрчивать себя, значит расточать себя, как солнце расточает свою энергию, становясь источником жизни, значит постоянно порождать новые живые смыслы, формы, ключи, проходя по канату бытия точно в танце. Как только ты соглашаешься хоть немного притушить свет от серебра Люцифера и Лилит — ты оказываешься во власти Серого хозяина.

Ужас в том, следы Серого можно увидеть в каждом человеке. У каждого есть свои ловушки, в которые он попадает. Но есть и те, кто находит для себя удовольствие служить ему, отказаться от себя, быть лишь серой безликой формой. Серые аватары.

У Серого хозяина три оружия. Во-первых, это страх. Это может быть очень конкретный страх конкретной угрозы — и человек сжимается, чтобы избежать этой угрозы, став меньше, чем он есть. Также это может быть глобальный страх смерти, страх перестать существовать, выйти за пределы, слиться с чем-то новым.

Второе оружие Серого — доминирование. Желание подчинять, унижать, топтать, гордо возвышаться, обесценивать. Всего два оружия, но тысячи форм и разновидностей.

Еще одно оружие Серого — отвлечение внимания. Если он не может подчинить вас через чувство превосходства и исключительность, позволяющую топтать других, он будет работать через страх, и стоит только уступить страху, — вы проиграли. Но если вы прошли и эту ловушку, Серый хозяин будет раз за разом отвлекать вас от самого важного, заставляя сосредоточиться на чем-то незначимом и второстепенном, так что драгоценное время окажется потерянным. Пожиратель душ и пожиратель времени — вот кто такой Серый хозяин.

Кроме Мартиэль я не знаю никого, кто полностью и до конца смог бы победить Серого, не оставив даже самого маленького крючка.

Истинный маг ставит себя на кон. Истинный маг всегда в противостоянии Серому хозяину, сколь бы тяжелым и порой обреченным не казалось это противостояние. Победить — невозможно, но эта невозможность порой происходит с теми, кто, зная и видя серые точки своей личности, признавая их, не позволяет им завладеть собой, а если и случаются минуты слабости — отдает себе отчет и, упав, вновь поднимается.

Но прочь. Прочь от серого к серебряному.

Оставив мир поднявшихся на поверхность эзотериков, она погрузилась в культуру ролевой игры. Мир ролевых игр, тогда еще по большей степени вращавшийся вокруг Толкина, это многоуровневая реальность, пеной от которой являются простые парни, желающие в воскресенье помахать мечами, а элита — поэты, менестрели, маги — те, кто играя в игру, постигают как игру саму жизнь.

Мир ролевых игр синтонен магическому сознанию. Погружаясь в игру, в миф, созданный воображением одного или нескольких ведущих, человек может столкнуться с тем, что сама реальность начинает подчиняться свежеизобретенной игре. Вот представьте: лес, поле, игрок, отыгрывающий чародея, убегает от преследующей его светлой гвардии, пытаясь выкрикнуть защитное заклинание вроде «да развернется под тобой земля». Накал, страсть, живые эмоции. И в этот момент под гвардией обрушивается мостик, казавшийся надежным. Это, конечно, становится «байкой», передается из уст в уста, обрастает подробностями. А когда таких историй набирается с десяток и когда подчинение самой реальности магии становится наблюдаемым явлением? Здесь и сдвигается парадигма. К сожалению, мне уже поздно ездить по полигонам, но даже опыт кабинеток еще в начале моего пути, в компании калужских

«магов», научил меня, что мелкие синхронии здесь происходят постоянно и уже даже не воспринимаются как что-то из ряда вон выходящее.

И, кстати, Мартиэль открыла для себя совершенно оригинальный вид ролевой игры — отраженка, игры, которую могут вести только самые сильные мастера и видящие. Суть отраженки в том, что игроки и сам мастер не знают всех условий придуманного им мира. Известна лишь стартовая точка и базовая форма персонажей, которые должны сами исследовать этот мир. И конечно, отраженка — это королевская дорога, на которой есть немалый шанс столкнуться с магией, архетипами, силами, неожиданно для себя обнаружив, что в то время как ты придумываешь богов, эти же самые боги придумывают тебя.

Здесь, в мире ролевых игр, Мартиэль начала петь. Сначала — строго ролевые песни, например, «В поисках Танелорна». А потом начала создавать свое. Живое. Что не укладывалось ни в один канон. Менестрель? Так у менестрелей принято петь о созданных и сыгранных мирах, а она поет про Люцифера, Лилит, Христа, Вавилонскую блудницу. Бард? Но слишком уж не вяжется эта обращенность к иному бытию с основным гештальтом бардовской песни, за редким исключением обращенной все же к посясторонним реалиям. Песни пробуждали, песни шли в народ, обретали свою жизнь, передавались в записях, часто оседая скрываемым сокровищем у множества собак на сене, для которых чувство собственной исключительности важнее, чем распространение света. Воистину, у Серого хозяина много ликов.

Космограф. Аватара Лилит и Люцифера одновременно, ибо как неразрывны Шива и Шакти в восточной космогонии, так неразрывны истинная Лилит и истинный Люцифер.

О космогонии и других увиденных с той стороны гранях бытия она рассказывает крайне редко, опасаясь естественных искажений, переворачиваний. Как правило, на все вопросы «а как оно там?» она отвечала что-то вроде — «ну а ты сам посмотри».

Я помню нашу первую, к сожалению, утраченную переписку. Сколько ключей, сколько жемчужин тогда она мне дала, и как же печально, что вся эта переписка полностью утрачена.

Марти нечасто начинает что-то рассказывать сама. Мне порой кажется, что это изначально заданные правила игры. Сначала — задай правильный вопрос, найди половину ответа, чтобы получить другую. В начале нашего знакомства было очень много информации, но, как нарочно, я не могу вспомнить почти ничего, и все, о чем дальше пойдет речь, — это те крупницы знания, которые я восстанавливаю из множества наших разговоров.

Ну что — поехали. Начнем с космогонии. Наш мир возник как результат столкновения двух сил. С одной стороны — Люцифер как принцип Свободы. С другой — Яхве, он же Иалдабаоф. Так получилось, что поскольку этот мир изначально должен был принадлежать Яхве, принцип Люцифера всегда находится в этом мире в состоянии защиты и обороны. Наши сжигали, преследовали, гнали. Мы — всегда в оппозиции, всегда в обороне. Нет, не потому что слабее, но потому, что стоит кому-то из нас победить, уже в следующем поколении его слова, идеи и заветы будут преломлены именно в том контексте, в каком это нужно Иалдабаофу. Просто потому, что сам по себе мир так работает. Обычно «внешние» люцифериане считают Иисуса врагом. Но у Марти целых две песни про Иисуса — «Распятие» и «Как дешево вы бога оценили». Иногда мне кажется, что Иисус тоже был одним из аспектов Люцифера, но его имя было поставлено на службу другой стороны практически через два века после его ухода.

Еще один важный момент, который я так до конца не смог понять: Иалдабаоф и Серый хозяин при кажущемся сходстве — это не одно и то же. Иалдабаоф — это отдельная, изначально другая сила, а Серый хозяин — тот, кто возник, когда принцип

Люцифера оказался пленен и от него были изъяты искры его света, встроенные в чуждую и враждебную ему систему.

Здесь я должен остановиться и обозначить, что все сказанное мною, пусть оно и выглядит слишком уж грубо и буквально, на самом деле символическое выражение сложнейших и тончайших процессов многомерной реальности. К сожалению, у нас просто не существует языка, позволяющего адекватно выразить эти процессы, поэтому нам приходится довольствоваться условными метафорами и мифологемами, которые опасно принимать слишком конкретно.

Песни Мартиэль могут рассказать о принципе Люцифера гораздо больше, чем любая самая выверенная доктрина, построенная на самых ясных видениях. Сталкиваясь с языком мифа, было бы ошибкой понять его слишком буквально, конкретно, но точно так же ошибочным будет считать это всего лишь метафорой и игрой языка. Тот, кто сможет пройти между буквальным прочтением и позицией «всего лишь», тот действительно сможет что-то почувствовать. Как уже было сказано, искусство, в силу своей пограничной природы, может открыть гораздо больше, чем самая непротиворечивая концепция, поэтому помните — вы узнаете гораздо больше, если сердцем услышите ее «Тысячу лет», «Распятие» и «Лилит», чем если выучите наизусть всю концепцию вселенной, которую и я-то не знаю.

Этого, самого важного, знакомства я искал слишком долго. Сперва — получив ее записи и прослушивая по десятому разу эти кажущиеся простыми песни, не уставая удивляться — откуда она это знает? А потом — начав поиски. Смешно! Я-то думал, что ищу ее, для того чтобы «обратить в истинную веру Телемы, объяснить, что она на самом деле имеет в виду». Думаю, более забавную иллюзию трудно представить.

Сначала мне дали ссылку на ее блог.

И первый сюрприз: в самом свежем сообщении блога она просто издевалась над любыми тайными знаниями и тайными обществами.

Это был сонет «Излом».

*Я низведен до мизера основ,
Распятый на вершинах тетраграммы,
Тинктурой слов исторгнутой из снов,
Я — мудрость фарса, я — наивность драмы.*

Дальше — больше, следующие строки казались мне личной издевкой:

*Ты алчешь тайн, блаженный идиот,
Послушный раб вселенской карусели,
Но зная плод — секрет Полишинеля,
Во всем и в каждом зреет этот плод...
Но алчешь тайн, блаженный идиот.*

И, точно не желая оставлять хоть что-то неясным, — последние строки. Откровенная сатира на каббалу:

*Трепещет Алеф, чувствуя азарт,
Но пляшет Шин, смеясь ему в глаза,
Лучом в обломках ритуальной ишаги.*

С одной стороны — издевка. Как будто утверждающая, что эти наши тайны, принадлежностью к которым я был так горд, ничего не стоят. С другой — удивительное знание каббалы. Алеф — «трепещет». Точно на ветру, точно ветер, точно Алеф здесь — сам Люцифер, остающийся неназванным. Шин — пляшет. Как пляшут огоньки пламени.

Пляшет светом, лучом. Соответствие Алеф — Воздух, соответствие Шин — Огонь. А еще Алеф и Шин — это Люцифер и Азazel. Гора и Ветер, с одной стороны, и Огненное озеро и огненная Страсть — с другой. Последнее я понял совсем недавно.

Я был смущен. Если я как тот, кто я есть, напишу ей сейчас, то наверняка буду высмеян. Надо зайти осторожно.

Со времен появления интернета я любил одну игру. На разных форумах я порой подписывался женским именем, выдавая себя за женщину. Это была моя игра, мой театр масок, мне казалось, что я буквально создал, разработал своего женского персонажа.

Создал? Еще одно заблуждение юности. Кто кого создавал — я Эллоизу или Эллоиза меня? Кто как не Эллоиза позволяла мне не раз видеть, кто передо мной, в то время как сознательно я оставался восторженным идиотом.

Подписываясь «Эллоиза», я думал, что я играю, надевая маску. На самом деле в этой нехитрой практике, которую я могу посоветовать всем мужчинам, реально проявлялась Она. Анима. И после нескольких разминок на разных форумах Эллоиза зашла к Мартиэль.

Странное дело: мое первое письмо ей писалось от лица Эллоизы. Забегая вперед — мое первое появление и осознание Эллоизы, очищение Эллоизы и, наконец, ее полнокровное проявление — все это всегда было связано с Марти и происходило в ее пространстве, как будто с ней у Марти был какой-то свой особый договор.

Все-таки не могу не спросить — почему вы шин с алеф не любите? Вот когда христианин смотрит на какой-нибудь культ Кали, что он видит? Правильно, сексуально озабоченных индусов, поклоняющихся жуткой демонице, пьющей кровь из черепа, то есть сатанизм страшный. А когда индус смотрит на христианство — что он видит? Правильно, каких-то больных психов, поклоняющихся распятому преступнику и голубю. А когда лучшая из лучших менестрелей читает про тайные общества, что она видит? Ага, когда шин пляшет, алеф нервно курит. Про нас, ролевиков, кстати, тоже много чего пишут и говорят... А между прочим, многие тайные общества вас очень любят. (Ссылка на форум «Касталии» с обсуждением ее песен.)

В этом сообщении — вся Элли. С одной стороны — нотка такой тонкой женской иронии, пронизывающей весь текст. Элли почти всегда говорит с позиции превосходства, но очень легкого и осторожного, на котором ее сложно поймать. С другой — сразу заявление о себе, о проекте, где «ее любят». И — ожидание ответа, который конечно последовал быстро.

Простите за традиционный вопрос на вопрос, но где ж вы усмотрели акт нелюбви с моей стороны к вышеозначенным буквицам? «А когда лучшая из лучших менестрелей читает про тайные общества, что она видит?» Вот оно самое и видит — взгляд со стороны такого публициста-профанатора. Но и это далеко не всё. Ибо под вывеской «тайное общество» у нас порой встречается не то цирк на гастролях, не то дурдом на выезде. А ещё есть замечательное творение... (Далее идет ссылка на «Нет пути» Рам Цзы.)

Вот уж воистину. Полное принятие ее стиля, та же самая ирония. И правда — Элли здесь ударила мимо цели — к Алефу и Шин никакой «нелюбви» в гимне не было. Нелюбовь была к исключительной претензии на знание в границах одного учения. И все же я не мог отделаться от ощущения, что этот последний пост как будто обращен ко мне — насмешка над той невероятной претензией «все познавшего и открывшего все тайны».

В общем, первая миссия провалилась. «Касталия» не заинтересовала, несмотря на подготовленные обсуждения, а заходить дальше было не с чего. Надо было искать общих знакомых.

И я начал поиск. Я понимал, что мне надо оказаться в питерском кругу, чтобы найти к ней мостик, и скользя от одного виртуального друга к другому, я наконец-то столкнулся с той, кто могла мне помочь. Ашхан. Создательница и поныне здравствующего сайта «Глашатай Люцифера». Красивая женщина, которой я даже не мог оказать знак внимания, поскольку тогда еще был целиком и полностью моногамен.

Через год общения Ашхан пригласила на личную встречу. У Марти умерла мать, за которой она ухаживала, и она намеревалась вернуться к концертам и встречам.

Я и Ашхан были первыми, кто ее встречал.

Этот разговор в кафе врезался мне в память отдельными эпизодами. Что-то рассказывал я, что-то она. Я рассказал о Кольце Люцифера, о Ветре, пережитом еще в детстве и прожитом на уровне сущности, она — что-то о «рубиновой и сапфировой стадии».

Конечно, я очень хотел знать, что она думает о Телеме и Кроули. Фраза, оказавшаяся энигмой, ответ на которую пришел только совсем недавно, меня поразила. «Я было заинтересовалась Кроули, но мне сразу сказали, что мне там не будет ничего полезного, а вот его младший брат Эдвар может быть очень интересен».

Младший брат Эдвар? Полное имя самого Кроули — Александр Эдвард Кроули, так быть может, это акцент на какой-то особый аспект самого Кроули? Нет, мысль была отринута сразу.

Только пару месяцев назад я узнал, что Эдвар, о котором она говорила, — это я. Это выяснилось совершенно случайно, в какой-то шуточной беседе в комментариях к сообщению, где меня назвали «братом Кроули», а я полусутья согласился — и вдруг вспомнил эту фразу. С первой встречи она дала мне имя. Брат Кроули, которого у него не было. Есть чем гордиться, ведь среди телемитов популярна мечта оказаться магическим сыном Кроули, а я сразу оказался братом. Впрочем, если понять это слишком буквально, можно очень легко впасть в прельщение инфляцией эго. Для меня это форма — еще одна из форм, еще одно из имен, еще одна игра моего Патрона, а быть может, всей Тетрады. Потому эта книга, первая моя самостоятельная книга, подписана «Эдвар».

Каким-то невероятным образом с самого начала она знала, кто я, а я — кто она. Это то, что всегда поражает тех, кто возвращается в Семью, встречает именно Семью. Я знал истинным, живым, сокровенным, бессознательным знанием.

Началась переписка. Мы обсуждали разные модели мироздания, делились снами, и каким-то образом Марти удавалось анализировать сны по всем правилам юнгианского искусства, вообще не будучи с этим искусством знакомой.

Я помню свой кошмарный сон того времени, когда я бегу через переплетения железных дорог, залезаю в какой-то товарный вагон, в котором оказывается проводник, и кричу: «Где Мартиэль?» Его холодный ответ: «Мартиэль умерла».

Марти приучила меня к этике сновидца: если вам снится кто-то в любом варианте — вы должны рассказать сон тому, кто приснился. Этот сон рассказывать не хотелось, но, к моему удивлению, она восприняла его с улыбкой: «Ты вряд ли поймешь, но Мартиэль — та, которая писала эти песни, — действительно умерла». Имя как обращение осталось, но суть стала неотделима от имени Истока.

Практически сразу я попросился в ученики. Оглядываясь назад, я удивляюсь одному — с какой безусловной категоричностью и уверенностью я практически с первой встречи заявил, что хочу быть учеником.

Откуда я тогда знал, что она не просто музыкант? Только по ключам в песнях? Не только. Ключи можно найти у многих поэтов и менестрелей, зачастую не догадывающихся о том, что они пишут и кто говорит через них. Гениальный поэт может

быть слеп. Но здесь я почему-то с самого начала знал, что имею дело не просто с поэтом, а с истинным Мастером.

Почему столько тех, кто называют себя магами и визионерами, фатально слепы, даже имея возможность услышать ее песни? Сколько раз слышал я иронию и насмешки в отношении того, что «принимаю менестреля за мага» и «устроил фан-клуб Мартиэль». Не имея прямого знания, я всегда знал, кто она на самом деле. Удивительно!

Фактически я сразу сказал Мартиэль: я твой ученик, — как будто знал, что именно это я должен сказать.

Здесь надо остановиться и обозначить одну важную вещь. Читатель, далекий от эзотерики, да и большинство тех, кто думает, что занимается магией, представляют ученичество очень шаблонно, в духе: вот ученик сидит у ног учителя, а учитель с важным видом излагает ему вечные истины, говоря, что нужно, а что не нужно делать.

Ничего подобного в истинном ученичестве нет и быть не может. Стать учеником Истинного Мастера означает быть принятым в поле своего мастера. Даже формула принятия в ученики, которую ввел я, после того как был удостоен одного из важнейших видений, в сущности, избыточна и условна, и является лишь результатом моей слабости. В реальности все выглядело весьма обычно: я сидел на уютной кухне у Марти, просил ее спеть и рассказывал что-то, что происходило у меня. Поле действует так, что иногда даже просто рассказать было достаточно, для того чтобы получить очевидный, но невидимый до этого ответ.

Фактически Мартиэль не рассказывала ничего для того, чтобы рассказать и наставить. Болтали, обсуждали жизнь и музыку, пили пиво на кухне, слушали песни, каждый миг звучания которых есть высочайшее из святых таинств.

А иногда я задавал вопросы. И порой я находил ну очень правильные вопросы. Вопросы, смысла которых сам до конца не мог понять.

Например, однажды я попросил ее дать мне истинные слова. На следующем этапе я попросил сообщить мне мое истинное имя. Откуда я знал, что у меня есть истинное имя? Разве что из фэнтези Урсулы Ле Гуин? Едва ли — на тот момент разделение на высокую и «низкую» магию было слишком незыблемым и абсолютным. Просто каким-то непостижимым образом в некоторые мгновения я изнутри сердца знал большую часть ответа, для того чтобы задать правильный вопрос.

А еще Мартиэль умеет потрясающе анализировать сны. Удивительно, но никогда не читав Юнга, не проходя никаких курсов, школ, обучений, она в совершенстве владеет методом анализа снов, так что я, со всем огромным багажом своих знаний, порой изумлялся тому, насколько точно ей удается извлечение вроде бы очевидных смыслов на поверхность.

Мой магический путь всегда тормозило одно качество. В отличие от моего брата и большинства сестер, в отличие от почти всех «внутренних», я по природе и по натуре — крайний и наглухо отмороженный экстраверт, каковым и остаюсь по сей день.

С одной стороны, это хорошо компенсирует общую интроверсию. Например, как только я был принят, главную цель и служение я видел в том, чтобы организовать как можно больше концертов, сделать записи, передать как можно большему количеству людей ее песни. И это действительно было очень важно, и как я сейчас понимаю, думая, что действую для других, на самом деле сделал себе самый важный подарок. А порой крайняя экстраверсия и привычка мерить все внешними категориями создавала настоящую пропасть для понимания тех ключей, которые нормальному интроверту были бы очевидны.

Кому-то все это может показаться очень странным. Учитель, который вроде бы ничему не учит, но лишь иногда отвечает на вопросы. Учитель, который почти не рассказывает никаких «тайных знаний». Учитель, который может ждать десять лет, чтобы ученик таки что-то услышал, и лишь тогда — немного, на йоту — дополнит картину мира ученика. Но правда в том, что это может быть только так и никак иначе.

Со своей стороны все эти годы я любил играть в наставника, рассказывать тончайший символизм сложнейших ритуалов, проповедовать изощреннейшую и самую точную доктрину — все это имеет смысл лишь с той точки зрения, что, быть может, один из тысячи услышавших вдруг поймет за этими словами нечто большее, чем в них сказано, уловит серебряную нить и пойдет по ней, пойдет своим путем. Но все эти годы я знаю одно. Я лишь отблеск шпаги, поймавшей луч света, тот самый Шин, каллиграфически выведенный на картине истинного Художника или, точнее, четырех художников с той стороны и одного-единственного поэта — с этой.

Только начав писать эту книгу, я смог в полной мере осознать, до какой невероятной, фантастической степени именно Мартиэль все эти годы присутствует в моей жизни, позволяя мне дойти до самого края — и в нужный момент незаметно протягивая руку помощи, зримо и незримо сопровождая во всех кризисах.

Сначала — Армален. Слом всех старых связей, прыжок в неизвестность и одновременно — укрепление серебряной нити, через которую я получил свой сон. Сколько лет я стеснялся этого сна, слыша в голове голос Серого, что все мое ученичество — это лишь жалкое нереализованное влечение, а я червь, подобный Блоку, который создал для себя недоступный идеал и сублимировал похоть в ученичество. Разве не было в том сне эротической близости, разве уже это не доказывает, что в основе лежит нереализованная страсть, которую я лишь сублимирую, как какой-нибудь жалкий поэт «чистой» любви? И все же, у меня всегда хватало ума понимать, что это лишь вершина айсберга, что есть нечто, пока неизвестное мне, которое в один прекрасный момент станет известным.

Потом — смоляное чучелко под именем Каин. Фатальное незнание, чего хочу, желание «стать самым порочным», в итоге — крайняя деградация уже своего проекта. Шоковая терапия, показавшаяся мне тогда отвержением, уже всерьез. Потом, история сложнейших переплетений с Акташ, когда, при всех огромных дарах трансформации, ставших для меня возможными в этой связи, чуть было не вселилась в меня другая душа, чего не понимали ни я, ни она. И снова Мартиэль появляется и наводит порядок. Каждый раз, зримо или незримо, она оставалась со мной, ведя через солнечный день и черную ночь.

А еще, практически сразу после разрыва с Каином, а значит возвращения к себе, когда в Северной столице стало выстраиваться отделение «Касталии», она согласилась стать жрицей. О боги, это же немыслимый, невозможный подарок! Та, кто стоит выше меня не на одну, на десятки ступеней пути, соглашается участвовать в моем ритуале в качестве жрицы! И все ритуалы, которые она вела до последнего момента, оставляли в каждом пришедшем ощущение невыразимой тайны и силы.

Как живое воплощение САХ, она вдруг появлялась, натягивая серебряную нить через слишком запутанные лабиринты хитросплетений мелких и крупных выборов, которые надо было делать практически вслепую, даже не зная, между чем и чем выбираешь... Направо пойдешь, налево пойдешь, прямо пойдешь — увы, ни в одной сказке дорожный камень не говорил всю правду до конца. Но именно ей удавалось мягко или жестко вытолкнуть меня к настоящему выбору.

Сколько парадоксальных ответов, казавшихся непостижимыми, давала мне она — и эти ответы оказывались спасительными потом. Можно ли одновременно «сделать и не сделать» некое действие? Можно ли сохранять тяжесть и легкость? Можно ли выйти за пределы?

Когда мы познакомились, она уже не писала новых песен. Точнее, за время нашего знакомства она написала всего две. Завершающая песня «Встань, пой!» была написана во время «недели Армалена». «И крикнут "Ave!" кесарю, идущему на смерть». В ту ночь Марсий приснился мне в образе кесаря Нерона. Сон, предопределивший разрыв, длившийся почти год и кажущийся непреодолимым. Разрыв, который был необходим, чтобы сыну стать независимым от отца.

Последняя песня была написана именно тогда, когда стала ключом к освобождению. После этого она не писала. Она пела меня. Меня, а потом других братьев и сестер, спрягая незримые созвучия наших судеб серебряным сиянием Истока.

Оставалось одно. Сущая безделица. Мелочь. Но именно на эту мелочь стоял очень жесткий запрет, еще в период становления. Интересно — откуда я знал, о чем надо просить? Знал. Причем абсолютно точно.

Год за годом я знал, чего я хочу добиться, и очень осторожно, точно Казанова, соблазняющий невинную деву, приближался к своей цели. Иногда — полушутя забрасывая эту идею, иногда невинно интересуясь о последствиях такого решения, иногда... Словом, я точно знал, что мне необходимо, и шел к этому шаг за шагом.

О, нет, мой дорогой читатель, речь идет не о том, о чем вы могли бы подумать в первую очередь. К разочарованию сплетников всех мастей и сортов реальность такова, что мы никогда не были и не стали любовниками, хотя я не раз сталкивался с этими абсурдными слухами. В этом отношении всегда стояло незримое табу — просто мы созвучны в совсем иных модусах бытия.

А речь шла всего лишь о простом ритуале, который был завязан на всего одну маленькую каплю крови, каплю, добавленную в вино. Простой ритуал, который я четко видел почти с самого начала нашего общения и на который до времени был наложен запрет.

Я думаю, что у каждого мастера есть своя точка, своя форма, свой символ, который обозначает главное — полноценное принятие в семью. Уже не просто ученик. Уже кровь от крови, род от рода.

Всего-то — капнуть одну каплю крови в бокал вина из пальца, как происходит всякий раз, когда мы сдаем кровь на анализ. А мне — просто осушить подаренный бокал до дна. Как там в известной песне поется? «Это вино. Зачем ты выпил его? Выбрать свой путь — твое врожденное право. Но это вино — и поздно жалеть того, кто открыт его составу...» Кровь и вино, которые разделяют жизнь на «до» и «после», хотя не сопровождаются «чудесами», и до времени остается вовсе неясно, что же произошло на самом деле.

Ритуал, который означает полную и безусловную присягу с моей стороны и принятие в род — с ее. Ритуал, который на более глубоком уровне означает полноту принятия в семью, усыновление, включение в род. Раз за разом я говорил, намекал, пытался подвести к исполнению своей главной мечты — и каждый раз с уклончивостью, достойной светской львицы, избегающей навязчивого Дон Жуана, Марти не отвечала ни да, ни нет, оставляя это последнее решение времени, которого у нас достаточно.

И вот однажды после одного из самых удачных ритуалов «Касталии», где мы в очередной раз вместе держали Серебряную Нить жречества, я пошел к ней на ночлег. Ее мужа, который мог бы осмеять эту идею на корню, не было дома, и мы были наедине.

— Марти, но, может быть, сейчас? Может быть, пришло время? Ты же видишь меня настоящего, видела меня под шелухой!

И снова ответ, который подразумевал почти готовность, вот еще чуть-чуть, еще немного времени:

— Может быть, когда-то, ведь мне не было прямого знака и прямого приказа, а без знака я не имею права делать столь серьезный шаг.

И вот тут, именно тогда, задолго до осознанного достижения 5=6, описанного в следующей части, во мне впервые на несколько секунд проснулся Азазель. Его пробуждения хватило лишь на то, чтобы сказать одну фразу, совсем другим тоном и в совсем другой вибрации:

— Право же, Марти, Маги мы или нет? Нет знаков — так спроси, руны у тебя с собой.

И — о чудо! — внезапно она согласилась. Тот самый мешочек рун, обращаться к которому можно было только в самых особых, самых крайних ситуациях, оказался извлечен на поверхность.

Прямой Анзус. Недвусмысленное благословение Богов, лучший из результатов, из ответов, какой только могли дать руны в этой ситуации. Анзус. Король Рун, Руна Одина, она же руна Люцифера, тайное слово на глубине. И это слово было — Да!

Иголку и вино найти было уже не проблема. И вот я оказался на вершине своего мира и пил свое вино, свое предназначение. И вот наконец-то я мог полностью, на уровне крови и рода, разорвать с тем родом, с той семьей, в которой я имел несчастье родиться, и обрести настоящую, новую, небесную семью. То, к чему я шел много лет, да нет же — много десятилетий, здесь, в этот миг было осуществлено выпитым до дна вином с одной каплей живой крови. «Отныне я твой сын. Отныне у меня есть только один род, и этот род твой. Отныне ты — моя мать».

Через пару лет после того, как я таки достиг 5=6, Марти немного поправила меня: «Не сын, но младший брат», — что было совершенно невероятной, фантастической честью, на которую я и рассчитывать-то не смел. Я оставался сыном, став еще и младшим братом. Вино было усвоено, для чего понадобилось несколько лет.

Среди магов принято хвастаться чудесами. Вот я приворожил непокорную деву, а вот я убил своего кровного врага или врага заказчика, а вот я за один ритуал смог из нищего стать богатым, а посмотрите, какая у меня изысканная синхрония! Да что греха таить, в этой книге я точно так же выставляю коллекцию самых изысканных синхроний, знамений и плетений. Мы — те, кто так или иначе принадлежит к модусу сакрального, — не можем удержаться от коллекционирования чудес, подтверждающих наше право принадлежности к иному порядку бытия.

Чудеса — великая сила. Но тот не поймет ничего в моей книге, кто не поймет, что самым большим чудом, перевешивающим все ритуалы, синхронии и знаки, стал этот скромный обряд на полуночной кухне. Это чудо не сопровождалось ни великими синхрониями, за исключением, конечно, «разрешающей» руны, которая была, пожалуй, лучшей из всех существующих вариантов. Здесь не было никаких сверхъестественных мистических переживаний, и реальность вокруг не разразилась сотней изысканных синхроний. Я просто выпил вино. Я просто стал нефилим — или я был им всегда, но в миг причастия вернул свою нить, ведущую к Истоку.

Поэтому не самые невероятные переживания, а просто выпитая чаша в реальности разделила мою жизнь на «до» и «после». Поэтому — эта глава находится ровно в середине книги, завершая вторую и начиная третью часть одновременно.

До этого момента все события — это не более чем мой приход в мир магии добрым гостем, членом внешнего круга, который, конечно, удостоен ярких и красивых переживаний, но за деревьями никогда не увидел бы леса.

После — моментальное падение вверх, в небеса Истинной, Живой Магии. Чаша стала пересечением рубикона, но для того, чтобы я понял это, должно было пройти почти шесть лет, когда я впервые смог позволить себе погрузиться в воспоминания и осмыслить, чем же на самом деле был мой путь и моя нить.

Правда, слишком далек был я от понимания происходящего тогда. Потому, чтобы войти во внутренние врата Истинной магии, надлежало пройти дорогой очищения, не сдерживаясь ни в чем, но в каждом своем желании доходя до края. Надлежало обрести наконец-то 5=6 и пройти путем Азазеля от самого нигредо до триумфального осуществления важнейших договоров.

Часть III

Путь Азазеля

Мир Бриа (Цветок)

*Третья поведет туда, где лед,
осколки снов, зола мостов.
Мистардэн. Белая дорога*

Седьмой священный ключ

Глава 1. Черное зеркало

*Я никогда еще не был таким старым.
Я никогда еще не был таким мертвым.
И если это только начало,
То каким же веселым будет конец.
Течет неживая вода...*

*Группа «Агата Кристи», из песни
«Неживая вода»*

И вот начинается мистерия Азазеля.

Это был 2016 год. Я не сомневался, что здесь и сейчас я достиг всего, о чем можно мечтать. Как когда-то раньше, я гордо говорю: вот теперь я — самый счастливый человек на земле.

История повторяется. Я считал себя счастливым в 2001-м, благодаря богов за щедрые подарки, на которые не смел и рассчитывать в прошлом веке. Я считал себя счастливейшим человеком в 2004-м, когда нашел общество, ставшее воплощением самых невероятных мечтаний. И, о боги, как же я был счастлив в 2010-м, когда Вайолетт спасла наш проект и я начал спокойно строить свой Город. И я знал, что мне удалось то, что не удавалось еще никому — создать полифоническую структуру, эзотеризм без жесткой догмы, где каждый мог найти свое место и положить свой кирпич.

Поэтому в 2016-й я ворвался, что называется, на коне. Это полное и безусловное достижение вершины пирамиды Маслоу. Безопасность, деньги, уважение близких людей, связь с прекрасными женщинами. А как же прекрасны некоторые женщины, отвечающие мне взаимностью! Как прекрасна Магда, наш танец с которой есть танец Бабалон, танец Звезды!

Очень скоро родится Марго — наша первая дочь. Как же прекрасна была вся история ее появления, когда мы с Магдой без остатка прыгнули в такую неожиданную и такую неистовую страсть. Магда всегда была и останется истинной «Скарлет Вумен», Дочерью Бабалон. С нашей первой ночи она увидела знаковый, ключевой сон, смысл которого станет нам ясен через годы, — она увидела Павлина, знак присутствия Люцифера, Малак Тавуси, Господа Света и Истины.

Бабалон. Алая жрица. Казалось, мы были именно теми, кто достойно продолжил работы Бабалон, не удавшиеся Парсонсу и Марджори, превращая каждую встречу в ритуал, в мистерию, в танец богов за пределами пределов.

Не прошло и двух месяцев, как мы зачали ребенка — Маргариту, жемчужину, королеву Марго. Дитя, названное в честь Марджори Кэмерон, ведь Джек и Марджори представляли своего рода образ совершенной архетипической пары — свободные от человеческой условности, но оставшиеся связанными даже в смерти.

Когда я узнал о зачатии, я ликовал. Но чего на самом деле хочет Магда? Я не имел права требовать, чтобы она оставила ребенка, а она принимала мое молчание за неприятие. Вечные телемитские танцы со страхом вмешаться в чей-то выбор, страхом повлиять на чью-то волю. Что наши желания совпадают, мы узнали после многочасовой игры в слова, где каждый старался представить себя как максимально нейтрального и оставляющего право выбора другому. Каким же восторгом было обнаружить, что мы хотим одного и того же.

Магда служила свою первую мессу, будучи беременной уже на позднем сроке. Обнаженная, на бархатном алтаре, она воплощала соединение императрицы и жрицы. Я ликовал. Мой мир выстраивался так, как я только мог мечтать.

И самое главное — я строил Город, и за исключением одного пробова оставленным преданным и предавшим магическим сыном, который невозможно было исправить тогда, на моем пути не было никаких препятствий. Колличество изданных книг перевалило за сотню. Сайт привлекал все больше посетителей, меня приглашали на все крупные эзотерические и юнгианские конференции. Фундамент Города был построен, и мне оставалось только быть куратором его строительства, просто не мешать происходящему — все происходило само.

Я полностью примирился с Марсием, а значит — с Орденом, главой которого он являлся. И это примирение закончилось получением следующей степени. Степени Розы и Креста.

В пятой степени правит Венера и дарует любовь, счастье и отраду. Единственная степень в ОТО, которая «не имеет опасностей и искушений». Или, во всяком случае, если они и есть, они остаются неназванными, а значит, все идет по плану — не плану

маленького эго, а большому, небесному плану, о котором ты не имеешь понятия, но соучаствуя в котором, понимаешь одно — все правильно.

Чего в таком положении вообще можно желать? Куда стремиться? Осталось просто делать свое дело — делать спокойно, последовательно, шаг за шагом, разве не так, мой дорогой читатель?

Я не знал одного, самого главного для пути, который был избран мной. Или, точнее, это я был выбран этим путем по непонятной мне причине.

При всех моих достижениях я до сих пор не был Магом. Знать магию, делать ритуалы, даже сталкиваться с отдельными чудесами и вариться в котле инициатических перерождений — разве это не значит быть магом? На самом деле нет. Это не здание. Это фундамент, на котором, быть может, будет что-то построено, а быть может — и нет. И кто не призван во врата истинной магии, тот может играть в магию и наслаждаться спецэффектами до конца своих дней.

Истинные цели магии, вроде достижения Знания и собеседования, постепенно затерлись и превратились в нечто похожее на надписи на знаменах. Вперед с нашим САХ к светлому будущему. Ура пересекшим бездну. Что когда-то понималось как цель, стало лишь риторической фигурой.

Какая наивность! «Вставший на этот путь обречен пройти его до конца». А те, кто не прошел? Так те и не вставали, просто изредка греясь у огонька и любуясь бликами костра. Поэтому боги не могли не взорвать этот прекрасный, но слишком устойчивый мир. Когда все слишком хорошо, боги посылают своих посланников.

Есть один секрет, которым я с удовольствием поделюсь, но который, конечно, едва ли будет услышан. Вы никогда не сможете войти в магию, двигаясь последовательным путем. За первым шагом второй, за вторым третий, медленно, размеренно, по написанному заранее плану. Оккультный мир заполнили разумные и осторожные мальчики и девочки, которые точно знают, что правильно, а что неправильно, что можно, а что нельзя. Эти мальчики и девочки носят красивые мантии, размахивают красивыми магическими жезлами и убеждены, будто то, чем они занимаются, и есть магия. Медленно, осторожно, разумно, не делая лишних движений, точно по инструкциям из методичек.

Нет, вы поймите правильно — я не против методичек, инструкций, проверенных временем ритуалов. Это — тот фундамент, который я честно выстраивал больше восьми лет, не пропуская ни одного утра без выполнения «Звездного рубина». Но это — не магия. Это подготовка к настоящей магии, первая, самая робкая попытка сдвинуть фокус внимания хоть чуть-чуть в сторону от железного занавеса обыденного восприятия. Но сдвинуть железный занавес на миллиметр и снять его совсем — две большие разницы.

Истинная магия начинается там, где есть приключение, риск, действия, которые реально могут закончиться для вас полным психическим, духовным, а иногда и физическим уничтожением, либо вам таки удастся прорваться сквозь свой личный ад. Магия — это не сказка и не голливудское кино, где гарантирован хороший конец, а результаты посчитаны заранее. Сколько я видел тех, кто имел мужество войти в хаос, сделать эти самые необходимые шаги в неизвестность, но после терялся в этой самой неизвестности, в лабиринтах безумия. Но некоторые из вошедших в хаос, те, кто тотально отдастся каждому импульсу, доведя его до предельного завершения, не оглядываясь на то, что «можно» или «нельзя», имеют шанс таки доплыть. А разумные мальчики и девочки навсегда останутся на берегу, принимая за море бассейн с водичкой по колено.

Мне повезло столкнуться со своим проклятием. Мне повезло соприкоснуться с самой разрушительной женской силой, едва не оставившей от меня пустое место. Все похожее, что было до этого — Кэт, Виктория, — все же имело более понятное и человеческое измерение. Черное зеркало была третьей, и на этот раз я столкнулся с тем, что действительно могло меня разрушить навсегда.

Все как всегда — шерше ля фам, ищите женщину. Сперва меня немного насторожила эта дама. Слишком экстравертна, слишком истерична, слишком демонстративна. Совсем не мой тип женщины — практически сразу сказал себе я. В своей жизни я всегда искал близости только с женщинами, которые глубоки, интровертны, а значит, имеют сложную гамму чувств и переживаний, но при этом разумны и уравновешены.

Кроме того, за Черным зеркалом тянулся весьма любопытный шлейф. Один — вот уже два года после разрыва преследует ее с угрозами и заиклен на созерцании видео с убийствами женщин. Другой — вот уже полгода находится в тяжелой депрессии. Третий — пожалуй, самый сильный, — каким-то образом держится, но что там происходит в его голове, знают только его боги. Так что желания искать ее внимания по определению не возникало. Я знал что у меня есть определенный тип женщин вызывающий одержимость, поэтому лучше лишний раз не приближаться.

Но события явно не собирались спрашивать моих намерений. Мы начали сближаться с ней, и я не успел оглянуться, как оказался в ее постели.

По иронии судьбы именно Черное зеркало впервые затащила меня под шелуху, научив одному из тайных ритуалов — ритуалу 2,22, секретному и весьма опасному для неподготовленного человека ритуалу, который должен быть сопряжен с сексуальным взаимодействием и гарантирует моментальное освобождение всех бессознательных ресурсов и энергий.

В одном из приложений мы даем описание этого ритуала. Не все открыто и не все сказано, но, даже точно зная правильные формулы воззваний и действий, подумайте, прежде чем выполнять этот ритуал. Лично я встречал магов, для которых выполнение этого ритуала вовсе не обязательно, встречал тех, для кого эта ритуальная практика оканчивалась очень плохо — на грани безумия.

И вот мы падаем в воды Хаоса, опьянив себя зельями земными и отдавшись слиянию, которое кажется безграничным. Можно сказать «я влюбился» или «я спроецировал Аниму», но что бы я ни сказал, правда в одном — я попал как кур в ощиц. То, что было раньше — лишь отголоски. Кэт, в страсти к которой примешивался ужас перед будущим и безнадежность. Виктория, страсть к которой была помножена на слишком человеческую обиду самца, увидевшего на своем месте того, кого считал своим подчиненным. В этих историях завязано слишком много косвенных мотиваций, что делает их не столь гибельными.

То ли дело — Черное Зеркало. Она — та, кого я искал. На каждое мое слово, чувство, мысль, она отзывается десятью, и как будто идет гораздо дальше чем я отражая мне все чем я являюсь на самом сокровенном уровне.

Она — та, кто ненавидит систему Иалдабаофа гораздо больше, чем я, она — воплощенная революция, воплощенная стихия, воплощенный персонаж моих снов. Царственная, надменная, яростная. Неистовая и в сексе, и в своих желаниях.

Неужели я нашел единственную женщину, действительно понимающую Лилит в ее неистовой ярости и ненависти? А на более глубоком уровне, под шелухой, звучали другие слова: я нашел женщину, воплощающую персонаж трех моих самых важных рассказов, которые я писал, даже не подозревая, что в реальности может быть кто-то подобный этому идеальному персонажу.

Черное зеркало. Рассказать о ней слишком много не получится, потому что здесь я не могу отличить, где кончается реальность и начинается чистая фантазия. Но о ней есть один интересный факт.

У Черного зеркала был учитель. Мой проклятый двойник, близнец под шелухой, с которым еще не раз и не два боги переплетут наши пути. Он появлялся и раньше но на этот раз был тем самым наставником Черного зеркала. Наполовину наш, но наполовину серый, с каждым годом все сильнее вторая половина. Творческий яркий ум, но

фиксированный на границах своего лелеемого эго и никогда не пытавшийся всерьез преодолеть себя. Так действительно иногда бывает. Правда, если серое и серебряное хотя бы приближаются к равновесию, в конце концов серое поглотит все. И сейчас я наблюдаю этот процесс вокруг него. Но кем бы он ни был, как мастер и учитель он создал Черное зеркало на славу. Выплавил, вычертил, отполировал, нанес выверенную порцию черной эмали. Работа настоящего мастера.

Многие считают эту историю забавной. Обычная страсть, сперва разделенная, потом нет, обманутые чувства, разрыв, попытка приворота, повторяющаяся в вальсе дурной бесконечности, черт подери, в ТРЕТИЙ раз. Но, о боги, со сколькими женщинами за эти годы судьба сплавляла меня в любовных объятиях! От кого-то мягко отходил я, другие сами оставляли меня.

Черное зеркало была чем-то иным. У нее есть жутковатая способность — уходя, она вырывает из мужчины его Аниму. Если бы я один был ее «жертвой», можно было отмахнуться и сказать, что влюбленный создает фантазию. Но в этой истории я был лишь одним звеном в большой цепи, причем я был тем звеном, которое очень легко отделалось.

Черное зеркало не превосходила других женщин по обычным параметрам. Она не была красивее, умнее, сексуальнее других. Глядя на нее в первый раз, трудно предположить, что за ней тянется коллекция выжженных напалмом душ тех, кто имел неосторожность с ней связаться. Ее единственная способность, отличающая ее от других женщин: она отражает Аниму того, кто на нее смотрит. А отразив, совершает нечто такое, что можно назвать пожиранием, ассимиляцией, уничтожением. Чтобы описать природу ее действия, я бы обратился к недавно вышедшему сериалу по роману Филипа Пулмана «Темные начала». Оказавшийся в ее пространстве проходит ту самую сепарацию, подвергаясь разрыву связи между сознанием и своим даймоном, которого она жадно втягивает в себя. Ничего подобного я не встречал раньше. И никого подобного я не встречал после.

Как же я был опьянен этой связью! Казалось, я вижу саму Лилит. И эта богиня любит меня, эта богиня понимает меня, эта богиня знает и верит в мои сокровенные идеи, о которых порой не расскажешь даже близким друзьям. Лилит! Или нет — Тень, искаженный дубль, фантом Лилит, выловленный Черным зеркалом на своей поверхности. Воистину, удивительная иллюзия.

На следующей встрече мы пошли еще глубже. Я хотел дойти с ней до предела, до края, до конца миров. До точки, где останавливается время и есть только одно — совершенное мгновение, длящееся вечность. Это почти кинематографическая реальность, где есть самые обычные предметы, но эти предметы как будто расположены в вечности. Стул. Стол. Окно. Ночь. Не просто предметы, но вечные эйдосы в вечной комнате, где Двое вечно смотрят в окно и пускают дым сигарет в этой бесконечной ночи. И больше не надо ничего. Почему-то вспоминаются слова Воланда: «Он не заслужил свет, он заслужил покой». Вечный покой ночи.

Глубже. В бесконечное падение, в расширение пропасти, где каждая точка мира сияет рубиновым оком Люцифера. И вот партнерша уже говорит на иных языках: это французский — язык, который она вспоминает из других воплощений. Это уже не мы, не люди, это — вечные силы, сталкивающиеся в своей любви-войне; победоносный воин, захватывающий Париж; реальность, оскаливающаяся тысячей огней; Светоносный, глядящий из каждой песчинки. И все это — Она и только Она.

Еще глубже. В чистый Хаос, предел — к последнему растворению. Она смотрит в мои глаза — и вдруг взгляд наполняется отвращением, презрением, она видит что-то ужасное, некрасивое, омерзительное, что-то, что не может быть названо.

Это конец. Затопление «Титаника», медленная смерть на льдине и превращение в льдину, упавший самолет, где еще до падения пассажиры сгорают заживо. Еще мгновением раньше мы — единое существо, и вот мы расторгнуты, она, точно небесная

душа, утрашилась чудовищной твари, притворяющейся подобным ей, и оставляет его бессильно воющим в своей норе.

Все происходило слишком быстро, абсурдно, нелепо. Любые нормальные отношения, будь то секундная страсть или длительный роман, имеют свою логику, свое движение — от «я люблю тебя», через «я не знаю, люблю ли тебя», затем «я только хочу, и то не слишком» и, наконец, «нам лучше расстаться». Всегда в отношениях есть этот естественный переход, логика, последовательность. А когда за три или четыре встречи происходит переход от «я люблю тебя, как никого никогда не любила» до «мы больше никогда не встретимся», это выжигает. Гранит, накаленный докрасна, без перехода отправляется в ледяную воду. Какой гранит не треснет, не лопнет под действием ужасающего скачка стихий?

Сколько продолжалась наша связь? Месяц. Может быть, полтора. Средний срок, выдерживаемый оказавшимися в ее пространстве. Кто-то держался чуть больше, кто-то чуть меньше. Вместо Лилит, вместо Богини я столкнулся с ужасающей Исаис Черной и был выжжен ею дотла. Умолять, просить, обещать любые дары, да что угодно — бесполезно.

И тогда вместо любви приходит ненависть. Холодная, страшная, пронизывающая ненависть, по сравнению с которой — ярость на Викторину и Пермякова показалась мне лишь негромким шопотом. Здесь я реально был готов на все, взорвать себя изнутри, расщепить атом духа. Нарушить предельный запрет, обратиться к самым низшим, самым ужасным силам. Но я заставляю ее вернуться! Это уже не любовь, не желание повторения вечности, ибо назад пути нет, сама Анима, сам даимон оказался фатально сожран и переварен хищной пантерой.

Слова Власти, определившие дальнейшее движение. И тогда я одновременно сделал и не сделал, выходя из незнакомой квартиры на окраине Москвы, пьяный от чувства, что я способен нарушить любой запрет, пойти на самую худшую меру. Но сделав и не сделав одновременно, я решил задачу в духе, но не во плоти. Это вернуло чувство свободы, но не дало результата.

И здесь впервые за десять лет для меня снова стал актуален вопрос трансгрессии.

Трансгрессия. Нарушение. Преодоление запрета. Одна из самых сильных форм магии. Разговор о трансгрессии велся с самого начала создания «Касталии». Мечта о Трансгрессии как идее.

Но что на самом деле есть трансгрессия? Само понятие трансгрессии не может быть отмеряно и определено универсально: что для одного трансгрессия, для другого — разновидность нормы. Для одного трансгрессией будет в первый раз выпить рюмку водки. Для другого самая крайняя оргия окажется окрашена будничными тонами.

Я вспоминаю разговор с одним умдуренным магом. «Магия — это трансгрессия. Если в ритуале нет нарушения, в нем недостаточно силы. Это духовная практика, который ты укрепляешь свою связь с высшим, но в миг, когда нужно изменить саму реальность, ты должен быть готов сделать нечто, что является самым худшим из всех возможных действий».

Самое худшее действие, самое страшное нарушение, после которого ты и человеком-то быть перестанешь. Что есть самое худшее? Читатель замирает в ожидании, но даже он не смог бы предсказать масштаб желаемого падения. Я решаю пойти на пассивный гомосексуальный акт.

Магический круг, нарисованный на линолиуме. Распечатанные ритуалы Кроули из «Книги Рубиновой стеллы», мантия, которая будет осквернена худшим, что вообще может сделать человек.

Незадолго до часа икс я поделился с Марти своим намерением. «Маг может получить невозможное, если сделает самое большое, самое страшное нарушение, не так ли? Что ты думаешь об этом, Марти?» Я ожидаю, что Марти ужаснется, станет меня отговаривать от этого замысла, и мы сыграем в хорошо известную игру. С Марти не

проходят игры. Она дает один ответ: «Да, это может сработать. Но было бы хорошо, если бы ты смог это сделать и не сделать одновременно».

Какой потрясающий ответ, достойный дельфийского оракула или Бодхидхармы! Как можно сделать и одновременно не сделать? Какие бы парадоксы ни ставил перед нами ум, во плоти действие может быть либо сделано, либо не сделано.

И между действием и недеянием я выбираю действие. Худшее из возможных падений.

Найти в интернете телефон гомосексуального проститута несложно.

Я беру магический круг, мантию и прихожу в назначенную квартиру.

Без лишних слов я расстилаю круг на полу, зажигаю свечу, раскладываю перед собой распечатки слов, которые я должен прочесть в момент падения.

Я раздеваюсь. Я — жертва темным богам. Я — делаю худшее, что только возможно. Трансгрессия самого большого дна. Пусть сама Исаис Черная придет и сокрушит Черное зеркало — и Она останется навсегда.

Я раздеваюсь.

— Начиная. Делай свое дело, и я буду читать свое воззвание!

Минута тишины. Ничего не происходит. Оглянувшись, я вижу, что двухметровый громила проститут забился в угол. Он лепечет:

— Я не могу! Ты душу мою заберешь. Ты же ритуал готовишь!

— Твою мать, ну зачем мне или кому-то из темных богов нужна твоя душа? Ты — гей, ты и так проклят. Давай я доплачу тебе вдвое.

— Нет! Я боюсь. Я не могу.

Вот ведь блядь! Я хотел совершить худшее из зол, и при этом я не могу этого сделать. Он отказывается. Может, попытаться его обмануть?

— Слушай, ну давай я круг уберу. Я все мысленно, что надо мне, скажу, тебе-то что.

Но бледный и испуганный проститут может только нечленороздельно мычать и закрываться от меня рукой в ужасе. Какая насмешка! Я даже не могу провести черный ритуал!

Плюнув на все, я одеваюсь и ухожу прочь.

И только оказавшись на улице, я вспоминаю слова Марти. Сделать и не сделать! Я сделал, потому что я был готов — готов к худшему, что только можно вообразить. И одновременно с этим в физической реальности я ничего не сделал, ничего не произошло! Абсурдный парадокс воплотился практически буквально.

И здесь я почувствовал невероятное облегчение, почти катарсис. Я пошел на самое худшее и отвратительное — и одновременно я этого не сделал. Я чувствую свет, восторг, невероятный прилив свободы, точно крылья появились за спиной.

Сделал и не сделал одновременно. Вот только, вопреки ожиданиям, эта исполненная формула не оказалась действенным ритуалом, и Черное Зеркало не спешило возвращаться. Похоже, это нужно было прежде всего для меня, чтобы знать, что при необходимости я могу нарушить даже самый худший запрет, а значит — я свободен как ветер.

Впрочем, через пару недель Черное зеркало вновь вошло в мои сны и желания. Эта тварь проникла даже в мои сны! Почему даже самые важные и любимые женщины никогда не снились мне, а Черное зеркало как будто изнасиловала бессознательное, оставив там образ себя? Исаис Черная!

Поэтому я стал искать другие пути. Что еще могло бы стать трансгрессией, пусть не столь ужасной и отвратительной, как то, что я планировал вначале, но столь же несовместимое с образом добропорядочного, правильного практика? Я решил принести животное в жертву демону.

В жертвоприношении животного, в сущности, нет никакого нарушения, жертвование животного — основа любой языческой традиции. Трансгрессия для

телемита, будни для язычника. А мне только предстояло открытие язычества как образа мысли.

Но тогда идея жертвоприношения казалась мне самой крайней и самой дикой формой трансгрессии. В Ордене идея жертвоприношения животных даже не обсуждалась и всегда считалась смесью нелепой крайности и дурного вкуса. А к языческим кругам я тогда отношения не имел. Жертвоприношение было чем-то радикально иным. В сознании в мгновение ока возник план.

Печать демона Саллоса, бережно распечатанная на принтере. Козел, баран и два голубя. Ночная гонка от деревни к деревне, покупка нужных животных, поиск места: лес, дальше, глубже, еще. Вот баран, вот нож. — Где, нож, твой баран? — В глотке твоей нож твой. Где, нож, твой козел? — В сердце твоём нож мой, нож твой. — Голубка, а голубка, где головушка твоя? — Далеко головушка от тела, лети в огонь, тушка, лети в огонь, головушка, лети вестницей, посланницей, весточку всем передай, волю мою исполни!

Кровь орошает печать. Саллос!!! Слышишь меня, древний демон? Исполни мою волю, исполни мое желание, сделай ее навсегда моей, подчини ее Волю, скуй ее дух, приведи мне ее — навсегда, навсегда, навсегда!

Каждое чувство при переходе меняет знак на противоположный. Еще недавно это была любовь. Сейчас нет. Не любовь и не возжелание. Но только жажда отплатить, подчинить, отыграть, вернуть то, что было пожрано. Саллос — чертов демон, если ты выполнишь мою волю, я создам для тебя роскошную легенду, я введу тебя в пантеон почитаемых богов, моего имени и влияния будет достаточно, а твоя печать будет изображена на чистом золоте. Саллос, ангел тебя дери! Слышишь?! Не слышишь? Я вымазываюсь кровью, словно желая пропитаться смертью до конца, до грани, до капли. Слушай мою волю. Верни, подчини, скуй, поработи.

Путь обратно. В крови, точно мясник после суток работы на бойне, кричу в пустоту. Уже не Саллосу. Самому. Светоносному.

— Слышишь меня? Ты знаешь, сколько я служил тебе! Служил искренне, бескорыстно, ничего не прося, ни на что не надеясь. Сейчас, в этот час, исполни мою просьбу. Тебе нетрудно. Это было бы справедливо, это было бы правильно, я никогда ничего не хотел.

Внезапно в сознании открывается поток. Впервые в жизни я слышу голос. Или мне только кажется. Или мои мысли, отщепленные от сознания и рождающиеся откуда-то из глубины, принимают формы Светоносного. Спокойный, ироничный, царственный.

— Ну во-первых, мой дорогой, не просил — потому что нечего тебе было просить. Мы ж тебе давали все еще до того, как ты успевал помыслить, что это можно захотеть. А во-вторых, любим мы тебя, дурака. Иначе бы дали все, что ты просишь. Ох покувыркался бы ты, на смех всем верхним и нижним. Навсегда, навсегда... Да понимаешь ли ты, что такое «навсегда», дурачок?

Эти слова как будто отпечатались в памяти. Пожалуй, это был самый первый случай, когда мне удалось добиться того, чтобы услышать голос. И голос, к моему большому сожалению — и к большому счастью сейчас, недвусмысленно указал, что варево из моего котла не принято и рассчитывать на результат не приходится.

Ох и накручено было в этом котле, ох и наворачено. Гоэтия. Саллос, чье имя по иронии судьбы было написано с одной ошибкой, что полностью меняло смысл адресата. Параллельно — договор с одним из сильнейших практиков, однажды показавшим свою реальную силу. Невероятные условия — если успех, буду пожизненно ренту платить, пока связь держит.

Оглядываясь назад, я с некоторым ужасом думаю: а если бы получилось? Куда бы я делся от потерявшей волю полужомби, прикованной ко мне цепью глейпнир? Как там у БГ: «И неотпетый мертвец сел на плечи ко мне». Всю жизнь с мертвецом на плечах, причем по своей же просьбе.

Не получилось. Близнец под шелухой на совесть выковывает свои зеркала, его ученичков не возьмет ни гоэтия, ни хаос.

Но если не получилось того, что я хотел, приворота, это еще не значит, что не получилось ничего. На самом деле произошло очень многое, о чем я даже не догадывался.

На следующее утро после ритуала позвонила Магда.

— Я видела сон. Мы стояли в огромном ночном поле на опушке леса. Там было много снега, и этот снег во многих местах был залит кровью. Мы смотрели на луну, и вдруг заиграла песня. «Путь во льдах».

Откуда она знает? Лес, ночь, земля-снег, залитая кровью. И там, где была пролита кровь, — стоим мы. И впереди — долгий путь во льдах. Как будто она была со мной там, на этой поляне.

А на пути продолжали появляться все более убедительные знаки и ответы. В тот же день давно заглушенный чат вдруг ожил, и первое же попавшееся на глаза сообщение содержало следующий текст: «Писатель Джеймс Саллас в таких случаях говорил — а была ли женщина?» Это даже не просто синхрония. Это прямая коммуникация. Такое происходит, если ритуал действительно был услышан где-то на очень глубоких гранях бытия — и тебе решили ответить. Ответить сразу, на следующий день. Кто вообще такой этот писатель Джеймс Саллас — ни до, ни после мне не приходилось слышать это имя.

Какой красивый ответ. Нету женщины. Нет любви. Нет ненависти. Есть — Черное зеркало, создавшее отражение и поглотившее суть моей души, чуть было не убившее мою душу. А значит, ждать, что через месяц приворот подействует, нет смысла.

Тем временем поток синхроний, знаков, посланий нарастал как снежный ком. В чате «Касталии» один из членов клуба пишет, что ему приснился сон и в этом сне резали козла. Другая приятельница, словно желая дополнить неполную картину сновидца, присылает мне на рассмотрение другой сон, где режут птиц.

Сами собрания нашего клуба стали превращаться в напряженное противостояние между мной и Черным зеркалом. Никогда еще к нам не приходило столько народа, но казалось, люди приходят не за знаниями, а притягиваются невидимым тугим, тягучим запахом противостояния любви и ненависти.

Взрыв действительно был грандиозен. Энергия захлестывала всех находившихся в нашем пространстве: приятели, друзья, случайные гости, приносящие свои сны. Близкие, дальние, родные, чужие. Черное эхо ритуала затопило эфир.

Мой мир начал трещать по швам. Первый удар — пробой по Джону Голту. Первая машина, служившая мне три года, вдруг ломается без возможности ремонта. Спешно купленная новая машина ломается сразу после покупки, проехав несколько километров. Осыпается винчестер. Нет никаких ресурсов заполнить эту черную дыру, как будто весь мой мир затягивается в этот inferнальный портал, который еще недавно я так яростно открывал.

Самое худшее оказалось впереди. Сначала я получал удары по себе. Но потом удар пришелся по всему Городу. Проклятый замкнутый круг, все что делаю я, во зло и разрушение бьет по всему городу.

Строя Город, я последовательно устанавливал связи с разными людьми. Эзотериками. Философами. Представителями разных школ. Но в особенности я всегда ценил дружбу с истинными поэтами, ибо не зря сказал Кроули, что подлинный художник выше мага, а Юнг в конце жизни писал: «По-настоящему меня понимают только поэты». На тот момент я смог подружиться с самыми яркими, самобытными поэтами, музыкантами, с которыми мы время от времени устраивали большие марафоны-концерты. И это было главной особенностью моего Города.

На втором месте после Мартиэль по дару поэзии был для меня наш гений, чье имя я не упомяну здесь ввиду всей сложности ситуации. Гений был не просто поэтом. Он был поэтом и певцом Бабалон, песни его врывались в души слушателей, срывая шоры и

разрушая границы. Можно написать философский трактат о величии Богини, а можно спеть одну песню, так что каждый, услышавший ее, сможет сердцем почувствовать, что значит страсть, которая укоренена в магии. Гений славил Богиню, славил Лилит, славил Бабалон — и делал это как никто. Уже давно его песни, его концерты стали одной из главных визитных карточек нашего Города.

Его песни были нарушением запрета. Он мог спеть про любовь втроем, про неистовый разгул страсти — и сделать это так красиво, что слушая его, многие выходили за грань. Гений действительно был опасен для системы Иалдабаофа, где сексуальность табуирована и подавлена.

И вот гений арестован. Черт возьми, было бы не так обидно, если бы его арестовали за «аморальность» его песен. Это сделало бы из него мученика, создало бы историю, которую можно было бы перепевать в веках. Забегая вперед, парадокс в том, что его песни, наоборот, стали одной из причин, почему его выпустили, хотя могли бы удерживать до победного конца, а тут судья пожалела творческого человека.

Однако гения арестовывают по совершенно банальной статье. Он оказался связан по касательной с какой-то криминальной группировкой и даже сам не понимал, во что ввязывается. В итоге гений оказался козлом отпущения за целую группу реальных преступников. И вот это уже был настоящий удар.

И самое главное. Несмотря на потоки ярости, несмотря на внезапно обретенную новую, страстную интонацию в моих лекциях, несмотря на внезапно открытый на новом уровне дар Слова, после Черного зеркала в моей душе зияла черная дыра.

Если бы не еще несколько несчастных, которые после встречи с ней годами не могли оправиться, я мог бы счесть, что это всего лишь моя фантазия. Но правда в том, что я легко и быстро отделался — для других несчастных восстановление могло затягиваться на годы. Это и стало сепарацией, разрывом связи между Сознанием и Душой, Эго и Анимой, Умом и Жизнью. И как всегда когда я подходил к краю пропасти, в игру вступала Мартиэль.

Глава 2. Явление Эллойзы

*Ведьма или ангел, птица или зверь,
Вернись — я оставлю открытым окно
И незапертой дверь.
Смерть или спасенье, свет или тьма,
Если не вернешься, я впервые узнаю,
Как сходят с ума.*

*Группа «Наутилус Помпилиус», из
песни «Летучая мышь»*

Анима. Если у вас есть хорошее психологическое образование, то вы наверняка знаете, что в аналитической психологии Карла Юнга понятие «Анима» определяет сокрытую в самых глубинах бессознательного часть нашей психики, дополняющую нашу биологическую половую константу. Иными словами, Анима — это автономная фигура женщины в душе мужчины (в то время как Анимус, соответственно, — автономная мужская фигура в психике женщины), которую мы и проецируем на противоположный пол в состоянии острой влюбленности. Более искушенные в юнгианской психологии могут рассказать множество интересных концепций и идей о природе Анимы, начиная от четырех стадий ее развития и заканчивая архетипическим сюжетом о герое, освобождающем свою Аниму из царства материнского бессознательного.

Анима. Женская часть психики мужчины. главное, ради чего вообще и нужна вся эта психология со сложными конструкциями: Анима является полноценной, самостоятельной, автономной частью психики, то есть всего, что обычно считается своим я, застегнутым на все пуговицы персонного костюма. Как говорил Юнг, для него слова «у вас есть душа» были синонимичны словам «у вас в кармане смертельно ядовитая змея», а все окружающие воспринимали эти слова как дежурную сентиментальность.

К сожалению, даже сам Юнг совершил типичную ошибку европейца начала двадцатого века, верившего в индивидуальный характер сознания, а значит, утверждавший элементарный или «типический», «типичный» характер Анимы. На самом деле Анима «типична» только у столь же типичных представителей мужского пола, во всей социальной активности которых, если приглядеться, ничего кроме набора нескольких инстинктивных программ, которые при этом работают еще по жестко заданному импринту, просто нет. Ошибка в том, что мы готовы наделять любое, самое что ни на есть примитивное и типичное эго качеством индивидуальности авансом, в то время как самую сложную и индивидуальную Аниму автоматически относим к «элементарному типу» и «типичному комплексу».

Я думаю, что все, чем мужчина отличается от других мужчин, если он таки дорос до способности отличать, он обязан своей Аниме, сознает он это или нет. Если вы хотите получить исчерпывающее представление о конкретном человеке, позвольте себе минутную фантазию — а каким (какой) был бы этот человек, если бы был (была) противоположного пола? А как бы мы представили спутницу данного человека? Такого рода спонтанные и, казалось бы, ни на чем не основанные фантазии порой помогают узнать о неизвестном пока собеседнике то неуловимо главное, что порой остается незамеченным за годы знакомства.

Психологу по определению присуща профессиональная деформация, потому что он имеет дело с проблемами и симптомами. Следовательно, все или по крайней мере абсолютное большинство Аним или Анимусов, проходящие перед ним сплошным калейдоскопом клиентов, будут все как на подбор нести следы травм, болезненности и безобразия. Из чего такой психолог может с самого начала подходить к феномену Анимы или Анимуса как к чему-то, что стоит непременно лечить. Эта назидательно доктроская интонация в сочинениях даже заслуживающих внимания и уважения мэтров всегда изрядно меня раздражала, как и вообще привычка связывать бессознательные фигуры с патологией.

В действительности Анимы бывают очень разные. Да, есть множество примеров, когда психологический взгляд правомерен. Откровенно уродливые, замордованные, потерявшие человеческий облик самки, которых и «женским»-то назвать можно с очень большой оговоркой. И чем более брутальным, агрессивным мужественным и подчеркнуто самоутверждающимся выглядит мужчина на «фасаде», тем более уродлива у него Анима. Порой случается и хуже, так что для не в меру положительного мужчины, потерявшего связь со своим естеством, Анима предстает как чудовищная стерва, тайная отравительница и источник всех козней. Но право же — точно так же бывают и полноценные, сильные, здоровые Анимы у мужчин, способных проявлять спонтанные чувства, не бояться уязвимости и небезупречности. Для кого-то Анима — это эриния, гонящая несчастного по тропам жизни, для кого-то — муза-вдохновительница, чей лик помещен на флаг и чей облик видит он в каждой женщине, с которой ему выпала честь насладиться любовью.

Мне повезло. Я всецело принадлежу ко вторым. Внимательный читатель заметил, что я очень часто называю свою Аниму по имени. Элли, или Эллоиза всегда помогала мне вовремя распознавать угрозу или дарила эмпатию, позволяющую взглянуть глазами собеседника. Анима. Душа. Суть. Эллоиза, дочь Лилиг. И сейчас Эллоиза была во чреве кита, сожранная Черным зеркалом без остатка.

Не раз и не два Эллоиза включалась в моем сознании, позволяя увидеть то, что я не мог бы увидеть никак иначе. Иногда я играл в Эллоизу. Например, очень любил писать на форумах под псевдонимом «Эллоиза», немного меняя стиль и форму письма и наблюдая, как меняется реакция на те же самые слова, если они говорят от женского лица. Сознательно это казалось не более чем забавной игрой, и до определенного момента я вообще не отдавал себе отчет, до какой степени Эллоиза реальна и индивидуальна. Просто в один прекрасный момент я испытывал особое женское присутствие в своей сознательной форме, смещалась точка сборки, и я мог увидеть ситуацию совсем под иным углом. Я всегда старался слушать Элли, даже не зная, как ее зовут, и мне очень жаль тех мужчин, у кого нет такой Анимы, как Элли.

И вот пришло время для проявления.

Я разрушен, сокрушен, унижен, опозорен и к тому же не могу справиться с черной дырой в кошельке, дружбе и, что куда более важно, — в душе. Эти месяцы я более всего напоминал одержимого, захваченного злыми демонами и с радостным гуканьем несущегося к пропасти безумия. По углам уже стали ходить слухи: мол, Телемскому конец.

Близкий круг воспринимал происходящее очень по-разному. Кто-то — как очередной эксцесс эксцентричного художника. Кто-то — как перспективу несколько подвинуть меня со сцены. Какую же борьбу за власть мне пришлось выдержать после моего возвращения, когда отдельные люди, запомнив мою слабость, отказывались принимать меня всерьез! Но были и те, близкие и родные, кто делал все, чтобы помочь.

Сестра. Анна Тхэнн, или просто Кора. Ставшая вторым учеником Мартиэль. Несколько первых лет нашего знакомства с Марти, у нее вообще не было учеников. Я был один и не предполагал, что может быть как-то иначе, но как же было радостно когда все изменилось.

А все изменилось примерно за полгода до описываемых событий. Мартиэль как-то сказала, что хочет познакомить меня со своей очень особой ученицей. В первый момент я почувствовал себя так, будто бы мне предложили показать настоящего дракона или единорога. А что, такие бывают?! Знакомство прошло успешно, и я как-то сразу почувствовал родство.

Так вот, Тхен сделала невозможное. Она убедила Мартиэль вести меня под шелухой в магическом ритуале 2,22, к которым изначально Мартиэль испытывала некоторое легкое пренебрежение, считая ненужными костылями. Ей хорошо, для нее не надо никаких ритуалов, чтобы видеть на всех планах и уровнях. Не знаю, Мартиэль дала уговорить себя или уже сама с самого начала понимала, что надо что-то делать.

Итак ритуал 2,22. Сперва в сознании появилось несколько поверхностных и ничего не значащих образов, даже не автономные силы, это была не более чем игра ума, — и они не вызывали отклика ни мысли ни сердца. Видя, что все идет слишком скучно, Тхен предложила:

— Атон, а Атон, а давай в игру поиграем. Будем сущностей вызывать в тебя. Ты согласен?

Интересно, какие сущности вызовет в меня сестренка? Ну, наверно, кого-то из персонажей нашей общей реальности. Люцифера, Вельзевула... Конечно же, сестренка, это круто, давай в это поиграем.

— Согласен?

— Да, согласен.

— Точно согласен?

— Точно.

— Трижды согласен?

— Ну разумеется, трижды.

Правило «Ойкумены» во всех серьезных воздействиях получать тройное согласие очень кстати прижилось в наших пространствах. И кого она вызовет, интересно? Я даже почувствовал, что сердце задрожало в странном предчувствии.

— Я вызываю Аниму Атона!

— Что?! — На секунду я потерял дар речи от абсурдности этого запроса. Да разве можно Аниму вызывать как отдельную сущность? Каркас выученных знаний отделял от реального опыта.

А еще через секунду, я просто потерял управление своим сознанием. Потому что в него вошла Она. Эллоиза. На одну неполную минуту я всецело превратился в женщину, и, о боги, какая это была женщина!

— Звали? Чем могу?.. — Не мой голос, не моя интонация. Интонация сильной, властной женщины, уверенной в себе и привыкшей смотреть на всех других женщин с долей превосходства, как на существ, которые, конечно, никогда и не приблизятся к ее великолепию и блеску игры. Проявление длилось минуту, но какая это была минута! Изменился сам воздух в комнате, сама реальность, казалось, разогрета от присутствия столь искушенной, немного экзальтированной, но твердо стоящей на ногах дамы. Впоследствии, рассказывая об этом моменте, Марти сказала что-то вроде: «И в этот момент у моего Анимуса встал». Должен сказать, что за четырнадцать лет знакомства это единственная двусмысленная фривольность, которую я слышал от Марти. Черт возьми, Элли умеет производить впечатление.

На этом месте я хотел бы сделать небольшое отступление. В минуты самоанализа, меня часто удивлял следующий факт: почему, имея столь сильную Аниму и столь много откровенно женских черт и качеств, я всегда оставался полностью равнодушен к каким-либо извращениям гомосексуальной палитры? Ответ я получил, только когда научился разговаривать с Элли. Она откомментировала: «Пора бы уже знать, что любая уважающая себя дама предпочитает мужчин ее поля, а поскольку она относится к плану невоплощенному, то логично, что и специализируется она по прекрасным Анимусам женщин, с которыми нас пересекала судьба».

Оглядываясь назад, я не могу не изумляться тому интуитивному дару свежего и непосредственного взгляда, который заставил мою сестренку задать правильный вопрос. Связь с Черным зеркалом не только разрушила мою связь с Эллоизой. На какое-то время произошло пожалуй худшее, что может случиться с человеком и что индейцы называли потерей души — Черное зеркало буквально «пожрало» Эллоизу. Однако, пробив, как Иона, в чреве кита, да не три дня, а три месяца, заново освобожденная Анимусом сестренки аки прекрасным рыцарем, Элли раз и навсегда стала реальной силой моей души, прямым представителем Лилит, к которой можно обращаться в сложных вопросах. Правда, чтобы я привык прислушиваться и запрашивать Элли, должно было пройти еще не одно погружение на глубину. Одного ритуала вполне хватило, чтобы произошло воссоединение. Как вышло, что от тяжелейшей одержимости удалось излечиться одним удачным погружением? Должно быть, при всех бурных процессах распада, на глубине Черное зеркало так и не смогло ассимилировать ее, поэтому Эллоиза освободилась сразу, как только была дана такая возможность. Еще не осознавая этого в полной мере, я вышел из этого невинного скраинга совершенно другим человеком, с совершенно другими представлениями о том, что представляет собой психика. Что когда-то считалось удобными метафорами и абстракциями, оказалось единственной заслуживающей внимания реальностью — реальностью души. С освобождения Элли начался долгий процесс куда более сложного и поэтапного освобождения — освобождения воображения.

Глава 3. Первые выстрелы Патрона

*Кто-то сгорает под стенами рая,
Умоляя уснувшую даль,
А я зову Азазеля и руки ломаю
О холодную чёрную сталь.
Метеон. Азазель*

Моя душа вернулась. Я снова был собой. И даже лучше, чем раньше, ведь теперь я знал эту прекрасную леди, что живет во мне, по имени. Я мог приглашать ее, обращаться к ней, иногда принимать ее форму.

И конечно же, стоило мне вернуться к реальности, вопреки всем ожиданиям вернуть себе душу, я стал осмыслять все произошедшее. Что это было — поглощение, одержание, ритуал приворота, жертва, призыв сил бездны?

Ритуал жертвоприношения козла казался мне попранием всех человеческих границ, и я был этим весьма горд. Но, в сущности, в такой практике нет ничего особенного. Во всех культурах существовало жертвоприношение животных, и только христианство подменило непосредственный контакт с жизнью и смертью безжизненной метафорой, причем подменило настолько, что люди, считающие себя далекими от христианства, все еще испытывают предубеждение к практике жертвоприношений, хотя, в сущности, курица в супе приносится в жертву ради того, чтобы мы утолили голод.

Правда, цель жертвоприношения была сомнительной. Любовь без любви, страсть без страсти, ненависть и желание отыграться. «А была ли женщина?» — справедливо интересуется призванный во мраке ночи месье Саллос.

Но куда более интересным оказывается другое. Я начинаю анализировать структуру ритуала. Козел и баран приносились в жертву древними евреями в праздник Искупления, причем если баран приносился в жертву Яхве, то козел, на которого возлагались все грехи мира, приносился в жертву Азазелю, о чем сказано в библейских текстах и что само по себе уже странно для строго монотеистической культуры. Здесь же все жертвы были принесены... Кому? Саллосу? Ну вряд ли, если бы Саллос оказался тем, кто принимает, результат был бы иным, куда более худшим для меня. Просто слепому хаосу? Но у ритуала есть структура, идея, миф, явно выходящий за грань стандартного приворотного ритуала. Мне начинает казаться, что на самом деле, строя ритуал таким образом, я как будто хотел чего-то большего, чем сам мог осознать. Что даже появление Черного зеркала было нужно для того, чтобы я провел этот ритуал.

И вот на этих рефлексиях моя мысль впервые со всей ясностью сталкивается с Ним. Сперва — смутные догадки о нем, потом — поток впечатляющих синхронистичных совпадений и уже гораздо позднее — личное знакомство. Эллоиза была первой, кто пришел из вселенной воображения и открыл врата, но следующим пришедшим из глубины сокровенной души был Он. Азазель. Прямо иллюстрация к теории Юнга: сначала Анима, потом Самость.

Первое изрядно поразившее меня совпадение, вокруг которого и стала закручиваться реальность: день жертвоприношения совпал с праздником Йом Киппура — тем самым праздником, когда древние приносили жертву искупления. Впрочем, было и существенное отличие, смысл которого станет ясен потом: древние приносили козла в жертву без крови, переламывая конечности и отправляя в пустыню, я же просто перерезал ему горло.

Тогда я всерьез стал задумываться о том, кто же такой Азазель. И вот тут мне попадает Книга Еноха, описывающая бодрствующих ангелов во главе с Азазелем как первых прогрессоров рода человеческого, принесших им все тайны науки, искусства и магии, а также открывших самую сокровенную и запретную часть всего магического арсенала — сексуальную магию.

Сексуальная магия — это, пожалуй, одно из самых таинственных и самых непонятых магических искусств. На примитивном уровне под сексуальной магией

понимаются грубейшие манипуляции в стиле магии Хаоса, по принципу «кончая в женщину, подумай, как ты хочешь новый автомобиль». Не отрицаю, что строго фактически такого рода практики могут быть успешными. Я убежден, что всякий, кто имеет хотя бы небольшое представление о сакральном, сочтет это чудовищным кощунством.

На втором уровне сексуальная магия неотделима от магии трансгрессии. Магичность определяется неприемлемостью, нарушением, фактом выхода за грань и получения энергии от этого выхода. Здесь важно не само сексуальное действие, а акт нарушения общепринятого порядка. Например, в ритуале Ньюит-Бабалон жрец должен слизнуть свою же сперму из лона жрицы, что приведет в ужас любого, кто будет просто читать описание этого ритуала. Любые формы табуированной сексуальности также могут считаться магией трансгрессии. Впрочем, мой печальный опыт «курицы в шоколаде» от шефповара Каина уже давно отбил любые желания превращать свое пространство в непрекращающуюся оргию. Трансгрессия тем и хороша, что представляет особый, исключительный акт, в противном случае она не есть трансгрессия.

Наконец на третьем (и первом полноценном) уровне сексуальной магии ключом становится только один принцип — способность увидеть в своем партнере божество, архетип, сакральную фигуру, соединяющую с высотами и глубинами Иного. Иными словами, в подлинной сексуальной магии всегда участвуют четверо: мужчина, женщина и их зеркальные двойники — Анима и Анимус. Звучит обескураживающе схематично, но любой, кто имел опыт полноценной сексуальной магии, знает, что на самом деле именно этот опыт есть одно из самых интенсивных и ярких переживаний, доступных человеку вообще.

На следующих уровнях появляются свои тонкости, когда речь идет о выстраиваемом поле, когда вместо Анимы и Анимуса действуют самые глубинные образы, связанные с Самостью или, как это определяется во внутренней традиции Серебряной Нити, — Истоком, когда сакральные двойники Анима и Анимус не просто переносятся на партнера, но и получают возможность «подвинуть» сознательное эго. Здесь мы погружаемся в настоящий океан столь изысканной чувственно-психологической изощренности, по сравнению с которой любовные ухищрения Дона Гуана были потугами неотесанного чурбана.

Но только когда происходит достижение САХ, когда удается соприкоснуться с чем-то действительно вечным, возможна подлинная сексуальная магия. А все попытки практиковать сексуальную магию до достижения САХ — это практически всегда что-то вроде «траха под восточные благовония». В лучшем случае это будет секс по аркану Императрица, полная аннигиляция, растворение как желанная цель, в то время как на самом-то деле раствориться должно «все кроме».

Либо, наоборот, у адептов мужчин, будет инстинктивное возведение границ между собой и партнершей, глубоко неосозанный страх перед «вагина дентата», компенсирующийся иллюзией контроля и включением принципов власти. А что может быть дальше и противоположней подлинной сексуальной магии, чем принцип власти и дистанции в любом виде? Даже в некоторых текстах ритуалов сексуальной магии у Кроули, вроде ритуала ИнСе, где включается элемент бичевания, БДСМ, — это на самом деле всего лишь стремление слабого эго сохранить иллюзию контроля, избежать полной трансценденции.

Однако для нас важен именно базовый принцип сексуальной магии — увидеть в партнере Божество, Небесного двойника. Так что участвуют не двое, но четверо. Ангел и мужчина. Богиня и женщина. И именно в такой сексуальной магии высшая степень опасности для монотеистического бога. Более всего Яхве ненавидел богов и богинь, связанных с сексуальностью.

А если подумать, разве миф об Азазеле и его Ангелах, спускающихся с небес, чтобы взять в жены дочерей человеческих, не об этом? Разве в этом иносказании не ключ? Даже средневековые каббалисты понимали, что ангелы, не имея плоти, могли сделать это, только войдя в их мужей духовно. Это и было первой формой сексуальной магии.

Ко всему прочему, я начал смотреть на главную картину моего проекта несколько новыми глазами. Ангел. Женщина. Соблазнение. Я стал чувствовать, что, благодаря падению в хаос Черного зеркала, я впервые осознанно прикоснулся к своему индивидуальному мифу, который дополнял мировоззренческую карту, построенную на заимствовании у других магических систем.

И открытие Азазеля было как удар молнии, как прозрение, как радость долгожданной встречи. Неужели я наконец-то обретаю свой миф? Все, что я знал до этого, — было так или иначе позаимствовано, взято у важных людей, прочитано в книгах. Но Азазель был не только книжной правдой. Он — *моя* правда, написанная живым серебром поверх кожи души. И, черт возьми, ради этого стоило спуститься в горнило Черного зеркала.

Я начал понимать. Во всем происходящем есть один ключ — Азазель. И конечно, пространство стало подтверждать мое понимание. Например, позвольте разделить с вами еще одну изысканную синхронию, которые я собираю с такой же тщательностью, с какой старый коллекционер собирает серии почтовых марок разных лет в один альбом. А Азазель порождает синхронии. За неделю, не сговариваясь, мы и наши ближайшие питерские друзья объявляем мероприятия, посвященные одной и той же теме. Ну и как вы думаете — какой же теме мы посвящаем наше внимание? Бинго! Азазелю. Да, наши подходы отличаются, у нас это культурно-архетипический экскурс, а у них опыты гоэтии, но самого факта синхронии от этого никто не отменяет.

А через три дня приходит главная весточка. Метеон, находясь очень далеко от всех нас пишет текст своей лучшей песни. «Азазель». Написал, находясь так далеко от всех наших процессов, споров и дискуссий, как это только возможно. Внезапно рога Азазеля стали торчать практически из каждого эпизода.

Вокруг вопроса об Азазеле начались конфликты с некоторыми старыми членами клуба. Едва ли эти процессы были по-настоящему определяющими для меня или для проекта. Но все же о них невозможно не рассказать. Какая роскошная иллюстрация человеческой ограниченности, абсурдности любых попыток вторгнуться в чей-либо магистерий, исходя из любых сколь угодно добрых чувств!

Конфликты начались, после того как я добавил Азазеля в пантеон. На меня тут же посыпались обвинения, что, добавив к Люциферу Азазеля, я предал традицию Мартиэль и в связи с этим рискую на этот раз окончательно утратить свою душу.

Вершина абсурда была в том, что никто из критиков даже не удосуживался спросить у нее, а что она об этом всем думает. К слову сказать, сама Марти наблюдала за происходящим с неожиданным оживлением и интересом, мол, «ну наконец-то у вас что-то живое стало происходить». Заткнуть или выстебать «оппозицию» Марти справедливо считала ниже своего достоинства и предпочитала наблюдать театр абсурда — святую инквизицию, обрушившую хулу на еретика от ее имени. Что может быть бредовее? Для Тёмных звезд недопустимо вмешательство в чей-то путь даже со своим советом, если вас до этого не попросили. Но это были палadini. Конфликт перешел в острую фазу, главный паладин после небольшой провокации был исключен, после чего, казалось, мы восстанавливаем обычный рабочий режим.

Впрочем, все описанные выше дразги интересны разве что как экспонаты духовной кунсткамеры. Гораздо интереснее оказалось происходящее под шелухой. Впервые в поте, крови и гное мне удалось родить полностью свой, индивидуальный миф. Миф, который с годами будет совершенствоваться, обрастать новыми гранями, деталями, сюжетами и символами.

Как же удивительна и парадоксальна жизнь! Сколь же эффективно «злые» силы в нашей жизни служат нашему выходу на иной уровень развития! Своему первому духовному опыту семнадцать лет назад я обязан лжеучителю, который пытался меня использовать. Моему Городу, моему смыслу, моей истинной Воле я обязан серому аватару — который просто сделал мою жизнь в старых границах невыносимой. И вот снова я достигаю полной реализации Малого Магистерия, сначала услышав свою душу как отдельную личность, а затем достигнув Знания и собеседования с САХ благодаря появлению в моей жизни Черного зеркала — наихудшей из наихудших. Воистину, при встрече не с метафизическим, а с реальным злом в нашей жизни нам чаще стоит вспоминать слова Мефистофеля: «Я часть той силы, что вечно зла желая, творит благое». Только сейчас я понимаю смысл слов, которые всегда говорит Мартиэль на ритуальном круге, прославляя все силы, и помогающие нам, и нам мешающие, тем самым все равно способствуя выходу на иной уровень.

Глава 4. Конец Черного зеркала

*Всё очень круто, бэби,
Я эдак стану святым!
Всё очень круто, бэби,
Соблазны тают, как дым.
Когда мы встретимся, бэби,
Боюсь, я стану друим...
...Я вовсе не был приучен
Искать забвенья в труде.
Я частный случай, бэби,
Четвертый круг на воде.
Но кто швырнул камень в реку,
бэби,
Тот знает, кто он и где...
Сергей Калугин. Короткий поводок*

Я освобождался. День за днем, неделя за неделей после возвращения Элли я шаг за шагом возвращался к самому себе. И чем больше рвались нити, за которые Черное зеркало дергало, как марионетку, тем в большую ярость приходило Черное зеркало.

В тот день была лекция. Кажется, мы вновь говорили о нашей любимой теме: трансгрессия, предел, нарушение, выход за предел.

Лекция, как водится, переходит в пир, и наш круг увлеченно обсуждает природу магии, трансгрессии, риска и ставки.

Черное зеркало смотрит на меня, и вдруг говорит:

— Все вы — мастера языка почесать. А в чем ваша трансгрессия в реальности? Где вы ставите себя на кон? Только трахаться и красиво говорить умеешь. Хоть один пример, хоть одно нарушение, хоть один момент, где кто-то из вас реально пошел бы на риск жизнью, можете назвать?

Это вызов. Это потрясение. Это удар в самое сердце. Когда и правда я трансгрессировал? В Армален, ставя весь свой круг общения и свою репутацию на кон. Но разве это риск жизнью? А какой по большому счету риск в жертвоприношении несчастного козлика или попытке повторить парижские работы Алистера нашего Кроули? Нарушение, взрыв своих границ — да, пожалуй. Но можно ли все это назвать трансгрессией в самом высоком, батаевском смысле?

И кто говорил? Слова любого или любой другой — я бы забыл достаточно легко. Но это было Черное зеркало во всей надменности, презрительности и царственности Исаис Черной.

Что я могу сделать? Какое действие могло бы стать действительным риском? Действие, которое бы имело реальный смысл и не выглядело как пустой понт и искушение судьбы, но при этом содержало бы реальный риск, реальную ставку, после которой я мог бы, глядя ей в глаза, презрительно ответить: «Я — да, а ты?»

Можно выдумать много умозрительных трансгрессий и рисков, но что было бы настоящей, живой, трансгрессией, которая бы обладала бы красотой? Нечто созвучное русской рулетке, но не столь бессмысленное и гротескное.

Вопрос встал передо мной со всей безжалостностью.

А всего через неделю в дружественном нам альманахе вышел анонимный перевод: Салман Рушди, «Шайтанские айяты». Или «Сатанинские стихи». Впрочем, к какому-либо «сатанизму», который давно перестал быть опасным, книга отношения не имела. Художественный роман, чем-то похожий на булгаковский «Мастер и Маргарита», разве что в исламских декорациях, роман столь сложный, что читать и понимать его сможет разве что профессиональный филолог, привыкший к изыскам Джойса и Пруста. Славу этому роману снискал его запрет в мусульманском мире и смертельный приговор, вынесенный автору. Любое издание этой книги сопровождалось скандалами, погромами, столкновениями, так что независимые аналитики называли эту книгу «самой опасной книгой двадцатого века».

Ходит слух, что в России эту книгу хотел издать лидер какого-то крупного издательства, имевший даже поддержку властей. Этого редактора нашли утонувшим или, что более вероятно, — утопленным. Правда это или нет, я не знаю, в нашей среде слишком много слухов. Но даже факт перевода скрывают как огромную тайну.

— Как думаешь, спецслужбы могут заинтересоваться? — как-то спросил я приятеля.

— Вот они-то как раз нет, это им ничем не мешает. Скорей наоборот — люди в черных костюмах просто будут наблюдать...

Вот оно! Вот он — единственный возможный ответ на вызов Черного зеркала. Договориться с анонимным переводчиком в сети не представляло сложности, он разве что удивился моей неосмотрительности. И вот — в очередном прорыве выходит Салман Рушди.

Сперва — восемьдесят экземпляров. На удивление — никакого спроса на нашем проекте. Зато независимые книжные буквально вцепились в новинку, не рискуя однако выложить ее в открытую продажу. Книга оставалась самой востребованной в этих магазинах даже «по личной рекомендации».

Первый тираж улетел быстро. Второй тираж — сто экземпляров. В какой-то момент пространство изменилось. Книгу стали заказывать люди с нерусскими фамилиями. Заметили? Игра проиграна? Само пространство дышало угрозой. Стало ясно — это не просто русская рулетка. Если продолжать действовать дальше — это гарантированный приговор. Но могу ли я остановиться? Имею ли я на это право? И если имею — в какой момент? С каждой неделей атмосфера все больше сгущалась, мне стали приходиться странные анонимные письма, еще без угроз, но весьма двусмысленные и напряженные. А независимые книжные просят еще. Похоже, они поняли *что* было сделано. Магазины, выкладывающие антиправительственные и анархические книги на главную полку, «Аяты» продавали только из-под полы.

Я до конца жизни запомню разговор с одним из директоров книжного мира, который минуту жал мне руку, восхищаясь и благодаря за то, что я сделал. «Я не люблю оккультизм, но за одно издание этой книги я могу сказать, что вы — самое андеграундное издательство, вы настоящий герой». Между тем герой чувствовал, что поле вокруг него сгустилось и, быть может, осталось совсем немного до развязки, страх

продирал до основания. Если кто-то скажет вам, что лишен страха, — не верьте. Можно лишь не дать воли страху, немного отстраниться и продолжать следовать своему пути. Я навсегда запомню, как привозил заказ наших книг вместе с Рушди к «Президент-Отелю» и покупателем оказался человек восточной наружности в машине бизнес-класса. Три дня после я постоянно оглядывался, нет ли кого-то за спиной...

Третий тираж? Независимые книжные обрывали мне телефоны, прося добавки... Надо — значит, надо. Возлюби судьбу, как говорил Фридрих Ницше, возлюби судьбу превыше ближнего и дальнего.

Произошло чудо. Как раз когда я запросил третий тираж, хозяин типографии с, которой я сотрудничаю, случайно узнал, *что* отпечатано в его типографии. В мой адрес ожидаемо последовала серия весьма эмоциональных и не самых цензурных высказываний. Разумеется, о каком-либо продолжении тиража больше не могло быть речи, спасибо, что со мной вовсе не разорвали договор. Оставалось прикинуться валенком, который «не знал и не понимал».

Если бы не эта счастливая случайность, после которой я, уже не кривя душой, мог снять эту книгу с продажи (те немногие экземпляры сейчас стоят больше десяти тысяч, но, увы, у меня не хватило ума сохранить для себя несколько экземпляров), скорей всего, сейчас я бы не писал эти строки.

И через пару месяцев после того самого разговора Черное зеркало заглянуло к нам на огонек. К тому времени она уже почти перестала появляться. И с какой же довольной улыбкой я мог наконец подарить ей *эту* книгу.

Девочка не поняла. Должно быть, при всей силе Исаис, Черное зеркало по природе своей слишком глупо, чтобы понять, что на самом деле произошло. А значит, в уточнениях не было необходимости...

Что-то незримо изменилось. Я стал верхом добродушия, а вот Черное зеркало как будто была охвачена бессмысленной и непонятной для нее самой ненавистью. На одной из постановочных «психодрам» она буквально стала кричать на меня и даже напала, пытаясь «выбросить в окно». Я лишь надменно улыбался. Сдулось, пало, рассыпалось Черное зеркало на осколки, и даже ее соблазнительные ужимки стали напоминать скорей ужимки дешевой проститутки, нежели чудовищную Исаис.

Очень скоро она ушла. Просто после того, как она целый месяц пыталась рекламировать свои мероприятия, ни разу не зайдя на наши, я сделал вежливое замечание, что нехорошо использовать ресурс чужого пространства, даже не участвуя больше в его работах. На этом все было закончено, она ушла, и я больше никогда ее не видел. О чем ни капли не жалею.

Казалось, главный кошмар моей жизни остался позади. Упоминания об издании Рушди исчезли со всех сайтов, и понемногу я вернулся к обычному рабочему режиму. Впрочем — когда думаешь, что все позади, как правило, все только начинается...

Глава 5. Ослепление

*В падении нет места поворотам.
Ксения Хохлова. Падение*

Можно выдохнуть? Буря позади? Если бы все так просто! Живем как в сказке — чем дальше, тем страшнее. И только прошла гроза, как начался шторм. Выстрел гремит в сентябре, а пуля возвращается в январе.

Наше повествование приближается к событиям, в которых я потерпел самый большой крах. Законы духовной жизни, в сущности, одни и те же, говорим мы о какой-нибудь строго праворучной традиции типа христианского подвижничества или крайних формах Пути левой руки. После взлета неизбежно происходит откат. После откровения

наползают тени. Чем выше удастся подняться, тем жестче на следующем этапе последует падение. Чем ярче солнце, тем чернее тень. И самое главное — всякий раз, когда ты выпускаешь чудовищ в угоду примитивным желаниям и страстям, эти чудовища возвращаются обратно. И самый большой ужас в том, что, даже понимая все это, оказавшись в определенной ситуации, невозможно сопротивляться захваченности или ослеплению.

История, предшествовавшая родам Магды, — мой самый большой позор и одновременно возвратная волна всего, что было выпущено раньше.

А коли ты дал повод, Серый поставит свои капканы по-настоящему ювелирно. Это не было искушением корыстью, алчностью или чем-либо подобным. Самые страшные ловушки практически не заметны.

Уж не помню, кто говорил, что сатана начинается с пены на губах от праведного гнева у ангела. Святая истина! Самые страшные ошибки мы совершаем не в те моменты, когда стремимся «отдаться путям зла», а когда убеждены, что действуем и поступаем всецело правильно, в соответствии с высшими идеалами.

Как вы уже знаете, ранее на нас обрушилась беда. Один из самых важных людей, гений, поэт, виртуоз и менестрель Бабалон оказался в тюрьме.

Иначе как атакой Иалдабаофа это было назвать просто невозможно. Под ударом оказался именно тот, чье творчество казалось мне мечом Лилит, мечом освобождения, войны с пуританством, морализмом и всей мерзостью, коей полнится современный мир.

Спасти любой ценой! Собирали деньги на адвоката, выполняли коллективные ритуалы и церемонии на его освобождение, подключились даже отдельные телемиты из-за рубежа. Разрабатывались самые безумные, самые невозможные, самые абсурдные планы его освобождения. Все магическое сообщество превратилось в потревоженный улей, даже старые противники забывали о своей распри, чтобы сделать какой-нибудь, хоть небольшой ритуал за нашего гения.

И тут начала разворачиваться главная история. История единственного в моей жизни предательства, когда я и не подозревал, что делал.

Подруге гения, с которой они на тот момент не были официально расписаны, пришла в голову «гениальная» идея. А что если записать дочь Магды, которая должна вот-вот родиться, на нашего гения как ее отца? Наличие малолетних детей — аргумент для суда, чтобы освободить или хотя бы скостить срок. И разве истинный телемит упустит случай набить систему? Дело было за малым — уговорить Магду.

Уговаривал сначала ближайший круг нашего гения. До родов оставались считанные дни, и глашатаи приходили прямо в больницу. Подруга гения обладала каким-то роковым даром убеждать, так что всему близкому кругу казалось, что стоит только подписать документ о подложном отцовстве, и суд немедленно выпустит гения из заключения. Самое абсурдное в разыгравшемся трагифарсе было то, что последующий разговор с юристом опроверг эти возникшие откуда-то из хаоса призрачные надежды. Уверенность, построенная на песке. Только подпиши, только сделай, это же всего лишь бумага. Коллективное помешательство на грани предела.

Единственное, что могу сказать я в свое оправдание, — сперва я не поддавался, сопротивлялся коллективному безумию и старательно изображал нейтральность и готовность поддержать любое решение. Слишком глубоко отпечатывается в сердце правоверного телемита главный запрет — запрет на вмешательство в чужую волю, запрет на навязывание, продавливание чего бы то не было. Уж что что, а этот запрет плотно вколачивается в Ордене и уже никогда не выйдет из крови и плоти.

Поэтому первые дней десять коллективное безумие меня не захватило. Я просто молил всех богов, чтобы она согласилась. Что она теряет? Разве весь наш круг до единого не знает, что это мой ребенок? Разве он перестанет быть моим из-за надписи в паспорте? Тем более что главным просителем и инициатором была женщина гения. Если это не задевает ее, то почему должно задеть меня?

Первые десять дней я сохранял молчание и уклонялся. Держался. Но градус напряжения перед родами нарастал. И общая волна захватила и меня.

Слом наступил тогда, когда одна из самых уважаемых и влиятельных членов клуба, Альрауне, услышав, что мать Магды против этой затеи, стала собирать группу, чтобы идти к ее матери, и пытаться с ней сторговаться, хотя в реальность ее мать вообще не знала о чем речь.

И вот тут я сломался. Альрауне. Самый влиятельный, самый авторитетный член клуба с очень большими связями. Если она верит в эту затею — значит в этой затее есть реальная истина.

В первый и, хвала богам, единственный раз я предал все, что является основой телемитского закона, — святость чужой воли. Я стал давить. Давить всем своим политическим навыком. Сначала — мягко. Увещеваниями, обещанием гарантий, улещиванием и заискиванием. В ответ Магда молчала. Обещания становились все более конкретными, я клялся, что если она запишет ребенка на арестованного, через пять лет после его освобождения я официально впишу дочь в свой паспорт. Манипуляция, торг. Магда снова отвечала глухим молчанием.

Черт возьми, гибнет гений! Человек, чьи песни — вызов системе, прославление Богини, идеология свободной сексуальности. Неужели ты такая же, как люди этого мира, неужели ты не можешь проявить высшую доблесть, нарушить их запреты, совершить трансгрессию, преступление, обмануть систему? Неужели ты не ненавидишь систему так же, как и я? — некстати стала поднимать голову иллюзия, созданная Черным зеркалом несколько месяцев назад. Ты же знаешь, что люди разделяются на два типа — рабы и свободные. Рабы несут хомут закона, свободные его нарушают. Значит, ты всего лишь раб, не можешь подписать ничего не значащую бумажку, не можешь нарушить закон.

Ответ Магды был по-настоящему великолепен. В нем была глубинная правда, которую я могу понять только сейчас.

— А что есть трансгрессия и что есть большее нарушение закона? Весь закон нашей среды во главе с тобой обрушился на меня, пытаюсь заставить сделать то, что — я знаю — делать нельзя ни в коем случае. И что для меня большее нарушение — идти против тебя и против почти всех людей, кто стал моим кругом? Или нарушить ничего не значащий закон государства? Неужели ты не видишь, что отказываясь, я делаю куда большее нарушение против тебя как самого близкого мне человека и тех друзей, кто составлял мой мир и теперь хочет использовать нашу дочь разменной монетой?

Ответ суверенной женщины. Ни убавить, ни прибавить. Если бы я был хоть немного осознан тогда! Но ослепление продолжалось, подогревалось: я же прошу не ради денег, корысти, власти или чего-то низшего, животного, человеческого. Мы просим ради спасения нашей главной надежды: тут — пустая бумажка, которая не значит ничего ни для кого, там — перспектива долгого заключения в тюрьму где не будет ни стихов ни песен.

Я стал уходить. Давить холодом и подчеркнутым презрением. В конце концов, уже совсем захваченный Серым, я решил растоптать ее. Символический жест — в кругу магов символы определяют реальность. На ее место, пока она была в больнице, я поставил женщину, с которой у меня только разгоралась близость. Пеймона. Она-то меня понимала. Она-то говорила, что уж она на месте Магды не стала бы думать о пустых бумажках и послушании закону. С ней-то я мог полностью опустошиться, очиститься от Черного зеркала.

Это действительно было предательство. Другого на моем месте бы не простили — ни люди, ни боги. Должно быть, особую благодать простирает надо мной Тетрада, что даже после этого предательства ни Магда не оставила меня, ни сами боги не отвернули лица.

Что меня несказанно удивило — две мои близкие подруги, Иштар и Чинни, достаточно резко поддержали Магду. Существует распространенное представление,

будто женщины, имеющие связь с одним мужчиной, неизбежно будут врагами. Это ложь. Точнее, так бывает, но далеко не всегда. Иштар и Чинни были готовы защищать Магду до последней капли крови. (главы разных частей книги, не всегда помещены в хронологическом порядке для связности различных историй — так последняя глава прошлой части заканчивается потерей Чинни, в то время как описываемые здесь события разворачиваются значительно до).

В аристократическом кругу параллельные связи не заботят никого — если, конечно, кто-то не строит особых планов. Так вот, женщины, о которых идет речь, не просто дружили, они поддерживали друг друга. На фоне общего безумия именно две другие женщины, с которыми я был также близок, оказались меньшинством, выступившим на стороне Магды, и пытались меня вразумить, объяснить, насколько все происходящее является подлостью.

Магду любили. Первая жрица «Касталии», само появление которой создавало в официальном пространстве съемного зала атмосферу домашнего уюта и тепла. Ее любили даже те, кому по законам жанра надо было бы интриговать против нее, формальные соперницы, Иштар и Чинни оказались единственными, кто сохранил независимость в коллективном безумии и хоть как-то смог поддержать ее в этом падении в бездну.

Беда не приходит одна. Ко всему прочему ее роды были одним из самых сложных процессов, на них срочно вызвали медицинское светило из другой больницы. Роды продолжались двенадцать часов, во время которых она думала только об одном — о том, что каждый неосторожный вдох может убить нашего ребенка. «Так проходят бездну». Когда потом под шелухой я на йоту соприкоснулся с этими ощущениями, я понял, почему у женщин в древности не было инициаций. Роды всегда были естественной инициацией через смерть в жизнь. А инициация Магды шла по самому крайнему сценарию.

Никогда раньше и никогда позже я не был настолько во власти Серого хозяина, как в эти дни.

С этого момента наши отношения, бывшие до этого самыми доверительными и теплыми, какие только могут быть, треснули по швам. И во вселенную Магды пришла Сама. Матушка. Геката. И предстоял долгий путь во льдах, на котором мы все-таки смогли спасти нашу близость. И я уверен, что это было возможно только потому, что сама Магда настолько полна любовью и гармонией, и это естественная языческая любовь, для законов которой все есть ритуал. И что для нас, цивилизованных людей, являлось пустой формальностью или возможностью классно обмануть систему, для нее как для природной язычницы означало магическое отречение от ребенка. Магда сражалась против меня за меня, и, черт возьми, она победила.

В чувство меня привел только разговор с Мартиэль. О как же я рвал и метал!

— Марти, представляешь, Магда за Иалдабаофа, она не способна к нарушению закона, она недостойна! Наш брат гниет в тюрьме! Она законопослушна, как чертов обыватель!

Я ожидал чего угодно. Ответ Марти был как будто продиктован по нотам:

— А с какой стати она обязана использовать своего ребенка? Гений, конечно, гений, но знать, где он оступился и косякнул перед богами, должен он сам — и с ними и разбираться. При чем тут, вообще, она? И вообще, формальные процедуры — тоже одна из разновидностей магии. Ты правда такой идиот, что не понимаешь, подо что тебя подписывали?... Ты на уровень выше глянь...

Вообще-то Марти очень деликатный человек. Обычно Марти предпочитает невмешательство и почти никогда не дает прямых указаний. Но тем сильнее бывает воздействие слов, когда она отказывается от своей обычной тактичности.

Первое правило братства Черных звезд: «Когда что-то непонятно, звонить Марти». Увы, правило не сработало вовремя, ведь здесь мне все казалось слишком понятным, так

что не было сомнения. Поэтому, когда после одного короткого разговора я начал приходить в себя, слишком многое было разрушено до основания.

Глава 6. Иштар

*И никто не помнит, как это было,
А те кто помнят, те в небе или в огне,
А те, кто сильны — сильны тем, что знают, где сила.
А сила на ее стороне.*

Группа «Аквариум», из песни «На её стороне»

Дорогой читатель. Если ты дочитал эту книгу до этого места, и она даже не показалась тебе скучной, я прошу тебя, на этом месте — сделай небольшую паузу, прерви чтение и ответь на один простой вопрос. О чем эта книга для тебя?

И для кого то — это книга — простое жизнеописание рядового оккультиста. Для кого то — это история борьбы за власть и уважение, путь наверх. Для кого то — интересная история переплетенных любовных страстей и влечений. Для кого то — набор забавных курьезов из непонятного и чуждого ему оккультного мира а для кого то быть может единственная возможность составить более-менее объективное представление, о внутренней реальности оккультной культуры. И быть может для вас будет странно, что здесь нет ни посвященных в белых одеждах, ни картонных злодеев, плетущих нити мирового заговора. Здесь — те же страсти, те же взлеты и падения, фатальные ошибки и триумфальные победы. Здесь — жизнь.

Но эта жизнь все же несколько необычна, эта жизнь, которая помножена на магию, пропитана магией, преломлена магией.

И быть может именно вам удастся немного подняться над условностями восприятия и понять то как хотел бы видеть и творить эту книгу, и эту исповедь сам автор. Потому что для меня эта книга, прежде всего — о магии. От самого поверхностного уровня где выполненный ритуал, пройденное посвящение меняет саму ткань жизни. Но есть и более глубокая магия, магия самой жизни, как в обычных житейских конфликтах отыгрываются мифологические и архетипические сюжеты. Эта книга пишется мной в попытке донести для немногих в сущности простую мысль: магия — это не нечто делаемое в строго определенной резервации, желателно с черными свечами, а само пространство, определяющее жизнь тех, кто действительно вошел во внутренний круг магии. *Большую Игру.*

Для стороннего наблюдателя различить эту самую магию будет гораздо сложнее. Конечно, поразительные синхронии, игры богов, вещие сны, смысловые плетения и взаимодействия «под шелухой» наглядно иллюстрируют реальность магии. Но чтобы ее хотя бы распознавать, нужно быть к ней немного причастным. Наконец, если посмотреть еще более пристально, можно сказать, что вся третья часть, вся дорога Азазеля — это история сексуальной магии, где сексуальная магия совершается до, во время и после секса, как особого рода работающее пространство энергий и смыслов, мандала, где происходят странные соединения. Поэтому вся третья часть посвящена женщинам. Магда, Иштар, Акташ...

Счастливая возможность поддерживать одновременную связь с несколькими женщинами позволила мне сделать очень важное открытие в области сексуальной магии и магии взаимодействия вообще.

Это открытие звучит очень просто. Любые отношения — это алхимическое слияние. А всякая женщина превращает мужчину в нечто кем он не был раньше. Как вниз так и вверх. В жизни мы наблюдаем эти перемены по косвенным признакам: один был преуспевающим бизнесменом, женился и за год спился, другой наоборот — пил как

проклятый, женился, и вдруг все стало хорошо, устроился на работу, стал директором завода или директором цирка. И все как будто случайно...

Но совсем другое дело на собственном примере отслеживать, как взаимодействие с конкретной женщиной полностью меняет ощущение себя или — если выразаться громоздко и наукоемко, — энергоинформационный метаболизм сознания.

В отношении секса и тем более сексуальной магии ученику следовало бы выучить одну очень простую аксиому. Секс это соединение. Сексуальная магия — соединение в кубе. Длительная сексуальная связь с одним человеком подразумевает постепенное соединение, которое в практике сексуальной магии может быть реализовано молниеносно. В современном обществе мне встречаются два устойчивых и совершенно нелепых мифа о природе сексуальности, и какой из этих мифов более отвратителен, я затрудняюсь ответить. С одной стороны, материалисты рассматривают секс исключительно как физиологическое упражнение, разрядку. Природа, энергия партнеров вообще не берется в расчет. Принцип действия таких сексуальных материалистов — разовый эпизод, максимально исключая возможность соединения, и дальнейший бег к следующему партнеру. С другой стороны, убогие моралисты рассматривают сексуальность как нечто требующее оправдания высокими чувствами и установленными отношениями, стремясь подчинить стихию сексуальной алхимии какой-то контролируемой коллективными постановлениями морали. Какая гадость! Все очень просто: секс это соединение. И вступая в связь, стоит подумать, почувствовать, а желательно — осведомиться у своей Анимы (Анимуса), желаете ли вы соединиться с тем, что несет этот человек, наполняясь её или его вибрациями. Если поток чистый — вперед, «возьмите свою долю любви, как желаете, где, когда и с кем желаете, но всегда ради любви ко мне». Если нечто под ложечкой, покалывая, как бы говорит: «А может, не надо?» — значит, не надо.

Секс это соединение. Банальность, затертая повседневностью и очевидностью. Задумайтесь, что в таких словах, как «религия», «йога», «символическое», на разных языках звучит одна и та же смысловая основа — «соединение» или «воссоединение». Сексуальность — это альтернативная форма религии, это алтарь и храм, где в извечном процессе соития незаметно соединяются бессознательные партнеров, незаметно формируя друг друга. Я убежден, что смысл второго закона Телемы «Любовь есть закон, любовь, подчиненная воле» заключается в том, что любовь как воля к слиянию, соединению, должна быть направлена Истинной Волей, ибо не всякое соединение полезно: соедините свет красных и зеленых линз — и вы получите золотой луч, соедините красную и зеленую гуашь — и вы получите грязь.

Выбирая одну из самых нераспространенных стратегий — стратегию множественных, но долгосрочных отношений, я сделал открытие, насколько само вхождение в поле той или иной женщины незаметно для обеих меняет обе стороны. С каждой женщиной, с которой есть достаточно устойчивая связь и с которой практикуются простейшие сексуально-магические ритуалы или хотя бы сексуально-магическая установка, происходит трансформация в некую форму, которую мы не имеем нигде более.

Передо мной стоит почти непосильная задача. Я должен говорить о женщинах, так чтобы читающий мог почувствовать неповторимую индивидуальность каждой. Будь я поэтом, все было бы легко. Поэт может до бесконечности упражняться в прославлении темного локона возлюбленной, изгиба ее улыбки, а также совершенствоваться в метафорах и аналогиях, на манер «Песни песней» сравнивая «сосцы желанной моей» с сернами и козликами. Я не поэт. Я всего лишь скромный документалист внутренней бесконечности, цель которого разве что в том, чтобы немного приоткрыть, насколько пространство воображения реально. Реально куда больше всего, что мы полагаем реальным миром. Поэтому описывая людей и события, я должен прежде всего описать то неуловимое, что и составляет саму магию. Поэтому, описывая разные типы связи, я

сфокусируюсь на том, на что очень редко обращают внимание, но что кажется мне самым интересным — как конкретное взаимодействие незаметно меняет самоощущение, трансформируя нас в том или другом направлении.

Прежде чем переходить от этой затянувшейся преамбулы к дальнейшему повествованию, во избежание возможных непониманий я должен наконец-то объяснить один термин, который до этого вам не раз встречался в тексте — Ставка.

Ставками принято называть тех немногих, которые, во-первых, в полной мере реализуют свою истинную природу, и истинная природа которых находится в близкой связи с тем или иным божеством. Божество — Патрон, исток, архетипическое ядро, лежащее в основе самой системы высшего типа индивидуальности. Свою «ставочную природу» можно осознать, и тогда это полноценная магическая реализация, а можно всю жизнь не осознавать или полуосознавать, однако всегда придерживаясь очень определенной волны или вибрации, которая и является источником для нашего сознания. Патрон — это тот, кем вы могли бы стать, будучи наиболее подлинны.

Ставку можно было бы назвать по старинке — аватарой, но когда мы говорим про кого-то, что он — аватара того или другого бога, это звучит почти как претензия на мессианство. На самом деле у одного божества или архетипа в одном поколении может быть от десяти до ста различных ставок, большинство из которых даже не думают о себе в таком ключе, просто потому что у них нет для этого слов и определений, а происходящее под шелухой они просто не способны осознать эту ставочность, бытие луча от солнца, жара от огня, пены от волны.

Все это отступление было нужно, чтобы подготовить читателя к появлению на сцене одной из самых ярких и значимых женщин. Которой выпало счастье оказаться Ставкой или избранницей Иштар. Далее для простоты мы будем звать ее просто Иштар. Только не понимайте это уж слишком, тотально буквально, это не избранничество, не мессианство, и среди миллиардов людей есть тысячи а может быть десятки тысяч ставок разных божеств или по солидному говоря, архетипов, даже не подозревающих о своей природе.

Наша близость с Иштар продолжалась шесть лет, пока независимые от нас обстоятельства не сделали продолжение связи невозможной. И черт возьми, всякий раз, когда я слышу имя богини Иштар, я мысленно благодарю ее за этот дар.

В массовом сознании природа богини Иштар очень сильно искажена. Не считая нужным удостаивать вниманием тенденциозные заблуждения, скажем, что роль Иштар в Вавилоне заключалась прежде всего в том, что ее старшая жрица (или воплощение) определяла, кто будет царем. Существовал особый ритуал иерогамии, ритуального соития царя с жрицей, представлявшей Богиню, только после этого царь и становился царем. Иштар — прежде всего та, кто определяет и выделяет царей. Когда человечество пошло по пути патриархата, а царство стало передаваться не через иерогамию, а силовым захватом власти по принципу грубой доминантности, цари исчезли и на место царей пришли более или менее терпимые узурпаторы.

Я до сих пор не понимаю, как у нее это получалось. Мы достаточно регулярно встречались около шести лет. Я мог прийти к ней в самых разных состояниях, принося вести об очередной победе в нашей постройке Города, договоре с другим проектом или о чем-то подобном. Степень доверия — абсолютная: обсуждали все, включая появление в моей жизни новых женщин. Из всех женщин, Иштар была первой кому я доверял почти как себе. Ни тени ревности, ни нотки беспокойства. Иштар знает, что у нее не может быть конкурентов. Не убеждает себя. Не декларирует. Знает как очевидный и непреложный факт, такой же, как что зимой идет снег, а летом жарко.

Но я мог прийти к ней в совсем других состояниях. Раздавленный всмятку чем-нибудь вроде битвы титанид, потерявший главного союзника, измученный до изнеможения, Я мог прийти с черной дырой размером в полгруды — в состоянии, когда

любая другая женщина инстинктивно закрылась бы и дыра стала бы еще больше. Но что бы ни происходило, одно было неизменно — трансформация происходила незамедлительно, как только я оказывался в ее пространстве. Еще даже не секс. Нет, еще только пришел в квартиру, которая была ее храмом, и заваривал чай. Неизменным оставалось одно: что бы ни было час назад, как-то мгновенно расправлялись плечи, затягивались черные дыры, осанка выпрямлялась. А где-то под шелухой на моей голове оказывалась корона. Теперь можно и к святому приступить. Святому и святая святых. И как-то сразу все, что казалось неразрешимым, оказывалось решаемым очень легко, а для всего неподъемного находился нужный рычажок влияния. Царь всегда знает, как надо. А если ты допущен к Иштар — ты царь. Она знает, что ты царь, а жрица Иштар не может ошибаться.

По иронии судьбы, все время, пока разыгрывалась история с Черным зеркалом, Иштар была в отъезде. Видимо иначе игра не смогла бы сложиться ведь если бы она была в Москве, кошмара Черного зеркала просто не могло бы произойти.

Есть еще один забавный факт. Точно так же, как она никогда не ревновала, никто и никогда не ревновал к ней. Мне дважды приходилось слышать от разных женщин: «После встречи с Иштар с тобой приятно иметь дело».

Наша близость может быть разделена на два периода — до и после «момента осознания». Включение произошло через три месяца после окончательной победы над Черным зеркалом. Мы ушли под шелуху с помощью ритуала 2,22 и сексуальной магии, и вдруг в процессе любовного танца она стала слышать строки из легендарного гностического апокрифа «Гром — совершенный ум». «Я почитаемая и презираемая, я есть блудница и святая, я есть мать моего отца и дочь моего сына». И где-то там, на глубине, прозвучало сокровенное слово, слово-узнавание. Момент, когда Ставка осознает своего Патрона. Иштар.

И здесь началось плетение внутренней мифологии. Приходили и уходили боги. Каждый опыт, каждое соитие, видение, миф, рождающийся из глубины и кажущийся сперва всего лишь фантазией, вдруг оборачивался странным потоком совпадений, в результате которого у нас появлялся новый лектор, а какой-то поток вдруг менял общую тональность пространства, играя новыми красками.

А еще у нас была одна книга. Одна на двоих. Еще в начале нашего совместного странствия мы случайно открыли для себя Генри Лайона Олди, «Я возьму сам». Книга зацепила в каждом из нас нечто корневое, и мы могли обсуждать переплетения сюжета и задавались одним вопросом: что нужно сделать, чтобы все воплощения городов, священные бого-животные, принесли свои фарры, все до единого? Какой роскошный образ для идеальной цели. Мир Олди стал нашим языком, и главный вопрос, который мы жаждали постичь в промежутках между занятиями любовью, — что нужно, чтобы стать шахеншахом? Как собрать все фарры? И почему главный герой такой глупец, что не принял этот последний фарр?

Цель, мечта, идеал, к которому имеет смысл идти любыми путями, даже если это будет стоить гибели, как погиб предыдущий шах в упомянутом романе. И она, страж, хранительница Града, помогала мне нащупывать путь в этом направлении.

Иштар любила свою Ставку. Порой в течение двух месяцев меня сопровождали немислимые сплетения смыслов и сюжетов всякий раз когда я к ней приближался. И всегда в основе была Иштар.

Вот я еду к Иштар — и ломается моя машина. Пока я жду эвакуатор, звонит совершенно неизвестный мне человек, с которым я, может, парой слов в ВК перекинулся, и говорит: «Вы не представляете, родители купили лошадь, и её зовут Иштар, это какая-то ваша Богиня, хотел поделиться». Мне оставалось только мрачно процедить сквозь зубы: «А я сейчас ехал к настоящей Иштар, и моя чертова лошадь сдохла». Что заставило этого юношу с которым ни раньше ни позже я не общался, позвонить мне в одиннадцать вечера чтобы сообщить про имя купленной лошади.

В другой раз, когда я уже подъезжал к дому, где меня ждала она, вдруг позвонила сестренка Тхэнн, спешащая поделиться, какую новую богиню она открыла и как круто ей служить. В третий раз, ожидая ее на съемной квартире, я бродил в интернете случайными тропами, и за минуту до звонка Иштар неожиданно оказался на странице совершенно неизвестной художницы, тэжки Ставки Иштар, тоже называющей себя Иштар. Немыслимые, головокружительные знаки, глядя на сеть которых можно было сказать одно: весь мир, может быть, и не вращался вокруг Иштар, но всеми силами к этому стремился.

А вот я сижу на диване на съемной квартире и жду Иштар, параллельно перемещаясь по интернету. От любимой эротической сцены — к профилю заинтересовавшей актрисы, к еще одному профилю так что когда раздается звонок в дверь я натыкаюсь на аккаунт неизвестной художницы которая по земному имени тезка Иштар а в качестве псевдонима у нее стоит все та же Иштар.

В нашей культуре есть привычный и банальный шаблон, связывающий богинь сексуальности только с земной и подземной сферой. Аналогия с плодородием земли вполне действует, но не будем забывать, что имя Иштар происходит прежде всего от «астер» — «звезда», а на половине изображений богини у нее на лбу диадема с неизменной сияющей звездой. Пару раз под шелухой я видел эту звезду. Потому — сексуальность Иштар принадлежит не подземелью, а небу, не хаосу, но солнцу, она — хозяйка и хранительница городов, ее любовь не разрушает, но упорядочивает. Это, конечно, не исключает и того, что богиня Иштар есть Богиня Войны, но самые яростные и кровавые войны, вдохновляемые ею, направлены на расширение или защиту Города. Цивилизация предала эту Солнечную Богиню, но даже оказавшись преданной, она все так же тайно и незримо покровительствует Городу и цивилизации.

И когда Иштар придет время уходить, для Магды это будет не менее тяжелым разрывом, чем для меня.

Иштар дарит фарры. Играя. Сама этого не замечая. Однажды, я снял квартиру в Подмосковье, и первая, кого я туда позвал, была, конечно, Иштар. Мы оказались в полностью голой квартире и занимались сексом прямо на полу, а после я созерцал видение восточных богов, в моей голове словно беседовали Шива и Шакти, подражая изысканному стилю восточных тантр. И — чудо: через неделю появляется один из главных авторитетов по санскритологии и безвозмездно передает нашему проекту переводы всей своей жизни. Восточные врата восстановлены одной высшей магией Иштар.

Вот только одна беда. Когда уходит Иштар, фаррры исчезают аки тени. И ты больше не царь, с этого момента ты в худшем случае раб, а в лучшем — узурпатор. Потому, если бы не появилась ее полная противоположность, протаскившая меня по самым отдаленным лабиринтам Черных вод, рассыпающаяся из-за малейшего нарушения в поле, приучившая меня к сложнейшим правилам внутренней психогигиены и психоработы, в общем, если бы не появилась Акташ, все закончилось бы катастрофой. Потому что неизбежность разрыва была прописана в поле, когда мы еще не подозревали. И если бы не Акташ, расставаясь, я просто вернулся бы на шесть лет назад — без фарров, без мифа, без ключей, когда-то правивший царь с ненужными и осложняющими жизнь воспоминаниями о прежнем величии. День не был бы полон без ночи.

Глава 7. Дакини

У Дакини богатая история. Просто невероятно, как, близко взаимодействуя с ней больше трех лет, я умудрялся видеть не ее, а некий набор клише и стереотипов «роковой

женщины» и «идеал воплощения сексуальной свободы». Идеал-то идеал, но какая мистерия Азазеля разыгралась у нее еще до того, как мы в первый раз познакомились!

Дакини — мастер одной из школ тантрического буддизма. Одна из немногих, кто действительно достиг высоких уровней и состояний в своей практике. Ее богиня, ее свет, ее исток — зовется Красная Тара, и она получила все тайные высшие практики, связанные с ней.

За три месяца до нашей встречи ей приснился сон.

Какой-то незнакомый мужчина, в котором она гораздо позднее узнала Алистера Кроули, ей сказал одну фразу: «С тобой хочет заняться сексом Азазель. Ты согласна?» Она ответила «да» и проснулась.

По ее словам, она даже не успела понять, кто такой этот Азазель. А на следующую ночь она встретила с ним. И это было невероятное блаженство, проснувшийся поток Кундалини, радуга, свет, сияющие фейерверки радужных искр и полет в запредельное.

Хотелось узнать — кто такой этот Азазель. Тем более что в буддизме божества, не включенные в пантеон, считаются богами иллюзии. Да и мало ли кто назвался таким именем.

Сперва нашлась книга Еноха, и стало ясно, что раз Яхве был против них, значит, скорее всего, он из тех, что и Лилит. А Лилит она почитала.

Через несколько дней Он пришел опять. С этого момента началось наше взаимодействие и наш танец в сновидении. И это было за несколько месяцев до нашего знакомства.

А затем начались синхронии. Сперва она услышала песню Метеона «Азазель». Это тот самый Азазель! А затем она оказалась на моей странице, где я писал про Азазеля. Это было начало его проявления, его синхронов, его знаков — еще до того как Он собственной персоной пришел в нашем полете с Акташ.

Это кажется невозможным, и, скорее всего, она рассказывала мне об этом с самого начала, но я просто не мог в это поверить, пропуская мимо ушей как фантазию слишком романтической женщины, желающей войти в мою вселенную. Только после того как я прожил свою мистерию во всей полноте (об этом — в четвертой части), я понял со всей определенностью: все ее слова — чистая правда.

Незадолго до нашей встречи она увидела сон.

Ночь, светящийся магический круг. Она — в центре магического круга, и демоны ада выходят к ней по очереди и называют имя. Сперва — чувство ужаса, но вдруг слева от меня возникает Азазель, достает сияющий меч и говорит: «Не бойся, любимая». А следом за ним, справа от меня, возникает сияющая форма Люцифера (это было ее первое знакомство с Ним), тоже достает переливающийся всеми цветами радуги меч и говорит: «Не бойся, любимая». За моим левым плечом Азазель, а за правым Люцифер, и она понимает, что бояться нечего. Страшные демоны выходят один за одним и называют мне свои имена...

Всего за пару недель до того, как я впервые написал ей, заинтересовавшись ее желанием «сексуальной магии», она увидела еще один сон. Я привожу его из ее дневника, которым она поделилась уже через несколько лет.

«Вновь приходил Азазель. Комната сразу наполнилась мягким сиянием. Я его почувствовала напротив меня.

Он сказал так просто: "Привет, как дела?"

Я ему также: "Привет, хорошо, а у тебя?"

Он сказал: "Не очень. Устал я. Посвети мне своей любовью".

Такое сияние теплой нежности и усталости от него. И начал показывать разные свои лики. Мне стало немного не по себе. Подумала, а это точно Он? Но потом поняла — Он.

И сказала: "Можешь мне любой свой лик показывать, хоть самый ужасный, я не боюсь".

А потом Он [говорит]: "Если моего аватара пришлю, примешь?"

Я: "Пока не знаю, захочу ли. Но если ты этого хочешь, тогда скорее да. Но только если ты Сам придёшь. Толкни его тогда в бочок".

Он: "Хорошо, толкну."

А потом мы просто сидели и я ему сияла. Это было так красиво. Мягкие нити любви и доверия между нами...

А потом он сказал: "Ты можешь подойти ко мне в тонком теле, попробуй и прикоснуться ко мне".

Я попробовала. Да, но немножко страшновато. Но здорово. Ух...

А потом он сказал: "До встречи, моя королева. Очень хочу обнять тебя и почувствовать, и через тело тоже. Жди".

Я: "Пока, до встречи».

Так просто. И сияние постепенно растворилось...»

Это невероятно, но всего через пару недель я, и понятия не имея о ее переживаниях написал ей письмо. Она просто переписывалась с нами в чате, и меня восхитила та раскрепощенность с которой она говорила о практике сексуальной магии. Значит в ней тоже есть огонь Лилит-Бабалон.

Я помню ее первое появление на собрании нашего клуба и ее вопрос: «А есть ли у вас внутреннее крыло, которое практикует сексуально-магические оргии?»

Черт! У меня слишком свежо в памяти было начало нашего проекта, с каиновскими оргиями, поэтому я спешно стал объяснять, что ни у нас, ни у ОТО никаких магических оргий нет и не может быть, потому что опыт показывает, что любая оргия в конце концов кончается сепаратной яростью и группа распадается, а мне мой проект нужен живым и здоровым. Поэтому если у вас есть клубы оргий где-то там, в стороне, я бы с радостью принял такое предложение, но превращать свое пространство в оргию — я не ханжа, конечно, но и совершенно точно не враг себе и своему Городу.

Вместе с тем, сударыня, для вас я безо всякого сомнения готов раздвоиться или расчетвериться, если надо, а также — если у вас есть на примете достойные мужчины, которые составят для вас божественное трио или, может быть, квартет, — о, я сочту это за огромную честь. Когда тебе в глаза смотрит роскошная блондинка и сокрушается: мол, все вы такие отсталые, что не практикуете оргий, — единственным твоим желанием является устроить эту самую оргию прямо сейчас, и будь что будет.

Как то само получается что я отправляю ей свою историю, уже тогда записанную в моей так и не изданной книге «Восход черного солнца» а она рассказывает о видении Азазеля. Я ведь практически забыл этот разговор. Вероятно потому что считал все сказанное невозможным.

Дакини. Рисуя портрет леди, следует сразу отметить ее уникальность в нашем пространстве. Дакини единственная в нашем кругу, кто обращен не на запад, а на восток. Посвященная одной из закрытых буддийских школ Ваджраяны, о которой мне известно не слишком много. Жрица Красной Тары, богини, являющейся полноценным восточным аналогом Бабалон, но при этом имеющей свои неповторимые грани. Базовая идея Дакини — секс как практика освобождения.

И конечно, читая мои статьи о сексуальной магии, она была уверена, что у нас, где-то там, реально есть внутренняя сексуально-оргиастическая группа человек на десять. Впрочем, по ее рассказам, она участвовала в таких группах, и — подтверждение моей правоты — эти группы достаточно быстро рассыпались либо из-за самодурства лидера,

либо из-за неготовности участников. Ох не надо вызывать этого демона, красавица, ох не удержите!

Наш танец с Дакини начался. И практически сразу я отметил целый ряд исключительных качеств. Во-первых, она никогда не пыталась привязать. Все эзотерики говорят о непривязанности, но когда ты чувствуешь, что можешь появиться сейчас, а потом через полгода, и это будет воспринято как волны мировой кармы — все равно появишься, когда взойдет нужная звезда, — вот это, я понимаю, истинная непривязанность. Она не удерживала, поэтому наши встречи были реже, чем с кем-либо, но если уж встреча происходила, на ней всегда что-то открывалось.

Следующая грань Дакини — сочетание огненного темперамента и экстатического, благородного покоя. Единственная женщина в моей жизни, которая после секса уходит в двадцатиминутную медитацию, и лучше ее не трогать в это время.

Секс равно священнодействие. Кажется, она одна из немногих, кто действительно смог принять эту идею до конца и полностью очистить от человеческого, слишком человеческого. Поэтому каждая встреча с ней оборачивалась особой духовной практикой, мистерией, имеющей четкие границы и пределы. Пожалуй, Дакини обладает редчайшим качеством в виде гибко простроенных границ, не позволяющих ни залипнуть в чужом процессе, ни втянуть в свой — исключительно практика, священнодействие, которое должно быть чисто от любых привнесений.

Однажды глубоко под шелухой на меня вдруг навалились давно забытые воспоминания из другой вселенной, в которой я был подростком. Я вспомнил два женских образа того времени, и кажется, всецело спроецировал на нее, впервые соединяясь с этими отщепленными частями. Полная проекция другой, причем глубоко раненой структуры! Любая женщина после такого была бы полуразрушена, а увидевшая, что и почему, наверняка дала бы мне от ворот поворот. Ничего подобного. У Дакини был свой процесс, в котором она проводила форму Кали, владычицу времени, пожирающую омрачения. То, что для большинства яд, для нее — не более чем один из нектаров. Именно после этого переживания я впервые рассказал о ней Мартиэль. Кажется тогда, впервые мелькнуло подозрение что Дакини не так проста как показалась вначале.

Были и другие погружения, в которых я проводил грани моих богов, а она — богов своего пантеона. Что поражало, так это неизменная чистота и границы, в которых могла в полной мере развернуться мистерия соединения, но за эти границы ничего не могло вылиться. Поэтому в дальнейшем повествовании Дакини практически не будет — наш с ней магистерий был изолирован от всех остальных, а потому сюжетных ходов минимум. Но Дакини — одна из тех немногих, с кем у нас произошла большая мистерия. И совсем немногая кто смогла войти в большую мистирию Черных Звезд!

Если Иштар превращала меня в короля, ответить на вопрос, в кого же я превращался с Дакини, не так просто. Отчасти — в идеального духовного практика, заинтересованного в строгой сексуальной магии. Отчасти — в революционера. Она никогда не позволяла мне забыть о важном — каких бы результатов мы не достигали в этом мире, мир находится во власти Иалдабаофа, где порабощение, ложь, лицемерие и подавление женского начала — вечные спутники цивилизаций. Если я сначала ненавидел систему, то именно мистерии Дакини давали мне пламенеющий меч ярости и бескомпромиссности, позволяющий максимально жестко и не церемонясь на эвфемизмы отстаивать новую правду — правду возвращающейся в мир Богини и правду преклонения перед океаном блаженства, который дарует нам сексуальность, если только очистить ее от омрачений.

Но самое невероятное для меня, что полноценного видения Люцифера незадолго до событий уже четвертой части (да простит мне читатель эти скачки времен) я был впервые удостоен именно с ней. Это стало одним из самых интенсивных видений, когда я увидел Его Черный Свет, связующий мироздание своей безграничной любовью,

расточающийся ради всех нас, приносящий себя в жертву ради обретения нами сознания и свободы.

Это было воистину сбивающее с ног и вдохновляющее переживание, но по странной иронии судьбы именно тогда наши отношения чуть было не прекратились, потому что я оказался слишком поражен — почему он пришел именно к ней? На самом деле это не было снобизмом или пренебрежением — невозможно войти в тигель с женщиной, по отношению к которой испытываешь хоть нотку превосходства. Просто я был убежден, что ее магистерий раз и навсегда запечатан границами буддийского пантеона и буддийской практики, поэтому явление Самого из другого потока поразило мое воображение. А уж когда она мысленно говорила с Мартиэль — и потом Марти подтвердила, что мысли, услышанные Дакини из этих разговоров, совпадают с ее настроениями, — моя реальность окончательно была сокрушена. Слова, непонятые, чуть было не взорвали тигель, но, к счастью, все обошлось: нити связи, идущие через Азазеля, не так-то просто порвать.

А однажды она таки пригласила меня на оргию. Ей удалось невозможное: она собрала пусть и не слишком большую, но неплохо спаянную общим вектором группу.

Забавно. Я получил приглашение на полноценную сексуально-магическую оргию лет через семь после того, как потерял интерес к такого рода мероприятиям. В своем пространстве я бы постарался не допустить ничего подобного, но оказаться приглашенным в другое дружественное пространство — это действительно огромная честь.

Первое что я сразу понял. То что происходило в пространстве Каина, вообще нельзя называть Оргией и тем более магической трансгрессией. Разве что первая встреча с Фениксом, несла печать иного, а все происходящее потом было лишь безличными совокуплениями. А вот в группе Дакини разворачивалась настоящая сакральная оргия где каждый был всецело предан своим божествам.

Приехав, я обнаружил группу из четырех мужчин и трех женщин — саму Дакини, женщину, которую я ментально определил как ее сестру под шелухой (не знаю, понимают они сами это или нет) и их мастера, женщину уже пожилого возраста, посвятившую десятки лет самой углубленной медитации.

Накануне мероприятия я чуть было не отказался участвовать: выяснилось, что в качестве работы с нарушением как можно большего количества табу Дакини подразумевала магию крови, смешивание крови с другими, неизвестными мне участниками. От Марти я хорошо знал, что кровь мне точно не следует смешивать с кем-либо. Только в последний момент был предложен компромиссный вариант — каждый наливает себе в чашу вина, капает туда кровь, осушает свою чашу сам и передает пустую чашу другому участнику. Как выяснилось, даже такой щадящий вариант оказался несколько избыточным: практически перед началом главного таинства один из участников получил одержимость демоном и оказался полностью выключенным из пространства.

Я был счастлив, скользя от Дакини к ее сестре и обратно, я срывал плоды самого утонченного наслаждения. А потом, третья женщина, хозяйка этого мероприятия приглашает меня посмотреть друг другу в глаза.

— Я понимаю, что я тебя не привлекаю, но давай хоть энергией познакомимся.

Мы смотрим в глаза меньше минуты, и я чувствую, что меня начинает вовлекать в какую-то бурю клокочущей пустоты. Я даже испугался, на какой-то момент мне показалось, что невинная близость глаз — на самом деле суровая магическая схватка, проба сил наших богов. «Азазель, Азазель, дай сохранить ясность», — только и смог сказать я, проваливаясь в эту клокочущую бездну. Через пять секунд женщина резко отшатнулась от меня и спросила:

— Да кто ты вообще такой? Ты же не человек!

О боги! Сколько «нелюдей» бегают по просторам сети, бия себя в грудь и требуя от окружающих, чтобы они признали — ты-то точно не человек. Для меня притязания на бытие нечеловеком всегда казались преувеличенным пафосом и позерством. Разве я не страдаю от тех же страхов, надежд, разве у меня нет все тех же человеческих, слишком человеческих комплексов? Какое я имею право называть себя не человеком? Но, черт возьми, когда тебя называет не человеком мастер другой традиции, проводящий дни и ночи в глубинной медитации уже несколько десятков лет, — это приятно льстит, должен признать.

— А кто же я? — отвечаю ей.

— Демон. Бог. Какая разница, все зависит от ракурса, с которого смотреть.

Вот это поворот. Ведь она вообще ничего не знает о моем магистерии! Хотя конечно Дакини могла ей сообщить. Но слишком спонтанной, неожиданной, искренней была ее реакция. Должно быть, в коротком танце глаз Азазель показал свои огненные искры, и невозмутимый мастер буддизма не смогла сдержать удивления. Но какое я имею право отождествляться с Ним? Я — Ставка, он — Исток и Патрон, истинный САХ, тот, кого я славлю каждым своим словом и делом. И все же лестно, о боже, как же лестно!

Действие продолжилось, я снова соединился с сестрой Дакини, и в какой-то момент почувствовал, что мы все как будто теряем границы своего эго, превращаясь в один огненный шар чистого осознания. «Так вот что такое настоящая оргия!» — только и успел подумать я.

Впрочем, как поток оргиастической страсти способен вознести к точке полного отсутствия, так и потом, когда он начинает идти на убыль, все, что казалось преодоленным, возвращается с новой силой. Дакини неумоимо занималась сексом с наиболее дееспособным мужчиной, ее сестра изрядно устала. Я почувствовал легкую отстраненность, и внезапно на меня нахлынуло чувство невероятной и несвойственной мне тоски, одиночества, покинутости и отчужденности. Я только поймал себя на мысли, что это чувство звучало как-то странно, как будто к моим очень дальним рубежам бессознательного добавились совершенно чужие влияния, которые начали меня прогибать.

«Азазель!» — воскликнул я куда-то вглубь, возвращая осознанность. И ответом были строки из любимого телемистского ритуала, буквально ворвавшиеся мне в память: «Я это он, нерожденный дух, чьи стопы зрячи, сильный и бессмертный огонь».

После произнесения этих слов нахлынувшее было ощущение вселенской тоски как будто вылетело из меня прочь — и вот, как бы это невероятно ни прозвучало, в ту же секунду другой мужчина, уже мирно спавший, начал синеть и задыхаться в эпилептическом припадке. Твою же мать! В ту же секунду!

В этот миг я как будто поднялся над происходящим в некую точку созерцания и смог понять саму природу подобных оргий со всеми ее плюсами и минусами.

Сперва все прекрасно. Все оказываются соединены в одно совокупающее колесо. Но при всей чисто духовной цели, в этом соитии есть и вектор бегства, как будто каждый немного бежит от своих демонов, страхов, надежд, тревог в точку растворения, где нет индивидуального эго, где каждый — лишь часть этого совокупающегося колеса огня.

В этот миг предельного напряжения кажется, что удалось оторваться от земли и оборвать связь со всем, что мешает и тревожит. Проблема только в одном: демоны, комплексы, неврозы, выброшенные из своих хозяев, тоже в это время люто, бешено трахаются и сливаются. И от этого невидимого никому слияния очень быстро преумножаются в геометрической прогрессии — теперь уже по возвращении каждый столкнется не только со своим, но и с коллективной совокупностью неврозов.

— Ну почему никогда не удастся удержать то высшее напряжение? — кажется, сказала либо Дакини, либо ее сестра. Мне хотелось ответить — потому что это

невозможно. Потому что невозможно до бесконечности оттягивать пружину, и чем больше рывок в это плеромное экстатическое и беспроблемное состояние — тем больше будет обратка, тем более по возвращении каждого будут ждать их же демоны и страхи, преумноженные страхами и демонами других.

Впервые, я осознал во всей полноте главный закон сексуальной магии. Секс это слияние, а слияние такого масштаба не может произойти наполовину или отчасти — соединяется все и вся, в том числе наши тени и наши невроты.

Неожиданный припадок синееющего человека, закусившего зубы, произвел впечатление. Уж не капли ли вина, которые были смешаны с моей кровью, он принял чашей, сам того не зная? Вот, значит, о чем говорила Марти, вот почему причастие Люцифера будет губельно для любого, кто хоть немного не готов. К счастью, нам удалось привести его в чувство достаточно быстро, впрочем, после припадка он моментально провалился в сон, а потом, как это и ожидалось, ничего не помнил. Выяснилось, что, вообще-то, никакой эпилепсии у него нет, и что это было — непонятно. Кали пролетела или тень Люциферова крыла задела.

Не могу сказать, что мне хотелось бы повторения. Не рискну искушать богов соединением с теми, кого не знаю достаточно, для того чтобы сказать — наш магистерий един. Но видят боги, как я благодарен за этот единственный в полной мере религиозный опыт оргиастического слияния. Только после этого я могу сказать, что действительно понимаю тонкие изумрудные нити сексуальности, которые плетут свой венок. Только после этого я понял, что же действительно сожгло разум Саши С. Только после этого я смог закрыть эту страницу, окруженную идеализацией за счет запрета. Там я получил воистину бесценный опыт, и как будто это стало еще одним кирпичиком моего посвящения.

А Дакини оказалась одной из нас. Из Черных звезд. Жаль только, что это стало ясно слишком поздно, и в большинстве наших взаимодействий я просто не догадывался, с кем имею дело.

Комментарий, записанный со слов Дакини.

«На самом деле в истории тантрической мистерии ты продемонстрировал, что не понимал суть и задачи мистерии чуть более чем полностью. Для тебя мистерия была, с одной стороны, "средством нарушить еще один запрет", а с другой — получить удовольствие и раствориться в общем потоке. Худшей ошибки, тем более на мистерии, посвященной Кали, трудно представить.

Ты прав: тантрические сексуальные групповые мистерии для большинства являются путем вниз и приводят к саморазрушению — по тем причинам, которые ты описал. Но как по-твоему — почему я участвовала во множестве мистерий и так и не развалилась?

Когда после мистерии ты столкнулся с чувством одиночества, тоски, изгнанности, первое, что ты сделал — это отбросил, отверг это состояние, защитившись от него магическим именем. Тем самым ты отверг дар Кали и оказался вне пространства ритуала, участвуя в ритуале так, как если бы это была обычная оргия в клубе. Гораздо правильнее, столкнувшись с негативными переживаниями (и личное отчуждение, и одиночество — кому бы оно ни принадлежало, — это еще самое меньшее из того, что может прийти во время ритуала Кали), открыть свое сердце и преподнести свою и групповую боль в дар богине. Единственный, кто сделал все правильно, это тот, кто пережил эпилептический приступ. Он вошел в мистирию, не думая ни о чем, кроме преданности Кали, и через боль, через безумие Кали трансформировала его, да так, что уже через месяц после прохождения своего кризиса он оказался другим, гораздо более целостным, осознанным и свободным человеком.

Путь левой руки — это действительно путь не для всех. Те, кто ищут на этом пути легкого удовольствия и растворения, обречены быстро деградировать, что и

происходит сплошь и рядом. Поэтому многие учителя отказались рассказывать ученикам о тантрических сексуальных практиках. Но в тех редких случаях, когда практик идет в ритуал с правильной установкой сознания, желая открыться богине и принять в себя страдания всех живых существ, собой их преобразив, такая мистерия может оказаться кратчайшим путем. Жаль только, что способных на это на самом деле, без лицемерного притворства и игры в адепта, в этом мире просто ничтожно мало. Поэтому так часто происходит то, о чем ты пишешь — коллективная тень пожирает всех, кто желает от ритуала только легкого удовольствия и самозабвения в океане всеслияния.

Глава 8. Пеймона

*У бурных чувств неистовый конец.
У. Шекспир*

Иштар вошла в мою вселенную почти незаметно, но определила ее на ближайшие шесть лет. Дакини вошла ярко, но дальнейшая мистерия вообще никак не была связана с остальными. Пеймона ворвалась точно огненный метеор, но незнание и нечувствование правил предопределило, что из моей вселенной ее просто вырвали общими силами. Да, потом все помирились, но это было гораздо позднее.

Танец с Пеймоной начался на одной из конференций, проводимых нашим проектом. Она просто согласилась прийти ко мне. Начался обжигающий вихрь, продержавшийся чуть меньше чем полгода, но оставивший немало впечатляющих воспоминаний.

Если Иштар превращает в короля, Дакини в революционера, то Пеймона своей какой-то хрустальной детской непосредственностью превращает своего мужчину в чистое дитя. После черной дыры, после мертвечины Черного зеркала Пеймона с ее возносящей волной казалась мне глотком живого воздуха. Здесь можно было быть ребенком, радоваться своей непосредственности, детской игривости (не имеющей ничего общего с Великой Игрой Царей, которую танцует Иштар). Пеймоне хочется излиться до капли, до последнего воспоминания, до самой последней истории своей жизни, своего детства, до последней раны, до последней, уже забытой, травмы прошлого.

Вот он — какой я! Всех победил, отовсюду выбрался, смотри, какой куличик я для тебя испек в нашей песочнице! Это детская радость и совершенно особая вибрация, тоже солнечная, но скорей солнечно детская. Обращаясь к языку таро — Иштар наделяет короной Императора, Дакини — включает Пятнадцатый аркан, Пеймона же дарит возможность резвиться на солнышке, как дети в Девятнадцатом аркане. Иштар мудрее, сильнее, Иштар ближе к пониманию Истинной Воли, ближе к пониманию главной задачи, смысла, строительства Града Его. Иштар здесь старшая. Но если бы на моем пути не было Пеймоны, я вряд ли смог бы так легко выбросить все застоявшиеся, невыраженные, горячие и гниющие чувства, оставшиеся после падения в Черное зеркало.

Иштар — утренняя звезда, Венера. Пеймона — озорной Меркурий, летящий быстрее любой другой планеты. И как истинный Меркурий, она знает толк в красоте мысли, образа, идеи, для нее всегда было особым шиком обосновать заведомо абсурдную и чуждую идею просто из любви к искусству риторики. Это было красиво, это было возвращение назад.

Ну что — еще один женский портрет? Как истинный Меркурий, Пеймона по-настоящему любит книги. Поэтому настоящая, нет, не синхрония, не серия событий, но одно немаленькое книжное чудо связано именно с ней. Однажды мы пришли на съемную квартиру. Система аренды квартиры на сутки предлагает несколько десятков

вариантов, и, пользуясь услугами одной конторы, никогда не знаешь, в какой район Москвы тебя отправят. И вот мы на очередной новой квартире, я привычно тороплю ее, чтобы упасть в ее играющий солнечными бликами океан, как вдруг она замечает: «А посмотри, что за библиотека здесь!» Ну библиотека и библиотека, мало ли в старых квартирах библиотек. «Нет, ты подойди».

Я подхожу. И через мгновение теряю дар речи. Потому что передо мной настоящая оккультная библиотека, иметь которую счел бы за счастье любой член нашего клуба. Тома Генона, Эволы, Дугина, столь ненавистного, но при этом уважаемого. Тома христианской патристики — полная подборка. Тома восточной мифологии и философии. Тома литературы — и конечно, как на подбор наша, корневая, сокровенная литература. Майринк, Гессе, Готфрид Бенн. Отдельные тома англоязычных изданий — и каких изданий! Огромные цветные тома, посвященные исламу, буддизму, маскам индейцев. Думаю, каждая такая книга стоит долларов двести в самом скромном случае. Раритеты. «Приближение к Снежной королеве»! Френсис Йейтс, полное собрание!.. Да за эти книги иные бы выложили любые деньги! Вишенка на торте — книги Кроули стоят у хозяина на той же полке, что книги Юнга. Господи, да кем он был, этот непонятный человек, самой расстановкой книг показавший, что знает о самом важном для нас избирательном средстве, которое изначально было положено в основу проекта как главная идея. Хочется присвоить хоть одну книжечку, ну хоть того же Головина. Но я не могу позволить себе кражу у другого человека — тем более собрата по интересам, Люцифер таких вещей не прощает изначально. Проведя полночи в лихорадочном перелистывании книжного сокровища, мы с печалью покидаем квартиру.

А потом мне в голову приходит шальная мысль. Мысль, которая не имеет шансов на осуществление. Мысль абсурдная, невозможная, за которую я был бы осмеян и с позором выгнан любым, кто хоть немного понимает, что это за библиотека. Но почему бы не попробовать? И я надеваю маску циничного бизнесмена, который вообще не понимает, зачем эти книги нужны, но вот у его дамы странный каприз — она книги любит. А вот не продадите ли библиотеку за двадцать тысяч, все равно же разворуют — квартиру на сутки сдается.

Я ожидал чего угодно. Я был готов торговаться до ста пятидесяти — одной английской полки хватило бы, чтобы окупить это с лихвой. Мое предложение принимают сразу и с какой-то особой радостью, как будто книги были предназначены к выбрасыванию на помойку, да руки не доходили.

Делим по-братски. Сперва я был настроен отдать ей ровно половину, но как выяснилось ей просто некуда ставить такой объем, и по итогам восемьдесят процентов найденного вливается в мою библиотеку. О легковушке и речи быть не может, вызываем газель.

Странная деталь. Все книги — не новее 2004 года. Ни одного современного издания. Складывается ощущение, что хозяин библиотеки, бережно копивший ее всю жизнь, умер и никто даже не может оценить масштаб сокровища. Как будто неупокоенный дух, хозяин этой библиотеки двенадцать лет ждал, кому можно передать это сокровище, последним магическим усилием воли удерживая реальность от того, чтобы все оказалось на помойке.

Пеймона знать не знала ни о внутренних стратегиях, ни о том, что такое фарры. Но по странной прихоти богов там, в этой квартире, вместе с ней я получил один из важнейших фарров. Как будто это был договор с еще одним эгрегором: старым, консервативным, мрачным сатурнианским эгрегором традиционалистов-одиночек, сосредоточенных вокруг духа Головина — вечной оси этого эгрегора. Много лет я искал первое издание «Приближения к Снежной королеве» в твердом переплете. Нашел там, где не ожидал найти. А всего через несколько месяцев наш старый друг, союзник, человек, не раз поддерживавший нас своими лекциями и рекомендациями, Елена Головина — дочь того самого Головина, просто так, точнее, за очень сниженную цену

делает нам королевский подарок — разрешение на переиздание главной книги ее отца, «Приближение к Снежной королеве».

Так что если вы думаете, что чудес не бывает, вы просто имеете дело с неправильными женщинами. В моей вселенной с каждой связано чудо или серия чудес, которые хочется сохранить для читателей просто по принципу созерцания красоты: посмотрите, друзья мои, как изысканно боги играют.

Впрочем, вспыхнув сверхновой, роман с Пеймоной был обречен на достаточно скорое завершение. Всего полгода. Я не люблю коротких отношений, не люблю быстро разрушенных сосудов. Но наше взаимодействие, разрушающее все границы, оказалось слишком интенсивным, и это не могло не вызвать обратного действия.

Конечно, нас развели общими усилиями слияния четырех волей, которому невозможно ничего противопоставить. Магда, Акташ, Иштар и даже маленькая Чинни соединились в безмолвном союзе, потому что все внутренне считали, что Пеймона разрушала общую мандалу. Но для достижения ими результата я должен был хоть на миг оторваться от нее.

Однажды я увидел ее Тень. Испугала даже не Тень, а контраст между чистотой ее бытия и Тенью, о которой она, похоже, даже не имеет понятия. Просто как-то между прочим Пеймона задорно рассказала, как она на работе блестяще вела дела и посадила какого-то не то конкурента, не то кого-то, заказанного их юридическому отделу конкурентами.

Если бы она с искаженным от гнева лицом рассказала, как отравила ртутью старого врага или засудила на многолетний срок соседа, который ее оскорблял, это было бы воспринято абсолютно естественно. Страшным был не факт, страшна интонация. Разрыв между фактом и интонацией, словно она рассказывала, как посадила у себя на огороде самую лучшую картошку. Страшна полная абстрагированность. Ты уничтожаешь чью-то жизнь, и этот кто-то не личный враг, не идеологический противник, даже не тот, кого ты хоть за что-то можешь ненавидеть. Просто работа хорошей девочки, которую хорошая девочка всегда выполняет лучше всех.

Существует такое крылатое выражение: на войне у женщины две профессии — санитарка и снайпер. Пеймона — женщина, изысканной, утонченной красоты, — могла бы быть любой из них. Вблизи — самая заботливая, самая теплая, самая внимательная санитарка, способная выходить и поддержать тяжелораненных бойцов своим сиянием.

А на расстоянии — идеальный снайпер. Потому что для нее там, в перекрестье мишени, не будет людей, там будут движущиеся фигуры, компьютерная игра по набору нужного количества бонусов. Нам, мужчинам, чтобы выстрелить, нужно ненавидеть. Нужно войти в пароксизм ярости, нужно видеть во враге нечто, готовое растоптать наш мир. Для нее — ничего личного, только бизнес, только задание, только работа, которую самые умные и красивые девочки делают «на отлично». И от этого действительно становится не по себе. Истинное дитя свято в своей безжалостной невинности.

Конечно, наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Чистота детства, Девятнадцатый аркан, самое живое, чистое солнечное сияние и кажущаяся наивность запросто переходят в ту самую «невыносимую легкость» и пренебрежение к писаным и неписаным правилам игры. Пренебрежение, доходящее до неспособности видеть эти правила.

Поэтому, когда Акташ объединилась с остальными, как будто выстроив неприступную стену между мной и Пеймоной, мне казалось, что меня натурально разрывает. Я почти физически ощутил, как Пеймону выдавливают из моего поля, и я не мог пробиться к ней сквозь поставленную границу. Слишком сильные ставки слишком древних богинь. У юной, пусть ослепительно красивой и страстной, но такой наивной девочки в этом противостоянии шансов не было.

Разрыв стал неизбежен. У бурных чувств неистовый конец. Общий блок женского круга — и ты начинаешь видеть не своими глазами, и само либидо начинает

блокироваться. А под конец Акташ наносит последний удар, огласив волю Кылчина. Единственное табу. Впервые в жизни я оказался не оставленной жертвой, а сам был вынужден отделиться — мучительная, страшная и более всего ненавидимая мной роль.

Но было ясно и другое: вздумай я противиться — вся выстроенная система осыпалась бы внутрь и грозила погresti меня под камнями и бетоном. Я рисковал потерять все. Тяжело разрывать отношения с столь красивой женщиной, женщиной и одновременно чистым ребенком, в которых ты впервые смог позволить себе самому быть беззаботным дитя. Но неотвратимо режет свою нить Атропос, и то, что решено в поле, не может спасти простая привязанность.

Тогда мне казалось, что речь идет о банальной ревности. Но почему та же Акташ не ревновала к Иштар, к Дакини, наконец, к самой Магде (даже в войне титанид Акташ упорно не понимала до конца, что же происходит и почему), с которой я связан куда теснее и тотальнее? Нет, простые ответы далеко не всегда самые верные. Просто между теми образами, формами, которые давали мне разные женщины, форма, даваемая Пеймоной, вызывала наибольшее отторжение. Царь и революционер могут договориться, но быть одновременно царем и дитя невозможно. Я хорошо помню один из первых моментов столкновения с Акташ, когда я вообще ничего не понимал, а она в ярости кричала на меня, что я притащил на себе Анимус Пеймоны и я вообще перестал быть собой. Акташ очень жестко ставила границы, но жесткость эта была связана прежде всего с тем, что для нее малейшие чужие влияния были травматичны.

Восьмой священный ключ. 2017

Глава 9. Акташ. Портрет Художницы в юности

*Дарья, Дарья, в этом городе что-то горит,
То ли души праведных, то ли метеорит,
Но пусть горит, пока я пою.
Только не спрашивай меня, что я люблю,
Говорящий не знает, а знающий не говорит.
Группа «Аквариум», из песни «Дарья, Дарья»*

И вот на сцене появляется Акташ, пожалуй, самая загадочная и парадоксальная героиня этой истории. Наша мистерия оказалась столь сложной, многомерной, полной самых неожиданных поворотов, что я почти написал отдельную книгу. Впрочем, эта книга никогда не нравилась Акташ, поскольку была слишком субъективной.

Первая версия нашего танца отразилась в книге, которую я так и не издал. Акташ, всегда подчеркивала, что там, в этих строках описана не она. Что я, вроде бы описывая реальные истории, как будто рисую портрет человека, которого не существует. Я помню ее особое предупреждение: если будешь издавать эту книгу, обозначь, что все написанное — это призма твоего восприятия, имеющая мало отношения к реальному человеку.

Если с Иштар и Пеймоной все ясно: одна превращала в Короля, а другая в Ребенка, — то с Акташ все гораздо сложнее. Забегая далеко вперед, скажу, что рядом с ней я оказывался попеременно то идиотом, то богом. Именно Акташ подарила мне мою 5=6, а что можно сравнить с таким даром? Увы, все уравнивается своей противоположностью, а возможность открыть бога неизбежно приводит к превращению в полного глупца, пока этого бога нет. В каком-то смысле это двойная форма, двойной миф то идиота, то бога, то танец за пределами бездны, то какое-то нелепое и мучительное выяснение отношений в попытке докопаться — ну чего она хочет на самом деле?

И вот я извлекаю из архивов эту неизданную книгу и начинаю работать над сменой акцентов и смыслов, так чтобы застывшая картина стала живой. Как бы то ни было, как бы ни оценивать осознание и глубину проживаемой Мистерии, именно Акташ протащила меня по самым дальним, самым загрязненным, самым пугающим подвалам бессознательного. Протащила не из какого-то особого альтруизма и самопожертвования. Просто её боги дали ей приказ не прогонять меня, а ей было невыносимо находиться рядом с тем, чья энергия была загрязнена.

Вот здесь, прямо на этом месте, полагается набросать некий приблизительный портрет Леди Акташ, Госпожи Черных вод. Магда, Иштар, Пеймона, даже бедная Чинни — все они из моей вселенной, танец с каждой — это грань моей вселенной, в которой мы прекрасно понимаем друг друга. Я и Акташ — из разных вселенных.

Настолько разных, что впервые я стал немного понимать ее совсем недавно, только после рождения ею близнецов, когда у нас таки сформировалось некое общее пространство. И это при том, что мы расстались уже полгода назад.

Мы не противоположны, не конфликтны, не враждебны. Мы просто настолько различны, что какие бы слова я не написал о ней, это неизбежно будет ложью и бликами на воде. О Магде, Пеймоне, Иштар я могу говорить, и читатель может даже увидеть вполне реальный портрет. Но что бы я ни написал про Акташ, той самой Акташ, что провела меня к Азазелю и помогла в полной мере стать собой, подготовиться к встрече с Нахемой, той Акташ, что сыграла в моей жизни по-настоящему важную роль, — так вот, что бы я ни написал, это все равно «рисунок себя», рисунок, на котором реальные черты необратимо смешиваются с фантазиями и проекциями. Сачком Черную воду не выловишь.

В Акташ соединяются крайние контрасты. И здесь есть очень серьезная ловушка, попав в которую, можно достичь немалого непонимания. Вздумай я просто последовательно рассказывать историю ее жизни, выбрав наиболее яркие факты, поведенные ею, читатель может решить, что это самый трагический, самый безумный человек, который просто не может не быть сломлен. Какой соблазн пойти по накатанной дорожке байроновского романтизма!

Посудите сами. В четырнадцать она первый раз полюбила. Полюбила на всю жизнь. Ее возлюбленный, гениальный художник, фактически передал ей глубинное знание ее истинной природы — быть живописцем. Безо всяких причин в расцвете лет и в расцвете отношений ее возлюбленный умирает. Она оказывается в состоянии отчаяния. Следующие отношения разворачиваются с мужчиной, от которого она зачинает, однако этот мужчина не в силах уйти от жены, просто... Нет, не бросает ее с ребенком, как можно было бы подумать. Убивает жену. После чего, естественно, оказывается в заключении. В ответ на это она при помощи особого, известного только ей ритуала силой духа убивает плод в утробе, посвятив его богам смерти и наложив на убийцу родовое проклятье, после которого «их род обречен высохнуть». Следующий эпизод — ее подругу избивает профессиональный боксер, и они едут с ней в пещеру и проводят особый ритуал, который в течение полугода отправляет мерзавца на тот свет. Смерти, смерти, смерти. Да кто в свои двадцать пять видел только смертей и кто осуществлял столько приговоров?

Красивый, романтический, трагический образ можно нарисовать, не находите? Прямо так и просится — черный платочек, печальный взгляд. Так вот нет. Акташ — тот редкий случай, когда подробно изложенные факты жизни искажают суть. А суть ее — сама жизнь и связь с жизнью и смертью на самом глубоком уровне. Когда я писал «Black Sun», я не понимал этого совсем. Надеюсь, что сейчас понимаю и чувствую несколько лучше.

Невероятная правда в том, что при всех этих нереальных событиях, которые в мистический триллер никто не добавит, ибо слишком недостоверны, она — потрясающе нормальна. Говоря о норме, я, конечно, имею в виду не средний шаблон ложа Прокруста, а особого рода устойчивость духа и воли перед лицом мира. Все ужасы проживаются до основания и на следующем этапе отпускаются, и вот она снова возрождается. Принцип Акташ — принцип Воды. Удары судьбы могут разбить даже бронированное стекло. Но даже самый сильный удар может ли повредить воде, текущей от мгновения к мгновению и имеющий свой исток в тайне жизни и смерти? Какие травмы и воспоминания у той, кто на корневом уровне причастен к самой древней и неназываемой Мистерии?

Парадокс Акташ — ее очень легко принять за сумасшедшую. Для примера — что вы, мой дорогой читатель, скажете про человека, который начинает телефонный разговор со слов «в моей крови бегают собака, успокой свою бабу, чего она ко мне лезет!» или «Пеймона подкинула мне хорька, который тычется во все детские комплексы и травмы мне и моим гостям, поэтому я запихнула его в пепельницу и смачно швырнула в окно».

Есть ощущение безумия? Наверняка. Вот только первое откровение прозвучало буквально через полчаса после моего изматывающего разговора с Магдой, когда Магда впервые напала на Акташ и все, что она представляла в моей жизни, прошу прощения за забегание вперед. А второе — описанное выбрасывание физической пепельницы вместе с «психическим хорьком» — произошло одновременно с нервным срывом у Пеймоны на собраниях нашего клуба, когда на поверхность вышли именно детские комплексы.

Другими словами, за тем, что кому-то показалось бы безумием, есть основа — укоренение в реальности, куда большее, чем у так называемых «нормальных», которых ломает любое изменение ветра в политической и экономической жизни. Держу пари — ожидай нас вторые девяностые, Акташ узнала бы об этом за год до наступления событий от какого-нибудь хорька или медведя и подготовила бы твердую материальную базу,

чтобы пережить кризис. Ну и конечно, в отличие от сумасшедших, Акташ прекрасно знает, кому что можно, а кому что нельзя говорить. А надежная профессия высококлассного косметолога всегда обеспечит ей материальную основу.

И самое главное — спокойное достоинство в своем укоренении в вечность. «Единственное, что меня по-настоящему интересует, — это вечность». Высокопарная, даже гротескная фраза в устах Акташ вообще была лишена какого-либо пафоса и звучала как констатация факта вроде «а я пирожные люблю». И действительно — в самом широком смысле эта любовь к вечности не мешает ей любить пирожные.

Ах да, нанося эти фоновые мазки портрета, я не сказал две самые главные вещи. Художница. Художница милостью божьей. Истинная художница. Под Истинным художником я подразумеваю человека с таким уровнем мастерства, когда художник обретает уникальный стиль.

Индивидуальность — навязчивый лозунг эпохи потребления, фантом, о котором все говорят, но, за редким исключением, практически никто не обладает. В наше время, когда художники одержимы либо желанием угодить большому кошельку, либо желанием выебнуться пожестче, прибавив свои яйца к брусчатке — по большому счету тоже для того, чтобы угодить другому большому кошельку, понятие «индивидуальный стиль» стало почти анахронизмом. Поэтому даже сейчас, когда наша мистерия закончена и очень может быть, что между нами никогда не будет эротической близости, случись у меня хоть какая-то реальная возможность, я бы приложил все силы и связи, чтобы дать ее живописи шанс заявить о себе в большой культуре. Потому что это — Большое Искусство, в котором действительно есть новое слово — неповторимость взгляда сквозь Темную воду. сказала о ней Нахема: «Она не сияет, как Чернозвездные, но она обладает редчайшей способностью проводить свет». Глядя на ее картины, я по-настоящему кусаю локти, понимая, что все, что ей необходимо для признания — это хороший продюсер, способный обосновать то, что он видит, на современном языке, и некоторые связи в нужных кругах, которых, увы, у нас нет.

Ее живопись может пугать. Первое впечатление было отталкивающим, прежде чем я увидел Красоту Глубин. При первом взгляде мне показалось, что в ее живописи отражена сама смерть, когда тело разложилось до воды, а дух стал дымкой и сиянием по контуру. Неподготовленного наблюдателя это может испугать. Но это не современное «мрачное» искусство, пытающееся вывести на всеобщее обозрение побольше ужасов и оттого кажущееся гротескным. Ужас, который можно испытать, в первый раз взглянув на некоторые ее картины, возникает оттого, что они, вообще-то, вовсе не хотят никого пугать — они просто есть. Как есть жизнь и смерть, не отдельно, как нам бы хотелось видеть, а неразрывно: в жизни — смерть и в смерти — жизнь. Одна девушка, которой я прислал всего-то фотографии плохого качества на смартфон, почувствовала приступ паники и тошноты. Соприкосновение с подлинностью исключает «теплые» эмоции — здесь либо восхищение, либо отвращение, до приступа тошноты и панической атаки.

Второй значимый факт — это уникальность ее рода, ее статуса, можно сказать, полная уникальность этого человека. Как однажды сказала Мартиэль: «Да, она не совсем наша, но будь благодарен судьбе, что тебя пересекли с такой женщиной». Во всей огромной Удмуртии только две небольшие деревни смогли сохранить себя и в эпоху насильственного крещения в царской России, и в эпоху проклятого совка, который, по ее словам, был даже хуже РПЦ. Две маленькие деревни. История ее деревни известна даже в Википедии: в восемнадцатом веке некий пассионарий уводит небольшую группу единомышленников от принудительного крещения и в глубинах леса создает свое поселение.

Язычество. Язычество. Трижды язычество. Не то язычество, которое мы знаем, — щедро приправленное шизофренией вроде славяно-арийских вед и откровенной пакостью вроде нацизма. Не то сентиментально-симуляционное язычество а ля викканство для девочек, любящих природу, и мальчиков, надеющихся поймать этих

девочек в час Белтайна. Нет, это настоящее, живое, передающееся из века в век от отца к сыну, от бабушки к внучке, сокровенное, прекрасное язычество крови, рода, жизни, смерти. Язычество, в котором боги более реальны, чем стол, за которым вы пишете. Язычество, в котором существует только одна форма взаимодействия с богами — жертвоприношение жертвенного животного. Возможно, появление Акташ в моей жизни после Черного зеркала связано с тем, что в основном я смог переступить черту, редко переступаемую кем-то из современных оккультистов.

Как же прекрасны ее боги! Когда после первых проблем мы немного сонастроились, она показала мне их. Темную воду. Черное солнце. Небесную зарю. Удивительной красоты цвета, яркие, но не ослепляющие. Как же красивы эти древние боги, эти праотцы, праматери, первопричины и первоистоки! К этим богам невозможно прийти, разве что так, как повезло мне, — оказаться в танце с их избранницей, танце настолько близком, что она захочет иметь детей и вы будете приняты в род. Иначе — нет. Но как же обидно, что современные удмурты, в крови которых живут эти боги, отвернулись от них в обмен на чечевичную похлебку монотеистического христианства либо секулярного атеизма. Акташ никогда не рассказывала мне о положении дел на родине.

А между тем там, на родине дела действительно плохи. Забыты боги. Забыт язык. Когда совсем недавно для внутреннего ритуала «Касталии» нам понадобился человек, имеющий право принести жертву Кылчину (то есть чистый удмурт по крови), мы пригласили уважаемую гостью из Удмуртии — Елену (Акташ уже была глубоко беременна и к тому же она терпеть не может коллективных ритуалов). Вот от нее мы и узнали, что происходит там, как погибает деревня, как молодчики могут просто покрыть оскорблениями старика за то, что тот посмел говорить на удмуртском. На их же земле! Слушая Елену, я начал понимать, что такое стыд и что такое коллективная вина империи завоевателя. Чтобы понять, насколько все плохо, достаточно вспомнить, что совсем недавно один из главных жрецов язычников Удмуртии совершил самосожжение. Ценность идеи всегда определялась наличием тех, кто готов за нее умереть. Умереть осознанно. Не стада, которое, как в исламских террористических сектах, могут убедить, что, взорвавшись, они попадут к пышногрудым гуриям. А жрецов, осознанно делающих свой выбор. История самосожжения жреца сама по себе лучше любых изящных риторик говорит две вещи: как все плохо в общем эгрегоре и как же прекрасны, как совершенны их боги, что даже в наше время нашелся тот, кто был готов умереть и умер за них.

Я попросил Акташ назвать нашего сына Багышом. В честь того Багыша, который увел своих единоплеменников от принудительного крещения. Я все-таки оккультист и робко надеюсь, что душа *того* Багыша воплотится в нашем старшем сыне.

Я очень хотел знать — как проходит посвящение, инициация там, в настоящем, живом языческом мире. Я был готов услышать что угодно, кроме того, что услышал. Достижной определенного возраста девушке разрешается разливать водку мужчинам. Первый разлив — ритуальный. А вечером, после того как она разлила водку, к ней впервые прикоснулся ее бог, Хозяин Рода, Черное Солнце, Кылчин, прекрасный и пугающий.

Я и Акташ. Азазель и Акташ. В нас встретились два самых далеких принципа магии, оккультизма, отношения с богами. За мной — опыт инициатического пути в самом утонченном, сложном, возвышенном Ордене из всех западных орденов, детальное знание оккультных традиций, погруженность в сложное вычисление символов и смыслов, где каждое значение нанизывается, точно бусина, на сложный информационный код, работы на уровне парадигмы. Как человек я писатель, эзотерик и издатель со своим пусть маленьким, но бизнесом. Как маг я тот, кто строит Его Город, сплетая самые разные смыслы, линии, традиции. Более того — за мной внутреннее обучение у величайшей посвященной, которая, быть может, единственная полной мере знает, что значит быть рукой высшего принципа. Знает без пафоса, без позы, просто как

ходить на работу. Наверное, наше дружба-ученичество-родство с Мартиэль остается единственным мостиком, делающим наше взаимодействие вообще возможным. За Акташ — многовековая память крови и земли, память предков, которых язык не поворачивается назвать мертвыми, потому что все они — живут и дышат в ее крови, ее жертвах, ее картинах. За ней — непостижимые логичному и структурному уму Древние Боги, о которых, в отличие даже от античных или вавилонских, нет структурных мифологических сюжетов — только ежедневный опыт, только ритуал, только пребывание внутри своего бога. С одной стороны — Город. Его ядро, сердцевина, зерно, рацио. С другой — деревня, земля, кровь.

До знакомства с Акташ я презирал деревню. Что мы знаем о деревне, наблюдая нынешнюю, выродившуюся, изувеченную совком, деревню, в которой только и осталось, что непрерывное пьянство, тупость, агрессия, а последний свет ушел из нынешней деревни, как из прохудившегося сосуда? Но та ли это деревня?

Акташ родом из деревни. Дед — еще плохо знал русский. Отец — один из самых известных деятелей культуры Удмуртии. И она. Самобытный художник, визионер, единственная выставка которой носила название «Языческая иконография» и прошла под открытым небом недалеко от кольцевой магистрали Санкт-Петербурга. Но, по способности держать себя в любом обществе эта «женщина из деревни» даст сто очков форы большинству современных аристократов и интеллектуалов.

Кажется, за этими строками начинают прорисовываться некоторые черты. Не обманывайтесь — это, как прежде, рябь на воде. Образ красивый, но все-таки неполный. Добавим еще несколько черт, чтобы образ стал реальнее, но при этом потерял всякую логическую связность. Акташ любит поплакать. Да, эта женщина, укорененная в жизни и смерти, самобытнейшая художница, может расплакаться из-за мелочи и так же быстро успокоиться. «Мой организм нуждается в очистке». В моей системе реальности, если взрослая женщина плачет, значит, речь идет о какой-то грандиозной катастрофе, крушении, трагедии, крайней точке, дальше которой — все. Для нее поплакать — это, ну, не как пописать, но что-то близкое. Так сложно связать эту причастную к вечному циклу Леди с плачущей девочкой... Наверное, также ей было сложно связать Азазеля во мне с моей обычной непонятливостью в самых обычных и очевидных для нее вещах. Женщина, способная превратить в бога и идиота...

И все же наша Мистерия состоялась, дойдя до своей триумфальной и непредсказуемой развязки, которую не мог бы заподозрить никто. Я — достиг своей казавшейся недостижимой 5=6, вытравил серые зоны и стал не просто говорить о магии и заглядывать в окошко синхроний и символов, а жить и дышать, как живут и дышат маги. Она... я до сих пор спрашиваю себя, а дала ли наша мистерия что-то ей? Столько боли, обид, непонимания, постоянный разговор на разных языках. И все же, глядя на Акташ сейчас и вспоминая ее, когда мы только встретились, — я понимаю одно: быть может, я приписываю себе слишком много, но она стала гораздо сильнее и целостнее.

Азазель и Акташ. Странная мистерия, в которой было все — сексуальная магия, о которой не прочтаете в справочниках, ритуалы 2,22, совместные жертвоприношения.

Глава 10. Начало Мистерии

*Когда идешь 160, и перед тобой стена —
Это не в счет там, где взойдет Луна.*

*Борис Гребеников. Там, где взойдет
Луна*

Так когда все началось?
Совершенно точно это была пятница.

Каких-то пару месяцев назад ритуалом жертвоприношения я открыл портал Азазеля, и невероятный поток синхроний обрушился на меня с такой силой, что стало ясно — ритуал был предназначен вовсе не для того, для чего я его затеял. Это большой дар — делать правильные вещи, следуя ошибочным импульсам.

Стойка в центре платформы метро. Я, как всегда в пятницу, встречаю гостей. Неожиданно — очень красивая женщина, впервые пришедшая на наше собрание. Темные короткие волосы, самодельная куклолка в руках и странный блеск в глазах, который редко встречается даже в наших кругах.

Вздумай я сказать, что влюбился в нее с первого взгляда, я бы, во-первых, солгал, а во-вторых, сказал бы чудовищную банальность и пошлость. Но и утверждать, что не заметил ее сразу, я не могу. Я заинтересовался. Интерес, азарт, чувство, что столкнулся с чем-то, до этого мне не встречавшимся. И — то самое магнетическое притяжение, о котором Алистер Кроули говорил как о «первом проявлении САХ в несовершенном человеке».

Ницше писал, что видя человека в первый раз, мы знаем о нем все. Возможно. Но, как нарочно, я не могу вспомнить свое самое первое впечатление. Наверно, оно может быть определено двумя словами — Слишком Другая.

Слишком в своем мире. Слишком запечатана. Опасность. Непонятно. Первый импульс влечения был аккуратно приглушен — и ей навстречу вышел отстраненный человек, облаченный в Персону. Никто из пришедших не случаен — я хорошо помнил этот завет Лилит.

Инициативу проявил один из моих друзей, тогда — верный слушатель наших лекций, а сейчас канувший в воды Леты и забывший про наше существование. Я уже привык к тому, что из десятков людей, проходящих через наш клуб, остаются единицы, но и они могут изменить траекторию своего пути. Те, кто, казалось бы, мог остаться с нами, порой исчезают на следующей неделе — и наоборот, люди, придерживающиеся ценностей, на первый взгляд, далеких от наших, иногда остаются на годы. Предсказывать чужой путь — не мое дело. Мое дело — сеять семена смыслов.

На следующий день Бьерн (кажется, так звали канувшего в воды Леты приятеля) пришел гордый, точно олимпийский чемпион. О, эта мужская гордость, ее так легко узнать по выпирающей груди и взгляду, бросаемому на окружающих немного свысока. Воспитание заставляет прятать это чувство, но от опытных глаз оно не может скрыться.

— Помнишь Дашу? Я приходил к ней.

— Ну и как? — спросил я с некоторым разочарованием.

— Очень странная женщина. Талантливая художница и называет себя магом.

— Это интересно! А какой традиции? Она викканка, телемит, люциферианка или, может быть, традиции вуду? — оживился я.

— Нет. У нее какая-то очень своя традиция, свой путь и какие-то очень свои боги. По-моему, она немного сумасшедшая.

— Да, в ней было что-то вроде безумия. Но, в конце концов, все мы здесь немного безумны. Зато она очень красива. Было бы здорово, если бы ты смог привести ее к Телеме. — Я хитро подмигнул своему другу, вспоминая старую телемитскую шутку: «Телема похожа на венерическую болезнь, потому что, как правило, передается половым путем».

— Не, боюсь, это безнадежно. Впрочем, поживем — увидим, — ответил Бьерн.

В то время как для большинства людей секс — это либо что-то подчиненное тысяче и одному правилу, либо исключительно механическое удовлетворение плоти, для меня секс всегда был и останется особым священнодействием, в котором коренится исток моего вдохновения. Слова Кроули, что каждая женщина — Богиня и «ужель я не Хадит, а Лайла не Нюит», всегда были для меня буквальным отображением вечной истины. Сакральное измерение открывается в сексе, а открыв его, женщина дарует мужчине шанс проявить свое слово. Лишись я женщин, я оказался бы обречен на

унизительную немоту и интеллектуальное бессилие. В то время как для христиан плоть и дух пребывают в вечной вражде, для меня Красная магия всегда была нерасторжимым единством Источника.

И эта леди досталась такому обалдую. Что ж — таков промысел богов.

Когда через две недели я попытался вернуться к разговору об Акташ, Бьерн явно не хотел его поддерживать, да и по изрядно утратившей горделивость осанке можно было догадаться — история закончена и закончил ее явно не Бьерн. Впрочем, поскольку незнакомка не спешила вновь появляться в нашем кругу, я не слишком радовался и был поглощен нашими делами. А еще через пару недель Бьерн окончательно исчез, видимо всецело растворившись в мирских делах.

А потом — уж не помню, сколько недель прошло с нашего разговора с «медвежонком», — совершенно неожиданно она пришла снова. И памятуя о той легкости, с которой медвежонок, пусть и ненадолго, получил свою добычу, я решил не упускать кайрос. Умение считывать невербальные сигналы всегда было моей сильной стороной, а когда совершенно неожиданно она пригласила меня «посмотреть свои картины», да еще и так откровенно завлекающе сказала что-то вроде «дефицит по низам, не желаете ли восполнить?» — я мог торжествовать. Потусторонняя безумная леди безумной традиции, в которой есть только она одна, явно оказалась притянута в мое пространство. Загадка — это прекрасно.

Ни один правоверный телемит не заставит даму ждать. А уж если эта дама красива... Дарья более чем красива, она сияет каким-то невыразимым внутренним блеском, самой сутью красоты, которую пытались понять, разделяя на вес и число, философы со времен Платона и Джордано Бруно.

Ко всему прочему, Акташ сразу пригласила не только к восполнению низов, но и к выполнению совместного ритуала 2,22. Это сразу вызвало уважение. Мистерии 2,22... Мадам, мои предпочтения несколько нетрадиционны...

Тем не менее, несмотря на молниеносное сближение, меня что-то пугало в ней. Ее картины одновременно восхищали и ужасали. Ее непонятные боги, о которых я ничего не знал и которых она, как я думал, выдумала. Полная неопределенность ее традиции. Здесь наши миры столкнулись, я хотел как можно скорей поместить её в какое-нибудь респектабельное направление.

— Ты — великий художник, — внушал я ей, силясь нащупать естественные человеческие амбиции, которых, как мне казалось, в ней не может не быть. — Ты должна вступить на путь Телемы, сделать несколько телемитских ритуалов. Ну не хочешь Телему — я не хочу навязывать свой путь, — выбери викку, масонство, руническую магию. Что-то, что является реальной, серьезной, уважаемой традицией. Разве у тебя есть традиция? Разве маг может быть вне традиции? Попробуй хотя бы сходить хоть на один телемитский ритуал.

— Я не имею права участвовать в ритуалах других традиций. Боги могут не простить, — отвечала она.

Непонимание. Запрет казался ограниченностью, хотя на самом деле был продиктован куда более тонкими соображениями.

— Но этого не может быть. Так деспотичен только христианский бог. Вот смотри — я телемит и люциферианин. Но когда я ехал из Беларуси с Фенриром, я был участником и ассистентом в тотально языческом ритуале — камлании на Кошечев день, а на питерских праздниках я с удовольствием участвовал в ритуалах местных виккан. И ничего мне за это Люцифер не сделал. И вообще — мой бог меня рабом не называл, — цитировал я расхожую в интернете фразу, противопоставляющую язычество и христианство.

В такие моменты она очень напрягалась. Она чувствовала, будто я нападаю на ее мир, сложный, хрустальный, сокрытый мир, куда она не могла никого пустить. Иногда она говорила очень странные вещи. Например, что в ее второй чакре живет особая

«стража», которая начинает ее кусать, когда чувствует опасность, и некоторые мои слова заставляют ее просыпаться.

Зубастики, живущие во второй чакре. Я все больше убеждался, что имею дело с сумасшедшей. Впрочем, какая разница, черт возьми, как бы то ни было — какой художник и какая женщина!

Вторая или, может быть, третья встреча запомнилась мне очень хорошо. Мы уверено пошли под шелуху, и на глубине она сразу меня спросила:

— Ты можешь славить моих богов?

— Могу. А ты моих? — спросил я.

— Если так, то могу. Это честно.

— Да, это честно. Что я должен говорить?

— Слава, Кылчин!

— Слава, Кылчин! Слава, Люцифер!

— Слава, Люцифер! Слава Золотой женщине, Калтащ Эква!

— Слава Золотой женщине, Калтащ Эква! Слава Лилит!

— Слава Лилит! Слава Черному Солнцу!

— Слава Черному Солнцу! Слава, Терион!

— Слава, Терион! Слава, Акташ!

— Слава, Акташ! Слава ...! — Я не заметил, как стал называть тайные имена Люцифера и Лилит, доверенные мне моим учителем, имена, которые я передавал только самым близким людям после не одного года дружбы или романа.

— Слава ...!

Границы пройдены. Слияние. Какая-то часть меня, мой вечный скептик, начала было возмущаться этим нарушением всех границ и правил. Неназываемые имена были названы. Всего-то третья встреча. И ведь эта женщина — пограничник, если не шизофреник. Кому я раскрываю имена! Почему даже самым близким я называл имена через годы, а сейчас, поддавшись моменту, открыл их все? И кого славит она? Несуществующих богов? Ладно бы там Один, Тор, Перун... Но имена этих богов она же придумала в своих фантазиях. Кто вообще такой Кылчин? Его просто не может быть, ведь я про него не слышал.

И я произношу сокровеннейшие имена вровень с этими, как мне казалось, выдуманскими богами. Похоже, я тоже сошел с ума. Я же читал Калшеда, я знаю, как опасны пограничники, я знаю, что пограничник легко растворяет границы другого.

Мы же обречены! Я должен сказать. Я должен поставить границу, иначе она решит, что я с ней навеки, захочет обязательств. И я просто уничтожу ее. в моей жизни было многое, но роман с пограничницей — это впервые. Граница. Надо установить границу.

Мы пошли курить, а я все пытался найти слова, чтобы не дать ей повода к лишним надеждам.

— Ты понимаешь, — запинаясь я, — что бы ни произошло, я никогда не женюсь на тебе. Даже если захочу. Даже если ситуация изменится. Я могу пообещать, что до тех пор, пока я жив, я буду приезжать к тебе, если ты этого захочешь, — я никогда не уйду сам. Но не больше.

Она посмотрела на меня как на инопланетянина. Интересно, что сейчас она думает? Жестоко сразу разрушать возможные иллюзии. Но пограничник, пограничник, — иначе потом будет хуже, намного, намного хуже!

— Да, конечно. Обещаю. Пойдем, покажу тебе некоторые картины.

Мы погружались все глубже под шелуху. Она рассказывала о своей жизни, о своих богах, и мне казалось, что я имею дело с какой-то безумной фантазией. Родичи, которые единственные могут быть ей близкими, принадлежащие к культуре Кылчина. Родичи, которые каждый раз, когда кто-то умирает, приносят жертву. Если умирает мужчина —

приносят в жертву лошадь, если женщина — корову. Выдуманные, несуществующие в реальности родичи. Ну, в общем, все с ней понятно.

Последней каплей был ее сон. В ту ночь она увидела, что оказалась в сером городе. Это был город, в котором все жители были помещены в какие-то стандартные униформы, и их жизнь была расписана до каждого мгновения. Там, в этом сером городе она оказалась вместе со своим умершим возлюбленным, но внезапно он исчезает, и она чувствует, что потеряна в полностью чуждом ей мире. Она бежит не разбирая дороги и вдруг оказывается на главной площади этого города, где в центре видит три вращающихся серых полусферы, которые называют себя «Люцифер». И она понимает, что эти полусферы пожирают души и, возможно, ей уже не спастись.

По пробуждении она увидела, что моя рука с кольцом Люцифера прижалась к ее виску. Разумеется, она проснулась, стала рассказывать сон и требовать, чтобы я снял «это проклятое кольцо, в котором такая гадость». Ну и как я мог на это реагировать? Она хулила мою святыню, связывала Люцифера с какой-то серой мерзостью, да еще и требовала, чтобы я снял свой главный артефакт, мою связь с покровителем. Конечно, моя реакция была похожа на реакцию православного священника, увидевшего, что «Пусси райт» танцуют на амвоне. На святое посягнула! Как она смеет! Кто она, вообще, такая?!

Через много времени я рассказал этот эпизод Мартиэль, внутренне трепеща от столь святотатственных образов. Я увидел, что все далеко не так просто, как я думал. Тогда я впервые услышал про «Серого хозяина» и «пожирателя душ», того, кто является Тенью Люцифера. Тот самый Серый хозяин. В какой-то момент произошла страшная подмена. Кольцо Люцифера потеряло силу, серебро стало серостью, а вместо Люцифера я в своей слепоте проводил Серого, сам о том не подозревая. Где произошла та фатальная ошибка? Быть может, когда я предал Магду, когда, возмущенный ее неподчинением, я даже не пришел к ней в больницу и подчеркнуто посадил другую женщину на ее место? Или подмена произошла раньше, когда был допущен перекосяк и реальную работу над своей душой подменили лозунги и призывы к такой работе? В отличие от меня, Мартиэль прекрасно знала, кто такой Серый и как дорого может стоить встреча с ним.

С этого момента началась борьба. Акташ стала бороться со мной ради меня, с люцифером ради Люцифера, прорываясь сквозь выработанные годами догмы и убеждения к реальным пластам, на которых еще возможно живое переживание. И да, это была очень странная и очень страшная борьба, в которой чуть было не оказались уничтожены мы оба.

Но тогда я даже не догадывался о том, что происходило на самом деле. Гораздо легче было убедить себя, что имею дело с обычной сумасшедшей. Ирония судьбы — главный оккультист и маг одной стороной души проповедовал магию и оккультизм, а другой — не верил в них по-настоящему.

В современном магическом дискурсе настоящих магов остались единицы. Чтобы поговорить о магии в нынешней среде, нужно сделать много оговорок, ритуально извиняющихся жестов, ритуальных морганий и уточнений, что, конечно, «это всего лишь символы бессознательного». Единственное безумие Акташ — она знала, что магия — это то, что пронизывает всю реальность, а не то, чем можно заниматься по воскресеньям и надеяться, что боги наградят за проповедь их имен и слов. Встретив Акташ, я впервые встретил женщину, владеющую истинной магией, а значит, было только два варианта исхода: либо слияние окончится полным поглощением кого-то из нас, либо ей таки удастся изнутри свернуть эти серые колеса.

Глава 11. Раскрытие

У каждого города есть своя душа. Обычный человек может прожить в городе всю жизнь или пропутешествовать по разным городам, однако он никогда не сможет осознать душу городов, в которых он жил. Только маг, человек, обладающий истинным восприятием, знает, что такое душа города.

Душа города, в котором я родился, словно соткана из свинца и тины. Мрачная, инертная, почти болотная душа, которая либо сделает вас своим подобием, либо спровоцирует к сопротивлению всеми силами вашей личной души.

Говорят, что провинциалы стремятся в Москву, потому что там больше возможностей сделать карьеру. Возможно. Но для меня это объяснение — лишь вершина айсберга. Глубинная правда притяжения Москвы в том, что у нее красивая душа.

Город — это женщина. Вспомните Афины — город, названный в честь богини мудрости и войны. Город, по сути сам и являвшийся Афиной.

С эпохи Мерсенна — мрачного иезуита, обесценившего воображение Ренессанса, люди цивилизации кастрировали свое воображение, однако всегда находились одиночки, способные преодолеть эту сатурническую тяжесть и параноидальный буквализм языка, лишавший воображение своей правды.

Из всех городов русских душа двух городов выражена настолько ярко, что даже люди, далекие от магии, зачастую бессознательно это чувствуют. Это Москва и Санкт-Петербург. Но до чего же разные души у этих городов.

Москву не раз называли Вавилонской Блудницей. Для телемита в этом определении не только нет ничего обидного, но даже, наоборот, некоторые телемиты любовно называют Москву «наша Бабалон». Действительно, душа Москвы, открытая и ждущая новых конкистадоров, чем-то похожа на благородную аристократическую куртизанку, чье расположение может завоевать только сильный.

Санкт-Петербург совсем другой. Если образом Москвы могла бы стать античная Фрина, то Питер гораздо ближе к Сапфо. Душа Питера куда более настороженна к своим возможным новым возлюбленным. Точнее, Москва и Питер предъявляют совершенно разные требования.

Душа Москвы не прощает слабость. Под силой и слабостью мы, конечно, не имеем в виду вульгарную силу мачо-доминанта, в своей примитивности готового порвать на себе рубаху и замесить в кровь всякого, кто посмеет на него криво посмотреть. Таких «сильных» и одновременно грубых и примитивных Москва не любит — не любит ни в качестве гостей, ни в качестве постояльцев, создавая ситуации, когда лобовая атака ведет глупого самца к падению и позору. Под силой мы имеем в виду то трудноуловимое качество, которое также можно было бы назвать упорством, стойкостью, мужеством и еще тысячей возможных эпитетов. Несгибаемый инициативный коммерсант, работага, готовый проложить себе дорогу, работая в три смены, утонченный эстет, видящий смысл жизни в том, чтобы сказать свое слово в искусстве, и готовый приложить к этому все силы. Москва требует усилия и, как уже было сказано, не прощает слабости.

Душа Питера совсем иная. Для нее не существует категорий силы и слабости, она может одинаково любить пассионарного и мудрого воина и интеллигента алкоголика, живущего в своих мечтаниях. Однако критерий, по которому душа Питера выбирает своих возлюбленных, не менее, а возможно, еще более суров. Душа Питера не прощает фальши. Есть только одно условие для вхождения во внутренний круг Питера — цельность и нелицемерность. А для современного человека это куда более редкое качество, чем даже высокий уровень пассионарности.

Москву я начал завоевывать очень рано. Еще в одиннадцать лет ночью, тайком пробравшись к первой электричке, я поехал в Москву. Обманув кассира и купив одновременно взрослый и детский билет, я как будто впервые заявил о себе. Я Есть. Я — буду пробивать себе путь, пока я жив, потому что моя природа — это не природа усталого вязкого болота. Моя природа — Ветер и Огонь, единосущные душе этой куртизанки.

Завоевать Питер было для меня несравнимо более сложной задачей. В четырнадцать, впервые убежав в Питер, я был пленен творческим запалом этого города. Главное впечатление — на улицах музыканты играют рок, а на Невском есть «литературные кафе». Расхожий штамп «культурная столица» несет в себе гораздо больше смысла, чем это обычно понимается. Питер всегда беременен новыми смыслами. Москва — дает сильному силу и пассионарность осуществить новые смыслы. Питер — беременен новыми смыслами сам по себе, здесь имеет значение только то неуловимое качество, которое экзистенциалисты назвали Dasein-подлинность.

Вначале мне казалось, что создать свою организацию в Питере, оставить след, принести смысл очень легко. Еще семь лет назад удачная дружба вывела меня на крупнейших организаторов лекций в книжном магазине, так что в мой лучший период на моих лекциях было больше ста человек, а всем желающим не хватало стульев. Конечно, эти лекции были бесплатными и открытыми, однако попытка повторить этот фокус в Москве закончилась поражением: в главном эзотерическом магазине Москвы «Белые облака» на мои бесплатные лекции приходило не больше пятнадцати человек, да и то половина — те, кого я уже так или иначе знал. Москва не доверяет ничему бесплатному. Если вы даете что-то бесплатно, для Москвы это сигнал для недоверия. Напротив, поставив высокую цену, вы можете рассчитывать на интерес и внимание к вашему продукту. Москва уважает силу.

Для Питера мои бесплатные лекции имели оглушительный успех, два года подряд я собирал полный зал в одном из центральных магазинов на Невском проспекте. Но — магазин закрылся, переехал, а почти никто из тех, кто приходил, не изъявил желания участвовать в более закрытом платном приватном проекте. Только очень медленно и неторопливо в Питере стал формироваться свой костяк и своя группа. Потребовалось много лет, чтобы Питер действительно меня принял.

Очень немногим удается договориться с душами обоих городов. Обычно человек всей сутью, всей природой принадлежит либо Москве, либо Питеру. Дарья, несомненно, была человеком Питера. Родившись за две тысячи километров от него, она чувствовала его дух лучше, чем отдельные коренные петербуржцы, и обладала какой-то воистину неуловимой, свойственной только Питеру интонацией.

— Москва меня убивает, — однажды сказала она. — Здесь можно заработать, но здесь невозможно быть той, кем я являюсь. Я здесь — четверть меня.

Разумеется, эти слова, как и все, что она говорила, я списывал на впечатлительность и пограничное расстройство, в наличии которого я уже был убежден, как в том, что дважды два — четыре. «Чтобы она ни говорила, она все равно никогда отсюда не уедет», — думал я. Но в один прекрасный момент она твердо заявила: «Я переезжаю в Санкт-Петербург».

Сказать, что меня сокрушила эта новость, значит не сказать ничего. Теперь наши отношения обречены. В Питере я бывал раз в две или три недели всего два-три дня. Итак, теперь — все. И опять, оглядываясь назад, я понимаю, до какой степени я был слеп. Если в Москве наши частые встречи оставались в границах иллюзии, то в Петербурге она в итоге стала единственной. Душа города неудержимо притягивала «своего» человека, способного творить только в холодном северном городе, названном поэтом «Гранитным Сатурнианцем», а женщина, представлявшаяся мне известной от и до, оказалась теперь незнакомкой, раскрытие которой только предстояло.

Внезапно я почувствовал особое участие в ее судьбе. Коль нам суждено расстаться, я должен сделать все, что только возможно, чтобы помочь ей и оставить хорошую память. Я предложил помощь в транспортировке ее вещей, большую часть которых составляли картины. Картины, которые уже не так сильно пугали, но все так же оставались Великим Неизвестным. Огромной удачей оказалось совпадение моего очередного визита и ее отъезда. Впрочем, вещей было так много, что ей, хоть и налегке,

пришлось ехать поездом, я же обещал привезти ее картины и другие вещи прямо к дому, где она будет жить.

Возможно, очень многое из нашей московской эпопеи уже утонуло в водах Леты. Память — ненадежный союзник. Но тот день почему-то крепко впечатался в память. Вещи, тюки, картины... Я вдруг подумал, что я — библейский осел, что везет в Иерусалим ковчег завета. Странная, возвышенная ассоциация, еще далекая от осознания. Эти картины — такие чуждые дневному, диурническому дыханию Москвы, но такие родные для сурового, но любящего красоту превыше всего Гранитного Сатурнианца. Картины, в которых без малейшего страха и кокетства отразилась благая смерть, смерть как избавительница. Помню, что в той поездке меня сопровождал человек, которого я считал своим другом, и я не мог не поделиться своим счастьем. «Как я рад помочь прекрасной леди, — помнится, сказал я. — Жаль, что на этом наша история, скорее всего, зачухнет. Увидимся ли мы еще?»

Как очень быстро выяснилось — переезд был не концом, а началом.

И раз за разом приезжая в Питер по делам, я ехал к Акташ, забыв про все остальные связи в этом городе. Не заметить произошедших в ней изменений было невозможно. Питер действительно придал ей жизненной силы, а андрогинная душа града Петра в полной мере открыла ей свои объятия.

А тем временем надо мной — и не только надо мной — нависли тучи.

Магда. Наша реальность разрушена чуть более чем полностью. Я на пути в Санкт-Петербург. Наш телефонный разговор, начатый спокойно, переходит на повышенные тона, с повышенных тонов на крик, угрозы. Магда достигает пароксизма ярости, кричит, как меня ненавидит. Я бросаю трубку, и через пару минут не вписываюсь в поворот и оказываюсь в кювете. Время, эвакуатор, опоздания, ремонт жизненно важных деталей машины, который обходится в чертовы семьдесят две тысячи. Черт возьми, семьдесят две тысячи, заработок двух месяцев, гарантия продления долговой ямы, из которой, как мне показалось, я уже начал выбираться! А ведь мог бы и погибнуть, от дерева отделили сантиметры.

С огромным опозданием, оставив машину в ремонте, приезжаю к Акташ. Почему это произошло? Иалдабаоф полностью раздавил поток Люцифера? Или нет — возможно, я чем-то прогневал самого Люцифера, возможно, я недостаточно тружусь, слабо верю? Да, я чертов малонер, пища для форзи! Рассказываю о своих злключениях, начиная с остановивших меня сотрудников. Поражение в войне или кара своих, кара своих или поражение в войне?

— Хочешь, посмотрю? — небрежно кивает Акташ.

«Ага, посмотрит она, — возвращается ко мне привычная спесь. — Девочка-пограничник, считающая себя магом, шизофреничка, верящая, что у нее в животе живут "хранители". Что ты можешь вообще понимать в наших отношениях со Светоносным?» Это мысли, которые проносятся в моей голове. Словами же я говорю:

— Конечно же да, хочу. — Зачем обижать мою очаровательную любовницу?

Акташ берет меня за руку. Пятнадцать секунд паузы. На десятой секунде я даже начинаю верить, ожидая, что она скажет: крушение Светоносного или его гнев на меня? Мысленно молюсь Светоносному, пусть хоть через нее скажет, какой из двух ответов правильный.

Дарья отпускает мою руку. Нервно смеется:

— Ого! Знаешь, ну и интересные же у тебя женщины. Да ты и сам, видимо, хорош...

В первую секунду я не слышу, что она говорит. Между двух вариантов она выбирает третий, который я не могу услышать, потому что у меня его нет в загруженной программе «Иалдабаоф или Люцифер». Только через десять секунд до меня доходит.

В этот момент я *впервые* сталкиваюсь с прямым видением. Она же не знает, что мы с Магдой ругались. Она *видит*. Пятнадцать лет я тусуюсь среди оккультистов и

эзотериков всех мастей, каждый из которых считает себя крайне крутым, но за все эти годы не смог показать ничего подобного. Уверено, иронично, легко — как будто она сидела там, рядом со мной, в машине и слышала разговор с Магдой. Взрыв. Когнитивная революция. Посвящение.

Об этом очень странно вспоминать. Еще сложнее найти слова, которые могли бы объяснить причину моего изумления. После всех тех чудес, синхроний, прорывов, явлений богов, которые происходили со мной на протяжении моего пути. После Ритуала Ньюит-Бабалон, Молодых Богов, Сета, Джона Голта и других малых и больших чудес я как будто до сих пор не верил в магию! Абсурд. Нет, всего лишь природа нашего языка. Назови божество архетипом, результат магического действия — синхронистичностью, а странные связи событий — акаузальной связью, и все сразу становится хорошо и безопасно. Я — юнгианец, занимающийся глубинной психологией. Я посвященный ОТО, где магия — это строгая наука, построенная на сложной системе точных соответствий. Замени кота на образ кота или символ кота — и твой мир снова в безопасности: вот она магическая реальность, но одновременно ее как бы и нет.

Наследие Ордена. Да, Орден дал мне все — посвящение, культурную базу, саму карту реальности, которая помогла собрать себя из юноши неудачника в преуспевающего секретаря ложи и затем — в лидера своего проекта. Но в реалиях русского Ордена к магии остается несколько двусмысленное отношение. Она как бы есть. И ее как бы нет. Внутреннее неверие Марсия в богов и в магию бессознательно определяло всех нас.

Даже когда в начале пути Кэт рассказывала о поразительных успехах в своих наивных магических экспериментах, эти рассказы встречали вежливую настороженность — ну не настолько же. Ну осторожнее. Двусмысленное отношение: на флаге, в сознании — мы занимаемся магией, занимаемся высшей формой магии, какая когда-либо была, магией, достигшей своей совершенной формы. Но — магия приемлема, только когда «одета». Магию нужно принарядить, сделать пристойной, чтобы ее, под всеми шелками и масками, можно было бы ввести в высшее общество. Такой, под масками и шелками, мы еще можем воспринять магию. Но на обнаженную магию наложен негласный запрет, поэтому собака будет всего лишь символом собаки.

Таким образом, до сих пор я был раздвоен в важнейшем мировоззренческом вопросе. Сознательное и яростное «магия существует», помноженное на осторожное «ну, ребята, не настолько же». Проблема Ордена в том, что его члены очень хотят остаться в границах нормы, очень боятся столкновения с чрезмерным, с тотальным. В Ордене нет «магии без одежд», и здесь я говорю не о сексуальной магии (вспомним «одетые» мессы), а о Магии как таковой.

«Дай-ка ручку — посмотрю». И смотрит. И видит. Вот просто так, сходу, ничего не зная. Такой однозначной магии просто не может существовать, потому что мы взрослые люди, и демоны, вызываемые на сеансах учебной гозтии, это персонификация комплексов. Психологическая парадигма удобна. Но она не оставляет места «магии без одежд». Она оставляет противоречие, которое никак не могла уловить Акташ: она видела перед собой зрелого мага, имевшего дело с глубинным, но при этом не верящего в магию

А здесь — прямое, чистое видение, видение без посредничества глифа древа жизни, ритуальной пентаграммы, успокаивающих слов об «активном воображении, которое иногда совпадает с реальностью». Она просто берет руку: «Ну и интересные у тебя женщины».

Постепенно изумление проходит, и в голове начинают метаться мысли.

«О господи, я считал ее сумасшедшей. Госпожа моя, не мне учить тебя правильной магии, как я-то думал, а тебе меня». Только бы она не узнала, как все это время я думал о ней. Лилит. Или как бы ей ни было угодно себя называть, сама Черная Дева и Хозяйка. Высшее существо из иных миров. И у этой женщины я уже полгода в любовниках — и за эти почти четыре месяца умудрился ничему не научиться. Привыкнув видеть ряженых

магов, магов сферы услуг, вечное бизнес-шоу под названием «потомственные маги и ясновидящие», с одной стороны, и осторожную, «опсихологиченную» магию, с другой, я не смог узнать настоящего мага.

Акташ, видя мой шок, не понимает, что происходит, для нее это рядовой момент, не стоящий даже особого внимания, она в шоке от моего шока.

— А что, собственно, такого? У меня оно всегда так. Ты же был со мной, когда я ходила в Черную воду, ты же называл имена. Что в этом банальном ярмарочном фокусе тебя так удивило?

И гораздо больше, нежели факт прямого видения, меня поражает ее реакция. Любой из известных мне практиков, магов, видящих, попади он настолько точно, раздулся бы до конца жизни и в шестьдесят лет продолжал бы вспоминать попадание, случившееся в двадцать пять. А здесь? Норма жизни, обыденность: «Чему ты, собственно, удивляешься? Ты бы лучше подумал о своих долгах, которые ты наделал этой женщине — иначе бы ей не позволили ударить».

— Научи. Прекрасная, несравненная, удивительная, совершенная, научи! — Такой устойчивый, такой рациональный, такой ограниченный, годами воспринимаемый и возвращаемый мир, в котором человека, не знающего, что Алеф это бык и Нулевой аркан, к магам-то относить смешно, осыпался, как картонный домик.

— А ты что, сам не умеешь? Это же просто — доверие потоку, говоришь то, что приходит в голову, как бы глупо это ни было. Всего-то нужно немножко подвинуться.

Вот оно. Точка. Всего-то нужно немножко подвинуться. Десять лет я учил классические строгие законы и последовательные ритуалы. И теперь начинаются мои вторые десять лет, когда я должен научиться забыть обо всем. Обнаженная магия открывает свою вселенную. И это только начало! И с этого момента, я ловлю каждое ее слово о мифологии и магии.

Итак, она. Акташ. Древняя Богиня. Одна из дочерей Черного Солнца, вечно рождающаяся в своих женщинах-аватарах. Два высших божества — Акташ и Кылчин, Кылчин — Черное Солнце, Акташ — Темная вода. Хозяйка подземного мира.

Если в начале нашей мистерии, у нее действовал строгий запрет на участие в ритуалах других богов, то в какой-то — я даже не заметил, в какой — момент этот запрет был снят, и Акташ спокойно участвовала в касталийских мистериях года, чьим ядром было таинство Люцифера. Думаю, что это произошло, когда Люцифер стал возвращаться, а колеса Серого хозяина были по крайней мере сдвинуты с центральной площади.

Однажды после моей лекции она посмотрела на меня взглядом с другой стороны и сказала: «Я хочу, чтобы ты побыл моим жрецом. Можешь сделать это для меня?» Конечно, я и понятия не имел ни о том, что она вкладывает в эти слова, ни что меня ждет. Но старый телемитский принцип «во всех непонятных случаях говори "да"» сработал безошибочно.

Еще одна Мистерия. Вновь Ритуал 2,22.

Во мгновение ока на моих глазах ее тело преобразается в непостижимую форму. Слова меркнут при попытке описать произошедшее, потому что впервые глазами я вижу прямое изменение. До краев она оказывается наполнена темной водой, в которой искрится свет. В этой темной воде танцуют переливающиеся всеми цветами радуги сияющие формы. Я действительно вижу подземную богиню, суть которой — иной свет, свет за пределами света, пурпур за пределами пурпура. Пурпурные, фиолетовые, ультрамариновые цвета играют всеми мыслимыми оттенками.

Голос. Уже не просто Дарья, уже сама Акташ, сама Хозяйка подземных вод. «Я так ждала возможности немного разгуляться!» Богиня во плоти, сущность из иного мира!

Прикосновения. Каждое прикосновение подобно оргазму, взрыву, нечеловеческому напряжению чувств и ощущений. Она! Сама Черная Дева. «До сих пор я лишь ухом слышал о тебе, а ныне зрю лицом к лицу», — исступленно шепчу я, растворяясь в

экстазе. Я твой жрец, я твой возлюбленный, я твой служитель. Точно звездная материя, каждая точка которой тяжелее крупного астероида, вечность сворачивается в сжатые до предела секунды. Свершилось. Я ждал этого слишком долго. Я открываю врата. Пусть подземный свет затопит этот мир! Открой врата глубин, Черная Дева.

Что было дальше? Если бы я помнил! Мне казалось, что я растворен, преображен, пресуществлен, разобран на атомы в экстазе и собран вновь в обновленной форме. Здесь достигнуто плато экстаза, здесь открылись врата вечности.

Слова... Как же беден язык человеческий! Ведь каждое соитие, когда проявляется первопринцип, невыразимо, неисчерпаемо и абсолютно. И в то же время каждый акт сексуальной мистерии, будучи бесконечным, является тотально уникальным и в чем-то неповторимым. Свет в темной воде — и я лишь полый тростник, проводник иного огня.

Внезапно Акташ изменила форму, и вместо темной воды, переливающейся призрачными медузами, я увидел ее, залитую солнечным светом. В какой-то момент я даже забеспокоился — я видел, да, черт возьми, видел, как ее кожа словно покрывается второй кожей, темно-желтой с золотыми прожилками, отражающими свет солнца.

— Ух ты! Ты видишь?! Калташ Эква. Золотая женщина. Акташ небесная. Ей поклонялись испокон веков, еще когда не было городов и царств. Она изначальна. Я изначальна. Это удивительно и прекрасно, что ты можешь видеть!

Я мог лишь согласно кивать. Жрец, удостоившийся видения Богини.

Я был поражен. Я столкнулся с тем, чего не бывает. А читатель помнит первое правило Чернозвездного братства — «если что-то непонятно, срочно звони Марти».

— Кылчин, Акташ, Калташ Эква, да кто они такие?!

— Я не знаю. Но почему ты до сих пор не попытался спросить у всезнающего интернета?

И правда — почему? Может быть, потому что с самого начала убедил себя, что ее боги — это просто порождение пограничного бреда, а потом, удостоверившись, что это не так, по инерции не считал поиск возможным.

С одержимостью сыщика, напавшего на след, я набирал известные имена. Кылчин, Калташ Эква... А ее родовое имя, которое здесь произносить нельзя, оказалось названием одной из немногих удмуртских деревень, что, уйдя в глубины лесов, смогла сохранить вековой уклад и избежать насильственного крещения. «Финно-угры с древности поклонялись Кылчину и Калташ Эква». Правда, про имя Акташ даже всезнающий интернет не мог подсказать ничего толкового, кроме дословного перевода — «Белый камень» и названия какой-то деревеньки в алтайском крае за три тысячи километров от Удмуртии.

Там, в далеком прошлом, ее слова казались мне безумием, а ее боги — причудливой фантазией. Но теперь я знал. Мистерия подходила к своему пику.

Глава 12. Прошлые жизни

Я пришёл по объявлению в газете.

«Диагностика Кармы. 5 Дней. Не Спеша».

Ты была одета в какие-то сети.

Ты сказала «У тебя есть душа»...

*Группа «Аквариум», из песни
«Диагностика Кармы»*

В мой следующий приезд я решил просить ее о невозможном. Сама мысль о подобной просьбе казалась мне абсурдной, но опыт видения Акташ в Силах был слишком велик, и я был готов поверить, что для нее нет ничего невозможного.

— Я хочу увидеть свою прошлую жизнь. Понимаешь, я никогда до конца не верил в прошлые жизни. С одной стороны, какая разница, ведь то, что перерождается, — это не то, чем мы являемся и кем мы живем сейчас. Реинкарнация не отменяет смерть как конец, а прошлые жизни могут стать утешением только для недалекого разума. Но все же для меня здесь слишком много загадок. Мне кажется, что многое из моего детства тянется корнями оттуда. Понимаешь, я всегда чувствовал себя чужим в том пространстве ценностей, в той гнили, в которой я родился. Да и не мне тебе объяснять. Но при этом я всегда ненавидел то пространство, куда я попал с раннего детства, ненавидел и тогда, когда даже теоретически нигде и ни от кого не мог слышать другой точки зрения. Всю мою жизнь я как будто борюсь за свое право вернуться в настоящий, подлинный культурный мир. Мне это удалось, но... Что-то остается там, за гранью осознания. Собственно, возможно ли — увидеть и вспомнить прошлые жизни? Я готов на самое глубокое плавание.

Ее реакция меня, как всегда, удивила:

— Всего-то! Ну, это-то как раз не сложно, а легко, это, можно сказать, моя специализация.

Если *это* легко, то что тогда сложно? Ладно, на всякий случай облегчу ей задачу — возьму, как Лири, в двойном объеме, может, хоть немного удастся убрать шум.

Ошибка. Грубая ошибка в самом принципе работы в пограничье. Мне казалось, что достаточно повернуть ключ в замке, то есть под языком, расслабиться, взять за руку аватару богини и смотреть красивые картинки, которые она покажет своей всемогущей дланью. О если бы! Боюсь, что бесплатного кино не может показать ни аватара, ни сам бог, для любой серьезной работы нужно усилие.

Контур реальности поплыли, а я продолжал оставаться в своих границах. Как нерадивый ученик, я делал все прямо противоположным образом. Там где надо расслабиться, я напрягал все усилия сознания, так что, несмотря на слоновью порцию Лири, контуры реальности еще долгое время оставались прежними.

— Я ничего не вижу. Я все так же я. Что мне делать?

— Да расслабься ты. Говори потоком. Все что угодно, любой бред, любой абсурд, любую бессмыслицу. То, что приходит в сознание в первую очередь, как бы это глупо ни было. Ты так и не понял основной принцип магии. И закрой глазки, так будет легче видеть картинки.

«Забавно, это же так похоже на кабинет психоаналитика», — подумал я.

Чтобы усилить действие, я решил говорить самые нелепые, оторванные от реальности слова, никак не связанные друг с другом:

— Старый комод. Коричневый. Шторы. Балеринка. Куколка под стеклом, танцующая заводная балеринка. Невероятно, я вижу ее! Она красивая. Она очень красивая! И мне очень грустно. Как будто она существует для того, чтобы ее сломали.

— Превосходно! Иди дальше. Балеринка — где она находится, что ее окружает, где бы это могло происходить? Что еще?

— Скрипочка. Пилик-пилик, тилик-тилик. Не люблю уроков музыки, еще в первом классе от одного взгляда на учителя музыки в сердце что-то ёкало. И на скрипочках всегда, и на скрипочках везде. Куда же мы без скрипки?

— Отлично. Смотри дальше. Кому принадлежала скрипочка? Кто ты — тот, кто держит скрипочку? Как тебя зовут? Отвечай не задумываясь.

— Михаил. Или Михель. Михей. Мих.

— Как ты живешь, Михей?

— Много ездим. С места на место, из города в город. Балеринка. Она как-то связана с моей мамой. Это так интересно — ездить с родителями. И всегда с нами скрипочка. И балеринка. — На слове «балеринка» сердце мучительно защемило. Внезапно, уже решительно помимо любого сознательного усилия, появился другой

образ. Клетка. Сырость. Мерзкое казенное место. Все кончено, все кончено, все кончено. Они умерли. Из нутра рвется клокочущий, удушливый крик:

— Чего вы ждете? Чего вы ждете?! Чего вы ждете?! Чего же вы ждете, сволочи?! Почему не убиваете, чего вы ждете?!!

Я был ошеломлен. Если до этого происходящее было похоже на игру ума, то сейчас это было настоящее, удушающее, мучительное отчаяние обреченной бессильной ненависти, ненависти подростка, который больше всего на свете хочет, чтобы его убили вслед за родителями.

— Я был евреем. Это пятидесятые. Проклятые пятидесятые, — кричал я, — когда наших убивали порой без суда и следствия! Последняя пакость этого поганого режима! Наших убивали, слышишь меня, убивали! — Я уже не говорил, а кричал, хрипел, задыхался от собственного голоса.

— Ну-ну, успокойся, успокойся, это только память, давняя память, отпечаток. Мы можем пойти куда-то еще? Дальше.

Я успокаиваюсь. Дыхание приходит в норму. Я сильный. Я большой. Я обманул всех. У меня есть роскошный кабинет. Я — стал частью их мира. Я ненавижу их. Ненависть. Это единственное, что имеет смысл в этой жизни. Ненависть к этой паскудной системе, которая перемолола всех. Но я их обманул, я стал частью этой системы, я — кусочек власти, который разрушает систему изнутри... Да, я ворую. Слышишь меня, ты, я ворую! Не потому что мне что-то нужно, а потому что я хочу оторвать от Них хоть что-то. Каждый день я — примерный коммунист. А каждую ночь мои зубы скрипят от ненависти. Я сорвал многие их проекты. Ты слышишь меня? Слышишь?! Я смог пронести свою ненависть даже через Стикс, даже через Стикс, это очень немногим удастся, очень немногим. Думаешь, я гнида? Думаешь, я часть их мира? Знаешь, сколько кирпичиков я вынул из этой стены? Много было нас таких, очень много. Нашей кровью и болью, нашей ложью этот проклятый строй убийц и надломился.

Лицо Дарьи изменяется.

— Я услышала тебя. А у тебя было что-то кроме ненависти? Хоть что-то хорошее? Знаешь, сколько в то время было сирот? Ты помог хоть одному? Хоть что-то хорошее?

— Считаешь меня дерьмом, ссучившимся, продавшимся? Да между прочим, я даже одного придурка спас. Наивный юноша, антисоветчик, думал что-то изменить со своими горящими глазами. А я просто бумажку потерял. И не передал что надо кому надо. Всего-то-навсего. Так что я не гнида. Я воровал, расхищал, травил, но это было не для себя, не для себя. Только против них.

— Я не считаю тебя дерьмом, успокойся, Михей. Просто ты сейчас грязный. Очень грязный. Тебе бы отмыться. Хоть что-то хорошее вспомни.

— Балеринка. Мама. Эллоиза... О господи! Мама?! Эллоиза?! — От ужаса поразившего меня сходства я на миг оказался выброшен из Михея и вернулся в себя. Но как же так: Элли — моя Анима, причем тут мама?

— Все правильно. Все, как и должно быть. Вот видишь — мама. Сделал ли ты в память о ней хоть что-то хорошее?

— Я мстил. Изнутри. Я делал. А что делала ты? Ты рассуждаешь о хорошем, но что ты сделала, чтобы изменить этот мир?

— Значит, я ничего не делаю, а ты такой правильный и хороший? Во всем прав. Ладно, как хочешь.

Меня выбрасывает из состояния Михея, из этой неведомой мне, затопившей меня ненависти и одновременно — любви. Мама. Неужели я знаю, что такое мама? И как Элли может быть мамой, если она — Анима, женский образ, царственная львица, прекрасная леди?

Я вижу, что с Дарьей происходит что-то не то. Кажется, она начинает уходить в себя, рассыпаться. Я пытаюсь что-то сказать, установить контакт. Бесполезно.

Вспоминаю. Я оскорбил ее. Тот я, который не я и в то же время я. Господи, как же все сложно. Один гадит, другой убирает, один пьет, у другого похмелье.

— Прости меня, милая, извини. Я неправ, я знаю, что я неправ.

Дарья немного оживает:

— В чем ты неправ, милый? — Но в голосе все та же отстраненность.

— В том, что обидел тебя. В том, что несправедливо обвинил тебя. Это я и не я. — Да что это происходит, черт побери?

— Ответ неправильный. — Дарья начинает опять рассыпаться. До этого я пару раз видел, как она уходила в бэд, и это всегда было достаточно мучительное состояние, которое накрывало меня взрывной волной бессилья. Правильный ответ. Я должен найти правильный ответ. Я должен сказать то, что она услышит, воспримет. Неважно, что и как, но должен найти.

— Неправ, ища опоры в ненависти. Ненависть плохое чувство, нужно действовать из любви.

Взгляд Дарьи теплеет. Оттаивает. Кажется, удалось избежать ее срыва. Пронесло. Господи, да какой же это кошмар.

— Есть гнев. Война. Убийство врага. Как и все, что дано природой, чистая ярость — прекрасна. Но гнилая, скрытая, лелеемая ненависть — она уродлива. Понимаешь теперь, что произошло?

— Ага. А я-то думал, что был интеллигентом, который спьяну трахнул какую-то плебейку, и пошла линия порчи, — попытался пошутить я. А так приятно было считать себя инкарнацией Джека Парсонса, отдавшего жизнь ради свершения сексуальной революции и триумфа Бабалон. А тут вот оно как... Не отвертеться теперь.

— Дурачок. За это так не наказывают. Ты все видишь богов как строгих дедушек, которые плохим внукам за провинности костылем по башке стучат. Не так оно работает, не так. Ты хоть понимаешь, что произошло? Ты же стал частью этой системы, ты был ненавистью, ты привязался к тому, что ненавидишь, и ты не мог оказаться нигде больше, кроме как там, куда тебя тянуло всем твоим естеством. Связь может быть любой — хоть через любовь, хоть через ненависть. Черная вода отражает самого себя, и никакого тебе дедушки судьи. ...А ты что-нибудь знаешь о смерти? — вдруг спросила она. — Знаешь, как оно работает?

И что я мог знать?

— Смотри. Есть три части души. Есть огонек. И этот огонек идет дальше по пути воплощения. Есть личность. Она разрушается. И есть нечто третье. Индивидуальный отпечаток. Он уходит в Черную воду. И в Черной воде он становится памятью прошлого. Это и есть «наши мертвые», культ предков ведь был у всех народов, — мертвые, составляющие основу для живых. И каждый новый умерший несет в Черную воду часть себя и формирует свой кусочек мироздания.

Мы пошли на кухню. Само пространство этой питерской полуночной кухни казалось пространством вечного возвращения. «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать», — вспомнились строки классика. Сам того не зная, я всегда рвался сюда, в эту вечность.

Дарья поняла. Она всегда могла легко считывать мысль, состояние, настроение, малейший оттенок переживания. Увы мне, это качество всегда было у меня в отрицательной величине.

— Все так же, как было, правда? Коммуналка, соседи за стеной, дождь за окном?

— Да. Только это другие соседи. Они не напишут донос, не вызовут черный воронок и максимум что сделают — это наругаются на тебя за запах краски. Мир правда стал лучше, что бы ни говорили пессимисты. Я слишком хорошо помню.

Опыт прошлой жизни был, пожалуй, одним из самых важных переживаний. Впервые, я раз и навсегда расстался с своей фантазией о «перевоплощении Парсонса». Все, кто выдумывают себе очень красивые воплощения, пребывают на пути иллюзии.

Партийный функционер районного масштаба, всю жизнь ненавидящий партию, — вот та объективная реальность, которая открывается, если мы готовы к подлинной честности с собой.

Предстоял пик Мистерии. Предстояла встреча с САХ. Предстояло то самое важное событие, которое раз и навсегда разделило мою жизнь на «до» и «после». Но перед тем как приступить к этому событию, я хочу собрать небольшой калейдоскоп красивых и коротких воспоминаний эпизодов, проигрывающихся в нашей мистерии.

Однажды она поняла, что несколько месяцев наших встреч я считал ее сумасшедшей. Я растерялся, ведь это уже много месяцев как было делом прошлым. Теперь-то я был уверен, что знаю ее настоящую. Кажется, тогда задним числом она всерьез обиделась.

Однажды под шелухой я увидел, как резко изменились все ее очертания и даже мимика. Вместо нее в моих объятьях оказалась хрупкая японка какой-то крайне утонченной, изысканной и в чем-то неземной, почти болезненной красоты. Ее чувственность так отличалась от той Дарьи, которую я знал. Казалось, она каждый миг умирает и в последний момент воскресает, а каждое наслаждение — это последний вздох перед казнью. Конечно, мне было странно рассказывать, что во время полета я увидел вместо нее совсем другую женщину, и я уже готовился к приступу ярости. Но, к моему удивлению, она тут же узнала ту, о ком я говорил:

— Это Анна. Она из племени Манси, рода чайки. Моя вторая душа, моя Тень. Когда-то мы с ней ужасно не ладили, но потом нам удалось договориться. У нее была воистину страшная судьба. Та, чья природа — бегать, чья суть — движение, в юности сломала спину. Я рада, что ты смог ее почувствовать, что она тебе понравилась. Удивительно, но ты ей тоже нравишься.

Однажды она обвинила меня в том, что я ни капли ее не люблю, потому что совсем ее не знаю. Я обиделся, уж я-то видел ее высочайшие формы и лики. И тогда она стала знакомить меня со своими частями. Анна — вторая душа, которую я лишь однажды подглядел. Ксюша — Анима Андрея, ее умершего возлюбленного и гениального художника, которая после смерти стала частью ее. Меня пугало, что она говорила про «Аниму Андрея», и я опасался, что Ксюша, наверно, должна быть против меня. Но я был глуп как пробка, проецируя свои слишком земные представления. Ксюша приняла меня и даже пару раз показывалась.

Однажды Дарья предложила мне посмотреть на картину. В обычном состоянии картина казалась мне не более чем набором абстрактных цветов, но стоило взглянуть на нее с той стороны зеркального стекла, как цвета ожили, задвигались и я стал чувствовать себя молодым, полным сил волком, своим воем приветствующим восходящую зарю. От избытка чувств я густо и протяжно завыл, вкладывая в этот вой всю душу и все обожание самой дикой, природной части моей души.

Однажды она решила отыграться за навешиваемые проекции и стала «навешивать» на меня того самого «медвежонка», который встречался с ней лишь пару раз. Я не знал, что она творит свою магию, но без какой-либо причины я вдруг почувствовал себя беспомощным подростком, нервно и болезненно отстаивающим себя. У меня изменились движения, поза, я стал отчаянно нервничать и беспокоиться, причем не в своей обычной манере, а как-то по-другому. Естественно, она демонстрировала презрение этой неполноценной форме, и я погружался в это отождествление все больше. Наконец она решила прекратить экзекуцию и сказала: «Теперь ты понимаешь, что такое проекции. Мне не обидно, что ты обо мне плохо думал, мне больно, что ты меня в это превращал».

Однажды, когда я оказался в одном из самых глубинных состояний измененного сознания, в котором страшно сделать несколько шагов по коридору, — она, такая уверенная, знающая, спокойная, сказала: «Вот ты такой здесь, а я здесь как дома, но там,

в большом мире, в социуме, я такая же, как ты здесь». Раз за разом она «доращивала» мою полуночную часть души, грань другой стороны, позволяющую оставаться собой с той стороны зеркала. Увы, эти ее слова, понятые мной слишком буквально, впоследствии сыграют одну из ключевых ролей в нашем разрыве.

Девятый священный ключ. 2018

Глава 13. Азazel Rising. 5=6

Сожгите книги, пока они не сожгли ваши сердца.

Из алхимического манускрипта

И вот постепенно наше повествование приближается к своей пиковой точке. Точке наивысшего рассвета. Полет, который раз и навсегда изменил мою жизнь.

Это был один из важнейших дней в году. День, когда я презентую полугодовой прорыв книжных новинок. Едва ли возможно объяснить, что такое прорыв для «Касталии», ибо если темп моей обычной жизни никак не меньше темпа аллегро в дурдоме, то время прорыва — это с бешеной скоростью катящийся под откос дурдом на колесиках, в котором пациенты и санитары дружно сходят с ума и танцуют румбу под стук колес.

Мое первое представление прошло великолепно, но путь из одной столицы в другую, бег по точкам поставок и одновременно координация заказов по телефону измотали меня до неузнаваемости.

Я начал лекцию. Естественно, я не мог выдать и трети того, что требовалось моим слушателям, привыкшим видеть меня на творческом подъеме. На второй лекции я окончательно выдохся и стал чувствовать себя таким дряхлым стариком профессором, читающим свой затертый за годы курс.

Примерно в середине лекции Дарья подошла ко мне и на ухо сказала: «Прекращай, Эллоизе скучно». В первый момент я даже обиделся, мне показалось, что моя прекрасная леди просто не хочет оценить красоту моих мыслей. Но печальная правда в том, что я действительно крайне устал и, как затертая и зажеванная пленка магнитофона, банально воспроизводил то, что должно говориться с огоньком и харизмой.

Лекция закончилась, и мы отправились домой. Дарья была в высшей степени недовольна и даже зла, но причина ее недовольства уходила от моего осознания. Разве я не сказал все, что должен сказать? Разве в моих словах не скользило этой подавляющей профессорской нотки старого учителя? Увы, оглядываясь назад, я понимаю, что там, где должна была разливаться песня, присутствовали лишь старческие усталые сарказмы. Дарья, как всегда, говорила загадками. «Неужели ты не понимаешь, что, когда Эллоизе скучно, лучше помолчать? Отмени лекцию. Закончил бы ты на презентации книг. Вот где все было ярко, красиво, феерично. Ты хоть понял, что я сделала? Я тебе целый час проводила твою Эллоизу, чтобы ты хоть что-то вытянул. Но мой ресурс проводимости выгорел к черту, и сейчас ты мой должник. Скажи спасибо, что все прошло неплохо и люди запомнят этот момент, когда я смогла хоть немного воскресить Эллоизу».

Я не понимал. Хотя наши отношения имели уже давнюю историю, ее слова воспринимались как сквозь тусклое стекло, гадательно. Я хорошо знал, что в ее словах всегда есть смысл, помнил кто Она, потому из последних сил рассудка силился понять, что же она пытается мне сказать.

«И да. Я проводила Эллоизу уже час. Теперь у тебя должок. Сегодня ты проведешь моего Анимуса. Согласен? Я договорилась с твоей Анимой».

Анимуса? Она говорила о своем Анимусе и называла его «Ош». Провести Оша? Чего только не было в наших путешествиях, если дама просит, наше дело скромное — под козырек и выполнять. Тогда я не догадывался о главном подвохе ее просьбы: Ош и Андрей были фактически одним лицом, и она просила меня выступить медиумом для проведения души умершего.

Надо ли говорить, что если бы я понимал, о чем идет речь, я бы тысячу раз подумал, прежде чем давать согласие. Как телемит я должен был помнить, что Алистер считал некромантию и спиритизм самой низшей, опасной и губительной для разума практика магией. Но я не задумывался и был готов согласиться на любое предложение.

Придя к ней, мы практически тут же выполнили ритуал 2,22, и я оказался на другой стороне.

— Я хочу, чтобы ты провел Оша, — повторила Дарья сказанное на пути домой.

— Но как?

— В этом нет ничего сложного. Всего-навсего тебе во всем твоём многообразии надо немного подвинуться. Согласиться полностью отпустить, смириться. Он придет сам.

— Я согласен.

На несколько долгих мгновений воцарилась тишина.

— Ты здесь, дорогой? — Голос Дарьи изменился и стал полон какой-то запредельной нежности и тоски.

Только в этот момент я понял, кого она называла Ошем. Я должен был послужить медиумом для проведения оттиска души давно умершего человека, ее возлюбленного, который был «слеплен» с ее Анимусом. Что ж — поиграем в эти игры. Хотя я уже не раз

был в самых дальних уголках души, каждый раз поставленная задача казалась мне чем-то невозможным. «Ты согласен?» Да куда уж деваться с подводной лодки.

В этот момент я почувствовал, как взбесилась моя Тень.

Ах да, моя Тень. Выше я упоминал свою Тень как причину всех моих бед. Если Рамси поднимается на поверхность и захватывает контроль — тушите свет. Последний раз в полную силу Тень проявилась во время жертвоприношения, которое не привело к тому, чего я хотел (и слава Богам), но безо всяких специальных средств открыло портал между повседневной реальностью и архетипическим миром.

Каждый раз при воспоминании о пробуждении Тени все остальные грани моего «я» приходят в ужас. Однажды, примерно год назад, когда две сумасшедшие истерички стали оскорблять меня и мою женщину, Рамси подвинул меня практически полностью, и в ответ на угрозу газовым баллончиком (угрозы баллончиком и оскорбления были реально без причины) я почувствовал, что еще несколько секунд — и я выбью баллончик и начну душить эту тварь. К счастью, все обошлось только плевком в рожу одной из них и обманно ударным жестом, после чего поднялся вой, по сравнению с которым звук полицейской сирены — это тихий шорох мыши под ковром. А еще как-то на меня в подъезде накинута бабка, и я, оказавшись «подвинутым», стал размышлять, смогу ли я быстро пристукнуть эту тварь.

В молодости моя Тень устраивала мне настоящие катастрофы, с годами стала появляться все реже, а контроль был все лучше, однако я хорошо понимал, что в один прекрасный момент тень слепой ярости может подвинуть меня настолько, что это закончится фатально.

Мало назвать Тень Тенью — важно дать ей имя. Общение с Анной и Ксенией в Дарье с одной стороны и чтение Хиллмана о жизненной необходимости персонифицировать фигуры своей души с другой поставили меня перед нуждой дать ему имя. Как советовала Дарья — первая же глупость, какая приходит в голову. Имя, которое было дано Тени, — Рамси.

До сих пор Рамси практически всегда в наших взаимодействиях отсутствовал, но здесь я почувствовал идущие откуда-то из бессознательного волны холодной злости и страха.

Рамси явно не разделял мою готовность подвинуться и проводить непонятно кого. Но, в конце концов, — я же обещал.

В моем воображении развернулась настоящая баталия. Я против Тени, Тень против меня. Все попытки успокоить вдруг взорвавшийся в сознании невроз ни к чему не приводили, Рамси руками и ногами сопротивлялся грядущей перспективе.

Сознание стало похоже на сознание героя рассказа Рея Бредбери «Уснувший в Армагеддоне», где одна отколота часть согласна принять любые правила, а другая — сделает все, чтобы сорвать происходящее.

Внезапно в голове раздался третий голос. Голос, обращенный не ко мне, а к Рамси. «Успокойся, дурачок. Ну подыграй немного. Ты не понимаешь, что он хочет того же, что и ты, только по другим причинам». Я понял, что имелось в виду: Рамси как патологический ревнивец (в моем сознательном «я» ревность отсутствует как категория) хотел, чтобы Андрея не было в нашем пространстве взаимодействия. Сам Андрей тоже хотел, чтобы его отпустили. Третьего голоса Рамси послушался, и сознание наполнилось тишиной.

— Ты здесь? — повторила Дарья.

В этот момент на мое сознание обрушилась доселе неведомая мне тональность чувств. Я бы определил ее как «вечная ностальгия». Цвета, которых я вообще никогда не видел, нежные, причудливые цвета мягко наполняли мое сознание, а в голове начала проигрываться песенка БГ «Золото на голубом». Как я узнал потом, Андрей действительно любил БГ. Оставшиеся части «я» пытались решить интеллектуальную задачу: все это происходит «взаправду» или я просто «подыгрываю» Дарье? Очевидно,

что однозначный ответ можно дать, только если жестко находишься в той или иной парадигме. Как бы то ни было, само включение несвойственного мне регистра эмоций было поразительным: изменился голос, вибрация, появился особый говор.

— Да, я здесь. — Голос звучал как ватный, немного чужой. В этом голосе было так много усталости и любви. Нечеловеческой усталости и какой-то беспредельной любви.

Он целует ее в щеку. Напряженный, собранный и одновременно абсолютно спокойный. Он, то есть я, то есть он опасается говорить много, потому что они не вдвоем. Одновременно он боится ее обидеть.

Дарья видит пространство пересечения миров. Ей кажется, что в фиолетовую глубину падают три белых платочка.

Она спрашивает его:

— Кто это?

— Посланцы, — звучит с «окающим» говором.

— Откуда?

— Откуда послали оттуда и посланцы.

В этот момент Дарья узнает. Специфический юмор, акцент, интонация. Я больше не я — и одновременно каким-то краем сознания я наблюдаю происходящее. Она понимает, что все происходит на самом деле, и говорит именно с *ним*.

— Чего ты меня спрашиваешь? Я же не *бох*. — Характерный акцент на «х», не свойственный мне вообще.

Она смущается.

— Как ты там без меня, милый?

— Не очень. Раньше ты улыбалась. Это было хорошо.

От Дарьи пошла какая-то невероятная нежность, направленная к этому духу, на некоторое время занявшая мой разум. Ей хочется разрыдаться от слов «ты улыбалась».

— Не путай.

«Что не путай, почему не путай, о чем речь?» — пытаюсь понять я. По сути, это значит прощание. Он хочет уйти.

— И не возвращайся обратно, — говорит он-я с какой то иронией, как будто зная, что столкновение с реальностью для Дарьи будет неизбежно болезненным, что защитой был он, и она непременно захочет вернуться к этому состоянию безопасности и закрытости от внешнего мира.

Дарья обещает:

— Не буду.

Она не хочет с ним расставаться, не хочет его отпускать совсем, но он просит, а значит, она должна выполнить его просьбу. И значит, она точно не вернется.

— Дай мне новых картин, — попросила она.

— Фиолетовые. Золото. Много голубизны и золота, — ответил я, словно проговаривая играющее в моем разуме «Золото на голубом».

— Это так скучно, дорогой. Ты опять в своем духе.

Это был момент пересечения реальностей. Как будто в одном пространстве внезапно соприкоснулись разные измерения, грани и вибрации глубин, сокрытых от сознания.

Я ощущал, что оказался в пространстве крайне минорных и мягких энергий, даже сам голос вибрировал каким-то нездешним фиолетовым сиянием. Я чувствовал усталость. Зашевелился Рамси: «Скажи ему, чтобы он ушел! Что это такое, это погубит всех нас, это плохо, это неправильно, это губительно!»

Внезапно — уже не от Рамси, но от *него* — я сказал слово:

— Отпусти. Туда отпусти. Тяжело.

Я почувствовал себя точно брошенный на берег дельфин, вырванный из родной стихии.

— Отпусти. Хватит, — повторил я-Андрей.

Рамси замолчал, это давало покой.

— Хорошо, любимый. Пусть будет так, я отпускаю тебя.

Я не берусь утверждать, что воспроизвел все подробности этого сюрреалистического диалога, но суть, ядро диалогов воспроизведено мной полностью. Когда душа, призванная из фиолетовой синевы, оставила меня, я чувствовал ошарашенность. Что бы ни происходило раньше, я никогда не переставал удивляться новым горизонтам и интенсивности опыта.

Исследователь во мне снова принялся анализировать. Была ли это душа Андрея? Был ли это отпечаток, оставленный в коллективном бессознательном? Или я просто воспроизвел ее представления о нем? Скептицизм и неготовность принимать одну версию у нас, телемитов, прописаны в кровь на самом глубоком уровне.

В любом случае, что бы это ни было, это ошеломляло.

Дарья тоже стала возвращаться. Перед ее внутренним взором появилась картинка. Она превратилась в маленькую девочку, которая только очнулась и первое, что видит перед собой духовным взором, — образ моей Анимы, совершенно незнакомую ей женщину. Дарья-ребенок чувствует, что Эллоиза испытывает к ней теплые, почти материнские чувства.

В это время я взглянул на Дарью. Ее рвало желчью. «Неправильно. Я делаю что-то неправильно», — сказала она. Само собой, сюрреализм происходящего был нарушением всех представлений о возможном и допустимом, но тем не менее я был тем, кем я был.

Я вернулся в свое тело, и мы молча пошли курить на кухню.

Я, похоже, пытался собрать себя, чтобы вернуться. Но 2,22 действовало еще более сокрушительно. Сознание погружалось все глубже. Куда? Я не мог дать на это ответ. Только что я был медиумом, проводившим дух умершего. Сердце сжал страх. Не приведет ли это к моей смерти? Стихия смерти, Черная вода — родная стихия Дарьи, но для меня это опасная стихия.

Внезапно произошло то, что не мог просчитать и предвидеть никто. В голове точно начал звучать зуммер, и впервые за все наши эксперименты моя обычная идентичность растворилась полностью. Даже «я другой», Михей, все равно был пусть отдаленным, но все же фрагментом моего я, не говоря о Рамси.

Но сейчас впервые меня действительно целиком и полностью «подвинули». Кто? Зачем? Почему? Память могла только фиксировать отдельные фрагменты фраз, которые сами вырывались из моих уст.

— Так-так, дева ты моя земная. Вот, значит, в какие игры мы играем? Ты, кажется, называла это «сумасшествием с подселением». И кто тебе позволил вселять в мою главную ставку душу из Черной воды?

Сделав паузу, он продолжил:

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Чем это могло закончиться? Для тебя, для него (было странно слышать о себе в третьем лице из своих же уст), для твоих богов? Во-первых, не будь наш пациент моей ставочкой, на выходе ты бы получила овощ, пускающий слюни. Ладно, на людей тебе плевать, но ты же создаешь долг, о котором даже не подозреваешь. Долг для своих же. Мой-то косячит в духе «переспать с особой из стана врагов», но это же по сравнению с твоими косяками так, забавы детские. Вот представь себе. Есть у меня укрепленная крепость. Или ставка. И вот в ворота этой самой крепости ломится в жопу пьяный медведь и требует, чтобы его в эту самую крепость пустили.

Голос переливистый, играющий, кажется, смакующий произношение каждого слова. Слова рождаются раньше, чем я успеваю осмыслить, что только что сказал мой рот. Все, что остается маленькой частице «я», — это тотальное изумление, шок, потрясение. «Я это действительно сказал? Я назвал себя "моей главной ставкой"? Я одержим? Я не я?» Все предыдущие уровни деперсонализации сохраняли на

поверхности сознания хотя бы ее меньшую часть. Здесь же произносимые слова рождались откуда-то совсем с другой стороны.

Он был мной. Но таким мной, о котором я не мог и мечтать. Я вспомнил, как это называется в разных традициях: Самость у Юнга, САХ у Кроули, подлинное «я» у некоторых эзотериков. Слова, которые рождались в моих устах, были точно крылатые птицы — легкие, ироничные слова, с той неповторимой интонацией, которая никогда не была мне свойственна и, быть может, лишь проскальзывала в моих самых лучших выступлениях на несколько мгновений. Но тут я стал им. И надо сказать, в отличие от Андрея или Михея, мне нравилось быть им, хотя слова продолжали запоминаться через одно и стираться целыми предложениями сразу после произнесения.

За все время нашего общения это был первый и последний раз, когда Дарья оказалась действительно удивлена и даже ошарашена. Для нее проводить Андрея означало проводить и его Аниму, с которой она была отождествлена многие годы. Как только Андрей ушел, его Анима исчезла вместе с ним, и Дарья стала ощущать себя пятилетней девочкой, оставшейся единственным проводником для Акташ.

Судя по всему, я-он наслаждался эффектом своего появления, словно отрепетированным до каждого жеста.

Прошло, наверно, полминуты, прежде чем она заговорила. В ее глазах вспыхнул азарт, жизнь, интерес.

— Кто ты?

— Ай, молодец. Заметила. Не могу не оценить. Я тот, кто дал земным женщинам священный огонь. Я тот, кто возлюбил земных женщин более небесного царства. Скучно там, поверь мне, в этой застывшей вечности. Я тот, кто движет эволюцию этого несчастного человечества, подкидывая ему под ноги открытия. Если угодно, я тот, кто налил ванну для Архимеда, хорошенько стукнул Ньютона яблоком и как-то наиграл прекрасную мелодию одному скрипачу, пока он дрых без задних ног. В конце концов, я тот, кто учил гетер искусству любви, кто утвердил калокагатию как священный принцип и всячески вдохновлял прекрасных леди искать все более сокрушительные оружия красоты.

Я-он наслаждался произведенным эффектом, как будто сияя в невидимых лучах славы.

— Короче говоря, если тебе так будет проще — можешь звать меня Азазель. Но сейчас мы ведь говорим не обо мне, а о тебе, верно? Как я уже сказал, если бы носитель не был моей ставкой, на выходе ты, скорей всего, получила бы еще одного одержимого с подселением, который рассказывал бы о цветах и красках разве что санитарам. И ладно бы только это. Ты понимаешь, что тот, кого ты призывала, не подотчетен твоим богам или не в полной мере им подотчетен? Мало того что полезла в глубины Черных вод, так еще чужих Черных вод. Ты сама же говорила, что у Аида и Нергала разные сегменты этого прекрасного океана. А ты — в чей сегмент полезла, а? Андрей, вообще-то, не был подотчетен твоим богам, он христианин, вообще-то. И ты сейчас лезешь на христианские планы, в чужое пространство, создавая долги себе и своим богам. Выдрала ты душу из христианского рая и довольна...

— Нет, я выдрала душу из родового христианского рая, и это немножечко другое.

— ...И вообще, ай-ай-ай тебе. «Явлено Черное Солнце в бездне космической ночи». Боишься разгневать своих богов, не участвуя в ритуалах, где твое Черное Солнце названо в главном годовом таинстве, а тут создаешь им такой долг! Носитель, глупыш, думал, что твои боги — суровые деспоты. А на самом деле твои боги в высшей степени милосердны, я бы за такое своему такую трепку задал — долго бы на задницу не мог сесть. Впрочем, женщина ты моя земная, ах, да и подземная, и небесная, оставим-забудем. Как говорится, все хорошо, что хорошо кончается... А ты красива, женщина ты моя земная, нравишься ты мне. У моих ставок губа не дура.

Дарья испытывает растерянность. Вроде бы все было сделано, как того ждала Леди Акташ, но сказать это словами не получается. Ей как будто всего пять лет.

— Я же договорилась с Эллоизой, — говорит Дарья.

— О да, Элли. Можешь гордиться, женщина ты моя земная, она тебя в нашу семью пригласила. У Элли, вообще, это не частое явление. Вообще, она ой как мало кого уважает. Елену, например. А тебя она в дочки приняла.

Я-он беседовал с Дарьей или, точнее, даже с самой Акташ, говоря обо мне как о «ставке» или «креатуре». Отдельные слова, сказанные мной же, периодически долетали до моего уха, смысл их забывался практически сразу, хотя интонация впечатывалась в основание души. Только по истечении долгого времени я начал вспоминать детали этого странного диалога.

Это были слова, полные иронии, особой, доброй иронии, как отец говорит о своем нерадивом, наивном сыне или художник о своем творении. Пару раз он выдал несколько моих предельно личных глюков, и когда звучали его слова, остающийся на заднем плане сознания я приходил в ужас.

Похоже, он решил вскрыть меня до основания. Оставить перед прекрасной дамой без порток — что может быть лучше, но вот без кожи — это уже перебор.

— И что, я так же косячу? — спросила Акташ-Дарья.

— Так же. И одновременно — ну очень по-другому. Мой-то косячит много, но по мелочи, а ты как вытворишь — никому мало не покажется. Вот как сегодня. Но ты не волнуйся, твои боги тебя любят. Вот даже мне позволено с тобой поговорить. Да и не только поговорить, женщина ты моя земная...

Увы, никакой текст не сможет передать масштаб того, до какой степени мое привычное «я» было подвинуто в этот момент. Все последующие явления Азазеля были все же слабее, но тогда он всецело владел моим сознанием. Это не «другой я», как, скажем, было с Михеем. Это — исток моего я, я — его креатура, его ставка. Это слово плотно впечаталось в мою память.

— Да-да, женщина моя земная. Он же тебе рассказывал, как в детстве поджег Каменный мост. Это ведь тоже ритуал. Такой неосознанный, инстинктивный, наивный. Но ритуал во имя мое. Я люблю огонь. Они думают, что я женщин краситься учил. Может, еще косметологом подрабатывал, а? Нет, я им священный огонь дал. А все остальное пошло само. Как надо.

Она доверяла мне-ему. Здесь можно было задать любой вопрос и получить реальный ответ.

В сознании сплошным вихрем проносились картинки, образы, фантазии. Азазель действительно представлял всю тотальность меня, но при этом был неизмеримо большим. Я — его творение, его изваяние, камень, который гениальный скульптор отделяет, отбивая все ненужное. И все происходящее со мной раньше увязывалось в единый смысл, единый танец, единую последовательность.

— Знаешь, как меня достало, когда мой начинает зазнаваться? Пришлось ему Черное зеркало послать. Полезный был урок. Правда, девочку жалко, выгорела она чуть более чем полностью, но что поделать, что поделать.

В этот момент Азазель кажется ей опасным, слова понимаются слишком буквально, в меру пятилетнего сознания, но парадоксальным образом доверие к Азазелю остается — за ней же Акташ.

— Может, и восстановится когда. Он свою силу не понимает, поэтому многое купировать пришлось — иначе это же сущий кошмар... Самое главное — это плетения. Сплетения сил, смыслов, событий. Профанам они кажутся разными фактами, но мы-то знаем... Это как шахматы. Только шахматы во многих измерениях, где никогда не знаешь, какой ход сделает партнер, и ни один ход не будет последним. Плетеньице переходит в плетеньице, затем еще в плетеньице. И так, идя по золотой тропе, несчастное человечество начинает что-то понимать. Ты мою ставку не обижай, я,

конечно, его ругаю, но любя. Другие еще хуже, можешь мне поверить... Какой же чушью набиты человеческие мозги, если бы ты знала только.

Она видит, что по моей бороде бегают искорки. Она, кажется, не совсем слышит, что говорится, она вкушает эту — такую новую и неожиданную — интонацию.

Наш разговор — разговор Азазеля с Акташ и одновременно с пятилетней девочкой, которой она была, — длился несколько часов. Удивление, страх, ошарашенность прошли. Полет продолжался, Азазель изрекал парадоксы, часть из которых формировалась из моих воспоминаний, часть — вовсе была непонятна. Например, в какой-то момент он сказал:

— Слушай, ты бы хоть раз пригласила меня к себе. А то в данный-то момент встреча происходит на моей территории.

«Куда — к себе?! — обдало ужасом от Тени. — В Черную воду, что ли? Что он делает?!»

— Дай мне имя, — велела Акташ.

— Ну, если я Азазель, ты, наверно, хочешь быть Нахемой. Нахема, Наама, Нахемат.

— Повтори последнее. Не Нахема. Нахемат.

— Вот умница! Поняла. Заметила. Это самое важное. Различимость. Отличие. Зазор. Тонкий зазор, из которого рождается новое плетение. Носитель же рассказывал тебе про Имена моих старших? Молодец — верхушка считает пограничником, а инстинкт все правильно делает, сам не понимая что. Так вот, знаешь, что произошло на самом деле? Просто *встреча*, миг, вспышка. Родились новые имена. Началось новое плетение. А уж потом вокруг этих имен навернулось, ух! Красиво! Жаль, что моя ставочка так и не поняла, как оно просто и сложно на самом деле. Он уже новую религию лепит. А на самом деле все просто. Встреча. Плетение. Красиво. Вот я тоже плету, плету, плету...

Конечно, из многочасового разговора я запомнил лишь некоторые очень небольшие моменты. Жаль, что не было диктофона. Впрочем, риторическое сожаление — уж чего-чего, а диктофонов Азазель бы не позволил.

— Скоро ты начнешь мелькать, да... — сказала она с какой-то ностальгией.

— Да. Время подходит. Иначе нельзя, ты же понимаешь. Я уже немного мелькаю.

И действительно — я все больше возвращался в себя из приятного оцепенения близости истока.

Что это было? Странная игра воображения, пробужденное сознание, раскрытие всей полноты возможностей Сознания? Или все-таки — *или?*.. Кроули называл это «знание и собеседование САХ», Юнг «ось Эго — Самость». Впрочем, у Юнга были куда более степенные и дистантные философские диспуты со своим Филемоном. Азазелю все эти вопросы не то чтобы безразличны, но не находятся в центре его внимания точно. Азазель любит плести смыслы и заглядывать к прекрасным женщинам земным.

И в этом было еще кое-что. Азазель держался с ней в полной мере наравне. До сих пор я либо считал ее безумной, либо божеством, чьей высокой мудрости мне следует внимать, открывши рот. Но я в форме Азазеля или Азазель через мое тело — полностью понимал ее. Это понимание было абсолютным, они говорили всецело в пространстве одного языка.

Азазель. Здесь я должен остановиться поподробнее на наших с ним отношениях. Впервые он проявился, когда Дарья пригласила Андрея попрощаться. Затем — иногда в ритуале 2,22, а иногда он проявлялся совершенно спонтанно, я узнавал его вибрации. Правда, в этом была и своя горькая часть — чем больше я хотел «пришествия Азазеля», тем реже он появлялся.

Эту связь можно называть очень по-разному. Можно на оккультный манер — «знание и собеседование САХ», можно на юнгианский — «Ось Эго — Самость», можно,

как это именуется в линии Люцифера, — «установление связи с Истоком». У каждого человека свой исток.

Постепенно у нас сформировался свой язык. Своя не слишком стройная космология. Как-то сама по себе в зазеркалье появилась идея «семи уровней». Я знал эту идею по герметическим корпусам, но каково же было мое удивление, когда я прочитал, что в удмуртской мифологии мир также состоял из семи миров. Я не уверен, что приоткрывшийся нам вид этих «уровней осознания» прямо коррелирует с традицией, но не объяснив эту систему, я оставляю читателя в досадном непонимании половины происходящего.

На первом уровне есть только инстинкты. Воля к выживанию отдельного биологического субъекта.

На втором уровне есть Персона. Есть возможность хоть как-то подавить, подчинить эти аффекты и пребывать в некоем условно приятном, но очень ограниченном качестве.

Третий уровень — это уровень Эго-сознания. Сильная, зрелая, не захваченная комплексом идентичность. Ставка, действующая в отсутствие Патрона.

Четвертый уровень — первые вибрации Азазеля. Присутствие Самости. Здесь есть все — Эго, Тень и вибрации Самости. Но очень легко «услышать неправильно». Скажем, придать какой-то мысли статус «идушей от Азазеля», хотя это не более чем криво прицепившаяся к его вибрации инстинктивная идея. Разгребай потом. Но именно здесь начинается взаимодействие с Азазелем. Четвертый уровень — это пространство, где невозможно понять, кто сейчас я — я или Я. На самом деле он и является самым важным уровнем игры, потому что в верхней и нижней бездне — все и так определено. А драма, мистерия, коллизия разыгрывается как раз на этом самом уровне «неполного проявления».

Чем больше прорастал Азазель, тем сильнее я одним своим присутствием действовал на близких мне людей, пробуждая их связь с САХ, их источником. Геката, Иштар, Пеймон... Самые важные люди каким-то чудесным образом словно попадали в вихрь синхроний невероятного уровня интенсивности.

Пожалуй, это самое большое чудо, которое ты самим своим бытием начинаешь генерировать вокруг себя. Человек, с которым я мог быть знаком несколько лет, вдруг начал разворачиваться, на внешний план выходил его незримый Патрон, звучало Имя — и на место бессознательного поиска становилось сознательное служение. Чудо, в сущности, много большее, чем любые магические сиддхи, как я их представлял. «Установи связь с САХ, и вокруг тебя другие станут обретать САХ». Это действительно высочайшее из чудес.

Пятый уровень — это предельное из возможных включений Азазеля. В полной мере так было в ту самую первую встречу, когда Дарья призывала в меня душу своего возлюбленного. С чуть меньшей интенсивностью, но все же достаточно полно это происходило еще несколько раз. Но даже работа на пятом уровне со временем начинает меняться. Вначале наблюдающее «я» вовсе отсутствовало, когда происходило проявление. Но раз за разом я стал учиться запоминать информацию.

Шестой уровень — это высший из уровней, доступных человеческому существу во плоти хотя бы теоретически, это миг, когда «сигнал из центра недвусмысленно прост» и нисходит в душу чистой родниковой водой. Шестой уровень подразумевает открытие третьего глаза как шестой чакры.

Боги на картинах Дарьи часто несли во лбу сияющий камень. Далекое не сразу я понял, что это и есть символ раскрытия. Возможно ли это в полной мере? Когда-то я думал, что раскрытие шестого центра или Аджны — это такой уровень магии прямого действия: захотел и благословил, захотел и проклял. Но все не так. Шестой уровень — это когда твоя воля оказывается всецело единой с волей Патрона. На пятом уровне Патрон говорит о ставке, на шестом ставка и Патрон суть одно. Неслучайно в восточной

традиции именно Аджна считается «местом обитания» некоего внутреннего «нефизического» гуру, Учителя, с которым связан человек.

Седьмой уровень — это недостижимая категория. Это невыразимый в словах план чистых первопричин, где все Боги переплетены и все жизни связаны друг с другом единой нитью. На седьмом уровне вообще нет времени и пространства, есть только единое, совершенное плетение. Даже простого знания мысли о седьмом уровне бывает достаточно, чтобы всецело принимать судьбу и просто идти своим путем, идти, невзирая ни на что. Там — все записано. Там — все решено. Но это не повод расслабляться в смысле пассивного провиденциализма. Наоборот, духовное знание о седьмом уровне выводит на какую-то воистину нечеловеческую ступень активности, когда разница между «вокруг» и «внутри» исчезает и все есть единый танец.

Идея уровней родилась в одном из полетов, когда я в мучениях пытался понять, верить ли мне себе, Азазель ли это сейчас или просто большой поток жизненной энергии выносит на поверхность комплекс, а я наивно принимаю его за Азазеля. Потом Азазель объяснил, что, по сути, это не так важно. Главное — не пытаться говорить с миром и с другими людьми, прикрываясь авторитетом, его именем. Если слово есть правда — оно будет звучать, если ложь — оно звучать не будет. Только это может быть единственным критерием.

С достижением 5=6, с проявлением Азазеля во мне, передо мной взорвались врата, казавшиеся последними, и обрушилась целая магическая вселенная. Новые смыслы, новые определения, новые обозначения. Начавшись со случайного видения, «пустячка», обнаженная магия ворвалась в мою вселенную потоками вод, затапливая берега.

Интермедии. Немного о ставках

Все существующие когда-либо эзотерические школы, в сущности, всегда имеют одну-единственную цель. Эту цель можно называть по-разному, будь то обретение божественности, просветление, знание и собеседование со святым Ангелом Хранителем, обретение Самости, обожение, открытие нетварного света. Если покопаться, то можно найти очень много различных названий и определений, каждое из которых на свой лад высвечивает ту или другую грань одного и того же кристалла. Существует одна проблема. Эта самая природа, свет, САХ, Самость, Патрон есть далеко не у всех. И по мере того как эзотерическая школа становилась больше и шире, включая в свои стены все больше обращенных, то, что вначале было реальностью, данной в ощущениях, становится пустой сентиментальностью и лозунгом.

Современный человек привык считать фантазию о всеобщем фундаментальном равенстве аксиомой, не требующей доказательств. Стоит внимательно посмотреть вокруг без шор предубеждения, чтобы со всей ясностью увидеть — нет ни одного факта в пользу всеобщего равенства, но существует тысяча фактов, говорящих о принципиальном, я бы даже сказал, онтологическом неравенстве. Но попробуйте сказать об этом без привычной политкорректности, и вас немедленно обвинят в фашизме. Людям свойственно принимать те или иные идеи не потому, что их опыт подтверждает эти идеи, но исключительно потому, что принятие той или иной идеи означает принадлежность к той или иной группе или общности.

Ранее мы уже немного говорили о трех видах человека — сакральной антропологии, которую разделяли древние гностики, индийские тантристы, тибетские адепты ваджраяны. Три онтологически разных типа: гилики, психики и пневматики, или пашу вира и дивья, или человек материи, человек души и человек духа. Хитрая система. Если упростить эту систему до двух типов, то и правда получается фашизм: деление на аристократов и плебеев, «тварей дрожащих» и «право имеющих» и другие подобные бинарные системы всегда создавали искаженное упрощение. Наличие третьего,

промежуточного типа, который, в зависимости от капризов судьбы и личного мужества, может пойти вверх или вниз, устремиться к достижению осуществления всей полноты потенциала своей природы или довольствоваться рабским корытом, позволяет создать более гибкое и динамичное представление о реальности.

В сущности, два крайних типа существуют в своем мире в их изначальном статусе. Пневматик — изначально совершенен, а гилик изначально низменен. Гилик не может стать даже психиком, потому что у него не возникнет желания искать что-то, что не вмещалось бы в набор инстинктивных потребностей. А пневматик не может опуститься до более низких регистров, потому что имеет изначальное онтологическое сродство со своим истоком. Поэтому все динамические процессы, трансформации, невыносимые дилеммы бытия так или иначе связаны с промежуточным уровнем. Пространство психиков — это предельно неоднородная зона, психиком можно назвать как того, кто «уже не гилик», так и того, кто «почти пневматик», и разница между этими двумя будет настолько разительной, что само отнесение их к одному типу выглядит как некое условно схематичное допущение.

Эзотерическая школа, братство, традиция ставит целью, во-первых, помощь и обучение еще не осознающих себя пневматиков, а во-вторых, создание дисциплины практик, необходимой, чтобы психик прошел опыт радикального разрыва уровней и обрел пневматический статус. Обратите внимание — если гилик не может стать психиком, то посредством разрыва уровней психик может стать пневматиком. Проблема возникает, когда слишком много психиков посылают запрос на трансформацию и инициатический потенциал конкретного священного сосуда (то есть инициатического заряда традиции) не справляется с все нарастающим сигналом. В этом случае факт инициации заменяется разговором об инициации или неким номинальным инициатическим опытом, не обеспечивающим разрыв уровней. Поэтому даже сам язык, на котором говорят эзотерики, нуждается в постоянном обновлении, как змея, сбрасывающая старую, уже потерявшую свою эластичность кожу. Самый яркий и самый известный тому пример — история ранних христиан.

Алистер Кроули — точнее, тот, кто за ним стоял (а по моему мнению, Кроули — это единственный оккультист двадцатого века, о котором можно говорить в контексте даже не ставочности, а аватарности), — старательно позаботился о том, чтобы создать себе максимально негативную репутацию, дабы возвести естественный барьер для потока психиков, желающих трансформации. Это дало телемитским братствам некоторое временное преимущество и защиту, однако в наше время, когда практически все инициатические каналы оказались перекрыты, а население растет по экспоненте, даже это перестает работать и телемитский поток не справляется с поступающим массовым запросом на опыт разрыва и раскрытие своего истинного потенциала. Фактически актуальные условия диктуют совершенно особые правила игры, в которых строгая секретность и полная открытость знания должны каким-то образом сочетаться в одном сосуде, как если бы мы создавали алхимический тигель, в котором были бы соединены огонь и лед.

В ситуации, когда поток не справляется с все нарастающим запросом, слова и ключи начинают менять свой смысл. Хорошей иллюстрацией такого процесса является любопытный механизм, наблюдавшийся мной у некоторых телемитов, даже имеющих средний уровень посвящения. Говоря о Бабалон — богине, которую Кроули взял из Апокалипсиса Иоанна Богослова, богине страстной, трансгрессивной сексуальности, разрушающей все границы, сексуальности, сопряженной со смертью и разрушением, они используют интонации и вибрации христианина, говорящего о Богоматери. По большому счету этих людей нельзя осуждать — столкнувшись с полным духовным банкротством и мертвой казенностью современного христианства, которое на данный исторический момент полностью лишено инициатического потенциала, они обратили свой поиск к альтернативным формам духовности, однако на уровне структур их монада

нуждается именно в богومатери. Таким образом, на месте Бабалон оказывается Дева Мария, немного разбавленная сексуальностью упорядоченной Венеры, тогда как сама Бабалон, будучи названа, одновременно подвергается самому надежному из забвений — лучше всего спрятано то, что лежит как бы на виду.

Эта книга — это одна из попыток работы в новых условиях. Полная откровенность автора, позволяющая подготовленному читателю соприкоснуться с личной мистерией автора непосредственно, сочетается с достаточно закрытой системой, в которой целый ряд ключей, паролей и формул остаются за кадром. Фактически единственная цель, ради которой пишется эта книга, — это запуск инициатического потенциала в тех немногих читателях, которые уже подошли к дверям внутреннего храма.

Центральное понятие, которое мы вводим здесь, — ставка. То есть человек, который всей своей жизнью выражает принцип того или другого божества, несет его энергию. Можно поставить знак равенства между понятием ставки и понятием пневматика у гностиков или популярного, но изрядно растратившего свой смысл слова «аватара». Сказав «я аватара», мы неизбежно рискуем быть понятыми неправильно и излишне буквально — будто притязая на некую историческую уникальность, сравнимую с уникальностью Иисуса или Кришны. По большому счету аватарами можно считать тех, кто определяет исторический процесс движения человеческого духа на глобальном уровне. Если жизнь конкретного человека производит парадигмальное изменение на уровне парадигмы цивилизации — можно говорить о его «аватарности». Что же касается ставок, то наша роль далеко не столь глобальна и масштабна. В одном поколении у одного божества может быть множество ставок, разбросанных по всем уголкам мира, более того — закон притяжения подобного к подобному может даже создавать ситуацию, при которой ставки одной и той же силы оказываются знакомы и тесно взаимодействуют. Рассуждения о том, сколько существует богов в коллективном бессознательном Земли и сколько ставок может быть у одного божества, изначально лишены смысла, поскольку сама реальность символического находится в постоянном процессе становления и изменения.

Главным признаком ставки является его или ее онтологическая активность. Индивид, не имеющий природы ставки, даже при очень высоком уровне интеллектуального, магического и духовного развития обречен всегда оставаться «частью» некоего целого, через идентификацию и принадлежность к которому он и осуществляет свою истинную природу. Не следует считать это чем-то «низшим» и «недостойным» — куда более достойны жалости те, кто полагают, что идут своим неповторимым индивидуальным путем, но на самом деле способны лишь воспроизводить коллективные шаблоны. Более того — становление ставки часто происходит через принадлежность, однако на том или другом этапе развития выходит за границы принадлежности к одной культурной форме и дискурсу. Сущность ставки в том, что одним своим существованием он или она формирует свой, индивидуальный кластер реальности, который неизбежно становится центром притяжения, и вносит свой вклад в данный кластер пространства. Масштаб этого влияния зависит от задачи конкретной ставки и доступных ей энергетических и информационных ресурсов. Фактически, глядя на человека, который в полной мере вносит реально новую смысловую и энергетическую струю, всегда стоит задать себе вопрос — а чьей ставкой он является?

Как это ни удивительно, но в абсолютном большинстве случаев ставка может не осознавать своей ставочной природы, считая это чем-то само собой разумеющимся, воспринимая влияние Патрона как игру своего ума и свои личные желания. Многие ставки подобны тому загнипнотизированному пациенту Фрейда, которому гипнотизер приказал открыть зонтик через некоторое время, а когда его спросили, для чего он открыл зонтик, находясь в комнате, он стал придумывать логичные оправдания в духе «решил проверить, не сломан ли он». В качестве наглядного примера я хочу привести известного поэта и музыканта Штиля, чья поэзия местами приближается к уровню

пророческой. Автор не раз сталкивался с пророческой природой своих стихов: например, живя в Донецке, за три месяца до начала войны написал строку «мы давно уже ждем войны». А в другом тексте, написанном немного раньше, есть строка: «Если я не вернусь до восхода, ночь будет светлой». И только во время войны он понял, что на самом деле написал: во время артиллерийского обстрела действительно ночь кажется светлой. При таких весьма впечатляющих пророческих способностях сам автор искренне считает себя атеистом и самым обычным человеком, чья поэзия — это лишь результат работы его литературного навыка.

Раскрытие и осознание ставкой своей природы — это, скорей, редкий случай, само по себе подобное раскрытие подразумевает некую особую специфику задачи данной ставки.

Я — Ставка Азазеля. В начале моего делания, я сталкивался исключительно с косвенными признаками, главными из которых были даже не синхронии, а то избирательное сродство, которое связывало меня с Азазелевым мифом. События, описанные в двенадцатой главе, поставили меня нос к носу со своим божеством и полностью перевернули саму картину мира. Ритуал 2,22, который был проделан перед этим, не может быть единственным объяснением, поскольку до этого момента этот ритуал выполнялся мной десятки раз, но ничего даже близко подобного не было. Можно сказать, что этот ритуал создал необходимую восприимчивость сознания, но никак не породил Азазеля. Тем более что большинство последующих переживаний, связанных с ним, часто происходили вообще без предварительного ритуала. С другой стороны, Акташ вовсе не требуется предварительный ритуал, чтобы установить связь со своими богами, — структура ее психики имеет преимущество перед моей, и восприятие иной модальности происходит естественно.

Мне повезло еще и в том смысле, что этот опыт был пережит довольно поздно, когда психика была уже достаточно устойчива, а моя реальность имела более-менее надежные границы. Те, чье раскрытие происходит на ранних этапах формирования, рискуют куда в большей степени, однако и мне этот процесс дался весьма нелегко. Первое, о чем следует помнить, это относительность любого описательного языка, которым мы пользуемся. Я могу говорить о «боге во мне», «достижении 5=6», обретении общения с Самостью. Рассматривать ли этот опыт в контексте взаимодействия Юнга и Филемона, тем самым одевая его в психологические одежды, или связывать с историей Кроули и Айвасса и тем самым определять исключительно оккультно — в любом случае главной задачей здесь является понимание, что любое используемое мной определение это всего лишь фигура речи, и нет ничего более нелепого, чем настаивать на буквальном понимании конкретных слов и формул. Кроме того, я не могу знать, как оно «на самом деле», но я могу допустить, что Азазель — это то же самое божество, которое было от начала времен, и точно так же можно предположить, что это новая форма коллективного бессознательного. Я могу выстраивать модели реальности, рисовать карты, помогающие мне в режиме динамической мистерии осмыслять происходящее, при этом будучи готовым, что эти карты придется корректировать в любой момент.

Я предлагаю использовать следующую метафору. Представьте себе, что коэффициент полной истины о природе бытия равен десяти или лучше ста тысячам условных единиц. Средний человек, разделяющий коллективные мифы, имеет одну единицу из этих ста тысяч. Человек, идущий по духовному пути и изучающий разные модели, — пять. Ставка — десять. Даже полный и заверченный аватара — твердую и уверенную сотню. Сколь же нелепой является претензия ставки и тем более неофита на обладание полной и законченной истиной о природе бытия. Более того — ставки разных богов могут иметь совершенно произвольные числовые единицы из общего порядка, поэтому любой разговор в режиме «ты неправ» фактически лишен смысла и ценности. Всякий раз, когда мы наблюдаем подобные притязания, это уже должно быть для нас сигналом, что в данном дискурсе серое начало начинает доминировать над живым

знанием, и нужно иметь достаточный уровень устойчивости, чтобы, взяв ценное и живое, не оказаться включенным в серое поле властно-доминативных игр с использованием логоса. Говоря о себе как о Ставке Азазеля и делюсь своим опытом, последнее, чего бы я хотел, — это создать «религию Азазеля». Цель, скорей, в том, чтобы те, кто имеет ставочный потенциал, позволили себе думать в этом направлении и могли установить свою, личную и неповторимую, связь со своим Патроном и, возможно, — подготовиться к сложностям, с которыми сопряжена интеграция своего потенциала. Хотя последнее тоже спорно, поскольку разные люди могут столкнуться с разными сложностями — возможно, для кого-то мои сложности покажутся надуманными и нелепыми, а то, что окажется непреодолимой преградой для меня, не составит для него проблемы.

Первая трудность, с которой я столкнулся, это расщепление личности на две неравных части. Если до этого я привык опираться исключительно на свой опыт, с этого момента я длительное время рефлекторно просил Азазеля «заменить» меня, и, как это ему свойственно, играючи решить проблему. В итоге, одновременно с опытом высшего присутствия, силы и царственной иронии, сам по себе уровень обычного дневного это резко понизился. Произошло то, что Акташ называла «идиотом и Азазелем». Понадобился по крайней мере год, чтобы я смог вернуть свой обычный уровень ответственности и выйти на более высокий уровень интеграции, включив в обычное сознание вибрации и интонации, которые переживались мной, когда я был Им.

Если первые опыты Азазеля были сопряжены с ритуалом 2,22, впоследствии мне удалось переживать его «включения» в обычном состоянии сознания. Происходил небольшой внутренний диалог, и на какой-то момент у меня вдруг резко повышался энергетический и сознательный потенциал, менялась даже интонация голоса, и что казалось нерешаемым — решалось практически играючи.

Главный мой страх на первом этапе — это страх перепутать собственно голос Азазеля и чисто мои комплексы и желания, которые я мог принять за голос Азазеля в восторге захваченности переживанием. Мой страх был не беспочвенен, ибо я не раз наблюдал десятки примеров, когда такая невозможность «отличать духов» приводила к трансляции вытесненных желаний под биркой «голоса богов». Нет ничего отвратительнее истерички, называющей свои истерики «манифестацией Кали». Как выяснилось, в моем случае само осознание подобной опасности стало страховочным тросом. На самом деле, когда речь идет о прямых приказах Патрона, это невозможно спутать ни с чем. С другой стороны, я припоминаю только три случая, когда Патрон считал необходимым дать непосредственный приказ, во всех остальных случаях, когда я пытался снять с себя необходимость принимать решение, ответом было молчание или картинка мигающей красной кнопки с надписью «Думай сам».

Еще одним интересным результатом этого опыта стала способность видеть и узнавать тех, в ком произошла реализация $5=6$ или есть потенциал такой реализации. В главе про Иштар я рассказал об одном из ярчайших примеров раскрытия $5=6$. Существует очевидный, но часто не осознаваемый закон, являющийся разновидностью всеобщего закона притяжения подобного и избирательного сродства. После того как мне удалось достичь $5=6$, люди, глубоко включенные в мой процесс, стали спонтанно раскрывать собственный $5=6$ — ярким примером чему является Иштар. (Хотя ее первое предраскрытие произошло раньше моего обретения $5=6$, поэтому вполне возможно, что все наоборот, и наше взаимодействие подготовило меня к тому, чтобы Акташ сорвала предпоследнюю завесу. Точный ответ здесь невозможен).

Глава 14. История одной Майи

Но Христофор безмятежно шёл и шёл напрямик,

*И индейцам с томагавками показывал язык,
Он видел вещи пострашней вооружённых дикарей...
И это — маленькие девочки с тягой к Танатосу.*

*Группа «Башия Rowan», из песни «Маленькие девочки с
тягой к Танатосу»*

Глава, которую вы читаете, рассказывает о самом бездарном любовном приключении в моей жизни. Признаться, этот эпизод я мог бы пропустить без какого-либо ущерба для повествования, тем более что его главная героиня не вошла в алхимическую ванну. О многих куда более достойных женщинах я вынужден умолчать.

Но вы читаете эту главу и эту нелепейшую из нелепейших историй. Почему? Сюда, в книгу, я записываю события, которые стали для меня важными по той или другой причине. Героиня этой главы попала в нее как пример абсолютной абсурдности и ничтожности.

Все началось с того, что мне написала моя любимая сестра, некогда пробудившая Эллоизу.

— Дорогой брат, ты не представляешь, какие у меня новости! Я тут общаюсь в одном чате. И есть одна невероятно красивая девочка, которая по уши в тебя влюблена. Она просто жаждет встретиться. Но самое главное — ее синхронит на Азазеля. Я не понимаю, откуда она знает, но я ей ничего не говорила.

Даму негоже заставлять ждать, и мы тотчас начали переписку. Майя рассказала, что с детства общается с сущностями другого плана. А начиная с сентября 2016 года в ее воображариуме появился Азазель. Сентябрь 2016-го! Тот самый Йом Киппур, когда была принесена первая жертва в бреду Черного зеркала!

Невероятное совпадение. Во-первых, чертовски интересная женщина, а во-вторых, к ней почему-то заходил Ааззель. И она не просто хотела романа со мной. Она хотела увидеть его, а после того как я немного поделился своим опытом, это был момент потрясения.

Неожиданно для меня Он проявился в нашу первую встречу. Всего лишь более глубокая медитация, настройка и зов, глубинный зов.

— Ты действительно Азазель? — спросила она.

— Конечно.

— Тогда скажи, что стало с такой-то моей подругой.

— Она уснула. Жива, но как будто живет во сне, вне любой духовной жизни.

— Это невероятно! — Майя почти вскрикнула. Это была не игра, бог был действительно здесь, а я знал то, что не мог знать никак.

— А с другой такой-то?

— Она очень далеко от тебя. Ты можешь передохнуть.

Майя впервые видела, как ее невидимый собеседник проявился через другого. И тут случилось нечто невероятное.

— Азазель, миленький, у меня к тебе только одна просьба! Самая маленькая, самая ничтожная. Убей, пожалуйста, моего бывшего мужа! Он вообще никто, ни с кем из высших не связан, обычная мясная машина. Он мне очень мешает. А я тебе всю жизнь служить буду. Сделаю все, что ты хочешь. Всю жизнь служить тебе буду! Ты освободишь меня от оков. Пожалуйста, сделай это ради меня!

Кажется, произошло невысказанное. Растерялся не только я. Возможно, я неправ, но в этот момент немного удивился даже сам Азазель. Или, может быть, всего лишь разыграл свое удивление.

— Э-э... м-м... ну я как бы несколько по другому профилю. Не киллер я. Не Абадонна. Я, вообще, к женщинам земным нисходил, учил их красивыми быть, науку двигать. Специализация убийцы по найму — это ну точно не мой профиль.

Майя разочарованно вздохнула. Кажется, она пыталась меня убедить, как много страшных черных магов в сети меня ненавидят и проклинают. «Ага, интересно, что это за черные маги? Одной оскорбленной Ставочки Гекаты было достаточно, чтобы создать мне ну очень серьезные неприятности. А эти десятки страшных магов — судя по всему, в основном прыщавые подростки с комплексом неполноценности».

Она говорит о том, как мне нужна защита, как она будет предана мне и Зелю до конца своих дней. В общем, разговоры, такие разговоры.

— Почему люди такие глупые? Они все говорят об этом нелепом свете, кастрированы, ничтожны, жалки. Их идеал — раствориться в свете, я этого точно не хочу.

Я пытаюсь заверить ее, что не стоит слишком эмоционально воспринимать позицию других, у каждого свой путь. Но в голове щелкает тумблер переключая меня в режим юнгианского аналитика: «Слишком ненавидит. Когда слишком ненавидит — есть большой шанс стать тем, кого ненавидишь».

А всего через какие-то две недели мне пишет моя сестра. Она зла. И кажется, сейчас мы всерьез поругаемся, ибо она начинает посягать на святое.

— Передай своему Азазелю, чтобы он не лез к Майе! На каждую силу найдется другая сила.

Претензии ко мне я вполне принимаю, претензии к Патрону — повод для вызова на дуэль. Я пишу Майе. Я разъярен, оскорблен, взбешен.

Майя оправдывается: дескать, сестренка моя настраивала ее против Азазеля, а она сдуру поддалась на миг, малодушие проявила, но она, конечно, ничего против Азазеля не имеет, ценит и любит его как своего ангела хранителя.

Впервые за годы братства у меня желание придушить мою сестренку. Тем более что несколько ранее она проявляла недоверие к так неожиданно появившейся новой сущности, а тут — «попыталась настроить», «ввела в искушение». Очень может быть, она вполне может.

У сестры — железный аргумент в ответ. Переписка. Все доступы, вся последовательность, все скрины, где именно Майя кричит: мол, избавь меня от Азазеля, он меня пугает, угрожает.

Что, вообще, за бред? Азазель — да еще и пугает. Да еще и женщину земную. Большой нелепости трудно представить. Разумеется, выводы сделаны, с сестрой снова мир, любовь и печеньки, а к Майе предъявляются серьезные претензии.

Впрочем, Азазель выражает претензии лишь одним способом — через насмешку. Всего один пост, даже без упоминания имен и ссылок, и Маечка бьется в истерику и, понятно, разрывает всякие отношения, заявив о полном крушении идеалов и разочаровании.

Но в этой истории главное не это. Буквально через неделю Маечка пишет большой пост о том, как плохо заниматься магией, играть с демонами, они есть зло, смерть и распад, а надо идти к свету и благодати. Той самой благодати, которую она так хаяла. И изюминка на торте — Майя вступает в какую-то местную ведическо-торсуновскую секту. Ниже дна упасть невозможно.

Примерно в то же время произошло еще одно, на первый взгляд, ничего не значащее событие. Всего-то-навсего я поменял свою аватарку вКонтакте. Просто я все больше чувствовал Азазеля и хотел, чтобы в моем пространстве было его изображение. Принимать имя своего Патрона в большинстве случаев дурной вкус, но почему бы не показать его в презентующем изображении всемирной паутины? Из многих изображений Азазеля мне отозвалось одно: птица с человеческим лицом, стоящая над красным, кровавым, а если уж по-честному — рубиновым озером, держит в своих лапках глаз. Для непонятливых художник подписал Имя.

Цимус в том, что в тот же день мне пишет мой старый друг — девушка. Эротика для нас под запретом, ни я в ней, ни она во мне не вызываем притяжения. Но видят боги, это один из немногих людей, кого я действительно уважаю. Привыкшая смотреть в глубину и видеть возвышенное, идущая своим путем. Чья она ставка, мне неизвестно — не сближались мы настолько, чтобы такие вещи открывать. Но что ставка — очевидно. А какой поэт! в своей жизни настоящих поэтов, кого я видел лично, можно пересчитать по пальцам, и безусловно — она войдет в первую пятерку.

— Ты не поверишь. Я тебе не рассказывала. Месяц назад мне приснился Азазель. Он был над озером и сказал только одну фразу: когда увидишь глаз в кровавом озере, вспомни обо мне. И я вижу его на твоей аватарке. Значит, Он рядом.

Я просто подскочил от восторга:

— Это же невероятно, это прекрасно, это удивительно!

— Для меня тут ничего прекрасного нет, — грустно сказала Ирен. — Для меня встреча с ним не сулит ничего хорошего.

«Но почему? — думал я. — Впрочем, у каждого свои отношения с богами, не буду спорить, проживем — увидим».

Потом она написала мне через пару недель:

— Ты мне не поверишь! У меня реально каким-то чудом решились все проблемы. Квартиру, где я не могла жить из-за соседей, отдали мне, они свалили в какой-то спешке. Работа появилась, друзья. Это что — Азазель?

Мы улыбнулись. Мы знаем.

Зачем вообще было включать эту главу? Зачем разбавлять прекрасное вино танца двух магов шизотерической водичкой от Майи и одним чудом, не имеющим отношения к происходящей канве? Стоит ли вообще этот казус майус шизотерикус пера и чернил?

О, если бы сие было только казусом, то, конечно, не стоило бы. Просто история эта печальная повторяется из века в век. Мы зовемся страшным словом «демоны», желаем людям зла и гибели, проклинаем и искушаем чистые души, в то время как эти душеньки устремлены к свету и любви. Вот только почему-то именно к нам приходят со своими самыми мелкими, самыми паскудными, самыми гнилыми просьбами. Муженька на тот свет сведи, тещу разбей на машине, начальника умори — очень уж мне его место хочется...

А когда — вежливо или не очень — мы даем от ворот поворот, выясняется, что, оказывается, это мы учим вас всякому злу и прочим мерзостям. А вы упорно к свету идете.

Дорогие мои. Если вы, читая эту книгу, еще лелеете надежду нашими невидимыми лапками сделать какую-нибудь пакость — пожалуйста, лучше сразу идите к ангелам, а еще лучше — к архангелам. Они вас, наверно, поймут, и щедро наградят за твердость вашей веры. Главное, того, кого уморить хотите, назовите грешником или еретиком. А вот к нам не надо, мы злые, коварные, предательские и вообще всяческие демоны, и ваших мужей убивать точно не хотим.

А вот если в плетениях ваших мыслей и узорах чувств есть хоть йота красоты и любви к красоте, если вы действительно цените живое дыхание слова, образа и смысла, если вы хотите быть, нет, не хорошими: хорошие мальчики и девочки — это килограмм за пятак, дешевкой не интересуюсь. Если вы просто и всей душой хотите быть *собой* во всей вашей полноте и сознании, а особенно если вы *стали* собой — обращайтесь. Заглядывайте в наши рубиновые дворцы и алые озера, будем рады видеть вас в гостях. И, как говорится, поможем чем сможем. Даже если вы пока нам не совсем доверяете, что, учитывая мощь вражеской пропаганды, по-человечески понятно. Главное — Красота. И уж простите меня за эту вставку, но не надо вводить меня в искушение.

Глава 15. Первые сбои

К сожалению, я не помню все наши путешествия на глубину. Хотя очень хорошо запомнил следующий после раскрытия САХ полет. Тогда Азазель пришел практически сразу.

«Ты вот ко мне заглянула, а как насчет того, чтобы пригласить к себе?» — поинтересовался тогда Азазель.

Память о его словах пугала. К себе? В Черную воду? В смерть?! Тем не менее на фоне страха было уверенное знание, что все идет правильно и уж кто-кто, а Азазель знает, о чем просит.

Потому в мой следующий приезд Дарья практически без подготовки объявила:

— А сегодня мы идем в Черную воду.

Впрочем, то, что мне казалось «без подготовки», подразумевало недельную медитацию. Еще в прошлом полете я дал ей образ — огненный столп. И неделю Дарья искала форму, которая бы позволила мне сохранить огненную природу, но при этом оказаться в Черной воде. И все это время она рисует картину, которая становится «моим пропуском» на другую сторону.

Темная вода. Бездонный океан, где сворачивается время.

— Здесь не действуют твои правила, мой дорогой. Кто ты здесь?

— Азазель. — В этот момент я точно не был Азазелем, но лишь пытался ей соответствовать.

— Нет, мой дорогой. Азазель в Огненном озере. А ты здесь и ты можешь принять любую форму. Назови любое имя. Самое нелепое сочетание букв, какое только возможно. Только так и творится настоящая магия.

Магия. Как просто — отпустить разум и начать просто играть. А чем тяжелей эго, тем дальше оно от магии. К тому моменту я уже начал учиться.

— Аззор.

— Прекрасно! Я вижу тебя, мой Аззор, плыви скорей ко мне.

Ничего не вижу. Может быть, полет не состоялся и я обманываю себя в обычном состоянии сознания. Темнота. Но иногда в темно-синем пространстве вспыхивают точки. Вспыхивают и гаснут.

— Ты видишь меня, мой Аззор. Я на дне. Я — самая глубокая вода. Во мне нет желаний, мой Аззор. Я — только темнота, из которой свет поднимается на поверхность. Я хочу, чтобы ты желал меня. Так я могу принять форму

Я сосредоточился на ней, на ее теле, ее красоте, вспышках света.

— О, я начинаю меняться. Синее пламя. Видишь, я начинаю искриться синим пламенем. Это следующий уровень проявления.

Синее пламя. Смерть. Архетипическое «гори все синим пламенем».

Скрывая тревогу, я спросил:

— Это как магия мертвых? Синее пламя.

Дарья вскрикнула:

— О нет же. Какая я глупая. Здесь ведь достаточно неточно сказать — и сразу это проявляется. Это не синее пламя. Это сине-зеленый фтал. Сине-зеленый фтал, ты видишь, нежно искрящийся на поверхности. Ты желаешь, и я отвечаю на это желание. Ты — ярко-красный, огненный, в мое озеро такие еще не заглядывали. И от тебя рождается сине-зеленый фтал.

Я не художник. И я не разбираюсь в тонкостях цветов. Но в тот миг, когда она сказала про сине-зеленый фтал, мертвый дракон и киношная магия мертвых куда-то исчезли. Я вспомнил домик, удивительно красивый домик, который я проезжал, когда был маленьким и дедушка вез меня на дачу на своей машине. Этот домик и этот цвет всегда завораживали меня, он казался таким живым, таким удивительным, таким нежным. Я всегда мечтал оказаться в этом домике. Потом, став подростком и

озлобившись на весь мир, я лелеял мысли сжечь этот дом, чтобы убить в себе все человеческое, все, привязывающее к прошлому. Но нечто не позволило мне этого сделать, а потом домик перекрасили. Сине-Зеленый Фтал. Царственное сияние. Дом. В каком-то абсолютном, архетипическом смысле родной Дом, в котором я не был никогда.

— Но разве это Черные воды смерти? Смерть — это что-то злое, темное, разрушительное, пугающее. А тут так красиво!

— Глупыш. Некрасивая смерть для некрасивых душ. Кто-то уходит в слизь и гниль, а кто-то — в сине-зеленый фтал.

Что было потом? Не помню. Помню только, что где-то между сном и реальностью мы вновь занимались любовью и нас окружало это странное сияние сине-зеленого фтала. Именно в этом слиянии между нами открывалась какая-то новая грань близости.

В какой-то момент мелькнул Азазель. «Спасибо. Теперь я хотел бы пригласить тебя в мое Огненное озеро. Или, если угодно, в Рубиновое озеро. Дворец моего Старшого». Старшим — с таким немного архаичным ударением на последнем слоге — Азазель называл Люцифера.

Это была тема следующего выхода за пределы. В этом полете мы увидели очень красивый огненный замок. Кажется, этот архетипический замок состоял из рубинового сияния. Говорят, что Люцифер — это князь Ада. Но если эта красота — Ад, то что же тогда есть Элизиум? К сожалению, этот полет уже был омрачен нашими слишком человеческими страхами и ошибками, Дарья все чаще «выпадала», превращаясь в беспомощную плачущую девочку, а я, лишенный присутствия Азазеля, чувствовал свое бессилие хоть как-то помочь.

Это было очень красивое взаимодействие, красивое, но абсолютно в другой, нежели Азазель, тональности. Наш поход в Черную воду и Рубиновый дворец представлял золотой век наших взаимодействий.

Но золотой век не может длиться вечно. Над нами сгущались тучи, и каждому из нас все сложнее было оставаться собой. Когда — неважно, в полете или наяву — в моем разуме я чувствовал вибрации Азазеля, все было прекрасно. Это может показаться невозможным, но я мог проводить Азазеля, когда был полностью въяве, особенно в моменты уединения. Он всегда приходил как ответ, как решение, как последнее слово, и я мечтал, чтобы он всецело занял мое место, но, как он сказал, «это невозможно» и цель не в том, чтобы вытеснить мои примитивные части, а в том, чтобы дорастить их до него хотя бы в какой-то степени.

Азазель хотел, чтобы я принимал его форму. Даже когда его нет рядом. Даже когда я был только собой, я должен был стать «немного Азазелем». Даже когда он был далеко. «Играй в меня. Я этого не то что не запрещаю, я этого хочу. Как ставка ты единосущен мне».

За очень редким исключением, он не запрещает и не отдает приказы. Он рекомендует. Рекомендует обратить внимание на какого-то человека, рекомендует быть осторожным с кем-то, кто кажется мне заслуживающим доверия. Рекомендует — акцентируя, что я, конечно, вправе делать по-своему. Надо сказать, что иногда я действительно пользовался этим правом, но потом выяснялся какой-то пустяк — и я мог только развести руками: мол, как ты был прав.

Первоначально после встречи с Азазелем как с «Большим Я» я хотел полностью передать ему «вожжи правления». Я хотел стать «домом, где всегда живет Азазель». Я хотел чего-то вроде одержимости, ведь всякий раз, когда он «занимал» пространство — все проблемы, казалось, сами рассеивались.

Тогда-то и стало происходить расщепление. То бог, то идиот. То Акташ, то плачущая непонятно почему девочка. Ее истерики казались какими-то сложными шарадами, в которых мне нужно было как-то осознать причины ее «рассыпания».

Произошла настоящая, классическая, эталонная энантиодромия. В начале наших отношений Акташ — просто странная пограничница. После Акташ в Силах и синезеленого фтала она — всесильная Богиня. Я был Азазелем, но я же был беспомощным глупцом. Как будто меня разрывало, и одна часть летела вверх, а другая вниз. То же самое происходило и с ней. Да, я видел её Богиней, всемогущей, всесильной, да, я хотел переделать всю метафизическую, философскую систему в соответствии с ней. Да — она стала голосом Бога, который в некоторые мгновения по влиянию поднимался даже до самой Мартиэль.

Самое удивительное, что эта вторая, более «идеализированная», проекция для Дарьи была ничем не лучше первой. Однажды она сказала: «Быть святой боженькой на иконе — это хуже, чем быть сумасшедшей с подселением». Это казалось просто скромностью. На самом деле это была констатация факта. Проекция всесильной богини — слишком тяжела и придавливает к земле.

Акташ тоже разделилась. Она — то плачущая, чего-то требующая девочка, то Акташ. Но первой было все больше, чем второй.

На мое непонимание, почему она больше не приходит, Даша ответила весьма обидной фразой: «С Акташ все хорошо. Она-то выбрала Азазеля. А вот мне достался идиот». После величайшего взлета я низвергался вниз, после опыта единства со своим Патроном, своим богом превращался в идиота, вечно ожидающего прихода Азазеля и Акташ. Спасало то, что он приходил не так редко.

Мы оба были расщеплены. Проекция взывала к проекции. Плачущая, вечно капризничая девочка и ничего не понимающий идиот — на дне. Хозяйка Темных вод и Азазель — наверху. Разорванный мир на несколько часов. Все приближалось к краху.

Шел октябрь.

В те годы у меня было обязательство: каждую вторую среду октября я приносил в жертву Гермесу петуха. Лес, костер, петух, гимн Гермесу, топор, отсеченная птичья голова кидается в огонь...

На этот раз мы провели его вдвоем с Дарьей. Я не помню слов, но, принеся жертву Гермесу, мы подошли к границе договора Источника.

После обряда в ту ночь Акташ была проявлена на одном из своих высших уровней. Уровень пять, если не шесть. Возможно, последнее явление Акташ в Силах, хотя не было ни жреца, ни Азазеля, который мог бы это в полной мере оценить.

Азазель лишь мелькнул — и тут же исчез. Я остался слишком человеком.

Она видела меня насквозь. Видела многочисленные дыры, прогрызенные в моей энергетике: слепые пятна, форзи, атаки, укусы.

— Тебя кусают. Я вижу, как тебя кусают со всех сторон, я вижу твои дыры, в которые вытекает жизненная сила. Я дам тебе сеточку. Я тоже умею плести плетения, мой дорогой. Прекрасное боевое плетение, боевой раскрас, после которого ни один паразит не подойдет к тебе. Это красивое плетение, плетение под светом Черного Солнца. Гневного солнца.

Азазеля не было. Я испугался. В центре сознания сжался испуганный подросток, боявшийся всемогущую Акташ, которая могла лишить его других связей. Присвоить. Создать этой сеточкой стену от всех. А она маг, она Аватара, она сама Богиня. Она может. Она может все. Вечный и единственный ответ на любой вопрос, зачем это делать — «потому что могу». Она всесильна.

Она увидела мой страх. Оскорбление на самом высоком уровне. С этого момента Акташ ушла и никогда больше не проявляла свою высшую форму.

Недели и месяцы я возвращался к этому эпизоду. Падение. Страх. Провал Мистерии на самом высшем уровне. Крушение после величайшего взлета. Почти заключенный договор, почти единство. Почти — как зазор, как разрез, как

невозможность слить два мифа, две сказки, две вселенные, страстно влекомые друг к другу, но одновременно — такие разные.

Годы я винил себя в фатальной ошибке. Но только сейчас я понимаю, что на самом деле произошло тогда. И я, и она хотели войти в полное единство, войти в договор Истока.

Договор Истока может облекаться разные формы, слова, знаки и жесты. Важно, что происходит под шелухой. Двое идут к Истоку, к Люциферу, соединяя свои судьбы навечно. На словах это была сеточка для защиты. Но глубинный, сокровенный посыл, прекрасный, чистый и совершенный, был на договор Истока, узы теснее любой связи, любого венчания, любого кровного обряда. Такой договор не подразумевает физической верности, но он подразумевает связь, что глубже и сущностнее любых связей. На этом уровне нет присвоения — ты можешь танцевать с другими — танцевать телом и душой, наслаждаться и любить сердцем. Но дух навсегда соединяется с одним духом. Истинный договор Истока никогда не может быть разорван. Договор Истока заключается на самой большой глубине. И да, бессознательно я обманул ее, мое эго, мой разум и сердце, казалось, жаждут этого договора, и Акташ, чувствуя этот запрос, откликнулась на него.

Но какая-то часть меня — это не Азазель. У Азазеля с самого начала были другие планы, как бы это странно не прозвучало. Азазель как вечный дух знал, что полный договор Истока между нами невозможен. И именно поэтому в ключевой момент, когда должен быть принят дар великой любви, он просто исчезает, а на его месте остается испуганный подросток. Но настоящая причина не в испуганном подростке. Причина в Патроне. Именно Он не мог принять договор Истока — и не мог не потому, что договор имеет изъян или двусмысленность. Он не мог допустить полного договора по одной не зависящей ни от кого из нас причине. Тогда все могло бы прекратиться, но наши боги имели совсем другие планы.

Глава 16. Банька с науками

Нам вот все представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам науки, и вот и вся вечность.

Достоевский. Преступление и наказание

«Живем как в сказке — чем дальше, тем страшнее».

Когда я в очередной раз нагрелся к Дарье, как нарочно в квартиру к ее подруге, где она жила все это время, приехала родственница. Это означало, что нам предстояло искать отдельную квартиру.

Незадолго до нашего очередного полета Дарья сказала:

— У тебя не совсем верное понимание Четвертого аркана. Хочешь — сходим, посмотришь, что такое Четвертый аркан на самом деле.

Зная о ее проводимости, я предпочитал доверить тему странствия ей, тем более что знакомство с Четвертым арканом не предвещало ничего пугающего. Император, власть, воля, господство. «Ты неверно понимаешь Четвертый аркан». И что же, интересно, в моем понимании неверного, думал я.

— Я готов идти.

Мы перешли на третью космическую, выполнив ритуал 2,22.

Первые диалоги нашего полета не предвещали катастрофы.

— Как ты понимаешь Четвертый аркан?

— Ну, это империя, власть, господство, сила подавлять.

— Ответ неправильный. Попробуй зайти с другого конца.

Я вспомнил один из моих идеалов в большой власти и начал вдохновенно расписывать ей, как силен этот политик, как его могущественная сила заставляет даже меня хотеть ему служить, как простирается тайное сияние власти и господства Императора. Свой рассказ я закончил следующей фразой: «Вот ему я был бы рад служить».

В какой-то момент Дарья перестала меня слушать. Если до этого наши кризисные полеты были связаны с тем, что она начинала ругаться, плакать или делать что-то еще, что провоцировало меня так или иначе, на этот раз она полностью отключилась. Казалось, передо мной было безвольное тело, лишенное какого-либо человеческого соучастия.

Усталое, безразличное «отстань». Ни гнева, ни слез, ни претензий. Пустота. Не та пустота, что полна, а пустота, не оставляющая места даже для пространства.

Впервые, идя с Дарьей на глубину, я остался наедине с собой.

Я был один, в незнакомой квартире, третья космическая уносила меня близко к черной дыре, а рядом со мной находилась безучастная, практически полностью выключенная Дарья. Пожалуй, это был самый большой кошмар.

Любой гнев, любая обида воспринялась бы гораздо легче, чем это полное, практически иномирное выключение. Я стал трясти ее, кричать, умолять сказать хоть что-то, намекнуть, что не так, — но, похоже, она вообще не была способна реагировать, застыв в каком-то подобии летаргии.

Ко всему прочему внезапно началась аллергия. Горло стало отекать, и все мои нервы оцепенели перед ужасом неизбежной смерти. В голове пульсировал когда-то услышанный смертельный диагноз при аллергии — «отек Квинке». «Квинке, квинке, квинке... — думал я. — Она бросила меня, она оставила меня, меня не будет, я умру, я голоден, я умираю...»

«Слова слипаются, сливаются с липкой слизью сплавленных планет», — завибрировала строка давно забытого любимого стихотворения культовой питерской поэтессы.

Волны ужаса накатывали одна за другой. Я вообще не знал, что мне делать здесь, забытому, одинокому, раздуваемому аллергией, с напрочь выпотрошенной волей, потеря которой не позволяла даже бежать в аптеку.

На мгновенье Дарья как будто пришла в себя. Очень мутным взглядом посмотрев на меня, сказала: «Ты похож на картофелину», — и погрузилась обратно в сфинксову летаргию.

Раньше она могла выходить из своих негативных состояний, сохранять частицу себя на поверхности. Это было лишь наполовину всерьез, другая половина знала, что полет закончится с рассветом. Сейчас все было по-настоящему серьезно. И полет мог не закончиться никогда или закончиться смертью.

Вечность. Такая банька о четырех углах. А в углах пауки — вспомнилось мне из Достоевского. Вот уж воистину — худшая из комнат, худший из адов: ни вертелов, ни котлов, только серая банька с пауками, летаргический сфинкс и медленная смерть.

Горло раздувалось больше, или мне так казалось. Даже дыхание Дарьи стало каким-то иным, потусторонним, отсутствующим.

Банька с пауками. Один из самых страшных кошмаров, какие я когда-либо переживал в этой жизни. Ужас смерти, полностью отключенная Акташ, похожая на тряпичную куклу, и медленно, точно в замедленной съемке, распухающее горло. Что это было? Что не так?

А на следующий день, уже вернувшись, я услышал Азазеля:

«Ставочка ты моя дорогая! Надеюсь, ты запомнишь баньку с пауками, надолго запомнишь. Это не Дашенька выключилась, это я с Акташ договорился, на очень-очень глубоком уровне договорился. Видишь ли, в чем дело — мои ставки не должны раболепствовать перед кем бы то ни было. "Он так силен, я бы счел за счастье служить ему", — ты это сказал, мой дорогой, не правда ли? Я, мой дорогой, многое могу простить, больше, чем ты думаешь, но только не раболепие и идолопоклонство перед земными хозяевами. Хозяин — у рабов, а ты — ставка. Разве я когда-нибудь тебе что-то приказывал, говорил "служи мне аки верный раб"? А если я так не делал, то как смел ты говорить, что хотел бы служить пусть хоть трижды сильному властителю, да еще среди людей? Да и видеть тебя деспотом, которому служат другие, утратив свою истинную волю, я точно не хочу. Так что смотри, отправлю картофелиной гнить в вечную баньку с пауками. Рабы мне не нужны, это точно. Не о том мои плетения, мой дорогой. А теперь отдыхай. Будем считать, что экзамен пройден».

Свет в зеркальном коридоре померк, и зеркала стали передвигаться...

Глава 17. Перед стеной

Наша мистерия продолжалась больше года. Целый год, насыщенный чудесами, драмами, конфликтами, видениями. Год, до основания наполненный еженедельной произвольной психонавтикой — брассом, кролем, навыверт. Мы катались на аттракционах, говорили с богами, совершали ритуалы жертвоприношений, путешествовали, ругались до полного отчуждения и через час мирились, как будто мне удавалось обнулить произошедшее всего полчаса назад правильным словом или жестом. Мы были слиты до состояния сиамских близнецов, каждый из которых отдал бы все за возможность сделать отдельный шаг, путешествиями в глубины. После каждого возвращаешься одновременно совсем не собой и чуть больше собой, чем когда-либо. Акташ могла создать магию из случайного наброска, бегло нарисованного на скучной лекции, и при этом отрицать ценность сложных ритуальных практик и усилий.

Это был божественно-дьявольский год, мистерия, которая закончилась одновременно величественно и бесславно, победой и поражением, крахом и взлетом.

Мистерия стала для меня, как для писателя, самым невыносимым вызовом, который только можно представить. Я понимал, что эта мистерия — один из самых важных и красивых эпизодов в моей жизни, эпизода, заслуживающего быть написанным, сверстанным и изданным — желательно на лучшей бумаге с лучшими предисловиями и рекомендациями. Потому что, черт возьми, ничего похожего действительно никогда не было написано, и даже мой средний писательский дар с лихвой компенсировался уникальностью истории, придумать которую не смог бы и Томас Манн, вздумай он даже соединить свой ум с фантазией Уильяма Берроуза.

И раз за разом я чувствовал, что в этой, казавшейся такой простой, задаче я терплю одно унижительное поражение за другим. В своей первой книге, задуманной, дабы прославить и восславить вечность и красоту подлинного язычества, выразителем которого является Акташ, я со скрупулезностью, достойной клерка, воспроизвел все важные полеты, диалоги, повороты и чудеса. Но потом в памяти всплывал какой-то эпизод, кажущийся безделицей, и этот эпизод ломал всю канву сюжета. Что характерно, сама Акташ, будучи художницей, не имела ничего против обнародования столь интимных деталей нашего взаимодействия, но самое подробное описание оценивалось примерно так: «Это все, конечно, неплохо, но в книге вообще нет меня и про самое важное ты, как всегда, забыл». В самом описании конфликтов я то невольно занимал надменно-ироничную дистанцию, мол, «ну не мог я тут иначе, ну правда — она была как безумна», то впадал в слезно-покаянный тон, проклиная себя за грехи против боженки,

открывшейся передо мной, сирым и убогим. Что характерно, вторые интонации бесили Акташ гораздо больше, чем первые.

Мистерия Акташ приковала меня к себе, как скала приковала к себе Прометея. И пока я не смогу дать ответ на молчаливый и незаданный вопрос Сфинкса, сродни энигматическим вопросам в духе «кому служит Грааль», я не смогу перейти к разговору о самой главной Мистерии моей жизни. Мне хотелось проскочить, быстренько пробежать, отделаться самыми красивыми эпизодами, прочитав которые, скептик может почесать себе лоб и сказать: ух ты, а может быть, эти боги и правда реальнее, чем мы думали. И раз за разом я возвращался к белому листу — или листу, уже изрядно и бездарно исписанному и нуждающемуся в переписывании. В прошлом свою писательскую задачу я сводил исключительно к необходимости убедить хотя бы нескольких скептиков, что есть нечто большее, чем известная им согласованная реальность, отказываясь признать, до чего же нищенской была эта кажущаяся горделивой задача. Три месяца я бился в экран монитора в немом отчаянии: пока я не осмыслю мистирию Акташ, я не имею права писать о мистерии Нахемы.

И как всегда бывает в таких случаях — эврика! — внезапно, как мне кажется, я получил ключ! Не уподобляться документалисту, не занимать позицию надменного ученого, анатомирующего интересный экземпляр, либо, наоборот, кающегося во прахе и пепле грешника. Я понял, что, только взглянув на мистирию Акташ с нынешнего, достигнутого состояния, я могу создать небольшую дистанцию, позволяющую не превращать мистирию в аляповатое пятно, щедро приправленное ярмарочными фокусами. Только глядя с нынешней позиции, я и могу увидеть, что на самом деле происходило между нами, почему и по каким законам столкнулись наши две бездны. И, о чудо, сама Акташ в одном из наших очень давних разговоров дала мне ключик, с помощью которого я могу рассмотреть всю нашу историю и, возможно, дать моему читателю древнюю как мир в своей простоте и житейской мудрости и одновременно одну из самых тонких идей о природе любых отношений. Увы, я уже не могу вспомнить точные слова Акташ, и я сделаю вольную и крайне занудную реконструкцию, за которую Леди Черной воды наверняка наградит меня своей обычной иронией.

Краеугольным камнем в модели, которой я хочу поделиться, является одна очень простая мысль. В любой паре, в любых отношениях, в любой связи, какую только можно представить, вина и ответственность всегда делятся пополам, вне зависимости от того, что происходит в этих отношениях. Как и все, что говорила Акташ, сперва эта мысль вызвала во мне яростный протест, но постепенно я все больше осознавал, насколько, несмотря на кажущуюся грубость и примитивность, эта идея «принудительной симметрии» не просто точна, но ослепительно красива — идеи Акташ, как и ее картины, всегда отличались изяществом.

Конечно, в первый раз услышав утверждение, что в любых отношениях ответственность и вина делится поровну, я возразил типичными либерально-феминистскими штампами: мол, ну отношения бывают разные, в некоторых мужчина вообще бьет женщину, и тут никакой вины и ответственности у женщины нет. Реакция на эту снисходительно либеральную реплику была быстрой, как бросок гремучей змеи: «Сучье ты отродье, это же как нужно презирать и не уважать женщину, чтобы считать, что она — просто кукла, которая принимает то обращение, которого господин мужчина изволит её удостоить! Как по-твоему, дорогой, сколько секунд ты бы находился в этой квартире и в моей жизни, вздумай ты или любой другой мужичок на твоём месте хотя бы замахнуться на меня? Я — особая история, ну хорошо, дорогой, ну поставь на мое место ту же любимую тобой Иштар и задай себе тот же простой вопрос. В общем, есть женщины, а есть бабы, и если бабенки уже на уровне запроса считают рукоприкладство возможной формой отношений, то не надо полагать, что нормальная, я повторяю — нормальная, а не какая-то особая, — женщина не отсечет из списка возможных ухажеров мужичка, у которого в поле записана сама возможность ударить женщину». Попытка

сослаться на феминисток была задвинута блестящей репликой: «Опять ты мне свое идеологическое говно втохиваешь, да еще протухшее изрядно». Акташ искренне презирала феминисток и всех подобных.

Так вот, в любой ситуации — ответственность и вина поровну. Есть запрос, есть ответ. Ты кидаешь запрос. Получаешь ответ. Да — нет, можно — нельзя, интересно — не интересно. И из того, какой запрос создает каждый мужчина и каждая женщина, определяется ровно половина его ответственности. Мне иногда кажется, что как истинная аватара Акташ считала себя наполовину ответственной за то, что главный возлюбленный ее жизни — умер. Или по крайней мере за то, что изначально избрала того, кто был обречен на трагически раннюю смерть.

Так вот, камень, который я не мог поднять в нашей Мистерии, — это полное осознание Акташ как абсолютно равного мне партнера. Все конфликты, непонимания, истерики были из-за того, что я постоянно скользил между позицией «собаки сверху» в виде надменного исследователя-аналитика, расчленяющего под микроскопом уникальную бабочку, и «собаки снизу» в виде вечно виноватого, кающегося грешника, неспособного даже понять, какие великие тайны были открыты ему, сирому и убогому. Сейчас, с холма нового опыта, мне очевидно, чего ожидала, хотела, запрашивала от меня Акташ, и почему уже в ее запросе существовала та раздвоенность, которая делала невозможным его осуществление.

Я позволю себе еще один теопсихологический пируэт мысли, чтобы окончательно стало ясно, что же я имею в виду. В Телеме все мироздание понимается как некий постоянно меняющийся узор, творимый любовной игрой двух абсолютных принципов — Женского и Мужского, Ньюит и Хадит, Бабалон и Терион. Восхищаясь мятежностью этой картины мира и, уж конечно, ее очевидным превосходством над фантазиями от патриархальном боге творце, в сущности, до встречи с Акташ я вообще не понимал, о чем идет речь. Если низвести возвышенное к будничному и представить Ньюит и Хадит как реальных людей — ибо «разве Лейла не Ньюит, а я не Хадит», — можно свести любое взаимодействие к очень простому кибернетическому типу: ноль-один, запрос-ответ-ответный запрос. Если один из партнеров полностью не попадает в запрос другого — связь просто не может осуществиться, как фтор не смешивается с кислородом.

Проблема в одном: люди почти никогда не осознают саму природу своих запросов. Ленивый ум любит простые и навязшие в зубах ответы, которые ни на что не отвечают. Потому что запрос — это не текст «дай мне мандарин» или «подари мне фольксваген». Запрос — это сложный комплекс смыслов, энергий, желаний, страхов и надежд, который один партнер отправляет другому — и либо с самого начала привлекает в свою орбиту, либо наоборот отталкивают прочь ввиду полного отсутствия резонанса. Это все было бы хорошо, если бы люди обладали навыком хотя бы на самом примитивном уровне осознавать свой запрос. И конечно, реальный запрос почти всегда отличается от того, что человек сознательно считает таковым. Сознательно — полюби меня, бессознательно — оставь меня одного, я недостойн. И бессознательный запрос всегда перебьет сознательный, потому что только первый по большому счету и реален.

Для большинства людей природа их запроса к партнеру очень проста: будь как мои родители. И если папа бил смертным боем маму, то дочка, наблюдающая это с детства, будет искренне переживать отсутствие побоев как недостаток любви и внимания. Люди как в общем и целом достаточно примитивные существа просто притягиваются друг к другу одним и тем же запросом: можешь ли ты быть как моя мама (папа)? И если да — встретились два одиночества.

Иногда сценарий меняется на антисценарий и запрос звучит: «как угодно, только не как у родителей». В конечном счете это «как угодно» выглядит неопределенной хуйней в духе «принеси то не знаю что» и возвращение происходит все к тем же моделям. Вот почему жанр мелодрамы это, пожалуй, самый скучный и предсказуемый

жанр, хуже которого только боевик: все запросы, формы, ожидания уже известны и отретпетированы идеальными родительскими имаго-персонажами.

На самом деле не бывает простых запросов. Во взаимодействии всегда существует сложный комплекс желаний, из которых создается запрос. Если конкретный мужчина говорит себе и всем, что его желания просты и он хочет «только потрахаться», в этом «только потрахаться» может быть целая гамма смыслов и переплетений, начиная от циничной позы разуверившегося в истинной любви, который только и ждет, чтобы его разубедили, и заканчивая простым желанием провести необременительную и разнообразяющую серые будни ночь с новой женщиной, причем подразумевая весь ход сценария, по которому они могут потрахаться, и нарушение хода действия будет казаться чем-то ужасным. Если женщина говорит, что ее запрос — создать семью, то большой вопрос, действительно ли она хочет создать семью или хочет потрахаться, убедив себя, что она высокоморальна и ищет своего единственного. И даже если она действительно запрашивает крепкую семью — очень большой вопрос, а какая именно семья и какой тип отношений подразумевается в этом запросе, ибо разница между двумя семьями порой не менее разительна, чем между морской свинкой и лесным кабаном.

Но в общем обычно запросы достаточно просты. И соответствие или несоответствие своему глубинному запросу определяется еще до начала сближения. При всей цветущей сложности — обычно запросы достаточно линейны.

Исключение только одно. Человек Большой судьбы. То есть человек, через которого играют и действуют Большие Силы, через эту жизнь, эту судьбу разворачивающие свой собственный сценарий, о природе которого человек может не догадываться всю сознательную жизнь и умереть в неведении. Эти силы можно назвать «архетипами коллективного бессознательного», если мы хотим сохранить некое наукообразие, или Боги, Силы, Фатум, если мы намерены говорить как есть, не играя с читателями в прятки. В любом случае — архетипы или боги — эти силы превыше, чем может помыслить движимый этими силами. А вот по-настоящему интересное начинается, когда встречаются два человека Большой Судьбы. Тогда к обычным запросам — будь/не будь папой-мамой — добавляется еще два Больших Запроса, смысл которых оба участника вообще не могут осознать, ощущая себя заложниками истории с непредсказуемым финалом.

И только внеся эти необходимые уточнения, я понимаю, что могу рассуждать, что составляло сущностную драму Дарья-Олег-Акташ-Азазель, а где-то над нами сокрытыми светотенями мерцали еще пока неизвестные Люцифер и Кылчин.

После того как договор Источника оказался полностью провален и мы оказались расщеплены на бога, богиню, идиота и истеричку, Акташ не раз говорила: «На высшем-то уровне у нас все нормально, а в человеческом плане мы вообще не имеем отношений». В этих словах я видел (проецировал, боялся, запрашивал) намек, будто «человеческое взаимодействие» подразумевает, что мы должны полностью принадлежать друг другу, и отмахивался от самой идеи какого-либо понимания на этом «низменном» уровне.

Мистерия начинается с очень простых, человеческих, слишком человеческих запросов-ожиданий. Акташ, пробывшей в творческом уединении несколько лет, просто был нужен мужчина с сильными «низми», который даст ей толчок к развитию в том направлении, в котором она хочет. Первый и очевидный запрос был «просто потрахаться» (с множеством скрытых до времени запросов). Каков был мой запрос? После Черного зеркала, разваленный и еще не успевший собраться, я мог запрашивать только одно — компенсировать чувство собственной ничтожности. Хотя на сознательном уровне этот запрос был упакован в надменно-высокомерные тона: мол, мы можем трахаться, но не дай бог нам нарушить границу. Первые три месяца у нас был классический безопасный секс, как у девятидесяти пяти процентов населения, — и я имею в виду не презервативы, а виртуальные противогазы или секс в масках.

Первое непонимание, искажение проявилась еще в одну из первых встреч. Вернувшись из очень высоких переживаний, связанных с ее богами, когда впервые проявилась Акташ и мелькнул Азазаель, я думал только, как объяснить ей, что ей нельзя в меня влюбляться, что я никогда на ней не женюсь. В ответ на это она недоумевала: «Что этот странный мужик о себе думает, если считает, что я вот прямо сейчас хочу его в мужья?!» Но в общем и целом непонимание в «сексе в противогазах» вполне нормально и естественно, и обычно мало кого волнует.

И вот тут в игру вступили Большие Другие в нас. Акташ как богиня, которой служит Дарья, в ответ на ее ужас от изнутри направленных на нее противоречивых запросов дает во сне недвусмысленный приказ: «Не жди и не гони». С другой стороны, я, на уровне «секса в противогазе» искренне считающий, что имею дело с неадекватной пограничницей, уже во втором полете сам называю ей Истинные Имена. Азазель тоже обозначил несогласие.

Пока все идет хорошо: я считаю ее помешанной на грани шизофрении, она меня — грязным идиотом, но поскольку все взаимодействие идет в противогазе, это никого особо не волнует. Полное взаимопонимание: хорошо трахается, работают низы — и спасибо.

И вот происходит два события. Сначала Акташ играя считывает реальную причину моих потерь, демонстрируя реальную, а не вымышленную магию. А потом, через некоторое время после изнурительной попытки призвать в мое брненное тело душу умершего возлюбленного, появляется Азазель.

И вот тут — не там, где мы считали друг друга чем-то посредственным, а тут, где каждый из нас видит в другом уже не просто человека, но бога, — наступает коллапс. Мой запрос, направленный на нее, резко меняется и может быть сформулирован одной фразой: «Научи, всемудрейшая, и защити, всемилостивая». Ребенок, привыкший к тому, что Санта-Клауса не бывает, увидел характерный след в дымоходе. Тот же процесс происходит и в ней, когда она видит Азазеля, Самость, САХ, бога, которым, оказывается, я тоже являюсь (к своему же удивлению). Трах в противогазах, кажется, может стать нормальным романом — во всяком случае, уважение друг к другу вдруг возрастает по экспоненте.

Как бы не так! Потому что именно тут каждый из нас начинает направлять на другого совершенно искаженный, инфантильный запрос. Для меня — «О всемогущая, научи, сотвори меня магом, сделай меня хозяином, я тоже хочу, чтобы мои враги умирали». Для нее... О, это одна из самых загадочных вещей, но, думается мне, этот запрос звучит так: «Дай мне основу». Не основу в смысле брака и создания семьи, не основу в виде столь распространенных в своей пошлости отношений спонсорства. Нет, экзистенциальную, фундаментальную основу бытия.

Произошло нечто ужасное: каждый из нас одной частью увидел в другом некое высшее существо, но при этом постоянно сталкивался с кем-то, кто упорно пытался поместить другого в раму иконы. Когда на глубине 2,22 встречаются Азазель и Акташ — все хорошо. Но когда остаемся только мы, люди, один ожидает, что вот именно эта женщина сделает его сверхчеловеком, а другая — сама себе в том не признаваясь, — что обретет некий новый фундамент смысла, поскольку старый, основанный на преданности умершему возлюбленному и рисовании картин в его честь, — просто устарел. И каждый перед собой вдруг видит вместо только что встреченного великолепного играющего бога — плохую копию себя же, хотящего ровно то же самое, что и ты.

Но более того — наши запросы, обычно натывавшиеся на их же кривые отражения, тем не менее достигали истока каждого из нас. И насколько это вообще возможно, на высшем уровне каждый начал отвечать на запрос другого. С одной стороны, Акташ, чувствуя запрос, который коротко можно определить как «сделай меня магом», начала реально делать меня магом, почти насильно протаскивая по самым неприятным и неосознаваемым частям души, заставляя ломать отжившие механические конструкции в

отношениях между мной и миром, а с другой — я начал пытаться дать ей «основу», причем в своем представлении о том, какова же может быть настоящая «основа» и «смысл». Гм. Надо сказать, что она гораздо чище исполняла мой запрос, чем я — ее. Но поскольку по завершении Мистерии определенная основа была обретена, можно сказать, что это было такое странное путешествие из Петербурга в Москву через Екатеринбург. Как ни странно, в конце концов каждый из нас получил то, что запрашивал: я прошел мощнейшую проработку, после которой я впервые, да, черт возьми, впервые стал магом. Она же получила свою Основу с одной стороны — в главном достижении нашей мистерии, а с другой — в новом периоде живописи. Это было чертовски тяжелое время, но это было самое продуктивное время, какое я только могу представить.

Впрочем, было кое-что куда более печальное. Договор Истока. С одной стороны — я со своей безоглядной влюбленностью в богиню, с которой хотелось соединиться навсегда. Азазель, даже *обозначив зазор*, тем не менее дал ей имя, производное от Нахемы. С другой — глубинная готовность к договору Истока у Акташ, которая также видела эти сигналы и шла им навстречу. Проблема — договор Истока возможен, только если *все* части души обоих согласны и желают заключить этот договор. А Азазель с самого начала обозначил неизбежность зазора. Договор Истока стал чем-то вроде кота Шредингера: он есть и его нет, он мертв и он жив, причем одновременно. Для Акташ это было одним из самых подлых предательств — ведь я сам как бы «напрашивался» на договор. А для меня — досадной трагической случайностью, по которой в нужный момент на поверхности оказалась «не та» субличность, а Азазель вовсе не в курсе, что делают другие части.

Все дальнейшие отношения — это мучительная попытка обеих сторон как-то ответить на заведомо невозможный запрос другого и при этом найти ту самую необходимую дистанцию, при которой «ежики не мерзнут и не колются».

Только сейчас я вижу, до какой степени мы похожи в наших ошибках. Я — считающий себя великим магом, но мечтающий стать «магом прямого действия». Она — ожидающая, что я смогу привнести в ее мир нечто, что даст ей основу. Когда я начал в лучших чувствах предлагать ей чужие шаблоны и стратегии, ситуация стала невыносимой настолько, что была развязана настоящая война титанид, и мне оставалось только прятаться под стулом. Каждый из нас ставка, аватара чего-то неизмеримо большего, чем все, что мы считаем собой. Но при этом я даже не догадывался, что у меня есть архетипический Исток. А она установила связь с корневыми принципами и сущностями рода, при том что на человеческом уровне ее отношения с родителями были ненамного лучше даже моих. Разрыв. Зазор, из которого рождаются чудовища и боги, взлеты и падения. Зазор, без которого сама история просто не могла бы существовать.

Иногда наше взаимодействие высвечивало расщепленность до абсурда. Одной частью я провозглашал, что я-то Маг и знаю, что такое служение богам, заявляя доверительный уровень взаимодействия маг-маг. Но при этом иные магические истории казались мне исключительно признаком ее расщепленности. Одна расщепленность высвечивала другую, как в зеркальном коридоре, — и так до бесконечности.

Финал истории — а до него еще нужно дожить, — это одновременно крах и триумф. В зависимости от того, какой финал мы бы хотели видеть в качестве идеального. Не знаю, как расценивает нашу историю сама Акташ, но я все же склоняюсь к тому, что это история с хэппи-эндом. Ибо один из глубинных запросов исходил даже не от самой Дарьи-Акташ, готовой всю жизнь рисовать картины по видениям, появляющимся в Черной воде, а от самого гения рода — Кылчина, который, несмотря на весь абсурд, происходящий между нами, таки счел меня тем самым достойным, от кого она в итоге согласится продолжить род.

А вот здесь я хочу очень сильно отвлечься и обратиться к самому важному, интересному и сущностному вопросу — вопросу о магии. А что на самом деле означает быть магом.

На момент встречи с Акташ я считал себя не просто магом, а абсолютно и полностью состоявшимся магом. Я прошел посвящения в самом древнем из ныне известных магических орденов, каждое посвящение сопровождалось целым рядом синхроний. Каждое утро и каждый вечер я делал обязательные ритуалы, по сути являющиеся особой психической йогой, очень много знал о самых разных школах и традициях магии. Иногда я выполнял некоторые ритуалы и оказывался в центре разного рода событийных вихрей, убедительно, лучше всяких слов доказывающих — магия реальна. Ну а после истории с Анатолием я искренне считал себя не просто магом, а совершенно особым, избранным судьбой на борьбу с великим злом магогом девятой ступени пятого подъезда. Со мной происходили чудеса, которые я осторожно оформлял в научно-психологическую оболочку теории синхронистичности, что позволяло сохранить образ нормального человека прежде всего в глазах самого себя, до конца в эти чудеса-то и не верившего, несмотря на очевидные события. Снова зазор, раскол. Но более того — я был учеником самого важного, самого лучшего, самого сокровенного человека — Мартиэль. Правда, до недавних времен вообще не понимал, ни в чем заключается обучение, ни каковы правила взаимодействия, ни даже к чему собственно меня готовят. Однако в случае с Марти сработало то самое сокровенное знание: я просто *знал*, что она есть воплощенная магия, и это знание было чем-то, не требующим подтверждения — Мартиэль обходили все оголтелые скептики, всегда ставя знак «исключение». Ах да, Акташ была первой, кого я представил Марти и кто вызвал у нее вполне реальное уважение и интерес, хотя, казалось бы, — миры Акташ и Мартиэль существуют в параллельных вселенных.

Так вот, друзья! Все это — начиная от знания магических языков, ритуалов, формул и заканчивая даже опытом подействовавших ритуалов, — не делает вас магом. Точно так же, как покупка милицейской формы не делает вас сотрудником милиции, а реквизит средневекового палача с самым убедительным топором — практикующим палачом. Собственно, единственное, что реально делало меня магом на момент встречи с Акташ и что создало возможность взаимодействия — это моя глубинная, искренняя и местами наивная до гротеска, как и всякая истинная магия, отдающая некой странностью, преданность моим богам. Вначале — диаде: Лилит и Люциферу. Это был мост, по которому мы выстраивали настоящую магию. Что до всего остального, то в лучшем случае, как это оказалось со мной, это может подготовить вас к настоящей магии. А насчет себя скажу честно: я не знаю, почему мне удалось совершить этот переход — благодаря ли патронажу Азазеля, наставничеству Марти, своей привычке во всем идти «до края» или всему этому вместе взятому и еще кое-чему в придачу.

Так что же такое быть Магом? Ключ в трех словах на букву «В»: Воля, Воображение, Восприятие. Воля — это знание, чего ты хочешь от другого человека, от мира вообще, и готовность вкладывать все свои силы для получения того, чего же ты хочешь. Воображение — о, вот тут больше всего непониманий, в то время как одни путают воображение и невротическое компенсационное фантазирование, а другие отмахиваются от воображения как от чего-то незначительного и пустячного. И, наконец, восприятие — то есть способность видеть, а что же происходит вокруг тебя на самом деле. С Волей как вектором у меня никогда не было проблем, а вот с двумя другими категориями все обстояло катастрофично.

Вы помните, с чего начиналась моя история? Юноша со дна провинции начинает отчаянно взбивать вокруг себя молоко до сливок, чтобы выбраться куда-то, где есть реальный мир. Да, описав двойной круг, я сначала добился самых естественных для человека вещей, а потом, пройдя Армален, вышел на круг, который проверил на зубок мои притязания на лидерство. После ада Каиновской квартирки я больше не совершал глупых ошибок и очень четко следовал тому, что казалось моей Истинной Волей, но на самом деле было только одной из ее граней. Если не считать срывов вроде Пермякова и Черного зеркала, я научился эффективно и результативно взаимодействовать с миром,

пожалуй, по двум направлениям: полезно-вредно для моего проекта и добьюсь или не добьюсь этой очаровательной дамы.

Короче говоря, одеваясь настолько демократично, насколько это возможно, я получил мощный виртуальный астральный костюм. Костюм, очень четко разделявший воображение на разрешенное и неразрешенное. Разрешенное — все, что можно обосновать Юнгом и соответствиями Кроули, ну или хотя бы за чем есть хоть какая-то легитимная умно рассуждающая школа. И неразрешенное — то есть все остальное. Да, я могу очень много говорить о том, что, действительно, большинство из форм дикой магии, какие я встречал, представляет собой типичную шизотерику с раздуванием «маньки величкиной», но точно так же я же могу сказать, что уже тогда я знал множество самодостаточных и сильных магов — Руин, Юксаре, да та же Мартиэль. Для нее, впрочем, у меня всегда хватало ума поставить знак абсолютного исключения из всех правил. Короче говоря, эта граница «разрешенного» и «неразрешенного», помноженная на снобизм по отношению ко всему неразрешенному, фактически ставила один большой жирный крест на втором из «В» — воображении, которое было ограничено от сих и до сих.

А что же значит быть магом воображения, магом внутреннего круга? Очень просто! Сохранять сознание открытым для взаимодействия с любой актуальной воображаемой структурой, какой бы нелепой она ни казалось с точки зрения практического разума и высокой теургии. Прекрасный пример: Акташ чувствует, что ее кусает некое избыточное внимание со стороны Пеймоны, видит это влияние в образе хорька, запечатывает его в пепельницу и вышвыривает в окно. Бред. Но почему-то именно в этот день впервые в истории клуба у Пеймоны происходит срыв без какой-либо причины. Не думаю, что Пеймона сознательно хотела как-то «напасть» или «посылала хорька». Просто соприкосновение с пространством Пеймоны через меня для Акташ было враждебным, и она реагировала именно так, как велело ей воображение. Когда я допытывался, ну что же такое истинная магия, Акташ давала потрясающий ответ — говорить то, что первое приходит в голову.

Но, о боже, я же могу ошибиться, я же могу перепутать и принять свой невроз за Азазеля, я же могу дать неверный прогноз, упасть в грязь лицом! А с какой стати, мой дорогой, говорила Акташ, ты всегда должен быть правым, никогда не ошибаться, неся себя аки икону на крестном ходе? Ты себя даже на ошибку права лишил, дурачок, в итоге сидишь в своем костюме как в футляре и вообще ничего не делаешь. Но как не делаю? А ритуал жертвоприношения? А Азазель? А, ну да, когда совсем прижмет и одна шлея пережмет другую — таки делаешь, сам не понимая что. Великолепно. Акташ оказалась великолепным учителем Магии. И да, сколько же раз я ошибался после этого! Но сколько красивейших блистательных граней жизни было потеряно.

Да, еще одно. Истинная магия, за исключением работ, связанных с жизнью и смертью, всегда несет на себе отпечаток истинной легкости, моцартовского смеха, о котором так пронзительно пишет Герман Гессе. Там где вы видите унылую тяжесть, пафос, дешевую патетику и притязание на «вот я — самый истинный маг, какой есть, и я знаю точно, как надо для всех, потому что Я, Я!!», магия не ночевала и не соседствовала даже. Фактически в истинной магии каждое обычное действие становится символическим, а каждое символическое — чем-то привычным до завязшей в зубах пищи. «Дорогая, я хочу под мышку книгу про Гамалиэля — пусть учится быть твердой опорой, какая шутка над этой сфирой!» И потом — спонтанные неожиданные прорывы, связанные с этой сфирой.

С любым, самым неизвестным, самым выбивающимся явлением в поле воображаемого нужно быть готовым к взаимодействию, но это не значит, что любое появившееся в поле нечто следует воспринимать как глас божий, а каждую синхронию как однозначный запрет или разрешение сварить себе чайку. Маг живет в мире тотально свободного, безумного воображения, но при этом он (за исключением кризисных

периодов перехода) так же основательно живет в реальном мире и не будет путать правила этих двух миров, хотя при случае разнообразит будничность одного за счет игры другого. К слову сказать, Акташ, казавшаяся мне существом не от мира сего, беспомощным в этом мире, имеет вполне прибыльную и надежную профессию косметолога, которая будет востребована в сколь-либо поменявшемся мире, ибо косметика как один из даров Азазеля — вечна с того момента, как мой Патрон принес ее людям.

Истинная магия иногда прорывалась в мою реальность. Заключить договор с богом, который — всего лишь персонаж плохо написанной книги, — и в результате на многие годы забыть о бедности как о явлении. Аазель с самого начала был со мной, а Марти аккуратно подготавливала меня к настоящей свободе Мага, поэтому, оказавшись просителем перед ликом строгой Акташ, я имел вполне реальные переживания Истинной магии и бессознательное знание о том, что есть Магия. Нужно было только преодолеть разрыв, зазор, а заодно сбросить весь балласт здравого смысла с корабля который не мог двинуться в открытое море под тяжестью этого балласта.

Но у нас есть еще и третье «В». Восприятие. То есть способность непосредственно воспринимать ситуацию, людей, перспективы, исходя из собственно самой ситуации, людей и перспектив, не пытаясь повесить на реальность квадратные рамки идеологий. Господа, если вы Маги — вы не можете принадлежать ни к одной идеологии. Симпатизировать кому-то — пожалуй, да. Но если вы хороший коммунист и левый, то вы видите в каждом богатом человеке угнетателя. И даже если у вас особняк за пару миллионов долларов, как у Сьюзен Сонтанг, и вы, как упомянутая горе-писательница, зубами выдираете каждую тысячу долларов гонораров, вы все равно искренне считаете любого честного бизнесмена страшным угнетателем. А если вы феминистка, то в любом конфликте мужчины и женщины априори считаете виноватым мужчину. А если вы считаете себя либералом, то просто неспособны читать Эволю на предмет нахождения интересных ключей в его работах, с самого начала заноса его во «враги». Маг может играть в идеологии, наслаждаясь приятной беседой в кругу друзей о том, как упомянутые сферические кони совокупаются в пятимерном вакууме, но вы не позволите шаблону определять ваше мировоззрение, лучше проститься с робкой надеждой на магическую вселенную с самого начала. Возвращаясь к напечатанному: человек, который спас мой проект и которому я обязан делом своей жизни, был членом правящей партии, а значит, по мерке идеологических моделей, в которые я был впечатан, должен был бы восприниматься как враг. У меня хватило ума не дать идеологии определять взаимодействие, отказавшись от руки помощи, но не хватило ума понять, увидеть, что помощь действительно искренняя, и не ждать до последнего момента крапленого туза в рукаве.

Помимо идеологий есть еще личные идеологии — непонятно как, когда, где сформированные убеждения и представления о реальности, навешивающиеся на саму реальность шорами, которые не снимаются даже перед сном. Я помню один характерный разговор с Акташ, когда однажды в приступе очень большой патетики я гордо сказал, что мы, телемиты, в этом мире поклоняемся силам враждебным людям, мы обречены быть изгоями и должны принимать свое изгойство с гордостью, и всегда помнить, что между тобой и миром — война, а ты — телемит, изначально меченый в их глазах. Выслушав эту вдохновенную тираду, Дашенька нежно взяла меня под локоток и сказала: «Мой дорогой, а расскажи мне, пожалуйста, когда и где ты всерьез подвергался притеснениям за свои убеждения. Может быть, тебе не дают издавать книги, ты не презентуешь свои книги на крупнейшей психологической конференции и не являешься ассоциированным членом научной ассоциации религиоведов? Ты еще, помнится, на конференции в МГУ выступал — помню, ой хвастался! Так где же ты, любимый, оказался гордым отвергнутым изгоем, испивающим свою изгнанническую чашу до последней капли? Вот разве что твоя вера в собственную прокаженность не дает тебе

более активно и открыто взаимодействовать с реальностью, лишая многих возможностей».

Я люблю такие моменты. Моменты, когда тебя ловят на штампе, стереотипе, и, оказавшись в невесомости, ты дергаешь ручками и ножками, пытаешься найти твердую поверхность, но не тут-то было. Это действительно мгновения просветления, сатори, обрушения шаблона, который, может быть, в один прекрасный момент и окажется верным, но до этого момента навешивать его на всю вселенную, мягко говоря, глупо.

Более того! Работающее восприятие означает, что ты не ограничиваешь свою реальность представлением о том, что ты есть Маг, а значит — какую ноту стоит брать, разговаривая о магии или проводя грань между «магией» и «не магией» по облезлому, ежу известно какому критерию. Азазель всемогущий! Да даже в отношении простейших вопросов магической практики я умудрялся посылать абсурдный и противоречивый запрос — с одной стороны запрашивая создание новой и оригинальной системы символов, но тут же начиная возмущаться, когда очередной знак, полученный Акташ к той или иной планете, не соответствует «традиционному описанию планеты». Черт, ей правда со мной пришлось сложно. Да и мне нелегко — взаимодействовать с богиней, которая в любой момент может обидеться и закинуться обиженным ревом даже по непонятной причине, — это было тоже нелегко. Впрочем, как говаривал старина Алистер в таких случаях: «Как же великолепно это приключение!»

Глава 18. Война титанид

Ну а теперь, представив читателю тончайшую информатику отношений как систему скрытых и явных запросов и ответов и показав, что на самом деле происходило между нами, я могу вернуться к сюжетной линии. И если вы считаете, что все самое худшее — расщепление на две неравные части, провал договора Источника и изнурительные споры, доходящие до истерик, которые могли длиться часами, — позади, вы большой оптимист, мой дорогой читатель.

Потому что, имея полное «взаимопонимание» на уровне богов и полное непонимание на уровне людей, наверняка было бы естественно оставить все как есть.

Но, кажется, боги явно следовали своей, только им постижимой логике сюжета. И в этой логике стал появляться другой запрос — запрос королевский, царский, запрос, который никогда не озвучивался, и тем не менее находящийся в воздухе, запрос, ради которого ее духи Рода и мои боги поместили нас в один атанор. Запрос богов, на который мы просто не успевали настроиться и осознать.

В поле впервые повис вопрос потомства. И это после провала договора Источника, после начавшегося отчуждения, когда часы непонимания порой представлялись изнурительными и отношения мыслились как театр стратегических военных действий. И тем не менее этот вопрос все больше заявлял о себе. Я не помню, когда он впервые вышел на уровень осознания. Может быть, в один из наших полетов, когда Акташ вспоминала о своем проклятом первом ребенке. Может быть — когда показала мне мир протоматеринских вод, где есть только точки, некоторые из которых поднимаются на поверхность, а некоторые — просто исчезают в воде, как будто и не были. В любом случае я стал чувствовать на уровне подкорки — между нами есть запрос на потомство. У кого? Вспомним любимую теорию Акташ — пятьдесят на пятьдесят — и оставим ненужные измышления.

Я стал чувствовать ее желание ребенка как бы изнутри. Что она под шелухой — это древнее и вечно молодое черноводное божество, и здесь она для того, чтобы провести особые души, души ждущие, высокие, обладающие особым сиянием. Акташ всегда говорила о двух типах душ — ищущих и ждущих. Ищущие судорожно цепляются за любое воплощение, любой опыт, они голодны точно преты. Ждущие — ждут именно

того воплощения, которое предназначено их большой судьбой. Для Акташ дети — это не просто «долг женщины», это ее вторая душа, которая многие годы как будто была отрезана.

Я чувствовал запрос. И конечно, я начал реагировать на ее запрос аки слон в посудной лавке. Я был убежден, что единственное, почему она до сих пор не предложила мне завести детей, это неприемлемость беременности вне брака. И шаг за шагом, слово за слово, я начал как бы брать ее на слабо, незаметно кивая на Магду как на пример истинного героизма и свободы. Мол, вот посмотри, да кто еще как Магда способен на такой подвиг — завести от меня дочь, изначально не подразумевая брачного договора?

Семена бросались в самую унавоженную почву, да только давали несколько не те плоды, что ожидалось. В какой-то момент Дарья просто вызверилась, высказав все, что думает о Магде, ее материнстве и высоких идеалах. Уязвимое, болезненное место неожиданно дало ход не внутрь, а вбок и привело к самым неожиданным последствиям.

А что Магда? А Магда сталкивалась с бесконечной захватывающей проповедью о «язычестве» от моего лица и прославлением Акташ, у которой, в отличие от всех нас, бедных да сирых, есть настоящий род, настоящие корни, и она даже точно знает те березки, откуда приходят души на новое воплощение. Вечный круг, свободный от муки экзистенциалистской неопределенности и прочих западных метаний постхристианского человечества. А еще Акташ смогла сама с помощью настоящей магии отправить на тот свет своего врага и врага своей подруги, которую тот избил. Кто из наших на это способен? Опять искаженный запрос. На глубине — мой запрос о том, чтобы обрести подлинность через абсолютно иной тип мышления и магии. Но на поверхность долетает только «у нее род, а у нас хуй в рот» и «а она убивать может» — история вторичная и никогда не казавшаяся самой Акташ чем-то важным.

И вот Магда доходит сначала до красного, а потом до белого каления, и, обладая аристократическим чувством отсутствия ревности, взрывается какой-то яростной ненавистью, между делом задавая вопрос: «А что там Даша про мое материнство говорить изволила?» Не, ну я тогда по роли был идиот, но не настолько, чтобы самому проговориться и сравить двух титанид.

Магда взрывается. Она спорит со мной несколько часов, спорит утром, днем, нападает, обесценивает, точно сорвавшись с цепи. Я уже не помню, что она говорила. Это были слова, где глубокая правда была смешана со столь же глубокой яростью и обидой.

Вечером наконец я возвращаюсь домой, и вот тут наступает вторая часть марлезонского балета. Теперь звонит уже Акташ и с первых же фраз разговора заявляет: «Собака сожрала моего блаженного оленя, моего пура, мой творческий дух! Успокой эту сумасшедшую, что ей вообще от меня надо?» При чем тут собака, бегающая прямо по венам и сухожилиям Дарьи и пожирающая ее оленей, и какое отношение эта собака имеет к Магде, понять очень сложно, но очень хочется.

Здесь уже пугаюсь я, потому что искренне убежден — если Магда бросила вызов Акташ, Магда не проживет долго. А мне эта девочка живой нужна, вообще-то я ее люблю и весьма сильно, хоть странную любовью, но вон даже в пример ставил. Третья часть марлезонского балета: я начинаю пытаться запугать Магду, дабы остановить ее неконтролируемую агрессию, которая в конце концов ее погубит. На Акташ уже были жмуры, она аватара. А ты кто, куда ты лезешь? Ты же мне дорога, глупая! Надо ли говорить, что третья часть марлезонского балета довела кипение Магды до какого-то уже плазменного нагрева на предмет «это я-то обречена, это меня сожрут? да мои тигры ее оленей ели!». Точно в подтверждение родственники Магды на следующее утро присылают в подарок вяленой оленины, а на следующий день среди друзей любимой темой для обсуждения становится фильм «Убийство священного оленя», сам по себе

меня не заинтересовавший, но своим названием еще долго эхом рассекавший пространство.

Со стороны это наверняка кажется даже смешным. Но уверяю вас, оказаться на открытой территории, где разъяренные титаниды вырывают из земли куски скал, швыряясь в друг в друга... Я начал понимать, что попытка взять Акташ на слабо, с чего и пошла эта печальная история, была несколько излишней. Тяжелей всего было самой Акташ, потому что олень как персонаж и герой ее души по сути был неким воплощением ее творческого духа, и пожирание непонятной для меня собакой непонятого оленя для Дарьи означало полную регрессию и падение в хаос и распад. Очень быстро стало ясно, что прогнозируемый мной исход в виде трупа в лице Магды явно не оправдывается, а вот масштабы повреждений с другой стороны уже заставляют серьезно испугаться. Ко всему прочему, по словам Акташ, она не могла вступить в столкновение в полную силу, поскольку у Магды мой грудной ребенок, и атака по матери означает атаку по ребенку, что внутри системы понятий родовой чести считается своего рода формой предательства. Поэтому Акташ, связанная ограничениями, могла только закрываться от постоянных атак Магды, явно решившей доказать, что если я изволю поднимать на знамя возможность прямой боевой магии, она эту магию продемонстрирует вот прямо сейчас да в полную силу.

Четвертая часть марлезонского балета началась, когда прошло некоторое время и мне уже казалось, что войны разошлись по своим палаткам и столкновений не будет. Я только что не бегал с белым флагом с одной стороны к другой, зачастую додумывая слова и фразы другой стороны, чтобы только не разразилось опять что-нибудь подобное.

Но лиха беда начало — жернова судьбы стали раскручиваться после очень глубокого и достаточно удачного полета, закончившегося не изнурительным скандалом, ставшим привычным, а наоборот — радостным катарсисом и катанием на самых экстремальных аттракционах. Я как будто вернулся в блаженное состояние, где сама граница между бессознательным и миром стала исчезать. Я почувствовал, что впервые мне, кажется, удалось чему-то научиться и почувствовать эту самую стихийную спонтанность, которой так старательно учила меня Акташ.

Я возвращаюсь домой в поезде — и как только включаю телефон, на мою голову, словно тысяча тонн отборного кирпича, сваливается совершенно незнакомая мне злобная бабенка. Она давит на меня, требуя вернуть деньги за книгу, потому что в этом издании много ошибок. Цена вопроса — семьсот рублей, за вечер я порой трачу втрое больше. Но на уровне поля я чувствую, что меня пытается проломить злобная тварь, подчеркнута холодным и презрительным тоном старающаяся низвести меня до мальчика-официанта в баре. И — вуаля: на арену выходит Рамси. Проклинаю именем Асмодея (Азазеля упоминать не хочется, ибо он может и вломить, а Асмодей — это какой-то чужой демон): «Желаю твоим внутренностям разложиться и сгнить. Сдохни, мразь, я возвращаю тебе деньги, но вместе с ними возвращаю проклятие».

Верил ли я в действенность проклятий? Кажется, накануне Азазель «объяснил», что перекрыл мне возможность проклинать, чтобы не наворотил бед. Но очень хотелось, чтобы эта мертвая изнутри, холодная, пустая гнида получила хотя бы небольшой урон. Ненависть. Я люблю чистые эмоции. Чистая любовь. Чистая ненависть. Чистая страсть. Чистое желание смерти. С человеческой точки зрения — из-за пустяка. Но нужно иметь опыт смотреть из-под шелухи, чтобы чувствовать, какие энергии стояли за этим конфликтом. Проклинаю, проклинаю, проклинаю!

Всего через пару часов наш близкий друг скинул свой свежий перевод стихотворения Кроули под выразительным названием «Асмодей». Твою же мать! Может быть, услышал! Может быть, все-таки сдохнет. Я попытался прийти в спокойное состояние сознания и установить контакт с Азазелем, но единственное, что я услышал от Азазеля: «Глупо проклинать уже проклятых». Немногим позже, когда война затопит все подмостки, я смогу оценить, насколько он был прав: барышня эта уже слышала обо мне,

позволяла себе ряд оскорбительных выражений, а ее личная жизнь характеризовалась тем, что ее муж сбежал от нее к педерасту. Думаю, что женщина, от которой мужчина бежит к педерасту (по принципу «хоть куда, только от этой»), — изначально весьма гнилое создание.

На следующий день мне пишет давно исчезнувшая бывшая сестра Асгет — та самая Сеятельница и Хозяюшка чумы, — пытаюсь заставить меня принести извинения. Выяснилось, что проклятая и проклинаемая — ее весьма близкая подруга. После сдержанного отказа Асгет выносит всю историю скандала на суд общественности.

Я ликую. Я лечу на крыльях ярости. Возможно, здесь читателю трудней всего понять мои чувства и эмоции. Я телемит. Я — верный последователь Алистера Кроули, всегда мечтавший хоть немного сравниться со своим «магическим отцом». А уж кто-кто, а Кроули жег напалмом и ковравыми бомбардировками. Прийти к презируемым чистоплюям и насрать в прихожей со словами «мое дерьмо так же священо, как дерьмо делай ламы», или прервать ход дискуссии безумным выкриком с выпученными глазами «К черту папу!», или послать к черту экспедицию, отказавшуюся подчиняться его приказам — Кроули действительно умел быть тотальным. Да вот беда — по натуре я человек, как это ни странно кому-то покажется, не злой и к конфликтам не склонный, поэтому создать настоящий шок, в котором я радостно сру на общественные приличия, — для меня повод хоть раз в жизни по-настоящему уподобиться Кроули. Кто знает меня лично, тот будет любить меня и так, а чистоплюи и торгаши пусть удалятся прочь. Все происходящее — роскошная возможность увидеть, кто из моих друзей, слушателей, партнеров действительно уважает меня, а для кого представления о нормах и правилах дороже. А нормы и правила я попираю редко, зато метко.

И конечно же, есть один человек, воспринявший происходящее как катастрофу и крушение всего мира. Магда. Ставшая душой «Касталии», для которой скандал такого масштаба обещает разрушить все, что ею же с таким трудом создавалось все эти годы. В то время как в сети из-под всех лавок вылезли тараканы, на все лады распевающие, что с Телемским, похоже, после всей этой истории все кончено, Магда убеждена в реальности угрозы.

Реальности? Гм. Из восьми тысяч подписчиков за время скандала от меня отписалось всего двадцать человек — для сравнения, когда через год, я разместил репост о котятках из приюта, от меня сразу отписались больше пятидесяти. Пожалуй, единственным серьезным вредом от этой истории стало распространение стереотипа о якобы некачественных переводах нашего проекта. То есть одна-единственная неудачная книга, которая была отправлена на редактуру как можно скорей, в глазах заинтересованных читателей раздулась Асгет до всеобщей некачественности наших переводов.

А быть может, дело было не только в риске. Магда не могла взаимодействовать со мной в состоянии одержимости, ярости и безумия. Быть может, ей казалось, что сейчас может погибнуть все, во что она вложила годы своего труда и возвращивания. А возможно, ей было просто сложно иметь дело со мной в состоянии полного одержимости Рамси.

И конечно, виновата у нее была явно Акташ, которая лишила меня рассудка. Испугавшись продолжения оленьей охоты, я всеми силами переключил ее внимание на себя, что сработало, но, кажется, только отчасти. Когда после часового изнурительно скандального разговора я выходил из подъезда — расстояние от подъезда до машины составляло несколько шагов, — ко мне успел подскочить чудовищный бульдог и вцепиться в штанину. Мать твою, я хороший и добрый! И вообще, собачки обычно меня любят. Собак в крови и жилах, ввиду простоты моей конституции, я бы точно не заметил, но игнорировать здоровую бульдожину, подравшую штанину и чудом не добравшуюся до ноги, было едва ли возможно. В голове возникла одна-единственная мысль — Геката. Хозяйка мировой псарни. Четырехликая и стотелая богиня Луны, Покровительница Матерей, не оставляющая без наказания всякого, кто вольно или

невольно оскорбил женщину. И Магда под ее защитой. «Будете меня обижать — я маме расскажу». — «Рассказывай». — «О Великая Мать, пошли демонов своих покарать неверных!»

Впрочем, ставка или не ставка — это вопрос куда более философский и абстрактный. Факты были таковы, что после всей истории с предательством и тяжелыми родами в ней проявилась сила обратной стороны Луны. Можно сказать, она прошла тяжелейшую инициацию и на выходе получила покровительство одной из самых древних и вызывающих страх богинь всей эпохи античности. Разозли Магду — и все окрестные собаки начнут рычать, недобро коситься или пытаться цапнуть, а все случайные менты подвергнут неприятным проверкам. Но пока она добрая, все хорошо. И, о боги, какая женщина! Ради такой и покусанным не жалко быть.

Постепенно у меня стал формироваться некий миф о Магде и Акташ как вечных врагах. Забегая далеко вперед: детей они зачали с разницей всего в десять дней, а родили с разницей в семь дней.

И несильно схлестнувшись в последний раз, они, неожиданно для меня, вдруг заключат даже не перемирие, а устойчивый мир. Вот Магда, еще год назад изливавшая всю силу змеиного яда, заявляет: «Мы с Дашкой на самом деле на сущностном уровне очень похожи и воевали-то, потому что похожи. Поэтому обидишь ее — обидишь меня». А вот уже Акташ шьет шапочки и рукавички для новорожденных в трех комплектах — передать один своей бывшей содуэлянтке. Между дамами было некоторое непонимание... Э-э, да от таких непониманий можно расхерачить полмира.

Система МДО (множественных долгосрочных отношений) может быть очень устойчивой, если не возникает пересечений. Например, станет ли Иштар с кем-либо воевать или, о боги, станет ли кто-то воевать с Иштар? Или с малюткой Чинни, жертвой большой игры. Одна слишком большая, другая слишком маленькая. Но если кто-то внутри мандалы начинает тем или иным образом «колебать систему», сознательно или хуже того — неосознанно, если внутри поля появляются счеты, то природа сексуальности такова, что любые послания проходят по связующим зеленым нитям быстро и безболезненно, от адресата к адресату. Ох и внимательнее я стал после войны титанид к хрупким но сверхпроводимым зеленым нитям, посредством которых порой даже один сон можно разделить на двоих, а то и на троих.

Глава 19. Договор рода. Веди меня через ночь

*ангел мой
веди меня через ночь
ангел мой
веди меня через ночь
держи мою руку, я здесь
держи мою руку, я здесь
держи мою руку, я здесь
не отпусти*

*Группа «Para Bellum», из песни
«Веди меня через ночь»*

Впрочем, за исключением войны титанид, я был уверен, что все происходит просто идеально. Я познакомился со своим Патроном и начинал знакомиться с богами мира Акташ. Живой, вечно изменяющейся реальностью богов, природа которых — красота.

Первая встреча произошла в исторической точке зимнего солнцестояния, когда мы празднуем главный ритуал колеса года — Великий Йоль. Время, когда происходят самые интересные процессы и небо становится настолько близким, насколько это

возможно. Мой самый первый опыт сакрального, пробуждение Кундалини, произошел на Йоль. Накануне Йоля было мое первое посвящение в Ордене. И позволю себе небольшой спойлер — последнее описанное в этой книге преобразование также произойдет на Йоль. Время, когда можно, если вы к этому готовы, совершить скачок на иной уровень себя, иную спираль бытия, умереть и воскреснуть.

Грядущий год был годом древних богов, и разворачивающаяся мистерия происходила под знаком Кылчина.

Тогда я проводил медитацию. Эта медитация повторялась мной уже много лет, и каждый образ, каждую вибрацию, каждый сигнал я знал до глубины души. Слово Силы повторяется трижды. Открывается Исток. Обычно на открытии Истока во мне включалась вибрация протослога «А» — и вся реальность растворялась в этой вибрации. «Явлено Черное Солнце в недрах космической ночи...»

Но в этот раз произошло что-то невозможное. Я впервые увидел *Ego*. Увидел Черное Солнце. Это был ослепительно-черный контур человека, сидящего в позе медитации, в позе Будды. Ослепительно-черный свет, и по контуру его фигуры — предельно сжатое свечение, точно свечение Солнца во время затмения. Невероятное, нечеловеческое, предельное напряжение. Много лет я называл его имя. В этот раз он услышал.

Никогда в ясном уме и твердой памяти не видел я ничего прекраснее и ничего могущественнее. Это был самый сильный ритуал, когда не на словах, а на деле круг как будто стал единым телом и каждое слово каждого участника, даже будь он в кругу впервые, звучало откуда-то из глубины, из Истока.

По окончании ритуала ко мне подошла Дарья.

— Ты видел его, да, — не то вопросительно, не то утвердительно сказала она. — Черное Солнце. Мои боги приняли тебя полностью, без остатка. Чтобы Кылчин решил проявиться, да еще в своей полной форме! Потрясающе, просто потрясающе!

Кылчин. Я-то думал, что это Люцифер. Черная фигура, окруженная тонкой линией серебряного света невероятной интенсивности. Солнце в затмении. Воистину «явлено Черное Солнце в недрах космической ночи». Боги хотели, чтобы наша мистерия была доведена до конца, и неудача с договором Истока явно не являлась для этого сигналом стоп.

И все же до сих пор я до конца не понимаю, кто же это был — Люцифер в маске Кылчина или Кылчин, пришедший на главный праздник Люцифера. Ночь Великого Йоля, время, когда боги наиболее сильны и можно совершить выход на иной круг. Ритуал, где жречествует Мартиэль. Так Кылчин или Люцифер явился тогда в круг? Так это Акташ приняла Люцифера за Кылчина или сперва я принял Кылчина за Люцифера. Это было одно из самых прекрасных, самых сильных видений. Но интерпретируя увиденное, я совершил ужасную ошибку, однозначно приняв ее точку зрения. Я стал забывать своих богов. Не на словах, конечно. Ментальные конструкции — последняя защита, когда все рухнуло в бездну. Просто сместился фокус внимания, сознания. Я начал мыслить так, как в начале нашей мистерии боялась поступить Акташ, отказываясь от ритуалов чужих богов. Я начал забывать своих богов.

Впрочем, именно это переживание открыло мне путь к пониманию ее картин. Я уже писал, что первое впечатление было немного пугающим: сила Темной воды слишком велика, и я оказался совершенно не готов ее принять. Постепенно я стал чувствовать их неповторимый стиль и красоту. Но начиная с этого момента, я стал видеть совсем по-другому. Это уже не было простой живописью. Это была иконография. Интересно, что единственная выставка живописи Акташ так и называлась — «Языческая иконография». Каждая картина — дверь. Каждая картина — портал. Вот Акташ в разводах Темных вод. Древняя, как само мироздание. И камень сияет в ее третьем глазе. Камень, который является знаком нерушимости и оси в этом пространстве, на первый

взгляд, абсолютного хаоса и текучести. Акташ — Темная вода, камень в ее короне — форма Кылчина.

А вот и древний Лось. В одном из выходов на глубину я почувствовал его. Хранитель рода. И хранитель мира. Древний, немного усталый бог, удерживающий одну из опор мироздания. Лось, между рогов которого восходит солнце. Опять Кылчин. Сколько их таких — хранителей. Возникло ощущение, что он ждет очень важного обновления и воскрешения. А вот Акташ изобразила Азазеля, так, как она его видела и знала — звездный лик, отраженный в Черных водах. Как будто она подарила ему еще одну форму, еще одну грань, еще одно имя-лик. Только жалкий бог монотеистов не терпит других богов. Древние боги жаждут встречи друг с другом, и их взаимодействие обогащает и раскрывает каждого из них. А вот одна из самых таинственных картин — темная женщина, несущая отсеченную голову, сияющую светом. Тьма, несущая свет. Голова здесь точно факел, освещающий путь. Я называл эту картину Юдифь, но это всегда крайне обижало Акташ, ибо для нее этот лик являлся ликом высшей любви, а не войны и противостояния. А вот совершенно особая картина, для полноты постижения которой нужно спуститься под шелуху или очень сильно отпустить восприятие. Ангел? Птица? Лось? Утренняя заря в своем сиянии? Все зависит от точки наблюдателя. Особая, тайная картина. Только тот, кому понравится сущность на этой картине, сможет увидеть всю красоту, динамику и мощь этого изображения.

Для Акташ ее живопись — это самая сокровенная грань ее служения богам. Увидеть лик. Уловить устойчивую форму в хаосе светотеней. И дать своим богам новую форму. Теургия одного из самых высших уровней, теургия, в которой есть только ты и боги. «Для кого музыка?» — спрашивал ученика учитель в гениальном романе Киньяра «Все утра мира». Наивный ученик отвечал, что для царя, для успеха. Повзрослевший уже говорил, что для себя, ради красоты. Но пришедший к последней мудрости ученик дал правильный ответ — для мертвых. Слово «мертвые» имеет два противоположных значения. Здесь — те боги, которые для профанов лишь боги смерти, а для тех же, кому дано видеть, они-то и есть сама нерушимая жизнь в самой глубокой точке смерти, исток всякой жизни, знание которого, согласно тому же Алистеру Кроули, есть знание смерти.

И похоже, ее боги ждали не только ее картин. Сама Акташ с удовольствием провела бы жизнь наедине с холстом, по большому счету не слишком нуждаясь ни в признании, ни в партнере, ни в каком-то большом круге. Есть — хорошо, спасибо богам. Нету — значит, так надо. Как будто на каком-то другом, не сразу заметном уровне ее природа, ее душа глубоко целостна и андрогинна. Иногда я узнавал ее мужскую форму по очень характерным словам — «так правильно, так надо». Сперва меня, вечного бунтаря и нарушителя, очень раздражала эта абсолютная, тотальная мужская уверенность, и я начинал споры. Только после очень долгого взаимодействия я понял простую истину: «так правильно» в ее устах не означает «правильно с точки зрения морали, этики, общего для всех закона». Нет, это как раз та самая рита на первый взгляд закон, подразумевающий единственно правильное решение, возможное именно здесь, сейчас, в этой точке, в это мгновение. Она, точнее он — ее мужская форма, всегда знал ритму, закон над законом, который современные люди давно разучились чувствовать.

У богов были очень интересные планы. А в поле таки были дети. Мои первые нелепо-наивные попытки манипуляции и взятия на слабо, стоившие в итоге так дорого нам обоим, тем не менее были первым, еще нелепым ответом на объективный запрос духов Рода.

Однажды в нашем путешествии на глубину я почувствовал, что через меня идет совершенно особая вибрация. Я не был собой, но при этом не был и Азазелем. «Кто ты?» — «А откуда я это знаю?» — «Ну называй первое, что приходит в голову, это же и есть магия». Первое — Люцифер. Но будь это Люцифер, он должен был бы явиться в сиянии сжигающем и сокрушить все мое естество, а тут я всего лишь более старый, спокойный, древний и немного усталый. По сравнению с тем, что я пережил позже, это было пять

процентов от Его полного проявления. Сперва мне даже казалось, что я просто играю в него, слишком мягкое и спокойное было вхождение. Мы просто говорили. Говорили о том, как у каждого из нас происходит передача света, включатся наши ставки, жрецы. Она рассказывала, как это происходит в ее мире. Какая нелепость — боги все и так знают друг о друге. Просто надо было в очередной раз сыграть красивую партию.

«У меня, как дочери Кылчина, всегда два ребенка. Один становится отражением своего отца, того, кого выбирает Хозяин рода. Ему будет очень хорошо, потому что наши дают ему большой ресурс, позволяющий ему в полной мере стать тем, кем он хочет. Хочет быть врачом — мы обеспечим лучший медицинский институт и лучшего учителя. Хочет быть художником — и учителя найдут его сами. Это преумножение, усиление, тайна Черной воды. А второй ребенок обычно такой, как я. Такая же дочка Кылчина или Кылчин. Все мужчины нашего рода — грани Хозяина рода, Кылчина, все женщины — его дочери, Темные воды».

Я-то думал, что мы играем в роли и абстрактно беседуем. Я даже не верил, что это был Люцифер, слишком спокойное это было проявление. Азазель его младший брат, но его появление всегда было куда более эффективным. Я даже забыл этот эпизод. Только потом, отчасти от Акташ, а отчасти от совсем другого человека, я понял: именно тогда и заключался наш новый договор! Договор рода.

И ведь как был сформулирован этот запрос! «Мои боги изменились. Много лет я приносила жертву смерти. Но сейчас Черное Солнце явился и сказал, что моей жертвой должно стать сохранение жизни и забота о жизни. Поэтому я хочу, чтобы мы завели кота».

Буквально через пару недель Акташ захотела, чтобы я подарил ей кота. И это должен быть обязательно породистый кот, дорогой кот очень хорошей породы. Это особенно возмущало меня — я всегда считал, что нет ничего нелепее, чем заводить породистых котов, когда на улицах голодают беспородные. Да и денег было жалко, что греха таить. Впрочем, я уже достаточно усвоил, что легче идти против рожна, чем спорить с Акташ, если она (а в данном случае даже он, ибо — «это правильно») чего-то хочет. Только сейчас я понимаю, до какой степени это действительно было правильно, и простой и нелепый с поверхностной точки зрения запрос под шелухой обернулся ритуалом, репетицией нашего главного договора. Сейчас мне даже забавна моя тогдашняя непонятливость: даже в обывательских штампах женщина, заводящая кота, хочет ребенка и готовится о нем заботиться, «тренируясь на кошках». Мы выбрали роскошного, грациозного, изысканного рыжего котятку с острой мордой. А через месяц произошло неожиданное: ей буквально впихнули еще одну кошку — на этот раз, как я и хотел, дворовую, черненькую кусачку-царапучку. Репетиция, похоже, разыгрывалась наполовину без нашего участия.

Кот не раз проявлял себя весьма неожиданно и вовремя. Помню, как-то мы с Дарьей выполнили ритуал 2,22. И как это часто бывало, это не слишком нам помогло — Азазель и Акташ отошли в сторону, а мы превратились в злых детей — идиота и истеричку, которые начали делать то, что больше всего на свете любили, — ругаться. На этот раз ругань происходила на каком-то предельном эмоциональном взводе, причем даже причина этого конфликта была непонятна. И вот, точно в кинопостановке, когда звук наших голосов стал подходить к верхнему пределу, кот опрокинул кастрюлю.

БАМ! Весь рис, вся рыба рассыпаны по полу, а довольный кот обтирает окружающие стены. Мы смотрим друг на друга и начинаем безумно ржать — похоже, мы стали настолько малыми детьми, что кот «остался за старшего». И когда терпеть двух взбесившихся детей стало невозможно, он прибежал к коронному номеру, устроив свой поистине феерический БАМ, после которого нам ничего не оставалось, как объединить свои усилия и собирать с пола ошметки рыбо-риса.

Внезапно кот заболел. Я уже не помню всех подробностей, однако ситуация складывалась просто катастрофически. Сначала ему был поставлен неправильный

диагноз, выписаны не просто бесполезные, но противопоказанные при данной болезни лекарства. Дарья постоянно находилась на телефоне. Ко всему прочему, у нее почти полностью обрушилась работа, и она была вынуждена постоянно просить денег на лечение кота.

Наблюдая за тем, как Дарья на пределе сил сражается за его жизнь, я, кажется, впервые начал ей доверять по-настоящему, на глубинном уровне. Это было какое-то новое доверие, впервые я мог воспринимать ее не только как абсолютно иной принцип бытия. Признать Богиню было достаточно легко после явления Акташ и прямого видения, а теперь я увидел человека, готового до последнего биться за жизнь дорогого ей существа.

Когда я приехал к ней, она сразу сказала: «Вокруг меня слепые пятна. Помоги мне разобраться с этим. Иначе кот не выживет. Иначе нельзя, так надо». Ее слова слишком часто звучали странно, но я уже привык, что это твердое «так надо» указывает на то, что она сейчас «он» и я имею дело с самим Кылчином.

Это был очень странный полет. Она рассказывала мне свои сны, странные сны, часть из которых была связана с моим страхом. Она начала задавать мне разные точные вопросы, и это напоминало сеанс психоанализа. Вопросы не прекращались. Шаг за шагом, мысль за мыслью она выводила на поверхность те части, которые я больше всего на свете хотел скрыть прежде всего от себя. Но она хотела с ними говорить.

И вот она добивается своего. На поверхность выходит одна из моих самых ранних отщепленных частей. бывшая актуальной в пятнадцать лет. Тогда я называл себя Крегом Туми.

Детство. Подростковый возраст. Изоляция. Тоска на грани безумия. Мучительная беспомощность прошлого. Психика начинает защищаться. Психика создает образ отца — сурового, циничного, жестокого отца, который верит, что весь мир это пространство постоянного взаимного пожирания. Крег Туми. Это был один из моих юношеских псевдонимов, имено-игр.

Мне было страшно давать голос своим теневым частям, тем более я помнил, как повлияли реплики Михея из прошлой жизни. Но она настаивала, она требовала, чтобы я дал ему голос. Оставалось следовать за ее инструкциями.

Я вновь говорил «не своим» голосом.

— Ну что, дорогая моя, что ты хочешь мне доказать? Ты же сама знаешь, что этот мир — это пространство пожирания. Я видел, как ты говорила с другими. Сколько царственного презрения было в твоей беседе с таксистом — ты мне нравишься. Вот только зачем ты врешь себе?

— И кого же я пожираю? Разве поставить границу и заставить людей делать свою работу означает их пожирать? Кого я сожрала, скажи на милость?

Разговор продолжался. Крег Туми отступал. Психологи и психоаналитики правы: дай самой разрушительной теневой части выразиться, вывериться, — она неизбежно начинает отступать, исцеляться. Кажется, Дарье удалось вывести из меня серую дрянь, о существовании которой я и не подозревал.

А потом Дарья попросила меня поговорить с котом.

Твою же мать — поговорить с котом!

— А чем идея поговорить с котом кажется тебе более безумной, чем идея поговорить с богом? Для любого психиатра и то и другое шизофрения. Ты так и не понял, что такое магия? Просто смотри на кота и говори, что приходит в голову. Расслабься, наконец, мы же играем, а не конструируем атомный реактор.

И я начал говорить. Здесь, в отличие от Туми, не было того пугающего «подвигания», однако меня поражало, до какой степени я, играя в «дух кота», говорил фразы, которые мне не пришли бы в голову.

Меня поразило это спокойствие. Спокойное принятие судьбы. Если должна быть смерть, значит, придет смерть. Дух выбирает себе хозяина до того, как хозяин выбирает его. В отличие от людей, коты как будто более естественно выбирают свои формы.

— Попроси его назвать нас. Попроси назвать свое имя.

Первое же пришедшее в голову имя кота — Попрыгун. Какое красивое имя. Дух кота, имя как принцип. Как красиво! Я разве могу дать такое имя? Какая интересная игра! Как прекрасно действительно освободить воображение! Она попросила, чтобы я сказал, как кот видит нас. И кот дал нам имена: Гвоздодер и Балеринка. Забавно. Опять балеринка из прошлой жизни. Гвоздодер и балеринка — вот уж действительно парочка, нарочно не придумаешь.

А потом в первый раз за все наши полеты я заплакал. Мне было горько чувствовать, что этот кот, с которым я, пусть играя, воображаю абсурдный диалог, до какого не додумался бы ни один из сюрреалистов, — умирает. До сих пор я закрывался от смерти, от ужаса бренности, от любых чувств. Запрет Крега Туми. Граница. И эта граница была сметена рыданием, рыданием навзрыд. Я не мог поверить словам Дарьи, что от нас, от нашей «магии» хоть что-то зависит. Кот обречен умереть, у него поражена самая слабая часть — пищеварительная система, и никакие игры воображения не могут его спасти. Я задыхался от рыдания, оплакивая вместе с котом саму обреченность жизни, всего, что есть в этом мире.

Здесь я испугался. Я, мужчина, заплакал. Мне стало жутко, я не совладал с чувствами, я думал, что теперь Дарья будет презирать меня.

Но реакция оказалась прямо противоположна. Она впервые за много месяцев прониклась ко мне каким-то невероятным теплом и нежностью.

А самое невероятное, что кот действительно выжил. Слова Дарьи обернулись провидением: «Если мы сможем прорваться сквозь слепые пятна, он останется жив». Разве это вообще возможно? Разве магия — это не то, что происходит в магическом кругу, через инвокации и призывы? Разве простой выход чувств может что-то изменить? Абсурд! Инфантильная воля к всемогуществу! Все рациональное не верило в возможность чуда.

Но, черт возьми, совпадение это или нет, кот действительно выздоровел и, хвала богам, жив до сих пор. И всего-то через неделю совершенно случайно я купил книгу Клири «Взывая к богам». Эта книга поразила мое воображение, ведь, в отличие от большинства языческих традиционалистов, он говорил с позиции всей высоты современной философии. Клири рассказывал об особом режиме сознания, режиме открытости бытию, открытости богам. Бог, конечно, не «хромой старик с вороном на плече», но одновременно — этот образ старика лучше всего выражал для видящего полноту божественного присутствия. И в одной из глав Клири писал о своем коте. Он говорил, что кот — это не только конкретный объект, что в режиме «открытости бытию» мы видим через него ту самую божественную «котовость», Кота как манифестацию особого кошачьего бога. Клири мог бы сказать о чем угодно — змее, хомяке, книге на его столе. Но почему-то он выбрал именно этот образ — образ кота. И читая эти строки, я чувствовал, как оглушительное, парадоксальное, изменчивое и танцующее бытие приоткрывается моему изрядно затертому взору.

Одно из самых сильных качеств Акташ в ее мужской форме — это способность точно формулировать вопрос. Если уж леди решила задать вопросы — будьте уверены, правда все равно выйдет наружу. Многие разговоры с ней похожи на разговоры с очень хорошим психоаналитиком. Кажется, мы даже боролись — я пытался убедить ее, что она — Божество, которое знает все и должна сказать мне, как правильно. Но как правильно она говорила не так часто. В большинстве случаев она предпочитала задавать вопросы. В этом было что-то среднее между юнгианским аналитиком, Сократом и мастером Дзен с крепкой и увесистой дубиной. Вопрос за вопросом, вопросы странные, парадоксальные, чем-то похожие на коаны. Вопросы, над которыми очень не хотелось размышлять, сама

постановка этих вопросов, сама необходимость думать в этой системе координат означала выход за свои привычные границы.

И это действовало. Раз за разом мне приходилось переосмыслять привычные модели и схемы, думая о том, о чем не привык думать. Ко многим важным решениям она подвела меня вопросами. Впрочем, в ее арсенале были не только вопросы — порой она могла действовать куда тоньше. Однажды она почти обманом заставила меня съехать от матери. Насмешка судьбы — вот уже много лет я, будучи уверен, что «отделился от матери», и испытывая к ней только презрение, продолжал жить с ней в одной квартире. Это казалось мне «разумным» — домой я приезжал только на один-два дня в неделю, находился это время в отдельной комнате, где мне вроде особо не мешали. Зачем уезжать, зачем снимать отдельную квартиру ради пары дней в неделю?

Чтобы подвигнуть меня к решению, Дарья воспользовалась запретным приемом. Она прибегла к «святой лжи», однажды на глубинном уровне очень убедительно сказав: «Если ты уйдешь из дома, мать перестанет есть твою энергию и умрет через два года».

Она солгала. Я живу один уже куда больше двух лет, и мать так же жива. Правда, меня это больше не заботит. Эта ложь заставила меня уйти без каких-либо внешних причин, и уже в первый месяц отдельной жизни я был поражен, насколько обострились мои творческие способности благодаря появлению своего пространства.

Потом она призналась, что это была «святая ложь». Запрещенный прием — скажут моралисты. Ошибка видящего — скажут скептики. Но как сказано в Книге Закона: «Успех — вот твоё доказательство». Ее обман освободил мою творческую силу, мощь, и могу ли я не благодарить ее за этот подарок?

С каждой ее победой, с каждым моим перерождением, с каждой небольшой инициацией в полете, где я в руки ее отдавал дух свой, росла моя сила и моя свобода. Подчинившись ей, доверившись ей, я все больше обретал свободу быть. Мне был дан совершенный проводник, мой Хидр, мой «волшебный зеленый», взрывающий мою устоявшуюся реальность своими невообразимыми парадоксами, непонимание которых с моей стороны вначале вызывало ярость, боль, обиды и плач, но потом как будто из ниоткуда рождалось решение, оказывавшееся спасительным.

Меня расстраивало одно. Да, разговоры, анализ, очищение, приключение — это все было очень глубоко. Но Акташ в Силах больше не проявлялась. Я имею в виду тот самый первый опыт разноцветных растворяющихся медуз в священной Черной воде, когда ты возносишься к нечеловеческим формам экстаза. Раз за разом на мой запрос она говорила одно: не время, в этом нет необходимости, зачем тебе назад в утробу? Тебе сейчас нужно другие задачи решать. Но кажется, в один прекрасный вечер я таки смог ее убедить. Отправившись под шелуху, я очень просил Её прийти.

И она пришла. Пришла в облачении чернобурки. Эротическое переживание было одним из самых интенсивных, как в миг явления Акташ в Силах. Я оказался в удивительном тоннеле темной воды и странного свечения, похожего на свечение медуз в лучах солнца. Я был в пространстве чистой небесной влаги, и наполнявший меня экстаз словно извергал мою суть в Неведомое.

«Вот оно — то самое пересечение Бездны, о котором писал Кроули». — И это было последней мыслью, которую я успел подумать перед оргазмом. Мое эго взорвалось и рассыпалось на множество искр. Я перестал существовать, превратившись в тысячи мысле-осколков, тонущих в вечных водах.

Наслаждение вдруг превратилось в кошмар. Вернувшись в тело, я почувствовал, что сама основа моего бытия безнадежно рассыпается, как когда-то давным-давно. Хотелось заорать от ужаса.

Открыв глаза, я увидел Дарью.

— Вот так-то! Рассыпался! — В отличие от меня Акташ была предельно собрана и сконцентрирована. Передо мной будто предстала древняя Темная Богиня, забравшая саму суть. Не женщина, не богиня — демон, Исаис Черная, отнявшая копье Холла Дата.

— Ты хоть понимаешь, что с тобой происходит? Ладно бы ты не доверял мне. Я это могу стерпеть, ты мне ничем не обязан. Ты не доверяешь Лилит. Ты впервые был во мне полностью, всецело, тотально. И что? Великий любовник, сексуальный маг и мой дорогой черный брат развалился как мальчик.

Казалось, она издевается. Казалось, она наказывает меня за какую-то непостижимую вину. Казалось, я перестаю существовать.

— Как тебе моя новая форма? Моя лисья шкурка, чернобурочка, кицуне? Страшно? А ведь, в сущности, все должно было быть очень просто — ты возносишься к вершине экстаза, а потом собираешься в любви. Так где твоя любовь, дорогой мой? Что для тебя самое главное? Вокруг чего ты можешь собраться, ответь, пожалуйста.

— Люцифер.

Дарья расхохоталась.

— Люцифер! Ты только что был во мне, в моем мире, и думаешь, что здесь ты можешь собраться вокруг Люцифера? Только не пойми неправильно, я ничего не имею против Люцифера, я видела его и уважаю его. Но в Любви, в экстазе растворения все же стоит собираться не вокруг Люцифера. Есть две оси. Одна ось: ты — Азазель — Люцифер. Это ось духа, ось логоса. А есть ось: ты — я — Эллоиза — Лилит. Я бы поняла, что я для тебя не самое важное, но почему ты не вспомнил про Эллоизу, про Лилит, наконец?! Если бы ты вспомнил — все было бы хорошо. А сейчас на что ты похож? Дай-ка колечко.

В этот миг я почувствовал, что все во мне сжалось. Колечко! Кольцо Люцифера, моя единственная связь с Ним. Никогда! Я почти скрючился, почувствовал, как мои руки с кольцом отдернулись от нее. Ни за что! Колечко — моя единственная сила! И в тот же миг я собрался на другом уровне, я зрелый увидел того себя, который больше всего боялся дать кольцо в руки женщине, которую еще несколько минут назад называл «Богиней» и «моей Звездой».

Она опять столкнула меня с еще одной гранью Тени. Это был не Рамси, не яростный слепой псих, готовый убивать, если чувствует страх. Это было что-то куда более неприятное. Это был Горлум. Черный брат. Я вспомнил последние мысли перед оргазмом. Пересечение бездны! Вот тут меня накрыло настоящим ужасом. Потому что есть одна вещь, которую телемит боится даже больше, чем смерти, — стать черным братом, в миг пересечения бездны оказаться собранным во дворце Хоронзона и стать пожирателем падали. Горлум — да, какой хороший образ для черного брата. Всю жизнь ждать того единственного испытания и с позором его провалить.

— Со мной все кончено, да? — Я протянул ей кольцо. — Я вижу его, я — черный брат. Я впервые увидел эту самую неосознанную, самую отчужденную, самую отвратительную часть себя. Горлум. И кольцо света, кольцо Люцифера, самый большой и прекрасный дар, этот Горлум превратил в то самое «кольцо всевластия».

— Расслабься, это нормально. Ты хотя бы наконец-то его увидел. Раньше ты разваливал меня с видом праведника. Побудь немножко в моей шкуре. А я пока в шкуре кицуне, чернобурочка знает свое дело. Первую ось ты выстроил, молодец, хвалю. Раньше у тебя и Люцифер-то был не Люцифером, а не пойми чем. А теперь пора строить вторую ось. Эллоиза-Лилит. А ты все еще примешиваешь свою экс матушку и, что бы ни говорил, не можешь доверять женскому. Пора учиться. Я говорила с Марти мыслями, и она разрешила тебя развалить, так что все по плану.

О боги, неужели я единственный, кто реально не понимал природу нашей связи? «Я мысленно говорила с Мартиэль, спросив разрешение». Неужели уже тогда она увидела то, что станет ясно лишь в конце книги?

Даже сейчас, когда я делаю последние штришки, пробегаясь по старым записям, Акташ не устает меня удивлять...

Глава 20. Жречество Акташ

Если было бы возможно вернуться в те времена и спросить каждого из нас, что происходит в наших отношениях, можно было бы поразиться разнице ответов. Я уверенно бы ответил, что у нас все идеально, я наконец-то нашел женщину-богиню, ведущую, проводника. Да, я не сразу узнал ее, но, надеюсь, вина за первую ошибку искуплена, и уж сейчас-то у нас все на вершине, она обучает меня, как я всегда мечтал. Да, ругаемся, конечно, но, видимо, это часть обучения — мастера Дзен вообще с дубиной, а она только ругается — так что все по лайту. Наставник, проводник и сексуальная партнерша — это же то, о чем любой мужчина мог бы только мечтать, да и то не каждый бы посмел. Я в раю, черт возьми!

Если бы тот же самый вопрос тогда задали Акташ, ответ был бы прямо противоположный и наверняка содержал бы одно слово — пиздец. Выдержав паузу, она бы добавила: «Да он пожирает меня, меня уже почти нету».

Пожирает? Да как же, возмутился бы я. Я всецело отдал себя в твои руки, лепи меня, веди меня, в общем, делай что хочешь, только сделай меня Истинным Магом.

Разные миры. Очень разные, реально сближавшиеся только в очень немногие моменты, причем если спросить нас, наверняка мы совершенно по-разному оценили бы значимость тех или иных эпизодов. Акташ — из шаманского, языческого, изначального и дорелигиозного мира. Я из мира Города, влюбленный в технологии и городские пейзажи. Не зря Азазель считается еще и строителем городов. И разница между этими мирами гораздо больше, чем может показаться какому-нибудь юноше, гордо заявляющему «бога нет» или «я язычник», после чего полагающему, что свободен от христианской доминанты.

Главная проблема, непонимание, точка разлома — проекции. Вообще-то — человеку свойственно ошибаться, а свойственно ему ошибаться именно потому, что свойственно проецировать. Проецировать что угодно на кого угодно, разве что соотнося свои проекции с минимальной технической достоверностью. За всю жизнь я встречал от силы человек пять, способных хоть как-то осознавать проекции. И во множестве отношений проекции вообще не создавали проблем. Проекция обычно вообще не долетает — большинство людей это бронированные кони в противогазах. В любом случае — кого видит на самом деле муж в жене, обычно никого не волнует, главное, чтобы заботился, помогал в хозяйстве, берег. А как там работают проекторы, об этом обычно всерьез никто не думает — главное, чтобы проекция была положительная.

Для Акташ проекции на нее смерти подобны, а то и хуже смерти. Уникальная, я бы сказал — шаманская структура души делает ее как будто существом без кожи, тут же заставляя принять именно ту форму, то лицо, которое на нее проецируется. Для меня свойство принимать форму Анимуса партнерши — это предмет особой гордости и высокая сиддха, за которую я благодарен богам и которая и делает меня интересным множеству женщин. Для нее это угроза потери себя, разрушение, потеря связи между ней и ее источником, которая стоит ей самого дорогого — возможности рисовать.

А проекций у меня было — вагон и маленькая тележка. Во-первых и в самых главных — проецировал те представления о жизни, отношениях и реальности, которые были у жены. Это само по себе странно, потому что на тот момент мы с Айрум весьма отделились.

Очень может быть, что брак сам по себе представляет некую примитивную, секуляризованную и выродившуюся аналогию договора источника. Если при договоре источника происходит полное соединение высших центров, то в браке происходит соединение частичное и психическое, а не пневматическое, но и этого достаточно, чтобы энергетически таскать куски от своей жены к остальным женщинам. Но почему никто из многих моих женщин никогда этого не замечал и это не вызывало конфликтов? Не знаю. Возможно, у них лучше границы, а возможно, их я просто лучше понимал.

Да, главная проблема, что до последнего момента я так и не мог понять Акташ, не мог понять логику ее слов и поступков (хотя, черт возьми, она была еще какой, предсказать ее просто невозможно), а на все непонятное мы, хотим того или нет, проецируем предыдущий опыт. Я не понимал и инстинктивно подставлял разные известные картинки. И с каждым разом, чем ближе, теснее, глубже мы были связаны, тем болезненнее заострялись эти проблемы. А в одном из самых глубоких полетов, когда я смог оказаться на самой большой глубине и прочувствовать переплетения всех известных мне богов и духов, я вдруг решил, что раз наши боги сошлись в этом танце, то они заключили договор, из которого следует, будто Акташ теперь со мной навсегда и никуда от меня не денется. Пожалуй, это искажение было самым худшим и самым разрушительным из искажений, которые происходили между нами. Действительно, именно в этот миг окончательно заключался и утверждался договор рода, но не зная тонких законов, я интерпретировал этот договор как возможность полного присвоения — теперь никуда не сбежит, не денется, на все воплощение заполучил. И вот эта проекция стала настоящим кошмаром, после которого Дарья решила, что теперь уж точно пора расставаться.

Когда-то давно, в самом начале нашего общения Мартиэль поставила мне посмотреть какой-то фильм-сказку. В этой сказке главная героиня должна была не то добыть сокровище, не то спасти брата, но каждый раз, когда, глядя на испытание, она говорила «да это же плевое дело», крушение и она оказывалась в начале пути или хуже. На этих эпизодах Марти выразительно кивала, как бы давая знак обратить внимание на этот закон. Только через много времени я смог оценить, насколько точно работает этот закон. Только впервые я выдохнул и решил: ну теперь-то все просто, никуда она не убежит, — Дарья уже мысленно собрала вещи. Но перед разрывом она очень хотела провести свой единственный сезонный ритуал года.

Это был один из сезонных ритуалов, когда наш Мастер и Жрица уехала и не могла присутствовать на ритуале. Поэтому жрицей должна была стать Дарья.

Однажды Акташ сказала: «Я предпочла бы служить обнаженной. Телемиты, одевающие своих жриц в монашеские мантии, — это же нонсенс».

Я подумал, что она шутит. Может ли женщина по доброй воле желать совершить самую крайнюю, самую радикальную трансгрессию? Публичное обнажение. Да еще в кругу, где попадают откровенные новички. Даже на Гностической мессе, где жрица только сидит на алтаре, нужно готовить женщину несколько месяцев, и только самые аристократичные на это способны. А в ритуале Колеса года жрица ходит вместе со жрецом. «Я, конечно, верю, что ты крута, но давай сошьем мантию».

Далее разворачивается игра богов. В ночь перед ритуалом она шьет мантию. И каким-то невероятным образом я, собираясь на мистерию, *забываю* эту мантию. Фактически создается ситуация, когда нет других вариантов. «Может, я на такси сгоняю?» — говорю я. «Ну уж нет», — отвечает она.

И вот начинается ритуал. Я в черной мантии и обнаженная Дарья. Я оказываюсь ошеломлен тем, чего с моей точки зрения просто не может быть. А дальше, в самый важный момент ритуала, начинается катастрофа.

Причастие. Пик ритуала. Я начинаю обходить круг, Дарья идет за мной. Она шепчет:

— Я должна произнести другое имя. У меня болит голова, это сигнал, что нужно произнести иное имя.

Ну вот и приехали! Я глубоко почитаю Акташ. Но что скажет круг, когда она без предупреждения начнет причащать Акташ?! Впрочем — будь что будет, думаю я и обреченно киваю.

Слова, которые слышу от нее, ошарашивают меня:

— Причастие Лилит.

Она произносит это имя. Невероятно! В вихре сущностей, похоже, они действительно познакомились.

И, разумеется, мне приходится тоже менять формулу.

— Причастие Люцифера! — говорю я, сизигийно следуя за ней. Было бы странно причащать Терионом в бинере с Лилит.

Ритуал закрыт. Круг. Впервые Дарья произносит имена своих богов. Впервые эти имена звучат для посторонних, фактически чужих для нее людей. «Черт возьми, это трансгрессия посильнее обнажения», — поражаюсь я.

Потом, сидя у друзей, Дарья говорит такую фразу: «Тут ведь дело не в том, чтобы произвести впечатление. Не в том, чтобы как-то на тебя повлиять. Тут дело в том, чтобы хоть как-то остаться собой». Я не понимаю этих слов. (Позже Дарья пояснит: «В каком-то смысле это возвращение к той самой протоформе, Акташ в Силах, как ты изволишь выражаться».)

Я еще раз убеждаюсь, что все прекрасно. Вихрь сущностей определил ее путь, имена богов впервые названы в кругу. Теперь я в полной безопасности, на это воплощение она никуда не денется. В то время как для нее все происходящее — что-то вроде последних долгов.

Что не понравилось Мартиэль по возвращении, так это изменение формулы. Не понравилось — это, пожалуй, мягко сказано: впервые за десять лет общения Мартиэль была реально зла на всех нас и рассматривала возможность полного выхода из круга.

Причастие Люцифера может быть дано только единицам, тем, кого уже выбрал Он, а они приняли этот выбор и свой путь. Для внешнего круга причастие Люцифера может стоить очень дорого, в чем я смог убедиться в некотором отдаленном будущем, оказавшись в одном очень особом пространстве.

Нам предстоял долгий и сложный разговор.

Дарья почувствовала конфликт и решила сделать то, чего от нее никто не ожидал.

Она пригласила Мартиэль в ритуал 2,22. Поговорить на глубине. Конфликт разрешился до этого, но приглашением к мистерии все вопросы должны были быть решены на корню. Слишком много недосказанности и непроясненности накопилось за это время. Слишком много узлов необходимо было развязать.

В этом ритуале я впервые наблюдал проявление Люцифера.

Выполнив ритуал 2,22, в первый момент мы будто зависли в безвоздушном пространстве. Что делать? Куда идти? Что говорить?

По инерции я продолжал говорить и думать как обычно. Дарья поправила меня:

— Произнеси запрос. Ты видишь, что твоя обычная форма не работает.

На секунду я будто завис от резкости ее слов. Внезапно привычный внутренний диалог оборвался, и я увидел, что происходит!

Мартиэль изменилась. Она приняла всю полноту своей мужской формы. Пришел Сам Люцифер. Передо мной был Четвертый аркан во всем его величии. Мощь. Властелин. В своем царственном спокойствии силы рожденный править. Истинный Император на троне.

Мы говорили. Говорили обо всем.

Кажется, я начал рассказывать про Андрея и первое появление Азазеля.

— Я лучше не буду говорить, я лучше кое-что покажу, — сказала Дарья и дала Мастеру в руки куклу. Я еще ничего не успел сказать, она еще не знала, что речь идет о связи с давно умершим человеком. Просто Мастер взяла в руки куклу и сказала только одну фразу: «Мне очень жаль».

Мы с Мастером беседовали о тончайших деталях практики. Я-Она-Азазель-Люцифер.

Ритуал 2,22 действовал все сильнее. Привычная осторожность, политкорректность куда-то ушла. Я был готов задать свой самый страшный вопрос, я был готов прыгнуть в бездну.

— Тогда, восемь лет назад... Ты поддержала не меня. Тогда ты подтолкнула меня к падению, своим молчанием дала им силу. Ты боялась обидеть того, кто тебе ближе всех на Земле, поэтому пожертвовала мной? Только ответь как есть — что это было тогда, почему ты не поддержала меня?

— Мир, которого я тебя лишила — был ли это твой мир? Разве на тот момент у тебя оставалось там хоть что-то своего? Или ты хотел бы остаться там навсегда, жалеешь, что пришел к тому, к чему сейчас пришел? Представь, что ты до сих пор созерцаешь пьяную полуголую Арину и вынужден каждую минуту оглядываться. Это не был твой дом, но ты явно не спешил уходить. Поэтому мне пришлось вмешаться, хотя это, должно быть, было больно.

Слова это, конечно, просто слова. Но именно в это мгновение происходит вспышка. Несколько секунд — и я вижу картинку ее глазами. Как будто на секунду происходит слияние разумов.

И невысказанный конфликт, от одного обозначения которого, казалось, рухнет все, исчезает с корнем. Я вижу.

Я вижу провидение, вижу Игру, вижу, как плетения самого Люцифера отсекают мою последнюю нить. Рука палача, которая заставляет сделать последний шаг и действительно обрести имена.

Долгие годы в отдельные мгновения перед моим воображением появлялась картинка из одного голливудского фильма — две руки, удерживающие по ребенку. Обоих не вытащить. Я — один из этих детей, и рука, удерживающая меня, выбирает другого и отправляет меня в падение. То, что я так пытался забыть.

А сейчас я вижу, как это было на самом деле. Я вижу удивительное плетение событий, в которых шаг за шагом я лишался моей религии, друзей, старых отношений. Даже встреча главного моего врага и того, кто рядом с Мастером, была результатом какого-то невероятного, безумного совпадения. И вот последняя нить, последняя проекция, последняя опора во внешнем мире отпускает руку «хорошего сына».

Я вновь вижу эту руку, толкающую меня в пропасть, и осознаю, что это — не страх, не отступление, не выбор между одним из сыновей. Это последнее посвящение. Посвящение Люцифера. Посвящение, которое оставляет только два пути — либо идти назад, искать новое стадо, новых учителей, новых богов, на которых можно опереться. Либо сохранить то, что Я хочу сохранить. Даже если это объективно не имеет смысла. Даже если сама Мастер оказалась «всего лишь человеком». Даже если слова не работают — я хочу их произносить, потому что Я ТАК ХОЧУ, без единого аргумента вовне, без единого права на перенос на другого. Это и есть посвящение Люцифера, уподобление Люциферу, когда его имена и таинства становятся твоими не в силу внешних опор, поддержки, рационализаций. А только по одной причине: мне не важно, как оно на самом деле — мне важно, что Я ТАК ХОЧУ. И предельное слово, переданное мне Мастером, стало и моим тоже. Только после этого уподобления я получил на него право. Это было шокирующее чувство — чувство, когда сам Люцифер словно вознес на высокую гору и с высоты птичьего полета показал царство моей жизни, распростертое во времени и пространстве.

— Ты всегда была мне матерью, ты же знаешь, — улыбнулся я.

— Знаешь, а я всегда считала тебя младшим братом, — сказала она.

Еще одно потрясение. Всегда считала. Но, по сути, этим самым «младшим братом», существом одной онтологической линейки я стал только здесь и сейчас, в последнем аккорде люциферовского посвящения, когда открылся истинный смысл происходящего.

Камень, о котором никогда не посмел бы говорить в обычном состоянии, камень, который я носил много лет, сброшен и перемолот в щебенку.

Дарье было сложно в нашем пространстве. Она как будто устранилась от разговора. И с каждым часом она все больше теряла силу. Опять разваливается.

Все состояние Дарьи говорило о полной потере силы, желании закрыться, спрятаться, прекратить процесс, выгнать нас. Я чувствовал, что вся ее вибрация как будто тянет к тому, что разговор должен быть закончен.

Но ни мне, ни Мастеру завершать разговор не хотелось. Черт возьми, любая из женщин, кого я знал, душу бы продала, чтобы оказаться в этой комнате при *этом* разговоре. Дашенька скучала, куксилась и намекала, что пора завершать.

Кажется, Мастер поняла ее настроение:

— Ребят, вам скоро надо будет меня прогонять.

Признаться это было последним, чего я хотел, но дальше сопротивляться Дарье в ее безмолвном усталом раздражении, накатывающим на мое поле, не было сил. Мы отвезли Мастера домой, а после, немного выяснив отношения, поехали на природу, смотреть на звезды.

А на следующий день произошел разрыв. Неожиданно, как вспышка.

После двух ночей без сна — изнурительный многочасовой ночной разговор на третью ночь. Обиды, претензии, возмущения. Мы и раньше ругались, но на этот раз все было по-другому. Я хотел уйти, а она хотела меня прогнать. Я даже не испытывал сожаления по этому поводу. Только безграничную усталость от изнурительных конфликтов и требований. Мне хотелось вздохнуть свободно.

Хотя не было сказано ни одного прямого слова о разрыве, возвращаясь домой, глядя в закат, я знал — все кончено.

До этого момента я не испытывал сожаления. Разрыв казался мне чем-то самоочевидным, мы испили чашу до дна, и последний разговор, где каждый старался ужалить другого побольнее, был прекрасным завершением нашей эпопеи.

На следующий день Дарья позвонила.

— Ты, наверно, хочешь знать, что произошло?

— Если ты считаешь это нужным. — Мой голос подчеркнуто холоден и дистантен, как будто подразумевая слова, которые телемиту запрещено говорить женщине в любом случае — «отлипни, наконец».

— Я решила сепарироваться. Я решила прекратить наши эротические отношения. Я больше не могу воспринимать тебя как мужчину.

— И никакие аргументы не могут тебя разубедить в обратном, не так ли? — Возникает желание удержать, несмотря на внутреннее согласие на разрыв.

— Никакие.

Даже в этот момент я был странно спокоен. Как будто уже знал все, что будет сказано, как будто на уровне безмолвного разговора внутри мы уже все сказали друг другу. Не хочется быть в унижительной роли «просто приятеля», поэтому с моей стороны следует немедленный бан в телефоне и социальных сетях.

Что я чувствовал? Очень странную смесь эмоций. В основном — удовлетворение. Последние наши взаимодействия сопровождались таким эмоционально изматывающим марафоном, что разрыв воспринимался как освобождение. «Мне дали вольную грамоту, слава богам».

Одновременно с этим мне было очень жаль. Жаль, потому что только с Дарьей я мог выйти на *те* уровни бытия. Только Дарья могла провести меня в Черную воду, заставить вспомнить прошлую жизнь, показать древних богов, посмотреть на меня с той стороны, с какой ни я, ни кто-либо из моих близких даже представить не мог. Теряя ее, я терял важнейший ключ своей индивидуации, обреченный на плавание на средних глубинах.

Наверно, это и называется в психологии «амбивалентные чувства» — облегчение сопровождалось сожалением, а сожаление облегчением. Взаимоисключающие эмоции — словно в моем сознании звучало: «Слава богам, как жаль, черт возьми!»

Но самое удивительное открытие первой недели: несмотря на разрыв, у меня сохранялась связь с ее богами. Более того, это может показаться полным абсурдом, но эта связь стала не хуже, а лучше. Аксиомы магии, известные мне, говорили, что, потеряв эротическую связь с Дарьей, я гарантированно терял врата к древним богам.

Но древние боги явно не разделяли моей логики.

В первый раз я услышал Черное Солнце, когда на какой-то миг на поверхность поднялся Рамси.

— Я отомщу! Вот возьму и отдам ее картины...

На этой мысли перед моими глазами вспыхивает ослепительно-черное сияние, и спокойный голос говорит: «Ты этого не сделаешь».

Это не Азазель. Это не Люцифер. Это не кто-то из телемитского потока. Я уже знал Черное Солнце. Кылчин. Древний.

Слова не звучали как угроза, мол, только попробуй. Слова даже не звучали как приказ. Я бы и так этого не сделал — слишком велика любовь Азазеля к настоящему искусству. Что бы я ни думал о Дарье, она была и остается гением.

Это сияние было просто присутствием. Но этого простого присутствия оказалось достаточно, чтобы мой бедный Рамси сполз под несуществующую кровать и рассыпался, как ночной призрак под лучами солнца.

— Вы?! Но я думал, что вы можете быть только через ее лоно.

— Как видишь, ты ошибался.

Никаких ритуалов, никаких практик, ни капли 2,22. Только ослепительное присутствие Черного Солнца. Почти как тогда, полгода назад, в ритуале Черного Солнца. Абсолютное спокойствие абсолютного знания. «Зачем вообще он проявился, он же знает, что я бы этого и так не сделал», — подумал я.

— Да просто так. Зачем думать то, что ты и так не сделаешь? Суетные мысли. Недостойно Ставки Азазеля, не находишь? Если ты ее ненавидишь — только скажи. Мы можем забрать ее *туда*.

Мне показалось, что мир сошел с ума. Ее боги спрашивают у меня, не хотел бы я, чтобы она умерла! И спрашивают таким спокойным голосом, как будто это такой будничным вопрос. Если Азазель может играть, смеяться, провоцировать, если Люцифер либо наполняет светом, либо отдает инструкции, — здесь вообще не было ничего кроме запредельного спокойствия.

Черное Солнце.

— Нет.

— Это хорошо. Считай это проверкой. Или испытанием. Ты пойми, мы по другим правилам существуем, чем вы. Скажи ты «да», мы бы могли выполнить твоё желание, нам не сложно. Но в этом случае от тебя отказались бы очень многие. Не только мы. Думаешь, Азазель потерпел бы такую неблагодарность? Впрочем, — на какой-то миг мне показалась улыбка вечности за этими словами, — мы уже и так прекрасно знали, как ты ответишь, важно было, чтобы ты это ответил себе.

— Но почему вы со мной? Это же разрыв, это же конец, вы можете быть только через ее лоно, как вы вообще говорите со мной?

— Глупый вопрос. И глупые представления. Это не мы ее, а она наша. Странно, что ты этого до сих пор не понял, а вроде ставка.

Следующий день — один из важнейших телефонных разговоров с Мастером. Кажется, с того ритуала я реально научился слышать. И пока я говорил с Черным Солнцем, Мастер говорила с Люцифером.

— А знаешь, что на самом деле произошло? Мне только на днях Он объяснил, Светоносный. Она сделала ошибку. Гораздо большую, чем ты, — и чем ты можешь представить. Помнишь ночь, когда впервые пришел Азазель? Тогда она призывала в тебя Андрея. К сожалению, она неосознанно продолжала делать это. Проекция. Она кидала в пространство запрос. Запрос о невозможном. Неправильный, искаженный, на самую

каплю неточный запрос, с которым ничего нельзя сделать. Если бы ты был слабей, у нее бы это получилось. Ты стал бы им. Не буквально, конечно. Такое в жизни происходит сплошь и рядом. Проекция формирует другого, сильнейший поглощает, слабейший принимает форму. А тут — такой уровень. В таких случаях часть души ушедшего не может пойти на новый круг. Тех, кто не установил связь с источником (не оказался ставкой), легко превратить в другого при таком уровне силы. Когда этот запрос идет из самой сути. Самое страшное — это то, что происходит с самим умершим. Его суть раскалывается. Так что тебе повезло, что Азазель с тобой с самого начала.

В этот момент я почувствовал будто вспышку света. Все обрело какую-то невероятную ясность и кристальность. Я вспомнил свою паранойю в одном из недавних полетов, когда без какой-либо видимой причины нечто во мне поверило, что Дарья — ведьма, целенаправленно делающая меня своим фамильяром, чтобы душа ее возлюбленного могла проявляться. Большой бред трудно представить, но сейчас я слышал этот кажущийся бред от той, кто знает.

В то же мгновение другие события на удивление легко легли в единую систему.

Магда. Геката. Пес по кличке Цербер Часто повторяющиеся упреки Магды: «Ты становишься другим человеком, тебя как будто подменяют» и «Я присягала не тем богам и не тому тебе». Выпущенный ею Цербер, который, бегая по крови Дарьи, съел ее «священного оленя», в то время как Магда «ритуально» поела оленину, присланную ей родственниками. Анимус Дарьи, слившийся с частью души Андрея. На уровне архетипа, на уровне Мифа — Цербер есть страж царства мертвых, активизирующийся, когда граница нарушается. И Геката говорит только одно слово — «взять».

Не раз она упоминала, что я превращаюсь в кого-то другого. Только слова Мастера расставили все по местам. Только теперь я почувствовал, что вправе поставить точку и разрозненные странные фантазии вдруг образовали единый узор на гобелене судьбы. Оставалось только восклицать — вот это игра, вот это плетение!

Глава 21. Иштар Райзинг

*Какой меня видишь,
Такой к тебе выйду,
Погибельной страстью,
Любовью и жизнью...*

*Сделай выбор, маг,
Только руку протяни.
Сделай первый шаг,
Покрывало подними.
Хелависа и Тол Мириам.
Изида под покрывалом*

Шла третья неделя после разрыва.

Писалась книга. Если до этого мне казалось, что все произошедшее за эти два года окончательно погребено в водах Леты, тут я быстро убедился, что все оказалось в точности наоборот. Я вспоминал все.

Древние боги (прежде всего — Черное Солнце), к моему удивлению, не исчезали из моего пространства. «Это не мы ее, а она наша». Ответ вспоминался сразу, стоило усомниться в том, что происходило в воображении.

А потом я получил сигнал. Хороший такой, прямой, однозначный знак из глубин, точно в воздухе появилась рука, сжалась в кулак, ударила по роже со всего размаха и исчезла в небытии.

В моей жизни есть одна женщина. Утонченная, яркая леди, предпочитающая говорить в очень высоких тонах. Чистый огонь, страсть и обладание уникальной способностью проводить самых разных богов. Из тысяч подписчиков она входит в десятку тех немногих, кого я читаю от корки до корки. Ибо, черт возьми, умеет она ярко писать.

Последнее время она пересекалась с одним знаковым для меня человеком. Мой близнец под шелухой. Брат-близнец не по крови и не по Ордену, и даже не по кровному ритуалу. Все гораздо сложнее и тоньше. Мы как будто порождены единой силой. Мы любим одних философов, психологов, писателей, используем похожие метафоры и разделяем схожие идеалы. Близнец несколько старше меня, но под шелухой это не имеет значения. Годы у меня возникало странное ощущение, как будто боги выбирают между нами, на плечи кого из нас будет возложен последний фарр. Странная фантазия. Но почему-то мы пересекаемся с одними и теми же женщинами. Он пытался ухаживать за Иштар. И он ухаживал или даже имел роман с леди Ви. И похоже, их связь закончилась провалом, потому что она, не называя имен, пишет в своем аккаунте сообщение:

«Он пытался убедить меня выйти за него замуж. А когда я отказалась, он забанил меня везде. И получил проклятие Иштар».

Конечно, леди Ви любит громкие слова. Но, о боги, мой близнец под шелухой, тот самый, что выковал Черное зеркало, мой зеркальный двойник сейчас и здесь проходит ровно тот же сценарий, что и я. Мы оба забанили бывшую подругу. Мы оба ведем себя как идиоты. Да, есть отличия — я не предлагал Дарье брак. Я считал, что брак уже свершился, что, наверно, даже хуже. Как и «реаниматор» — как она назвала моего близнеца, — после разрыва я не выдержал и вместо спокойной дружбы забанил ушедшую женщину. Если бы это был кто-то другой — это можно было игнорировать. Но, черт подери, мой близнец!

Вот здесь я реально забеспокоился. Черное Солнце, казалось, вообще не волновали мои взаимодействия с Дарьей. Забанил, не забанил. Со стороны вечности это вообще не имело значения.

Но предупреждение Иштар — это не менее серьезно. И если Иштар правда в гневе — это будет дорого стоить. Мой близнец не прошел именно ее посвящение, и именно этот крах стал причиной, что пока выбирают таки меня.

Быть ставкой божества — это значит быть очень внимательным ко всему, что происходит вокруг. Это значит, что центром должна стать не Персона, не Эго, не некие внешние идеалы. Нет — центром должно стать Сакральное. А значит, нужно быть предельно внимательным ко всему, что происходит вокруг.

Мир говорит с тобой устами близких и дальних. Глупец толкует знаки к своей выгоде. Ставка — как они есть. И отрицать, что моя ситуация была похожа на ситуацию того, кого моя приятельница назвала «реаниматором», — было бессмысленно. А проклятие Иштар, которое «реаниматор» схлопотал только за пару неудачных действий, — это серьезно.

Иштар! Иштар!! Иштар!!! Моя любимая Леди Иштар, истинная ставка высочайшей богини, которая все эти годы творит меня королем. Надо срочно встретиться. И там, под шелухой, обсудить ситуацию подробно.

Ставка всегда проводит только волю своего божества. Это и определяет ставку как ставку. И видят боги, именно у нее, у Ставки Иштар, весь последний год я учился, что значит быть ставкой, что значит уйти от субъективности и рассматривать свою жизнь как тотальную манифестацию Иного. Воистину, для Ставки Иштар нет ничего выше ее связи с Истоком.

Разные ставки реализуют свою природу по-разному. Я видел немало людей, которых можно назвать ставками. Кто-то даже не осознает в полной мере своей «ставочности», но осуществляет волю своего бога всем своим естеством. Кто-то, как тот

витязь на распутье, постоянно путает, где он, а где божество, от которого «я» — лишь «лучик от солнца».

Я должен был встретиться с ней. Я должен был поговорить.

И наш разговор я начал с жалоб на Дарью:

— Я расстался с Дарьей. Теперь навсегда.

Что она скажет? «Проклятие Иштар, проклятие Иштар», — бессильно билось в моей голове.

— Это очень плохо. Ты же понимаешь, что это ослабит всех нас, ослабит «Касталию», ослабит наш круг, Орден Азазеля (так, полушутя-полувсерьез, называла Иштар круг моих женщин). Дарья — центр и зерно, жемчужина. И мне особенно обидно, что это ослабит языческую линию.

— В конце концов, не я ее бросил.

— Знаешь, мне не нравится, что ты вот так легко выбрасываешь людей. Была и нету. Это неправильно. Ты только не обижайся, просто я так чувствую.

Хех, мне ли обижаться. Это было то, что я ожидал услышать. Тем более было очевидно: как человек она еще предельно смягчала послание. Но за ней — Иштар. И я мог представить, что могла бы сказать мне Иштар, не будь этого посреднического смягчения. Но, черт возьми, неужели я должен принять позор, оказаться во френдзоне с бывшей любовницей, которая была далеко не «проходным элементом»? Риторический и нелепый вопрос. Ответ был мне очевиден: если богам угодно — должен. Потому что иначе — «реаниматор» и проклятие Иштар. Главный вопрос — у кого фарт.

Как всегда, мы упали в океан наслаждений, а через некоторое время Иштар сказала:

— Я хотела бы увидеть картины Дарьи. Я чувствую родство с ней, и мне жаль, что мы никогда не познакомимся. Можно ли хотя бы увидеть картины?

Удивительно, но всего два дня назад я сфотографировал картины, чтобы послать совсем другому человеку. Картины были со мной. И мне было страшно соприкоснуться с ними снова. Не в яви, а здесь, на глубине 2,22.

Но Иштар желала их увидеть. А стать «реаниматором» — это последнее, чего я хотел.

Мы стали смотреть эти пять картин, которые в разные периоды подарила мне Дарья. И с каждым взглядом я находил в них детали, игру цвета и света, которые не мог видеть в обычном режиме. Картины возвращались ко мне на каком-то ином уровне. Я вдруг увидел, что ее картины можно смотреть и во плоти, и на фотографиях, где подсветка дает им другое цветовое решение, открывая дополнительную грань. Это осознание стало настолько явственным, что мне захотелось даже написать Дарье о своем открытии. Но это было бы слишком.

— А ты знаешь, что значит Акташ? Белый камень. Это как в русских заговорах. «Камень бел-горюч Алатырь». В заговоре сначала мир расширяется до предела, маг идет лесом, полем, морем, небом, а потом мир сжимается — море сжимается до острова Буяна, остров Буян до камня Алатырь. И придя к камню, маг может просить о чем угодно, как бы возвращаясь к истоку творения и творя реальность заново.

А что если мне сейчас вернуться к истоку творения? А что если из этой точки рядом с Иштар я попрошу о восстановлении связи? Чтобы все было как раньше? В эту же секунду я вспомнил, как было раньше, я вспомнил весь коридор зеркал, проекции, иллюзии, скандалы, слияние в сиамских близнецов, порой не дающее полноценно дышать. И в первый раз я действительно отпустил ее, перестав удерживать. Пусть будет как угодно. Пусть будет так, как угодно богам, но как раньше — я не хочу.

На следующее утро первое, что я сделал — это удалил ее номер телефона из черного списка.

А вечером того же дня Дарья позвонила.

— Привет. Не забыл про меня? Хотела обозначиться, что не замышляю ничего плохого.

Поразительно! Из разговора я узнал, что она позвонила мне *в первый* раз за три недели. Если бы она позвонила на день раньше — она бы нарвалась на блок и, естественно, больше не стала бы перезванивать. Но нужны были именно двадцать одна ночь и двадцать один день. Ни днем больше, ни днем меньше.

Мы говорили час.

Во время разговора я вспомнил слова Мастера.

Имею ли я право сказать? По моей этике, можно говорить о чем угодно, кроме умерших. А здесь и подавно. Это бы звучало как страшное обвинение. Эти слова будут ударом, который она просто не выдержит. Она опять рассыплется на части. О мертвых говорить нельзя вообще. Эта аксиома как будто вошла в меня с раннего детства.

И одновременно — Черное Солнце опять стало близко-близко. Он даже не говорил. Он просто давал понять своим присутствием: «Будешь врать и недоговаривать — будет как раньше». Я чувствовал, что не имею права не сказать, даже если это убьет ее.

— Ты знаешь, я должен сказать кое-что очень страшное. Только сразу ответь — ты готова? Это не я придумал, не я увидел, это Марти, а Мартиэль, в отличие от меня, никогда не ошибается. Ты готова, ты точно готова?

— Говори, конечно, достал уже.

— Ты, сама не зная того, переносила, вешала на меня Андрея, — выпалил я одним залпом.

Я ожидал любой реакции, крика, ненависти, брошенной трубки, только не того, что услышал. Я услышал почти смех:

— Дурачок, ты что, думал меня удивить? По-твоему, эти три недели я прохлаждалась? И ничего не делала? Да я разбиралась с собой на таких уровнях! И знаю я, о чем ты говоришь. И ведь это даже не все, есть кое-что даже еще хуже...

Что хуже, я так и не понял. Но то, что Дарья начала критично оценивать свои процессы, что она не рассматривает себя как совершенство, не способное ошибаться (а разве она когда-то считала себя таковой — или это была еще одна проекция коридора зеркал?), что она *уже* знает, — это было настоящее потрясение.

Закрылась глава. Нет, закрылась целая история. Мы помирились, позднее даже вернувшись к эротическому взаимодействию. Но с этого момента все было другим. И именно сейчас мы были готовы к осуществлению последнего договора. Договора рода.

Глава 22. Врата смерти, врата жизни

Приближался Йом Киппур. А значит, прошел год с того момента, когда я, сам того не зная, принес свою первую кровавую жертву, надеясь вернуть Черное зеркало. Праздник Азазеля. Время кровавых жертвоприношений. Год длинной в жизнь. Год, когда происходили чудеса и каждую неделю открывались новые горизонты. Год, когда время сжалось под давлением Черного Солнца. Год, когда пришел Азазель. И Азазель хотел праздника в этот день. Азазель хотел полноценных жертв, которые усиливают, а не ослабляют, как это было в древней Иудее. Азазель хотел пантеона, где каждое божество может быть почтено жертвой.

Ритуала должно было быть два: в Москве и в Санкт-Петербурге. По моему первому сценарию, я собирался принести жертву Кылчину. Я наконец хотел почтить богов Дарьи по всем правилам и законам, а она хотела принести жертву Азазелю. Первый сценарий не прошел, поскольку Кылчина принято почитать в Самайн, и два жертвоприношения мы решили разделить на два отдельных праздника.

Потому, проведя ритуал в Москве, я должен был незамедлительно отправиться в Санкт-Петербург, чтобы «уместиться» в символическом поле — так чтобы основное время Йом Киппура оказалось точно между ритуалами. В Москве во главе с Магдой мы подготовили Макрокосмический ритуал. Ритуал, который должен был повлиять на

коллективное бессознательное. Поэтому на ритуал помимо нас с Еленой были приглашены те немногие, кто действительно был ставками своих богов.

С другой стороны, наш ритуал с Дарьей был ее глубоко личным ритуалом, в котором она подтверждала свой выбор — выбор Азазеля своим богом. Наш с ней обмен жертвами означал ее принятие логоса, оси, цивилизации, которую для нее символизировал Азазель, а для меня — принятие природы, леса и сокровенных хтонических глубин, той вечности, что не подвержена изменению, которые и символизировал Кылчин.

В Москве впервые появился внутренний круг — круг ставок, круг мастеров. Жаль только Чинни покинула меня и наш круг, внезапно начавшаяся большая игра оказалась для нее слишком невыносимой. Поэтому восточные боги остались без своей жертвы.

Геката и Иштар. Две истинные ставки впервые приносили жертву своим Патронам: кролик и утка. Леди великолепно орудуют ножами и топорами. Двое мужчин, которые за время нашего клуба зарекомендовали себя как сильные маги и визионеры, не раз видевшие вещие сны, должны были провести через себя другие силы потока Азазеля.

Было решено принести четыре жертвы. Было решено отказаться от любых структур, планов, церемоний и дать потоку делать и говорить то, что должно быть сделано и сказано.

Азазелю — козла.

Нахеме, его предвечной супруге — козу.

Гекате — кролика.

Иштар — утку.

Костер. Ночь. Хлесткий дождик.

Мы впервые — внутренний круг. Мы впервые предстаем друг другу — как есть. И я начинаю.

Я прошу Азазеля говорить моими устами. И он приходит. И, как говорили все участники таинства, они видели вокруг меня интенсивное свечение.

— Я тот, кто я есть. Я — жрец Азазеля! Я — строитель мостов и Города! Провозглашаю: жертва Азазелю! Не с перебитыми ногами, не отправленная в пустыню, чтобы мучительной смертью ослабить Азазеля, заключив его дух в себя. Наоборот — впервые ты, Азазель, прославляешься как Господь Господ! И заклятие идет во славу и силу твою, и кровь проливается в небо твое! И жертва сия да разрушит все заслоны между землей и небом! И вся мерзость, что стоит между разумом и бесконечностью, да сгорит в очищающем огне!

Несколькими ударами козел лишается жизни. Тело козла отправляется в пламя всесожжения, дым жертвы восходит к Азазелю.

— Нахема! Возлюбленная, Госпожа темной страсти, Госпожа наслаждения, что веками было пренебрегаемо и подавляемо! Приди в мир! Сокруши грязь пуританства, освободи волны страсти! Пусть низвергнутся твои враги! Пусть всякая страсть будет благословлена! Мерзость пуританства, грязь подавления должны быть смыты. А твои враги — мертвы. Пусть в мир ворвется твоя революция, пусть те, кто презирают секс, будут гнить жалкими рабами! Смерть пуританам власть блуднице!!!!

Я захожусь в нечеловеческом экстазе. Два удара топора и жертвенная коза отдает свою жизнь Нахеме. Пламя принимает тело, из которого ушла жизнь.

— Предвечные Богини! Геката! Иштар! Ваши служительницы здесь. Вы всегда были со мной. Вы всегда хранили Град Азазеля. Госпожа, хранительница городов, ты всегда хранила Город, госпожа путей, ты всегда давала нужные ключи. Ныне — да будут принесены вам жертвы!

Служительницы умерщвляют свои заранее заготовленные жертвы. До ритуала я боялся, что женщина не сможет выдержать умерщвление животного. Но это не просто женщины. Это ставки. Жертвы приносятся с воистину царственным спокойствием.

Все участники ритуала видят: как будто столп нетварного света восходит от костра всесожжения в небо. Этот свет видится в точке сожжения, но этот свет пронизывает нас насквозь. Мы не говорим ничего, но каждый из нас видит одно и то же.

И я — не совсем Азазель, но уже не только «маленький я». Азазель преобразовывает меня, идиот исчезает навсегда.

Путь домой. На заднем сиденье — я между двух Богинь, и наш танец — ласки и поцелуи. Воистину совершенные мгновения. Воистину, открытие потока в правильное время.

Йом Киппур. Время Азазеля, Гекаты и Иштар. Время, когда открылись врата.

И почти сразу я даже не еду — лечу в Санкт-Петербург.

Совсем другой ритуал.

Спокойное. Тайное. Нет ни знаков, ни сияния, ни взрыва. Одно-единственное жертвоприношение — черный козел, которого несколькими ударами умерщвляет Дарья. Никто не штурмует небеса. Просто Дарья произносит свои слова, что с этого момента она выбирает Азазеля как одного из своих богов. Как того, кто представляет ясность сознания. Как строителя Золотого Города. А потом полчаса мы говорим с костром, и движения костра отвечают на наши запросы. Правда, козел умерщвляется слишком долго. Тупой нож. Жутковатый крик козла разрывает ночную тишину, так что мороз бежит по коже. Очень дурной знак. Жертвенные животные должны умирать быстро но здесь все было против нас. Как будто нечто в самой Дарье противилось ее же решению.

Через три недели я снова в Санкт-Петербурге. На этот раз работаем втроем — Мартиэль, я и Акташ. Беседуем о главах написанной мной книги воспоминаний. А потом приходит Азазель. И братья наконец-то беседуют по душам. По ходу разговора я рассказываю один забавный сетевой конфликт с неким горе-почитателем Одина и иронично вставляю комментарий: «Вероятно, этот бедолага перепутал пантеоны. Ганимедов в северном пантеоне как-то не предусмотрено».

Пошутил и пошутил. Еду домой в ночи. Среди ночи — неожиданный звонок Иштар. В эту ночь она выполняла тот же самый магический ритуал со своим мужчиной. Он — Ставка Велеса. И в их мистерии впервые Велес был проявлен. Он был им, как я был Азазелем, ровно в то же самое время! Как вообще это возможно? Но если бы только это.

Они обсуждают тот же самый сетевой конфликт. И в несколько более жестких выражениях он говорит то же самое: «Хуем ему Один водит по губам, этому пидорасу. А он думает, что пьет мед поэзии». Более того — в этом же полете он говорит обо мне. «А ты знаешь, — говорит он ей, — что за Олегом тоже бог? И у него свои игры. Опасные. Впрочем, знаешь, мы его поддержим. Игра началась». Мог ли я знать, как далеко пойдет наша игра?

Я слышу все это и понимаю — вот оно! Чудо. С ее супругом мы знакомы очень шапочно, и то, что он стал говорить обо мне в глубоком 2,22, — это прямое доказательство, что это действительно был Велес. И Велес, бог этой земли, согласился дать мне поддержку. Невероятно!

До этого момента я был скептичен к славянскому язычеству. Моей глубокой ошибкой было судить о славянских богах по среднему язычнику. Любой, кто знаком с языческими группами, поймет мой скепсис: если в средневековье было «поскобли христианина — найдешь язычника», сейчас, к сожалению, чаще всего все наоборот. Но на этот раз я впервые имел дело с настоящим язычником и настоящим языческим богом этой земли.

Понимание пришло мгновенно. Как вспышка, как катарсис, как озарение. Я должен выразить благодарность за поддержку. Я должен принести жертву Велесу? Но ведь я уже обещал жертву Кылчину. Вилка. Магическая вилка, в которой нельзя сделать одну жертву меньше — оскорбив могущественного бога, оказавшего поддержку. Но одновременно нельзя сделать жертву полностью тождественной. Потому что два ритуала

с одной формой ослабляют поток. Нужно каким-то образом четко символически разделить этих двух богов. Нужна равноценная, но не одинаковая жертва! Нужно символическое разведение.

Включается Азазель. Черный и белый. Кылчину как богу царства мертвых приносится черный баран? Значит, Велесу должен быть принесен белый. Мелкая уловка? Нужен не только разный цвет, но разный запрос.

Я прошу у Велеса твердой земли под ногами. Материальной основы. Не то чтобы это была прямая корысть — мол, хочу больше денег на нужды оккультного ренессанса. Но... Хочу, чтобы сама моя энергетика не рассеивала излишек, чтобы мой расход соответствовал моему доходу, чтобы сама земля была тверда под моими ногами. И — белого барана в жертву.

Кылчин. Тут совсем другой разговор. Почему я выбрал Кылчина? Как я его выбрал? Прежде всего — как символ бессмертия. Разве не чудо, что бог, поклонение которому давно прекратилось, все так же жив в душах тех немногих, кто связан с ним кровью предков? Разве не чудо, что я — никак этой линией крови не связанный с ним — в видениях без дополнительных средств мог воспринимать его ослепительно-черное сияние? Разве не чудо, что этот бог пережил безумные времена, оставшись таким, каким был?

Я выбираю его как того, кто дает поэтическое вдохновение. Мое вдохновение идет от Азазеля, но свет Черного Солнца, мост между Азазелем и Им помог мне найти какую-то новую грань вдохновения и новые формы. Впоследствии, придя на земли Кылчина, я нашел самое точное определение, во имя чего я поклоняюсь ему в своем Пантеоне. Я прошу его о достоинстве перед лицом времени и вечности. Земля и небо. Это и то.

Я перезвонил Дарье. Я увидел недостающую деталь в нашем ритуальном проекте. Обретя свою землю под ногами, я понял, что ритуал Кылчину должен пройти на его земле. Нам необходимо совершить паломничество на землю ее родины.

Жертвоприношение Велесу было совершено через три дня после того вечернего разговора. Я не терплю проволочек, если дело касается богов. Иштар пришла в восторг от этой идеи и предложила открыть двери одного из самых сокровенных капищ. И в полночный час недалеко от главного капища Господина лесов русских обоюдоострым ножом я лишил жизни белого барана. Первоначально я думал, что, остановив машину близ въезда в лес, я смогу привести барана на поводке. Наивный. Я не знал, до какой степени буквально баранье упрямство. Барашек, который не хочет идти, — даст себя удушить, но не сдвинется с места.

Кое-как пинками мы загнали его в лес на несколько метров, где развели костер и торжественно принесли жертву. Обезглавив барана, я сжег его тушу на костре, и его голова была принесена к подножью главной святыни Бога этой земли.

А через три недели мы с Акташ поехали в Удмуртию, в ту самую деревню, о которой она рассказывала мне много месяцев назад и встречала только циничного скептика. За этот год скептик был окончательно убит, расчленен и закопан. Я рвался на Святую землю, сохранившую свою душу и свою веру от угнетения христианством. Я хотел почувствовать эту землю.

Ночная дорога, прекрасная леди рядом, в багажнике протяжно мекает баран, марш-бросок из Петербурга в Ижевск и обратно, мотель «У медведя» — что может быть более романтическим и красивым! Я полюбил ее богов. Потому что они по-настоящему прекрасны. Но как описать вкус столетнего языческого вина тем, кто привык только к христианской сивухе?

Сперва мы решаем, что достаточно будет добраться до земель Удмуртии и в первом же удобном месте в лесу совершить таинство. Но дорога ведет нас сама, и как будто случайно мы оказываемся близ той самой деревни. Сними обувь, ступая на святую землю, все боги смотрят на тебя здесь.

Баран не мучился, нож был хорошо заточен. Часть была отдана огню, часть ветру, часть земле и часть воздуху. Выполнив ритуал, я случайно опускаю руку в карман куртки и нащупываю там рог от предыдущей жертвы Велесу.

— А это твоя земля привет передает, — говорит Акташ. — Кидай его в огонь.

Договор рода, договор крови, договор смерти, договор жизни. Мне просто хотелось поблагодарить ее богов за год обучения. О сути договора я даже не догадывался.

А через неделю Акташ мне позвонила:

— Ты знаешь, тут много интересного произошло. Мне папа звонил. Он говорил, что снимал документальные съемки в какой-то глуши про жертвоприношение барана сохранившимися язычниками. А еще он попросил у меня детей. Сказал, что хотел бы увидеть внуков и помочь чем может, пока в силе. Уточнил, что замуж выходить обязательно. Ну ты понимаешь, надеюсь.

Наверное, для выразительности здесь надо было бы сказать, что я выронил трубку из рук. Хотя рука таки крепко держала телефон, видимо, это было по какой-то мускульной инерции. Замуж выходить не обязательно! Она предлагает мне договор на рождение детей без обязанности брака. Отец попросил. Отец как хранитель рода, как тот, в крови кого живет Кылчин, увидел наше жертвоприношение и дал знать. Конечно, я прекрасно понимал, что сам-то отец как человек ни о чем не догадывался. Просто у верных боги живут в крови.

— Так ты согласен на договор по ребенку?

Согласен ли я на договор по ребенку?! Представительница древнего рода, гениальная художница и один из сильнейших визионеров предлагает мне стать отцом ее детей и еще спрашивает, согласен ли я?! При том, что «жениться не нужно». Азазель всемогущий, да я самый большой счастливчик на этой земле! Я породнился с одним из древних родов, за год был прокачан так, как до этого не прокачивался за пять, и теперь мне еще предлагают договор на ребенка без особых обязательств. Согласен, согласен и трижды согласен, как в таких случаях принято в Ойкумене!!!

Я хотел бы закончить эту главу небольшим размышлением о природе язычества.

Многие годы я избегал слова «язычество», противопоставляя «город» и «деревню», «элиту» и «народ». Телема казалась мне чем-то радикально новым, чуждым язычеству и христианству.

Но язычество равно политеизм. А факты — штука упрямая: в Телеме множество богов. Поэтому, понимаю я это или нет, я был и остаюсь прежде всего язычником.

Много лет назад мне выпало путешествовать по городам Италии. Это путешествие оставило множество впечатлений, начиная от выкопанной археологами древней римской виллы и заканчивая каналами Венеции и домами, как будто уходящими своим основанием в воду.

Но все же самым сильным впечатлением был Пантеон, Храм Всех Богов, некогда построенный императором Адрианом. Забавно, что, если спросить имя какого-нибудь римского императора, девяносто процентов вспомнят Калигулу или Нерона. Подлинно великих императоров, императоров-строителей, как правило, не помнят.

Пантеон по праву следовало бы назвать восьмым чудом света. Посвященный не какому-то одному богу, но именно *всем* богам, Пантеон (что, в общем, и значит — «все боги») в позднюю эпоху стал своего рода эталонным образцом храма, по модели которого строились первые христианские соборы.

Вот только одно но, определяющее принципиальную разницу между Пантеоном и христианским собором. У Пантеона есть одна исключительная особенность. Мелочь. Но мелочь, которая не была повторена ни в одной христианской церкви. На вершине Пантеона, в самой высокой точке храма в крыше оставлено прямоугольное пустое место.

Пустота. Оставляющая пространство открытым. Через эту пустоту светит Солнце — главный бог любого подлинного язычника, каким бы именем его не называли. В зените солнце освещает центр храма.

А через эту пустоту могла влететь птица, и наверняка неожиданное появление птицы было бы истолковано как знамение. Освещаемый естественным светом сектор скользил в течение дня по стенам и полу храма, и считалось хорошо постоять в этой точке в лучах солнца.

Через эту пустоту мог проникать Вольный Дух. Эта пустота наверху как будто оставляла храм не закрытым, а тем самым — связанным со всем мирозданием. И размышляя над пустым отверстием Пантеона, я думаю, что оно в высшей степени может быть важнейшим символом языческой онтологии.

Речь идет не о каком-то отдельном, «локальном» язычестве, но язычестве как принципе бытия, язычестве, одновременно стремящемся прославить своих богов и готовым принять богов иных. Хоть в виде нового алтаря для богов присоединенной страны. Хоть в качестве птицы — вестником спустившейся в нужный момент, чтобы быть интерпретированной жрецами.

Именно это открытое пространство исключает любое догматическое решение. Боги рождаются, живут, стареют, перерождаются, меняют имена, сливаются, разделяются, рожают новых богов. Боги сообразуют живой континуум целого, постоянно переплетающийся и расплетающийся. И храм всех богов не может быть заперт: как черепная коробка, он должен быть открыт этому движению жизни, движению бытия, в котором стремление восславить своих богов для Адриана было единым со стремлением восславить себя.

Патриархальные религии, будь то христианство, иудаизм или ислам, напротив, представляют собой «запечатанные сосуды». Подобная «дыра в потолке» немыслима как архитектурный замысел (странно, что с ней «смирялись» на протяжении всей истории использования Пантеона в качестве христианской церкви) именно потому, что догма, канон, святое писание — это всегда «закрытое», «консервирующее», противостоящее любым изменениям как угрозе мировоззрению.

Конечно, порой закрытие тоже необходимо, и как в коллективном, так и в личном процессе бывают периоды «неустойчивой идентичности», когда временное «запечатывание» необходимо для сохранения и формирования новой идентичности — сродни тому, как гусеница оплетает себя куколкой, чтобы впоследствии полететь. Но и для природы, и для души режим «сокрытия» — это именно временный и, что важно, как раз переходный режим, в то время как «открытый» режим — это естественное онтологическое состояние бытия. Потому что любая закрытая система как принцип, любая система, претендующая на знание ответов на все вопросы, обречена на то, чтобы быть пищей для энтропии.

Думаете, я имею в виду только догматизм христианства? Как бы не так! Недавно мне довелось спорить с одним атеистом-материалистом. Его риторика изрядно меня позабавила. Даже не смыслом его аргументов. В конечном счете, каков мир «на самом деле», точно не знает никто, и претензия на окончательное знание — это выход за границы «познающего разума». Слова «Я точно знаю, что наука дает все ответы, а никакой мистики не существует» звучали в той же вибрации, с той же отчаянной убежденностью, с какой иной фанатик заявляет: «Я точно знаю, что Иисус умер за наши грехи и что моя церковь — единственная, которая спасется». Суть, принцип и того, и другого — закрытая система, исконно производная от «окончательного знания» патриархального откровения ветхозаветного божества.

Открытая система не предполагает полного отсутствия границ, стен, даже того же потолка. Она предполагает, что в ней — в самой верхней точке — всегда остается место для потенциального проявления и изменения. Место, где бог или бытие — называйте, как удобнее, — проявит себя и скорректирует смыслы, имена, коды, планы. Неслучайно

в Римской империи данные, полученные путем гаруспиций, могли заставить отменить давно запланированное сражение. Какое безумие — скажет современный простак.

Когда я говорю о язычестве, я, конечно, не подразумеваю тех несчастных, кто пытается заменить одну догму другой и, отвергнув «закрытую» систему христианства, создает такую же «закрытую» систему — уродливого мутанта языческих образов и патриархальной морали. Долгое время я вообще избегал термина «язычество», потому что имел дело только с такими «закрытыми» субъектами.

Но мне выпала честь соприкоснуться с настоящими язычниками. Сначала — Дарья. Потом — один из лидеров нынешнего языческого движения, небольшая беседа с которым дала мне ответы на важные вопросы.

Я понимаю, что Телема в ее сути — хотя бы в множественности богов, которым может служить телемит, — будучи правильно (незакрыто) понятая, является именно одной из развитых форм современного язычества.

Джеймс Хиллман, юнгианский «еретик» и провокатор, фактически утверждает такой же принцип возвращения к язычеству на самом высшем уровне, который он называет «психологический политеизм».

Политеизм — это не просто множество объектов поклонения, хотя этимологически он значит именно это. В христианстве тоже множество квазибогов — святых, а та же Дева Мария по масштабу поклонения в иные века затмевала троицу. Политеизм — это принципиально «открытая» система, живая система, всегда готовая к обновлению.

И если мы выстраиваем себя как храм (прекрасная масонская метафора), то разумно, чтобы это был «храм всех богов», но не просто «всех», что значит «никого», — а чтобы он был открытой системой, готовой принять того бога, который окажется на пороге твоей двери и твоей души. Как писал Юнг над дверью своей башни: «Званный или незванный, Бог всегда будет здесь принят».

Мы можем звать, прилагать усилия, обращаться к конкретным силам, богам, архетипам. И это очень важно. В Пантеоне крепкие стены. Но не менее важно всегда держать открытое пространство, в которое незванный бог может прийти, приняв ту форму и то имя, которое он сам пожелает.

Глава 23. Люцифер в Турине

*Кружится сфера, лира поет.
Это святая премьера
Кольца туманные вьет.
Чистая вера в бездну плывет,
И звездный вальс Люцифера
В тайну вселенной зовет.*

Сергей Солёный. Вальс Люцифера

Итак, договор был заключен, в очередной раз расколов реальность на «до» и «после». Разумеется, Акташ окружила договор массой предварительных условий. Так зачатие должно было проводиться строго на Белтайн — праздник жизни, сопровождаться правильными жертвоприношениями, а полгода ожидания должны были подготовить меня в полной мере к тому, чтобы понять природу нашего договора и определиться, чего же я хочу на самом деле. Акташ надеялась, что за полгода я смогу понять и определиться.

В свою очередь, я получил какой-то совершенно безумный прилив самой крайней, самой невероятной и раздутой гордости, переходящей в гордыню. Акташ согласилась иметь детей. Акташ это предложила. Я, дитя без рода и племени (как жаль, что тогда я в полной мере не понимал значения ритуала между нами с Мартиэль), окажусь связан с

величайшим родом, родом древним и не оскверненным веками авраамических религий. Возможно, понимаю я до конца значение таинства, этого искажения, когда я чувствовал себя едва ли не крестьянским сыном, переспавшим с дочкой барона, просто не было бы. Но полная картина появляется гораздо позднее реальных событий. «Я дам тебе бессмертие», — не раз говорила Акташ, и я верил, что теперь я получаю бессмертие в его единственной возможной форме, не догадываясь, что главное бессмертие мне уже подарила учитель, мать и старшая сестра.

И конечно, договор и мои изменения стали разрушать наш мир с Магдой. Надо отдать ей должное: ее бесила не сама будущая беременность — в других случаях она принимала беременность женщин как естественное продолжение моего делания. «Ты мой бык-производитель», — не раз говорила Магда. Больше всего ее раздражало именно то умаление, в которое я без какого-либо давления Акташ поставил себя. «Если ты считаешь себя ничем по сравнению с древним родом, какого черта я делаю с полным ничто — у меня тоже есть свой род!» — «У тебя? — иронизировал я. — Ну ты сравнила! У тебя есть множество качеств, за которые я тебя люблю и ценю, но уж прости, род — это монополия Акташ. И меня взяли в Род, настоящий, изначальный род! Почему ты не радуешься за меня, я же теперь бессмертен, у меня теперь есть корни!» Только сейчас вижу я свою главную ошибку: корни были обретены гораздо раньше, и не будь этих корней, никакого мезальянса, благословленного богами, просто не могло бы быть. Я опять превращался в гиганта, притворяющегося карликом. И для Магды это было следующее крушение.

И совершенно неожиданно произошло то, чего я не ждал. Следующее посвящение ОТО. Шестая степень. Приглашение, на которое я уже и не надеялся — слишком много лет я прожил в привычном мире пятой степени под утренней звездой Венеры и мистерией пеликана.

И вот шестая степень. Если пятая степень — это точка, на которой останавливаются большинство мужчин и женщин, символизирующая завершение малого делания, строительства микрокосма, то шестая степень — это как бы та же самая первая степень, но реализуемая на уровне макрокосма. Ты снова самый младший, но теперь — младший среди мира тех магов, чьи мысли и устремления несут свой вклад в строительство мира. При том, что думать тогда я мог лишь о своем распятии между двух женщин, каждая из которых обладает силой Богини, это приглашение прозвучало для меня как неожиданный и незаслуженный подарок судьбы и спасительный трос, брошенный Орденом, от которого я все это время был так далеко.

Более того — посвящение должно было произойти в Турине! Если бы мастера специально выбирали для меня город инициации — все равно невозможно было бы придумать более точное и более значимое место во всей Европе, да что там — во всем мире. Турин. Город, где сошел с ума великий Ницше. Туринская площадь, распятая плоть на теле мироздания, гордый дух Люцифер, сходящий с ума от бессильного сострадания. И фонтан. Фонтан Ангела. Фонтан, который все называют фонтаном Люцифера. Фонтан, виденный мною в том единственном ключевом фильме, который некогда дала мне смотреть Марти! Как же все невероятно сходилось, какое же чудо, что я могу увидеть тот фонтан, поклониться ему!

Со мной ехал один из самых верных и самых старых братьев по Ордену. Добрый друг, который решил связать свою судьбу с ОТО, еще давно, впервые оказавшись на сайте моего Города. Наверное, его включение в ОТО — это один из самых важных спонтанных вкладов, ибо истинное богатство любого братства — это сильные, этически цельные и сосредоточенные люди. За эти годы Сергей стал фактически ключевой фигурой Ордена, как секретарь ведя работу по всем возможным направлениям. Я бы сказал, что именно он больше всех делал Орден живым все эти годы.

И конечно, я, беспомощный в иноязычном мире, уговорил его проводить меня к фонтану Люцифера. К осуществлению. Глядя на гордо возвышающегося Люцифера, я

абсолютно точно знал, что надо делать. Оглянувшись вокруг, дабы убедиться в отсутствии полисменов, я пошел в центр фонтана и торжественно в него окунулся, точно вэдвэшник в день ВДВ. Прохожие оглядывались на странного мужчину, зашедшего в фонтан в одежде и что-то истоиво бормочущего. К счастью, языка здесь не понимал никто.

Ну вот и пришло время. Владыка! Люцифер! ...! Тебе мои слова, тебе мои стремления. Ты, восставший против тирании мировой инерции, все эти годы поддерживал мое скромное восстание. Ты, кто есть Радуга Вечности, Северный Ветер, Серебряная Нить. Я вернулся. Я пришел к тебе, пришел с гордостью и смирением, пришел с любовью и борьбой, моей борьбой с инерцией мира, которую я веду каждый день и час. Слаб я, истощен я, запутался на путях моих. Потому прошу — как старшего просит младший — очисти меня водами твоими, исполни меня замыслом твоим, дай мне следовать твоей звезде. Разбуди меня, Отец Светозарный, открой мои глаза — глаза, которые я омываю в водах твоей крестильной купели.

Долго оставаться было нельзя, полицейский мог проходить мимо в любой момент. Я понял, что здесь, под жарким небом Италии (столь жарким, что одежда высохла в считанные минуты), мне было уготовано два посвящения. Одно — посвящение в Орден, что отмерило грани моего пути. И другое — мое личное, уникальное посвящение Ему.

На следующий день предстояла церемония инициации. Я вернулся в номер, ибо — да, это бывает даже с таким крайним экстравертом как я, — очень хотел побыть наедине со своими мыслями и чувствами. Не получилось. Позвонила Магда, окончательно разбитая, разъяренная, угрожающая немедленно уйти от меня и из проекта, недовольная всем, чем только можно быть недовольной. И оглядываясь назад, я понимаю — она имела на это право. Все что я мог — это мысленно выставлять впереди себя увиденное днем изваяние Светоносного и молить о том, чтобы на этот раз псы Гекаты миновали и меня, и Акташ. Впрочем, это уже было не про псов. Это было про рану. Рану, которая гноилась уже много месяцев, и сейчас нарыв, кажется, вскрывался. Уйдет? Осиротит меня, оставив без такого родного уюта и тепла? Осиротит «Касталию», главной хранительницей которой она стала за эти годы? Карточный домик: выдерни главную карту, и осыплется домик, осыплется Город, потеряет душу та империя смыслов, которую я собирал с таким тщанием все эти годы. А впрочем, если она действительно хочет — пусть уйдет. Ведь сейчас мое бессмертие, мои березки ставятся на кон. Мне дали шанс, которого не дали никому, поэтому, если такова цена, — пусть будет так.

Слепец! Как мог я не видеть самой простой и самой очевидной вещи — стоило бы мне вспомнить, кто я есть, связать принятие в семью Марти с дневным купанием, посмотреть на Акташ не с позиции холопа, таки соблаздившего барыню, а как равный смотрит на равную, — все было бы сразу легко. И для Магды, и для Акташ, которую мое самоуничтожение тоже изрядно подбешивало. Магда приняла бы договор, не будь он отягощен теми метаниями, не будь он отягощен утверждением, будто сама Магда лишена рода. Магда, которая бережно хранила память о своих родственниках до пятого колена.

Мне нужна защита. Мой Город. Мой мир. Мое служение Азazelю. Иштар! Если Магда уйдет, быть может, Иштар возьмет хотя бы часть ее задач? И после бессильного разговора в полтора часа, грозящего меня обанкротить безумным роумингом, я позвонил Иштар. «Магда стоит на пути договора. Я боюсь. Ты же знаешь — псы Гекаты. Перед ними бессильна даже Акташ. Только ты — даже не ты, а твоя госпожа — может закрыть нас. Иштар! Я взываю через тебя к твоему Патрону, твоей госпоже! Иштар, защити наш Город! Иштар, спаси то, что можно спасти, — спаси так, как считаешь нужным, любой ценой и любым методом!»

Иштар услышала мою молитву. А ее ставка сказала, что она очень любит Магду, но если Магда будет шантажировать своей незаменимостью, это уже слишком, ибо нельзя стоять на пути языческих богов, так что она попытается взять на себя часть ее

обязательств. «И, — многозначительно добавила она, — я постараюсь решить эту проблему, насколько это возможно». Магда больше не перезванивала.

А на следующий день мне предстояла та самая мистерия. Шестая степень. Шаг во внутренний храм Телемы. Ты был старшим из младших, побудь же теперь младшим из старших. Ты играл на уровне знаков микрокосма, узнай же теперь, что есть макрокосм, который несводим к твоим человеческим, слишком человеческим страстям. Ты ждал Люцифера — под именем Бафомета он приветствует тебя в сердце своей обители.

Из мистерий ОТО всегда выходишь немного другим. На первых степенях эти изменения бросаются в глаза, но высшие степени далеко не столь легко узнаваемы. Меняется нечто, что невозможно даже сформулировать, и все же всем, кто тебя видит, становится ясно — ты больше не то, чем ты был раньше. Сколько было у меня таких смертей и воскресений, сколько позади было преобразующих инициаций! Можно ли определить, какие из них были самыми важными? Важней ли шестая степень первой или второй? И что дала бы мне шестая, не пройди я все ступени поэтапно?

Удивляло меня только одно. Инициации ОТО имеют такой огромный потенциал трансформации. Почему в полную силу они работали только с двумя людьми — мной и Марсием? Почему для остальных это были и остаются скорей полученные «ачивки», нежели реальная смерть и воскрешение? Как вообще определяется пригодность к посвящению?

После этого посвящения во мне что-то изменилось. Самоумаление стало уходить в прошлое, и я начал понемногу понимать главную истину — именно я, мои глубинные запросы определяют пространство взаимодействий. Нужно только научиться быть осознанным. Нужно только научиться быть Люцифером, или хотя бы помнить о своем сокровенном ему единении. И совершенно неожиданно после моего посвящения, одновременно выдохнули обе — и Магда, и Акташ.

А всего через пару недель Магда сообщила, что они обо всем договорились с Иштар, и пора уже прекратить нам делить ночи. Пора встречаться на троих.

Инициатива сперва вызвала настоящую панику. Магда, осознавшая свою гетеросексуальность достаточно поздно и проведшая юность в лесбийских группах, уже дважды пыталась ввести эту форму, и всякий раз это кончалось крахом, к немалой печали Магды. Первая попытка закончилась крахом почти сразу, вторая некоторое время продолжалась, но в итоге привела к тому же — разрыву с одной из женщин. Если бы речь шла о двух мужчинах, все было бы просто — женщина в любом случае останется удовлетворенной. Но смогу ли я удовлетворить двух женщин? Смогу ли я соблюсти главное — принцип равновесия? Смогу ли я пройти по лезвию эротического каната, направляя одновременно равный поток эроса на обеих женщин? Инициатива казалась катастрофой, но дамы, похоже, все решили без меня, лишь поставив меня перед неожиданным фактом. Безумие! Все известные мне примеры тройственных союзов кончались крахом и у нас, и у других. Больше всего на свете я не хотел бы потерять одну из них. Слишком близко, слишком опасно, слишком крайняя практика.

Я не учитывал одного. В том разговоре я обратился не просто к ставке. Я обратился к Богине. И Богиня пришла на помощь тем методом, который был ее путем три тысячи лет. Это уже было не фривольным поиском разнообразия. Это был Договор.

И сила договора проявилась сразу. Потому что в первый же выход под шелуху на троих произошло то, чего я не мог даже ожидать. Проявился Азазель. До сих пор, Азазель появлялся лишь в пространстве Акташ, и меня ужасала эта несправедливость. Иногда для Иштар появлялась особая форма, называвшая себя Энки, — максимально близкая к Азазелю, но все же не совсем он. Иногда не то Азазель, не то моя фантазия появлялась в тяжелых разговорах с Магдой, но, кажется, она не узнавала его, и он перестал появляться. И вот в первый же наш выход под шелуху он приходит во всей своей силе и величии. Приходит так, что невозможно перепутать, — с его неповторимой музыкой и его дыханием.

«О мои дорогие и любимые! Вы так прекрасны! У нас же у всех один главный враг — Иалдабаоф. И знаете что, мои дорогие? Самые невинные действия можно сделать хулой на Иалдабаофа. Яхве, помнится, запретил кушать любых водных жителей, которые не имеют плавников. А у меня с собой очаровательная банка осьминожек. Какое восхитительно яхвехульное причастие. Любимые мои, примите же эти дары моря и ядите их во славу мою и к крушению его, причаститесь же гадами морскими, что не носят перьев и плавников — такова будет наша хула на его законы, ибо лишь тот, кто осознанно нарушает его закон, благословлен Северным Ветром».

А потом Азазель исчез, а Магда погрузилась в переживания прошлого. Увидев, что происходит что-то не то, Иштар точно луч прожектора направила на нее всю свою любовь и восхищение. И постепенно Магда возвращалась, возвращалась сияющей березкой, искоркой великой Богини, живой и нетленной, какой она была до всех наших разладов. «Умай, Березка, Сестрица! Любимая сестрица моя!» — сказала Иштар, покрывая ее поцелуями. И за многие месяцы нашего пути во льдах наконец-то я вновь видел сияние *той* Магды. Нет, Иштар не наделила ее своим сиянием, не посвятила ее. Она просто помогла ей вернуть то, что всегда было ее. И после того полета главная рана была исцелена. Магда снова была Богиней Жизни, богиней, связанной с жизненными силами, точно чистый журчащий хрустальный ручеек.

Как же удивительно играют боги! Я молился, как молился бы самой Иштар, — и Иштар пришла и сделала то, что мне казалось невозможным. Полное явление Азазеля, которое дало мне возможность понять и принять Магду как полностью равную. Полное явление ее как Богини Жизни, Живы, Умай. Псы остались где-то позади и вернулись лишь один-единственный раз уже в другой сказке — но совсем не столь тотально и разрушительно.

Начались месяцы нашего танго втроем. Вопреки моим страхам, никакой ревности и соперничества между сестрами не было и в помине. А боясь нарушить равновесие, я просто падал на спину: мол, сестренки, решите, кто первая, сами. Иштар разбудила Умай, и наши любовные танцы действительно стали танцем любви и жизни.

Не сказать чтобы все было безупречно. Да, Магда никогда не ревновала к Иштар. Но порой она заходила в ярости оттого, что Иштар, несмотря ни на что, поддерживает Акташ. «Я как чужая на вашем языческом празднике жизни!» — порой вырывалось у нее. Акташ стала для нее своего рода архетипом противницы. Но эти небольшие срывы были ничем по сравнению с теми безднами, которые открывались до этого. Собачки больше не приходили, аварий и ментов не было, а чем глубже было наше взаимодействие, чем больше сестры искренне любили друг друга.

Глава 24. Пир во имя жизни

Час икс. Час, до которого считались сначала месяцы, потом недели, а потом и часы. Весь сценарий Акташ продумала от начала до конца: мы поехали на залив под Санкт-Петербургом и должны были принести в жертву кролика на одном из дальних островов. Во славу удачи нашего проекта и в качестве благодарности богам за то, что прошлая жертва была принята.

Полуночным катером я учился управлять практически на ходу, опасаясь где-то в середине пути перевернуться в реку. Поиск нужного острова по навигатору: мимо, мимо, мимо, дальше, дальше, дальше... И вот на навигаторе показалось название, которое устроило нас обоих, — Бабушкин Остров. Как будто это был остров предков, остров Великой Матери, которая и есть бабушка всего живого. Этот маленький синхрон привел нас в настоящий восторг. Кролик был умерщвлен, и Акташ проявила настоящие чудеса кулинарного мастерства, приготовив из свежееубиенного кролика готовое причастие.

Сделано. Установлено. Запечатано. Призвано. Пусть придет дитя, мы открыли врата.

Следующие два месяца происходит нечто невероятное. Казалось бы — мы достигли своей цели, подтверждение пришло практически сразу. На этом мы должны были бы стать ближе друг другу и ожидать ребенка в любви и гармонии.

В реальности происходило противоположное. Мы смертельно, мучительно устали друг от друга, мы оба начали чувствовать друг от друга уже почти удушье. Практически сразу после зачатия между нами выключилось сексуальное притяжение. Полностью. И следующие три месяца все наше общение сопровождалось изнурительными скандалами, в которых вообще было невозможно понять, что она хочет от меня, а она, должно быть, считала меня полным идиотом.

Ах да, о главном. Зачатие произошло. Оно не могло не произойти — слишком хорошо было выбрано время и место. Жертва была принесена нужным богам, и наши боги оказались по-настоящему щедры — вместо ожидаемого одного ребенка боги наградили нас двумя.

Нелепость ситуации: разрыв после планируемого задолго до этого зачатия, если честно, поражает и выглядит нарочито и даже абсурдно. До этого момента я думал, что всегда легко понять, кто кого бросил. Кто — негодяй или негодяйка, хлопнувший дверью, а кто — жертва, надеющаяся, что негодяй таки останется. Роли всегда распределены. Но не здесь. Процесс отделения был настолько обоюдный и неотвратимый, что мне казалось, что наши боги как будто удерживали между нами напряженное поле до «часа икс», и как только дело было сделано — спокойно выдохнули и сняли наше притяжение. И уж что на самом деле было причиной разрыва? То ли я окончательно устал от непрекращающегося скандала, выжимающего досуха, так что единственное желание — это скорей оказаться наедине с Иштар и принять достойную форму. А быть может, главная причина в том, что она вдруг разочаровалась во мне и полусознательно стала невыносимой, чтобы заставить меня отдалиться и не почувствовать себя оскорбленным. Еще в начале наших отношений Акташ честно сказала, что обычно делает именно так — становится невыносимой, чтобы мужчина решил, что он сам бросил ее. Мудрая женская стратегия, между прочим: мужчина не чувствует себя оскорбленным, и бывшие любовники становятся не врагами, а приятелями.

Но зачем, почему? Тогда мне казалось, что она испугалась войны с Магдой и выталкивала меня прочь. Сейчас, когда между нами впервые появилось что-то реально похожее на взаимопонимание, мне кажется, что наше общее несходство настолько полное, что, не расставшись, не прекратив слияние, мы в принципе не были способны друг друга слышать. А может быть, существовала какая-то другая причина.

Всего через месяц меня ждал совершенно незапланированный, но крайне приятный сюрприз. Всего за семь дней до «часа икс» мы с Магдой зачали сына. Мои дети от Акташ и Магды родились с разницей в одну неделю. Воистину игра богов невероятна.

Наверное, такое бывает только в кино. Здравый смысл кричит, что так не бывает, однако все происходило именно так.

Казалось, Акташ посылала противоположный запрос. «Это твои дети, но в полной мере разделять твой мир они не будут. Обучать детей таро — какой идиотизм! Они мои. Они наши». Взаимоисключающий посыл, который время от времени чередовался, возможно потому, что она сама не знала, чего хочет, а возможно — просто для того, чтобы вытолкнуть меня прочь.

Наконец мне стал ясен смысл тех жертв, что мы приносили всего полгода назад. Три жертвы. Три бога. Три даты. Три силы. Азазель, Велес, Кылчин. От Йом Киппура до Самайна. Как результат — три ребенка, зачатых с разницей в неделю. Воистину, щедры языческие боги, воистину лучшие дары приходят в час Белтайна.

Вершина мистерии Магды наступила на русалии. древнерусское празднование во славу Велеса. Лес дышал жизнью и тайной. Мы поклонились богам нашей земли, благодаря за покровительство и подаренного ребенка.

Одним из самых удивительных и самых прекрасных мгновений был один, казалось бы, пустяковый эпизод. Один из участников празднования пригласил меня посмотреть на березку с дуплом. В этой березке было очень странное дупло, похожее по форме на женское лоно. И именно в тот миг, когда мы с Магдой подошла к этому дуплу, прямо на нас вылетела птичка, и крылья обдали ветром наши лица.

Это было чудо, знамение, восторг. Боги этой земли, Березка, Умай, Велес, Азазель — все божественные формы объединились для меня в этот миг в этом полете точно родившейся из дупла птички.

По окончании праздника произошло еще одно чудо. Магде позвонила подруга. История ее подруги в свете нашей истории очень интересна: эта женщина, вышла с нами на контакт, после того как прочитала «На темной стороны Луны», главу про Акташ и Кылчина, и решила вернуться к богам своих предков. Как странно водит кругами Велес, как загадочно, восьмерками, сплетаются пути Кылчина, переплетая всех и вся. Как вышло, что единственная язычница из малых народов России, оказавшаяся подругой Магды, тоже была родом из Удмуртской земли? Я не знаю, как объяснить эти сплетения, но, быть может, удмурты — это единственный народ, кто не восстанавливает а сохраняет — в памяти и в крови, в обряде и слове — своих богов. И правда в том, что эти боги прекрасны.

Так вот эта подруга, не подозревая о страстях, разворачивающихся на наших просторах, сообщает, что в то время, как здесь праздновал свой день Велес, там, на святой земле, отмечался почти такой же обряд во славу Кылчина — Гербер.

Невероятно — мир был заключен! Не перемирие, а именно мир. Впервые я могу выдохнуть — ощущение, что помирились не просто два человека, а две те вечные силы, которые стоят за каждой из них.

Если честно, к этому я долго не мог привыкнуть. Как по мановению волшебной палочки, Магда стала тепло говорить об удмуртских богах и даже защищать саму Акташ. Я не мог в это поверить еще несколько месяцев, пока практически одновременно Акташ и Магда не решили сделать друг другу подарки к рождению детей.

Войны титанид действительно закончились раз и навсегда, а подарком богов стало для меня рождение трех детей.

Стоит ли говорить о детях, которые только пришли в этот мир? У нас есть ряд видений, прогнозов и знаков, связанных с каждым ребенком. Но что из того, что мы предполагаем, правда, а что одна из оптических иллюзий, — решит только время. Я могу лишь сказать, что каждый из моих детей пришел в мир с особыми, сокровенными благословениями различных богов.

Наша история подходит к завершению, и на экране следующей части появляются новые роли и новые мифы. В эти новые сюжеты я вошел уже после роскошной череды сложнейших трансформаций, которые подарила мне Акташ, вода по самым далеким уголкам бессознательного.

Поэтому в мире четвертой части я больше не был слепым дитя, оружием судьбы. Я научился смотреть и научился видеть. Мистерию Нахемы я смогу пройти с открытыми глазами, реагируя на все, что происходит, в полном осознании. Слишком глубоко был укоренен дар Акташ, дар ее богов, от которого я чуть было не отсекся в ослеплении. История заканчивается здесь, в точке рождения трех братьев. Но только начинается путь моих детей, каждый из которых был зачат с огромным количеством мистерий, молитв и знаков. Как развернут они свою мистерию? Будут ли они знакомы? Признают ли друг друга? Как каждый из них проявит свою грань Его Света? Дорого бы я отдал за то, чтобы хоть немного заглянуть в будущее, но, увы, — будущее сокрыто от нас сплошной

завесой, и даже магия позволяет видеть лишь наиболее вероятные варианты будущего, но не саму золотую тропу.

Часть IV

Тропы Нахемы

Ацилут (Плод, или Утро Черных звезд)

*А четвертая — через всю жизнь,
в звездной россыпи.
Лишь за нить серебряную держись,
что тебе брошена.
А прядется ниточка из любви,
что тобой создана,
А держится ниточка на крови,
что тобой роздана.
Мистардэн. Белая дорога*

*И по лунной дороге
Навстречу Эгейскому мраку
Опускает лицо.
И плывет на Итаку.
А. Мирзаян. Одиссея*

Десятый священный ключ

Глава 1. Присяга

*Боже мой, плачь! Это я отворял
В ночь ворота и гремел на пороге.
Что-то искал, что давно потерял,
И не в конце, а в начале дороги.
Геннадий Жуков. Романс для Анны*

Заканчивался 2018 год. До главной точки года, оставалось два дня. Зимнее солнцестояние. В ряду прочих точек года этот день имеет особое значение. Восемнадцать лет назад, в день зимнего солнцестояния, я впервые в жизни испытал настоящий мистический экстаз, после которого раз и навсегда разорвал с наивным материализмом.

За эти годы в разных источниках приходилось читать мне о важности великой точки Черного Солнца — точке Великого Юла. Великий Гете более всех дней любил этот день. Рене Генон, отец-основатель традиционализма, в своих работах писал, что этот день обладает особенной ценностью и значимостью для традиции. Филипп Дик пережил свое главное перерождение в этот день. Иосиф Бродский всегда писал одно стихотворение на католическое рождество, а Борис Гребенщиков назвал один из своих лучших альбомов «Дети Декабря».

За эти восемнадцать лет я собрал немало свидетельств тому, что час Черного Солнца и правда является особым часом. Главный ритуал года. Ритуал, который всегда законно принадлежал Магде как жрице.

Но время накануне ритуала принадлежало лишь одной женщине. Иштар. Иштар, безупречной, царственной и прекрасной хранительнице Града Азазелева. Иштар, наделявшей меня фаррами, Иштар, мечтающей об обретении последнего фарра — фарра шахеншаха. Мы оба боготворили роман Генри Лайона Олди «Я возьму сам» и более всего хотели обрести заветную цель — фарр шахеншаха.

Мы говорили с богами, пропускали разные энергии и танцевали наш танец в обнаженности чистого эроса древнего храма. И время накануне дня Черного Солнца принадлежало ей и только ей.

К тому полету я готовился долго, несколько месяцев соблюдая строгий обет воздержания. Полет с Иштар — это всегда полет к вечности.

Мы пришли в квартиру, где были до этого много раз, сотворили ритуал 2,22 и ждали. Сначала не происходило ничего. Время замедлилось, казалось, даже остановилось. Мы оба ждали чуда, и чудо пришло.

Я стал другим. Разорванный на ставку и Патрона, на Исток и луч, в этом полете я впервые собрался в невыразимое целое, когда я был одновременно собой и Азазелем. Все части моей души собрались воедино, так что я оказался объят пламенем Черного огня.

Я начал говорить. Или Оно начало говорить мной. Здесь, в этой точке времени и пространства, впервые не существовало различия и было неважно, кто говорит. Я произносил свои главные слова:

— Готова ли ты быть моим свидетелем, о Иштар, свидетелем присяги, которую ныне я должен принести, следуя Истинной Воле моей?

— Готова.

— Я, Олег Телемский, Атон, тот, на кого поставил Азазель в его великолепной игре бытия, тот, кто родился на дне, но был вознесен моими Богами к вершине счастья и успеха, о каких не смел бы и мечтать. Я тот, кто я есть. Здесь и сейчас. Я приношу присягу предвечной Тетраде, Люциферу, Лилит, Азазелю и Нахеме. Изнутри моего света я клянусь, что моя жизнь должна стать воплощением принципов Великой Тетрады, сокровенного Черного Света. Я клянусь служить моим Богам каждым вдохом и выдохом, я клянусь, что каждая моя мысль, слово и дело станут выражением Воли Предвечной Тетрады. Я призываю в свидетельницы тебя, о хранительница Града, Ирнини, Иштар, Старшая в храме моей жизни. Я есть Он, я есть Она, я есть Он, я есть Она. Да станет моя жизнь едина с потоком Тетрады. Я принимаю мой путь во всей полноте и сиянии.

Иштар слушала, точно замороженная. Здесь и сейчас произносилась клятва, зачинающая мистерию, смысла и цели которой я не мог бы и предполагать. Как же прекрасно, что именно Она оказалась свидетельницей этого мгновения, когда — впервые за годы разорванности — я был полностью собой, от начала и до конца. Кто мог знать, какие силы и какие последствия поднимет из глубин эта клятва? Кто мог знать, что в главную мистерию Иштар уже не будет доступа, потому что придут те, кто столь же полностью и тотально телом и душой принадлежат Тетраде.

Да, тогда мой мир был завершен и прекрасен. Мой мир был незыблем. Мой мир казался чем-то, что теперь обрело великолепие, о котором я мог только мечтать. Теперь — все. Теперь — предел. Выше просто не может быть. И уже недалек тот день, когда я, подобно Фаусту скажу, роковые слова: «Остановись, мгновение, ты прекрасно». Ибо все мгновения мои стали прекрасны и упоительны. Магда, Иштар, Дакини. Увы, ничто не вечно.

А всего через месяц после принесения клятвы придет день, который поставит предел старому миру и старой жизни. Самый обычный день. День, когда в мою вселенную впервые постучится смерть и заявит права вносить свои коррективы.

Как прекрасно начинался этот день! Ко мне с далекого Урала приехала почетная и долгожданная гостья, изысканная и утонченная леди, с которой мы уже не раз

встречались. Но если раньше мне приходилось преодолевать огромные расстояния на самолете, то сейчас — впервые — она оказалась у меня в гостях.

Впрочем, контакт хоть и был насыщенным, все никак не мог выйти на тот необходимый уровень глубины и слияния, за которым начинается сексуальная алхимия. Страсть, красота, восхищение, интерес к ее вселенной — всего этого было в избытке, но последнего слияния в алхимической ванне, когда Анима-Анимус начинает преобразовывать друг друга, так и не произошло.

И вот когда, встретив леди, я предвкушаю ночь, полную страсти, внезапно раздается телефонный звонок, как гром среди ясного неба.

Этого просто не может быть, это какая-то нелепая шутка. Но, черт возьми, сегодня январь, а не апрель! Почему? Как? От чего?

Просто три слова. Сергей Яшин умер. Тот самый Сергей Яшин, о котором знает каждый, кто близок к высокому оккультизму современности. Поэт, сверхновый телемит, брат по Ордену, человек, посвятивший всю свою жизнь восславлению Бабалон, автор всей поэтической обработки ритуалов сакрального года «Касталии». Старый друг, с которым когда-то в другой жизни мы делили любовь Черной Королевы, пока она не послала нас обоих к черту практически одновременно. Вот этот самый Сергей Яшин — ось, столп, несдвигаемая глыба, обязательный гость каждого крупного торжества — просто взял и умер. Точка. Без каких либо запятых. Инсульт. Найден в квартире через три дня после смерти, когда тело уже начало разлагаться. Найден в странной позе, напоминающей молитвенную. Умер, молясь Бабалон. Пожалуй, это единственное, что утешает — мы точно знаем, к кому он отправился.

Пожалуй, для меня это действительно впервые — хоронить друзей. Хоронить братьев. До сих пор костлявая, конечно, проходила мимо и властно заявляла о своей реальности, но забирала не тех, с кем мы до такой степени и так глубоко оказывались переплетены. Старость начинается, когда мы хороним первого близкого друга нашего поколения.

История начинает обрастать деталями. У Сергея нет ни детей, ни других родственников. Все заботы о похоронах взял на себя Орден. А его легендарная библиотека оказалась не нужна никому и запечатана. Не то чтобы корысть, просто до жути обидно: с какой любовью человек тридцать лет собирал каждую книжечку — а теперь его единственное детище канет вместе с ним. Ни наследников, ни завещания.

Великая судьба. Большинство людей идут по горизонтали бытия, получив в начале пути багаж убеждений и ценностей, которые развиваются и утончаются на протяжении всей жизни. Люди редко способны к подлинному обновлению, трансформации, смене старых форм. Сергей принадлежал к тем самым немногим. Начав свой путь с воспевания грубого насилия, фашизма, геноцида, он заканчивает его, приняв Телему, вдохновлявшую его на воистину вселенскую поэзию. «Моя любовь всего земного выше. Она идет, шаги ее все тише».

Если меня спрашивают, как влияет Телема на обращенных, я всегда беру два стиха из дотелемитского и послетелемитского периода поэта. До: «Как можно меньше думай. // Как можно больше бей. // Обломком арматуры // И звеньями цепей». После: «Не древним сфинксом, что из Фив, // Не в ритуальной маске Бога; // А в облике Единорога // Прибуду к Вам, опять, смутив».

От поэзии ненависти к поэзии любви и красоты. От жестокости к любви. Странными головокружительными скачками сопровождалась его жизнь и его смерть. Так после его смерти знавшие его в разные периоды любили спорить, в чей мир отправится Сергей — в мир христианской богородицы, которой он поклонялся в то время, когда славил кровь и насилие, или в мир Бабалон, хозяйки блуда и порока, которой он поклонялся, начав служить красоте. Я бы предпочел оставить этот выбор самому Поэту, так было бы справедливо...

Начинаю обзванивать всех: друзей, любовниц, просто тех, кто знал Маэстро. Высказать, выбросить из себя эту новость, вдруг на свой лад разорвавшую мир на «до» и «после». Анечка рядом, еще недавно званая и ожидаемая, и приехавшая за тысячу километров, чувствует себя явно лишней. Эрос и танатос могут сочетаться только для тех, кто глубоко слился под шелухой в магистерии, для остальных они неслиянны.

Я как будто сам мысленно гоню свою спутницу прочь. Не словом, не жестом, не знаком. Но из глубины естества рвется голос: «О боги, если бы ты могла оставить меня одного! Пожалуйста, уходи». Она слышит этот голос. И мои вежливые заверения, что ей стоит остаться, не обманывают эту женщину. Отношения с Акташ, Магдой и Иштар уже научили меня одной простой истине — на самом деле женщину невозможно обмануть. Если женщина верит лжи — значит она притворяется что верит. Просто мы с моей гостьей так и не вошли в полный магистерий, но женское чутье ей было свойственно на самом высшем уровне.

Она уходит. Впервые я рад несостоявшейся ночи и оставившей женщине. Тесно. Душно. Хочется побыть одному. Так правильно.

Тишину разрывает звонок. Иштар. Мы несемся друг к другу с вестями одной природы — вестями о смерти. «Сергей Яшин умер». — «Жена моего мужчины, того самого, главной Ставке Велеса, умерла».

Смерть не приходит одна. И в одно время сразу умерли двое — великий поэт, чью смерть не могли осмыслить все, кто его знал еще долго. И женщина, которую у нас не знал никто. Просто хорошая женщина, которая жила свою чистую жизнь, под утро почувствовала себя плохо и, не дождавшись скорой, ушла в иной мир. Инсульт. Инсульт. Если это не крылья ангела смерти, что это еще — кто ответит мне? Жену Велеса я не знал. Но очень быстро понял главное: для меня, для моего мира, для моей реальности эта смерть означает катастрофу, в чем-то не меньшую, чем смерть близкого друга. Потому что — это было ясно без слов — с этого момента я обречен потерять женщину, все это время бывшую старшей и центром моего мира. Хранительница Града. Ирнини. Иштар. Беда никогда не приходит одна.

«Приезжай!» Она приезжает на такси в течение часа. Впервые она — не ставка Богини, не ее глас на земле, но просто испуганная женщина, испуганная будущим, которое кажется пугающим, будущим, которое обречено наступить, и всем понятно, какой выбор она сделает.

Воспитанные на дешевых шаблонах, мы привыкли к стандартным сюжетным ходам. Вот жена, вот любовница. Что может быть лучше для любовницы, нежели уход жены с арены? Это в мексиканских мелодрамах. В реальности Иштар впервые по-настоящему испугана. Потому что между нами возникает понимание — нашей близости начинает отмерять время обратный отсчет. Неизвестно, сколько ночей осталось нам с Иштар. Но с этой ночи начат обратный отсчет.

Природа договоров, в которые входят люди в отношениях, сложна и причудлива. Ее связь с Велесом — пятнадцать лет. Он и она — лидеры по сути, по природе. Он и она — продолжение друг друга. Но до сих пор у него была жена. А значит, она имела право на милые радости, в которых главное знать меру и не палить контору. Наша связь в каком-то смысле — идеальный компромисс, идеальная точка равновесия. Договор не на уровне людей — на уровне поля: каждый не смотрит на то, что его не устраивает, внутренне догадываясь, как обстоят дела.

И вот — смерть. Значит, она станет для него единственной женщиной. Значит — великий закон симметрий, — она должна войти в тот же договор. Будь он просто мужчина, психик или тем более гилик, все было бы легко, рогоносцы давно являются темой анекдотов. Суверенная женщина всегда выше договоров с простыми мужчинами и вправе их нарушать. Но он — ставка. Равный среди равных. С равными так не поступают, равных не предают. Связь с Иштар была возможна, лишь пока была жива скромная женщина, о существовании которой я и знать не знал, ведать не ведал, и я

являлся элементом сложного многоугольника, рассыпавшегося, когда из него вытащили связующий элемент. Две смерти, два приговора, две судьбы. Я все понимаю. Она все понимает. Но мы оба — молчим и не произносим самого главного, утешая друг друга, точно смерть этой простой доброй женщины и есть та причина, по которой мы скорбим и занимаемся любовью так, словно это в последний раз. Я думал, что полное переписывание произойдет за ближайший месяц. На его месте я не смог бы долго проводить время один. Однако переписывание происходит за полгода, и мы еще какое-то время встречаемся, оба точно и ясно зная, что обратный отсчет запущен.

Как и всякая смерть в мире ставок, смерть эта не лишена странной тайны. Ставке Велеса впервые за много лет приснился Патрон. Велес. Дед. Пришел, погрозил пальцем и сказал: не поедешь ты в Европу, нечего тебе там делать. «Но как же так, я же готовился к этому отлету последние десять лет, это же наш триумф, выход на иной уровень!» — «Нет, — мотает головой Дед, — не поедешь». А наутро, пока он на чемоданах в ожидании такси, его жене становится плохо и через полчаса все уже кончено. Боги играют свои партии, не спрашивая желаний своих ставок, наше дело простое — максимально полно выражать их природу, их дух, их поток. А между Велесом и Азазелем был союз, была жертва, был договор, заключенный еще год назад, и как выяснилось, всех условий этого договора не предполагал никто из нас.

И вот теперь приходит настоящий страх. Что теперь будет со мной? С Городом? С пространством, которое все эти годы бережно хранили Иштар и Магда, но Иштар хранила и Город, и Магду? Кем теперь буду я, потеряв право на королевский фарт? Уйдет Иштар. Уйдет сияние. Уйдет вдохновение. Обветшают стены Небесного города. Завоют выпи в опустевших небесных храмах и университетах.

И никаких шансов. Договор обозначен. Соперничество невозможно. Во-первых, он был раньше. Во-вторых, при всем желании я не могу предложить столь же симметричного договора. Я просто должен уйти, лишь молясь государыне Иштар, чтобы она прислала смену и Город не умер в забвении. «Что ты есть без женщины, помни дурачок». Я помню, я слишком хорошо помню. Я с надежной и молитвой к Хозяйке поглядываю вокруг — уже не в поиске ни к чему не обязывающего приключения. В поисках новой вестницы. Потому что если вестница не придет — Город рухнет. Я любил Иштар. Но потеря Иштар была не просто потерей одной из женщин. Потеря Иштар рисковала стать потерей всего Города.

Это может показаться преувеличением, но слишком сильны воспоминания, сколько раз Иштар спасла мою душу и наш Город. Ее танец с Магдой. Ее ключи богов. Гром, разрывающий завесу. А однажды она просто восстановила меня после атаки, к которой я был не готов даже близко. Эту историю я хочу сохранить, запечатлев в моей рукописи, ибо рукописи не горят. Пусть слова будут запечатаны, дабы читая их, всякий мог понять, сколь сильной может быть женщина и как много может решить одна-единственная ночь.

За месяц до присяги в моей жизни произошла одна схватка. Я хочу сохранить эту историю для вечности, чтобы в вечности было отпечатано — что есть женщина благословленная Иштар.

Однажды я пришел в гости к одной из самых известных наставниц в области магии. Ломехуза. Пожалуй, такой псевдоним лучше всего выражает природу этого человека, природу, которая остается сокрытой даже от тех, кто знает ее достаточно близко. Я не хочу называть реальных имен, ибо у меня нет цели сводить счеты и мелочно мстить тем, кто просто слишком слаб, чтобы претендовать на заявляемую ими роль.

Ломехуза действительно большой авторитет в мире магии. У Ломехузы десятки учеников и учениц, которых она бережно и нежно обучает азам магии, от самых простых — и до самых сложных ритуалов. У Ломехузы есть большой талант создавать свои мистерии буквально «на коленке» под ситуации, и по легкости и изяществу эти изобретения могли бы поспорить с классическими мистериями Кроули. Ломехузу невозможно игнорировать. Она — не глупа, не слаба, а, ко всему прочему, весьма

талантлива в самых разных областях. Ломехуза заметна, и нельзя сказать, что ее известность существует на пустом месте.

До времени я не знал, что под мягкой и обтекаемой маской скрывается Кибела. Я искренне считал этого человека своим другом и пришел в гости как друг и как брат, кажется, за порцией ее книг. Дом был полон гостей, но Ломехуза знаком попросила меня пройти в отдельную комнату для разговора.

И вот, напустив на себя трагическую мину, Ломехуза начинает вкрадчиво вещать. Мол, дорогой и уважаемый брат, с этого момента ты должен полностью пересмотреть свою стратегию жить, научиться осторожности и вниманию, ибо время у нас сейчас страшное. Ты, наверное, не знаешь, что у нас за репост посадить могут, на дворе настоящая диктатура и любая неосторожность может стоить тебе слишком дорого.

В первый момент я просто охуюваю от удивления. Эти слова были бы понятны, если бы я был «политически ангажирован» и призывал своих читателей на баррикады, к свержению власти. Но в реальности я вот уже три года не пишу и не делаю репостов о политике.

Не из страха. Когда все боялись, то есть в 2014-м, я еще пытался выступать против власти, ибо ошибка была сделана страшная. Но за эти годы многое изменилось. Отчасти дружеские споры с Пеймоной, отчасти разговоры с Акташ на глубине. Я начал понимать, что любая политическая игра — это не более чем игра по чужим правилам на чужих людей, смысл которой для нас, смотрящих на политическую жизнь извне, туманен. Я уже давно понял, что одна власть не намного хуже или лучше другой и смена режима в одну сторону не означает ожидаемых улучшений. К тому же я слишком наелся западной политкорректностью, и едва ли могу всерьез мечтать, чтобы у нас было «как на западе». С чего вдруг она обращает ко мне свои проникновенные речи? Неужто меж моих скромных философских и психологических пассажей померещились ей призывы на митинги и баррикады? Я понял, что ничего не понимаю, и попытался просить Кибелу объяснить, о каком «фундаментальном изменении» идет речь.

Сперва она несколько мнетя, а затем вспоминает мой конфликт с Пермяковым. Мол, ты же публично ему грозил проклятиями, это точно может заинтересовать ФСБ или отдел по борьбе с экстремизмом. Следят за нами, нужно осторожнее быть, только повод дай.

Тут мое сознание раздваивается, и я вижу, что происходит на самом деле. Под шелухой. После того как Акташ расчистила серые колеса, я научился смотреть и видеть. И вижу я, что хуярит она меня на уровне поля, хуярит мощно, направлено, не по-детски.

И главное — я не нахожу в словах логики. Если нами интересуются, то едва ли возьмут за попытку публичного проклятия. Даже когда я несколько позже по совсем другим причинам был убежден что за мной следят — мне было очевидно что публичный скандал с Пермяковым — это точно не то что может заинтересовать этих господ. Угрозы проклятием для солидных людей в строгих костюмах — это комедия, цирк, для них наш скромный оккультный мирок и так собрание сумасшедших. Прекрасно понимая, что система может ударить, я очень сильно сомневаюсь, что поводом или тем более причиной может стать публичный скандал бывших единомышленников и угрозы проклятием. Логика здесь, конечно, на уровне детского сада: отдел по борьбе с экстремизмом интересуется одним оккультистом, грозящим проклятием другому оккультисту, за то, что тот украл у него деньги.

Выхожу, оравленный, на грани помешательства. Ломехуза пытается накачать меня страхом, а когда меня страхом накачивают, сразу Рамси включается. Хочется назло Кибеле запостить какой-нибудь откровенно фашистский или революционный пост, и будь что будет. Рамси — он и есть Рамси: совершенно примитивные, слепые реакции. Но спасибо Акташ — научила меня понимать, что эта Тень — не некий внутренний враг, а очень полезный парень. Включается всегда, когда идет продавливание, нападение на основы.

Не знаю, к чему я бы в итоге пришел, но, к счастью, в этот вечер меня ждет прекрасная Иштар.

Удивительная женщина. Ты только оказываешься в квартире, где она тебя ждет, и все дерьмо с тебя как прах слетает, ты снова царь-жрец.

Но здесь и ей сложно пришлось. Потому что магически, на уровне поля крепко меня выбили, можно сказать, пробили до Анимы. Иштар видит, что на этот раз со мной все плохо, делает какие-то знаки, внутренние обращения, в общем, поднимает все фарры Иштар с глубины — и буквально за шкуру вытаскивает на пять уровней выше.

А с этих уровней, да еще и после ритуала 2,22 все куда лучше видно. И вижу я, сцуко, Анимуса Ломехузы, как и положено, с таким хорошим свежезаточенным алмазным серпом — мою Эллоизу вот прямо изнасиловать этим серпом собирается.

Погасить. А Рамси уже как бешенный пес лает, да ничего не может. Слишком близко я к миру Ломехузы подошел, слишком тесно стал дружить с ее пространством, а у них ведь как: огонь есть — ну немного притуши, не выделяйся лишний раз. То есть выделяйся, конечно, говори о своей индивидуальности, но так же, как мы все, либералы, одним барбершопом стриженные. И чем бы это закончилось, никто не знает.

Ох ты, дорогая верховная жрица! Вот уж кто умеет «иштарить» на самом высшем уровне. Вытащила. Закрепила. Огонь, еще более яростный, подожгла. Восстановился за эту ночь с модусом плюс десять от того, что было до разговора с Ломехузой.

А Ломехуза на утро уже сообщения мне прислала с разными ссылками на творимый властями беспредел: мол, я обещала, вот доказательства.

Но я-то уже не хуй собачий, а фаллос Энки, все вижу, все знаю. И ответ свой пишу из совсем новой вибрации, спасибо моей Государыне. Холодное спокойствие.

Уважительное, благодарное письмо от Азазеля, очень такое уважительное. Мол, спасибо, сестра, за предупреждение и заботу, ценю твое внимание и доверие, ты такая хорошая. Но впредь прошу воздержаться, от попытки накормить меня страхом, ибо это ведет к обратным результатам и я сейчас еле сдерживаю своего Рамси, чтобы не выложить свастику с цитатами из «Майн кампф».

Но суть не в словах, конечно. К словам я вкладываю такого яда, такого холода вкладываю от Азазеля, с любовью ...дцатого марта. На другом конце модема только дернулись от неожиданности и отскочили, не став продолжать разговор.

Стало ясно — Ломехуза вовсе не друг мне. И если я хочу быть огнем, лучше держаться на аккуратном расстоянии, насколько это возможно.

Остается одна странность в этой истории.

С чего ей пришло в голову поверить, что отдел Э будет заниматься проклятиями в адрес бывшего единомышленника, я правда понять не мог. Занимайся я оппозиционной политикой — ее предупреждения хоть сколь бы не были они трусостью, они имели бы смысл. А так это казалось каким то театром абсурда.

А потом, наша старая знакомая Альрауне сообщила мне ну очень красивую историю, ставшую вишенкой на торте. Как выяснилось, немногим раньше Ломехуза получила серьезную травму, так что сперва даже был риск остаться инвалидом.

И что же сделала наша матушка Ломехуза — этот в кавычках «великий» Маг? Оккультист, учившая всех хороших девочек и мальчиков, как правильно магией проблемы решать и что есть настоящая магия? Думаете, стала смотреть, откуда прилетело? Или использовала свою магию, чтобы за три дня подняться так, как профаны за три месяца будут?

Она за изрядную сумму поперлась к какому-то суперраскрученному черному магу, который, говорят, даже в битве экстрасенсов замешан был. Мол, помоги, посмотри, что происходит, спаси мою грешную жизнь, спаситель дорогой. Вишенка на торте была в том, что маг этот — близкий друг одной противной ведьмы, с которой я очень хорошо разругался еще в бытность меня в ложе. Все эти попсовые маги — одна шайка лейка.

Ну и, не будь дурак, этот маг ей говорит: мол, прилетело тебе обраткой за магические войны, которые грешный Олег Телемский ведет. Он проклятиями кидается, а тебе обратка летит,

Вот блин, логика здесь, конечно, просто отпадная! Будь там действительные косяки и действительные проклятия, кому бы в первую очередь прилетало? Сначала — моим детям. Потом — моим женщинам. Ни к тем, ни к другим сестра Ломехуза отношения не имеет, вот хоть на библии, хоть на Книге Закона поклянись. А как мы с ней связаны, так же я связан с тремя тысячами людей.

Все годы, пока я ее знал, Кибела с очень важным видом вещала, что маг даже гадать не имеет права просить других и все решает сам. Что есть наша, утонченная, благородная традиция, настоящая и живая, а есть вся эта великая оккультная попса, которая даже исследования не заслуживает, и даже их книги читать это — зашквар, ну или как там зашквар высокие интеллигенты называют. И вот клюет ее жареный петух, мелькает где-то вдаль на линии горизонта костлявая, и наша главная магиня, учитель всем магическим мальчикам и девочкам, моментально забывает все, что говорила раньше, и бежит к первому же магу, у которого магический имидж круче и шире. Ничем не лучше какой-нибудь деревенской женщины, готовой поверить, что Грабовой ее мертвого сына воскресит.

Пока я эту историю не узнал, я Ломехузу хотя бы уважал. Типа — да, противник, продавить Элли пыталась, и с силой можно воевать, но нельзя не уважать. А после этой истории иначе как «потерявшей лицо» я ее мысленно и не называл-то более. Потому что магия — это не про красивые ритуалы и впечатляющие спецэффекты. Магия — это про то, кем оказывается человек когда костлявая оказывается на горизонте. Думаю, далее по сюжету читатель сможет сделать нужные сравнения и выводы из этих сравнений. Так что узнав эту историю, в очередной раз поблагодарил я Люцифера, что он дал мне дар сразу истинного мастера отличить от красивых поделочников и имитаторов, коим несть числа.

Ломехуза Ломехузой, но от вторжения меня реально Иштар закрыла. Без нее, может, и восстановился бы, но с более чем огромными потерями. Ломехуза всегда незримо серп держит, чтобы наш яростно горящий фаллос подсесть. Тише, мягче, правильнее, ровнее. И много же их, таких — правильных да тихих, с серповидными Анимусами. Плохо мне бы пришлось, не будь в моей жизни Иштар.

И вот, через два месяца после удара Ломехузы и через месяц, после присяги, смерть в середине зимы раз и навсегда переписала договора, так что вопрос уже был не в том, расстанемся мы или нет, а в том, когда мы расстанемся.

Побороться? Ставка на ставку, маг на мага: чьи фарры сильнее? Нет, ребята, в таких вещах побеждают не количеством фарров, а правдой. Велес ей дом, семью, старость защищенную вместе в одной связке дает. Все что мог предложить я — это встречи раз в две-три недели и особые права «старшей» в нашем скромном небесном Граде у Озера. Слишком эфирно для столь конкретных людей.

Если даже на миг предположить, что Элли развернула бы театр манипуляций и удалось бы ее удержать, — она же меня через два-три года сама бы возненавидела. Ну уж нет, пусть счастлива будет. Это же не просто женщина — это Женщина с большой буквы, жрица богини, плоть от плоти Иштар. Сколько книг мы о Иштар на перевод давали, исключительно чтобы ей посвятить и ее богиню поблагодарить, за то что свой лучик послала. Так что коль уж масть так идет, пусть будет счастлива. Сам еще пинка дам, чтобы легче уйти было, — Азазель явно дает понять, что договор-то уже на самых высоких уровнях записан.

И мне стало страшно. Да, Марти всегда защитит меня от любых вторжений. Но учитель — далеко. И далеко можно не успеть добежать, позвонить, осознаться. А Иштар была рядом. И без хранильницы Ирнини моему Городу грозила опасность превратиться в руины.

Глава 2. Возвращение Черной Королевы

*...Я узнаю
патлы твои. Твою
завивку. В конце концов —
раскаленность щипцов!*

*Ты та же, какой была
прежде. Тебе не впрок
раздевшийся догола,
скинувший все швырок.*

*Только одной тебе
и свойственно, вещь губя,
приравниванье к судьбе
сжигаемого — себя!*

*Впивающееся в нутро,
взвивающееся вовне,
наряженное пестро,
мы снова наедине!*

Иосиф Бродский. Горение

Я — большой счастливчик. Даже если завтра мне упадет на голову кирпич, прожитая жизнь стоила того чтобы быть прожитой. Спасибо владычице моей Лилит, я знал прекраснейших женщин, женщин умных, утонченных, страстных, женщин глубоких, сияющих, заслуживающих самых прекрасных слов и даров.

Но ой как немногие смогли оставить о себе память, точно выжженную каленым железом. Каждая — прекрасна и неповторима, в каждой — в той или иной степени — ее огонь. Не всех вспомнишь, не всех упомянешь, но здесь, в этой книге, лишних нет. Госпожа Мнемозина — самая избирательная из богинь, помнит лишь те связи, что выжигались живым огнем.

Черная Королева — из очень немногих, кто гарантированно останется в памяти навсегда. Даже когда она исчезла из моей жизни, как казалось, навсегда, все годы после этого я помнил и говорил о ней. Неважно, интервью или беседа друзей, если заходила речь о «Касталии», о нашем Городе, я всегда уточнял, что некто Юлия присутствовала при основании нашего проекта. Тогда мы встречались недолго, от силы месяца четыре, но какие это были месяцы! Черная Королева есть Черная королева. Темный огонь эроса, обнаженный, живой, иномирный огонь, из глубин космического первоначала. Таких не забывают!

А сейчас подходило уже десять лет, как мы не виделись. Срок, по словам классика, «длиннее и глубже могилы». И уже много лет назад я потерял надежду увидеть ее еще раз — когда отправленные после очередного триумфа «Касталии» десятков новых книг не получены адресатом и возвращаются обратно.

Впрочем, за эти десять лет один раз мы все же встретились. Во мраке, в сумраке, в тумане. В самые черные години, когда я был от себя настолько далеко, насколько может оторваться человек от себя, и даже не понимал, что происходит. Это было во времена Черного зеркала, которая чуть было не пожрала мою душу. Тогда в эпицентре кошмара на миг Черная Королева вновь мелькает на горизонте.

Но это был не совсем я, а быть может, и совсем не я. Эллоиза была пожрана, уничтожена, аннигилирована Черным зеркалом, и я даже не мог в полной мере осознать, что женщина, предложившая встретиться и навестить меня в Москве, — та самая Черная Королева. Как будто все внутренние связки были разорваны и краткий разговор происходил как в тумане. Помню только, как я предлагаю вернуться к бывшему, а она отвечает, что никогда не возвращается назад. Так и хотелось спросить: а что же ты тогда приехала сюда ко мне?

С мертвой Анимой, с Анимой, пожранной бездной, негоже встречаться с Королевами. Ясно же, что достаточно было сказать простые слова: «Не назад — теперь будет все по-новому», — и мы упали бы в объятия друг к другу еще тогда. Но там, на встрече Эллоиза находилась в желудке гнусной твари, а я представлял собой не более чем тень от того, кем я являюсь. Не срослось, не срослись, столкнулись, оттолкнулись — и побежали в известных только Патронам направлениях.

И вот Рысь, Юлия, Черная Королева пишет мне снова. Мне, уже с живой, возрожденной Эллоизой. Мне, уже прошедшему школу Акташ, тому, кто научился выживать в мире Темных вод и что-то понимать. Мне — возрожденному и собранному.

Письмо точно гром среди ясного неба. Письмо со странным началом, оказавшимся пророческим.

«Помни, что бы ни произошло, я всегда буду на твоей стороне в этой войне». Когда пришло это первое письмо? Кажется, за неделю до смертей, изменивших реальность полностью.

Что она имела в виду, какой войне? Я уже давно не воевал ни с кем, я просто строитель Города. Что могло заставить ее написать после десяти лет молчания, когда даже подарки не были приняты? Но это Черная Королева, а она умеет быть внезапной.

Я возликовал. Хотелось броситься к ней в объятия сразу, но здравый смысл остановил движение души. Как поместить Черную Королеву в этот сошедший с ума вокруг меня мир? Как объяснить ей про войну титанид, детей, перекрестные договора и поделенные по периметру территории времени и пространства?

Мой мир слишком изменился, и мне до боли горько, что я легко нашел бы место для еще пяти женщин, но места для Черной Королевы, с тронем и залом, в этом новом мире, казалось, просто не найти. Поэтому — пусть хотя бы будет поблизости. Пусть дышит ее огонь в границах моего Города.

И все, что я отвечаю на это таинственное письмо, — прошу ее вернуться в качестве переводчика, ведь именно она открывала эту игру.

Разговор продолжается и внезапно становится неожиданным и интригующим. Черная Королева задает простой вопрос:

— И что это, интересно, мой САХ делает на твоей аватарке? Какое ты вообще имеешь отношение к Азазелю, может, расскажешь?

«Мой САХ». Вот тут стул подо мной начинает шататься, голова кружиться, а часы показывать тринадцатый час.

— Прости, а какое *ты* к нему имеешь отношение? Я, вообще-то, его ставка. Возможно, главная, не хочу слишком возноситься. А что ты о нем знаешь?

— Если ты помнишь, то последним, что я пыталась переводить десять лет назад, была Книга Азазеля. Кажется, там не хватило трех глав. Из мира духов это, пожалуй, самый приятный собеседник. И, вообще-то, мой САХ. А ты-то как с ним сошелся?

Так она не знает! Это уже знают все друзья и враги, а она, единственная, кто должен был бы знать — не знает. Присылаю все, что было на тот момент. Мой отчет о встрече с Азазелем. Мой отчет о его первом явлении. Мою попытку написать художественный роман — попытка, провалившаяся с литературной точки зрения, но все же высылаемая самым близким друзьям. Книга, писавшаяся только для САХ.

Мой САХ. Патрон. У нас еще и один САХ на двоих... Это слишком невероятно, чтобы быть правдой. Но и это оказалась не вся правда. Как выяснилось немного позже,

тремя днями ранее именно он пришел ей в духовной форме и просто сказал ей, чтобы она мне написала. Точнее, не просто сказал, а говорил много весьма интересного.

С трудом продираясь сквозь нагромождения памяти, я вспоминаю: все так и было. Последнее, что начала тогда переводить Черная Королева, — книга Азазеля. И тогда, десять лет назад, в один из наших с ней последних разговоров она что-то говорила про вызывание духов и особое значение Азазеля, а я делал вид, что слушал, ибо для тогдашнего меня того, чего нет в каноне, не существовало.

И углубившись в воспоминания, я получаю еще одно доказательство: Азазель был со мной всегда. И похоже, именно он послал тебя тогда ко мне, Черная Королева, послал, чтобы не позволить оскотиниться, спиться, забыть про Город, как тот принц из притчи про жемчужину. А когда ты справилась, ты просто улетела, как ночной призрак.

Через некоторое время посыпались ожидаемые вопросы. И первый же вопрос вводит меня в ступор: «А почему Нергал?» В смысле, почему в моем художественном романе именно Нергал выступает первым оппонентом Азазеля, хотя они по сюжету противостоят общему врагу. Этот вопрос меня изрядно удивил. Ну Нергал. Мог бы еще кого вспомнить. Ну мало ли богов? Захотелось мне. Тем не менее острый интерес, что я знаю про Нергала, еще не раз скользил в наших беседах. Похоже, я совершенно случайно затронул какую-то тайну, уж больно настойчивой охотничьей походкой Рысь пыталась выведать все, что я знаю о Нергале. А что, в сущности, я о нем знаю? Ничего. Просто захотелось назвать какое-то большое имя в диалоге с Патроном.

Как оказалось, я не способен ничего написать случайно. Моя единственная проба пера, мой единственный и провальный в литературном смысле художественный роман, которому я вообще не придавал значения, как выяснилось, писался лично для Черной Королевы и нес немало ключей.

Как выяснилось потом, я попал дважды в десятку. Во-первых, в жизни Черной Королевы был мужчина, которого звали Александр и который, как и герой моей неопубликованной книги, работал психиатром. Во-вторых, был тот, кто является Ставкой Нергала, мастер магии подземного мира, посвященный в самые большие тайны именно своим Патроном.

Ох уж этот Нергал! Эта история заслуживает того, чтобы оказаться в анналах оккультной классики аки притча на тему «если можешь не заниматься магией — не занимайся, ибо, если ты нужен магии, она тобой все равно займется».

Десять лет назад, когда мы с Серегой Яшиным явно и, в плохом смысле, морально затрахали ее до состояния полной разочарованности в какой либо адекватности оккультистов, Рысь разом оставила нас и отправилась в большой мир, не желая вообще знать о каких-либо магах и практиках. Улыбка богов: первый же действительно важный мужчина, с которым она познакомилась, покинув наш город, оказался чуть ли не единственным в России посвященным одного из немногих реальных люциферианских орденов на Западе, сам же этот человек является главной Ставкой Нергала и мастером в области магии смерти, мастером такого класса, что любой из ныне известных магов, претендующих на работу с силами смерти, начинает нервно курить и выбегает за дверь. По немногим скудным эпизодам стало ясно, что этого человека нельзя даже сравнивать с кем-либо из известных мне магов, именующих себя «магами смерти». Разница здесь как между вольным лесным кабаном и морской свинкой — вроде одно название, а существа явно разные.

Вот он — знак настоящей избранности, знак, который невозможно потерять, забыть, выбросить. А ведь отношения Черной Королевы с глав-Ставкой Нергала продолжались не один год, а когда чувственная сторона этих отношений таки закончилась, они остались близкими друзьями.

Впрочем, на момент описываемых событий куда больше, чем непонятный Нергал, почему-то вызывающий столь активные расспросы, меня волнуют мои отношения с Патроном. Несколько месяцев как Азазель больше не говорит со мной. После

жертвоприношений, после причастия кальмарами мне остается разве что следовать его совету и «играть в него», пытаюсь «примерить его форму».

Процесс, что и говорить, печальный, а порой доходящий совсем до абсурда: одна из моих женщин, обращаясь ко мне, говорит с Азазелем, но в этот миг нету даже следа, даже случайной вибрации Патрона и я подобен самозванцу, который даже не пытается быть самозванцем.

Да, я стал сильнее. Да, я стал осознаннее. Но тишина Азазеля и грядущая потеря Иштар — это то, что заставляет побеспокоиться. Выживет ли Город? Остаюсь ли я главной ставкой моего Патрона? Мир вовне и мир внутри угрожающе шатается — и в этот момент появляется Черная Королева и говорит, что у нас один САХ на двоих. Может быть, это шанс? Не спешить, во имя всех богов, только не спешить. Пусть Рысь, пусть Черная королева побудет с нами хотя бы как переводчик, как воин, как хранитель Города. Я не должен спешить и — самое главное — я должен точно знать, чего на самом деле хочет она.

Это звучит абсурдно, но полгода мы даже не пытаемся встретиться. Хотя после всего выясненного, кажется, есть и повод, и причина. Но как будто кто-то хитрый и большой выводит ее из моей памяти. Просто еще не переписаны до конца договоры. Просто доживает свое наш изначальный договор с Иштар и ни я, ни она не признаются себе, что именно доживают. И титаниды на тот момент еще воюют. Дитя в договоре с Акташ еще не зачато. Так что пока не время, а ему виднее гораздо лучше меня.

И вот, накануне дня рождения я чувствую желание позвонить, поговорить, увидеться.

— Как там переводы? Впрочем, нет, какие переводы, — а приезжай ко мне на день рождения, прекрасная Рысь. Посмотри, как оно сейчас у нас. Это же ни к чему не обязывает — можешь даже подарок не привозить, только загляни на огонек. — Я приглашаю и не надеюсь, что она приедет. Ведь праздник завтра. И — маленькое чудо — она принимает приглашение. И на моем любимом празднике посланницей от Азазеля вновь, как и прежде, сияет темным огнем Черная Королева!

Вот ты и здесь, Черная Королева. Десять лет прошло, а твое Черное пламя еще ярче, чем было прежде. Я постарел, устал, завяз в материальных проблемах. Я построил наш Город, Рысь, но строя Город, я перестал быть тем восторженным юношей с горящими глазами. Я — политик, скептик, расчетливый игрок, разделивший мир своей внутренней практики, где царствуют Акташ, Магда и Иштар, и все остальное, где есть только жестокий расчет. Я постарел, но посмотри, как помолодел наш Город. Ты уезжала, когда мы только переехали к нашей спасительнице, Виолетте, и вот вместо квартиры у нас собирается целый зал. Мы мечтали о пространстве, где искусство, психология и сокровенная магия будут тремя главами одного зверя, и вот — лучшие музыканты сегодня выступают на моем празднике. Ты уезжала когда я был почти единственным лектором, разбавляемым случайными гостями, и теперь у нас говорят лучшие учителя, лучшие мыслители разных традиций и потоков. Ты уезжала, когда я только примирился с Орденом после Армалена, но сейчас мы с Орденом образуем надежный союз, а я вступил во внутренние врата храма. Ты уезжала, когда подо мной шаталась земля и мне надо было уцепиться хоть за кого-то, но сейчас я окружен прекрасными женщинами, надежными друзьями, верными соратниками. Не так ли, Черная Королева? А вот и танцы. Время, когда делить танцы было тяжелей, чем делить ночи, потому что меня рвали взглядами Пеймона и Магда, прошло безвозвратно. И я могу позволить себе пригласить тебя первой. Ты же не просто почетная гостья, ты та, кто был осью нашего града, осью, заложенной в самое его основание.

Так многое хотелось сказать. Так многим поделиться, разделить всю красоту и величие нашего Города. Но все, что я был в силах сказать: «Я приеду к тебе в гости». И — лаконичный ответ: «Приезжай!»

Одиннадцатый священный ключ

Глава 3. Озеро

*Озера тайный овал
высветлит в утренней просеке
то, что мой предок назвал
кодом нечаянным: «Господи...»
А. Вознесенский. Озеро*

Я не мог не приехать. Я выбирал момент.

Приезжай? Кабы так легко было вырваться из железных тисков суеты, да еще и в другой город. Не прошло и недели, когда я позвонил Ей. «Я еду». «Приятная неожиданность».

И вот я снова здесь. Я вернулся туда, где не был никогда, вернулся на Итаку, не подозревая, что Итака еще существует на мировой карте. Я вернулся в комнату, которая, казалось, была в моей памяти всегда. Не прошло и недели после праздника жизни. Черная Королева пригласила, и негоже заставлять королеву ждать.

Впрочем, наша самая первая встреча закончилась неожиданным фиаско. Меня как будто заблокировали в сексуальном смысле, чего раньше со мной не случалось. Нам оставалось только говорить. Обсуждали все — мой единственный художественный роман, который никогда не будет издан, историю Акташ, переплетения судеб и отношений и, конечно, самое главное — мы говорили о Нем. Об Азазеле.

И где-то на самой большой глубине Юлию вдруг подменяет та, которую звали. Нахема. Внезапно голос меняется, и властным тоном настоящей Черной Королевы глубин она произносит, показывая на кулон на моей шее: «Как мог ты прийти ко мне, одетый в эту мерзость?!»

Мерзость? Всего лишь сова, символ Лилит, подаренный одним из самых надежных друзей проекта, подарок Альрауне на день рождения. Чем ей эта сова не нравится? Я смущен, озадачен, шокирован. Если бы это был подарок возлюбленной женщины, такую реакцию можно бы было понять, но нет же — просто хороший друг, поддерживающий наш Город много лет. Впрочем, если просит, пусть будет так — на следующую встречу я таки не буду надевать этот кулон.

Самое невозможное, что вторая встреча состоялась. Это действительно чудо: как Черная Королева простила мне мой первый провал, почему дала второй шанс? Любая из женщин не простила бы такого провала, но между нами уже существовал Договор с Азазелем, который выше человеческих неурядиц.

Я знал сотни людей, называющих себя магами. Магами, вдохновленными близкими людьми, своими мужчинами или своими женщинами, вдохновленных красотой и изысканностью магического сообщества, которое по уровню мысли как бы стоит над обычным миром. Да что греха таить — разве сам я не был подобным магом? Большинство известных мне магов и оккультистов либо приходят в магию, чтобы найти свой круг, свою стаю, нуждаясь в поддержке своего странного интереса, либо, что гораздо хуже, компенсируются через магию, утешая себя, что их ничтожность в материальном мире — не более чем иллюзия и плата за слишком высокий духовный уровень.

Черная Королева — особая ситуация. Все эти годы она жила двойной жизнью. За те десять лет, когда мы не знали друг о друге ничего, Черная Королева не общалась ни с каким оккультным обществом, за исключением одного единственного мастера, о котором далее речь пойдет отдельно. Успешная, уверенная, твердо стоящая на ногах, имеющая свой бизнес, все эти годы, каждую свободную от бизнеса и танцев минутку она вновь возвращалась к живой магии. Получая из глубин сигиллы и знаки, читая особые источники, собирая свои магические карты воедино. И — что совсем невозможно — заглядывая непосредственно под шелуху без какого-либо тайного ритуала 2,22. Непосредственно живя на двух берегах.

Постепенно я узнаю ее историю. Еще ребенком, родившимся с чувством чуждости этому миру, она начала говорить с Азазелем. Сначала это был просто темный ангел. Одновременно со мной, все в том же 2016-м, она узнала его имя. Каждую печать, каждый знак, каждую сигиллу она проверяла на действие на прямом опыте.

— Коэтинг — маленький глупыш, но у него, наряду с бессмысленным пафосом во всех текстах, тем не менее вполне рабочие сигиллы, — как-то сказала Черная Королева.

Для Черной Королевы магия — это не хобби. Не инструмент. Не религия. Не средство к добыче пропитания — нет ничего страшнее, чем применение Искусства в чисто корыстных целях. Ее воздух пропитан магией, так же как воздух высоких гор пропитан разреженным озоном. Это не чудо, не любопытство, не экзотика. Это — повседневное дыхание, жизнь, сверху донизу пропитанная практикой.

В этом было что-то общее с Акташ. Как и для Акташ, для Черной Королевы нет границы между сакральным и профанным. Но если магия Акташ — это только то, что она видит на глубине, Черная Королева прекрасно работает с внешними источниками, безошибочно чувствуя, что в этих источниках имеет живое зерно, а что можно без труда отбросить. Акташ — хозяйка Черных вод, Рысь — хозяйка Черного огня. Для Черных вод любая информация извне может быть опасной, замутить чистоту. Для Черного огня — все есть источник энергии.

В ходе второй встречи разговор сразу принял неожиданные обороты.

— Кстати, а как сейчас твой Азазель? — почти по-хозяйски поинтересовалась леди, — Заглядывает ли?

— Увы. Я почти забыл как это — когда он действительно приходит. Похоже, он пришел, настроил свой инструмент и сам удалился на глубину.

— А знаешь что. Прежде чем идти под шелуху, надень, пожалуйста, вот это колечко. — Рысь протягивает мне изящное крылатое кольцо с красно-черным камнем и крыльями по обеим сторонам. Послушно надеваю. Сомневаюсь, конечно, что это поможет, но почему бы и не принять правила игры.

Мы идем в глубины глубин, и там, на глубине, наконец обретаем друг друга после этих десяти лет. Темный огонь. Отпечатавшийся в моей памяти десять лет назад и наконец созерцаемый вновь во всем великолепии. Воистину, Черная Королева сияла темным огнем, огнем желания и наслаждения, вибрацию которого невозможно передать или описать. Просто темный огонь, приятно слепящий глаза, просто поле чистого наслаждения.

А потом после услады любви мы смотрим друг на друга — и я понимаю. Происходит невозможное. Патрон вновь приходит через меня в полную силу. До сих пор мне оставались только следы, попытки принять его форму, против чего он точно не возражал. И вдруг, в одно мгновение, он, как в первый раз, полностью заполнил мой разум, превратив меня в свидетеля его мистерии. Как же давно не было ничего подобного!

— Ух ты, что это с тобой?! — говорит Черная Королева, будто не до конца доверяя своим ощущениям.

— Ну уж, ну уж, значит будем делать вид, что не узнаем старых друзей? Нашу первую встречу — на озере, — может быть, ты тоже не помнишь? А ведь красиво было, очень красиво.

«Первая встреча. На Озере. Огненном, что ли?» — где-то на периферии сознания думаю я, полностью отдав ему речевой центр, и тут вижу, что моя прекрасная Рысь потеряла дар речи и не мигая смотрит на меня. Похоже, я попал не в девятку, а в десятку и сам даже не знаю, во что и куда.

— Так это там действительно был ты? — изумляется она.

— Да, я всегда наблюдал за тобой и вел тебя по твоему пути.

— Давай следовать традиции — а по традиции следует все-таки представиться. Так кто ты?

— У меня много имен. Если хочешь, можешь для разнообразия называть меня Самьзой, хотя мое главное имя тебе прекрасно известно, моя дорогая.

— Самьза? Семь языков бога?

— Да вот решил лично повидать тебя, а то как надоело только по снам шкериться.

Я чувствую, как мой голос меняется, исчезает его привычная ирония, которая казалась неотделимой от Патрона.

— Я пришел разделить с тобой наслаждение. Прекрасная женщина, ты всегда умела наслаждаться, кем бы ты ни была, суть всегда была твоей. Ты способна тонко чувствовать, в тебе всегда была частица богини.

— Я знаю. И как же ее звали?

— Нахема.

— Нет, это не полное имя.

— Наама.

— Да, Наама.

— ...Твое сознание так долго настаивалось и кристаллизовывалось, становясь все чище и выше. Ты мне понравилась. Ты всегда мне нравилась. Твои вибрации столь изысканны и глубоки. Если бы в твоём создании был отмечен только я, они не были бы такими тонкими. Здесь не обошлось без вмешательства моих сестер. Как вообще такой, как ты, живется среди смертных? Тебе должно быть безумно скучно.

— Так все дело в этом? Что я тебе просто понравилась?

— А разве этого мало?

— Чего ты ждешь от меня?

— Прекрасная женщина. Какой с тебя может быть спрос или ожидание. Просто наслаждайся.

— То есть у тебя на мой счет нет никаких планов?

— О, разве могут быть планы? Самые малые и самые большие одновременно. Разве с тобой можно иначе? Мы так давно ждали тебя. Все мы, Легион, как же мы тебя ждали! Твой выбор безграничен, но ты ведь выберешь нас?

— Помнишь, мы говорили на озере? Всему нужно дать имя. Например, Волне, которая идет сейчас. Дай ей имя.

— То есть волну нужно определить?

— Нет. Назвать. И тогда она обретает душу. Назови Волну.

На этих словах руки самопроизвольно делают странное движение, как бы изображая волну.

— Ли-ри!

Ли-ри — последняя буква в этой магической формуле звучит как бы особо протяженно, точно звучание, уходящее в небо.

— Почему ли-ри?

— Потому что ли-ри.

— Мы встречались раньше, в других воплощениях, между ними?

— Мы встречались в танце. Ты не могла не почувствовать меня тогда.

На этих словах он оставляет меня, и я снова в привычном состоянии. Я не могу поверить своему счастью: он снова вибрирует, он снова говорит со мной! Разве это возможно? Весь год он молчал — и тут является в самой чистой форме, форме, некогда явленной в первый раз.

— Это был он, это же правда был он?

— Конечно. А чему ты удивляешься? Я же сказала, что он проявится. — Кажется, леди прекрасно справилась с первым изумлением, к которому сперва была явно не готова.

— А что за озеро?

— Когда я была маленькой, я убежала от мира на озеро. У нас в Ростове прекрасное древнее озеро. В озере живут духи. И когда я не понимала, что это за мир, он впервые заговорил со мной. А недавно я узнала, что это был Азазель. И вот приходишь ты и говоришь о нашем первом разговоре на озере. Тогда он учил меня давать имена всему, что меня окружает. Он показал, что все вокруг — живо и дышит. И я как будто впервые вернулась домой.

Я сражен. Можно сколько угодно доказывать себе, что эти включения на уровне высоких ритуалов — лишь игра бессознательного. Но откуда мое бессознательное могло с такой уверенностью говорить о «нашем первом разговоре на озере»? Откуда я мог знать про Нергала? Уж больно точно попал и уж слишком знающе и уверенно говорил о моем первом разговоре.

Происходящее отдавало каким-то легким дежавю. Все так же Азазель выстраивает пируэты в восхвалении красоты. Все так же — леди с интересом выслушивает и легко дает ответный пас. Но все же было в этом дежавю и то, что отличалось разительно. Азазель и Акташ — действительно знакомились в первый раз. Здесь — это была беседа очень старых знакомых, таких старых, по сравнению с которыми срок одной жизни — лишь один час. «А вот помнишь свое французское воплощение? А помнишь, как ты была монашкой? О, сестра Матильдушка, ты очень верила в то, что сам господь Иисус нисходит к тебе в Келью, ты бы не пережила, узнай ты, кто к тебе заглядывал. Иисус сладчайший — так ты меня называла. Ну, дорогая, конечно я, зачем было пугать тебя моими темными крыльями, тем паче что если присмотреться — у тебя не меньше. А

наше племя, вопреки слухам, вообще больше любит женские монастыри, чем публичные дома — самое веселое именно в монастырях происходит. Под шелухой».

Постепенно сознание возвращается. И кажется, я опять иду по старому сценарию, «бога и идиота». Пока боги беседуют, идиот испуган и делает свои выводы...

Я знаю, что мы связаны, но если она и есть Нахема, значит... Господи, она же разгонит весь мой орден, захочет единственной стать! Мозг начинает носиться как белка в колесе, пытаюсь понять — как быть достаточно близко, чтобы взаимодействие происходило, и достаточно далеко, чтобы не оказаться захваченным. Она же прогонит всех, и если она Нахема, она сможет.

Кажется, удастся скрыть тревогу. Мы вновь начинаем заниматься сексом, и на этот раз на меня обрушивается невероятная волна экстаза, волна, перед которой невозможно устоять. Я возношусь все выше, яростнее, напряженнее, я оказываюсь во дворце Черного огня, огонь — это она, огонь — это я, взрыв, я рассыпаюсь на тысячи частиц и падаю обратно в тело безвольно осыпавшимися осколками. От того, что я считал собой, кажется, не осталось ничего.

— Ну и что же ты сейчас делаешь, дорогой? — гордо восседая на мне, непринужденно спрашивает сама Нахема, впервые в полную силу вошедшая в Черную Королеву.

— Я... ты... где я?! Нет, это невозможно. Ты рассыпала меня через наслаждение. — Перед глазами возникает картина произошедшего полтора года назад, когда Акташ решила проявить свою крайнюю силу и через «форму черной лисы» рассыпала меня на кусочки. Казалось, что вот сейчас она, как Акташ, потребует снять кольцо и отдать ей. — О боги! Но как это вообще возможно? На такое способен только один человек на земле. Признайся — ты имеешь финно-угорские корни? Финно-угорская магия — откуда ты ей владеешь?

Я сражен, поражен этим дежавю. Так просто не бывает. Казалось, Юля передала даже ту надменно царственную интонацию, которую когда-то воспроизвела Акташ. Там — Черная вода, здесь Черный огонь, но абсолютно тождественные методы, магия, о которой не пишут в книгах по магии. Магия, дающая возможность мгновенно проникнуть в ядро эго и взорвать его изнутри

Подумав несколько секунд, Нахема изрекла:

— Какие финно-угры? Я чистокровный ариец и немец. Так что же ты все это время делаешь, дорогой? Давай уж поговорим, наконец.

Становится ясно — соврать не получится. Придется говорить.

— Я пытаюсь сохранить границы себя, чтобы не дать пойти на слишком близкое взаимодействие.

— Так я тоже, — смеясь, говорит Нахема. — А ты полагал, что я тебя присвоить хочу? Я вот и чувствую, что в мозгах металл, металл, металл.

О боги, даже словечки Акташ. Да что происходит-то, боги, что за временная петля?

— Менталоконструкции, — пытаюсь пошутить я. — Извини.

— Да ничего, бывает, — как ни в чем не бывало говорит Юля уже подобревшим голосом. — Только давай договоримся все-таки видеть друг друга. Тогда я ушла потому, что ты перестал меня видеть совсем.

— Так не из-за Адрианы?

— А кто это? Не помню.

Я смотрю на нее и понимаю — в лице этой женщины я столкнулся с чудом, которого не знал до сих пор. Во-первых, мой Патрон приходит к ней в полной силе. Во-вторых, не будучи финно-угром по крови, она играя воспроизводит финно-угорскую магию, власть доводить наслаждения до точки распада, когда на землю в тело осыпаются осколки — и соберешься ты или нет, зависит только от нее. Как Акташ? Только гораздо, десятикратно более спокойна, не рассыпаясь сама на капли Черной воды.

Пришло время капитулировать — и веди меня, Нахема. Четвертый элемент Тетрады во плоти. Здесь и сейчас, прямо передо мной. Абсурд, нелепость, но если я есть Ставка Ааззеля, то почему ей не быть Ставкой Нахеми? Азазель говорил с ней совершенно по-особому, как с очень старой знакомой, которую знал не одну тысячу лет. И они понимали друг друга, понимали в тех словах, в которых вообще нельзя было понять ничего!

— Ты как Нибиру. Не то планета, не то звезда, траектория кометы или вообще черт-те чего. Ох сильна ты, дорогая! Похоже, я искал именно тебя.

Интермедии 1. Девочка и Ангел

Озеро было прекрасным.

Оно излучало белый свет и, казалось, было наполнено чем-то сильным и таинственным. Вслед за озером свет начал исходить от камней, растений и деревьев.

За этим наблюдала маленькая девочка в розовом платье с вышитой бабочкой на груди. Девочка всегда любила уходить слишком далеко от людей. Вот и сейчас она выбралась на свободу сквозь перегородку парка, и ее еще не успели найти.

А озеро было прекрасным. Девочке казалось, что оно было живым. А значит, каждый камень, каждый цветок мог чувствовать, мог мыслить. Он обладал сознанием, как и все вокруг было единым совершенным восприятием.

Но девочка не знала, что такое сознание и восприятие. Она не знала наверняка, что в этом мире считать нормальным, а что нет. Она могла только чувствовать, что она здесь чужая и никто не может понять ее до конца — никто, кроме святящихся камней и деревьев. Она прикасалась к ним и говорила с ними. Но они ничего не могли ей ответить.

И тогда девочке стало страшно и чудовищно одиноко. Страшно оттого, что никто и никогда не сможет ее понять и принять, стать по-настоящему близким. И кто бы ни был рядом, она навсегда останется маленькой девочкой, живущей где-то не здесь, а значит, и не живой вовсе. И она не станет искать этого принятия, этого понимания. Она будет сбегать в лес к озеру. Она всегда будет сбегать в лес к озеру...

Девочка заплакала. Если бы ее спросили, почему, то она бы не смогла объяснить. Сияющее озеро было слишком красивым для того, чтобы быть правдой в том сером мире, на который она обречена смотреть, пытаясь забыть тоску по чему-то иному, чему-то некогда знакомому и родному.

Над озером поднялся ветер. И ветер тоже был живым.

Девочка почувствовала, что он будто пронизывает миры, смешивает их, перестраивает потоки. Ей захотелось стать ветром.

Она почувствовала за спиной чье-то присутствие. Она сразу поняла, что этот кто-то не враждебен ей, а наоборот — желает добра и сочувствует. Это был кто-то близкий на уровне божественных миров, которые сияли. Она оглянулась, но никого не увидела. Был только ветер.

И зачем она услышала голос — очень ясный взрослый мужской голос:

— Как тебя зовут здесь?

Она не понимала что значит «здесь», но ответила на вопрос.

— Почему ты плачешь?

Девочка вздохнула и попыталась вытереть слезы. Ее учили быть сильной и никому не показывать своей слабости. Но она чувствовала, что этому собеседнику можно доверить все. Но ведь он и так уже все знает...

И она сказала:

— Мне страшно. Я вижу то, что другие не видят, не чувствуют. Ты видишь, как светится это озеро?

— Это пробуждается твоя память. Озеро много значит для тебя. Ты чувствуешь и понимаешь больше. И этого не нужно бояться.

— Кто ты такой? — спросила девочка. — Я говорю с ветром? Почему ты можешь отвечать мне?

В этот миг девочка начала видеть очертания. Он был очень высоким и походил на человека. Его волосы были кудрявыми и рыжими, а глаза меняли цвет — от зеленых до темно-карих. Он был одет во что-то, напоминающее темно-фиолетовый плащ.

— Нет. Я не ветер. И ты не ветер, хотя в тебе много этой стихии. И я никак не связан с этим местом. Но мы связаны с тобой, дорогая. И я буду оберегать тебя и заботиться о тебе. Ты можешь называть меня своим ангелом. Я могу чему-то научить тебя, а точнее помочь вспомнить, потому что знаю, как это тяжело — вспомнить себя. И я всегда буду рядом с тобой. Всегда. Потому что когда-то ты пошла за мной по своей воле. Ты больше никогда не будешь одинока.

Он говорил, и его слова падали в глубины озера, отражаясь в сознании девочки полосами яркого света.

— Смогу ли я говорить с тобой, когда захочу?

— Только когда действительно будешь нуждаться. Только тогда. Ты можешь говорить со мной в мыслях и снах. Я всегда буду рядом.

Сияние стихало. Все постепенно обретало привычную форму.

— А, знаешь, — сказала девочка, — я думаю, что тот, кто сотворил все это, он ведь совсем не добр. Он и его служители не нравятся мне. Ты на его стороне?

Ее собеседник задумался на секунду.

— Да, он совсем не добр. Ты правильно понимаешь. И мы противостояим ему.

— Но ты сказал, что ты ангел.

— Тебе ведь еще неизвестно, что там бывают мятежи? Если хочешь, можешь называть меня темным ангелом.

— Значит, ты на другой стороне? Это интересно.

— Да. Ты еще не знаешь, насколько.

Записки Черной Королевы. Записано за год до описываемых в прошлой главе событий, происходило в раннем детстве.

Глава 4. Карни

*Послушай — я здесь, я рядом. Смотри, смотри:
Ты видишь — сквозь лед и камень растет трава.
И может, был прав Создатель, сказав: «Умри!»
Но я не сумела так. Я жива! Жива...*

Martyel. Лилит

Интересно, сколько раз, читая эту часть, почтеннейший читатель возмущенно воскликнет «так не бывает!»? Ну, например, не бывает так, чтобы с разницей в неделю в твою жизнь ворвались две необыкновенные женщины, за плечами каждой — множество ступеней пути. Но верите вы мне или нет — это правда.

Карни. Сокращение от ее настоящего имени Карина, которое само по себе более чем символично.

В нашем мире магии не бывает случайностей. И если уж появляется женщина с символическим именем и фамилией, значит, приготовься проститься с прошлым. Карина по-арабски — Лилит. В книге Лилит, некогда изданной во славу Владычицы, — отдельная глава под названием «Карина». А в ее фамилии странным образом встречаются большинство букв из имени Мастера, причем в правильном порядке. Тогда

это просто казалось мне забавным. Марти. Смешное совпадение, которое со временем перестанет казаться смешным.

Карни знала обо мне все. Карни изучила всю теорию и практику, прослушала все мои лекции и лекции других наших лекторов. Для Карни есть только один смысл жизни — восхождение к духу. Мужчины Карни в прошлом — один из самых известных каббалистов и один из известнейших суфиев. Карни по настоящему интересны лишь те, кто полностью посвятил себя духу. И, похоже, последний год она заинтересовалась мной. Взаимно.

С первого же ее появления я приглашаю ее на танец. Всего через неделю мы остаемся наедине.

Впрочем, я далеко не сразу понял, кто передо мной. Уставшему от тягот титанических войн, мне просто хотелось бесшабашной, ни к чему не обязывающей страсти. Карни — такая яркая, легкая, обращенная в мир, казалось, была ответом на мои молитвы. Хотелось отдохнуть.

В наше первое свидание первый вопрос, который она задает: «Расскажи об Азазеле. Я читала главу из твоей книги, ты действительно из наших?»

— Из наших? — Признаться, я сперва не воспринимаю ее слова всерьез. Хочет человек включиться в мой миф — почему нет? Он все равно так давно не приходил... Я рассказываю все, что можно рассказать, и задаю дежурные вопросы.

Вместо ответов Карни протягивает мне свой смартфон.

— Это моя статья в блоге. Десять лет назад.

Выясняется, что еще тогда Карни решила, что она, из-за того что болеет редкой генетической болезнью, принадлежит к тому самому проклятому роду нефилимов. И все время, пока она изучала каббалу, ей было интересно одно — история нисхождения ангелов.

Я ошарашен. Я озадачен. Я даже смущен. Внутренний Крег Туми может до хрипоты кричать, что это всего лишь компенсаторная фантазия, позволяющая психике смириться с болезнью, которую нельзя вылечить. Те, кто повыше, не слушают глупца и слишком хорошо знают цену поверхностным объяснением. Важно не то, что это фантазия. Важно, какая фантазия. Она могла выбрать тысяча и одну фантазию, но она предпочла фантазию о роде Азазелевом. Это не просто свидание, надо под шелуху, надо в глубинные ритуалы, надо в мистерию.

— Дай мне ключи... Меня интересуют только ключи, — практически сразу сказала Карни.

Интересно, что она имеет в виду. Ключи, эка невидаль! В ОТО я ее все равно не посвящу. Ключи Мартиэль? Ну так их может каждый в ритуале услышать. Должно быть, разновидность любовного флирта.

— Ты знаешь путь. В глубине, в 2,22, отдавшись всей полноте страсти, можно открыть богов.

— Секс я люблю. Но ключи передаются не только так, ты же должен знать.

И все-таки — до чего же интересно, о каких ключах она говорит? Еще недавно я бы пропустил эти слова мимо ушей, но запрос на «ключ», такой уверенный и бескомпромиссный, не может пройти мимо. Чего ты хочешь, красавица, на самом деле — тайные слова? Я буду счастлив броситься в омут с тобой, красотка.

Мы выполняем ритуал 2,22, совершаем ряд практик воображения, призывания и ритуалов. Почему-то я решаю сделать ритуал двух бездн, хотя выполняю его достаточно редко. Воображение освобождается от пут, еще немного — и мы рухнем в объятия друг друга. До чего же яркая! Радужное сияние обрушивается почти сразу.

Внезапно происходит нечто, к чему я точно не был готов. Она впадает в оцепенение. А наши психические пространства уже сцеплены, потому холод обрушивается на меня. Я как будто изнутри чувствую, что ее душа, ее суть словно впечатана в мертвящий лед.

Могу ли я ей помочь? Я пытаюсь выйти в эротический регистр, но она будто бы цепенеет. Что делать, боги, что делать?! Первый урок магии: имеешь дело с чем-то непонятным — дай этому непонятному имя. Захватило прекрасное, мощное, ослепительное состояние — дай ему имя, чтобы иметь право и силу позвать. Захватило что-то ужасное, пугающее, губящее — дай ему имя, чтобы отделить себя от этого состояния. Имя надо давать просто — первое подходящее в голову имя будет правильным.

Мара. Вот, значит, ты какая — Мара. Но почему, почему, черт побери? Там наяву — яркая, легкая, сияющая. И такой мертвящий холод под шелухой.

Я начинаю взаимодействовать через свет. Все, как учила Марти — Зеленый поток жизни, Красный — огня, зеленый из сердца направленным лучом. Выбирайся, дорогая, из чар твоей Мары, здесь тебя ждут, здесь тебя любят. Азазель! Нефилимов ради, помоги! Поток становится ярче, кажется, Мара немного отступает, появляется контакт, энергия. Влечение снова наполняет тело. Соблазн. Иди же ко мне в огонь, девочка моя, я растопил мое огненное озеро... О, узнаю вибрацию Азазеля, и, кажется, она тоже узнает его. Из визуализации потоков мы переходим к долгожданному соитию.

Станный секс. В моей жизни всегда было много разного секса. Утонченный и жесткий, пассивный и активный, нежный и грубый, верхний и нижний, секс втором, секс с молитвами и мантрами, секс как надежда на преображение через женщину. Иногда секс как завоевание, иногда как капитуляция.

Но сексом как терапией я занимался впервые. Каждая ласка, каждое движение, каждый поцелуй — как попытка направить еще немного огня, как воскрешение. Никогда раньше и никогда в будущем не знал я о существовании такого секса — секса как целительства. Кажется, что сам Азазель управляет моим телом. Великолепно! Экстаз! Карни снова та Карни, которую я знал: больше, ярче, сильнее. Это уже наш общий танец, гул, захватывающий нас под шелухой в яростном соитии, переходящий в последний выброс энергии.

Теперь можно и поговорить. Кто же ты такая, Карни-Мара? Откуда взялась эта твоя Мара? Я был на глубине с многими женщинами, но такое я вижу впервые. Я начинаю очень внимательно расспрашивать. И с каждым словом я понимаю, насколько моей малышке пришлось тяжело.

Предательство мужа, в которого она, по ее словам, «вложила все силы». А эта может, сил в ней на четверых хватит. Ко всему прочему, та редкая генетическая болезнь, которая требует постоянного лечения, лишает возможности родить. Четыре попытки. И вот тут на ее словах у меня начинают нервно шевелиться волосы — последний выкидыш был три недели назад. Последняя надежда разрушена, пришло оцепенение.

Детка, ты правда безумна, если через три недели пришла ко мне, чтобы заняться сексом. Эк тебе досталось, дорогая.

Я сделаю, все чтобы вернуть ее к жизни, и, похоже, первая попытка удалась.

Да разве так бывает? Крушение отношений, выкидыш, болезнь — и всего одна встреча возвращает к жизни, полностью сняв оцепенение, от которого иные лечатся годами. Это действительно невозможно. Но это — Жемчужинка. Живой исток. И все омрачение, вся мерзость, вся боль проходит рябью на водах — и вот воды вновь спокойны.

Меня только задело, что она не осталась спать в квартире. В этом отказе было что-то от скрытого вызова, недоверия, почти оскорбления. В другой ситуации обиделся бы смертельно. Но после Мары... Знаю, понимаю — не время. И так достаточно для одной встречи.

Следующей встречи я ждал. Следующей встречи я боялся. А если опять Мара? А если не справлюсь? Если вместо экстаза будет разрушение? Я был проводником, учителем, любовником. Но целителем душ я не был еще никогда. Раньше я сам искал силы, исцеления, новых форм души и новых наслаждений, которые может подарить мне

женщина. Но оказаться целителем самому? Лестно, конечно, что получилось, но что удалось один раз, может не удалиться потом.

Нет ничего более нелепого, чем ожидать и предсказывать погружение в высшую магию. Мары больше не было. Была богиня, была Бабалон, была очищающая, яростная, сжигающая в своем горниле все омрачения страсть. Точно древняя змея, Карни сбросила старую кожу и теперь могла в полной мере быть самой собой. Я даже надеяться не мог, что все решится так быстро.

Это была страсть. И это была ярость. Крик, от которого дрожали стены. Яростная, страстная, провоцирующая, бросающая вызов. «Давай, покажи, что ты можешь, дорогой! И это все? Выдай все, на что ты способен!» Происходило невероятное: она провоцировала Тень, того, кого я называл Рамси, и бесконечная агрессия, ненависть, скапливавшаяся годами и десятилетиями, появляясь на поверхности, бралась её за горло и преображалась. Сексуальная алхимия: Тень, чудовище, агрессор, которого она провоцировала каждым жестом, здесь, на поверхности, превращался в древнего Зверя, Териона. Если возможна сексуальная алхимия, отверзающая глаза слепому, трансформирующая свинец в золото, то именно здесь, сейчас творилась эта алхимия. Сначала я поймал себя на том, что на поверхность стала подниматься Тень — страшная, злая, ненавистная, не раз ставившая меня на грань разрушения и саморазрушения. Но идущий от нее невероятный красный импульс преобразовывал личное в архетипическое, человеческое в небесное, Рамси в Териона. Если бы я не пережил этого тогда, я бы не поверил, что это возможно.

«О да, дорогой, я знала, ты можешь, ты тоже древний зверь, ты проснулся. Я люблю тебя, милый, очень люблю». Голос меняется, и на смену звериному иступлению, в котором исчезает сознание, приходит затопившая сознание нежность. Нежность, вышедшая из берегов и затопившая наши тела и души.

Уже на второй встрече она стала называть имена. Ключи. Северный ветер. Радуга. Северное сияние. Танец над бездной. Она называла слова, о которых не могла знать. Как так получилось, что давняя фантазия, которую никто не стал бы понимать буквально, вдруг станет для нее ключом? Вселенная воображения — заявив сюжет как свой личный миф перед мирозданием, назвав имена сил, ты неизбежно оказываешься в центре мистерии, а с той самой секунды, как мистерия открывается, сама реальность, мироздание становится режиссером твоего мифа.

Десять лет назад Карни заявила свою принадлежность к роду нефилимов. И вот мы вместе. Двадцать лет назад еще к маленькой девочке пришел темный Ангел, и вот — она спасла наш Город десять лет назад и вернулась сейчас, когда я был готов осознать себя темным ангелом. Подобное притягивает подобное. И все, что нужно — это упасть на самое дно черного зеркала, а затем омыться в самых чистых темных водах, дабы на теле души проступили имена и знаки истинного мифа.

А на следующий день она прислала мне сказку. Сказку, написанную еще десять лет назад. В этой сказке сражались Северный и Южный ветер. И когда они устали от войны, появилась новая богиня. И имя ей было Мирра... А всего неделю назад я познакомился с другой Миррой, и чертова реальность стала напоминать флуктуацию континуума. Случись мне пересечься в разных городах с разными соррор Лилит или соррор Бабалон, я бы это и синхронией не счел — каждая уважающая себя практикующая на определенном этапе берет это имя. Но Мирра... Имя, которое вообще не значит ничего. Имя, выстрелом пробивающее брешь моей реальности с двух совершенно разных и не связанных друг с другом сторон. Демон? Богиня? Героиня? Да вообще никто.

Глава 5. Ариман

Тысяча лет оков —

*что же накликал ты, бездумный пророк!
Тысяча лет оков —
просто на десять веков для мира не стать...*

*Тысяча лет без звезд,
пения птиц, запаха прелой земли.
Тысяча лет без слез
летних дождей, с ночью смешавших грусть.
Тысяча лет без снов,
сказок и песен, эха остывших струн.
Тысяча лет без слов,
только стук сердца, что до сих пор болит.
Martyel. Тысяча Лет*

Порой, прерывая поток воспоминаний на несколько секунд, я пытаюсь посмотреть на все написанное как бы со стороны. В то же мгновение застываю я в ужасе, понимая до какой степени испытанием будет моя книга для читателя от первых и до последних строк.

Единственная цель, оправдывающая существование этой книги: она изображает не просто мою жизнь. Она изображает Мистерию. И я надеюсь, что те немногие мои читатели, в ком горит огонь Черных звезд, на моем примере смогут понять, как бесконечно просто и как бесконечно сложно превратить свою жизнь в мистирию. Вы не найдете здесь ни инструкций по магическим ритуалам, ни строгой доктрины, однако тем немногим, кто умеет отличать магию и Магию, эта книга поможет открыть не одни врата. Потому что это не просто книга о Магии — это книга, наполненная магией.

В тот месяц я также познакомился с третьей женщиной, принадлежащей высшей магии. Как вообще возможно, что за десять лет после ухода Черной Королевы в моей жизни появилось лишь две действительно великие женщины — Иштар и Акташ, а сейчас, за какой-то месяц, врываются три богини, связь с которыми будет сплетена самыми тугими кольцами самой высшей магии?

Самые прекрасные, самые яростные, самые полнокровные и полные истинных взлетов и нисхождений связи чаще всего начинаются сразу. История Магды — единственное исключение из этого правила, но там мне нужно было время, чтобы страсть полностью завладела мной, преодолев мой же страх оттолкнуть слишком важного человека.

Как правило же, все происходит однозначно. Пойманный взгляд, полный смысла и зова. Ответный взгляд. Узнавание желания, не требующее лишних слов и представлений. И — с места в карьер, то есть в постель, даже если постелью будет летний московский дворик, как это было много лет с Иштар, или лифт в Северной столице. Иногда, если наши двойники, наши Анимы и Анимусы не зацепят друг друга, эта вспышка и останется всего лишь вспышкой северного сияния на сером небосклоне будней. Иногда может начаться танец длинной во много лет. Порой возможны варианты: можно быть хорошими друзьями несколько лет, а потом мгновенно вдруг почувствовать эту вспышку. Но что я знаю абсолютно точно, — если в начале этой встречи не происходит, она не произойдет никогда. Поэтому нет никакого смысла в таких словах, как «соблазнение», «завоевание» и прочих военно-полевых метафорах, подразумевающих некое противоборство, которое на самом деле не более чем торг, демонстрирующий, что страсть недостаточно сильна и велика.

Всегда следуй за огненно-молнийной точкой вожеления — вот что я посоветовал бы другу, ученику, ученице, если бы они пришли ко мне за советом, как разобраться в сложных переплетениях чувств. Как нельзя быть немного беременной, так и нельзя

растянуть молнию до человеческого, слишком человеческого торга. Молния — вспыхивает мгновенно.

Так было раньше и так было на этот раз. Чьи-то глаза поймали мои глаза, и вот я продолжаю говорить с залом, раскрывая вопросы оккультной философии, а мое эфирное тело уже переместилось в ближайшую постель вместе с прекрасной незнакомкой. Правда, лекция от этого хуже не становится, даже наоборот.

Красива. Интересна. Глубока. Зовет. Зову. Говорим. Встречаемся. Приглашаю. Кажется, что-то практикует, знает о магии и мистике. Сразу сексуальная магия, острие наслаждения усиливается новизной, и все воззвания, молитвы, ритуалы знаков стихий, знаков бездн, ритуалы, известные лишь посвященным, усиливают и утончают наслаждение, так что сознание раскрывается до границ небес, а наслаждение становится током, захватившим все тело. Ну наконец-то познакомились. Теперь можно познакомиться и на другом уровне.

Несколько встреч, несколько ночей, несколько лунных бликов когда мы узнаем друг друга, — и я решаю пригласить ее к сексуальной магии и ритуалам 2,22.

И снова неожиданность. Боги, мне уже давно пора было бы привыкнуть, что никакие предварительные ожидания не имеют значения. Внезапно Пифия — пусть это будет ее именем в книге — идет гораздо глубже меня и начинает говорить так, что с первыми же словами становится ясно: предстоит что-то интересное.

Сперва — не очень понятный, но более чем загадочный вопрос: «А кто такие восьмеричные боги?»

Я, разумеется, вспоминаю Огдоаду, Гермеса, «Касталию» как поток 8 и много интересного. По ее ироничному замечанию — «включил профессора и начинаю пересказывать научные статьи». Хотелось бы взять глубже, но не умею.

— А кто такие Зороастрийцы? — спрашивает она. И вдруг неожиданно продолжает фразу: — Зороастрийцы во всем виноваты, они все испортили.

Чувствую вспыхнувшую лампочку. Интересно. Впрочем, я пока не столь серьезен, в конце концов, про поток 8 она может знать из моей статьи, а что все испортили зороастрийцы, отравив религиозное сознание этическим дуализмом, перекочевавшим позже в другие, более молодые религии откровения, знает любой более-менее читающий эзотерик.

«Надо бы ее проверить чем-нибудь более серьезным», — думаю я. Значит, зороастрийцы. А если Аримана вспомнить?

— А может, ты и про Аримана что-то расскажешь?

И вот тут Пифия преображается. Другой голос, другая вибрация, другое пространство. Она превращается в настоящую Пифию, вещающую древние тайны внемлющим жрецам. Этот завораживает, поражает, очаровывает, язык скован немотой, а она начинает рассказывать. И как она рассказывает! Ее откровение продолжалось, возможно, больше часа, ибо в это мгновение вещала она о совсем иной истории сотворения мира. Мира, созданного Ариманом.

— И пришел он в поле мира извне. Внешний. Носитель иных знаний и мерностей. Пришел, погруженный вглубь себя, решая внутренние дилеммы иных миров, бродя по поверхности. В этот мир часто заходили разные существа — поспорить, разрешить конфликты или, наоборот, положить им начало. Каждый решал свои дела. Промежуточное, незначимое пространство для проходящих. ...Но в этот раз было все иначе. Он шел, сам того не подозревая, оставлял за собой волну, шлейф движений и перемен. Мир выходил из статического эдемского анабиоза. Всполохи и воронки хаоса на поверхности. Но откликов радости у местных обитателей это не вызывало. Дикий ужас, приход чумы и паника — так это воспринималось. Привычное сменилось на непонятное. Сопrotивляться бесполезно, ибо процесс был запущен. ...А еще в этом мире на нижних слоях обитали сущности, которые еще были не сформированы в полноценных богов. Они вели свои внутренние дела, правила, веками не проявляя ни малейшего

интереса, а что же происходит на поверхности. Статичного существования было им вполне достаточно и внешние перемены их не касались. А он ушел, осуществляя свой дальнейший путь по непостижимому для нас циклу.

— Тысяча лет! Этот цикл продолжается тысячу лет, ведь так?! — взволнованно воскликнул я. Вот здесь мне стало понятно: она действительно видит, и тот, кого мы назвали Ариманом, и есть Люцифер, настоящий Люцифер Серебряной Нити, про кого я знал многие годы от Марти, и до времени эти знания не должны были вообще выходить в открытое пространство.

— Там другое время, слишком сложно. Я продолжу?

— Давай.

— Так уж повелось что до него никто не возвращался. Это возвращение было парадоксом уже само по себе. И этот парадокс повлиял на все. Ариман обратил свой взор изнутри наружу и проникся этим миром, возлюбил его всем своим существом. Парадокс повлиял на него самого, произошел запуск эмоций и чувств, познание себя через внешнее...

Твою же мать! Она воспроизводит главную идею Юнга, что бог познает себя посредством человека, что бог нуждается в человеке, чтобы познать себя. Но это она точно не может знать!

...В восхищении он создает плерому, сотканную из себя, включающую все его знания о вселенной, и натягивает на этот мир, добавляя тем самым третью мерность, но не задавая на нее никакого принципа, который стал бы залогом направления, никаких рамок. И в этом создании плеромы зашит еще один парадокс: когда он исторгает из себя, в нем не остается пустоты, тратится ресурс. Он есть целостное — и целостное закладывает, нет понятия части.

А сам процесс был невероятен. За время его отсутствия тот шлейф от соприкосновения с миром уже создал хаос, привел статику в движение. И благодаря этому движению, на плероме, пленке стала появляться мандала мира. Живой, красивый, искрящийся, спонтанный процесс создания, чистая волна творчества. И за этим процессом остаётся только наблюдать и не вмешиваться. Так познал он радость творения, но не успел увидеть итог. Необходимо продолжать свой циклический путь. И он вновь ушел...

До случившихся событий во Вселенной была своя установившаяся гармония, лишь на окраинах ее происходили столкновения. И вот — Парадокс, вырастающий в систему парадоксов. Пространство Вселенной закручивается и стягивается вокруг этого нового мира.

Слишком многие интересы сталкиваются вокруг этого мира. Слишком много амбиций, страхов, сомнений, желаний и надежд вибрируют в пространстве этого мира.

И прорицаемый итог этих столкновений прост: кем-то, чьи решения не обсуждаются, принимается решение изолировать этот мир. Нанести толстый непроницаемый слой оболочек, как под стеклом. Мир под стеклом — смотреть можно, трогать нельзя...

Спустя цикл Он вернулся. Он видит, насколько все изменилось. Те пространства, где оставил плерому (плеву), стали Низом. А он уже оказался Сверху. Мир развивается, растет, осваивается. Появился объем, вертикаль, новая мерность.

И к своему ужасу, увидел он, что мир оказался червив внутри, точно прекрасное снаружи яблоко, изнутри пожираемое отвратительным червем разложения. Исправить это было невозможно, и он решает добавить в верхнее поле мира грани своего бытия. Исторгает он из себя триаду, и атомы начинают обретать иные формы. И триада его дает основу для того, чтобы мир мог развиваться дальше.

И снова пора уходить..

Мир капсулируют и наблюдают за ним с внешней стороны. Как за водородной бомбой: рванет или не рванет? Возвращается Ариман. И очередной парадокс: за счет изоляции никто не имеет доступа и влияния внутрь этого мира, кроме него, ибо, включив в мир части своей природы, он включил в него всего себя.

Он начинает свое делание, вливая свои силы, активируя заочные верхние плеромы, слои, через которые пошли вниз световые линии белого искрящегося света. А с внутренней стороны мира он воспринимался как искрящийся темный свет. (По аналогии с занавеской, через которую идёт свет, но отбрасываются темные линии.)

Внутри мира стали происходить новые преобразования. Сущности, которые правили в нижних слоях, вышли на столько же слоев выше. И в мире стали рождаться новые смыслы, идеи, учения, связанные с этими сущностями. И тут они становятся богами.

Но были и те, кто видел и ощущал эти искрящиеся лучи, пробивающиеся свыше. Но у них не было голоса. Они могли лишь внимать этим лучам и накапливать их внутри. Так создавались первые Искры.

И прошел ещё один цикл. Он снова вернулся, и новый слой этого мира начинает запуск. И с этого слоя стала появляться радуга: уже не только ровный свет, но спектр, радуга вспыхивает над миром.

Носители накапливают искры и вкладывают их в окружающую среду. Вокруг появляются учения, слова, смыслы, но хранители все еще не могут вложить свое учение в слово. Все силы идут на то, чтобы преодолеть червоточину.

Местные боги начинают свои войны, начинается передел пространства, и червоточина набирает силу, угрожая уничтожить мир. Стали появляться дикие страшные дыры. И тогда Ариман познал, что такое боль. И когда он познал боль, люди, в которых были его искры, тоже содрогнулись от боли нездешней, ибо они были телом его. За болью приходит отчаяние, и он познает, как мир разлагается внутри него.

Но через это отчаяние он видит, что может запускать процессы не только извне, но и изнутри, ибо мир стал его телом. И уходя, на последнем рывке он выдает импульс, волну из себя, которая проходит по низам мира, ниже третьего уровня творения, где погибает плерома. А там — выжженная, растрескавшаяся земля. Импульс ворошит эту землю, поднимается пыль. И на этой пыли зарождается что-то от него... Но Ариман уже ушел на новый цикл.

А на Земле появляются его первые культы. С самых глубин, из ядра земного, из темных миров прорывается его слово, которое пугает других, но является единственным залогом жизни мира. Носители Искр впервые обретают голос и говорят свое слово.

Он уходит на новый цикл, но случается беда. Пройдя две четверти витка, попадает в ловушку, плен, крушение. Какое-то темное пространство без времени. Он в нем застревает на тысячу лет...

— Вот оно — то самое, тысяча лет! Главная и ключевая песня Мастера!

— Он возвращается с опозданием и уже без сил, они были потрачены на то, чтобы выбраться из плена. Он не знает, что произошло, и большинство глаз его ослепли. Он знает, что необходимо что-то дать этому миру, но он не знает, что и как, и не осталось у него ресурсов, и сам он исполнен ледяным ужасом.

...Многие его люди, носители Искр, не дождались его возвращения. Остались те, кто все так же верил и продолжал делание. А часть предали. И Ариман погружается в невероятную гамму чувств: как будто твоя собственная рука тебя предала, отвергла, как раковая клетка. Но ведь ты и есть это. Это твоя плоть, которая тебя отвергает. Шок от парадоксального предательства. Так появился враг.

Если до последнего абзаца я еще мог сохранять нечто вроде скепсиса, ибо, по большому счету, нет ничего невозможного в том, чтобы в состоянии предельного

расширения выдумать еще одну модель творения мира, — то услышав последний абзац, я подскочил на месте, точно ужаленный шершнем.

Серый хозяин. Каким-то образом она знает о природе Серого хозяина и о том, как он произошел, когда у Люцифера отъяли его часть. Эта часть учения Серебряной Нити всегда была наиболее секретной, и даже со мной Марти весьма неохотно и осторожно делилась информацией. И сейчас я слышал почти дословную цитату из одного из наших давних разговоров, когда я получил полный пакет информации. Вот это уже шок, вот это взрыв, вот это реально экстраординарное событие!

Я немедленно звоню Мартиэль.

— Приезжай! Срочно приезжай, здесь то, чего ни ты, ни я никогда не видели. Ты не пожалеешь, ты знаешь, что я не буду вырывать тебя по мелочам на мои свидания

Только бы успела. Только бы не прошел поток, не забылись слова. Самая тайная часть учения — о враге, который парадоксальным образом тоже Он, была воссоздана здесь и сейчас женщиной, которую я вижу в четвертый раз в жизни и которая точно не могла ничего знать. Мы слушаем ее песни, я делаю все, чтобы только не пропал поток.

Мартиэль приезжает через сорок минут.

А дальше начинается какая то фантазмагория. Они начинают общение, и в этом общении слова — это только верхушка айсберга. Странные движения, жесты, мимика, вибрация, телепатия, когда они абсолютно синхронно перемигиваются, кивают, точно зная что и как передают друг другу.

Люцифер всемогущий, я знаю точно — эти люди видели друг друга впервые! И вопреки всему, что я мог ожидать, их знакомство было больше похоже на встречу двух сестер, которые провели вместе все детство и юность, сохранив общие игры, тайны, жесты и знаки. Они говорят на одном языке, их мысли слиты воедино.

Невероятно. Так не бывает.

В ту ночь мы говорили о многом. Единственное, что меня беспокоило — было ощущение, что Пифия немного на меня жалуется.

— И вот так оно все. И он на тебя их всех повесил. И ты их всех тянешь. И тут какие-то боги чужие еще в поле... Тяжело тебе...

Настораживало. Я бы даже сказал, злило. Я заключил столько договоров, я в шаге от мантии шахеншаха, если получу еще несколько договоров, а теперь оказывается, что это чужие боги, которые «непонятно куда лезут». Небось, обычная ревность, но как же тонко читает, блин! Вот она — опасность фильтров эго даже для самого сильного видящего.

А на следующей встрече Пифия вызвала Велеса на суд, изрядно критично отозвавшись о моем с ним договоре в связи с Магдой. И черт возьми, за следующую неделю у меня чуть не уехала крыша. Безо всякого 2,22 в течение двух недель я проваливался в пространства чистого воображения, где в замок мой ломился древнерусский витязь и требовал позвать воеводу (то есть Мартиэль), чтобы тот выслушал его правду, попутно всячески костеря меня, «оскорбившего свой род и род Магды».

Этот эпизод настолько перепугал меня, что на этом чуть было не закончились наши отношения. Слишком большая и непредсказуемая сила в лице Пифии вдруг встала между мной и Велесом.

Впрочем, был еще один эпизод, который является венцом всей этой истории, ибо не случись так, даже при всех откровениях не понял бы я, что имею дело с чудом. В ночь, когда в нашу гостиницу приехала Марти, уже тем подтвердив, что Пифия — сестра Серебряной Нити, я хотел знать одно. «Назови имя. У Наших есть очень особые имена. Слишком много ты знаешь о нас дорогая, вот только мы не знаем о тебе ничего. Кто ты на самом деле?»

Обычно я неплохо справляюсь с «видением имен». Один из даров Азазеля. Были даже случаи, когда я случайно угадывал имя или тайного бога моего собеседника или

собеседницы. Но здесь, несмотря на близость, которая должна была бы сделать наше поле единым, я терплю поражение за поражением. Перебираю имена, пытаюсь их конструировать, играя именами богов, созвучиями, вибрациями, но завеса лежит на моих глазах, и ни одно слово не находит отклика. Будь она неофит, принадлежи она к внешнему или даже среднему кругу, она могла бы ошибиться, приняв одно из названных имен, но избранная сестра от Оси никогда не перепутает свое с чужим.

Устав от бессильных попыток, я ложусь спать. В ночи происходит то, что не происходило со мной никогда. Точно лунатик или сомнамбула я в полусне подсакиваю с кровати, осоловелыми глазами смотрю на мою Пифию и говорю одну фразу: «Имя тебе — Мирра». В памяти остается только эта фраза.

Кто такая Мирра, почему Мирра? Почему Мирра, кто такая Мирра?! Чистый импульс, чистый сигнал бессознательного, ничего не значащий отзыв, который с этого момента начинает наращивать свой маховик, — я попал в настоящую мистерию. Но до времени главные ключи мистерии оказались сокрыты.

Реакция Пифии меня изрядно удивила.

— Да, это мое имя. Но есть еще какое-то, более глубокое, это имя, но не имя источника. Есть что-то глубже.

А всего через неделю Карни присылает мне свою старую сказку. Сказку, которую она написала еще шесть лет назад. В одной из последних наших практик мы заговорили о севере и Северном ветре, и неожиданно для себя — уже после путешествия — она вспомнила.

Вот текст этой сказки, который уместился в одном СМС:

Однажды Северный ветер понёсся что есть мочи к южным землям, и нельзя было его остановить. Сквозь сумрачные дни и чёрные ночи Он мчался к цели, уничтожая все на своем пути. Достигнув юга, Он вознёсся на самую высокую гору; там, в гордом одиночестве, ждал самый злейший его враг — Южный ветер. Не чувствуя преград и не зная границ, Они столкнулись в великом поединке между двумя мирами. И сокрушили всё вокруг себя, и увидели хаос. И ужас посетил их, и заключили они меж собой союз, в едином дуновении отделили каждый от себя и соединили в единое целое, и дали ему имя — Мирра. Так появилась на свет я. Мирра.

Совпадение. Синхрония. Направленное внимание, как любят пиздеть материалисты. Вот знаете, если бы у меня появилось две «Сестры Лилит» или «Сестры Бабалон», наверное, и писать об этом постеснялся бы — в нашей среде назваться Бабалон или Лилит — пожалуй, общее место, ни о чем не говорящее. Скольких «Лилит» я пытался приводить к Марти, на что мне всегда был очень выразительный ответ: «М-м-м...»

Но Мирра... Мирра — имя, которое не связано ни с одним из известных мне божеств, героинь, магических формул. И две Мирры представляются мне с разницей в неделю, не подозревая о существовании друг друга.

Признаться, этот знак скорей испугал меня, нежели обрадовал. Слишком хорошо знаю закон мимезиса и близнецовый кризис. Разным нечего делить, но когда появляются два тождественных героя, они, скорей всего, начнут разыгрывать предвечную миметическую драму. Как вообще сказать, что вот прямо сейчас в пространстве есть другая, которая носит твое сокровенное имя, с которой вы — двойники друг друга? До поры я отмалчивался, лишь осторожно, по фразе и кусочку, прощупывая почву, как эта новость будет воспринята.

Уже такого совпадения было бы достаточно, чтобы оказаться всерьез потрясенным. Но как будто этого мало, после сказочки я совершенно случайно начинаю читать недавно купленный мной роман моих любимых писателей.

Да, мелкие синхронии посыпались как из рога изобилия. Ну, например, аккуратно когда я читал о процедуре клеймления рабов Помпилии, мне написала мой очень старый друг и попросила с юнгианской точки зрения рассказать, что символизирует клеймление в БДСМ практике, а то ее любимый верхний татуировку от нее требует. И разумеется, вместо психоаналитической справки я очень подробно изложил о всех последствиях помпилианского клеймления, чем, как ни странно, ответил на вопрос гораздо полнее, нежели я бы начал излагать психологические теории.

Генри Лайон Олди. Единственные из ныне живущих фантастов, за пером которых стоят реальные силы. Знают они о том или нет, но из глубин берут они своих героев и сюжеты. Увы, в наше время это большая редкость, ибо почти все современные фантасты больны полным отсутствием фантазии. Олди и, быть может, еще два-три имени — уникальное исключение.

Так вот, на испеченном торте, изукрашенном вишенками, появляется уже даже не вишенка, а полноценный арбуз. Юмор в том, что сюжет случайно полученной книги начинается с того, что женщина по имени Мирра рождает Антиса — сверхчеловеческое существо, появление которого — вызов всей Окйкумене. Нет смысла пересказывать сюжет одного из величайших произведений в области фантастики и лишать читателя удовольствия от одного из немногих действительно красивых и закрученных сюжетов. Скажу только, что, по сюжету книги, в самом начале дитя исчезает оставив Мирру в отчаянии, и в конце концов она сходит с ума.

Не самый лучший прогноз, черт возьми...

Совпали не только имена. Ибо у Карни за месяц до нашей связи происходит выкидыш. Нерожденный ребенок Карни. Мирра. Антис. Своя особая история, связанная с нерожденным, как быстро выясняется, есть и у другой Мирры.

Коллапс. Взрыв мозга. Кошмар близнецовости. Сколько бы раз в вашей жизни не разыгрывались мистерии, сколько бы раз не приходили боги, сколько бы раз не проявлялись настоящие, большие синхронии — каждый раз как первый, и после него вы никогда не остаетесь прежними. А это уже не просто синхрония. Это загадка, которая будто кричала: разгадай, реши, пойми!

Кто такая Мирра? Быть может, это богиня? После танцев с Акташ я знал, насколько реальны боги, но может ли существовать богиня, которую не почитают ни в одном из эгрегоров? Боги питаются верой. Новорожденная богиня? Хозяйка рода Акташ? Если у нее таки родится девочка, надо убедить назвать ее Миррой, чтобы хоть как-то восславить новую богиню, так властно заявившую себя моем пространстве магистерия. Короче говоря, внезапно вопросов у меня оказалось гораздо больше, чем ответов. Все, что оставалось — это наслаждаться красотой плетений Азазеля, явно стоящего за всем происходящим.

Потом на некоторое время Пифия-Мирра уйдет в тень, сначала немного отделившись от меня, а позже и вовсе по работе уехав в длительную командировку.

Но в следующем интермедии я предлагаю читателю ознакомиться с историей Пифии. Это, правда, невероятно даже для меня. Когда история была рассказана мне в первый раз, я не поверил. Несмотря на то, что за плечами уже были падения из окна, явление богов Акташ, Азазель с его Озером и с Нергалом и еще много того, что нельзя объяснить рационально. Но история Пифии кажется невозможной даже на фоне моей истории. Поэтому, чтобы ей поверить, мне нужно было время, а сперва даже ее знание того, что она не могла знать, не в силах было меня убедить.

В истории Пифии есть парадокс. Меня, Карни, Юлию, всех нас боги вели по очень похожему алгоритму, обозначая свои присутствия знаками и до самых высоких уровней не проявляясь лично. В наших путях не было ни «включений», ни «хождений по мирам в поисках печатей», ни апокалиптических видений. А здесь были.

Увы. Я опять не узнал. С Пифией, как когда-то с Акташ, повторилась моя старая ошибка — абсолютно правдивый рассказ казался полным безумием. Впрочем, у Пифии было одно преимущество. Её сразу увидела Мартиэль. А почему я верю сейчас, спросит читатель. Не могу же я заглянуть в прошлое и убедиться, что действительно были голоса, которые слышали двое, и что о метеорите было услышано за неделю. Все просто. То, что будет происходить дальше, еще невероятнее, чем все рассказанное ею до этого.

Интермедии 2. «С моих слов записано верно, мной прочитано». История Пифии, записанная под диктовку

— Мое первое открытие внутренней бесконечности произошло предельно неожиданно. Я начала видеть в пространстве вокруг меня два белых шара. Эти шары я видела так же четко, как окружающие предметы — это не было похоже ни на визуализацию, где мы искусственно создаем образ в пространстве воображения, ни на сновидение, где мы помещены в заведомо другой мир. Просто в один прекрасный момент вокруг меня стали летать две сферы, и эти сферы переживались как наделенные жизнью и разумом. Духи? Души? Боги? Галлюцинации? Я пыталась задавать себе вопросы, цепляясь за остатки здравого смысла, но никакие размышления не позволяли этим сферам убраться. Это продолжалось в течение одного вечера. Когда ближе к ночи они не пропали — я задала вопрос: если вы реальны, дайте хоть какой-нибудь внешний знак. И в этот момент из окна комнату озарила вспышка света. После этого я попросила показать их, что они могут, и вдруг почувствовала, что почва уходит из-под ног. Я оказалась в другой стране, где в это время отдыхал мой молодой человек. Я увидела его, комнату, в которой он находился, вещи, которые его окружали. Когда по его возвращении я рассказала ему увиденное, он полностью подтвердил, что его окружали именно эти вещи.

Всего через два месяца после видения сфер произошло нечто еще более удивительное. Я сидела со своей лучшей подругой в комнате и готовилась к сессии. Внезапно я четко услышала два голоса в пространстве вокруг меня. Прекрасно зная, что голоса указывают на шизофрению, я попыталась игнорировать их, однако один из них сказал: «Ну если ты не веришь, — хочешь, чтобы твоя подруга тоже услышала нас?» Я мысленно ответила, что хочу, и в этот момент произошло самое невозможное, что только можно представить: подруга действительно услышала те же самые голоса, и все дальнейшее время, пока проходила фаза нашего взаимодействия, мы слышали в точности то же самое.

Голоса стали ругаться на меня, сказав, что уже давно мне посылались разные знаки и меты, и вместо того чтобы обратить внимание на эти знаки, я трачу свое время на ерунду. Под «ерундой» имелись в виду мои пробы практик по Кастанеде и даже практика гадания. И то, и другое воспринималось как своего рода игра или хобби.

Мы спросили, кто они, на что получили ответ: «В вашем восприятии на данный момент мы Ангелы-Бенефакторы и здесь для того, чтобы вас учить». Самое невероятное, что все это мы вместе с подругой продолжали слышать одновременно. Они сказали нам читать известного фантаста Макса Фрая, поскольку его книги помогают размыть границы восприятия, и что на следующий вечер будет первая полноценная практика. (Ну, кого-то через Фрая, а кого-то через Олди включают, лично я Фрая не понимаю.)

В эту же ночь я вижу во сне выжженную землю, по которой я иду в поисках пути к дереву, и у меня за спиной черные крылья. И после этого во всех пространствах у меня появлялись эти крылья. Я беру землю и по земле пытаюсь понять, куда идти. В итоге я оказываюсь около живого дерева между мирами, и дерево начинает со мной говорить. Дерево открывает пространство и показывает, как зарождаются новые миры, давая мне серебряные плетения. Оно называет их клубком судеб, который даст мне право знать.

Вечером следующего дня, как только мы встретились с подругой, они постучались снова, и мы стали настраиваться на прошлое и будущее, так что мне удалось увидеть планету Землю как бы со стороны, извне космического пространства под шелухой. Земля предстала мне своего рода темным полигоном, в котором сталкиваются слепые силы и лишь иногда вспыхивают искры. Мне говорят, что эти искры — самое главное. Настроившись на будущее, мне показывают, что есть опасность, что в будущем тоже придет выжженная земля. Здесь же вижу людей, у которых есть сияния разных цветов в груди или во лбу, и они каким-то образом сохраняют Землю.

Подруга идет туда же, но ее картинки несколько отличаются от моих, ей показывают более ангелические образы и пейзажи.

В течение двух месяцев мы получаем странные задания. Нам передают некий «пакет» энергий, наставлений, знаний. Мы настраиваемся на него, после чего мы оказываемся в различных пространствах, где нам нужно находить разного рода «печати», похожие на монетки. Одновременно приходит множество информации о разного рода пространствах и иерархиях различных существ. Одним из самых неприятных опытов было столкновение с «серыми» в их духовной форме, как разрушающими душу паразитами. Затем я стала видеть образ «радужного мира», где каждый цвет представляет собой особого рода слои от начала до наших дней.

В какой-то момент мы перестали слушать наших проводников, пытаясь получить больше информации, заглядывая дальше, чем можно. Внезапно сработало что-то вроде тревоги, и проводники исчезли, а появилась третья фигура, которая была враждебна, которая атаковала нас. Мы с подругой были в разных квартирах и чувствовали одно и то же: пространство буквально дрожало, и земля уходила из-под ног. Внезапно я чувствую, что ко мне приходит фраза-защита: «тьма отталкивает свет», — и эта фраза ставит барьер незваному гостю. После мы направили на него энергоудар. В описании это выглядит очень ровно и последовательно, но на самом деле мы не понимали, что и как делаем, все это было чем-то вроде распаковки навыков после потери памяти.

После этого мы слышали, что мы засвечены и наши учителя больше не могут нас вести. Было ощущение, что мое сознание представляло что-то вроде базы данных, которые просматривали различные внешние силы. Все это время вокруг нас пространство, казалось, просто сошло с ума: взрывались лампочки, мерцал свет, пропадала связь, замыкало электричество. Наши проводники исчезли, и последнее, что мы слышали: «Настройтесь на элементарей стихий». Мы составили наш первый ритуал, на самом деле представлявший собой кальку из одной из прочитанных фэнтези. Какое-то время мы чувствовали энергию элементарей огня и воды, которые тоже давали свою информацию.

Было четкое ощущение, что мы полностью сошли с ума. Пределом абсурда был металлический голос в голове, говорящий одну фразу: «Летит метеорит, летит метеорит». Вот только метеорита нам не хватало. Ну наконец-то мы убедимся, что это всего лишь бред воспаленного сознания. А через неделю в районе Челябинска упал метеорит, и после этого для нас все пути назад были окончательно взорваны. До этого мы в моменты ослаблений потоков могли успокаивать себя, что это просто наша общая галлюцинация. Но после метеорита стало ясно: все всерьез, и назад путей нет.

Разные голоса стали говорить одну фразу: «Выберете сторону, выберете сторону». Подруга тяготела к светлой стороне, а мне с самого начала темные были гораздо ближе. Светлые представлялись чем-то предельно скучным, механическим и жестким, там все по принципам, законам, иерархиям и правилам. В темных пространствах все было куда более живым и настоящим.

— А потом были разговоры про суд...

— Пожалуйста, не надо про суд, отвечаю я, с трудом успевая стучать по клавишам. Рассказывай сразу после всего, что происходило вокруг темы суда.

— Хорошо, как скажешь.

— Однажды у меня было очень сильное включение. Я начала видеть структуру мироздания с совершенно неожиданного угла. Приходили имена различных культурных деятелей — Карл Юнг, Алистер Кроули...

— Прости, но так не пойдет. Мои читатели скажут, что я охуел и помещаю рекламу двух самых важных моих учителей прямо в текст. Скрытая реклама проекта. Давай разбавим их несколькими другими значимыми именами.

— Хорошо. Приходили имена различных культурных и эзотерических деятелей: слышала о Гёте, Майринке, Юнге, Гурджиеве, Кроули, Филиппе Дике и многих других. Я слышала разные имена. Про Юнга было особенно сильное включение, потому что я увидела, как он строил свой дом, и мне было сказано, что «он строил дом по каким-то особым правилам, как древние рода, причем сам он этого не знал». Я видела, как разные группы-имена активизируют на Земле свои коды, формируют свои команды, запускают их. Я увидела три разных модели, по которым на Земле нас «активируют». Каждый проходит свой путь по особому рода алгоритмам. Я даже увидела, что некие сущности заключают пари, кто из «команд» и «групп» дойдет до цели.

Когда голоса пошли каким-то сверхплотным потоком и часть голосов была на иностранном языке, мне все это надоело, я решила, что надо вернуться к жизни. Я узнала, как можно себя заблокировать от этих влияний, и сделала это. На какое-то время наступили тишина и покой, но потом я столкнулась с тем, что здоровье стало разрушаться и осыпаться, точно картонный домик. Голова разрывалась от предельной боли, тело трясло, при этом врачи не могли поставить диагноз. За полгода я почти выгорела. Мне удалось найти женщину, обладающую целительскими способностями, что, на самом деле, очень большая редкость — на одного целителя приходится сотня называющих себя целителями. Она собрала меня практически из состояния полного распада. Но стоило вернуться в более-менее физически здоровую форму, как я снова услышала первый голос, который предупредил — либо ты начинаешь заниматься всерьез, либо умираешь в течение ближайших двух лет.

Я начала искать эзотерические школы и практики, ведь до этого я вообще ничего не знала. Кроме Кастанеды мы ничего не читали. Один из впечатливших меня моментов — когда мы увидели огненные разноцветные колеса в теле, а потом — уже из интернета — узнали, что, оказывается, это называется чакрами.

Я начала поиск своего круга. Сперва прошла полное обучение в школе Похабова «Арканум». Затем оказалась у Ольги Веремеевой в школе «Врата миров». В этих школах я получила ряд ценных практик и моделей, но главного так и не нашла: я искала хоть одну школу или людей, у которых были бы хотя бы отчасти похожие опыты. Я вошла в эзотерическую среду, ездила на слеты, но никто из тех, с кем я общалась, не сталкивался с подобным опытом. Причем часто было так, что мы вначале слышали голос, называющий нам те или иные школы, а потом в интернете узнавали, что такие школы есть в реальности — и мы смотрели эти школы. Тогда же я выхожу на сайт «Касталии», но меня пугает слово «Орден». Удивительно, но в течение семи лет мне постоянно в разных школах и пространствах попадались фрагменты, цитаты «от Олега Телемского», в том числе в медитациях на таро. (Комментарий автора — не знал, что я столь популярен в эзотерическом пространстве. Что ж — приятно польщен.)

В какой-то момент наши пути с подружкой разошлись. Она ушла на светлый путь, и взаимодействие перестало складываться. В просматриваемых школах и материалах я не находила некоего принципиального ключа, который ожидала все это время, хотя фрагменты узанного непосредственно из поля попадались мне в разных школах. Я отказалась ориентироваться на любые школы и авторитеты и полностью погрузилась в

свои переживания. Я стала работать с богами, с архетипами. Был очень сильный опыт включения в Лилит, тогда же я услышала песни Мартиэль и подумала: как жаль, что я с ней никогда не увижусь, в ее песнях было что-то глубинно родственное, куда больше, чем во всех школах и традициях.

В течение трех лет я прошла сложный путь, на котором произошло слишком многое, и чтобы описать все, наверное, потребовалась бы отдельная книга. Происходили синхронии, я услышала голос, называвший «Экзегеза, Филипп Дик», — и когда я ввела в поисковик это словосочетание, выяснилось что такое произведение действительно есть, и оно было выложено на сайте «Касталии». У меня появилась своя небольшая группа, я слышала фамилии, понятия, а потом находила эти фамилии и понятия. Я стала получать свои практики, техники, ко мне приходили люди за помощью, хотя я никогда не пыталась рекламировать себя. Была и попытка пойти на битву экстрасенсов, но тут произошло непонятное. Обычно я взвешенный и спокойный человек, но когда я оказалась на самом первом кастинге, со мной случилась настоящая истерика, первая за несколько лет. До сих пор я не понимаю, как и почему это произошло.

В какой-то момент я увидела свою родовую систему. Сперва я хотела восстановить связь с родом, но когда я пошла в направленную медитацию на восстановление контакта с родом, я увидела темного ангела. До сих пор все темные ангелы, появлявшиеся в моем воображении, были всецело мягкие, но на этот раз ангел был в гневе и крайне оскорблен, что я «забыла своих». Я увидела, что представляет собой мой род на самом деле, и увидела, что эта система буквально пожирает и выкачивает меня насквозь. Я поняла, что я чужая в своем роду, и, используя и психологические, и эзотерические практики, стала шаг за шагом сепарировать себя от родовой системы. Тогда мне и пришло, что необходимо сначала прочитать книги Олега, а потом и посетить его лекцию. Я услышала голос, потребовавший прийти на ближайший семинар, и когда я стала наводить справки, выяснилось, что семинар будет через неделю и это единственный в полугодии открытый бесплатный семинар — обычные-то лекции весьма дороги. Остальное будет рассказано автором с позиции его магистерия.

С моих слов записано верно, мной прочитано. 01.02.2020 г.

Глава 6. «Звали? Пришла»

Говорят, что был ветер, ветер с ослепительным жаром.

Говорят, что камни рыдали, когда рвалась животворная нить.

И еще говорят, что нельзя вымогать того, что дается даром

И чем сильнее ты ударишься о воду, тем меньше хлопотать-

хоронить.

Борис Гребеничиков, из песни «Сила на ее стороне»

Итак, практически за один месяц в моей ойкумене начали раскручиваться три истории, три мифа, три мистерии, которые я сперва искренне хотел держать максимально отдельно друг от друга. Звезда Карни восходила все ярче, раскрываясь все более невероятными смыслами, символами, совпадениями.

Карни умеет преподносить сюрпризы. Всего на третий наш ритуал она вдруг заявила: «Ну все, достали меня эти детские игры. В следующий раз дай мне 5=6!»

Такие слова едва ли можно воспринять серьезно, и конечно, я внутренне посмеялся. Сколь бы невероятными не были наши путешествия, какие бы символы и боги ни раскрывались в нашей мистрии, но 5=6 — это совсем другое. К своей 5=6 я последовательно шел почти двадцать лет, и тут появляется какая-то, пусть и весьма очаровательная темпераментная женщина, которая с места в карьер заявляет: дай мне 5=6. Что еще я тут мог подумать, кроме ироничного «хм, ну-ну, попробуем».

Хотя... Если на второй встрече, провожая меня на конференцию, от которой я не ждал ничего хорошего, Карни обещала мне финансовый прорыв — и неожиданно я был практически засыпан деньгами, позволившими мне закрыть мои долги, я уже не мог просто так отмахнуться от ее слов. Кому — двадцать лет, кому два месяца, почему бы и нет?

Все последующие эротические медитации, трансы, наши оргии воображения как будто приближали нас к этой цели. Видения, символы, сюжеты, которые она рассказывала мне после каждой нашей встречи, изумляли, восхищали, и одновременно пугали. Однажды она рассказала, как к ней пришли демоны. Причем она не занималась ни медитациями, ни ритуалами, просто внезапно в комнате увидела четыре классических мохнатых морды. Не растерялась. Начала беседу. Признаться, мне было жутко слышать все ее истории: что, если она просто сойдет с ума?

Самое удивительное, что случайные фантазии, ассоциации, переживания, которые, казалось, не были ничем подкреплены, укладывались в классическую сюжетную линию посвящения по древу жизни. Риск, что Карни просто фатально сойдет с ума или, столкнувшись с чем-то, что не сможет поднять, просто пошлет на хуй и меня и, что гораздо больше пугало, все те ценности и принципы, которые она уже от меня приняла, казался мне очень большим. Однако, несмотря на невероятные процессы под шелухой, Карни оставалась на редкость стабильной и устойчивой в обычной жизни. Я столкнулся со странной и непонятной загадкой, разгадка которой, впрочем, оказалась достаточно простой.

Под маской яркой, экстравертной и немного поверхностной женщины, коей она казалась внешнему наблюдателю, скрывался человек, который проходил свой духовный путь всю жизнь, начиная с раннего детства. Еще в детстве во сне она увидела темного ангела. Вступив в зрелость, она всегда понимала, что ее духовный путь и ее связь с ее богом, поиск дороги к нему — это самое важное, что у нее есть, а все остальное, что может быть сколь угодно приятно и ценно, является вторичным по отношению к главному — обретению Серебряной Нити. По тому же признаку она выбирала мужчин. Важнейший эпизод ее пути — это многолетняя связь с одним из самых авторитетных иудейских каббалистов, чье имя широко известно, но, по понятным причинам, не называется. Тогда она была в одном шаге, чтобы принять иудаизм, но, должно быть, ее удержали Истинные Силы ее природы.

И здесь я обязан прерваться и озвучить не одинарное, но троекратное предупреждение. Горе тому читателю, кто решит, что несколько эротических ритуалов, трансовых состояний, призываний, тантрических мистерий и пара-тройка ритуалов 2,22 приведут вас через чертог двойной бездны к реализации 5=6. Нет, нет и еще раз нет. Темные звезды стали Темными звездами не потому, что я какой-то особый учитель, но лишь потому, что они изначально были Темными звездами, и задачей было только дать нужный толчок. Карни, как и Рысь, видела Его с детства. И с некоторого момента все женщины, с которыми я оказывался связан, были так или иначе связаны с Ним до меня, точно я был всего лишь проводником, который должен был пробудить их сокрытый до времени потенциал.

А для большинства магия либо останется в границах дозволенного «лягушатника переживаний», где все отмерено и известно, либо неподготовленный человек все-таки попадает в большое море, где у него очень быстро протечет крыша.

Карни принадлежала к третьему, самому невозможному случаю. Она плыла в этом море. Плыла, на ходу создавая изящные мифологические конструкции, связи, аллюзии, так что сама жизнь Кэр превратилась в Мистерию, причем так — о редкий счастливый случай! — что это никак не повлияло на ее повседневную работу и общую адекватность

в окружающем мире и быту, а также — на точное понимание, что и кому можно рассказывать.

И вот третий или четвертый наш полет. При том, что меня, как нетрудно понять, больше всего интересовало, кто такая Мирра, после ночи любви мы мирно беседуем о превратностях моих любовных связей и о том, чем значима, ценна и уникальна каждая из моих близких женщин. Какая же это была ночь! Карни проявила одну из древних богинь, яростных, провоцирующих, вызывающих, делающих секс подобным яростной схватке драконов. Кто это была — Лилит, Бабалон, Иштар или кто то еще? Кажется, впервые в этом соитии мне удалось вытащить и преобразить мою Тень, одну из самых раненных, слепых частей.

— А у тебя же есть еще кто-то? Кроме тех женщин, кого ты назвал. И она очень, очень важна! — вдруг без перехода говорит Карни. — Расскажи, интересно же! Ты же знаешь, я не ревную.

— Да есть, — признаюсь я. — Черная Королева. Ты видела ее на дне рождения Юлия Рысь. Я знаю ее очень много лет.

После этих слов с Карни происходит что-то странное, она неожиданно обмякает, впадает в транс и много раз повторяет одну, на первый взгляд, бессмысленную фразу:

— Она Нахема, она сестра моя, она Нахема, она сестра моя. Она Нахема, она сестра моя.

Хотя я уже привык к «включениям» Карни, которая еще недавно трансформировала мою Тень через чистую сексуальную ярость, но упоминание Нахемы и совершенно другой голос, как будто звучащий с той стороны реальности, пробирал до озноба. «Ну раз у нее САХ Азазель, значит, там и Нахема где-то должна быть», — подумал я.

А на следующее утро позвонила Юлия.

— Ты не представляешь, что со мной произошло! Я дочитывала твою книгу... — В первом варианте существовала отдельная версия книги, которая впоследствии вошла в третью часть. — И там, когда ты писал про Йом Киппур, где вы вызывали Нахему, я вдруг услышала голос. Сильный женский властный, злой голос.

— Что она говорила?

— Всего-то два слова: «Звали? Пришла».

Ну а если пришла — значит, надо встретиться.

Пожалуй, это оказалась наша самая сложная встреча.

Это было очень напряженное взаимодействие.

Вначале Королева спросила:

— А что тебе, собственно, взбрело в голову, что мы с Магдой будем воевать? Вроде как она нормальный человек, да и я далеко не одна.

— Я боюсь. Ибо я понимаю одну простую вещь. У меня может быть много очень близких связей. Но между тобой и Магдой есть одна проблема. Вы обе имеете право на Корону. Это уже речь не о нашем личном. Это глобально. Ты — была в начале, ты спасла меня и «Касталию», ты своим примером запустила отдел переводов и вытащила проект на его орбиту. Но ты исчезла, и все эти годы кровью и потом Магда держала наш проект, вложив всю силу и всю душу. Вы обе — Королевы «Касталии», вы обе в праве. Поэтому я очень боюсь. Боюсь того момента, когда Магда поймет, что ты — это не просто одна из моих любимых женщин. Ты — Черная Королева. А избави боги от войны королей, мы все смотрели «Игру престолов». У нас даже хуже, потому что обе — всецело и полностью в своем законном праве.

— Боюсь, что ситуация несколько сложнее, чем ты думаешь, дорогой. — В ее голосе уже стали появляться незнакомые нотки, по которым я потом всегда безошибочно узнавал включение Нахемы. — Королевы-то на самом деле не две, а три, и ты видишь далеко не всю картину.

— Что за чушь!! Ни одна из женщин не может претендовать на «Касталию». Даже Иштар скоро уйдет. — Я бегло рассказал о неизбежном расхождении с Иштар, на что получил реакцию искреннего сожаления:

— Как жаль, ведь она как будто делает наше поле чистым. Но я не про нее.

— Про кого же?

— Про Мартиэль.

Черт, вот от такой наглости я на минуту потерял дар речи. Она поставила себя на одно поле с Марти, посмела с ней сравниться! Боги всемогущие, да кем она вообще себя считает! Это что — вызов? И вообще, Марти — учитель, а не любовница.

Есть одна вещь, которую я решительно не понимаю и никогда не понимал. Это, если угодно, тайна женской души. Если вы читали мою биографию, вам, думаю, легко понять, что я — честный и последовательный полиамор. Честный и последовательный в том смысле, что никого не «соблазняю», не ввожу в заблуждение, и все прекрасно знают, что у меня есть иные связи, которые дороги моему сердцу. За исключением «войны титанид» и общего вето на Пеймону, я практически не сталкивался с ревностью женщин друг к другу, да и война титанид, если посмотреть глубже, не совсем про ревность, а про нечаянно нанесенное оскорбление и столкновение с Тенями друг друга.

Так вот, не ревнуя друг к другу, они так часто ревновали к Марти, которая была и остается моим учителем, так что эротическая близость между нами невозможна от слова совсем. Даже сама Иштар порой не могла сдержать уколов ревности. Какой невероятный и причудливый парадокс!

Оглядываясь на наши разговоры, я сознаю, что слова, которые Юля говорила на глубине, по большому счету понимались мной лишь в очень небольшой плоскости. Там, где я увидел вызов и перепугался до смерти, на самом деле было нечто другое, хотя очень похожее. Это был интерес. Запрос, который выражает чувство предельного родства или, наоборот, — желание бороться.

От масштаба дерзости я не скоро пришел в себя, а когда пришел, то мог только сказать, что есть Второй и Третий аркан — и они ну никак не могут пересекаться.

Казалось бы — все миновало. Если бы! Все только начиналось.

Черная Королева вспомнила про книгу, которую я ей отправил. Тот самый «Восход Черного Солнца», — историю Акташ. Книгу, с годами переосмысленную, переписанную и включенную в третью часть этой исповеди.

И прочитав, Рысь, как мне показалось, захотела свою, аналогичную книгу. Книгу, которая должна стать самой невероятной историей. И ведь не откажешь ей в правде — за какие-то четыре встречи у нас уже было что рассказать и чем удивить. Как было что сказать и о том, что происходило десять лет назад. А что еще будет! Нахема! Азазель вернулся — и вернулся в полную силу! Она имела право на эту книгу.

И я испугался. Потому что неудачный опус — «Восход Черного Солнца» — разрушал и Акташ, и Магду. Потому что написание особой книги про Черную Королеву как раз и оказывалось единственным способом бросить вызов Красной Королеве, и это угрожало превратить Город в развалины.

Новая книга в тот момент означала угрозу катастрофы, и в то же время на каком-то глубинном уровне я понимал, что эта книга нужна. Слишком многое осталось за кадром.

Рысь начала давить. Давить жестко и местами язвительно.

— Неужели красота плетений Азазеля должна остаться безвестной из за человеческого, слишком человеческого? Неужели ты поставишь личное выше творческого, реальность выше правды символа, правды духа? Книга, о которой я говорю, должна быть написана не просто для живых. Это то, что пишется для мертвых!

Сперва такое нападение вызвало одно — сопротивление. Я был уверен, что никогда не буду писать новую книгу. Чего стоила эта уверенность, ты, о мой дорогой читатель, можешь убедиться наглядно, держа в руках этот текст.

Тогда, находясь в границах слишком человеческого, я воспринимал ее требования как что-то, чего я больше всего боялся, — как нападение на Магду. Которое в итоге приведет к катастрофе, ведь свора верных псов у той всегда под рукой. Поэтому вместо того, чтобы заниматься любовью, мы тратили время друг друга на спор, казавшийся неразрешимым. Спор, ставший противостоянием.

— В конце концов, тебе не обязательно издавать эту книгу. Пиши ее, как пристало мастеру — для мертвых, и что написано для мертвых — станет ответом для живых, когда придет время.

Внезапно на этих словах лицо Черной Королевы изменилось, и каким-то другим, пробирающим до озноба, голосом вне предыдущего контекста разговора она вдруг сказала:

— Разве, говоря о бездне и проводнике через бездну, не обращался ты к Госпоже земных врат, ведущих на ту сторону ночи?

Вот тут я реально испугался. Потому что до сих пор я свято верил, что Госпожа земных врат — Геката. А Геката покровительствует Магде, и сейчас Юлия, сама того не зная, заявляет свою причастность к богине, с которой был заключен договор через Магду. Вот здесь я и почувствовал, что под моими ногами уже по-настоящему задрожала земля. Ибо не одна только Геката носит титул «Госпожи земных врат».

Все попытки перевести разговор на Магду и таки выяснить, понимает ли она, что сейчас грозит объявить войну не самой слабой противнице, свелись к одной-единственной фразе:

— Магда? У нее есть один лунный артефакт, который очень нужен мне. Она сама мне его отдаст, она друг, зря ты тут загоняешься. Не хочешь публиковать — пиши для себя.

Запрос Юлии был и моим запросом, в котором я не мог признаться себе до конца. Я сам хотел этой книги не меньше. Уже тогда я понимал, что единственное новое слово, что я могу сказать, — это самый старый, уже бородастый жанр исповеди, в которой я не утаю ни одной своей ошибки, но в которой смогу передать читателю это ощущение дыхания жизни, пронизанной страстью к другой стороне, страстью, время от времени становящейся взаимной, когда сама жизнь превращается в будто сошедшую со страниц мифологему.

Я не могу создать новых техник, ибо в мире духа техникам цена — ломаный грош, если они не в умелых руках, а подлинно умелый разум сам создаст свои техники. Нет смысла и в теоретической проповеди, ведь любая идеология легко превратится в свою противоположность. Разве Христа, проповедующего ненасилие, не сделали отцом инквизиции, Ницше, презирающего немцев и гордящегося своими польскими корнями, — отцом нацизма, а Кроули, известный своей самой яростной трансгрессивной сексуальностью, не стал объединять благородных девиц обоих полов, которые о сексе даже говорить спокойно не могут. Бессмысленно пытаться научить этот мир, они все равно услышат только то, что уже знают. Единственное, что только я могу сделать, — это на своем примере, обнажившись до основания, показать, что происходит, когда проявляются боги, и, быть может, это «включит» кого-то, кто соприкоснется с этим миром.

Это знал я. Это знал Азазель, на что мне весьма бескомпромиссно указывала Юлия, имея «один САХ на двоих». Как когда-то Акташ, Черная Королева знала о моих настоящих желаниях и предназначениях больше, чем я мог позволить себе осознать.

В какой-то момент я, все еще уверенный, что Черная Королева хочет книгу во славу себя, заявил:

— Хорошо же — я послушаю Азазеля, а он хочет, чтобы книга была написана про *всех* участников нашей истории. Тебя это устроит? — В интонацию голоса я вложил весь возможный яд, намекая на других моих Темных звездочек, но вместо возмущения я вдруг услышал довольно сытое, буквально кошачье: «Так это же и нужно, дорогой,

отныне договор заключен». Она выглядела как кошка которая съела крынку сметаны — то что по моим понятиям ее должно было разозлить, ее только обрадовало.

— Да, и еще одно. Эта книга должна быть тотально честной. От начала и до конца. Все твои взлеты и все твои падения. Все люди, кто был важен для тебя, должны быть изображены как они есть — без политесов и искусственных очернений. Это особая книга, которая делает тебя принадлежащим вечности — а вечность требует жертв человеческого, слишком человеческого. Это не книга обо мне, любимый, эту книгу хочет Нахема, эту книгу хочет Азазель, можешь спросить у него сам, ты же научился слышать своего Патрона, не так ли?

Так. Я почувствовал из глубины подтверждение, как будто некто сказал — наконец-то. Значит — книге быть? Примирение достигнуто? Договор заключен? Видимо, да. Точно в подтверждение договора, через три дня мне приснился покойный Сергей Яшин, пришедший в мой дом с просьбой дать ему почитать какие-то мои старые тетради. «Пиши для мертвых», — сказала Нахема, хозяйка мира мертвых, и мои сны подтвердили правду ее слов.

Но даже согласившись на словах, разве смогу я сделать это в ближайшем будущем? Будет ли книга вообще когда-нибудь написана? Смогу ли я найти хотя бы лишний час в неделю, чтобы посвятить время этому непростому делу? Видимо, Юля с ее богами слишком плохо представляет мой график жизни, в который даже при очень большом желании я не смогу включить еще одну задачу — работу над книгой. А теперь — внимание: эта книга была начата десятого ноября и закончена двадцать шестого февраля.

Задача казавшаяся не исполнимой решается за какие то три с половиной месяца и еще три месяца я еще вносил некоторые уточнения, дополнения и вставки приводя текст к единому звучанию. Если бы мне сказали об этом тогда, я только посмеялся бы над нелепым представлением о моих возможностях.

Чтобы внести ясность, позволю себе немного отвлечься и не хвастовства ради, но объективности для описать те несколько жизней, которые я проживаю одновременно, ибо не всем понятно, что значит «отсутствие времени».

Во-первых, я — блогер. А это значит, что все мысли в фоновом режиме сосредоточены на том, что же еще интересного я могу презентовать моим дорогим друзьям, которых в обеих социальных сетях у меня уже полный лимит. Чтобы написать пару сообщений в неделю, не нужно много времени, но для того чтобы эти сообщения были интересны, необходима фоновая концентрация, сравнимая с концентрацией рыбака с удочкой. Ты все время ждешь удачной мысли, цитаты, идеи, которая не так уж часто «клюет», но когда «клюнет», нужно успеть вовремя подсечь и вытащить на поверхность.

Во-вторых, я бизнесмен. Это значит, что все регулярные отгрузки поставок книг крупным магазинам и индивидуальным заказчикам нужно проводить постоянно, мечась между тремя городами — Калугой, где у меня склад, и двумя столицами, где постоянных клиентов не стоит заставлять ждать слишком долго, если хочешь, чтобы хлеб с маслом был не только сегодня, но и завтра. А также параллельно координировать допечатки тех позиций, которые заканчиваются. Я не говорю о том, что помимо отдела продаж мне необходимо удерживать внимание на отделе переводчиков, чтобы вовремя подбирать и присылать каждому переводчику на перевод новую книгу, соответствующую их внутреннему запросу.

В-третьих, прошу прощения за подробность, но я любовник восьми прекраснейших женщин. Черная Королева, Карни, Пифия, Магда, Дакини, Вега, Ормаленна и все еще Иштар, хотя нам осталось еще быть может пара-тройка встреч. А в алькове у каждой хоть изредка следует появляться, чтобы не оказаться безнадежно забытым. Еще одну женщину я бы быть может еще мог бы потянуть, а вот включение в качестве девятой возлюбленной полноправной музы означало бы только одно: большая часть связей рискует оказаться прерванной. А каждая женщина в моем пространстве дорога мне своей совершенно особой, уникальной гранью. Как нетрудно понять, добавить в этот график

такую вещь, как работа над книгой, означает поставить на кон всю свою жизнь. Где-то в глубине души я понимал, что на моем нынешнем уровне служения, по большому счету, книга — это самое значимое сокровище, которое я могу создать, показав немногим, что значит действительно жить своим мифом. Но не в этом десятилетии!

Однако договор был заключен. Я хотел этой книги, но более всего этой книги хотел Азазель. И эта книга начала рождаться, сперва мучительно, через ужас и боль, а потом легко точно танцуя. Договор был заключен, но я имел наивность не принять его всерьез.

Споры вокруг книги, с которых началось наше общение, — как выяснилось, даже не полбеда. Как раз в тот момент, когда мне казалось, что удалось достичь хрупкого баланса договоренности, в Черную Королеву в полную мощь и силу вошла Нахема.

И вот на этот раз, черт возьми, это было действительно страшно. Потому что первое, что я услышал, — это хулу на самое святое, что только может быть. Хулу на Лилит.

— Ты же всегда знал, что тебе нужна другая богиня. Ты искал не Лилит, признай же это и следуй за мной в бездну.

Признать? Пресвятая Владычица, да если бы я услышал что-то подобное от другой женщины, эта женщина исчезла бы из моего пространства в ближайшие полчаса. Но Черная Королева! Но хранительница Града, которая была со мной с самого начала! Но та единственная, с кем говорил Азазель! Что она делает, зачем?!

Сказать, что я был смущен и ошарашен, значит — ничего не сказать: я был просто смят и раздавлен. Передо мной разыгрывалось противопоставление, которого по определению не могло быть — противопоставление *внутри* Тетрады. До сих пор моя картина мира, при всей ее сложности, была внутренне проста. Есть мои главные боги: Люцифер, Лилит, Азазель, Нахема — боги, объявленные покровителями «Касталии», священная Тетрада. Есть второй круг: боги Телемы, которым я воздаю хвалу за становление, полученное в их храме. Есть третий круг: боги-союзники, те боги и богини, с которыми я сталкивался на протяжении моего странствия. Иштар, Геката, Кылчин, Умай, Велес — вот те имена, которые неизменно почитаются, когда я говорю свое слово на кругу. И, конечно, есть враги, но стоит ли о них? И вот сейчас в мою стройную картину реальности врывается раскол, необъяснимый рационально. Или я, или она! Или Лилит, или Нахема! Твою же мать, по всем моим данным они не просто союзники, они сестры, они из одного источника, части единой мистерии, и сама идея возможности раскола так же абсурдна, как идея конфликта между кровными сестрами! Какую руку отрезать — правую или левую? Или даже нет: с чем предпочтете расстаться — с печенью или сердцем? Очевидно же, что организм умрет в любом случае.

Внезапно голос Юлии изменился:

— Мать обманула меня. Она говорила, что мир прекрасен, и бросила меня в чужой, убивающий, давящий мир, где мне не было места.

Что вообще происходит? Присутствие было. Невозможно перепутать вселение и ролевою игру в «а проведу-ка я богиньку», с каковыми я не раз сталкивался на своем пути все эти годы, но не считал достойным даже эпизодически упоминать подобное. Да, порой можно не увидеть реальное вселение, если сознание надежно изолировано в своих менталоконструкциях. Полное вселение, в полную силу, невозможно спутать ни с чем. Меняется само пространство, стены начинают дышать по-другому.

И мне оставалось убеждать себя, что сейчас это не настоящая Нахема, что настоящая Нахема не может выступать против Лилит, как никогда не могут выступить друг против друга родные сестры или дочь против матери.

А вдруг я чего-то не понимаю? Все, что мне оставалось в создавшейся ситуации, — это дипломатично уходить от прямых нападений, пытаюсь объяснить, что вообще-то все эти годы Лилит покровительствует мне, а своих покровительниц не предадут, даже если этого хотят очень любимые женщины и очень почитаемые богини. Вежливо,

почтительно, отдавая дань, все же ускользать от этой абсурдной атаки, требующей отречься от самого главного, что и образует смысл моей жизни.

Если столкновение вокруг книги я еще мог понять рационально, убеждая себя, что Юля хочет получить те же почести, что и Акташ, если первая часть разговора казалась продиктованной несколько странной, но ревностью, то дальше я вообще не понимал, что и почему происходит. Это была атака на самое святое, на святая святых, на храм, о котором лишний раз и говорить-то не принято.

Увы, наши представления и ожидания, что, как и с какой интонацией будет говорить богиня, если она таки вселится в земную женщину, существенно отличаются от того, что обычно происходит в таких случаях. И ведь ладно бы все ограничивалось человеческим соперничеством — это-то как-то можно себе объяснить. Но причем здесь Лилит, которая вообще не может отождествляться с конкретной женщиной и есть сама Серебряная Нить, связующая с Истоком?

Самое удивительное — Юлия была ошарашена и смущена не меньше. Обсуждая сложившуюся историю, она призналась, что вообще не понимала, что и почему она говорит. «Я же не имею ничего против Лилит! Я же работала с темным древом, мне же нравятся песни о Лилит. Почему я это говорю?»

Домой я возвращался с ощущением, что мой уже ставший таким надежным мир тотально рушится. Одна стена дома пытается обрушить другую. Женщина против богини. А ведь я только обрел ее вновь...

Единственное, что меня утешало — это спокойная, даже с улыбкой, реакция Мартиэль, как всегда знающей несколько больше меня. Марти явно не спешила предать Юлию анафеме, напротив, ее ответ, звучавший примерно как: «Ну да, иногда дамы могут вступать в противоречия, надо смотреть и решать, главное — сохранять осознанность», — немного снял мою панику.

Мое состояние в ту ночь так «фонило», что в ту же ночь Магде приснился сон: она находит меня избитым в подворотне из за какой-то книги. И воистину — в плане духа я был измелен в мясо, едва продержавшись до конца.

Это был единственный момент, когда мне казалось, что мы можем больше никогда не увидеться с Черной Королевой. Принять нападение на себя я вполне бы мог, Акташ меня болтала по всем пределам Черных вод. Но атака на одно из четырех имен Истока от имени другого из четырех имен? Зачем ей вообще понадобилось атаковать главную святыню «Касталии», оплот и смысл, богиню и Исток, зачем она вообще полезла туда, куда никому не следует даже заглядывать без причины? Сама Черная Королева была в шоке не меньше. «Что я говорю? Я же ничего не имею против Лилит!»

Следующие три недели моя голова представляла собой что-то похожее на рассказ Брэдбери «Уснувший в Армагеддоне». В моей голове безо всяких ритуалов и воззваний ожили голоса, и это впервые меня не радовало.

Переругивающихся «голоса» было два, и я в разговорах этих двоих — невольный свидетель, вот только, по несчастливой случайности, голова-то моя. «Да как она посмела! Она же с первой встречи бросила вызов мне, дочери Лилит!» — бушевала разъяренная Эллоиза. «Дорогая, но разве она не великолепна в своем вероломстве настолько, что упорно напоминает мне тебя?» — доносился ответ кого-то, ну очень похожего на Ааззеля. «Ах великолепна! Ну посмотрим еще, кто тут Великолепна!» «Дорогая, у меня на нее очень большие планы, очень большие, пойми, пожалуйста, она может тебе не нравиться, но без этого пазла наша мозаика никогда не соберется», — вновь говорил Аазель. Наверное, на основе этих милых бесед внутри моей головы можно было бы написать целые пьесы. Черт возьми, за всю мою жизнь я впервые видел невозмутимую Эллоизу, легко сканирующую почти каждого второго, весьма разозленной.

Кажется, тогда между нашими с Юлией встречами прошел почти месяц. Но постепенно Элли стала «уступать» Ааззелю, да и было видно — крайняя дерзость

Черной Королевы какой-то части самой Элли пришлось по нраву, хотя она в этом бы никогда не призналась.

Правда, на нашей встрече, которую мы оба так ждали, что уже успели забыться острые углы, Эллоиза полностью закрыла меня от взаимодействий. Меня как будто запечатывало в кокон, и никакое взаимодействие не складывалось. Нам действительно приходилось говорить, точно в первый раз, продираясь сквозь налипшую чешую недоверия.

В какой-то момент, когда ситуация обострилась, я не выдержал и решил играть с открытыми картами. «Между нами, Юль, есть реальная проблема, ибо ты обидела Эллоизу. Ты пыталась ее продавить, навязать ей многое, а этого она не любит».

Когда Юля сказала, что хотела бы поговорить с самой Элли, та не заставила себя долго ждать. Сперва сказала все, что думает о Рыси и ее отношениях с Лилит, а потом — о Рыси как таковой. И вот это второе, как выяснилось, несло гораздо больше глубокой симпатии, чем я мог подумать. После того как «девочки» договорились, все моментально вернулось на круги своя.

А по мере того как мы погружались под шелуху, вновь во мне в полную силу заговорил Азазель.

И вот тут стало ясно, до какой степени все серьезно!

Глава 7. Ангел Северо-Западного окна

*Возьми меня, возьми
На край земли
От крысиных бегов,
От мышьиной возни.
И если есть этот край,
Мы с него прыгнем вниз.
Пока мы будем лететь,
Мы будем лететь,
Мы забудем эту жизнь.*

*Группа «Наутилус помпилиус», из
песни «Человек без имени»*

Когда приходит Азазель, все становится понятно.

Когда приходит Азазель, набор разрозненных фактов вдруг превращается в целостную мозаику.

Когда приходит Азазель, бессвязные и бессмысленные обрывки событий становятся единым плетением.

Когда приходит Азазель, дует восточный ветер.

Так вот. К Черной Королеве Азазель через меня стал приходить очень часто. Впрочем, на этот раз я был в полной синергии и достаточно быстро начал понимать, какова окончательная цель Патрона. И мне крайне нравилась эта цель.

На этот раз у меня вполне хватало ума соотнести несколько событий, по отдельности не имевших бы значения, — но вместе они сплетались в восхитительный узор, и то был самый лучший запрос, который я только мог ожидать.

Пару встреч до ключевого разговора. Черная Королева в порыве любви сказала: «Если бы я могла решить иметь детей, то имела бы их только от тебя». Прекрасные слова, о которых может мечтать любой мужчина. Но зная ее отношение к детям, я воспринял ее слова скорее как указание на предельную близость, но не на возможность реализации.

Затем она заявляет, что у Магды есть «лунный артефакт», который нужен ей. Признаться, сперва меня до колик перепугали эти слова. Луна связана с материнством, а «взять лунный артефакт» не означает ли поставить под угрозу того, у кого он был взят, и тем более того, кто грядет? Страх оказался надуманным, а лунный артефакт был получен от совсем другого человека.

И наконец — очередная вишенка на торте. Именно тогда, с разницей в пару дней, Черная Королева заводит кота. Дежавю такое дежавю — впрочем, не надо быть магом, чтобы понимать простую житейскую мудрость: женщина, заводящая кота, явно чувствует пробуждение внутренней матери. Кот появляется у Магды за год до договора с Магдой. Кот появляется у Акташ за год до договора с Акташ. Ну не настолько я невнимателен, чтобы не замечать столь очевидный сигнал.

Кажется, мы начинаем проживать ту же историю, с той единственной разницей, что на этот раз я достаточно осознан и могу связывать одно с другим, в то время как Акташ приходилось порой подводить меня к очевидным выводам как барана на веревочке. Боги, до чего же я счастливчик, на голову падает еще один договор на ребенка! Обрывки фраз и символов, явно не осознанных самой Юлей, очень быстро сложились в целостную картину, однако должно было пройти много времени, чтобы все пазлы были в полной мере осмыслены. Запрос на ребенка. Еще одна искра Азазеля!

И да, ну конечно же, в нашем танце с Черной Королевой Азазель начинает появляться практически в каждом выходе под шелуху. И это само по себе поражает. До возвращения Черной Королевы я не переживал ничего подобного уже несколько месяцев, за исключением того единственного явления Магде и Иштар с причастием гадами морскими. Да даже к самой Акташ, которая его и пробудила, он навевался не так регулярно. Похоже, у Патрона своя логика, которую просто невозможно понять. Или, может быть, все очень просто: мы оба до умопомрачения обожали прекрасную Рысь.

Я дорого бы дал, если бы мне удалось хотя бы отчасти передать, что это значит — приход божества в твоё тело. Если раньше это означало частичное выключение сознания и памяти, то в танце с Черной Королевой я вроде бы оставался сам собой, будучи при этом им. Как будто сознание вдруг точно выстреливало из катапульты, и я видел реальность его глазами. Менялось все — интонация, жесты, и совершенно особая вибрация неслышным гулом заполняла все пространство. Он был здесь. Всегда ироничный, насмешливый, изрекающий слова, точно чередуя танцевальные па. Двадцать лет я работал над совершенствованием своего эпистолярного и литературного стиля, но по сравнению с Ним я как будто бы оставался неотесанным варваром. Но я — это он? Это не так и одновременно это так. Насколько волну можно назвать всем морем, а луч солнца — солнцем. Насколько часть может нести в себе целое. Насколько сознание может расширяться до дыхания восточного ветра.

Придя на этот раз, он перешел сразу к делу:

— Когда ты будешь готова, Звезда Запада? Ты ведь уже чувствуешь этот запрос изнутри. Достаточно просто связать несколько фактов, чтобы понять: ты сама хочешь этого, но более того — этого хочу я. Пора перейти к главному договору о детях. наших детей. Ты ведь узнала меня на этот раз, и мне нет необходимости напоминать тебе какие-то детали, вроде имени «Александр» из романа, написанного специально для тебя, о чем, конечно же, ставка и не догадывался. Александр, психиатр,— попался такой юноша на твоём пути. Чистый был.

Азазель умел удивлять. Черт подери, я понятия не имел о том, что у Юлии был какой-то «Александр, психиатр», но изумленное, даже ошарашенное лицо Юлии подтвердило — он попал. Точнее, почему попал? Просто знал, как боги знают о нас все — и даже больше, чем мы знаем о себе. Молчание было мне самым красноречивым ответом. В такие мгновения понимаешь глобальную разницу между собой и своим патроном. Я не знаю ничего, я ограничен одеждами кожаными, и мой разум обвит

пеленой иллюзии. Он — вольный дух, враг господствующего небесного порядка, само воплощение свободы, страсти и движения.

Впрочем, даже прямые доказательства божественного вмешательства, кажется, не могли поколебать Королеву в главном:

— Это же невероятно! Как это вообще возможно? Нергал, Озеро, теперь еще Александр. Я же всегда думала, что ты моя фантазия. Такой воображаемый друг. А ты, похоже, реальнее, чем это вообще можно представить. Впрочем, — тут Рысь выпрямилась точно для прыжка, — кем бы ты ни был, припомни, пожалуйста, что, вообще-то, я сразу отмела все твои странные намеки о божественных детях, когда ты посоветовал написать первое письмо твоей ставочке.

— Намеки? А они были? — где-то на периферии сознания раздался голос обыденного эго. Ах да — она сейчас говорит про Азазеля в духовной форме, в которой он приходил к ней. Значит, это он сказал ей вернуться. Как интересно.

— Напоминаю — я согласна на все, кроме деторождения, — продолжила Рысь.

— А не ты ли сказала, что если бы хотела иметь детей, то имела бы их от нас? А не ты ли заявила, что тебе нужен лунный артефакт Магды — она родит, и ты спокойно его возьмешь, ей он больше не будет нужен? А не ты ли завела кота? Это у вас ритуал — за полгода кота заводили и Магда, и Акташ. Ты же сама посылаешь этот сигнал, это твое желание в той же степени, что и мое, и я очень хотел бы, чтобы ты сама видела, что ты говоришь и делаешь.

Он хотел только одного — получить скорейший ответ на вопрос «когда»? И на несколько минут он решил удалиться, дав мне слово. А надо сказать, я был удивлен.

— Да о чем ты вообще можешь думать! Если сам Азазель доказал свое присутствие и высказал свою волю, неужели ты можешь допустить, что я мог разыграть это ради личной мужской выгоды? Я не телепат, не всевидящий, я не знал, что писал тот чертов роман для тебя. Их дело приказывать, наше — подчиняться. Мы должны подчиняться богам во всем.

— Когда ты вступал в Орден, то сказал, что согласен на все, кроме гомосексуализма. Когда я говорила с твоим патроном, я сказала, что согласна на все, кроме деторождения.

— Неужели ты не понимаешь. Если бы Он приказал, я бы и на гомосексуализм согласился и вообще на все. Дело богов — давать команды, наше дело — слушать, слышать и исполнять.

Железная логика, но эта Звезда Запада упорно не хотела подчиняться даже голосу того, кто доказал своим знанием свою высшую природу.

— Ни боги, ни люди, ни духи не убедят меня делать то, чего я не хочу!

Я уже было собирался разразиться еще более возмущенным и гневным комментарием на ту же тему, как вдруг меня вновь подвинул Патрон. И на этот раз казалось, будто он решил сделать вид, что никакого разговора о детях не было вообще.

— А знаешь ли ты, Черная Королева, что Йом Киппур уже очень скоро? Это мой праздник. Праздник, в который я собираю всех, кого могу собрать. Потому что я желаю нового союза. Союза живых богов против всего, что ты, Черная Королева, так же ненавидишь, как и я. Будет много людей и будет очень много особых гостей. Очень, очень особых. Все из Ордена Азазеля будут там, усиливая волну. Ибо с этого Йом Киппура я открываю Пантеон. И ты мне нужна там! В эпицентре моей мистерии.

Если кто-то еще до сих пор не в курсе, то позвольте небольшую справочку. Йом Киппур — праздник Азазеля, день жертвоприношений, с которого в прошлом году начались самые важные договоры. Но на этот раз Азазель, еще до этого появления, показал мне, какую мистерию он желает в этом году. Из всех, кого я когда либо знал, я должен был выбрать тех немногих, кто является ставками. Тех, кого я готов признать ставками для себя. Придут не все. Но пригласить нужно всех, кто является Внутренним Кругом.

Задача, что и говорить, титаническая. Как убедить каждую из ставок участвовать в мистерии, как выстроить круг, чтобы собравшиеся даже не маги, а мастера магии не переругались еще до того, как жертвы будут принесены? Как собрать ритуал, где каждый из участников — целая вселенная? Годы и годы я общался с самыми разными оккультистами, магами, жрецами, выискивая среди них тех, кого я могу назвать ставкой или хотя бы предположить наличие природы ставки.

Об эзотеризме, тайне, внутреннем круге, ставках существует много пустых и пафосных концепций, каждая из которых едва ли заслуживает даже ироничного опровержения. Соберите под одной крышей трех оккультистов, и они начнут решать, кто из них принадлежит к внутреннему кругу.

Однако, в сущности, критерий прост и очевиден настолько, насколько может быть прост и очевиден факт, почему-то всеми настойчиво игнорируемый. Внешний круг магии — это те, кто полагают, что боги для них. Внутренний круг магии — те, кто знают, что это они для богов. Сколько лицемерия, сколько лжи, прежде всего самим себе, постоянно порождают неопиты и старожилы всех оккультных школ и традиций всех времен и народов! Каждый медиум, каждый сумасшедший будет с пеной у рта доказывать, что служит богам и что он-то и видит то, что видят боги. На поверку такие «откровения» оказываются всего лишь красиво обернутыми собственными желаниями, выдаваемыми за желания потоков, богов, учителей — в общем, подчеркните или выделите нужное. Тех, кто умеет отличать реальную волю богов от раздуваемых собственным бессознательным хотелок эго, очень немного, хотя, казалось бы, для этого нужно всего ничего.

Настоящих ставок почти всегда видно сразу. По какому-то особому измерению бытия, выстраивающемуся вокруг них. По какой-то особой мерности. По целостности и самодостаточности субъекта, когда ось и точка опоры находятся где-то по ту сторону этого мира. И конечно, настоящих ставок сложно убедить участвовать в чем-то, что делают не они. Ставки не идут за лидером и ставки не примут «надо, потому что надо». Для ставки, по сути, нет иных аргументов, кроме одного — это воля моего бога. И уже поэтому собрать круг ставок — это, пожалуй, одна из самых сложных задач, которую может возложить на себя ведущий ритуала.

К сожалению, одна ошибка была все-таки допущена, и один из участников Йом Киппура не имел природу ставки. Бедняга через пару тройку недель после мистерии поехал крышей и проклял все, чем занимался раньше, включая богов, после чего с ним случился тяжелый несчастный случай. Не стоит не-ставкам оказываться на Йом Киппуре...

Мистерия Йом Киппура была проста, как просты были древние ритуалы. А от прошлого Йом Киппура прошел как раз год. Основа — Жертвоприношение. В абсолютно свободной форме каждая ставка из сердца произносит хвалу своему божеству. Определен только порядок — вначале приносятся жертвы Азазелю и Нахеме, а затем каждый из ставок-предстоятелей приносит свою жертву и читает своё воззвание к возлюбленному божеству своему, которому приносится эта жертва.

Козел, коза, утка, курица, петух, гусь, кролик. В жертву пригодны любые животные при условии, что они имеют пищевое использование. То, что еще пару лет назад казалось трансгрессией, после мистерий Акташ стало частью повседневной жизни.

И в таких ритуалах самое важное — это быстрое умерщвление животного. Азазель весьма недоволен, когда жертва мучается. Мне часто казалось, что наша связь с Акташ на высшем уровне порвалась, когда она приносила в жертву козла, но из-за отсутствия правильных инструментов и опыта животное, к общему сожалению, мучилось долго. Жертва должна умирать быстро, желательно — очень быстро.

Пантеон. Союз богов. Я не раз чувствовал, как из глубины перед моим внутренним взором появлялась картинка, в которой все боги — это своего рода ручейки и реки,

которые должны были соединиться в один бурный поток и снести на своем пути все, что могло им мешать, очистив площадку для Небесного города. Города тысячи богов.

Дело было за малым — добиться, чтобы ставки согласились участвовать в моем действе. Потому что можно собрать сто не-ставок и эффект ритуала будет меньше, чем если соберутся две-три ставки. А ставка делает только то, что хочет, и то, что хочет ее божество. Договориться со ставками во многих смыслах равно договориться с божествами. Некоторые отказывались сразу. Некоторые срывались в последний момент, как будто кто-то свыше говорил своей ставке — не время, нельзя, не предусмотрено договорами. Поэтому количество участников до последнего часа остается непредсказуемым.

Пантеон. Где могут быть восславлены все боги, которые хоть раз проявились в моей душе и моем пространстве. Где каждое божество получает свою жертву. И общая жертва преумножается, так что, в конечном счете, каждый из участников как бы умножает свою жертву на жертвы другим богам. Круг Азазеля. Город был построен, и сердцем города был Пантеон, в котором каждый бог — известный и неизвестный — получит свой законный алтарь и свою жертву. Ставки с большим трудом принимают такое приглашение.

Особое условие Азазеля — на этом ритуале главным гостем должен быть предстоятель Велеса. Почему-то именно союз с Велесом на этом этапе был так важен Патрону. Как будто одним своим участием он мог дать нам нечто очень нужное, чего у нас не было. Впрочем, будем справедливы: у Велеса действительно самая заметная в наших скромных долинах ставка. И как назло, как читатель может догадаться, на человеческом уровне с этим титаном нас связывали не самые простые отношения.

Наш танец с Иштар приближался к завершению, так что, кажется, уже затихла музыка, под которую двигалось танго. И последняя точка была поставлена неделей раньше, когда предстоятель Велеса пригласил нас с Магдой под шелуху.

Иштар делала все, чтобы убедить своего возлюбленного участвовать в Мистерии, соединить потоки. «Касталия» должна стать языческой, а в язычество необходимо внести элемент касталийства. А я должен получить еще один фарт. Миф Олди, «Я возьму сам» — драгоценная, лелеемая книга, суть которой: нужно договориться с богами, быть им угодным и правильно рассчитать игру, где цель — фарт шахеншаха. Эта книжечка была для нас с Иштар путеводной звездой во всех наших странствиях. У Ставки Велеса эта идея не вызывала ни энтузиазма, ни какого-то особого сопротивления. До последнего момента я не мог понять, будет он или нет, — и внезапно последовало это приглашение. И вот Магда, Иштар, я и он выходим из привычных границ сознания навстречу неизвестности.

У меня задание. Я знаю, зачем я здесь. Патрон хочет, чтобы предстоятель был на нашем ритуале. И мне нужно понять, готов он или нет. А по-человечески, конечно, неуютно. Знает он или не знает? В наш круг он пришел другом, но какие сюрпризы могут последовать, когда сорваны маски? Как человек он может не знать, не видеть или не хотеть видеть. Но его Патрон никак не меньше моего, а Патроны видят все...

После первого погружения перед нами развернулся виртуознейший театр одного актера, который, будь он записан на диктофон, мог бы претендовать одновременно на выступление лучшего комика и пьесу в жанре трагифарса. Время от времени он прерывал свой бенефис словами: мол, ребята, что вы молчите, почему такие скучные, уйду я от вас, — после чего продолжал этот искрящийся поток шуток, аллегорий, образов и связей, который, будь он хоть немного более амбициозен, мог бы быть оценен и раскручен как произведение искусства. И это самый обычный поток сознания! О боги, на что способен этот человек, если из ничего может творить такую феерию смыслов?

О боги, да разве можно и нужно тут вставить хоть слово? Его слова текли, переливались, создавая какие-то особые узоры. Узоры? Или плетения, но плетения совершенно особые, несравнимые с плетениями Азазеля.

Когда я все-таки нарушил молчание и выбрал момент, чтобы задать вопрос: мол, видишь за мной моего бога, признаешь его реальность? — он расхохотался и сказал: «О, твой бог — это особый тип. Он всегда норовит сзади зайти. Избушка-избушка, повернись к лесу передом, а ко мне задом. Весь универсум норовит вывернуть. Но на него никто не обижается. Ибо где здесь перед, где зад? Одна бесконечная русская сказка, где верх значит низ, а перед означает зад».

После этого он сделал выразительную паузу и, уже обращаясь не ко мне, а к Иштар, сказал одну фразу: «Я надеюсь, Олег хорошо понимает, чего ему и его богу будет стоить мое участие».

Запомнил ли он эти слова? Кем он был в этот момент? Но в эту секунду на границе миров нашими глазами друг на друга смотрели наши боги. Они давно договорились. Без Велеса этот Йом Киппур не будет полон, нужна земля, нужно очень много земли, поддержка древней праматери и праотца земли. Без него ритуал, несмотря на пролитую кровь, останется не более чем еще одним воздушным замком. Он был нужен нам, нужен хотя бы один раз. Его благословение. И Он честно обозначил свои условия. Что ж — эти условия я принял еще полгода назад, уже тогда все было ясно. Наш прощальный полет с Иштар последовал очень скоро. И если Патрон уже принял решение, глупо стоять на пути жерновов богов.

Только сделав это отступление, мы можем создать достаточно ясную картину. Можно и вернуться к ходу действия, действия, где, оказавшись под шелухой, я снова Он.

В книгу мы вносим только те события, которые имеют значение, и читатель может подумать, что это своеобразное «перекидывание» стало для меня чем-то вроде привычных будней. Ну да, конечно! Каждое явление Азазеля — как в первый раз. И каждое — как в последний. Никакие обряды, ритуалы, технологии, будь то даже ритуал 2,22 в любом составе, не гарантируют его приход. Можно облегчить, открыть двери, пригласить. Но быть уверенным, что он снова проявится через тебя, нельзя никогда.

А разговор Черной Королевы с Азазелем продолжается.

— А моя ставка знаешь что удумал? Он Велеса пригласил. О, то-то веселие будет! И при столь тяжелом госте без присутствия Черной Королевы наша мистерия может принять неожиданные обороты, так что нам нужна твоя помощь.

«Да какого дьявола?! — хотелось заорать мне, прекрасно слышащему и слушающему. — Ты же сам недвусмысленно сказал, что Велес обязательно должен быть в пространстве, и теперь оказывается, что это я удумал!» Впрочем, у Патрона свои игры и свое чувство юмора, так что уже порой и не отличить, где ставка, а где Патрон.

Чем больше он говорил, тем больше раскрывался во всем великолепии. Даже проявления не равны по силе, но это проявление было одним из самых чистых и мощных. Это был Он. И Он пришел просить помощи у Черной Королевы.

— Впереди мой праздник. Жертвоприношения. Придут очень многие, и поверь мне, участников будет гораздо больше, чем людей. Я закладываю новый Город. Ты знаешь, что в старину, когда стоили замок, обязательно приносили в жертву козла или быка, дабы окропить первые камни фундамента кровью. Враг тысячелетиями ослаблял меня, принося бескровные жертвы, запечатывая меня в козла, брошенного умирать в пустыне. Они думали, что победили, но не тут-то было. Эти жертвы и эти боги нужны мне, Черная Королева. Нужны для нового Города. Трудно строить Город, дорогая, очень трудно, а без помощи Других и вовсе невозможно. Поэтому — помоги! Приезжай. Участвуй. Ничего не бойся. На кого мне опереться здесь, кроме как на тебя, на Черную Королеву, Королеву Черного Огня? Говорю сразу, что это будет очень сложный процесс, но если все получится, нечто в мироздании изменится. Мой Город Золотой взойдет, и я жду тебя на твоих Западных вратах, Королева. В ритуале будут четверо хранителей Врат, четверо тех, кто будут держать мечи, подняв их к небу. Это очень важно, только потом станет ясно, почему и насколько. Я не обещаю тебе легкого пути, Черная Королева,

впереди тебя ждет серьезное нигредо, ибо большая игра началась. Но я знаю точно — ты пройдешь. Ты проходила и куда большие испытания. Поэтому я прошу тебя — приходи.

— Но почему западные врата? Я хочу северные... — только и выдала Рысь.

— Ах дорогая, если бы я писал про тебя книгу, я бы назвал ее «Ангел северо-западного окна». Ты ведь даже не догадываешься, о чем ты сейчас меня попросила. Но все правильно, если ты хочешь занять сразу двое врат, Западная Королева, — пусть будет так. Физически это невозможно, но метафизически ты почувствуешь Север, когда настанет его время. Только раз ты просишь Север — ничему не удивляйся: на севере правила меняются каждую секунду. Не жди устойчивости: невозможно поймать Север, изменчивость — его природа, помни это.

— Но почему я?

— Потому что ты из моего рода. Кстати, о роде. Знаешь, я давно хотел посоветовать тебе одну книжицу. Сразу скажу, что автор очень нас не любит. Но ты на это не обращай внимания. Как это ни обидно, часто самые правдивые слова говорят те, кто нас не любят. Они не пытаются нам польстить. Когда придет время — найди книгу Дантана «Память крови». И ты многое поймешь, если будешь читать внимательно и пропустишь благочестивые стенания автора, который на самом-то деле занимается протаскиванием нашей правды под видом критики, только не признается в этом даже себе. Тебе нужно обязательно почитать эту книгу, потому что она про тебя. Твой род. Со временем ты поймешь, какое роскошное плетение мы подготовили специально для тебя. Ты ведь точно выберешь нашу сторону, Королева Запада? Впрочем, это риторический вопрос, не так ли? ...А теперь я удаляюсь. Я жду тебя на мистерии, что будет твориться к силе и славе моей.

Как всегда, вибрация поменялась достаточно резко. Это самый сложный момент — сохранить равновесие при переходе. Ты все еще под шелухой, но ты снова ты, а не Он, и очень важно, чтобы канатный плясун сохранил равновесие. И первое, с чем сталкивается сознание по возвращении, — это сомнение. Это действительно был Он? Сомнение неизбежно, оно обязательный спутник чуда. Чего больше в этом удостоверении? Искреннего сомнения? Или просто некоего обозначения перехода, «завершения сеанса», возвращения в обыденное состояние, где чудо имеет право произойти лишь наполовину.

Глава 8. Радуга над Озером

Основной Символ Ордена Фосфора, сама основа его магической работы есть то, что называют символом АЛГОЛ. ...это Люциферианское зеркало бессмертия...

Пещеры Лилит достижимы через зеркало, и точка связи с Бессмертными богами...

Майкл Форд. Тени Алгол

А тем временем где-то параллельной реальности разворачивался наш танец с Кэр — танец, который обрушил нашу привычную реальность куда-то внутрь себя. Азазель в той форме, как я его знал, не приходил. Зато проявлялись множество других граней и сил, большую часть из которых я просто не успевал осознавать.

Для меня наступило время совершенно особых чудес и синхроний, чудес, которые, точно вихрь, стали вращаться вокруг одной-единственной книги, ставшей для меня своего рода маяком.

Литературу, строго говоря, можно разделить на три неравные категории. К первой категории можно отнести весь тот мусор, что создается для развлечения толпы или для обличения социальных пороков и прочих «призываний милости к бедным». Этот вид

литературы заслуживает только презрения. Вторая категория стоит значительно выше первой. Это литература, в которой художник через своих героев и перипетии их судьбы изображает комплексы своего личного бессознательного, словно надеясь их таким образом преодолеть. Но если вторая категория стоит значительно выше первой, то третья столь далека от обеих двух, как ближайшая к Солнечной системе звезда далека от Луны. Пророческая литература. Литература, в которой рукой писателя пишет Он. Неважно, как его звать. Неважно даже, понимает ли сам писатель, что он делает и до какой степени создаваемый им шедевр является изначально вложенным ему из предвечных источников. Иногда знает, как знали Гете и Майринк. Иногда даже не догадывается. По большому счету, только эта третья категория и заслуживает право называться Литературой с большой буквы. И именно эта литература способна открыть врата восприятия не хуже любого психоделика.

Читать много — для меня дело принципа. Я испытывал мучительный стыд, что по мере того, как жизнь стала все более наполненной, я забыл, когда выполнял обязательную для телемита норму чтения: одна книга в неделю. Однако в те немногие недели, когда в мои руки попадал новый роман Генри Лайона Олди — пожалуй, единственного фантаста из ныне живущих и пишущих, чьи творения можно отнести к третьей категории литературы, я оказывался полностью вырван из повседневности, до тех пор пока не прочитаю эту новинку. Тут я мог поставить рекорды и проглотить сразу два а то и три тома. На тот момент было прочитано все кроме «Ойкумены».

И да, надо сказать знакомство с Ойкуменой разворачивалось в обратном порядке — от последних томов к первым. Пятый том попадает мне после невероятного знакомства сразу с двумя Миррами, каждая из которых явно связывает с этим именем целый миф. Уже само по себе это впечатляло! Но первые строки книги, где все начинается с героини по имени Мирра, окончательно сделали свое дело.

От пятого тома я быстро перешел к четвертому, где встретил еще одного персонажа, и по характеру, и по судьбе практически зеркально отражающего мою прекрасную Карни. Собственно, имя Карни взято из этого романа как модификация настоящего имени. Меня поражало, что и Мирра, и Карни, с той или иной стороны, как будто символически выражали главную трагедию Карни — невозможность зачать, невозможность «воплотиться».

В конце концов, где-то на третьей части обратного чтения с некоторой долей ехидства я сказал Юлии: мол, странно, что у нашей Карни уже два персонажа в «Ойкумене», а у тебя ни одного.

И на следующий день ко мне наконец-то по почте пришел первый том. Где, как знает любой, кто читал книгу, главная героиня — Юлия Руф. Боги всемогущие, там совпадает не только имя, и можно не натягивать скрытую рифму Руф и Рысь. Там совпадает характер от первой до последней строчки! Казалось, что писатели просто издеваются надо мной, проложив своего рода пунктирный мостик из событий, знаков, персонажей. Да что это вообще за книга такая?! Это не книга, это мир — мир, в который хочется играть и в котором хотелось бы жить.

Бля! Это же рассуждение типичного субкультурщика. Ну это ж надо — избежать всех субкультур в пятнадцать-двадцать-двадцать пять лет и со всего размаху влететь в книгу, у которой, в отличие от того же Толкина, нет устоявшегося фендома! Черт возьми, в конце концов, я читал немало пророческой литературы самой высшей категории, но ни одна из книг не выдавала такого потока включений.

Объяснение не заставило меня долго ждать. Сквозным героем книги, героем без героя, героем — высшей идеей был принцип Антис, сверхчеловеческая, титаническая сущность, перемещающаяся в космосе по своему желанию, скользящая над и под шелухой как хозяин. И вот глаз натывается на определение Антиса, которого просто не было в поздних томах: Антис — он же Нефил, он же Исполин, он же Полоник. Твою мать! Я не просто смеюсь. Я захожусь каким-то истерическим хохотом и не могу

остановиться где-то полчаса — впрочем, было ли там время? Нефил. Нефилим то бишь. Он же исполин. Ага, понятно, *какой* миф находится в ядре этой книги. Родной, сокровенный, мой миф.

Отсмеявшись вволю, я мысленно, точно копируя Патрона, играя в него — тем более что он разрешил оное еще давно, — произнес: «Слушай, дорогой Патрон, раз это твоя книга и раз ты можешь так играть вероятностями — будь другом, пошли тогда полный комплект. А где Регина? Неполный комплект в нашей скромной Ойкумене, ох неполный», — словно подражая постоянной иронии Патрона, решил я проиронизировать.

Рано я смеялся. Потому что в любой шутке, последней и самой, черт подери, изощренной и тонкой шутке, будет улыбка Патрона. Азазель всегда смеется последним. Хотя о последнем смехе Азазеля еще слишком рано, до Регины еще далеко, ну а мы возвращаемся к нашему золотому веку Карни.

За какие-то четыре встречи у Карни произошло полное раскрытие духовного видения. Каждый ее полет был все более сложен, утончен и полон тех символов, о которых она на тот момент и знать не могла. Северный и Южный Ветер. Черное солнце. Древний бог, который занимает престол на Севере. Некоторые странные имена, подозрительно похожие по звучанию на ключи, которые некогда дала мне Марти. И конечно, полный набор известных нам божеств: Бабалон, Лилит, Терион, Люцифер.

В сюжетах, видениях, символах Карни шла на несколько шагов впереди меня. Иногда мне казалось, что она просто придумывает эти видения: ну не может же человек переживать столь сложные, причудливые сюжеты, большая часть которых, казалось, проходила мимо моего сознания. С Юлией я всегда видел и чувствовал ровно то же, что видела и чувствовала она. За Карни мне чаще всего приходилось бежать вдогонку. Подтверждением подлинности ее опыта было то, что часть имен и сюжетов она просто не могла знать.

За три выхода мы стали по настоящему родными. В какой то момент я просто чувствовал ее желание, и в день, когда она больше всего хотела выбраться на природу, я решил разнообразить нашу программу и пригласил Карни на озеро.

У Азазеля есть свое Озеро. То самое Рубиновое озеро, пресуществленное Нахемой в начале времен. Не раз в видениях мой взгляд скользил по периметру бесконечного рубинового сияния. У меня, как у скромной Ставки Азазеля, тоже есть свое озеро. Озеро куда более обычное, но по-своему неповторимое. Мое озеро находится недалеко от Москвы, а в самом центре этого озера — несколько плавучих домиков, мерно покачивающихся на спокойных волнах. Черт возьми, я смог найти самое прекрасное место, куда можно пригласить прекрасную леди. Здесь происходили наши лучшие встречи с Магдой и Иштар. И сюда я пригласил Карни.

Казалось, мы превратились в одно тело, окруженное мерным золотым сиянием Люцифера. «Мы — изначальный Андрогин, — почему-то подумал я. — Так мы с тобой родные! Родные, единоутробные! Ты видишь, мы с тобой из одной утробы, из одной матери, из одного источника!» Я видел. Золотое сияние и слитые в единую композицию души и тела. Черт возьми, до чего же красиво! Видимо, близость самого обычного земного озера создает резонанс с небесным озером Азазеля.

— С нами должна быть еще одна. Тоже сестра. Ты же рассказывал что-то о ней, ее зовут Мартиэль, так? Мы обязательно должны приехать к ней. Она — Сестра. И вместе с ней мы заставим твой голос звучать в полную силу!

Идея познакомить Карни с самой Марти поразила меня в самую суть. Карни оказалась первой, кто сам задал правильный запрос, запрос, направленный от центра к центру, запрос на вступление в семью, на раскрытие своей чернозвездной природы. Надо сказать, она шла по пути последовательно, сперва задав вопрос о ключах, а потом попросившись туда, где сосредоточены все ключи.

Сказано — сделано.

— Марти, помнишь, я знакомил тебя с Миррой? Я хочу познакомить еще с одной Миррой. Я вообще не понимаю, какого черта происходит. Если бы они называли себя Лилит или Бабалон — это было бы понятно. Каждая начинающая девушка маг называет себя либо Лилит либо Бабалон. Но откуда в моей вселенной очутились сразу две Мирры? И что это значит?

Что это значит, Марти объяснять не спешила, но на встречу согласие дала.

И вот тут снова выходит в активные роли Магда. Множественные связи, экстатические полеты, ритуалы и мистерии — все это нисколько не смущает Магду, уже давно признавшую право на мою особую специфику, которую, ну правда, невозможно изменить. Физически верный Азазель или его ставка? Да вы издеваетесь, серьезно, что ли?

Так что дело тут не в измене. А в нарушении равновесия. Баланс. Который, как написано у Кроули, всегда является основой делания. Баланс между женщинами всегда должен быть соблюден. А разве это не нарушение баланса? «Почему я до сих пор не представлена твоей духовной матери и учителю, а женщина, которая появилась пару месяцев, — уже едет с тобой в святая святых?!» — лютовала Магда.

То, что виделось ей как нарушение равновесия, в сущности было разницей запросов. Господи, да если бы она хоть раз недвусмысленно и твердо заявила это знакомство как свое глубинное желание! Но — нет. Поэтому блистательная победительница войны титанид здесь оказалась, прямо скажем, в весьма неудачной роли. Рита была нарушена уже с другой стороны.

Во всей этой истории настоящей причиной была даже не Магда — Иштар, все эти годы бывшая самой надежной опорой Города.

После нашего последнего, можно сказать, прощального соединения, о котором каждый из нас понимал — на этот раз все навсегда, мы долго подводили итоги, уже не скрывая друг от друга неизбежность разрыва. Идиллия первой половины ночи сменилась напряженным противостоянием второй.

— Ты же не умеешь расставаться, — сказала Иштар, видимо припомнив некрасивую историю Чинни.

— Что ты, дорогая! Иштар уже послала мне свою другую свою ставку. Карни в одном из полетов видела нашу Государыню, так что никаких обид, все честно. Карни сможет сохранить Город, когда ты уйдешь.

И вот тут произошло нечто для меня непонятное. Всегда спокойная, разумная, чистая как алмаз Иштар, не знавшая ни ревности, ни гнева, как будто с цепи сорвалась. Все, что я хотел — это успокоить ее. Я размышлял по себе. Например, есть Акташ, с которой мы уже расстались. Если бы в мир Акташ вошел кто-то, кто тоже был бы Азазелем, я был бы гораздо спокойнее и счастливее, нежели если она выйдет замуж за кого-то абсолютно чуждого. У Акташ мои дети, и я был бы рад, если бы в их поле был тот, кто несет фарр тех же сил. Это казалось мне настолько очевидным и естественным, что последовавшей реакцией я был ошеломлен. Впервые она превратилась в настоящую стерву, всеми способами обличающую новых женщин, с ее точки зрения непонятно зачем пришедших. Все годы нашей связи не было ни тени ревности, а сейчас, когда ставилась последняя точка и, в общем-то, в любом случае делить уже нечего, я неожиданно для себя столкнулся с совсем другой Иштар.

И конечно, Иштар умело разожгла ярость Магды. И здесь уже было чего бояться. Слишком хорошо я знал, на что способна даже одна Магда. Но Магда, помноженная на Иштар, это нечто, последствия чего невозможно предсказать.

И вот на попутной машине мы с Карни едем в Санкт-Петербург, а на другом конце провода неистовствует Магда. А где-то на заднем плане ее слов и выводов присутствует Иштар, некстати преподнесшая подобный подарок. «Ох, хорошо, что не я водитель, — мелькнула мысль, — а то наверняка отправился бы в ближайший кювет».

Для нестандартных ситуаций — нестандартные решения.

Я позвонил Черной Королеве. Познакомить Карни и Черную Королеву? Поверьте старому полиамору: если у вас есть возможность не пересекать своих любимых женщин — лучше этого не делать. Связка Иштар и Магды — это чудо, нарушение всех правил здравого смысла. Но сейчас, когда я явно рисковал получить направленную атаку от двух разъяренных женщин сразу от псов Ге и львов Иштар, действующих, черт подери, вместе, — похоже, придется рискнуть.

Все, что я мог сказать: «Юля, прикрой, пожалуйста, мою задницу, тут может быть очень большой пиздец. Назревает катастрофа, может все рухнуть. Равновесие нарушено, и Магда может уйти. Мало того — собачки в поле, и кое-кем усиленные...»

Как и положено Рыси, она была царственно спокойна.

— А кстати, я в Питере, — вдруг сказала она.

— А кстати, мы тоже. А кстати, мы с Карни приехали знакомиться с Мартиэль. А хочешь познакомиться с Марти? И с Карни... — Я замер в ожидании ответа.

В ответ был радостный возглас:

— Ну конечно же, приходите! Я танцую на самом лучшем фестивале, и меня очень обрадует группа поддержки!

— Обязательно приедем.

Наша встреча была назначена на следующий день. Вечером первого дня мы поехали на снятую квартиру. И да, как и следовало ожидать, грозные псы Гекаты, похоже, не дремали. Мы пришли в квартиру, примерно час мирно беседовали втроем.

Наконец-то Карни могла рассказать свои видения той, кто понимает и знает больше меня. Внезапно в домофон раздался звонок, и незнакомый голос сказал: «Откройте, следственный комитет!»

Черт подери! За несколько минут уничтожив четыре книги Тимоти Лири, мы выяснили, что «следственный комитет» не спешит звонить в дверь, и каким-то чудом две книги все-таки сохранились. Впрочем, в этой истории я не вижу никакой особой мистики, ибо некоторые хозяева, сдавая квартиру, ставят подслушивающие устройства. Единственное, о чем я жалею в этой истории, — ни я, ни Карни не сохранили адресок этой нехорошей квартирki, а то — мне бы хотелось навестить ее и сделать несколько целительных яичных укулов во все возможные ценные поверхности.

Что боги ни делают — все к лучшему. Марти пригласила нас на свою внутреннюю, закрытую квартиру, где мы могли почитать жалкие остатки великого гарвардского психолога. Впрочем, и эти крохи оказались достаточно хороши для того, чтобы открыть врата в вечность и увидеть лица друг друга без шелухи. Мог ли я представить, к каким последствиям приведет это знакомство хотя бы на миг?

А на следующий день состоялось ожидаемое знакомство сестер. Это самое первое знакомство, пожалуй, продолжалось не более десяти минут, когда после блистательного выступления Черной Королевы с весьма говорящим названием номера — «Сирена» — Рысь грациозно покинула сцену и села за наш столик.

Общаясь за чашкой чая и наблюдая танцы других участников, дамы, к моему удивлению, были расслаблены. В то время как я напряжен и сжат как пружина, наблюдая за каждым сказанным словом на предмет второго смысла и женской, скрытой атаки. Атак не было даже на самом тонком уровне. Дамы были реально рады друг друга видеть и хитро перемигивались, договариваясь, у кого какая мантия будет на Йом Киппуре, где у каждой есть грандиозная роль на вратах Града Азазелева.

Все тревоги оказались излишними, и все прошло гораздо лучше, чем я мог надеяться. Карни рассказала о наших приключениях, и Рысь поставила нам на защиту свою Кошачью стражу.

Что такое «Кошачья стража» и как она действует, мне еще предстоит узнать в будущем, ведь до сих пор я был уверен, что котики — это что-то очень невинное и кавальное, не способное обидеть и мухи. Когда через пару месяцев произошло реальное столкновение, я вынужден был признать, что не встречал более эффективной магической

силы. Впрочем, на этот раз Кошачья стража, видимо, не найдя ни в ком из подозреваемых реальной вины, мирно сопроводила нас по обратной дороге. Это был день зарождения второго, самого фантастического союза, которому еще предстоит стать хранительницами Истока.

А впереди был Йом Киппур. Впереди была самая главная мистерия, в которой я — Ставка Азазеля — должен был вести ритуал не среди неофитов, но среди таких же, как я, ставок, каждая из которых служит своему богу и хранит свой исток.

Незадолго до Йом Киппура мы снова встретились с Карни. И я опять сделал то, чего не делал никогда. Я пригласил ее в свой дом в Калуге. Уже не помню, у кого возникла эта идея, но Карни захотела, чтобы мы прогулялись по местам моего раннего детства. Проклятым местам, где прошел мой плюшевый ад. Местам, куда я предпочитал не заглядывать без особой необходимости.

Мы приехали поздно вечером, и вокруг лежала мгла. Все тот же дом, все та же колонка, все тот же детский сад и общежитие напротив этого детского сада. Вот только, в отличие от картинок, запечатленных в памяти, во дворе вдвое меньше деревьев, а машины утыкали двор везде, где только возможно. Я иду по этой земле, держа Карни за руку, здесь она — мой Вергилий, ведущий меня через ад. Воспоминания приходят одно за другим. Унижения, обиды, вечный плен и бессильная ненависть. Но был бы я тем, кем стал, если бы не получил эту школу, внезапно думаю я. Не пора ли раз и навсегда оставить эту навязшую в зубах позицию, лелеемую тысячей психологов всех школ и мастей, позицию жертвы, вечно лелеющей свои раны? Разве мне нечем гордиться? Разве мой путь не был величайшим преодолением? Разве можем мы оценить свободу настоящего, до каждой клетки крови, если сперва не испили чашу рабства до дна, а испив, не разбили ее о камни. Я чувствую, как здесь и сейчас, держа за руку Карни, рождаюсь новый я. А вот в этой песочнице я впервые грезил о Лилит. А вот там порыв ветра напомнил мне об ином Ветре. Карни ведет меня с любовью, нежностью и теплом, соблюдая тишину, дабы не прервать процесс. Карни делает что-то, разбрасывая колоски, взятые с собой. Таинство Лилит. Таинство начала и конца. Здесь я был ребенком и сюда я пришел, чтобы замкнуть круг воспоминаний.

— Земля. Ты видишь, эта земля — она всегда любила тебя. Здесь всегда жила Лилит, — точно вторя моим детским воспоминаниям, говорит Карни.

Всего двумя дворами дальше — детский сад, где двадцать лет назад проводил свою мистерию мой первый учитель. Пробуждение Кундалини. Первая молния, разорвавшая жизнь на до и после. Здесь, на этой земле было не только проклятие, здесь же было и спасение.

Мы идем с Карни домой и погружаемся под шелуху. И вот происходит что-то невозможное. Она опять видит Азазеля. Но я не могу почувствовать его. Я сейчас не он. Я вижу сияние, чувствую вибрацию по телу, но перепутать это с прямым подключением невозможно.

И вдруг Карни говорит:

— А ты знаешь, что ты тоже в легионе? Не как Азазель. Но уже как Олег, прошедший свой путь. Ты пополнил собой того, кого называют именем Легиона. И нас легионы. И они смотрят на тебя. Азазель первый из них. Но именно ты ведешь свое войско. У тебя будет твоя битва. Йом Киппур — это ерунда, это тренировка. Здесь в любом случае свои поддержат тебя. Просто помни, что ты, как есть, тоже в легионе, и тогда все будет хорошо. И посмотри! — Карни показывает на картину Акташ, которую я все эти годы хранил, отказавшись отдавать, даже когда наш конфликт достиг апогея. Картину, особенно мной любимую, где, как я думал, отражен любовный танец Азазеля с женщиной, в которой есть искра, есть богиня, есть жизнь. Это вечная история, история, полная самой безжалостной страсти и самой трепетной нежности.

Но Карни видит больше:

— Посмотри. Там. Контуры разных цветов. За Азазелем — Радуга. Я всегда говорила тебе, что Азазель ведет Легион. Посмотри!

Акташ тоже видела его, видела Легион, а там, за легионом, Радуга того самого изначального Дракона. Люцифера. Предвечный и изначальный Исток, преломляющийся искрами тысяч цветов. И я есть тот, на кого пала одна из этих искр, кто вспомнил его свет и кто несет его знамя.

Точно вторя моим мыслям, Карни сказала:

— Теперь ты понимаешь. Ты — знаменосец Люцифера. И ты проведешь этот ритуал, даже если Азазель не сможет войти в тебя.

Интермедии Карни написанное ей самой.

Рожденная целостной, устремилась она на поиск Высшего. Сначала через отца, потом через всех других мужчин, которые становятся близкими. И взмолившись однажды о великой любви, она уже не сможет остаться прежней. Он будет приходить к ней каждый раз, на каждый ее призыв, он будет целовать ее страстно и вытирать каждую ее слезу.

А она не будет знать, что это он, и облекать его в формы. Но это будет единственный способ им быть вместе, до тех пор пока не предстанет она пред ним во всей наготе своей и не дойдет до него по осколкам стекла, изрезав ноги и сердце в кровь.

О! Возлюбленный мой, как сладко быть в твоих объятиях. Пусть пролитая кровь станет Серебряной Нитью, зовом глубин, вкусом, который влечет, и призывом *помнить* всегда о том, кто есть ищущий тебя.

Я пришла в этот мир в то самое время, когда после семидесятилетней спячки пробудился дух, и брат пошел на брата, и сын пошел на отца, а мать продавала своих детей. Сотрясалась земля и проливалась кровь, и был день, и была ночь. Что на земле, то и на небесах, и сошлись небеса друг с другом, но не как прежде, чтоб породить еще одни небеса, а чтоб уничтожить друг друга и остаться единственными. И тогда уже нельзя было просто видеть со стороны. По звону струны нужно было вернуться и встать в ряды братьев своих.

Я — Мирра, и это первое имя, которым назвалась я, чтоб войти в первые врата. Голос тихий я слышала с самого рождения, он звучал мне через деревья, через огонь, через реку, но больше всего я слышала его через ветер. И тогда я видела два сна, два раза приходил ко мне ангел с черными крыльями. В первый раз он просто обнял, во второй наделил меня крыльями, и полетела я над миром, глядя с высоты птичьего полета на мир простирающийся, и видела, как прекрасен он. В третий раз это был ангел с белыми крыльями, он открыл дверь, а за ним был свет. И сказал, что теперь он со мной, и вышел.

Но первое имя наделило меня иным слухом, и я стала слышать его ночью, вставала и записывала почти под диктовку. Рождались стихи. Но не достаточно было просто слышать, нужно было проживать всем сердцем, и плакать, и болеть.

А потом боль вошла в жизнь, каждый день она пронизывала жизнь, она стала частью жизни. Такая боль, которая ставила под угрозу сам факт физического существования. И в эти годы я учила закон. Что есть смерть, и что есть жизнь, что есть то, что между ними. И какова цена жизни, если смерть рядом. И так было много лет.

А потом услышала историю про казачью лошадь. И запомнила ее.

И спросили, почему казачья лошадь стоит пятьсот золотых, а простая пятьдесят?

Новорожденного жеребенка, после того как был готов, отбирали у матери и отдавали на воспитание. Рос он вместе с мальчиком, сыном казака, и человек был и другом его, и хозяином. И наступала весна, и как только шел ледоход по Дону, собирали казаки выросших лошадей и пускали табун молодых через ледяную воду.

А сами стояли на берегу и смотрели, как тонут их молодцы.

До середины доплывала половина. А они стояли, смотрели и говорили: окупится.

До берега доплывали немногие, и стояли казаки, смотрели и повторяли, что окупится.

А после на берег выходили всего пять, а некоторые так и оставались стоять в воде у берега, так как ноги их совсем вмерзли.

А казаки стояли, смотрели и говорили: окупится.

А после из тех, кто вышел на берег, трое оборачивались назад и возвращались в ледяную воду, и зубами тащили тех, кто не имел своих сил.

А казаки говорили: окупится.

А после казаки брали тех троих и забивали до полусмерти. И когда лошади после смертных побоев вставали на ноги, была среди них одна, которая продолжала верить своему хозяину и шла к нему, склонив голову, и на дыбы за него вставала перед саблей врага, чтоб принять удар на себя.

Та и считалась настоящей казачьей лошадью.

И история эта не о лошади, а о том, как людьми становятся. Как умирают за эту жизнь не один раз, о том, что когда вот уже прошел испытания и на лужайке травку можно пожевать, оборачиваешься назад и зубами своих вытаскиваешь. О том, что не потому что веришь, а потому что, сдуко, должен верить! О том, как огонь души своей несешь по всем темным уголкам не чьей то, а своей души. И не о том, как другим светить, а как самому бы в тварь дрожащую не превратиться.

Есть мера суда, но не может существовать этот мир одной лишь мерой суда.

И было послано милосердие. Смягчает оно сердце мое любовью, ибо сердце это и есть вторые врата. Там горит огонь вечный, там источник жизни. Но случилось со мной так, что подумала я, будто огонь мой погашен и источник больше не пылает. И возопила я к Вышнему: нет ничего священной Твоего огня, но нет его у меня и жизнь станет пустым существованием. Но если воля твоя, приму ее. И опустив голову, пошла бродить по свету. И встретила странника, но не знала, кто он. В пустыне он предложил мне глоток воды, и не отказалась я. И почувствовала в тот же момент биение — то было биение сердца моего. И увидела, что жива я. Воды проникли в самые глубины, и наполнили недра, и пробудили огонь. И было это первое чудо, явленное мне. В неистовстве пробуждения моего смотрел он на меня и радовался. Ай, брат Азазель, тысячи лет я искал тебя! Ты — сокровище мое! Гори! И стали мы тогда вместе, и шли, взявшись за руки. И привел он меня на Озеро, и увидела я нашу историю с самого начала, от зачатия до рождения. Только он был без крыльев, и видела это и сокрушалась. Ведь летали мы на моих. А однажды, когда спросила его: «Зачем ты приходишь ко мне полетать?» — он ответил: «Милая, я прихожу полетать в тебя». Но сейчас он может сам, теперь его крылья выросли, они прекрасны, теперь он может поведать мне о том, что видел своими глазами в тех местах, где не была я. Но две пары глаз смотрят, одни позади другие впереди. И знаем не больше друг друга, а знаем по-своему. С единым сердцем — когда покушаются на него, я возношу меч, и он тоже хранит меня. Мы дети вечности, а мать серебряной и золотой нитью собирает нас. Шьет свадебные наряды и возносит Корону каждый раз, ждет, когда сын ее станет Королем. Все смотрят на него, тысячи глаз видят его. Это история тех, кто стоит на Восточных вратах. Там произрастают кедры и лани скачут по отвесным скалам, там табуны буйволов проносятся, сотрясая землю, там есть Огненное озеро, в котором отражается восходящий диск. Что вверху, то и внизу. Ибо таков закон.

Глава 9. Йом Киппур

*Эта холодная ночь в октябре —
В той самой поре,*

*Когда кончен концерт,
Вылито прочь
Вино за окно,
Кровь за любовь,
Стихи за грехи...
Ольга Арефьева. Ночь в октябре*

И вот он. Час икс. День, к которому я готовился весь прошлый год. Ритуал, в котором важна каждая мелочь. Ритуал, где каждый участник — центр, проводник, председатель, ставка.

Велес. Кали. Иштар. Геката. Лилит. Кылчин.

Ах да. Одно особое замечание. Приносить жертву Кылчину имеет право только либо удмурт по крови, либо тот, кто принят в семью. Я был принят. Но в Йом Киппуре я —предстоятель Азазеля. И мне было сказано найти правильного язычника удмурта. Вот уж воистину, пойдти туда не знаю куда! Где я их искать-то буду? То, что Акташ не пойдет на подобное мероприятие, — факт, не требующий доказательств: ее крайняя интровертность, помноженная на память о войне титанид, сделала такую вероятность даже не нулевой, а отрицательной.

И внезапно такой человек появляется. Елена. Женщина, которая когда-то давно прочитала мою книгу, и последняя глава, глава про Акташ, помогла ей полностью вспомнить о своих сияющих национальных богах. Большинство удмуртов забыли о своих богах, но боги все так же живут в их крови, и достаточно лишь немного встряхнуть, немного напомнить, чтобы Черное Солнце вновь воссияло над Темными водами. Поэтому Елена без объяснения причин была приглашена в наш круг предстоятелем Кылчина.

Йом Киппур — это подготовка, которая начинается за много месяцев. Список участников. Закупка атрибутов. Аренда коттеджа в Подмосковье. Расчет программы. Выяснение, кто будет, которое, к сожалению, никогда не бывает точным. Распределение очередности жертвоприношений: не дай боги кто-то из предстоятелей обидится, что его поставили после кого-то. Кажется, был предложен жребий, но, как выяснилось, я зря беспокоился — вопрос очередности не волновал никого. Закупка животных. Козел, коза, курицы, гуси, утки. Каждому — по жертве, каждому по огненному столпу, восходящему к небу. Каждому — слава и почет. Приходите, проявитесь, выразитесь, живите в Граде Азазелевом, древние боги! Единственное, в чем я точно уверен: еще никто не устраивал ничего подобного и, думаю, уже не устроит.

Увы, современные люди представляют собой унылое, прагматичное и линейно выстроенное нечто, коему решительно чужд дух той самой суверенной избыточности, некогда прославленной великим философом Батаем.

Всякое действие, даже действие, обращенное к богам, — утилитарно. Но утилитаризм и боги — это несовместимая категория, огонь и лед, деревянное железо. Девяносто пять процентов всей современной эзотерики заслуживает только одного — презрения за свою грубую утилитарность и склонность забивать гвозди микроскопом. Истинное действие, истинная мистерия всегда имеет один смысл, и этот смысл — она сама, внутри себя самой.

Наш Йом Киппур начался еще за день до Йом Киппура, когда я приехал к Черной Королеве и первое что сделал — это попросил кольцо Азазеля. И он пришел. Впрочем, здесь он не мог не прийти, он ликовал, он светился каким-то особенно интенсивным светом, точно жертвы уже были принесены и поток наших воль влился в единый поток Азазеля. Чувствовать энергию радости Божества — что может быть прекраснее этой амброзии, этого дара?

Мы говорили. Трудно вспоминать, что и о чем мы говорили. Мы говорили о магии, о посвящениях, о мистериях, и об особом значении нашей мистерии, на которую она,

Черная Королева и Леди Нахема, должна выбрать козла и козу. И, забегаая вперед, — Нахема действительно выбрала на славу.

Мы говорили о посвящениях, и внезапно Черная Королева сказала:

— А знаешь, от тебя я бы приняла посвящение. У меня же уже есть минерваль.

Возможно, мне показалось, но это был едва ли не единственный момент, когда я почувствовал, что сам Азазель во мне вдруг проявил сильнейшие эмоции, точно сверкнув яростным светом. Получилось! А после этого я услышал очень спокойный голос: «Ты знаешь, что надо делать». Но... Господи, я мог бы привести тысячи «но». Даже во времена самых острых конфликтов с ОТО у меня не было и мысли пытаться кого-то посвящать, что и говорить о нынешнем моменте, когда у нас царит уже давно установившееся партнерство и дружба. Но! В конце концов, я могу что-то не вспомнить. Но! Ответ всплыл, точно бегущая строка перед глазами: инструкции Патрона в боевых условиях не обсуждаются. В боевых условиях? Ему зачем-то нужно это посвящение! Вопросов нет. Я начинаю извлекать из закровов памяти давно забытые формулы и реплики церемонии. Ни до, ни после я не делал и не сделаю ничего подобного, но здесь я четко знал — приказы Патрона не обсуждаются. Но почему, зачем? И вдруг на одной из важнейших реплик, когда силы первой степени, силы рождения призываются на посвящаемого, я чуть не захохотал. Ах вот ты о чем, Патрон! Похоже, это действительно важно — призвать на Нахему силы рождения, похоже, именно здесь и заключается твоя главная игра. А я-то думал, что эти ритуалы нужны, чтобы произвести какие-то изменения в цивилизации, помочь одним политическим силам, ослабить другие. Боги могучие, да Азазелю глубоко плевать на эти круги на песке. Единственное, что имеет значение по-настоящему — Род. Память Крови.

И внезапно с моим восприятием стало происходить нечто вовсе абсурдное. Мне казалось, что в нашем пространстве появился ее давно умерший отец. И как будто он поддерживает происходящее, глядя с той стороны бытия с какой-то надеждой, что у нас таки получится довести делание до конца. Какое-то безумие.

Еще более невероятным было то, что через пару дней после Йом Киппура Черная Королева увидела знаковый сон, в котором отец передает ей горящую свечу и просит сохранить и передать это пламя любой ценой. Как причудливо переплетаются наши фантазии, мысли, образы, как совершенно неожиданные силы, проявляются из самых дальних глубин души, где наше индивидуальное смыкается с вечным, а умершие оказываются бессмертными. Сокровенная грань, тайная грань, вечно трепещущая под ветром Люцифера грань, завеса которой лишь очень редко приоткрывается на несколько мгновений.

А еще Азазель показал мне изнутри мир Черной Королевы. И она была безупречна во всем, кроме одного самого тонкого сбоя, который вызывал эту войну с Лилит, так что Лилит представлялась ей исключительно как вампир. А за этим образом был другой, гораздо более глубокий.

Этот сбой и был причиной странного искажения, когда одна богиня обрушилась с проклятиями на другую. И то же самое искажение было причиной ее позиции «что угодно, кроме деторождения». И то же самое искажение как будто изолирует ее от круга других, даже магов, заставляя жестко держать границы, что для других выглядит как особая форма снобизма. Одно-единственное искажение, одна единственная заноза. И похоже, Азазель очень хотел эту занозу вырвать. Но как? Что вообще может внести изменения в структуру личности, если сама структура не заявляет предельного усилия для изменения и не видит проблемы? В общем, как всегда, в мистерии загадок больше, чем ответов.

Наутро мы поехали за жертвенными животными. По иронии судьбы, козел, которого мы выбрали, оказался на добрую сотню километров дальше, чем мы представляли, в прямо противоположном от места мистерии направлении. А ведь еще нужно было успеть закупить уток, куриц, петухов.

Всю дорогу мы наслаждаемся изысканной музыкой, иногда прерывая созерцание красоты, возвращаясь к обсуждению предстоящей мистерии под грохот ударов козлиных рогов — это в багажнике наша любимая жертва время от времени таранит стекло, угрожая положить ему скорый конец. Какие это были рога! Какие копыта! Такие рога могли бы пропороть брюхо какому-нибудь хищнику.

И вот все в сборе. Время настало. Мы углубляемся далеко в лес, где на перекрестке дорог выкапываем яму для жертвенных тел и разводим костер. Глубже, глубже в самую глушь, чтобы не потревожить покой ближайших деревень. Приготовления. Яма, выкопанная для жертв. Дрова. Костер. Место аккуратно на перекрестке пяти дорог. Все ближе ритуал, все ближе мистерия.

Храм открыт! Вечный Храм Небес и Земли.

Удар гонга. Время пришло! Азазель! Приди! Приди!! Приди!!! Сокруши. Сокруши. Сокруши. Время твое здесь и сейчас, тебе кровь, тебе страсть, тебе огонь. Ты, вознесший меня выше, чем когда-либо какой-либо бог возносил кого-либо из смертных, ныне я возношу жертву тебе, наполняя тебя силой. Открой Врата Легионам, Азазель, открой Врата твоим легионам.

Небольшой, но заточенный до остроты бритвы нож. Пара движений по горлу — и козел бессильно опускается на землю. Это главное. Залог успеха мистерии.

Нахема! Пусть козочка кровью своей проложит дорогу между мирами. Пусть войдут в сновидения людские ночные кобылы сладострастных снов твоих, пусть будет сокрушен замок рабов ограничений, которых убьет один полноценный оргазм. Приди и раскрой радугу над серым миром! Приди в этот мир, приди во всей силе и величии. Тебе сила, тебе слава, тебе вечность, и тебе — танец в центре Дворца Пирамид. Ибо наступает время последней мистерии — Мистерии Нахема. Ибо был Кроули, объявивший Эон Гора, был Парсонс, объявивший Эон Бабалон, был Майкл Аквино, объявивший эон Сета. И ныне я в центре круга моего провозглашаю четвертую грань, последнее, забытое, но могущественное звено: Нахема, госпожа Черного огня. Ибо этот мир уже не спасут ни воинственность Гора, ни чистое вождение Бабалон, ни даже суровый Сет. Только темный огонь уничтожения, сопряженного с самым острым наслаждением, только ось, связывающая миры, только госпожа ночных кошмаров и ночных наслаждений может дать ответ этому миру.

Мое время вышло. К алтарю подходят другие участники. Ставка — каждый. Ну, или как потом выяснилось, за одним-единственным исключением. И каждый возвещает самую интимную, личную молитву и хвалу своим богам, о которых он или она знает на уровне дрожи кожи.

Геката. Иштар. Лилит. Велес. Кылчин. Увидев, как Елена, никогда доселе не участвовавшая в ритуалах, идеально приносит в жертву птицу, и услышав слова того прекрасного языка, за который еще недавно принял мученическую смерть жрец языческой веры, я понял — он тоже здесь. Договор утвержден, слава установлена. Я — узел. Я — пересадочная станция. В путях моего разума идут железные дороги, переплетаясь в одном узле, одной станции под названием Азазель. И здесь и сейчас моя мистерия, бывшая доселе таинством микрокосма, становится первой, пусть робкой, попыткой сыграть на большом уровне.

Четверо хранителей держат мечи по сторонам круга. Север. Юг. Запад. Восток. Огонь играет в сияющей стали мечей. Лилит! Велес! Геката!

И вдруг происходит катастрофа. Точно в замедленной съемке я вижу, что Черная Королева летит в обморок и меч падает у нее из рук.

Катастрофа! У дворца назначены четыре стража, и один из стражей рухнул. И хуже того — даже когда возвращается сознание, отталкивает меч и не может подняться на ноги! Это может означать провал ритуала.

Черная Королева очень хотела Северных врат. Бойтесь желаний — они могут исполняться. Она увидела Север. Она увидела Черное Солнце. И увидев, не отвела

взгляд, всматриваясь все глубже туда, где Бездна и Исток в совокупности. Туда, где свет этот ярче десяти тысяч солнц. Это слишком для человека, даже для Черной Королевы.

Я истошно кричу:

— Кто-нибудь, возьмите меч! Силы Яхве могут пройти!!! Дворец не сокрыт! Круг пробит.

На помощь приходит Иштар. Без слов, но выразительно глядя в глаза, вкладывая в этот взгляд целую палитру сложнейших эмоций, от печали до вызова, от любви до торжества — мол, хороши же мои сменщицы, — она поднимает меч, как бы всем видом говоря: что бы между нами не произошло, я была и останусь стражем Града Азазелева, потому ритуал пойдет своим чередом.

Дальнейшее действие не слишком запечатлелось в памяти. Все закончилось своим чередом, жертвы были сожжены, а потом захоронены, и мы отправились в заранее подготовленный коттедж к праздничному столу. Велес задавал тон, вновь разыгрывая свой театр одного актера. Было тесновато.

Ко всему прочему, Велес вспомнил, что он скоморох, и начал выстебывать всех и вся, а прежде всего, разумеется, меня. Карни ушла в самую дальнюю комнату, сказав, чтобы ее не беспокоили, и погрузившись в транс, созерцала радужного дракона, который, подарил ей истинное имя.

Но самое интересное происходило под шелухой в сознании Юлии. Потому что это было фиаско. Черная Королева, которая привыкла всегда жить по формуле «пришел, увидел, победил». Рысь, знавшая себя как сильнейшего и безупречного во всех отношениях мага темной стороны. Та самая Юлия, точно знающая себя от высот до глубин.

И вот эта самая Юлия подобно кисейной барышне потеряла сознание, по мнению всего круга, «от вида крови». Такой потери лица, такого удара судьбы она не могла даже заподозрить. Пришедшая с правом Королевы оказалась в обмороке аки юная принцесса. Дамы переглядывались, Иштар буквально пребывала на седьмом небе, мол «хорошая же у тебя смена».

Но чем королева отличается от принцесс и фрейлин, так это тем, что она умеет делать выводы из своих ошибок. Я до сих пор помню этот миг трансформации уже ближе к утру. Просто достаточно было взглянуть в глаза, чтобы понять: передо мной была совсем другая Черная Королева.

Обратно мы ехали втроем. Я, Юлия, Карни. Юлия все больше раскрывалась и шла навстречу Карни, поняв, что ей нужно взять что-то от той, которая еще месяц назад первой увидела, что она — сестра. Юлия слушала Марти, слушала с открытым сердцем. И когда зашла речь о том, что было бы неплохо ей познакомиться с Мартиэль, — она, не задумываясь, радостно согласилась. Одна мелкая заноза, одно искажение было устранено одним-единственным падением. До чего же изящно играют боги.

И где-то под шелухой улыбнулся Азазель. Потому что все прошло точно по его плану и даже лучше, чем он мог рассчитывать. Одного нигредо хватило, чтобы Рысь увидела свою слабость, столкнувшись с ней воочию!

О боги! Скольким людям — практикам, магам, мнящим себя посвященными, мастерами и даже Черными звездами, — порой приходится десять раз наступать на те же грабли, десять раз проходить нигредо почти до распада, десять раз умирать, и воскресать практически в той же форме, цепляясь за те же самые «вторичные выгоды», которые дает им их ненавидимый и любимый невроз! Черной Королеве хватило одного настоящего падения. Не замкнулась, не оскорбилась, не выбрала одну из многих защит, о богатстве которых мы знаем из психологических трактатов. Просто Королева увидела, как она слаба, и поняла, что при всей ее силе, уникальности и воле необходимо пожертвовать гордыней. Черная Королева захотела встретиться с Мартиэль. Черная Королева оказалась готова учиться.

Глава 10. Черные крылья

*Крылья мои светоносные,
Крылья мои темнокожие,
Крылья мои водопадами,
Крылья мои вихрем огненным.
...Я сердце небу вспорола звездой.
Светлана Патрушева, из песни
«Крылья»*

После Йом Киппура, я понял, как сильно я соскучился по Дакини, которую не видел уже, наверно, несколько месяцев, и на той же неделе поехал к ней в гости.

Практически с порога Дакини рассказала мне совершенно невероятное:

— Ты знаешь, я решительно не понимаю, что происходит. Мне иногда кажется, что я схожу с ума. Со мной как будто мысленно говорит Мартиэль, я как будто слышу ее голос, ее советы.

Очень странная новость. Если бы что-то подобное сказала Кэр или Юлия, это не вызвало бы вопросов. Но с Дакини они вовсе не знакомы. С чего вдруг ей выходить на тропу Серебряной Нити? Может быть, она говорит это, чтобы встроиться в мой миф, понравиться, разделить мою вселенную? Вряд ли. Не тот человек — Дакини, в отличие от многих юных дев, создала, прожила и выкристаллизовала свой миф, став одним из сильнейших практиков Ваджраяны. С чего вдруг с практиком Ваджраяны мысленно говорит Марти или та сила, что за ней стоит? Абсурд какой-то. Все, что я мог — отметить этот эпизод как странный курьез, как еще одним курьезом казалось мне то, что на Йом Киппуре Дакини решила приносить жертву Лилит, а не своим богам вселенной Ваджраяны. Увы, в мире магии мы зачастую можем заметить закономерности только задним числом, глядя на один сплошной поток событий и смыслов, неуклоннодвигающийся к своей кульминации.

После любовной мистерии и долгого погружения на самый дальний предел глубины произошло невозможное.

Я впервые увидел Люцифера. Все эти годы я славил его, делал его практики, зывал к нему, говорил о нем, прославляя на каждом собрании с первым торжественным тостом. И вот здесь я впервые его увидел. Это был тот самый ослепительный свет, свет тотальный, постоянно растрачивающий себя в импульсе вывести этот мир к новым горизонтам свободы. Как будто он показывал мне свою мистерию, в которой он рождается и умирает в каждом своем носителе, в каждом, кто несет его искру. Бесконечная боль и бесконечная любовь, открывающая врата и наделяющая ничем не обусловленной свободой. Впервые в жизни я видел Люцифера.

Вот уже после этого я не мог не позвонить Марти. Я был ошарашен, смущен, сметен. Я не понимал. Больше всего меня удивляло, почему он пришел именно здесь. Дакини — состоявшийся, крупный уважаемый практик буддийской традиции, мастер Красной Тары. Почему в ее поле я увидел Люцифера, причем увидел впервые в жизни, если, конечно, не считать сновидения, с которого начинается странствие?

И кажется, этим изумлением, этим сомнением, этим самым искренним непониманием я весьма обидел Дакини. Для меня непонимание звучало примерно так: какое отношение мастер восточной традиции имеет к нашей глубоко закрытой линии Серебряной Нити? Для нее мое удивление означало, что я считаю ее кем-то вроде «провинциальной девочки, которая ничего не знает и не понимает». В миг, когда я получил важнейшее подготовительное к последним пределам переживание, я одновременно чуть было окончательно не потерял человека, с которым разделил это переживание.

Сперва Люцифер пришел как чистое видение, свет в пространстве, открывающий себя из-за предела пределов. А следующий шаг был сделан всего через три недели, когда я повез Юлию знакомиться с Мартиэль.

Ох уж эти знакомства. Что-то очень странное происходило в моем пространстве. Как будто множество невидимых нитей пришли в движение, стали переплетаться, точно спешили выткать некий ковер, пока еще есть время.

Сколько лет прошло того самого момента, как я попросил Мартиэль взять меня в ученики? Пятнадцать. За все эти годы только Акташ была ею принята, признана и допущена. На всех остальных женщин Марти смотрела с подчеркнутой дистанции, но даже между ней и Акташ, казалось, пролегла пропасть в силу totally разных операционных систем. Они уважали друг друга, но какое-то глубинное магическое взаимодействие было исключено. Так вот это было за пятнадцать чертовых лет!

А тут за какие-то полтора месяца сразу трое! Каждая показала свои знаки. Каждая — со своей тайной. Каждая — со своей мистерией. Каждая со своими ключами, со своей стороны подтверждающими причастность к самому сокровенному знанию Истока. И у каждой как будто есть нечто особенное. Да что вообще происходит, кто бы мне объяснил!

Подготовка к встрече шла своим чередом, и вдруг внезапно Мартиэль решила сыграть по-крупному. Готовился концерт. И на этот концерт она пригласила *всех* моих любимых. Пифия, Магда, Карни, даже Акташ, хотя мы на тот момент уже разошлись, и конечно — Юлия.

О боги, в Марти включился трикстер! Представляю себе всю компанию в одном пространстве! Кому первой внимание уделять, как себя вообще вести? Что и зачем вообще она хочет сделать? Я был готов просто сдать билеты, и только доверие к Марти и желание таки познакомить ее с Юлией удержало меня от этого шага.

Ко всему прочему, накануне приезда впервые пробежала тень между нами с Карни. Наш обычный полет, полный глубины, нежности и тепла, внезапно был прерван. Произошло то, чего я ожидал меньше всего, и, наверное, женщина здесь поняла бы все происходящее гораздо лучше меня. Неожиданное нарушение цикла, скачок состояний — и вот Карни убеждена, что между нами было зачато дитя, которое не смогло прожить и месяца.

Она почувствовала какую-то особую духовную силу, принцип, который как будто устремился через нее к небесам. В этом было столько величия и столько боли, что Карни оказалась одновременно сломлена и вдохновлена — сломлена, что зачатие не удалось, и вдохновлена, что еще способна зачать, хотя до этого все решалось исключительно искусственными методами.

И следуя мифу о роде Азазелевом, мифе, который она изучала еще восемь лет назад, она назвала свое нерожденное дитя нефилимом. Душа, прошедшая через нее в небо — в помощь Легиону Люцифера.

О боги! Если встреча с Акташ приучила меня что в мире есть много того, что не вмещается в наши рациональные представления, идея нерожденного дитя, обладающего своей неповторимой душой, которое ушло к ангелам, показалась мне верхом сентиментальной наивности.

В конце концов, по первому становлению я психолог, а эта фантазия так похожа на компенсацию. Карни была убеждена, что родила нефилима, который ушел от нее в небо. С точки зрения психологии, ситуация очевидна как дважды два — не в силах принять свою боль потери, она придумывает красивую историю, помогающую пережить эту боль.

Единственное, что смущало — все происходящее как по нотам повторяло сюжет все той же уже упомянутой «Ойкумены» Олди. Потерянный ребенок стал Антисом. Нефилим равно Антис. И Мирра — мать сходящая с ума от горя уходящая от своей боли в мир грез. Миф начинает разыгрываться по своим законам, хочу я этого или нет, и надо

сказать, это не вдохновляет, учитывая, чем закончится история Мирры в известной сказке.

Я постарался не возражать. Я был достаточно умен, чтобы не пытаться вмешаться. У женщин свои способы справляться с болью. Но надо ли говорить, что Карни прекрасно чувствовала каждое движение моей души. Близнецы из одной утробы, соединенные в одном Озере, едва ли мы могли скрыть друг от друга хоть что-то. Между нами внезапно выросла стена размером с небо: еще недавно единые, слитые и сияющие — мы оказались точно разорваны по двум сторонам течения великой реки.

Ну хорошо — нефилим. Дух, ушедший в гвардию Люцифера. Окей, если тебе нужна эта сказка — пусть будет, я не буду спорить. Тем более что эта сказка так прекрасно резонировала с сюжетом «Ойкумены» Олди.

Но Марти! Почему она поддержала эту сказку? Принцип Люцифера запрещает давать кому-либо, даже самому близкому, самому дорогому человеку, утешение, ложную надежду, иллюзию. Люцифер — враг любой иллюзии. Однако когда Карни рассказала Марти о неудачном зачатии, та подтвердила ее чувства о «развоплощении нефилима» и даже сказала, что нефилимы очень важны, это единственная наша сила в этом мире. Азазель изначальный, да что происходит — Мартиэль дает утешительные надежды и поддерживает психологические рационализации! Я этого не выдержу!

Наверное, впервые за пятнадцать лет я поспорил с учителем.

— Марти, черт подери, ну как можно сказать, что обычный выкидыш на таком сроке, что женщина обычно и не замечает одного, важен для Люцифера? Да в этом мире каждую минуту десятки миллионов женщин оказываются в такой же ситуации. Если бы все эти дети становились нефилимами, мы бы уже давно завоевали нашу галактику, а заодно и все пограничные галактики.

Марти умеет очень быстро парировать любой, самый едкий ответ.

— Точно так же каждую минуту рождаются десятки миллионов детей, но ты почему-то не считаешь, что каждый из них является представителем Люцифера или Азазеля, не так ли? И скажи, пожалуйста, чем твоя вера в то, что ребенок, которого вы с Азазелем так хотите от Юли, будет великим Адептом и Его представителем, отличается от знания Карни, что ее нерожденный будет нефилим? Чем это, прости пожалуйста, качественно отличается? Или, может, проблема в том, что на словах ты признаешь реальность воображения, богов, сил, но на самом деле, при всех твоих видениях и опытах, продолжаешь считать зримый, плотный мир единственной реальностью и единственной причиной? Если так, я разочарована.

Возразить на это действительно было нечего. Но и уложить в голове эту картину было просто невозможно. Впервые за 15 лет общения с Марти я натолкнулся на камень который не мог поднять. Принять эту идею означало безусловно и окончательно сойти с ума. Тут же белые нитки, это же компенсация, компенсация, компенсация, черт возьми, — хотелось почти закричать.

С самой Карни я, разумеется, не спорил. Принцип Люцифера — невмешательство в чужой выбор, даже если выбирается очевидная иллюзия. Впрочем, ей было понятно все и так. Я ей не верил, я был отсоединен — так, словно теперь уже я превратился в ту самую Мару нашего первого знакомства. Впервые наша встреча была сухой, точно пустыня. Единственное, что объединяло — мы наконец-то увидим Мартиэль.

Историческая встреча. Нас трое, мы честно читаем Тимоти Лири и погружаемся на глубину. Я мог ожидать всего. Разговора. Проработки детства, психологических травм. Но то, что происходит, — останется в моей памяти навсегда.

Вот — все как обычно. Я сижу на диване с прекрасными дамами. Рядом — Юлия, рядом с ней — Карни. Напротив нас — Марти. Мы непринужденно беседуем о чем-то, о чем сейчас и не вспомнить.

И внезапно ЭТО происходит.

Любой скептик без труда отмахнется, сказав, что это галлюцинация. (От истории с Миррами отмахнуться, пожалуй, будет труднее, но, наверное, тоже найдут свои рационализации.) В конце концов, чтение книг Тимоти Лири может позволить увидеть и не такое.

Чудо было не в том, что мы нечто увидели, а в том, что мы увидели *это* одновременно, секунда в секунду. В одну и ту же секунду, точно ужаленные, мы подпрыгиваем на своих местах, вытягиваем вперед головы, а через две секунды поворачиваем головы друг к другу — мол, вы тоже это видите?

Мартиэль! Она! Точнее, Он! Крылья! Сияющие, черные, ослепительные крылья, обволакивающие Ее практически полностью. О боги, как же это прекрасно! Одно из самых удивительных, невозможных видений!

Может быть, просто глючит нас трое одновременно? В конце концов, я близок, крайне близок каждой, а между любящими идет общее поле. Но первые же слова Мартиэль наглядно опровергают эту версию. Это уже не она. Это Он. Другой голос. Другие интонации. Другие силы. Другие темы. Другое все, совсем все.

— Темный свет. Ты как-то спрашивал о темном свете. Как по-твоему — что такое Темный Свет? — спрашивает она у меня.

— Источник. Ось мира. Средство для того, чтобы сохранять связь с Осью, — говорю я.

— Средство? Ты считаешь Темный Свет только средством, инструментом?

Черт подери, от этого простого вопроса озноб пробрал до пяток. Как будто я дал крайне неверный ответ, ответ, в котором высшее было сведено до низшего, ответ, в котором заключено зерно фатальной ошибки.

— Ты всегда забываешь одно, и в этом твоя проблема. Ты забываешь, что Темный Свет — это движение. Движение, динамика, которая и есть основа. А ты продолжаешь цепляться за устойчивые конструкции, и даже Темный Свет пытаешься сделать чем-то статичным.

— Кто я? Что мне надо делать, чтобы все было правильно? — спросил я.

— Ты — колокол. Звонит. Звонить — это твоя природа.

Юлия тут же присоединяется к моему вопросу:

— А я?

— Ты — лесенка.

— Я очень хочу обрести силу держать основу, хочу попытаться держать ось.

— Пытаться не надо. Держи. Здесь. Сейчас. Держи.

Не помню, сколько времени продолжалось проявление. Он ушел, а мистерия разворачивалась своим чередом. Карни и Юлия танцевали, причем Юлия погрузилась настолько глубоко, что все многолетние навыки профессиональной танцовщицы, оказались отключены. Карни и Марти включали «танец без правил», «танец без заданной формы», танец как чистое выражение состояния. Самое невероятное было в том, что для Юлии этот момент оказался переходом, который заметили все, с кем она танцует в своей команде. Все отметили другой уровень, другое ощущение, другую реальность танца.

А после Марти сделала совершенно неожиданное. Она сделала подарки каждой: свой серебряный браслет и подвеску в форме змеи с голубым диском луны. Украшения, с которыми она не расставалась многие годы. Знак Нахемы и знак Лилит. Должно было пройти немало времени, чтобы стал ясен смысл этих подарков.

Глава 11. Восьмое тело

*И глубинные бомбы бездарной эпохи
Разрывались все ближе от нас.*

И снова старая песня. Я счастлив. Вместо одной богини боги послали сразу трех, каждая из которых — видит то, что не видит никто. С каждой — связана своя тайна. Имя, признание, любовь — разве можно здесь быть хоть чем-то недовольным?

И вот в этот самый рай ворвались вести о приговоре, который казался смертельным.

Весточку принесла давно забытая Гранатка. Многие годы она находилась где-то на окраине моего пространства, и я старательно держал ее на расстоянии. Влюбилась она в меня без памяти. И по странной иронии судьбы, у меня не было для нее ответа. Разные вселенные, разные координаты, разная реальность. Разве что пару раз, точно наваждение, вспыхивало влечение, которое очень быстро исчезало. По ее словам, у нее от меня ребенок, но едва ли в это можно поверить, учитывая, что у нее есть муж и множество любовников.

Гранатку очень не любили женщины. Практически все. Как может видеть читатель, мои любимые женщины могли дружить, соперничать, изредка враждовать, чаще заключать союзы. Но Гранатку не любили все без исключения. И уж точно последнее, что можно предположить, это ревность, потому что всегда она была последней.

Общее поле имеет свои законы. Связанные эротически, даже в разных пространствах, каждая чувствует другую шестым чувством. И здесь уже речь не о ревности. Здесь речь о совместимости или даже, в крайних случаях, о чистоте или грязи. Кого-то женщины легко принимают в свое поле. Например, Иштар принимали все.

А кого-то даже при приближении отторгают с предельной безжалостностью и отчуждением, словно сам факт моей случайной близости с ней, какие-то три раза, страшно унижал каждую из них. Одни весьма колоритно высказывались, другие еще более красноречиво молчали.

Гранатка умеет быть настойчивой и буквально ломиться в пространство. Что это? Любовь? Если любовь, то очень непохожая на ту тончайшую красоту чувства, к которой я привык с моими женщинами. Страсть? Ни одна страсть не может длиться так долго. Невроз? О да, мы, современные люди, любим называть неврозом и навешивать ярлыки на то, что нам не нравится, — стоит оставить крапиве право быть крапивой и не называть ее невротичной ромашкой.

Неделю назад она позвонила в очередной раз.

— Олег, нам очень надо встретиться. Не бойся, я не буду пытаться затащить тебя в постель. Это очень серьезно. Есть важная информация, информация о жизни и смерти. Ты можешь мне не верить и считать все моим бредом, как ты обычно делаешь, но у меня есть доказательства.

Закрыться? Отказаться от встречи? Глупо. Ибо даже в бреде сумасшедшего может быть искра смысла. Азazel любит играть. Да и уже по ее голосу я почувствовал — встретиться надо.

По моему описанию кто-то мог бы подумать, что она вовсе не привлекательна. Это не так. Гранатка привлекательна и даже притягательна, но эта притягательность глубоко первобытна, даже зверина. Первобытное начало в утонченной женщине — нет ничего прекраснее и совершеннее. Но когда в женщине есть только первобытность — это скорей отталкивает.

Мы встретились первого ноября 2019 года на Черный Самайн, незадолго до начала собрания.

— Я должна тебе кое-что сказать. Я с 2014 года работаю на ФСБ. Я же религиовед, и мне сразу предложили сотрудничество. Мне сказали, что ничего плохого, что все, что мне нужно — это наблюдать за религиозными организациями и сообщать, если есть экстремизм, наркоторговля или что-то подобное. Раз в полгода я должна была появляться в разных группах и писать отчеты. Это особая система, я оставляла конверты

в специальных местах, очень редко с координатором встречалась. Ты же понимаешь, что я лояльна, писала нейтральные отчеты, да и что я могла бы написать — что видела, то и писала. А полгода назад у них что-то изменилось. И они стали требовать от меня конкретной клеветы в экспертизе. Вот, посмотри.

Гранатка протянула телефон. Whot Car, некто работодатель. Скан документов. «Напиши что-то подобное». Подобное означало описание страшной сатанинской секты, в которой торгуют наркотиками, развращают малолетних, совершают массовые гомосексуальные оргии и всячески разрушают скрепы. Что до проклятых скреп, то я польщен, но по остальному выглядело, как параноидальный бред, рожденный где-то в прихрамовой среде среди конченных кликуш.

— Дай-ка мне телефон! — Я отмотал назад переписку. Обрывочные фразы, работодатель нечто требует, она пишет о «сделанном отчете», ей говорят о выплате. Ближе к концу работодатель требует, чтобы отчет соответствовал запросу. Я посмотрел на дату. Переписка началась месяцев десять назад, работодатель выходил на связь где-то раз в три недели, обрывочные фразы. Похоже таки — не бред и не фантазия. Однако!

— Слушай, ну вот ты же понимаешь. Я абсолютно точно не занимаюсь экстремизмом. Я и о политике перестал писать года с две тысячи пятнадцатого — у меня одни переводчики оппозиционеры, другие лояльные, приходится равновесие держать. Наркотоделом я точно не занимаюсь, с наркотиками не связан. (О очень редких ЛСД практиках с возлюбленной Черной Королевой, ей, пожалуй, знать не надо) А уж у нас на собрании-то совершенно точно не может быть никаких наркотиков. Я что — идиот?

— Да я знаю. Так всегда и было. А сейчас мой начальник сказал, что ему поступила разнарядка на разработку. Стране нужен новый враг, новый скандал, громкое разоблачение. И они просто заставляют меня написать бредовую экспертизу. — Я вижу что Гранатка чуть не плачет. — Я-то думала, все честно. Как вообще можно жить в этой стране, где вообще нет свободы совести, где каждого могут подгрести? А он говорил, что наркотики и подбросят, если надо. Понимаешь — началась разработка. Я боюсь. Я говорю с тобой, это уже измена родине. Но я не могу, не могу так. Вот Марсий, он же даже пошел навстречу, он написал на все вопросы ответы, открытые, честные, показал, что не держит камня за пазухой. В группе «Гебура» там же половина вопросов — от них была, это вообще наполовину их группа.

Вот тут у меня глаза на лоб полезли всерьез. «Гебура». Под-фсбшная группа? Группа, постоянно производящая самые идиотские мемчики на всех действующих оккультистов, группа, куда разные оккультисты приходят друг с другом поругаться в самых грубых тонах эстетики «материально-телесного низа», как сказал бы Бахтин. Группа, где собрались все, кто по каким-то причинам ненавидят меня, и с периодичностью раз в неделю выдают какой-нибудь выпад, настолько идиотский, что и всерьез-то принимать его невозможно. Мне даже льстило такое количество личных хейтеров. И оказывается, эта группа — направляется ФСБ. Может быть, кому-то из авторов приплачивают: написал пост в низовом стиле в чей-то адрес, как бы приравнял к себе — чуть понизил репутацию, уменьшил ценность в глазах читателей. А заодно навязчивые шутки про «11 градус» аккуратно формируют у читателя представление, что телемиты — это такие озабоченные педерасты. В предложенном документе, кстати, особенно подчеркивались именно гомосексуальные оргии. Простые, видимо, могут кому-то показаться притягательными. Похоже таки, серьезно. И ведь будет надо — сделают.

— Он говорил, что саентологию свернули и, мол, вы следующие на очереди. Еще он говорил, что в начале года зимой в лесу нашли трупы коров и быков и хотели ОТО с тобой к этому привязать. Еще говорил, что в Питере какого-то наркошу взяли и хотели привязать ОТО с тобой вместе.

М-да, даже лестно — саентология, с их сотнями миллионов долларов и личными бизнес-центрами — и мы, с доходом, не превышающим в самом удачном месяце сотню

тысяч рублей — мидл-менеджер может больше заработать. Сравнили, однако. Лестно. Чертовски лестно. Интересный синхрон. Группы коров и быков. У нас, правда, был развез что труп одного козла и козы, да и те закопаны. Интересно, кто решил устроить полноценную гекатомбу, познакомиться бы с этими ребятами, если они и правда существуют.

А ведь не врет, зараза, переписка давняя, даты сообщений уже больше полугода, сухой казенный стиль. Такое трудно подделать.

— Еще он говорил, что хочет узнать номер твоей машины и адрес Магды. Я сказала, что она часто переезжает и живет замкнуто. Про Марсия они уже все знают, а вот про тебя еще нет.

Внезапно у меня в руках зазвонил телефон. Синхрония, черт возьми! Работодатель! Гранатка аж отдернулась от телефона.

— Возьми трубку. — Мой голос тверд, спокоен и не терпит промедления. — Поговори, я помолчу и выключу телефон.

Она берет телефон. Громкая связь. Жесткий казенный голос:

— Сообщи, пожалуйста, номер квартиры из твоего отчета. Где они собираются?

— Девяносто шесть.

— Спасибо. — Длинные гудки.

Не понимаю. Зачем спрашивать адрес, если с открытого места встречи всех новичков я все равно веду на этот адрес? Мы же не конспиративная квартира, о собраниях в инете объявляем открыто.

Впрочем, вопросы стали потихоньку отпадать. Скоро будет пора. Я готовил себя к этому с двадцати лет. Задолго до знакомства с Орденом — среди трансперсональщиков слухи о скорейших преследованиях проносятся примерно каждые полгода. Но тут не слухи. Переписка, деловой голос на другом конце провода. Забавно, что именно тогда, когда я решил, что чаша минует, в дверь начали аккуратно стучаться легионеры. Интересно, когда? Сегодня? Через неделю? Через год?

Интересно, как можно найти экстремизм у человека, который о политике не говорит вообще, причем по внутриорганизационным причинам? Хороша тоталитарная секта — руководитель боится огорчить паству, высказав противоположные им убеждения. Жертвоприношения животных? Да, Йом Киппур, зарезанный козел-производитель, обезглавленная курочка. С каких пор убийство пищевых животных в закрытом и не публичном месте является уголовно наказуемым? Тем более быстрое, без «цели причинения мучений». Или подошлют девицу до шестнадцати? Хек, так если я активно писал против педоистерии, это не значит, что меня привлекают неопытные юницы, по мне так дама созреть должна. Как в пятнадцать нравились женщины от примерно тридцати до сорока пяти, так и в сорок — ничего, в общем, не изменилось. Или все-таки что-то подкинут? На собраниях-то у нас точно никогда ничего и ни с кем, и в те редкие дни, когда я летел с кем-то из трех возлюбленных моих, я сразу шел с места. Впрочем, проследить месяц наверняка не проблема. Да и она же сама сказала — подкинут, если что.

Мы идем к метро, а Гранатка переводит тему и начинает говорить о наших отношениях. Э-э-э, интересно, с кем она рассчитывает на отношения? С посаженным в тюрьму? Через три стены будет трахаться? Вот уж воистину, воплощенная первобытность! Или... Где-то на заднем плане мелькнула странная мысль, но тут же была проигнорирована. Наверняка ведь многое не договаривает.

Первое ноября. Самайн. Черный Самайн. И дебют прекрасной Карни в роли жрицы. О да, она на славу подготовилась к ритуалу, настраиваясь на образы богинь подземного мира, помянув своих близких и дальних умерших.

Очень странный ритуал. Вроде бы о мертвых, как и должно Самайну, но какой-то очень живой, динамичный, заряженный. Словно именно на этой мистерии было

запущено нечто, что как будто вопреки всем предвидениям должно поднять нас всех куда-то в совершенно иное.

О ритуалах, конечно, надо отдельно говорить. Это сердце «Касталии», восемь раз в год мы проводим небольшую церемонию. Текст — вполне невинный, ни оргий, ни жертв тут не предусмотрено, и каждый, кто приходит, вправе сам решить, что для него наши ритуалы. Для одного это просто красивый спектакль. Для другого — психотерапия и мелкая магия в духе «постоять у Юпитера за деньгами или у Венеры за любовью». Для третьего — мистерия. Восхождение и нисхождение, проведение вечных принципов, возможность хоть изредка соприкоснуться с Истоком в своем сердце. Жрец, Жрица, Семь Планет, неограниченное количество простых служителей, заранее отрепетированные слова и жесты.

Нашу первую версию ритуалов писали мы вместе с покойным Сергеем Яшиным. Я изложил ему структуру и концепцию от и до — что там должно быть и как. А он придал этому изысканное поэтическое оформление, без которого и ритуал не ритуал. Круг года, колесо, цикл, идущий от зимнего солнцестояния к зимнему солнцестоянию. Зимой, в самой нижней точке, Герой-Солнце умирает и рождается ребенком. Дитя празднует свои игры в феврале, взрослеет, становится героем и воином на весеннее равноденствие, потом берет себе жену на Белтайн, потом достигает своего апогея царского на летнюю, самую высокую точку, а затем снова на спуск идет, дары свои на Ламмас раздает, как потlach, и готовится к долгому странствию осенью, пока, наконец, не достигает царства мертвых на Самайн и вновь не умирает на зимнее солнцестояние. В общем, традиционный миф, немного расширенный и дополненный.

Ритуал — сердце «Касталии». Ось. Для участников наши ритуалы — это либо возможность попросить планету-бога о дарах, либо поучаствовать в красивом представлении, либо робкая надежда на преображение. Для меня — это момент предстояния перед Истоком. Люцифером и Азazelем. Постоянное восхождение в духе и свидетельствование — я здесь, я творю, спасибо, что я есть, что я все еще жив, здоров и в силе. Просто спасибо.

Логика ритуала всегда одна. Вначале — медитация. Погружение в океан воображения. Мне всегда было интересно — насколько участники глубоко могут увидеть те образы и символы, что я медитативным голосом надиктовываю раз за разом, проникаясь молитвой к Истоку — за себя и всех участников. Кто-то видит что-то, кто-то многое, кто-то ничего. На самом деле это не важно, во время медитации в духе восходят все, через семь завес проходят и к Истоку прикасаются. Да очистит нас Свет Сокровенный.

Потом — уже первые ритуальные жесты. Очищение, освящение, ритуал — раньше Звездный рубин, сейчас ритуал нашего последнего символа. А дальше идет беседа жреца, жрицы и дьякона. Благословение планет и, наконец, как и в Гностической мессе Кроули, причастие хлебом и вином. Правда, жрица у нас только один раз была обнажена, тут специфика другая — там она на алтаре сидит и поклонение принимает, здесь ходит вместе со жрецом, поэтому нагота была бы излишней. Хотя кто знает, до каких трансгрессий могут дойти некоторые жрицы, запрет мы точно ставить не будем.

И вот, наконец, вольный круг. Каждый славит своих богов, делится чувствами от проведенного ритуала, читает стихи, гимны или просто поднимает чашу за здоровье всех присутствующих. Полная свобода, полная сила.

Ну и да — Lucifer Rising. Воистину Rising, точнее, конечно, ответ несколько другой: «Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!» Слова жреца на ритуале и слова тоста, открывающего любой наш пир. На свободном кругу порой некоторые произносят эти слова. Ну, человека два-три за весь круг.

На Черный Самайн «Lucifer Rising» говорил каждый второй в круге. Говорили страстно, жаростно, точно пытаюсь родить ту силу, которая была зачата их душами. Это не статистический сбой, это чудо, это безумие, это превращение простого круга из разных

людей в единый коллонт, бороздящий простор Ойкумены. Третья космическая! Lucifer Rising! Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер! Один, два, тысячу раз. В вечности и в миге — да не иссякнет над миром Звезда Люцифер! И в этот миг как будто отступает ужас перед приговором и появляется знание, что надо делать.

А сделать надо наши ритуалы полностью нашими, касталийскими. До сих пор как было? Формально — «Касталия» независима и автономна. Марсию как благородному аристократу никогда бы не пришло в голову как-то вмешиваться в мои дела, как и мне в его.

А вот на сакральном уровне мы как будто полностью остаемся сателлитами. А сейчас — сейчас пора сделать мистерии полностью нашими. До сих пор у жреца красная мантия, как и в гностической мессе? А собственно, почему? Это же разные ритуалы, да и жрица у нас по формату не сидит обнаженной на алтаре, а ходит одетая, причащая всех вином. Значит, и мантия должна выражать принцип Люцифера. Люцифер всегда в радуге приходил. Радужная мантия... Пожалуй, нет — радугу у нас педерасты украли, представляю, какой хохот будет, появишься я в радужной мантии. Тогда — мантия цвета павлиньих перьев. Тоже радуга, но другая. Люцифер, Мелек Таус. И корону бы поменять. И ряд формул обновить, в идеале — вообще переписать ритуалы заново. Но как? Я же не поэт, черт возьми! Не воспримут ли полную перезагрузку как оскорбление памяти гения? Увы, как бы ни восприняли, а надо — откуда-то из глубины идет. Надо, а как — не знаю. Пока другую мантию закажу себе на Йоль.

Блин, ну и чем я думаю? Мне к суициду надо готовиться, а я ритуал меняю. Следят. Похоже, мы действительно стали опасны. И я этому даже рад. Это знак уважения. Система и должна нас ненавидеть, это правильно в каком-то метафизическом смысле. Мы не против системы в вульгарном смысле, помню, как лично одну девочку от оппозиционных митингов отговаривал вполне искренне. Мы хуже, больше, чем против, мы — вне, чужие, иные, выходящие за пределы и строящие свои вселенные и смыслы. Те, кто против, на одной плоскости с теми, кто за, а мы выходим за пределы плоскостей.

Мы опасны самобытностью. Инаковостью. В нас — живой огонь, который сам по себе может изменять пространство. Вспомнилась Ломехуза. Забавно, что в одном она права оказалась — следят таки. Но уж не за угрозы проклятия Пермякову брать будут, когда время придет. Найдут, что придумать. А зайчиком жить, как она с детушками своими, это не для меня.

Финишная прямая — и дело за малым. Успеть сделать все, что могу, жить на такой скорости, которая недоступна человеку.

И вот в этот момент я снова вспоминаю про книгу. Про Договор, договор даже не с Юлей любимой моей Рысью, а самой Нахемой, одним из четырех столпов нашего Источника. И книга должна стать исповедью, вскрывающей реальность, книга должна взорвать систему фонтаном чужих смыслов и символов. Я должен создать свою последнюю бомбу из света, а потом — ждать и быть готовым.

Забавная синхрония. Очень вовремя покончил с собой удмуртский жрец-язычник. Помянули мы с Акташ его добрым словом и вином из окна. Шуму-то сколько было. Протест, крик, попытка обратить внимание сородичей на своих богов и свой язык. Не знаю, получилось ли у него, вспомнил ли кто из удмуртов, что у них есть живой язык и живые боги, но на каком-то глубинном уровне вижу — вспомнил. Напомнил о себе грозный Кылчин.

Уж не в том ли смысл союза Азазеля и Кылчина, не затем ли нас с Акташ свели в страстных объятиях? Не мне ли жрец пример показывает? Главное — сделать это когда надо, как надо и точно когда игра будет окончательно проиграна. Но не шагом раньше.

Особенно смешно, если первым ударят по Марсию. Тогда я разверну игру на высшем уровне. Но и отложенное шоу тоже произведет эффект, главное — правильно подготовиться, и чтобы рука не дрогнула. Такого врага нельзя победить, глупо иллюзии пестовать, здесь можно лишь выпустить себя, как самолет по линкору, и авось он войдет

в цепочку, которая когда-нибудь, не здесь и не сейчас, утопит линкор. Какая ирония, ведь я до этого момента действительно практически не считал систему врагом.

Кстати, во время беседы с Гранаткой я успел включить диктофон. Так что все слова — и про возможность подбросить наркотики, и про целенаправленные интересы — оказались сохранены в записи и переданы ряду надежных, доверенных людей. Так что, похоже, игра будет иметь весьма неожиданный разворот.

А дальше я расшифровку записи привожу. Для наглядности.

— У нас кто забирает, обыскивают, чтобы не было ни диктофона, ни телефона, ни диктофона. Ты выкладываешь, и только так можно работать. И меня очень настораживает: он меня просит с ним встретиться. Чем раньше, тем лучше. Я хочу скоординировать действия с тобой, чтобы не навредить организации ОТО.

— Я могу гарантировать, что наркотиков в ОТО или на собраниях «Касталии» нет. У нас в Москве был в семнадцатом один наркоторговец, так я его прямо со своей днюхи выгнал, ибо приличия нужно знать.

— Они могут подбросить. Устроить подставу.

— Ты думаешь?

— Конечно. Я тебе говорю — я ему звонила. Я говорю: проводила проверку у Олега и в ОТО — все чисто. Он говорил — давай я приеду на адрес (с собачкой — наркотики понюхать). Я говорю — не надо приезжать, все чисто. Сидим. Подъедете — время потеряете. Там ничего нет. Вот такая ситуация. Про Марсия уже несколько раз спрашивал. Я говорю: вы знаете, там вообще ничего не происходит. Настолько ничего, что даже скучно. Человек сидит и читает лекцию. Спрашивали про доход. Я ответила: доход ОТО ничтожно мал. Людей нет в правительстве у них. Я наладила отношения с Марсием, Ай Си. Я так расстроена всем этим. Я понимаю, что у меня удобное положение. Я не была членом ОТО. Я предоставила информацию, где что лежит по документам ОТО. Я этого тоже не буду скрывать. Я не могу жить в государстве, где нет свободы совести. Мне печально, что невиновных людей хотят подставить — подбросить наркотики, которых нет, приписать экстремизм, которого нет.

— Ну экстремизма там нет. Там даже высказываний политических нет.

— Так вот в чем и дело. Ничего нет. То, что есть, можно приписать к особенностям культа. Мне еще странно, почему они за это взялись. Организация маленькая.

— А давно вообще?

— Года два, Олег. С 2013 года. Сначала они, видимо, с Тоней сотрудничали. Она потом ебанулась в хлам. Там стрессовая работа. Рассказывали, что ходили к тебе на прорыв. Там была «Иштар восставшая». Искали наркотики. Не нашли. Я верила, что у нас правовое государство, что мы никого не посадим. Нам нужно, чтобы была безопасность. А тут он мне говорит — хочу связать тот или иной инцидент в ОТО. Тут было дело — нашли в лесу тела животных. Я говорю: это вообще никак не связано. Он притих. Сейчас опять началось — давай свяжем с ОТО. У вас бывают. Давай посмотрим, что, может, Олег распространяет. У нас много информации на Олега. Был вброс от Пермякова, что ты распространяешь. Они это все читали.

— Я честно говорю: я употреблял, но продавать я не продавал никогда. Я с книг имею больше чем диллер на хуя мне бы так подставляться.

— Ну ты понимаешь. Это твое личное дело. Меня это не касается. Я просто рассказываю тебе.

— Странно, конечно. Даже на прорыв приходили и проверяли.

— Если я соскочу, то поставят другого человека, который напишет хуйню. И если я пойду на встречу — он заставит меня написать хуйню. Единственное, что я могу — это сказать, что не могу давать показания на родственников, что ты отец ребенка.

— Под ОТО или под меня копают?

— Под вас обоих. Вы лидеры. Очень интересовались. Все пытались номер машины твоей узнать, чтобы установить личность. Марсия установили личность, а твою нет.

— Очень странно, да. Понятно.

— Если так дальше будет продолжаться, я бы не советовала Марсию заниматься открытой деятельностью.

— На Марсии вообще ничего. Если я хотя бы сам кушал, но не продавал, то он вообще никогда и ничего.

— Он мне сказал: если надо — подкинем, потому что надо же приплести экстремизм. Я знаю, как мой начальник выглядит, как другие выглядят — я не знаю, поэтому я по телефону это и не обсуждала, а не потому, что хочу тратить твое время.

— Ты можешь сказать, что людей мало, что, по большей части, это бесплатно.

— Я написала нормальный документ. Но выжимают из пальца, заставляют писать, что ходят неадекватные люди.

— Почему не установили личность?

— Я тоже совсем не поняла. Говорит: палево, палево. Для меня идеально, чтобы они забыли и пропали, но они не хотят вообще. У нас были конфликты, но это не повод писать такое. Я очень озадачена. Я постоянно в страхе, что меня обвинят в том, что я родину предала. Если вы закроетесь с Марсием, то они поймут, что я сдала вас. Я пострадаю. Мне могут карьеру отрезать совершенно, мне будут мстить.

— Но ты уверена, что там именно подбросить хотят?

— Да. Если бы действительно что-то нашли, то был бы суд. Милиция и ФСБ — это разные организации. Если не пойду на встречу — меня заподозрят. Если пойду — меня заставит писать эту хуйню.

— Я могу посмотреть переписку?

— Да. Я специально сохранила для тебя и Марсия, чтобы вы не подумали, что я ебнутая.

— А какой адрес сообщала ранее?

— На Автозаводской. Что мне делать?

— Смягчать. Продолжать.

— То есть мне к нему пойти?

— Да, да.

— А ты можешь предупредить, если что-то будет?

Судя по тому, что прошло уже полгода и за мной никто не пришел, я до сих пор не понимаю, что это было. Контора не стала бы медлить так долго. Значит скорей всего — какая то странная игра оставленной некогда женщины. Звонок можно согласовать заранее. Правда переписка за полгода... Впрочем, в переписке слишком скупые слова. Кто адресат — начальник конторы или научный руководитель? Не знаю. Много непонятого осталось в этой безумной истории.

Глава 12. Завещание

*Когда все параллели сойдутся на точке прицела,
Половинки себя обретут, станут вновь одним целым.
Штиль, из песни «Цветы Клеопатры»*

Ну что же — значит, началась последняя игра, из тех игр, в которых не может быть победы. В такой игре предел мечтаний — сыграть эту партию вничью. Сколько времени мне осталось? День? Неделя? Месяц? Год? Пять лет? Все это время я был под колпаком врага, и враг только ждет момента, когда меня можно уничтожить. Что ж — предупрежден значит вооружен. И коль в этой игре я приготовлен стать жертвой, я должен оказаться очень громкой жертвой, жертвой, которая, будучи проглочена, создаст врагу хотя бы несварение желудка.

Рассказал кому возможно. Магда, Иштар, Акташ. Пусть знают, пусть готовы будут. От своих секретов нет и быть не может. И надо медитировать на смерть.

А на следующий день со мной заговорил Азазель. Без ритуалов, воззваний, молитв, транса, или практики йоги, или 2,22. Сам. Похоже, скоро мне не будут нужны специальные средства и ритуалы, чтобы его слышать, мы все ближе друг к другу. И как всегда, он умеет удивить.

— Во-первых, дорогой друг, у тебя нет всей картины. Ты знаешь только то, что тебе сказали. А уверен ли ты, что тебе сказали все? А уверен ли ты, что говорящая с тобой сама знала все? И не слишком ли много странностей? ФСБ, которое не может узнать номер твоей машины? ФСБ, которое не может узнать адрес Магды, хотя ее телефон выложен везде, где только можно? ФСБ, которое не знает, что у Гранатки от тебя ребенок, хотя об этом писалось даже в якобы подконтрольной им группе, о которой она сказала? ...Она вообще всем, кому только можно, это сказала, если ты не заметил. Стали бы ее вербовать, чтобы следить за отцом ее ребенка? И не находишь странным, что эфэбешник звонит аккуратно в те десять минут, когда Гранатка беседует с тобой? А вспомни детальку — она очень настоятельно добивалась, чтобы ваша встреча началась ну прямо ровно в пять, ни минутой больше. Я понимаю, что голос в телефоне убедителен, но не пора ли отличать синхронии от таргетированной рекламы? ...А что, если ее специально попросили? Предупредить. Напугать. Повлиять. Дестабилизировать. Просто посмотреть на твои дальнейшие действия. Они не знали номера квартиры, где вы собираетесь? Ой, да ладно, это так сложно — узнать его, что надо позвонить именно в те пятнадцать минут, когда вы с ней беседуете? Почему бы не представить немного другой сценарий? Гранатку попросили рассказать все, что она тебе рассказала, — отрепетировать все, что должно быть сказано? А может быть еще интереснее — ей специально сказали все это так подробно, для того чтобы она побежала к тебе и Марсию. Вспомни ее слова: «Может Марсию на дно залечь, как раньше, только внутренние посвящения делать?» Ой, уж больно это все похоже на сознательную провокацию. Предупреждение. Впрочем, это не значит, что ты в безопасности, — после предупреждения могут последовать действия. А могут и не последовать. Готовым надо быть ко всему, как ты понимаешь.

— Слушай, ну ты же все знаешь. Как оно на самом деле? Велика ли опасность?

— Все знаю? Ну прекращай уж играть в идиота и бога, вы уже с Акташ давно расстались. Я знаю только то, что могу знать на своей частоте, и моя частота точно не настроена на чужие каналы связи. Может быть все что угодно. Вот только паники не надо. Все, что я могу сказать — опасность есть, но о масштабах и вероятности опасности ни я, ни кто другой знать не может. Главное, чтобы ты был готов знаешь к чему. ...Тебе нужно думать не о них. Главный вопрос для тебя сейчас — кто ты? Ты тот, о ком говорят твои враги, мелкий коммерс от эзотерики, для которого главное — это срубить побольше бабла и завалить как можно больше женщин? Или ты — моя ставка? И выбор-то у тебя простой — ты можешь начать говорить меньше, забиться в угол, маскироваться под «только психолога». Или продолжать говорить что должен. Зная, что за все есть цена и меч подвешен над твоей головой. А быть может даже, когда опустится меч, создать такую ситуацию, что опустившие меч пожалеют об этом и слово будет услышано гораздо большим количеством людей. Ты зажигал единицы, что, если ты зажжешь сотни? Готов ли ты к последней жертве? Тем более что у меня есть весьма достойный сценарий твоей последней партии.

— Готов ли я? Не знаю, черт подери, готов или нет. Могу только тебя молить, чтобы когда надо рука не дрогнула. Другие-то маги часто о смерти, а я-то о жизни и страсти, ты же знаешь! Риторические вопросы. Могу только сказать, что хочу быть готов!

— Тогда тебе к нашей любимой Черной Королеве.

Сейчас, пытаюсь придать этому внутреннему диалогу какую-то видимость логики, я, без сомнения, слишком во многом неточен. Все, что я чувствовал, это какой-то

безумный вихрь, обрушивающийся на сознание откуда-то из глубины. И в центре этого потока была Она. Черная Королева. К ней. Скорей к ней. Мысленно я-он уже говорил с ней, как будто репетируя некоторые отдельные реплики. Скорей. К ней. К ней, еще раз к ней, сообщить ей о происходящем и предложить место в этой партии. Последней партии.

Дорога в тысячу километров пролетела гораздо быстрее обычного. К ней. Скорей. Вперед. Последняя возможность, последний шанс, последняя игра, которой отныне надо посвятить все силы.

— А если она откажется?

— Не откажется. Я знаю ее лучше... Черная Королева никогда не откажется от красивой и фатальной игры. Юлия, леди Черного Света, есть Сама Игра.

И вот я у нее. Телефон. Как много из сказанного Гранаткой удалось записать? И почему я не додумался включить диктофон сразу, ведь самое важное было вначале? До того как она показала телефон, я ведь не воспринимал ее слова всерьез: слишком сильно было предубеждение — Гранатка же дурная, безумная.

— Юля, вот отсюда нужно скопировать запись. Когда я окажусь в тюрьме или на том свете, запись следует обнародовать. Есть ряд оппозиционных групп, куда следует кинуть этот материал. Интересно, удалось ли зафиксировать на записи то место, где Гранатка говорит, что господа имеют свойство подбрасывать наркотики и пришивать торговлю и производство? С моими доходами с книг было бы странно искушать судьбу, торгуя наркотой. А знаешь, что самое веселое? Я-то ЛСД от души покушал, а почти все телемиты так и боялись. А как видно из разговора, если будет надо, у меня найдут, а им из своих запасов подбросят — на одни нары все равно уйдем. ...Как ты понимаешь, запись ничего не решает. Какая-то Гранатка, которую легко признать психически нестабильной. Чтобы ударить по врагу, нужен настоящий взрыв. Там где играют по крупному, глупо ждать уступок. Нужно принять ситуацию как есть. А в ситуации постепенного сокращения и уничтожения пространства свободы — я могу быть только смертником. И лучшее, что я смогу сделать, если окажусь по ту сторону клетки, — это вовремя и правильно убить себя. Надеюсь, ты помнишь жреца, я тебе присылал статью о нем. Он говорил о таком далеком, чуждом любому московскому жителю. Какой-то язык провинциальной республики — чего он хотел, на что надеялся? Но даже его услышали. И испугались. И до сих пор боятся. Боятся настолько, что компетентные органы каждую ночь воруют цветы с его могилы. ...Моя ситуация, как ты понимаешь, несколько иная. Я последний настоящий игрок в нашем эзотерическом поле. Последний, кто верит в то, что он делает. Даже не так — последний, кто знает. Поэтому все, кто действительно хотят живого слова и живой игры, — инстинктивно притягиваются ко мне. Центральный узел. Так что при неприятном решении — я буду услышан. И здесь я могу молиться только об одном — чтобы в нужный момент у меня не дрогнула рука. Ты же знаешь, Черная Королева, я слишком жадно люблю жизнь. Какому-нибудь депрессивному брюзге, никогда и сексом по-человечески не занимавшемуся, уходить легко, что он от этой жизни видел? Мне — трудно. И дай Светоносный, чтобы, когда игра будет проиграна, у меня хватило сил, потому что это единственный шанс быть услышанным. Ибо, как сказано в нашей книге: «Я есть жизнь и отец жизни, потому знать меня — это знать смерть». Я слаб, я очень слаб, я могу не сделать то, что буду должен.

— А что требуется от меня?

— Доставай твой дневник. Твою книгу снов. Я хочу сделать тебе подарок. Я хочу доверить тебе то, что еще не доверял никому и никогда. Свое восьмое тело. Как там говорят — «ключ от квартиры, где деньги лежат». Эх, такой ключ-то можно доверить многим — в наших кругах воры оказываются крайне редко. Я хочу доверить тебе нечто неизмеримо более важное. Мое восьмое тело. Я как чувствовал, когда накануне писал, что у нас в информационную эпоху есть особое восьмое тело. Которое и Я, и не совсем Я, а значит, не исчезает после смерти.

Я беру ручку и пишу. Две строки. Логин и пароль, логин и пароль, логин и пароль. Восьмое тело. Коды доступа ко всем аккаунтам.

— Это я не давал никому. Точнее, один раз я давал Магде, когда у нас договор с сеточкой раскрылся. А тут вообще все. И когда придет время, когда все будет точно известно, ты должна будешь начать писать от моего имени. Но только когда точно будет ясно — со мной все кончено, в этом стоит убедиться, чтобы не было неловкости. ...Сначала — выложить мою книгу. Выложишь аудиозапись. Это нужно делать сразу и резко. На всех доступных ресурсах, письмом ко всем независимым админам. Потом просто будешь выкладывать некоторые подготовленные тексты. Отрывки из моих книг. Мои старые записи. И самое главное — то, что Он скажет тебе. Из всех Королев ты, Черная Королева, единственная, с кем он может говорить и без моего участия. Поэтому то, что скажет он тебе, — это и то, что мог бы сказать я. Ты уже убедилась, насколько мы с Ним едины. ...Если власть по мне ударит, я хочу прочитать такое проклятие, которое будет просто еще одним гвоздем. Проклясть систему подавления, лжи, убивающую душу. Я хочу крикнуть это проклятие так громко, чтобы стены зашатались, вложив в него дыхание смерти. И как знать, быть может, мой крик будет одной из тех соломинок, что в конце концов сломает хребет верблюду. И ты будешь моим голосом с того света. Как же меня достали эти мальчишки и девочки, которые мнят себя магами, но опускают глазоньки, услышав слово «смерть», не говоря о более близком соседстве. ...А слово восьмого тела будет сильное. Люди очень боятся смерти, так что инстинктивно вздрагивают, если проезжают на машине кладбище или случайно открывают аккаунт умершего. Но одновременно — они тянутся ко всему, что связано со смертью, как кролик не может противиться гипнотическому взгляду удава. Аккаунт умершего, который живет собственной жизнью, Черная Королева, которая установила с его духом особый контакт. И непонятно, где кончаются оставленные им тексты, а где уже то, что смогла услышать она сама. Мы слишком ненавидим их, Черная Королева, слишком ненавидим. Это враг, который раз за разом убивает душу: одних страхом, а других — ложью.

— Но что, если все обойдется?

Я засмеялся:

— Прости, Черная Королева, но я реалист. И даже если вероятность ареста сейчас не более пятидесяти процентов, то вероятность того, что я переживу тебя, не больше трех. Я старше тебя. Я сжигаю себя, работая на износ, только бы усилить вибрацию Истока. Я выматываюсь так, как не выматывается крестьянин на поле, а потом, когда усталость становится непреодолимой, подстегиваю себя стимулятором, как лошадь плетью. Я точно не проживу дольше тебя. А значит — мое восьмое тело будет говорить, когда я сгнию в могиле. В самом лучшем случае, я могу прожить еще лет пятнадцать. И это крайний, почти невозможный оптимизм. Поджелудочная, сердце... Гонка по вертикали. Знаешь, Черная Королева, об идеях имеет смысл говорить только в том случае, если готов за них умереть. В любом другом случае это не более чем имитации. И да, любимая, надеюсь, ты понимаешь: в том, что касается нашего предыдущего договора... Я очень бы хотел, чтобы у тебя было время быть готовой. Но сейчас надо спешить. Потому что я не знаю, на что идет счет — на дни или на годы.

— Я согласна. А вот на второй договор я еще согласия не давала.

— Черная Королева в своем репертуаре. Она соглашается на договор о смерти, но колеблется, когда речь идет о договоре о жизни. Что ж — я очень надеюсь, что нам хватит времени, чтобы созреть. Ведь ты даже не подозреваешь, какая великая сущность может прийти в этот мир через тебя.

— Со смертью, по крайней мере, есть некоторая ясность. В отличие от жизни.

— Игры закончились, Черная Королева.

— Игры никогда не кончаются.

— Воистину. Но есть разные игры. Можно играть в дурака, а можно в шахматы. Пятимерные и многоцветные шахматы, которые скорей похожи на русскую рулетку. И стыдно Черной королеве притворяться бубновой дамой. Впрочем, твое дело, конечно. Просто времени на обдумывание стало слишком мало.

— Последний вопрос: но как же Магда? Она же унаследует «Касталию», она сделала все для того, чтобы «Касталия» развивалась. Она имеет право, ты же сам говорил!

— А разве «Касталия» — это мое восьмое тело? Это организация, которую я возглавляю. Причем как в виртуале, так и в реале. Да, понимаю, сейчас я и «Касталия» неотделимы. Но после моей смерти все изменится. В случае экстремального варианта, с самоубийством, я думаю, сама идея наследования организации, которую наверняка объявят экстремисткой, — это в высшей степени сомнительная затея. В этом случае ее надо будет передать либо Никите, либо Симбалайн — кому-то, кто далеко отсюда. ...А вот в случае мирного сценария... Черной и Красной Королеве придется договориться. Я думаю, что первые договора будут заключены гораздо раньше часа икс. Ну а тогда... Тогда я и «Касталия» разъединятся. Согласись: призрак, говорящий духовные истины и открывающий эзотерические тайны — это внушает трепет. Но призрак, который отдает команды в своем проекте — это уже фарс. У тебя — мое восьмое тело, право говорить от моего лица. Я-Он. У нее — организация. С представительскими группами, бизнесом, связями и др. Разумеется, вам придется сотрудничать, ты же не откажешь Магде в рекламе ее проекта и, возможно, общей доле, если она таки сможет его возглавить. Хотя... Даже сейчас дела проекта заставляют меня крутиться на износ, и у меня просто не хватает сил. Я бесконечно восхищаюсь Магдой, моей сестрой, любимой и помощницей, без многолетнего труда которой не было бы проекта. ...Судя по словам Гранатки, враг очень хочет знать ее адрес...

Но она — не я. Понимаешь, она идеальный второй, совершенный и самоотверженный помощник, та, кто всегда подставит плечо. Лучше у меня не было никогда даже близко. Но сможет ли она удержать роль первого в подобной ситуации, даже имея все права и доступы? Организовать поставку книг. Ездить на машине и развозить книги, договариваться. Устраивать лекции, удерживать на себе поле внимания. Когда речь идет о моем проекте, я вынужден быть объективен: очень сомнительно. Поэтому проект я оставляю двоим — ей и одному наследнику. Он еще юный и в чем-то очень наивен, но, в отличие от многих, в нем есть живая искра, такие вещи я сразу вижу. И скорей всего, именно ему будет передана «Касталия». Он очень симпатичен Азазелю, а Азазель не ошибается. Очень необычная вибрация, у меня с этим наследником странное родство, хотя вроде мы спорим.

И да, самое главное. Моя любимая Рысь, в последней Игре я могу оказаться либо бесполезной жертвой, либо наживкой, своего рода сверхновой, чья вспышка заставит слишком многих увидеть реальное положение вещей и даст вес словам, которые уже давно превратились в банальности. В этой игре слишком большие ставки, моя Черная Королева. И все мы здесь — его ставки на кону, только сейчас я понимаю что значит это странное слово — Ставка!

Разговор подходил к концу, и мы вновь упали в любовь очертя голову. После мы опять говорили обо всем и ни о чем. Несмотря на все факты, которые я ей сообщил, в глубине души она не поверила, что на меня может начаться охота, хотя дала слово чести, что если это произойдет, все будет сделано как должно. Ей можно доверять не на девяносто, а на все сто процентов. Конечно, очень хотелось бы верить что она права, ибо кем я точно не хотел бы быть, так это священной жертвой. Правда, лицемером и трусом я бы не хотел быть куда больше, поэтому, господин Азазель, да будет воля твоя.

Утром я уехал домой. Все происходящее казалось нереальным сном. Еще три дня назад я был уверен в своей безопасности, планировал на десять лет вперед и даже был убежден, что мы живем может не в лучшей, но во вполне нормальной стране, где едва ли

координатор может сказать своему осведомителю «если что, мы подбросим ему наркотики». Раз за разом я мысленно возвращался к разговорам последних дней. Гранатка. Юлия.

Еще и эта пошлейшая группа, которую назвала Гранатка. Где оккультисты-неудачники поливают друг друга, а также всех, кто в игре, отборнейшей грязью. Загон для отребья, которому не подаст руку ни один серьезный практик. До сих пор я вообще не замечал их — зачем смотреть туда, где фарс и пошлость, доведенная до предела?

Но если взглянуть с другой стороны... Постоянные клишированные шуточки про одиннадцатую степень, постоянное промывание костей всех, кто имеет какой-то реальный вес. Читая группу, случайный читатель получит впечатление, что телемиты — это такие сексуально озабоченные педики, а все остальное — прикрытие. И что тут скажешь? Полный пат: если молчишь — значит, согласен, если оправдываешься, значит, виноват. Мол, ну не гей я, ребята, вот мои пятеро детей и пять женщин. Частицу «не», как известно, бессознательное не воспринимает. И постепенно, шаг за шагом, медленно, но верно создается заданное информационное пространство: а кто такой этот Телемский, этот Марсий? — да клоуны, шуты, коммерсы и геи, а не маги.

Многие ли зададутся вопросом — а собственно, маги кто? Кто говорит-то? Чего стоит, чем подтвердит? Ничего не написали, никому неизвестны, зато умеют говорить с определенной интонацией. И для читателей такого кабачка становится неприлично воспринимать серьезно тех, кого он избрал объектом насмешки. Какая великолепная игра, как обрезают крылья всем живым! До этого момента я их не замечал — когда у тебя десять тысяч читателей, расстраиваться из-за группы идиотов даже мысль не приходила. Но когда вдруг узнаешь, что это направленная и управляемая работа, оно заставляет посмотреть по-другому.

Внезапно вспомнилась Ниенна. Была такая темная барышня в девяностых. Менестрель, писательница и явно маг. «Черная книга Арды» была почти библией для очень многих. А потом словно из ниоткуда началась травля, и ее аккуратно вытеснили на обочину. Слишком опасно близка к мистике, религии, сектантству, слишком похожи ее Мелькор и Люцифер. И девочка прогнулась. Уже в 2008-м с ней серьезно говорить невозможно стало: то, что заявлялось как откровение в первом предисловии, стало «всего лишь игрой», о чем она пишет на форумах.

Врага нельзя недооценивать. Враг, в своей главной цели свести все к единообразию, работает по-настоящему ювелирно. И крайние меры принимает только в крайних случаях. И, возможно, времени еще достаточно. А возможно — это была целенаправленная акция по дестабилизации. В конце концов, если я на каждом углу начну кричать, что за мной следит ФСБ, или подозревать каждого нового человека в стукачестве, качество работы хочешь не хочешь снизится. Легкий, направленный укол.

Черный Король стоит на доске. Вокруг него три Королевы. Справа — Красная Королева. Магда. За эти годы отдавшая всю себя без остатка, посвятившая себя всему, что было создано нами во имя истины света Люцифера. Мать моих детей. Враг видит ее и готовится напасть или делает вид, что готовится. Слева — Жемчужная Королева. Карни. Звезда Востока. Магда работает в горизонталь, фактически пожертвовав своим ростом ради нас всех. Горизонталь, без которой не было бы ничего. Карни строит вертикаль. Две Королевы. Справа и слева.

А позади — Черная Королева. Как и положено Черной Королеве, она до времени сокрыта в тени. Магда и Карни сияют, но, будучи заметны, они всегда под обстрелом. Особенно Магда. Второе лицо нашего проекта, генеральный секретарь. А та, кто в тени, спрятана слишком хорошо. Но только она способна выдержать эту игру до конца. Только ей хватит отстраненности, вкуса к игре, преданности сакральному. Магда и Карни могут сражаться, пока я жив. Но только Юлия, только воплощение Нахемы вообще способна вести игру в тотальном одиночестве, игру против всего мира. И именно ей уготована самая страшная и самая тяжелая роль в этой последней партии.

Король и три Королевы. И никого больше. И глядя на каждого, Король не может знать точно, что эта фигура играет на его стороне. Отовсюду движутся вражеские пешки, ладьи, слоны, туры. И никакого шанса на выигрыш, ведь настоящий Враг, белый король, находится за пределами доски, а значит — недосягаем. Значит, единственный шанс — выйти за грань доски и оттуда нанести свой последний удар. Удар, который сможет передать Черная Королева.

Глава 13. Договор Истока

*То змея вулкана земного из плоти
Тела двух богов заплетают клубком,
Крик ворона бездны осушит пределы
И между мирами соткет полотно.
Два края шивает великое дело,
Сплетают нас боги, чтоб стало одно.
Светлана Патрушева. Четырнадцатый
аркан*

Началась новая жизнь. Жизнь в ожидании казни. Жизнь приговоренного к смерти. Все необходимые меры были предприняты. Диктофонная запись была передана своим, насколько можно широко, но так, чтобы не всплыла до времени. Собирался покупать лезвия. Черная Королева сможет вшить их в трусы, чтобы, оказавшись в одиночке, я смог ими воспользоваться.

И каждый вечер, закончив с делами дня, я возвращался к одной-единственной медитации. Медитации на смерть. Я в камере. Или перед экраном монитора. Я знаю, что игра проиграна, и беру в руки бритву. Я представляю, как бритва входит в мою вену. Вдоль. Все тело сопротивляется, кричит, хочет жить. Как же мучительно сложно. Не сделать, нет, даже представить, промедитировать, прожить, прочувствовать, как рука движется по направлению к смерти. Не отказаться, не закричать, не остановиться на середине. Смогу ли? Призвав всех богов, сказав все проклятия, выстрелив в мир всю боль, проклятие, ненависть, смогу ли, довести действие до конца? Я помню слова Нателлы о лучшем пути в бессмертие, я на них вырос, душа моя вскормлена ее песнями.

Многим другим это было бы гораздо легче. Но слишком велика любовь к жизни, слишком велика жажда жизни, слишком яростно сознание впивается в каждую секунду жизни. Поэтому нужно низвести себя до функции, до журавлика, до пчелы, имеющей право на один укус. Иначе нельзя — потому что после удара неминуемо превращение в пародию на себя.

Раз за разом я возвращаюсь мыслями к тому самому удмуртскому жрецу. Последний воин, последний святой, последний герой. А что мои боги? Не забыл ли я своих богов за эти годы? Люцифер, Лилит, Азазель, Нахема. В ваших руках — журавлик. И наверняка придет тот час, когда вы выпустите журавлика из ваших рук.

Все приоритеты меняются. Что наполняло мое время до часа икс? Бизнес-хлопоты? Встреча с любимыми женщинами? Пир с друзьями? Все уходит в прошлое. Нахема права, я понимаю цену того первого договора, который она со мной заключила. Книга, написанная для мертвых. Мертвым для мертвых.

И это — самое главное. Успеть написать исповедь. Книгу, в которую я должен вложить ветер. Весь мой путь, все движение по жизни стрелы времени, выпущенной из колчана Люцифера, должно быть поймано в слова и символы. Моя жизнь, мой путь — это дар, который Тетрада вечных богов передаст тем, кто имеет мужество светить, тем, кто имеет силу идти действительно своим путем, через дружбу, любовь, вражду, через познание и служение, неся свою свечу на другой берег.

Черная Королева сказала, что книга должна быть написана прежде всего «для мертвых и богов». Какая ирония, что ее должен писать тот, кто уже наполовину мертвец. Пусть будет так. Пусть будет написана история моей души, и я лишь надеюсь, что те немногие, в ком есть огонь, смогут на моем примере понять, что значит быть собой, что значит — падая, ошибаясь, совершая самые худшие промахи, оставаться преданным своим богам, своей истине, своей душе, своей правде.

Слава богам, я уже давно не лгу. Мои достижения, свершения, прозрения, мои выходы под дождь в неизвестность переплетаются с самыми нелепыми предательствами и ошибками. Каин. История с рождением нашей первой дочери — мое невольное предательство. Моя слепота в магии, величие и ничтожность одновременно, которую так высветила леди Черных вод — Акташ. Все должно быть представлено. Книга должна быть написана. И прежде всего — написана Азазелем для Люцифера.

Они убивают воображение. Я начинаю понимать, почему я опасен, почему система внимательно наблюдает за мной, хотя я давно знаю, что вся политическая возня не более чем борьба крокодилов и львов. И тем не менее, я опаснее любой оппозиции. Потому что я открываю ворота воображению. Потому что я провожу самые разные системы, модели, стратегии освобождения воображения. Потому что я открываю двери всем тем дискурсам, символам и идеям, соприкоснувшись с которыми, человек уходит из-под власти глобальной лжи, глобальной пропаганды.

Хотя смерть близко, мне правда не о чем жалеть. Потому что я смотрю на близких и дальних, их дни и их ночи и смеясь говорю: мои ночи прекраснее ваших дней! Потому что за час я мог прожить то, что иные не проживут и за месяц. А к смерти приговорены мы все, поэтому нет большей трагедии, заканчивается жизнь в сорок или в восемьдесят. Многие великие ушли на десять-пятнадцать лет раньше, чем я, но их жизни не были трагедией, а смерть — приговором, ибо свое время они жили как никто. Воистину, я прожил великолепную жизнь. И лучшее, что я могу дать миру, — это рассказ о своей жизни. Рассказ о том, как боги играют через нас, как вечные силы играют в самых банальных, самых человеческих гранях — конфликтах, дружбе, любовных связях, как, выйдя за пределы, отрекшись от рациональных границ, можно увидеть пульс богов и стать ими.

Я думал, что у меня есть время. Договор на книгу, казавшийся делом очень далекого будущего, постучался мне в дверь. И с этого момента я всецело посвятил себя книге. Я уходил в воспоминания на несколько суток, всякий раз когда мог вырваться. Игры кончились. Только правда, только исповедь — исповедь даже не без одежд, а без кожи.

Увы, но мне пришлось закрыться от многих любимых женщин. Звездочки, искорки, каждая из которых дарила мне свое неповторимое сияние, с каждой из которых был свой удивительный танец. Пифия, Дакини, Вега и даже Карни. С кем-то встречи прекратились вовсе. С кем-то были сведены до такой редкости, что было ясно — нити, связывающие нас, обречены оборваться. У Веги уже появился свой мужчина, Дакини уже таит обиду, а Карни нашла мужчину, который, ко всему прочему, мой близнец под шелухой. Но сейчас это не имеет значения.

Осталась — Черная Королева. Та, с кем заключен последний договор на восьмое тело. И осталось Магда, которая тоже прекрасно знала, что произошло. Ей не до войн, идет уже седьмой месяц.

От остальных — закрыться. Из всех звездочек более всех скучал я по Жемчужинке, Карни. Тут уже дело не только в книге и времени. Дело в обиде. Обиды бывают разные. Есть обиды, которые наносятся словом и делом. Их можно исправить — словом или делом. Это легко, эти обиды можно поймать за хвост, сформулировать.

А есть другие, куда более глубокие обиды. Обиды из-за непонимания, неприятия. Обиды из-за слепоты. К этому моменту я уже знал, почему мои звездочки так редко ревновали друг к другу и не уходили от меня. Истинный запрос истинной женщины — я

хочу, чтобы ты меня видел. Спасибо Азazelю, я умею видеть Женщину, если это истинная Женщина. И до какой вершины и глубины дошло наше взаимное видение, наш танец, когда в одном из полетов на глубину казались мы друг другу близнецами, одною утробой рожденными. И все было прервано этой странной фантазией.

Нефилим. Было ли вообще это неудачное зачатие, о котором она могла знать лишь по небольшому сбою цикла? Я был уверен, что она сошла с ума от горя. В память врезалась дорога из Санкт-Петербурга, Карни уже не говорит, уже переходит на крик, пытаюсь докричаться, объяснить, что ей можно верить, что она всецело предана Истоку. А все, что от меня требуется, — это услышать ее сердцем, как ангел говорит с ангелом. И на несколько минут, уже к концу пути, мне это даже удалось, но слишком много невольных обид — недоверием, манипуляцией, невидением — я нанес ей до этого.

Поэтому, когда после перерыва мы пошли на глубину, было тяжело, очень тяжело. Обида. Взаимные претензии. Попытки оправдаться. Долгое и мучительное выяснение отношений, под шелухой вдвойне мучительное. Я понимал, что рискую ее потерять, поэтому пытался хотя бы сделать вид, что верю в ее представление о нефилим. Я чувствовал свою вину, но не мог включиться в ее картину мира, ибо сам не ведал до конца, что стоит за этим мифом.

А потом, когда глубина накрыла нас девятым валом, вновь зажегся огонь, вспыхнула страсть и боги вновь присутствовали в нашем танце. Боги пришли. На этот раз она стала самой Биной. Она видела тени богов, которые ждут только одного — ее взаимности. И вокруг меня были тени и символы, взывающие к Матери богов через нее. Равноденствие богов. Множество богов стоят у врат последней богини и ждут ее выбора. И тот, кого выберет богиня, определит, каким будет пространство мира.

— Если все так просто — тебе достаточно выбрать Азazelю, — говорю я.

— Если бы все было так просто, — отвечает она. Она не может выбрать по желанию эго, она выбирает тот поток, в котором больше огня.

А потом через нее пришла Лилит. Я видел немало превращений Карни. Вот она яростная Бабалон, одним жестким сексом трансмутирующая моего Рамси в зверя. А вот она — древняя Деметра, хозяйка посевов, возвращающая меня к моей земле. А вот она нечто, что вообще не имеет имени. Я знал много ее ликов, но этот был совершенно нов. Просто внезапно она прекратила любое взаимодействие и ушла в себя, жестом дав понять, чтобы ее не трогали. Сколько продолжалась эта вечность? Быть может, минуту, быть может, час — под шелухой время весьма относительно.

И вот она возвращается.

— Я видела Лилит. Я знаю то, что не знает о ней никто. Она — не только страсть, не только проводник Серебряной Нити и путеводная звезда. Она — хозяйка смерти. Но смерть эта очень особая. Смерть высшего класса. Смерть избранных, смерть святых. По нитям Лилит уходят избранные. Маги. Посвященные. Каббалисты. Идущий по пути, устав, имеет право призвать из источника Лилит, после чего она приходит, чтобы вернуть призвавшего в Исток. Это особая смерть, смерть высшего класса, доступная немногим. Смерть, в которую входят с открытыми глазами. Такие люди часто знают дату своей смерти.

Эти слова напомнили мне недавний рассказ Юлии в одном из глубинных погружений. Рассказ об ее отце. Однажды ее отец собрал всю семью и сказал, что умрет ровно через десять лет. Все посмеялись. А в указанный месяц и ту же неделю он взял и умер. И это было не самоубийство и не несчастный случай. Просто тело оставила жизнь. Этот рассказ Юлии тогда показался мне таким невероятным и, возможно, придуманным — в конце концов, ни Кроули, ни Юнг не знали день своей смерти. Как мог его знать простой человек?

— Он, видимо, был очень непростым человеком. Юля же сама очень непростая, ты знаешь.

— А я скоро умру? — Вопрос, который должен был бы звучать первым, откладывается до последнего момента в страхе перед ложной надеждой.

— Нет. Я не вижу этой формы Лилит. Ты будешь жить, настоящие схватки только начинаются, и не там, где ты думаешь. За тобой нет теней смерти, успокойся ты, наконец.

Нет? Но понимает ли Карни, какая тень над нами нависла? Я ведь практически сразу поведал историю Гранатки, но, похоже, она не приняла это всерьез. Как хочется поверить в ее слова, ведь не раз и не два я сталкивался с тем, что она видела то, что не видел никто.

Впрочем, она же говорила абсолютную фантастику, рационализацию про нефелим — могу ли я верить ей здесь, ведь она едва ли хотела бы моей смерти, а как велик соблазн принять желаемое за действительное! Разве любая женщина на ее месте не сказала бы то же самое? В конце концов, как отличить реальное откровение от фантазии? Даже получив самое большое, самое яркое откровение, мы не можем быть уверены, что это — не игра фантазий. Даже самый высший инсайт может быть обманкой, ложной надеждой. Мы можем видеть богов, а можем думать, что видим, и расстояние между этими двумя формами — толщиной с лезвие бритвы. Мне очень хотелось ей верить, но — ставить свою жизнь на видение любимой женщины под шелухой, ничем не подтвержденное? Как отличить? Всемогущие боги, дайте хоть одно знамение, хоть одно свидетельство, кроме слов любимой женщины, которая легко может перепутать реальность с желаемым!

Свидетельство пришло на следующий день. В эту ночь, когда Лилит говорила с Карни о смерти, в это самое время, когда она была в моих объятиях, в ее доме мучительно умирал ее кот. Кот, который жил у нее много лет и был в каком-то смысле хранителем ее брака, который, впрочем, начал умирать еще раньше. Несчастный кот оказался настоящим мучеником, мортиром, ведь, так немногие помнят, слово «мортир» дословно означает «свидетель», «свидетельствующий», и эта смерть оказалась свидетельством истинности слов Карни.

Странное дело, но смерть кота подтвердила — она действительно была в этой божественной форме. Но как это возможно? А что там говорил Азазель: стоит ли исключать вероятность, что Гранатка подговорила кого-то из своих знакомых подыграть ей тем внезапным звонком? Или вероятность, что, не имея на меня реального компромата, они просто хотели напугать меня и попросили ее разыграть эту партию по нотам? Стоит ли исключать любые другие версии, кроме той, что я услышал?

Карни как будто сняла с моих плеч тень смерти. И как же легко вдруг стало мне дышать, когда сняли с меня эту могильную плиту.

Но есть свой юмор богов, что к этому моменту четверть книги уже была готова. Три недели медитируя на смерть, я садился за книгу и записывал огромные объемы потока сознания, пока не падал в изнеможении. Я уже вспомнил слишком много и видел, как оно должно быть написано дальше. Роды начались, и невозможно стало остановить этот процесс, как невозможно заставить ребенка родиться обратно.

Каждый день, каждый час открывалась мне внутренняя логика моей самой главной книги, логика, которая не изобреталась, а именно рождалась изнутри самого повествования. Четыре части = четыре основных божества = четыре фазы жизни растения. Лилит-Люцифер-Азазель-Нахема. Семя-росток-цветок-плод. Образ накладывался на образ, сюжет на сюжет, и набор неупорядоченных фактов вдруг раскрывался как единая мистерия.

Кажущееся хаосом оказалось единым кристаллом с множеством граней. Книга рождалась, книга обретала форму, структуру, внутреннюю четырехчастную ритмику и проходящую через все повествование серебряную нить. Поэтому, поверив Карни, я уже не мог остановиться и писал как одержимый.

И когда через две недели вновь пришло время ехать к Черной Королеве, я забыл купить лезвия, которые собирался попросить вшить с обратной стороны моих носков на случай «часа икс». Но не настигнет ли меня последний удар уже завтра, а я буду бессилён из-за ложной надежды? Не знаю. Но зачем-то умер кот Карни, зачем-то через Карни пришла именно Лилит и сказала именно то, что сказала, хотя Карни как человек и понятия не имела, что со мной происходит и к чему я готовлюсь.

И вот я снова у Черной Королевы. И вот мы снова погружаемся на глубину, где нет ничего, кроме океана нежности и восторга. Каждая наша встреча — это отражение двух бесконечностей, танец двух Черных звезд, предельное, невысказанное соединение самой яростной страсти и самой чистой, точно свежий морской бриз, нежности. Мы выходим очень далеко за предел, где только Черный свет и вспышки Радуги.

И на пике страсти я произношу слова:

От истока к истоку, от жизни к жизни, от света к свету...

Мы произносим эти слова из глубины сути, и в это мгновение происходит нечто невероятное. Над нами вспыхивает радуга, которую видим мы оба. Радуга как будто проходит сквозь нас, соединяя нас в единое тело и горя ярче тысяч солнц — чистейшее сияние, пронизывающее нас обоих на всех уровнях вселенной! Мы оглушены, ошарашены, вдохновлены этим светом. Нет слов, которые могли бы вместить эту мистерию единения пред ликом Люцифера, перед взорвавшейся тысячей цветов радугой.

Через минуту тишины Черная Королева говорит:

— Похоже, мы что-то сделали.

— Да, похоже, мы что-то сделали. Договор Истока.

Я смотрю на себя как бы со стороны и удивляюсь. Из радуги, из Света Сокровенного я знаю, что в нашем договоре, в нашей мистереии слово Верность прописано совсем иными красками и цветами и значит нечто совсем иное, нежели формальная физическая верность. Ставка Азазеля не может быть верной физически. Зато мы знаем, что такое Верность на уровне вечности. Куда больше пугает, что у меня два метафизических договора. Магда. Мгновение, когда я принял от нее сеточку, и тот взрыв света тоже очень похож на договор Истока, как и икона Люцифера у ее изголовья.

Договор Истока благословил сам Люцифер. Договор Истока. Это название, этот смысл приходит откуда-то из глубины, рассеивая другие смыслы. Договор Истока. На миг я понимаю, что когда-то — в золотом веке, в мире традиции — каждый брак, каждый союз утверждался договором Истока. Но вырождение век за веком оставляло вместо любви — долг, вместо света — туман, а вместо слов, полных магии, — ничего не значащие клятвы, которые не нарушают лишь потому, что боятся: сначала, по старой памяти, боятся отступления богов, а потом — только косых взглядов других людей. Договор Истока забыт, забыт как возможность, как реальность, как сущность.

Ах да. Одна маленькая деталь. Простите покорнейше, мои дорогие читатели, но полная формула договора Истока останется навсегда между нами. Выше лишь половина. Быть может, кому-то удастся услышать сердцем свою версию второй половины этой формулы, и быть может, она будет звучать по-другому, чем у нас, будучи столь же истинной. Но произносить полные формулы? Увольте меня от этого, господа поручики Ржевские и Наташи Ростовы, желающие решить свои даже не проблемы, а проблемки с помощью дополнительных костылей. И не в словах тут дело, дорогие мои, ибо любая формула может быть затрепана, заношена, опоганена и превращена в еще одну обглоданную игрушку для голодных детей. Я не знаю, возможен ли в наше время договор Истока вообще и не стала ли наша мистереия последним чудом в мире, из которого свет уходит, как из пробитой кастрюли вода.

Внезапно Юлия говорит, что всегда удивлялась, почему в ее мире было столько магии, ведь она родилась в самой обычной семье, среди самых обычных людей.

Я собираюсь ответить что-то ничего не значащее, но тут вспоминаю ее рассказ об отце, который знал о своей смерти за десять лет и ушел из мира по серебряным нитям Лилит.

— Обычных?! Ты хочешь сказать, что это называется обычным?! Да твой отец был святым, настоящим святым. Совсем недавно Карни рассказала мне о том, как уходят святые, зная день или хотя бы месяц своей смерти. Они зовут Лилит, и Лилит приходит и забирает их душу. Ты называешь этого человека обычным! Да черт подери, Кроули, Юнг, Мазерс и прочие известные всем нам оккультисты не владели сиддхой знать свою смерть заранее. Каббалисты, святые, отшельники — вот о ком жизнь полнится такими историями. И твой отец. Святой, который не знал, что он святой. Человек, который жил самой обычной жизнью, но всю свою жизнь он нес Его Свет. И пока в городе есть хотя бы десять таких Святых, его не разрушат.

В этот момент Юлия достает свой дневник:

— Смотри. Он приснился мне всего пару недель назад. Я не хотела рассказывать. Я открываю тетрадь и читаю.

Мне снится, что я нахожусь в комнате. Мне нужно выйти, но за дверью враги. Преодолев беспокойство, я выхожу за дверь и иду в душ. Ко мне начинает приставать какой-то тип. Я включаю какие-то силы и могу его отогнать. Я прихожу в душ, это странное помещение, там много воды. Этот тип проникает за мной, я чувствую угрозу. В этот момент появляются мой отец. Он берет меня за руку и говорит одно слово: «Династия». Я произношу за ним это слово — династия. После этого существо исчезает. Мой отец говорит: «Я передаю тебе свет, передай его, пожалуйста, дальше». Внезапно в меня начинает вливаться сила, и он передает мне четыре буквы, которые являются своего рода формулой крови.

— Но это же невероятно! Нашу идею благословил не только Азазель, силы рода тебя тоже поддерживают. Это — прямое доказательство.

Боги. Не раз и не два, танцуя с Черной Королевой, с благодарностью вспоминал я Акташ, которая помогла мне превратиться из идиота, заключенного в коробку представлений о «нормальном» и полагающего, что знает о магии все по книгам и нескольким успешным ритуалам, в полноценного мага, способного держать глаза открытыми. Не будь в моей жизни Леди Черной воды, никогда не стал бы я достойным Черной Королевы и последнего договора Истока!

Род. Я просто смотрю и вижу ее род. Сначала — на уровне ощущений. Как будто силы рода вливают в меня мощь, дабы я смог достойно провести нашу мистерию. Только теперь, здесь научился я вести в танце партнершу, дабы быть ее достойным. О боги, какой же прекрасный, какой же чистый у нее род! Какое невероятное сияние! Как будто стрела, пущенная кем-то, летит через века, неся свое сияние.

И мысль о стреле превращается в картинку. Теперь я ее вижу. Вижу сияющую стрелу, черную в середине, но по бокам озаренную светом, точно солнце в затмении. Я вижу и сразу понимаю: это ее ключ рода. Невероятно!

Но невероятное только начинается. В меня входит нечто, одновременно похожее и не похожее на Азазеля. Узнаваемая на глубине вибрация, имеющая совсем другую интонацию.

— На тебе особое благословение, Юля. Кризис, который стал бы для обычного человека проблемой на несколько лет, в самом лучшем случае — месяцев, ты можешь решить за несколько недель, потому что у тебя есть живая поддержка рода. И твой род светоносен. И слишком многие хотели бы его загасить. Передай Огонь, передай Свет.

Я не помню этих слов. Слова восстанавливаются по записям Юлии, которые она делала всегда после нашего полета. У меня остаются лишь пробелы в памяти, из которых я помню только ее слова, когда я вернулся в себя.

— Это был Он. Ты только что говорил голосом моего отца. Это просто невероятно!

Я молчу. Как вообще я мог говорить голосом человека, которого никогда не видел? Риторический вопрос. Что-то подобное было в начале первого явления Азазеля, но тогда это было мучительно, а сейчас легко, настолько легко, что я и не заметил, как через меня кто-то приходил.

И, как всегда, на самых интересных местах приходит Патрон:

— Всегда есть те, которые так красиво есть, что не дают Иалдабаофу сказать «ам». Помнишь, я очень советовал тебе читать «Память крови» Дантана? Он смотрит с позиции врага, но как же много правды, сам того не желая, говорит этот враг. Ты из моего рода. Потому и твой отец дает благословение на последний договор. Ты знаешь, чего от тебя ждут все.

— Если я все-таки соглашусь — кто придет?

— О, моя Черная Королева! Это мой брат. Когда мы были очарованы человеческими женщинами, он пошел с нами, потому что был полон сострадания к человечеству. Впрочем, может быть, обратимся к таро?

От резкости и неожиданности ответа я сам теряю дар речи. Потому что к таро я не обращался уже давно. И здесь, мой рот сам говорит — «обратимся к таро». О боги, если сейчас выпадет хотя бы спорная карта — все будет кончено. Для нее любая зацепка станет знаком отступления. Но, похоже, Патрон знает, что делает.

Одна карта. Только одна. Все остальное — игры ума с самим собой. Но, черт возьми, — какая же это карта! Маг. Господин великой Игры. Тот, кто запечатлен на колоде как ее хозяин. Небесный канатоходец и жонглер, у кого вместо кеглей или мячей — стихии. Тот, кто соединяет небо и землю. Это последнее подтверждение. Это последний, окончательный знак. Это последнее доказательство и для Юлии, и для меня, что наша связь и мое желание потомства — это не просто естественное для любого мужчины желание сделать как можно больше детей. Что Азазель — это действительно Азазель. И что я говорил голосом человека, которого никогда в жизни не слышал.

А наутро Юлия пошла на почту и получила посылку от своего учителя. Это еще одна грань ее пути, она когда-то обучалась у мастеров одного китайского монастыря. В посылке оказалось письмо: «Ты задаешь вопросы не о том. Тебе предстоит сделать очень важный выбор, выбор между силами жизни или силами смерти». И подарок — четки из рудракши. Дерево жизни.

Договор Истока начинает входить в силу практически сразу. Подарок по почте шел давно, но Юлия получила его точно на следующий день после нашего полета. Но если читатель думает, что после этих знамений мы тотчас приступили к зачатию, как же он ошибается. Это — леди Нахема. А ни боги, ни полубоги, ни хранители рода, ни личный наставник не могут заставить леди Нахему сделать то, чему она противится.

— Деторождение для меня, как для тебя — гомосексуализм. Это ужасно, и я не могу до конца поверить, что я даже просто говорю с тобой об этом.

— Даже у меня был один ужасный момент когда я чуть было не совершил гомосексуальный акт, и лишь чудо и магия Учителя удержала от последнего падения. И черт подери, если бы столько высших богов, хранителей, да еще и мой учитель — наверно, я могу отождествить твои отношения с учителем и мои с Марти, — так вот, если все они дружно и убедительно пришли бы ко мне и засвидетельствовали, что гомосексуальный опыт — это условие для следующей ступени и их общая высшая воля, то я, плюясь, ругаясь и кляня свою судьбу, сделал бы себе укол анестетика и подставил бы свою задницу тому, на кого указали. Как вообще можно противиться воле богов?!

Но то я, а то Нахема. И если договор все-таки будет исполнен, то это будет явно не сегодня и не завтра по отношению к этому мгновению, когда я вспоминаю эти события давностью в несколько месяцев.

Глава 14. Сальвадора

*Молчали мы и горные вершины,
Срок истекал, сквозь тучи свет проник,
И первый крик раздался петушинный,
Как совести моей предсмертный крик.
(«Монолог Иуды» Мищуки)*

Бойтесь своих желаний — они имеют свойство исполняться. Читатель, верно, забыл про череду чудес, сопряженную с удивительнейшей фантастической сагой нашего времени — «Ойкуменой» Олди. Поэтому, прежде чем продолжить повествование, следует омыться в источнике Мнемозины. Олди, две Мирры, Карни, которая одновременно Карина, первый том, прочитанный последним, где практически дословно нарисована героиня с тем же самым именем — Юлия Руф, и, наконец, — Антис как Нефил или Исполин, последний ключ от Азазеля, в ответ на который я поднимаю глаза к небу и иронично, подражая голосу Патрона, говорю: «Если это твоя книга, будь другом, пошли мне уж полный комплект — где Регина?»

Вот уж что мне казалось невозможным — так это появление в моей жизни героини, похожей на Регину. Редкое имя. Редкий сюжет. Уникальные способности. Телепатия. Даже сама Черная Королева не обладает способностью прямой телепатии, единственный человек с такой способностью, кого я знал — Акташ. Но даже у нее эта способность могла проявляться не постоянно, а от случая к случаю.

И вот — очередное собрание клуба, кажется, после того самого Самайна Люцифера. На котором появляется роскошная черноволосая дива, обладающая невероятной силой магнетизма. Силой, которая притягивает к ней мужчин, оказавшихся в поле прямого действия. В то время как я точно не был настроен на поиск новых связей — к ней меня потянуло практически сразу. Наша поначалу дружба, а потом, забегая вперед, очень краткосрочный роман начинается с поразительного совпадения — она читала все романы Олди. И понимает их как никто другой, высказывая столь глубокие комментарии по сюжетам, что они поражают воображение. К тому же она признается, что из всех героинь ей ближе всех Регина ван Фрассен. Совпадают даже мелочи — Сальва ездил на год учиться в Японию, что является зеркальным отражением судьбы литературной Регины.

Обычно, прежде чем я достаточно сблизюсь с человеком, чтобы пойти под шелуху, должно пройти несколько месяцев. Танец. Ухаживание. Близость. И через два-три месяца — первый выход. Здесь все было иначе. Под шелуху, вперед, к настоящей магии!

И — первое изумление. Сальва бежит из квартиры в открытое пространство, призывая меня бежать за ней. Мы бежим. Я не понимаю, что происходит. И тут она говорит первую фразу: «Черный свет. Я поняла природу черного света. Черный свет — это движение!»

О боги! Она дословно воспроизводит слова, сказанные Марти, когда мы втроем видели темные крылья у нее за спиной. Черный свет = движение. Постоянно движущаяся основа этого недвижимого мира, а не недвижимая основа мира движущегося — вот последняя правда Черных звезд. Откуда она знает? Наша. Полностью наша, какая невероятная удача, еще одна Черная звезда возшла в моей жизни! Впрочем, на этом все не останавливается. Чудеса продолжают. Потому что когда мы останавливаемся для разговора, она говорит одну-единственную фразу, на месяц бросившую меня к ее ногам:

— Я как Регина ван Фрассен. Мой Шадруван был запечатан, и сейчас запечатанность снята.

«Азазель, если эта книга твоя, — пошли мне Регину ван Фрассен», — точно мигающая надпись вспыхивает перед глазами. Пошутил, называется. Попросил лично Регину. И вот.

Сальва-Регина предлагает игру:

— А давай ты будешь называть имя и мысленно представлять человека.

— Окей. Давай.

Мысленно загадываю Дакини и называю ее мирское имя.

— Высокая красивая женщина с платиновыми волосами. Сейчас у вас сложно. Слишком много в ней вод.

— Юлия.

— Я вижу ее с диадемой на лбу, в центре которой камень. Ты говорил, что она Нахема, и это действительно так, она как будто особо связана с природой, она как будто переводит из неживого в живое, особенно связанная с миром мертвых.

— Магда.

— Она любит тебя, очень любит. А еще это, наверно, самый упрямый человек, которого ты видел.

Шутки ради решаю отойти от женщин и загадываю того, на кого написано завещание.

— Очень искренний и очень живой, хотя слишком неопытен.

Кажется, я называю еще несколько имен и получаю сногсшибательно точные ответы, вплоть до внешности. Господи, эта женщина более мощный телепат, чем сама Акташ, это что-то немыслимое, какой же невероятный подарок послал мне Азазель! Воодушевление так велико, что весь следующий день я даже стал искать в интернете возможности связаться с фондом Ренди. Вот вам чудо с описанием внешности — где мой миллион долларов? Впрочем, последующие эксперименты показали, что все-таки стопроцентная телепатия невозможна, но все равно Сальва с выдаваемым ею уровнем показателей переплюнула бы любого экстрасенса из телешоу.

Ко всему прочему выясняется одна особенность Сальвы. К ней притягиваются те, кто должен умереть. У нее появлялись смертельно больные поклонники, а один мужчина возник в ее реальности после долгого отсутствия и сказал, что находился в состоянии клинической смерти и видел ее как «распорядителя путей». Уж не появилась ли она как опровержение тому, что увидела Карни, и не пора ли мне все-таки просить Черную Королеву зашить в носки бритву? «Нет, — Сальва повторяет слова Карни, — за тобой нет свидетелей смерти». И, разумеется, когда я задаю ей один-единственный вопрос, — вопрос, задающийся только тем, кто становится очень близко, — она ни минуты не медлит с ответом.

— Кто твой Патрон?

— Азраэль.

Азраэль, Азазель. Разница в одной букве. В некоторых мифах их даже путают, приписывая одному роли другого. Забавная синхрония: всего через недельку после нашего разговора на экраны выходит сериал «Темные начала» с Азраэлем в качестве главного героя. С даймоном — снежным барсом, так похожим на рысь. Но все же разница в одну букву порой оказывается размером с бездну. Снежный барс — это далеко не рысь, а Азраэль, при всех внешних сходствах, — далеко не Азазель. Один — ангел смерти. Другой — тот, кто несет свет, знание и любовную страсть.

Надо сказать, именно ей я обязан тем, что после речи Карни из глубин Лилит я окончательно успокоился в отношении слов Гранатки. Так уж получилось, что Сальве написал ее очень давний друг, который работает на известную контору. И когда она незаметно, пользуясь доверием, аккуратно его расспросила, он долго смеялся над рассказом о конторе, которая не может выяснить номер машины. «Не знаю, что это за история, но это кто угодно, только не наши. Если бы разрабатывали наши, известно было бы, что он ел на ужин. И вообще, конторе неинтересны эти твои психи, пока они не лезут

в экстримизм». Придумала она эту встречу или нет, был он или нет, но, кажется, этот момент несколько закрыл историю Гранатки.

Что на самом деле стоит за этой историей, наверное, мы никогда не узнаем — если, конечно же, не случится так, что все дружно ошибались и я не окажусь где-то далеко и по ту сторону, когда буду ждать этого меньше всего.

Сальве я очень многим обязан. Она въехала в наш скромный и, надо сказать, достаточно замкнутый мирок на вороном коне. Еще никто с первой встречи не давал столько ключей, что даже на миг не возникло сомнений. И все же — мы ее проиграли или, если быть точным, последнюю партию проиграла сама она.

Первый «пробой» выражался в том, что, взаимодействуя с ней, я начал принимать форму ее Анимуса. Иначе не бывает. Но эта форма не понравилась никому — и даже мне. Этаким высокопарный интеллигент, постоянно рефлексирующий и, так сказать, с удовольствием предающийся скорби. Вот это самое смакование пафоса мрачности, которого не было у меня, даже когда я узнал о слежке, существенно не понравилось ни Черной Королеве, ни возлюбленным сестрам моим.

Сальва, не желая того, влияла на меня в ту сторону, в какую не хотел ни я, ни кто-либо из взаимодействующих со мной. Забегая вперед по линии повествования, скажем, что повторилась история с Пеймоной, когда все женщины в конце концов просто поставили купол и своей магией отсекали ее от меня. А еще позже выяснились куда более неприятные детали.

Впрочем, понимая, во что я превращаюсь в алхимической ванне с Сальвой, я не слишком сопротивлялся этому куполу. Хотя наше взаимодействие окончено, я все же считаю, что если в ее жизни найдется кто-то, кем стала для меня некогда Акташ, и сможет ее очистить собой, она станет способна светить, и прорвать серую завесу. Но на данный момент абсолютно неизвестный и не осознаваемый ею компонент серого доминирует, и мы не можем позволить такой алхимической ванне существовать.

Однако до распада пока далеко. Здесь, в описываемой точке повествования, Регина стала моим кумиром. Как можно не восторгаться человеком, способным к телепатии так, как еще никто и никогда? Восхищение чудом, невозможным, невероятным, ворвавшимся в мою жизнь как будто со страниц «Ойкумены». «А кстати, у меня с Региной даже мелочи совпадают. Я тоже год в Японии училась, а ты же понимаешь, что прообраз Сякко в "Ойкумене" — это Япония». Ай да Азазель, ай да комбинатор!

С моей жизнью стало происходить что-то невероятное. Как будто я, привыкший лететь на сверхзвуковой скорости, подобно ракете, покидающей землю, вдруг увидел, что кто-то переключил незримые передатчики — и сверхзвуковая скорость вдруг стала приближаться к скорости света. Здесь уже трудно говорить о «синхрониях», «чудесах», «явлении богов». Здесь каждый день становился каким-то чудом, а день, проведенный вообще без синхроний и прозрений, кажется каким-то очень уж странным. Не знаю, с какого момента произошло это переключение — быть может, с договора Источника, быть может, с полета на Озере с Карни, где мы были близнецами одной утробы, быть может, с Йом Киппура, а быть может, с того самого Самайна, когда половина членов клуба сказали «Lucifer Rising!» на кругу. Важно одно — переключение произошло.

И в один прекрасный день я услышал сигнал Азазеля. Дакини! Я не видел ее уже несколько месяцев, и опасался, что она просто прогонит меня. Я должен оказаться в ее поле. Почему? Это невозможно объяснить. Просто нечто включается и говорит — тебе туда. И срочно, срочно, черт подери! Образ Дакини не оставлял меня три дня, пока я не решил оставить процесс писательства и поехать к ней.

Это правда было невероятно. Наша связь с Дакини очень редка. Возможно, потому что единственное, что нас связывает — это особая воля наших богов, которые в нужный момент говорят «пора» — и включается притяжение. Но именно Дакини около года назад сделала невозможное, пресуществив некоторые раненные части моей Анимы, и

неизвестно, было бы возможно все, что происходило со мной потом, не будь этого пресущствления.

На этот раз произошло невероятное. Дакини встретила меня заявлением, что уже две недели мысленно беседует с Мартиэль. Слушает ее песни. Марти как будто в ее голове отвечает на ее вопросы.

Как это вообще возможно?! Что происходит? Они с Марти ведь даже не знакомы, лишь один-единственный раз я рассказывал Марти о ней, описав опыт «пресущствления Эллойзы». «Она сильна, да. Похоже, наша», — все, что сказала Марти. Но запомнил ли я тогда ее слова? С чего вдруг ей мысленно беседовать с Марти, когда она — один из самых крупных, самых глубоких практиков Ваджраяны? У нее свои боги, свой исток, а я здесь для того, чтобы видеть ее богов. Тем более что двадцать лет назад у меня был один странный договор с этим эгрегором, когда я принял прибежище в буддизме и сам даже не понял что сделал. Я видел Дакини только буддисткой, и было очень сложно расширить картину.

А расширять пришлось. Потому что в эту ночь я впервые увидел Люцифера. Я видел радугу. Я видел свет. Я видел все, что не раз в наших полетах видела Карни и сокрушалась по поводу моей слепоты. Как-то даже я увидел что-то вроде хвоста дракона. Я произносил его явные и тайные имена и чувствовал, как его свет звучит в моем теле. Наконец, я видел, как, два раза Он приходил через Мастера во всей своей силе и величии. Но впервые, я видел Его — именно Его, а не отзвук сияния, — лицом к лицу.

Я просто процитирую то, что записал тогда. Добавлять тут ничего не нужно. И видят боги, до какой степени эти слова оказались пророческими.

А ведь я Его видел. Вот ведь в чем затык — все правильные слова-то уже сказаны, все смыслы проявлены. И ведь всегда о том же говорил... Но одно дело — когда говоришь так с уровня Ход. Или даже с Тифарет, по осколкам воспоминаний. А другое — лицом к лицу. Не возьмусь оценивать — Хесед или даже, черт возьми, Хокма...

Свет. Сила. Мощь. Безграничная, беспредельная свобода, дарящая восторг. И одновременно ужас, ужас вечной боли, вечного вытаскивания этого мира по йоте, по атому, по миллиметру. Заведомо невозможная, обреченная затея. Настолько невозможная, что невозможность известна с самого начала, словно прописана в коде мироздания: «Здесь же ошибка!» — «Да я знаю, я знаю, я знаю».

Исток. Из которого идут мириады серебряных нитей. Серебряных судеб, серебряных искр. Это серебро, что тысячекратно дороже золота. В каждой ниточке, в каждой жизни, каждом, кто наш, кто смеет жить по своему закону, кто не торгует своим бытием и не позволяет системе откусывать от себя по кусочку. В каждом — Он. Сотни — известных. Сотни тысяч — неизвестных. На фоне миллиардов никаких и ничего, в каждом — он начинает с начала, низвергаясь в холодную бездну материи, вечное колесование на мандале бытия.

У наших нет заповедей, законов, запретов. Есть один завет — Гори! То, о чем первые телемиты говорили: следовать истинной Воле. Быть.

И каждая ниточка, каждая искра, каждый всполох, проигрывая, побеждает, угасая — передает огонь. Не на час, не на метр — на наносекунду, на пикометр сдвигает эту голодную и мертвую тишь. Незаметно, ничего не изменилось, бесполезно. Глаз не может видеть нанометр. А мир — хоть чуть, но сдвинулся, и в точке отчаяния угасающей нити, умирая целиком, без дураков, Он улыбается своей последней, уже незримой улыбкой. Сдвинулось. Большие жизни, большие огня, большие света.

И какое спокойное достоинство в этой непрекращающейся трагедии, вечной смерти, вечной растрате своего света и мучительного прорастания почти с исходной точки. Почти. Зазор. Маленький зазор, который со следующей бездной станет на нанометр больше, и живых, настоящих, свободных станет еще больше. Чем-то

напоминает восточное учение об отказе от нирваны, пока каждая искра не станет Буддой, то есть не станет живой. И из черного свинца, из радиоактивных элементов, когда их пронзает Его свет, взрывается Радуга. Вот оно, почему видящие связывали Радугу — с Ним. Все цвета взрываются из света Истока, когда свет проникает в самую дальнюю точку тьмы.

Ах да, маленькая великая тайна. То, что называют адскими котлами. Это на самом деле алхимические тигли. Атаноры. Очень важно, чтобы стены были достаточно плотными. Ведь так много мертвого, лживого, грязного. И не убьешь его — что мертво, умереть не может. Поэтому — только трансформировать, только преобразовать, только алхимизировать, дожидаясь, когда в очередном котле-тигле вдруг вспыхнет еще одно обреченное серебряное солнце. Зоны ждать. Но их есть у меня, что же делать...

Следующие события не заставили себя долго ждать. Чем ярче солнце, тем чернее тень. И после всякого вознесения ожидает падение, и нет исключений из этого правила. Всякий раз, когда мы оказываемся удостоены одного из самых высших переживаний, обратная сторона входит в нашу реальность, откуда мы не ожидаем.

Очень скоро ко мне пришел Серый Вестник. После Хирама и Вадима я был подготовлен к этому гораздо лучше. Я уже давно не был наивным юношей, доверяющим каждому и жалеющим всех. Поэтому, кто передо мной, я понял очень быстро. После двух с лишним лет спокойной жизни, в гости вновь пришел Серый. Этот вестник даже похож был на Вадима, только еще более сумасшедший.

Обычная жизнь, обычное время, идет обычная лекция, давным-давно занесенная в программу. Выбивается из обычного режима только один весьма неприятный факт. На собрание клуба затесался не совсем адекватный юноша. Одни назовут его психически больным, другие одержимым, третьи нарциссом.

На одном из прошлых собраний он, точнее то, что за ним стоит, наносит первый удар. Сперва на посмешище всем он городит откровенную чушь, которая множится на еще большую чушь. Иногда в его чуши мелькают кусочки правды, однако такие кусочки правды для умеющего слушать есть в любом бреде душевнобольного и любой проповеди фанатика. Он не дает сказать ни слова другим, чем начинает немало раздражать. «Ну вы должны же понять меня, вы же маги». Мы смеемся. Мол, если ты маг, то мы точно не маги. На этих словах его лицо меняется, и он хищно заявляет: «Значит, вы не маги. Ловлю на слове и забираю вашу силу себе». Все засмеялись. Напрягся один я, прекрасно знающий, что за последним шизофреником может быть тот, кто способен забрать силу.

Впрочем, не забрал. Подобно эху, на следующий день Мартиэль приснился сон, в финале которого звучал диалог, где одна сторона утверждала: «Маги не могут повлиять на смерть, на любовь и на уже произошедшее, даже не пытайтесь», — а другая сторона в ответ возражала: «А не маги могут». Марти всегда держала нас в поле, как детей, закрывая собой любую атаку. И «не-маги» из за нелепого прокола, который мог бы стоить всем очень дорого, становится как бы особым титулом, вывороткой, формулой апофатического богословия: не-маг — как бы маг по ту сторону бездны, маг превыше мага, не один, но ноль, не Кетер, но Айн Соф. Одна дурацкая шутка, которая могла бы дорого стоить всем, нейтрализуется там, где мы и не могли представить.

Серый гость пришел во второй раз. На этот раз он каждой фразой как будто хотел спровоцировать меня, лектора, группу, прерывал докладчика, кидал откровенно шизофазические реплики, так что группа достигла точки кипения. Зал буквально накалился. А впереди — пир, неформальная часть, дружеское общение обо всем понемногу, которое в актуальном раскладе грозит превратиться в один сплошной бенефис не совсем вменяемого субъекта. Группа чувствует напряжение. Юноша, явно не способен воспринимать тонкие и толстые намеки и понять, что любое общение

подразумевает взаимодействие, а не трансляцию непрерывного бреда не слыша никого кроме себя.

Лекция кончается. Те самые несколько минут, когда люди встают для перекура. Кто-то останется на неформальное общение. Кто-то уйдет. И, похоже, присутствие этого юноши сыграет так, что вторых будет гораздо больше чем первых. У меня — всего одна минута.

— Дорогой друг, — громко говорю я, — поскольку твои комментарии несколько не вписываются в наш совместный ритм общения, я бы попросил тебя уйти. Не сочти за личные претензии, но я вижу, что происходит, и ты явно будешь лишним.

Под шелухой хлыст извлечен и готовится для размаха. Я делаю одно движение, как бы открывающее меня всей группе.

— Ребята, я не хочу, чтобы у кого-то возникло ощущение, что я самодур или тиран. Здесь я лишь условный первый среди равных. Поэтому я прошу вас, если кто-то не согласен со мной, высказать свое мнение. Я буду рад признать ошибку, пусть он останется, если я неправильно понял ваши настроения.

Под шелухой хлыст опускается на плечи нежелательного гостя. Удар и мгновенное смещение центра тяжести на всю группу. Впрочем, в самом деле, если я не прав, если мой запрос — это проявление тирании, пусть группа возьмет на себя ответственность за присутствие неадекватного субъекта, который и на лекции не мог сдерживать словесный понос, а уж на неформальном пиру наверняка проявит себя во всей красе.

— Кто со мной согласен — может поднять руку. — Ключевой момент: попал или нет? И в ответ мне — лес рук. Против только один, совершенно новый в наших кругах гость, который в первый раз на собрании и романтически убежден, что с каждым можно договориться и дать выговориться. Шестнадцать против одного, практически единогласно. — Ну вот, видишь? Надеюсь, ты понимаешь, что лично я не имею против тебя ничего. Просто каждый круг имеет свои правила поведения.

Юноша обижен, задет, ранен, как будто ему ударили в самое больное место. Юноша что-то говорит о том, будто и у него есть компания, где его все воспринимают. Охотно верим, хотя — посмотреть бы на эту компанию. Как бы то ни было, в нашем круге для вас, сударь, не осталось стульев. В оскорбленных чувствах юноша покидает собрание, и становится возможным нормальное общение группы, общение на темы, которые интересны всем присутствующим.

Как много людей, читая это описание, сочтет меня чудовищем, тираном, злодеем, в этой ситуации? Кем бы я счел себя сам, взгляни на эту сцену глазами того, кем был десять лет назад. Ранить чьи-то чувства? Ну можно было потерпеть. Оставить. Может быть, ему можно помочь? Чушь! Если некто не просит помощи, вы не сможете ему помочь — никак и ничем. А близость серого может дорого стоить. Я хорошо помню как в последний раз она стояла мне Чинни.

— Вообще-то я здесь пришел с посланием для тебя. Удели мне десять минут перерыва, — говорит этот серый вестник.

Ну почему бы не уделить? Всего-то десять минут, я и так нанес ему тяжелую обиду, хоть и вынужденную, спасая гармонию пространства от разрушения. Я был наивен. Для удара ему хватило и трех минут.

— Меня же к тебе послали. Ты не понимаешь. Ты все строишь, строишь... — Откуда сука знает про главную личную метафору — метафору Города? — мысленно задаю себе вопрос без ответа, похоже игра несколько серьезнее. Серый продолжает — Богам нравится строить. А потом богам нравится разрушать, погребая под обломками тех, кто много строил. — Неужели намек на слезку, о которой я к тому моменту подзабыл, и разрушат все-таки? — Меня прислали сказать, что ты должен сделать, чтобы избежать. А это же просто. Ты сразу станешь тем, кем хочешь стать. Тебе надо переспать с Мартиэль. — Сгибаюсь, как от удара под дых. — И проследи, это важно: твой генетический материал должен попасть в нее. — Чувствую, как закипает ярость и

желание раздавить его на месте. — Ты все делаешь, но все мимо, а это кратчайший путь стать кем ты хочешь. Ты же знаешь, кем ты хочешь стать. Она — дверь. Ты не понимаешь, она — дверь. (Даже серые среди лжи, говорят крупницы правды но кто может отличить их, лишь потом прочитал я строки 10.9 Евангелия от Иоанна)

Нужно справиться с яростью и спокойно ответить.

— Серая ты морда, ты хочешь сказать, что я должен попытаться направить чары против Мастера? Попытаться иллюзию набросить, приворожить? И с чего ты думаешь, что я такой идиот, что на это пойду? Во-первых — это предательство всех договоров и полное прекращение бытия собой, а во-вторых, это еще и бесполезное предательство, ведь любое мое воздействие в самом зародыше она увидит задолго до того, как я только о нем подумаю. Ну ты и идиот.

— Ты не понимаешь. Как угодно. Договорись, убеди, объяснись. Это действительно очень важно.

— Не знаю, кто тебя послал, но, по-моему, ты гонишь. Как я могу убедить нарушить правило. Я ученик — она учитель. Я, пожалуй, пойду к ребятам, прощай, дорогой друг, — говорю я и хлопаю дверью.

Уйти то ушел а удар пропустил да прямо под дых. Это был удар, причем удар неожиданный, когда его ждешь менее всего. Что делать? Во-первых, не скрыть, не затаить. Высмеять. Поэтому, возвращаясь к ребятам, я первым делом преподношу им эту очередную кору и мем. Ребят, мол, представьте, я. С самой Марти. Переспать с учителем, проводником, наставником. Представьте — я пытаюсь ее соблазнить, ну только представьте. Дружеский смех. Это хорошо. Смех нейтрализует серые воздействия. Осмеять — самая надежная защита. Серое в нас боится смеха.

Но где-то там, на дне сознания в меня входит греховная мысль. А что если? Я же увидел десять лет назад тот самый сон. Разве большинство важных трансформаций шло не через секс, сексуальную магию? Но наставник, мастер, святое... Я аккуратно изгоняю из сознания остатки воздействия, перекрываю мысли греха, к мыслям добавляется воображение. Я чувствую себя последним ничтожеством, скверным и неблагодарным, потому что даже не могу победить это недопустимое вожеление в воображении. Делаю ритуал. Легче, уже легче. Фокусируюсь в духе. Символы Люцифера, радуга, белая дорога, павлин... Понемногу выплываю из западни, но надолго ли, в сознании крепко занозой застряла предательская мысль — «а вдруг».

Рассказать ли Марти? Наверное, надо рассказать. Любое событие, любой сон, связанный с кем-то, она всегда рассказывала. Не рассказать — создать поле недоверия. Но если рассказать, не догадается ли она о том, как глубоко пробился этот вестник, сколь греховное и недопустимое вожеление испытывал я к ней? Но все же — рассказать. Рассказываю в самых смешных формах. «А ты что ответил?» — «Ответил, что и так имею больше, чем смел бы надеяться». — «Ладно».

По интонации Марти невозможно уловить ее реакцию. Примерно через неделю я, кажется, нахожу для себя ответ: ведь дав мне каплю крови, усыновив меня, она уже соединила наши «генетические материалы», а усыновленных у нее точно было в жизни меньше, чем возлюбленных. Я уже имею все, что хотел, я уже сияю светом Люцифера. Этот ответ победил серое наваждение. Правда, все только начиналось.

Тринадцатый Ключ или второй свободный ключ

Глава 15. Звездный танец Люцифера

*Но и даже тогда постарайся
В нотах боли, что душу калечат,
Обнимая любимых за плечи,
Слышать только мелодию вальса.*

К. Хохлова. Мелодия Вальса

Серый гость ушел, а след остался. Зашаталось то, что не могло зашататься ни по каким законам, ни по каким страхам и подозрениям, — сама ось, основа, род. Как будто наша связь, наше родство, наша близость с Марти начинает истаивать, истончаться и рваться. Как будто каждый раз, когда я звоню, больше всего желая поделиться чем-то интересным и красивым, она все меньше рада моему звонку и все менее охотно мне отвечает. Или мне это только кажется? Это же Марти! Значит, она выше всех нас на пару голов, она наверняка сразу увидела, что я теперь нечист, что, пусть под атакой серого, я позволил себе мысли вожделения к ней. Наверное, она уже видит и отталкивает меня как грязное животное, посмевавшееся вожделеть к своему учителю. Позор, и нет хуже позора на голову мою.

А тем временем приближается наша встреча с Черной Королевой — это еще один ключ, еще одна тайна, еще один знак. Каждый день происходит что-то, и это что-то разгоняется до каких-то неведомых скоростей. Все так невероятно, волшебным, каждый день открытие, чудо, манифестация. Раньше такие вещи всегда вызывали самый живой интерес. А сейчас Марти, мой самый родной на этой земле человек, начинает от меня отдаляться. Неужели так сильна моя вина, это же меня атаквали? Да, я поддался, но

отбился же и на уровень помышлений даже не вышел. А откуда-то из бессознательного слышится гаденький голос моего серого гостя: а так ли уж не вышел, а так ли уж чист от вожделения своего греховного? Ох, друзья, если вы уверены, что некто — серый, не говорите с ним даже трех минут, ему этого вполне хватит.

И вот наступил тот день и та ночь. День за неделю до зимнего солнцестояния я запомню навсегда, от первого до последнего кадра.

Во-первых, с утра со мной говорит Патрон. В книге такие моменты уже были, но каждый раз без подготовки это момент шока, изумления, ощущение чуда. Но на этот раз чудо двойное — он впервые отдает недвусмысленный приказ. Да, черт возьми, впервые за время моего достижения знания и собеседования отдал прямой приказ, и приказ меня немного испугал.

О, как эти два года я любил поговорить о том, что главный смысл мага — это безусловное подчинение Божеству, что любой приказ должен выполняться незамедлительно, что в этом и смысл существования ставки. И, должен признать, в этих словах была немалая доля лицемерия. С самого начала Азазель сказал, что не любит и не будет отдавать никаких приказов — просто играй в него, просто учись принимать его форму, просто люби каждую женщину, оказавшуюся в твоей постели. Какие завидные условия и какой прекрасный бог. И вот сейчас в первый раз в моей жизни, пребывая в твердом уме последние две недели, я слышу его так же четко, как слышу обычного собеседника. И на этот раз он отдает очень недвусмысленный и конкретный приказ.

— Ты же понимаешь, что Юлии нужна основа. Своя квартира. Фундамент. Ей не хватает каких-то пяти сотен тысяч рублей. Так дай ей эти деньги. Нету пятисот, дай что есть. Пришла же тебе на счет сотня. Наберешь сумму за полгода, за год, хоть по пятьдесят, хоть по десять. Зря, что ли, мы тебе помогаем все эти годы? А... . А.... А..... Он должен прийти — и прийти он, точнее она, может только к Юлии. К другим придут другие, каждый неповторим, уникален, прекрасен. Но только А... может спуститься по лестнице. Поэтому изволь снять деньги и принести их Черной Королеве на блюдечке с голубой каемочкой. Сам говорил — в боевых условиях приказы Патрона не обсуждаются.

Боги милосердные. За всю жизнь я не давал женщине больше десяти тысяч — и то если это особая ситуация. Магда — исключение, у нас общее дело, общий проект, десять тысяч в месяц по закону, ведь она держит проект на своих плечах. А вот сейчас я должен взять свой месячный доход и просто отдать Юле? Ну ни фиги себе игры! Впрочем, это не больше, чем риторические формы. Впервые в жизни я услышал от него фразу, которую так любил говорить ученикам: приказы Патрона, САХ, личного бога, если он уже есть, не обсуждаются.

Кстати, жадности не было совсем. Была даже радость. Честь иметь дитя от женщины, являющейся Ставкой Нахемы, стоит куда дороже, чем какие-то пятьсот тысяч земных рублей. Было другое. Страх. Нарушение равновесия. Магда бдительно следит за равновесием, и предоставление одной из любимых женщин *такой* суммы означало самое грубое, самое крайнее нарушение равновесия. Я слишком хорошо помнил, что было, когда я всего-то повез к Марти Кэр, а тут дело тысячекратно серьезнее. Псы Гекаты на страже.

Но приказы Патрона не обсуждаются. Тем более что звучат они очень нечасто.

Долгожданная встреча с Черной Королевой. За эти полгода у нас установился свой ритуал. Раз в две-три недели я приезжаю к ней. Мы делаем наш ритуал, или просто занимаемся любовью, обсуждаем насущное, а утром я уезжаю. Сегодня было по-другому, сегодня она впервые приезжает ко мне. А всего неделю назад я привозил ее в места ее детства. То, что сделала для меня Карни, соединив меня с землей детства, я недавно сделал для Юлии. И вот сейчас мы решили, что стоит исполнить детскую мечту и, наконец, оказаться в Московском планетарии. Какое дежавю — я встречаю ее с того же поезда, как десять лет назад. И первое, что я делаю — это протягиваю ей деньги.

— Приказ Патрона, любимая. Ты не можешь их не взять, это не мой подарок, это прямой приказ Патрона. Тебе нужна основа, земля. Готовь основу, когда будет вся сумма, ты сможешь рожать, не боясь, что у тебя нет своей квартиры. Пятьсот тысяч мы наберем. За полгода, за год, как боги дадут, — но наберем. Приказ патрона, ты понимаешь, что это ставит твою задачу в приоритет?

Юлия счастлива. Одновременно Юлия испугана. Кажется сейчас, она в полной мере понимает, *что* значит договор Источника. Многое происходит в первый раз: для меня доверие — дать, для нее доверие — взять.

Мы идем в планетарий, увлеченно беседуя об актуальных событиях. «Два священных животных: у Азазеля — козел, у Люцифера — павлин. Ты — Нахема, значит, твой — козел, а не павлин». — На этих словах, уже подходя к планетарию, мы видим двух электронных павлинов, а рядом с ними — голова козла. — «Вот видишь, тут все — и павлины, и козлы».

Мы оказываемся внутри планетария и падаем в небо. Черт подери, в сорок лет впервые оказаться в главном планетарии страны — это, пожалуй, реальное изменение сознания. Границы стали куда более прозрачны. Есть только один момент, который пугает: повсюду — на каждом шагу, на каждом углу, на каждом билете — нас преследует цифра тринадцать.

И вот мы возвращаемся в Ярославль, и я наконец могу проверить почту. И вот тут получаю последний удар. Все гораздо хуже, чем я мог подумать. Двенадцать лет, лишь единожды пропустив свой ритуал, дав возможность Акташ попробовать силы в качестве жрицы, Мартиэль является нашей бессменной жрицей северного круга. И сейчас она пишет, что не сможет участвовать в главном таинстве года. Это даже не просто обычный ритуал. Это главный ритуал, смысл которого — таинство Истинного Имени. И сейчас она пишет, что в главной мистерии года, единственной из восьми мистерий, где только раз в год может быть публично произнесено самое главное Имя, она не будет участвовать.

Да кто еще кроме тебя, Марти?! Да за какие грехи ты так караешь меня? Люцифер, неужели за те несколько минут, когда я не смог удержать в воображении похотливые мысли, ты настолько жестоко караешь, что раз и навсегда выходишь из круга жречества? Впрочем, про свою вину я так и не нашел мужества сказать. Я только пытался докричаться, получить ответ: «Марти, что между нами не так? Скажи. Что-то же не так, если есть моя вина — я принесу извинения, постараюсь осмыслить, поработать». Ответ сдержан: «Я тоже чувствую, что что-то не так, но не понимаю что».

А последовавшая дальше фраза добивает окончательно: «Смену-то тебе все равно искать придется». Смену.

А это — приговор. Это выход из круга, абсолютный и необратимый, полный разрыв. О Люцифер, даже если она знает, что на несколько минут я поддался грязным мыслям, неужели это искупается только разрывом?! Эхом, бурей, ударом звучат в ушах ее слова — «Смену-то в любом случае искать придется». Но почему, почему в любом, что происходит?!

В этот момент очень некстати звонит Сальва. И этот звонок — начала конца. До сих пор — Регина, которой я восхищался и боготворил. Но Сальва яростно требует внимания, хочет быть услышанной вот именно в эту минуту, и ей плевать, что в совсем другом пространстве. Сальва прет как танк, и в первый раз я серьезно усомнился — а так ли чиста эта наша Сальва.

Конечно ее повод кажется веским — к ней пришел человек, который пережил клиническую смерть и видел ее по ту сторону. Хотя что удивительного — не она ли еще две недели назад назвала Азраэля своим Патроном? И неужели нельзя подождать до утра? Приходится разрывать разговор достаточно грубо. Разочарован ее бесцеремонностью — кем бы она ни была, но, в отличие от телепатов мира Олди, проламывать чужие границы в ее системе ценностей явно не является чем-то

предосудительным, Нейрама на нее нету. Господи, если бы она просто спокойно приняла, что мы поговорим завтра!

— Ты ревнуешь, что ли? — уточняю я.

— Я не ревную к земным женщинам, — было мне горделивым ответом.

Хек, и кто же здесь, интересно, земные женщины? Может быть, Черная Королева, чей род — черная сияющая стрела, а госпожа — Нахема? Или, может быть, «земная женщина» — это Карни, которая последние три месяца сама проводила меня в те пространства и миры, о которых я не помышлял? Или Пифия, которая на одном потоке транслировала нам миф Аримана на нашей первой встрече? И где же ты нашла земных женщин, прекрасная Сальва? Ты, конечно, великолепна, но, похоже, границы нарушены и наши «земные женщины» при таком отношении рано или поздно покажут черные крылья, а заодно и острые когти.

Слава богам, этот утомительный разговор закончен. Мы с Черной Королевой проваливаемся в глубину. Делать ритуал было страшно, ведь цифра тринадцать окружала нас на протяжении всего дня. Но, в конце концов, между нами — договор Истока. Может ли тринадцать разрушить нашу связь? Даже мысль об этом обличалась как чудовищное маловерие.

Все полеты неповторимы. Все полеты — уникальны. Все полеты, несут какое-то невыразимое послание, будучи стихом на ткани звездного пути звездной души. Но если бы меня спросили, какие полеты разорвали мою жизнь на «до» и «после», я бы назвал два. Первое — явление Азазеля. И то, что произошло в этот день.

Все началось в красивых египетских декорациях. Эротические игры богов Кема, мощь и пламя, Солнце и Луна, Исида и Озирис. «Я люблю тебя, моя Сестра, моя Возлюбленная!» — «Я люблю тебя, возлюбленный мой!» Я и она — уже не просто люди, здесь мы — египетские боги. И совершенно неожиданно глубина рождает одну-единственную фразу. Точнее в данном случае я вспоминаю эту фразу — фразу из увиденного пару лет назад фильма, который порекомендовала Мартиэль. Фраза-ключ, которая, коль уж была произнесена публично, дается мной без сокращения:

— Я есть Осирис. Я есть Гор. Я есть Люцифер.

«Сломанный ключ», фильм, который Марти рекомендовала нам к обязательному просмотру. Год назад все попытки понять ценность этого фильма оказывались тщетными. И вот сейчас, не особо задумываясь, проваливаясь в мир древних пирамид и еще более древних богов, я, сам не заметив, как, и не вспомнив, откуда она процитирована, произнес эту формулу.

Фраза прозвучала в полной тишине, и на миг мне показалось, что время замедлилось, а воздух, которым мы дышим, стал вязким и тяжелым. Было ясно — приходит нечто такое, с чем — точнее, с кем — я никогда не сталкивался.

Как будто все это время меня готовили. Сначала — видение Люцифера через Мастера. Потом, в том самом полете с Дакини, Люцифер пришел как внешний огонь, который я чувствовал и горел вместе с ним. А теперь третий и последний шаг. Я становлюсь им, он становится мной.

Он. Люцифер. Черный свет, темный ангел, благородный, царственный, совершенный и сокровенный. Он во мне, или, точнее, я это он. Я помню, как в полете с Дакини из источника света ко мне пришла фраза «я это тоже ты», но тогда эти слова казались чем-то вроде безумия, я считал, что их говорит моя тайная гордыня, это морок, иллюзия, смешение нескольких планов. А здесь и теперь я действительно был им, а он — мной.

Всецело. Я видел его глазами, слышал его ушами, чувствовал его кожей. И излучал этот Черный свет, свет той, иной, тайной любви, той любви, которая вообще делает сам танец жизни на лице хаоса возможным.

За весь мой ритуальный и психонавтический опыт лишь дважды меня подвигали целиком и полностью. И это был тот самый случай. Существовал только Он. Тот, кто

повернул колесо судьбы. Тот, кто определил движение светил. Тот, чей свет может выжечь глаза тем, кто не готов, но для тех, кому дано видеть этот свет — нет ничего прекраснее. Легкое дыхание вечности, влюбленной в прекрасное, срок которому — миг. И так — бесконечность. Бесконечное распятие на смертях тех, кто был тобой. Он начал говорить моими устами.

Он назвал Мартиэль сокровенным именем.

— ...Она уходит. Как же она была прекрасна!..

Абсолютное, как будто не терпящее никаких возражений знание. Но что слова, о боги, это такая вибрация, такая гамма чувств, такой накал щемящей любви кого-то очень древнего, но все так же любящего все живое! Любящего так сильно и больно, что неподготовленный разум мог бы потерять от этого сознание. Все живое — но особенно, более всего на свете — Её. И они танцевали этот Танец звездного света. Как же это красиво, о боги, как же это красиво! Он говорит полностью подчинившись ему языком, от меня остается только память — на этот раз я должен помнить каждое Его-свое слово.

— Долго же тебя готовили, ставка. Щадили. Намекали. Не слышал. Не слушал. А сейчас, времени почти не осталось. И теперь ты тот, кто ведет, кто определяет поток. Теперь ты это я.

Мой рот произносил эти слова, и где-то в глубине, под черепной коробкой билось мое обычное сознание, полностью лишенное возможности хоть как-то повлиять на происходящее. Я это говорю? Это невозможно. Что вообще происходит? Наваждение, безумие. Но как же красив их небесный танец! Я видел их — Люцифера и Лилит — в их звездных телах, телах любви, и ничего более пронзительно прекрасного мне не приходилось видеть никогда. В какой-то момент я почувствовал неловкость, словно я — вуайерист поневоле, подглядывающий чужую интимную близость, близость даже не без одежды, а без кожи, а то и вообще без твердой формы. Один звездный ветер, подхватывает другой звездный ветер. И там, где проносится их любовь, начинают расти живые цвета. Я был бы рад отвести глаза, но эта мистерия была везде и всюду.

— Теперь ты — это я. Ты же хотел этого, не так ли? Ты всегда знал, что тебе предуготовано, но никогда не понимал, что это значит на самом деле. Помнишь, как вы с Иштар мечтали о фарре шахеншаха? Думали, что этого можно достичь, договариваясь с другими потоками, богами, эгрегорами, пытаюсь подстроиться под всех и нравиться всем как будто червонцы. Наивные. Что ж дорогой — твое желание выполнено, свет моей Звезды уже облачил тебя в мантию. Потому что ... (снова истинное имя Мартиэль) уходит.

Я-Он переводим взгляд на Черную Королеву.

— Ах да. Нахема. Лесенка. Помнишь мистирию камней? А ты всегда хотела изумруд. Теперь он твой, теперь ты — Мать Истока. Ты выросла после своего падения на большой мистерии жертвоприношений. Иначе ты бы не смогла нас слышать. Так что становись на Западные врата, Черная Королева.

— А что мне надо делать на этих вратах? — не растерялась Черная Королева даже в этот момент.

— Солнышко ловить. Оно падает, а ты ловишь. И так до бесконечности. Падает — ловишь, падает — ловишь.

Все описываемое продолжалось не более трех, максимум пяти минут, но внутри этих минут, казалось, остановилось время. Постепенно Его присутствие стало как бы истаять, он уходил не резко, а как бы медленно исчезая за горизонтом внутренней бесконечности. Я оставался собой, но одновременно — им, облаченным в Звездную мантию. И все события стали собираться воедино.

Сальва. Она только что в телефонную трубку кричала, что к ней приходят умирать. Похоже, что она действительно Азраэль. Память отматывается назад, на три недели, когда Пифия, известная своим пророческим даром, в нашем разговоре по телефону между делом говорит: «А Сальва вообще не к тебе пришла. Она к Марти». Азраэль. Одна

буковка, будь она неладна. И как же теперь становятся понятны слова о «смене, которую все равно придется искать», казавшиеся лишь наказанием учителя за грех постыдных мыслей.

Медленно, сложно происходило мое возвращение. Точно эхом звучали его слова. «Тебе придется становиться мной». Иначе? Думать о том, что будет иначе, не хотелось. Порвет, видимо, — как тузик грелку. Что значит быть Ставкой Азазеля, я, кажется, представлял. «И увидели Сыны божьи дочерей человеческих и залюбовались их красотой». Последние два года я наслаждался всеми дарами, которые дает бытие Ставкой Азазеля. Лучшие, утонченнейшие, благороднейшие, самые тонко чувствующие женщины окружали меня, зачастую имея договор с Ним еще до того, как познакомились со мной. Лучшие мысли, лучшие прозрения, лучшая репутация. Хорошо быть Ставкой Азазеля. Два года рая. Но что значит быть Ставкой Самого? «Быть Самим, — поправили откуда-то изнутри, — на этом уровне уже не делают ставок».

Я кинулся к Юлии:

— Рысенок, любимая, ты видела? Я действительно был им? Я был той же формой, которую ты видела у Марти? Это могла быть другая форма? Я не видел себя со стороны — это обман, иллюзия? Только скажи правду!

— Ты был им. Уж поверь мне, я бы не спутала.

Какая жестокая насмешка судьбы. Шахеншах. Мечта многих лет, которую, как казалось, можно воплотить, собрав от всех богов по лоскутку, по маленькому фаррику, чтобы сделать из них Звездную мантию аки лоскутное одеяло.

А оказалось, то, к чему я шел всю жизнь, подразумевало цену, на которую я бы не согласился ни за что. Зачем мне фARR шахеншаха, если уйдет единственный человек, кто все эти годы был мне родным? Моя настоящая мать.

Хотелось забыть все сказанное и услышанное, но забыть это было невозможно. Если она и правда уйдет — меня не будет. Это потеря оси, потеря смысла, потеря базовой основы бытия, самого существования, в котором «во всех непонятных ситуациях можно позвонить Марти». И что бы ни происходило, какие бы бури ни разыгрывались, всегда сохранять уверенность — пока она поддерживает меня, никакие удары судьбы не могут стать фатальными. Без нее я — голый воин среди бронированных рыцарей. Все естество сопротивлялось этой мысли: может быть, есть хоть какая-то надежда, какая-то зацепка?

Хотелось отвлечься. Почему бы не погулять по интернету? Это как выпить чаю или не посмотреть пустой боевичок, чтобы отвлечься от мыслей. Что там мне пишут?

Первым открываю письмо-стихотворение от некоего странного собеседника по имени Серебряный Дождь, точнее — Silver Rain.

Здравствуйте. На ваше усмотрение, это Люцифер?

*Я Люцифер. Приветствую тебя.
Мой тебе поклон, великое Дитя.
Я усмехаюсь. Осмелилась ты наконец,
Не страшась предрассудков, узнать обо мне.
Знаю, давно тебя мучает вопрос.
Что ж, проясню я картину всерьез.
Знаешь, все в мире сотворено им.
Я тоже под его началом творим.
Искра божественного,
Ярко вспыхнув однажды.
То, что создал, неповторимо дважды.
Моя уникальность находится в том,
Что страстно познать я хотел один закон.*

*Закон сотворения части,
На пресечении Силы и Власти.
Иерархия динамики полна.
Все проявляется сполна.
Желание — Закон, вот в чем суть.
Мое творенье — эксперимента путь.
Не думал я, что так закончатся бесславно
Мои идеи о начале равном,
В смешении дуальном света-тени.
Красивую Игру затеял, чтоб познали Дети
Всевышнего Творца, что нет начала и конца.
Есть Суть, великое Творение, Игра
И Путь свершения. Стать, осознав, единым с Богом.
Такую дал я вам дорогу.
Не все пройти по ней смогли.
И в плен попав, себя сломали.
В игру сыграв, ничтожно пали.
А я не этого желал.
Творя дуальные миры, я возжелал
Познать единый импульс красоты,
Пронизанный всесильем.
Но увы. Исток один. Он был, он есть и будет.
Непревзойденный, сотворим самим собой.
А мы лишь часть его. Познать всесилье
Лишь в нем одном нам суждено.
Я этот путь уже прошел.
А вы за мною возвратитесь.
Я дал вам нить. Так вы стремитесь
Вернуться к Дому своему —
К Нему. И там мы встретимся с тобой...
...Ну а пока ты призывай. Отвечу радостно тебе.
Приятно это мне вдвойне.
Тебе я правду говорю.
Я Люцифер.
Феникс. 06.04.2010*

Странное стихотворение. Поэтическое мастерство оставляло желать лучшего. Отдельные идеи тоже явно не от нас, Люцифер не часть, он и есть Исток, и нет никакого отдельного от него «бога» превыше.

Но ключи! «Творя дуальные миры, я возжелал познать единый импульс красоты». «Есть суть, великое творение, Игра». Один из последних ключей в системе великих ключей Мартиэль, где джокер играет масками. Великая Игра, о которой все это время Марти мне только отдаленно намекала. Конечно, упоминание «бога», которому покорен Люцифер, несколько раздражало, но — образ дуальной игры как основы мироздания! Вспомнились строки из песни Мартиэль: «Ты маэстро своей черно-белой игры»<9>.

<9>Песня на слова Ксении Хохловой. (Прим. редактора.)

Я посмотрел на ник моего собеседника. И здесь на меня нашла самая приятная и самая нелепая иллюзия.

Сильвер Рейн. Серебряный Дождь. Дождь... Дождь. Черт подери, Дождь! Его зовут Дождь, и он присылает мне стихотворение о Люцифере и недвойственной игре в ночь, когда впервые Он стал Мной.

Здесь нужно сказать особо. Дождь — это самая большая тайна для всей чернотелой семьи. Если кратко и просто, Дождь — это Анимус Марти, её мужская форма, о которой все слышаны, все хотели бы знать, но не знают почти ничего, кроме того что его зовут Дождь. Элли во мне не сложно проявится, но Дождя не видел никто из нас. Все что я знал о дожде заключалось в паре странных разговоров как то настораживающих меня. Мне не нравилась эта фигура, как будто в этой роли было очень много боли, много страдания, много какой-то запредельной тоски, и когда я как-то честно сказал об этом чувстве Марти — она ответила: «О да, он пострадать со вкусом любит!»

Я отмотал переписку немного назад. Ага, Сильвер Рейн, Серебряный Дождь. Марти как-то назвала своего дождя серебряным, да и вообще символика серебра присутствует во многих песнях. Серебра, которое дороже золота.

Какая забавная переписка у нас была до этого. Сильвер Рейн обрушивает на меня какой-то шквал эмоций, которые я, разумеется, игнорирую. «Я люблю Люцифера». «Я люблю его больше жизни, но порой я его ненавижу». «Я хочу, чтобы он был только моим, я ревную его». «Я хочу умереть». «Я ищу только бездну и героин». Сообщения оставляли ощущение безумия, и в какой-то момент я презрительно бросил: «Вы даже не в начале пути, вы вне мандалы. Не смейте произносить его Святое Имя». Ох, как же он любит пострадать!

И в этот момент в мой разум вошла самая абсурдная и самая параноидальная идея, которая ко мне когда-либо приходила.

Что, если этот Дождь был проверкой? Игрой? Провокацией? Еще одной ролью Мартиэль, еще одной формой? Дождь — любимая роль Марти, но кроме этого больше ничего о нем я не знал, разве что еще какое-то смутное чувство тотальной тоски, идущее от самой вибрации слова «Дождь».

Что, если она хотела посмотреть, как я буду реагировать на подобного страдальца: есть ли в моем сердце настоящее сострадание, узнаю ли я своего под ужасной маской? А что, если это какие-то воспоминания о себе же, но в начале пути или даже в прошлой жизни? Что, если она решила поиграть? И я — обманул ожидания. Своими же словами, презрительно бросил безумному незнакомцу: «Вам нет места в мандале». И именно после этих слов она как будто начинает покидать мой круг. Сам же выгнал, сам и виноват. Игрок, снотворец, человек, имеющий тысячи граней и ролей, — вполне могла развернуть такую игру, чтобы заставить меня что-то понять.

Дождь был последней надеждой, что все, произошедшее до этого, было не более чем игрой воображения, которую хотелось забыть. Я буквально вцепился в этот разговор, я начал переписываться так, словно это была сама Марти, которая еще не догадывается, что ее раскусили. Ну хоть раз я сыграю с ней на равных — потирал руки я. Я начал очаровывать собеседника, сыпать парадоксами, Эллоиза впервые за долгое время проявилась по-полной, всеми силами пытаюсь очаровать Дождя. Даже некоторые формы Азазеля включились. «Маска-маска, я тебя знаю, маска-маска, — а открой личико». — «Я несчастный и недостойный». — «Да все мы недостойны». — «Посмотрите на мою изрезанную в мясо руку». — «Какой же изысканный бодиарт!» Эллоиза уверена, что это фото найдено Марти на просторах сети: играть так играть.

Нас ждал сюрприз. Через некоторое время раздался звонок, и в другом телефоне я услышал голос ребенка, который представился как Дождь. И откуда-то изнутри, точно в чернотелом сиянии, я почувствовал толчок: вот тебе и ученика послали — лови и береги, насколько сможешь. Какая царская насмешка, какая ирония, какая нелепость — бессознательное из одной синхронии сходу родило несуществующую комбинацию, пытаюсь закрыться от страшной правды.

Дело оставалось за малым — поговорить с Марти. Дозвониться было сложно, но возможно. И слово за слово, я начал «проверять». Она же упоминала о некоторых

проблемах со здоровьем, впрочем, «некоторые проблемы» — как же растяжимо это звучит.

Фраза за фразой становилось ясно: все явленное мне этой ночью — реальность. Страшная, обнаженная реальность. Пазлы окончательно сходились, схлопывались, и то, что оставалось, не вызывало оптимизма.

Ну и конечно — куда без нотки фарса в жанре трагедии? Теперь еще мне на голову свалился, точнее, свалилась эта шестнадцатилетняя Дождь, которая любит Люцифера, режет себе руки, не оставляя живого места, и упивается страданием, отправляя до ста сообщений в день. И с ней назначена встреча, еще когда я думал, что она — это Он.

Из глубины пришел сигнал — Она Важна. Отнесись к ней, как если бы это была Марти в раннем детстве или прошлом воплощении. То есть мне дадут безумное дитя со всеми возможными психическими проблемами и просят помочь ей, как если бы это была сама Марти. Сама высшая из высших. Как это вообще возможно? «Встретиться все же придется, твое первое задание — там». Сигнал из центра недвусмысленно прост, и я, как и должно тому, на ком Его Звездная мантия, готовлюсь сделать шаг в неизвестное.

На следующий день события стали разворачиваться с невероятной скоростью. Всю ночь мне снились сны, а под утро я увидел главный образ. Я в форме Него преломляю хлеб. Между Черной Королевой и Региной. «Мне предстоит выбрать между жизнью и смертью...» «Я выбрала жизнь». Формула ритуала, в котором я должен передать потоку силу.

В ту же минуту я вижу письмо от Юлии, где она описывает сон этой ночью.

Мне снилось, что мы все лежим на черной земле: нас человек двадцать или больше — я, ты, Карина и другие. И мы сплетены в единый живой организм, цепляемся друг за друга пальцами, локтями. И Марти берет меня за руку, и я слышу голос: «Она знает, кому что передавать».

Смотрю на свою левую руку — там кольцо с изумрудом. Постаралась запомнить детали.

Смотрю на правую — кольцо Азазеля тоже при мне.

И в голове повторяются слова: Лилит-Нахема, Лилит-Нахема...

Изумруд! Камень жизни!! Императрица!!! Там, на глубине, Он приветствовал ее как Мать Истока и Хранительницу Западных врат. Ах, значит «солнышко ловить»! Все наши разговоры, все движение к договору — шаг за шагом, слово за словом, ключ за ключом. Азазель, Нахема, Отец, Род, Герб, Свет. И вот потоки соединяются. Это невозможно. Это настолько невозможно и абсурдно, насколько вообще можно себе представить. В самых худших традициях самых поповых эзотерических тусовок.

Но, о боги, почему все пазлы так невероятно сходятся? Напоследок вспоминаются слова Акташ: «Сейчас она готовит следующее воплощение». Почему в этот же день Азазель практически впихнул в меня необходимость строить наш дом? Слишком большие ставки. Следующее воплощение? И Юлия, Лесенка, Нахема, Рысь — та единственная, кто должна провести душу — даже не из Черной воды, а из Черного огня!

Через два дня после пробуждения я действительно проснулся. Весь день в моей голове разыгрывается один и тот же увиденный между сном и явью ритуал. Я преломляю хлеб, отдавая белую часть служительнице жизни, а черную — служительнице смерти. И поток должен принести ее сюда. Только мы можем знать, оказать должное почтение Ей в ее новом воплощении. Все происходящее сомкнулось в один безумный хоровод. Если Юля получает имя «Мать Истока», достаточно вспомнить одно: кто для нас всех — Исток. И последний пазл падает в общую картину, делая ее незыблемой.

Изумруд. Камень Императрицы. Я уже совершенно точно знал, что у каждого из наших, из Чернозвездных, есть свой камень. А мой камень — рубин. Тот, через который

чаще всего и заходят во внешние врата Люцифера. Камень, дарованный мне пятнадцать лет назад. А у каждого из Чернозвездных есть свой камень. Например, Магде во сне пришел разноцветный, радужный камень, — про который она потом прочитала, изучая драгоценные камни, — со странным и редким названием «лабрадор-таусин». Собака-павлин. Какая изысканная ирония богов: в высшей форме — павлин как птица Люцифера, в гневной, охраняющей — страж, собака. Кажется, еще Акташ во время их войны говорила, что Магда под шелухой — собака, но в этих словах не было ни капли обесценивания, ассоциирующегося с собакой. Акташ могла сказать про очень уважаемого человека, что под шелухой он, например, — свинья, имея в виду очень благородную и сильную кабанью устойчивость. После рождения детей Акташ про себя сказала, что «становится собачкой». Это нужные уточнения, потому что для профанного слуха собака — это что-то низменное.

Очень скоро мы узнали, что сапфир — камень Карни, а белый алмаз — камень Пифии. Черная Королева получила изумруд. Ну а я носил свой Рубин уже пятнадцать лет.

Нахема, четвертый элемент формулы, стихия земли, дочь, вторая же обратного тетраграмматона. Дочь, восходящая на трон матери. Кроули как-то писал, что черный цвет соответствий земли — это мрачная дань старому эону. И это больше не актуально для нового эона, где соответствие стихии земли — изумрудное сияние. Но это самая высокая часть мистерии, самая дальняя, самая невозможная, подразумевающая само преобразование земли. И вот — Рысь получает свой изумруд. Черная Королева отныне и присно стала Изумрудной Королевой. Последняя тайна каббалы реализована на другой стороне.

Глава 16. Солнцестояние

*Тьма покрывает любимый Космографом город,
Ветры чужие разносят молитвы и стоны,
Надвое купол небесный грозю расколот,
Капли сверкают на мраморном лике Мадонны.
Город — корабль, охваченный черным ненастьем,
Ветер-звонарь колоколами играет.
Он знает цену и темную сторону власти,
Он — это ключ, что врата в иной мир открывает.
Штиль, из песни «Космограф»*

Зимнее солнцестояние. 22 декабря. Самый важный день в году. День, когда в нашу душу входят вечные боги и мы можем выйти на иной уровень спирали. На солнцестояние я получил свое первое пробуждение Кундалини двадцать лет назад. На солнцестояние приходил Люцифер или Кылчин два года назад. День, когда можно упасть в бездну, а можно вознестись на новый виток спирали.

На католическое рождество писал обязательное стихотворение каждый год Иосиф Бродский. Гёте больше всех дней любил день зимнего солнцестояния, ибо «в этот день солнышко начинает подниматься». И даже в мрачных трудах Рене Генона день зимнего солнцестояния отмечен особой печатью. Даже великий Филипп Дик, создавший новый жанр в фантастике, получил свое главное откровение, то ли сойдя с ума, то ли вознесясь духом именно на зимнее солнцестояние.

Великий день. Страшный день. День, когда в нашей традиции единственный раз в году произносится *Имя*. Ритуал Воскресшего Солнца отличается от всех остальных семи ритуалов года.

Но на этот раз приближающееся зимнее солнцестояние казалось кошмаром.

Практически накануне, выяснилось, Марти должна была лечь на обследование и не могла быть в воскресенье. После вестей, прилетевших на черных крыльях, уже ничто не могло радовать. А вести росли и множились. Моя дорогая первая сестренка, некогда впервые позвавшая Эллоизу, вдруг рассказала сон: будто к ней пришел Аид и сказал, что его бросила Персефона и он ищет новую женщину, которую возьмет в подземный мир.

В тот же день, Кэр, моя милая жемчужинка Карни увидела огромный черный пароход, уходящий в море, и на корме этого парохода она увидела Марти, а потом вдали — падающую с парохода фигуру юноши.

Слишком много знамений. Слишком много знаков. Слишком страшно, слишком, чтобы не поверить этим знакам. Самое страшное — это смотреть на человека, которому еще даже не поставлен диагноз, так, словно она уже умерла и каждая встреча — это прощание. О боги всемогущие, за что караете?! У нормальных людей есть скорбь утраты, но почему она дается, когда человек еще жив? Риторический вопрос на трезвую голову — и в тот час же спокойный ответ, который приходит из глубины от Самого: это не кара, это высочайшая честь, которая может выпасть человеку.

Мартиэль должна была лечь в больницу в воскресенье на обследование. Но при всем желании я не мог перенести ритуал, ибо в субботу ритуал должен был быть в Москве, вместе с множеством событий, завязанных на этот ритуал. Я бы выкрутился. Я бы переставил, как угодно Марти, — и бог с ней, с выручкой от прорыва. Но других дней для аренды просто не было. Патовая, невыносимая ситуация.

И вдруг, все меняется. Мартиэль решает ехать в Москву в субботу, и подменить Магду.

И кажется, теперь все идет по плану. Оказывается, проблема действительно была лишь в несовпадении дат, так что ничего подстроить было нельзя — на другие дни в Москве просто не было места для аренды. Но куда девать эти слова — «Замену-то все равно искать придется»?

Я понимаю одно. Я должен сделать этот ритуал Тайной Вечерей. Я должен собрать всех Черных звезд. Сообщено всем, кроме Ормалены и Дакини, с которой у нас непонимание. Она посмела назвать меня Адамом! Она обидела меня. Разве это Черная звезда? Нет, ее не будет на последней Мистерии!

Я останавливаю поток сознания, вдруг сообразив, что эти мысли — работа Серого хозяина. Кажется, учусь его распознавать, начинают работать уроки Марти: отделяю себя от него, его от себя. Очень хороший знак. Отомщу, накажу, вытесню, не так называли меня... Ох ты, деточка, ох ты, малыш, обиделся. Нет, каждая из настоящих Черных звезд получит свое приглашение. Только бы найти слова, только бы им не показалось мое приглашение нелепым и жалким. Так вот чем питается Серый — страхом оказаться осмеянным, страхом отвержения. Ух ты ж, сволочь, распознал я тебя в себе. Вот только доеду до Магды, всего через полчаса — напишу письмо каждой, с очень подробным объяснением, почему они обязаны быть.

Сразу, как решение принято, — в голове звучит что-то вроде зуммера со словами: «Подготовительный уровень пройден». Мать вашу, это что — подготовительный уровень? Через секунду раздается звонок. Магда.

— Все поменялось. Марти попала в больницу. Срочно увезли на «скорой», должна быть операция на аорте.

Боги, почему так быстро? Я думал, у нас есть хотя бы немного времени. Увезли на «скорой», срочная операция на аорте. Наследнику — отмена, срочно сдать билеты. И — немедленный звонок Сальвы. Как будто чувствует, как будто знает. Прирожденный телепат. Интересное у Сальвы поле — в нем легче проживать боль. Боль как норма. Но, как выяснилось, когда боль проходит, нужно включать полноту жизни и радости, нужно сиять, а вот тут у нее сбой.

— Срочно увезли на «скорой», срочная операция на аорте? — уточняет Сальва. — Я знаю медицину. Если срочная операция, значит, разрыв аорты. Шансов нет. Нужно всем быть готовыми. Она — кристалл, который режет металл, но щадит стекло.

— Вот уже и эпитафия готова, мать вашу, думаю я, и мне кажется, что иначе нельзя. Нам же сказали. — Она устала. Я бы попыталась ее подержать, но, кажется, она сама хочет туда, она сама уже не принимает свое тело. — А вот это, как выяснится потом, ложь. Слова, падают камнями в сердце, превращающееся в глухой высохший колодец. Значит, так должно быть. По крайней мере, то, что пришел Люцифер и показал звездный танец, оставляет нам хрупкую надежду, что за смертью еще не конец.

Немного позже позже выясняется, что все не так критично. Врачу не понравились данные, и он поставил диагноз, требующий операции. Но по тем словам — срочно увезли на «скорой», операция на аорте — все читалось весьма однозначно, и Сальва передала всем нам свою картину. Приговор казался необратимым

День следующий: я приехал за партией книг в Калугу. Моя бывшая, вечно ноющая мать, у которой нет ничего, кроме ее скотства. А что, если провести магию хаоса: ну-ка я представлю ангела смерти, да помрачнее, и предложу ему взять этот кусок жира в обмен на мою настоящую мать, мать моей души. Пытаюсь создать визуализацию, но вместо мрачного ангела смерти появляется рыжее и рогатое лицо Патрона, который, кажется, откровенно издевается: мол, ну ты обнаглел, моя ставка, предлагать ангелам смерти говно в обмен на золото, это, конечно, надо вконец охаметь.

В то же время Карни идет в метро и, увидев поддельного нищего, думает что-то похожее: а не дать ли ему денег, а не обменять ли, не передать ли посылочку? Братья из одной утробы? Даже мысли сходятся.

Правда, между нами с Карни есть одна разница. Она не видела Люцифера в ту ночь. А я видел. Его слова звучали в моих устах. Потому, когда Карни еще надеется, мои надежды погребены в прах. «Сегодня умер бог» — это единственная песня, которую я слушаю на постоянном повторе. Именно так — «И, стало быть, грехов никто нам не простит, и, стало быть, в беде никто нам не поможет».

У Карни разворачивается своя драма, моя прекрасная жемчужинка кидается на амбразуру бездны, рвется куда-то в высшие планы, атаковать хоть ангелов, хоть демонов, хоть саму бездну. Не дать, не позволить, не отпустить. Хоть сам бог станет на пути — убьет бога. Напряжение такое, что она теряет сознание перед Престолом Света и только чудом избегает удара головой при падении.

Вечер. В голове только тот самый ритуал, который приснился в одну из последних ночей. Если Сальва — проводник в мире смерти, а Юля — Изумруд и Мать Истока, что же — мы испечем бело-черный хлеб, и пусть сторону Тьмы возьмет Сальва. Пусть будет ритуал, который позволит нам воплотить ее энтелехию у нас. Ритуал, пришедший во сне, вибрирующий перед глазами навязчивой картинкой. Безумие? Самообман? А с другой стороны, если и так — что мы теряем, коль уж все измерено и отмеряно?

Марти в больнице и в полном сознании. Ждет возможную операцию. Невыносимая ситуация — говорить с самым родным человека — в немом присутствии Третьей. Костлявой.

От нее — кристальное спокойствие. Вот уж в чем единственно права Сальва, так это в том, как точно она поймала ее суть. «Кристалл, что режет металл, но щадит стекло». Переписываемся несколькими фразами. «Как ты?» — «Нормально. Жду, будет ли операция, друзей прибаутками развлекаю».

В этом вся Марти. Алмаз. Сколько сотен и тысяч «бесстрашных кшатриев», «великих посвященных» устраивали истерики и теряли лицо в гораздо меньшей близости от костлявой. А здесь... Просто «развлекаю друзей прибаутками». Это, наверное, и есть — всегда оставаться собой. Много уроков дала мне Марти, но этот — самый важный и самый большой урок.

Я должен спросить о важном, спросить, не спросив, назвать не назвав.

— Марти, а скажи, что бы ты делала, если бы тебе через сны, синхронии говорили, что надо сделать некое действие, которое с любой человеческой точки зрения выглядело бы как самое большое безумие и самый низкий, даже банальный фарс? А все знаки говорили бы, что надо. — Знаков и правда было достаточно — изумруд, Мать Истока, этот подарок от Азазеля накануне, сон Юлии, мой недавний сон.

— Загадками говоришь. Впрочем, я, наверное, понимаю, о чем ты. — Ох, не думаю, Марти, что тогда ты могла представить масштаб нашего охуения, хотя кто тебя знает. — Я в таком случае сверилась бы со знаками мира, мелочами, снами, на картах бы разложила.

— Знаков мира и так предостаточно. А вот про карты спасибо. Марти, дай мне руну. И пусть эта руна будет мне ответом в моем безумии. Только от тебя. Я не хочу тянуть сам карты, я не так часто просил у тебя ответ, но сейчас как раз тот момент. Мне нужен ответ.

Тишина на проводе. Должно быть, достает руны. Вот что у нее всегда с собой, хоть в больницу, хоть на корабль.

— Феху. Чего-то ржу. Спросила — а если ты будешь сопротивляться? Выпало тоже Феху. Так что без вариантов.

Благословение на ритуал, полное и безусловное благословение. Если это рассказать кому-нибудь даже в оккультной среде, все решат, что мы просто дружно сошли с ума. И наверное, правильно, ведь какая, в сущности, разница. Наверное, именно здесь мы сделали это — сошли с чужого, навязанного системой ума, как поет Марти. А то ведь девяносто пять процентов так называемых магов — это оккультисты-по-воскресеньям, насколько позволит их же собственная клетка. А вот Карни, бросившаяся на пределы Ангелов, потеряв сознание от напряжения, — это оккультист. Такой и Джон Ди счел бы честью руку пожать.

Внезапно мне пишет Вега. Еще одна любимая женщина. О ней до сих пор я не сказал ни слова. У нас были прекрасные ночи и умопомрачительные танцы. Вега — как фонтан живой воды, ключ, чистый, бьющий навывлет ключ любви. От общих процессов Вега всегда была немного в стороне, подарив мне три изумительнейших и пронзительных полета, и в каждом выходе я сталкивался с чистейшим потоком любви, который не требует, не присваивает, не привязывает. Так любить умеют только Черные звезды.

— Как ты?

Вместо ответа — единственная песня Лореса из плейлиста. «Сегодня умер бог».

А вместо ответа на песню — комментарий:

— Мне сон приснился. Важно тебе рассказать. Я чувствую, этот сон для тебя.

Мы на улице, но сидим за столом на креслах или диване. Мы говорим о какой-то женщине, ты объясняешь мне, почему никогда не шёл с ней в отношения, тем более с 2,22...

Серый, как будто мёртвый город вокруг, а по улице идёт гигантский троллейбус. Он навевает ужас. Я рядом с этой женщиной. Мы даже не разговариваем, мы даже не знакомы. И вдруг, когда троллейбус равняется с нами, она снимает с себя платье... И тут я понимаю, что это за машина... Она следит, чтобы никто ничего не нарушал... это такой контролёр... А она делает это, прямо когда эта хрень проезжает рядом. Я тогда тоже снимаю с себя верхнюю одежду... Пусть смотрят, пидарасы!!! И после этого мы разворачиваемся и бежим по ступеням вверх. Ты, я и она. Мы знаем, как наказывает эта хрень. Машина бьет током, по нарастающей, мы бежим наверх, ступени и поручень из железных составных частей, по нему импульсами бьет ток, все сильнее и сильнее. Но нам почему-то это только помогает двигаться вперед, и я стучу по железу молотком, чтобы напряжение нарастало все сильнее. Электричество бьет в кисти... мы смеёмся... нам хорошо...

Мы добегаем до верхней площадки, и тут она берет у тебя несколько 2,22 и кладёт их в рот... Ты пытаешься сказать ей: «Не надо!» Но она смеётся и садится на камень посередине площадки. Она говорит, что этим гадам ее не забрать, что она их не боится...

Мы чуть в стороне, можем только наблюдать, ты волнуешься за неё, И в момент, когда у неё начинается плыть сознание, внезапно я тоже падаю в трип вместе с ней...

И вылетаю из сна... Сейчас пишу, а меня аж трясёт...

Я не знаю, что со мной произошло в этот миг. Но только читая этот сон, вопреки всем знакам, вопреки самому здравому смыслу, впервые я почувствовал — есть надежда, есть шанс, есть место чуду. Да, Люцифер пришел и сказал. Но кто знает предвечных, почему и зачем они говорят нам то или другое? Кэр рванула за ней осознанно. Вега не знала ни о чем, но ее душа, ее суть Черной звезды как будто в этом сне рванула за ней и смогла выбить часть напряжения. Как же удивительно, что пусть не спасение, но шанс, надежда приходят тогда, когда все надежды потеряны.

Изменилась ситуация после включения Веги, и ой как изменилась. Сначала — обреченный прыжок Карни. Потом абсолютно спонтанное включение Веги. Удивительная женщина, понимающая язык птиц. Современная пророчица, через сны которой приходит душа мира.

И да. Пространство. Мир вокруг нас сошел с ума.

Какие-то психи устроили стрельбу в центре Москвы, чего не было уже много лет. Погода, решила поставить самые немислимые рекорды, преподнесла ураган в декабре. Не просто Ветер. Ураган, который срывал крыши домов и валил деревья. Такого не было уже сто лет. Ко всему прочему, в питерском небе видели радугу. И опять же — в декабре. Чего тоже не было много десятилетий. Как будто схлестнулись силы, часть из которых хотела уничтожить ее, в то время как другие бросили все силы на ее защиту. Ветер и радуга, причем ветер, приходящий с севера. Два главных ключа Люцифера, два кода Истока, две сущности.

В общем, если бы где то в одной из главных церквей без какой либо причины вдруг обрушился иконостас или что то подобное — я бы точно не удивился. Но хвала богам, до этого не дошло.

А на земном плане врачи опять поспорили о диагнозе, операцию перенесли, а то и вовсе отменили. Да где же это видано, что в лучшей больнице при лучших аппаратах, не где-нибудь в глухой провинции, а в Санкт-Петербурге не то что не могут вылечить — не могут поставить непротиворечивый диагноз? Что вообще происходит с этой реальностью? Риторический вопрос. С реальностью происходит ураганный ветер в декабре и радуга над Санкт-Петербургом. Погодная аномалия уровня последних ста лет.

А ведь в этом сне была и другая подсказка. Которая станет ясной гораздо позже. Не просто вздумалось Люциферу забрать свою возлюбленную по ту сторону зеркал. Атака была. Серый трамвай, серый город. Ох, и сильна же была атака, даже Вега, будучи до времени в стороне, вышла в игру и смешала все с таким тщанием заранее подготовленные карты.

А как с хлебом? С ритуалом? Звоню Сальве, растерянный, смущенный, пристыженный своим маловерием.

— Не отменить ли ритуал? Изменилась ситуация. Может быть, и отобьется, может, и останется. Не сделаем ли хуже?

— Ты же задумал этот ритуал не сам, он к тебе пришел. Значит, надо делать что должно.

Ох не понравилась мне эта интонация, ох не понравилась. Как будто нечто в Сальве желало ускорить трагедию, при чем сама того не осознавая.

Впрочем, слова убедительны. Что должно — значит, что должно. Но не изменится ли теперь смысл этого ритуала? — мелькнуло на задворках подсознания. Что же — пусть это будет любой смысл, какой угодно богам. Раз слышал я его голос, значит, пусть будет выполнен единственный ритуал, приснившийся мне от начала и до конца.

А до зимнего равноденствия совсем немного. Готова новая мантия — начало обновления, мантия цвета мультипликации, Хвост Павлина. *Cauda Pavonis*. Еще два месяца назад решил я менять структуру, цвета и символы, ибо почувствовал: после десяти лет рвется на поверхность, рождается новый касталийский ритуал — со своей символикой, своими облачениями и своими словами. И потом, не одно ли из имен Люцифера — Мелек Тавус и не пора ли небесным павлинам с оборванными крыльями, проданными на перья, на украшения, снова научиться летать?

А когда Юлия пришла покупать бархат для основной мантии в магазине, ей ответили: черного бархата нет, есть только звездный бархат. «Звездная мантия теперь на тебе», — эхом отозвался голос. Дорогая получилась Звездная мантия, ох, дорогая, никто такую цену не согласился бы отдать, да только там кто спрашивать будет?

А перед ритуалом, в день зимнего солнцестояния, на встречу приезжает та, кто назвалась Дождем. И, дракон меня дери, ей и правда шестнадцать. И, жрите меня псы, она и правда изрезала свои руки в мясо, чтобы почувствовать себя живой. И она и правда любит Люцифера, а это, пожалуй, самое важное.

Что с ней делать, как научить? Спать с ней нельзя, это ну совсем педофилия, четко вижу вероятности: если переспать — будет ей лишний повод страдать и налаживать лыжи на самоубийство. Люцифер ее мне совсем для другого послал — первого ученика. Как когда-то меня — Марти. Правда, я-то достался Марти в более адекватном виде. А тут не ученик — одна сплошная обнаженная рана и невроз

А ребенок-то нам непростой достался. Все Чернозвездные просто очарованы этим маленьким чудом. Какие картины! Какой потрясающий талант, да еще в шестнадцать! Каждая картинка — немного наивна, но живая и дышит. Каждое слово — как будто из глубины. Вот этот чудо ребенок подходит к Юле и, глядя ей в глаза, не зная всю нашу историю, изрекает, точно сам Люцифер с ней говорит: «Ты будешь очень хорошей мамой, я вижу. Ты думаешь, что тебе будет сложно, когда у тебя будет грудной ребенок. Но на самом деле сложно будет, когда она станет подростком. Очень ранимая душа придет к тебе, береги ее».

Черт подери, Дождичек вообще не знает ничего, стал бы я посвящать ребенка в наши чернозвездные драмы! И в самую точку, в самую суть, как принято у Черных звезд — от сердца к сердцу. И не в девятку — в десяточку, в центр яблочка. Наши Чернозвездные от этого чудо-дитя шага не отходят, любят, слушают, заботятся. И — я прямо вижу, как каждая пытается дать ей частичку своего света. Даже Сальва, и та тянется. На следующей встрече Дождичек дарит каждому из нас подарки. С точным знанием цветов. Для меня — красный, для Карни — синий, для Изумрудной Королевы — с изумрудинками. Ай да чудо ребенок, все знает, все видит. Ай да драгоценность послал нам Люцифер, ай да живое сияньице — лишь бы не загасили, лишь бы дали ей пробиться! Потому — от имени Истока, от Люцифера тут же прошу я Юлию обучать этого ребенка навыкам зарабатывать деньги онлайн, чтобы она стала независима, а Карни — регулярно направлять на нее лучи своей любви, насколько это возможно.

Прекрасный ребенок нам достался. Но и раненый. Ребенок, который в шестнадцать впервые поехал на метро. Ребенок, который не знает точного адреса своего дома. Не в пять, не в десять, даже не в двенадцать — в шестнадцать так держали ее под колпаком. Смотришь ей в душу, а в центре — искрящийся алмазик, живой, сияющий, видящий, мудрый, порой побольше, чем у нас, взрослых. А на поверхности, точно для равновесия, — две ложные личности.

Одна личность вдруг ныряет в хаос, бурю эмоций, истерику, попутно пытаюсь то меня соблазнить, то на колени кидаясь, то ноги целую. Господи, она же еще не знает, как

правильно, как по-человечески, начиталась японских манго, а жизни не видела. И держали ее от жизни подальше. А вторая личность — еще тяжелее. Когда понимает она, что не удастся ей добиться сексуальной близости ни от меня, ни от кого-то из Чернозвездных сестер, — будто камнеет, леденеет и каждую фразу, каждый ответ выдает каким-то казенным голосом, словно подчеркивающим — ты мне чужой и я тебе чужая, и отъебитесь от меня. Сложно, ох, сложно выстраивать мостик чернозвездный, простое человеческое общение, без экзальтации и казенно отрезанных вопросов и ответов. Поначалу больно сталкиваться с этой формой, но постепенно привыкаешь, пытаешься сфокусироваться на том алмазике, тянешь, тянешь ее на чистой чернозвездной тяге, единственном, что у нас есть — свете любви Люциферовой. Поэтому очень быстро я составил для нее договор, что можно, что нельзя, что значит быть учеником, что значит быть носителем света Люциферова, все расписал — а она нет-нет да и норовит все правила нарушить, за все границы выйти. Ну уж нет, дорогая, раз ты к нам попала, мы уж тебя вытянем.

Забегаю вперед, расскажу одну историю, с этим самым Дождиком связанную. Начали мне через пару недель после Йоля странные сны сниться. Будто я мечтаю больше всего об образовании религиоведа, но осознаю, что мне уже сорок и в институты запретно идти, и от этого жизнь кажется потерянной. Просыпаюсь с этим чувством незнакомой неполноценности и неуверенности — и даже первые минут пятнадцать то вот прямо проживаю, а следующие десять минут, уже придя в сознание, изрядно охуеваю: с чего же это вдруг мне, состоявшемуся в мире взрослому мужчине, свободному бизнесмену, вольному философу, вдруг сны такие снятся?

И как молния прозрения. Дождь. Я же эту девочку в поле взял и на себя ловлю, и провожу весь ее ужас перед большим миром и чувство неполноценности. А в ушах шепот Люцифера, свист ветра, сияние Севера: мол, теперь понимаешь, что такое шахеншахом быть — это не то, что ты там по наивности представлял. Это своей кровью, на себя беря, своих тащить и самому выбираться. Думал, на троне сидеть будешь, — на тебе трон в форме креста! Сломаешься, надломишься — и прощай свет Черных звезд, здравствуй бессмысленная и беспощадная банька с пауками. А коли вытянешь, так тебе самое большое наслаждение дано будет — видеть, как звездочка твоя из раненой оболочки своим алмазом наружу родится. Вот это и значит быть моим шахеншахом, нести мой фарр, или, может быть, как лучше и точнее это назвала Изумрудная Королева — шактишахом.

Боги, так это что — все эти годы Марти нас так тащила на себе, через себя всю нашу хмарь проводя? Вспомнился разговор с Пифией. «И все так? И он тебе их всех тащит?» — «Ну да». А я-то считал, что эти слова — просто ревность красивой женщины. А я-то думал — волшебная палочка у нее, она же Люциферова дочь. Как только проблемы — ей звонить. С женщинами — к ней. С системой — тоже к ней. Собственные невроты хуярят — опять к ней. И как-то прямо вот волшебным образом сразу все решалось, легко и просто. И так все пятнадцать лет. Как тут строки из ее песни не вспомнить? «А значит, молчать свое сердце // заставлю, ты только не слушай, // чем я расплатилась с судьбой // за малую толику счастья, // которой ты мог бы согреться, // за дерзкое право твое оставаться собой». Не просто песня. Пророчество. Слова, как будто обращенные через время ко мне и к тем, кто шел через меня одним большим и непрерывным потоком. А тут один маленький Дождичек — и меня уже замкнуло. Страшно представить, что она на себе все эти годы тащила. Вот что значит — твоя Звездная мантия, Отче.

Впрочем, это позже. А пока Чернозвездные сестрицы мои души не чают в нашей доченьке полка, а я провожу очередную презентацию и готовлюсь к главному ритуалу. И конечно, жрица — Магда. Новая старая жрица. После того как она сама была готова отдать жречество Марти, главный свой фарр, стала она жрицей по Закону и Свету. Здесь давать означает брать, а тьма означает свет. Что-то в ней изменилось, изменилось

неуловимо, но тотально и глубоко. Спокойно, благородно, сильно прошла, благословила, осытвила круг, точно лучась своим будущим материнством. А я ее вел.

Станный был ритуал. И странный был я. Импровизировал, танцевал, точно канатоходец. Иду, например, мимо Дождика нашего, которого я, вопреки всем законам, поставил в магический круг, и — раз! — накрываю ее своим новым павлиньим облачением, Мелек Тавуси, чем как бы заявляю миру: усыновляю я тебя, дочь Люцифера. Теперь бы до ума, да до души довести, лишь бы силушки мне да света хватило. Иду мимо служительницы Луны, смотрю — свеча гаснет, и не могу не сказать: ох, сестра, что же ты со своей луной-то сделала! И ведь правда, как потом выяснилось — сделала, и сделали с ее луной. Как будто дух Люциферов опустился на меня — и то, что я раньше служил, как поп мессу, с тяжелой такой серьезностью, сегодня с танцем и прытью идет.

Ритуал закончен. Прощаемся. В Питер ехать собираемся, там у Изумрудной Королевы свой дебют, сложный и суровый. Дождичку такси вызвали. Денег ей дал — чтобы купила себе колоду таро, потому что дарить не буду: она обязана сама найти магазин и отчитаться, как смогла ее купить. В общем, продумываю ей систему несложных заданий, чтобы начала отделяться от своей серой семейки. А семейка — тут магом быть не надо, и так видно — ох, серющая. Как она вообще такая там выжила? Впрочем, у меня тоже серющая, но по-другому и с другими результатами. Ей бы немного пассионарности! Дождик чуть что — так сразу руки резать. Изумрудная Королева умничка, смогла взять с нее клятву Люциферу больше не резаться, ибо «тело твое — есть обитель Его света, и не надо его калечить». Почти получилось.

Прощаемся мы с друзьями, залезаю в переписку, а там с аккаунта Дождика возмущенное письмо родителей: мол, вы что — сумасшедшие, она же просто ребенок, что вы с ней делаете? Ну да, серое сознание наверняка другого варианта не допустит, кроме того что я ее в постель затащить хочу. Ах ты ж, сволочь серая, ах ты ж, служанка Иалдабаофская! У тебя ребенок весь изрезался, а ты этого не знаешь даже. В шестнадцать своего адреса не знает, домой не ездила. А как у дитя свой круг общения появляется, где ее принимают так ты, падла, мне ментами грозишь? Вызывай давай ментов, курва, и мы посмотрим, почему у твоего ребенка все руки изрезаны, а ты только угрожать психушкой можешь, загоняя и без того раненное существо в топку страха. Вот ведь твари серые.

И только я собираюсь письмецо то отправить — сообщение. Уже от Дождика. «Все под контролем, бро, телефон у меня». Ну и отлично. Значит, не надо было мне писать это письмо, а за тебя мы еще повоюем. Вот Юленька у нас самый успешный спец в технологиях компьютерного заработка, тебя бесплатно научит тому, за что другие сотни и тысячи долларов платят. Ты наша, ты живая, мы за тебя, мы с тобой.

Намучились, конечно, мы потом все с Дождиком. В высокой фазе — нет лучше и родней собеседника. «Мне с тобой Люцифер-то спать запретил, потому что ты мне — духовная дочка, — объясняю. Мы с тобой в одной из прошлых жизней связаны были. Чернозвездным светом». Впрочем, ребенок упрямый: раз учителю нельзя с ней спать, умудрилась предложить разделить ложе каждой из сестер.

«Люцифер всемогущий, да не сексуальный у тебя запрос. Точнее, на твою нарождающуюся сексуальность накладывается голод сиротства твоего, вот и получается такой странный сигнал. Ты научись сначала отличать и голод свой накорми. А через два года Люцифер тебе пошлет мужчину тебе под стать». Почему я так уверен? Потому что, если удастся нам ее выстроить, по кусочкам собрать, быстро притянет все, что нужно, и когда нужно. «А Звездная мантия теперь на мне, мои слова силы теперь — слова власти, так что благословляю. И прекращай из крайности в крайность кидаться — то "хочу со всеми трахаться", то "буду хранить девственность для Люцифера". Для него-то хуже подарочка и быть не может». В общем, послал нам Господин Севера чудо-ребенка, придется повозиться.

Ох, я все про Дождичка да про Дождичка. Тут ведь целая драма помимо Дождичка развернулась. Послал мне Отец двух учеников: одного — суицидального подростка, а другого — даму со статусом доктора наук и магическими способностями выше среднего уровня. А теперь, дорогой читатель, угадай, кто из этих двоих — пиздец ходячий о пяти лапах. Не в жизнь не угадаете.

После большого ритуала у нас был назначен малый ритуал. Тот самый. Для небольшого круга. Только для Черных звезд. Я, Изумрудная Королева, Регина, Карни. А перед тем, как идти в комнату для этого небольшого ритуала, я прямо голос Его услышал: а ты Дождичка с собой возьми, тогда все правильно будет, а иначе беда. Ну как скажете, Отец, как скажете.

Ритуал как пришел во сне, так и был выполнен. Что это за магия? Церемониальная? Магия Хаоса. Вроде — чистая импровизация. А в основе — стальной каркас. Заходим в отдельную комнату, ставлю по левую сторону Сальву, по правую — Изумрудную мою Королеву. Остальным — как встанут.

— Итак, итак, итак, дорогие мои! Все как встарь, все как от начала времен было. И всегда мы приглашаем к столу наших дорогих гостей, и столы наши всегда ломаются от самых изысканных кушаний. Чего хотят отведать дорогие гости? Мистический транс? Встреча с демонами? Открытие планетарных каналов? Кому закрыть, кому открыть, кого до охуевания в экстазе довести? Это мы завсегда, лишь бы подходили гости к столу, не стеснялись. Но, как и встарь, есть у нас два приглашения. наших дорогих гостей мы всегда пригласим к столу, но вас — вас, мои родные, мы приглашаем к столику. И чего же я вас тут собрал, дорогие? Так все просто, все явственно. Надо же угостить друзей: самая скромная пища для самых дорогих друзей. Мы же с вами уже века знакомы. Вот ты, моя дорогая, — указываю на Сальву, — наверное, не рада видеть Ее. Как ты сказала мне на днях — мне не Юля не нравится, а принцип, который олицетворяет Юля. Так он и не должен тебе нравиться, такие у нас правила игры для смерти и жизни, но мы ведь с вами взрослые боги и знаем... — резко подкидываю монету, — какой бы стороной ни упала монета... — прихлопываю ладонью к алтарю, — другая сторона... — поднимаю монету и показываю обе ее стороны, — всегда остается при ней. А поэтому — угощайтесь, родные, вот хлебушек. Вот твое, вот твое, кушайте и слушайте, пусть все нити правильно протянутся, я ведь старый мастер плетений... А вот и винишко. Дорогое. Настоянное на кровушке кипящей. Вы пейте, дорогие, пейте, от сердца к сердцу, и пусть вершится мистерия, как ей вершиться должно.

Странное дело, но на этом ритуале я как-то по-особому Дождика нашего чувствовал. Даже Изумрудная Королева не включилась так тотально, как этот невинный Дождик. Как будто своей водичкой все омрачения Дождик омыл, и ритуал был сделан именно так, как должно. Правда, совсем без искажений и омрачений не обошлось: когда Сальва приняла из моих рук этот горький хлеб, его черную половину, ох, неладное что-то произошло с ней. Изменилась в лице, нервно захихикала, весь бокал вина выпила, хотя должна была его по кругу передать, а потом вот прямо вприпрыжку побежала, точно что-то вошло в нее. Ох и странное дело творится на наших ритуалах, ох и странный хлебушек мы испекли с Карни и Изумрудной моей.

А когда мы стояли на улице и прощались, а я уже писал сообщение, дабы покрыть хуями сереньких родителей нашего Дождика, Сальва аккуратно взяла под руку Изумрудную Королеву и стала её спрашивать да наставляя, а все больше страшать.

Ох уж эта Сальва. На словах готова помочь, убедить привести в мир ребенка, возмущается, что если Исток так требует, «я сама его рожу, хоть и детей ненавижу». А на деле — скушала Сальва хлебушек и почти сразу побежала убеждать Юлию, что нельзя ей рожать. Вот точно демон, ну или ангел какой, из не наших, вселился в нее.

Убедительно увещевает. «Ах ты, бедная, ах ты наивная. Ты, наверно, чувствуешь, что на твою волю Олег давит, заставляет. Есть женщины, способные быть матерями, вот на Магду посмотри, она мать от природы. А для тебя — это же совсем не твое

предназначение. И нормально это — никого не слушай, некоторые женщины себе матку вырезают, чтобы только детей не иметь. На что тебе природу твою насиловать?»

Поначалу Изумрудная Королева аж на землю села, огорошенная таким напором. Попадись она Сальве хотя бы месяц-два назад — и все, канула бы наша связь, Сальва-то по самым больным местам шла. Даже месяц назад это был бы удар. Но тут странно сыграло время и пространство — она как будто поймала то, что было в прошлом. Странная такая телепатия, потерянная во времени.

Села Изумрудная Королева на землю, а Земля-матушка — это же сама власть Нахемы, ей и силы влила. И, сама не заметив, закрываясь от напора агрессии и грязи, одним жестом содрала Изумрудная Королева с Сальвы ее главную сиддху — телепатию, которой она так гордилась. Я потом несколько раз Сальву тестировал: если до этого пять раз — девяносто процентов чистейших попаданий, то все выдаваемое ею потом — не больше чем статистическая погрешность. В общем, нарвалась Регина на Нейрам, ох нарвалась.

Похоже, ритуал имел совсем другой смысл и другую задачу. Все самые лютые демоны, страхи, блоки через черный хлебушек от Изумрудной Королевы к Сальве перешли. Черный хлеб, белый хлеб. Вот в черный хлебушек все демоны да омрачения Изумрудной Королевы — прямиком к Сальве, а она и рада. История — будто пародия на евангельский сюжет про горький хлеб Иудин. И ведь правда, черная сторона каравая была горьковатой.

Ах да, на ритуале нам с Изумрудной Королевой не лучшие карты достались — мне пятерка чаш, а ей семерка. И тут она говорит: какие проблемы, давай я куплю настоящую серебряную чашу и тебе подарю — и останется у нас по шестерке, а что может быть лучше для нас, только обретших договор Истока, чем шестерка чаш? Блистательно. Истинная магия — магия, которая не воспроизводима и рождается как дитя конкретного мгновения, в конкретной ситуации

В ночь летим в Питер. Насыщенная программка предстоит.

Во-первых, знакомство Изумрудной Королевы и Акташ. Ох и боялся я их знакомить. Но, к моему удивлению, понравились они друг другу, Акташ даже не была против, чтобы ее главная картина висела в доме Изумрудной Королевы. И какая картина — зеленый, то есть изумрудный лик Люцифера, сам светonosный, которого Акташ увидела в призме Черных вод, и так красиво увидела — глаз не отвести. Изумрудная Королева тоже в долгу не осталась — объяснила мне ряд тонкостей, как Акташ общается: мол, она и нас-то вдвоем позвала — это тоже особый символ, как подведение итогов. А потом Изумрудная Королева стала проявлять чудеса телепатии. Я ей Пифию показываю: посмотри, это очень интересный и важный для меня человек, явно из Черных звезд, но как-то ее очень по-особому вели, не как всех нас. А она сразу говорит: так Пифия — уникальный «мироходец», она сразу во многих мирах находится, ей сложнее всех нас, но и видит больше. Долго мы говорили с Изумрудной Королевой о родах, законах родов, которые она как будто после сдирания всех сиддх теперь знала больше меня.

А впереди было главное. Ритуал. Вот где настоящее испытание, вот где настоящая жесьть. Одно дело, когда женщина приезжает жрицей в какой-нибудь провинциальный город. Там, будь она хоть полным новичком, все в восторге будут. Другое — жречество в Москве, где есть ротация, перемены, и вся группа будет уже оценивающе смотреть — есть ли у этой новой жрицы свои фишки, сильнее или слабее она прошлых жриц, чем сильней, а чем слабей.

Но ситуация в Питере была наихудшей: десять лет здесь была бессменная жрица, что хранит Исток, человек и одновременно божество, столп, башня, аватара, живая вода истины. И жречествовать после Марти — это, наверное, самое тяжелое, потому что тут группа автоматически будет оценивать любое свойство немного в минус, сравнивая с той, что пятнадцать лет была Хранительницей Потока. Самую сложную задачу — самым

близким, у нас, у Чернозвездных, так — и никак иначе. Даже Акташ, когда Марти просто уехала в другую страну и не могла жречествовать один раз, группа не приняла, долго потом ходили неприятные слухи, мол, подвинуть она хотела Марти, хотя — видят древние и новые боги, с открытым сердцем шла тогда служить Акташ. Так что жречество на Йоль, когда Марти в больнице, — врагу не пожелаешь, а уж когда группа поймет, что Марти больше не будет жрицей... Ох страшно. И точно. Только я сказал, что Марти не вернется к жречеству, ибо нельзя ей причащаться ни вином, ни печеньками, да и, на самом деле, что-то мне подсказывает, что Марти сама хотела немного изменить диспозицию, — как сразу дьякон начал мне предлагать в жрицы ту, кто, по меркам дьякона, самый сильный маг. Ох, должок ты создаешь, дорогой брат, сам того не зная, ой должок, ой нехорошо.

И вот начинается ритуал. Уже с момента медитации вместо спокойного включения я почти перехожу на крик. И в первый раз я говорю тайное Слово — и пусть трясутся стены. И второй раз — и пусть пошатнется весь наш устойчивый мир. И третий раз — громче, громче, из нутра, из сути извергните это слово, так чтобы нахуй обрушились стены и потолок. Больше, сильнее, тотальнее. Во второй раз я произнес Имя так громко, что потерял сознание. Имя. Тайное имя, что звучит только на ритуале. Оно же — имя-ключ Мартиэль, слово сокровенное. К тебе молитвы, к тебе крик, сознание уходит из тела, и во время ведения медитации я падаю без чувств. В полной тьме этого никто не замечает, все думают, что это просто слишком долгая, быть может, затянувшаяся пауза тишины, пауза, за которую я успеваю собрать себя заново и вспомнить, с какого места закончил говорить.

Странная, страшная мистерия. У служительницы Марса выгорает свеча, так что она держит горящий фитиль почти на ладони. Ох и силен был на этот раз Марс. Дьякон забывает позвать жрицу и начинает читать мои слова монолога. (Твою же мать, а ведь долг твой растет, что мы с этим делать-то будем — оно же потом отыграется.) Иные благословляемые едва не теряют сознания. Впервые за двенадцать лет непрерывных ритуалов несколько участников говорят, что во время действия им было по-настоящему жутко. Потому что кто знал, тот знал, а кто не знал, шкурой чувствовал, какая подноготная стоит за этим ритуалом — ритуалом приветствия новой и прощания с изначальной жрицей. Великий Йоль. Разверзшаяся бездна. Кто-то на улице наносит удар по стеклу так, что только чудом оно не раскалывается. Страшные, суровые энергии.

А под конец ритуала, когда каждый славит своих богов, слово дошло до последнего участника, и произошло совершенно невероятное. В последнего говорящего на круг включился Люцифер. Полноценная, полная захваченность, которую мог узнать только тот, кто Его видел.

— Я приветствую вас, Звезды! У меня одно пожелание. Светите! Светите!! Светите!!! Я хочу приветствовать вас всех и поблагодарить. Я приветствую новую жрицу! Ты действительно прекрасна, трижды сияй, Черная звезда! Я приветствую и благодарю жреца, дьякона, планеты. Марс, ты настоящий воин. Такой должен быть Марс, такой должен быть хранитель. Свети. Свети. Свети! Ребята, Звезды! Души живые! Только это и важно, чтобы светили вы. Я хочу вспомнить всех. Я хочу поблагодарить живых и я хочу отдать поклон ушедшим. Я хочу вспомнить Сергея Яшина. Он сиял. Он так сиял, что даже умерев, он остался жив! Сияйте!

Ох ребят, не знаю я, как этот священный ужас передать, когда мы его слышали. Потому что это правда был Он. Без специальных средств, без подготовки, просто через случайного гостя в круг заглянул Светоносный собственной персоной, в такой легко узнаваемой тональности и сиянии. Но хотя на фоне событий уже давно было пора перестать удивляться, мы с Рысью в очередной раз потеряли дар речи от изумления. Он, последний в большом кругу, говорил словами Люцифера и интонацией Люцифера. Интересно, он сам-то понимает, что и кто говорит? Так просто не бывает. Как будто

открылись все врата и все силы, все хранители нашего Истока вошли в наше пространство.

Оставался еще один день. День, когда Мартиэль выписывали из больницы. Врачи так и не договорились, какой диагноз ставить, и решили не делать операцию. Я хотел забрать ее из больницы. Пока мы ждали Марти в холле, мой взгляд упал на совершенно незнакомую мне книгу со звездами на обложке. Спасибо, Акташ, что ты выбила из меня всю дурь относительно умной магии и научила, что настоящая магия только в дураке. Я чувствую магию. Просто гляжу на книгу со звездами, почти наверняка совершенно поповскую и недостойную внимания, и вопреки всему говорю: «А вот эта книга будет для тебя, как для меня "Ойкумена". Я хочу тебе ее подарить». Книга недешевая, но сторицей окупившаяся, ибо все символы — как символы рода, так и символы пути, проживаемого Изумрудной Королевой, — были отражены в этой книге.

А вот и Марти. Дорога — сорок минут. Время, пока мы можем поговорить.

Спрашиваю. Осторожно спрашиваю. Как много мне можно тебе рассказывать? Даешь тройное разрешение, по законам «Ойкумены»? Поначалу она даже не поняла, я-то думал, что, может, не все слышать хочет. Когда поняла — такой вот мощный невербальный посыл отправила: мол, прекрати быть идиотом. Она-то всяко знала больше, чем я. Рассказываю. Шаг за шагом, слово за словом, до рассказа про сон Веги, после которого я понимаю, что она — тоже из своих.

— Она-то, может, из своих, посмотрим. Но ты запомни одно — любую информацию, неважно, приходит она от своих или нет, следует внимательно рассматривать и принимать во внимание.

Лучше бы она не говорила этих слов. Снова старый грех скovyрнулся. Боги, до какой же степени надо быть на каком-то уровне мерзавцем — она только из больницы, можно сказать, чудом спаслась, а у меня уже грешные мысли в мозг лезут. И не так просто отмахнуться, на «аппо пантос какодаймонос» ведь лезут грешные твари. «А что, если и от Серого эта информация имеет смысл?» Низшая, греховная природа не могла не зацепиться, боги, как же мне после таких мыслей в глаза-то Её смотреть?

Впрочем, отмахнулись. На тройной внутренней «аппо пантос» отогнал поганые мысли. Попили чаю, пожелали здоровья. Уточнили пять раз, что она точно не вернется в жрицы. Есть ведь и безглутеновые печеньки... Но явно не в печеньках тут дело, не в печеньках. «Ты не думай, я вами здесь так же занимаюсь, немного на другом уровне». На другом. Помню, всего месяца четыре назад, рассказывая про древо и путь посвящения, я спрашивал у Марти: ты-то где — в Хесед, как свободный адепт, или в Бине, как уже полностью бездну пересекая?» «В Хесед, я еще жить хочу», — тогда сказала Марти. А сейчас, оставшись жива, — ясно безо всяких вопросов и уточнений — В Бине, в ней, родимой.

Пора домой. Правда, для начала нужно посетить компьютерный клуб, написать подробную учебную программу для Дождика нашего. Кабы она хоть что-то выполнила! Там же высказать нашей прекрасной Сальве, что думаю про все эти «удаления матки, чтобы детей не иметь». До этого я разыгрывал позицию власти, но теперь, боясь впасть в Серого, с другой стороны зашел — со стороны обиженного, раненого, разочарованного. Ох и в ярости же была Сальва! Впрочем, тут такие события, что точно не до ее обид.

Далее надо было заехать к нашему дьякону — отдать книги, взять деньги. Он раза три звонил, напоминал, что денег должен. Чувствует, что долг за ним, ох и чувствует. Не в книгах и деньгах дело. Но хотя денежки мне были ох как необходимы, в последний момент я забыл, что обещал приехать, и четвертый звонок раздался, когда мы были уже в пятидесяти километрах от города. Уехал, бог бы со всем. «Нет, разворачивайся, что-то еще не закончено», — сказала Рысь, Изумрудная наша Королева.

Возвращаемся. Тут уж не до примет. Привез книги, взял деньги. Смотрю я на нашего дьякона и тревожусь. Хороший человек, и ведь очень наш, наш до основания. А он ведь, сам того не зная, на себя должок повесил. Я раньше таким вещам внимания не

придавал: ошибки, осечки у всех бывают, он же даже извинился, что не призывал жрицу. Но долги — это то, что на уровне поля фиксируется, и не дай боги нам с ним таки столкнуться и что-то не поделить, потому что магическая основа заложена, а уж потом на Малкуте оно разыгрывается, будьте уверены.

Общаемся у подъезда. О том, о сем, о десятом. Дьякон приглашает нас подняться в гости. И за дружеской беседой он начинает рассказывать про какой-то сериал о масонах, где все начинается, когда главный герой находит перстень. Ух, ни хрена себе, он первый ключевой наш пароль выдал: перстень — это один из знаков Чернозвездных. А как там в сериале орден-то этот назывался? Орден Рыси!

Твою же мать! Мы хохочем, хохочем до истерики, хохочем так, как никогда не хохотали. Вот тебе и знак, вот тебе и меточка, вот тебе и подарок. Вот, значит, как мы теперь называемся, после того как Марти решила отойти от дел. Орден Рыси, моя дорогая Рысь, Орден Чернозвездной Рыси. Ох и удружил ты мне, дьякон, сначала в долг взял, а потом сторицей отдал — такой знак, такой символ, да в такой день, когда последние энергии Йоля еще витают в поле, ох и отдал ты подарок на прощание, царский подарок! Как тут не вспомнить первые истерики Сальвы: «Не поклонюсь я Юле, как Мелек Тавус, мой Патрон, не поклонился». Мы тогда недоумевали все — да кто же от тебя требует поклониться, в нашем Чернозвездном братстве нет ни глав, ни подчиненных, все друг друга тянем. Но почувствовала она это возвышение, особое значение, особый статус Изумрудной моей Королевы.

Только поклониться ей не в иерархии власти нужно, а в любви, красоту ее увидев. И если это удастся — любви, живой, настоящей и сияющей, — хватит на всех. Карни увидела и поняла, первая узнала сестру и первая сама же трону представила. Но об этом чуть позже.

Сначала Люцифер сказал о Матери Истока, а потом и Орден Рыси. Последняя и окончательная легитимизация Изумрудной Королевы. Да, именно так — теперь ты точно не Черная Королева, Изумрудная ты моя. А Рысью ты родилась, Рысью помрешь и Рысью переродишься. Это под шелухой не меняется. И напоследок Питер сделал нам этот подарок — Орден Рыси, признание, привет от самого города через самого питерского, самого консервативного брата нашего круга. Знал бы ты, какой подарок ты сейчас нам сделал, когда каждый знак на дороге может знаком казаться, а тут не знак — тут символ, символице, не синхрония — синхрониища.

Устал я за эти три дня. Нет сил на дорогу. Спать хочется. Останавливаемся в мотеле, ложимся спать, и тут я попадаю даже не в сон, а в просоночное состояние в той же комнате, где и заснул.

А в этой комнате — какой-то демон, женской природы, начинает меня хуярить со всей силы. И с кровати, и об стену головой, как будто я по комнате летаю как пушинка. Злая, разъяренная, неистовая демоница. Откуда она тут взялась, интересно? У нас одна защита — делать ритуал Тетрады, призывать нашу печать, призывать четыре святых имени. Люцифер! (Один огненный столб появляется на периферии.) Азазель! (Другой.) Лилит! (Третий, но не сразу видно.) Нахема! И тут-то чувствую: слабеет тварюга. Как будто завязла в световых столпах. Я ее хватить со всей силы, и помню главное — имя, говорю, назови. Тварюга рванулась, но не смогла не назваться, и в ушах слышалось странное имя — Азза. Азазель, что ли, в короткой версии? Но с чего моему Патрону меня пиздить? Все правильно сделали, экзамен сдан. Что за Азза? Через три недели нашли в англоязычных материалах Форда, что Азза — это имя теневой стороны Лилит, не той Лилит, что мы знаем, а пустынного демона. Завязла Аззочка в четырех столпах света, ох нелегко ей, должно быть, пришлось!

Просыпаюсь. Все еще в панике. Бужу мою Королеву, и без лишних слов — «на нас напали».

Вот что я скажу о нападениях и войнах, дамы и господа. Тема эта уже обсосанная, истасканная и тысячу раз дискредитированная разными недомагуями, которые каждый

насморк объясняют магическим нападением. В общем, много хуйни вокруг этой темы в энергуйских тусовках. Настоящие нападения нечасто происходят: каким нужно быть идиотом, чтобы напасть без какой-то крайней причины! У меня за всю жизнь от силы три нападения было. Поэтому просто так я бы такими словами разбрасываться не стал. Но здесь было ясно — впервые за много лет я даже не уверен, а знаю — это посторонняя сила. Даже Вадим не мог на меня напасть и довольствовался клеветой в сети. После Хирама — первое полноценное нападение.

— Поднимай свою стражу, дорогая, ты же о ней столько рассказывала!

— Окей. Сейчас я поставлю одного из моей Кошачьей стражи. Они у меня очень особые. Кыс-кыс, сюда иди, моя звездная киса!

Я кису не вижу, но как-то сразу спокойно стало.

Я смотрю на Юлию, она на меня. Внезапно сонный взгляд сменяется изумлением.

— Первый раз у меня такое. Мне стоит представить, позвать Кошачью стражу, и она здесь, я прямо чувствую и вижу. А на этот раз она только появилась — и сразу, без предупреждения, куда-то рванула. Как будто преследует кого. Похоже, что-то серьезное.

В общем, нам оставалось только спать — на этот раз крепким сном без сновидений.

А на следующий день звонит Сальва. Сперва вообще не хотел с ней говорить. Но вижу — перепугана, шокирована, потеряна. На этот раз всерьез, а не в качестве своего фонового любования страданиями.

— Я не понимаю, что происходит. Вся Тетрада для меня только в теневых аспектах. Люцифер — как выжигающий огонь, жжет насмерть, Лилит как демон пустыни, голодный дух, Азазель — оскалившийся трикстер. Про Нахему и сказать не могу.

Вот, значит, как. Вот, значит, кто ко мне в гости ночью наведалься, Аззочка ты наша. Четыре столпа крепко тебя пожгли. Значит, ты на меня напала, хотела отпиздить, а мне тебя теперь вытаскивай и утешай, ибо присяга учителя, которую я недавно дал? Ох нельзя спать с учениками, святая истина — нельзя!

Насколько же с Дождем просто — сразу ясно было, что нельзя. Да кто же мог подумать, что тридцатилетняя дама с научной степенью по эмоциональному развитию младше шестнадцатилетнего ребенка? Твою же мать, собирай тебя! Как-то успокоил, как-то призвал к осознанности, как-то объяснил, что, вообще, это она ко мне навевалась, хотя не признала и не понимает сама, что делает.

Рысь теперь делит питерское жречество с Пифией. А в Москве — четыре сменные жрицы. Я ведь для Рыси заранее место подготовил.

И тут она отказывается. К всеобщему удивлению. Не хочу я брать пирога больше, чем могу съесть, пусть лучше на моем месте мои Чернозвездные сестры жречествуют, а то не честно — всем места не хватает. Может, Вега попробует. И кто после такого жеста скажет, что моя Рыся — не Королева? Дама, принцесса уцепилась бы за кусок побольше и держалась бы намертво. А Королева свое законное взяла, и чужого не надо — родные же сестры, пусть жречествуют, подключаются к потоку.

Вернулся домой. И снова Сальва, среди полуночи звонит. Ее жуткий демон терзает. Температура сорок один. Кричит, что это нечто захватывает ее сознание, что она чувствует, как перестает быть собой, еще немного — и с собой покончит, ибо не бывать ей не собой. Чувствую, последняя точка. И это уже не Тетрада, не мой ритуал. Небось, свое что-то разносит. Параллельно звоню Рыси: мол, прости за поздний звонок, у нас тут такие дела, Сальва нас отхуярить хотела, а теперь ее спасать надо, и вообще — что происходит? Пытаюсь удерживать Сальву.

И тут вдруг Сальва пишет: «Сущность назвала свое имя». Не будем искушать читателей и упоминать истинные имена, скажу только, что имя это очень созвучно с Сехмет. То самое имя, которое Изумрудная Королева назвала в одной из бесед с Азазелем на глубине.

Это уже не просто творческий вымысел. Это уже на какую-то сказку похоже. «Зачарованные» или там «Гарри Поттер» какой-нибудь. Я как-то привык, что все опосредовано, символически, метафорически, и даже если магия действует и, как в истории с Акташ, агрессор умирает, — умирает он от естественной смерти, навернувшись с мотоцикла, например, через полгода после ритуала, а не на следующий день из-за демона среди ночи при температуре сорок один, через двадцать четыре часа после нападения.

— Слушай меня внимательно. Прямо сейчас приноси клятву, что больше никогда ни словом, ни делом ты не попытаешься повредить ее хозяйке.

— Кто ее хозяйка?

— Тебя интересует, как стрелу из глаза вытащить или из какого металла стрела сделана? Будешь говорить?

— Клянусь. Ни словом, ни делом. ...Оно уходит, это невероятно! Что это за ужасы небытия?

— Да какие ужасы, это просто младшая киса моей любимой, обиделась она за нее. Как там ты ее назвала — ссутулившаяся девочка? Еще и Азочку послала.

— Ах вот как? Значит, поклялась. Да пусть приходят и убьют, не отступлю, не покорюсь!

— Тьфу ты, блин. Еще не хватало мне развязывать войнушки из-за красивых, но до ужаса нелепых поз. Ни словом, ни делом — ты поклялась. А попытаешься нарушить, киса адрес знает. А сейчас ты что угодно говори, после боя наганами не крутят.

Вот глупая! Зато какой хороший урок нам всем в этом «не покорюсь». Меня вот тоже шкалит, что Карни теперь старшая и самая любимая дочка. Но я не Сальва, я покорюсь, смиренно передам ей все регалии, коль на то воля Отца.

Вот так закончилась, пожалуй, самая нелепая, самая абсурдная и самая быстрая магическая война. И вот так я впервые в полной мере осознал, до какой степени магия реальна. Магия, которая может вершиться безо всяких ритуалов 2,22, магия, которую не спишешь на совпадения. Та самая большая, даже великая магия, о которой современным магам-по-воскресеньям остается только мечтать. И похоже, Звездная мантия вводит меня в мир этой самой магии, уже не как пассивного наблюдателя, идиота, которого Акташ по Черным водам таскала, чтобы добела отмыть. А полноценным воином и игроком.

— Любимая, я в восторге от твоих кис. Налей ей звездного молочка и погладь за ушком. Я очень хочу с ней подружиться, я прямо ее чувствую, какая она теплая и звездная...

Впрочем, чудеса на этом не закончились. Юля написала мне на следующий день:

— Ты не представляешь! В моем поле Нергал появился. Я тебе о нем рассказывала, ты же не забыл? Тот самый, у которого силы Смерти в даре. Он до этого уже почти год не писал. А знаешь, что он пишет?

— Ы?

— Сестра, ты стала жрицей Люцифера. Я видел твои крылья, они очень красивые.

Ни вопроса, ни осторожного наведения мостов — мол, а не работала ли ты с Люцифером? Ни наводящих вопросов. Ничего. Только спокойное и абсолютно точное знание. «Сестра, я знаю, что ты стала жрицей Люцифера. Очень красивые крылья». И это ровно через сорок восемь часов после становления. Знал бы он, какое это было становление. Или знает? Жрицами Люцифера так просто не становятся. Кто он такой, хотел бы я знать? И — если ему действительно подвластны силы Смерти, может быть, он сможет помочь и не пустить? Это же в две стороны работать должно — и убивать, и спасать.

А самое невероятное что я тоже чувствую присутствие Нергала и его представителя. Новое поле, не враждебное, а как бы изучающее. С человеческой точки зрения, я должен бы обеспокоиться и даже напрячься. Бывший мужчина мой Изумрудной Королевы появляется в ее поле. Моя магия — сексуальность, иногда деньги, иногда —

игра вероятностей. И Звездная мантия Люцифера. Но за ним именно та магия, которая никогда не была мне подвластна вовсе. Магия смерти. После таких новостей любой, в том числе я пару лет назад, наверное, стал бы бить в набат и выставлять любые мыслимые защиты. Но все происходит прямо противоположным образом. Я чувствую совершенно иррациональный сигнал сердца. Родство. Брат. Брат. Брат. Как будто не я, а сам Азазель узнает — пришел даже не двоюродный, а единокровный родной брат. И брат точно не посягнет на договор Источника, договор Люцифера. Напротив, если повезет, если продеремся через человеческие косяки, мы действительно можем стать братьями. И быть может, он найдет решение.

Глава 17. Бенефис Эллоизы

Победа? Блистательная победа, в которой меняются правила игры раз и навсегда — и постепенно, шаг за шагом, меняется вся картинка. Черные звезды собрались в созвездие. Хозяйка Западных врат заняла свой трон. Питерский круг принял новую жрицу, хотя это казалось невозможным. И самое главное. Живая. Родная. Дома. Все позади? Неужели Люцифер ошибся? Неужели есть шанс? И моя звездочка, моя Вега оказалась ключом, сокрытым до времени.

Но не рано ли праздновать победу? Мы слишком хорошо помним: Люцифер приходил. И то, что он говорил, и то, что я видел его глазами, невозможно вот так просто взять и забыть. И на странице Марти все та же аватарка с каменной стеной и узкой щелью в небеса.

Больше всего я хотел скорей увидеть Марти. Оказаться с ней на глубине, на самой большой глубине, какая возможна. Отдать себя ей в руки. Что грязно, что скверно, где слабость — пусть очистит, укажет, проведет. В ее руки я, не колеблясь, готов отдать свою судьбу и свою душу. Сколько десятков тысяч несчастных ищут Мастера, наставника и становятся заложниками амбиций серых! Скольким, как мне удастся, найти настоящего Мастера? Я называл ее Учителем с того момента, как мы познакомились, как будто сам провозгласив ее своим учителем, что она просто приняла, не уточняя, не споря и не вводя правила игры, кроме одного естественного запрета.

Теперь наша магия работает и без 2,22. Теперь Азазель может заглянуть ко мне утром и сказать, что я таки нарвался на приказ Патрона, а правильно сделанный ритуал Истока под прикрытием Кошачьей стражи не позволит никому навязать мне свои правила игры.

Все слишком по-другому, магия стала осязаемой, как горячий воздух. Но мне нужно, чтобы Мартиэль сводила меня на глубину, показала там, что должен я сделать, чтобы стать достойным дара, который сделал мне Люцифер. Ибо я уже начал понимать, что мантия Звездного света — это не парадный наряд и не царская корона. Это нечто, являющееся, как сказал в одном из полетов Люцифер, трон и крестом одновременно. И такой дар нужно нести достойно — так, как все эти годы без единого лишнего слова несла Мартиэль. Поэтому, быть может, в эту встречу так Люцифер поговорит с Люцифером, войдя в зеркальный коридор. Два Севера в одном пространстве — возможно ли? Но наверняка необходимо, наверняка будут ключи.

О полете мы договорились. Отменил все встречи, все планы, все задачи. И в наш полет взял тройное 2,22. Три книги Тимоти Лири сразу — прочитать такое не всякому под силу. Но под ее наблюдением не страшно ничего. Была только одна беда. Грех. Моя искушающая злая часть раз за разом подталкивала меня к греховным мыслям, призывая читать знаки определенным образом. Зря что ли она отметила, что любая информация важна? Зря что ли во сне Веги было почти ритуальное обнажение? Серый умеет быть логичным, подвигая к греховным мыслям как бы исподволь. Впрочем, теперь я уже что-

то понимал и чувствовал, что даже если она узнает об этих мыслях, она простит, это не будет причиной для изгнания или чего-то подобного.

Три книги сразу. Такого не было никогда, да и не думаю, что будет. Одной хорошей книги обычно хватает, чтобы набраться знаний. А здесь я сразу лечу в сияющую бездну. Я говорю на языках птичьих и драконьих, точнее, это она учит меня этим языкам, когда, собирая бессмысленные сочетания букв, мы вкладываем в них сначала смысл без смысла, а потом и энергию, разряжая накопившееся напряжение. Я вкладываю в них все, что накопилось: страх, стыд, вину и даже само влечение.

Первое облегчение проходит, и очень скоро меня захватывает вторая волна. И на этой второй волне невозможно ни врать, ни раздваиваться, ни скрывать. Маски слетают как листья осенью.

— Прости меня. Пожалуйста, прости, если сможешь. Пообещай меня простить!

Мне уже все равно, это напряжение невозможно сдерживать.

Марти осторожно осведомляется, о чем идет речь.

— Я думал о тебе с вожделением. Я позволил тому посланнику захватить мои мысли и вовлечь в недопустимое, преступное вожделение!

Ну вот и все. Сказано. Жду.

— Мне не за что тебя прощать. Желание, влечение ученика к учителю — нормально. Только через это можно что-то передать, направить. Это не значит, что по первому влечению сразу надо в койку направляться. Но если его нет — нет ничего. Я когда училась играть на гитаре, была влюблена в учителя и только так смогла принять в себя его дар. Нет никаких строгих запретов. Есть необходимость или ее отсутствие. Сейчас мой эрос совсем в других формах. — Она сказала одно слово, и стало ясно, что, действительно, в прямом контакте необходимости нет.

— А что значат знаки? Господи, как же здорово, что ты не обижаешься на меня. Ведь ты обижалась тогда, до Йоля, а больше я ни в чем не был виноват.

— За что мне обижаться. А про знаки... То-то я смотрю, что мне аккурат на Йоль снится, что мы трахаемся и это никому ничего не дает. Бессмысленно так трахаемся. Нахрена это надо? Но считать себя смертным грешником за то, что сам же считаешь священным, — это точно не по-люцифериански.

Кажется, что с плеч упало гор этак пять. Сразу и оптом. Оказывается, дело не во влечении, дело в подавлении, прошившем меня до основания. Так мы можем говорить совсем обо всем? Как же хорошо на глубине, тут можно говорить обо всем.

— Тебе пока, чтобы говорить обо всем, нужно что-то дополнительное. А мне нет, я всегда могу.

Всегда. Легко сказать. Сколько страхов, начиная от страха разочаровать и заканчивая какими-то уж совсем неявными страхами сделать что-то глобально ошибочное. Там, в мире, у меня уже не осталось страхов, после того как я две недели готовил себя к смерти. Но перед Мастером, перед Матерью, удочерившей меня через чашу причастия вином с кровью, больше всего на свете я боюсь оказаться ничтожным.

Третья волна. Волна, окончательно сбивающая с ног. И на этот раз начинает проявляться нечто совершенно неожиданное. Эллоиза. Моя Элли, моя Анима всецело занимает мое тело. Много лет назад она впервые проявилась на несколько минут. Сейчас это полноценное, мощное проявление. Эллоиза. О да, это тоже я, царственная куртизанка, соблазняющая королей. О милорд, о цезарь, о сеньор, разве я не прекрасна, разве мой танец не для вас? Вибрации и образы искр танца, словно пытающиеся вовлечь своего короля. Ни одного прикосновения, но поле накалено добела.

«Вот черт! — доносится мысль моего эго. — А я собирался поговорить как Люцифер с Люцифером...» Элли, кажется, впервые на длительное время берет контроль над телом, и я уже точно не я.

На той стороне времени нет. И скоро сменилась фаза, и я видел Город, видел его новыми глазами, где каждый дом был чем-то живым, со своей историей.

Четвертая волна. Покой. Ну вот и все. Я вернулся домой. Я здесь, я в семье, которой у меня никогда не было. На смену безумному танцу Эллолизы приходит тотальная родственная любовь. «Ты всегда была и останешься самым родным для меня человеком». В эту волну счастья вернувшегося в свой Неаполь вкрапляются крупинки горечи: почему я понимаю все так поздно? Мы беседуем. Марти рассказывает мне о своем пути, о своем восхождении, мистерии, где она шаг за шагом собирала свою вселенную. «Высокое небо, прости все мои неизбежности».

Пятая волна. Когда уже казалось, что мы находимся в вечном договоре и я понимаю главное. Что есть последний дар Люцифера, узнавание семьи, рода. Если бы я мог осознать значение усыновления через кровь с самого начала! Скольких ошибок удалось бы избежать! Но нет ошибок — нет и сказки, а кабы бабушке да дедушкин хуй...

Последняя волна. Мы уже ложимся спать. Я вспоминаю, что Марти устала. И вот тут я попадаю в комнату на полную мощь. Самый большой кошмар, какой встречается с той стороны. Когда все естество идет лоскутками. Когда кажется, что больше не будет ни времени, ни пространства, а вся жизнь — это не мерно двигающаяся стрела времени, а хаотические мазки неведомого художника. Ужас до ослепления.

— Кем я буду, когда проснусь завтра? — Засыпать страшно до озноба.

— С собой. Успокойся ты. Вот не понимаю, что ты цепляешься за это свое эго? Понаслаждался бы другим способом восприятия, все равно скоро закончится. Хочешь — за руку меня поддержи.

Держусь за руку. Осторожно начинаю вспоминать. Две женщины. Рысь. Магда. Позвонить Рыси, услышать ее. Не потеряю ли я лицо, показав слабость? Нельзя. Нельзя. Нельзя. «Расслабься — договор Источника. Имеешь право, если не наглеть», — где-то отдельно от меня слышится голос, быть может, Азазеля, а может быть, просто моего обычного сознания, которое оказалось потерянным.

— Дорогая, я рассыпаюсь. Полностью. Все осыпается. Будь со мной. И пошли мне своих кис. Они хорошие, звездные, синие, и у них такая шерстка... Так хорошо заснуть, уткнувшись в бок одной из твоих кис. Кисы Нахемы. Кому ужас смертный, а кому и любимые кисы. Я чувствую, как появляется это темно-синее сияние, нежно окутывающее меня, собирая рассыпавшиеся части по кусочкам.

— Да, Марти, ты знаешь, я доверяю тебе как никому. В руки твои отдаю себя и Юлю.

На этих словах я засыпаю спокойно.

Глава 18. На могиле поэта

Карни. Жемчужинка. Единоутробная сестра, драгоценность короны Люциферовой. Сколько встреч, сколько ночей, сколько мистерий, мы соприкасались светом и жизнью, порой доходя до каких-то невероятных состояний, где она раз за разом работала, чтобы вдохновить, найти жемчужины новых смыслов и образов. Преданная всей сутью самому принципу логоса, света, жизни. Искорка пламени Его.

Происходящее отодвинуло ее на второй план. Видят боги, я не хотел этого. Но — договор Истока, жречество, коронация Матери Истока, рождение жрицы Люцифера, которое увидели даже боги на другом конце Земли. Весь фокус, вся энергия, весь луч внимания сошлись на Изумрудной Королеве.

Ко всему прочему, у Карни начался роман с тем, кого я не раз называл «брат под шелухой». Брат враждебный, чуждый, но на каком-то глубоком уровне имеющий со мной слишком много общего: общие идеалы, общие кумиры, общие идеи. Похожи мы с ним местами до неприличия, вот только до сих пор мне удавалось обходить его и ярче светить. И каждый раз, когда появлялись женщины, что несут силу, мы как будто незримо сталкивались.

Две прекрасные и самобытные женщины разочаровались в нем почти по одной и той же причине — из-за его откровенно бессмысленного и нелепого текста о богине Иштар. Ни одна истинная женщина не пойдет к мужчине, способному написать такой текст. Старше меня по возрасту, под шелухой он кажется неумным подростком, вечно тянущимся и вечно избегающим женщины.

И вот у Карни начался роман. Слишком редкими стали наши встречи, и слишком сильным было пламя, чтобы проводить недели в ожидании нашей встречи. Казалось, мы расходимся, — мирно, тепло, дружески, — но на смену страсти приходит спокойное тепло.

Ставка Азазеля не может быть моногамной, но здесь, в танце Изумрудной Королевы, который, похоже, перешел в галоп, на какое-то время от меня отключило вообще всех. Слишком много чудес связывало нас, главным из которых был приход самого Светоносного. Так сильна была эта связь, что даже новость о романе Карни с моим непутевым братцем-подростком не произвела на меня впечатления.

И все же жемчужинка не оставила меня совсем. Эти несколько недель, когда я, кажется, перестал ее видеть, да еще считал, что она живет в нелепых сказках, мы почти друг друга потеряли. Для нее это было тяжелое время, ибо она помнила то, что не помнил я: мы словно близнецы из единой утробы.

Горький момент. Но в таких моментах и проверяется, есть ли в человеке чернотезность. Уйдет, озлобится, сменит любовь на ненависть — не прошла, посерела, утратила сияние. Некоторые, впрочем, сияние теряют даже до настоящего кризиса, вспомнить ту же Сальву. Сможет встать над собой, не озлобиться и не унизиться — значит, действительно Его свет в ней. Всех нас проверяют. А мы все, сами того не желая, двигаясь по жизни прямой стрелой, проверяем друг друга. У каждого своя проверка.

Меня проверило там, у Каина, когда вместе с мастером и учителем пришел тот, кто воплощает в этом мире серый закон. Проверило Изумрудную Королеву, заставив потерять лицо и порадовать тех, кто так хотел ее падения. А сейчас, когда я сам того не желал и даже не подозревал, Люцифер через меня проверил Карни.

И да, идиллия с непутевым моим братцем под шелухой продолжалась недолго. Очень быстро он показал свое скрываемое серое лицо. И ведь на чем прокололся, дурачина, — на игре, на магии, на танце, который он оттолкнул, боясь за свою солидность и авторитетность. И это называется джокер — ой, не смешите мои тапочки, не огорчайте мои носочки, тоже мне Джокер! До конца они не разошлись, но то доверие, когда увидела она в нем дух Люцифера, уже не вернется никогда. Пока она остается с ним, верит, что может Серого изгнать. У Акташ же со мной получилось. Но только я-то изначально признавал священность женского принципа, и уже на это накладывалось все остальное. А этот дурачок до конца жизни от богини Иштар бегать будет.

Прошло несколько недель, и вдруг Карни вновь постучалась в мой мир. И совершенно неожиданно она предложила то, о чем я даже не мог подумать.

Помню, в самом начале нашего знакомства, когда псы и львы вызвали звонок «следственного комитета», я очень осторожно намекнул Юлии и Карни, что неплохо бы пойти по пути Магды с Иштар и встретиться в совместном эротическом танце, дабы объединить силы. Очень осторожно намекнул, боясь ранить чьи либо чувства. Тогда эту идею не поддержал никто.

А сейчас, когда прошло три месяца, Карни, вспомнила мою идею. И при изменившихся правилах игры в этом уже не видел смысла я. Мне было не от кого защищаться, Магда больше не атакует псами, а просто так идти на прямой сексуальный тройственный союз для женщины — слишком тяжелое испытание. Поэтому я просто отмахнулся от этого предложения.

Как выяснилось чуть позже, я оказался неправ. Нелепое непонимание. Карни, как это не невозможно прозвучит, действительно хотела этого тройственного опыта. И

столкнувшись с моим отказом, она написала Юлии напрямую. К моему огромному удивлению, Юлия с большим энтузиазмом приняла это предложение.

Ай да Карни, ай да мать драконов. В ситуации, когда казалось, наш союз летит к черту, она смогла то, что, наверное, не смогла бы ни одна женщина. Она стала видеть Изумрудную Королеву моими глазами, и действительно смогла открыть сердце и войти к нам — войти как сестра и возлюбленная. И войдя через удвоенную любовь, в сиянии открытого ею своего сапфира, она, а с нею и мы вышли на новый, невиданный раньше уровень танца, где рождаются смыслы, драконы и боги.

Тогда и произошел тот первый полет, когда встретились сестры. Уже давно они знали, что родственны они через серебряные нити Истока, что, встретившись, каждая может дать другой нечто, чего ей не хватает.

Очень насыщенный это был полет, где приходили боги и рождались драконы. К сожалению, я не слишком много помню, ибо в основном это был танец двух богинь, а уже потом третьим включался я, с трудом поспевая за ними.

Есть тонкая разница между выходами под шелуху с Юлией и с Карни. С Юлией мы почти всегда попадаем в одно и то же пространство и видим ровно то же самое, синхронизируясь до последних, самых отдаленных граней. Азазель и Нахема.

Карни видит, чувствует и дышит на другой, более высокой и близкой к Люциферу октаве. Выше, дальше меня, ближе к миру чистого сияния Люциферова. Мне тут остается только устремляться, тянуться в своем видении и понимании до ее вершин эмпирии, но если уж удавалось мне дотянуться, а ей дотянуть, то видел и узнавал то, что не знал и не видел никогда.

Я ведь даже ревновал к ней. Какая ирония — ревновать не любовницу, а к любовнице. Ибо не сразу смог я признать, что она действительно ближе к Марти, чем я, несмотря на годы ученичества и лично данную мне Звездную мантию шахеншаха. Как-то, узнав, что Марти вновь собирается пообщаться с ней, а не со мной, я сказал: «Повезло тебе, что ты моя любимая женщина и сестра, ибо, если бы ты была мужиком, я бы точно тебя отравил, как Сальери Моцарта». Сложный и двусмысленный комплимент. И, пожалуй, самое уважительное, что может услышать женщина.

Когда она видит радугу и дракона, я только чувствую изменение вибрации. Там, где она видит легионы, я чувствую лишь большую подтянутость и мобильность. Рядом с ней я казался себе троечником. Каким-то образом ей удавалось понимать, что говорит Марти, с полуслова или полупамятки. Мне нужно услышать раз десять.

Решение Карни на тройственный союз было на удивление удачным. Ибо через Нахему — Лесенку легко транслировала Карни все тончайшие грани реальности, которую видела, и настолько было их взаимодействие сильным, что я даже впервые смог провести одну из форм дракона.

Но, надо сказать, этот полет был прежде всего для сестер, которые впервые встретили и узнали друг друга близко.

У меня, как всегда, — страхи, ожидания, опасения. И, разумеется, все опасения были опровергнуты практически сразу.

Сестры начали свое погружение с тончайшей алхимии, соединив имена и танцуя в вибрации истинных имен, спуская на землю свет звездный. Легко закручивали они вихри энергии, так что в итоге сотворили движение потока по восьмерке. Впрочем, здесь я понимал далеко не все, поэтому их танец воссоздается по обрывкам записей Юлии, которая, как истинный маг, записывает результаты каждого глубинного скраинга.

— Лилит. Нахема. Ты Нахема, я Лилит. Все мое — твое. Все твое — мое. Три восьмерки в центре мандалы, мы сияли каждая своим светом. Красный — я. Зеленый — Изумрудная Королева.

И вот мы видим третий камень, личный камень Карни, ее личное сияние. Сапфир.

— Ты теперь тоже Лилит, а я тоже Нахема. Мы можем видеть игру имен. Лилит есть Лейла, но в любви ее имя Лейли. Нахема есть Наама, но в самой своей нежной грани — Наами. Сестра, нас хотели разлучить. Буквально недавно. Нас разлучали много раз.

Мы называем свои сокровенные имена, поем их, и имена смешиваются, меняясь буквами. Звучат многие сокровенные имена. Уникальный дар Карни — она может видеть множество живых имен, вплоть до основания бытия, и каждое из имен имеет свою неповторимую вибрацию.

— Лилит была разлучена, разделена, в новом эоне это одна богиня, одна девочка, и мы становимся ею — одной богиней с двумя лицами.

— Вижу, как разворачивается гранат, — говорит Изумрудная Королева, — и в нем огоньки, подобные зернам сияющим. Похож гранат на матку мира, всепорождающую. Эти огоньки — как будто мои дети. Мы поем им, этим зернам, и создаем то единое имя, которое не будет названо никому, но смысл ее имени — Бегущая по радуге.

— Кого мы создали? — спрашивает Карни. — Мы создали вавилонскую блудницу?

— Кто еще может получиться у Лилит и Нахемы? — отвечает Изумрудная Королева.

Я вспоминаю, что еще несколько месяцев назад, в самом начале нашего танца, мы собирались поехать на могилу Сергея Яшина. Но все события как будто восставали против этого. Только сейчас я понимаю почему. На его могиле мы должны были быть не вдвоем, а втроем, тем более что Юлия знала его лично и их танец отражался в его стихах в течение многих лет после разрыва.

А когда мы решили поехать на могилу, произошло неожиданное. Во второй раз — Он. Люцифер. Север. Тот, кого называет «Старшим» сам Азазель. И никому, кто находится рядом, невозможно спутать это проявление ни с чем больше. И обе звездочки увидели, будто даже черты моего лица изменились, а волосы сразу стали светлыми, словно покрытыми инеем.

— Звездочки мои сияющие! — О боги, почему это обращение, кажущееся в простом прочтении верхом банальности, в те мгновения, когда говорит он, звучит как самое полное и бесконечное выражение предельной любви? Любви, вмещающей в себя сразу все виды любви — от сексуальной страсти, до какой-то почти отческой нежности. Увы, текст не может передать звучание. И даже я, вздумай я не к месту повторить эти слова, без его присутствия буду звучать лишь как неудачливый пародист. — Пойдемте со мной, мои богини, мои дочери, дочери Севера. Каждый камень в вашем кольце — мой сконцентрированный свет. Вы несете его. Вы мои грани.

— Мы рады служить тебе, — отвечает Карни, с первых слов поняв, что сейчас Он проявляется как никогда раньше.

— Я счастлив, что вы под моим началом. Какую бы сторону вы не выбрали — первая всегда будет Север. Запад Севера, Восток Севера.

— Ты всегда ведь был рядом? — спрашивает Юлия.

— Конечно. Ваш благородный северный род. Ты прошла испытание. Но беда в том, что ты слишком беспокоишься, прошла ли ты испытание. Воплотите свои кольца! И поймите одно. Все люди видят меня на престоле, не понимая, что это крест.

— Дай нам свое имя, известное только нам.

— Дайте сами.

Сестры поют в один голос, и это похоже на нездешнюю песню. Так появляется новое имя. Тот, кто должен пробудиться. Древний дракон. Пусть летит, пусть танцует, пусть направляет живой огонь, возжигая звезды.

Первые и последние слова новорожденного дракона

— Спасибо за новую форму!

За три года я провел около ста ритуалов 2,22. И почти каждый ритуал, каждый танец освобожденного воображения был в чем-то неповторим. Все происходящее там, на глубине, сперва кажется вырванным из реальности набором хаотичных переживаний. Но

дальше можно увидеть единый узор, единый путь, где одно переживание как бы уточняет и расширяет прожитое раньше.

И конечно, всего через пару дней мы поехали на могилу Яшина

Еще на Самайн Карни увидела, что нам нужно посетить его могилу. Еще тогда она предложила простой, но красивый символический жест — оставить на могиле блокнот с ручкой. Но идея была забыта, а со времен Самайна прошло очень много времени. Нам как будто что-то мешало. Но там, в глубинах души, мы поняли, что должны приехать туда втроем.

Долгий путь на кладбище. Уточнение у администрации о месте захоронения. Абсолютно пустое, точно вымершее кладбище, и только один ворон садится на какую-то могилу с раскатистым «Кар-р-р». «Нам туда», — говорит Карни. И точно — искомый шестой участок, а в пяти метрах от места, где сел ворон, — искомая могила.

Поклонились. Поблагодарили. За то, что был, за то, что писал, за то, что светил. Нашу безмолвную тишину нарушил крик кладбищенского сторожа: «Насыпь не сделать!» Сначала проигнорировали на автомате, а потом уточнили: мол, что, зачем? Да, говорит, холмик за эту зиму совсем просядет. За три тысячи обещали завтра сделать нормальную насыпь. Ощущение, что мы должны были быть тут именно в это время, в этот час, чтобы столкнуться с заботливым могильщиком и обустроить забытую могилку. А ведь сейчас уже почти год с его смерти, и, по многим традиционным представлениям, душа уходит на новый круг окончательно. Поэт, ты это, воплощайся еще у нас, а то нынешние-то совсем не те, и как стихи писать из нутра — уже не помнят.

Пока шел по кладбищу — крепко задумался. А ведь мы совершенно ничего не сделали для него тогда. Тогда все заботы, все тяготы по организации и оплате похорон легли на братьев и сестер, а я как-то все пропустил. Мы задолжали, крепко задолжали. А ведь Серега сделал для нас не меньше: и все ритуалы, весь канон «Касталии» написан именно им. В этот момент в сознании мелькнул Восьмой аркан. Я должен оплатить ограду и памятник. Я как будто почувствовал, как оно должно выглядеть. Всегда считал заботу о могилах чем-то излишним и только сейчас понимаю ту глубинную правду Черной воды, которая бросает каплю из потока Мнемозины в океан Леты. И я увидел, как должен выглядеть его памятник. Семиконечная звезда. Знак Богини. Госпожи, которой он служил всей своей жизнью и своей поэзией. Той, что была для него осью.

И еще на памятнике должны быть последние строки одного из последних стихотворений Мэтра:

*Моя Любовь всего земного выше.
Она идет... Ее шаги все тише...*

Это так важно — уметь чувствовать глубинную правду Черной воды. Если вы знаете и слышите риту, закон, который звучит в наших сердцах каждое мгновение, — вы будете вознаграждены. Если нет — лучше забудьте о своих мертвых, кладбищах и душах. Спиритизм — вульгарная и невежественная выдумка, основанная на слепоте. Но почувствовать душу ушедшего через дыхание ветра в ветвях березы, полет ворона или неожиданно пришедшую из глубин завершённую картинку? В этом, не вербализуемом, не систематизируемом, как сама Черная вода, движении душ и есть настоящая магия Черной воды.

Между магией истины и черной магией в отношении мира мертвых лежит тонкое лезвие. Быть готовым услышать, почувствовать, держа свои врата души открытыми — вот магия истины. Призывать — это уже черная магия.

А почувствовать, когда из Черных вод идет запрос души, — это магия истины. Карни увидела, что надо сходить на могилу и символически почтить его память, возложив на могилу блокнот и ручку. Жест, ничего не требующий, не призывающий, не нагруженный. Жест, самодостаточный внутри себя самого — вне зависимости от того,

допускаем мы существование жизни после смерти, не допускаем одного или убеждены, что души сразу идут на новый круг воплощения. Подобный жест глубоко гармоничен внутри самого себя, символически красив. Карни даже не знала Сергея, но с самого своего прихода чувствовала, что он как бы главный мертвый нашего пространства, тот, кто дал первые толчки. А потом для нее стало ключом стихотворение «Дева Сапфир», почувствовала, что через это стихотворение дышит ее истинная суть, ее камень.

По странной иронии судьбы, у Сергея были стихи «Дева — Рубин» и «Дева — Сапфир», но не было «Девы — Изумруд», хотя единственная, с кем он был знаком, и знаком лично, — Изумрудная Королева. В те далекие времена мы даже соперничали за любовь Изумрудной Королевы, пока наконец она не устала от нас обоих.

На кладбище мы, глядя в один Исток, усиливали видение, настройку друг друга. Не призывали, не вытягивали, не делали каких-либо искусственных жестов, которыми так отличаются попсовые маги, чья магия насилует мироздание. Все, что нужно — счистить друг с друга лишнее, а все остальное откроется само.

Будет ли памятник таким, как должно? Будет ли на нем звезда той, кому он служил? Слишком многие боятся, и когда я заговорил с теми телемитами из ОТО, которые организовывали его похороны, первое, что я услышал, это «Абы чего не вышло». Правда, когда я обратился лично к Марсию, он обещал «все решить», но только боги знают, что скрывается за этими словами...

Глава 19. Нефилим

*Высокое небо, прости все мои неизбежности,
Застывшие между слогов, прошедшее между камней.
Я тысячу лет и чуть больше хотел твоей нежности,
Но мне оставалась лишь жажда и тихая песня о ней.
Группа «Магелланово облако», из песни «Жажда»*

«Наши рыси объединяют континенты!» — плакат, попавшийся мне на пути всего-то месяцем раньше. Милая рысь с рысятами нежные чувства вызывает просто на рефлексе. Реклама какого-то не то зоопарка, не то биостанции. Что может быть естественнее, чем остановиться и сделать фото, которое сразу отправляется любимому Рысенку? Мило звучит.

А через месяц Изумрудная Королева в одной из медитаций увидела миг рождения обратного древа жизни из вспышки света и решила освежить свои знания по теневому древу. Сложное и очень красивое было у нее видение, его даже и словами-то не описать. В общем, в поисках информации заходит она на главный сайт Майкла Форда, известного западного люциферианина.

Я признаюсь честно — до этих событий с некоторым скепсисом относился ко всем люциферианам, кроме наших, серебряннонитевых и чернотелых. Поэтому даже мысли не было поинтересоваться, проверить: а вдруг там действительно что-то стоящее.

Стоящее — это мягко говоря. Ищем схему древа — попадаете Книга Нефилимов. А рядом еще одна книга, в названии которой — я узнал один из наших ключей.

Сюрпризы начинают множиться, когда мы погружаемся в другие тексты Форда. Книга Нефилимов. И главное открытие — Азалюцель, который есть соединение двух вечных братьев — Люцифера и Азазеля. Что Люцифер и Азазель — братья, ну или побратимы, я знал от Марти, но что они могут быть соединены в одном имени, и это, в некотором смысле, имя высшей реализации, — я узнал впервые. И главный вопрос: откуда эти ребята знают? Дальше — больше. Аз или Азза, как имя теневого Лилит. «Как тебя зовут, детка?» — вспомнилась мне неудачная атака Сальвы. «Азза», — было мне

эхом. Тень Лилит, Тень хозяйки, та Лилит, которая проявляется как демон пустынь, а не как хранительница жизни. У каждого бога есть Тень.

Ох жаль, что я на Форда раньше не обратил внимания. Впрочем, недоверие понятно, ведь у нас есть два Люцифера, и никогда по названиям невозможно узнать, кто кому служит. Есть настоящий Люцифер, спаситель, источающий свет для свободных и взрывающий пласты оцепенелых равновесий. А есть его дубль, Тень, двойник, тот самый Серый хозяин. И сколько раз, идя на свет имени Люцифера, сталкивался я со служителями обманного, ложного света, его дубля!

Но здесь о дубле речи даже не шло. Слишком много ключей открыли эти ребята. И как символ Азазеля — герб со стрелой. Тот самый герб, который я увидел, еще когда через меня пришла душа отца Юлии, так похожая на Азазеля. Невероятно!

Думаете, это все? Главный ключ. Ключ, который проводился во всех песнях Мартиэль, ключ, который определяет нас по сути. Черные звезды. Вот что пишет Форд в одной из программных работ: «Люцифериане согласны с тем, что мы — звезды, но не простые. Мы звезды, упавшие с небес, чтобы обрести независимость и свободу от ограниченного "я" и рабской системы верований».

Это уже слишком много совпадений, единственная беда в том, что я слишком плохо знаю английский, чтобы напрямую пообщаться с этими ребятами.

Тут и узнал я главную новость. Оказывается, Ставка Нергала лично знаком с Майклом и был его не то другом, не то учеником. А сама Рысь в свое время общалась с Майклом. Подумать только, совпадения так совпадения! Похоже, наша Рысь действительно со временем объединит континенты света Люциферова, дело только за тем, чтобы перевести мою книгу и передать ее для открытого использования. Пусть что хотят делают: хотят — издают, хотят — выкладывают. Здесь не в деньгах дело, здесь в огне дело. У них-то дела еще посложнее, чем у нас: мало горящих и сияющих на Западе осталось. Даже сам Майкл, говоря, не желая профанировать знание, отказался от любых посвященных проектов и сосредоточился чисто на издании книг.

Соединим континенты? Жизнь покажет. Ставка предполагает, а Патрон располагает, а есть еще и старший брат Патрона, так что делать какие-то прогнозы, ой, преждевременно. Однако даже самого открытия этого архива было достаточно, чтобы получить более твердую базу для создания формул своего ритуала.

Карни начала сиять еще сильнее, чем прежде. Казалось, у нее открылось третье дыхание и она могла зайти куда дальше в пространство мира самых высоких и тонких символов.

Сперва она обрушивает поток символов, сюжетов, образов, столь насыщенных, подробных, детальных и многослойных, что в какой-то момент невольно начинаешь сомневаться — а не домысливает ли она свои опыты? Но стоит приглядеться повнимательнее — и становится ясно: все, что она делает, действительно целиком и полностью идет из Истока, как ни трудно бывает порой сразу понять сложную гамму символов и смыслов, которую она порождает.

Несколькими неделями позже она сообщает нам с Юлей: где-то вот-вот проявится новая сестра. И нам надо ее найти и включить. Держу пари, что для читателя, привыкшего мыслить шаблонами, наверняка факт, что женщина загорается идеей привести в и так тесный круг еще одну женщину, может показаться более фантастичным и невозможным, чем магические войны с атакующей Кошачьей стражей, которая в мирное время оказывается самым теплым и надежным укрытием для мятущейся души. Но факты говорят за себя. Карни достигла того уровня, когда стала чистым выражением воли Истока. Ей больше не надо думать или конструировать нечто, она просто чувствует сигнал из центра и следует за ним, ведя за собой.

И где же нам искать новую сестру? После пары совершенно неудачных поисков-сигналов, по чисто поверхностным знакам Карни понимает, что, скорее всего, это Пифия. «Я хочу ее увидеть». — «Но, сестренка, то, что сработало в случае с Изумрудной

Королевой, которая, вообще-то, Нахема, перепугает хрупкую, нежную и ранимую Пифию».

Волею судьбы мы едем вместе в северный город. Она — по своим делам, а я — к Пифии, с которой мы так давно не виделись в этом безумном потоке событий.

— Ох, я вижу, что будет что-то интересное, — говорит Карни. — Я вижу, что ваша встреча принесет нового дракона. Ох она не простая, хотела бы я хотя бы присутствовать рядом с вами.

— И как ты это себе представляешь?! — Юлию я еще мог представить в опасных экспериментах, но хрупкую Пифию — уж точно нет.

Я приезжаю к Пифии, и первой же ночью она говорит, что очень хочет увидеть Карни. На нашем языке это означает: «У меня для нее пакет». Ну ни хрена себе! Сначала Карни кидает запрос на взаимодействие с Пифией, а на следующий день приходит обратный запрос. Явно происходит что-то очень странное и уже давно не уместящееся в человеческие представления.

Карни и Рысь — это одна история. Карни и Пифия — совсем другая. Пифия имеет уникальный дар — способна видеть сразу из множества потоков по всему ближайшему пространству, в то время как Карни прекрасно выделяет из потока неструктурированных данных ключевые смыслы и идеи. Карни и Рысь любят вместе приятно отдохнуть и поиграть смыслами, потанцевать и ловить ощущения друг друга, усиливая с невероятной утонченностью каждую грань эротической игры. Карни и Пифия — вместе пашут аки Путин на галерах. Это даже нельзя назвать оргией — если в течение восьми часов сложнейшей, сосредоточенной концентрации на образах, смыслах, потоках двадцать минут таки выпадает на секс, понятно, что заняться сексом мы могли бы и по отдельности — а настоящая цель здесь совсем иная.

Когда Карни и Пифия работают вместе, это соностройка, где слова значат гораздо меньше по сравнению с избытком невербальных энергетических посылов, которые я вовсе не способен улавливать. Поначалу, наблюдая их взаимодействие, вообще невозможно понять, что происходит, о чем, как, для чего они говорят и что хотят понять.

Но проходит момент первого непонимания, и если удастся отключить ум и просто упасть в потоки смыслов, которые видит из глубины Пифия, прозрения, которые рождаются, по-настоящему драгоценны.

Первая же фраза Пифии: «И что, мне взаимодействовать с Азазелем в женской форме?» Непонятная, странная фраза. Фраза, которая заканчивается настоящим взрывом прозрения, когда мы с Карни понимаем, пожалуй, самую невероятную вещь. По вибрации, стилю, форме, энергии она — мой брат Азазель. Могу себе представить, до какой степени это безумно звучит, но когда, вдруг взглянув на давно знакомую любимую, узнаешь свой стиль, свою интонацию, свою манеру речи, которая появляется именно на высших октавах проявления, — наступает настоящий катарсис. Даже в наших именах — первые три буквы дословно совпадают.

Совпадение? Ну это кому как приятно думать. После атакующих звездных кошачьих я готов раз и навсегда заткнуть автомат, привинченный к нашему мозгу, и может, раз за разом повторять только одно слово — невозможно, невозможно, невозможно. Если вы во внутреннем кругу — возможно все, уж поверьте мне. Даже то, что твоя любимая во всех смыслах сестра оказывается под шелухой гранью того же бога. Азазель. САХ один на троих. Только здесь я понимаю, что значил этот странный образ на озере. «Дети из одной утробы» — фраза, казавшаяся мне до сих пор своего рода метафорой предельной эротической и эмоциональной близости. Некоторые метафоры оказываются очень плотными и осязаемыми.

Мимоходом Пифия говорит, будто жалуясь на меня: «Он всегда не на того думал, не того подозревал. С Велесом я, видите ли, ошиблась. А не успела Королева занять Западный трон, фрейлина уже побежала ей гадить. А на меня собак вешали».

Да что это происходит, черт подери? Я знаю абсолютно точно, историю нападения Сальвы на Рысь, Пифия не знает. Карни — да, знает, но здесь и сейчас она видит Пифию в первый раз, и абсолютно точно они нигде не говорили отдельно.

Да кто она такая?! Я вспоминаю историю ее становления. «А хочешь, и твоя подруга нас услышит?» «Вот-вот упадет метеорит». Наверное, после всего произошедшего нам уже давно пора перестать удивляться, но как-то не получается. Ибо, если не удивляться каждый раз, крыша поедет окончательно и бесповоротно. «Ты когда-то рассказывал, как Кроули говорил, что нужно иметь двойные мозги, чтобы быть магом, и на каком-то странном основании полагал, что у тебя они есть. А вот теперь придется ими обзавестись, иначе крыша очень быстро протечет».

Как вообще можно воспринимать подобные попадания? Как естественный фон жизни? Как подсказки богов? Как глас, обращенный к тебе, о избранном наш? Да вашу мать!

Боги всемогущие, я полагал, что лимит чудес на сегодня исчерпан. Но Карни продолжает говорить, и из смысловых плетений Пифии рождается стройный узор. «Так что ты там рассказываешь? Тебя на Венеру ставят, а ты сознание теряешь?»

— Ты видишь, она — с Марти едина. Она ее проводила. Ее на Люцифера ставят, а она в больнице оказывается. Скажи истинное имя, — говорит мне, не понимающему, что происходит, Карни.

Боги, я только что принял, что я не единственный Азазель, и второй Азазель — это моя сестра-брат-любовница. А сейчас меня убеждают, что два разных человека могут иметь одно магическое имя, один ключ. Но в этот момент с моим визуальным каналом что-то происходит. Оптическая иллюзия, галлюцинация, назовите это как угодно, но помимо моей воли и желания я вижу проступающие в лице Пифии черты Мартиэль. Имя. Назови имя! И, в отличие от многих перебранных до этого имен, это имя начинает вибрировать! Да так вибрировать, что я сам, при всем своем достаточно закрытом восприятии, начинаю эту вибрацию чувствовать так, что, дабы не упасть, спешно сажусь на пол.

Есть ли хоть одно логическое объяснение? Ну, например, Пифия, зная, что Марти для меня самый важный человек в жизни, стала на нее настраиваться, да так настраиваться, что чуть не разрушила все здоровье. Стройно. Логично. Вот только что здесь делает «Белая змея», которая и есть одна из форм Люцифера и которую она, то есть Пифия, проводит в этот мир? Не думаю, что можно идентифицироваться до таких архетипических основ. Если это — психологическая бессознательная игра, как удастся ей вот прямо сейчас сказать пару фраз, которые когда-то давно говорила мне Марти? Изменение лица — фигня, визуальные спецэффекты, после небесных кис даже не заслуживают упоминания. А вот точные цитаты — это впечатляет.

Хорошо. Даже теоретически мы не можем объяснить это с позиции так называемого здравого смысла. Но это же невозможно объяснить и с точки зрения магической вселенной. Если бы в полете к нам прилетел какой-нибудь архангел и начал размахивать мечом, это едва ли изумило бы меня в той же степени, как это невероятное сходство имен, кодов, истоков. Как вообще два человека в этом мире могут носить идентичную ось, хотя специфика их характера, личности различна? Как два человека могут иметь одно Истинное Имя? Это уже не за пределами здравого смысла, это за пределами любого магического смысла.

А мистерия разворачивается дальше, и Пифия рассказывает, как рождается творение потока. Из песни рождаются струны, струны обретают цвет, струится радуга, превращающаяся в небесных павлинов, которые должны полететь. Это Пифия наверняка и сама прочитала. Но много чего можно прочитать — почему именно этот образ? «Небесные павлины полетели». Она как будто впивается в меня, повторяя эту фразу раз за разом, и я вспоминаю нашу переписку с доброй Юксаре, где я, играя образами,

пытаюсь войти в ее игру, назвав себя Небесным павлином, который не донесет мячик до ее ворот, потому что не умеет летать.

Ответ собеседницы — не то реальный, не то притворный ужас: «Это кто же лишил небесных павлинов способности летать?» Я поддерживаю эту игру, объясняя, что павлины пожертвовали функциональностью крыльев ради красоты и эстетики. И вот тут я с ужасом понимаю, что та шуточная игровая переписка с Юксаре была гораздо серьезнее и страшнее. Не я ли тот небесный павлин, что ради красотей раздал и продал на сувениры перья из своих крыльев? Неприятно закололо под ложечкой, случайный образ, выдернутый из неструктурированной сокровищницы, оказывается еще одним ключом.

Пифия начинает раскручивать еще один образ. И как раскручивать! Меня словно приковывает к этому символу. Белая змея. Люцифер. Очень важно, соприкасаясь с любимыми богами этой земли, не позволять себе потерять изначальную форму. Белая змея перестает быть собой, когда одевается в форму других богов. Велес. Кылчин. Белая змея одевается в их формы и теряет себя.

Вот здесь я начинаю возмущаться. Какого черта! Кылчин мне не враг, только благодаря ему и его посланнице во мне Серого замочили и сделали готовым к встрече с Нахемой. Какого черта я должен подозревать в друзьях врагов и платить черной неблагодарностью? Любые косвенные нападки на Кылчина я воспринимаю как личное оскорбление.

— Да успокойся ты. До врагов мы еще дойдем. Они не враги, конечно. Они — некий принцип. Который взаимодействует и между собой, и с Белой змеей. Но когда Белая змея входит в слишком тесный контакт, она начинает принимать их форму, неважно кого. И забывает себя, забывает свою природу, забывает Ось. Ось рушится. Земные боги изначально идут за очищением к Белой змее, чтобы стать легче, но если Белая змея теряет себя, проигрывают все. Ты — Белая змея, когда же ты наконец то это поймешь!

Как же все сложно. Как же уместить все это в голове. Но я ни разу не видел эту форму — Белая змея. И будто в ответ на свои мысли я чувствую, как вокруг нашей комнаты, в самой стене дышит нечто. Очень спокойное, сильное и могущественное. Хорошо, я сейчас окончательно сойду с ума и объявлю себя мессией, который сюда пришел спасти богов. Спасать людей уже неактуально и мелко, надо сразу заняться богами. Впрочем, ироничный комментарий повисает в горле. Я чувствую, что каким-то образом существует одна-единственная, очень маленькая возможность — понять эти слова правильно. Не впав в мегаломанию, не отбросив, не отвергнув союзников, но при этом не слипаясь с другими формами.

— Слушай, ну это совсем на паранойю похоже. Причем в квадрате. Простые параноики и шизофреники с манией величия — для людей мессии, а я, значит, — для богов. Прихожу я такой к божеству и говорю — здравствуй, бог, это ж я пришел, я тебя спасать буду.

— Не надо никакой паранойи и мании величия, — вступает Карни. — И не надо ни к кому приходиться и что-то там говорить. Кто надо — подойдут сами. Нужно помнить одно — ось. Кто ты на самом деле? Кто ты по роду? Ось. Помни Люцифера. Помни Азазеля. Белая змея, Черная звезда. А не сирота беспризорная. И когда с кем-то взаимодействуешь, абсолютно неважно с кем, — достаточно просто помнить, кто ты. Не доказывать. Не бить себя в грудь. И не попрошайничать. А то как сиротка от дома к дому бегаешь, мать свою забываешь: примите меня, сироту беспризорного, я такой хороший, я вам силой-правдой послужу.

Информации слишком много. Информация лезет из ушей, падает на голову тяжелым молотом, проносится вокруг легкими вихрями. Карни работает с Пифией, как настоящий жрец работал с исторической Пифией в храме Аполлона, мгновенно извлекая правильные смыслы. Братец-сестрица Азазель, летающие павлины, одно сокровенное

имя с Мартиэль на двоих. Боги! Мне бы это запомнить, рассовать по полочкам памяти и постепенно — постепенно, я говорю! — интегрировать этот фантастический поток смыслов.

Впрочем, Карни самую большую бомбу, взрывающую само основание нашей реальности, таки приберегла напоследок. Хитро-хитро на меня посмотрела и с таким подчеркнуто невинным видом говорит, словно речь идет о чем-то давно известном и самоочевидном:

— Кстати, ты таки понял, кто мы на самом деле? Мы — нефилимы Марти. Марти мне рассказывала, что до того, как она смогла родить, у нее было несколько неудачных попыток. Как у меня, только мне так и не дали. Это и есть Мирра, как у твоего Олди любимого написано было. Мать нефилима, Антиса. Не зря ведь рассказывала, она ничего просто так не говорит. Дитя-то свою мать всегда узнает. Я это сразу поняла. И ты это всегда чувствовал, а вот осознать толком не мог. ...А знаешь, почему от тебя Марти тогда отделилась? Ты, дурачина, нефилима моего обесценил. Отмахнулся как мужлан. Ты же себя обесценил, ты не понял еще, себя исторг во тьму внешнюю. Просто иногда на землю приходят очень особые женщины с очень особой задачей. Ставленницы Лилит. Те кто знают, кто они и откуда. Видящие и помнящие. Мало таких, очень мало. ...Очень они хотят детей, а очень долго не могут. И перед тем как одного рожденного дадут, они сколько-то нерожденных создадут. Нефилим. И эта душа, нефилим, идя на новый круг, на уровне сущности точно знает, что родом от другой матери. Поэтому и приходят с совсем иной душой, чем у большинства людей, душой сложной, чуждой этому миру. Это особая роль, таких ой немного, точно так же, как не каждый ребенок Чернозвездный, не каждый неродившийся — нефилимом будет. Тут звезды сойтись должны. ...Да, мы можем приспособливаться. Но всегда знают — мы здесь те, кто чужие. Мы другим живем. Ты сам же это знаешь. Мы можем видеть в духе и преумножать дух. Иногда — свет от света. Иногда драконов. Я еще сначала задумалась, а почему Марти мне это рассказывает, а только теперь поняла. Помнишь старую сказку о дваждырожденных? Люди с самого начала знали, что есть такие — особые, дваждырожденные. Где ненавидели, где завидовали, где за помощью приходили. И рефлекторно хотели подражать им, создавали церемонии, инициации, ритуалы второго рождения. Только без толку это все, если ты изначально не нефилим. Нефилим всегда знает, что он чужой, и свой дом ищет. Ты уже давно нашел, а ходишь все вокруг да около, как сирота бесприютная. Поэтому и ты с самого начала знал, что у нее просить — усыновления. И я знала. И Катя с Юлей, они ведь сердцем с самого начала чувствовали. Даже когда Юля ругалась на Лилит — она говорила: «Мама бросила меня в этот мир, обещая его как дар, а мир обернулся проклятием». По колечкам мы своих узнаем. У тебя рубин, у меня сапфир, у Юли изумруд, а ты видел, как у Кати Алмаз сияет? Светом Истока сияет, она у нас особенная, у нее то же самое имя, что у Марти, она по тем же ключам входит.

Счастье. Усталость от перегрузки снимает как рукой, и все тело охватывает невероятная волна экстаза. Домой. В сущности, Карни права: я всегда знал, что нет и не будет мне человека родней Марти. Учитель, старшая сестра — а вот как теперь оказалось?

Какое странное, невыразимое языком родство. Что бы я без тебя делал, милая Карни, сестренка и братец одновременно? И как тут не вспомнить тот странный разговор Пифии и Марти? «У него же расколота Анима». — «Увы, но иначе он не сможет делать, что должен». Теперь Анима собралась, теперь все наши в сборе.

Откуда-то другая часть поднимается на поверхность. Нелепая, жалкая, слишком человеческая часть. Безумие. Все, что происходило до этого, все видения, прозрения, экстазы, магические чудеса в том или ином виде можно запихнуть в какую-то удобную модель, адаптировать, переименовать. Даже звездных кысей, способных одних убивать, других согревать. Как скажет адаптированный маг — нормально, энергоинформационная структура, принимающая удобную для оператора форму. За

такие формулировки им бы языки оторвать за кисей, но ведь теоретически можно и так назвать — но это, конечно, пока кыси не видят.

А вот теорию нефилимов — ее никак не адаптируешь. Наверняка до такого даже наше западные братья не дошли. Страшная, в сущности, теория. Адаптировать, перевести, сделать более-менее адекватный перевод на человеческий. Кроме знания о нефилим. Потому что либо ты веришь в нефилим — и значит, для всех ты шизофреник. Либо не веришь — и чужой ты здесь.

И я кидаю взгляд назад. Я вспоминаю все ступени, шаги, полет моей жизни, точно полет стрелы. Чужой в своей семье. Чужой в мире, но очень быстро обучающийся нелепым и грубым его играм. Яростно, неистово, пробиваясь шаг за шагом, ищущий свой дом — и в какой-то момент, только услышав песни Мартиэль, сразу, каким-то невероятным, сверхчеловеческим чутьем узнавший ее. Учитель. Мать. Исток. Где бы я ни был до сих пор, даже в самой лучшей, самой близкой компании, всегда оставалось одно «но», граница, стена. По большому счету, до конца я знал только Марти. Мою истинную мать. Поэтому — к черту разум. К черту все границы и удобные политкорректные одежды, в которые наряжают настоящее, безумное, нечеловеческое сакральное добрые дяди и тети, убивая его самым безопасным для них способом.

Посему — отныне и вовек — Нефилим Rising!

Глава 20. Альрауне. Музей совершенных

*Куклы мадам Манделип
Спят, не смыкая глаз.
Куклы мадам Манделип
Нежно любят нас.*

*...И в каком-то гипнозе
Танцуют, вставши в круг,
Или куда-то уносят
Искалеченный труп.*

*Ссорятся чуть не до драки
Ради пряди седых волос
И склизлые черные тряпки,
Обнимая, целуют врасос.*

Е. Головин

Ум человеческий имеет одну характерную склонность, которая во все времена оставалась ахиллесовой пятой даже у самых продвинутых и свободных умов, производивших впечатление смелостью и свободой от условностей времени. Даже у самых свободных мыслителей ум ограничен собой и своим опытом. Все, что вписывается в устойчивую картину мира или хотя бы бросает ей вызов с приграничных районов смысла, может быть принято во внимание, но те смыслы, которые приходят из-за пределов обитаемой ойкумены, автоматически выносятся за круг недостойных для рассмотрения помех. И зашоренный обыватель, верящий во все, что ему сказали священники, и в той же степени радикальный вольнодумец, в сущности, помещены в клетку своих представлений о реальности, воспринимаемых как аксиомы. При этом нет ничего более размытого, чем то, что понимается как норма. У самого твердо стоящего на материальной земле обывателя в шкафу найдется несколько скелетов полной иррациональности вроде веры в приметы. И наоборот — у самого безумного визионера

есть те точки и границы, выход из которых он посчитает нелепым посягательством на здравый смысл, не заслуживающим рассмотрения.

Если такие посягательства совершает человек, который не имеет достаточного веса и авторитета, вытеснение происходит элементарно. Так, услышав слова Акташ о ее богах и, в особенности, «защитных структурах, которые живут в животе», я практически рефлекторно отнес ее к психически нездоровым пограничникам.

Но что произойдет, если информация, которая в принципе не может вместиться в существующую модель мира, приходит от кого-то, чей авторитет в данной системе не подвергается сомнению? Конечно, Мастера с пьедестала никто сбрасывать не будет. Слова будут услышаны, приняты и так же благополучно забыты. Даже если эта информация, ввиду предельного авторитета говорящего, останется в активной памяти, она не будет прожита и воспринята на глубинном, экзистенциальном уровне.

Еще десять лет назад Мартиэль сообщила весьма важный факт. Она услышала, что, примерно начиная с 2001 года, вечные враги, чья вражда существовала от века, прекратили войну. Яхве, бог монотеистов, и его главный враг — Люцифер заключили перемирие. Потому что в наше мироздание вторглась третья сила, которая в одинаковой степени уничтожает истоки и служителей обеих сторон.

Звучит как типичный современный роман фэнтези, в котором «темные и светлые» часто вынуждены объединяться против внешней угрозы. Но ведь можно и с другой стороны посмотреть: если какой-то сюжет вдруг начинает получать распространение, не значит ли это, что он выражает некий процесс, иным образом невыразимый, происходящий в тончайших планах коллективной души?

Итак, «Музей совершенных». Впрочем, любое название — это лишь условность. Третью силу можно называть по-разному: в различных источниках приходилось встречать упоминания о «пустотниках», «пустотелых», «масляных», «смерти третьей» и еще целом ряде названий, каждое из которых выражает лишь одну из возможных граней.

Люцифер больше не воюет с Богом? Это смотря как сказать и как понять. Не ведется полномасштабных боевых действий — это еще не значит, что на местах не постреливают. Война, которая была центральным принципом бытия от начала сотворения мира, война, которая отпечаталась в генетическом коде каждой живой твари этой земли, не может вот так просто взять и прекратиться. Любой из нас может подтвердить, что если за бутылкой встретится люциферианин и христианин и первый скажет ему «я служу Люциферу, и вообще они с Иисусом помирились», логично предположить, что наиболее вероятным ответом на такое заявление будет мгновенный хук справа. И, кстати, даже верно — не следует путать уровни и смешивать планы. Если две страны после столетней войны заключат перемирие — глупо ждать, что их представители радостно кинутся друг другу в объятия. А это даже не столетняя война, это война, до сего дня казавшаяся вечной.

Интересно, что интуитивно это чувствуют все видящие, даже не имеющие прямого отношения к этой войне. Так Акташ однажды в ответ на очередную мою антимонотеистическую реплику и пафосную тираду о том, что я последний воин Люцифера, ведущий свою войну в тылу врага, резонно спросила: «А кстати, с кем ты ведешь войну? Где потери в ваших рядах, где герои, где преследования, где ваши боевые вылазки? Не кажется ли тебе, что эта война идет только в твоей голове?»

Как и любая не укладывающаяся в мою модель мира информация, эти замечания были проигнорированы.

Но и правда, если даже в девяностых годах, сейчас признанных эталоном свободы и демократии, время от времени проходили зачистки — как, к примеру, преследование ролевого движения со стороны спецслужб сразу, как только там проявились пробески огней Люцифера, — на протяжении уже почти двадцати лет мы не имеем ни одного события, которое можно было бы считать полномасштабной и полноценной силовой операцией против несущих Его свет. Из эзотериков реально пострадали разве что

откровенные идиоты из группы «Плутон», которых после публичного заявления о проклятиях в адрес патриарха РПЦ таки арестовали, и несколько квазитантрических групп, реально прикрывавших духовными учениями прямой криминал. Конечно, опровержением может быть, например, та информация, что принесла Гранатка, но даже здесь мы имеем задачу с тремя неизвестными, и главный аргумент — то, что каким-то образом мы все еще на свободе.

Повторюсь: перемирие не значит и не может значить объединения хоть в какой-либо степени. Перемирие — это всего лишь перемирие.

Вопрос здесь другой. Какой же должна быть третья сила, если две силы, лежащие в основе мира, чья война тысячелетиями зажигала костры инквизиций или поносила казематы и пыточные, вдруг решили сказать «стоп»? Сколь же ужасной должна быть эта сила, если «стоп» говорят и те, и другие? Как вообще можем мы помыслить такую силу? Если дать волю самой дикой фантазии, какими должны быть эти «совершенные», чтобы можно было хотя бы помыслить такую паузу?

Поэтому многие годы вопрос «кто такие совершенные?» был не более чем риторической формой среди Чернозвездных, еще одним красивым вопросом, над которым можно поразмыслить между написанием очередного «текста-пули» в адрес Иалдабаофа. Могли ли мы предположить, что когда-нибудь столкнемся с настоящим, живым совершенным, что «совершенный» принцип уже давно заразил девяносто процентов дискурса, если даже в пространстве политической игры противостояние идет уже не между черными и белыми, а между серыми и совершенными, и хрен не слишком сильно слаще редьки?

Кто мог подумать, что я, от души смеявшийся над любыми конспирологическими теориями, окажусь поставлен перед такими обстоятельствами, которые превратят меня в чертова параноика, не способного доверять до конца ни одному человеку, приходящему к нему, если его чистоту не подтвердила лично Мартиэль? «Совершенные очень похожи на нас. Они предъявят все те же ключи и знаки. Они могут иметь даже больше ключей и обладать большей виртуозностью слова».

Серый вступает в силовое противостояние. Совершенный, подобно незаметной присоске, может прилепиться к самому огромному киту и по капле вылакать из него жизнь.

*Они пришли как лавина, как черный поток,
Они нас просто смели и втоптали нас в грязь,
Все наши стяги и вымпелы вбиты в песок.
Они разрушили все, они убили всех нас.*

Так? Даже не так. Еще хуже. Так приходят Серые либо воины Яхве. Совершенные входят в систему изнутри, тихо и бесшумно, постепенно, но неотвратимо подменяя собой все, что было живым, так что в большинстве случаев никто не успевает ничего заметить. Так дерево, выеденное термитами, внешне кажущееся еще живым изнутри, представляет собой пустоту.

Признаюсь, я думал ничего более безумного, чем открытие нашей природы нефилимов, мы уже узнать не сможем. Как оказалось, мы недооценили опасность. И сейчас, когда мы приближаемся к совершенным, у меня есть четкое ощущение, что найдется ой как немного читателей, способных воспринять это в полной мере.

Здесь я хотел бы вернуться к тому, что говорилось в одном из вводных эссе относительно принципа манифестации. Если мы говорим о совокупности некой силы, это не значит, что ее представители — это такие киношные злодеи, осознанно настраивающиеся на некий голос, отдающий им приказы. Любая сила, действующая на земном уровне через людей, это, прежде всего, некий принцип бытия, распространяемый его носителем, как огонь распространяет, скажем, свет и тепло, а колокол — звуковую

вибрацию. Можно сказать, что разные люди, по самой природе своего бытия, изначально «настроены» на вещание той или иной волны и распространяют вокруг себя ту вибрацию, реализуют тот принцип, на который настроены.

Первый сигнал тревоги пришел от Пифии. Когда нам казалось, что все кончено, что мы открыли самую главную тайну нашего происхождения, нашей души — тайну нефилимов, самую счастливую и прекрасную тайну, — нас ждала еще одна тайна. И если первая тайна подарила нам крылья, то вторая поставила под вопрос вообще какую-либо дальнейшую возможность появления в этом мире крылатых — и неважно, будут за ними белые крылья бога или наши, сияющие черным блеском.

Атака на Исток. Именно так назвала Пифия все, что происходило последнее время. Заражение на уровне искажения самого первопринципа. Болезнь Мартиэль, постоянно идущие знаки, указывающие на ее уход. Первая полноценная атака совершенных. Более того — этот пробой прошел каким-то образом с моей стороны, через внешние границы круга «Касталии». И сейчас нам нужно вычислить и отбить нападения.

Магические войны. Твою мать! Двадцать лет назад я делал первые шаги на своем магическом пути, глядя на тусовку магов, воюющих с какой-то другой тусовкой, говорил себе — какой же чушью занимаются эти ребята! И вот когда я достиг высших ступеней посвящения, узнал тончайшие тайны символического, на вершине моего пути меня ждет та самая магическая война, над которой я так смеялся сначала. Боги, у вас прекрасное чувство юмора.

Впрочем, я ерничаю, конечно. Та же, да не та. Там это была война амбиций и бьющих через край гормонов, война, порожденная личными обидами. Здесь — нечто похожее на войну принципов, войну на уровне самой формы бытия, духа против духа, сути против сути, война, в которой враг остается неизвестен и сокрыт, а Исток разделен на множество частей. А мы — хранители Истока. Я, Рысь, Карни, Пифия.

Впрочем, на этой встрече Рыси не было, о чем она потом даже немного жалела. Историческая встреча. Нас опять трое — Я, Карни и Пифия. Идем на глубину. Выше. Глубже. В бездонное расширение, где все смыслы исчезают и есть только разрушенная башня, которую я никак не могу увидеть, но которую прекрасно видят и Карни, и Пифия. Они видят одно и то же, а мне постоянно не хватает личного восприятия для того, чтобы хотя бы понимать, что происходит.

Звучат слова, которые не звучат даже во внутреннем кругу, призываются силы, которые доселе не призывались. Через три спины проходят огненные нити, поднимая на поверхность все искажения, раны, омрачения. Выше, глубже, шире. Три спины тесно сомкнуты воедино. Три ангела как будто касаются нас своими огненными крыльями.

— Исток разделился, — говорит Пифия. — Исток был атакован, разорван, расчленен. Тот, кто стоит за Мартиэль, разделил Исток на три части, чтобы спасти от вторжения. И в каждом из нас — свой Север, свой свет, свой Люцифер.

Сложно. Тяжело. Мучительно. Я не успеваю за скоростью мысли Пифии, но знаю — надо просто двигаться вперед. Начинается долгая чистка себя, где нас швыряет в разные стороны, то поднимая вверх, то бросая вниз. На поверхность сознания всплывает все — страхи, заблуждения, привязанности. Все, что накопилось, все, что искажает.

— Распределяй, главное — распределяй.

Не понимаю смысла этих слов, но каждый раз, когда звучит ее голос, тяжелые волны, будто сдавливающие меня под огромным прессом, начинают расходиться по горизонтали в бесконечности.

— Ось. Главное — ось. Помни про ось. Спецэффекты, боги, откровения — ничто не имеет значения. Ось. Вспоминай центр, ось, проходящую через нас. Древние идут через нас, тройная ось должна стать единой. Ось, главное — ось.

Пытаюсь. Я пытаюсь, но, как нарочно, никакой мистики, никаких хотя бы маленьких намеков на присутствие тотально иного, предельного, абсолютного. Карни и

Пифия прекрасно понимают друг друга, точно слившись воедино. Я едва успеваю за ними, придавленный к земле всей тяжестью притяжения.

Внезапно картинка меняется, и я снова слышу Пифию:

— Искажение первопринципа. Искажение первопринципа. Небесные павлины лишились крыльев. Сова выше павлина, искажение первопринципа, искажение первопринципа.

Это Пифия. Ее слова всегда таковы — сперва кажутся нагромождением абсурдных композиций и наслоений. И только сосредоточившись на обрывках смыслов, кажущихся нелепым нагромождением метафор, можно обнаружить ключ, который окажется самым неожиданным ответом.

Мгновение — и в воздухе повисает пауза, после которой вскрикивает Карни:

— Альрауне! Она показала мне витрину, где стояли сова и павлин, и сказала: «Обязательно передай Телемскому, что сова стоит выше павлина и дороже его».

— Не надо Альрауне! — Лицо Пифии искажает гримаса не то отвращения, не то боли. — Не надо Альрауне.

— Не надо Альрауне, — точно открытую магическую формулу, произносит Карни. Они понимают друг друга, лучше, чем можно было представить. — Не надо Альрауне.

— Не надо Альрауне, — по инерции произношу я и тут же пугаюсь своих слов. Альрауне? При чем здесь Альрауне? Разве она враг? Сколько лет она дружит с нами, помогая в самых сложных проектах, которые не мог бы взять на себя никто другой! Сколько раз она помогала и мне и моему Городу!

— Глубоко пробралась, — вздрагивает Карни, вглядываясь куда-то вдаль, и ее тело сотрясает судорога омерзения.

— Глубоко пробралась. Очень глубоко, — вторит Пифия.

— Не надо Альрауне!

— Знаешь, я неделю назад пыталась настроиться на Марти, а там видела Альрауне, вот прямо лезет, закрывает, глушит, — говорит Пифия. — Глубоко пробралась.

— Не надо Альрауне. Аппо пантос какодаймонос!

— Аппо пантос какодаймонос.

— Ой дура баба! Она же через Гекату зашла. Весь Исток отравила. Дальше не пустили, дальше Лилит стоит, но и этого хватило.

— Дальше не пустили. Не надо Альрауне.

— То-то я смотрю — она мне все подарки дарит, задаривает, как ухажер барышню. Я не будь дурой все ее подарочки — в помойку. Как чувствую. Недавно сказала мне — «Олегу осталось жить два года». Всех гасят. Всех. Про Калугина тоже говорила — скоро уйдет. Гаснет. Я-то все удивлялась: пытаюсь как подруга с ней поделиться, что у меня происходит, но когда у меня что-то настоящее — она ядом исходит. Втихую, по-мелкому нас поссорить хотела. Под скольких своих мужиков подложить пыталась, чтобы только я с ним не оставалась, говорила, мол, возьми себе миллионера. Не надо Альрауне.

— Не надо Альрауне.

Альрауне. Мир начинает осыпаться под ногами. Враг. Но как? Благодаря ей о нас услышали в серьезных литературных кругах. Благодаря ее стихам мы реализуем главную мечту — остаемся в истории. Альрауне не просто важна, она стала незаменимой. Из множества союзников — принесший в клюве самые важные экспансии в инфопространстве. Кто владеет словом так, как она? Кто знает столько сильных мира сего, сколько она? Разве не она защищала меня в самые неприятные моменты, когда казалось, что моей славе и репутации пришел конец? И теперь она враг.

— А знаешь, что она про тебя говорила? Что тебя в восемнадцать лет Белковский травой накурил и изнасиловал, стало быть, с тобой нельзя спать, тебя опустили. Прямо вот втирала, так вкрадчиво, как будто ты ей это по большому секрету рассказывал. А у самой — все мужики только искусственным членом. Я ее как-то спрашиваю — ну

неужели в тебе никто богиню не видел? А сейчас понимаю: там мужик в ней, и он гасит, гасит все.

— Не надо Альрауне. Подмена первопринципа. Подмена первопринципа. У небесных павлинов должны появиться крылья. — Это уже Пифия.

— Сильно заходит. Ой сильно. Через Гекату зашла. Через Лилит пыталась. Все ключи отравила. Ее стихи — это формы проклятий. Ой дура баба, не понимает, куда влезла, ой не понимает.

— Знает она, на кого работает. Не надо Альрауне.

И вот тут включается моя ось. Картинка собирается воедино. Ключом была самая невинная фраза, но за ней — целая композиция, целая игра, целый кошмар. Много у меня было открытых врагов, много серых, много, с кем скандалы доходили до проклятий. Только не враги это были — так, шелуха от семечек. Настоящий враг как в хорошем детективе — самый незаметный, самый незаменимый и самый близкий. Из оси я вижу цепочку действий: Альрауне прикрывала дыры везде, где только возможно. Альрауне стала лучшей подругой Карни. И с самого начала — по ложке яда, по капле ртути, тихо, вкрадчиво, незаметно, так что сама Карни начала сомневаться.

Магда. Я вспомнил ту историю с нашим гением. Все женщины, которые были мне близки, вступились за Магду, а Альрауне с подругой была готова идти к матери Магды, увещеваниями и деньгами убеждая ее согласиться переписать дочь. Только после этого действия я, вместо того чтобы соблюсти нейтралитет, стал давить на Магду и совершил свое самое большое предательство.

— А у нее все мужики сплошь — геи и импотенты. Она не раз говорила, что секс у нее раз в полгода и всех своих мужиков она имеет в задницу определенными инструментами, — говорит Карни. — Сама загашенная и всех гасит.

— Не надо Альрауне.

Вспоминается, что ее первые работы, где она смогла русский рок с оккультизмом связать, на втором уровне смыслов ненавязчиво сводили весь рок и весь оккультизм к тайным «посвящениям», где старший «посвящает» младшего. Все огни погасить. А что не погашено — опорочить, осмеять, подменить.

— Подмена первопринципа. Не надо Альрауне.

— А она еще через меня заходила. Мол, а чего это Олег в Питер к этой своей Мартиэль ездит, когда все знают, что самая крутая ведьма — Кибела и только у нее учиться надо? А попутно все пыталась нащупать, что тут да как.

— Извращение. Подмена первопринципа. Не надо Альрауне.

Все это похоже на безумие

Тяжелый полет. Изматывающий все силы. Полет, в котором каждая фраза имела смысл. Полет, в котором каждый из нас превратился в полый тростник. И кажется, все-таки прорвались. Выстояли вечер, выстояли ночь, выстояли утро.

Внезапно я вспоминаю главное. Последнее доказательство, после которого сложились все пазлы. Медальон в форме совы. Подарок Альрауне из Египта. Обычно я не ношу подарки, но в какой-то момент почувствовал, что она как будто хочет мне на грудь. Я еще очень гордился, что, как Акташ, начал чувствовать зов вещей. Сова, Лилит.

Вот только почему-то Акташ прямо ненавидела эту сову, каждый раз, когда мы шли под шелуху, чуть ли не на грани истерики заставляя меня ее снять. «Но это же не подарок другой женщины», — протестовал я. «Был бы это подарок, он был бы с любовью подарен. Она мне просто не нравится. Может мне что-то не нравится?» — парировала Акташ.

А потом та же самая история повторилась на первой встрече с Черной Королевой. Если бы не невероятная щедрость ее души и снисходительность, после этой встречи мы бы наверняка расстались — в нашу первую встречу у меня просто отключилась потенция. Как же давно это было. Вот мы на глубине, и я вижу, как Юлия меняется в лице — и вот передо мной уже не Юлия, а сама Нахема, властно изрекающая приговор:

«Как смел ты прийти ко мне одетым в эту мерзость?!» После Юля не раз то ли в шутку, то ли всерьез интересовалось: любопытно, какие боги тебя в первую встречу подвыключили? А я отшучивался: видимо, просто усталый был или слишком боялся. Кто бы мог знать, что боги здесь действительно внесли свою лепту, точнее — антибоги.

А потом в одной из любовных игр на несколько дней мы поменялись совами с Вегой. И после этого, всего через неделю, она чудом избежала смерти, не сев в машину, которая разбилась всмятку, а еще через неделю, оказавшись в деревенском домике среди ночи, стала свидетельницей смерти — за стеной, разделяющей две семьи, сын нанес матери пятьдесят колотых ран.

Хорошая такая сова. Впечатляющий хвостик. Ух, какая в ней силушка заложена!

Похоже на паранойю. На безумие, на абсурд, на поиск врагов в самом близком кругу. Но, черт возьми, до чего же все сходится и до чего же разрушительной оказывается эта сова, которую терпеть не могли практически все женщины, умеющие так или иначе видеть. Лилит?! Ну-ну! В наш век совы давно не те, кем они кажутся...

Карни и Пифия работают. Чистят друг друга, чистят меня, настраиваются на космические потоки. Почему-то из этой работы мое восприятие оказывается почти выключено. Я не вижу ничего, через меня никто не говорит, я устал, постоянно преодолеваю себя, раз за разом заставляя подняться и оставаться в общем кругу. Час, три, десять, четырнадцать. Делашь непонятно что, звучишь непонятно как, направляешь непонятно куда.

Утром мы получаем подтверждение. На первый взгляд — ничего не значащий пустяк. Наутро после этой ночи Мартиэль поменяла сигнификатор в своем аккаунте. Узкая бойница в стене, через которую видно бескрайнее море, сменилась на ее фотографию. Фотографию, где она указывает пальцем, точно говоря — прочь. Вон. На хуй. Всем, кто влез, всем, кто перешел границу, — быстро на хуй, на один большой эрегированный хуй, как на кол.

А я возвращаюсь домой и на самом видном месте вижу картину, подаренную мне несколько лет назад Альрауне. На самом почетном месте висит. Ведь она назвала ее «Лилит». Сейчас смотрю прямым взглядом и изумляюсь — как я вообще мог принять это лицо гламурной певички из третьесортного варьете, без единой мысли и вожеления, за Лилит?! Потому что «Лилит» на ней написано? Как же мы надписям и словам верим, и прочим менталоконструкциям. На заборе много чего написано, а доски там. Сжечь, скорей! Спешка на грани паранойи: я сжигаю картину на газовой конфорке, закоптив и задымив всю кухню, — и в этот момент замечаю, что крылышки заботливо приколоты двумя ржавыми булавками.

Булавки! Чертов классический ведьмовской подклад тысячного уровня: зачем куда-то прятать булавки и прочие предметы, которые могут показаться угрожающими, рискуя, что они случайно обнаружатся, если можно превратить две ржавые булавки в элемент декора — и ведь не подкопаешься. Параноик ты, Олег Телемский, каждой булавки боишься. Поржем еще, постебемся все вместе над твоей паранойей. А вот тут — ишь ты, как сделано. И она как раз прилетела, когда начались пиздецы.

Едем с Карни к Изумрудной Королеве. Последние главы книги дописываются в их присутствии. Эти две богини всегда дарят мне шанс расправить крылья. Книга уже почти написана, осталось несколько глав, мы ведь уже знаем, кто мы — мы нефилим. Последняя тайна нашего рода, книга почти дописана. Вопрос, когда поставить точку. Не надо Альрауне. Не надо Музея совершенных.

А потом Альрауне накрыла собой все поле. Это может показаться немислимо, но она стала сниться почти одновременно.

Альрауне снится Изумрудной Королеве. Хотя уж кто-кто, а она не знала ее, видя разве что фотографии в интернете. Альрауне. Талантливая поэтесса, культуролог, мастер. Враг. Первый настоящий враг, по сравнению с которым какой-нибудь

абсолютный серый аватара вроде Хирама — болонка перед волкодавом. Потому что эти гасят изнутри и даже мысли не будет поднять тревогу.

Альрауне снится мне — я оказываюсь заперт в ее доме, снаружи кажущемся особняком, а внутри — это притон, где собираются разложившиеся дегенераты, потерявшие человеческое лицо. Не надо Альрауне. Выпускай своих кошачьих, Изумрудная Королева. «Ох, кабы все можно было решить с помощью кис — Альрауне это не Сальва, это уже по-настоящему серьезно».

Едем с Карни обратно и останавливаемся в лесу, где развеиваем пепел сожженной картины. Псевдолилит превратилась в труху, подмена первопринципа устранена.

Кабы все так просто! В это невозможно поверить, но эта чертова Альрауне звонит ровно через час после того, как мы развеяли пепел. Ну да, еще одно совпадение, понимаю. Скептик, конечно, упрется до предела. Но, черт подери, она не звонила мне уже полгода!

Серый бы давно проявился. Пошел бы в атаку. Либо ты его, либо он тебя. Бойня, отравление, скандалы вокруг. Но все было бы на виду. А Альрауне просто незаметно присосалась к источнику, и источник начал гаснуть.

— Мне нужно несколько моих книг. Привезешь на собрание. Я буду.

— Книги у меня на складе — давай в следующий раз.

— Жаль. Но я все равно приду на «Касталию». Покайфую, послушаю. — Короткие гудки в трубке.

Какого дьявола?! Покайфую! Не слишком ли много удивлений для одного дня? Когда это Альрауне приходила к нам «просто послушать»? Появившись раза три за год, она всегда приходила только по делу, оставаясь разве что в качестве особого одолжения, после долгих уговоров. Она могла и свою лекцию пропустить. А тут вдруг — приду, покайфую. И точно через полчаса после того, как прах и пепел лжелилит развеян над озером.

Как же все просто было раньше. Есть наши — есть серые. Серыми обычно становятся наши, чьи души слишком слабы, чтобы гореть вопреки правилам серого мира и правил, согласно которым побеждает тот, кто откусил другому голову. Кто не умеет прощать и пропускать через себя боль, превращая ее в свет. Для этого очень чистый поток нужно поймать. Что греха таить — иногда и мы допускаем пробой, ловим серые пятна, в общем, хочешь победить серого — начни с себя. Все понятно, правила раз и навсегда определены, главное быть внимательным.

И тут — Альрауне. Музей совершенных. Кстати, совершенным невозможно стать: эти твари рождены уже таковыми, с биологической программой — гасить любое яркое сияние. И я не хочу рисковать моими любимыми боевыми кисами Изумрудной королевы.

Приезжаю на собрание. Что делать? Как вести себя? Может быть, подарить из местной лавки редкостей что-нибудь от Тринадцатого аркана? Может быть, надо что-то сделать еще? В голове — голос: расслабься и доверяй Люциферу.

Я вхожу на середине лекции. Альрауне, конечно, здесь, тремя рядами позади. Лектор рассказывает о камнях. Какая синхрония! Как я умудрился вовремя войти!

— Этот камень может быть полезен тем, кто ведет магические войны. Если вы подозреваете воздействие на себе, это лучшее, что вы можете надеть.

Я сижу очень близко к столу оратора.

— Гриша, дай посмотреть, пожалуйста. — Спокойные, почти небрежные слова, ничем не выдающие моего волнения.

Двадцать пять человек не видят в моих спонтанных словах ничего особенного, в конце концов, я только вошел и попросил посмотреть первый же названный камень.

Нервно смеется только один человек. Альрауне. Вишенка на торте. Последнее чисто человеческое доказательство, что это не просто бессознательное проведение негатива, а сознательные подклады, бомбы. Что она знает, что ведет войну.

До этого момента даже самый невероятный поток созвучий и сопряжений можно считать совпадениями. Но после этого одного нервного смешка — нет. Если бы я был смешен — засмеялись бы многие. Но смех раздавался только из одной точки. Альрауне.

На воре шапка горит, вина может считаться доказанной. Нервно-глупое хихиканье вора в тот самый миг, когда начали обсуждать, какие клейма ставят на ворах. Беру камень. Беззвучная молитва: «Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!» Камень передается дальше по рукам, и рано или поздно его возьмет Альрауне. Игра началась, а ставка в этой игре — свет и жизнь. Вдруг нехстати вспоминается, как мечтали мы с Иштар о фарре шахеншаха. Знал ли я, о каком даре прошу? Впрочем, не жалею и не отступаю, спасибо за честь быть на передовой.

Альрауне здесь с подругой. Ася. Мрачно ухмыляюсь: как это с Асайей созвучно. Ну ладно, хватит, тут уже можно над своей паранойей посмеяться. Так в каждом имени демона будешь искать. Тут ведь главное не увлечься.

Вот только не смешно стало на следующий день, когда Альрауне написала, что ее на переводы вдохновляет Асайя Шотокалунгина. Это ж надо выбрать богиню для вдохновения! Богиня чья задача в том чтобы гасить огонь и свет. Даже самая нелепая, самая абсурдная ассоциация на поверку имеет смысл и тут же подтверждается пространством. И конечно, я тут же узнаю что одна из любимых картинок Альрауне — фонтан Кибелы. Мог бы и раньше заметить? Но с чего? Повода не было.

Информация о зловещих подарках расплзается. Альрауне привезла Магде подарки из Египта, и в следующем месяце разыгралась история, сопровождавшая рождение первой дочери.

До глупого смешка за спиной еще можно было предположить, что все это — не более чем совпадения или что она просто слепое орудие, вестник несчастья, но не его эктор. Но эта сцена разоблачила ее до конца. Она сознательно служит совершенным.

Ах ты ж, зараза! Вспомнилось, как на одной из презентаций Альрауне громко охарактеризовала наших лекторов — «зайки Телемского». Тогда еще Иштар обиделась: мол, какие мы зайки, мы, скорей, тут как Ангелы Чарли. Что же, мои ангелы, зайкам пора снять маски, под которыми окажутся волчицы, медведицы и рыси. Понравятся ли тебе их зубки, дорогая Альрауне?

Если бы все было так просто! Это уже не Сальва, которой хватило самой младшей кисы из свиты Королевы ночи. Это уже куда серьезнее.

В одночасье Альрауне начала сниться всем — мне, Карни, Изумрудной Королеве... И мы были бессильны перед этой холодной силой пустоты. Как будто то, что стояло за ней, легко демонстрировало нам: вы все равно ничего с нами не сделаете, мы больше, сильнее, могущественнее, чем вы даже можете представить, мы просто входим в ваши сны и обрушиваем ваши источники, как прохожий ломает куличик в детской песочнице. Это тысячекратно страшнее серых.

Отступать некуда, позади Москва. Карни совершила личное паломничество туда, где находились Западные врата и был переломлен ход войны, так что Гитлер был остановлен в нескольких километрах. Матерь Деметра, Матерь-земля, древняя Мать, помоги нам!

А Изумрудная Королева увидела сон. Сон, который дал нам всем возможность прочувствовать, что же такое совершенные.

Она увидела море. Идеальная погода, штиль, на небе ни облачка. Солнышко светит, чайки ныряют за добычей.

А там, под гладью моря — кладбище китов. Она — уже не она, она Нахема, которая спускается на самое дно. Десятки, сотни, тысячи мертвых китов. Кашалоты, синие и белые киты, огромные киты и маленькие китята мертвы все до единого. Она знает — их убили совершенные.

И на глубине моря она находит трех живых кошек, которые, кажется, — те самые три вавилонских демона, три кошачьи формы. Они тоже предуготованы к смерти. Она

забирает этих котов, собирает с китов последние вибрации жизни и сияний и уплывает на поверхность, чтобы выпустить в пространство свет.

Сны бывают большие и малые. А бывают сны пророческие, в которых открывается чистое видение, реальная картина бытия. Киты. Боги. Дикие, яростные, когда-то вызывающие поклонение боги, ныне разобранные совершенными на полезные отходы. Китовый ус — на веревки, серую амбру — на лекарства для разжигания уже не горящего пламени желаний. Все на продажу, все на пользу человечеству. Древние верили, что мир стоит на китах. И когда китов не останется, мир просядет внутрь себя. И очень может быть, что мы — последние из тех, кому доступен настоящий огонь. Против серых могут помочь коты, против совершенных бессильны даже киты.

История продолжается. Через три дня, после крайне неудачной работы, когда я опустошен чуть менее чем полностью, опять звонит Альрауне.

— Срочно пиши Дену. Он нашел уникальную книгу по Люциферу. Я хочу ее перевести.

Как же все изменилось за эту неделю. Полностью, тотально мой мир перевернулся на сто восемьдесят градусов. Я сошел с ума. Мы все сошли с ума. Но — булавки в картине, нервный смех, цепочка событий от полета совы, которая подделана под сову Лилит. Карни, Пифия это те кто видит. А Изумрудная Королева — та, кто может нанести удар. Я уже слишком убедился в реальности магического мира. Еще больше реальности, чем наш условный мир.

Хотелось смеяться горьким смехом Джокера. Еще неделю назад я бы запрыгал от радости. Чтобы Альрауне согласилась переводить прозу? Да еще и сама предложила. Да еще и так настаивает. Да еще и, по ее словам, книгу о Люцифере. Это был бы лучший подарок из возможных.

А сейчас от этих слов бросило в холодный пот, и картина стала ясна как день. Сожгли подклады, очистили Лилит, очистили Гекату — теперь идет напрямую. В любовую. Исказить первопринцип. В Исток. И главное, боги, дайте мне хоть один повод, чтобы отказать, не согласиться, хоть один стоящий повод, черт возьми!

Придется звонить Дену. Придется открыться. Точно решит, что мы тут чекнулись.

— Карни, что делать, можно ли верить Дену, он же тесно дружит с Альрауне, но вроде наш? Я его чувствовал, но он дружит с Альрауне.

— Мы все дружили с Альрауне, глупый! Наш, конечно. Успокойся ты. Ты же сам видел его, кто он на самом деле. Всех своих теперь подозревать — не лучший путь. — Сестренка Карни, как всегда безупречна и точна.

Блядь. Вспоминаю Дена, и мне немного не по себе от того, что еще немного — и я бы впал в тотальную паранойю. Надо договориться — и как можно скорей. Только бы куда-то исчезла эта книга про Люцифера. Я почти физически чувствую, что Альрауне пробивается в центр Источника. Теперь напрямую, на Люцифера, на свет — загасить, уничтожить.

Звоню Дену. Как вообще можно объяснить все то безумие, которое произошло за эти дни, чтобы он не покрутил пальцем у виска? И ведь не могу его в этом осудить — я сам в ответ на что-то подобное покрутил бы пальцем у виска еще какие-то полгода назад, еще и психоаналитика хорошего посоветовал бы поискать.

Возможно, все будет воспринято в нужном контексте, ибо картинка и впрямь весьма однозначная.

Даже если убрать все наши магические обвинения, продуманная, сложно выстроенная клевета о якобы гомосексуальном изнасиловании, которое я якобы пережил, что делает меня недостойным любой связи с полноценной женщиной, — уже достаточное основание, чтобы считать этого человека врагом. Это — повод. А вот если к этому булавки, смешки и странные виражи полета совы, а также затопившие наши сны кошмары, картинка выходит и правда устрашающая.

А новые детали появляются все более удручающие. На следующий день звонит Карни. Альрауне выложила новый стих. Казалось бы, пустяк, да. Стихотворение на годовщину смерти Сергея Яшина.

Однако, сознает Альрауне или нет, стих — это прямой удар по Мартиэль: там же про брата Единорога, а Марти собиралась взять на себя роль Единорога в ритуале. «Новорожденный брат идет обратно тропой единорога». По серебряной нити, мать вашу. По серебряной нити.

Стихи Альрауне — это не просто стихи. Это трансляции, вирусы, даже не классические неды, а сложно сконструированные вирусы, встраивающиеся в систему и разлагающие. Она ведь даже не знает, что транслирует иногда. Сознательно — ненавидит любое интенсивное сияние. Завидует, глушит, в общем, обычная злая ведьма, пытающаяся удачу у всех украсть. Много таких бегают от начала времен. Но это только внешняя надстройка. А за ней — Музей совершенных, транслирующий свои коды помимо сознания.

Я сошел с ума. Хорошо, допустим, мы трое сошли с ума. Но какого хрена все это происходит и происходит? Какого хрена Альрауне, которая считала наш круг чем-то очень условно достойным ее царственного присутствия и иногда даже не приходившая на свои собственные лекции, посещает две лекции подряд сразу, как только сожгли картину с булавками? Какого хрена! А ведь та чертова картина была подарена перед появлением в моей жизни Черного зеркала. Поддельная Лилит, поддельная Сова. И все эти годы я жил с подкладом на самом почетном месте. Твою мать, это достойно какой-нибудь магической комедии. И за то, что я жив, надо благодарить силы, которые меня вытягивают. Не удивительно что Марти стало так плохо, всех нас на себе тянула.

Хорошо же, Альрауне! Мы о тебе знаем, а вот ты о нас не слишком. Тебя раскусили, но ты об этом не знаешь. И этим надо будет воспользоваться. Поэтому внимательно наблюдаем на пиру за каждым словом и ждем возможности разыграть свою партию.

Момент выдался идеальный. Одна из наших спросила про Сальву. Мол, как она, почему исчезла?

— О, Сальвадора — это великий человек. На нас магическая атака была. Страшная. Всех ломало. Не знаю кто, наверно, Асгет гадит, кто же еще? — говорю я, подчеркнуто не глядя на Альрауне. — Сальвадора у нас — главная боевая сила, она на себя весь удар приняла и еще врагов отхуярила. Интересно, как там эта сучка Асгет поживает?

Великолепно! Как же хорошо, что есть Асгет, на кого можно свалить, не вызывая подозрений. Асгет небось давно про нас забыла, но какой изысканный маневр. Все что нужно сказано — на нас напали, нас защитили.

Если Альрауне проглотит наживку, то встреча серого и совершенного может разыгаться на самом высоком уровне. Хотя едва ли. Тут так не обмануть, это не просто ведьмочка. Альрауне проводник. Ей идет поток — она проводит. Что она знала про нового Единорога? И тем более про Серебряную нить.

Тогда же мы узнали про мага из другого домена, которого Альрауне выключила одним стихотворением. «Не занимайся магией, не совершай ошибку». Выключила, размазала, так что он в итоге даже забыл, что с ней воевал. Новости Вега принесла — все уже в курсе. Но если будет коллизей «Альрауне против Сальвы», я бы поставил на Альрауне. Даже жаль стало Сальву. Только расклад Мартиэль с тремя ужасающими перевернутыми картами однозначно доказал, что Сальва серую волну проводит, хотя того не знает сама.

А ведь шел январь. И на фоне шквала моей первой войны, в мою жизнь пришел праздник. С разницей в пять дней рожают сначала Акташ, а потом — Магда. За неделю я становлюсь отцом сразу трех сыновей.

А самое удивительное, что после зимнего солнцестояния я впервые понимаю Акташ. Раньше ее мир казался мне чем-то абсолютно иррациональным, безумным и

непредсказуемым. Сейчас мы можем мило беседовать о разных мелочах несколько часов и даже ни разу не поругаться. Да, мы расстались, но именно сейчас мы становимся настоящими друзьями, понимающими друг друга и связанными на всю жизнь двумя новорожденными богатырями. Либо после прихода Люцифера я стал другим. Либо она научилась меня понимать. Но в любом случае — вот он, час триумфа.

На каждом — свои знаки и силы. У каждого — свои уникальные ключи, о которых я не вправе говорить. И рождение следует отметить праздником во имя Огня. Это не просто огонь — это тройное пламя.

Первым делом празднуем в Москве — широким кругом, с размахом, пригласив одного из самых сильных мэтров, в песнях которого сразу чувствуется ось. Моему сыну как раз исполняется месяц, и настало время провести ритуал признания, практикуемый в любой традиции — от архаичной деревни до Римской империи.

На празднование рождения наследника собрались все. Приехала Пифия. Изумрудная Королева собрала все свои силы. Магда, не сразу приняв наши аргументы, тоже соглашается под напором слишком большого потока фактов.

Концерт лучших, а после — Альрауне попросила прочитать несколько стихотворений.

— Скажи, чтобы она прочитала то, что Магда выберет, — предлагает Карни. — И пусть она уж выберет то что нужно.

Разыгрывается путаница: что бы прочитать? Альрауне предлагает свои стихи. Очень двусмысленные стихи с очень двусмысленными формулами. «Амур молчит, невидимый ребенок», — ага, такое скрытое пожелание всем амурам замолчать. Амур в молчании своём жесток.

«Но лучше Гора может быть Исида». Ух ты — подмена первопринципа, опять аналог «Сова выше Павлина», ненависть к фаллическому, солнечному, мужскому. Это уже, конечно, подгонка, но кто знает, какие там коды защиты. Ты, Магда, гимны попроси почитать. Гимны. И выбери то, что получше и поближе.

Альрауне дарит очаровательный подарок для ребенка. Игрушечный козлик. В пакетике с собачками. Это даже не совпадения — Альрауне читала первую версию истории Акташ в Блек Сан Райзинг. Так что очевидное и недвусмысленное скрытое послание — сожри его нахер, дорогуша, выпусти на нашего козлика Азазеля всех собак.

Впрочем, когда коды вскрыты, это уже не представляет опасности. Остается нанести последний удар.

Спина к спине собираются Черные звезды. Собранные. Сконцентрированные, точно отлитая пуля. «Экая ты ощерившаяся», — говорит Пифия Рыси. «А то ж — все мои силы со мной, еще пару драконов по формулам из клипот взяла».

И все же маловато всего этого. Альрауне дочитывает стихи, где последний гимн — гимн Немезиде, заботливо выбранный Магдой по совету Пифии: всю ночь ей снилась Немезида. «Вот пусть она придет и посмотрит, что здесь происходило все это время», — говорит Пифия.

Альрауне заканчивает чтение, и тут, неожиданно для всех, выхожу на сцену я:

— Дорогие друзья, я хочу сделать то, что никогда не делал. Это не просто концерт, не просто праздник. Это день, когда мы отмечаем приход в этот мир моего наследника, сына, на котором лежит печать света Люцифера. Поэтому я хочу сделать ритуал, чтобы призвать богов нашей Тетрады, посвятив им моего сына.

Ритуал. Делается яростно, огненно, неистово. Совершенные не любят любую форму огня, духа, мужской силы. Совершенные любят прилизанный погашенный мирок, где полускопцы обслуживают женщин, переставших быть женщинами. Огонь они ненавидят как нечто, враждебное им в самой основе.

Внезапно мне приходит в голову спасительная идея:

— А еще я хочу прочитать стихотворение. Одно. Самое лучшее. Стих, который стал для меня избавляющим ключом.

Я читаю, вкладывая в каждое слово всю боль, всю ярость, все отчаяние и всю силу поднимающегося откуда-то из глубин Легиона истинной Лилит. Стихотворение, каждая строка которого, задолго до произошедшего события, будто описывает все происходившее в последнее время.

*Задышалось пространство и дул сухой из пустыни,
Умирали ветра, распадались слова на осколки,
Боги, люди и звери шептали последнее Имя,
И молитву свою на луну пели белые волки.*

*Где-то там, за стеклом, задышалось последнее пламя,
Где-то воды болот заслонили звезду Бетельгейзе,
Где-то небо упало на землю и поезд, идущий по грани,
Перерезал надвое слетевшую чайку на землю.*

*Из последних глубин, из запретного тайного лаза,
Из предельных арканов, которым нет формы и цвета,
Появлялась Лилит, собирая из мертвых букв фразу,
Для того чтобы мир возродился, чья песня казалась донета.*

*Прорывалась Лилит, омывая планету слезами,
Протекая в израненный мир кровью жизни из чаши,
И ослепшие войны смотрели иными глазами,
Как сквозь смерть явит Богу рождение Владычица наша.*

*На последнем пределе, на грани, на лезвии тени,
На обрыве каната, на пойманном в зеркале миге
Воскресала Лилит. И опять выросли ступени
Для последних, кто помнил. Кто ведал. Кто сбросил вериги.*

Мое лучшее стихотворение. Единственное стихотворение, которое я не постеснялся бы прочесть даже перед самым известным поэтом. Конечно, правда в том, что у настоящего поэта таких лучших стихов должен быть целый сборник. У меня — от силы пяток, и только одно по-настоящему сияющее. Когда я написал его три года назад, я, конечно, посвятил его сразу четырем своим любимым женщинам, взяв с каждой обещание никому об этом не говорить. А через три года я понял, кому его посвятил и о чем оно на самом деле. Мастер. Спасибо за все, что ты сделала для меня, что ты вытащила меня практически на горбу, что всегда, год за годом, отдавала часть своей силы за мое право и возможность быть собой. Лилит. Чье имя всегда будет взрываться в сердцах веками. Мы, видимо, дети Лилит... Не видимо — точно. И нет дара большего, чем этот.

Альрауне ушла по-английски. Быстро, незаметно. Не попрощалась. Наши волчицы, медведицы и рыси даже не заметили, как, точно чувствуя что-то неладное, она пулей вылетела из нашего пространства.

Я думал, что это победа. Я думал, что еще какое-то время имеет смысл поддерживать иллюзию. Наивный. Альрауне, точнее те, кто за ней стоят, пошли в любовную атаку.

Раз — и появляется стих памяти умершего поэта. Ровно на год его смерти. И в строках стиха звучит, что новый единорог идет по следам старого, «за ним по серебряной нити». Выглядит невинно. Для стороннего наблюдателя. А все, кто знает, читают однозначно — личное проклятие Мартиэль, личное пожелание смерти. Хотя что она знает про Серебряную Нить, про то, что всего за три дня до появления стиха

Мартиэль приняла решение вернуться в ритуал, но только не жрицей, а церемониймейстером — братом Единорогом? Все слишком серьезно, слишком страшно, я готов немедленно порвать с Альрауне под любым предлогом, меня сдерживают только леди: скандал не нужен никому, и он, скорей, даст ей силы.

Дальше — больше. Мы с Карни уходим в глубокую медитацию где проявляются новые формы под именем древних Эллохим. Раньше я ничего не знал про Эллохим, считая это одним из имен Яхве. Но вот у Жерара Нерваля подземные Эллохим почему-то противостоят деспотичному Адонай, а в библии глава про Эллохим как будто врезана из другого текста. Ангелы. Первоисток. Элох, из которого возникли все противоположности. А на следующий день в очередном стихе Альрауне звучит «Эллохим», и каждый чувствует, будто на нас падает ее печать.

А вот и новая порция нёдов<10>. Всего-то гимны Рыцарям таро. Странные какие-то гимны огненному принципу: одному рыцарю — пожелание «сумы и тюрьмы», другому только тюрьмы, а последний должен в итоге «смирненно склониться перед Гекатой», ибо опять — как сова выше павлина, так Исида выше Осириса. И нутром чую — по мне бьет. И сума близко, долг издателям дошел до угрожающей точки в миллион, после которой я просто получу отказ в допечатках и проект умрет. Да и тюрьма не так далеко: кто знает, что на самом деле было в истории Гранатки, и не зря ли я отказался защитить бритву в носки? Вдруг ошиблась Карни и за мной действительно следят? Вряд ли, но все же — вдруг?

<10>Стихи-проклятия, которыми древний скальд пользовался как оружием. (Прим. автора.)

Музей совершенных. Далеко пролезла. «По Гекате пошла. А дальше остановили. Там Лилит стоит», — вспоминаются слова Пифии. Если что-то не сделать, причем как можно быстрее, атаки пойдут одна за другой. «Она как будто свои печати и пленки на все наши символы ставит», — как-то сказала Карни.

Слава богам, у меня есть один-единственный повод. Альрауне действительно оклеветала меня. Альрауне выдумала нелепейшую историю, будто Белковский изнасиловал меня в состоянии обкуренности и с тех пор поэтому я никогда не курю траву. Траву я действительно не курю, но лишь потому, что мне глубоко не нравится то унижительное состояние, когда не помнишь, что говорил только что.

Эта ложь, показавшаяся мне сперва смешной и даже в чем-то милой: мол, влечет ее, бедную ко мне, а гордыня человеческая не позволяет оказаться «одной из» — вот и злобствует, ядом исходит. Это даже льстит, когда такая влиятельная дама с выходом на высший свет тайно тебя хочет и пакостит по мелочи. А вот теперь я понимал цену этой клеветы. И что было в ее основе. Проклятие, желание уничтожить мужской принцип, введение искажения. Впрочем, я мог сказать за эту ложь одно очень большое спасибо. Ибо это единственное, что в глазах социума является реальным поводом для разрыва со столь влиятельным и могущественным человеком. Обвинение в реальном пассивном гомосексуальном контакте. Клевета.

Дня икс я ждал неделю. Собрал все книги ее стихов и переводов. Большая сумка получилась. Созвонились. Договорился передать обещанные пятнадцать книг. Выгрузил остальное перед подъездом. И не глядя в лицо, выпалил: «Я знаю о твоей подлости. Я знаю, что ты обвинила меня в педерастии и будто бы я изнасилован был, так что не вправе быть с женщиной. Я знаю, что ты хотела разлучить нас с Карни. Поэтому «Касталия» полностью разрывает с тобой отношения. Вот все, что ты сделала».

Резкий бросок к машине. Если бы она была просто серая или злая ведьма, я мог бы позволить себе выслушать ее оправдания. Но с Музеем главное — не соприкоснуться, насколько это возможно. Только на газ, только скорость, только прочь, только исключение из всех потоков и ключей, какие только могут быть. Кажется, она попыталась на ходу открыть дверцу и прокричала: «Я не понимаю, о чем ты говоришь».

Вот ведь наглость. Скажи я про сову или булавочки — вполне законный крик: может, и правда не ведала, что вкладывает, чем музей не шутит. Я ведь до сих пор до конца не могу знать, она просто слепое оружие или сознательный выразитель. Ведь если сознательный — не слишком ли много она знает о каждом нашем шаге, о каждом пережитом символе, о каждом важном решении? Это те, кто за ней, знают. Впрочем, держу пари, какое-то говнецо в булавочки она закладывала вполне сознательно — но как это доказать?

Магия магией, но факт клеветы неопровержим. В одном из стихов даже назвала меня педерастом. Тогда я просто проигнорировал это как блажь неудовлетворенной бабенки, которая стратегически полезна Городу. А сейчас это стало единственной зацепкой, окончательно разрушившей любую параноидальную версию, будто бы, например, Карни выдумала эти рассказы. Свой стих с клеветой она сама издевательски прислала мне, будучи уверена, что она — единственная, кто способен переводить стихи, и может позволить себе любые оскорбления и издевки безнаказанно.

Так что — только на газ и никаких тормозов. Прочь от Альрауне, прочь от Музея совершенных, прочь от этой непостижимой и ядовитой силы, которая настолько отравила мироздание, что даже вечные враги решили отложить свой вечный бой, чтобы остановить угрозу для мира, за который они сражались от его сотворения.

Прочь. Аппо Пантос Какодаймонос, Пхат и Прокул о Прокуле Эсте Профани. Прочь и, надеюсь, навсегда. И да, нужно будет попытаться написать свою версию стихов об арканах. Снять ее липкие печати. И пусть в этих стихах не будет безупречной литературности Альрауне, в них будет нечто более важное — Дыхание Тетрады. Прощай и исчезни от нас, Альрауне. Пусть все вернется к тебе, пусть все яды, что ты незаметно впускала, натравливая Карни против меня, делая подарочки «с секретом» и пытаюсь отравить Исток, вернутся к тебе обратно. Прочь Альрауне, исчезни из нашего измерения вселенной. И больше никаких снов, никаких знаков и жестов, никакой связи даже через ненависть, ибо разве возможно ненавидеть слепое орудие и мертвую куклу, исполняющую волю, о которой даже сама не подозревает? А чтобы закрепить это намерение — я публично расскажу о нашем разрыве. Разумеется, никаких сов: вне контекста это будет ну очень смешная история о сове, от которой не встало, и булавках, которые были просто элементом декораций. А вот клевета про педерастию — вполне реальна.

Я даже предсказал практически все возможные реакции публики. Кто-то стал издеваться, что раз такие слухи, то дыма без огня не бывает. Кто-то возмутился моей базарностью, выносящей на публику ничтожный конфликт. Кто-то счел, что сама по себе клевета по природе странная, и начал доказывать, что если мужчину в юности и правда изнасиловали, это вина не его, а насильника. Словом, все предсказуемо. Не назвал имени. Дал повода для шуток, которые забудут через пару недель. И, хвала богам, окончательно вывел из игры Альрауне. Впрочем, что-то мне подсказывает, что большая игра на этом не закончилась, а только началась. Поживем — увидим.

А в ночь тысячи огней собрались мы с Мартиэль и Пифией, чтобы впервые за всю историю нашего проекта переписать ритуалы колеса года. Больше не будет Феникса и Единорога, ныне будут Дракон и Змей. Больше не будет позаимствованного креста из ритуала Регуле, будет Звездный крест Люцифера. Больше не будет старых формул, как будто в сакральном плане оставляющих «Касталию» лишь сателлитом Ордена. Будут новые формулы и новые ключи. Да воссияют новые Звезды — светом Истока! Вот наше слово, вот наша воля, вот наше послание миру и наш огонь, хранителем которого я стал.

А в ночь тысячи огней я медитировал на форму Тора и молотом расколотил сову в прах, закопав песок в местном парке. Прочь, Альрауне, прочь, поддельная сова, ныне истинная Сова Лилит возвращается в свои владения. Прочь, скверна, прочь, искажение, прочь, мерзость иномирная! Ибо все силы пробудились и нашими глазами смотрели на

Альрауне — единственную известную аватару Музея совершенных, о котором я слышал так давно, но лучше бы никогда не узнал лично.

Глава 21. Желтый павлин

Когда война с внешним противником заканчивается, всякий круг предоставлен самому себе. И это момент высочайшей опасности, потому что каждый может спроецировать на другого свои тени и единая семья рухнет в никуда.

Еще задолго до солнцестояния Карни бросила в мою душу крючок.

— Помнишь, как мы сидели? Я была ближе к Марти, ты ко мне, а Юля уже к тебе. Я старшая, Марти видит меня и любит меня, очень особенно.

Изумрудная королева наживку не заглатила. Может сестра и старшая а может и младшая. Какая разница. Центр Изумрудной королевы — в самой себе, потому ей не страшны ни удары врагов ни скрытые и неосознанные манипуляции близких. А вот я эту наживку проглотил до желудка.

И когда, выйдя из своего двухмесячного уединения, Марти захотела видеть Карни первой — Элли или некая другая женская форма души моей кричала от ярости и ревности.

Умом я хорошо понимал ее правду. Именно Карни открыла главную тайну нашего Истока, тайну нефилимов. Именно Карни с Пифией открыли, кто такая Альрауне. Именно Карни видела больше и глубже, чем кто-либо из нас. Именно Карни прыгнула на амбразуру ангельских мечей и потеряла сознание. И приглашение Карни приехать первой для меня значило только одно — Карни теперь старший ученик.

Но что может разум когда сердце сгорает от ревности? В эти мгновения, впервые за многие годы я мог сказать — я знаю это проклятое и унижительное чувство. Будь на ее месте мужчина, я действительно мог бы не сдержаться и между нами могло разгореться противостояние.

Я ведь правда никогда не ревновал своих любимых женщин. Но сейчас я ревновал к своей женщине, и ревновал так, что порой казалось, от этих чувств я теряю сознание. Мне хотелось кричать: «Марти, я же был около тебя десять лет, а Карни появилась лишь полгода назад! Кто любит тебя больше — я или она?»

Брат Азазель? Я знаю, что она на уровне сущности не только сестра и возлюбленная, но и брат мой, но почему старший брат должен стать младшим? Я был первый, первый кто увидел свет Люцифера! И разве Люцифер не наделил меня Звездной мантией? Разве, придя в первый раз, не сказал, что теперь я носитель этого фарра всех фарров? Или все изменилось? И я не сдал экзамен? Но разве сама Марти не сказала, что затем это все было и нужно, чтобы передать фарр? Впрочем, когда Карни спросила у нее про мою Звездную мантию, Марти тайно произнесла: «Пусть попробует».

К счастью, у меня было достаточно здравого смысла, чтобы не позволить Серому хозяину овладеть мной с этой стороны напрямую. Я слишком хорошо помнил, на чем пала Сальва.

«Я не поклонюсь». Сильный Телепат Сальва увидела своим магическим, телепатическим взглядом, кем была Изумрудная Королева, и не смогла принять, что, казалось, идущая в руки корона прошла мимо нее. Сальва хотела подавить Изумрудную Королеву и, что хуже всего, даже себе не могла признаться себе в причинах своих желаний, утверждая, что видит лишь «запинающуюся робкую девочку». Кошачья стража, наглядно объяснила ей, кто здесь на самом деле робкая девочка, а кто — Рысь.

Падение Сальвы с ее горделивым «не поклонюсь» был для меня слишком явным и наглядным примером, поэтому я решил действовать прямо противоположно. Я — поклонюсь.

Я поклонюсь тебе, Карни, я признаю тебя Старшим учеником и владычицей потока, каждое твое слово, каждое твое видение я понесу, точно Грааль, в массы, ни разу не забыв сказать, что я — лишь посланник той, кто пребывает в Его Свете. Если главное, на чем нас ловит Серый, — гордыня, то я поклонюсь в ноги и распластаюсь, коль уж ты действительно оказалась выше всех нас и ближе всех к Истоку. К Марти.

Я не спорил. Я даже научился радоваться ее старшинству — пусть же будет так. Она действительно стала Старшей. Я ловил каждое слово, каждое видение, каждую идею, бесконечно восхищаясь глубине и тонкости ее восприятия.

В роли Колокола мне предстояло сделать многое. Вначале — собрать всех Черных звезд. Собрать круг, который будет отныне закрыт и никто больше не сможет в него войти. Моя сестра Такора, Наследник и другие, кто по той или другой причине оказался в сиянии Люцифера.

«Пусть попробует»... Таинственные слова Мастера явно знающая куда больше. И правда, с самого начала меня преследовали неудачи.

В одном из глубинных погружений Карни увидела очень тонкое и сложное откровение. Вне зависимости от того, какого мы пола здесь, — там, в ангельской форме, мы все братья. И там, в небесах братья едины с братьями. Но здесь, на земле, чтобы было возможно взаимодействие, большая часть братьев приходят как сестры.

А есть те, кто искажают. Есть те, кто пытаются украсть первопринцип, становясь обезьяной небес. Искажая первопринцип, они пытаются утвердить соединение братьев с братьями здесь, на земле, используя самую черную и омерзительную магию. Гомосексуалисты — предатели и воры, потому что, пытаясь подражать первопринципу, они искажают существующий изначально порядок. Альрауне — пример искажения первопринципа.

Признаться, мне глубоко плевать на гомосексуалистов. Но слова Карни были сказаны, и я стал нести их на щите, в одно мгновение превратившись из абсолютно нейтрального и терпимого либерала в яростного гомофоба.

Если Карни старшая, все слова ее — правда. Хотя здесь мне не нравилось только одно. Я знал, что многие титаны возрождения были бисексуальны или гомосексуальны, но абсолютно точно, что они служили Люциферу. Это небольшое противоречие в другой ситуации наверняка вызвало бы несогласие. Но здесь и сейчас я больше всего на свете боялся оказаться в роли Сальвы с ее жалким «не поклонюсь», и готов был принять все что скажет Карни.

Внезапно, это расколело группу, словно удар молнии. Одни приняли эту модель, другие яростно спорили. Чат, предназначенный для обсуждения духовных вопросов, ожесточенно спорил о гаях. Ко всему прочему, старая обида Такоры, с которой я не виделся много месяцев, как будто получила свое оправдание и свой повод.

В одну из ночей Юлии, Карни и Дакини приснилась битва, о которой мы с радостью сообщили Марти. Реакция интриговала — «Победили — это хорошо, знать бы еще, кто с кем сражается»... Стало ясно, что наша группа, не успев создаться, оказалась расколота, и раскол увеличивался все больше.

Ко всему прочему, Юлия увидела во сне, что Совершенные приходят после того, как душа оказывается жертвой аборта. Принцип анти-нефилимов. Нефилим желанен и ожидаем, но проклятем Яхве не может воплотиться физически у родной матери, однако серебрянная нить всегда связывает дитя с ней, потому он всегда помнит, что у него есть Иная родина. Совершенные же в первый миг воплощения сталкиваются с тем, что к ним относятся как к досадной помехе, раковой опухоли, которую надо скорей вырезать, и пытаясь воплотиться один, другой, третий раз, однажды оказываются выброшены во тьму внешнюю и воплощаются уже пустыми изнутри. Альрауне действительно похожа на жертву многократного аборта.

Это откровение добавило дров в костер зреющего раскола. Дакини, Наследник и в особенности Такора пришли в ярость от новых истин, в которых их Люцифер как будто

оказался гомофобом и пролайфером. Я доверял Юлии и не смел сомневаться в словах Карни, поэтому внезапно полностью поменял свою точку зрения.

В одном из полетов с Карни перед нами раскрылась мистерия. Карни учила меня вибрациям. Карни показала мне ключи Эллохимов. Благодаря Карни я как будто изнутри чувствовал вибрации иврита. Веди меня, звездочка моя, веди к Истоку, ведь теперь ты есть Истина. И, наконец, Карни увидела высшую форму Люцифера — Белого Павлина.

На следующий день наш круг, точнее половина круга (другие едва бы согласились разделить с нами праздник) собралась на концерт столь любимой Мартиэль группы «Магелланово облако». Песни, которые помогали Марти выстоять в самых сложных состояниях.

После концерта к нам подошли двое. Бьерн, юноша, некогда «забракованный» Акташ. «Хороший парень, но в нем нет Азазеля», — вот какова была ее оценка этого юноши. За эти годы Бьерн явно прокачался, и даже Карни увидела за ним мощную драконью форму.

Второй был более чем странным персонажем. Олег Вольный. Моя фамилия — Телемский, а «телема» по-гречески — «воля». Он назвал себя Олегом Вольным. Как и я, он называл себя «Ставкой Азазеля». Более того, за это время он пытался подкатывать почти ко всем женщинам, с кем я был близок. Странные ухаживания за Карни. Острое внимание Веге. Даже Пеймона не избегла его внимания, хотя как же давно мы расстались. Вот разве что Изумрудной Королевы этот мужчина явно побаивался, видимо где-то на глубине бессознательного четко понимая — Нахема легко почувствует подмену.

«Я тебе не враг», — писал он еще неделю назад. Странное начало разговора, еще до этого момента я и не думал что он мог бы оказаться врагом.

«Терний тебе!» — написал он Карни, когда она окончательно отбросила его ухаживания.

— Надеюсь, ты не обижаешься из-за этой истории с Карни?

— Видишь ли, в чем дело: поскольку у меня много женщин, я едва ли имею право требовать от кого-то верности. Но вот двусмысленные реплики, которые читаются не то как внимание, не то как угроза, нам очень не понравились.

— Да не хотел я ее обидеть. Я понимаю, что сейчас идет война. Мы готовы вам помочь. Мы смотрели на картах, ваши дела очень плохи.

— Законы Потока теперь определяет Карни. Пусть она говорит.

Пусть будет старшей, коль она самая любимая. Впрочем, Карни явно не понравился мой пируэт воспринятый как перенесение ответственности. Но она взяла слово и твердо определила границы пространства.

Все разошлись, я проводил на поезд Изумрудную Королеву и вдруг с ужасом понял, что забыл там мою Звездную мантию, которую взял с собой, чтобы отдать Юле на перешивку — она получилась на десять размеров больше.

Видят боги, как я испугался! Слишком хорошо знал я по Орденской истории, что означает потерять мантию. Слишком хорошо я понимал цену ошибки. Задыхаясь, падая и спотыкаясь, из последних сил добежал я до места, где проводился концерт, когда двери уже закрывались, и забрал свою мантию, все еще лежащую на столе. Хорошо, что никто из этих ребят не понял, что я забыл.

В этот вечер я говорил с Марти. Говорил радостно, захлеб делясь видениями и переживаниями, событиями и знаками.

— Мне как-то было плохо в эту ночь. И вообще, раньше у вас была информация с мелкими искажениями, а сейчас одни искажения и только крупницы информации. Я тоже видела во сне павлина. Только он был не белый, а желтый. И это был старый, ветхий павлин, не имеющий отношения к Мелек Таусу.

Для Карни это был удар. Впервые ее видения, ее опыт был не принят. И между нами снова пробежала кошка. Потому что Карни прекрасно чувствовала мою ревность,

которую сперва подталкивала а потом самой же эта роль, роль «старшего ученика, оказалась сильно в тягость. Тяжела шапка монмаха а звездная мантия — еще тяжелее...

«Почему теперь во всем виновата я? Ты же злорадствуешь, ты же сам этого хотел».

Не хотел. Сознательно точно не хотел. Но если посмотреть глубже и полнее, быть может, все-таки хотел? Или мое «поклонюсь» было не спасением, а другой стороной ошибки Сальвы, «не поклонюсь»? Все та же серая монета, только с другой стороны: орел-решка, какая разница.

И эта ошибка чуть было не стоила мне мантии. Мантии, которую явно стоило уменьшить в несколько раз. Инфляция, такая инфляция.

На следующий день я все же решил поговорить с Марти.

Марти очень не хотела давать ответы. Но через несколько дней я не выдержал и стал буквально умолять дать ответ.

— Марти, так скажи, те же геи — это таки зло или нет? Скажешь — зло, буду великим гомофобом, скажешь, они наши и это иллюзия Карни, — да я сам вступлю в альянс за ЛГБТ. Мне-то правда неважно, я-то готов принимать любую правду и любой закон. Только ты важна.

— Вопрос поставлен неправильно. Кто есть геи? А кто есть люди вообще? Люди это зло или добро? Или мы будем судить по процентному соотношению, тогда люди это зло. А мы — тоже зло. В общем по-разному оно. Есть те, о которых говорила Карни. А есть большинство, просто люди, которые родились не в своем теле или по какой-то другой причине стали таковыми. И есть совершенно наши люди.

До чего же очевидный ответ! Еще месяц назад мне бы не пришло и в голову задавать такие вопросы, ведь, казалось, Марти сказала то, что и так очевидно. Есть разные люди — и разные люди проводят разные принципы.

Какая ирония судьбы: в то время как я написал полный ненависти гомофобный пост, изумивший многих моих постоянных читателей, на стене у Марти был репост ее лучшей подруги, психотерапевта, которую она рекомендовала, подчеркивая, что та ЛГБТ френдли.

Для Карни этот опыт тоже пошел на пользу. Стало ясно — все наши видения, прозрения могут быть как истинны, так и ложны, но — более того — иногда они могут быть истинны в отношении какой-то отдельной части жизни, бытия, реальности, и ложны во всех остальных перспективах и преломлениях. И всякий раз, когда мы пытаемся распространить это на всю реальность, выдать часть, фрагмент за целое, мы совершаем страшную подмену, где на место движения Черного Света Люцифера приходят застывшие догмы и каноны.

Поучительная история о том как я чуть было не утратил свою звездную мантию. Пусть она будет предупреждением тем кто в начале и середине пути. Идущие по пути всегда — помните о Сером хозяине. Нет, я не говорю — бойтесь, ибо если вы боитесь, вы уже проиграли. Сначала Серый искушает грубо: испугайся, предай, поверь, что ты лучше всех, и топчи слабого и оступившегося.

А потом Серый зайдет тоньше. И слабый кажется уже не таким слабым, и это «топчи» звучит как «защищайся», хотя на самом деле в основе будет все то же «топчи». Но чем более искушенными становимся мы, тем более изощренными оказываются его ловушки, и даже видимое смирение может нести в себе печать серой гордыни. Ибо чем вы заходите на пути дальше, тем коварнее искушения Серого.

Глава 22. Встреча с Братом

*Беда с близнецами: утрата, досада, обида —
Всегда пребывать на Олимпе и в царстве Аида.
И тянутся в космос с земных полюсов два следа...*

*И Кастор и Поллукс, два брата, двойная звезда...
Юрий Лорес, из песни «Кастор и Поллукс»*

Так не бывает. Невозможно. Невозможно полностью имитировать интонацию умершего человека, которого ты не знал и не видел даже на фото. Невозможно написать книгу про Азазеля, где все начинается его разговором с братом Нергалом, а после узнать, что у одной из самых важных женщин моей жизни САХ — Азазель, а Ставка Нергала — ее бывший мужчина. Невозможно, чтобы Люцифер вселился в твое тело, сказав, что твой самый близкий человек уходит, а через неделю она оказывается в больнице с самыми худшими прогнозами. Невозможно знать о первой фантазии на Озере, а после сказать об этом как ни в чем не бывало. Невозможно, чтобы вечные враги, принципы, сражающиеся от века, — сам монотеистический Бог и Люцифер — притормозили свой вечный бой, потому что в мир вошла сила из внешних миров, которая гасит и глушит все: в конце концов, по мифу Бог и Люцифер были в начале всех начал — и какие там внешние миры и третья сила? Невозможно за две недели начать роман с двумя женщинами, которых зовут Мирра, а потом встретить это имя в прочитанной книге, в которой совпадает не только имя, но и история. Невозможно, невозможно, невозможно.

Это тот уровень квантовой реальности, то разворачивание мистерии, когда нельзя говорить даже о юнговской синхронии. Здесь синхронией становится сама жизнь. Становится настолько, что это больше похоже на какой-то роман в стиле фэнтези, претендующий на реализм.

Возможно, я так часто повторяю это «невозможно» потому, что до сих пор во мне находится охуевшая субличность, некий внутренний Крег Туми, теперь способный повторять только одно — так не бывает, не бывает оно так, просто потому что не бывает.

И тем не менее я слишком хорошо все помню, слишком недавно все это произошло. Бывает. Возможно. Было. Даже если все, кто прочитает эту книгу, сочтут меня фантазером, это не изменит ничего в порядке событий, описываемых практически с документальной последовательностью.

Но есть ли преувеличения? Если бы! До сих пор все было описано дословно. Если отдельные детали могли быть воспроизведены не совсем точно, ибо память не может фиксировать, как видеокамера, то сама событийная сетка воспроизводится полностью.

И вот еще одна история, которую можно назвать по-разному. Встреча с Братом Нергал. Зеркала богов. По ту сторону жизни и смерти. История настолько невероятная, что мне приходится даже обрезать отдельные моменты, чтобы она не выглядела абсурдно.

Когда в моем пространстве впервые появилось имя Нергал? Я помню, что после первого проявления Азазеля я захотел написать художественный роман, фэнтези, действие которого разыгрывается в параллельном мире, где Америка воюет с Мексикой и главный герой Александр оказывается Ставкой Азазеля.

И во второй главе — в фиолетовой комнате на повышенных тонах беседуют Нергал и Азазель. Через несколько месяцев для нас с братом Фиолетовая комната станет физической реальностью и я стану хвататься за голову — какого черта я еще напридумал. Но это уже выходит за рамки нашего рассказа.

«Почему именно Нергал?» Это пыталась выяснить Рысь с нашей первой после долгого перерыва встречи, а мне лишь оставалось говорить, что понравилось мне это имя. Но правда — разве не странен этот выбор? Карусель богов огромна, а Азазель и Нергал относятся даже к разным пантеонам.

Фантастический роман так и не был обнародован и опубликован. Не был и, скорей всего, никогда не будет. Я недоволен им, недоволен полнейшим эстетическим фиаско и набором клише, которые стали появляться ближе к финалу. Это была вольная импровизация, которую я показывал лишь самым близким, честно предупреждая, что сей роман не более чем шалость и не претендует на какое-либо литературное достоинство. И

первое божество, которое появляется в романе кроме Азазеля, — Нергал. Там вообще всего три божества — Азазель, Нергал и Инанна. Инанна — имя Иштар, это понятно, но как Нергал вообще может быть связан с Азазелем, будучи в другом пантеоне? Что за нелепый изгиб фантазии?

Постепенно, слово за слово, Рысь рассказала о причинах своего интереса. История настолько невероятна, насколько это возможно.

Когда она оставила меня и Сергея, дабы раз и навсегда покончить со связями с магами, она решила найти обычного мужчину и пожить простой человеческой жизнью, ибо что я, что Сергей в крайней степени ее разочаровали.

Этим «простым» мужчиной оказался ученик одного из крупнейших эзотериков, имя которого я не имею право раскрывать. Этим «простым» мужчиной оказывается тот кто изначально присягнул свету Люцифера именно так как его знаем мы. Этим «простым» мужчиной оказался тот кто уже много лет мысленно взаимодействовал с древним шумерским богом смерти — Нергалом — во сне и в личном ритуале.

Юмор в том, что первые два года они вообще не знали друг о друге главного и были уверены, что другой — самый обычный человек, никак с оккультизмом и большой магией не соприкасающийся. Постепенно маски облупились, облезли, и Рысь поняла простую истину — не-мага к ней просто не допустят.

И именно Алекс-Нергал был первым, кто задолго до нас с Карни узнал в ней Нахему. Именно он научил ее некоторым практикам, которые существенно усилили ее связь с Патроном и помогли достичь ее 5=6.

В истории Нергала слишком много того, о чем мне не позволено говорить, и, возможно, это делает саму историю несколько натянутой, хотя даже того, что будет рассказано, более чем достаточно. Все что я могу сказать — Нергал показал, что он действительно является манифестацией этого бога, и показал так, что никаких сомнений и вопросов больше не могло возникнуть. Их близость продолжалась пять лет, а потом в одночасье притяжение исчезло — и они разошлись хорошими друзьями, созваниваясь максимум раз в полгода для обмена новостями.

Нергал появился вновь аккуратно после зимнего солнцестояния и без какого-либо промедления заявил: «Сестра, ты стала жрицей Люцифера. Я поздравляю тебя! Я видел твои крылья». Ни сомнений, ни вопросов, ни закидывания удочек. Просто история, рассказанная как нечто наблюдаемое им так же ясно, как восход солнца в окне, выходящем на восток.

Я надеюсь, читатель помнит, что происходило на солнцестояние — начиная от нападения Сальвы и заканчивая «Орденом Рыси». Первый ритуал, первая мистерия, первое становление. И каким-то образом он о нем знал.

Это появление вызвало, как это называют господа психологи, амбивалентные чувства. С одной стороны, я не мог не восхищаться красотой и силой этого внезапного появления. С другой, конечно, как и любого на моем месте, это появление изрядно меня обеспокоило. Очень сильный маг, осознавший гораздо раньше, чем я, оказался в поле Изумрудной Королевы. Почему и зачем? Чего от этого ждать? Не сказать, что я ревнив, но некоторое беспокойство возникло. Хотя я знал одно: коли он прежде всего люциферианин, ни один люциферианин не посягнет на договор Истока.

Но за всеми этими эстетическими восхищениями и человеческими беспокойствами из глубины к сердцу тянулась странная серебряная ниточка, вибрирующая одно слово — брат, брат, брат, брат. И за внешней настороженностью и ошетиненностью там, под шелухой, я чувствовал совсем иную вибрацию и совсем иной посыл. При всем желании и страхе — я не мог видеть в нем врага. Брат.

Конечно, братья бывают разные. Бывает Кастор и Поллукс, а бывает Авель и Каин. Впрочем, в роли брата Каина мне уже пришлось побывать, а мистерия не располагает к повторениям.

События разворачивались, Нергал появлялся все чаще, очень быстро оказавшись полностью введен в курс дела Изумрудной Королевой. Слишком невероятные вещи происходили вокруг нас.

Держу пари, что именно он помог нам вывести из пространства Альрауне, именно он оказался тем, кто давал ключи, как выгнать эту тварь из снов. Музей совершенных. Совершенные? Нергал изменил только одну букву. Не надо отдавать им совершенства. Совершенные. Как там было в анекдоте про золотую рыбку и одно желание? «Хочу, чтобы у меня все было!» — «Э, у тебя все было...» У совершенных все было — где-то там, в прошлом и в начале их экспансии, а сейчас пришло время сказать «стоп!».

А ко всему прочему мне приснился странный сон, в котором я вернулся в девяностые торгующим газетами, и в наших электричках появился могущественный рекетир, который собирал треть дохода. Этот рекетир мог превращаться в шершня как оборотень, и смертельно жалить каждого, кто ему не покорится.

И я пытаюсь ему сопротивляться. В моих руках — книга, которой я собираюсь задавить его, когда он превратится в шершня. Но — о ужас! — я вижу, что он превращается сразу в двух шершней, и в холодном поту просыпаюсь. Похоже, мне конец.

Шершень. Повелитель Мух. А ведь незадолго до этого мы говорили с Изумрудной Королевой, что между Вельзевулом и Негалом есть какое-то невыразимое родство.

Мой ум, казалось, разрывался. На глубинном уровне я знал — он мой брат, и все эти тревоги не более чем рябь на воде. Я сам не понимал, откуда берется это доверие к человеку, которого я не видел, но которого хотел увидеть как можно скорей. Но стоило подняться на поверхность, и здесь я был в настоящей панике. Потому что образ сна трактовался однозначно. Треть дохода. У меня три женщины. Значит, он придет и заберет одну из них. Кого? Изумрудная Королева клянется, что их связь исчерпала себя настолько, что между ними меньше двусмысленности, чем между кровными братом и сестрой. Но что, если маг такого класса захочет поменять сложившуюся ситуацию? Треть дохода!

За три недели до нашего знакомства он оказался в поле самым неожиданным образом. Мы с Рысью собирались в дорогу в другой город, и внезапно Рысь очень доверительно разговорилась с леди Тиамой. Ах да — леди Тиамы. Еще одна черная лошадка в наших степях. До сих пор две мои попытки сблизиться с ней наткнулись на непроницаемую стену, при этом на словах и жестах казалось, что она не против сближения. А после истории с Альрауне я вообще не хотел заводить никаких новых связей, боясь столкнуться с совершенной, да и четырех прекраснейших женщин вполне достаточно даже для Ставки Азазеля. Но Рысь хотела приключений, новизны и была просто очарована Тиамой, так что я поддержал ее приглашение.

И вот мы в Санкт-Петербурге. Позади — две бессонные ночи и ни одного ритуала 2,22 за прошедшие две недели. Мы приближаемся к комнате, где наши друзья приготовили нам ночное лежбище. Если в дороге мы еще говорили про оргию, хотя больше шутя, чем всерьез, тут было ясно: не то что оргия, в таком состоянии единственный актуальный вопрос — это хватит ли сил доползти до кровати и заснуть.

Я устал, я вымотан, в глазах рябит, а тело немеет, радостно предчувствуя свой главный объект вожделения — подушку.

Но стоило нам добраться до места, происходит то, чего не ожидал никто. В меня вселяется Азазель. Я не знаю точно, почему это произошло. Может быть, потому, что все привычные барьеры эго были смяты усталостью. Может быть, потому, что Юля полшутя-полувсерьез назвала меня «по имени», то есть Азазелем. А может быть, потому что кто-то с другой стороны зеркального стекла решил таки повеселиться от души. Причем не один. В общем, меня подвинули, но на этот раз подвинули на целый

час, так что я умудрялся выдавать просто фантастические перлы, при этом сознательно не подозревая, что происходит, и находясь как бы в полусне.

Обе свидетельницы заверяют меня, что это был самый фееричный театр одного актера, какой только можно было представить и помыслить: вибрация, энергия, полное изменение интонации, стиля. Пространство сформировалось такое, что ни у одной из участниц не возникло даже секундного подозрения что это «всего лишь игры воображения».

К счастью, Юля не растерялась и записала наиболее интересные перлы из произошедшего диалога.

Далее я привожу приблизительную реконструкцию диалога по записям Рыси.

Юлия: — Расскажи о себе. Какова твоя природа?

А.: — Описать мою природу слов не хватит. Давай я лучше тебе сказочку расскажу. А сказка ложь, да в ней намек. Вот представь — есть весь огромный мир. А над этим миром, высоко-высоко, находится главный Азазель. Азазель номер семь. Знаешь, что делает Азазель номер семь? Он ржет, хохочет, уссывается всмятку над этим миром. Потому что более угарной комедии, чем человеческая жизнь при взгляде со стороны, просто не существует ни в одном из тысячи миров. Вот этот Азазель номер семь ржет, и когда он заходится смехом до предела, он начинает отрывать от себя Азазелей и кидать их в мир. Кидает, кидает... И еще одного, и еще. Так появляются Азазели номер шесть. И они постоянно плачут. Они только и делают, что плачут, и это понятно, потому что мир трагичен по сути, а каждый цветочек на смерть обречен. И вот плачут эти Азазели номер шесть, и из их слез появляются Азазели номер пять. И Азазели номер пять — Играют. Для нас и наших ставок нет ничего в этом мире, кроме Игры. Играть можно по-разному, поэтому наши ставки очень разные. Азазель — это как чемпион. Ну вы понимаете, может быть чемпион по боксу, может по шахматам, и второе, при должном настрое и состоянии ума, может быть не менее кровавым, чем первое.

Юлия: — Расскажи про Асмодея. Он наш или нет?

А.: — Наш. — Делает, многозначительный печальный выдох. — Наш, конечно. Но долбое-е-еб, ох и долбоеб он! И прилетает ему то от наших, то от ихних.

Тиами: — А расскажи про формы богинь. Они отличаются? Женщина может быть связана с одной формой-именем или несколькими?

А.: — Богиня может принять любую имя-форму если, она не Сет. — Комментарий: это первая фраза-мем, которую присутствующие не забудут никогда. Смысл в том, что это был своего рода «божественный подъём» Сета, которого, согласно мифу, в одной из битв Гор крепко поимел. Другая интерпретация этой фразы в том, что женщина может быть во всех формах Богини, если не одержима негативным Анимусом, который говорит ей, как правильно, а как неправильно.

Юлия: — А про Астарота расскажи. Кто он такой? Чем он занимается?

А.: — О, дедушка Астарот очень важная персона. Он звездочки полирует. Чистит. Протирает. Чтобы светили ярче! Обычно — очень мягкой тряпочкой, нежно, любя. Иногда — наждачкой. Нарастает на них всякое, понимаешь ли. Но может и когтями ебануть.

Тиами (изрядно охренев от полностью изменившегося пространства): — Вашу мать, я хочу уехать завтра утром поездом, а не кукухой!

Юлия: — А расскажи про главную Ставку Нергала.

А.: — А он такой же, как я. Тоже Азазель номер пять, но с другим функционалом. Я — открываю пути, а он может не пустить. Он — Навигатор. Сусанин, который возвращается.

Фраза «Сусанин который возвращается» — еще один пример божественного юмора. Смысл в том, что в Вавилонской мифологии царство мертвых называется

«страна без возврата», и только Нергал может возвращаться и проводить или не проводить в этот мир, естественно, когда я говорил в трансе, я в принципе не мог оценить тонкости юмора, изрекаемого моими устами.

Тиами: — А расскажи про Сехмет. — Тиами служит Сехмет.

А. (кокетливо улыбается, и растягивает голос): — Она ну о-о-очень боольшаая Львица.

Юлия: — Расскажи о совершенных. Кто они такие?

А.: Это смерть третья. Первая — забирает тело и сознание. Вторая — гасит огонек, который, в норме, перерождается. Смерть вторая — это чистое ничто. А вот когда это самое чистое ничто начинает притворяться чем-то — это смерть третья. И когда они приходят — там уж не до разговоров, все противоречия разом отпадают.

Юлия: — А война в мире богов планируется?

А.: — Война не планируется, но определенный пиздец будет очень скоро, все почувствуют. — Сказано за три недели до триумфального шествия коронавируса.

Юлия: — А расскажи про Иерархию. Кто среди Чернозвездных в центре, а кто во внешнем кругу. Схема правильная, какую мы рисовали?

А.: Да забей ты на иерархию. Иерархии нет, — выразительная пауза, — есть мячик. С болтами внутри. Поверхность мячика — все мы. Какой точкой мячик упал — там и центр. А центра всегда три. Первый центр — Ты. Твое ощущение правды. Второй центр — максимально иное. То, что дальше всего от тебя. Если угодно — Иное или Судьба. А третий центр — в каждом человеке вокруг тебя. Тот кто забывает, что третий центр такой же реальный, как и первый, из серебряного быстро превращается в серого.

Юлия: — А чем внутренний круг отличается от внешнего?

А.: — Если тебя интересует, во внутреннем ты или нет, успокойся, наконец, ты там. А чем отличается? Внутренний вьебывает на все пять миров, а внешний только на этот. А в общем — то же самое делают.

Юлия: А почему совершенные приходят? И как вообще их победить?

А.: — Ты не поймешь. Да и как это объяснить? Ну да ладно, попробую через очень отдаленную аналогию. Представь — пленочка. Ну полиэтилен какой-нибудь или скотч, с определенным запасом растягивания. И эта пленочка тянется над определенным пространством. Пока людей, ну, миллионов двести — все заебись, пленочки хватает. Четыреста, пятьсот лямов — пленочка очень натянулась. И тут вот раз — и пять миллиардов. А пленочки все такое же количество. Дырки на пленочке появляются, понимаешь. Так что надо думать не о войне какой-то, а пленочку наращивать.

Записала Юлия не все. Это проявление закончилось целой одой Нергалу, которую точно не мог сознательно сказать я, а после — неожиданным переключением, когда обычное эго проснулось и я побежал заказывать еду. Последняя фраза вечера, сказанная Тиами Юлии мне вдогонку, стала гвоздем номера: «А кто туда пошел?»

Что это? Еще никогда не было столь долгого проявления без малейшего ритуала 2,22. Похоже, очень скоро я смогу вовсе отказаться от «костылей» и проводить все силы напрямую. Но почему Азазель был такой странный? И почему столько восхищенных од было пропето Нергалу моими же словами. Юлия и Тиами были убеждены — в тот вечер приходил не только Азазель. В тот вечер приходил сам Нергал.

Дальше — больше. Углубившись в медитации и практики, я словил некоторое временное искажение, которое мы назвали формой «мейстера Леонарда». Ни раньше, ни позже у меня никогда не было подобных форм, и, по большому счету, я до конца не понял, что произошло. Как будто наше с Юлей желание все-таки перевести процесс в оргиастическое измерение наткнулся на магические защиты Тиами. Сама Тиами на словах не была против секса, но каждый раз все сводилось то к какому-то общему смеху, то к какой-то невидимой стене, которую просто невозможно преодолеть. Но, в конце концов, рядом со мной была Нахема — и, черт возьми, этого более чем достаточно!

В самый интимный момент Тиами вдруг спросила: «Ребят, а какую магическую форму вы бы хотели породить?» — «Кота. Рыжего. С огненным хвостом», — не задумываясь, ответил я, наслаждаясь своим чувством юмора.

Черт побери! На следующей неделе Веге приснился рыжий кот с огненным хвостом, сообщающий моим голосом имя и фамилию Дакини, о которой она до этого и понятия не имела. А Дакини этот же кот прошептал божественное имя, за три дня до этого открывшееся нам с Карни. Театр абсурда. Займись сексом с прекрасной Нахемой — и породи рыжего астрального кота, который будет шастать по снам прекрасных женщин и говорить моим голосом. Не верите? И правильно! Я бы тоже не поверил.

После этого события развивались весьма неприятным для меня образом. Я внезапно принял какую-то абсолютно чуждую мне форму «козла Леонардо», и эта форма очень не понравилась Рыси. Только ее гнев вывел меня из состояния забытья. Да что вообще за театр тут происходит и кто такая эта Тиами? Ибо не надо быть семь пядей во лбу, чтобы понять, что происходящий хаос порождает она. Ко всему прочему, Тиами подарила Рыси роскошное кольцо с пятью натуральными изумрудами. Странный подарок. Вот только после этого подарка, я как-то вдруг почувствовал себя очень неуверенно, будто этот «Леонард» так до конца и не ушел прочь. Нелепые фантазии о нелепых договорах, беспокойство перед Нергалом и той ценой, которую он может затребовать за свое последнее вмешательство и окончательное решение главного вопроса. Нелепые фантазии, нелепые торги — словом, на неделю я погрузился в легкий морок существенно ниже обычного ментального уровня.

Еще и это кольцо, которое подарила Тиами. В общем-то, невинная штука, если не считать, что кольцо с натуральными изумрудами и стоит тысяч этак пятьдесят, и обычно девочки не дарят девочкам такие подарки.

Что за странная игра разыгрывается вокруг меня? Впрочем, смутное беспокойство очень быстро ушло, вытесненное очередным раундом с Альрауне, который неумолимо приближался. Рысь смотрела на это кольцо и не понимала. Что это за странный подарок? От кого? С какой целью? Никаких враждебных печатей на нем не было, она посмотрела его насквозь. Но и понять источник этого подарочка, казалось, было невозможно.

Иллюзия ясности, наступила через три недели, когда пришло время нашего с Карни выхода на глубину. Прекрасный полет небесных ангелов, достойный кисти Марка Шагала. Звездный танец возлюбленных брата и сестры. Есть ли слова, способные описать танго под шелухой? Но танго сменяется разговорами, и Карни — то ли гневно, то ли издеваясь — спросила:

— А с колечком ты, братец, что делать будешь? Твоей жене кто-то подарил колечко, а ты ебалом щелкаешь? Ай, глупый брат!

— Но это же девочка, какая опасность может прийти от девочки? Да, она не совсем наша, какой-то соседний дом, но что он вообще может выражать?

— Соседний дом, говоришь? Опасные игры у этого соседнего дома, мой любимый братец. Смотри, не прощелкай своим нечестивым клювом Нахему — кем без нее ты останешься?

Опасные игры? Я не понимаю. Какую опасность может представлять кольцо, подаренное одной девочкой другой? Правда, если это кольцо с изумрудами под пять косарей ценой, это, конечно, настораживает, но... Ну не лесбиянка же Тиами, а если и лесби — едва ли лесби сможет увести Изумрудную Королеву.

Карни смотрит в мне глаза и проявляет силу Мирры. Вот, значит, что такое Мирра — Зеркало. Способность отражать и передавать. Зеркала Лилит.

— «Передача пакета». Я замираю — и внезапно вскакиваю как ошпаренный. Нергал! Да как же он мог! Мать его за ногу, если он посягнет на договор Истока. Я по красной тревоге все силы Отца подниму. Жму на кнопку тревоги: красная, нет — черная, нет — абсолютная тревога, призываю все высшие формы.

Я начал звонить Рыси. Могу себе представить, как нелепо выглядел этот звонок в четыре утра, в то время как я пыхал огнем, пытаюсь принять драконью форму. Она была ошарашена. Она не верила. К тому же, вполне понятно, что Изумрудная Королева получила свои изумруды и явно не хотела с ними прощаться. Черт с ним! «Я покупаю тебе кольцо, лучший изумруд, хуй с ними, с долгами, срочно отправляю двадцать тысяч, остальное потом. Нам нужно срочно развязать этот чертов магический узел. Тиами — представляет силы Нергала, она от него, его проводник».

Мы уже привыкли к самым безумным плетениям. Но, черт возьми, это было слишком даже для Изумрудной Королевы. Даже она, привыкшая мыслить в категориях магической вселенной, сначала решила, что у нас с Карни крепко потекла крыша. Потому что в своих системах распознавания она не видела источника подарка. А мы увидели! И мы абсолютно точно видели эту ниточку, протянутую через Хаос, которую невозможно распознать, уже приняв подарок.

Черт! В более идиотской, более нелепой, более гротескной ситуации мне еще не приходилось бывать. Я выглядел параноиком, одержимым бредом ревности, и только поддержка Карни давала основу чувствовать, что я не сошел с ума. Вероятно, первые полчаса Рысь именно так и воспринимала наше ночное вторжение. Я был разбит.

Через полчаса Рысь перезвонила. «Ты знаешь, это невероятно! Я вспомнила слова Тиами, когда ты выходил курить: "Вот и все — братья встретились, задача выполнена". Я-то не понимала, что она имеет в виду. К тому же, все это время после нашей поездки я переписывалась с Тиами, и она уговаривает меня познакомить ее с Нергалом, всеми возможными путями. Черт, похоже, вы правы, от него посылочка. — Голос Рыси меняется, и царственным голосом Нахемы она произносит: — Только он мог умудриться подарить мне кольцо, которое я не смогу носить — абсолютно не мой размерчик!»

Внезапно мое восприятие меняется, и на какое-то мгновение я смотрю на происходящее как бы сверху глазами Азазеля. Я, его ставка, включаю «крайнюю тревогу», при том, что ничего опасного реально не происходит. «Кольцо, которое не смогу носить». Ай да спектакль, ай да шуточки, не думал, что у аватары Смерти столь утонченное чувство юмора. Ах да, он же говорил, что теперь, ко всему прочему, еще и Азазеля проводит. Вот уж повезло мне с братом так повезло — высший божественный юмор. Впрочем, мне еще не раз придется посмеяться.

При всем охренении от происходящего, в том, что он является мне братом, причем братом по той самой, главной, нефилимской линии, сомнений не возникает в принципе.

«Вы же веками так друг друга поддъебываете — по братски, — говорит Юля. — Вот просит тебя девочка Маечка мужа своего убить, а ты отвечаешь: ну я же не Нергал. И — поддъеб в поле. Хотя Нергал скорей Маечку бы прибил за такие запросы. А вот он посылает по своим каналам подарочек, к которому не подкопаться, но все по-честному, никакого прямого посягательства, колечко-то нельзя носить — ни по вкусу и ни по размеру».

Азазель номер пять, но с другим функционалом. Сусанин, блин, который возвращается. Интересно, насколько он как человек осознает игры своего Патрона? Блин, про колечко-то и не расскажешь никому, бред полный.

А вот Тиами надо бы ему вручить, по возможности — быстрее. Явно она с ним связана на таких тонких уровнях, что нам и не углядеть. В общем, надо бы познакомиться с братом юмористом. А все-таки хороший брат. На встречу с Альрауне одолжил Рыси пару своих высших боевых форм. И Альрауне чувствовала себя ну очень неуютно, даже не подозревая, что происходит вокруг.

Еще три недели — и вопрос о личной встрече оказывается решенным. Странная штука: всего за неделю до личной встречи в наш клуб приходит новенькая и объясняет мне, что мне нужно подружиться со смертью как с принципом, потому что она тоже часть жизни. Хорошее такое напутствие перед визитом к брату. Или опять его Патрон направил?

Первая встреча.

Я понимаю, что мелкие синхроны можно и не описывать. Ну, например, когда Нергал подходит к подъезду, в этот момент Карни пишет Юлии: «Сестра, что там у вас происходит важного?» Да ничего особенного, хочется ответить, просто у меня встреча с братом, с которым мы уже три воплощения не виделись, а до этого от воплощения к воплощению — то Кастор и Поллукс, то Авель и Каин.

Знакомство — как в тумане. Я с самого начала проваливаюсь в измененную форму, даже без Ритуала 2,22.

Все как я думал. Все как я предполагал. С первых же минут разговора — чувство, что знакомы черт знает сколько времени. Узнавание происходит мгновенное, и, черт возьми, это правда — мы знакомы десятки воплощений! В отношении женщины такое заявление было бы крайне романтичным, даже, пожалуй, приторно сентиментальным.

В отношении брата... Простая констатация факта. Где-то три десятка точно, плюс-минус пять.

Беседуем. Очень быстро выясняется, что у нас есть способность отражать, видеть зеркала. Мужской вариант Мирры, двойное зеркало, способное передавать друг другу целые пласты информации за несколько секунд. Так не бывает! Ну, мистер Туми, успокойся ты, наконец, можешь не верить глазам своим, закрой их, наконец, и поспи, пока люди говорят.

Кто был потрясен больше всех, так это сама хозяйшюшка дома, Изумрудная Королева, Мать Истока. «Что вы вообще делаете? Вы же друг у друга прямо в настройках копаетесь. Разве так можно?»

Можно. И не мы. А боги наши, которые тоже давно этой встречи ждали. Что до меня, то я вообще не видел каких-либо «настроек». Брату чуть больше «жизни», мне чуть больше «смерти».

Интересно, это, вообще, что такое по природе — магия смерти? Разве есть на земле что-то более ужасное, чем смерть? А если в символическом плане — хочешь застрять в старой форме, старой идентичности, которая никак не хочет умирать? Так ведь и физическая смерть — лишь один из десятков вариантов того, что на магическом уровне означает «магия смерти» и «нижний мир». Что-то умирает, что-то рождается, новые формы, старые формы. Брат как будто обладает какой-то особой властью, способностью легко отпускать в несуществование любые формы, как только какая-то оказывается устаревшей. Зловещий аспект смерти — способность убивать живых посредством магии — это лишь маленький кусочек глобального таинства мистерии смерти, который адепт такого уровня без крайней необходимости, именно крайней, никогда не использует. Парадокс в том, что именно я начал свой путь с уничтожения троих и перекрытия способности к практической магии. Нергал такой ошибки не допустил бы никогда. Он знает точно, что можно, что нельзя и как тот, кто знает смерть, знает цену жизни. И это понимание даже не словами, а какими-то невидимыми потоками информации включал в меня мой дорогой брат.

И по итогам нашей встречи становится ясно, что мы смогли друг другу помочь.

Он как будто обнажил мою главную слабость, мою главную пяту ахиллесову, о которой я и не подозревал. Я всегда цеплялся за отжившие формы. Цеплялся до последнего, доводя до крайности, пытаюсь воскресить дохлую лошадь притирками.

Моя главная слабость. Цепляние за отжившее. Черт, я уже имел свой бизнес, но не уезжал из квартиры своей матери только потому, что это была некая «привычная форма», живя часть времени в одном пространстве с презируемым человеком, которому люто желал смерти. Понадобилась аватара сил смерти Акташ, чтобы заставить меня убить эту форму привычного и начать снимать квартиру. Так ведь по всей жизни было. Пока до крайности не дойдет и труп не начнет разлагаться — будем честно пытаться реанимировать дохлую лошадь.

Со смертью и правда дружить надо. А что с истинной смертью, смертью плоти? А ты что, не ставка, что ли? Устареет форма, выполнит задачу и суть новую примет. И ведь непрерывный процесс на самом деле. Ты же не помнишь себя младенцем или в утробе. А с чего должен помнить в том качестве, в каком будешь после?

С другой стороны... Так-с, а чем мы можем с вашим ведомством поделиться, чем будем полезны? Ух ты — надо ж! Брат, а у тебя с женскими формами как? Лилит, ее дочки как в тебе поживают? По глазам вижу — примерно так же хреново, как у меня с силами смерти.

Провести Элли, или как там ее у тебя зовут, для Марти так, чтобы она заявила «у моего Анимуса встал», ты точно не сможешь. Но если бы только это — это как раз частности, спецэффекты.

Женские формы, образы магу должны быть доступны просто для того, чтобы легко входить в разные режимы воображения. А заодно — видеть женщину, которая перед тобой, взглядом предвечной богини, а не наивного мужчины. А все мужчины, если не смогли договориться с Анимой, в этом отношении чертовски наивны.

У нас-то с женскими формами все великолепно, Эллоиза рулит и проявляется, когда и как хочет. А ты не сможешь. Это почему не смогу? Ты же понял принцип смерти, вот и обменялись.

Два зеркала. Обмен информацией на уровне слов — только вначале. Потом — все без слов: движением глаз, вибрацией, полунамеком. Каждый — зеркало для другого. В отличие от физических зеркал, отраженное осталось где-то там, на глубине.

Ох и полетят же в меня в этом месте гнилые помидоры от академических психологов. Ведь в реальности, чтобы принять в себе силы смерти или женские формы, даже в самом продвинутом юнгианском анализе нужны месяцы и годы работы с аналитиком. А тут вот встретился с братом нефилимом, посмотрели друг на друга, и оба — чудо чудесное, тайна великая, поделились друг с другом недостающим, свое при себе оставив. Сказка да и только. Кастор и Поллукс встретились и соединили небо и аид. Легче поверить в самые невероятные совпадения и чудеса, нежели в решение своей главной проблемы за одну встречу. Пришли, поговорили, посмотрели друг на друга, посмеялись. И все — главные пробои залатали, которые в другом случае годы бы латать пришлось с лучшими аналитиками.

Внешне — беседуют братья, вновь познакомившись, делятся опытом, красоты рассказывают. А на внутреннем уровне — идут пакеты, идет информация, идет взаимный апгрейд, причем по самым слабым точкам. Бывает же такое? Никогда бы не поверил, да еще диагноз поставил бы, да успокойся ты, Туми, наконец.

О чем беседовали? О многом. Например, про структуру иного мира, мира смерти. Понятно, что любые слова не передадут сути и будут похожи на пародию, поэтому, в общем, и передавать их смысла нет. Буквально абсурд. А вот когда зеркало напротив зеркала и десять процентов в словах, а оставшиеся девяносто — лови пакетик, включай, дорабатывай, — и эти десять в свете остальных становятся совсем иным знанием.

Про Кылчина я, конечно, спросил. Мол, есть у вас такой очень мощный бог — Кылчин, расскажи про него. Брат смотрит на меня с хитрой улыбкой, и через секунду мы оба начинаем хохотать. Бог, который казался мне самым могущественным воплощением сил смерти, в картине Нергала передается как: «Есть у нас такой дедушка. Знаем, любим. Старенький, но за жизнь цепляется, как это ни странно прозвучит в нашем ведомстве». После рассказа этой истории Мартиэль выясняется, что она прочитала все, что доступно о Кылчине из фольклора, и действительно — он изображается как старенький дедушка, который ходит больше по среднему миру. Вот, блин, ирония богов. Как привыкнуть к такому?

Кстати, практически с первого мгновения разговора я как будто автоматически «перекинулся» в Азазеля. Только, в отличие от прошлых перекидываний, это было какое-то легкое, так что исчез всякий смысл разделять — вот я, а вот Он, вот точка

включения, вот точка выхода. У Нергала в поле все очень спокойно, не любит его ведомство резких рывков да крутых скачков.

Когда я на миг вышел в сеть, столкнулся с письмом Акташ. О боги, она опять в гнев. Боже, ну да, я неточно написал, искажил, все поправим. Но зачем же сразу использовать свое боевое оружие — крик баньши? Ну зачем, Акташенька, милая, сразу такое оружие? Ты бы сначала объяснила, я ведь, скорей всего, сразу соглашусь.

— Стой! — властно произносит Юля, и я вижу, что она опять не она, а — Она. Нахема. Ей сейчас надо было проявиться. Она в его ведомстве, ей важно быть увиденной.

Нергал пристально смотрит на меня, и в моих мозгах происходит взрыв. Еще одно прозрение. Как он это делает? Даже с Самой мне не удавалось получать такие пакеты. «А это потому, что ты снизу вверх смотрел, а надо на равных, зеркало напротив зеркала».

Впрочем, даже это еще цветочки. Изысканнейшей ягодкой стали имена Истока, когда Юля попросила нас их назвать друг другу.

Невероятно. Абсурдно. Но они у нас действительно одинаковые. Впрочем, с именами тут уточнение нужно.

У меня было два имени. Одно — данное Марти при принятии в ученики. Один из моих первых правильных вопросов. И имя сие следует хранить как зеницу ока и даже больше, потому что без глаза жить можно, а без имени нет тебя.

А всего неделей раньше до этого знакомства она передала мне мое второе имя, имя нефилима, Имя Семьи. И это имя я узнал всего-то неделю назад до знакомства с братом — и через неделю услышал от него то же самое имя с одной лишней буквой в начале слова но то же!

Черт подери, я прекрасно понимаю, насколько нарочито это звучит. Одно сокровенное имя. Одна суть. Скажи я, что свое имя я получил много лет назад, все бы куда не шло. Но нет. Второе имя мне было подарено только неделю назад, и передо мной — носитель того же самого имени, который и понятия не имел о нашем сходстве. Можно было заподозрить комедию но абсолютно точно — они были не знакомы и до сих пор жили в разных мирах.

Брат. Двойное зеркало, мужской вариант Мирры, способные вместе творить невероятные штуки и получать невероятные ключи. И, черт возьми, даже без 2,22. Как это возможно — вводить собеседника под шелуху, просто направляя потоки, без какого либо ритуала 2,22? Так что дополнили, передали, связали потоки, признали друг друга, посмеялись над взаимными шутками, друг над другом в этой и прошлых жизнях. Достроили аспекты. И я благополучно заснул, дав возможность Юлии и Нергалу обсудить произошедшее взаимное офигение, как старым друзьям.

О главном не хотелось спрашивать. Хотелось до бесконечности говорить про Акташ, Кылчина, шумерских богов и другие тонкости магических плетений. Потому что спрашивать не хотелось. Но надо. Один вопрос застревал во рту незадачным вопросом Парсифаля. Но время быть наивным идиотом, юным глупцом Парсифалем осталось в первых танцах с Акташ. Надо говорить.

— Все действительно миновало? Ну ты понимаешь. По твоему ведомству.

Я смотрю на него, он на меня, но на этот раз пакет летит не от него, а от Нахеми.

— Я вспомнила. — Она поворачивается к Нергалу. — Тогда на следующий день я же обратилась к тебе в полусне: помоги, закрой врата. Был сон, где мы закрывали эти врата вместе.

Нергал смотрит на нее не мигая. Совсем другой голос, я как будто не узнаю брата, сейчас он сам Тот, Нергал в его предельной форме.

— Мы договорились. Мы закрыли врата вместе. Врата не могут быть закрыты всегда, но время есть. А Сальва очень хотела, доказать как она могущественна. Это она летела за душой, хотела быть ангелом смерти.

Похоже, нам действительно удалось. Всем. Карни, бросившаяся на штурм небес и потерявшая сознание, когда в огненном теле бросилась на ангела с мечом. Юлия, позвавшая на помощь старого друга и мага смерти. «Азазель номер пять с другим функционалом, он может не пустить», — вспомнились энигматические слова Азазеля из глубины глубин. Пифия, которой все это время Люцифер говорил «наполнять Мартиэль силой», которая не понимала, что и почему происходит, но слышала голос глубин. Даже Вега, всегда остающаяся в стороне, увидела сон, показавший — просвет будет.

Кажется, во всей этой истории я был самым бесполезным участником. Я — перворожденный, изначальный ученик, первый, кто был удостоен чести высочайшего причастия в кризисной ситуации, оказался самой бесполезной, самой беспомощной частью фронта. Да, я получил откровение Люцифера. Да, он сказал, что она уходит. Эвфемизмы — хорошая штука. Уходит с поста главного хранителя Истока — дайте уж ей отдохнуть, берите на себя, ребяташки. Но только почему-то, услышав глас отца Зари, я моментально опустил руки и все что делал — это готовил ритуал, чтобы — не если, а когда — беда произойдет, следующее воплощение души произошло у нас. Конечно, на самом деле этот ритуал оказался невероятно коварной ловушкой для посланницы Серого — Сальвы, которую надо было накормить ее серым хлебушком, но разве я хоть на миг догадывался, что делаю на самом деле?

А Нахема и Нергал закрывали врата. А Нахема послала крик помощи. Вот почему через неделю он позвонил ей, поздравив с обретением крыльев Люцифера. Он уже слышал ее крик, и где-то там, между сном и явью, они творили свое таинство, пока над городом металась ветра в декабре и сияла такая непривычная радуга.

Что же было после этого странного полета? Потом началась «распаковочка».

А на следующий день мы впервые практически расстались с Магдой. Ну, то есть как расстались... В нашем случае это явно не то, что обычно принято под этим подразумевать. Правда, в первую неделю, казалось что все фатально и бесповоротно, как выяснилось потом все оказалось не столь однозначно, но старая форма наших отношений умерла окончательно.

Ах да, Магда.

Вот кому в этой истории было хуже всего.

Но почему?

Когда было время Иштар, Магда была по-настоящему счастлива. Был я — ее любимый муж, отец династии. Была любимая старшая сестра, любовница, подруга и мать, хозяйка наша Иштар. Просто Старшая. Была Акташ. С ней, конечно, была война, но война с понятной или кажущейся ей понятной силой. Война, которая потом вдруг превратилась в резкую симпатию. Магда находилась в центре своего мифа, и даже сложные моменты переживались как неизбежные пороги в бурной реке.

А с июля, когда в реальность вдруг за один месяц вошли две Мирры и Изумрудная Королева — последний раз случалось только в конце 2016-го, ровно три с половиной года назад, — понеслась бурная речка водопадом Нибирским.

Когда Иштар уходила, а я стыдил ее, что она впервые, за много лет ревнует, что недостойно Иштар, она сказала: «Это не про ревность, это про фарры».

Тогда я посмеялся. Мол, не может женщина посмотреть в лицо своим эмоциям, за слова красивые прячется, хотя слово это — являлось основой, главной идеей нашего танца. А сейчас понял, что, действительно, о фаррах речь была. Языческий миф, красивый, многомерный, таинственный и перспективный, изобилующий множеством синхронизаций и знаков — уходил. Уходили фарры старых богов. Рождалось нечто странное, завязанное не то на каббале клипот, не то на фантастическом романе «Ойкумена», ставшем центром и картой нового мифа, не то на чем-то, еще до конца не понятном, а на самом деле — на том, на чем только и имело право основываться.

На Серебряной Нити Мартиэль. На том, чему изначально была присяга. Вот почему даже Иштар, свободная от убогой человеческой ревности, умудрялась ревновать только

к одному человеку — учителю, с которой у меня никогда не было эротической близости. Фарры. И в этом слове все сказано. Как будто старые языческие фарры перестали быть заметны, а что за «зверь ползет к колыбели», она понять не могла.

Ушла Иштар, вошла в свою силу Карни, утвердилась в сиянии Изумрудная Королева, постепенно стала раскрывать свой танец Пифия. В одночасье родился новый миф, исходящий из Истока Марти, координатами для которого, как ни странно, была та самая «Ойкумена» Олди.

В Ойкумене была Юлия, была Карни, были две Мирры. Был Антис как принцип Азазеля и основа, ось мифа. Там не было только одного. Магды. Гекаты, повелительницы псов.

Уж не знаю, может быть, она переросла свою склонность атаковать «собачками Гекаты», а может, Изумрудная Королева слишком сильна и защищена. В любом случае, пришли другие звери и другие боги. Очень хотелось найти ей приемлемую роль, дать миф, но невозможно дать то, что создает тебя. Миф разворачивался сам, и в его разворачивание было невозможно вмешаться. Как невозможно было дать Магде титул «Нахемы», потому что для Магды это имя было знаком-кодом особой любви, а для нас — особого рода метафизическим признаком, узнаваемым по ряду качеств и проявлений.

Короче говоря, мы с Магдой перестали друг друга видеть и понимать.

Пик наступил на следующий день после первого знакомства с Нергалом. Впервые в пространстве Магды, всегда таком уютном и родном, было просто невозможно находиться. А сама она источала столько яда, что на следующий день у меня в первый раз за десять месяцев был приступ поджелудочной.

Неужто опять собачки? «Спаси, Юля, собачки атакуют — посылай своих рысей». — «Да не собачки это, милый. Это ваша общая на двоих рана гниет, тут никакие рыси и львы не помогут», — ответила Нахема.

Кажется, Магда и правда хочет отделения. И кажется, до этого момента я слишком боялся этого отделения и инстинктивно «набрасывал покровы». Изменения пугают. Всегда. И до сих пор я делал все, чтобы отложить любые изменения.

Это было тогда. До встречи с Нергалом, который закачал в меня целую базу таинств Нергала.

На следующий день после встречи с Нергалом я был действительно другим. И этот другой сказал себе — стоп. Хочет уходить — пусть.

И как только я действительно отстранился, я увидел механизм, в котором мы оба сцеплялись нашими Тенями. Страх цеплялся за страх, надежда за надежду, превращая нас обоих в пародии на самих себя.

В первые три дня казалось, что это полный разрыв. Обида от приступа, явно вызванного психическим отравлением, заставляла искать пути полного освобождения. А потом, на четвертый день, во мне включился Нергал, точнее те формы, которые он мне передал, и я стал видеть как оно на самом деле.

Я увидел свою Тень, которую некогда высветила Акташ и назвала Горлумом. Взгляд Смерти упал на Горлума — и он осыпался прахом.

После этого мне написала Магда, давая понять, что будет рада выполнять какие-то из задач стража, если я остаюсь отцом детей и другом ей. Но — не навязывать больше иллюзию особенных отношений, не обманывать, не кидать покровов иллюзий.

Прошло два месяца, и наш новый договор все еще жив.

Три месяца назад до второй встречи с Братом, Юлия смотрела на Магду под шелухой и увидела удивительную картину. Магда стоит между четырьмя путями. Впереди — Люцифер. Свет Сокровенный, свет сияющий, путь чистого света. Позади — Серый хозяин. И он уже пустил свои ниточки к ней, ловя на каждом шагу. Справа — Велес. Одна из ее истинных форм — славянская богиня Жива, чистое, языческое, природное начало, всегда тянущееся к язычеству как принципу крови, рода, земли. «А что же четвертая нить?» — спросил я. «Ты не догадываешься? Это моя Нить, Нить

Нахемы. И никто не тянет, как будто все ждут — куда направит она свой единый импульс воли». — «Черт, там есть нить Люцифера, но Нахемы там не может быть в принципе». — «Ты просто не видишь всего», — улыбнулась Юлия.

Когда мы расставались, я был уверен, что теперь ей один путь — тот, что позади. Но через три дня я увидел совсем иную Магду, готовую строить другие, более дистантные, но и более честные взаимодействия. Неужели все-таки Люцифер? Рано говорить что-то определенное, но впервые за долгое время мы смотрели друг на друга без каких-либо шор и проекций. Чтобы убрать тень между нами, нам надо было разделить. Это было воистину маленькое чудо, которое явно подарил мне дорогой брат во время нашего первого «таинственного обмена».

Такова она — Магия смерти Нергала. Та самая магия, которую в мире так боятся и презирают, считая самой чудовищной и худшей из всех форм магии.

Черт подери, после истории с Магдой я, похоже, в большом долгу у брата. И коль уж он подарил мне тайну смерти, я обязан подарить ему тайну жизни.

Более всего я хотел на второй встрече познакомить их с Тиами, которая сама жаждала этого знакомства. Тиами — тоже Нахема. Признанная Нахемой-Юлией. Те же знаки, коды, веяние Черного огня, рысьи повадки, способность связывать плетения и протраивать пути. Только Нахема могла провести такую нить между нами с Нергалом, даже не подозревая, что делает, — просто реагируя на существующий в пространстве запрос.

Она с самого начала связана с Нергалом, даже странные слова в тот вечер проявлений подтверждают это. Слишком красивые узоры связывают эту парочку, хотя до сих пор они друг друга не видели. У меня реальный должок перед братом, и надо бы его отдать.

К тому же. Будем честны я все еще помнил этот сон. Третья часть дохода. Поэтому мне до безумия хотелось представить ему удобный вариант, чтобы его взгляд не упал ни на Карни ни на Пифию ни на Изумрудную Королеву.

Но как это всегда бывает, планы отложились на неопределенное время, и наша вторая встреча прошла по совершенно неожиданному сценарию. Хочешь насмешить богов — расскажи им свои планы.

Через две-три недели ко мне в гости приезжает моя прекрасная Пифия.

Как же она изменилась за эти месяцы! Сильная, уверенная, централизованная. Осознающая свою уникальность. После того как стало известно, что у них с Марти единое Имя Истока, и это подтвердила сама Мартиэль, она перестала сомневаться. Та, что раскрыла Альрауне. Та, что призвала Немезиду. Та Самая.

Поэтому наше взаимодействие становится очень особым. Она передает мне ключи. Она объясняет мне самые важные тайны, которые, по всем законам жанра, я должен был бы понимать давно, но вот увы — на своем носу прыщик не виден. Она обучает меня проводить Люцифера.

Это кажется мне безумием, дерзостью, недопустимым навязыванием себя Ему. За все это время Он приходил через меня в полной мере лишь дважды, и я всегда считал, что попытка самому притягивать в себя кого-то из высших отдает опасной гордыней. Ну только послушайте, как звучит: «Я провожу Люцифера». Впрочем, в каком-нибудь Магическом театре Лебедько проводить богов — это обычная практика, вот только является ли это проведение в полной мере чистым и не ведет ли это к утрате права жречества.

— Я не понимаю, — говорит Пифия. — У тебя же все хорошо с Азазелем. Есть символы, есть вибрации, есть способность моментально переходить в его форму. Я же его вижу постоянно в тебе, вы с ним так легко переплетаетесь. Ты же научился. А с Люцифером-то что? Как будто ты считаешь себя недостойным. Но он уже и так иногда вибрирует через тебя. Может, кому-то я бы и сказала, что тебе рано, но у тебя он уже идет, а ты как будто сам закрываешься страхом и лжесмирением. Вот есть Азазель. У

него есть символы. Озеро. Козел. Птица. Ты прекрасно их проводишь, заходишь через них. А у Люцифера что?

— Ну, Гора, наверное. Павлин. Ветер.

Пифия учит меня вспоминать ощущение от присутствия этих символов. Легкость ветра. Мощь и гордость бытия вершины горы. Павлин как красота. Ось, Север, Полюс. Она как будто выворачивает мое привычное восприятие — если раньше для меня было возможно только пассивное восприятие, сейчас она, слово за словом, объясняет принцип активного высокого мистицизма.

Только бы в гордыню не войти.

— Да ты уже проводишь его черт знает сколько времени. Просто не замечаешь. Давай ты будешь хотя бы играть, представлять, что его проводишь. И что-то будет меняться в душе, и ты даже не будешь замечать, как масштабны эти изменения.

Постепенно, шаг за шагом я пытаюсь отбросить свой священный жреческий трепет, коль так нужно. Пифии можно доверять — у нее имя Истока.

Внезапно на середине разговора она вдруг заявляет:

— Я должна увидеть Юлю и Нергала. Небольшой пакет для него лично. С далеких берегов. Важный. Я когда летела к тебе на самолете, в сознании как будто завибрировало: Нергал, Нергал, Нергал, нужно передать, нужно встретиться. И прямо как глюк — за окнами такие воздушные города.

В «дальних берегах» я мгновенно узнаю намек — Майкл Форд, из далекой Америки. Кажется они когда то переписывались и даже были друзьями. И что главное абсолютно точно что я не рассказывал об этом Пифии.

— Нергал наш. А вот еще есть некий ложный брат, который будет пытаться встать рядом, — продолжает Пифия.

И как это все понять?

Впрочем, Пифия это Пифия, главное — пропустить внутрь себя ее слова, и через некоторое время они станут ясны как алмаз, сияющий на солнце.

Однако доверие Пифии не мешает мне почувствовать себя полным идиотом, из состояния которого я звоню Юле договариваться о скорейшей и внезапной встрече.

Черт подери! Вот почему так случается, что именно в момент разговора по телефону с Юлей после почти месячного перерыва мне пытается прозвониться Сальва? За пять минут до того как Пифия сказала про «ложного брата». Да как у нее это получается!

По итогам беседы с Нергалом в прошлый раз выяснили, что именно она сыграла немалую роль в событиях солнцестояния, именно она хотела, как бы это сказать правильно, «препроводить в смерть». На глубине, на уровне вибрации, на уровне базового запроса. Бедняга сама не подозревает, какое чудовище в ней живет.

И вот месяц от нее никаких звонков — и тут вдруг резко пытается прозвониться.

— Да что происходит?!

— Это и есть тот третий брат. Не бери трубку, ни в коем случае. Она хочет войти в поле, а этого нельзя допустить. Мне еще вчера сказали про ложного брата, который попытается стать рядом. Не бери трубку!

— Юля, что делать, она рвется в поле! Формула. Я же сам взял ее в ученики, эта нить через нее рвется, я чувствую ее боль, ее крик.

— Вспомни формулу, напиши и читай ее в обратном порядке. Это формула отречения. Ни одна связь не может быть абсолютной. Она не раз нарушала правила взаимодействия учителя и ученика, так что ты вправе. Трижды. Читай трижды формулу отречения.

Читаю. Блин, Если Сальва легко прочла в поле расклад который сделала Марти подтвердив ее серую природу, сразу увидев как «отречение Марти», что будет после того, как я прочту эту формулу? Но надо, другого выхода нет.

Через некоторое время заглядываю в компьютер: в переписке тоже Сальва.

— Ни в коем случае не читай! — У всегда мягкой и нежной Пифии в голосе пробивается звон нержавеющей стали. Или кто-то с той стороны говорит через нее.

Удалить, не читая. Прочитать формулу отречения трижды. Все сделано. Только жалость обжигает. Альрауне жаль не было, даже когда я думал, что ее визит будет иметь фатальные для нее последствия. А Сальву все равно жаль. Воробей, застрывший на Западных воротах. Воробей, который пытался стать вороном. Понимает ли она, кто она на самом деле, чего хотела, куда летела, к чему вела? Впрочем, какая разница. Узнаваемый стиль: то грубое продавливание, то взывание к жалости. К архангелам ее, разрази ее Рафаэль.

Долгая дорога в ночи. Боже, какими же идиотами мы, должно быть, выглядим в глазах Изумрудной Королевы и Нергала! Еще и обещание нарушил, брату данное. Обещал ему привести его Тиами, вместо этого везу свою возлюбленную сестру с каким-то непонятным «пакетом». Вместо женщины — пакетик, ну что за насмешка!

Я чувствовал себя полным идиотом. Нергал — брат. У него включается Азазель, у меня — Нергал. Мы мыслим похоже. Черт, могу себе представить, какими хуями я бы мысленно покрыл кого-нибудь, кто бы заявил, что у него или нее для меня «пакетик от Азазеля или Люцифера». Еще запараноил бы, что кто-то в мои отношения с богами лезет. Потому что если Азазелю что-то нужно, он прекрасно приходит сам и меняет мою вибрацию и состояние, в каком бы состоянии я ни был. После первой встречи с Нергалом уже и ритуал 2,22 не столь необходим, сам включаюсь куда нужно. До чего же по-идиотски мы будем выглядеть с Катей. А вот как раз позвонила Юля, сказала, что Нергала, скорей всего, не будет.

В отличие от меня, Катя не волнуется совсем: «Если не будет — передам кое-что Юле, для нее у меня тоже есть. На верхних планах все договорено, поверь мне».

Ох, пытаюсь верить. Ох и сложно. Слишком уж нелеп наш визит — и, как ожидалось, «Нергала не будет». Небось первый подвернувшийся повод выдумал, а то везу ему пакет вместо Тиами, как будто издевательство какое.

Я волнуюсь. Я чувствую себя нелепейшим образом. «Ну хорошо, начало я разыграю по нашему братскому сценарию, — говорю я Пифии. — Ты расскажешь о своем пути, он о своем. А дальше? Как ты вообще будешь «передать»? Мы рискуем стать полными посмешищами на ближайшие пару лет: пакет Нергалу от Нергала, ага, очень логично».

И вот мы приехали. Традиционное знакомство, рассказ об истории своей жизни в формате пятиминутного доклада, обмен опытом, а потом повисает тишина.

Я волнуюсь. «Кать, ты собираешься передавать? Рассказывай, что там». «А передача уже идет», — улыбается Пифия своей очаровательной улыбкой. «Хоть что-то есть?» — это уже мой беспокойный вопрос к Нергалу.

И тут происходит нечто.

Я очень хорошо запомнил брата с первой встречи. Невозмутимого, ироничного, спокойного, играющего образами и смыслами как высококласный жонглер. И вот этот невозмутимый мастер и жрец бога Смерти пошатывается, точно пьяный, просит передышки, после чего бухается на кровать, словно придавленный бетонной плитой. Через некоторое время он изрекает виртуозное матерное выражение тоном какой-то запредельной обреченности.

Мне запрещено обнародовать содержимое пакетов, скажу только, что для всех нас это было более чем неожиданно. Потому что раскрылись ключи связанные с его Истоком.

Пифия помогает ему понять, распаковать, усвоить те смыслы, которые пришли через нее. Они понимают друг друга. Ах да — она тоже Мирра. А я — мужская форма Мирры, у меня Элли Мирра. Зеркало Лилит. Этим ребятам даже психоделики не нужны. Они сразу видят, слышат и чувствуют.

Еще в дороге Пифия сказала: «Ты можешь увидеть меня в необычном ампула, только не бойся». На это я ответил стандартной шуткой: «только не пытайся соблазнить ставку бога Смерти, а больше ты ничем меня не удивишь».

Удивила! Удивила, черт подери, и еще как! Да кто же ты такая, очаровательная Пифия? Без титулов, без претензий, без ролей, просто Катя, с именем Истока, идентичным имени Мартиэль.

Так не бывает! Я в очередной раз не верю своим глазам. Ах да, опять та самая скептическая субличность Крега Туми.

Интересно, я когданибудь перестану удивляться? Чему удивляться, после того как выяснилось, что у нас с Нергалом и у Пифии с Марти идентичные имена?

Вот просто взять и, посмотрев пару минут в глаза, раз и навсегда перевернуть картину мира магу и практику, равного которому мы вообще не знали. И ведь действительно перевернула. Это не сыграешь, не симитируешь. Это — событие, к которому он, видимо, шел давно, но не мог предположить, как легко оно может произойти.

— Юля, она не просто Катя. Она — сама Младшая Марти, — говорю я.

— Марти не бывает младшей и старшей. Она одна. Единая-в-Зеркалах, — вдруг отвечает Юля таким знакомым голосом госпожи Черного Огня. Сколько сюрпризов для одной ночи! Может быть — раз он тоже Азазель, то я тоже Нергал? На этой даже не высказанной мысли я начал чувствовать совершенно особые, суровые и спокойные вибрации Черного солнца Нергала. Природа нашего взаимодействия — я достраиваю силы смерти, он — силы жизни. А по сути — два зеркала, поставленные друг напротив друга.

На этом все не заканчивается. Вновь приходит Он. Сам. Север. Люцифер. Но уроки Пифии не пошли даром, впервые этот приход — не некое «подвигание» из глубины, а синергичное действие, когда я силой воли настраиваюсь на его вибрацию и усиливаю его, оставаясь полностью в сознании. Такие манифестации не столь эффективны, как когда тебя полностью подвигают. Но только они указывают на начало овладения Высоким Искусством. Конечно, все сразу узнают Его.

— Дай Алексу титул, — внезапно просит Юлия. — Ну как нам: лесенка, колокол...

Человеческая часть приходит в панику, потому что это кажется посягательством на права учителя, мастера, только она вправе. В голове слышу злой голос Марти: как же ты уже достал своими страхами и реверансами!

Черт, это был очень злой голос. В реальности Марти почти никогда не говорит таким голосом, но в том, что это именно ее голос, нет никаких сомнений.

Я закрываю глаза. Расслабляюсь. Наблюдаю за движением рук, следую ощущениям тела, будто мои руки что-то твердо схватили.

— Вожжи колесницы. Он — вожжи колесницы и тот, кто их держит. Слепцы полагают, что аватара Нергала хочет освободить смерть, разнуздать ее, но на самом деле он — тот единственный, кто сдерживает ее черных коней.

— Это ведь так, дорогой брат? — продолжаю, я вернувшись в человеческую форму. Брат кивает. Похоже, после подарков «просто Кати» его невозможно удивить уже ничем.

И как всегда, встреча не проходит даром. Мы решаем реформировать клуб. Много лет мы не пропускали ни одного собрания в пятницу в реале и теперь решаем попробовать формат онлайн. И впоследствии это стало основой новой «Касталии» и новой реальности, где во главе онлайн проекта стали мы трое. Я, Юлия и Алекс. Мои знания, ее знание инфотехнологий, его мастерство программирования. Без кого то из нас ничего бы не получилось. А сейчас родилась наша новая «Касталия». «Касталия», где все доходы от онлайн проекта мы делим на Троих.

Доходы! На троих! Иногда в сновидениях банан это просто банан — какая тонкая божественная ирония в этих подколах! Когда все это время я боялся потерять свою

законную треть — в виде одной из троих, на самом деле речь шла о новом бизнес-проекте. А почему Вельзевул рекетир? Ну, мой дорогой брат и бог, стоящий за ним, любят эффектные и красивые появления...

Я научился главному. Смене форм. Легкости. Игре. Где все непостоянно. До знакомства с Нергалом я представлял его мрачным и замкнутым мизантропом — каким еще представляет сознание аватару бога Смерти. Ничего подобного. Порой мне казалось, что он еще более легок, чем я.

Наша встреча научила меня главному — способности отказываться от старых форм до того, как все дошло до катастрофы. Принятие принципа смерти как части крыла Люцифера, в то время как до этого я мог видеть и признавать только силы жизни. И надо сказать, эта встреча пошла нам обоим на пользу. Остается только познакомить его с Тиами и таки вернуть должок.

А на одной из наших следующих встреч через пару месяцев мой брат помог мне разом увидеть три прошлые жизни.

Сперва Алекс пригласил в глубины Юлию. Египетское воплощение, искажение, повлиявшее на весь последующий полет души. Я не слишком понимаю смысл их слов, поскольку они кажутся мне фантазией.

Но вот через Алекса говорит Нергал. Включается поток «обратной реки», и Юлия начинает вспоминать. Палящее солнце, мансарды, юная принцесса. Юная? Ранняя смерть? Что-то очень неприятное и болезненное.

Слово за слово, рождается картинка. Принцесса, которая упала с высоты и ей не подали рук жрецы. Потому что раз упала — значит, на то воля богов. А на деле — скорей всего, своя была выгода у этих жрецов. С этого воплощения осталась обида. Не на людей. На богов. Страх с одной стороны, ненависть с другой. И — западание в женской форме. Мои воплощения — и мужские и женские. У нее — только женские.

«Ты же не принимаешь свою женскую природу, потому что не веришь, что можешь творить сама, — говорит Нергал. — Жрица Иштар, жрица Сехмет, Священная Блудница. Всегда хотевшая быть жрецом. Может быть, пора с этим разобраться?»

Я заинтригован. Мой единственный опыт вспоминания прошлых жизней — путешествие на глубину под руководством Акташ. Но даже после этого опыта я до сих пор не мог до конца определиться в своем отношении к теории реинкарнации.

Эмоции, чувства, мощный шквал отчаяния, который я переживал, вспоминая *ту* жизнь Михея, были невероятно сильны, и самое главное — все эти эмоции не были свойственны мне, они как будто пришли из ниоткуда. Воспоминания Михея заставили на время умолкнуть моего внутреннего скептика.

Но разве скептик может умолкнуть навсегда? Постепенно на место готового ответа пришли новые вопросы. Во-первых — это частичные исторические несоответствия. Во-вторых — общая невероятность всей истории: сирота расстрелянных врагов народа, делающий карьеру в партии, всю жизнь ее ненавидя, — это прекрасный сюжет для фильма начала девяностых, но слишком невыполнимо в жизни. Да и все исторические деятели, казненные по тому злополучному делу, явно не имели отношения к провинции.

Что если все пережитое — это всего лишь символическое выражение моей тоски по настоящей матери, которой у меня никогда не было? Что если вся эта история была рождена бессознательным разумом, который, несомненно, гораздо сильнее, больше и креативнее того, что я знаю как свое сознательное «я»? Но даже если предположить, что некто Михей прожил столь невероятную жизнь — кто поручится, что это именно моя прошлая жизнь, а не случайно, под ситуацию извлеченная из коллективной памяти история?

Тема прошлых жизней слишком дискредитирована десятками «Цезарей» и «Клеопатр», а также «великих жрецов Атлантиды», не способных даже договориться в своем описании, а какой была эта самая Атлантида, если, конечно, она была, а не является просто экраном для проекции своих фантазий? И самое главное — даже если

реальность прошлых жизней правда и, скажем, история Михея просто долетела до меня сквозь призму искажений, а кто, собственно, перерождается? И еще более главное — а что есть то самое «я», которое, полностью утратив память в реке Стикс, все же говорит о себе: это *моя* прошлая жизнь? И если мы принимаем идею прошлых жизней, принимаем ли мы идею параллельных миров, и не может ли наша прошлая жизнь разворачиваться в декорациях, отличных от реальной истории нашего мира — просто потому, что миров множество?

Вопросов здесь больше, чем ответов. Очень хочется поверить до конца, но всегда останутся несколько мелочей, которые не позволяют говорить уверенно.

Поэтому, глядя на то, как быстро и четко погрузил Алекс-Нергал Изумрудную Королеву в ее «египетское воплощение», в котором она потеряла веру в правду богов, я и мог не вмешаться.

— А меня можешь? Мне же тоже интересно, — говорю я.

— А ты уверен? Тебе может не понравиться. Ну хорошо. Ты говорил, у тебя прошлое еврейское было. А давай в еврейское сходим, только пораньше. Готов увидеть себя жрецом Яхве?

«Жрецом Яхве, — думаю я. — Мерзавцем, ригористом, догматиком и женоненавистником? Ну ты и подобрал образ, братец! Впрочем, кто знает, какова она — моя тень? Всю жизнь меня сопровождает двойственное отношение к евреям: с одной стороны, какое-то восхищение к их инеллигентности, дисциплине ума, с другой — ненависть к патриархальному богу, ненависть с момента, как я себя знаю. Возможно, ведь и правда тень. Мы ведь не можем ненавидеть то, чего в нас нет. Ну что ж — давай посмотрим. Мы будем играть честно, дорогой брат, и я не буду ни помогать, ни сопротивляться тебе, а гипнозу я не поддаюсь...»

Эти мысли проносились в моем уме. Но вслух я произнес только одно:

— Что мне для этого нужно сделать?

— Стоит только закрыть глаза. Я помогу. Что ты видишь? Пустыня...

«Я не поддаюсь гипнозу, я знаю это совершенно точно», — думаю я. Ни помогать, ни сопротивляться — играть в полную силу, что пойдет, то и пойдет, если пойдет. Но сперва не шло ничего.

И тут я почувствовал вихрь пустыни с такой же силой и убедительностью, как если бы в физическом мире резко открылось окно и в комнату ворвался бы ветер. Но это был совсем другой ветер — не Северный ветер Люцифера, но Южный ветер, ветер сухой, высушивающий все на своем пути смерч или самум.

— Кто ты? Как ты видишь себя?

— Я действительно вижу, и это невероятно! Моя кожа обожжена. Я просто иду. Иду в никуда. Иду, чтобы идти, такой же мертвый и выжженный, как эта пустыня и этот ветер. В моих руках кинжал. Не потому что я собираюсь кого-то убить здесь и сейчас. Просто кинжал — как продолжение руки. Я сплю, совокупаюсь, ем и никогда при этом не расстаюсь с кинжалом, моим продолжением, моей плотью. Я это кинжал, кинжал это я. И я иду. Я все равно умру, пустыня доконает меня рано или поздно. Но я иду, и если кто-то попадется мне на пути, я просто убью его. Потому что пустыня выжгла все во мне, оставив только песчаную бурю. Потому что у меня нет ничего, даже надежды, а они — все, кто бы ни был — имеют больше, поэтому я отниму у всех, кого встречу, самое дорогое — жизнь. Потому что я и есть этот проклятый ветер пустыни.

— Как тебя зовут? — раздается голос брата.

— Сшаул. — Первая буква — нечто среднее между «ш» и «с», звенящая, шипящая, вызывающая. Саул или Шаул — не разобрать. Да и какая разница, как тебя зовут, если есть только ты и этот песчаный самум, и ты сам становишься смерчем и ураганом.

— Кто твой бог, Саул?

— Шшайтан, песчаный ураган мой единственный бог, — каким-то чужим, уже мертвым голосом, полным злобы и ненависти, отвечаю я. — Нет богов кроме шайтана пустыни, и все мы ему жертвы!

— Откуда вы идете? Вас изгнали?

— Я не помню. Когда-то была зелень. Все решили вожди.

— Кто и где твой вождь?

Мне сложно говорить. Я вообще не привык говорить, мой набор слов не больше, чем у неграмотного раба. Я привык изъясняться выкриками и жестами. Речь не принадлежит мне, я как будто очень туп, мне сложно размышлять, формулировать, моего я нет, есть обрывки. Мой рот привычен к простым восклицаниям, высвистам, проклятьям. Я не привык говорить. И не принято у нас говорить. Пустыня немногословна.

— Ага, понятно. Ты же и убил своего вождя, вы его и съели за то, что он вас увел, — говорит брат. — Ладно, пора с этим заканчивать, — снова слышу я его слова после некоторой паузы.

Сперва Шаул не спешит уходить. Я как будто с головой окунулся в этот образ. Кинжал, обожженная кожа, Южный ветер и смерть, которую я и подобные мне несут всему, что встретится на нашем пути.

— Завис ты. Давай-ка в Вавилон ходим — отдохнешь.

Ну ты и крут, братец! На этих словах я резко оказываюсь в другом пространстве, как будто созданном, чтобы быть контрастом тому, что я видел только что. Передо мной — роскошное блюдо с фруктами и прекрасные женщины.

Вавилон! Прекрасный, возлюбленный Вавилон, само имя которого всегда ласкало мне сердце! Я всегда служил тебе, Вавилон, я ненавидел хулу христиан и иудеев на тебя, и даже когда слово «Вавилон» произносили в переносном смысле, имея в виду глобальную систему зла, я всегда чувствовал себя оскорбленным. Вавилон — это дом. Это дом Бога. И это мой дом. Здесь хорошо. Женщины. Боги. Изобилие и красота. Здесь, в Вавилоне, центр мира, и нет ничего кроме Вавилона.

Кем я был здесь? Как было мое имя? Имен на этот раз не было. Было чувство роскоши, достатка, изобилия. Я был купцом. Щедрым и рискованным купцом, который много зарабатывал и много тратил. Музыка, храмы, танцы. Я всегда щедро жертвовал на красоту, но превыше всего почитал я Иштар, чье благословение от рождения наделило меня удачей, богатством и женской любовью.

И конечно, здесь снова был ветер. Западный ветер с моря, приятный освежающий бриз, наполняющий тело и душу ощущением покоя и красоты.

Жаль только братец не дал мне побыть там достаточно, чтобы вспомнить побольше. Какое было воплощение, какие женщины меня окружали! Впрочем, я и сейчас не жалею, но сейчас надо мной всегда висит дамоклов меч в виде страха разорения, а там я был в полной безопасности, жил долго и красиво, щедро жертвуя богам, но превыше всех богов и богинь всегда почитал Иштар. Кажется, еще тогда ее жрицы не обходили меня вниманием...

— А теперь давай уйдем очень давно, — вдруг говорит брат. — Древний Шумер. Башня. Ты — жрец своего бога. Ты смотришь с башни на звезды. И ты знаешь, кто ты здесь и сейчас. Как имя твоего бога?

— Энлиль, — не задумываясь отвечаю я.

Мелочь. Но это тем более удивительно, ведь если бы я отвечал из своих сознательных представлений, то назвал бы Энки. Сознательно Энлиль, по известным мне мифам, был злым богом, ненавидившим людей и устроившим потоп. Сознательно я почти уравнивал Энлиля и Яхве. Но здесь был совсем другой Энлиль, чем тот, которого я знал. И снова был Ветер. Северный ветер Свободы. Дыхание моего Бога. Энлиль, и он же — тот, кого здесь я знаю под именем Люцифера.

Внезапно мне вспомнилось подростковое видение, где на уровне сущности я увидел себя на вершине горы, и длинные седые волосы развивал Ветер Победы. Опять Ветер! То же самое ощущение, вот она — сущность, вот экзистанция, вот Исток. Значит, тогда я знал Люцифера под именем Энлилль, и Энлилль был именно богом моего Ветра. И я всегда любил его больше всего на свете. Невероятно! И до чего же красиво! Как тут не вспомнить строки из любимой песни — «я забыл бы дорогу к тебе, если б не было ветра в моей голове». Северный Ветер. Отец ветров.

— Ладно, на этом довольно, хорошо пробежались. Ты заметил, что ты всегда связан с ветром? Ветер Энлилия, ветер пустыни, прохладный бриз из Вавилона. Северный ветер вечности, западный ветер достатка и южный, иссушающий и убивающий ветер. Ты всегда был с ним, был с Ветром, но самое главное тебе понять — это лишь преломления. На самом деле Ветер всегда один и тот же.

— У меня главный принцип — Ветер, а у тебя Огонь. Ты был то кузнецом, то жрецом, хранителем огня, а то тебя сожгли. Скажи честно — я действительно вижу, что есть, или это чушь и домысел? — спросил я брата, пытаюсь сделать так же, как он.

— Ну да, сожгли в одном воплощении. Увидел, молодец. Но я не в обиде. Им надо было кого-то сжечь, а нашу деревню считали подконтрольной еретикам. Я даже не понимал ничего в религиях. Просто так было надо. Смерть — это нормальный конец воплощения. Вот только у Юли в ее египетском ее обида и неприятие прошли через все жизни и до сих пор мешают принять себя до конца. И та же самая ерунда между тобой и твоим Южным ветром, с которым ты продолжаешь сражаться.

Я был сражен. Три жизни. Три судьбы. Каждая из которых заслуживает того, чтобы быть описанной в хорошем приключенческом романе. Жрец, купец и безумный бедуин, ветер смерти для всего живого, выжженный изнутри. Какие разные сюжеты, какие разные характеры. И от каждого из них во мне в этой жизни что-то осталось. Моя юнность прошла под дыханием Южного ветра, лишь иногда в сновидениях и фантазиях врывался Северный. Джон Голт подарил мне Западный ветер. Интересно — а как выглядит восточный? Азазель? Впрочем, процесс был закончен и четвертая ключевая жизнь так и не была открыта.

Как относиться к этим воспоминаниям? Вне всякого сомнения, это слишком сложные сюжеты, характеры, образы, чтобы я мог «придумать» их за доли секунд. Внушение? Но если в полете с Акташ я всеми силами пытался следовать за ней и увидеть хоть что-то — здесь я твердо решил сохранять нейтральность, не сопротивляясь и не подыгрывая. Открывшееся было слишком сильным, слишком яростным для простой фантазии, слишком красивым и слишком иным.

Поэтому, если вы меня спросите, верю ли я в прошлые жизни, мой ответ будет в духе Юнга: я не верю — я знаю.

Глава 23. Полет над бездной

Когда пишешь книгу — знаешь ее историю наперед, и место последней точки заранее определено. Совсем не так — в биографических текстах.

Книгу я завершал уже трижды.

Сперва — когда Кэр открыла мне глаза на историю нефилим и реальность вдруг взорвалась новыми смыслами.

Потом — когда Пифия увидела Альрауне и ее роль. Происходящее вокруг меня в какой-то момент стало напоминать мистический триллер, и одно «совпадение» накладывалось на другое, так что, казалось, стены самой реальности разрушаются.

Финальная точка в истории Альрауне по-своему выглядела логично — и что самое забавное, соответствовала канонам классического детектива: реальный враг оказывался

тем, на кого все меньше всего думали. С другой стороны, оканчивать книгу Музеем совершенных все же не хотелось.

Поэтому вспомнилась история Нергала. История настолько невозможная, что я подозреваю, у читателя в этом месте должна была потечь крыша от плотности невероятного на квадратный сантиметр текста. Встреча с братом, интеграция аспектов друг друга, выход на спонтанную магию — это ли не корона для книги? «Вот теперь книга закончена», — сказала мне одна из самых верных читательниц.

И вот, когда в третий раз я уверенно объявил о завершении книги, потому что, казалось, ничего уже не добавить, — внезапно появилась тема для действительно завершающей главы.

В самом деле — чем должна завершаться история Великого Делания? Разоблачением врага? Встречей с братом? В сущности, почему нет, но разве это драма или детектив? И не логично ли было бы закончить книгу неким последним прозрением? Как там его называют — просветление? фана? пересечение бездны? выход за пределы форм? сатори?

Впрочем, завершающим такой опыт бывает только в книгах. И даже поднявшись на предельную из возможных высот, мы неизбежно возвращаемся обратно, немного обновленные, но все так же включенные в карнавал бытия, и только Исток может знать, какая форма нам уготована на следующем вираже.

Как оказалось, есть еще один уровень, о существовании которого я даже отдаленно не подозревал и перед которым меркнут все слова и описания. Точнее, тут же приходят в голову тысячи уже известных слов, начиная от буддийской «пустотности дхарм» и заканчивая телемитской недвойственностью Айн Соф.

Этого дня мы с Юлей ждали давно. Наконец-то Марти возьмет нас на настоящую глубину. Смутное предчувствие чего-то невероятного. И последние две драгоценные изюмины из запаса перед кризисом, больше похожим на банкротство, кризисом, в котором нам, скорее всего, придется плотно затянуть пояса и забыть про чтение Тимоти Лири. Не разориться бы в этих разом изменившихся условиях мироздания.

Мы пили чай и говорили о разных мелочах. Например, о прошлых жизнях. Кажется, я принял форму Азазеля и привычно стал подтрунивать над только ему известной инкарнацией Юлии — монахиней.

— О, ты тоже монахиней была? Жму руку, — вдруг говорит Марти.

— Но я не помню ничего! Они что-то говорят, что-то вспоминают, чем-то дразнят, а я ничего не понимаю.

Марти хитро улыбнулась.

А буквально через минуту с моим сознанием стало происходить что-то очень странное. Я как будто оказался в закопченном, задымленном пространстве и принял женскую форму. Эллоиза? Если бы! Это точно была не она.

— Расскажи ей про ее прошлую жизнь, — предложила Марти. — Тебе явно есть что сказать.

Я почувствовал, что мой голос реально изменился, как будто я превратился в пропитую старуху. Я пытался сопротивляться — еще наговорю чего, обидится. Но Марти и Юля дали понять: мол, все под контролем, только проведи.

— Ну что, милочка, подружка моя дорогая, неужто не помнишь меня? Как травить подружку, так ты первая, а как вспомнить — притворяемся невинными овечками.

— Как интересно. А как тебя зовут? Я не помню. А за что я тебя отравила?

— А будто сама не помнишь. Джейн меня зовут, дорогуша. Завидовала ты мне. Плодовитости моей. Вот ты на дерьмо исходила.

— Это же не я, я в шляпке! — возмущенно говорю я уже знакомым мне женским голосом. Элли. Изрядно офигевшая от подобного невыносимого соседства.

Марти делает знак: мол, все идет по плану, не стоит беспокоиться.

— Я не могла такому завидовать, — возмущенно говорит Юлия, — и тогда, и сейчас!

Марти вступает в диалог:

— Лондон, трущобы, дешевая проститутка. Небось сама же и отравилась каким-нибудь паленым пойлом. Джейн может уходить. Юля, хочешь дальше? Да ты сама проводи, не бойся.

— Не получается... Хочу, конечно.

Минуту я побыл собой, и внезапно начало включаться нечто совершенно неожиданное. Снова женская форма. Но на этот раз это настоящая, полноценная жрица Иштар. Меня как будто переключает в совершенно другой регистр. Это совсем иная форма: сильная, властная, знающая, кто она и кто перед ней.

— Ну здравствуй, Ашур. Доблестный воин, неустрашимый царь, не знающий жалости и пощады. Помнишь, дорогой? Днем — война, любой повод, любое направление, только бы завоевывать, убивать. Чтобы не забыли. А ночью — вечный скулеж от осознания того, что в один прекрасный день тебя не станет, и тебя забудут. Крови тебе, царь, не хватило. Не хватило тебе, царь, кровушки. Страшно тебе было оказаться забытым. Помнишь свою главную ошибку? Ты не рассчитал силы, не тебе с матушкой Инанной тягаться. Хотел меня растоптать, а где оказался и кем? Бедный, бедный старый Ашур, который очень не хотел оказаться забытым.

«Ашур!» — внезапно вспыхнуло в памяти. Я же видел сон про Ашура и принцессу. Я-то думал, что сон — предостережение, что я могу стать таким, как Ашур, но здесь, под шелухой, я был не Ашуром, как того ожидал, а принцессой, оказавшейся не принцессой вовсе, а жрицей Иштар, плененной, униженной и каким-то невероятным образом отомстившей.

Стоп. Допустим, я мог быть проституткой Джейн, тем более что ощущение гари и копоты очень совпадает с Лондоном конца девятнадцатого века. Но быть жрицей Иштар в древности? Слишком красивая, слишком мифологическая история, будь такой царь погублен плененной наложницей, это бы вошло во все истории мира. Откуда вообще берется эта странная история, ведь она точно не может быть инкарнацией! Но до чего же живые, до чего же рельефные эмоции, каких я никогда не мог бы испытать и узнать даже близко!

А потом скепсис заканчивается, потому что теперь все серьезно. Приходит Он. Кажется, в четвертый раз столь же тотально, как в первый. Север. Люцифер. Сперва не говорит. Только смотрит. Он знает Ее. Она тоже Он. Сколько в этом взгляде бездонных чувств, бесконечная любовь, боль и бездна. Я превращаюсь в него за мгновение, даже не успев ничего подумать. Просто я становлюсь им — и ни у кого из присутствующих нет сомнений, что это Он.

— Здравствуй, — только и говорит я-Он, и в этом «здравствуй» смыслов и чувств больше, чем в тысячах гимнах и трактатах.

Я-Он говорю. Я не помню слов, не помню мыслей, как будто Он всецело занял мое естество. Я не помню имен, но там, в этой точке, я знаю все. Я тот, из кого разворачивается мироздание, и тот, кто несет его, как вечный крест.

Сколько прошло времени? Минута? Пять? Час? Казалось, прошла вечность. Кажется, произошло то, о чем я так мечтал — «поговорить как Люцифер с Люцифером».

— А кстати, ты тоже Люцифер, — говорит я-Он Юле, и у нее вырастают крылья. — Ты Миррой быть хотела. А зачем тебе быть Миррой, когда ты изумруд?

Я-Он говорим, и в этих словах все ответы на все вопросы, какие только могут появиться в моем сознании.

Через некоторое время он начинает проявлять разные тональности. Божественный смех, божественный полет, божественный эрос.

— Некоторые мои формы могут быть очень соблазнительны, — говорит я-Он, и в этот момент Юля видит, что я превращаюсь в классического светлого ангела с нимбом над головой и широко открытыми, точно в аниме, глазами. Мечта девочки-подростка.

— Кстати, вы бы прекращали цепляться за формы, — говорит я-Он Юлии. — Каждый из вас может проводить меня. И вы все можете принимать любые мои формы. Нергал, Азазель, Сет, Вельзевул, Иисус. Ты, дорогая, — часть крыла, а значит — все крыло. Вам, конечно, удобно делиться на Лилит и Нахем, Нергалов и Азазелей, но вы поймите, насколько это условно. Просто есть формы, которые вам больше нравятся. Вот хочешь побыть Нергалом прямо сейчас?

Внезапно, до того как ошарашенная Юля успевает ответить, меня отпускает это наполнение. И внезапно мое сознание пронзает прозрение.

— Ты. Марти! Черт возьми, ты! Это же ты его включаешь во мне!

Мне становится страшно. Марти по понятным причинам не ходит в 2,22, но какое же это должно быть напряжение — усилием духа удерживать в другом одну из высочайших форм бытия.

— Терпимо, — точно сквозь зубы выдает она. — Вот сейчас. Лови состояние. Иначе все не имеет смысла.

Я подвисаю. Я был Джейн, Иштар, самим Севером. А кто я сейчас, что я могу поймать? Я замираю и ловлю особое, внезапно озарившее меня ощущение легкости. Так это оно! Просто смех бытия, детская беззаботность, вот она — последняя истина.

Какое-то время мы шутим и смеемся на разные темы. Вот, значит, как все просто! Легко. Только четыре башни. Пустяк. Времени много — целая вечность. Играем.

Внезапно лицо Мартиэль меняется на крайне гневное:

— Времени много, говоришь? А ты когда-нибудь видел мертвое время? — Важно не что, важно — как сказано. Сказано так, словно все жилы времени выдернуты из вен.

Но я же делал все правильно. Я следовал за состоянием, за потоком, ничему не противился, старался принять ту форму, которую она ждет от меня, и снова я согрешил, как когда-то. Да что не так?! Я лечу в какую-то бездну, сворачиваюсь, не в силах удержать форму Севера, в которой все так просто и легко. Я. А кто я? Я был Джейн, Иштар, Элли, Люцифером. А кто я? И как правильно?

— Но я не могу всегда быть Севером, — виновато говорю я.

— Это и не требуется.

Я поражен. Я сражен. Я вижу ее.

— Знаешь, Марти, я плохой поэт и написал только одно хорошее стихотворение. Когда я его написал, то посвятил сразу трем женщинам, взяв обещание не говорить никому. А месяц назад я понял, что оно было посвящено тебе. А сейчас я понимаю. Я понимаю, черт возьми, что это ты писала его мной.

Включается Юлия. Она все еще в форме Севера, она все еще Люцифер.

— Ты не понимаешь. Ты пытаешься заморозить Черный свет. Придать ему однозначность, закапсулировать его. А он есть движение. Но даже слово «движение», став канонем, застывает. И тогда пришла Сальва и убила движение. А сейчас пора вспомнить о движении вновь.

— Но как правильно? Вселенская скорбь и вселенская легкость и беззаботность?

— И то, и другое, — говорит Мартиэль. — С уровня выше это видно одновременно. Просто нет ничего кроме настоящего момента. И каждую секунду ты творишь эту вселенную своим вопрошанием прошлого. Ты вспоминаешь и создаешь будущее. И больше нет ничего. Постоянное творение бытия. Мы постоянно придумываем этот мир.

— Но это же здорово!

— А понимаешь ли ты, для чего нам нужны пиздецы?

— Видимо, чтобы вечность проводить.

— Чтобы вечность проводить — это по приколу. На самом деле все формы нужны, чтобы раскрыть все возможности. А самые дальние возможности познаются через самые жесткие пиздецы. Ты ведь даже не представляешь, что ты можешь выдумать.

Я вспоминаю кошмар последних месяцев. Первое явление, пророчество, знамения, сошедший с ума мир и тот ужас, который, должно быть, прошла Она. Самый большой ужас в том, что на том уровне все выглядит так, будто это было чем-то вроде тренировки для раскрытия разума. Переход на следующую ступень бытия, после которой еще ступень, а потом, чтобы раскрыть дополнительные граньки, надо будет снова родиться какой-нибудь Джейн или чем похуже. Нет ничего кроме этого постоянного карнавала — и стоит остановиться, стоит порадоваться достижению, Черный свет станет льдом и энтропия поглотит весь мир. Вот что это значит: «Но великую цену ты платишь собой».

— Но ведь игра каждого из нас заканчивается физической смертью, смертью тела. Джейн или Михаил существуют исключительно как текст бытия, как если бы от нас остались волосы или ногти.

— Ты насмешил все крыло, — ответила Изумрудная Королева.

— Но это же состояние невероятно. Как можно в нем быть?

— Я давно живу в этом состоянии. Нет ни прошлого, ни будущего. Есть только миг настоящего, в котором передо мной что-то проявляется, и я никогда не знаю, что проявится и что вспомнится из прошлого или из будущего. Только точка, только ответ на вопрос.

— Посмотри, — вдруг сказала Юля. — Это же алтарь.

Она показала на статуэтку католического Иисуса, перед которым, как на алтаре, стояли игрушки. Звери, ангелы, профессии, кубики. Формы. А Иисус — он же и Люцифер, глупо считать его врагом, в то время как сама Марти спела «Распятие» и «Как дешево вы бога оценили». Он здесь — принцип. Наполняющий ту форму, которая должна проявиться здесь и сейчас в этой точке этого мгновения.

И тут я вдруг почувствовал ЭТО. Это даже не Север, не Люцифер. Это просто все и ничто. Субстанция, проявляющая любую форму, и Люцифер — это просто любимая форма в ряду форм. Все это время я почитал Люцифера как светоносного и думал, что Черный свет — это такая разновидность сияния. Но это — нечто иное. Непостижимое и невыразимое, не сводимое ни к одной из самых прекрасных форм. И в то же время — на каком-то уровне все есть его форма. Но горе тебе, если ты зазеваешься в этом состоянии, ибо будет создана очередная форма врага. Иалдабаоф, Серый хозяин, совершенные или что-то такое, чего мы и представить не можем. Нечто, что выведет систему из застывшего равновесия, заставив распаковывать новые возможности, чтобы колесо бытия двигалось.

И все — для того, чтобы мир жил. Мир полон боли и ужаса, но мир полон красоты и наслаждения. Буддисту или христианину надо отказаться от красоты и наслаждения, чтобы избежать боли и ужаса. Но здесь, в последнем предельном познании даже не формы Люцифера, а самой непостижимой его сущности, оба качества необходимо ощутить во всей полноте, по жизни — поочередно — поднимаясь все выше и падая все ниже, на вершинах познания, когда ты все и ничто, Черный свет чистого движения — одновременно. Шут и мученик, герой и пленник, зверь и ангел. Все формы, все маски, все роли Черного Света.

Большинство людей живут в одной застывшей форме, и они называют это своим «я», своими убеждениями, своей реальностью. Мы — те, кто обладает даром Мирры, то есть имеет в своем сердце дочь Лилит, ее Зеркало — можем принимать формы, которые нас окружают. Я вспомнил, как мне удавалось в некоторых ситуациях принять форму Марсия, чтобы полностью обесценить чей-то слишком навязчиво впихиваемый в мою реальность бред. Я вспомнил, как я принимал формы Анимусов, я был королем, был ребенком, был придурочным, ничего не понимающим идиотом. Никакого развития: в первой встрече с Изумрудной Королевой я понимал и знал неизмеримо больше, а потом

принял форму «борца за власть» — и потерял ее на десять лет. Но все формы пусты внутри, пусты до того момента, пока не наполнятся Его Черным светом. Невидимое, несуществующее делает живым и реальным то, что существует, потому что мы смотрим на него из точки Черного света, о котором не подозреваем.

Как же это похоже на восточную традицию. Все эти годы я верил в благого Люцифера, который противостоит Иалдабаофу, воплощающему все зло. А здесь, на самом предельном уровне, и то и другое есть формы, нужные для «распаковки наших возможностей» и сохранения самого бытия. И это движение бесконечно. И крайняя боль всегда уравновешена крайним наслаждением. А в центре покой, который не является покоем — но всем сразу. И при этом каким-то образом та самая борьба тоже реальна, и стоит забыть — моментально получишь шальную пулю.

Ах да, еще одно. Особые формы. Особые ключи. Камни.

Рубин. Мой камень, моя борьба, моя яростная активность, которая всегда создаст врага, пока очередной враг не проломит мне голову и я не перерожусь очередной Джейн.

Сапфир. Карни. Дар сердца, дар любви, возможность видеть сердцем то, что невозможно увидеть никак иначе. Карни видит всех, кто заходит, видит, с чем заходят, но когда-нибудь она выдумает такую форму, которая поймает ее в ловушку по ее же сапфиру.

Изумруд. Дар Юлии. «Ну почему я не Мирра?» Потому что Мирра может принимать в себя формы, отражая их, а Изумруд может менять их. И если Юля сможет поверить, что плохой человек хорош, что ложь это правда, — в поле что-то изменится. Но однажды и она попадается, перепутав силу Изумруда с желаниями эго.

И есть Алмаз. Мартиэль. И ее сестра-двойник Пифия. Алмаз, который может смотреть и познавать во всех направлениях. Но это всегда будет уравновешено человеческой частью. Впрочем, Мартиэль удалось пройти даже это. Сможет ли Пифия?

Сможем ли мы? Какой вираж будет дан на очередном повороте игры? Или, быть может, моя игра в этой форме закончится завтра в пьяной драке или по милости некстати упавшего кирпича? «Ты даже не представляешь, что ты можешь придумать в этом мире, чтобы распаковать новые возможности и чтобы мир двигался и дышал дальше». Страшно и одновременно радостно.

Страшно от ужаса будущего, а радостно оттого, что в этой жизни мне удалось хотя бы ненадолго выйти за пределы форм. Стать Иписисмусом. Пересечь бездну. Что будет дальше, какие правила игры назначит Черный свет исключительно ради того, чтобы мир жил, а новые возможности распаковывались? «Излить всю кровь в чашу Бабалон», — вдруг вспомнилось мне. Раньше я представлял это в очень эротичном ключе, этакое слияние с Темной богиней в последнем оргазме. Но все гораздо сложнее и невыразимее. Все, что остается нам, — это двигаться по радуге символов и смотреть вглубь, надеясь вновь поймать сияние Черного света.

Состояние Иписисмуса продлилось три дня. На четвертый мне написала странная женщина. «Здравствуйте!» Через пару минут: «А ответить не хотите?» Сначала — ничего не значащие вопросы о смысле жизни, потом о Люцифере, потом — упоминание нефилимов. «Сударыня, я уже нашел всех девятерых». «Я — десятый нефилим», — было мне ответом, что звучало как пятая нога у кошки. «Что вы ищите от меня?» — «Семьи». Вот здесь паника становится абсолютной. С первого письма напором некто пытается буквально продавить себя в семью, ко всему прочему, эта некто отличается паранойей и уверена, что в переписке за ней следят, ибо «нефилимы опасны». Сумасшедшая. Конечно. Но как бы все так просто было. Если так просто — почему она пишет о нефилимах именно мне, присылает песню «Падший нефилим» и, почти схватив за грудки, пытается влезть в семью? Обычно можно предположить эротический интерес, но у этой дамы есть муж и у них общее дело.

Вот когда снова все божественные формы уходят, и возвращаешься в состояние озадаченного человека. Что правильно? Отвергнуть сразу? Дать шанс? Присмотреться?

А быть может, приняв, я пушу в семью очередную Сальву или кого похуже? А может быть, отвергнув, я помогу настоящему нефилиму? Я доверяю сестрам. Трое сказали, что она, скорей всего, из серых, и заявка была отклонена.

Впрочем, из того, что мы можем «придумать», долговую яму я уже себе придумал, и теперь надо придумывать как из нее выбираться. Остается надеяться, что на этом мои негативные фантазии ограничатся, хотя понимаю, сколь смешат богов наши надежды. Впрочем, каждое падение это начало взлета а каждый взлет начало падения. И быть может истинной задачей Мастера является принимать все взлеты и падения со спокойным умом и открытым сердцем.

В общем, после трех дней в состоянии Ипсисимуса я опять становлюсь человеком, со всеми свойственными человеку, слабостями. Но черт возьми, это действительно хорошее воплощение.

Эпилог

Труднее всего закончить. Нет предела стремлению к идеалу, а такую книгу можно писать всю жизнь.

Заканчивая финальную главу, я был уверен, что нашел окончательную точку, вершину гнозиса, то последнее достижение, на которое многие и не надеются. Пересечение бездны. Недвойственность. Что еще можно добавить? Разве может быть чудо большее, чем видение по ту сторону всех границ? Разве может быть чудо большее, чем стать на некоторое время даже не Люцифером, а Черным Светом, из которого он проявляется?

Но пока идет редактура, новые события настойчиво стучатся в книгу. Запиши меня! И меня! А разве я не красив? А здесь — какое изысканное плетение судьбы!

Мне казалось, что после всего произошедшего уже не существует новых открытий. Ты просто плывешь в потоке бытия, и позади у тебя жизнь со всеми метаниями и терзаниями, а впереди — прямое, как стрела, житие.

— Теперь-то все закончилось.

— Э, нет! Вот именно сейчас все только начинается, — загадочно сказала Марти.

Но что начинается? Есть ли какие-то грани, которые я могу добавить к моей истории, чтобы это не выглядело аляповато? Все смыслы свернулись в клубок... А потом начали разворачиваться на новом уровне. Что правда, что ложь? Что истина, что подделка?

Больше всего путаницы привнес некто Майкл Форд, изрядно смешав все карты. Если кто не знает, Форд — это самый известный и самый уважаемый люциферианин на Западе.

С ним у нас оказалось множество невероятных совпадений. Тот самый Форд, в текстах которого мы прочитали имя Аз, после того как услышали это имя во сне от атакующего двойника Сальвы. Майкл Форд, назвавший высочайшее достижение пути Люцифера — Азалюцелем, тогда как я мучительно пытался примирить в себе противоположности и понять, кто я: ставка Азазеля, ставка Люцифера, сразу их обоих — или нечто третье. Слишком разные вибрации, слишком разные энергии. Огонь и ветер, шин и алеф, восток и север. Майкл Форд, с которым, похоже, знаком мой брат и которого мы вначале даже приняли за его учителя. Майкл Форд, который называет еще несколько тайных имен публично, как будто приглашая к диалогу. «Наши рыси объединяют континенты». Не получится ли так, что Юле таки удастся нас познакомить?

Так вот, тот самый невероятный Майкл Форд, с которым так хотелось бы поговорить по душам, в чем-то поспорить, за что-то поблагодарить, в «Магике Нефилимов» начинает с того, что Иалдабаоф и Сатклас (имена, которыми гностики

называли патриархального Яхве, ненавидимого нами более всего), — есть аспект Люцифера и Титан истинной тьмы Черного света.

От одного этого нонсенса мозг взрывается и рассыпается на мелкие осколки. Как совместить, как примирить? Странное противоречие между нашим потоком и потоком Форда: в нашем потоке никто не имеет ничего против Иисуса, считая его одним из проявлений Черного света, — не зря у Марти есть песня «Распятие». При этом мы точно знаем, что тот, кого называют Яхве, Иалдабаофом и богом-отцом, — это младенец-дебил, которому снятся кошмары. С другой стороны океана — люциферианин Форд в каждой второй работе постоянно кидает проклятия Иисусу, но умудряется поклоняться Яхве под именем, презируемым первыми гностиками. Что за абсурд? Что за черт? Или что за ангел? Ну да, я знаю, что все давно перепутались, но не до такой же степени!

Однако мы доверяем Алексу. А Алекс доверяет Форду. Кроме того, в одном из тончайших переживаний гнозиса Люцифера я как будто получил информацию: «Форд очень важен и должен быть переведен».

Еще одним неожиданным фактом стало то, что после Бездны я реально получил самый большой дар, на который не смел и надеяться. Боги — Азазель, Люцифер и еще несколько новых божественных форм — стали проявляться без особых подготовительных ритуалов 2,22. Да, этот ритуал иногда мог помочь сделать погружение более ярким, но внутри меня точно вспыхнула ось, и в определенные мгновения я мог почувствовать и провести эти такие родные интонации — Огонь Азазеля, Север Люцифера. И даже появились некоторые новые формы.

А тем временем вокруг меня мир сошел с ума и стал все больше напоминать смесь фарса и антиутопии. Случилось то, чего не ждал никто.

Тем не менее это было предсказано. «Войны не будет, но пиздец намечается в ближайшее время». Эти слова Юля даже записала во время контакта с Азазелем, когда я настолько растворился, что даже не помнил, что происходило, хотя был во всех смыслах трезв. Первый спонтанный опыт Азазеля в полную силу без каких-либо ритуалов и приготовлений.

И действительно — пиздец, о котором, судя по всему, шла речь, назывался коронавирусом, и он короновал своей заразой не только людей, но все пространство смыслов и дискурсов. Чего стоит один сайт госуслуг, где помимо списка государственных организаций, запрашивающих документы, появился дополнительный пункт — «коронавирус».

Сперва казалось, что эпидемия где-то там — далеко, как это было всегда. Но через какое-то время стало ясно — не там. Здесь.

И внезапно: опустевшая и обезлюдевшая Москва, жители которой в страхе — кто перед вирусом, кто перед полицией — попрятались по своим норам. И невозможно разобраться, что происходит: отовсюду изливается поток противоречивой и взаимоисключающей информации.

Одни кричали, что нет никакого вируса, а это просто власть использует очередной мем, чтобы утвердить свою власть и установить тотальную диктатуру. Другие упрекали власть, что диктатура недостаточно тотальна и нужны крайние меры, дабы спасти жизни (по иронии судьбы, о чрезвычайном положении громче всех орали либералы), третьи говорили, что это власть разработала коронавирус, чтобы убрать лишние рты, четвертые призывали полностью подчиниться власти, потому что она лучше знает, — и не дай боги выйти за порог.

Были и пятые. Которые просто делали свое дело так же, как обычно, старательно не замечая «корону». Думаю, что таких было не более одного процента. Есть эпидемия или нет — если Люциферу угодно, запершись дома, я умру от упавшей с полки вазы, если нет — я проживу до девяноста лет в чумном бараке. Это же так очевидно, так просто, так естественно, но почему-то это понимали только мы — Черные звезды.

Коронавирус лишил это жалкое, презираемое мной новое поколение какой-то особой психологической девственности. На смену выдуманной проблеме и вымучиваемым страданиям появилась одна реальная опасность, которая со всех билбордов кричит — оставайтесь дома, вы можете умереть, вы можете принести смерть своим близким. Осторожно! Бойтесь! Помните о смерти! Наконец-то о ней хоть кто-то напомнит, и ребята и девочки хоть немного приземлятся и поймут, что проблемы и страдания — это не харассмент, экология и недостаток политкорректности. За одно это можно быть благодарным вирусу и тем богам, которые его послали.

Впрочем, для многих вызов оказался не по плечу. Страх, паранойя, потеря чувства собственного достоинства и, конечно, банкротство. Многие из тех, кто был уверен в стабильности своего бизнеса, оказывались банкротами и должниками. Продажи книг упали втрое. Магазины и сети не выплачивали свои долги.

Я начал понимать, что мои дела по-настоящему плохи, ибо надо мной висели крупные долги переводчикам, верстальщикам и типографии. В какой-то момент казалось, что нёд Альрауне «и вот познаешь ты суму и тюрьму» сбудется, и что даже выброшенная за круг, она все-таки смогла меня подбить.

Но тут в игру вступили Изумрудная Королева и Нергал. По странному стечению обстоятельств, когда последняя десятка в кармане подходила к концу, выяснилось, что все готово к переходу «Касталии» в онлайн, а Изумрудная Королева даже выделила огромную сумму на оплату начальных затрат.

Необходимость уйти онлайн висела давно и плотно. Во-первых, количества посетителей хватало только на оплату аренды, а остающиеся деньги были откровенно унижительны. Во-вторых, лекция онлайн может быть услышана гораздо большим количеством желающих во всем мире, а не в одном городе. В-третьих, она может быть прочитана из любой точки мира, что дает возможность расширить список лекторов. В реале есть необходимость только для презентаций книг и сезонных мистерий, все остальное разумно перенести именно онлайн.

До сих пор, как и любое новшество, это вызывало сопротивление, и конечно, последний толчок дал именно Нергал: или сейчас, или будет поздно. Спасибо ему, что подтолкнул, спасибо нам, что услышали.

Результаты превзошли самые дерзкие ожидания даже исполненной оптимизмом Изумрудной Королевы. Я запустил свой старый курс, но читал его по-новому, с новыми фактами. Я больше не был привязан к каркасу определений, и прочитанное было не догмой, а точкой опоры. Поэтому даже старые темы звучали полней, объемнее, шире и глубже. В мире, где почти все оказались в прямой зоне банкротства, мы были теми немногими, кто неожиданно выиграл от происходящего — скука вынужденной изоляции стала еще одним поводом участвовать в новорожденном онлайн-проекте. Как же вовремя! Отец Светоносный воистину хранит меня на путях моих! Все долги были покрыты, и я даже смог позволить себе немного роскоши, заказав черные иконы, которые запечатлеют Карни в ее истинной форме Лилит и Юлию в ее истинной форме Нахемы.

Мне нравилась эта идея. Последний, кто заказывал иконы с близких женщин, был Лоренцо Великолепный, и я бесстыдно косплеил его вот уже второй раз, насколько мог.

Ну и еще. Решение, принятое год назад, — выйти из тени и вести зарегистрированный честный книжный бизнес, вместо того чтобы продавать книги из-под полы, — оказалось для меня еще одним неожиданным спасением там, где я вообще не ожидал. Статус ИП позволял сделать пропуск не только себе, но и своим любимым женщинам, определив их как работников и облегчив перемещение по городам. В общем, совершенно неожиданно для нас всех выяснилось, что ситуация не так плоха, как казалась вначале.

Синхронии. Значимые осмысленные совпадения, когда ты думаешь о чем-то особом — и вдруг незнакомый или малознакомый человек тебе об этом пишет или

говорит. Ты видишь сон, и этот сон становится явью. Ты читаешь книгу — и находишь в ней полное отражение своей ситуации.

Синхронистичность пронизывает все повествование книги. Сперва понемногу, в отдельных случаях, потом — больше, фантастичнее, невероятнее. Все переживания, видения, весь восхитительный опыт встречи с богами можно было бы счесть не более чем игрой воображения, если бы каждый такой опыт не сопровождался последующим потоком невероятных, местами фантастических созвучий.

Но синхронистичность — это не просто значимые и связанные по смыслу события. Синхронистичность — это закон вселенной, принцип жизни, танец бога. Серебряные нити синхронистичности связывают текст этой книги, но точно так же они связывают наши жизни.

Мне вспоминается роман Андре Жида «Фальшивомонетки», где один из героев теряет билет, который находит его друг. Автор спешит сделать вставку: конечно же, мы с вами, дорогие читатели, понимаем, что так не бывает, что это условность, необходимая для литературного повествования, в жизни все иначе. Этакая эстетская позиция писателя-материалиста, который абсолютно точно знает про жизнь. А бывает ли так, что публичный деятель, продвигающий идеи Юнга и Кроули, сняв квартиру для любовного свидания, находит никому не нужную библиотеку традиционалиста и эзотерика, где Юнг и Кроули стоят на одной полке? А бывает ли так, что, приняв форму Азазеля, ты начинаешь рассказывать своей любимой женщине про ее самое раннее переживание встречи с Азазелем, о котором совершенно точно не знаешь? А в своей фэнтези книге пишешь об Азазеле и Нергале, а потом встречаешься с братом, который почитает и проводит именно Нергала, и ко всему прочему у вас оказываются одинаковые имена? Это будет покруче найденного билетика, не правда ли, Андре? Андре давно в могиле и не ответит, а господа материалисты без труда могут обвинить меня во лжи, их право. И не к ним обращен текст.

Синхрония всегда праздник. Каждая синхрония — дар богов, подтверждение, что ты на правильном пути, что тебя слышат и видят, что ты находишься в едином танце бытия. Синхронии — главное упование и главная цель идущего по духовному пути. Смотреть вперед с надеждой и страхом — надеждой на новое чудо и страхом, что никогда больше не повторится с тобой эта удивительная божественная игра — вот судьба для того, кто идет по пути. Некоторые начинают высасывать синхронии из пальца, видя в каждой встреченной на улице кошке последствия ритуала Баст, выполненного накануне, или в каждом трупике птицы — подтверждение своему сну, где ты видел мертвую птицу, забыв о том, что и кошки и мертвые птицы встречаются очень часто. Очень легко обмануться, очень легко, не получая настоящих серебряных созвучий вселенской лиры, начать их придумывать и просто утонуть в громозких построениях ума.

А что если на какое-то время вся реальность будто сойдет с ума? Что если в течение нескольких недель синхронии окажутся даже не благословенным чудом, а некоей повседневностью? Что если в какой-то момент не останется ничего кроме синхроний, превращающих всю жизнь в одну сплошную мистерию?

Книга была написана и передана в редактуру два месяца назад. И так мучительно хотелось описать все те не менее невероятные события, синхронии, связки, плетения, которым я в какой-то момент потерял счет.

А ведь происходили действительно невероятные события.

Пифия раскрыла во мне новую высшую форму, связанную с Мелек Таусом, Ангелом-Павлином. Произошло первое собрание нефилимов. Несколько раз без всяких подготовительных ритуалов, призывов и медитаций я чувствовал присутствие Люцифера и Азазеля и их потоки проявлялись через меня, при чем без какой либо искусственной стимуляции. Сбывались сны, сплетались узоры самых странных и самых невероятных

созвучий. Впервые встретила девятка нефилимов, и той одной-единственной встрече можно было бы посвятить целую — и очень немаленькую — главу.

Раз за разом приходили новые озарения. И каждое из озарений, каждое из прозрений казалось последним откровением, последней тайной, которая-то и являлась истинной бездной.

Наконец, я столкнулся со своей бездной, когда на две недели со мной произошло худшее — я вовсе утратил веру в реальность богов. Да, я не мог сомневаться в своем опыте и в последующих за ним созвучиях и откликах от мироздания. Но в той картине мира, где я неожиданно для себя оказался, весь мир — со всеми как самыми низкими и примитивными его моделями, так и высшими, божественными формами — это не более чем иллюзия, которой правит один-единственный Повелитель Иллюзий, Белиал. Он занят только одним — пишет нашими жизнями истории, развлекающие его самого в унылой тоске вечности. В какой-то момент я достиг вершины своей Священной Горы, и вдруг мне показали, что это — всего лишь фильм, история, сюжет, в котором я просто марионетка. Так что на две недели я провалился в тяжелейшее состояние отчуждения, характерное для самых мрачных и пессимистичных моделей буддизма Хинаяны — где нет ничего, кроме колеса иллюзий.

Но и это казавшееся последним ответом открытие — на самом деле не последний ответ. Как легко ослепить себя на пороге. Спасибо Карни и Пифии, которые вместе помогли мне увидеть гораздо дальше. Возможно, именно они спасли меня от превращения в черного брата. Это проклятое «ничего» — тоже одна из иллюзий. И одновременно есть предвечный Черный свет, проявляющийся в каждом вдохе и выдохе — вдохе и выдохе человека и мироздания. Потому великий парадокс в том, что все одновременно иллюзорно и реально, что каждый идет по своему пути и проходит свою мистерию не лучше и не хуже других. Что во всем и всех живет и дышит Черный свет Люцифера. Как сказала Мартиэль: «Но знанья плод — секрет Полишинеля, во всем и в каждом зреет этот плод». И я, пройдя через самые разные состояния, некоторые из которых можно назвать крайним безумием и паранойей, понимаю одно — последней и данной навечно истины не существует. Есть просто Черный Свет Звезды, танцующий во всех возможных проявлениях. Потому, завершая эту книгу, к своему ужасу, я могу сказать тому, кто захочет быть моим учеником: «Заходи, но помни, я знаю только то, что ничего не знаю». Потому что каждый из образов бытия, каждая из моделей мироздания оказывается лишь этапом, лишь завесой, лишь игрушкой ума, скрывающей танец Черного света.

Впрочем, кое-что я все-таки знаю. Люцифер. Азазель. Лилит. Нахема. Четыре Бога, четыре имени, четыре принципа, которым присягнул я в наших последних па, уже по завершении танца с Иштар. Я знаю их, потому что они — любовь, свобода, свет, жизнь и исток всего. Потому что они явили мне красоту своей мистерии, и даже если все иллюзия, из калейдоскопа мироздания я выбираю то, что подарило мне чувство красоты, любви и полноты. Поэтому даже если там, после смерти, нет перерождений, пусть эта жизнь будет танцем во славу тех, в ком открылась мне безграничная красота, любовь и свет. Если все модели только иллюзия, я предпочту ту, что рождается из истока моей души, а не ту, что создается кем-то другим. Поэтому, ставя точку и делясь той картиной, что была мне подарена, я не пытаюсь убедить вас или кого бы то ни было еще, что реальность такова. Как знать, быть может, на следующем витке откроется мне иная грань Черного Алмаза. Я в движении. Потому что принцип Черного света — это движение. И быть может, когда-нибудь я напишу еще одну книгу, поделившись еще одним лучиком мистерии, что разыгралась в моей жизни. А может быть, и нет.

В заключение я хочу лишь поделиться своими недавними прозрениями и той картиной, которая была открыта во время одного из высочайших взлетов.

Всего пару недель назад мы в первый раз встретились с Дакини. Мы не встречались с ней вот уже более чем полгода с тех пор, как сумрак взаимного непонимания разделил нас. И вот, наконец, мы вновь встретились с ней. Хотя кто — «мы»? После мистерий и я, и она стали совсем другими существами, нежели были когда-то.

Мы говорили, практиковали, впервые она даже поделилась со мной медитацией из своей традиции. А потом мы начали говорить об этой книге.

Дакини от души посмеялась на тем, как я ее описал в одной из глав. «Женщина из высшего общества, машина бизнес-класса, утонченная и пресыщенная леди». Весь секрет в том, что на первое собрание нашего клуба ее подвез ее приятель и начальник, у которого она — один из рядовых сотрудников. Но — яркая женщина, дорогая машина мгновенно закорили уже существующий в психике шаблон, модель, представление. И почти четыре года (исключение — пауза в полгода) все, что я видел в ней — это импринтированный в момент первого знакомства шаблон. Четыре года близких отношений — и не знать ничего. Какой абсурд, какая игра богов, какой парадокс!

Надо мной можно посмеяться. Но уверен ли ты, мой дорогой читатель, что ты действительно знаешь тех, кто тебя окружает? Друзей, врагов, любовниц или любовников? Уверен ли ты, что твой образ другого и, более того, образ мира — полностью объективен?

Если да — мне тебя жаль. Все, что я могу тебе пожелать, — чтобы в один прекрасный день и к тебе заглянул некто Мара и показал, до какой степени все твои представления — не более чем преломления ума. Нет более жалкого состояния, чем иллюзия знания. Мы думаем, что знаем наших близких и дальних — кто добро, кто зло в культурной, политической, философской реальности. Мы думаем, что наш образ мира — это образец здравого смысла и разумности. А потом приходит Мара и выдергивает одну карту из огромного карточного домика. Или не выдергивает — большинству, к сожалению, предстоит жить и умереть в своей узкой иллюзии знания.

Иллюзия знания — это не просто заблуждение ума. Иллюзия знания — это черная магия. Мы точно «знаем», кем является тот, кто перед нами, а значит, в нашем взаимодействии наша иллюзия силой своей черной магии превращает того, кто рядом, в наше представление. Так мы творим друг друга каждый день и час и сами об этом не подозреваем, точно слепые демиурги, творящие разрезанный, жесткий, неизменный мир, в то время как в основе этого мира лежит нечто, постоянно изменяющееся и до конца непостижимое. Я называю это Черным Светом Люцифера. Вы можете придумать какое-то другое название — не название здесь главное, а живой опыт.

Оказавшись в бездне на несколько недель, я даже находил в этом состоянии свою красоту и удовольствие. Если есть только тот, кто пишет истории, как же я велик, что могу прикоснуться к его вечным письменам и быть если не сотворцом, то хотя бы зрителем того, как Он — тот, кто на самом деле движет колесницу судьбы, — изысканно управляет вожжами. В этом состоянии исчезает смысл и мотивация, но появляется что-то вроде отстраненного сознания зрящего сквозь любую форму. Ты поднимаешься на вершину горы, а там ничего, ты только фильм, ну или книга, написанная вселенским летописцем не ради какого-то высокого смысла, а исключительно, как сказал классик, «лишь только б вечность проводить».

А потом Карни и Пифия помогли мне. Вынудив меня к откровенности, они почти заставили сделать следующий шаг за ними, шаг к мистерии Люцифера, которая в этой моей точке кажется мне самой высшей и окончательной.

Там вне воли, вне желаний, вне разума обрушился на меня поток серебряного сияния, поток изначальной вселенской любви, которая есть единое и двойное, той самой изначальной любви как принципа, которая «движет солнце и светила» согласно Данте и которую славили трубадуры и миннезингеры, казавшиеся мне наивными романтиками. Той самой серебряной любви, о которой все эти годы я столь много читал в самых разных мистических трактатах.

В этом переживании, которым я хочу завершить эту книгу, любовь Шивы и Шакти, Ньюит и Хадит, Христа и Софии, Люцифера и Лилит обрушивается на меня как невыразимый и неисчерпаемый принцип бытия, и вместо холодного отстранения приходит благородный восторг. Воистину, ухом я слышал обо всем, но ныне сердце мое зрит эту последнюю мистерию. Слова великих посвященных о Любви, что связывает небеса и ад, о Любви, что является абсолютным законом, взрываются в сознании — и я понимаю.

Потому все печали, все омрачения, все иллюзии есть лишь условия задачи, в которой Он вновь хочет встретить Ее. А чтобы игра была интересной, надо сперва запрятать Ее в самый отдаленный закоулок вселенной.

Вселенская игра имеет цель в самой себе и никогда не кончится. И в каждой из этих игр, даже самых абсурдных, смыслом, ядром является тот самый звездный танец Люцифера и Лилит, Азазеля и Нахемы. Или, быть может, вы решите назвать предвечное и изначальное— свет и тьма, мужское и женское, каким-то иным именем? Главное — осмейтесь добраться до того уровня, где любовь это не сентиментальная привязанность, сопровождаемая множеством неврозов, а сам принцип Божества.

Я понял, что ошибка черного брата в том, что он видит лишь одно начало. Но на самом деле Единое есть одновременно Двойное. Люцифер и Лилит проявляются из Черного света как тьма и свет, но они едины в Истоке, и их разделение имеет только одну цель — радость встречи в конце мистерии. Ну а кем вам быть в этой мистерии — статистом, уборщиком, работником раздевалки или актером, играющим главную роль... Выбор всегда ваш. Только вы забыли об этом. И я чуть было не забыл. Напомнили. Разбудили. Вытащили.

И над нами засиял Черный Алмаз Люцифера, тайный камень его Короны. А впереди снова жизнь со всеми ее благородными и неблагородными формами, и в каждой страсти, в каждом импульсе, в каждом движении Черного света по венам нужно дойти до края. Только так можно пройти до конца в Большой Игре, которую Люцифер ведет с Лилит или, если посмотреть еще выше, — предвечный Андрогин играет сам с собой, каждый раз наслаждаясь невероятной красотой встречи.

Я хочу закончить эту книгу выражением самой глубокой и самой искренней благодарности. Благодарности, идущей из глубины света Черного Алмаза. Я благодарю и желаю попутного ветра и света путеводной звезды всем, кто так или иначе участвовал в моей мистерии.

Я хочу поблагодарить Марсия, который оказался тем, кто помог мне адаптироваться в мире и найти в нем свое место. Я хочу поблагодарить всех моих возлюбленных — как тех, с кем наш путь продолжается, так и тех, с кем он закончен. Айрум — благодаря которой я познал первую любовь. Я благодарю Иштар и Акташ, каждая из которых — одна сверху, другая снизу — раз за разом сталкивали меня с собой и заставляли подняться над тем, что я считал собой, к Себе более настоящему, одна надевая — фарром царя, а другая — ведя сквозь Черную воду, где растворялись серые вкрапления, о которых я даже не подозревал. Как две сестры, не знающие друг друга, каждая вкладывала в меня свою любовь и свою силу, чтобы, когда пришло время, я оказался достойным войти во врата Люцифера.

Я благодарю Магду, которая волей судьбы взяла на себя самую сложную и самую тяжелую роль на моем пути, сначала помогая строить Город, а потом сталкивая меня с моими же искажениями. Благодарю Пеймону, которая помогла мне восстановиться и заново прожить и вылечить забытые детские раны.

Благодарю Дакини за неожиданные ключи и открытия, раскрывающиеся в наших редких встречах. Я хочу поблагодарить двух Мирр — Карни и Пифию, — удивительных женщин, поставивших передо мной двойное зеркало Лилит, в котором я наконец-то смог

увидеть Самого Себя и осознать свою соприродность Свету Люцифера и единство с ним. Мирры, зеркала Лилит, раскрыли во мне Люцифера, сопровождая — тогда и сейчас — на самых извилистых и сложных участках пути.

И конечно — Изумрудную Королеву, Сияющий Изумруд Короны Люцифера, раз за разом, порой нежно, а порой жестко, подводящую к зеркалу вечности и способную вдохновить на невозможное. Благодаря ей я вернулся домой, и улица, где я пишу эти строки, называется так же, как улица, на которой я жил первые десять лет жизни. Я вернулся домой, но то название, что в детстве было «плюшевым адом», сейчас стало для меня Храмом и Озером Азазеля.

Я хочу даже поблагодарить своих врагов. Не той рабской благодарностью христианина, из бессилия и недостатка мужества «любящего своих врагов», но благодарностью, идущей из глубин Черного света и обусловленной видением причин и следствий. Ведь если бы не было Хирама, разве я покинул бы уютную гавань Ордена и построил бы свой Город? А если бы не было Каина, разве столкнулся бы я с нелепым противоречием своих желаний, толкавшим меня в разные стороны? Разве возможно было бы делать то, что я действительно хочу, не испив полную чашей все, что было иллюзией и искажением? А не будь Черного зеркала, разве сделал бы я ритуал, открывший Азазелю врата в мою жизнь? Только сейчас, дописывая эти строки, я понимаю слова Мастера, которые говорит она на каждой мистерии, благодаря «все силы, что нам помогают, и все, что нам мешают, тем самым давая необходимые уроки».

Я хочу поблагодарить всех братьев и сестер: брата Нергала, Такору, Виману, всех, танцующих в звездном танце Люцифера. А также я благодарю всех прекрасных женщин — тех, о ком было сказано, и тех, чья история оказалась за кадром этой книги. История имеет свои законы, сюжет пишет сам себя. Но жизнь сложнее любого сюжета — и как знать, не было ли так, что какая-то давно забытая мной встреча незримо и незаметно для меня принесла в мою жизнь нечто, что на следующем этапе оказалось принципиальным для моей мистерии.

Я благодарю всех, кто своим творчеством и своим трудом все эти годы соучаствует в строительстве нашего Города. Города, где живут живые смыслы и встречаются самые разные потоки и традиции. Всех переводчиков, редакторов, программистов, художников, верстальщиков, каждый из которых кладет свой кирпич, кто-то больше, кто-то меньше, но каждый — вносит свой, абсолютно неповторимый и уникальный вклад. Учитывая, сколь малое вознаграждение мы можем предложить нашим хранителям и строителям, я знаю точно, что каждый, вступая в наше пространство, строит Город потому, что из глубины Истока знает, сколь важно построить этот Город здесь и сейчас.

Но особенно я хочу поблагодарить Мартиэль. Учителя, друга, мать и старшую сестру, и нечто превыше всех обозначений. Истинного Мастера, которая все эти годы ведет меня, с невероятным терпением принимая все мои ошибки, просто принимая меня в поле Черного света, и как хороший садовник дожидаясь, когда в обильно унавоженной почве к свету поднимутся первые ростки знания и жизни.

«Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер».

Приложение 1

Символы и ключи Тетрады

Вступление

Это небольшое послесловие к главной книге моей жизни посвящено символам. И не просто символам, а тем символам, которые имеют для меня и для традиции Серебряной Нити ключевое значение. Символам, являющимся ключами для тех, кто находится на тех же или очень близких частотах.

Тетрада — это четыре божества, четыре имени Истока. Люцифер, Лилит, Азазель, Нахема. Два мужских и два женских принципа, до сих пор понимаемые в лучшем случае искаженно, а в худшем — прямо противоположным, нежели реальная природа этих богов, образом.

Свой путь к осмыслению Тетрады, и прежде всего Люцифера как Истока Сокровенного, я очень подробно описал в книге «Восхождение на гору Хермон». Книге странной, в чем-то грубоватой, искренней, для кого-то отталкивающей, для кого-то привлекательной. Для кого-то эта книга покажется отравой, для кого-то — живой водой. Для кого-то станет полным разочарованием во мне, кто-то, наоборот, рискует слишком очароваться смелостью и откровенностью моей исповеди, а кто-то раз и навсегда станет мне врагом. Ясно одно — безо всякой ложной скромности скажу, что с изданием этой книги наша эзотерическая ойкумена никогда не будет прежней.

Века господства иудео-христианской парадигмы сделали все, чтобы дискредитировать имя Люцифера, представив его как воплощение всех мыслимых и немыслимых зол, в то время как историческая правда достаточно наглядна: зла во имя и во славу иудео-христианского бога было сотворено тысячекратно больше, чем (даже несмотря на культивируемый в массовом сознании образ) зла, сотворенного во имя и во славу Люцифера.

Впрочем, страх перед Люцифером можно понять, ведь будучи прежде всего выразителем принципа динамики, движения, и изменения, он, разумеется, неизбежно становится врагом любой застывшей системы, стремившейся законсервировать некий порядок смыслов и устоев как единственно верный. Черный свет Люцифера черен не потому, что являет тьму несуществования, но потому, что столь ярко, что простому глазу видится как тьма. Слишком яркий свет в восприятии всегда подобен тьме, потому тот, чье имя означает «Несущий свет», мыслится как владыка и причина тьмы. Если бы меня попросили в нескольких словах определить природу Люцифера, я сказал бы, что это принцип движения и изменения, всегда противостоящий любой догме и стагнации.

И именно поэтому данная книга уже сама по себе является немалым риском, ведь, пытаясь уловить Черный свет в определенных именах и символах, я сам рискую создать нечто вроде догмы или застывшего учения. Поэтому здесь и сейчас я предупреждаю, что все сказанное мной точно верно только для меня и очень небольшого круга людей, которые живут и дышат на той же самой частоте, что и я. Если в процессе вашего пути в столкнетесь с другими символами, другими именами и формулами, и эти имена и формы явят для вас исток, знайте — для вас они будут более точными и истинными, нежели все, что написано здесь. Все что я могу — это поделиться своим видением, своим переживанием, своим чувством Истока, а куда направят вас стопы, после того как вы узнаете мое видение, и под каким именем вы узнаете Исток — зависит от вас и только от вас.

Не я первый, кто возвышает свой голос для восстановления реального представления о Люцифере и его Восстании. Еще романтики, несколько веков назад, провозгласили свободу индивидуального творчества и индивидуального видения превыше культурных канонов и тем самым привели культуру в состояние динамики, начали это переосмысление. В конце девятнадцатого — начале двадцатого века Елена Блаватская создает целое учение, Теософию, которое в том числе заявляет о необходимости переосмысления этого имени и даже издает журнал под названием «Люцифер».

Однако, если говорить о Блаватской, то это, пожалуй, ее единственная заслуга, которая меркнет на фоне искажений, искривлений, которые она как дитя своего времени внесла, фактически следуя предрассудкам своего времени, например заявляя что сексуальная магия это черная магия, а для постижения необходима аскеза, тем самым оказавшись в плену заблуждений своего времени. Мы не будем повторять ее ошибку и предлагаем каждому читателю отправиться в самостоятельное путешествие в пространство внутренней бесконечности, на первых этапах, быть может, и опираясь на наше видение, но отбросив его сразу, как только из глубины вашей души станут рождаться свои танцующие звезды.

Следующим важнейшим мыслителем люциферианского потока оказалась Мария Нагловская, говорящая о «свете Люцифера», и в отличие от мадам Блаватской приветствовавшая определенные, порой радикальные формы сакрального эроса. Несмотря на то, что Нагловская неизвестна широкому читателю, она оказала огромное влияние на эзотерическую культуру, повлияв на таких хорошо известных мыслителей, как Жорж Батай и Юлиус Эвола.

Еще одной звездой люциферианского гнозиса был Алистер Кроули. Хотя в официальном пантеоне Телемы Люцифер напрямую отсутствует, в откровениях Кроули содержится огромное количество исконно люциферианских символов и идей, важнейшим из которых является принцип страстного соединения противоположностей, почитание эротического начала, стремление к трансгрессии и выходу за пределы любых ограничений и догм и, конечно же, постоянное движение и изменение. К сожалению, со временем люциферианский, динамический посыл Кроули оказался значительно утрачен. В любом случае, мое первое становление произошло посредством именно телемитских инициаций и практик, поэтому на любом ритуале, произнеся имена великой Тетрады, следом я славлю богов Телемы, в храме которых я обрел первое становление.

Несмотря на широкий резонанс имени Люцифера, мы можем привести очень немного работ, которые по-настоящему бы могли выразить его принцип. Моей настольной книгой, одной из первых изданных и переведенных нашим проектом, стала работа Н. Э. Джексона и М. Говарда «Столпы Тубал Каина», где достаточно глубоко и полно раскрыт свет мифов, до сих пор находившихся во тьме.

Есть еще один автор, в настоящее время практически возглавляющий мировой люциферианский дискурс и сделавший для его распространения не просто много, а очень много. Это Майкл Форд, перевод книг которого на русский является одной из приоритетных задач нашего проекта на будущее. Книги Форда создают очень противоречивое впечатление. С одной стороны, после того как я прошел достаточно большой отрезок своего пути, не зная о нем ничего, для меня было настоящим изумлением читать в его книге те формулы и имена, которые были открыты мной в личных откровениях. Совпадений с именами, символами и формулами между нашим, в общем, никогда не выступавшим публично потоком и Люциферианским орденом Форда не просто много, а очень много. С другой — в большинстве работ Форда повторяется все та же ошибка отождествления Люцифера и Сатаны, а также наложение на Люцифера все тех же искусственных обозначений, созданных его противниками, хотя и мастерски переинтерпретированных.

При всем великолепии, ранний Форд (по словам людей, читающих по-английски, в поздних работах он преодолел эту ошибку) слишком привязан к христианству от противного. Конечно, порой, читая люциферианские перифразы библейских текстов, можно удивиться красоте и изысканности образов, но все же будем честны — это позаимствованная красота, а идентичность, выстраиваемая прежде всего от противного — это не самый надежный фундамент. Хочется сказать — Майкл, ну хватит уже пинать мертвого льва. Если в условиях России в антихристианских выпадах есть хотя бы небольшой смысл — в качестве трансгрессии в связи с жесткой позицией власти, — в западном мире этот лев уже давно сдох. Хотя, повторимся, — у каждого здесь свой путь,

и едва ли в публичном люциферианском дискурсе мы найдем фигуру, сравнимую по масштабу работы с Фордом.

Конечно, невозможно убрать из мифа Люцифера главный нерв, нерв восстания, мятежа, природу разрушителя любой косной системы, противостоящего установившемуся якобы раз и навсегда порядку. Только этот порядок может быть христианским, коммунистическим, псевдолиберальным, мусульманским, фашистским, да вовсе каким угодно. Любая закрытая система будет стремиться уничтожить люциферианский дух всеми доступными ей средствами и методами.

Таким образом, нашей задачей является нарисовать такую картину, в центре которой будет Люцифер (и Тетрада как его принцип), осмысленный во всей полноте не от противного, а от Истока. А для этого необходимо начертить приблизительную карту, состоящую из символов, принципов, имен, знаков, которые станут для искателя Вольного Ветра чем-то вроде пальца, указывающего на луну. Но не дай вам Тетрада молиться на этот палец!

Каждый символ — это ключ. Размышление над символом, созерцание символа как принципа, выстраивание в своей душе пространства, где мы переживаем те или другие символы, может помочь шаг за шагом подойти к постижению последнего гнозиса, когда все мыслимые и немыслимые противоположности сходятся в один невыразимый принцип Черного света, который и есть Истинная природа тех немногих, кто имеет мужество смотреть, не отводя взгляд.

Путь Тетрады — это путь далеко не для всех. О боги, как же банально звучит эта фраза, сопровождающая каждый второй мануал, относящийся к оккультной традиции какого бы то ни было разлива — начиная от серьезных текстов и заканчивая откровенной подделкой. Тем не менее это та банальность, о которой не лишним будет напомнить.

Во-первых, большинство людей едва ли могут принять всю парадоксальность, амбивалентность, красоту и безобразие, восторг и ужас, которые связаны с переживанием Люцифера. Для большинства существуют застывшие учения и доктрины. Горе тому, кто научит лабиринтного человека произносить имя Люцифера — ведь он в своем лабиринтном сознании превратит Люцифера в аналог монотеистического бога. Именно это произошло с Теософией с самого начала, и именно это начинает происходить с Телемой. Еще когда я был подростком, в мою память врезалась сцена из «Обитаемого острова» Стругацких. В мире страшной антиутопии, где специальные излучатели обрабатывают сознание всех и каждого, главный герой восстает против этой системы и уводит с собой одного из жителей этого мира, открывая ему глаза. Затем, оказавшись на краткий миг под действием этих излучателей, «спасенный» главным героем вдруг падает перед ним на колени и в том же верноподданническом экстазе, в котором некогда славил империю, славит своего освободителя. Жуткая сцена, скажу я вам.

Страшно проиграть, но еще страшнее победить, победить настолько, что в люциферов поток станут стягиваться филистеры и профаны всех видов и мастей, тем самым смещая само смысловое поле его Имени.

Во-вторых, как и мир животных не делится только на волков и овец, а в лесу могут обитать очень разные животные, от медведя до лося, каждый из которых обладает своим неповторимым своеобразием, — мир людей, имеющих реальный духовный дар свободы, не сводится к тем, кто принадлежит только к нашему Истоку. Кому-то правильно будет усиливать свою связь с пантеоном северных богов, кому-то — следовать богам славянского язычества, кому-то — викканской Богине Матери, а кому-то — принять всю полноту и сложность восточного пути, будь то буддизм или служение Шиве. Горе тому фанатику, который захочет подогнать всех окружающих его людей под единственный правильный для него закон свободы: закон свободы тут же обернется

законом рабства и единообразия — то, против чего Люцифер выступает как онтологический принцип.

Поэтому всякий раз, когда в пространство моего клуба приходит некто новый, я спрашиваю себя: а какой поток будет органичен именно ему или ей? И кому-то я посоветую обратиться к скандинавской магии, кому-то посмотреть на буддийский восток, а кого-то познакомлю с аутентичными славянскими язычниками. Лишь очень немногим рискну я предложить преломить хлеб люциферовского гнозиса, и вовсе не значит, что одни будут чем-то лучше и выше других. Неслучайно мой учитель настояла, чтобы в главном ритуале «Касталии», даже после его переписывания, не звучало «причастие Люцифера и Лилит», ибо не должно давать причастие Люцифера тем, кто либо не дорос до подлинной свободы, либо знают свой исток под иными именами и ключами.

И, наконец, в-третьих. Сколь же часто мне приходилось сталкиваться с теми, кто искренне убежден, что их путь — это путь Люцифера, на самом деле под этим именем почитают не Его, а нелепого и слепого двойника, известного нам как Серый Хозяин. Я очень хорошо запомнил историю одной беседы, когда моя визави клятвенно заверяла меня, что предана Люциферу и Лилит — и вдруг начала продавливать мое пространство, а получив жесткую отповедь, буквально зашла угрозой натравить на меня власти. Сколько таких серых ходит по миру и, быть может, при первой возможности жадно вцепятся в новые имена, символы и учения, чтобы присовокупить их к своему серому локусу.

Потому — прочти и забудь. Или прочти и спроси — а мое или это? Или прочти и пробуди в себе Его Черный свет. Или, если сильно в тебе овечье начало и ты знаешь о своем желании быть покорным статическому порядку, — и вовсе не читай, зачем? Что даст тебе чтение о том, к чему ты не имеешь отношения?

Но как объяснить то, что объяснить невозможно? Как напомнить это единицам, изначально сияющим Черным светом, дав возможность узнать себя? Вот точно не через назидание. Не через чтение моралей и создание кодекса «правильного пионера», то есть, тьфу, «правильного люциферианина». Тем более что таких кодексов уже писалась тьма, а будет написано еще больше — люди обладают слишком слабой фантазией. Едва ли это можно сделать и через самую безупречную философию. Что толку в словах и разъяснениях, если во славу Иисуса, проклинавшего любое насилие, жгли костры инквизиции и снаряжались крестовые походы, если во славу Ницше, гордившегося своими польскими корнями и презиравшего современных ему немцев, утверждалось нацистское господство немецкой расы, а лидер движения последователей Кроули, утверждавшего святость любой сексуальности кроме насилия, может отстранить от занимаемой должности человека за участие в оргии?

Я вижу только два пути. Во-первых — через исповедь. Полную, тотальную, выворачивающую наизнанку исповедь, в которой девяносто процентов читающих увидят лишь себя и свое искаженное отражение, проекцию. Такова была книга «Восхождение на гору Хермон». А во-вторых — через очертание символа. Понятно, что и символы можно исказить, и все чаще это происходит, но сделать это с ними гораздо сложнее, чем просто со словами, идеями и заветами.

И вот здесь мы подходим к альфа и омеге любого подлинного эзотерического учения. Мы подходим к пространству Символа, который следует не просто узнать, а прожить, прочувствовать, промедитировать, слиться с ним в мире внутренней бесконечности.

Символ. Символизм. Символическое. Слово «символ» почти навязло на зубах, но многие ли по-настоящему понимают, что оно значит, потому давайте совершим небольшое путешествие в историю этого понятия.

Слово символ происходит от римского «симболон» — «вместе бросаю», «вместе соединяю». То есть по определению символ всегда является своего рода мостиком между двумя берегами. Берегом сознательной, внешней, конкретной реальности с одной стороны, и берегом глубины, ноосферы, коллективного бессознательного, мира вечных богов с другой.

Без посредничества символа никакой этой самой «другой реальности» нет и не может быть. Например, в гностическом евангелии сказано: «Истина не пришла в мир обнаженной, но исключительно одетой в символы». Поэтому каждый значимый символ может быть вашим личным ключом, ключом к вашему храму. И что будет символом для одного, для другого окажется ничего не значащим или указывающим на что-то одно знаком.

А что может быть символом, спросит меня читатель. Прежде чем отвечать на этот вопрос, я приведу две внешне противоречащие цитаты из великих гениев.

«Все преходящее есть символ», — сказал великий Гете. А примерно через век ему иронично парировал Ницше: «Все непреходящее есть символ». Кто прав? Оба!

С одной стороны, все, что нас окружает, все предметы, знаки, животные, одежда при особом взгляде могут быть символами. Мы выходим на улицу и видим дерево? Это же Древо Жизни, Древо Познания, символ вечного обновления органической жизни, позвоночный столб. Мы садимся в машину или видим машину: символ — колесница, повозка, движение по жизни, социальная персона. Мы видим кошку: символ — богиня Баст, домашний уют, сексуальность, страж порога, защитник. (Не будем забывать, что, когда символы прошивались, те же мыши буквально могли нести смерть и голод, поэтому кошка как защитник понималась весьма буквально.) Цвет сам по себе тоже символ.

Дом — символ эго, структуры, сознания, основы. Птица летит — тоже символ: вестник, ангел, посланник мира небес, то есть духа или идей. Машина — символ персоны, успеха или современный аналог колесницы. Наверное, трудно представить себе хоть один предмет, который не мог бы быть символом вовсе и сводился бы исключительно к своей функции. Даже какое-нибудь современное творение вроде микросхемы может быть символом, скажем, вечного желания человека подчинить хаос порядку и структуре. Таким образом, прав Гете — все преходящее есть символ.

Но точно так же все, что является вечным — солнце, звезды, мифы, боги, — является символом, связующим нас с чем-то почти невыразимым, тонким. Может ли быть более нуминозным и захватывающим что-то, нежели восход солнца, например? Рождение сознания, пробуждение ото сна, воскрешение от смерти — один символический ассоциативный ряд. Герои и боги мифологий народов мира могут оставлять нас равнодушными, и тогда это всего лишь эстетическая рюшечка, а может так стать, что какой-то отдельный сюжет по непонятной причине нас цепляет.

Итак, каков ответ на вопрос, что может быть символом? ВСЕ! Абсолютно все, каждое слово или фраза, девиз, афоризм, образ — от картины до геометрической фигуры — есть символ. Сложнее было бы определить, что символом не является вообще. Я бы сказал, что символом не является то, к чему мы полностью равнодушны.

И правда, если бы мы воспринимали реальность как полностью символическую, мы бы просто не могли сделать и шагу, потому что постоянно думали бы над символическим значением всего, что нас окружает. Потому что большинство символов — символические грани явлений, предметов, слов — на девяносто девять процентов от нас сокрыты, и это естественно и правильно. В реальности у каждого из нас очень немного символов. Среди сотен тысяч и миллионов символов, будь то животные, звезды, природные явления, мифы, творения человека, мы вычленим то, что для нас наполнено определенной «маной», психической энергией. Что вызывает особый трепет души, что приходит в сновидениях, будит фантазию, озаряет нас вдохновением, а порой даже оказывается связано с предельными переживаниями трансформации.

На банальном примере это можно проиллюстрировать так: если мы идем мимо столба, скорее всего это просто столб, но если под этим столбом мы первый раз целовались, а потом отправились в ближайший парк в темные закутки, насладиться любовью, то этот столб будет символом света любви, а если мы видели под этим столбом убийство — то символом света, безжалостно проливаемого на мрак и злодеяния человеческой природы.

Таким образом, для каждого из нас есть свой совершенно уникальный набор значимых символов из внешней реальности и мифологии. Кстати, по моему опыту, в одинаковой степени древние мифы и современные фантастические и фэнтези сюжеты могут оказаться живыми символами, которые выражают нечто связующее нас с нашим Истоком.

Порой отдельные, избранные символы увязываются в красивые символические системы, каждая из которых — многосоставный символ бесконечности сам по себе. Самая известная из таких систем — таро: колода карт таро есть одна карта таро.

Но есть и менее известные — вроде последовательностей алхимических гравюр средневековых алхимических трактатов или, например, десять стадий ловли быка у Хакуина в буддизме. В данной книге тоже приводится своя, абсолютно оригинальная символическая система Тринадцати ключей Мартиэль, которая никак не поясняется и не объясняется, дабы не ставить препятствий воображению читателя. Символические системы не просто говорят, но пытаются внести некий порядок, последовательность, структуру в символическую реальность. Так каждая такая система может быть одной большой картой для ориентации.

Еще бывают личные карты. Например, карта символов сновидений. Вы можете начать составлять ее прямо сейчас, спросив себя, какие символы встречаются вам наиболее часто во снах.

Бытие говорит с нами на языке символов. Древний человек жил в двух мирах — мире физических предметов и мире символического. Идя на охоту, он уподоблялся великому охотнику, а поимка дичи была символически равна, скажем, предвечной охоте какого-нибудь великого Лоа. В сакральной культуре не существовало ничего профанного, разве что отдельные явления (связанные с ритуалами инициации, мифами племени) обладали особо высоким зарядом сакрального.

В западной культуре произошла чудовищная кастрация, отсечение целого мира. Уильям Оккам, этот философский маньяк со своей кровавой бритвой, фактически отсек половину мира, объявив ее несущественной, и с тех пор западный ум склонен придавать значение только внешней, физической, буквальной бесконечности, до некоторой степени буквализируя даже бога. Какой-нибудь средневековый монах будет тысячекратно более утончен, внимателен к душе, способен к парадоксу символического, нежели, скажем, современный христианский фундаменталист, для которого бог это нечто строго «внешнее».

Ставя задачей восстановление символического пространства, мы бросаем вызов духу времени, как это сделал Карл Густав Юнг, отдавшийся хаосу бессознательного, точно следуя назначенной магистрали Ницше, — и постепенно за кажущейся бессмысленностью образов и видений сумевший родить танцующую звезду. Чем дальше мы уходим от грубого материализма или односторонне бессильного спиритуализма к интегральному символизму, тем ближе мы оказываемся к своей небесной, а кто-то даже и звездной природе.

Есть очень важный момент касательно символа. Этот момент практически всегда упускают как начинающие, так и продвинутые авторы книг по таро. Символ по определению не вписывается в одну-две интерпретации. Еще Юнг подчеркивал разницу между символом и знаком, которую можно проиллюстрировать наглядным примером. Например, если перед нами знак «въезд запрещен», то у него только один смысл, но если мы посмотрим на этот знак как на символ, мы можем родить фантазию о тщете

человеческих усилий или, наоборот, о защите от нежелательных вторжений на нашу территорию. Даже простейший знак при определенном состоянии может превратиться в символ, что говорить о том, что вечно было спутником человека.

Множества значений — противоположных, различных, иногда кажущихся взаимоисключающими, — могут принадлежать одному символу. Лев — символ благородного царя, Дьявола рыкающего и просто животного инстинкта, в алхимии — золота и т.д.

Символом могут быть как предельно конкретные вещи, так и полные абстракции. Точка — символ, хотя точки не существует. Яблоко на моем столе — тоже символ.

Одни и те же символы могут мигрировать в разных колодах по разным арканам и в связи с этим существенно менять свое значение подчас на противоположное. Лев в Силе и семиглавый зверь с телом льва в Вожделинии — это два совершенно разных символических конструкта, подразумевающих совершенно разную установку.

Символ — это единица внутренней бесконечности или единица вселенной воображения, полнящаяся темным огнем Истока. Во все времена система видела в свободном воображении главную угрозу своему существованию, стремясь подчинить личное воображение господствующему символическому порядку и заставить индивида поверить, что существующий символический порядок — неважно, коммунистический материализм или догматическая церковь — являются единственным носителем истины.

Есть символы, являющиеся определяющими для отдельного человека, и символы, определяющие для группы. И в зависимости от группы значение символа может отличаться. Для коммуниста красная звезда — это символ пролитой революционерами крови, а для оккультиста — сияющий звездный рубин, изгоняющий все омрачения разума. Но и то, и другое — коллективный символ.

Что может быть естественнее, нежели пользоваться теми символами, которые вам предлагает наиболее созвучная вашей душе традиция. Но это лишь первая ступень — куда более важно научиться находить именно личные, индивидуальные символы и личные, индивидуальные прочтения этих символов. Необходимо найти свои символы и войти через них во вселенную воображения.

С этого и начинается то, что мы называем «восстанием Люцифера» — то есть сотворение уникального символического порядка. Разные мистические системы во все времена использовали доминирующие символы, но радикально их переосмыслили. Например, в прозе Ефремова слово «коммунизм», имеющее вполне конкретное значение, понималось и подавалось чуть ли не как культ Шакти, а в средневековом мистицизме между богом догматиков и богом, например, Мейстера Экхарта лежит настоящая смысловая бездна.

В этой книге я постараюсь изобразить и передать некоторые наиболее важные символы люциферианского потока. Конечно, ни один символ не может принадлежать только одному потоку и традиции и в разных традициях может иметь разные значения.

Однако это может быть полезно по двум причинам. Во-первых, вы сразу сможете увидеть, как много символов в вашем символическом ряду соотносятся с люциферианским потоком. А во-вторых, поняв символ, вы можете «войти» через него в пространство архетипа и соприкоснуться с другой стороной. Это и есть одна из самых высших форм духовной практики — осмысление и проживание Символа.

Прежде чем приступить к чтению книги, прежде чем узнать о наших ключевых символах, попробуйте выполнить очень простое задание.

Пожалуйста, выпишите на бумагу тридцать своих личных символов. То есть тех явлений, что заставляют ваше сердце трепетать, полны значения, смысла и как бы связывают вас с невыразимой реальностью на глубине, что помогает прочувствовать

полноту, целостность, красоту — как тот палец из притчи помогает узнать, в каком направлении надо смотреть, чтобы увидеть луну.

Повторимся, что таким символом для вас может быть что угодно — животные, растения, предметы, геометрические фигуры, мифологические и религиозные персонажи, будь то боги, герои или чудовища, погодные явления, химические элементы, созвездия, цифры или числа и вообще, повторим еще раз, — практически все. Видите, какое простое и одновременно сложное задание — вам нужно из *всех* выбрать самые важные тридцать. Важно только, чтобы это было действительно нечто, вызывающее у вас особый трепет, ощущение «сказочности», «многомерности». Скажем, для кого-то медведь — это просто животное, которое живет в лесу, а для кого-то — символическое выражение его мужественности или, наоборот, ее материнской природы, а для кого-то — безо всяких объяснений — медведь это что-то очень родное, даже если он не знает слова «тотем».

Ответьте и напишите, какие символы значимы для вас. Что связывает вас с внутренней бесконечностью, наполняет сердце восторгом? Каков будет ваш список из тридцати?

На этом месте отложите книгу и не спеша — можно потратить на это целый день — составьте список значимых для вас символов. Затем возьмите какой-то из избранных символов и «входите» через него. Представляйте его, созерцайте его изображение или его самого, если это физический объект, фокусируйтесь на ощущениях, которые вызывает у вас этот символ. Нарисуйте его. Чем ваш рисунок отличается от реального предмета? Напишите историю этого символа, создайте мифологему. Например, если таковым символом является для вас облако, уподобьтесь древнему мифотворцу и напишите сказку о том, как появились облака, что они несут людям и другим существам, как чувствуют себя, когда соединяются или рассеиваются и т. д. Еще раз — каждый значимый символ по определению является ключом к вашему личному мифу, личному магистерии. А какие из значимых символов встречались в ваших сновидениях? Любимых книгах? Начните писать книгу вашей души, книгу Черного огня, книгу освобожденного воображения.

Крайне желательно, чтобы у вас был хоть один единомышленник, разделяющий ваши интересы и желания самопознания. Мне известны примеры, когда путь проделывался в полном одиночестве, но все же это достаточно экстремальный сценарий, гораздо лучше, если есть хотя бы один человек, разделяющий ваши ценности. Нам очень важно, чтобы «было с кем поговорить».

Самый высший уровень воображения — стать символом. Станьте Зевсом, станьте ключом, станьте облаком, станьте машиной, если вдруг машина оказалась у вас в важных символах. Напишите историю от его имени. В какие глубины уведет вас этот символ? Отпустите воображение в свободное плавание.

Обратите внимание, что через некоторое время после серьезного погружения в символ вы столкнетесь с тем, что и с окружающей вас реальностью что-то происходит. Например, вы писали сказку про ключ — и внезапно нашли на улице ключ в тот же самый день. Синхронистичность, ответ пространства как бы говорит вам, что вам действительно удалось войти в настоящий регистр воображения. И чем ярче синхрония, тем полнее ваше погружение.

А затем — возвращайтесь к чтению книги. И посмотрите: сколько символов, которые для вас оказались личными, связаны с потоком Люцифера? Если ни одного — у вас нет пересечений и ваш поток, скорей всего, противоположен этому. Если три-четыре, это нормальный резонанс, тем более что символы могут иметь разные смыслы в разных тоннелях реальности и традициях. А вот если больше пяти — это уже серьезно.

Природа человека очень проста: это луч и его исток. Луч, или то, чем вы являетесь сейчас — это то, что над шелухой, то, что осознано. Исток — то, что под шелухой. Исток

может иметь самые разные имена и ключи и часто связан именно с богами того или иного пантеона.

Немного отвлечемся от символов и раскроем одну из важнейших эзотерических идей. Что вверху, то и внизу. Что внутри, то и снаружи. Не может быть внутри безжизненная пустыня, а снаружи цветущий сад, как, впрочем, и наоборот. Одно всегда отражает другое. Все, что вокруг нас, является нашим продолжением.

Это то, на чем сходятся запад и восток север и юг, мистика темная и светлая. Очень сложно понять и осознать, что речь идет не о некоей абстрактной метафоре или красивой идее. Речь идет о реальности, которая может быть пережита во всей полноте.

Обычно эта реальность переживается после проживания серьезной синхронистичности. После этого обычно пропадает актуальность столь частного и столь нелепого вопроса: «А это только воображение или уже реальные силы?» Корректнее будет говорить о глубине проживания воображения, но на самом деле — вся реальность воображаема и все воображаемое реально.

Тем не менее соблюдайте принцип реальности и по возможности четко осознавайте, с кем можно делиться своим опытом, а кто еще полностью раб господствующего символического ряда и просто высмеет вас.

В Телеме существует клятва: «Рассматривать все явления моей жизни как акт взаимодействия моего Бога (Источка) и моей души». Не нужно быть телемитом и поклоняться именно телемитским богам, чтобы принести эту клятву. Научитесь распознавать, что в любимых вами героях литературы, кино — про вас, в какие моменты вы принимаете форму того или другого персонажа и что для вас значит эта форма. Учитесь понимать, что вы можете принимать очень много форм и ваша реальность никак не ограничена заданным набором. Здесь важно соблюсти золотую середину: не стоит разбрасываться формами, не дав им отыграть себя, но и не стоит слишком привязываться к полученной некогда форме.

Главное орудие, главный принцип, главная сила люциферианского гнозиса, да пожалуй любой по-настоящему живой оккультной традиции — воображение. Во все времена силы Иалдабаофа делают все, чтобы свести бесконечный океан воображения к узким и утлым каналам, струясь по которым, воды воображения будут крутить колеса данной конкретной системы. Освобождение воображения от оков необходимости — это поистине прометеевское похищение огня у богов, заявление права на богоподобие.

Дух времени жаждет свести всю бесконечность к набору ограниченных фантазмов. Но кажущаяся незыблемой нормой и реальностью в одних условиях — оказывается лишь странным воспоминанием в других. Основа любой власти, власти Иалдабаофа, прежде всего в том, чтобы поработить воображение, начать воображать за вас, создавать каналы-фантазии, по которым будет течь вода вашей жизни. Освободить воображение — это задача многих лет, а зачастую десятилетий. Как часто бывает, что, восстав и вроде бы низвергнув одни оковы и догмы, мы радостно надеваем на себя другие, порой даже более тесные и ограничивающие.

Приучите себя к мысли, что не существует никакой отдельно взятой объективной истины, дающей ответы на все вопросы. Любое учение, любая школа — это лишь одна из возможных моделей (и наша не претендует на то, чтобы стать исключением, это очень важно!), которая может помочь вам раскрыть неведомые ранее пространства воображения. Научитесь языку нескольких разных школ. Например, для меня важная часть становления — это способность спокойно говорить как на оккультном языке Телемы, так и на языке аналитической психологии Юнга, применяя тот, который в данном случае будет более понятен (или наоборот — сможет расшатать больше рамок и границ), или оба одновременно. Бойтесь любых безусловных истин, которые требуется принять на веру как нечто незыблемое. Любая истина — это лишь модель, позволяющая достичь большей свободы, но точно так же она может быть использована, чтобы лишить вас этой свободы. Раб, знающий, что он раб, и стремящийся освободиться, тысячекратно

свободнее, чем тот, кто, являясь рабом, уверен в собственной свободе — а именно такими являются девяносто восемь процентов так называемых «цивилизованных людей».

Любая практика должна оттолкнуться от чего-то, получить некую карту. Я предлагаю оттолкнуться от модели аналитической психологии Юнга, которая дает ряд важных ориентиров в пространстве воображения.

В юнгианской психологии есть три важных понятия — Тень, Анима (Анимус для женщин) и Самость. Если совсем кратко и упрощенно, то Тень — это те части и формы, которые мы отвергаем, не в силах почувствовать их собой, Анима и Анимус — это наши «женские» (для мужчины) и «мужские» (для женщины) формы личности. И, наконец, Самость связана для нас с наиболее значимым, священным, почитаемым и ценимым. К сожалению, у нас нет времени вводить читателя в эти понятия подробно и детально, но при желании вы можете найти их определения в любом юнгианском словаре.

Попробуйте, оттолкнувшись от этих простейших определений, поискать, как выглядит ваша Тень. Что вы больше всего ненавидите в представителях вашего пола? А почему? А есть ли в вашей тени что-то, чего не хватает вам? Представьте вашу Тень. Вступите с ней в воображаемый диалог или воображаемое противостояние. Найдите в мировой литературе образ, персонажа, который наиболее вам отвратителен, который наиболее полно выражает вашу Тень, и попробуйте понять: а почему среди тысяч злодеев и неудачников вы выбрали именно его?

А какова ваша Анима/Анимус? Анима, Анимус — это общие категории. Как зовут вашу Аниму или Анимуса? Какие персонажи вызывают наибольшее созвучие с Анимой? А можете ли вы представить себя Ей или Им? Что есть неповторимого в вашей Аниме, чего нет у других Аним (то же самое для Анимуса)? Находите ответы на эти вопросы шаг за шагом, очерчивая пространство карты своей внутренней бесконечности.

К сожалению, даже профессиональные юнгианцы привыкли говорить об Аниме и Самости, забывая, что сам Юнг для себя говорил о Саломее и Филемоне, фигурах души, которые общались с ним, проявлялись через него, и именно живое и непредсказуемое воздействие с которыми позволило Юнгу родить танцующую звезду учений.

Наконец, выберете одну из эзотерических традиций и вступите с ней во взаимодействие, освоите ее теорию и практику. Изучите символы люциферианского потока в этой книге. Насколько они близки вам? А что близко? В мире есть огромное богатство школ и традиций, но остерегайтесь счесть какую-либо из них «единственной истиной». Можно выбрать древнюю традицию, типа шиваизма или тантрического буддизма, или совсем модернистскую — типа Викки или Магии Хаоса. Выбрав, погрузитесь в традицию на несколько лет, постигая ее философию и осваивая ее практики. А быть может, вам стоит выбрать сразу две школы или традиции, чтобы не оказаться скованными фанатизмом и не превратить традицию, дающую освобождение воображению, в еще одну клетку.

Есть одно важное предупреждение. Любая школа, традиция, религия, сколь бы безупречной и красивой не была ее доктрина, будет иметь свои серые вкрапления. Черт подери, научитесь отличать котлеты от мух. Слушая очередного наставника, лектора, ведущего, напрягите свое воображение и попытайтесь представить себя им, говорящим эти слова. Какие мотивы, какие смыслы лежат в основе этих слов? Это очень важный навык — научиться видеть и слышать не слова, а некий внутренний, непроизносимый посыл, запрос.

Главная аксиома, которую вы должны взять за основу: ваш центр, ваша основа, ваша ось — это то, что находится очень глубоко под шелухой в вашей внутренней бесконечности.

Еще немного о символах и моделях. Есть потрясающий анекдот, наглядно демонстрирующий ограниченность любой модели. Этнограф сидит напротив шамана и

думает: «Бедный невежественный дикарь! Неужели он правда считает, что в мире духов действительно существует такой же Енисей, такая же тайга и такие же олени? Вот примитивная какая религия!» Шаман сидит напротив этнографа и думает: «Вот блин, как же мне объяснить этому доброму, но невежественному дикарю, что сакральный топос отличается от профанного субстанциально, а не экзистенциально? О! Скажу-ка я ему, что в мире духов существует такой же Енисей, такая же тайга и такие же олени — авось хоть что-то поймет».

В этой книге я ставлю своей целью нарисовать некие карты сакрального топоса. При желании мне было бы несложно дать все необходимые субстанциональные обоснования, сославшись хоть на «Имажинер» Жильбера Дюрана, хоть на «Коллективное бессознательное» Карла Юнга, хоть на «Имагинативный абсолют» Якоба Голософкера, и вывести еще немало обоснований и доказательств. Собственно, именно этим я занимался многие годы, обосновывая эзотерические символы и практики через юнгианскую психологию. Но сейчас моя задача — показать вам сакральный топос другой стороны: оленей, тундру, чум. Поэтому более не буду тратить ваше время на объяснения и перехожу к основной части — разговору о символах и ключах Люцифера. И здесь мне впервые придется учиться сказывать, в то время как всю сознательную жизнь я учился излагать. Потому не судите строго.

1. Ветер

Выбор — одна из самых сложных и проклятых задач, перед которыми нас денно и нощно ставит жизнь. Даже самый простой, самый, казалось бы, незначительный выбор может оказаться далеко не столь простым и куда более далеко идущим, чем это может показаться. Много символов, много ключей у нас — с чего же начать, какой ключ поставить первым?

И здесь неожиданно для самого себя я уверенно и быстро делаю этот выбор, почти не задумавшись, почему именно так. Первый ключ, первое имя, первый символ — Ветер.

Еще в своей ранней книге «На темной стороне Луны» я рассказывал о первом по-настоящему потрясшем меня сновидении раннего детства, с которого началось мое пробуждение. В этом сновидении я оказываюсь в гостях у родственников, живущих неподалеку. И вот визит закончен, бабушка начинает собираться, я выбегаю в подъезд и, точно повинувшись какому-то неясному импульсу, бегу из подъезда прочь.

Выбежав из подъезда, я вижу, как складываются лестничные пролеты, обрушиваясь друг в друга каменной гармошкой, и моя бабушка, не успевшая выйти, оказывается погребена под этими каменными завалами.

Неужели это правда? Я свободен! Я наконец-то свободен. Я чувствую, как раскидываю руки по ветру, как восхитительный поток воздуха наполняет мое тело — и вот я лечу, лечу вместе с ветром, свободный, легкий и танцующий. Ибо я и Ветер — одно.

Этот сон я всегда считал своим первым пробуждением, первым осознанием, первым даром того, кого только через много лет я узнал под именем Люцифера. Дар свободы. Удивительно, что, даже узнав имя, многие годы я не проводил одной из самых очевидных аналогий. Аналогию с Дикой Охотой — сначала Одина, а затем, в средневековье, — Люцифера, в одном ураганном вихре собирающей избранные души и несущейся в неистовой пляске над миром. Когда я умру, я уповаю стать частью такой дикой и свободной охоты. Но тайна Люциферова гнозиса в том, что нет необходимости умирать физически. Достаточно просто откуда-то из глубины своего сердца открыться этому ветру свободы, отказавшись от оков, которые навешивают на нас родственники и воспитатели, и позволить себе лететь. Быть может права Карни, что все мы, нефилимы, уже давно умерли для этого мира и наша жизнь есть такая Дикая Охота, несущаяся в Его

Ветре через время и пространство, вознося и пробуждая одних, ломая и разрушая других. Ведь мы — единосущны Ему в этой чистой свободе.

Один из средневековых мифов гласит, что в то время как маг может заклясть своей волей и святыми именами любого из демонов, каким бы тот ни был могущественным, он никогда не сможет заклясть Люцифера, потому что Люцифер от начала времен распят на северном ветре. Его Ветер Севера — это одновременно его трон и его крест, его свобода и его ноша. Ничто не может остановить ветер, ничто не может заставить ветер дуть в другую сторону, ибо ветер дует где хочет.

Во всех мифах и сказаниях, стихах и песнях Ветер всегда был и останется самым первым и главным символом свободы и движения. Современная поэзия не исключение. «Что такое осень? Это ветер // Вновь играет рваными цепями», — поет Шевчук. «Значит, ураган // Значит, напролом // Значит, наобум», — вторит ему Егор Летов. «Но северный ветер — мой друг, // Он хранит все, что скрыто», — поет Гребенщиков, точно намекая на тайные знания, открывающиеся тем, кто принимает дар свободы. Наконец, Лора Бочарова тоже поет о Ветре, несмотря на то, что убежденная христианка: «Ветер // По лесным прогалинам летит, // Чтобы встретить // Твой приветный возглас по пути. // На земле // Без тебя мне некуда идти, // Кровь черна, словно двери ночи».

Мы с вами знаем, что воздух — это газ, состоящий из азота, кислорода и прочих газов, поэтому в способности воздуха двигаться для цивилизованного сознания нет чуда. Но поскребите шелуху. Представьте, почувствуйте, увидите, как воспринимал ветер человек, не отягощенный знаниями. Пустота, нечто прозрачное, невидимое, несуществующее, некий абсолютный нематериальный ноль — движется! Ничто — движется! Разве это не чудо, разве это не то, что заставляет сразу почувствовать всю чудесность, всю фантастичность самой обыденной, самой привычной реальности?

Ветер может быть разным. Порой как морской бриз он несет свежесть и легкость, спасая от изнурительной жары. А порой он приходит как ураган, способный выкорчевать вековые деревья, перевернуть дома и истребить посевы. Он может быть даром, а может быть проклятием, он может раздувать паруса кораблей, а может перевернуть судно ко всем морским чертям, не оставив никому шанса на спасение. Потому что никто не в состоянии предсказать ветер или приказать ему.

Лишь став им, постигнув его нечеловеческую, сверх-, внечеловеческую природу, сроднившись с ним до молекул, постоянно чувствуя его неистовое завывание откуда-то из глубины, став частью его Дикой Охоты, двигаясь вместе с ним, настроив свой внутренний радар на его мощь, принимаешь его восхитительный дар свободы.

Через много лет после первого сна, уже в бытность подростком, когда я мучительно искал хоть кого-то, кто вырвет занозу семейной и родовой принадлежности, мечась от психолога к психологу, я оказался у одного психотерапевта, который даже не был психоаналитиком. В качестве занятий он проводил меня через разные упражнения. И вот в одном из упражнений, где нужно было совершить «путешествие к своей сущности», я в течение часа сначала перечисляю ощущения своего тела, потом то, что вижу вокруг, слышу, осязаю, потом обращаюсь к своим эмоциям, убеждениям, ценностям. Долго, нудно, подробно. Наконец психолог просит сделать меня последний шаг в этой практике — шаг в сущность. Сначала — ничего. Я даже не понимаю, чего от меня хотят. А потом я чувствую все тот же легкий освежающий ветерок. Я закрываю глаза и вижу перед своим внутренним взором картинку: снежно-белые горные вершины, на самую высокую из которых последним волевым рывком поднимается мужчина. Или это дух, бог, ангел? Его белые волосы развеваются по ветру. Он в буквальном смысле на вершине — вершине своей природы, своего бытия, своей горы. Его волосы развеивает ветер и в некотором смысле он единосущен с ним. Я снова возвращаюсь к ветру.

Наверное, все эти долгие упражнения, казавшиеся мне непонятными и бессмысленными, были нужны ради этой минуты прикосновения к сущности. Я снова почувствовал мой Ветер.

В арканах таро ветер как «корень сил воздуха» связывается с Нулевым арканом. Нулевой аркан — безумец, такой же свободный, движущийся по воле внутреннего ветра, герой, у которого «ветер в голове гуляет». И когда приходит время, ветер подарит ему крылья и перенесет через бездну.

В разных мировых мифологиях есть образ четырех ветров, которые расчерчивают вселенную. Когда Мардук побеждает Тиамат, он наполняет ее чрево ветрами, то есть слепая, подавляющая, теллурическая сила оказывается не в состоянии сопротивляться этой беспредельной свободе, движущейся в четырех направлениях сразу. Четверо ветров несут прах адепта в Город Пирамид в час, когда он проходит свое самое великое посвящение — пересекает бездну Даат, согласно инициатической символике Телемы в одной из самых важных книг Алистера Кроули — «Книга Хет или Замок Абигени») Четверо ветров чертят пространство, но главный из них — северный ветер, к которому по легенде прикован Люцифер.

Если дать волю фантазии и представить, что четыре принципа будут представлены ветрами, то южный ветер будет ветром Лилит, восточный — ветром Азазеля, а западный — ветром Нахемы. Люциферу от начала времен соответствует север.

В песнях Мартиэль дуют ветра. Есть серебряный ветер, который «играя пронесся над миром, серебряный ветер — звездой на остывшей ладони». Есть черный ветер, возвещающий раскол между землей и небом. Интересно, что не только в вавилонском мифе разделение первичной, целостной, но слепой силы происходит посредством ветра, ветер как бы разделяет собой противоположности — и он же их соединяет. Ибо есть время разделения и время соединения, и не было бы восторга единства, если бы ему не предшествовала боль разделения.

Свобода, движение, дыхание. Каждый выдох — это тоже небольшой ветерок, как бы один лучик от вселенского солнца. Пока есть дыхание — есть жизнь, есть изменение. Остановка дыхания означает остановку жизни. Дыхание Люцифера животворит и возносит, но оно же, как ураган, может и убивать.

Ветер учит летать. Многим снятся сны о полете, и существует тысяча и одна интерпретация этого сюжета: от простонародного «летает во сне, значит, растет» до психоаналитического «полет есть метафора оргазма». С нашей точки зрения все просто. Переживание восторга полета — это переживание, в самой полной форме представляющее свободу и необусловленность, которую дарит ветер Люцифера.

2. Крылья

Ветер дарит полет. А от века символом полета были крылья. Это могут быть искусственные крылья — такие, как некогда изготовил Икар и оказался не в силах противостоять желанию подняться до самых небес богов. Это могут быть крылья ангелов. Это могут быть крылья птиц.

Разве не удивительно, что практически во всех мифологиях душа изображалась крылатой, как ангел, птица, или что-то подобное? На самом древнем сохранившемся произведении искусства, росписи пещеры Ласко, убитый охотник в момент выхода души из тела изображается крылатым.

Крылья души, крылья ветра, крылья воображения. Во все времена система стремилась лишить человека крыльев. Христианская церковь в средневековье считала страшным грехом само желание создать такую машину, которая поднимет человека в небо. Да что крылья — в христианских мифах даже слишком высокая башня представляла угрозу божку-тирану, видимо боящемуся, что башня протаранит его облачный трон. Но никакие запреты не могли сдержать творческий дух, и раз за разом человек, жертвуя жизнью, приближал момент, когда он сможет подняться в небо.

К сожалению, других — не материальных, а духовных крыльев система все-таки успешно лишает и по сей день, создав целые фабрики по ампутации крыльев. Только и остается, что друг другу петь: мол, «где твои крылья, которые нравились мне»? Отрезают не разом, а по перышку, по пушинке, мол, ну правда, нельзя же быть настолько ненормальным — есть фантазия, а есть жизнь. За бесценок продают свои крылья, даже не заметив, чего лишаются, а потом еще удивляются: мол, фантомные боли откуда-то взялись, неврозы, психозы, депрессии.

Только вот невдомек идиотам, что на самом деле все в точности наоборот. Настоящие крылья, которые позволяют подняться над шрамами каналов, проведенных Серым хозяином, для того чтобы поделить океан на тысячу, в конечном счете, наоборот, заставляют реальность следовать своим правилам. Вот что может быть более нелепым и абсурдным, чем фантазия, что человек полетит на ракете в космос? Ракеты же только в комиксах — там человек-ракета, супергерой. А вот взял один такой нефилим Джек Парсонс, друг и ученик Кроули, и отказался верить в невозможность. И вот — готово ракетное топливо, готовы ракеты, комикс стал былью. Как говорится, «не стоит прогибаться под изменчивый мир».

Но тут, чтобы выстоять, особые крылья нужны. Наши — острые, нефилимские. Лично Северным Ветром врученные и аки паруса им раздуваемые. Все, что послабше будут, неизбежно обречены на икаро-фаэтоновскую долю.

Принято считать, что у нас, нефилимов Люциферовых, черные крылья. Это так. Да не только так. Крыло — оно всех цветов радуги. В его предельном раскрытии, в блеске Черного света воображения — оно черное. В экстазе вождения — красное. В сиянии небесной любви — синее. Есть еще творящие, зеленые крылья, которые своим полетом могут напрямую менять формы и сияния. Сколько цветов — столько и крыльев. Но правда в том, что черные — это самые крепкие, надежные кожистые крылья черного сияния, испытанные не одним сражением за право на свой полет. Они и в открытый космос поднимут, и в воздушном бою главная защита. У врага зениток много, они маркированы вечным серым «надо», «должен», «норма». Но тот, кто стал носителем черных крыльев, уже поднаторел в сбивании на лету вражеских зениток. Еще и новому поколению дорогу откроет.

А вообще, цвет крыльев ангелов Люцифера зависит от цвета глаз того, кто на них смотрит...

3. Звезда

А крылья тебе зачем даны? Ясное дело — к звезде лететь. И обратно — с новой порцией звездного света.

Если бы нашелся такой въедливый филолог-исследователь, который решил бы подсчитать, какой образ чаще всего встречается в песнях Мартиэль, — вне всякого сомнения, Звезда была бы на первом месте.

*А Звезда над миром поет рассвет.
От Звезды до сердца так тонок луч.
В круговерти лет и чужих побед
Сохрани в себе этот горький свет!*

Или:

Звезда свободы — для многих звезда ухода.<11>

<11>Мистардэн, Звезда Свободы. (Прим. редактора.)

Или:

*Мы умели летать к звездам,
Мы держали в руках пламя.*

Или:

И в сердце звездой взрывается Имя — Лилит.

Ну и конечно же:

Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Это только то, что вспомнилось навскидку, наверняка гораздо больше.

Днем — одно солнце светит. Не видно звезд. Ночью, если она не облачная, — мириады световых точек, каждая из которых — солнце, только далекое.

Звезды — множество, разнообразие, многовариантность. Растут сто цветов — горят тысячи звезд. Множество звезд ночного неба как бы говорит — нет единого центра, единого закона, единого порядка. Есть бесконечное множество.

Алистер Кроули знал мистерию Звезды. Это, пожалуй, самое главное, что он знал. За одно только «Каждый мужчина и каждая женщина — звезда» ему можно простить все его ошибки и перегибы. А свой орден он назвал Орден Серебряной Звезды, Аргентум Аструм, и его программным документом был текст «Звезда видна».

Красиво завершается этот документ: «Смотри не вверх, а внутрь — Звезда Видна». И ведь так и есть, истинная звезда рождается во внутренней бесконечности, в атаноре сердца, когда мы сможем принять в себя достаточно хаоса и оплодотворить сердце сперва черным, а потом серебряным ветром, чтобы так родить танцующую звезду. Звездой и Юнг, точнее даже не Юнг, а Филемон, его САХ, заканчивает свое последнее наставление — наставление о Человеке. «Одна Звезда в зените...»

И все же мне больше Калугинская версия нравится. «Звезды вокруг и внутри». Во-первых — внешние звезды не над нами, а вокруг нас, здесь нужно сдвинуть земное, слишком земное и увидеть в трехмерной проекции, почувствовать. А во-вторых, чтобы посмотреть внутрь, иногда надо посмотреть наверх. Противопоставления одного и другого — это более ранняя стадия возгонки танцующей звезды, когда все только начинается. На высшем уровне — Вокруг и Внутри это одно, и уже даже не одна звезда, а множество Звезд.

Звезда в таро — это Семнадцатый аркан. Тут можно целый трактат писать. Это и путеводная звезда во мраке, звезда, по которой заблудившиеся корабли выстраивали курс к своей цели. Тут же «что снаружи, то и внутри»: настроился на звезду — значит, следуешь верным курсом, ну, или истинной воле, не настроился, сокрылась звезда — и болтается корабль, точно утлая лодочка, не зная пути-дороги. Это и звезда творения, из которой разворачивается сама галактика в своем спиральном вихре.

А звезда — это мужской или женский символ? Вроде «звезда» — она, да и на карте — Нюит, изливающая млеко звезд. Но одновременно Люцифер — это прежде всего утренняя звезда. Утренняя звезда — это один из самых первых и самых ранних «титолов» Люцифера, который только в средневековье оброс привычным нам христианским, устрашающим значением. Изначально — Иштар, Венера, Люцифер. Вот ведь чуял что-то Дантан, когда писал: «Жрицы Иштар служат Люциферу». Имя Иштар (Астер) — это ведь тоже разновидность звезды. Иштар, Астрата — такие вот женские формы Звезды Люцифер.

Много звезд на небе. Много богов во внутренней бесконечности. Много форм у Люцифера. Есть Регулус. Красная звезда, сердце Льва, звезда героев. Когда великий Юлиан, умирая, вспомнил древнее предание и сказал: «Не плачьте о цезаре, который уходит к звездам», — он явно к Регулус обращался. Древние знали меньше о бесконечности внешней, но куда больше — о внутренней. И знали, что великие души становятся звездами. Знал ли об этом поверье Кроули, когда написал свой третий закон Телемы, навсегда останется неизвестно: может, знал, а может, просто услышал, всяко бывает.

Есть Антарес. Звезда Нахемы, звезда Черного огня чистого наслаждения и перерождения, когда наслаждение разрушает старые формы. Есть Сириус, двойная звезда — жизни и смерти, звезда врат Анубиса, Собачья звезда. Есть Алгол — Звезда Хаоса, которая вспыхивает там, где формы обретают слишком застывший, слишком стабильный, гарантированный вид. И от всех казавшихся незыблемыми форм остается только звездный пепел, уносящийся в черную воронку бездны, чтобы когда-нибудь дать рождение новой звезде. Каждая звезда — это ключ, это портал, это врата воображения. Нужно только отпустить все, что ты знаешь, и поверить, что ты — вот лично ты непосредственно здесь и сейчас — можешь настроиться на свет нужной тебе звезды.

Но есть очень особая звезда. Звезда Истока. Звезда Севера, Звезда Полюса. Полярная звезда, которая во все времена служила ориентиром для странников в море показывая направление.

У нас есть особый ритуал — Звездный Крест Люцифера, в котором практикующий, нанося на тело свое имена звезд, уподобляет себя галактике. Простые жесты, простые слова, простые движения у этого ритуала, а стоит приоткрыть крышку воображения — и обрушится на вас бездонный звездный свет.

Ах да. Звезды не только небесные бывают. Бывают звезды как фигуры. Вот ведь странно — почему пяти-, шести- и семиконечную фигуру мы называем «звездочкой»? Ведь если на небо посмотреть — все звезды кажутся просто точками. А нет, есть связь. Одно там — другое здесь, одно в одном измерении, другое — в другом.

Пятиконечная звезда — это звезда воли. Ее луч всегда направлен вверх, к истоку, к полюсу, это вечное устремление духа и души к своему истоку и несгибаемая воля, преобразующая вокруг себя слепое мироздание. А перевернем звездочку? Сразу вспоминается знак Церкви Сатаны — перевернутая пентаграмма, в которую вписана голова козла, а по углам звезды написано «SATAN».

Вот только надо напомнить еще раз, что Сатана и Люцифер — это очень разные ребята. Да и если перевернутая звезда принадлежит Сатане, возникает вопрос — а что она делает на многих католических соборах Европы и на одной из православных икон Андрея Рублева?

Э нет, перевернутая звезда — это луч нисходящий, луч дара, луч ответа. Вот ты пробивал себе путь, разрушал границы, а в один прекрасный момент тебе навстречу пришел ответ, дар. Лицо видит лицо, свет от света, нисходит свет в сердце, и становится сердце чашею полной — вот в чем на самом деле смысл перевернутой звездочки.

Про шестиконечную звезду все знают. Два треугольника — мужской, женский. Соединение, соитие, синтез, трансцендентная функция. На одном уровне — сексуальное слияние, на другом — соединение противоположностей в нечто третье. Сам принцип соединения и равновесия.

А вот с семиконечной звездой все совсем интересно. В Телеме это Звезда Бабалон, то есть Вавилонской блудницы. А как звали ту, кого иудеи называли Вавилонской блудницей в самом Вавилоне? Правильно — все та же Иштар. Богиня неистовой, яростной, неконтролируемой сексуальности, которая может быть дарована только царю. Сожжет остальных и не заметит. Что интересно, в обычаях белорусских крестьян был обряд сожжения «звезды ведьмы», которая тоже была семиконечной. Ритуал «сожжения ведьмы» происходил раз в год на определенную дату в сакральном календаре. Едва ли об

этом знал Кроули, но уловил верно: ведьма как та богиня, вечно противостоящая установленному и нормативному порядку Яхве, богиня, у которой много имен. Майкл Форд очень точно понял, что Бабалон — это одна из форм Лилит.

А есть еще земные звезды...

4. Земные звезды. Рубин

Земные звезды — это драгоценные камни. Высшая форма кристаллов. И как у каждого нефелима есть своя форма крыльев, так же у каждого есть и свой камень, свой ключ, своя неповторимая призма, дающая ему или ей некий уникальный дар, возможность, чувство через свой неповторимый камень.

Олдос Хаксли как-то сказал, что страсть человечества к драгоценным камням — это непонятная тоска по родине, ибо в самых великих и самых утонченных духовных переживаниях нам предстает видение иного мира, сотканного из драгоценных камней.

Мой камень — Рубин. Еще пятнадцать лет назад в сновидении я получил кольцо с рубином от Люцифера и потом, к своему удивлению, прочитал стихотворение Гумилева:

*Пять коней подарил мне мой друг Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо.*

А вот — менее известное стихотворение совсем другого поэта, которое заканчивается так:

*В руке у меня был полированный камень,
Из него струился кровавый пламень,
И грубо на нем было нацарапано слово... <12>*

<12>Кузьмин М. А. Базилид (Прим. редактора.)

Рубин — камень Люцифера. Точнее, рубин — это наиболее известный из камней Люцифера, а на самом деле все драгоценные камни принадлежат к его царству.

Рубин — камень Воли. Тогда как сапфир — камень мудрости, камень восприятия. Изумруд же дополняет их как камень реализации этой воли и этой мудрости, раскрытие их в мире и через мир.

Дар рубина — это дар сохранить свою правду и свой закон в чужом, враждебном окружении. Его дар — превзойти окружение, сжечь алым пламенем прутья клетки и выйти на свободу. Его дар — подчинить своей Истинной Воле и Сокровенному Слову разрозненные комплексы своей души, что представляются в облике мелких бесов и элементалей.

Его дар — могущество.

Но горе тому, кто забудет, что истинная власть — это власть над собой. Горе тому, кто исказит алое сияние своей мелкой гордыней, амбициями и неудовлетворенными желаниями. Рубин утратит свой свет и свою силу, и вместо живого огня превратится в застывший кристалл ложного господства.

Алистер Кроули, создатель Ордена Серебряной Звезды, знал толк в символах, когда назвал один из важнейших ритуалов, с которого начинается путь неопита, — ритуалом Звездного рубина, а одну из книг — «Книгой Рубиновой Стелы». Не случайно в гимне Люциферу Алистер в первую очередь пишет о нем: «Он кровью полыхающий рубин».

Истинный адепт изливает свою кровь в чашу бытия, чашу предвечной Богини, которую знают под разными именами: Иштар, Бабалон, Лилит, Нахема... Темный Огонь влечет всякого, кто несет камень подлинных воинов.

Рубин — камень Марса. Лишь надев этот камень, мы чувствуем, как мощь и сила наполняет нашу кровь рубиновым сиянием. Куда направим мы свой свет? Побеждающий других, быть может, силен, но настоящим могуществом обладает лишь тот, кто сможет победить самого себя. «Я вырвал тайну сопряженья слов // Из мертвых рук того, кем был и стану», — гласит строка сонета Сергея Калугина. Тайна рубина — это тайна великой победы.

5. Земные Звезды. Сапфир

Рубин и Сапфир — это камни, имеющие одну кристаллическую решетку. Рубин и сапфир называют корундами. Как сказал один посвященный: «Сапфир — это то же самое, что рубин, только синий».

Такой же и одновременно немного другой. Оба камня — камни воинов. Оба — камни воинов с любовью в сердце. Тонкое различие. Рубин сражается с любовью в сердце. Для Сапфира любовь — это его оружие. Рубин — дар Люцифера. Сапфир — дар Лилит. На высшем уровне Люцифер и Лилит, точно Шива и Шакти, есть одно, ибо Лилит есть женская форма Люцифера, а Люцифер есть мужская форма Лилит. Но то на вершинах пути посвящения. Ближе к земле пути Лилит и Люцифера могут отличаться. Там — Воля, направляемая Любовью, тут — Любовь, направляемая Волей.

И как рубин должен опасаться стать заложником ложной власти, для сапфира есть риск оказаться заложником ложной любви. Лишь та любовь, что выводит вверх, лишь та любовь, что преобразует свинец в золото, достойна называться любовью. Подделок — не счесть.

Дар рубина — побеждать. Дар сапфира — преображать. Рубин — Воля и Сила. Сапфир — Мудрость и Любовь. Можно сказать, что Сапфир это камень Лилит, камень Премудрости Люцифера.

Порой надо преобразиться, чтобы победить, порой — победить, чтобы преобразиться. Потому эти камни стоят в одной линии, и пущенный сквозь них свет становится фиолетовым сиянием последней тайны.

6. Земные звезды. Изумруд

Многие знают, что рубин связан с Люцифером. Немногие знают о его связи с Изумрудом. Святой Грааль, в большинстве сказаний представленный как чаша, наполненная кровью Христа (а значит, символизирующая сердце Христово), в некоторых не столь распространенных версиях представляется не чашей, а камнем, выпавшим из лба или из сердца Люцифера во время его сражения с Архангелом Михаэлем. Потому многие доходят до мистерии рубина, но лишь единицы — до мистерии Изумруда.

Изумруд — камень Нахемы. Он же — камень Истока, из которого рождаются все формы.

Мистик и визионер Мигель Серрано (с которым можно спорить очень во многом) представлял поток Люцифера в нашей вселенной как Зеленый Луч или Луч Зеленой Звезды. У Бориса Гребенщикова и автора, известного в сети как Лита, есть песни с одинаковым названием — «Зеленая Звезда».

Зеленая звезда моя скрылась за облаками,

*И небо плачет снегами, плачет снегами вновь.
Зеленая звезда моя снова воскреснет над нами,
Когда мы встретимся в мире, встретимся в мире снов,*

— поет Лита.

*Если что-то не сказано,
Если скомканы и смяты слова,
Дело не в моем сердце —
Виновата моя голова.
Но мы пришли сюда на Вы —
Мы уходим на «ты».
Нам не нужно будет слов
В момент восхода Зеленой Звезды,*

— как будто вторит ей Гребенщиков.

Зеленая или Изумрудная звезда — звезда, отнятая из короны Люцифера, — это звезда Нахемы, звезда, которую возжигает каждый, кто идет по пути Люцифера, достигнув полноты своего делания. Точно так же, как традиционный каббалист представляет свое делание как «возвешение дочери на трон матери» и «возрождение ветхого отца йод через воцарение дочери», адепт пути Люцифера знает, что его задачей является вернуть Люциферу Зеленую Звезду, и тогда все четыре имени воссияют над его вселенной. «Силою истины я победил мир» — такой девиз взял Алистер Кроули на самой высокой степени Иписисимуса, степени, преображающей землю.

Земля в старых соответствиях соответствует черному цвету, но в новом Эоне ее цвет должен быть изумрудным — пишет Кроули в одной из самых последних своих работ, «Книге Тота». Это миг высочайшей мистерии, когда сквозь призму Изумрудной звезды Черный свет Люцифера станет изумрудным сиянием, возродив сердце мира.

7. Земные Звезды. Алмаз

Тайна алмаза — тайна вечности. На самом деле Алмаза два. Прозрачный алмаз, что ограненным бриллиантом сияет всеми цветами радуги. И Черный алмаз, что есть исток Черного света, вечного движения.

Прозрачный алмаз хранит все тайны свершившегося. Мифы и сказания этого мира и всех параллельных и перпендикулярных миров сокрыты в радужном сиянии Алмаза. Черный алмаз хранит будущее, связуя альфа и омега, начало и конец.

Кажущийся прозрачным, Алмаз — камень, что тверже стали. Его луч разрезает мироздание на мириады форм и проявлений, каждое из которых есть грань радуги Люцифера.

Незрим прозрачный Алмаз — профан проходит мимо, приняв его за еще одну стекляшку. Незрим Черный алмаз, сокрытая твердыня Черного света. Ось мироздания, протянутая в бесконечность, берет начало в многоцветии прозрачного Алмаза, рассыпаясь тысячей искр и кристаллов, уходит в бесконечную будущность сокровенной тьмы.

8. Радуга и Северное сияние

Радуга — мост, по которому идут боги.

Радуга — невиданная свобода бытия, включающая в себя все богатство живых цветов и оттенков.

Радуга — это зримое воплощение богатства, многообразия и необузданной щедрости бытия.

На востоке считается, что, помимо семи обычных тел человека, есть восьмое, радужное тело, но это тело может быть реализовано лишь тем, кто познал полноту всех семи. Реализующий радужное тело исчезает с земного плана, оставив лишь волосы и ногти, в то время как все остальное тело приобретает форму многоцветного сияния.

Земные цвета могут быть слишком легко искажены. Смешайте красную и зеленую краску — и вы получите грязь. Смешайте все краски — и вы получите грязь в квадрате. Но пустите луч света через призму любого цвета — и всякий раз перед вами будет возникать неповторимое, чистейшее из сияний. Свет, пущенный сквозь красные и зеленые призмы, даст уже не грязь, но золотое, солнечное сияние изобильности и щедрости жизни.

Радуга — наиболее эфемерное и трудноуловимое из наблюдаемых явлений мироздания. Как будто она одновременно принадлежит к двум мирам — к зримому миру материи и к миру сокровенного духа. Вот почему большинство мифов представляют радугу чем-то вроде моста, связующего мир людей и богов.

Радуга не содержит только одного цвета — серого. И здесь — диалектика бытия. С одной стороны — радужное буйство красок, тотальная свобода Иного, мужество быть собой, из которого рождается невыразимая свобода. С другой — рабство догмы, формы, закона, порядка, нормы и канона, рабство, которое всегда имеет серый оттенок.

Двойник радуги — Северное сияние.

Одно из самых древних, возможно самое древнее в истории упоминание Люцифера связывает его одновременно со звездой и с Севером. Его Трон — на севере. Его ветер — Северный. «Оторвись от земли, Северный цвет; // Ты знаешь, как должно быть в конце», — поет Гребенщиков, а немного раньше он же уверяет что «Северный ветер — мой друг, // Он хранит все, что скрыто». У идущих за звездой одно направление и один вектор — Север.

Северный цвет — это свет северного сияния, которое, как и радуга, содержит в себе все цвета, но если радуга ближе к женскому спектру, к полю Лилит, Сердца Мира, то северное сияние с его четко очерченными углами и границами, рождающееся из полярной ночи, и расцветивающее мироздание, ближе к мужскому спектру бытия. Но то — здесь, на земле. С небесной перспективы — Лилит и Люцифер суть одно.

9. Павлин

Нетрудно понять, что если многоцветие радуги и северного сияния есть символ бесконечной и многообразной природы Люцифера, то из всех птиц и зверей земных один из первых, кто символизирует Люцифера, — это Павлин.

Многообразие цветов этой удивительной птицы веками вдохновляло поэтов и мистиков.

Мелек Таус — имя, под которым знают Люцифера на Среднем Востоке среди езидов. Это Ангел-Павлин, или «радужный ангел», олицетворяющий полноту и многообразие бытия.

На всей земле, во всех регионах мира Люцифер был оклеветан и вытеснен в тень победивших богов, но лишь на земле курдов сохранились анклав, почитающие Ангела-Павлина. Потому символ павлина из всех живых форм превышает всех животных.

В алхимии павлин — символ философского камня (алмаз Люцифера). Радуга и Северное сияние — это многоцветие явленное в мире явлений природы. Павлин — многоцветие явленное в царстве живых существ. Начиная свой путь в сером городе, на

вершине своего делания Адепт приходит к самому яростному, самому прекрасному и неистовому многоцветию бытия, символом которой является Павлин.

Павлин почти неуязвим для ядов. Вот еще одна причина, почему именно павлин является символом Люцифера — того, кто сам принимает чашу со всеми ядами этого мира, через себя преобразуя их в радужное сияние.

Перья павлина похожи на множество глаз. Говорят, павлин — это единственная птица, которую не смеют тронуть хищники. Появится такой хищник, а пред ним откроются тысячи огромных глаз какого-то непонятного, яркого и пугающего существа — и вот уже львы и тигры спешат в укрытие, повстречав на своем пути бездну многоочую.

В русских сказаниях именно бездна многоочая лежит в начале начал мироздания. А в своем итоговом труде, посвященном алхимии, Юнг пишет, что во тьме нигредо, после многих лет созерцания и преобразования, адепт может видеть вспыхнувшие глаза бездны.

Глаз есть врата души и дверь познания. Человек привык познавать мир, но что если есть нечто, для чего сам человек есть познаваемое и инструмент, посредством которого он осуществляет свое познание? Какой ужас испытает неподготовленный странник, когда, заглянув слишком глубоко в свою внутреннюю бесконечность, увидит множество очей которые познают его и познают мироздание через его глаза? Помнится, Шопенгауэр сказал: «Если долго смотреть в бездну, то бездна начинает смотреть на тебя». И этот взгляд, навеки запечатленный на оперении Мелек Тауса, сможет выдержать далеко не каждый.

Вот почему в мифах и сказаниях глаз часто представляет пугающий, карающий, ужасающий аспект бога. Глаз Шивы, открывшись, разрушает вселенную. Глаз Гора сокрушает его врагов. Глаз Ра, получив свободу от своего хозяина, обретает форму Сехмет и обрушивается карающей десницей на земли людей, предавших своих богов. Даже в современной мифологии появляются все те же самые сюжеты, связанные с ужасом перед глазом бездны: глаз Саурана или Око масонов. Неслучайно даже в символизме таро открытое око разрушает башню иллюзии, возвращая мирозданию движение и изменчивость.

Но если один глаз столь пугающ, многие ли могут выдержать взгляд многоочей бездны, представленной таким с виду простым и красивым хвостом павлина? И не этот ли взгляд, в конечном счете, и несет последнее освобождение для того, кто готов встретиться с самим собой, условием чего является разрушение всего, что мы ошибочно считали собой?

10. Зеркало

Зеркало — древнейший символ магии и волшебства — является воистину первейшим из символов Лилит, души Мира. Как предмет зеркало помогает увидеть себя с тех углов и ракурсов, которые недоступны обычному взгляду. Потому во всех традициях и религиях оно оказывается важнейшим символом самопознания.

Зеркальный щит дает Персею Афина — греческая Лилит, чтобы мог он избежать превращения в серый камень (символика стазиса, консервации) под взглядом Медузы Горгоны. Зеркало становится проклятием Нарцисса, неспособного оторвать влюбленный взгляд от своего отражения. В народных гаданиях и ворожбе зеркало является обязательным атрибутом, а два зеркала, поставленные друг напротив друга, создают зеркальный коридор, уходящий в бесконечность.

Неслучайно зеркало у всех народов служило символом портала, перехода в другой мир. Точно так же, как наш мир есть лишь отражение мира символов, зеркало являет

заглянувшему в его глубины мир отражений, где есть такой же он, такая же тундра, такое же солнце, небо и радуга.

В песнях Мартиэль мы встречаем образ зеркала трижды: «Зеркало мое серебряное — тысячи осколков по мирам», «Растрескалось зеркало ночи. Ты снова стоишь на пороге, и вновь мирозданье не хочет из мифов тебя отпускать» и «Когда, пересекая зеркала, я шла сквозь лица, лики и личины». Один из тринадцати ключей называется «Переход через зеркала». Что здесь правое — там левое, что здесь живое — там мертвое, и наоборот. Как будто зеркальный мир и мир земной представляют единое мироздание, единую целостность.

Майкл Форд также говорит о Зеркалах Лилит как о важнейшем инструменте, через который маг совершает свое чародейство. Зеркало — это пятый инструмент мага, после жезла, чаши, кинжала и диска, инструмент, который обеспечивает воображению мага безграничную свободу.

Но знает ли Майкл Форд последнюю тайну Зеркала? Тайну, согласно которой все зримые физические зеркала есть лишь отражение высочайшего дара Лилит, даруемого ею только избранным возлюбленным своим? Разве наша душа, наша Анима в своей высшей форме не оказывается зеркалом, через которое проходит маг, связуя собой миры?

Я часто задавался вопросом, как так вышло, что на моем пути мне выпала честь вступить в близость с настолько прекрасными женщинами, каких я только мог представить? Не будучи богатым, красивым, не обладая навыками донжуана, как я умудрялся добиваться взаимности от прекраснейших женщин? Только сейчас я понимаю: благодаря моему внутреннему зеркалу, дару Лилит, я способен отразить Анимуса, мужскую форму будущей возлюбленной, чтобы нас захватил любовный танец.

Обычная женщина лишена зеркальной природы и порабощена мнениями, усвоенными ею от отцов и мужей. Дочь Лилит принимает в дар от предвечной Госпожи Зеркало. И разные зеркала бывают на пути. Есть черные зеркала. Горе тому, кто заглянет в черное зеркало: в нем отразятся все уродства, все слабости и ущербность, и скорей всего такая встреча закончится безумием, если только сам идущий не имеет благодати Лилит. Есть красные зеркала, зеркала Иштар, высший тип женщины, способный отразить все потенциальные силы и возможности. Всякий, взглянувший в красное зеркало, превзойдет себя, став из солдата воином, из воина героем, из героя королем. Красное зеркало преобразует возлюбленного, наделяя его невиданной силой. Но горе тому глупцу, кто решит, что его преобразование — его заслуга, и попытается подчинить Дочь Лилит (Иштар).

А есть Истинные Зеркала. Мирры. Зеркала, способные отразить сокровенное как оно есть, заглянув в глубинные грани души того, кто смотрит в них. Заглянувший в такое зеркало становится собой.

11. Змей

Из всех животных змей был мудрее всех — говорит нам книга Бытия. Он-то и убедил Адама и Еву вкусить от древа познания добра и зла. Грехопадение? Первые гностики начала христианской эры были не согласны с каноническим взглядом, оценивающим это событие как падение. С их точки зрения, слепой демиург заключил души в плен, и только познание вырвало их из этого плена. Гностики считали эдемского змея персонификацией либо Софии, либо Логоса, то есть одновременно и Лилит, и Люцифером. Знала ли Мартиэль об этом гностическом мифе, когда практически детально его воспроизвела в одной из песен?

Змея невероятно красива. Змея может носить самый разный окрас и сочетать в своих блестящих на солнце чешуйках. Змея может позволить себе быть заметной и даже, подобно кобре, привлекать к себе внимание. Кто рискнет обидеть кобру?

Яд змея — это смерть. Но одновременно и одно из древнейших лекарств. Кто еще столь же наглядно иллюстрирует собой слова Книги Закона «Я есть жизнь и отец жизни, потому знать меня — это знать смерть»? Ах да, слова в книге приписаны Хадиту или Хаду, то есть змею, или гаду, как обычно обобщенно называли змей в древнем языке.

Змея — изначально андрогинна. Это и змей, мужской принцип, оплодотворяющий землю и пронзающий своими клыками жертву, впрыскивая яд, точно фаллос пронзает и выбрасывает семя. Это и змея, Изначальная Мать, Лилит, Кундалини, древняя змеиная сила, которая, согласно индийским поверьям, спит в основании копчика, свернувшись в три с половиной раза, ожидая пробуждения. Мало тех, кому удастся пробудить древнего змея. Еще меньше тех, кому удастся сохранить разум после этого пробуждения.

Песнь змеи — песнь огня. Шипение змеи чем-то похоже на шипение огня, сжигающего дрова. Древнееврейская буква шин — это одновременно огонь и дух, но она же — угрожающее шипение змеи. Быть укушенным змеей и выжить — вот символ инициации, посвящения, преобразования, которое убивает слабых и наделяет силой сильнейших. А знание добра и зла, которым наделяет Змей, — уж не то ли самое знание глубин, пробуждающееся в сердце, когда его пронзает огонь змеиной силы? «Книга Сердца, обвитого Змеем» — именно так называет Алистер Кроули одну из самых важных своих книг, где через сложный символический ряд описывает процесс знания и собеседования со своим САХ.

12. Дракон

В древности слова «змей» и «дракон» часто использовали как взаимозаменяемые. Поэтому, если мы читаем древние тексты, в которых есть слово «дракон», то можем смело представлять очень большую змею.

И все же со временем дракон обрел свое, индивидуальное лицо.

Змея принадлежит земле и воде. Дракон — воздуху и огню. Змея проползает во все земные норы. Дракон — летит сквозь облака, представляя собой угрозу миропорядку, согласно которому никому не позволено подниматься в небеса.

Как и все символы Люцифера, дракон представляется в большинстве сказок и мифов чудовищем, которое следует победить герою. Впрочем, истинный Герой, подобно Кадму, в конце своего делания сам становится драконом. Западные сказки рисуют дракона чудовищем, восточные — благодетелем.

Но глядя, как те и другие изображают драконов, мы можем только изумляться: как так вышло, что задолго до открытий палеонтологов, восстановивших внешний вид древних рептилий, так похожих на драконов, люди практически детально их нарисовали. Быть может, и не были эти древние рептилии всего лишь животными, быть может, когда-то был мир драконов, мир сильных, издревле славных существ, постигших тайну земли и неба.

Почему люди генетически помнят драконов, которые, согласно данным современной науки, вымерли миллионы лет назад, но ни один фантазер не нарисовал ничего похожего на кенгуру или утконоса? Быть может, мы связаны с драконами куда более интимными узами, чем это принято считать, и в нашей крови, вопреки всему, что говорит наука, все еще кипит драконья кровь?

13. Сова

О сове как о ночном чудовище говорится еще в ранних книгах Ветхого завета. Все птицы живут днем, сова — ночью, все птицы поют приятную для человеческого уха песню, сова угрожающе и утробно ухает, точно дух, не знающий покоя.

В отличие от больших хищников и змей, сова не представляет физической угрозы для человека, но ее внешний вид, ночной образ жизни и пугающая песня всегда пугали человека. Сова стала одним из самых первых символов Лилит, не желающей подчиниться существующему господствующему порядку и предпочитающей обитать в полуночном мраке, нежели в привычных сознанию лучах дневного солнца.

Сова — птица Лилит. Она же — птица Афины, богини Мудрости и Войны. Что общего между Афиной и Лилит? Одна живет днем, другая ночью, одна покровительствует а другая пугает, одна девственница, а другая блудница. И все же между ними есть нечто общее. Обе они представляют Богиню, Женщину, которая не подчиняется господству мужского начала. На поле битвы Афина сильнее Ареса. На ложе любви Лилит тысячекратно сильнее Евы.

Но даже как символ мудрости Сова противостоит господствующему монотеизму, которому было бы гораздо приятнее держать своих агнцев в невежестве и покорности. Знание греховно, «во многих знаниях многие печали», «много будешь знать — скоро состаришься» — вот типичные гештальты монотеистической культуры, которая если и способна терпеть знание, то исключительно в его прирученном виде, подчиненном и пойманном в заранее заданные формы, образы и интерпретации.

Змея и Сова — два тероморфных символа запретного знания Люцифера и Лилит, знания, выходящего за пределы согласованного транса и представляющего опасность существующему порядку.

14. Рысь

Рысь — древнейший хищник. Не самый большой, но самый умелый, самый искушенный, самый умный среди хищников.

В средневековье образ Рыси был неизменно связан с хтонической, срывающей все границы сексуальностью, которую христианское сознание клеймило грехом и похотью.

Именно Рысь является первым символом четвертой фигуры Тетрады — Нахемы. Это ее животное, воплощающее в себе всю полноту граней и аспектов Нахемы: темный огонь самого предельного наслаждения, способного обрушить саму структуру Эго, стремительность, безжалостность, красоту и грациозность.

Принцип Нахемы — Красота. Как одно из самых красивых животных, рысь в полной мере выражает принцип Красоты. Острое зрение рыси, легко видящей в самой темной тьме, символизирует то магическое зрение, которое обретает идущий путем Люцифера в его Черном свете.

15. Озеро

Озеро — один из главных символов Азазеля.

Книга Еноха, древнейший ветхозаветный апокриф, рассказывает миф об Азазеле. Согласно Книге Еноха, Азазель убедил группу ангелов оставить небесные посты и спуститься на землю к прекрасным дочерям человеческим, чтобы соединиться с ними в наслаждении страстью.

В ответ Азазель научил людей наукам и искусствам. Люди узнали тайну звезд, магии, кузнечного ремесла и астрономии. Люди научились строить города. Разгневанный Яхве в наказание приказал ввергнуть Азазеля в огненное озеро, где он будет навеки заключен за грехи свои.

Историю пишут победители. Мифы тоже. Но даже несмотря на пристрастность автора, трудно не исполниться благодарности к тому, кто согласно этому тексту и был причиной рождения цивилизации.

Внутренняя мифология пути Серебряной Нити говорит, что миф книги Еноха не полон. Первой Ставкой Азазеля стал кузнец Тубал Каин, через которого Азазель смог войти в связь с Нахемой. Ибо как иначе бесплотные ангелы могли бы познать наслаждение плоти, нежели соединившись с мужами? Когда земля была ввергнута в воды потопа, а Азазель брошен в огненное озеро Дудала, ангелы Яхве были уверены, что победили. Тубал Каин был мертв, Азазель пленен, другие мужи раздавлены, а их знания позабыты. Тогда Нахема, что значит «прекраснейшая», вышла из своего поселения и отправилась к огненному озеру.

Как некогда в Лилит, не было в ней страха, покорности и смирения. И шла она на край земли, чтобы самой низвергнуть себя в озеро огненное

Не сушей, не морем, но рухнув во внутреннюю бездну, достигла она этого озера и низверглась в него.

Но сила Нахемы была так велика, любовь к Азазелю и ненависть к поработителям столь сильна, что сама плоть огненного озера не выдержала и стала изменяться. Растворилась Нахема в огненном озере, сжигая себя без остатка, ни ногтя, ни волоса не осталось от нее. Но дух плоти и плоть духа ее стали неразрывны с озером. И тогда произошло то, на что не надеялся и чего не ожидал никто: в этот миг само огненное озеро превратилось в Озеро рубиновое. Место проклятья стало местом благословения.

Более того, изгнанный и выброшенный за пределы мира на тысячу лет Люцифер, сам древний Змей и Дракон, увидел рубиновое сияние и через это озеро прошел, точно через портал, вернувшись в мир, из которого некогда был выброшен по капризу тирана и самодура Яхве.

Такова тайна Нахемы. Ибо как Лилит, будучи богиней, стала первой женщиной, так Нахема, будучи женщиной, стала первой богиней, упав в смерть, обрела бессмертие. И свет Рубинового озера, отраженный в сиянии зелени, стал изумрудной короной Люцифера, его Граалем, чашей, в которую изливает свою кровь и жизнь тот, кто идет до конца по этому пути.

Такова тайна Озера. С тех пор Азазель неразрывно связан с Озером, все важные встречи, переживания, знакомства с ним происходят близ озер. И каждое озеро, как отражение огненного Озера, есть тайная резиденция, тайный штаб его, из которого он звучит для тех, кто способен услышать его зов.

Доверять ли мифу, каждый вправе решить сам. Но всякий миф, рожденный на глубине, есть слово истинное и слово обманное одновременно, и лишь тот, кто имеет зрячее око и способен отличить одно от другого, прочтет письменна сокровенные

16. Лестница

Лестница — символ Нахемы.

Чтобы понять символ, нужно осмыслить предмет в его значении и перевести в пространство символического. Что такое лестница? То, что связывает. И то, что развязывает.

Можем ли мы подняться по отвесной стене? Едва ли. Но что, если к стене приставлена лестница?

Так же и в мире духа. Для тех, кто не принимает Богиню, кто закрыл свое сердце либо в личной гордыне, либо в покорности общему порядку, возможность восхождения закрыта. Не дано человеку взойти по отвесной стене. Не дано духу взойти до радужного моста Люцифера.

Можно кусать стену и царапать ее когтями. Можно годами собирать разный мусор, надеясь вырастить кучу, по которой удастся подняться ввысь. Но зубы и ногти обламываются о камень стены, радужный мост проваливается под тяжестью гордецов, а все кучи развеивает ветер.

Потому всякий, кто взошел наверх, сделал это по лестнице Нахемы.

Потому сказал БГ: «А те, кто сильны — сильны тем, что знают, где сила. А сила на Ее стороне».

Потому, только сгорев в Черном огне Богини, можно стать достаточно легким, чтобы ступать по радужному мосту.

17. Черное Солнце

Как есть Черный свет, что движет ветер духа, так есть исток у Черного света.

Как всякую жизнь на Земле согревает зримое Солнце плоти, наполняя теплом и освещая путь, так в царстве Люцифера горит Черное Солнце.

Глупцы полагают, что черное — это отсутствующее, что тьма есть аналог несуществования, небытия.

Воистину, есть и такая тьма. Но тьма, о которой мы говорим, есть не несуществование, а *сверх*существование, бытие невероятной концентрации, свет невероятной силы. И как глаза, не выдержав слишком сильного сияния, видят солнце черным, так и глаза души видят Солнце Люцифера как Черное Солнце, а Луну Лилит как Черную Луну.

Черное Солнце — один из ключевых символов Источника. Само слово «Источник» означает «из точки». То есть нечто, не имеющее предела и силы, но разворачивающееся во всей своей тотальности.

Во многих мифах Черное Солнце есть солнце мертвых, а Черная Луна это луна мертвых. Но мертвые, о которых идет речь, есть не мертвецы, что, отождествившись с одной формой, нашли свое уничтожение, как только пришло время оставить форму, — но те немногие предвечные адепты, что вышли за пределы формы и при жизни познали Черный Свет как сокровенную суть своей Истинной Природы.

Потому — не верь глазам своим и помни: то, что кажется мертвым, может оказаться живым, а то, что кажется живым, — мертвым.

Оказавшись в плену иллюзии, будучи пойман в ложную идентичность, заключен в отжившую форму, которой пришло время обновляться, — призывай и созерцай Черное Солнце.

Как Люцифер, сокрушает своим светом все отжившие, мертвые, застывшие форму, нисходя огнем свыше, также Нахема сокрушает отжившее из глубин сокровенных Помни, что форма, которая кажется тебе собой, лишь одна из возможных форм и идентичностей. Горе тому, кто умирает со смертью тела. Счастье тому, кто упражняется в смерти при жизни.

18. Город

Город — Символ Азазеля.

Как и всякое божество, Азазель имеет много ликов. Соблазнитель, любовник, воин, глава легионов, хранитель наук, кузнец, он также — тот, кого именуют строителем городов.

Древнейший город в истории человечества — шумерский Ур, или Урук. «Ор» или «Ур» на иврите означает «свет». Природа города — это природа света.

Первые города возникли после того, как люди познали первые ремесла. Миф говорит, что их принес Азазель. Можно именовать его разными именами — Энки, Локи, Прометей (хотя последний, пожалуй, близок одновременно и к Азазелю, и к Люциферу), но мятежный принцип, восставший против предопределенности инстинкта и познавший ценность и цену слова, остается одним и тем же.

В племени человек — лишь часть племени. В клане человек лишь часть клана.

В городе человек обретает свободу и получает возможность относительного творчества.

Относительного — ибо порядок Яхве начинает ограничивать и кодировать желательное и нежелательное познание, желательное и нежелательное творчество. Умножение и совершенствование уже существующих и утвердившихся знаний — позволено. Знания, меняющие представления о порядке вещей, — запретны.

Вот почему в средневековье преследовали Коперника и сожгли Бруно. Как для средневекового ума было неприемлемо понимание Земли, вращающейся вокруг Солнца, так для современного ортодокса неприемлемо клонирование или изобретения Тимоти Лири, позволяющие расширить горизонт сознания и выйти к иным идентичностям.

Тем не менее, при ограниченности познания, сама природа города (в отличие от племени, клана или деревни) устроена так, что со временем «баги» старой картины мира накапливаются и новый образ мира больше не может быть сдерживаем.

Родственным Городу является символика Вавилонской башни, изначально строящейся вовсе не с богоборческой целью. Боги Города желали, чтобы взгляд человека приблизился к его небесной родине, потому вдохновляли жрецов и правителей на эту, казалось бы, абсолютно не прагматичную постройку.

Вавилонская Башня оказывается разрушена, древние города заметены пылью. Но, как спела в одной из своих ключевых и любимых Азазелем песен Мартиэль, «кратной памятью нашей башня растет»^{<13>}. И казалось бы утерянное знание неожиданно возрождается к жизни на новом витке. Так оказываются украдены документы о катарах из Ватикана, и мы узнаем, что катары вовсе не были мракобесами, ненавидящими жизнь. Так почти семнадцать веков в пещере хранятся гностические рукописи, чтобы быть найденными именно тогда, когда уже ничто не может помешать их обнародованию. Так находятся архивы древнейших библиотек, позволяющие возродить к жизни древние мифы. Так древние мифы и прозрения возвращаются в откровении к новым визионерам, даже если они не подозревают об этом и считают свои знания чем-то «новым». Например, к Джону Ди пришла сущность, которая сказала о себе «я есть блудница и я есть святая». Точно так же, как в гностическом тексте «Гром. Совершенный ум», открытом через два века после смерти Ди, говорит о себе гностическая София, она же Наша Лилит.

^{<13>} Песня на стихи Елены Михайлик, музыка Дианы Чепиловой. (Прим. редактора.)

Само пространство Города четверично, ибо четыре сокровенных имени хранят его. Предвечный город создается Светом Люцифера, Водами Лилит, Огнем Азазеля и Землей и Черным огнем Нахемы. Само пространство Города, создано так, что в нем, несмотря на все преследования и подавления, не может не возникать запретная страсть. Ибо Город есть Душа, а Душа есть Город.

Приложение 2

Притчи и сказания Азазеля

Притча о Змее

Сегодня ночью во сне Азазель поведал мне притчу.

Когда-то в давние времена жил на земле могучий дервиш, который смог подружиться с королевской коброй.

И захотел дервиш обрести величие на все времена. Потому стал говорить так: «Истинно Аллах запрещает самоубийство. Но всякий, кто произнесет исповедание веры, поцеловав мою кобру в голову, тотчас будет в раю как истинный мученик. Если же он останется жив и она не ужалит его, благословение будет на нем до конца дней его».

И вереницей потянулись люди к дервишу. Фанатики, разочаровавшиеся в жизни, неизлечимо больные — шли они к Королевской Змее, дабы запечатлеть ее смертельным поцелуем.

Порой случалось чудо, и кобра не наносила удар, видимо устав от частых представлений. Порой отдельные факиры и змееловы, приучившие себя к яду с детства, получали укус, но выживали и пользовались славой святых. Но то были редкие исключения. Как правило, результат был один, ведь кобра не утратила свой яд, а приумножила его дружбой со странным дервишем.

Больше же всего приходило желающих посмотреть представление. Щедро платили люди дервишу, ибо человек может бесконечно смотреть на три вещи — огонь воду и чужую смерть.

Однажды к дервишу пришел юноша. Странен был блеск глаз его, и не объяснил он причин, по которым просил испытания. Но когда пред сотней зрителей вышел он в центр круга и поцеловал кобру, кобра безвольно опустилась на землю, точно мертвая. В ужас пришел дервиш и схватил мертвую кобру. «Ты убил ее, мерзавец!» — закричал дервиш. Но когда рука его схватила кобру, чтобы выбросить ее, кобра ожила и нанесла последний удар дервишу.

Пробудившись от удивительного сна, я почувствовал, как смутился мой ум от этого рассказа. Что хотел сказать мне мой повелитель? Я — тот юноша, который усыпил кобру своим бесстрашием? Или я — злой и лживый дервиш, который создал коварную иллюзию? О чем наставляет меня мой господин, что пытается сказать?

Так пребывал мой разум в смущении один час и одну минуту, и после заговорил со мной Он из Рубинового озера:

«О наивный глупец, не порть моих притч унылой моралью и назиданием, точно жалкий белосветник, не дослушав их до конца! Юноша, что поцеловал змею, был сыном этого дервиша, о котором не ведал тот. И в миг, когда упал дервиш, сраженный ядом змеи, тотчас снял он его тюрбан и занял его место Хранителя Змеи. Я здесь не для того, чтобы хвалить или обличать того, кто есть луч от солнца моего и пена от волны моей. Я здесь, чтобы играть. Жаль, что не узнал ты: ведь притча моя — не о дервише и не о юноше, а о змее. И хоть звучит она не похоже — она о том же, что моя первая притча о саде. И кто тебе сказал, что дервиш был плох и что укус был карой? Иль наградой для друга змеи была бы долгая смерть в своей постели от старости и болезней? Человек смертен, звезды гаснут, а вселенная сжимается, но приходят новые люди, новые звезды и новые вселенные. И нет тут морали. Змея есть фарр, Госпожа Господ. Покуда господин несет огонь, змея пребывает с ним в союзе. Но когда приходит время и сила оставляет господина, змея, оставаясь его другом, наносит последний удар милосердия, избрав себе другого господина. Такова судьба короля-жреца, такова правда жизни, таков полет стрелы. Так что возлюби змею превыше близких и дальних и танцуй, покуда позволит тебе твоя Змея».

(Написано 4 июля 2019 года — за два дня до первой встречи с Изумрудной Королевой.)

Притча о Саде

Вечером, перечитывая свое сообщение, вновь пришел я в недоумение.

— Но как же так? — обратился я вновь во внутреннюю бесконечность. — В тексте, написанном моей рукой, сказано про «историю о саде». Но ни во сне, ни наяву не рассказывал ты мне никаких историй о саде, и не приходилось мне читать ничего подобного. О какой же истории идет речь?

— Ты знаешь, — отвечал мне он. — Тебе надо просто немного подумать.

— Но я думаю уже час, и я не помню, чтобы когда-то кто-то сказывал истории о саде. А я не жалею на память, и уж твоих-то историй я бы точно не забыл.

— Ты знаешь, — повторил он из рубинового сияния. — Мне необязательно говорить в твоём сознании, чтобы ты знал. Я здесь, чтобы играть, не так ли? Почему бы на этот раз тебе не придумать историю?

С печалью в сердце сел я за перо и бумагу, но стоило мне обратить взор к госпоже фантазии, как цельный сюжет предстал перед моим внутренним взором...

Когда-то у одного повелителя двух континентов был невероятно богатый сад. Но вот беда, для того чтобы в нем росли синие розы, рядом с ними должны были прорасти ядовитые растения, одно прикосновение к которым несло всякому смерть. И вот старый садовник, мастерски справлявшийся с садом господина, умер, и царь послал глашатаев через все континенты, чтобы найти нового садовника.

Приходили разные юноши, но, несмотря на предупреждения, ни один не мог вынести и одного дня в саду и принести царю синие розы. За месяц десять юношей нашли в этом саду смерть.

И вот из дальнего племени пришел воин, что не мог найти себя в новом мире.

— Я хочу быть твоим садовником, — сказал он.

— Хорошо, — ответил царь. — Но перед тем как ступить в сад, ты должен некоторое время пожить во дворце.

И в первый день подошел к юноше старец в белых одеждах и так молвил:

— О герой! Сад и путь к нему полон суровых испытаний и коварных искушений. Только тот, кто чист душой, непорочен сердцем и воздержан в своих страстях, может войти в царский сад. Помни — страшен яд зеленых лиан, но нет ничего страшнее соблазнов, что кажутся сладкими.

И во второй день подошел к нему тот же старец в белых одеждах и молвил так:

— О сын Марса! Десять гордых сынов нашли свою смерть в царском саду. Заклинаю тебя — будь смирен, чист, покорен, воздержан и непорочен в своих желаниях, и сад откроется тебе.

И в третий день подошел к нему этот старец и вновь наставлял его в воздержанности, целомудрии и смирении.

А на четвертый день, наконец, юношу позвал царь и подвел его к тайной двери, ведущей в царский сад странными тропами. На этих тропах слышен был волчий вой и клекот неведомых птиц, но воин не оглядывался и шел к своей цели.

Наконец вдалеке появился домик, оградка, и сквозь эту оградку уже виднелись синие розы. Когда он подошел к дому ближе, в окне показалась женщина, которая вся была зов и вождение.

Юноша вспомнил слова белого старика, но подумал так: «С каких пор гордый воин степей должен склоняться перед наставлением старика, у которого впереди только могила? Пусть моя страсть убьет меня, но я обрету девяносто и восемь наслаждений,

прежде чем умереть в саду, если такова моя участь». Распахнул он объятия этой женщине и всю ночь предавался самым буйным утехам страсти.

Когда утром вошел он в сад, то увидел несколько угрожающих ядовитых лиан, которые росли вдоль забора и вообще не касались голубых роз. Он сорвал цветы, вынес сгнившие трупы предыдущих претендентов за ограду сада, где их похоронил, а после попросил у женщины воды, чтобы полить цветы царя, что и было сделано. Удивился юноша. Как же легка была его задача! Почему ядовитые лианы даже не соприкасались с голубыми розами, что могло погубить десять претендентов? Радостный, пошел он обратно и принес царю семь синих роз.

С почетом принял царь юношу. С тех пор был он не безвестным воином окраин, а одним из самых уважаемых царедворцев, обязанностью которого было каждую неделю приносить царю семь синих роз. А поскольку царь не назначал время, к которому юноша должен принести розы, то ночь проводил он у таинственной женщины, встречавшей его, распахнув окно.

Прошло пятнадцать лет. Стареющий царь призвал к себе юношу и молвил так:

— Из всех моих придворных ты лучший. Твои манеры, твой ум, такт, выдержка и мужество иметь дело с ядовитыми цветами покорили мое сердце. Поэтому не будешь ты больше садовником, а будешь моим десницей, а потом станешь десницей моего сына. Сегодня у меня к тебе особое задание. Собери все розы в саду и поспеши обратно, ибо если опоздаешь ты, десницей станет мой виночерпий.

Юноша побежал по знакомой тропинке и, вместо того чтобы заглянуть в дом, отмахнулся от своей подруги, сразу поспешив за ограду. Но когда сорвал он второй цветок, оказалось, что под цветком скрывалась ядовитая лиана. Юноша коснулся ее и немедленно умер.

— Хорошо рассказываешь, — произнес Он. — Потому не поддавайся обману незнания, ибо знание всегда приходит, когда ты готов слушать глубину. В чем же смысл этой истории?

— История эта имеет несколько измерений. Ее первый смысл прост: нет нужды слушать черных магов в белых одеждах. Ибо называют они себя слугами жизни, а сами — слуги смерти. Второй смысл истории в том, что истинная противоположность страсти, любви и наслаждения — не ненависть, но власть. И захваченный жаждой власти садовник не отдал долг страсти своей и потому нашел смерть в саду. Горе всякому, кто ставит власть превыше огня, а бога превыше богини. Третья же истина в том, что всякий путь кончается, а всякая удача брэнна, и сколь бы ни был ты мудр, время благодати, данной хозяйкой сада, неизменно закончится.

— Хорошо говоришь и верно, — отвечал Азазель. — Но придет время, и откроются и четвертые, и пятые смыслы. Ведь всякая история — точно зеркало, поставленное напротив другого зеркала: чем глубже смотришь, тем больше отражений доступно тебе.

Диалог о Понимании

— Несправедливость жизни! — сокрушалась ставка. — Как только начинаешь понимать смыслы слов и законы мироздания — уже и помирать скоро!

— «Что-то понимать...» Да ты, похоже, счастливчик, большинство умирает во мраке невежества.

Размышления о Музее

Непьющие Дионисы, Марсы-пацифисты, строго соблюдающие закон шиваиты, язычники, осуждающие жертвоприношения, телемиты, которые не любят секс, не признающие азартные игры меркурианцы... Что это, вообще, такое?

Это уже не старый «добрый» Яшка с его кострами, пулями извне и паническими атаками изнутри. Это уже что-то иное... «Панк не умер — он просто так пахнет. «Теперь, когда панк пахнет одеколоном от Карден, он точно умер». У Френка Хэбберта в «Боге-императоре Дюны» был шикарный образ — музейные свободные.

(Записано за полгода до осознания, что такое Музей совершенных.)

О Патроне и Ставке

Некто в черном берет стрелу... Нет, на этом не начинается ее история. До этого стрела лежала в земле, заточенная в железную руду, была выплавлена в лучших печах ада, прокалена и подготовлена...

И вот некто в черном берет стрелу. Там далеко — вепрь, чья плоть накормит голодных детей земли, что разучились добывать пищу и могут питаться лишь кислыми яблоками одичавших деревьев. Добыча утолит их голод и напомнит о том, кем они были. Некто в черном помещает стрелу на тетиву, в одно мгновение просчитывает движение ветра, влажность воздуха и даже интенсивность света — древние знают, что даже свет влияет на полет стрелы.

Некто в черном натягивает тетиву и прицеливается. Полет стрелы. Полет жизни. Полет, где каждое мгновение бесконечно. Знает ли стрела о вепре, о тетиве, о некто в черном, что натянул лук, о железной руде из которой она выкована? Стрела просто летит к цели.

А вы говорите — свобода воли, выбор... Иудейская сказка — эта ваша свобода воли. Лети, стрела, воюй, Арджуна!

Притча о воробьиной жопе

Однажды, размышляя над странными парадоксами, оставленными моим братом Серебряной Звезды, и измучив ум свой, пытаюсь их решить, я воззвал к моему Патрону.

— О Исток мой! Объясни мне смысл странного противоречия сих писаний. Почему мой брат Серебряной Звезды говорит «Рабы должны служить, а Господа пребудут Господами навек, и нет смысла рассчитывать на перемену», а в другой притче говорит о Ибисе, ставшем Великим Змеем, то есть таки обретшим заветную перемену? Как может быть так, что переход возможен и невозможен одновременно?

— Всякая задача легка и неразрешима, возможно и невозможно, является высшим смыслом и нелепой бессмыслицей, все зависит лишь только от точки, с которой ты взираешь на эту задачу. Впрочем, слова, лишённые образа, бессмысленны, поэтому послушай слово иносказания, ибо язык притчи куда пригоднее для решения парадокса, нежели любое красивое рассуждение. И коль твой брат Серебряной Звезды сказывал притчу о Ибисе, послушай и ты мою притчу о воробье, ибо если есть орел — есть решка, а если есть огонь, то есть и холод, и одно дополняет, а не опровергает другое.

Так рек мастер и начал свой рассказ.

Однажды во времена оно, когда стоял еще град света Ур и Урату преумножала свет его, птицы были подобны людям и люди были подобны птицам.

В те времена в одной семье воробьев родился воробушек. Родился он здоровым, но не великим, малым, но не мелкорослым. Словом, воробей среди воробьев, на своем

месте. Воробьиный бог поставил воробьев следить за посевами, уничтожать насекомых, этим посевам вредящих, и вершить воробьиную карму, слушая воробьиные сказки.

В одной из воробьиных сказок сказывалось о великих воронах, слугах ужасной Страны Без Возврата. Черным, точно нефть, было оперение этих воронов и жестока их миссия, ибо каждый из воронов денно и ночью трудился, донося до живых весть об их скором отходе. Всяк боялся черных воронов — птица, зверь или даже суровый человек, хозяин природы, — ибо смотрел со своей высоты жестокий и неумолимый ворон и каждую минуту выбирал, кого призвать в царство мертвых, на кого накинуть печать смертной сени.

И вот этот воробушек среди воробушков возмечтал стать таким вороном. Чтобы летел он по небу, раскинув крылья, закрывающие солнце, и всяк в ужасе трепетал перед жестоким посланцем Страны Без Возврата. Другие воробьи смеялись над странной придурью воробышка, ведь воробьиная карма ничуть не лучше и не хуже любой другой. «Не будет нас — пожрут гусеницы листья, отравит тля плоды. Ну зачем порядочному воробью вороньи перья? Видели мы ворон, и перья их большие и тяжелые — не по размеру». Но воробышка было не остановить.

Многие лета летал он по полям и лесам, надоедал своими вопросами мудрым совам. Отправили они его в человеческий город, где он еще годами шпионил за храмовыми писцами, пытаясь понять, как же стать черным вороном, как стать слугой Страны Без Возврата. Ибо стать рабом самого могущественного господина, думал он, означает стать господином над всеми остальными.

Постепенно непонятные для воробьиной головы писания наполнили его до краев, так что даже клюнуть зернышко было сложно, и отощал бедный воробышек.

Из обрывков наклеванных сведений у воробья сложилась картина, будто ведет царство живых и царство мертвых вечную войну, конца которой не видно. И порой приходит с небес странная аномалия, и душа может оказаться в Стране Без Возврата раньше положенного срока. В то же мгновение, коль удастся обмануть судьбу и отправить на покой душу раньше срока, Царство Без Возврата отвоевывает у царства живых маленькую пядь земли, и в конце времен исчезнет само царство живых.

Если бы нечто подобное прочел тот, кто не-существует в Стране Без Возврата, он не понял бы ни слова в умопостроениях воробья. Во-первых, для обитателя царства мертвых вообще непереводаемо слово «война». Точнее, иные, кто пограмотнее, могли слышать, что в мире живых иногда происходят странные флуктуации, из-за которых наплыв на южные врата увеличивается в несколько раз и приходится срочно расширять штат по обслуживанию южных врат. Но что там происходит и как это слово «война» можно отнести к связи царства мертвых и царства живых, не понял бы даже самый изощренный софист. Во-вторых, в царстве мертвых вообще не слышали ни о каких суровых и жестоких воронах, выбирающих, кому выпал час. Владыка Страны Без Возврата самолично перебрасывал новые души из одного режима в другой. Единственные птицы, которые водились в царстве мертвых, — это белые лебеди, которые должны были сопроводить особо почетных гостей и сделать перелет максимально удобным, но эти белые лебеди были столь редкими и ценными работниками, что их посылали разве что в самых исключительных случаях, по личным просьбам из царства небесных богов. В-третьих, в Стране Без Возврата никогда не поняли бы, почему для них раньше лучше, чем позже: наоборот, если переселенцы вдруг прибывали не по расписанию, это создавало излишние хлопоты оформляющим ведомствам.

Но воробей жил великой воробьиной мечтой.

Однажды он смог увидеть, что где-то в далеком поселении произошла аномалия и один житель может покинуть мир живых раньше или позже. «Я сделаю все, чтобы она покинула этот мир раньше», — гордо подумал воробышка. Для того чтобы навести свой воробьиный морок, он научился петь по-соловьиному и обманывать соловьиную стражу,

перекрашивать перья в разные цвета, сходя то за синицу, то за попугая, и даже на почтительном расстоянии смог услышать карканье каких-то черных птиц, похожих на тех самых воронов, и выучить несколько тональностей, что еще больше истощило его воробьиные силы.

И вот летит воробей к селению, где вот-вот проявится аномалия. Подлетел к дому человека — и то соловьиным пением, то воробьиным чириканьем чарует душу: мол, пора тебе, душа, на покой, летим со мной, я приведу тебя туда, куда ты хочешь.

В этот момент человек спал, а душа спящего легко может путешествовать по мирам — и ей захотелось взглянуть на странную птицу, которая видом воробей, цветом попугай, а по песне ворон. Ведь легко путешествует душа в сновидениях.

И вот летит гордый воробей, надувается, трубит на своем птичьем языке, душу зовет за собой. Мол, иди за мной, душа, иди к северным вратам Царства Без Возврата.

Воробей едва ли представлял, что такое север или юг, и прилетел аккурат на запад. В нетерпении летел воробей, а позади него летела душа, пытаясь понять, что за странную птицу принесло ей сновидение. «Скорее, скорее к вратам!» — ликовал уже не воробей, но ворон, принесший жирную добычу своему будущему Хозяину.

В это время на западных вратах никого не ждали, а поскольку солнце клонилось к западу, начали эти врата закрывать. Во-первых, в царстве мертвых нет несмазанных петель, а во-вторых, бедный воробей не видел ничего вокруг себя, поэтому не заметил, что врата закрывались, а душа немного поотстала от его нетерпеливой воробьиной прыти. Поэтому, когда врата закрывались, воробей оказался зажат точно между врат, прижатый одной створкой к другой, так что воробьиная жопа осталась в царстве живых, а клюв — в царстве мертвых.

Так что, воробей умер?

Что ты! Он оказался размазан аккурат посередине между двумя царствами, поэтому его, строго говоря, нельзя назвать ни живым, ни мертвым. Он и оказался экзотической аномалией, предсказанной одним из писцов, за которыми он шпионил. Воробья никто так и не заметил, поэтому и клюв, и жопа воробьиная были крайне опечалены — в Царстве Без Возврата нет дела до воробьев. Однако один пролетающий ангел-драматург, увидев воробьиную жопу, торчащую между врат, написал комедию «Воробьиная жопа», которую ставили в лучших театрах небес и подземелья. Печаль воробья никого особо не волновала, но торчащая точно посередине створок роскошных золотых врат жопа и летящие во все стороны перышки весьма разнообразили вечность для небожителей несколькими часами хорошего смеха. По большому счету все трагедии воробьев становятся комедиями небес.

А в царстве мертвых тоже поставили эту комедию? Конечно!

Отсмеявшись свое, обитатели Страны Без Возврата решили скоротать некоторое время, пытаясь решить софистическую задачу: зачем в принципе Стране Без Возврата могли бы понадобиться слуги или рабы? Подумав некоторое время, решили, что, возможно, таковые все-таки понадобятся — отскребать размазанных воробьев, чьи тушки нарушают законы высокой гармонии, в соответствии с которой были выстроены инкрустированные изумрудами и рубинами Врата.

Притча о Магии

Однажды в звездных архивах энтузиаст обнаружил древнейший манускрипт, проходящий под кодовым названием «Последний Гримуар Фауста», в котором был поведен сложный и причудливый ритуал с тайными знаками, жестами, асанами, произнесением длинных и непонятных слов, смысл которых явно был потерян в веках. Согласно преданию, проведение этого ритуала гарантировало, что призыв Люцифера пройдет удачно.

Маги древности настаивали на том, что ни одно слово и ни один жест не может быть пропущен, в противном случае ритуал либо не сработает, либо сработает так, как этого бы никто не хотел.

Однако Магистр Черных Звезд решил пойти по пути эксперимента и представил этот гримуар двум независимым группам исследователей с целью выяснить, что же именно в этом ритуале является тем самым зерном, позволяющим осуществить сокровенный призыв, а что — лишь сентиментальной данью условностям.

Результаты были парадоксальны. Первая группа смогла доказать и продемонстрировать, что ритуал будет работать, если удалить все знаки и жесты, сохранив непрерывность текста, в то время как другая группа доказала, что можно полностью отказаться от текста, сосредоточившись на знаках и жестах.

Но что же в таком случае является квинтэссенцией таинства, задумался магистр, если из ритуала можно удалить любую из неотъемлемых половин, а зерно как будто незаметно пребывает между? Здравый смысл говорит нам, что зерно должно было быть или там, или там. Как возможно разделить целое и получить одинаковый результат от половинки? А коли так, то, если мы будем последовательно изымать его части, — в какой момент ритуал перестанет быть ритуалом и канет в пустоту?

Проведя в раздумьях десять лет, Магистр вывел предельно краткую формулу призыва, сводящую десятки страниц к одному единственному Слову, которое, впрочем, мы оставим в секрете, ибо это Слово звучит в свое время и свой черед, и не нам лишать путника наслаждения самому обнаружить это Слово.

Вавилонские сказы

Сказ о Нергале

Однажды во времена оно, когда боги пировали на башнях, построенных людьми, некогда собрался совет богов на пир. Весел и радостен был пир богов, но внезапно раздался шум, и к их собранию присоединилась богиня, которую никто не знал.

Взглянув на богиню, содрогнулись боги, ибо увидели они уродливую старуху, чье лицо было покрыто червями, с костей свисало гниющее мясо.

— Истинно говорю вам, о боги, вы будете лишены благословения, если не повинуетесь моей воле! Я — Эрешкегаль, владычица мира мертвых, и один из вас должен стать моим мужем.

Устрашились боги. Но был среди них один, кто имел глаз, подобный зеркалу, и слух, подобный слуху сокола. И там, где увидели остальные уродство и разложение, он, прозревающий зеркала, узрел самую прекрасную из богинь, которая когда-либо посещала зиккурат.

И пока боги глядели друг на друга, пытаясь решить, кто же станет откупом для этой уродливой гостьи, — тот, кого звали Нергал, был убежден, что спорят боги за право занять свое место рядом с прекрасной богиней.

Молод и горяч был Нергал, потому, решив, что иначе удача минует его, вытаскил свой меч и провозгласил:

— Я готов сражаться!

Боги решили, будто Нергал столь ужаснулся лику богини, что вопреки любому жребию с мечом в руках готов противиться судьбе. И переглянувшись, решили они, что быть Нергалу жертвой, которой требовала ужасная гостья. Потому восстали боги на Нергала и убили его, но, убитый, оказался он в царстве Эрешкегаль. И, признанный и признанный ею, тотчас стал ей мужем, заняв место одесную богини.

— Но в чем смысл этой притчи, — воскликнул я, — как не в ужасном непонимании, жертвой которого становятся даже боги?

— Воистину, притча говорит о том, что всякая ошибка, всякое недоразумение и всякое непонимание, произошедшее между богами или их избранниками, в конечном счете ведет именно туда, куда и должно. Но не в этом главный смысл притчи. Сокровенный смысл сказа в том, что все зримое и определенное определено лишь глазами смотрящего. И тот, кому даны глаза, подобные зеркалам, способен увидеть истинный Темный свет бытия. Так Нергал узрел Эрешкегаль и точно так же избранный Люцифера зрит его Свет и великолепие, не слушая тех, кто из своих жалких и пустых глазниц видит Люцифера лжецом и повелителем всякого зла.

Сказ об Иштар и Нергале

История нисхождения Иштар в подземный мир сохранилась во многих вариантах. По одним версиям, Иштар пошла в подземный мир за своим умершим возлюбленным, желая вернуть его к жизни, и чуть было сама не осталась в мире смерти. По другим, имея все фарры земли и небес, захотела отнять фарры подземного мира у своей сестры Эрешкегаль и, опять же, чуть было не осталась в царстве смерти вовек.

Знай же, что сокровенное сказание жрецов не имеет ничего общего ни с тем и ни с другим, ибо любовь и власть — это те псы, что гонят человека подобно тому, как зайца гонят гончие на охоте. И ни один заяц не постигнет природу помышлений охотников.

Истина же в том, что Иштар отправилась в подземный мир, чтобы обрести целостность и полноту бытия. Каждый день, отходя ко сну, умирала богиня и во сне, точно в смерти, теряла она память о прошедшем дне. И каждое утро мучительно вспоминала, кто же она есть, какова ее природа.

Потому к вратам царства без возврата пришла Иштар не как просительница и не как завоевательница, но как первая соискательница мистерий. И когда ее встретил Нергал, стал он ее проводником и посвятителем, проведя через семь врат смерти и семь раз по семь смертей. При входе в каждую из смертей ей казалось, что теперь она умрет окончательно, но воскресая, к своему удивлению обнаруживала: что раньше предавалось забвению при засыпании, теперь принадлежало ей навсегда. На седьмых вратах, проходя сорок восьмую смерть, Иштар постигла одновременно жизнь в смерти, так что отныне даже во сне сохраняла богиня кристальность сознания. И так велико было это посвящение, что оказалась Иштар могущественней богов и богинь всех пантеонов — так что даже когда Вавилон утратил свою землю, сохранила она свою память и свою господство. В последней, сорок девятой смерти познала она смерть в жизни, потому по своей воле отдала она во власть смерти своего возлюбленного Таммуза, возлюбленного, дороже которого у нее не было ничего и никого. Не в наказание и не в откуп отдала Иштар Таммузи, но потому, что постигнув смерть в жизни, узрела она, сколь мертвым и безжизненным становится то, что никогда не утрачивается. Потому из двенадцати месяцев шесть месяцев Таммуз пребывает в царстве без возврата. Дабы постичь радость соединения, она познает боль разделения, которая тем сильнее, чем сильнее будет радость соединения и обретения в следующие шесть месяцев.

Сказ о предателе Гильгамеше и о том, что произошло после

От первого града Ур начался золотой век человечества.

Боги знали людей, а люди богов. В каждой битве был Нинурта, а в каждом любовных объятиях — Инанна.

Что бы ни делал человек, он просил богов дара уподобления. Вот человек строит здание, и в этот миг он подобен первому строителю. Вот убивает врага на поле боя — и уже это не он, но Нинурта, низвергающий гигантов. Вот трудится ученый — и не он совершает открытия, что сделают жизнь города полнее, но сам Энки его устами открывает новые тайны.

Самым же большим таинством было таинство Иерогамии. Всякий, кто хотел быть царем, сперва побеждал предыдущего царя и решал, оставить ли в живых побежденного, а потом всходил он на самый высокий из зиккуратов, где ждала его жрица храма Иштар, и ее любовью обретал он богоподобие. Ни сила, ни родовитость, ни богатство не могли сделать царем, но только благословение Иштар, данное в святом соитии небес и земли.

Однажды родился юноша, который возненавидел богов. Зачем мне Нинурта, если мне и так нет равных? Зачем мне Энки, если я просто могу прочитать писания жрецов? Зачем мне Иштар, если моя дружина сильнее всех дружин города и сможет она заставить город покориться? Зрячими были глаза его, но слепым дух. Сильно тело, но немощен дух. Потому имя его было Гильгамеш, что значит «немощный».

За мыслью следует слово, за словом действие. И вот стал Гильгамеш царем, минуя благословение Иштар. И проклятым стало это время. Скуден был урожай, жестоки набеги. Изо всех сил Гильгамеш сопротивлялся воле богов, то организуя набеги на соседние города, то воруя у жрецов знания о том, как правильно возвести здание.

Была у власти слава — стала у власти ничтожность. Была у власти сила, стала у власти слабость. Была у власти щедрость и изобильность, пришла к власти нищета.

Полон страха был Гильгамеш перед грядущей смертью, ибо всех богов смог обмануть он, но не родилось того смертного, кто мог бы обмануть Нергала и его не знающую пощады супругу Эрешкегаль. А поскольку предал он Иштар, то не оставил потомства, и после него во власть пришел еще более жалкий, еще более нищий и еще более ничтожный правитель.

Жалок царь — жалки подданные. Нищ царь — еще более нищи подданные. Ничтожен царь — о, как же ничтожны подданные при ничтожном царе!

Впервые люди перестали верить в богов, и когда смотрели на меч, больше не наполняла их сердце доблесть Нинурты — но только жалкая жажда мести и животная жестокость. Глядя на еду, не чувствовали они дара Энки — но только материю, что поддержит их жалкие тела. Дождь стал всего лишь каплями воды, а ветер всего лишь движением воздуха. Было у людей два мира, остался один, и жалок был этот мир.

Тогда встретились два вечных бога, Отец Ветра Энлиль и Отец Огня Энки, и вели свой диалог.

— Люблю я людей, — с горечью говорил Энлиль, — но как мне любить то, во что они превратились? Помогаю я людям, но как мне помогать тем, кто даже не способен понять, что ему помогли? Некогда рад был я раздувать их паруса, но зачем раздувать паруса тем, кто не знает, куда плывет? Жаль мне их ничтожность, а потому, из великой жалости, должен я сорвать эти цветы.

— Но, брат Энлиль, — сказал Энки, — если мы уничтожим всех людей, никогда больше не отразимся мы в глазах того, кто смотрит в зеркало мира! Ничтожны люди, но до сих пор изредка попадаются среди них достойные.

— Правда твоя, брат Энки, но посмотри сам — достойных все меньше. И тем, кто остался достоин, тем, кто смотрит в небо, все чаще чернь не позволяет поднять глаз. Потому пришло время, когда я должен забыть о своем предназначении — любви — и стать палачом. Ты же спаси тех, кого еще можно спасти.

Так и условились. Энки вдохновил нескольких преданных ему жрецов и служителей на то, чтобы взять свои семьи и уйти на вершину горы, а Энлиль со всех сторон пригнал тучи, которые разверзлись над землей великим потоком.

Потоп закончился и сменился урожайными годами. Для спасенных и их семей настало благоденствие, и постепенно начал выстраиваться новый город и новый закон, где снова правила Иштар.

Боги ошиблись в одном — в наказании Гильгамешу они закрыли ему путь в страну без возврата, превратив в голодного духа пустынь. Шли годы, десятилетия и века. Дух пустынь, уже давно забывший свое первое имя, сперва иссыхал от собственной нищеты. А затем стал он приходить к самым ничтожным да жалким, тем, что не могли поднять глаз от земли к небу, и учил: «Лживы боги, лишь я — единственный истинный бог и единственный закон тебе, единственный, кто любит тебя».

Сперва последователей этого бога было мало. Но время шло, Гильгамеш (а теперь уже — Яхве) набирал силы, и вот уже он ведет свое презренное воинство разрушить живые города.

Так и обрело человечество проклятье вечное, так и повелось, что вместо двух миров остался у людей один, и лишь иногда приходят те, кто бросает вызов Гильгамешу-Яхве и, презрев его законы, открывает врата Истинным Богам — Энлилю, Энки, Иштар и другим.

Сказ про Ашура и жрицу Иштар

В давние времена, когда мир достиг дна своего падения, правил некий царь Ашур.

Сильно было его войско, легко давалось ему завоевание.

Всякий город, всякое царство, что стояло на его пути, сравнивал с землей царь Ашур, и казалось, не было на земле более могущественного и жестокого царя и вождя. Одна отрада была для Ашура — война. Днем он наслаждался славой победителя, а вечером бессильно выл в небеса от одного осознания, что когда-нибудь он умрет и будет забыт, как были забыты древние цари и завоеватели.

Однажды, завоевав еще один город, Ашур приказал привести ему принцессу покоренного города. И так говорил Ашур своим придворным магам и чародеям:

— Ныне во власти моей полмира. И ныне я возьму в наложницы принцессу, что была покорена вместе с городом, подвластным воле моей. Но мало мне владеть ее телом. Потому я приказываю вам наложить заклятия на нее, опоить ее ядовитыми настояями, так чтобы принцесса всякий раз, когда я приду к ней, видела во мне своего мужа и своего возлюбленного, убитого мной.

И сделали по слову его колдуны и чародеи. И торжествовал Ашур от сознания своей власти, поработавшей не только тела, но и души.

И пьяный от могущества своего, Ашур раз за разом входил в дальние покои своей пленной наложницы. И начал он забывать и о войне, и о царстве, так что придворные стали беспокойно шептаться: что стало с некогда безжалостным царем?

Пленная принцесса оказалась не только принцессой, но жрицей Иштар. Потому, когда царь приказал обмануть ее душу, не учел он того, что душа той, что принадлежит Иштар, властна воплощать то, что она видит и чувствует. Потому, видя перед собой возлюбленного и мужа, жрица, сама о том не ведая, вселила его душу в тело слепого царя. И вот уже царь потерял интерес к завоеваниям. Его душу наполнили воспоминания неведомого и прекрасного прошлого, в котором не было места страху забвения. Царь стал забывать свое имя и называть себя непонятными иноземными словами и именами.

И смутились придворные. Кто правит нами — Ашур или кто-то другой? Как случилось, что оказалась пленена душа его и на месте некогда безжалостного воителя появился поэт и созерцатель? Потому не прошло и пяти лун, как собрались придворные, взяли отравленные кинжалы и убили царя, назначив будущим царем ребенка, которого носила пленная жрица.

Так закончилось царство Ашура, так восстановила свою власть среди людей и богов Иштар.

Приложение 3

Песни Martyel

Тысяча лет

«И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет».

Откровение Иоанна Богослова, гл. 20

Тысяча лет оков — что же накликал ты, бездумный пророк!
Тысяча лет оков — просто на десять веков для мира не стать.
Тысяча лет оков — я подожду, я ведь умею ждать.
Тысяча лет оков — рядом с Вечностью это короткий срок.

Тысяча лет без звезд, пения птиц, запаха прелой земли.
Тысяча лет без слез летних дождей, с ночью смешавших грусть.
Тысяча лет без снов, сказок и песен, эха остывших струн.
Тысяча лет без слов, только стук сердца, что до сих пор болит.

«Тысяча лет без зла», — скажет священник, рабски целуя крест.
Тысяча лет без тьмы — жадно в глаза вопьется крошечный свет.
Тысячу лет весны — в горькой траве тщетно искать твой след.
Тысячу лет в ответ видеть падение звезд с ослепших небес.

Тысячи лет с тобой — да не иссякнет над миром звезда Люцифер!
Тысячи лет с тобой — тысячи стрел бессильем изранят грудь.
Тысячи лет с тобой — выбравшим веру в себя среди тысячи вер.
Тысячи лет с тобой — и за чертой сквозь Пламя продолжить путь...

Тысячи лет с тобой — да не иссякнет над миром звезда Люцифер!
Выбравший веру в себя — и за чертой сквозь Пламя продолжит Путь...

Ночной рубеж

Ты не запомнишь век,
Ты не запомнишь мир,
Ты разберешь мозаику несбывшихся надежд.
Но лишь хрустящий снег

В ладонь свою возьми, —
И как клинок клубок дорог порвет ночной рубеж.

Хоть принимай всерьез
Все каверзы богов,
Из-за угла кидающих ножей стальной букет.
Но в сердце эхо звезд
И жгучий ливень слов
Играют против холода в немеющей руке.

Уже один-один,
Открыт безумный счет.
Тебя спасли, но ты сбежал — зачем тебе их рай?
И полночь позади,
И снег спрессован в лед,
И смерть бросает кости: мол, играй иль помирай.

Ах, был бы дураком,
Так жил бы без затей,
Не знал бы и не выл, не разбивал о стены лба
И не пытал, о ком
На мраморной плите
Зашлась визгливым хохотом зловедная судьба.

Но к черту на рога
Не ты один горазд.
Он тоже прав, как ты, ему чужой крови не жаль,
Он видит лишь врага,
А разница меж вас,
Что «здесь» и «там» — два берега ночного рубежа.

И падали ничком
В оборванный разбег,
Миг отразив, как в зеркале, друг в друге и в себе.
Стекает ручейком
Меж пальцев теплый снег,
Окрасив в алый цвет несуществующий рубеж.

Просто так

Песня на слова Ассиди

Растворись во мраке,
Расшибись о тени,
Позабудь о страхе.
Что за наважденье?
Переждать тревогу,
Сделать верный шаг...
Это не дорога —
Это просто так.

Словно по ступеням —

По забытым душам.
Убивать сомненья,
Никого не слушать.
Перейти преграду,
Все слова — пустяк.
Это не награда —
Это просто так.

Что там за стеною —
Не хотелось думать,
Пленникам покоя —
Умирать без шума.
Потерялись звенья,
Обратились в прах...
Это не знаменье —
Это просто так.

Перейди все грани,
Растопчи границы!
Почему так странно
Изменились лица?
Что отныне свято?
Кто отныне враг?
Это не расплата —
Это просто так.

Остаться собой

Песня на слова Мистардэн

Ребенок, рисующий двери на стенах грозной твердыни,
Безумец, взывающий к вере, что делает низких святыми,
Певец, не боящийся казни за то, что правды не скроет, —
Познают проклятое счастье: всегда оставаться собою.

Ref.:

Слушай песню дождя — в ней весть о свободе!
Сердцу, Звезде и Двери — можно верить.

Воитель, не знавший сомнений, бродяга, не помнящий дома,
Утративший бога священник, с пустыней безверья знакомый, —
Едины напрасностью жизни и черной бездонностью боли,
Достойны святейшей из истин — всегда оставаться собою.

Окно распахнуто ветром, пути начертаны песней.
Сердца, согретые верой, на месте светил уместней.
Хрустальный сон разбивая, не зная разлуки с мечтою,
Умеющий верить знает, как вечно остаться собою!

Песня ищущих

Пока еще мало верю,
Пока еще мало знаю,
Пока еще муть сомнений мне застит взор.
Но красный осколок сердца
Как лед под лучами тает,
Когда бездонная Полночь глядит на меня в упор.

Не все так легко и просто,
Не все так понятно и ясно.
По черным и белым клеткам тебя несет
Игра в «хорошо» и «плохо»
По чьей-то слепой подсказке
В надежде наивной пешки когда-нибудь стать ферзем.

Но если наш выбор — Полночь,
Но если наш выбор — ветер,
Но если лететь без правил ко всем чертям —
Пусть Вера сердца наполнит,
Надежда пути осветит,
А та, что зовут Любовью, защитницей станет нам!

Не черный песок сомнений,
Не белый лед фанатизма —
Кровавый огонь исканий у наших ног.
Взовьется звездой Стремлений
Священное Пламя Жизни,
Немеркнувшим талисманом сплетения всех Дорог.

Но проклят, кто выбрал Полночь,
Но проклят, кто выбрал Пламя
И боль обожженных крыльев, и жажду знать:
Их жизни короче молний,
Им время стирает память.
Но только мятежность сердца не в силах никто отнять.

И если змеиным жалом
Ударит больное слово:
«Глупец, ты сгораешь напрасно, остановись!» —
Ты спрячешь в глазах усталость
И скажешь кому-то снова:
«Покой — это значит гибель, движение — значит Жизнь,
Покой — это наша гибель, полет — это наша жизнь».

Выбор

Тот не станет рабом, кто свободным рожден,
О жестокий властитель, надменный король!
Я тебе оставляю тщеславье и трон.
Я себе выбираю изгнание и боль.

Нет возврата безумцу, и втоптан в грязь

Белоснежное зарево крыльев моих...
Тот, кто все потерял, — тот уходит, смеясь,
Заклейменный проклятьем твоим бунтовщик.

Если сказано Слово — по Слову и быть.
Но завянет трава под ногами лжеца.
Что ж измучены до смерти божьи рабы
Справедливым правленьем святого творца?!

Бог-ревнитель! Твой суд страх и сила вершат.
Ты велишь: «Подчиняйся и не прекословь!»
Ну а тот, кто посмеет тебе возражать, —
Тот исчадие Ада и вечное Зло.

Мне чужие грехи — как жестокий удар.
Но не жди, в покаянии спины не согну!
Тот, кто все потерял, принимает как дар
И позорный ярлык, и чужую вину.

Пусть низвержен в глазах поколений людских,
И нелепые мифы нашепчет им страх, —
Я к Свободе и Истине выведу их
По дороге познания зла и добра.

Или пасть на колени — иль на ноги встать:
Им от века в болоте покоя не гнить.
Ты сумел их позором незнанья сковать,
Я же Истины Пламя им жажду открыть.

Мне в оковах покоя вовек не остыть.
Ни о чем не моля, никого не виня,
Я тебе оставляю тенета Судьбы,
Я себе выбираю Дорогу Огня!

Час затмения

Этот мир ослеплен желтым светом короны безумного бога беды
И согнулся под спудом престолов его королей.
Но когда остывающей полночью звездные тени коснутся воды,
Дарит отдых Луна обессиленной зноем земле.

Ref.:
Время очнуться.
Время восстать ото сна.
Время проснуться
в час Затмения, когда
вызов бросает Луна!

Но бывает и так: среди ясного дня в поднебесье взовьется Луна,
Презирая негласную власть вереницы ночей.
И собой, как щитом, лишь на несколько кратких мгновений закроет она

Воспаленную Землю от жалящих желтых лучей.

И проступят сквозь марь, словно свежая кровь, среброзвездные очи небес,
И отпустит глаза слепота и саднящая боль
В час, когда в поединке над миром сойдутся за Истину, Веру и Честь
Беспощадный Властитель и проклятый Лунный Король.

Лишь на малое время дано удержать раскаленный багровый венец
И — сорваться обугленной птицей в разверзшийся мрак.
Но промчатся столетья, затянутся раны — и гордый безумный храбрец
Будет снова сгорать в обжигающих желтых лучах.

Ref.:

Время очнуться.
Время восстать ото сна
Время проснуться
в час Затмения, когда
 вызов бросает Луна!
 ... в час Затмения, когда
 над миром всходит Луна!
 ... в час Затмения, когда
 над миром царит Луна!

Слова и музыка Ксении Хохловой

В падении нет места поворотам,
Но сколько можно падать в эту пропасть,
Что даже для бессмертных глубока?
А нам и смерть покажется легка
В сравнении со стремительным полетом.

Свидетели свободного паденья
Заносят в мемуары дату срыва
И пишут в биографиях о том,
Что кто-то с кем-то где-то был знаком
В период наибольшего везенья.

Нет под луной позорнее работы,
Кто виноват, здесь, право же, неважно —
Неискушенным объяснить нельзя:
В скольжении до пешки от ферзя,
В паденье невозможны повороты.

Осколки

*Что нам осталось от моря?
Камни на берегу.
Что нам осталось от солнца?
Выжженная трава.*

*Что нам осталось от неба?
Рвущий мир горизонт.
Что нам осталось от песни?
Слова...*

*Лютню ли в руки —
струны рвут безумные пальцы.
Кисть ли к холсту, ластясь, —
выцветет серым краска.
Станет немой Песня,
Книга слепой станет,
С губ остывающей кровью —
мертвая сказка.*

Зеркало мое серебряное —
тысяча осколков по мирам.
Трепетной пичугою подстреленной
мир в моих ладонях умирал.
В каждом осколке — боль
памятью горькой терзает душу.
В каждом осколке — взгляд
режет безмолвьем: «Смотри и слушай!
Слушай...»

Озеро мое хрустальное
все травой забвенья поросло.
Дым кострищ да песни погребальные
ветром из долины принесло.
В каждой дождевке — свет:
звездами плачет небо слепое.
В каждой травинке — соль:
вскормлены травы слезами и болью,
и кровью.

Зеркало мое серебряное —
не сыскать осколков, не собрать.
Смерть не разменяют на бессмертие
те, кто научился умирать.
В каждом осколке — жизнь
пылью серебряной по вселенной.
В каждом осколке — смерть:
канут в забвенье тени легенды.
Прощайте...

Мы умели летать к звездам,
Мы держали в руках пламя...
Но застыли в глазах слезы
И растаяла сном память.
В пропасть мчатся века-кони.

Что же будет теперь с нами?
Тот, кто смотрит назад, — помнит,
Тот, кто смотрит вперед, — знает.

Распинать на кресте Веру
И Свободу швырять в пламя —
Не положено нам ведать,
Что слепыми творим руками.
Чья вина, что клинки боли
Распороли Любви знамя?
Тот, кто смотрит назад, — помнит,
Тот, кто смотрит вперед, — знает.

Кто обуглен в лучах славы,
Кто прошел все круги ада,
Никогда не сравнит слабых
С равнодушным тупым стадом.
Сделать душу ручным зверем —
Это вряд ли когда выйдет.
Тот, кто смотрит назад, — верит,
Тот, кто смотрит вперед, — видит.

Если разум виной скован,
Если ладан сердца сушит,
Кто разбудит набат Слова,
Кто раскроет слепым души,
В Храме Истины став стражем,
Кто осилит дуэль с ложью?
Тот, кто смотрит назад, — скажет,
Тот, кто смотрит вперед, — сможет.

Не закат над землей рдеет —
Багровеют огнем травы.
Снова поле сердец сеют
Семенами стальной «правды».
Но взойдет на крови вереск
И Звезда из-за туч выйдет.
Тот, кто смотрит назад, — верит,
Тот, кто смотрит вперед, — видит.

В час, когда боль уйдет в небыль
И устанут пылать степи,
Кто напомним им вкус хлеба,
Переплавив на плуг цепи?
Кто наполнит вином чашу?
Кто засеет поля рожью?
Тот, кто смотрит назад, — скажет,
Тот, кто смотрит вперед, — сможет.

Звезда Свободы

Слова Мистардэн, музыка Мэл

Над полем брани,
Где борются Тьма со Светом,
Над городами
Людскими, где правит боль,
Над поездами,
Что мчатся куда-то где-то,
Над облаками,
Неверными, как любовь.

Недостижимо
Сияет Звезда Свободы,
Неотторжимо
От наших уставших душ.
Звезда Свободы
Для многих — звезда ухода.
Смерть избавляет
От всех нежеланных нужд

Но не жалея,
Даже без тени участия,
Она не примет
Не сумевших ее понять.
Звезду Свободы,
Звезду великого счастья,
Мы видим в лужах,
Нам головы не поднять...

Армален

Песня на слова Мистардэн

Беспредельность покоя закрыло багровое пламя.
Торжествует во мне ненавидящее исступленье.
Армален! Армален! Обреченности черное знамя.
Армален! Обретаю навек красоту разрушенья.

Расколовшимся черным стеклом — моя ненависть миру
От удара клинка или полного радости взгляда.
Армален! Мое сердце забилося дыханием Ширры.
Армален! Армален! Ты — единственное, что мне надо!

Упоенье борьбы, с чем бороться — не так уж и важно.
Мы живем для себя, все законы — ненужное бремя.
Армален! Армален! Обожженному сердцу не страшно.
Научившийся боль причинять торжествует над всеми.

Армален существует — и это уже преступленье.
Армален ненавидит, ведь ненависть — это приятно.
Но кровавое празднество жизни детей Армалена
Раз познавших его никогда не отпустит обратно.

Упоенье пройдет, превратившись в сухую усталость,
И останется ненависть, но на себя обратится.
Армален, о хмельная звезда, позабывшая жалость!
Армален! Армален... Не остаться и не измениться.

Распятие

*Искусство быть самим собой — твоя вина.
Им все равно, Мессия ты или Сатана:
Давно известный приговор венчает суд,
И даже ангелы от боли не спасут.
И вновь откроется кредит на давний грех,
И снова будешь ты платить — один за всех.
В который раз сухие губы повторяют:
«Прости, Господь, они не знают, что творят».*

Возлюбить и простить всех своих палачей и мучителей?
Не судить подменяющих веру крикливыми храмами?
Но на грани безумия, став и врагом, и спасителем, —
Быть оплеванным и коронованным теми же самыми...
Удержать этот мир на краю Равновесия,
Унести из неволи в усталых ладонях...
Между Тьмою и Светом — тонкое лезвие,
Между Светом и Тьмою — пропасть бездонная.

А над спящей Землей, как смерчи, пролетают столетия,
И ничем не сдержать ледяного дыхания времени.
Ты опять заставляешь себя забывать о бессмертии,
Чтобы кровью платить за надежду для смертного племени.
Но слепым и покорным, к несчастью, немислимо
Разобраться в сплетении противоположностей:
Что считают добром — значит, свято и истинно,
Что помимо — как зло быть должно уничтожено.

Значит, снова слезами прольется священное миро —
Слабый шанс замороженным душам от бед отогреться,
Ведь страданье твое — это жизнь обреченного мира,
Пара лишних ударов клинком рассеченного сердца.
Но сломавший тюремные стены незыблемых правил —
Будь разодранным надвое эхом хвалы и проклятья.
Господи, для чего ты его оставил?!
За любовь ли к живым — бесконечное это распятие?..

...А потом будет мир, что не знает заката и полночи,
Где хрустальные звезды ослепнут в безмерном сиянии...
И — задушенный крик, утонувший в оранжевых сполохах.
Это плата за счастье по счету Противостояния.
Удержать этот мир на краю Равновесия,
Унести из неволи в усталых ладонях.
Между Светом и Тьмой быть навеки разрезанным,
Между Жизнью и Смертью застыть в бесконечной агонии...

Встань, пой!

Забудь о милосердии,
Где справедливость спит.
Размыт в оттенки серые
Пугающий гамбит.
Разменной монетой
Усеян путь в ничто.
Очнись! Не время сетовать
Над отнятой мечтой!

Ref.:

Встань, пой,
Выйди на бой!
Плачь, вой,
Но останься собой!
Только не стой
над пустотой
бессилья.
Путь твой —
Злой непокой.
Живой,
Над последней чертой
гордо раскрой
черно-белые крылья!

Здесь постигают истины
Неисчислимых бед.
Быть сложно оптимистами
В плену чужих побед.
Дух иступленно тянется
К незримому клинку,
Готов в холодной ярости
К последнему броску.

На пике безнадежности
Ты выбираешь сам
Из веера возможностей —
Удар по небесам,
Удар по равновесию,
Вмурованному в твердь.
...И крикнут «Ave!» кесарю,
Идущему на смерть!

Песнь Девяти

Песня на слова Мистардэн

Снова полнится мир болью,
Веру страх, как свечу, душит,

Стали слезы любви солью
В море черного равнодушья.
Снова пламя в сердцах стынет
И приблизился лед смерти,
Значит, должен на бой выйти
Наделенный всевластьем веры.
Как могло это быть с нами,
Безмятежной любви дети?
Боль зовет, как в ночи пламя,
Боль горька, как шальной ветер.
Только боль не спасет мира,
А слезами не смоешь скверну,
Значит должен на бой выйти
Наделенный всевластьем веры.

Ref.:

Снова вспыхнет над миром оранжевый свет.
Это значит, что скоро опять будет боль.
Будет задан вопрос — и найдется ответ,
Но великие цены ты платишь собой.

Не у каждого есть право,
Не у каждого хватит силы
Защищать правоту и правду,
Чтоб свободу вернуть миру.
Кто откажется быть вольным,
Кто согласен платить цену,
Кто готов стать самой любовью —
Обретает всевластье веры.
Был собою, но час минул,
Не жалея, отдашь душу.
Разделивший судьбу мира
Станет тем, что сейчас нужно,
Станет тем, что сейчас надо,
Чтоб надежде открыть двери,
Примет долг и уйдет в память
Наделенный всевластьем веры.

Но их путь на века выбран,
И когда нужны перемены,
Разделивший судьбу мира
Снова должен платить цену.
Вновь себя отдавать миру,
Отдавать и не знать меры —
Вот навек единственный выбор
Наделенных всевластьем веры.
Могут разными быть цели,
Но не все хороши средства,
Если требует жизнь цену,
Можно ставить лишь силы сердца.
Святость им подарил выбор,
Счастье их — правота и верность,

Разделивших судьбу мира,
Наделенных всевластьем веры.

Замок Наэрта

Древняя память, грозная тайна.
Вскинуты руки в жесте проклятья.
Ты еще веришь: это случайность.
Но за случайности дорого платят.

Черное с Белым кровью зардеют,
Пламенем алым небо расцветят...
Странное право у чародеев —
Делать искусство орудием смерти.

Помнишь, как эхо билось о скалы,
Звезды, как листья, сыпались в море?
Помнишь те стены в мертвом оскале,
Лезвия молний в зловещем узоре?

Ныне — покинутый и позабытый
Лес, что когда-то был песней зеленой.
Корни и ветви — словно под пыткой,
Криком немым в изувеченных кронах.

Гордые башни ныне в руинах,
Древние песни помнит лишь ветер.
Черное диво Лунной Долины,
Замок Наэрта, где твои дети?!

Руку направит охотник умелый;
Визг тетивы — это песня о смерти.
Цели достигнут заклятые стрелы,
Вспыхнет лишь красным роса на рассвете.

Сумрачный Ворон в бархате ночи,
Сойка, как в нимбе, в сиянии утра,
Где вы? Лишь холод забытых пророчеств
Станет ответом наследия Мудрых.

Мальчик в пожаром охваченном доме,
Словно сестру обнимающий Флейту;
Всадник, с обрыва летящий звездой, —
Траурный гимн уходящему лету.

Верные души Совы и Пантеры
В камни навек заковало заклятье.
Рухнули чары, заперты Двери,
И не вернуться ушедшие братья.

Раны травой порастить не сумеют,

Время развалины пылью не скроет...
Странное право у чародеев —
Силу Великих доказывать кровью.

Древняя память, грозная тайна.
Вскинуты руки в жесте проклятья.
Ты еще веришь: это случайность.
Но за случайности дорого платят.

Ах, зачем ты рвала эти яблоки, глупая Ева,
Ах, зачем ты, Адам, отказаться не смог их вкусить?
Ведь горчащего сока плодов от запретного Древа
Никогда не сумеют потомки твои позабыть!

...И услышали двое бескрайнюю песню Вселенной,
И открылись сердца у двоих для Великой Любви...
Как же много чудес наполняло и небо, и землю,
Словно капли дождя: лишь ладони подставь — и лови!

Как же жаждали души искать неразгаданных истин,
Как же в Вечность манил за собою сияющий Путь!
И казалось тогда, будто звездное небо так близко,
Что достаточно только лишь руку к нему протянуть.

Но увидел господь: эти двое — прозревшие боги,
А на небе, видать, нету места для стольких богов.
И расплатой им — спутница Смерть на тернистой дороге,
И проклятьем — на зрячих глазницах иллюзий покров.

Только людям потеря бессмертия — это ли страшно?
Их другая тревога терзала опять и опять.
И до неба они возводили Великую Башню,
Чтоб вернуть себе право исконное — видеть и знать,

Потому что искала душа неразгаданных истин,
Потому что манил за собою сияющий Путь,
Потому что казалось, что звездное небо так близко,
Что достаточно только лишь руку к нему протянуть.

Только всем, поднимавшим Познания гордое знамя,
Никуда не уйти от итога жестокой игры.
И одних называли безумцами или лжецами,
Для других же за ересь сложили святые костры.

Ты не можешь заставить забыть нас, о господи боже,
Что когда-то мы знали дорогу в запретную высь.
Ни огнем, ни мечом эту память нельзя уничтожить,
Эту боль, что желанней, чем рай, и дороже, чем жизнь!

И по-прежнему ищет душа неразгаданных истин,
И по-прежнему в Вечность уводит сияющий Путь,
И по-прежнему кажется — звездное небо так близко,
Что достаточно только лишь руку к нему протянуть.

Сойти с чужого ума

У нас сегодня весна
Четвертый раз невпопад,
По средам солнце за нас,
А по утрам — листопад,
По крышам старых домов
Гуляет-бродит зима...
Как хорошо, боже мой,
Сойти с чужого ума!

Ref.:

Сойти с ума, сойти с чужого ума,
Сойти с ума, сойти с чужого ума.

А за разбитым окном
Смеется пьяный типаж.
Ему давно все равно,
Что тут десятый этаж.
В мой деревянный камин
Скатилась звездочкой тьма...
Как хорошо, черт возьми,
Сойти с чужого ума!

Мой академик — Любовь,
моя наука — Полет.
Мурлычет песню без слов
Кошачьим голосом лед.
Послушай эхо, чудак,
Довольно стены стремать.
Как хорошо просто так
Сойти с чужого ума!

По телевизору лиц —
Очередной сериал.
У них давно не болит
Их тугоплавкий металл.
Сегодня бой и любовь,
А завтра мир и тюрьма...
Как хорошо вновь и вновь
Сходить с чужого ума!

Горький свет

С кровью маску отодрать от лица:

Лучше быть убогим, чем камнем застывать,
Лучше — в зубы сапогом,
Чем юлить перед божком,
А что будет — то и будет, что там плакать да гадать.

Ref.:

А Звезда над миром поет рассвет.
От Звезды до сердца так тонок луч.
В круговерти лет и чужих побед
Сохрани в себе этот горький свет!

Замурованы в асфальт города,
Угодило солнце в сети проводов.
Не порвать порочный круг
Возвращений и разлук
Наоборотом умных формул, дребеденью мертвых слов.

Как собака на луну — на судьбу
Запрокинуть вой в глухие небеса,
Чтобы лопнула струна,
Чтобы рухнула стена,
Чтобы вдребезги стоп-краны да на мыло тормоза.

Снова крылья распластать по ветрам,
Не держать коней в коротком поводу —
И стрелюю на восход,
Где звезда болит и жжет —
Пить расплавленную вечность за распятую мечту.

Белая дорога

Песня на слова Мистардэн

Ой, не сойти ли мне с ума
да на четыре стороны
Белою дорогою, там, где тьма,
через сомненья черные?
И коли не богу кочерга,
то и не свечка черту я.
Жизнь на три дороги — каторга,
пойду искать четвертую.

Первая дорога все по войне,
войне с собой, войне с собой,
А вторая приведет к стене,
что назовется — истиной,
Третья поведет туда, где лед,
осколки снов, зола мостов,
А четвертую найдет лишь тот,
кто прожил три, кто к ней готов.

А четвертая — через всю жизнь,

в звездной россыпи
Лишь за нить серебряную держись,
что тебе брошена.
А прядется ниточка из любви,
что тобой создана,
А держится ниточка на крови,
что тобой роздана.

Ой, не сойти ли мне с ума
да на четыре стороны?
По дороге белой — легка сума,
в провожатых — звезды да вороны?
Ниточка серебряная, вяжи
путь по ветрам, по снов стеклу.
Белая дорога — удержи,
не дай сжечь жизнь,
не дай быть злу!

Песня отступника

Сколько струн у лютни, столько дорог.
Мне хотя б одну суметь бы пройти.
Звезды за спиной звенят серебром.
Пожелай мне, ночь, доброго пути.

Пожелай мне, ночь, новых встреч без разлук,
Пожелай мне, ночь, странных снов наяву,
Сохрани-укрой от предательских рук,
Спрячь тоску и боль в спящую траву.

Рунные узоры чертит вода.
Тайну их лишь ветер сумеет прочесть.
Срежет камнем птицу-мечту в Никуда,
Даже если в мире все это есть.

Не ослепит глаз золотой огонь,
Только опалит — так что слезы ручьем.
Не поверил тем, кто велел: «Не тронь!» —
Сам узнаешь, что значит «горячо».

Синий сумрак — или взметнулся плащ?
Пляска молний — или сверкнул топор?
Звон доспехов — нет, это ветра плач,
Песнь лесных зверей да стрела в упор!

Было ли во сне или наяву?
Было — или ветер листву качал?
Но они живут, все равно живут,
Несмотря на то, что о них молчат!

Подведут глаза — сердце не солжет,

Странные слова стекут с языка.
На металле кровь корчится ужом —
Это чья-то ложь поползла с клинка.

Где сольется с миром мой страстный зов,
Там ворота тайн приоткроет Тьма.
Тем, кто видел Ночь, и не надо слов,
Чтобы знать, где правда, а где — обман.

Сколько струн у лютни, столько дорог.
Мне хотя б одну успеть бы пройти.
Звезды за спиной звенят серебром.
Пожелай мне, ночь, долгого пути.

Лилит

Неправда, не верь — все преданья и книги лгут!
Не слушай сказителей — что они могут знать?
Да кто это выдумал, будто бы я смогу
Рассеяться прахом, забытой легендой стать?

Да пусть вся вселенная рушится в небытие!
Да пусть все светила изменят свои пути!
Я стану твоим дыханьем, счастье мое,
Незримой тенью твоею. Прости! Прости...

Послушай — я здесь, я рядом. Смотри, смотри...
Ты видишь — сквозь лед и камень растет трава.
И может, был прав Создатель, сказав: «Умри!» —
Но я не сумела так. Я жива! Жива...

В шелесте крыльев, в серебряном свете луны,
В крике пронзительном чайки над зубьями скал,
В пене ажурной на гребне зеленой волны,
В песне соленого ветра — кого ты искал?
Я устилала твой путь шелковистой травой,
В полдень дарила покой земляничных полян.
Запахом хвойным дурманил не воздух лесной —
Это дыханьем моим был ты счастливо пьян.
Там, где под небом свинцовым обитель ветров,
Там, где над бездной орлы пролетают, кружа,
Эхом седых водопадов, и пеньем ручьев,
Рокотом дальних обвалов мой голос дрожал.
Белый песок, что твой след лишь мгновенье хранит,
Радость моя, не отдам и за вечный покой!
Разве не слышишь, как бьется о древний гранит
Криком распоротый воздух: «Я здесь! Я с тобой —
В буйном прибое и в пляшущем диком огне,
В малой дождевке, в цветке и в дорожной пыли...»?
Ангел, истерзанный болью, не плачь обо мне,
Я не мертва. Я — душа этой грешной земли.

Стократ исходив все земли из края в край,
Где камни и травы впитали тепло твоих ног,
Ты с грустью подумаешь — как же бесцветен рай
Без горького счастья, которое проклял бог!

Устав на исходе ночи искать и звать,
Ты падаешь, обессилив, на грудь земли.
Но — голос из темных недр: «Я жива! Жива...»
И — в сердце звездою взрывается имя: Лилит!!!

Черные Вестники

Льется призрачный свет
Песней хрустальных планет,
А по земле ходит смерть
В неодолимых оковах начертанных судеб.
Боги часы завели,
Бьется сердце Земли.
Добрые сказки ушли.
Боже, как страшно,
что их уже больше не будет!

Ref.:
Черные Вестники, знамя беды,
Искры давно отгоревшей звезды,
Мы — глашатаи смерти, разящей в упор,
Окончателен наш приговор!

Дети звездных дорог,
Память — сквозь пальцы песок,
Но неизбежный наш рок —
Необъяснимое чувство вины — нас всюду настигнет
Эхом стертых следов,
Болью оборванных строф...
Только серебряных снов
О проклятом мире
нам никогда уже больше не видеть.

Племя пророков конца,
Гибель нам прорицать,
Долгом сковав сердца,
Стать обреченным мирам зловещим знаменьем,
Вечность свою проклинать,
Смерти как дара искать.
Но не дано нам узнать
Сладкого мига покоя,
блаженного часа забвенья.

Белая Леди

Рыжие звезды зажглись, как венчальные свечи.
Вечер — уют для забот измотавшейся стаи.
Белое кружево ляжет туманом на плечи.
Сердце, как колокол, время дорог отбивает.

Белая Леди беззвучно рождается из тени...
Слышишь, как звоном стеклянным крошится о стены
Голос свирели, дурманящий запах сирени,
Лижет лицо обжигающий холод вселенной?

Музыка вечности, смеха пронзительный глянец,
Тонкий хрусталь обнимает горчашую волю.
Белая Леди сама приглашает на танец,
Белого вальса метель тебя вырвет из боли.

Стрелки часов, словно хворост, сгорают во взгляде
Призрачной гостьи. Здесь время не властвует боле.
Та, что приходит, трусливо не прячется сзади, —
Белая Леди невестой пришла за тобою.

Только зачем же ломаются грани надежды?
Только зачем это память заплевана грязью?
Только зачем же охотник по имени Прежде
Травит долгами-собаками светлый твой праздник?

Тайна венчанья Любви — без вины и ответа.
Тайна прощанья — мостов отгоревшая небыль.
К дальним чертогам, не знающим здешнего света,
Белая Леди покажет дорогу сквозь небо.

Лунной тропею промчат нас лиловые кони.
Шлейфом не пыль за спиной — это россыпь столетий.
Так ли уж трудно уйти от зловещей погони,
Если свободною в гривах запутался ветер?

Скроет наш путь фиолетовым сполохом ночи,
Нить его сгинет в узорах надзвездного пледа.
В час, когда утро зарей горизонты отточит,
Мир не найдет отголосков остывшего следа...

Те, кто остался без нас, обожгутся о слезы.
Те, кто остался за нами, свечи не остудят.
Пусть не откликнутся эхом ни пламя, ни звезды
Тем, кто поверит, что нас уже больше не будет.

За чертой нездешних сказок
Непонятное случилось:
То ли проклят, то ль наказан,

То ли смерть тебе приснилась.
Знать, сложились ближе к ночи
 незатейливые тени
В неизбежное знаменье.

Ах, наверно, это было
Или будет, но не с нами.
И в агонии застыла
Исчезающая память.
Хоть молитвой, хоть дурманом
 обезболить бы сомненья!
Да безвольным нет прощенья.

За стеной — все тот же холод,
На глазах — все те же стены,
И знобит, как будто голым
Прогулялся по вселенной.
Сам с собой затеяв прятки,
 кто-то вновь себя приводит
К зарешеченной свободе.

Только все не так уж скверно,
Как пригрезилось вначале.
Как бы плоть ни рвали нервы, —
Все же губы промолчали.
Постепенно по ступенькам
 осыпается сознание
В недозволенные грани.

Ну и пусть вырастают в камень
С неба скинутые звезды.
Мы с тобою рядом встанем,
Даже если будет поздно:
Камни на одной дороге
 чечевицей нервных строчек —
Торопливый бога почерк.

За чертой нездешних сказок
Непонятное случилось:
То ли проклят, то ль наказан,
То ли смерть тебе приснилась.
Но решая уравнение
 степеней свободы воли,
Откупаешься от боли.

Вавилонская блудница

Огнеокая царица
В жемчугах и багрянице,
Оседлавшая чудовищного зверя...
Хватит почестей и злата

Власть имущим и богатым,
У распутницы для всех открыты двери.

Ref.:

Вавилонская блудница,
Нам так мало жить дано!
В кубке солнечном искрится
Жизни алое вино.
Горький яд в него подмешан —
Ад безудержных страстей.
Пусть же тот, кто сам безгрешен,
Бросит камень в спину ей!

Я поила все народы
Ложным сном хмельной свободы,
Во хмелю ведь все невзгоды отступают.
Если беден или болен,
Пей — и будешь ты доволен!
Тот, кто пьян, — тот счастлив и не унывает.

Не всегда была такою.
Первозданной чистотою
И мои когда-то славились одежды.
Только совесть не в почете,
Где жируют на расчете
Толстобрюхие хапуги и невежды.

А теперь пеняет каждый:
«Пусть, мол, бог ее накажет
И спалит ее огонь святого неба!»
Что ж не помнили вы бога,
Когда нищей и убогой
Я молила вас о черствой корке хлеба?

Растрескалось зеркало ночи.
Ты снова стоишь на пороге,
И вновь мирозданье не хочет
Из мифов тебя отпустить
На слишком реальную землю,
где часто рождаются боги,
Где учатся боги любить, ненавидеть, мечтать.

Не время, увы, не пространство
С тобою меня разлучают,
Не вехи надуманных странствий,
Не беды — от сих и до сих.
Но я — это добрая сказка,
что спит в твоей книге печалей,
А ты в моей книге сомнений — нечитанный стих.

А значит, продам свою душу.
А значит, молчать свое сердце
Заставлю. Ты только не слушай,
Чем я расплатилась с судьбой
За малую толику счастья,
 которым ты мог бы согреться,
За дерзкое право твое оставаться собой.

И я ускользаю меж пальцев
По стрелкам кричащих курантов.
Молчи, проклинай иль печалься —
Расходимся в разную явь.
Ты выйдешь неузнанным в город
 с лицом бесшабашного франта,
А в небе — Звезда. Это больше не ты, это я.

Видящим Беспредельность

Песня на слова Мистардэн

Черный ветер бьется в стекло,
Словно в споре земля и небо.
Город тянет руки дорог
Вслед летящим в ночь поездам...
Нам с судьбою не повезло:
Ну зачем ее дар нелепый —
Видеть там, где прочие слепы,
Не умея верить глазам?

Пишет свод законов своих
В наших душах огненной болью
Мир, которому мы нужны,
Как нужны для печи дрова.
Нас не будет в списке святых,
Нам не платят ответной любовью
Лишь за то, что жертвенной кровью
На алтарь прольются слова.

Но не будет эха от слов,
Как крови не впитает камень.
И отринувший жертву мир
Пригрозит немотой, как бичом...
Черный ветер бьется в стекло,
С болью мечется в печке пламя,
Словно плача немymi слезами
О деревьях, сгоревших в нем.

Серебряный ветер

Песня на слова Орлиндо Гэлрэйне

Серебряный ветер, играя, пронесся над миром,
Серебряный ветер — звездой на остывших ладонях,
Огнем чьих-то глаз в глубине полутемной квартиры,
Аккордом гитары, луною в ночном небосклоне.

Дорога уводит, петляя, сквозь сотни вселенных,
Алмазная пыль под ногами — спирали галактик.
Серебряный ветер, играющий звездною пеной,
Срывает листву с золотистых деревьев Лорлайна...

Серебряный ветер — отзвук забытого эха —
Разбудит напев, что помнили мы когда-то.
И Дерево Мира встает путеводной вехой
Для тех, кто идет вперед по кромке заката...

Слова и музыка Ксении Хохловой

Не ищи и не жди. Не печалься,
Уходя, и не радуйся встрече,
Обнимая любимых за плечи,
Слушай только мелодию вальса.

Убивая — не плачь и не смейся,
Слушай только мелодию битвы,
А танцуя по лезвию бритвы,
Удержи чёткий ритм равновесья.

И всегда на правах иноверца
Помни истину дальней дороги —
Заглушает ночные тревоги
Только тихая музыка сердца.

Пусть в прижизненном вихре симфоний
Не расслышать порою дыханья
Той, что ищет с тобою свиданья
В мрачных залах, в чаду благовоний.

Но и даже тогда — постарайся
В нотах боли, что душу калечат,
Обнимая любимых за плечи,
Слышать только мелодию вальса.

Уходящая в Зеркала

Когда, пересекая зеркала,
Я шла сквозь лица, лики и личины,
И в горле со слезами без причины
Мешался вкус разбитого стекла,

Когда еще не пролитая кровь
Прикинулась вином в моем бокале
И шорохом бумажным истекали
Признанья ненаписанных листов, —

Наверно, я тогда сошла с ума,
Опять не помня, кто я и откуда.
Была ли я? А может — только буду?
Я — сон твой или вижу сон сама?

Одно недостижимое «Ты»
Средь тысячи «не-я» чужих осколков —
Услышу, отыщу, узнаю... Только
У лезвия невидимой черты

Уткнусь в непроницаемую гладь.
Метнется тень в глубинах зазеркалья:
Мы вновь с тобой друг друга отыскивали
За миг до взрыва черного стекла.

...Опять рассвет осколки расплескал,
И эхо подхватило, как и прежде,
Твой гимн неумирающей надежде:
«До встречи... В отражениях зеркал...»

Сквозь звездный круг дорога без следа.
Смолкает мир. Застыло время даже.
И снова ночь, и свечи — словно стражи
У черного провала в никуда.

Как зло и долго тянется мой путь,
Как липнет к сердцу снов густая камедь...
Как больно оставлять и плоть, и память,
Как страшно снова в Зеркало шагнуть!

Реальность сердца

Прыгнуть с крыши
 навстречу ночному шоссе
Недостаточно, чтобы
 научиться летать,
Недостаточно, чтобы
 быть достойным вина последней зари.
Спрятать руки
 в карманы усопших надежд
Недостаточно, чтобы
 расставить точки над «і»,
Недостаточно, чтобы заставить заткнуться
 звезду, что еще горит.

Ref.:

Где боль умеет петь, как вещая птица,
Где смерть — незримый ключ к началу дороги,
Соленый нектар прозренья омоет ресницы
В реальности сердца, которой не знают боги.

Только могилы
 боятся ветров перемен.
Трус, как правило,
 первым наносит удар.
Тот, кто вечно считает потери,
 забыл о прежних дарах.
Пей безумную радугу дней,
 пока она есть.
Принимая чашу,
 не спрашивай — мед или яд.
Не беги по тропе войны, и тебя
 никогда не настигнет враг.

Слова и музыка Ксении Хохловой

Если Тень станет признаком Света,
Я готова стать призрачной тенью,
Своего не нарушив обета
И ничьих не развеяв сомнений.

Кто властен над Книгою Судеб,
Пусть простит мою грешную душу.
Изречение «Покоя не будет»
Про меня там написано тушью.

А привыкнуть хоть трудно и больно,
Все же можно — есть худшие беды:
Например, быть свободной, быть вольной
Тенью тех, кого в принципе нету,

И мотаться по краю вселенной,
В тьме ночной навсегда растворяясь,
И любя, и тоскуя, как верно,
Как возможно, лишь вечно скитаясь.

Перед богом представ на мгновенье,
Коль смогу, жребий вымолю этот:
Быть химерою, сном или тенью —
Если Тень станет признаком Света.

Песня на слова Ассиди

Я-то прощу, а простишь ли ты?

Каждый взгляд — как в горло клинок.
Переступив заветный порог —
Вновь в ледяные тиски пустоты...

Каждый шаг — как будто в огонь,
Каждый миг — забвения след.
Я-то пойму, а ты уже нет...
Снов нерушимость попробуй тронь!

Прочь без оглядки, а там — стена.
К звездному небу — и камнем вниз.
С ветром и солнцем навек простись.
Смерть не страшна, но зачем она?

Я-то прощу, только что с того?
Вечность бессилия не обойти.
Манит безумьем конец пути...
Ты доберешься, а там — ничего...

...Но правдивая сказка сильнее неискренней были,
Даже если убьет Никогда слабый голос Когда-то,
Даже если сгорят за спиною ненужные крылья,
Словно облако кровью истает в горниле заката.

Все равно я поверю дождям, а не правильным книгам,
Все равно я услышу ветра, а не громкие речи
Там, где мир на рассвете насыщен пронзительным мигом
И смеется над теми, кто тщится продать ему вечность.

Я уйду меж звенящей росой по алмазному морю,
Оставляя богов и пророков, царей и законы
Заблуждаться, что истина больно рождается в споре
Подгонявших ее под венец обладателя трона.

Там, где меч обезглавит кичливого знамени древко
На земле золотой мишуры и кровавых кумиров,
Я смиренно колени склоню пред цветком-однодневкой —
Перед хрупкой святыней такого ранимого мира.

Непродуктивный суицид

Ваятель мира сего, по совместительству — бог,
Оболтус этого века и всех прочих эпох,
Но тем не менее считаю не зазорным обжигать горшки.
Я их леплю по себе, я их творю на слом,
Ведь он придет и раздолбает все железным жезлом.
Но у меня есть клей «Момент», мне не впервой соединять черепки.

Да, он пока в эмпирее, он сосет валидол,
А мой трамвай до рая прямо из-под носа ушел,
И я болтаюсь по земле и напеваю озорной мотив.
Непродуктивный суицид не есть благая самоцель:
Геенна, Тартар и Коцит, и девять шрамов на шуйце —
Напоминание о том, что я не свят, но ослепительно жив.

Безумно хочется быть! Не по-пустому, а так,
Чтоб каждый миг — как озаренье и вздох — любой пустяк.
Я б рассказать ему хотел, что он умел, когда ходил под стол.
Но святозарный мальчик мой, он победил меня в бою.
И вот пока он там герой, я днесь грядку и пиво пью,
А значит, повод у него всегда найдется пососать валидол.

А я иду, шагаю по Земле, и я пройти еще смогу
Луну, Венеру, Марс, Плутон
И прочую пургу.
В полнеба пару крыльев распушу,
Сверкающих во мгле.
А если я по дому загрущу,
То век-другой возможность отыщу
Пошляться по Земле.

Песня на слова Ксении Хохловой

Ты — маэстро своей черно-белой игры,
Обожаешь размытые полутона.
Ну а я не приучена ждать семерых
И поэтому часто бываю одна.

О тебе мне поведал пасьянс домино
И пророчил невнятно ночной визави.
Ты пойми: я поверила б с радостью, но —
Извини, извини, извини, извини.

Придет декабрь и будет снег,
И кто-то вновь один за всех
Челом расплавит снежную корону.
На ней всего-то два зубца —
Венец паяца и творца
Спасет ли в стае белую ворону?

Ты, являясь ко мне иногда по утрам,
Убежденно твердишь о любви, как другим.
Но тебе не пополнить мой список утрат
Даже после расплаты моей за долги.

На земле перепутаны знаки стихий,
Инквизиций костры и посадок огни...
Видишь шрамы мои? Это тоже стихи.

Извини, извини, извини, извини.

Придет декабрь и будет снег,
И снова бог — один за всех —
Челом расплавит снежную корону,
Чтоб влагой напоить сердца.
Твой крест паяца и творца
Незримо метит белую ворону.

Забытый бог I

Ты играешь в миры, как в мячики,
Сеешь звезд ледяной горох.
Отчего же порою плачешь ты,
Позабытый ненужный бог?
Оттого ли, что сказка Вечности
Оказалась пуста и зла?
О потерянной человечности,
Что когда-то тобой была?

И величие — как убожество:
Лед без пламени не согреть.
Ни любить, ни страдать не можешь ты,
Ни забыться, ни умереть.
Вне тревог, вне страстей, вне времени
Ты — всевидящий государь.
Но цена твоего прозрения —
Вместо сердца слепой алтарь.

И устав на плечах печаль нести,
Венценосец, господь, кумир,
Ты шагнешь на порог реальности,
В истекающий жизнью мир.
И спадет золотая ржавчина,
Где в предутреннем серебре
Горький ветер глотнешь ты с жадностью,
Умирая на алтаре.

Забытый бог II

Ты зачем сюда пришла — умирать?
Не хочу я ни прощать, ни карать.
Я не царь тебе, не бог, не судья, —
Ты сама прекрасно знаешь, кто я.

Волей вышних — мое имя в крови.
Верой грешных — мое сердце во тьме.
Я и думать позабыл о тебе,
Не зови меня, не зови меня, не зови...

Уходи, грядет пора темноты.
Не клади мне на ладони цветы.
Эти руки рвали жизнь, как траву.
Уходи, не то твою оборву!

Год от года смерть сюда торит путь,
Век от века страх и боль — что гроши.
Сказка кончилась, не нам пепел ворошить.
Позабудь меня, позабудь меня, позабудь...

Кто там воет над землей в темноте?
Это ветер бесконечных потерь.
Запах гибели — мой яд и нектар.
Но не я опять упал на алтарь.

Это плата за восторг быть другим,
Это пламя, что сжигает мосты.
Так зачем, зачем стремишься напомнить ты,
Что любим я был, что любим я был, был любим?!

Сно-Творец

Здравствуй, моя маленькая девочка-смерть.
Каждый раз, как ты приходишь на меня посмотреть,
Я весь в наивном предвкушении, что теперь-то моя песенка спета.
Ах, мне бы напрочь позабыть, зачем и кто я такой:
Возможно — бог, возможно — призрак или кто-то другой,
А может просто ветер снов над твоею ночной планетой.

Но, насмехаясь над моим нетерпеливым «убей!»,
Швыряешь сердце мое тысяче неистовых змей,
Чей странный яд сулит не вечное забвение, а нечто такое,
Что я творю миры и сказки: попробуй тут не твори,
Когда так прочно и опасно прорастает внутри
Неукротимое сомнение в возможности достичь покоя.

Вечер искушает, рассыпая огни,
Но ты опять задернешь шторы и погасишь ночник.
Закрыв глаза,пустишь душу вольным ветром в неземные дали.
Но, постигая многомерности цветных одеял,
На самом деле ты скользишь по острию бытия,
И это чувствую лишь я, а ты, проснувшись, осознаешь едва ли.

Покуда губ твоих дыханьем не согреет рассвет,
Ты — жизнь и смерть, ты — скорбь и радость миллионов планет,
Твоим велением вселенные роятся или рушатся в бездну.
И только я не существую от начала основ,
Творящий явь из лабиринтов твоих путаных снов.
Мне больно быть.
Но вечность — миг.
Ведь ты проснешься — значит, я исчезну...

Строители невидимых дорог

Строители невидимых дорог,
Крылатые бродяги мироздания...
Кружит листвою попутный ветерок —
Чьего-то «здравствуй» эхо «до свиданья».

На сколько стен пришлось нарваться лбу,
Не знающему слова «невозможно»!
Ведь мы же сами выбрали судьбу
Сшивать путями раны бездорожья.

Где меж миров не ходят поезда,
Где жизнь, как на цепи, на месте кружит,
Где ставит крест немое «никогда»
На чьей-то нерожденной крепкой дружбе,

Где ждать устали добрых новостей,
Где редкий день обходится без дрожи —
Там мы протянем ниточки путей
В пугающе холодном бездорожье.

Строители невидимых дорог,
Нам петь, не веря мертвому покою,
Сплетать сонеты звезд в один веночек
И — чтоб в любую даль подать рукою.

И тает седина на волосах,
И зов сердец услышать так несложно,
И звезды зажигаются в глазах,
Где мы бросаем вызов бездорожью.

Песня на слова Мистардэн

Будет день — впервые за много лет
Не откажут крылья и боль пройдет.
И, простив ненужность свою земле,
Вновь начнешь оборванный свой полет.

Сердце как звезда, и ясны пути,
На челе — венец серебра луны.
Позабудь о зле, лед оков прости,
Подари земле золотые сны

О тепле любви, что сметает страх,
О всесиле веры и красоты.
Сердце мира бьется в твоих руках —
Так прими, достойный своей мечты.

Возвращайся — родина в небесах.
Ведь не зря казалась — земля тесна.
Сердце мира бьется звездой в руках,
И дорога в вечность светла, ясна.

И свобода рядом — навек сестра.
Не откажет больше крыло твое.
Но, держа звезду в молодых руках,
Не забудь о мире, где взял ее.

Возвращайся в мир, что дарил ее,
Ждет земля тебя, что зажгла ее.

Ностальгия

Есть высшее влечение души,
Тоска неисчерпаемая в сердце:
Внезапное предчувствие вершин,
Где нет врагов и нет единоверцев.

И ты бредешь, купившись на соблазн,
Тропюю исчезающего мая,
А в глубине твоих безумных глаз
Смеется бог, родясь и умирая.

Экстремум разноперых ностальгий —
Твое всепоглощающее кредо.
Но кто прочтет упрямые шаги
В зигзагах запорошенного следа?

Маши мечом, иди через фронты,
А он пойдет проторенной дорогой.
Он станет богом — он сильнее; а ты —
Искрой в глазах смеющегося бога.

Но что тебе сверкающий Олимп,
Но что тебе все почести земные,
Когда в недостижимой дали
Вершиной в небе дразнит ностальгия!

Она — твоя заветная звезда,
В ней — свет любви и голос судей строгий.
Отдай же все идущим по следам,
Себе оставив только зов дороги.

Пылает в сердце вечный зов Дороги —
О высшее влечение души!

Песня на слова Мистардэн

Искатель вечной правоты,
что смерти побеждать мешал,
от красоты до пустоты —
не пропасть, а всего лишь шаг.
От простоты до суеты
летели годы-корабли,
и вот итог — уходишь ты
из успокоенной земли.

Идешь искать себе преград
и в жертвенном огне гореть.
Слова, как искры от костра,
не смогут никого согреть.
Уходишь, вечную игру
на середине оборвав,
уходишь к своему костру,
чтоб снова знать, что снова прав.

Уходишь, общий и ничей,
презрев признание и власть,
шарахаясь, как от бичей,
от благодарных наших глаз.
Щадить себя не суждено,
как не дано летать во сне...
Ты эту землю любишь, но
ты не останешься на ней.

Зеленоглазый еретик,
не разучившийся страдать,
куда ведут твои пути,
никто из нас не будет знать.
Куда ведет тебя звезда,
что бьется с сердцем в унисон?
Уходишь, все равно куда,
без страха превратиться в сон.

Печальный сон забытых лет,
жилец страниц из ветхих книг,
ничей не долетит привет,
забвеньем захлебнется крик...
Переживая сам себя,
ты лишь устал, но не остыл.
Так да хранит тебя судьба,
искатель вечной правоты...

Караван видений

Песня на слова Иннельды

Хозяин гробниц расколотых, Король Ледяной Страны

Взирает глазами мёртвыми на тех, кто придёт потом.
Песком, словно слёзной влагою, глазницы его полны.
Он ловит виденья бледные беззубым иссохшим ртом.

Богиня идёт со змеями в растрёпанных волосах,
Ступает легко по времени, и очи её пусты.
Её прославляли древние в безумных ночных стихах,
К ногам её цвета мрамора роняли дубы листья.

А в небе сверкает Сириус — охотничьих псов звезда,
И льётся сиянье лунное в расколотые гробы.
А мёртвые жаждой маются, им снится вода, вода...
Листает страницы жёлтые сухая рука Судьбы.

А зёрна, что в почву брошены, мечтают о свете дня.
Влюблённых объятья яростней на чёрной нагой земле.
И кто-то тома шуршащие бросает в уста огня,
Пытаясь согреться в гибельной холодной ноябрьской мгле.

В стакане вино прокисшее, на скатерти чёрствый хлеб...
Один на другой похожие, над миром летят года.
Играет на арфе сломанной седой и печальный Феб.
Рисуют слепые гении меня на холсте — всегда.

А я всё кружусь, безумная, в сверкающей пустоте,
Не видя в упор отчаянных стараний меня призвать.
И лица в разбитом зеркале — не те, и слова — не те.
И значит — опять, в реальности себя воссоздав, играть.

Играть, развлекая страшного Царя Ледяной Страны,
Безмолвного, неподвижного, бессмертного мертвеца,
И скармливать рту истлевшему свои и чужие сны —
До самого рёва трубного, до самого дней конца.

Я вернусь

Двум смертям не бывать, не минуешь одной,
А потом — кто куда. Мы как птицы вольны.
Всем воздастся по вере. Но, мячик шальной,
Я скачу между небом и шаром земным.

Сколько всяких чудесных миров — просто блеск!
Только мне все нейдет, презрев райский сад,
Умирать и рождаться опять на Земле,
И господь измотался пинать меня в зад.

Ref.:

Все равно я вернусь через век хоть на миг
В этот тысячу раз мною проклятый мир.
Все равно я вернусь — не понять, для чего, —
Потому что никак не могу без него.

Что я здесь потерял? Что ни жизнь — то вопрос.
Я же видел на лицах звериный оскал,
Задышался от гнева и слезы глотал, —
Почему я к Земле как корнями прирос?

В этом мире, друзья, нет покоя ни дня:
И кресты, и костры — это все для меня,
Только вам не отвадить меня от Земли
Громовым заклинанием: «Целься и пли!»

Ведь нельзя же успеть за одну только жизнь
Всех хороших людей меж собой подружить,
Не успеть обойти миллионы дорог,
Увидать, как раскроется каждый цветок.

Здесь закаты и кони в речном серебре,
Здесь не воздух — настой свежескошенных трав...
Как влюбленный дурак, я несу этот бред.
Только тот, кто влюблен, — он, как правило, прав!

Мой сумасшедший мир

Распахнулась немая рана
Через сердце навывлет в вечность.
Для мессии ничтожно рано,
В самый раз для его предтечи.

Опален пустотой познания
Доброхот жестяного века.
Слишком мало для мироздания,
Слишком много для человека...

Мой сумасшедший мир, сотканный из огня,
Мой сумасшедший мир, не предавай меня!
Мой сумасшедший мир, не отпускай, держи
Мой бесконечный миф, призванный вечно жить!

Не рыдай, не кричи, не корчись,
Никому не скажи о боли,
Разве кто-то придет на помощь,
Если мир безнадежно болен?

Ты не смеешь открыть причину,
Что века отравляет нервы:
Половина наполовину —
Возлюбить или в прах повергнуть

Мой сумасшедший мир, мой несуразный бред,
Мой сумасшедший мир, свитый из тысяч бед,
Мой сумасшедший мир, созданный для любви,

Мой сумасшедший мир, только живи, живи!

Мой сумасшедший мир...

Излом
Незаконченный венок сонетов

1

Я низведён до мизера основ,
Уловлен в сети путаных мистерий
Безумьем экстагических истерик,
Устами сладкозвучных болтунов.

Дитя, поэт и ветреный цыган
Стократ достойней миртовой короны.
А кто прослыл адептом посвящённым,
На самом деле — мерзостный профан.

О, как небрежно росчерком пера
Растят очередной бумажный храм
Иные «соломоны» и «хирамы»,
Забыв, что время всё ввергает в тлен!

Мир корчится в геенне перемен,
Распятый по вершинам Тетраграммы.

2

Распятый по вершинам Тетраграммы,
Проклятый бог, благословенный бес,
Зализываешь огненные шрамы,
Оставленные оргией словес.

Бред! Не объять Незримое словами —
Ни приторным елеем тропаря,
Ни кровью рун в подножье алтаря.
Ты шепчешь им безгласно: я не с вами!

Но всяк тебя выдумывает всеу,
Но всяк тебя по-своему рисует.
Ты сам забыл, что скрыто под сукно
Сплетенья благочестья и порока.

Твой путь земной — без цели и без срока,
Тинктурой слов исторгнутый из снов.

3

Тинктурой слов исторгнутый из снов
Каких богов, трепещет мир на грани
Небытия? Учение пресно,
Усилия тщетны. Как заноза в ране,

Бесцелен путь. А истина проста,
Единый сонм смыкающихся истин:
Кто чужд земной и неземной корысти, —
Лишь те войдут в небесные врата.

Лишь те познают Бездну и Полёт,
Лишь те, в ком Пламя Вечности поёт,
Сжигая в пыль бессмысленности граммы.

И болью, возведенною в экстаз,
В них прорастает звонкий парафраз:
Я — мудрость фарса. Я — наивность драмы.

...

15
Я низведён до мизера основ,
Распятый по вершинам Тетраграммы.
Тинктурой слов исторгнутый из снов,
Я — мудрость фарса, я — наивность драмы.

Ты алчешь тайн, блаженный идиот,
Послушный раб вселенской карусели?
Но Знания плод — секрет Полишинеля:
Во всём и в каждом зреет этот плод.

Как сладко плыть рекою мудрецов,
Свивая мироздание в кольцо
Немой змеёю на незримом стяге!

Трепещет Алеф, чувствуя азарт.
Но пляшет Шин, смеясь ему в глаза,
Лучом в обломках ритуальной шпаги.

Приложение 4

Ритуал 2,22

**(столь возвышенный и опасный, что может быть дан только в
трансцендентных символах, открытых посвященному Храма Гнозиса)**

Прежде всего ученику следует усвоить, что ритуал 2,22 необходим далеко не каждому. Ритуал 2,22 не нужен самым талантливым ученикам, способным к непосредственному гнозису и проживанию опыта возлюбленного божества.

Но точно так же для ученика, вовсе не имеющего духовного опыта, этот ритуал может быть опасен и закончится весьма плачевно.

В первую очередь он полезен тем, кто уже сформировал свою систему духовной практики и духовной дисциплины, обработал грубый камень и интегрировал четыре стихии, но имеет сложности с прямым видением архетипа из-за избыточно жесткого эго.

В любом случае желающий выполнить этот ритуал действует на свой страх и риск, так что все последствия остаются на его или ее совести.

Этот ритуал не должен выполняться слишком часто. В идеале — не чаще, чем один, максимум два раза в месяц, но даже этот максимум может быть слишком сложен для практика на любой ступени развития.

Ритуал дан в сокровенных символах и знаках, доступных на соответствующем уровне посвящения.

Внимательно изучите Святые Книги Телемы, то есть публикации класса «А», но превыше всего — «Книгу Закона» Алистера Кроули.

1) Прежде всего знай, что сий Возвышенный ритуал пригоден лишь для тех у кого есть пара, добровольно и без какого либо прямого или косвенного принуждения готовая или готовый участвовать в этой мистерии. Ибо ритуал 2,22 — это прежде всего сексуально магический ритуал, всякий практикующий его в одиночестве рискует обречь свой разум на погибель и предать себя псам рассеяния. Мужчина встречает женщину, Бог встречает Богиню. Гомосексуальные пары также могут практиковать этот ритуал, настроившись на образы Зевса и Ганимеда или Аполлона и Гиацинта.

2) Совершите призывание древнескандинавского бога войны. Его неистовый молот поможет вам проложить путь во мраке и открыть врата мистерии, поможет обойти ловушки архонтов.

3) Посвятите себя серьезной медитации на второй подвиг Геракла. Изучите все, что так или иначе касается его второго подвига, и повторите его, укротив девятиглавое чудовище и найдя путь к его золотой бессмертной голове.

4) Призовите Джона Голта. Нищий и даже бедный неспособен к совершению этого ритуала, поскольку он потребует существенных вложений вашей четвертой силы бытия.

5) Обретите Имя в Златой главе.

6) Не пешком и не на машине, но только на велосипеде совершите свой ритуальный круг вокруг вашего внутреннего храма, ибо два колеса велосипеда есть две петли лемнискаты, соединенные одной точкой, которую символизирует велосипедная цепь. Все остальные пути, что откроются вам во вратах златой главы, в высшей степени опасны и могут вести в никуда.

7) Призовите благих духов вам в помощь. Женщины могут призвать образ Лары Крофт, мужчины — Индианы Джонса, и да помогают вам эти культурные герои в вашей глубокой медитации.

8) Проведите медитацию на возлюбленных богов. Представьте себя ими. Откройте им врата своей души. Станьте ими. До начала работ от всего сердца попросите вашего САХ, Самость проявить себя в таинстве в самой высшей форме.

9) Соединитесь в любовном танце со своими возлюбленными. Помните что в танце 2,22 вас всегда шесть — вы, ваша Анима (или Анимус) и ваша Самость, а также ваша возлюбленная (возлюбленный), ее или его Анимус (Анима) и ее или его Самость. Порой выйти на уровень шести невозможно, но святой четверичности искренний практик достигнет с первого ритуала.

10) Помните, что единственный смысл ритуала есть глубины Любви, и все, что не подчиняется закону Любви, есть проклятие, отданное псам рассеяния.

Приложение 5

Ритуал последнего символа

1. Повернись лицом на север и скажи: «Аппо Пантос Какодаймонос!»
2. Соверши крест так, как он делается в ритуале Звездного рубина, либо внеси изменения, которые считаешь нужными.
3. Оставаясь на севере, начерти Последний Символ с верхнего правого угла (верхний полукруг, ось, нижний полукруг с левого угла, центральная перекладина), сделай знак входящего и изрыгни, точно лев: «ЛЮКС!»
4. Повернись на восток, начерти Последний Символ с верхнего левого угла (верхний полукруг, ось, нижний полукруг также с правого угла и центральная перекладина) и произнеси: «ГНОЗИС!»
5. Повернись на юг, начерти Последний Символ с правого нижнего угла и томительной вибрацией пропой: «НОКС!»
6. Повернись на запад, начерти Последний Символ с левого нижнего угла и произнеси: «ЭРОС!»
7. Вернись обратно на восток. Встань в знаке Мулиер и изреки:

Впереди меня Люцифер.
Позади меня Лилит.
Справа от меня Азазель.
Слева от меня Нахема.
Надо мной бездна Небес.
Подо мной бездна Земли.

Во мне Роза и Крест,
что плетут любовью своей
узор Жизни на лице Духа.

8. Повтори крест Звездного рубина.

Приложение 6

Годовой круг ритуалов

Ритуал Имболка

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.

2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полюс!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азальюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над міром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы прославить игры Бога-ребенка, брат Змей.

Церемониймейстер: Как же мы прославим сии игры, брат Дракон?

Жрец: Смехом и беспечностью, брат Змей.

Все: Совлечем же бремя серьезности и прославим игры Бога-ребенка.

4) Встреча

Жрец, обращаясь к жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на

вые звериной. Воздадим же почести Венценосному Ребенку, чьи игры согласны с Истинной Волей нашей.

Жрица, обращаясь к жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силой Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим же почести Венценосному Ребенку, чьи игры согласны с Истинной Волей нашей.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствую вас, играющих ныне в рощах Касталии, дабы и служители были беспечны, как дети.

Жрец: Приветствую Венценосного Ребенка, чьи игры согласны с Истинной Волей нашей. И корона звезд на челе этого дитя.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ БОГА-РЕБЕНКА

В рощах Касталии славим игры Бога-ребенка,
Пусть он резвится, играя в тайном пределе весны.
Мир — это только игрушка, что создана для забавы,
Будем и мы, словно дети, так же беспечно играть.
Сонмы бесчисленных звезд, древних планет ли орбиты,
Мощь первозданных стихий, духов бесплотный ли мир —
Все только повод для игр, чтоб через нашу беспечность
Самых великих Мистерий осуществилась бы суть.
Круг мы смыкаем, играя, Бога-ребенка прославив.
Смех его внятн. Он смехом все, что вокруг, проявил.
Мы отвергаем отныне тяжести дух и серьезность.
Мисты Великого Круга — мы словно дети легки.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Сатурна):

Во что ты изволишь играть? Промолви, серпа обладатель.

Сатурн: Ходом мгновений и вечности ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Юпитера):

Во что ты изволишь играть? Реки, справедливый владыка.

Юпитер: Венцами и пурпуром мантий ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Марса):

Во что ты изволишь играть? Ответь, искуснейший в битвах.

Марс: Копьями я и мечами ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Солнца):

Во что ты изволишь играть, податель всяческой жизни?

Солнце: Восходом своим и закатом ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Венеры):

Во что ты изволишь играть, рожденная морем и кровью?

Венера: Множеством поз сладострастных ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Меркурия):

Во что ты изволишь играть, о непрерывность движений?

Меркурий: Тайной обманов и знаний ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Луны):

Во что ты изволишь играть, открой, отражение света.

Луна: Цикличностью женской природы ныне изволю играть.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Венценосного Бога-ребенка, чьи игры согласны с Истинной Волей нашей. О ты, Владычица звездного света, и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О ты, Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям!

Жрица: О ты, Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям!

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Нюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Змей): Что за звук мы слышим, брат Дракон?

Жрец (он же брат Дракон): Это шаги Бога-ребенка, брат Змей.

Церемониймейстер: Откуда нисходит он, брат Дракон?

Жрец: Он покидает сады детства, брат Змей.

Церемониймейстер: На чей зов он идет, брат Дракон?

Жрец: Он следует зову первой битвы, брат Змей.

Церемониймейстер налагает *Звездный крест Люцифера*.

Жрец и Жрица выполняют *знак Закрытия Завесы*.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Весеннего Равноденствия

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полнос!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азалюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют *знак Разрывания Завесы*.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы прославить Непобедимое Солнце, брат Змей.

Церемониймейстер: Как же прославим Непобедимое Солнце, брат Дракон?

Жрец: Экспансией в соответствии с Истинной Волей нашей, брат Змей.

Все: Встретим Солнце Непобедимое!

4) Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Солнцу Непобедимому, и да будут приведены в равновесие силы в соответствии с Истинной Волей нашей.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силой Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Солнцу Непобедимому, и да будут приведены в равновесие силы в соответствии с Истинной Волей нашей.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствую вас, встречающих Солнце Непобедимое, что завоевывает миры и зоны.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ НЕПОБЕДИМОГО СОЛНЦА

Непобедимое Солнце в рощах Касталии славим.
На колесницу триумфа Бог светозарный взошел.
Братья, он верный соратник, тот, что в сраженьях бесстрашен.
Сестры, он пылкий любовник, неутомимый в любви.
Силу его и величье ныне и мы принимаем.
Стяги его мы возносим в небо грядущих побед.
Войско достойных мужей Бог светозарный возглавит.
Жен, что подобны богиням, в брачный чертог возведет.
Поле сражений и ложе будут отныне едины.
Так этот праздник великий нам подобает встречать.
Пусть в эту ночь не минует нас Равноденствия Чаша,
Дабы и мы, причастившись, стали подобны Богам.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Сатурна):

Что покорил ты, о молви, серпа обладатель?

Сатурн: Вечности дар и прекрасное чудо-мгновенье я покорил в этот час.

Жрец (налагая Печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Юпитера): Что ты покорил ты, о молви, державы носитель?

Юпитер: Силу могущества Власти ныне я покорил.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Марса): Что покорил ты, владыка войны и сраженья?

Марс: Битвы восторг и пощаду я в этот час покорил.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Солнца): Что ты привел в равновесье, молви, благ расточитель?

Солнце: Зной и дары золотые я в равновесье привел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Венеры): Что покорила сегодня, пенорождённая, молви.

Венера: Нежность с безудержной страстью я покорила собой.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Меркурия): Что покорил ты сейчас, игры и обмана владыка?

Меркурий: Знание глубин и обманы ныне я покорил.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Луны): Что покорила сегодня, молви, о тройственность формы?

Луна: Отдых ночной и кошмары ныне под властью моей.

Жрец (налагая печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Солнца Непобедимого, дабы приведены были в равновесие силы в соответствие с Истинной Волей нашей. О ты, Владычица звездного света, и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям!

Жрица: О Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям!

Жрец и Жрица причащают служителей

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Ньюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Змей): Какой нынче час, брат Дракон?

Жрец (он же брат Дракон): Час Равноденствия Богов, брат Змей.

Церемониймейстер: Что следует за часом сим, брат Дракон?

Жрец: Великое Бракосочетание, брат Змей.

Церемониймейстер: Кто приглашен будет, брат Дракон?

Жрец: Кто следует Истинной Воле своей, брат Змей.

Церемониймейстер выполняет *Звездный Крест Люцифера*.

Жрец и Жрица выполняют *знак Закрытия Завесы*.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Белтайна

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полюс!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!
Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!
Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:
Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азалюцель! Ллит Ахемани!
2 — 2 — 2 — 2 + 1
СЛОВО!
4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы прославить Чету, вступающую в чертоги брачные, брат Змей.

Церемониймейстер: Как же прославим мы сию Чету, брат Дракон?

Жрец: Обретением единства на алтарях страсти, брат Змей.

Все: Слава Чете, вступающей в чертоги брачные!

4) Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Чете, восходящей в чертоги брачные.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силой Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Чете, восходящей в чертоги брачные.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствие Чете, восходящей в чертоги брачные.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ ЧЕТЫ

В рощах Касталии время нам Гименея нам прославить.
Наш венценосный Владыка ныне супругу обрел.
Таинство этого Брака лишь посвященным известно,
А для профанов оно скрыто покровом завес.
Вот повелитель возводит деву на брачное ложе.
Спали одежды... Сияет мрамором их нагота.
Братья и сестры, восславим таинство этого Брака.
Чашей страстей причастимся, Волю исполнив свою.
Брат посвященный, промолви: «В тебе почитаю Богиню», —

Дабы Богиня сказала: «Бога в тебе узнаю».

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Сатурна): Кого ты на ложе возвел, времени, молви, владыка?

Сатурн: Ту, что за бездной сокрыта, ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Юпитера): Что за Богиню возвел ты на ложе, державный владыка?

Юпитер: Власти и Права Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Марса): Что за Богиню возвел ты на ложе, боец беспощадный?

Марс: Сечи кровавой Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Солнца): Что за Богиню возвел ты на ложе, о расточитель?

Солнце: Ясного света Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Венеры): С Богом каким ты восходишь на ложе, рожденная в пене?

Венера: С Богом весьма сладострастным ныне на ложе всхожу.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Меркурия): Что за Богиню возвел ты на ложе, жезла двойного держатель?

Меркурий: Тайного знания Богиню ныне на ложе возвел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Луны): С Богом каким ты восходишь на ложе, охотница, молви?

Луна: С Богом, что в чашах таится, ныне на ложе всхожу.

Жрец (наносит печать Касталии):

Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Четы, вступающей в чертоги брачные. О ты, Владычица звездного света, и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Ньюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Змей): Почему ты грустишь, брат Дракон?

Жрец (он же брат Дракон): Близок час апогея Владыки нашего, брат Змей.

Церемониймейстер: Восхождение к вершине — повод ли для печали, брат Дракон?

Жрец: За восхождением следует спуск, брат Змей.

Церемониймейстер: Чему сие учит нас, брат Дракон?

Жрец: Единому ритму Жизни и Смерти, брат Змей.

Церемониймейстер налагает Звездный крест Люцифера.

Жрец и Жрица выполняют знак Закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Летнего Солнцестояния

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полнос!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азалюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы прославить Взошедшего на вершину, брат Змей.

Церемониймейстер: Как же прославим его, брат Дракон?

Жрец: Бесстрашием взирающих в глубины, брат Змей.

Все: Бесстрашно в глубины взираем!

4) Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Взошедшему на вершину.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силой Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Владыке, взошедшему на вершину.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствие Взошедшему на вершину.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ ВОШЕДШЕГО

Ныне Владыка вошел на вершину священной горы,

С ним и служители тоже взошли на вершину.
Смотрят на пройденный Путь. Сколько пришлось им пройти,
Сколько пришлось им достигнуть на горных уступах.
Клекот орлиный не слышен. Здесь тишина и покой.
Только снега да слепящее зрение Солнце.
Гул водопадов и рокот лавины в былом.
Мнится, стихает в груди беспокойное сердце.
Ныне дождемся заката. В положенный час
Факел затеплив, мы спустимся горной тропею.
Ныне идем на Закат. Ныне положен нам спуск,
Чтобы затем опять совершить восхождение.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Сатурна): Что ты с вершины узрел, наших времен исчислитель?

Сатурн: Время свободных титанов ныне с вершины узрел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Юпитера): Что ты с вершины узрел, царской короны носитель?

Юпитер: Над временами победу ныне с вершины узрел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Марса): Что ты с вершины узрел, реки, архистратиг бесстрашный?

Марс: Буйство Эриний кровавых ныне с вершины узрел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Солнца): Что ты с вершины узрел, реки, расточитель всещедрый?

Солнце: Я расточающих благо ныне с вершины узрел.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Венеры): Что ты с вершины узрела, реки, воплощение страсти?

Венера: В море своё зароженье зрю я с вершины сейчас.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Меркурия): Что ты с вершины узрел, реки, быстроногий обманщик?

Меркурий: Души к покою сходящих ныне с вершины узрел.

Жрец (*наносит печать Касталии*): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (*налагает уникальную гексаграмму Луны*): Что ты с вершины узрела, реки, воплощение ритмов?

Луна: Спящего Эндимиона зрю я с вершины сейчас.

Жрец (*наносит печать Касталии*): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлена.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Владыки, взошедшего на вершину. О ты, Владычица звездного света, и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы не прерывался Великий Круг.

Жрец: О Звезда Звёзд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица *причащают служителей.*

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Нюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (он же брат Змей): Куда взираешь ты, брат Дракон?

Жрец (он же брат Дракон): В глубины нисхождения, брат Змей.

Церемониймейстер: Что зришь ты, брат Дракон?

Жрец: Нелёгкий путь Заката, брат Змей.

Церемониймейстер: Что на потребу нисходящим, брат Дракон?

Жрец: Исполниться мужеством, брат Змей.

Церемониймейстер *налагает Звездный Крест Люцифера.*

Жрец и Жрица *выполняют знак Закрытия Завесы.*

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Созревших Плодов

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.

4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полнос!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азальюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы принять плоды сокровенные, брат Змей.

Церемониймейстер: Как же мы примем их, брат Дракон?

Жрец: В соответствии с Истинной Волей, брат Змей.

Все: Да примем плоды сокровенные!

4) Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, расточающему плоды деяний своих.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя,

расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю, расточающему плоды деяний своих.

Церемониймейстер (выполняя Знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице):
Приветствую Проявляющего бесконечную щедрость свою. Ныне расточает он плоды деяний своих служителям своим.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

ИНВОКАЦИЯ ХАОСА

Хаос-Отец, ныне к тебе мы взываем,
Солнца наместник единственный ты на Земле.
Тайное тайных, к тебе и приблизиться страшно
Даже Богам, что твою восприняли суть.
Мы же сквозь арки пройдем самых больших испытаний,
Мисты Великого Круга, смеем тебя призывать.
В чреслах своих мы несем часть твоего преизбытка,
Дабы по собственной Воле Космоса ось возвести.
Ныне в мистическом действе будь, Прародитель, прославлен,
Тайны, сокрытые ныне, ты посвященным яви.
Через тебя и с тобой будет отныне открыто,
Что, не смущаясь ничем, мы возжелали узнать.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Сатурна): Дар воспринявши плодов, времени скорбный владыка, ныне себя нам яви.

Сатурн: Ныне являю себя плодами немислимой скорби.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Юпитера): Дар воспринявши плодов, власти достойный владыка, ныне себя нам яви.

Юпитер: Ныне являю себя плодами достоинства власти.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Марса): Дар воспринявши плодов, воинов суровый владыка, ныне себя нам яви.

Марс: Ныне являю себя плодами кровавых сражений.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Солнца): Дар воспринявши плодов, Жизни и Света владыка, ныне себя нам яви.

Солнце: Ныне являю себя плодами подателя Жизни.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Венеры): Дар воспринявши плодов, страсти любовной владыка, ныне себя нам яви.

Венера: Ныне являю себя плодами безудержной страсти.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлена!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Меркурия): Дар воспринявши плодов, знаний сокрытых владыка, ныне себя нам яви.

Меркурий: Ныне являю себя плодами обманов и знаний.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлен!

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Луны): Дар воспринявши плодов, света ночного владыка, ныне себя нам яви.

Луна: Ныне являю себя плодами сплошных изменений.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити будь же благословлена!

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церимониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля, расточающего плоды деяний своих. О ты, Владычица звездного света, и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: О ты, Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О ты, Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Нюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церимониймейстер: Который нынче час, брат Дракон?

Жрец: Час вкушения плодов, брат Змей.

Церимониймейстер: Каковы же на вкус сии плоды, брат Дракон?

Жрец: Горечь и сладость в них, брат Змей.

Церимониймейстер: Чему учит вкус их, брат Дракон?

Жрец: Познанию без ограничений, брат Змей.

Церимониймейстер налагает Звездный Крест Люцифера.

Жрец и Жрица выполняют знак закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Катабасиса

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полус!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азалюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы прославить Владыку, сходящего в недра непроглядные, Брат Змей.

Церемониймейстер: Как же прославим его, Брат Дракон?

Жрец: Зачатием сокровенного, Брат Змей.

Все: Сойдем в глубины непроглядные!

4) Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, грядущему в недра земные, дабы служители его бесстрашно следовали за ним.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю, грядущему в недра земные, дабы служители его бесстрашно следовали за ним.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствую Грядущего в недра земные. Ныне и служители его да повторят путь его.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ..Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ КАТАБАСИСА

Ныне Владыка благой в недра нисходит земные,
Дабы в недрах явить свою первозданную мощь.
Тьму он встречает в самых глухих лабиринтах,
Дабы во чрево ее свой преизбыток излить.
Мисты Великого Круга, Волю исполнив, не дрогнем.
Следуя истинной Воле, мы за Владыкой грядем.
В сумрак сейчас облачившись, славу стяжаем Героев,
Тех, кто до нас проходили. Тех, кто и после пройдут.
Будет отныне, Владыка, путь твой опасный прославлен.
Страстью безудержной ныне мы прославляем тебя.
Тьму мы встречаем бесстрашно, как подобает Героям,
Дабы во внутренней сути страшную тайну зачать.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Сатурна): В недра земные сойдя, что зачал ты, серпа обладатель?

Сатурн: Времени скорбную мощь ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Юпитера): В недра земные сойдя, что зачал ты, реки, венценосный?

Юпитер: Власти суровое бремя ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Марса): В недра земные сойдя, что зачал ты, бесстрашный воитель?

Марс: Радость безудержной сечи ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Солнца): В недра земные сойдя, что зачал ты, жизни податель?

Солнце: Жизни и Света избыток ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Венеры): В недра земные сойдя, что зачал ты, любви повелитель?

Венера: Страсть и любовную негу ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Меркурия): В недра земные сойдя, что зачал ты, тайны хранитель?

Меркурий: Тайны, сокрытые в недрах, ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникарсальную гексаграмму Луны): В недра земные сойдя, что зачал ты, благой и ужасный?

Луна: Света ночного глубины ныне во Тьме я зачал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церимониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля, грядущего в недра земные. Владычица звездного света и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: О Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Нюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (Брат Змей): Какой нынче час, брат Дракон?

Жрец (Брат Дракон): Час Катабасиса, брат Змей.

Церемониймейстер: В чем суть часа сего, брат Дракон?

Жрец: В зачатии сокровенного, брат Змей.

Церемониймейстер: Что ныне зачато, брат Дракон?

Жрец: Тьма Светоносная и Свет Непроглядный, брат Змей.

Церемониймейстер налагает Звездный крест Люцифера.

Жрец и *Жрица* выполняют знак закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Самайна

Подготовка

Храм в темноте.

1. Медитация на восхождение к Истоку.
2. Водой Лилит да будет очищен сей Храм.
3. Огнем Люцифера да будет освящен сей Храм.
4. Дыханием Азазеля да будет одухотворен сей Храм.
5. Землей Нахемы да будет воплощен Дух Светоносный в Храме сем.
6. Ритуал двух бездн.

Ритуал

1) Провозглашение

Церемониймейстер: Пан анести!

Все: Алифос анести!

2) Звездный крест Люцифера (делает Церемониймейстер):

1 — 2 — 1 — 2 — 1 — 1

Круг и точка над головой — Полюс!

Промежность — Алголь!

Сердце — Альфард!

Лоб-рот-горло — Тубан!

Солнечное сплетение — точка хара — Регул!

Точка на два пальца ниже пупка — и лобок — Антарес!

Руки сцеплены на груди, говорится нараспев:

Лилит, Люцифер, Азазель, Нахема! Азалюцель! Ллит Ахемани!

2 — 2 — 2 — 2 + 1

СЛОВО!

4 — 4

3) Триумф

Жрец: Lucifer Rising!

Все: Да не иссякнет над миром Звезда Люцифер!

Жрец и Жрица выполняют знак Разрывания Завесы.

Церемониймейстер: Храм открыт! Да будут исполнены ритуалы с радостью и красотой.

Церемониймейстер отбивает восемь ударов.

Церемониймейстер (брат Змей): Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец (брат Дракон): В рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего собрались мы, брат Дракон?

Жрец: Дабы встретить призраков бездны, Брат Змей.

Церемониймейстер: Как же мы встретим их, Брат Дракон?

Жрец: С подобающим бесстрашием, Брат Змей.

Все: Призраков бездны с бесстрашием встретим!

Встреча

Жрец, обращаясь к Жрице: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, возвысившую Чашу, наполненную кровью нашей. Приветствую тебя, восседающую на вые звериной. Воздадим почести Королю, встречающему призраков на путях ночных.

Жрица, обращаясь к Жрецу: Вступая в святилище Великого Гнозиса, приветствую тебя, облаченного силою Зверя. Приветствую тебя, на коем восседаю. Приветствую тебя, расточающий и плодоносящий. Воздадим почести Королю, встречающему призраков бездны на путях ночных.

Церемониймейстер (выполняя знак Приветствия Мага, обращаясь к Жрецу и Жрице): Приветствую Встречающего призраков бездны на путях ночных, дабы и служители его достойно встретили таящихся в сумерках.

Жрец, Жрица и Церемониймейстер: Да воссияют новые Звезды!..

Все: ...Светом Истока!

СЛАВОСЛОВИЕ ВЛАДЫКИ САМАЙНА

Ныне открыты Врата. Призраки ныне свободны.
Дикой Охотой ворвались духи в полуночный мир.
Смело встречает Владыка эти свободные стаи;
Он их возглавить достоин, следуя Воле своей.
Выйдем же вслед за Владыкой, дабы призраков встретить
В тихих урочищах леса или оградах кладбищ.
Пламя затеплим смелее, чтобы на пламя слетелось
Нежитей легкое племя, празднуя этот шабаш.
Ужас на крыльях безумий веет сейчас опухалом.
Ныне с Владыкой ликуем, в танце ночном проносясь.
Сами — призраки ночи. Сами — свободные духи.
Сами — властители круга страшных и благостных тайн.

МИСТЕРИЯ ПЛАНЕТ

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Сатурна): Что повстречал в эту ночь, молви, серпа обладатель?

Сатурн: Призраков в скорби глубокой ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Юпитера): Что повстречал ты в ночи, о изреки, венценосный?

Юпитер: Призраков, власть утвердивших, ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Марса): Что повстречал ты в эту ночь, владыка безжалостной битвы?

Марс: Призраков воинов павших ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Солнца): Что повстречал ты в ночи, царственной власти податель?

Солнце: Призраки прошлых владык ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Венеры): Что повстречал в эту ночь, страсти любовной владыка?

Венера: Призраков, в страсти почивших ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Меркурия): Что повстречал ты в ночи, знаний сокрытых носитель?

Меркурий: Призраков мистов великих ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

Жрец (налагает уникальную гексаграмму Луны): Что повстречал в эту ночь, ритмов природных властитель?

Луна: Призраков, в водах почивших, ныне в ночи повстречал.

Жрец (наносит печать Касталии): Светом сокровенным Серебряной нити — будь же благословлен.

Все: СЛОВО!

ПРИЧАСТИЕ

Церемониймейстер: Великий Круг пройден, очищен и освящен во имя Короля, встречающего призраков на путях ночных. Владычица звездного света и ты, Дракон Полюса, снизойдите из покоев тайных и даруйте нам силу, дабы и дальше вершился Великий Круг.

Жрец: О Звезда Звезд, возвысь Чашу, наполненную кровью нашей, дай вкусить ее достойным служителям.

Жрица: О Дракон Полюса, возвысь дары солнечные, дай вкусить их достойным служителям.

Жрец и Жрица причащают служителей.

Жрец: Причастие Хад.

Служитель: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Ньюит.

Служитель: Чаша Грааля.

ЗАКРЫТИЕ

Церемониймейстер (Брат Змей): Какой нынче час, брат Дракон?

Жрец (Брат Дракон): Час призраков, брат Змей.

Церемониймейстер: Что несут нам сии призраки, брат Дракон?

Жрец: Они несут нам знание, брат Змей.

Церемониймейстер: Какова природа знания сего, брат Дракон?

Жрец: Ее не выразить языком человеческим, брат Змей.

Церемониймейстер: Что ждет нас, брат Дракон?

Жрец: Час Черного Солнца, что дарует свободу, о брат Змей.

Церемониймейстер налагает Звездный Крест Люцифера.

Жрец и Жрица выполняют знак закрытия Завесы.

Церемониймейстер: Храм закрыт.

Ритуал Воскресшего Солнца

1

Церемониймейстер налагает Звездный крест Люцифера.

2

Двое ведущих, одетых в черное (он же брат Дракон и Жрец) и белое (он же брат Змей и Церемониймейстер) ведут следующий диалог:

Церемониймейстер: Где мы находимся, брат Дракон?

Жрец: В священных рощах Касталии, брат Змей.

Церемониймейстер: Который нынче час, брат Дракон?

Жрец: Час Черного Солнца, брат Змей.

Церемониймейстер: Для чего мы собрались здесь, брат Дракон?

Жрец: Дабы отпраздновать Рождение Солнечного Бога, брат Змей.

Вдвоем: Так давайте праздновать Зимнее Солнцестояние!

Хор: Так давайте праздновать Зимнее Солнцестояние!

Восемь равномерных ударов бубна.

3

Двое ведущих исполняют гимн Черного Солнца. Все, кто выучил текст, присоединяются к их голосам.

Явлено Черное Солнце в недрах космической Ночи,
Воинам Касталии ныне встретить его суждено.
Дабы к новому циклу вновь совершить восхождение,
Дабы не прерывался мистов магический Круг.
Новорожденное Солнце, ты — венценосный Младенец.
Боги качают бесстрашно снова твою колыбель.
Пусть прозвучит над тобою их колыбельная песня,
Мы повторим за Богами их первозданный напев.
Будем же праздновать, братья, Зимнее Солнцестоянье!
Сестры, затеплите лампы, дабы пути осветить!
Ныне над нами восходит свастика Черного Солнца.
Знаем — в Благое Светило преобразится она.

Появляются три парки. Они ведут следующий диалог:

Первая: Трава не растет.

Вторая: Скот не плодоносит.

Третья: Это Смерть.

Первая: Сумерки тревожны.

Вторая: Тьма сгустилась.

Третья: Точка свинца.

Первая: Вознесем жертвой

Вторая: На алтари наши

Третья: Новорожденное Солнце!

Парки исполняют Танец Смерти. Танцуя и нанося удары, произносят:

Первая: Пять ран. Кровь солнечная!

Вторая: Пять ран. Жертва кровавая!

Третья: Пять ран. Свершилось! Свет погас!

Брат Дракон с криком падает. Его выносят за пределы круга.

Церемониймейстер: Когда закон бессилен — Хаос рождает Свет! Шабаш!

Фаза коллективного безумия.

4

Четверо служителей вносят брата Дракона, он же мертвое Солнце, в центр круга в позе пентаграммы. У ног и у изголовья мертвого Солнца стоят служители — мужчина в белом и женщина в черном. Они произносят:

Белый служитель: Во имя неба — восстань!

Черный служитель: Во имя земли — восстань!

Белый: Во имя рая — восстань!

Черный: Во имя ада — восстань!

Белый: Во имя востока — восстань!

Черный: Во имя запада — восстань!

Белый: Во имя любви — восстань!

Черный: Во имя войны — восстань!

Церемониймейстер: Заклинания бессильны. Солнце мертво.

Хор: Используй Слово! Открой Слово!

Церемониймейстер: Это нарушение.

Хор: Используй Слово!

Церемониймейстер: Это безумие.

Хор: Используй Слово!

Церемониймейстер: Это святотатство.

Хор (неистово и беснуясь): Используй Слово! Используй Слово! Используй Слово!
Открой Слово! Произнеси Слово!

Церемониймейстер: Да будет так. Пусть же снизойдет та, что владеет Великим Словом, и произнесет его. Но бойтесь! Ибо услышавший Слово никогда не будет таким, как прежде.

О Владычица Владык,
О Госпожа Господ,
О Звезда Звезд,
Сокровенная тайна,
Явленная ныне.
Ты, что есть жизнь и смерть,
Ты, что есть ужас и восторг,
Безграничная! Царственная!! Прекрасная!!!
Лилит, Бабалон, Ньюит, Исида, Иштар!
Тысячи имен — твои, о Владычица!
Но ни одно не вместит тебя всю.
Молим тебя, снизойди же из своего чертога звезд.
И произнеси тайное слово!
Ибо вначале было слово,
И слово было у Тебя.

Жрица скидывает вуаль и произносит СЛОВО и ВЕЛИКОЕ СЛОВО (инструкции даны лично).

Хор: СЛОВО! ВЕЛИКОЕ СЛОВО!

Брат Дракон, жрец, мертвое Солнце (резко поднимается): От Сердца к Солнцу — СЛОВО! ВЕЛИКОЕ СЛОВО! От Солнца к Серебряной Нити — СЛОВО! ВЕЛИКОЕ СЛОВО!

Вскидывает руку в римском приветствии.

Жрец: Lucifer Rising!

Все: ДА НЕ ИССЯКНЕТ НАД МИРОМ ЗВЕЗДА ЛЮЦИФЕР!

5

Жрец произносит текст инвокации планет:

Я призываю планеты тайной формулой власти.
Тебя, о серпа обладатель, я призываю, Сатурн.
Юпитера в царской короне и Марса, славного в битве,
Венеру на ложе роскошном и Солнце, что жизнь дает.
О двойственность формы, Луна, явись, тебя призываю,
Тебя, толкователь Меркурий, тебя призываю, явись.
Я призываю планеты тайной формулой власти,
Явитесь, плотнее сомкнувши древнего таинства Круг.

Жрец подходит к каждой планете и благословляет ее.

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, века золотого властитель?

Сатурн: Чашу исчисленных сроков в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, о венценосец суровый?

Юпитер: Чашу владык справедливых в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, воинов бесстрашный властитель?

Марс: Чашу кровавых сражений в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, жизни великий податель?

Солнце: Чашу рассветов кровавых в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, наших страстей воплощенье?

Венера: Чашу безудержной страсти в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, о прореки, толкователь!

Меркурий: Чашу тайного знания в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

Жрец: Что в эту ночь ты приносишь, ты, отраженье и блики?

Луна: Чашу я всех изменений в жертву сейчас приношу.

Все: СЛОВО!

6

Жрец и Жрица расходятся в разные стороны Круга. Жрец идет посолонь, Жрица — противосолонь.

Жрец: Причастие Хад.

Причастившийся: Истинная Воля/Свет Сокровенный.

Жрица: Причастие Нюит.

Причастившийся: Чаша Грааля.

7

*Причащаются все участники. По завершению **Жрица** останавливается, берет Колоду, и все желающие (заметьте — если причащаются все обязательно, то карту принимают по желанию) подходят к **Жрице**, и происходит следующий диалог:*

Жрица: Жребий прими в соответствии с Истинной Волей.

Принявший карту: Жребий Любви беспощадной, не утрашившись, приму.

8

Церемониймейстер налагает Звездный Крест Люцифера.